

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855291 0

241

МОСКВИТЯНИНЪ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Ж У Р Н А Л Ъ.

1853.

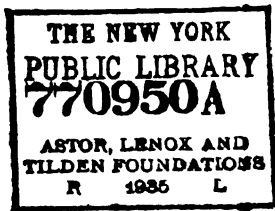
ТОМЪ I.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ: В. ГОТЬЕ, УНИВЕРСИТЕТСКОЙ И СТЕПАНОВОЙ.

1853.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва,
Января 9 дня, 1853 года.

Ценсоръ *Дмитрій Ржевскій.*

МОСКВИТЯНИНЪ.

1853.

№ 1.

Январь.

Кн. 1.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

1852 ГОДА,

Н. О. ЩЕРБИНЫ.

I.

ИДЕАЛЫ.

Своею ревностью докучной
Не возмущай мнѣ ясныхъ дней:
Средь этой жизни однозвучной
Ихъ мало въ памяти моей!
Единство стройное я знаю
Въ разнообразіи красоты,
И какъ художникъ я срываю
Вездѣ, гдѣ только обрѣтаю,
Искусству свѣжисъ цвѣты.

PERL, JAN 21 1935

Незрѣлость формъ полуразвитыхъ,
 Печали блѣдность на лицѣ,
 И пухъ лавить, зарѣй облитыхъ,
 Родятъ сострастіе въ пѣвцѣ.
 Горять-ли краскою стыдливой
 Въ смущенія дѣтскія черты,
 Иль блещетъ строгость горделивой,
 Себя сознавшей красоты,
 Иль эта грація движеній,
 Иль обаяніе рѣчей: —
 Ужель пройдутъ безъ впечатлѣній
 Въ душѣ восторженной моей!

О, не ревнуй, когда люблю я
 Прекрасный міръ, что внѣ меня:
 По идеалъ всё тоскую,
 Родные образы ловлю я
 Во тьмѣ ночей и въ свѣтѣ дня....
 Я къ нимъ влекусь, я ихъ, лобзаю:
 Въ нихъ раздробленное моё
 Извнѣ въ себя воспринимаю —
 Свое дополнить бытіе.

II.

С А П Ф О .

Не могу, о, мать родная,
 Въ руки взять веретена,
 Какъ бывало, распѣвая,
 Въ виноградникъ прала я,
 И прала я не одна!

Онъ всегда бывалъ со мною,
 Онъ готовилъ пряжу мнѣ,

И пушистою щекою
 На плечо мое съ мольбою
 Прилегалъ наединѣ....

Не могу, моя родная,
 Бросить нити въ челнокъ:
 На коврѣ изображая,
 Какъ царевна Навзикая
 Моетъ пурпуръ на рѣкѣ.

Не стучится гость желанный
 Въ портикъ сада моего,
 Не идѣтъ онъ, долго жданный....
 Мой вѣнокъ благоуханный
 Вянетъ ночью безъ него.

Я давно съ нимъ не сидѣла,
 Вкругъ него я не вилаь,
 И давно ему не пѣла,
 Какъ Беотянка Семела
 Ложу Зевса отдалась;—

А теперь я пѣсьню иную
 Одинокую пою,
 Пѣсьню грустную такую,
 Что я плачу и тоскую
 Въ ночь бессонную мою.

Гесперь всѣмъ приноситъ счастье
 На серебряныхъ лучахъ:
 Яркій пламень сладострастья,
 Нль сердечное участье
 Зажигаетъ онъ въ очахъ;

На покой зовѣтъ въ ложницу
 Мужа съ юною женой,
 Возвращаетъ съ поля жницу
 И кудравую агницу
 Съ луга влажнаго домой....

И-жъ мечусь по изголовью,
 И — мнѣ грезится — звѣзда
 Облилась и свѣтитъ кровью: —
 Я одна съ моей любовью
 Благамъ Геспера чужда;

А его нетерпѣливо
 Ждѣтъ соперница моя, —
 Но не съ граціей стыдливой,
 Не съ уловкой прихотливой,
 Какъ ждала когда-то я!

Не умѣетъ такъ прекрасно
 Грудь она полураскрыть,
 И подъ ритмъ живой и страстной
 (Какъ привыкла я всечасно)
 Рѣчь восторга говорить.

Въ пляскъ бѣшено-игривой
 Не знакома тайна ей —
 И небрежно, и красиво
 Бросить вѣтру для извива
 Складки туники своей.

III.

ИРОНІЯ ВЪ ИСКУССТВѢ.

Отрицаемъ и ложью глубоко
 Возмущенъ, негодуешь поэтъ,
 Указуя искусствомъ далѣко
 Между тьмою мерцающій свѣтъ....
 И въ пылу раздраженнаго чувства,
 Недовольствія мукой томимъ,
 Онъ раждасть созданье искусства,
 Свое чадо вручая другимъ....

И такой полнотою блаженства,
И отрадной такой тишиной,
Углубляясь въ его совершенства,
Проникается смертный порой....

Но открывъ я въ часы просвѣтлѣнья,
Что въ спокойномъ твореньи пѣвца
Затаились всѣ оскорбленья
И всѣ боли и вопли отца,
И казался въ нёмъ, будто ошибкой,
Безобразію жизни упрѣкъ,
И съ таинственно-горькой улыбкой
Въ нёмъ художникъ сокрыться не могъ.

Въ размышляющій мигъ наслажденья,
Созерцая кумиры боговъ,
Я прочувствовалъ грусть впечатлѣнья,
Какъ отъ прерванныхъ радостныхъ сновъ;
Мигъ казалось, съ насмѣшкой упрѣка
Извѣнья слѣдили за мной,
И надъ вашею долей жестоко
Издѣвались они межъ собой.

IV.

Т Ъ Н Ъ.

Ярко на пирѣ веселомъ горѣли лампы;
Прелести женъ полногрудыхъ онѣ освѣщали:
Юношамъ много заветной и тайной отрады
Въ тѣмъ благосклонной паэосскихъ ночей общали.
Но предъ одной красотою въ смущеньи стоялъ я,
Чуждою ложу Гимена и ложу Киприды;
Весь созерцанье, безмолвно и жадно внималъ я
Рѣчи ея равнодушной и полной обиды.

Тѣнь отъ лица моего трепеща упала
 На бѣлизну ея груди упругой и снѣжной:
 Грудь на волненьи своемъ мою тѣнь колыхала,—
 Будто колышется тучка на зыби прибрежной....

О, не бѣги отъ меня! О, побудь-же со мною!...
 Хоть на мгновенье продли мои сладкія муки!—
 Ты какъ раба оковала меня красотою....
 Сжался: — къ тебѣ протираю моленья и руки!
 Пусть погостить у тебя хоть на груди прекрасной
 Легко-трепещущей тѣни моей отраженье:—
 Правда-ль, что было-бы дерзко желать и напрасно
 Въ сердцѣ желѣзномъ твоємъ промелькнуть на мгновенье?...

Искры любви изъ тебя мнѣ извлечь невозможно:
 Но предъ тобой безкорыстно склоняю колѣни,
 Зная, что всякая страсть иль больна или ложна,
 Зная, что чувства — лишь мимобѣгущія тѣни.

V.

СИМПАТІИ.

(Вся жизнь человѣческая имѣетъ
 вужду въ ритмъ и гармоніи.)

«Протагоръ» Платона.)

Вечеромъ миръ визлетаетъ на землю,
 Дѣвственно-ясенъ румянецъ заката;
 Грежу я, чувствую, мыслю и внемлю:
 Всюду я радостно вижу иль друга, иль брата.

Птицы заснули на вѣткахъ древесныхъ,
 Въ сонъ погружилась семья настѣкомыхъ,
 Много заглохло въ пространствахъ небесныхъ
 Звѣздъ, мнѣ изъ ранняго дѣтства родныхъ и знакомыхъ.

Дремлютъ цвѣты въ вѣтеркѣ благодатномъ,
 Сны свои мнѣ говорятъ и мечтанья
 На языкѣ ароматовъ понятномъ —
 Рѣчью одною изъ тысячъ рѣчей мірозданья.

Грѣзы свои распѣваетъ цикада,
 Ей, наклонившись, колосья внимаютъ,
 Весело прыгаетъ рѣзвое стадо,
 Имъ потревожены, пташки пугливо порхаютъ.

Стройная музыка тайно сокрыта,
 Всѣ проникая въ подлунной собою,
 То, что сіяніемъ солнца облито,
 Что освѣщается томно Діаной ночью.

Звукомъ отвѣтнымъ всему пламенѣль я,
 Жажда въ общей гармоніи слиться,
 Страстно душою прозрѣвшей летѣль я,
 Въ вѣчное лоно любви міровой погрузиться.

Чувствомъ широкимъ тогда обнимаю
 Сродную жизнь и стремленье всѣхъ сущихъ,
 Маленькій міръ ихъ любя открываю
 Въ сердцѣ летающихъ, въ крошечной груди ползущихъ.

Всѣ, что цвѣтѣтъ и ползѣтъ, и летаетъ,
 Долю имѣть свою въ наслажденьи,
 Всѣ и заботы и радости знаетъ,
 Мчится и товетъ со мною въ житейскомъ волненьи.

Село Микулино Городище.

VI.

Л Ю Б О В Ъ.

Сладка мнѣ любовь за волненья,
 Чѣмъ движется сердце мое;
 Люблю ея всѣ опасенья,
 Заботы и тайны ея!...

Минутой запретнаго счастья
 Хочу насладиться какъ тать,
 И въ бурную пору ненастья
 Подругу во тьмѣ ожидать....

А этотъ прерывистый шопоть,
 Пожатые дрожащей руки,
 Упрямство и ласка, и ропоть,
 Уста на лилѣяхъ щеки,

И ихъ попалунъ безъ звука
 И трепеть боязни за звукъ,
 Къ восторгамъ ведущая мука,
 Покой исходящій изъ мукъ,

Незримо летящее время
 И каждый считаемый мигъ: —
 Не въ нихъ-ли скрывается стѣмя
 И жизни и пѣсень моихъ?.....

.
 ,

VII.

С В Ъ Т Ъ.

Свѣтлая ночь замѣнила
 Ясный безоблачный день:
 Всѣ загорѣлись свѣтила,—
 Въ роскоши свѣта теряется тѣнь....
 Зрѣлище стройности вѣчной,
 Разума всюду черты,
 Жизни размиръ безконечный,
 Неувладемый ликъ красоты—

Миръ и его совершенство
 Просятся въ душу мою....
 Что-жь я далёкъ отъ блаженства,
 Что-же я грустныя пѣсни пою?...

* *
 *

Зевсъ-міродержецъ! Такъ долго и много
 Съ тьмою духовною боремся мы,
 Жизни во мракъ запыла дорога,
 Всѣ наши грустныя пѣсни отъ тьмы.

Равную долю духовнаго свѣта
 Каждому смертному ты испошли:
 Будуть и радостны пѣсни поэта,
 Будуть и счастливы дѣти земли....

VIII.

ВАКХАНКА.

Ты жаркія страсти скрываешь
 Подъ гордо-холодной осанкой:
 Казаться Діаной желаешь,
 Когда рождена ты вакханкой....
 Не вѣрю, что бурей желаній
 Въ груди твоей сердце не бьется:
 Я вижу, какъ жажда лобзаній
 На губкахъ зовѣтъ и смѣется.
 Восторги болѣзненно пышуть
 На этомъ румянцѣ широкомъ,
 Изъ глазъ они льются, и дышуть
 Горючимъ дыханья потокомъ,
 Трепещуть въ прерывистой рѣчи,
 Въ движеніи, рукахъ и осанкѣ,

И полныя смуглыя плечи
 Тебѣ измѣняютъ, вакханкѣ....
 Весеннею вѣгою ночи
 Притворству разставлены сѣти....
 Давно говорятъ наши очи: —
 Съ тобою мы далѣко не дѣти!...
 Я смѣло раскрою объятя,
 И знаю, — ты пріймешь ихъ жадно
 Какъ стану тебя цаловать я,
 Глядѣть на тебя ненаглядно!...

.

IX.

И. К. АЙВАЗОВСКОМУ.

Волны по манію кисти твоей животворной
 Гордо, какъ холмы, встають серебрымы луною,
 Иль, затаивши дыханье, прилягутъ покорно....
 Я-же, увидѣвъ безбрежную даль предъ собою,
 Крѣпкою грудью хрустальную зыбь разбиваю,
 И остаётся далѣко за мною Таврида:
 Смѣло я въ каменный Аргосъ свой путь направляю
 Въ слѣдъ за Орестомъ и юною дочерью Атрида (*)....
 То волшебствомъ я какимъ-то къ утѣсу прикованъ;
 И предо мною гекзаметромъ волны стремятся,

(*) Ифигеніей.

Будто стихомъ Одиссеи мой слухъ очарованъ....
 Долго хотѣлъ-бы душою я такъ забываться!...

Вѣрю, — изъ пѣны тѣхъ волнъ Красота выходила!.....
 Можно-ль изъ нихъ не родиться Красавицъ вѣчной?...

Счастливъ я: — эта живая вода утолила
 Страстную жажду мою къ красотѣ безконечной!

X.

В Ъ Н К И.

Въ толпѣ межъ ютошей прошелъ я незамѣтно,
 И взоръ красавицы далѣкъ былъ отъ меня,
 Тотъ взоръ, что для другихъ свѣтился такъ привѣтно,
 Похожій на разсвѣтъ безоблачнаго дня....
 И грустно стало мнѣ, и свой вѣнокъ поэта
 Я сбросилъ съ головы и въ прахъ растопталъ:
 Томимый завистью и страстию согрѣтый,
 Лишь адонисова вѣвка я пожелалъ....
 И лавръ вонтеля съ гражданственной оливой
 Безъ смысла, блѣдые цвѣли передо мной,
 Незамѣчаемы Кипридой горделивой...
 Я обваженною поникнулъ головой.

Но ожилъ снова я съ зелѣною весною,
 И пѣсни новыя народу я сложилъ:
 То ихъ гармоніей, то вѣгой и госкою
 Непобѣдимую нежданно побѣдилъ....

И вотъ ужъ спить она, мнѣ на руки склонися,
 Ея усталая прохлада просить грудь;
 Пурпурная заря надъ моремъ разлилася;
 Взирая на неѣ, не смѣю я дохнуть....

По складкамъ полога пробрался лучъ денницы,
 Игравъ и скользя по груди молодой,
 То золотомъ лился на длинныя рѣсницы,
 То твѣью упадалъ предъ выпуклой красой:
 Тогда въ душѣ моей желаніе иное,
 Желанье новое я страство ощущалъ
 И недовольствіе какое-то больное....
 Опять я свой вѣнокъ поэта изорвалъ,
 И плакалъ какъ дитя, бессильно и напрасно
 Желая Фидіа вѣнокъ себѣ стяжать.
 Я чувствовала тогда, что этотъ мигъ прекрасный
 Лишь мраморъ да рѣзецъ способны передать.

XI.

Ж Е Л А Н Ь Е.

О, прости моему невниманью!...
 Ты цѣлуешь меня горячо:
 Твоему я не вторю желанью,
 Наклонившись къ тебѣ на плечо....
 Не смущай меня словомъ упрека,
 Подозрѣваемъ ревнивымъ не мучь,
 И повѣрь, что люблю я глубоко,
 Что я чувствомъ высокъ и могучъ;
 Но, любя непасытно и страство,
 Когда сердце тобою полно,
 Отгонять я стараюсь напрасно
 Одну мысль и желанье одно!.....
 И — какъ это безумно желанье!...
 Наслаждаясь твоей красотой,
 Испивая весь нектаръ лобзанья,
 Я своей недоволею судьбой:
 Я хочу тогда юности вѣчной
 И безсмертья хочу я тогда.....

О, цалуй-же мени безкопечно:—
 Зацалуй мою грусть навсегда!...
 Я въ смѣшныхъ изливаюсь проклятьяхъ:
 Гимномъ жизни ты ихъ заглуши.....
 О, сжимай меня въ страстныхъ объятьяхъ,
 И желанье мое задуши!

ХП.

ЧУВСТВО ХУДОЖНИКА.

Зачѣмъ-лишь подѣ пологомъ ночи
 Могу я тебя ожидать:
 Уста и ланиты, и очи
 Украдкой во тьмѣ цаловать!...

Красавица! Сердцу обидно
 Въ высокихъ стремленьяхъ его,
 Что оку во мракъ ве видно
 Ни мысли чела твоего,
 Ни какъ ты прекрасна въ смущеньи —
 Въ стыдливости женской своей,
 И въ каждомъ воздушномъ движеньи
 Въ порывѣ безумныхъ затѣй!...

Молчить подѣ ревнивою мглою
 Языкъ всечарующихъ глазъ:
 Слѣпцомъ и томлюсь предѣ тобою,
 Ропщу и.... цалую сто разъ!

XIII.

КЪ ВЕНЕРѢ ТАВРИЧЕСКОЙ.

Ты когда-то жила межъ людей,
 И заснула ты мраморнымъ сномъ;
 Съ красотой безотцвѣтной твоей
 Разрушительный Кронъ не знакомъ....
 И невластно во вѣкъ надъ тобой
 Безобразіе дряхлыхъ сѣдитъ;
 Тебѣ жизнь мелочндою борьбой
 На чело не нагонитъ морщинъ....
 Не коснется тебя никогда
 Сокрушающей смерти рука!...
 Ты блаженна, что ты молода
 И отъ нашихъ скорбей далека....
 И художникъ въ печали своей,
 Когда сердцемъ болящимъ страдалъ
 Надъ нестройною жизнью людей,
 Твой чарующій ликъ изваялъ,
 И онъ вѣрилъ: —прійдутъ времена—
 Всѣ, что въ духѣ безплотно живѣтъ,
 Будто грѣзы роскошнаго сна,
 Въ повседневную жизнь перейдѣтъ....

Да надъ этою мыслью его
 Замолчить и прервется мой стихъ:
 Это свѣтъ бытія моего,
 Это перлы желаній моихъ!

XIV.

СТРЕМЛЕНЬЕ.

Чѣмъ я больше знаю,—
Больше знать я жажду;
Въ правдѣ починаю,
Подъ сомнѣньемъ стражду.

Теплотой дыханья
Истина вселилась
Въ тѣло мірозданья,
Тайно въ нѣмъ сокрылась.
Счастье въ ней таится—
Наша цѣль отъ вѣка,
Страстно къ ней стремится
Помысль чловѣка....
Безконечность — знаю —
Жизнью не измѣрю:
Всѣ-жъ её пытаю,—
Вѣрю и не вѣрю....

Духа совершенство,
Безъ границъ познанье:
Вотъ мое блаженство,
Вотъ мое страданье!

XV.

П О Э Т Ъ.

На служеніе мысли высокой,
 На служеніе правды я взросъ:
 Но кивжалъ ея спряталъ глубоко
 Между вѣткою миртовъ и розъ....

И въ рукъ съ этой вѣткою душистой,
 Какъ Гармодій я въ міръ выхожу,—
 Красотой ея мирной и чистой
 Я неправду и зло поражу.

Эта битва безъ крови и гнѣва,
 Наслажденіемъ дышетъ она;
 Ей причастны и старецъ и дѣва,
 И младенецъ, и мужъ, и жена.

* *
 *

Тѣмъ велико твое назначенье
 Между братій, поэтъ-гражданинъ,
 Что безъ терній свое поученье
 Насадить ты способенъ одинъ!

И ты каждое дѣло и чувство
 Обреки на добро и осмысль....
 Твоя вѣтка—созданье искусства,
 А кивжалъ твой—правдивая мысль.

Москва.

Н. ЩЕРБИНА.

БЮГРАФІЯ

МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА ЗАГОСКИНА.*

Родъ Загоскиныхъ принадлежитъ къ одной изъ старинныхъ дворянскихъ фамилій. Въ Родословной книгѣ князей и дворянъ Россійскихъ, составленной по *бархатной книгѣ*, и изданной «по самовѣрнѣйшимъ спискамъ» въ 1787 году, сказано: «Загоскины выѣхали изъ Золотой Орды. Выѣхавшій назывался Захаръ Загоско, а отъ него и родовое названіе принято». Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ родился 14-го Іюля 1789 г., Пензенской губерніи и уезда, въ селѣ Рамзавъ, принадлежавшемъ тогда его отцу. Загоскинъ воспитывался въ деревнѣ до 14-ти-лѣтняго возраста; въ дѣтствѣ его уже замѣчена была въ немъ необыкновенная, не часто встрѣчаемая въ дѣтяхъ, страстная охота къ чтенію, въ слѣдствіе которой скоро оказалась склонность и способность сочинять самому. Одиннадцатилѣтній, онъ написалъ повѣсть подъ названіемъ «Пустынникъ»,

* При составленіи этой статьи, я основывался, особенно до 1815 года, на запискѣ, сообщенной мнѣ братомъ покойнаго, Маркеломъ Николаевичемъ Загоскинымъ. Съ 1826 г., живя постоянно въ Москвѣ, и находясь въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ авторомъ Юрія Милославскаго, я уже рассказываю то, что видѣлъ и слышалъ самъ; разные документы и письма были доставлены мнѣ сыномъ Загоскина, С. М. Загоскинымъ. С. А.

которая начиналась небольшимъ предисловіемъ, гдѣ сочинитель просилъ читателей и читательницъ «быть снисходительными къ его сочиненію, принявъ въ уваженіе, что авторъ повѣсти одиннадцати-лѣтній юноша». Послѣднія строки уже показываютъ, что этотъ юноша много читалъ, и заимствовалъ авторскій пріемъ. Повѣсть «Пустынный» была такъ недурно написана для ребенка (хотя онъ и называлъ себя юношей), въ ней столько было оригинальныхъ мыслей и пріемовъ (такъ казалось окружающимъ), что многіе, которымъ отецъ Загоскина давалъ читать ее, не хотѣли вернуть, чтобы это было написано *Мишей*, какъ называли его въ семействѣ, въ кругу родныхъ и близкихъ знакомыхъ. Ободренный блистательнымъ успѣхомъ, одиннадцати-лѣтній авторъ продолжалъ писать; но всѣ его сочиненія, до первой печатной комедіи, пропали, и въ послѣдствіи Загоскинъ очень жалѣлъ о томъ, единственно для себя, любопытствуя знать, какое было направленіе его дѣтскаго авторства. Уцѣлѣла только одна трагедія, въ трехъ дѣйствіяхъ: «Леонъ и Зыдея» написанная какими то «силлабическими» стихами съ рифмами. Произведеніе совершенно дѣтское, вѣроятно предупредившее повѣсть «Пустынный». Охота къ чтенію и жажда къ знаніямъ были въ немъ такъ сильны, что онъ, живя въ деревнѣ, мало раздѣлялъ обыкновенныя дѣтскія забавы своихъ сверстниковъ, хотя отъ природы былъ рззовъ и веселъ; ребяческой проказливости онъ не имѣлъ никогда, всегда былъ богомоленъ и любилъ ходить въ церковь. Почти все свое время посвящалъ онъ книгамъ, такъ что окружавшіе боялись, чтобы отъ безпрестаннаго чтенія онъ не потерялъ совсѣмъ зрѣнія, которое и тогда было слабо, почему и были вынуждены отнимать у него книги; но любознательный мальчикъ находилъ разные средства къ удовлетворенію своей склонности. Между прочимъ онъ употреблялъ слѣдующую хитрость; когда отецъ его входилъ въ свой, постоянно запертый кабинетъ, въ которомъ помѣщалась бібліотека, и оставлялъ за собою дверь не запертою, что случалось довольно часто, то Миша пользовался такими благоприятными случаями, прокрадывался по тихоньку въ кабинетъ, и прятался за ширмы, стоявшіе подлѣ

дверей; когда же отецъ, не замѣтивши его, уходилъ изъ кабинета и запиралъ за собою дверь, — Миша оставался полнымъ хозяиномъ библіотеки, и вполне удовлетворялъ своей страсти; онъ съ жадностью читалъ все, что ни попадалось ему въ руки, и не помнилъ себя отъ радости. Онъ оставался въ кабинетъ иногда по нѣскольку часовъ, т. е. до прихода отца; при первомъ звукѣ ключа, онъ прятался опять за ширмы, и когда отецъ принимался самъ за чтеніе или за письменныя дѣла, Миша уходилъ по тихоньку, и не рѣдко уносилъ недочитанную книгу. Наконецъ хитрость эта была открыта; предаваясь чтенію съ самозабвеніемъ, онъ не слышалъ отворяющейся двери, и былъ пойманъ отцомъ на мѣстѣ преступленія, съ книгою въ рукахъ. Отецъ, видя въ сынѣ такое необыкновенное стремленіе къ чтенію и образованію, чего, конечно, не могъ не одобрить, разрѣшилъ ему брать книги изъ библіотеки съ его позволенія; книги выбирались преимущественно историческія, и молодой Загоскинъ могъ удовлетворять свободно своей склонности, не предаваясь однако ей съ излишествомъ, за чѣмъ уже наблюдали постоянно.

Доброта и вспыльчивость были отличительными качествами Загоскина въ самыхъ раннихъ дѣтскихъ лѣтахъ. Вотъ притѣръ того и другаго: маленькой Загоскинъ любилъ читать лежа на диванѣ, и лакомься изюмомъ и коринкой; одинъ изъ меньшихъ братьевъ часто взлѣзалъ къ нему на диванъ, начиналъ его трогать, щипать и просить ягодъ; Загоскинъ отдавалъ часть лакомства съ просьбою не мѣшать ему; черезъ нѣсколько минутъ маленькой шалунъ опять являлся съ прежними доукками; Загоскинъ отдавалъ весь изюмъ и корнику съ условіемъ: не входить къ нему въ комнату и не мѣшать его чтенію; но черезъ нѣсколько времени, истребивъ весь запасъ лакомства, братъ снова отворялъ дверь — и тогда Загоскинъ, всплывъ, вскакивалъ съ дивана, бросалъ книгу и принимался таскать за волосы неотвязчиваго ребенка; въ послѣдствіи онъ любилъ этаго брата съ особливою нѣжностью.

Такъ шли дѣла до 1802 года. Въ это время Михайло Николаевичъ Загоскинъ, по 14 году, былъ отправленъ отцемъ въ Петербургъ, гдѣ и началъ свою службу въ канцеляріи государственнаго Казначея, куда опредѣлился канцеляристомъ въ 1802 году 15-го Мая, оттуда перешелъ онъ служить въ Горный Департаментъ; потомъ былъ перемѣщенъ въ Государственный Заемный Банкъ, и въ 1811 году опять перешелъ въ Департаментъ Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ, помощникомъ столоначальника, въ чинѣ Губернскаго Секретаря. Очевидно, что статская служба Загоскина подвигалась медленно впередъ. Наконецъ наступилъ 1812 годъ, загорѣлась отечественная война, и Загоскинъ, оставивъ статскую службу, зависался 9-го Августа въ Петербургское ополченіе. Нельзя предположить, чтобъ въ это десяти-лѣтнее пребываніе и служеніе въ Петербургъ, Загоскинъ не занимался литературою. Къ сожалѣнію никакихъ точныхъ свѣдѣній я объ этомъ получить не могъ. Знаю только положительно, что именно въ это время Загоскинъ старался вознаградить недостатокъ своего образованія, потому что, при вступленіи въ военную службу, онъ зналъ уже по-французски и нѣсколько по-нѣмецки. Знаю также и то, что именно въ это время Загоскинъ очень нуждался въ средствахъ къ существованію, и что не рѣдко находился въ совершенной крайности вмѣстѣ съ своимъ вѣрнымъ дядькой и слугой, Прохоромъ Кондратьичемъ, котораго вывелъ въ послѣдствіи въ романѣ «Мирошевъ.»

Кто зналъ Загоскина, хотя не въ молодыхъ годахъ, тотъ можетъ судить, какимъ пылкимъ молодымъ человекомъ былъ онъ. на 24 году своей жизни, когда вступилъ офицеромъ въ ряды Петербургскаго ополченія, въ корпусъ Графа Витгенштейна. Съ дѣтскихъ лѣтъ, имѣя по преимуществу Русское направленіе и пылкую натуру, онъ горѣлъ нетерпѣніемъ запечатлѣть кровью свою горячую любовь къ отчизнѣ, и въ сраженіи подъ Полоцкомъ былъ раненъ въ ногу, и получилъ за храбрость орденъ Анны 3-й степени на шпагу. По излѣченіи раны, онъ возвратился къ

своему полку, и по желанію Графа Левиса былъ назначенъ къ нему адъютантомъ; въ этой должности находился онъ до сдачи Данцига, т. е. до окончанія войны. Съ прекрасной наружностью, внушавшей расположеніе и довѣренность, вспыльчивый, живой, откровенный, добрый и постоянно веселый, Загоскинъ былъ любимъ товарищами и всѣми его окружавшими. Истинный Русакъ, исполненный добродушнаго комизма, онъ имѣлъ множество самыхъ смѣшныхъ столкновеній съ Нѣмцами въ продолженіе долгой осады Данцига. Онъ любилъ объ этомъ рассказывать даже въ немолодыхъ своихъ годахъ, и рассказывалъ такъ оригинально, живо и забавно, что увлекалъ всѣхъ своихъ слушателей, и громкимъ смѣхомъ выражалась общая, искренняя веселость. Нѣкоторыя происшествія, описанныя Загоскинымъ въ четвертомъ томѣ Рославлева, дѣйствительно случились съ нимъ самимъ, или съ другими его сослуживцами.

Послѣ сдачи Данцига ополченіе было распущено, и Загоскинъ, не желая продолжать военной службы, для чего онъ могъ бы перейти въ какой-нибудь армейскій полкъ, отправился въ Россію, на свою родину, Пензенскую губернію, въ свой любимый Рамзай, гдѣ, хотя на короткое время, обратился снова къ прежнимъ, дорогимъ его сердцу занятіямъ: чтенію и сочиненію. Тамъ въ первый разъ попробовалъ онъ себя на поприщѣ драматическомъ, и написалъ комедію въ одномъ дѣйствіи подъ названіемъ «Проказникъ.» Многіе изъ тѣхъ, кому онъ читалъ свою піэсу, очень ее хвалили; но молодой авторъ не могъ имѣть довѣренности къ своимъ судьямъ; а потому по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, въ самомъ началѣ 1815 года, гдѣ онъ поступилъ опять на службу въ тотъ же Департаментъ Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ, тѣмъ же помощникомъ столоначальника, — Загоскинъ рѣшился отдать на судъ свою комедію извѣстному комическому писателю, Князю Шаховскому, хотя и не былъ съ нимъ знакомъ. Къ такому поступку побудили его слѣдующія причины: онъ не зналъ лично никого изъ Петербургскихъ сочинителей, на чье сужденіе могъ бы положиться; Кн. Шаховскій былъ тогда въ большой славѣ, и всѣ его піэсы игрались на театрѣ съ

блестательнымъ успѣхомъ; наконецъ, самое важное обстоятельство, — Князь Шаховскій служилъ при театрѣ, репертуарнымъ членомъ, и отъ него вполнѣ зависѣли принятіе театральныхъ пьесъ и постановка ихъ на сцену. Скромный Загоскинъ, не будучи увѣренъ въ своемъ талантѣ, никакъ не могъ рѣшиться пріѣхать прямо къ Князю Шаховскому; онъ написалъ къ нему письмо отъ неизвѣстнаго, въ которомъ просилъ прочесть прилагаемую пьесу, и, принявъ въ соображеніе, что это первый опытъ молодаго сочинителя, сказать правду: есть ли въ немъ талантъ и заслуживаетъ ли его комедія сценическаго представленія; если нѣтъ, то не спрашивая объ имени автора, возвратить рукопись челоуьку, который будетъ присланъ въ такое-то время. Этотъ челоуькъ — былъ самъ Загоскинъ. Я не знаю этой пьесы; ее играли на театрѣ съ посредственнымъ успѣхомъ, и она никогда не была напечатана; но въ послѣдствіи я слышалъ отъ Князя Шаховскаго, что онъ былъ пріятно изумленъ, когда между десятками бездарныхъ произведеній, попалась ему въ руки эта небольшая комедія, въ которой онъ замѣтилъ много живости и неподдѣльной веселости. Князь Шаховскій, разумеется, не возвратилъ ее, а просилъ, также черезъ письмо, отданное самому Загоскину, пожаловать неизвѣстнаго автора къ нему, прибавляя, что онъ находитъ пьесу весьма хорошо написанною, и что очень желаетъ лично познакомиться съ сочинителемъ. Обрадованный Загоскинъ, часа черезъ два, явился къ знаменитому тогда драматургу, и былъ имъ очень обласканъ. Съ этихъ поръ началось его знакомство съ Княземъ Шаховскимъ, перешедшее потомъ въ самую близкую и дружескую связь. Въ томъ же 1815 году, вскорѣ послѣ появленія на сценѣ большой комедіи Князя Шаховскаго «Дипецкія воды или Урокъ кокеткамъ» которая, не смотря на блестящій сценическій успѣхъ, нашла много порицателей, Загоскинъ написалъ комедію въ 3-хъ дѣйствіяхъ: «Комедія противъ комедіи, или Урокъ волокитамъ» представленную въ Петербургѣ на маломъ театрѣ въ пользу актера Брянскаго, 3-го Ноября 1815 года. — Эта пьеса написана Загоскинымъ, который всегда уважалъ

талантъ Князя Шаховскаго, а теперь сдѣлался однимъ изъ самыхъ жаркихъ его почитателей — въ защиту комедіи «Липецкія воды», о чемъ и самъ авторъ говоритъ въ предисловіи. Очевидно, что въ литературномъ мірѣ жестоко нападали на «Липецкія воды». Хотя публика не слушала этихъ нападеній, хотя во время представленія этой комедіи театръ всегда былъ полонъ, и безпрестанно раздавались громкія рукоплесканія, но Загоскину были такъ досадны выходки противниковъ Князя Шаховскаго, что онъ рѣшился высказать на сценѣ въ защиту «Липецкихъ водъ» все то, что можно было изложить въ длинной полемической статьѣ, — и онъ написалъ: «Комедію противъ комедіи». Дѣйствуя тогда по горячему душевному убѣжденію (какъ и во всю свою жизнь), Загоскинъ своей комедіей вооружалъ противъ себя большую часть тогдашнихъ литераторовъ, что также можно видѣть изъ предисловія къ пьесѣ, написаннаго черезъ годъ послѣ ея представленія на сценѣ, гдѣ она имѣла значительный успѣхъ. Для объясненія такого противорѣчія между успѣхами Князя Шаховскаго на сценѣ, въ публикѣ свѣтской и гошеній въ кругу литературномъ, надобно сказать нѣсколько словъ о тогдашнихъ литературныхъ партіяхъ. Князь Шаховскій былъ Шишковистъ, т. е. принадлежалъ къ партіи Александра Семеновича Шишкова, весьма не многочисленной, но уморной и горячей. Шишковъ книгою своею: «Разсужденіе о старомъ и новомъ слоgѣ» уже давно вооружилъ противъ себя и противъ своихъ единомышленниковъ—почти всѣхъ литераторовъ, обиженныхъ нападеніями на Карамзина и его послѣдователей. Но на Князя Шаховскаго сѣрдились, даже болѣе, чѣмъ на самаго Шишкова, именно за комедію «Новый Стернь», въ которой было осмѣяно Карамзинское чувствительное направленіе. Эту маленькую пьесу, которую теперь знаютъ весьма немногіе изъ молодаго поколѣнія литераторовъ, тогда знала вся читающая публика и хлопала ей на сценѣ безъ милосердія. Книга Шишкова забывалась по немногу, а «Новый Стернь», написанный недавно, игрался часто на театрѣ. Въ Комедіи же «Липецкія воды» осмѣиваются балладное на-

правление Жуковского, что также оскорбило многих. Нечего и говорить, что обе стороны были и правы и виноваты. Теперь это ясно, но тогда было темно. Публика мало заботилась о том, кто прав, кто виноват: она смеялась и хлопала в театр Шаховскому, смеялась и знала наизусть эпитафии, на него написанныя:

Ты въ шубахъ Шаховской холодный,
Въ водахъ ты Шаховской — сухой.

Не припомню первыхъ двухъ стиховъ, но такъ оканчивалась одна изъ самыхъ удачныхъ эпитафий, намекавшая первымъ стихомъ на шуточную поэму Князя Шаховскаго: «Расхищенные шубы», а вторымъ — на «Липецкія воды». Въ печати стояло вмѣсто Шаховской — *Шутовской*. Какъ бы то ни было, только «Комедія противъ комедій» была принята на сцену очень хорошо и давалась часто. Я самъ слышалъ, даже отъ противниковъ Князя Шаховскаго, что въ пьесу Загоскина гораздо болѣе живости дѣйствія, интереса завязки и комизма, чѣмъ въ «Липецкихъ водахъ» хотя на искренность такихъ отзывовъ нельзя полагаться, ибо тутъ похвалою защитника бьютъ защищаемаго, но комедія Загоскина точно имѣла достоинство, не только, какъ первый дебютъ молодаго писателя, какъ пьеса *обстоятельствъ*, какъ пьеса своего времени, но какъ литературное произведение съ нравственной мыслью, высказанной на сцену живо и весело, языкомъ чистымъ, легкимъ и разговорнымъ. Очевидно, что Загоскинъ уже много писалъ прежде, но не печаталъ, «набивалъ руку» какъ онъ самъ мнѣ говаривалъ. Тогда, такъ легко и свободно писалъ для сцены только одинъ Шаховскій, заслуги котораго разговорному языку, литературѣ драматической и сценической постановкѣ, — весьма важны и стоятъ благодарнаго воспоминанія.

«Комедія противъ комедій» была началомъ и основаніемъ извѣстности Загоскина. Въ 1816 году 21-го Мая онъ вышелъ изъ Горнаго Департамента, и женился въ Петербургѣ; а въ 1817 году опредѣленъ въ Дирекцію Императорскихъ Театровъ помощникомъ члена репертуарной части; въ этомъ

же году была представлена и напечатана новая комедія Загоскина въ 5-ти дѣйствіяхъ: «Господинъ Богатоновъ или провинціалъ въ столицѣ», посвященная Князю Ивану Михайловичу Долгорукому, которому авторъ комедіи былъ всегда сердечно преданъ. Эта піеса имѣла большой успѣхъ на сценѣ, не смотря на то, что была дана въ первый разъ 27-го Іюня, когда весь Петербургъ переселяется на дачи.

Удивительно, какъ трудно человеку забыть, хоть на одну минуту, свое настоящее воззрѣніе, и возвратиться къ тѣмъ понятіямъ, къ тому взгляду, которыми руководствовался онъ назадъ тому 40 или 35 лѣтъ, и подъ условіями которыхъ ложился на него впечатлѣнія окружающихъ его предметовъ и явленій. Я съ особенною живостью почувствовалъ эту трудность, прочитавъ Богатонova въ 1852 году. Онъ гораздо выше во всемъ «Комедіи противъ комедіи». Въ «Богатонovѣ» выведено уже не пустое кокетство, не волокитство, а глупый богатый невѣжда, степной помѣщикъ, помѣшавшійся на связяхъ съ знатію и переехавшій на житье въ Петербургъ; лицо, на которомъ, какъ на оселкѣ пробуетъ, показывается нечистая сущность столичныхъ негодяевъ, съ ихъ иностраннымъ, или лучше сказать съ Французскимъ направленіемъ. Въ продолженіи 35-ти лѣтъ, наружныя формы этихъ лицъ такъ измѣнились, что нельзя представить себѣ ихъ прошедшую дѣйствительность. Еслибъ этотъ типъ пропалъ совсѣмъ, то было бы легче вообразить его и не сомнѣваться въ вѣрности изображенія; но онъ не перевелся, его всѣ знаютъ и видятъ, только подъ другими формами, и лица Загоскина кажутся теперь призраками, придуманными авторомъ для назиданія публики, а болѣе для потѣхи зрителей, — или вѣтряными мельницами, съ которыми онъ добросовѣстно сражается. Принявъ въ соображеніе, что всѣ условія французской комедіи, чтимыя и уважаемыя безпрекословно самыми умными тогдашними людьми, теперь скучны и невыносимы даже въ Мольерѣ; что Мольеръ въ малѣйшихъ подробностяхъ считался тогда непогрѣшимымъ образцомъ, что Загоскинъ, разумѣется пристрастно шелъ по

тѣмъ же слѣдамъ — надобно признать немало дарованія въ сочинителѣ, если его талантъ пробивается сквозь всю эту кору. Читая Богатонова, именно чувствуешь почти на каждой страницѣ, это, такъ сказать, *проступаніе* природнаго комическаго дарованія; нѣкоторыхъ сценъ и теперь нельзя прочесть безъ смѣха, а живая человѣческая рѣчь слышна у всѣхъ, даже иногда у добродѣтельныхъ людей. Отсюда можно сдѣлать заключеніе, какъ долженъ былъ нравиться «Богатоновъ» въ 1817 году. Оно такъ и было: какъ современникъ Загоскина, я имѣю полное право удостовѣрить въ томъ читателей. Я могу ошибаться въ собственныхъ своихъ сужденіяхъ, а не въ томъ, чему я былъ свидѣтелемъ. Не смотря на невыгодное время своего появленія, «Богатоновъ» очень понравился, и его давали очень часто въ продолженіи лѣта, осени и всего зимняго карнавала; зрители постоянно смѣялись и хлопали, и онъ долго оставался на репертуарѣ. Самобытность комическаго таланта въ Загоскинѣ была признана всеми; вскорѣ онъ утвердилъ это мнѣніе новой комедіею въ 3-хъ дѣйствіяхъ, подъ названіемъ «Вечеринка ученыхъ», которая въ 1817 году, Ноября 12-го, была дана въ Петербургѣ въ бенефисъ актера Боброва; въ томъ же году Загоскинъ былъ опредѣленъ почетнымъ библіотекаремъ въ Императорскую Публичную Библіотеку. «Вечеринка ученыхъ» конечно бѣдна своей интригою и содержаніемъ, даже бѣднѣе предъидущихъ комедій, уже потому, что повторяетъ одну и ту же завязку и развязку: вездѣ надобно женить добраго человѣка на хорошей дѣвушкѣ, вездѣ есть тетушка или сестра, несогласная на этотъ бракъ, вездѣ есть другъ, дядя или братъ, ему покровительствующій, вездѣ изобличаютъ жениха негодая, всегда графа или князя, и отдаютъ невѣсту доброму человѣку, ея любимому. Это общая тема съ разными варіаціями; но не смотря на то, покровитель дядя въ «Вечеринкѣ ученыхъ», г-нъ Волгинъ, такъ оригиналенъ и смѣшенъ, что варіація вышла весьма удачна. Литературное засѣданіе въ домѣ сестры его, пожилой вдовы г-жи Радугиной, помѣшавшейся на сочиненіи стиховъ и прозы, такъ забавно, исполнено та-

кого добродушнаго комизма, что эту сцену никто не выслушает и не прочтетъ безъ смѣха. Можетъ быть литераторы и журналисты, выведенные въ пьесъ, покажутся лицами неестественными, преувеличенными; но такія лица не только бывали тогда, но даже и теперь можно отыскать имъ подобныхъ, конечно уже людей не молодыхъ, которые въ свѣтскомъ кругу низшаго слоя считаются даровитыми писателями. Нѣтъ, не призраки они были, а взяты изъ жизни, списаны съ натуры, и единственно потому эта небольшая комедія, своимъ третьимъ актомъ, всегда возбуждала общій смѣхъ и рукоплесканія зрителей Петербургскаго театра. Я видѣлъ ее потомъ уже въ 1821 году въ Москвѣ, и публика также смѣялась и также хлопала. Безъ сомнѣнія, Загоскинъ писалъ свои комедіи легко и скоро: это чувствуется по ихъ легкому содержанію и составу; иначе такая дѣятельность была бы изумительна, ибо въ 1817 же году, Загоскинъ вмѣстѣ съ г. Корсаковымъ издавалъ въ Петербургѣ журналъ «Сѣверный Наблюдатель», который, кажется, выходилъ по два раза въ мѣсяць, и въ которомъ онъ принималъ самое дѣятельное участіе; а послѣдніе же полгода, — что имъ рассказывалъ самъ Загоскинъ, — когда отвѣтственный редакторъ г. Корсаковъ по болѣзни или отсутствію не могъ заниматься журналомъ, — онъ издавалъ его одинъ, работая день и ночь, и подписывая статьи разными буквами и псевдонимами. Не имѣя въ рукахъ книжекъ этаго журнала, ничего не могу сказать о достоинствѣ статей Загоскина.

Въ 1818 году Загоскинъ оставилъ службу при театрѣ, и былъ перемѣщенъ на штатную ваканцію помощника бібліотекаря съ жалованьемъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ приведеніи бібліотеки въ порядокъ и въ составленіи каталога Русскихъ книгъ, за что черезъ два года былъ награжденъ орденомъ Анны 3-й степени. Въ непродолжительномъ времени, и именно 5-го Іюля, 1820 года, онъ оставилъ службу въ должности штатнаго помощника, и былъ переименованъ въ прежнее званіе почетнаго бібліотекаря.

Вероятно въ этомъ году была написана Загоскинымъ новизна, большая комедія: «Второй Богатовъ или Столичный

житель въ провинціи», которую я не видалъ на сценѣ, хотя она была съ большимъ успѣхомъ играна, и которой я не читалъ; не знаю даже была ли она напечатана. При всемъ моемъ стараніи, я нигдѣ не могъ ее достать.

Въ 1819 году, литературная дѣятельность Загоскина ограничилась небольшою комедіей въ одномъ дѣйствіи: «Романъ на большой дорогѣ.» Эта пьеса не имѣетъ значенія и написана такъ, для развлеченія, посреди хлопотливыхъ занятій по дѣламъ устройства Императорской Публичной Библіотеки; а болѣе для того, чтобы дать что-нибудь новенькое въ бенефисъ своимъ любимымъ актерамъ Сосницкимъ, которыхъ и публика также очень любила. Впрочемъ и въ этой бездѣлкѣ языкъ также очень хорошъ, разговоръ живъ и веселъ. Молодой гусарь, Изборскій, лице, написанное для Сосницкаго, который славился въ подобныхъ роляхъ, мастерски подражая тогдашней военной молодежи, нарисовано очень не дурно: но за то интрига и развязка пьесы до такой степени неправдоподобна, условность доведена до такой наивности, что теперь она составляетъ своего рода комическое явленіе и заставляетъ смѣяться читателя. Не смотря на все это, «Романъ на большой дорогѣ» былъ принятъ публикою съ большимъ одобреніемъ. Эту комедію давали въ первый разъ въ 1819 году, Іюля 29-го на большомъ Петербургскомъ театрѣ, въ пользу актера и актрисы г-дѣ Сосницкихъ. — Въ 1820 году, Загоскинъ написалъ комедію въ 3-хъ дѣйствіяхъ «Добрый мальчикъ» и посвятилъ ее своему начальнику, Директору Публичной Библіотеки, Алексѣю Николаевичу Оленину. Это имя не будетъ забыто въ исторіи Русской Литтературы. Всѣ безъ исключенія русскіе таланты того времени собирались около него, какъ около старшаго друга, и вотъ почему Загоскинъ посвятилъ ему свою комедію. Она была представлена въ первый разъ на большомъ Петербургскомъ театрѣ 23-го Іюня того же 1820 года. — Въ основѣ этой пьесы уже лежитъ болѣе глубокая, болѣе серьезная мысль. «Добрый мальчикъ» не пустое, не временное лице, а вѣчное, протей по своему многообразію, онъ не переведется, по-

куда будутъ жить люди обществомъ; я думаю даже, что и между дикарями есть своего рода добрые-малые. Хотя у Загоскина Вельскій совсѣмъ не «добрый - малый» дѣйствительно, а отъявленный мошенникъ, но въ комедіи вездѣ проведена мысль: *вотъ кого въ свѣтѣ называютъ добрымъ-малымъ*. Такъ по настоящему слѣдовало назвать комедію. Піеса написана подѣ прежними сценическими условіями, завязка, развязка и характеры дѣйствующихъ лицъ, въ своей основѣ, также прежнія, съ нѣкоторыми приличными измѣненіями; но со всѣмъ тѣмъ комедія была признана публикою и литературнымъ судомъ того времени — лучшимъ произведеніемъ Загоскина, изъ всего имъ написаннаго до тѣхъ поръ, что и по моему мнѣнію было справедливо. Выбравъ одну изъ многихъ фізіономій «Добраго-малаго,» взглянувъ на него съ своей точки зрѣнія, Загоскинъ очень вѣрно и даже смѣло нарисовалъ всю его фигуру и далъ ему приличное внутреннее содержаніе: Вельскій послѣдователенъ и неизмѣняетъ себѣ до конца піесы. Сначала онъ своей угодливіостью напоминаетъ, какъ-то, Молчалина, но въ послѣдствіи это сходство исчезаетъ. Заимствовать Загоскинъ не могъ, потому что комедія Грибоедова написана гораздо поздне. Въ этой піесѣ есть другое лицо, которое мнѣ кажется выдержано и окончено лучше всѣхъ: это старикъ Ладовъ, безграмотный собиратель древностей, почти влюбленный въ Вельскаго. Сцена между имъ и стариннымъ его пріятелемъ Стародумовымъ, который зналъ Вельскаго за негодяя, старается образумить Ладова — выдержать современную строгую критику, и написана съ большимъ умѣньемъ. Последняя сцена, гдѣ читаютъ письмо Вельскаго, и гдѣ онъ отдѣлываетъ всѣхъ слушателей своего письма, также очень хороша, и имѣетъ нѣкоторое сходство съ послѣднею сценою «Ревизора». Комедія очень ловко оканчивается словами Ладова, которому ясно доказали, что Вельскій мошенникъ, что онъ всѣхъ обманывалъ, обыгралъ навѣрное своего пріятеля и хотѣлъ отбить у него невесту: «эхъ милый! все такъ... да малый-то онъ добрый!...» Вообще во всей піесѣ много жизни и веселости; веселости, которую не можетъ

замѣнить никакое остроуміе, никакое комическое положеніе дѣйствующихъ лицъ. Разговорный языкъ даже лучше, чѣмъ въ прежнихъ пѣсахъ Загоскина. Это была послѣдняя пѣса, написанная имъ въ Петербургъ.

Въ 1820 году, въ Іюнь, Загоскинъ по семейнымъ обстоятельствамъ переехалъ въ Москву, гдѣ и продолжалась вся остальная литературная его дѣятельность.

До 1821 года Загоскинъ не писалъ стиховъ; онъ не чувствовалъ паденія и мѣры стиха, и самъ признавался, что это не его дѣло. Одинъ разъ въ кругу короткихъ пріятелей разсердили его тѣмъ, что не хотѣли даже выслушать какихъ-то его замѣчаній на какіе-то стихи, основываясь на томъ, что онъ въ стихотворствѣ ничего не понимаетъ. Загоскинъ вспылилъ и сказалъ, что онъ докажетъ всѣмъ, какъ понимаетъ это дѣло, и черезъ два мѣсяца прочелъ имъ прекрасное, довольно длинное посланіе къ Н. И. Гнѣдичу, написанное шестистопными ямбами съ римами. Оно стоило Загоскину неимоверныхъ трудовъ: немыля уха, каждый стихъ онъ раздѣлялъ черточками на слоги и стопы, и надъ каждымъ слогомъ ставилъ удареніе; въ иной день ему удавалось выковать болѣе четырехъ стиховъ, и изъ такой Египетской тяжелой работы, стихи вышли легки, свѣжи, звучны и естественны! Всѣ были изумлены. Тутъ проявилась вполнѣ настоящая Русская, разумеется талантливая, натура Загоскина: сказалъ сдѣлаю — и сдѣлалъ, да еще едва ли не лучше учителей. Это посланіе, кажется, было напечатано въ Петербургъ, въ журналѣ Общества Соревнователей Просвѣщенія. Изъ писемъ Гнѣдича видно, что въ 1821 же году, Загоскинъ написалъ стихами — сцены: «Авторская клятва,» и потомъ: «Выборъ невѣсты.» Обѣ эти пѣсы, написанныя въ драматической формѣ, были читаны въ Обществѣ Соревнователей Просвѣщенія въ Петербургъ, въ журналѣ котораго они и напечатаны. Вотъ что пишетъ Н. И. Гнѣдичъ къ Загоскину отъ 19-го Апрѣля, 1821 года: «Послѣ *Авторской клятвы*, я уже перестану и удивляться твоимъ истинно блистательнымъ успѣхамъ, любезный другъ Михаилъ Николаевичъ... но удовольствіе Крылова при слушаніи *Авторской*

клятемъ, 'вѣрно лучшая тебѣ порука за достоинство пьесы, основанной на дѣйствіи и характерахъ и написанной живо и чисто. Самая же пьеса порука намъ, что ты подарить театрѣ комедіей въ стихахъ. . . » Тогда же Загоскинъ написалъ нѣсколько «Разговоровъ въ прозѣ», очень веселыхъ и забавныхъ разговоровъ или діалоговъ. Гнѣдичъ, строгій судья и не охотникъ хвалить, пишетъ объ этомъ въ одномъ изъ своихъ писемъ 1821 года Мая 19-го: «Не думаю, мой другъ, чтобы хвалы могли избаловать тебя. Ты имѣешь и умъ и совѣсть дарованья,—чтобы неослыпляться собою. Успѣхи дѣйствительно, во всемъ смѣслѣ этого слова, блистательны — такъ никто не начиналъ: ты понимаешь меня — не начиналъ. . . »

«Я слышалъ и твои разговоры въ прозѣ. Ихъ читалъ Гречъ, и читалъ прекрасно. Мысль чрезвычайно оригинальная, веселая, и выполнена отменно пріятно. Родъ этотъ, т. е. маленькія сочиненія въ разговорахъ, можетъ быть лучшимъ упражненіемъ твоего таланта для отдыховъ отъ работъ серьезныхъ, т. е. большихъ.» Ободренный успѣхомъ, Загоскинъ рѣшился написать комедію стихами; съ твердостью, и, можно сказать съ самоотверженіемъ, засѣлъ за работу, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ написалъ довольно большую комедію въ стихахъ, въ одномъ актѣ, также шестистопными ямбами съ римами: «Урокъ холостымъ или наследники,» которая въ 1822 году, 4 Мая была, съиграна на Московскомъ театрѣ и тогда же напечатана. Всякая комедія, написанная прекрасными стихами, языкомъ разговорнымъ, была бы тогда замѣчательнымъ явленіемъ и безъ той неизмѣнной веселости и комической жизни, которой такъ много въ «Наслѣдникахъ:» публика и литераторы приняла пьесу съ восхищеніемъ; стихи въ этой пьесѣ вообще такъ хороши и полны, что и теперь можно ихъ прочесть съ удовольствіемъ. Конечно тогда уже начинали писать гладкими стихами для театра; но въ этой пустой, щеголеватой гладкости состояло все ихъ достоинство. Стихи Загоскина, напротивъ, при всей легкости разговорнаго языка, не пусты: въ нихъ есть содержаніе, сила, и мысль укладывается въ стихъ вся безъ остатка и безъ натяжки. Въ пьесѣ нѣтъ такихъ мѣстъ, ко-

торья бы ярко выдавались. Она вся написана хорошо, вся ровна. Выписываю совершенно на выдержку: бѣдная дѣвушка Лиза живетъ изъ милости въ домѣ своего дальняго родственника, жена котораго, г-жа Звонкина, попрекаетъ ей бѣдностью, а сынъ ея Любимъ, влюбленный въ Лизу, ее смиренно защищаетъ:

Лиза.

«Конечно, я бѣдна; но бѣдность не порокъ.

Звонкина.

А что жъ, сударыня, чай скажешь добродѣтель!
 Покойный твой отецъ, всемірный благодѣтель —
 А нищій самъ, какъ ты, точь въ точь же разсуждалъ,
 Престрогий былъ судья и взяткокъ онъ не бралъ.
 Тотъ домикъ выстроилъ, другой купилъ деревню,
 А онъ прямехонько попалъ бы въ богадельню.

Любимъ.

Честнѣйшій человекъ!

Звонкина.

Скажи, сударь, гордецъ:
 Хотѣлъ быть всѣхъ умнѣй! Чтожъ вышло наконецъ?
 Да что и говорить! онъ былъ совсѣмъ безъ правилъ.
 Служилъ въ палатѣ вѣкъ, — а дочь съ сумой оставилъ.

Любимъ.

Все такъ, однакожъ онъ.....

Звонкина.

Ну, полно врать — молчи!

Пошли ко мнѣ отца; а ты достань ключи
 Отъ сахару — они въ столѣ; — отдай ихъ Дунькѣ;
 Да у меня смотри! прошу ходить по стрункѣ!
 Ступай!»

Какъ хорошо обрисовывается натура Звонкиной, и какъ много слышно дѣйствительной жизни во всѣхъ ея словахъ, и какая естественность разговора! Сцены подлой угодливости наследниковъ, когда пріѣзжаетъ ихъ дядя богачъ и холостякъ — очень живы и смѣшны. Старикъ хорошо пони-

жающій своихъ наслѣдниковъ, прикидывается, что самъ хочетъ жениться на Лизѣ, и всѣ родные, смертельно перепуганные, желая удержать богатство дяди въ своей семьѣ, спѣшатъ помолвить ее за Любима, о чемъ прежде не хотѣли и слышать. Старикъ того и желалъ; онъ отдастъ все свое имѣніе внуку, и одинъ изъ родственниковъ, болѣе всѣхъ потерявшій, имѣвшій самъ виды на Лизу, оканчиваетъ піесу слѣдующими стихами:

Т у р у с и н ъ.

О варваръ, о злодѣя!... Ну, выдумалъ я средство:
Безъ денегъ, безъ жены и даже — безъ наслѣдства.

Въ томъ же 1822 году, Мая 18-го, Загоскинъ поступилъ къ Московскому Военному Генераль-Губернатору въ число Чиновниковъ особыхъ порученій, съ исправленіемъ должности экспедитора по театральному отдѣленію. Для объясненія такого, страннаго теперь, назначенія, надобно сказать, что тогда въ Москвѣ не было Дирекціи театра, а находилась Контора, состоявшая подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ Генераль-Губернатора Князя Д. В. Голицына, который цѣнилъ Загоскина, какъ литератора, и очень любилъ его, какъ челоуѣка.

Въ 1823 году, Загоскинъ написалъ комедію-водевиль: «Деревенскій философъ», которая была сыграна 23 Января, въ бенефисъ Сабурова. Это очень забавная бездѣлка съ прекрасными куплетами. Выписываю одинъ изъ нихъ: его поетъ Волгинъ, мечтая о своемъ проэктѣ: «устроеніе водянаго сообщенія между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ»

«Чтобъ подробно ихъ изчислить,
Коротка вся жизнь моя;
Безъ восторга и помыслить,
Не могу объ этомъ я.
Персіяне и Китайцы,
Кашемирцы и Бухарцы
Прильвуть въ Одессу къ намъ.
Мы соболѣю бросимъ ловлю,
А Индѣйскую торговлю
Приберемъ тогда къ рукамъ.»

Въ 1823 году, Марта 30-го, Загоскинъ опредѣленъ въ Кантору Дирекціи Московскаго театра, (получившаго свое особенное образованіе и особаго Директора), Членомъ по хозяйственной части.

До 1828 года Загоскинъ ничего не напечаталъ; литературная дѣятельность его, какъ будто, приостановилась; на это были слѣдующія причины: во первыхъ, онъ усердно занялся своей хлопотливой должностію; во вторыхъ, ему очень не нравилась служебная перспектива въ чинъ вѣчнаго Титулярнаго Совѣтника, потому что невоспитывавшись ни въ одномъ казенномъ заведеніи, онъ не могъ быть произведенъ въ слѣдующій чинъ, и Загоскинъ рѣшился выдержать экзамень для полученія чина Коллежскаго Ассессора. Къ экзамену надобно было приготовиться, и Загоскинъ посвящалъ на это все свободное отъ службы время, въ продолженіи полутора года; онъ трудился съ такою добросовѣстностію, что даже вытвердилъ наизусть «Римское право». Наконецъ онъ выдержалъ испытаніе блистательно, и самъ требовалъ отъ профессоровъ, чтобъ его экзаменовали какъ можно строже. Загоскинъ въ письмѣ къ одному изъ своихъ пріятелей очень забавно описываетъ свои экзамены, и между прочимъ сердится на одного изъ профессоровъ, который предложилъ ему вопросъ: кто такой былъ Ломоносовъ? — «Ну, можно ли объ этомъ спрашивать (пишетъ Загоскинъ) не мальчика, а литератора, уже давно получившаго нѣкоторую извѣстность? Я хотѣлъ было отвѣчать ему, что Ломоносовъ былъ сапожникъ». Сваливъ съ плечъ экзамень, Загоскинъ, давно ничего не писавшій, принялся за большую комедію въ стихахъ, которую ему и прежде хотѣлось написать; онъ писалъ долго, — и наконецъ въ 1828 году «Благородный Театръ», комедія въ 4-хъ актахъ, была сыграна на Московской сценѣ. Эта пьеса имѣла самый полный, самый огромный успѣхъ: зрители задыхались отъ смѣха, хохотъ мѣшалъ хлопать и громъ рукоплесканій вырывался только по временамъ, особенно по окончаніи каждаго акта; только въ послѣдующія представленія, неумолкаемыя рукоплесканія раздавались вмѣстѣ со смѣхомъ. Комедія вполне заслуживала такого успѣха, не по

мысли, которая не имѣла большой значительности и тогда, теперь же и совсѣмъ ее теряетъ (кто въ 1852 году ставитъ серьезно заниматься благородными спектаклями?... а тогда занимались ими серьезно); но потому, что вся пьеса исполнена такой неистощимой веселости, живости, естественности, до того проникнута комизмомъ характеровъ, положений и рѣчей, написана такими прекрасными стихами, что, собственно въ этихъ отношеніяхъ, не имѣетъ себѣ равной. Кромѣ Г. Любскаго, затѣявшаго у себя благородный спектакль, нарисованнаго и выдержаннаго въ совершенствѣ, кромѣ Г. Волгина, грубаго добряка, попадающаго нечаянно въ закулисный омутъ, вовсе ему чуждый и неизвѣстный, Волгина, который, по моему мнѣнію, своимъ положеніемъ забавитъ всѣхъ другихъ лицъ, — въ этой комедіи есть характеръ, задуманный весьма счастливо и выполненный прекрасно: это Г. Посошковъ, человекъ умный, страстный любитель театра, сочинитель и актеръ, чувствующій, понимающій искусство, и только потому смѣшный и даже глупый, что ничего кромѣ искусства не видитъ и не понимаетъ. Эта исключительность, эта односторонность, которыя иногда бываютъ гибельны людямъ съ истинными дарованіями, схвачены авторомъ очень удачно. Я не помню, было ли лицо Посошкова замѣчено и оцѣнено тогдашними критиками. Должно сказать правду, что необыкновенному успѣху пьесы способствовало мастерское исполненіе на сценѣ: пьесу ставилъ Князь Шаховскій, не имѣвшій равнаго себѣ знатока въ этомъ дѣлѣ. Роль Любскаго была создана, такъ сказать, по средствамъ и особенностямъ таланта Щепкина: Любскій, съ начала до конца, находится въ тревогѣ и волненіи, горячится, выходитъ изъ себя; только Щепкинъ, надѣленный такимъ неистощимымъ запасомъ огня, могъ выдержать эту роль, незамѣняя крикомъ внутренней горячности, недѣлаясь однообразнымъ. Не выдавши, нельзя себѣ вообразить того совершенства, съ которымъ, 25 лѣтъ назадъ, игралъ Любскаго нашъ знаменитый артистъ. Мочаловъ — въ роли Вельскаго, Сабуровъ — Посошкова и Рязанцевъ — Извѣдова (незабвенныя потери для сцены) вмѣстѣ съ Кавалеровой, Рѣпиной и со всѣми

другими безъ исключенія — составляли такой ладъ въ ходъ пьесы, какого я, постоянный любитель театра, никогда послѣ не выдывалъ. По общему признанію и по справедливости, «Благородный театр» — лучшая комедія Загоскина. Я хотѣлъ выписками подтвердить мои слова, но это невозможно: надобно выписывать всю пьесу.

Съ 1823 по 1829 годъ включительно, Загоскинъ получилъ ордена 4-й степени Св. Владиміра и 2-й степени Св. Анны, и чины Коллежскаго Ассессора и Надворнаго Совѣтника.

Еще до окончанія комедіи «Благородный театр» овладѣла Загоскинымъ мысль: написать Русскій историческій романъ. Ему до смерти надобно, какъ онъ самъ мнѣ часто говаривалъ: «таскать кандалы условныхъ, противуестественныхъ законовъ, которые носитъ сочинитель, пишущій комедію, да еще шестистопными стихами съ проклятыми риѣмами». Вспомнивъ трудность, съ какою Загоскинъ писалъ стихи и охоту щеголять мудренными риѣмами, — легко понять, что онъ говорилъ очень искренно: впрочемъ Загоскинъ иначе и говорить не умѣлъ. — Романъ казался ему «открытымъ полемъ, гдѣ могло свободно разгуляться воображеніе писателя». Онъ былъ весь погруженъ въ эту мысль, охваченъ ею совершенно; его всегдашняя разсыянность, къ которой давно привыкли, и которую уже не замѣчали, до того усилилась, что всѣ ее замѣтили; и свѣтскіе и знакомые спрашивали друга друга, что сдѣлалось съ Загоскинымъ? Онъ не видитъ, съ кѣмъ говорить, и не знаетъ, что говорить? — Встрѣчаясь на улицахъ съ короткими пріятелями, онъ не узнавалъ никого, не отвѣчалъ на поклоны и не слышалъ привѣтствій: онъ читалъ въ это время историческіе документы и жилъ въ 1612 году. Вскорѣ по окончаніи комедіи, съ необыкновеннымъ одушевленіемъ принялся онъ писать, и въ 1829 году напечаталъ «Юрія Милославскаго или Русскіе въ 1612 году», въ 3-хъ томахъ. Появленіе этаго романа составляетъ эпоху въ жизни Загоскина, въ литературномъ и общественномъ отношеніи. Восхищеніе было общее, единодушное: не много находилось людей, которые его не вполне раздѣляли. Публика обвѣхъ столицъ, и вслѣдъ за нею, или почти вмѣстѣ

съ нею, публика провинціальная, пришли въ совершенный восторгъ. Въ послѣдствіи, не такъ скоро, но прочно, безъ восторга, но съ какимъ то умиленіемъ начала читать и читаетъ до сихъ поръ «Юрія Милославскаго» вся грамотная Русь... и читаетъ она его не даромъ: Русскій умъ, духъ и складъ рѣчи, впервые послышались на Руси въ этомъ романѣ. Всѣ обрадовались «Юрію Милославскому», какъ общественному пріятному событію; всѣ обратились къ Загоскину: знакомые и незнакомые, знать, власти, дворянство и купечество, ученые и литераторы, — обратились со всѣми знаками уваженія, съ восторженными похвалами; всѣ, кто жил или прѣзжали въ Москву, ѣхали къ Загоскину; кто были въ отсутствіи — писали. Всякой день получалъ онъ новыя письма, лестныя для авторскаго самолюбія. Жуковский писалъ: «Вотъ что со мной случилось: получивъ вашу книгу, я раскрылъ ее съ нѣкоторою къ ней недоувѣрчивостью, съ тѣмъ только, чтобы заглянуть въ нѣкоторыя страницы, получить какое нибудь понятіе о слоgъ вообще, но съ первой страницы перешелъ я на вторую, вторая заманила меня на третью и вышло наконецъ, что я всѣ три томика прочиталъ въ одинъ присѣсть, непокидая книги до поздней ночи. Это для меня рѣшительное доказательство достоинства вашего романа». — Пушкинъ выразился почти также въ своемъ письмѣ: «М. Г. Мих. Ник. Прерываю увлекательное чтеніе вашего романа, чтобъ сердечно поблагодарить васъ за присылку Юрія Милославскаго, — лестный знакъ вашего ко мнѣ благорасположенія. Поздравляю васъ съ успѣхомъ полнымъ и вполне заслуженнымъ, а публику съ однимъ изъ лучшихъ романовъ нынѣшней эпохи. Всѣ читаютъ его. Жуковский провелъ за нимъ цѣлую ночь. Дамы отъ него въ восхищеніи. Въ *литературной газетѣ* будетъ о немъ статья Погорьльскаго.* Если въ ней не все будетъ высказано, то постараюсь досказать. Простите. Дай Богъ вамъ многія лѣта, т. е., дай Богъ намъ многіе романы и пр. Января 11-го, 1830, Сиб».

* Известный псевдонимъ Алексія Алексѣевича Перовскаго. — *Ред.*

А. Н. Оленинъ, И. И. Дмитриевъ, Кн. Шаховскій, Гнѣдичъ, Крыловъ и другіе, горячо и искренно приветствовали торжество новаго таланта. Одинъ только Крыловъ не писалъ самъ, по известной своей лѣни, но за него писали Пушкинъ, Гнѣдичъ и Князь Шаховскій.

Въ одномъ изъ писемъ Князя Шаховскаго, писанномъ прежде писемъ Жуковскаго и Пушкина, интересно слѣдующее описаніе литературнаго обѣда у Графа Ѳ. П. Толстаго, которое показываетъ впечатлѣніе, произведенное Юріемъ Милославскимъ, при первомъ его появленіи въ печати: «Я уже совсѣмъ одѣлся, чтобъ ѣхать на свиданіе съ нашими «первоклассными писателями, какъ вдругъ принесли мнѣ твой «романъ; я ему обрадовался и повезъ съ собой мою радость «къ Гр. Толстому. Но тамъ меня ею уже встрѣтили. Первое дѣйствующее лицо авторскаго обѣда, явившееся на сцену, «былъ Пушкинъ, и тотчасъ заговорилъ о тебѣ; Пушкинъ «восхищался отрывками твоего романа, которые онъ читалъ «въ журналъ; входитъ Крыловъ изъ Дворца: распросы о «тебѣ и *улыбательныя* одобренія твоему роману; входитъ «Гнѣдичъ: въ восхищеніи отъ прекраснаго твоего романа; «наконецъ является Жуковскій и сказавъ два слова, объявляетъ, «что не спалъ вчера всю ночь, — отъ чего же? Все-таки отъ «твоего романа, который онъ получилъ, развернулъ, хотѣлъ «прочестъ кое-что, и, не сходя съ мѣста, и не ложась спать, «не могъ не прочестъ всѣхъ трехъ томовъ; а это самая лучшая похвала, какую онъ могъ сдѣлать твоему сочиненію; «онъ просилъ меня тотчасъ къ тебѣ написать о дѣйстви, которое ты надъ нимъ произвелъ, о своей благодарности, и «о томъ, что хотя онъ еще не успѣлъ поднести твоего романа Императрицѣ, но предварилъ Ее, что Она увидитъ диво «на нашемъ языкѣ».

Многое измѣнилось въ кругѣ Загоскина: недоброжелатели сдѣлались обожателями, порицатели комика — хвалителями романиста, съ важностью прибавляя, что наконецъ Загоскинъ попалъ на настоящую дорогу. Женщины не остались равнодушными въ общемъ дѣлѣ, и много прекрасныхъ писемъ получилъ Загоскинъ отъ женщинъ, совершенно ему незна-

комыхъ: однимъ словомъ, онъ сдѣлался знаменитостью, моднымъ человекомъ, необходимою обѣдовъ, баловъ, раутовъ и бесѣдъ съ литературнымъ направлениемъ, львомъ тогдашняго времени. Вниманіе и одобреніе Государя довершило торжество Загоскина.

«Юрій Мирославскій» и теперь считается самымъ лучшимъ произведеніемъ Загоскина. Свѣжесть его прекраснаго таланта, новостъ характеровъ, въ первый разъ выступившихъ на сцену Русскаго романа, а всего болѣе жизнь, вездѣ разлитая, и неподдѣльная веселость Русскаго ума, придаютъ столько достоинства роману, что въ этомъ отношеніи онъ занимаетъ первое мѣсто въ Русской литературѣ. Очевидно, чтеніе историческихъ романовъ Вальтера Скотта внушило автору мысль написать Русскій историческій романъ; очевидно, что онъ заимствовалъ форму и даже пріемы знаменитаго Шотландца; но этимъ ограничилась вся подражательность Загоскина. Его счастливая, по преимуществу Русская, натура создала чисто Русскихъ людей, задуманныхъ, можетъ быть, по образцу чужому. Разумѣется, настоящий герой романа—Кирша, а самъ Юрій Мирославскій лицо довольно безцвѣтное. Впрочемъ герои романовъ Вальтера Скотта ничѣмъ его не лучше. Загоскинъ самъ чувствовалъ, что Юрій Мирославскій мало возбуждаетъ участія, и потому хотѣлъ оживить его, придавъ ему черты Русскаго молодечества; онъ исполнилъ это не совсемъ удачно, потому что поступокъ съ паномъ Копычинскимъ не вытекаетъ изъ характера Юрія Мирославскаго; къ тому же это анекдотъ новѣйшій, всѣмъ извѣстный и перемѣна рябчиковъ на гуся не помѣшала читателю вспомнить, что это случилось недавно, а не 200 лѣтъ тому назадъ. Такое воспоминаніе, по моему мнѣнію, вредитъ впечатлѣнію разсказа, не даетъ забыться вполне воображенію и перенестись въ ту эпоху, которую описываетъ сочинитель.

Въ Юрій Мирославскомъ большая часть сценъ написана съ увлекательною живостью, и всѣ лица, кромѣ героя и героини романа, и тѣхъ мѣстъ, гдѣ дѣло идетъ о любви

(самое мудреное дѣло въ народномъ Русскомъ романѣ), — лица живыя, характерныя, возбуждающія болѣе или менѣе сочувствіе въ читателяхъ всѣхъ родовъ; лицо же юродиваго Мити, явленіе исключительно Русское, выхваченное изъ древней жизни, стоитъ выше всѣхъ и можетъ назваться художественнымъ созданиемъ; оно написано съ такою сердечною теплою, которая проникаетъ въ душу каждаго человека, способнаго къ принятію такого рода впечатлѣній. Это характеръ очень трудный: малѣйшее несоблюденіе мѣры, въ ту или другую сторону, уничтожило бы его высокое достоинство. Чувство любви христіанской и религіознаго настроенія, которыми постоянно былъ проникнутъ сочинитель, перешли на бумагу. Мнѣ привелось это видѣть своими глазами. Я пришелъ однажды къ Загоскину довольно рано по утру, вошелъ въ его кабинетъ и увидѣлъ, что онъ сидитъ за письменнымъ столомъ. Я подошелъ къ нему такъ тихо, что онъ меня не слышалъ; когда я взглянулъ на него, то былъ пораженъ: Загоскина нельзя было узнать, слезы текли по его щекамъ и выраженіе духовнаго блаженства разливалось во всѣхъ чертахъ лица.... я не умѣю, не могу передать моего впечатлѣнія, хотя оно совершенно живо и свѣжо въ моей памяти. «Что съ тобой?» спросилъ я. Загоскинъ взялъ тетрадь, всю закапанную слезами, и прочелъ мнѣ смерть боярина Кручины Шаловскаго.

У насъ не было еще народнаго писателя, въ точномъ и полномъ смыслѣ этого слова; но болѣе всѣхъ можетъ назваться народнымъ писателемъ — Загоскинъ. Кромѣ другихъ сословій, его читали и читаютъ всѣ знающіе грамотъ, торговые, крестьяне; они рассказываютъ читанное ими, а иногда читаютъ вслухъ многимъ другимъ безграмотнымъ крестьянамъ. Огромное число табакерокъ и набивныхъ платковъ, съ изображеніемъ разныхъ сценъ изъ «Юрія Милославскаго», развозимыхъ по всемъ угламъ необъятной Россіи поддерживаютъ извѣстность имени его сочинителя. Я встрѣчалъ простолюдиновъ, которые знаютъ не одного только «Юрія Милославскаго», но и выходившіе послѣ романа и повѣсти Загоскина.

«Юрій Милославскій» имѣлъ восемь изданій; онъ переведенъ на Французскій, Нѣмецкій и Англійскій языки, и вездѣ былъ принятъ съ большими похвалами; на Французскій языкъ было сдѣлано вдругъ четыре перевода въ Москвѣ и Петербургѣ. Я видѣлъ у Загоскина много писемъ отъ разныхъ Европейскихъ литературныхъ знаменитостей, писемъ, наполненныхъ лестными отзывами; было даже одно или два письма отъ Валтера Скотта; но ихъ (какъ и многихъ другихъ) до сихъ поръ не могли отыскать въ бумагахъ покойнаго. Два письма, отъ Мериме и Фонъ Ольберга, писанныя *по-Русски*, и потому замѣчательныя, я помѣщаю въ приложеніи.— Переводъ «Юрія Милославскаго» на Чешскій языкъ вышелъ прошлаго года. Вотъ что пишетъ объ этомъ одинъ Пражскій ученый къ извѣстному нашему Профессору Славянскихъ древностей, О. М. Бодяскому: «Прага 6/18 Юля 1851 года. Недавно перевели «Юрія Милославскаго» Загоскина: вы не можете имѣть понятія, какъ переводъ былъ расхвтанъ. Всѣ ждали въ типографіи: одинъ читалъ его въ первой, а другіе—во второй корректурѣ; остальные же, при освобожденіи листовъ изъ-подъ тисковъ, складывали оныя и впивались въ нихъ чтеніемъ. Кажется, нѣтъ челоуька въ Прагѣ, который не прочелъ бы «Юрія Милославскаго или Русскихъ въ 1612 году.» Безъ сомнѣнія такой восторженный пріемъ былъ приготовленъ извѣстностью Загоскина: вѣроятно, Пражскіе литераторы писали прежде о немъ въ журналахъ, а можетъ быть и переводили отрывки изъ его сочиненій.

Изъ всего сказаннаго мною объ «Юрiѣ Милославскомъ» не подлежитъ сомнѣнію, что онъ имѣлъ самый блистательный и прочный успѣхъ; но по какой то странной причинѣ, тогдашніе журналы были очень умѣренны въ своихъ похвалахъ; положимъ, что двое изъ журналистовъ были сами романисты; но отчего другіе, или холодно и двусмысленно хвалили, или упорно молчали? Отзывы журналовъ оставались въ такомъ неблагоклонномъ расположеніи до смерти Загоскина, кромѣ «Библиотеки для Чтенія.» Я недавно читалъ въ одномъ изъ Петербургскихъ журналовъ,

что рецензентъ, по случаю восьмага изданія «Юрія Милославскаго,» развернулъ его — и зачитался: такъ легко и свободно читается этотъ романъ, говоритъ онъ. Дѣло понятное: онъ хотѣлъ сказать, что другихъ достоинствъ въ немъ не находится. Въ этомъ родѣ я читалъ и слышалъ много отзывовъ. Нѣтъ, милостивые государи, нельзя этимъ объяснить огромный, повсемѣстный успѣхъ «Юрія Милославскаго» и собственное ваше сочувствіе: не въ одной живости и веселости разсказа, не въ легкости языка надобно искать причины его, а въ томъ, что весь романъ проникнутъ Русскимъ духомъ, народностью. Вотъ отчего при чтеніи забываются, непримѣчаются его недостатки, въ отношеніи къ искусству, и, можетъ быть, глубинѣ взгляда на историческую эпоху. Чувство народности, согрѣвающее весь романъ, невольно пробуждаетъ тоже чувство, живущее въ душѣ каждаго Русскаго человѣка, и его-то понимаютъ и цѣнятъ высоко самые иностранцы; и вотъ почему можно назвать Загоскина народнымъ писателемъ. Если бъ весь народъ зналъ грамоту, онъ читалъ бы съ увлеченіемъ не только «Юрія Милославскаго,» но и другія сочиненія Загоскина. Его по преимуществу Русская натура, его самородный талантъ слышны въ каждомъ словѣ, когда онъ не надѣваетъ на себя личины несродной ему природы. Чтобы задумать и заговорить вполне Русскимъ человѣкомъ, ему не нужно подслушивать, какъ думаетъ и говоритъ Русскій народъ, ему стоитъ только заговорить самому: этого не можетъ сдѣлать ни одинъ изъ Русскихъ писателей. Напротивъ, Загоскину большаго труда стоитъ изображеніе лицъ, которыя говорятъ хотя Русскими словами, но думаютъ и складываютъ рѣчь свою не совсѣмъ по-Русски, такъ, что въ этихъ изображеніяхъ онъ уступаетъ многимъ нашимъ писателямъ: Русскій духъ и складъ рѣчи проступаютъ у него тамъ, гдѣ они неумѣстны. Но за то, когда Загоскинъ вырывается на свободу, то говоритъ свое живое слово, а не чужую мертвую рѣчь. Эта особенность таланта Загоскина, по моему мнѣнію, составляетъ его замѣчательное и великое достоинство. Пожалуй, у насъ въ литературу есть свои

русицизмы, искусственно составленные изъ словъ настоящихъ Русскихъ людей, отлитыя въ извѣстныя формы, такъ сказать русицизмы казенные, которые, будучи лишены духа жизни, остались мертвой буквой и не только не возбуждаютъ сочувствія, но напротивъ производятъ самое непріятное впечатлѣніе.

Князь Шаховскій сдѣлалъ изъ «Юрія Милославскаго» романтическое представленіе въ 5-ти суткахъ: онъ оное имѣло успѣха на сценѣ.

Въ 1830 году, Апрѣля 30-го, Загоскинъ перемѣщенъ въ должность Управляющаго Конторою Императорскихъ Московскихъ Театровъ, а въ 1831-мъ—произведенъ въ Коллежскіе Совѣтники, опредѣленъ въ должность Директора Московскихъ Театровъ и пожалованъ въ званіе Дѣйствительнаго Каммергера Двора Его Императорскаго Величества.

Немедленно послѣ выхода въ свѣтъ «Юрія Милославскаго», Загоскинъ задумалъ писать другой историческій романъ: «Рославлевъ, или Русскіе въ 1812 году», напечатанный въ 1831 году. Очевидно, что Загоскинъ взялъ на себя слишкомъ тяжелое обязательство, невозможное въ исполненіи по близости эпохи, которой прошло только 18-ть лѣтъ; не говорю уже о громадности, о всемірномъ значеніи самаго событія. Онъ писалъ этотъ романъ около двухъ лѣтъ; слухъ о немъ прошелъ по всей Россіи, и всѣ съ напряженнымъ вѣтерпѣніемъ ожидали его появленія. Нѣкоторые изъ литераторовъ предвидѣли трудность такой задачи, и вотъ что Жуковскій писалъ къ Загоскину: «Мнѣ сказывалъ Князь Шаховскій, что вы въ pendant вашему 1612 году пишете романъ 1812 года; не хочу съ вами спорить; но боюсь великихъ предстоящихъ вамъ трудностей. Историческія лица 1612 года были въ вашей власти, вы могли выставлять ихъ по произволу; историческія лица 1812 года вамъ не дадутся. Съ первыми вы могли легко познакомить воображеніе читателя, и онъ, благодаря вашему таланту, увѣренъ съ вами, что они точно были такими, какими ваше воображеніе ихъ представило вамъ; съ послѣдними этаго сдѣлать

нельзя: мы знаемъ ихъ, мы слишкомъ къ нимъ близки; мы уже предупреждены на счетъ ихъ, и существенность заговорить для насъ вымыселъ. Впрочемъ, нѣтъ невозможнаго. Я говорю только: трудно! На всякомъ шагу порогъ, и спотыкаться легко». Но по выходѣ «Рославлева», Жуковскій писалъ слѣдующее къ Загоскину, отъ 14-го Іюня 1831 года: «Благодарю васъ и за подарокъ и за «Рославлева», почтеннѣйшій Михаилъ Николаевичъ. И съ нимъ тоже случилось, что съ его старшимъ братомъ: я прочиталъ его въ одинъ почти присѣсть. Признаюсь вамъ только въ одномъ: по прочтеніи первыхъ листовъ, я долженъ былъ отложить чтеніе, и эти первые листы произвели было во мнѣ нѣкоторое предубѣжденіе противъ всего романа, и я побоялся, что онъ не пойдетъ на ряду съ Милославскимъ. Описаніе большого свѣта мнѣ показалось невѣрно, и въ гостинной Князя Радугина я не узналъ свѣтскаго языка. Но все остальное прекрасно, и «Рославлевъ» столько же приманчивъ, какъ старшій братъ его. Благословляю васъ обѣими руками на романы: это ваше дѣло, и предметовъ бездна»... Хотя съ Жуковскимъ нельзя согласиться въ мнѣніи о «Рославлевѣ», но до его выхода изъ печати, общая увѣренность, что «Рославлевъ» будетъ еще лучше, или по крайней мѣрѣ еще интереснѣе «Юрія Милославскаго», была такъ велика, что въ Москвѣ произошло, въ своемъ родѣ, также событіе, неслыханное въ мѣтописяхъ книжной Русской торговли. Романъ еще не былъ конченъ, какъ стали просить Загоскина, чтобъ онъ его продалъ: за право напечатать четыре завода, то есть, 4,800 экземпляровъ, предложили сочинителю сорокъ тысячъ рублей ассигнаціями, съ тѣмъ только, чтобы онъ не печаталъ втораго изданія въ продолженіи трехъ лѣтъ! Это невѣроятно, но дѣло было точно такъ и шло черезъ меня. Еще невѣроятнѣе, что содержатель типографіи Н. С. Степановъ, покупавшій романъ, не имѣлъ денегъ для такого предпріятія, и что Московскіе книгопродавцы купили экземпляровъ будущаго неконченнаго романа, въ 4-хъ небольшихъ частяхъ, съ обыкновенною уступкою 20-ти процентовъ за комиссію, на 36-ть тысячъ рублей ассигнаціями, и внесли деньги впередъ, обязуясь

продавать не дороже 20-ти рублей за каждый экземпляр! Кто знает незначительность капиталов наших Московских книгопродавцевъ, ихъ осторожность, даже робость во всѣхъ книжныхъ оборотахъ, тотъ пойметъ, какъ велика была общая въра публики въ талантъ автора «Юрія Милославскаго»: поступокъ книгопродавцевъ служить только ея выраженіемъ. «Рославлевъ» не вполне удовлетворилъ всеобщему ожиданію, и смѣлое предпріятіе Степанова не имѣло успѣха. Двѣ тысячи четыреста экземпляровъ, купленные книгопродавцами, разошлись, но за тѣмъ требованія на книгу прекратились. Главною причиною неудачи была холера въ Петербургъ, куда, вмѣсто затребованныхъ 800, отправлено 100 экземпляровъ. Впрочемъ, еслибъ Степановъ могъ выдержать, переждать, то получилъ бы большія выгоды; но онъ не могъ этого сдѣлать, продалъ другую половину экземпляровъ за безцѣнокъ, и потерпѣлъ даже небольшой убытокъ. Въ послѣдствіи не только «Рославлевъ» разошелся, но сбавляя своей слишкомъ высокой цѣны, но имѣлъ еще три изданія; слѣдовательно, принявъ въ соображеніе, что первое было въ четверо больше обыкновеннаго, онъ выдержалъ семь изданій. Хотя это доказываетъ почти такой же успѣхъ, какой имѣлъ «Юрій Милославскій», но въ сущности большинство читающей публики, не такъ было довольно новымъ романомъ, какъ прежнимъ: «Рославлевъ» не могъ имѣть ожидаемаго успѣха, хотя талантъ сочинителя, во многихъ частностяхъ, выказался съ прежнею силою и свѣжестью. Не только современное, величайшее въ мірѣ событіе, такъ близко къ намъ стоявшее, что глазъ еще не могъ оглянуть его, но и самое содержаніе романа, основанное на современномъ же, известномъ тогда происшествіи, не могло произвести полнаго впечатлѣнія и возбудить сильнаго участія, которое долженъ произвести романъ. Потерявъ достоинство голаго факта, слау дѣйствительности, происшествіе не имѣло и достоинства вымысла, ибо всѣ его знали. Написать же картину двенадцатаго года — мысль необдуманно смѣлая. Еще всѣ актеры, кончивши великую драму, полные ею, стояли въ изкомѣ то неясномъ волненіи, смотря съ изумленіемъ на

опустѣвшую сцену ихъ дѣйствій, — какъ вдругъ начинаютъ имъ представлять ихъ самихъ: многимъ изъ нихъ это показалось кукольной комедіей. Къ тому же справедливость требуетъ сказать, что самыя частности, такъ сказать лоскутки картины двѣнадцатаго года, кромѣ нѣкоторыхъ сценъ (какъ напримѣръ превосходной сцены ямщиковъ), въ «Рославлевѣ» слабы и односторонни, а характеры дѣйствующихъ лицъ мелки, хотя многіе изъ нихъ написаны очень вѣрно и забавно. Однимъ словомъ: выборъ такого содержанія былъ ошибкой Загоскина. Вспомнимъ, что Вальтеръ-Скоттъ испыталъ паденіе съ своей исторіей Наполеона, написанной слишкомъ рано. «Рославлевъ» былъ переведенъ на Французскій и Нѣмецкій языки. Кн. Шаховскій сдѣлалъ изъ него драму, которая не имѣла успѣха.

Въ 1833 году, Загоскинъ напечаталъ романъ въ 3-хъ частяхъ, который назвалъ: «Аскольдова могила, повѣсть изъ времени Владиміра I-го». Эта повѣсть проявляетъ тотъ же талантъ сочинителя, но по своему составу, по множеству мелодраматическихъ эффектовъ, по недостатку мѣстнаго и современнаго эпохъ колорита (который и возсоздать очень трудно), по содержанію политическому и любовному, мало здѣсь возбуждающему сочувствія въ читатель, имѣла гораздо менѣе успѣха, чѣмъ «Рославлевъ». Особенно никого не удовлетворило окончаніе, развязка повѣсти, произшествія слишкомъ спутаны, натянуты, рассказаны торопливо, какъ-то сокращенно, и смерть героя и героини повѣсти, которые во время бури бросаются въ Днѣпръ, съ высокаго утеса, отъ переслѣдованія Варяжской дружины, не согласна съ духомъ христіанской вѣры, которою они были озарены и глубоко проникнуты. Это просто самоубійство, а не мученическая кончина. Но въ сценахъ народныхъ, принимая ихъ въ современномъ значеніи, въ созданіи лица весельчака, сказочника, пѣсельника, Торопки Голована, дарованіе Загоскина явилось не только съ тою же силой, но даже съ бѣльшимъ блескомъ, чѣмъ въ прежнихъ сочиненіяхъ. Торопка Голованъ, по моему мнѣнію, въ своемъ родѣ даже лучше знаменитаго Кирши, въ «Юрѣ Милославскомъ.» Какая бездна не-

истоцимой веселости, смѣшливости, находчивости и Русскаго остроумія! Этотъ характеръ былъ загроможденъ, утопленъ, такъ сказать, во множествѣ другихъ лицъ и произшествій романа; когда же онъ вырвался на сцену въ оперѣ, гдѣ онъ, хотя не такъ полонъ, но за то сдѣлался виднѣе, — его высокое достоинство обозначилось ярко. Кромѣ того въ Аскольдовой могилѣ всѣ сцены, въ духъ христіанскомъ написанныя, — прекрасны и такъ искренни, что ихъ нельзя читать безъ сердечнаго сочувствія. Много есть людей благочестивыхъ, которые въ этомъ отношеніи цѣнятъ «Повѣсть изъ Временъ Владиміра I-го» выше всѣхъ другихъ сочиненій Загоскина; она имѣла два изданія. Другая блистательная судьба ожидала Аскольдову могилу, когда Загоскинъ сдѣлалъ изъ нея оперу того же имени, которая была дана въ первый разъ 1835 года Сентября 16-го. Конечно успѣхъ оперы зависитъ отъ музыки, а не отъ либретто, но здѣсь сочинитель послѣдняго отчасти раздѣляетъ торжество съ сочинителемъ музыки. Этимъ нисколько не уменьшается заслуженная слава А. Н. Верстовскаго: музыка его сдѣлалась народною; кто не знаетъ ее, не любитъ и не поетъ?

Двадцать лѣтъ опера «Аскольдова могила» играется на театрахъ провинціальныхъ, — и зрители не могутъ наслушаться и насмотрѣться на нее. Огромныя суммы принесла ова Дирекціи Театровъ, особенно въ Москвѣ, гдѣ она превосходно была поставлена, и гдѣ прелестный голосъ и до совершенства доведенная игра г-на Бантышева, въ роль Торопки Голована, до сихъ поръ восхищаютъ зрителей. Всего болѣе правится въ этой оперѣ третій актъ, прекрасно написанный Загоскинымъ въ драматическомъ отношеніи. Онъ весьма счастливо воспользовался старинной воровскою пѣсней, въ которой одинъ изъ разбойниковъ дѣйствуетъ точно такъ же, какъ Торопка Голованъ, то есть, поетъ, и словами пѣсни сказываетъ своимъ товарищамъ, что надо дѣлать, и что они тутъ же исполняютъ. Большая часть Московскихъ жителей, много разъ, можетъ быть десятки разъ, видали Аскольдову могилу, но магическая сила третьяго акта не събѣдетъ. Здѣсь безусловно торжествуетъ народность слова

и музыкальных звуковъ! Многіе, въ томъ числѣ я самъ, прихаживали въ театръ не за тѣмъ, чтобы слушать оперу, которую знали почти наизусть, а съ намѣреніемъ *наблюдать публику въ третьемъ актѣ* «Аскольдовой могилы»; но не долго выдерживалась роль наблюдателя: Торопка обмороачивалъ ихъ мало по малу своими шутками, сказками и пѣснями, а когда заливался соловьемъ въ извѣстномъ «ужъ какъ вѣтъ вѣтерокъ», да переходить потомъ въ плясовую «чарочка по столику похаживаетъ» — обаяніе совершалось вполнѣ; все ему подчинялось, и въ зрителяхъ отражалось отчасти то, что происходило на сценѣ, гдѣ и горбатый Садко, озлобленный насмѣшками Торопки, противъ воли пускался плясать вмѣстѣ съ другими.

Въ 1834-мъ году произведенъ Загоскинъ въ Статскіе Совѣтники, а въ 1837-мъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники и утвержденъ Директоромъ Императорскихъ Московскихъ Театровъ; въ этомъ же году онъ напечаталъ: «Повѣсти Михайла Загоскина» въ двухъ частяхъ. Въ первой помѣщенъ «вечеръ на Хопрѣ» состоящій изъ вступленія и семи разказовъ, а во второй части — «три жениха» въ пяти главахъ и «Кузьма Рошинъ» въ двухъ отдѣленіяхъ. Всѣ семь вечернихъ разказовъ на Хопрѣ имѣютъ *страшное* содержаніе, которое впрочемъ никого не испугаетъ, а развѣ иногда разсмѣшитъ. Хотя всѣ они написаны тѣмъ же прекраснымъ, свободнымъ и живымъ языкомъ, но область чудеснаго, фантастическаго, была недоступна таланту Загоскина: онъ — писатель дѣйствительности. Вторая часть повѣстей имѣетъ гораздо большее достоинство. «Три жениха, провинціальныя очерки» очень забавны, и драматическая форма, употребляемая въ нихъ иногда авторомъ, придаетъ много живописи этимъ очеркамъ. Должно замѣтить, что Загоскину была не коротко знакома общественная жизнь губернскихъ нашихъ городовъ и вообще быть провинціальнымъ: по четырнадцатому году его отправили въ Петербургъ и только послѣ окончанія войны 1812-го года пріѣзжалъ онъ, не болѣе, какъ на годъ, въ Пензенскую отцовскую деревню: съ тѣхъ поръ онъ жилъ безвыездно сначала въ Петербургъ, а потомъ въ Москвѣ.

И такъ, все написанное имъ въ послѣдствіи, по прошествіи многихъ лѣтъ, написано по воспоминанію, по разсказамъ другихъ. Русская натура его съ помощью таланта разгадала многое, и многое нарисовано очень вѣрно. «Кузьма Рощинъ» разсказъ живой и занимательный. Онъ переноситъ читателя въ тѣ давно прошедшія времена, о которыхъ всякой изъ насъ слыхалъ что нибудь въ своемъ дѣтствѣ. Несмотря на то, «Повѣсти» Загоскина не имѣли большаго успѣха. Изъ «Кузьмы Рощина», въ 1837-мъ году, была сдѣлана драма въ 3-хъ актахъ, не помню къмъ, не обратившая на себя вниманія публики.

Содержаніе перваго страшнаго разсказа, не совсѣмъ вѣрно названнаго «Панъ Твардовскій», подадо мысль Загоскину, гораздо прежде, написать оперу единственно для того, чтобы дать возможность извѣстному нашему композитору Верстовскому испытать свои музыкальныя дарованія въ сочиненіи оперы. Опера явилась еще въ 1828-мъ году, была хорошо принята публикой и довольно долго оставалась на сценѣ; цыганская пѣсня: «Мы живемъ среди полей», весьма удачно написанная Загоскинымъ и положенная на музыку Верстовскимъ, особенно нравилась и долго держалась, да и теперь еще держится въ числѣ любимыхъ пѣсень московскихъ цыганъ и русскихъ пѣсельниковъ.

Въ 1838-мъ году Загоскинъ напечаталъ романъ или повѣсть (назовите, какъ угодно) въ трехъ частяхъ, подъ названіемъ «Искуситель.» Судь образованной публики и судъ литературный признали «Искусителя» самымъ слабымъ сочиненіемъ Загоскина, съ чѣмъ авторъ самъ соглашался, и что будетъ весьма справедливо, если произносилъ такой приговоръ имѣть въ виду только двѣ послѣднія части этого произведенія; первая часть ярко отъ нихъ отличается. Авторъ разсказываетъ въ ней дѣтство и юность своего героя Александра Михайловича (фамилія его не названа), проведенныя въ деревнѣ Тужиловкѣ, въ одной изъ отдаленныхъ нашихъ губерній — и разсказываетъ просто, живо, тепло и увлекательно. Подъ плечемъ Тужиловки, Загоскинъ описалъ село своего отца, Рамзай, въ которомъ онъ родился и воспитался; нѣкоторыя

черты въ характеръ героя романа, даже черты лица срисованы авторомъ съ самаго себя: безъ сомнѣнiя, это обстоятельство способствовало теплотѣ и вѣрности описанiя. Въ концѣ первой части Александръ Михайловичъ переезжаетъ на службу въ Москву и вступаетъ въ свѣтъ. Здѣсь уже нельзя узнать прежняго сочинителя: всѣ свѣтскiя лица, лица не русскiя, лишены жизни и дѣйствительности, и повѣсть дѣлается скучною неестественною, невозбуждающею интереса, хотя написана языкомъ прекраснымъ и содержитъ въ себѣ много прямыхъ, здравыхъ сужденiй и нравственныхъ истинъ, выражающихъ горячую благонамѣренность автора. Загоскинъ хотѣлъ представить, какимъ опасностямъ подвергается молодой человекъ, добрый, слабый и неопытный, вступая въ испорченное свѣтское общество; всю его порчу хотѣлъ онъ сосредоточить въ одномъ лицѣ, въ какомъ то загадочномъ баронѣ Брокенѣ, придавъ этому искусителю, кромѣ ума и разныхъ дарованiй, что-то фантастическое и дьявольское. Я уже говорилъ, что изображенiе людей, утратившихъ русскую физиономiю, а также изображенiе всего фантастическаго, было не въ характерѣ таланта Загоскина. «Искуситель» убедительно подтверждаетъ мои слова: какъ только Александръ Михайловичъ въ концѣ третьей части, послѣ всѣхъ заблужденiй и самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ выпутывается неправдоподобнымъ и непонятнымъ образомъ, садится въ коляску и возвращается домой, въ деревню, въ простой, русской бытѣ — все перемѣняется и разсказъ автора получаетъ живость, истинность и занимательность.

Въ 1839-мъ году было напечатано новое произведенiе Загоскина: «Тоска по родинѣ», повѣсть въ двухъ частяхъ; успѣхъ ея былъ посредственный, но все она была принята лучше «Искусителя» и выдержала два изданiя. Она раздѣляется на четыре большiя главы: первая написана очень живо и весело; по несчастiю во второй начинается или, правильнѣе сказать, усиливается любовь, появившаяся еще въ концѣ первой главы. Всѣ любовныя сцены, во всѣхъ безъ исключенiя произведенiяхъ Загоскина, выходили не-

удачны: точно тоже продолжается и здѣсь. Третья глава и почти вся четвертая содержатъ въ себѣ путешествіе, или проѣздъ черезъ Англію и Францію, и почти двухлѣтнее пребываніе въ Испаніи героя романа, Владиміра Сергѣевича Завольскаго. Хотя Загоскинъ довольно живо и ловко описываетъ и Лондонъ, и Парижъ, и Гранаду, и Алгабру, но какъ-то чувствуется, что онъ самъ ихъ не видалъ: почерпнутыя изъ чужихъ путешествій описанія выходятъ блѣдны и читаются безъ интереса; въ нихъ недостаетъ той оригинальности собственнаго взгляда, который вноситъ каждый, сколько нибудь даровитый путешественникъ въ свои дорожныя записки. Нельзя заочно вообразить себѣ именно того впечатлѣнія, которое произвела бы самая дѣйствительность; впечатлѣніе воображаемое не можетъ быть искренно и непрѣменно будетъ ошибочно. Рязвзка повѣсти, происходящая на песчаномъ берегу моря въ Испаніи, куда прибылъ для этого русскій фрегатъ; чудесное избавленіе, изъ-подъ ножей убійць, героя романа тѣмъ самымъ морскимъ офицеромъ, отъ котораго Завольской бѣжалъ въ Испанію, и который оказался роднымъ братомъ, а не любовникомъ героини романа — все это слишкомъ самовольно устроено авторомъ, и не удовлетворяетъ читателя. Но за то личность и характеръ слуги Завольскаго, Никанора Фодотова, во всей повѣсти проведены искусно, нарисованы вѣрно и выдержаны вполне. Фодотовъ не походитъ ни на слугу Юрія Милославскаго Алексѣя, (который также очень хорошъ), ни на Торопку Голована; но представляетъ въ особомъ родѣ типъ русскаго слуги, написанный мастерски.

Въ томъ же году Загоскинъ сдѣлалъ изъ своей повѣсти «Тоска по родинѣ» оперу того же имени, а Верстовскій написалъ для нее музыку. Она была дана 21-го Августа 1839-го года. Опера не имѣла успѣха и очень скоро была снята съ репертуара. Я не читалъ либретто, и не видалъ пьесы на сценѣ, но слышалъ прежде нѣкоторые нумера музыки, и помню, что они нравились всѣмъ.

Съ 1837-го по 1842-й годъ, Загоскинъ оставался Директоромъ Московскихъ Театровъ; въ продолженіе этого времени,

онъ съ горячимъ усердіемъ занимался своей должностію. Не смотря на то, что онъ, съ Высочайшаго соизволенія, построилъ малый театръ собственными средствами дирекціи, за что получилъ Всемиловитѣйше пожалованную табакерку съ шифромъ, денежныя дѣла ея находились постоянно въ хорошемъ положеніи. Въ 1840-мъ году, 13-го Апрѣля, Загоскинъ награжденъ былъ за усердную службу орденомъ Св. Владимира 3-й степени. Въ 1842-мъ году, 3-го Февраля, въ слѣдствіе собственнаго желанія и прошенія, по Высочайшему указу, опредѣленъ Директоромъ Московской Оружейной Палаты: въ этой должности оставался онъ до своей кончины. Въ продолженіе последней десятилѣтней своей службы, въ 1845-мъ году Загоскинъ былъ пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Станислава 1-ой степени, а въ 1851-мъ — кавалеромъ ордена Св. Анны 1-й степени.

Въ продолженіе этого пятилѣтія Загоскинъ написалъ комедію въ стихахъ: «Недовольные», которая была представлена на Московскомъ театрѣ безъ большаго успѣха, не смотря на многія комическія сцены и на множество прекрасныхъ и сильныхъ стиховъ. Впрочемъ были люди очень довольные «Недовольными», и И. И. Дмитріевъ въ письмѣ къ Загоскину очень хвалилъ комедію. Вообще въ чтеніи она нравилась гораздо больше. Другая комедія въ прозѣ «Урокъ матушкамъ», напротивъ, имѣла очень большой успѣхъ, и до сихъ поръ остается на репертуарѣ: въ самомъ дѣлѣ она очень весела и забавна. Загоскинъ составилъ или лучше сказать переложилъ ее слово въ слово изъ одной своей повѣсти: «Три жениха», о чемъ я уже и говорилъ.

Въ 1842-мъ году Загоскинъ написалъ романъ въ 4-хъ частяхъ, подъ названіемъ: «Кузьма Петровичъ Мирошевъ», русская былъ временъ Екатерины II-й». Это сочиненіе не было оцѣнено по достоинству: большинство публики прочло его съ удовольствіемъ, но безъ всякаго увлеченія. Несмотря на то, Мирошевъ имѣлъ два изданія. Литературный судъ не обратилъ на него особеннаго вниманія, признавая, что Загоскинъ съ обыкновеннымъ своимъ дарованіемъ, но съ излишнею плодovitостію, описалъ ничѣмъ не замѣчательную

жизнь пошлаго, безхарактернаго чловѣка. По моему мнѣнію такое сужденіе поверхностно и несправедливо. Я считаю Мирошева лучшимъ произведеніемъ Загоскина, не исключая даже Юрія Милославскаго. Въ основѣ романа лежитъ серьезная и глубокая мысль, которую мы не хотѣли понять и оцѣнить по чловѣческой гордости и тщеславію; а можетъ быть, тогда еще рано было оцѣнить ее. Кузьма Петровичъ Мирошевъ существо тихое, скромное, покорное, по преимуществу доброе и вполне вѣрующее, съ благодарностью принимающее отъ Бога и радость и печаль; чловѣкъ Божій, въ томъ высококомъ нравственномъ значеніи, въ какомъ употреблялись эти слова въ старину, но которыми теперь уже опредѣляютъ у насъ совсѣмъ другаго рода чловѣка. По-видимому, смиренный и богобоязливый Кузьма Петровичъ, лице совсѣмъ не поэтическое, и его-то безцвѣтную жизнь и невидную долю разсказалъ намъ авторъ — отъ дѣтства до старости.

Глупая и злая мачиха не влюбилась Мирошева за то, что его звали Кузьмой; она чуть не била его отца, промотала его хорошее состояніе (2,000 душъ), и послѣ смерти родителей сыну осталось въ наслѣдство 300 рублей; деньги пришли очень кстати, потому что въ это время его выпустили въ офицеры изъ кадетскаго корпуса. Круглый сирота и совершенный бѣднякъ, Кузьма Петровичъ имѣлъ сокровище — дядьку Прохора Кондратьича, любившаго его съ материнскою горячностью. Въ этомъ лицѣ Загоскинъ изобразилъ собственнаго своего слугу и дядьку, который точно также любилъ его и раздѣлялъ съ нимъ нужду и бѣдность въ продолженіи десятилѣтняго пребыванія въ Петербургѣ съ 1802 по 1812-й годъ. Мирошевъ служилъ съ примѣрнымъ усердіемъ, дрался съ непріятелемъ храбро; другихъ награждали — ему не давали ничего; Мирошевъ не ропталъ, не обвинялъ никого. Одинъ трусишка офицеръ, по протекціи вышелъ въ чины и сдѣлался его командиромъ — Мирошевъ повиновался безъ ропота; командиръ сталъ его гнать (какъ случайнаго свидѣтеля своей трусости), сталъ придираться къ нему на каждомъ шагу, и Мирошевъ, увидя, что дѣло

плохо, вышелъ въ отставку поручикомъ, и отправился въ Москву вмѣстѣ съ своимъ Прохоромъ Кондратьичемъ искать честнаго куска хлѣба по гражданской службѣ. Дорогой попали они въ маленькую деревеньку «Хопровку», которая очень понравилась Мирошеву красивымъ мѣстоположеніемъ, а дядькѣ — полными хлѣбными гумнами. Вдругъ открывается, что Мирошевъ законный наследникъ этого имѣнія, госпожа котораго, его родная тетка, недавно умерла. Какое неожиданное благополучіе! Но Мирошевъ узнаетъ, что тутъ же живетъ воспитанница его тетки, бѣдная сирота, оберъ-офицерская дочь, и что покойница хотѣла, но не успѣла укрѣпить ей свои 50 душъ — и Мирошевъ опять нищій: онъ отдаетъ сиротъ свое родовое имѣніе, исполняя волю умершей тетки. По счастью, дѣвушка ему понравилась еще прежде, чѣмъ онъ узналъ о своихъ правахъ на наследство. Мирошевъ женится на ней, и счастливый, благословляющій милость Божію, живетъ спокойно 17 лѣтъ въ своей красивой Хопровкѣ. Но нужно испытаніе злату въ горниль, и Богъ посылаетъ Мирошеву испытаніе: единственная дочь, которую онъ и мать любятъ всею силою простыхъ сердець своихъ, ничѣмъ другимъ неразвлеченныхъ, полюбила сына сосѣда, богатаго и знатнаго родомъ; сынъ, разумѣется, самъ ее любить; но отецъ слышать не хочетъ о женитьбѣ сына на мелкопомѣстной дворяночкѣ. Дочь сдѣлалась больна, почти умираетъ, мать приходитъ въ отчаяніе. Въ то же время встала другая бѣда: крѣпостный человекъ, управитель графскаго сосѣдняго имѣнія, озлобленный за отказъ его сыну, круглому дураку, котораго онъ вздумалъ женить на дочери Мирошева, извѣстный ябедникъ и дѣлецъ, подаетъ просьбу на бѣднаго Кузьму Петровича, и отнимаетъ у него, безъ всякаго права, почти всю землю, то есть совершенно его разоряетъ. Обидное сватовство «холопскаго» сына възбѣсило всю дворянню Мирошевыхъ, вывело изъ себя даже тихую и скромную супругу Кузьмы Петровича: — онъ одинъ оставался кротокъ и твердъ въ своей кротости, онъ не позволилъ проводить сваху съ безчестіемъ. Воряба съ имѣніемъ знатнаго вельможи и богача была невозможна: Мирошевъ

вездѣ проигрываетъ, и дѣло переходитъ въ Московскій Сенатъ; но онъ терпѣливо переноситъ свое горькое положеніе, грозящее ему совершеннымъ раззореніемъ, сокрушается только о дочери, и то безъ малѣйшаго ропота на волю Божию. Дочери помогаетъ проѣзжей лекаръ, и Мирошевъ, собравъ послѣдніе крохи, ѣдетъ хлопотать по своему дѣлу въ Москву. Онъ навѣрное бы проигралъ свою тяжбу, еслибы одинъ изъ его прежнихъ сослуживцевъ (такой же бѣднякъ, какъ и онъ) не вздумалъ затѣять его обманомъ на обѣдъ къ тому самому графу, съ которымъ онъ тягася. Этотъ вельможа держалъ открытый столъ, то есть, у него могъ обѣдать всякой порядочно одѣтый человекъ, никому не объявляя своей фамиліи. Мирошевъ послѣ обѣда узналъ, у кого онъ въ гостяхъ; ужасно переконфузился отъ мысли, что ѣлъ хлѣбъ и соль у хозяина, съ которымъ велъ тяжбу, и спѣшилъ уйти домой. По несчастью или лучше сказать по счастью, сосѣдъ его за обѣдомъ (мошенникъ, переодѣтый въ офицерскій мундиръ) укралъ ложку: подозрѣніе падаетъ на Мирошева! Его замѣшательство, когда при выходѣ спросили его фамилію и мѣстожителство, превращаетъ подозрѣніе въ увѣренность. Графу доложили о покражѣ и онъ приказываетъ отнести къ Мирошеву, мнимому вору, еще 11-ть ложекъ: «пусть де будетъ у него полная дюжина.» Здѣсь то несчастный Кузьма Петровичъ, дорожившій своимъ честнымъ именемъ болѣе всего на свѣтѣ, доходитъ почти до отчаянія... Но истина скоро открывается; графъ узнаетъ все: проситъ у Мирошева прощенія, чувствуетъ у себя въ домѣ, прекращаетъ тяжбу, снабжаетъ сотнею рублей на возвратный путь, и беретъ честное слово съ Кузьмы Петровича, что онъ немедленно по пріѣздѣ домой, пошлетъ за управителемъ и прочтетъ ему письмо, запечатанное графскою печатью. Мирошевъ исполняетъ въ точности порученіе графа: воротясь домой, обнявъ жену и дочь, посылаетъ за управителемъ, распечатываетъ при немъ графской конвертъ, и находитъ купчую крѣпость на все графское сосѣднее имѣніе, состоящее изъ 437 душъ, и въ томъ числѣ на самаго управителя, совершенную на за-

конномъ основаніи въ Московской Гражданской Палатѣ на имя Мирошева. Графъ счелъ за долгъ честнаго челоуѣка, вознаградить за всѣ обиды и разореніе, нанесенныя (отъ его имени) неправедною ябедническою тяжбою ни въ чемъ невиноватому сосѣду. Надменный графской управитель, который не очень посматривалъ и на губернатора, разумѣется, повалился въ ноги новому помѣщику. Ни одной минуты не остановился на мысли: владѣть своимъ врагомъ, не обидѣвъ его ни однимъ грубымъ словомъ: «встань Панкратій Лукичъ! Пусть простить тебя Господь, какъ я тебя прощаю. Сгупай сегодня же въ городъ и пиши себѣ отпускную», — сказалъ Мирошевъ. Между тѣмъ, другое еще болѣе радостное извѣстіе ожидало иужнаго отца: гордый и знатный сосѣдъ, но челоуѣкъ съ добрымъ средцемъ, побѣжденный постоянствомъ и покорностью своего сына, согласился на его женитьбу на дечери Мирошева... Полное благополучіе; заслуженная награда честности и христіанскаго смиренія, поселяется подъ кровомъ Мирошевыхъ. Еще 15 лѣтъ жилъ, служилъ и любовался счастіемъ своихъ господъ, Прохоръ Кондратьичъ. Умирая, онъ отдалъ Кузмѣ Петровичу ларчикъ: въ немъ лежала сверху икона Преподобнаго Космы, Епископа Халкидонскаго, мѣшечекъ съ десятыю цѣлковыми и мелкимъ серебромъ, двѣ изломанныя игрушки, тетрадка съ дѣтскими прописями и бережно завернутая въ бумагу пара истертыхъ сафьянныхъ башмачковъ, которые Кузма Петровичъ носилъ въ своемъ ребячествѣ... Я счелъ за пужное разказать содержаніе романа, можетъ быть неизвѣстнаго многимъ моимъ читателямъ новаго поколѣнія. Все просто, все обыкновенно въ «Мирошевѣ»; даже трудно объяснить, что именно производитъ то глубокое и благотворное впечатлѣніе, которое оставляетъ въ душѣ читателя чтеніе этой повѣсти. Кузма Петровичъ Мирошевъ лице невидное, безцвѣтное и безстрастное; тотъ, кто взялъ его въ герои своего романа, долженъ былъ носить въ душѣ любовь и уваженіе къ внутренней духовной высотѣ такого лица. Загоскинъ совершилъ многотрудный подвигъ: онъ вывелъ такъ называемаго добродѣтельнаго, въ настоящемъ же случаѣ просто

добраго , человека , камень преткновенія и для великихъ талантовъ , — и добрый человекъ не сучень , а напротивъ возбуждаетъ полное сочувствіе. Мирошевъ , снисходительный и уступчивый во всемъ , что касается до его личности , до его самолюбія , до всего того , что свѣтъ называетъ благородствомъ , — твердъ и постояненъ въ сопротивленіи всему нарушающему его совѣсть , въ которой безсознательно заключается святость его вѣрованій и нравственность убѣждений. Я хотѣлъ было выписать что-нибудь поболье пзъ словъ Мирошева , для опредѣленія его характера и для подтвержденія моего мнѣнія , но нечего выписать , не на чемъ остановиться : нѣтъ ни одного особенно замѣчательнаго слова , ни одного выдающагося движенія , но таковъ и долженъ быть Мирошевъ. Онъ ничего не сдѣлалъ необыкновеннаго , но читатель убѣжденъ , что если потребуетъ долгъ , Кузьма Петровичъ поступитъ съ полнымъ самоотверженіемъ , и что нѣтъ такого геройскаго подвига , котораго бы онъ не совершилъ незадумавшись ; однимъ словомъ : это русскій человекъ — христіанинъ , который дѣлаетъ великія дѣла , не удивляясь себѣ , а думая , что такъ слѣдуетъ поступать , что такъ поступитъ всякой , что иначе и поступить нельзя... и только русской человекъ — христіанинъ , какимъ былъ Загоскинъ , могъ написать такой романъ. Загоскинъ сдѣлалъ это безъ малѣйшаго усилія ; для всякаго же другаго это былъ бы подвигъ слишкомъ трудный , едва ли возможный. Загоскину не нужно было творчества ; онъ черпалъ изъ себя , изъ своей собственной духовной природы , и , подобно Мирошеву , не зналъ , что онъ сдѣлалъ и не оцѣнилъ послѣ : онъ признавался мнѣ , что этотъ его романъ немножко скучноватъ , что онъ писалъ его такъ , чтобы потѣшить себя описаніемъ жизни самаго простаго человека , но я думаю , что нигдѣ не проявлялся съ такой силою талантъ его , какъ въ этомъ простомъ описаніи жизни простаго человека. На все есть время , а для настоящей эпохи оно летитъ съ неизмовѣрной быстротой. Въ десять лѣтъ много утекло воды , и можетъ быть теперь Мирошевъ будетъ оцѣненъ гораздо выше : прямое , искреннее посмотрѣть мы на нравственную высоту души и лучше на-

чинаемъ понимать русскаго челоуька. Я знаю, что молодое поколѣніе любителей русской литературы мало читало сочиненій Загоскина, развѣ прочло одного Юрія Милославскаго. Знаю, что оно выросло подѣ вліяніемъ неблагоклонныхъ отзывовъ журнальныхъ рецензентовъ, и потому я прошу каждаго изъ нихъ, кому дорогъ свой собственный взглядъ и судъ. прочесть Миропева, хотя для того, чтобъ имѣть полное право не согласиться.

Въ 1842-мъ же году Загоскинъ выдалъ «Москва и Москвичи. Записки Богдана Ильича Бѣльскаго. Выходъ I-й.» Эта книжка содержала въ себѣ десять небольшихъ статей. Двѣ изъ нихъ, III-я и VIII-я, то есть первая сцена изъ московской домашней и общественной жизни («выборъ жениха») вошли потомъ въ составъ послѣдней комедіи Загоскина, о которой я буду говорить въ своемъ мѣстѣ. Въ мелкихъ статьяхъ авторъ вездѣ сохраняетъ свои обыкновенныя достоинства: легкость и свободу языка, веселость и оригинальность взгляда. Очень часто можно не соглашаться съ взглядомъ сочинителя, но всегда прочтешь съ удовольствіемъ все имъ написанное. «Москва и Москвичи, выходъ первый» заключаетъ въ себѣ интересныя извѣстія о многихъ московскихъ зданіяхъ и окрестностяхъ. Вѣроятно по этой причинѣ «первый выходъ» переведенъ на французской языкъ и немедленно былъ вторично изданъ на русскомъ.

Въ 1844-мъ году напечаталъ Загоскинъ второй выходъ Москвы и Москвичей. Въ немъ находилось 11 мелкихъ статей, болѣе или менѣ относящихся къ Москвѣ, къ образу жизни и правамъ ея обитателей. Второй выходъ имѣлъ все достоинства перваго; доставлялъ такое же пріятное чтеніе, былъ также хорошо принятъ читающей публикой и также въ непродолжительномъ времени былъ напечатанъ вторымъ изданіемъ. Оба выхода «Москвы и Москвичей» имѣли особенный интересъ для московскихъ читателей. Въ некоторыхъ лицахъ многіе узнали своихъ знакомыхъ, а потому и во всѣхъ остальныхъ искали съ кѣмъ нибудь сходства. Въ лаковомъ камергерѣ, который часто встрѣчался и бесѣдовалъ

съ Богданомъ Ильичомъ Бѣльскимъ, всѣ узнавали самаго сочинителя.

Между тѣмъ Загоскину захотѣлось возвратиться къ историческимъ романамъ: онъ снова занялся чтеніемъ, изученіемъ и выписками изъ старинныхъ рукописей и документовъ и въ 1846-мъ году напечаталъ: «Брынскій лѣсъ. Эпизодъ изъ первыхъ годовъ царствованія Петра Великаго», въ двухъ томахъ. Публика обрадовалась ему. Этотъ романъ напомнилъ читателямъ Юрія Милославскаго: онъ написанъ съ тою же силою таланта, утратившаго можетъ быть только первую свѣжесть и новостъ; но конечно романъ не произвелъ и не могъ произвести такого же впечатлѣнія, уже по одной разности эпохъ: въ Юріѣ Милославскомъ въ 1612-мъ году дѣло шло о спасеніи русской земли; оно составляло главное содержаніе, а все прочее было придаточной обстановкой; а въ «Брынскомъ лѣсу» положеніе государства, конечно весьма интересное и важное по своимъ послѣдствіямъ, составляетъ небольшую придаточную часть и служить, такъ сказать, введеніемъ въ интригу романа, по несчастью — любовную. Любовь всегда была самою слабою стороною въ романахъ Загоскина. Здѣсь она приторнѣе и несовременнѣе, чѣмъ во всѣхъ прежнихъ. Я не знаю, какимъ образомъ любили въ старину, но всякой скажетъ, вмѣстѣ со мною, что не такъ любили, не такъ думали и говорили, какъ герои романа въ «Брынскомъ лѣсу». Не смотря на то дальнѣйшій ходъ разсказа очень интересенъ; авторъ весьма искусно, естественно вмѣшалъ въ него тогдашнихъ раскольниковъ: они описаны живо и забавно; но взгляды на расколъ, хотя и вѣрный только съ одной смѣшной стороны, слишкомъ одностороненъ; въ сущности раскола лежало гораздо болѣе важнаго значенія. Очень удачно нарисованъ бояринъ Куродавлевъ, осердившійся на царя за мнимое оскорбленіе своего родоваго старшинства, в живущій по боярски въ своей отдаленной отчинѣ; его помѣщичьи отношенія къ своимъ крестьянамъ, холопьямъ и безчисленной дворнѣ, также описаны прекрасно, живо и даже вѣрно, сказалъ бы я, если ихъ придвинуть поближе къ намъ, то есть, если бы событія романа происходили не въ 1682-мъ,

а хотя въ 1742-мъ году, двумя поколѣніями позднѣе. Едва ли можно предположить, чтобы отношенія помѣщика къ крестьянамъ до-Петровскаго періода были таковы, какими изобразилъ ихъ авторъ. Впрочемъ всѣ достоинства и особенности таланта Загоскина: русская удаля, рѣчь, шутка, жизнь — блестятъ яркими красками въ этомъ романѣ, и онъ читается весело, съ участіемъ въ ходѣ запутанныхъ происшествій и въ трудномъ положеніи дѣйствующихъ лицъ. «Брянскій лѣсъ» имѣлъ уже два изданія и скоро будетъ изданъ въ третій разъ.

Въ 1848 году Загоскинъ напечаталъ свой послѣдній историческій романъ въ двухъ частяхъ: «Русскіе въ началѣ восемнадцатаго столѣтія. Разсказъ изъ временъ единодержавія Петра I-го.» Не нужно распространяться о томъ, какое обширное и богатое поле, исполненное самыхъ важныхъ историческихъ интересовъ, съ каждымъ днемъ получающихъ для насъ большую значительность, представлялось таланту романиста. Самое названіе романа обязывало автора къ изображенію общественнаго положенія, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, отражался бы переворотъ государственный. Разбирая этотъ романъ, прежде всего надобно сказать, что дѣло идетъ не о томъ, до какой степени справедливо воззрѣніе автора на это великое событіе. Я совершенно устраняю этотъ вопросъ, и, по моему мнѣнію, никто не въ правѣ требовать отъ романиста, чтобы онъ такъ или иначе понималъ историческія событія. Взглядъ Загоскина довольно объясняется во вступленіи къ роману. И такъ я постараюсь только опредѣлить: удовлетворительно ли онъ исполнилъ свою задачу, смотря на предметъ съ его собственной, извѣстной точки зрѣнія? Вотъ въ короткихъ словахъ содержаніе разсказа: на сценѣ являютя два молодыхъ гвардейскихъ офицера: Симскій и Мамоновъ, книжная рѣчь которыхъ, пересыпанная дикими иностранными словами, приводитъ въ изумленіе и досаду стариковъ того времени; оба молодые челоѵка весьма охотно принимаютъ новый порядокъ вещей и уже скучаютъ старинными обычаями: это представители новаго поколѣнія. Въ противоположность имъ выведено три старика:

Л. Н. Рокотовъ, пристрастный другъ старинны, ожесточенный врагъ новизны; М. П. Прокудинъ, также осуждающій нововведенія и хранящій старые обычаи, но безъ ожесточенія: читатель чувствуетъ, что этотъ добрый старикъ, способный оцѣнить хорошее въ противной ему новизнѣ, способенъ сдѣлать уступки и сдѣлаетъ ихъ со временемъ; наконецъ третій, Д. Н. Загоскинъ, дядя Симскаго, уже добровольно уступившій новымъ мыслямъ и новому порядку вещей, обрившій бороду и надѣвшій нѣмецкое платье, несмотря на воли его окружающихъ и на сокрушеніе своей жены. Изъ женскаго пола выведена одна среднихъ лѣтъ А. П. Ханыкова, которая также уже поддавалась вліянію новыхъ нравовъ; съ нею живетъ временно родная племянница, В. Д. Запольская, воспитанная вмѣсто дочери роднымъ братомъ Ханыковой, Прокудинымъ. Эта двушка, героиня романа, сохраняя во всей чистотѣ старинныя семейныя понятія и нравъ, безъ отвращенія однако ѣздитъ съ своею теткою на нѣмецкія танцевальныя ассамблеи, гдѣ и познакомилась съ молодымъ Симскимъ; разумеется, они полюбили другъ друга. Надобно отдать справедливость Загоскину, что эта любовь уже гораздо своенѣе всѣхъ прежнихъ описаній любви въ его романахъ. Завязка состоитъ въ томъ, что Прокудинъ сначала не соглашается отдать свою племянницу за Симскаго, который въ большинствѣ горько отправляется съ своимъ полкомъ на войну съ Турками. Изъ лагеря на Прутѣ съ самую отчаянную минуту, Петръ I отправляетъ его съ извѣстнымъ указомъ въ Сенатъ; порученіе очень опасно, но Симскій счастливо избавляется отъ неминуемой смерти и доставляетъ указъ Сенату; благороднымъ поступкомъ съ своимъ соперникомъ, котораго считалъ женатымъ на Ольгѣ Дмитриевнѣ Запольской, но которому уже давно отказалъ Прокудинъ, какъ подлому прусу, Симскій смягчаетъ предубѣжденіе старика, нравится ему сверхъ того уваженіемъ къ старинѣ и получаетъ руку своей любезной. Есть еще нѣсколько лицъ эпизодическихъ, о которыхъ не говорю. Судя по расходу книги и по отзывамъ тогдашней читающей публики, романъ не имѣлъ большаго успѣха. Всѣ ожидали чего-то другаго: интригу находили

слишкомъ простою, невозбуждающею любопытства, а благополучную развязку — неизмѣяющею достаточныхъ причинъ. Можетъ быть, это отчасти справедливо. Но задача романа состояла не въ томъ. Въ рецензіяхъ журнальныхъ не было сказано ничего опредѣленнаго: слышалась только мысль, что авторъ поверхностно, не глубоко исчерпалъ любопытное время своего романа. Я не разделяю этаго мнѣнія. Я думаю, что едвали Загоскинъ могъ черпать глубже, не преступивъ предѣловъ романа и не коснувшись живыхъ государственныхъ вопросовъ. По моему мнѣнію, сочинитель, вѣрный собственному воззрѣнію, обработалъ данный предметъ со всею силою и жизнію своего таланта, и разнохарактерная картина общества съ его замѣчательными оттѣнками написана вѣрно. Изъ всѣхъ разнородныхъ представителей общественнаго мнѣнія, авторъ никому не даетъ явнаго превосходства. Хотя мы знаемъ, съ кѣмъ болѣе согласенъ сочинитель, но противники предка его, Загоскина, и тогдашняго молодаго поколѣнія, особенно непреклонный Рокотовъ, говорятъ очень убѣдительно и дѣльно; сопротивленіе ихъ новымъ идеямъ такъ естественно, такъ много въ немъ здраваго русскаго толка, что дѣйствующія лица являются живыми людьми, а не отвлеченными призраками или воплощенными мыслями, выведенными для торжества извѣстнаго принципа. Нѣкоторые находили, что мало показанъ Петръ I; но я не могу и съ этимъ согласиться: болѣе показать Петра I-го было невозможно и не должно; его огромная личность закрывала бы весь романъ и, заставивъ поблѣднѣть или уничтоживъ всѣ другіе интересы, — все бы не удовлетворила читателя. Въ такую ли тѣсную рамку уставиться великому? — Придаточныя лица въ романъ, каждое въ своемъ родѣ, очень естественны, живы и веселы, кромѣ, можетъ быть, немножко идеальной молдаванки, куконь Хереско. Небольшая сцена нѣмецкихъ генераловъ и французскаго бригадира, извѣстнаго Моро де Бразе, въ лагерной палаткѣ на Прутѣ, при всей своей краткости и сжатости, передаетъ очень живо всѣхъ этихъ господъ. Русская рѣчь также хороша, проста и сильна, однимъ словомъ я считаю послѣднее произведеніе Загоскина не уступающимъ въ достоинствѣ

лучшимъ его прежнимъ сочиненіямъ, даже нахожу въ немъ большую зрѣлость мысли и силу языка.

Въ томъ же 1848-мъ году Загоскинъ выдалъ третій выходъ «Москвы и Москвичей.» Онъ состоялъ изъ двѣнадцати небольшихъ статей, относящихся до Москвы, ея обычаевъ, жителей и заведеній; одна изъ нихъ, самая большая по объему и очень забавная по содержанию, а именно: статья IV-я, называющаяся «Поѣздка за границу», написанная въ разговорахъ, — послужила основаніемъ комедіи тогоже имени. Книжка не имѣла однакожь такого успѣха, какъ два первые выхода. Менѣе всѣхъ показалась удовлетворительною 1-я статья: «Нѣсколько словъ о нашихъ провинціяхъ.» Авторъ, не выезжая изъ Москвы 30 лѣтъ, написалъ ее по слухамъ, а не по собственному личному убѣжденію, слѣдствіемъ чего было во-первыхъ то, что онъ не имѣлъ права обвинять современныхъ писателей въ пристрастіи и умышенномъ оскорбленіи провинціальныхъ жителей, будто бы терпящихъ напраслины, и во-вторыхъ то, что все написанное въ защиту провинціального быта, вышло блѣдно, неосновательно, высказано безъ убѣжденія и наполнено общими мѣстами, кому же и содержаніе нѣкоторыхъ мелкихъ статей уже слишкомъ мелко. Справедливость требуетъ сказать, что послѣдняя статья: «Два слова о нашей и современной одсѣжѣ» при всей своей краткости и недостаточномъ развитіи, имѣеть положительное достоинство и замѣчательна по своей мысли.

Въ 1850 году Загоскинъ напечаталъ комедію въ 4-хъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ: «Поѣздка за границу». Она была представлена на театрѣ 19-го Января. Публика приняла ее на сценѣ очень хорошо, хотя причина благопріятной развязки, останавливающая только *на-время* поѣздку за границу, нѣсколько ватянута: собственно тутъ нѣтъ поѣздки, а есть только сборы за границу, но за то эти сборы такъ забавны, что зрители смотрѣли комедію всегда съ удовольствіемъ. Надобно прибавить, что она была разыграна очень удачно.

Въ томъ же году вышла 4 я книжка или выходъ «Москвы и Москвичей», заключающая въ себѣ 10 статей и небольшое предисловіе или вступленіе подъ названіемъ: «къ читателямъ».

Загоскину показалось, что рамки, назначенныя имъ для своихъ рассказовъ, слишкомъ узки; онъ рѣшился раздвинуть ихъ, то есть рѣшился говорить не объ одной Москвѣ и ея обычаяхъ, о чемъ и предупредилъ своихъ читателей. Онъ назвалъ свои анекдотическіе рассказы, содержаніе которыхъ не касалось Москвы, «Осенними вечерами,» которые однако не представили большой занимательности; статьи же, собственно относящіяся къ Москвѣ, были напротивъ очень интересны, и вѣроятно благодаря имъ, читающая публика приняла четвертый выходъ «Москвы и Москвичей» гораздо лучше третьяго.

Еще въ 1841 году, во второмъ томѣ извѣстнаго велико-лѣпнаго альманаха «Сто Русскихъ литераторовъ», изданнаго Смирдиннымъ, былъ напечатанъ довольно большой рассказъ Загоскина подъ названіемъ «Официальный обѣдъ». Изъ этого забавнаго, но нѣсколько растянутаго рассказа, въ 1850 же году авторъ сдѣлалъ комедію въ прозѣ, кажется, въ трехъ дѣйствіяхъ: «Заплатный городъ». Вѣроятно на сценѣ она была бы очень весела и смѣшна; но піеса эта не была играна на театрѣ и до сихъ поръ остается не напечатанною.

Въ 1851 году напечатана въ Петербургѣ, сначала въ журналъ: «Библіотека, для чтенія» а потомъ отдѣльно, послѣдняя комедія Загоскина въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ: «Женатый женихъ». Два ея акта составлены изъ двухъ сценъ «Московской домашней и общественной жизни», напечатанныхъ въ первомъ выходѣ «Москва и Москвичи». Эта комедія въ томъ же году разыграна на Московскомъ театрѣ и весьма неудачно. Піеса до такой степени была дурно или мало срепетирована, что нѣкоторые актеры плохо знали роли. Причиною тому было особенное обстоятельство. Загоскинъ, отличавшійся всегда завиднымъ здоровьемъ, съ нѣкотораго времени началъ прихварывать, и совсѣмъ не позаботился о репетиціяхъ. Піеса не имѣла успѣха, то есть: ее перестали давать; но при первомъ представленіи зрители много смѣялись, и авторъ былъ вызванъ единодушно, какъ и всегда, признательною Московскою публикою. Впрочемъ, кромѣ плохаго исполненія, сама комедія была удачно составлена; на

говору уже о томъ, что два лучшіе акта были давно известны публикѣ въ драматической же формѣ, но только написанные прозою. Вотъ доказательство, что прекрасные, легкіе и сильныя стихи, оправленные часто въ диковинныя, мастерски приложенныя рифмы, и что даже забавныя сцены (если взять ихъ отдѣльно) не могутъ дать успѣха комедіи на театрѣ, если въ ней нѣтъ внутренней связи и единства интереса. Какъ бы то ни было, въ первый разъ случилось, что Загоскинъ былъ огорченъ неудачей на сценѣ своего театральнаго произведенія; онъ приписывалъ эту неудачу невниманію актеровъ, что было справедливо только отчасти. Комедія «Женатый женихъ» — последнее произведеніе Загоскина, явившееся на сценѣ и въ печати.

Загоскинъ начиналъ разхварываться: онъ чувствовалъ постоянный ломъ, по временамъ сильно ожесточавшійся въ ногахъ, и даже въ груди, съ какии-то наружнымъ раздраженіемъ кожи; впрочемъ сначала онъ терпѣлъ болѣе безпокойства, чѣмъ боли. Доктора находили, что это артритическая острота, (разсыпная подагра), перешедшая въ послѣдствіи въ подагру атоническую, — нервную. Загоскинъ не любилъ лечиться; первую зиму онъ перемогался, продолжалъ ежедневно выѣзжать, и надѣялся, что лѣто и верховая ѣзда за городомъ, которую онъ очень любилъ, лучше докторовъ возстановятъ его здоровье. Въ первый годъ, точно такъ и было: онъ видимо поправлялся лѣтомъ, но къ осени болѣзнь возвратилась съ удвоенною силою. Загоскинъ принужденъ былъ приняться за лекарство; но лечился такъ неправильно, своенравно, такъ часто перемѣнялъ методу леченія и самыя средства, употребляя ихъ нередко въ страшномъ извѣществѣ, слѣдуя совѣтамъ не врачей, что безъ сомнѣнія леченіе ему повредило, и придало болѣзни силу и важность. Страданія физическія отняли у него возможность писать, а человеку, привыкшему въ теченіе цѣлой жизни къ ежедневной умственной работѣ, такое лишеніе невыносимо. Загоскинъ принялся читать и перечиталъ все, что за недосугомъ было только просмотрѣно или пропущено совсѣмъ. Сначала онъ выѣзжалъ по вечерамъ почти ежедневно, но ѣздилъ уже не въ свѣтское

общество, а къ самымъ короткимъ друзьямъ, гдѣ нерѣдко увлекался своимъ живымъ характеромъ, забывая на мгновеніе мучительныя боли, горячился въ спорахъ о какихъ нибудь современныхъ интересахъ, а иногда въ спорахъ о картахъ за 5-ти-копѣечнымъ ералашемъ: громкій голосъ его звучно раздавался по прежнему, по прежнему всѣ были живы и веселы вокругъ него, и взглянуть въ такія минуты на Загоскина, нельзя было подумать, что онъ постоянно страдалъ недугомъ, тяжкимъ и смертельнымъ. Наконецъ болѣзнь такъ усилилась, что онъ не могъ выезжать по вечерамъ: обстоятельство очень тяжелое для Загоскина, потому что при огнѣ онъ не могъ читать; его вывозили только прогуливаться и онъ, не вылезая изъ экипажа, дѣлалъ визиты своимъ пріятелямъ и знакомымъ. Кромѣ собственнаго его семейства, родной братъ М. Н. З. съ женою, жившіе тогда въ Москвѣ, были ежедневными его собесѣдниками. Друзья также навѣщали его, составляли пріятельской вистъ или ералашъ, и больной не давалъ задумываться своимъ посѣтителемъ, а напротивъ нерѣдко заставлялъ ихъ смѣяться. Между тѣмъ безпорядочное, часто измѣняемое, леченіе героическими средствами продолжалось; приключилась посторонняя болѣзнь, которая при другихъ обстоятельствахъ не должна была имѣть никакихъ печальныхъ послѣдствій, но когда могучій организмъ и пищеварительныя силы ослабли, истощились, и 23-го Іюня 1850 года, въ пятомъ часу по полудни послѣ двухъ-часоваго спокойнаго сна, взявъ изъ рукъ меньшаго сына стаканъ съ водою и выпивъ немного, онъ внимательно посмотрѣлъ во кругъ себя.... вдругъ лице его совершенно измѣнилось, покрылось бѣдностью, и въ то же время просіяло какою-то веселостью. Онъ вздохнулъ и — его не стало. Больной заснулъ тихимъ, спокойнымъ, вѣчнымъ сномъ. За четыре дня онъ пріобщился Святыхъ Таинъ. Тѣло его предано землѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ*.

* С. И. Клименковъ, почтенный и всѣмъ извѣстный въ Москвѣ врачъ, который 15 лѣтъ былъ медикомъ и другомъ покойнаго Загоскина и всего его семейства, по котораго, по несчастію, онъ

Считаю излишнимъ говорить о глубокой горести его семейства и особенно, больной съ давнихъ лѣтъ, его супруги.

Загоскинъ написалъ и напечаталъ 29 томовъ романовъ, повѣстей и рассказовъ, 17 комедій и 1 водевилъ. Въ бумагахъ его найдено немного: прекрасный рассказъ «Канцеляристъ» и нѣсколько мелкихъ статей, которыя вмѣстѣ съ ненапечатанной комедіей «Заштатный городъ» составятъ, какъ я слышалъ, пятый и послѣдній выходъ «Москвы и Москвичей.» Говоря объ Юрѣ Милославскомъ и о Миросшевѣ, я достаточно высказалъ мое мнѣніе о талантѣ Загоскина. Не излишнимъ считаю повторить въ нѣсколькихъ словахъ сказанное мною: талантъ Загоскина самобытный оригинальный, исключительно Русскій; въ этомъ отношеніи онъ не имѣетъ соперника, и потому я считаю его единственнымъ Русскимъ народнымъ писателемъ; основныя качества его таланта — драматичность, теплота и простодушная веселость, даръ драгоценный, рѣдко встрѣчаемый въ самыхъ знаменитыхъ писателяхъ. Это не то, что мы называемъ комизмомъ или юморомъ: Загоскинъ не возбуждаетъ того высокаго смѣха, вслѣдъ за которымъ выступаютъ слезы. Читая Загоскина, становится только весело на душѣ, и со дна ея незамѣтно поднимается чувство народности, достоинство высокое.... Къ этому должно прибавить, что все написанное Загоскинымъ, проникнуто чувствомъ нравственнымъ, религіознымъ, и пламенной любовью къ родной землѣ; его же искренняя, горячая преданность къ Государю известна всѣмъ. Загоскинъ проводилъ Русское направление, какъ онъ понималъ его, вездѣ, во всякомъ сочиненіи, и возставалъ, сколько могъ, противъ подражанія иностранному.

не слушался въ послѣдніе два года, призванный только за три дня до кончины Загоскина, полагаетъ, что она произошла вслѣдствіе истощенія силъ большаго, сначала гидрпатіей, потомъ средствами горчичными и раздражающими, наконецъ четырехмѣсячнымъ употребленіемъ Цитманова декокта; что наследственная подагра, гнѣздившаяся въ немъ издавна, не смотря на трезвую и правильную жизнь, при существовавшей тогда эпидеміи въ Москвѣ кровавыхъ дисентерій, бросилась на пищеварительныя органы и произвела воспаление и антоновъ огонь.

Загоскинъ былъ Членомъ Русскаго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, а потомъ и Предсѣдателемъ Общества Любителей Русской Словесности при Московскомъ Университетѣ. Сверхъ того онъ имѣлъ *авторскія кресла* въ театрахъ обѣихъ столицъ: награда, которою, кромѣ его, не былъ почтенъ ни одинъ Русскій драматическій писатель.

Опредѣливъ, по крайнему моему разумѣнію, согласно моимъ личнымъ убѣжденіямъ, Загоскина, какъ писателя, я долженъ теперь сказать о немъ, какъ о человѣкѣ. Говорить о служебной дѣятельности Загоскина не мое дѣло. Безъ сомнѣнія онъ, какъ человѣкъ честный, дорожилъ добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ должностей. Его формулярный списокъ свидѣтельствуетъ, что кромѣ наградъ чинами, орденами и знакомъ отличія за 40-лѣтнюю безпорочную службу, Загоскинъ получилъ восемь Высочайшихъ благоволеній, изъ коихъ шестью удостоенъ, служа при театрѣ «за хозяйственные распоряженія и соблюденіе значительной экономіи.»

Основными качествами характера Загоскина были: честность, веселость, неограниченное добродушіе и доверчивость; послѣдними двумя качествами, — которыя людская испорченость называетъ дѣтскими, слѣдственно не уважаетъ, и даже смѣется надъ ними, — разумѣется пользовались люди, имѣвшіе къ тому охоту и надобность; имъ особенно помогала во мѣлчивость Загоскина, проходившая мгновенно и безвредно. Стоило только его разсердить, что было весьма нетрудно, — въ горячности вылетало у него какое нибудь рѣзкое или грубое слово, мнимо обиженный прикидывался огорченнымъ, жалкимъ — и добрыйшій Загоскинъ готовъ былъ сдѣлать все, чтобъ загладить вину свою. Дѣлая много добра, онъ никогда не помнилъ о томъ; ему пріятно было, если помнили другіе, и пріятно только потому, что онъ радовался душою, находя въ людяхъ добрыя качества. Загоскинъ никогда не жаловался и даже не любилъ, чтобъ говорили и другіе о какомъ нибудь человѣкѣ, неблагодарномъ ему за добро. Я самъ, выведенный изъ терпѣнія однимъ такимъ господиномъ, исторію котораго зналъ коротко,

выразился о немъ очень жестоко, будучи наединѣ съ Загоскинымъ.... Загоскинъ огорчился и взялъ съ меня честное слово не говорить никогда, не только ему, но и никому о неблагодарности лица, о которомъ у насъ шла рѣчь. Призавоусь, я былъ пораженъ такою христіанскою добротою. Загоскинъ во всю свою жизнь не сдѣлалъ съ намъ времѣмъ никому вреда. Это несомнѣнная истина. Въ пылу горячаго спора, ему случалось сказать о чловкѣ, даже при лишнхъ свидѣтеляхъ, что нибудь могущее повредить ему; но когда горячность проходила, и Загоскину объясняли, какія вредныя послѣдствія могли имѣть его слова, которыхъ онъ не понималъ, — Боже мой, въ какое раскаяніе приходилъ онъ.... онъ отыскивалъ по всему городу заочно оскорбленнаго имъ чловка, бросался къ нему на шею, хотя бы то было посредн улицы, и просилъ прощенья; этого мало; отыскивалъ людей, при которыхъ онъ сказалъ обидныя слова, признавалъ свою ошибку и превозносилъ похвалами обиженнаго.... Можетъ быть, инымъ покажется это смѣшно, но высока эта свѣдѣтельная сторона. Будучи вспыльчивъ отъ природы, Загоскинъ совсѣмъ не имѣлъ того раздражительнаго авторскаго самолюбія, которымъ обыкновенно страдаютъ писатели. Не только его друзья и пріятели, но всякій могъ сдѣлать лично ему какія угодно жесткія замѣчанія, и онъ принималъ ихъ всегда добродушно и спокойно, и готовъ былъ сознаться въ ошибкѣ, если чувствовалъ справедливость замѣчаній. Онъ не выносилъ только одного, если нападая на Загоскина, задѣвали Россію или Русскаго чловка, тогда неминуемо слѣдовала горячая вспышка. — Загоскинъ былъ разсѣлянъ, и его разсѣянность подавала поводъ ко многимъ смѣшнымъ анекдотамъ: онъ часто клалъ чужія вещи въ карманъ и даже запералъ ихъ въ свою шкатулку; съѣлъ одинъ разъ въ чужую карету, къ дамъ, не коротко знакомой, и приказалъ кучеру ѣхать домой, тогда какъ мужъ стоялъ на крыльцѣ, и съ удивленіемъ смотрѣлъ на похищеніе своей жены. Въ другой разъ онъ велѣлъ отвезть себя не въ тотъ домъ, куда хотѣлъ ѣхать и гдѣ ожидало его цѣлое общество; онъ задумался, вошелъ въ гостиную, въ которой бывалъ

очень рѣдко, и объявилъ хозяйкѣ, съ которой былъ не коротко, но давно знакомъ, что прѣхалъ прочесть ей по общаѣму отрывокъ изъ своего романа; хозяйка удивилась и очень обрадовалась, а Загоскинъ, примѣтивши наконецъ ошибку, посовѣстился признаться въ ней, и прочелъ назначенный отрывокъ къ общему удовольствію и хозяевъ и гостей. Разсѣянность не оставляла иногда Загоскина даже въ дѣлахъ служебныхъ: онъ подалъ одинъ разъ Министру вмѣсто рапорта о благосостояніи театра, счетъ своего портнаго: Министръ усмѣхнулся и сказалъ: «Охъ, эти господа авторы.»—Загоскинъ былъ не только разсѣянъ, но и чрезвычайно безпамятенъ, отчего такъ конфузился на сценѣ, что почти не могъ участвовать въ благородныхъ спектакляхъ, хотя иногда очень желалъ раздѣлять со всѣми эту забаву, бывшую въ большомъ ходу въ Москвѣ въ 1820 годахъ. Особенно былъ смѣшенъ одинъ случай, который я расскажу, какъ характерную черту фізіономіи Загоскина: въ день именинъ или рожденія К. Д. В. Г-на, котораго, какъ человѣка, любили всѣ, безъ исключенія, былъ сдѣланъ ему сюрпризъ; Загоскинъ сочинилъ интермедію съ куплетами подъ названіемъ «Репетиція на станціи.» Прозу писалъ онъ, стихи — А. И. Писаревъ, а музыку — Верстовскій. Это была веселая и забавная бездѣлка, — куплеты же Писарева — прелесть: такихъ куплетовъ уже не пишутъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ умеръ. Въ интермедіи Загоскинъ игралъ Загоскина, Писаревъ — Писарева, Верстовскій — Верстовскаго, нарядившагося старымъ хористомъ. Кромѣ нихъ участвовали въ піесѣ А. А. Башиловъ, Данзасъ и другіе. Кто могъ пѣть, тотъ пѣлъ куплеты, кто не могъ — говорилъ ихъ подъ музыку; Загоскинъ не пѣлъ и долженъ былъ послѣдній, какъ сочинитель піесы, проговорить безъ музыки свой, самимъ имъ написанный куплетъ; опасаясь, что забудетъ стихи, онъ переписалъ ихъ четкими буквами и положилъ въ карманъ; опасеніе оправдалось: онъ забылъ куплетъ и сконфузился; но досталъ изъ кармана листокъ, подошелъ къ лампѣ, пробовалъ читать въ очкахъ и безъ очковъ, перевертывалъ бумагу, сконфузился еще больше,

что-то пробормоталъ, поклонился и ушелъ*. Занавѣсъ опустился. Когда актеры вышли въ залу къ зрителямъ, всѣ окружили Загоскина и спрашивали «что съ нимъ случилось?» Онъ отвѣчалъ, что стихи позабылъ, а въ карманъ ошибкой положилъ, вмѣсто куплета, листокъ бѣлой бумаги.... — Когда я спросилъ его о томъ же въ свою очередь, Загоскинъ шепнулъ мнѣ на ухо: «такъ сконфузился, мой другъ, что не могъ разобрать своей руки: ужъ это я выдумалъ, что будто положилъ въ карманъ бѣлую бумагу; только молчи, никому не рассказывай.» Я и промолчалъ на тотъ вечеръ или на ту ночь, потому что ужинъ и балъ продолжались до утра. На другой день я рассказалъ секретъ всѣмъ пріятелямъ, да и Загоскинъ съ своей стороны сдѣлалъ тоже: разумеется, всѣ посмѣялись вдоволь.

Загоскинъ былъ постоянно веселъ въ обществѣ и семейномъ кругу. Эта веселость происходила отъ невозмутимой ясности простой его души, безупречной совѣсти и неистощимаго благодушія, невольно сообщалась другимъ и одушевляла всѣхъ: понятно, какъ онъ былъ любимъ въ обществѣ, въ кругу родныхъ и въ семьѣ. Веселость не оставила Загоскина даже въ мучительной болѣзни; рассказывая о своихъ страданіяхъ, онъ вѣрѣдко употреблялъ такія оригинальныя выраженія, что заставлялъ смѣяться окружающихъ и самого врача. Шуточное неконченное посланіе въ стихахъ къ А. Е. Аверкіеву, которое будетъ напечатано въ послѣдней книжкѣ «Москвы и Москвичей», показываетъ, до какой степени сохранялась въ Загоскинѣ веселость и спокойствіе духа почти до самой кончины. Будучи самъ неспособенъ не только къ чувству зла, но даже къ минутному недоброжелательству, онъ никогда не предполагалъ этихъ

* Первое представленіе этой интермедіи происходило въ подмосковной Кн. Д. В. Г., гдѣ посѣтителей было не такъ много: тогда кое-какъ Загоскинъ прочелъ свой куплетъ, и то принужденъ былъ взять его у суфлера и разбирать со свѣчкой: хозяинъ и небольшой кругъ гостей много смѣялись; рассказанный же мною анекдотъ случился при повтореніи интермедіи въ Москвѣ при многочисленной публикѣ, въ день Ө. Ө. Кокоскина.

свойствъ въ другихъ людяхъ. Лицемеріе онъ не понималъ совсѣмъ. Множество ошибокъ и поучительныхъ уроковъ не излечили его отъ доверчивости, и ему всегда казалось, что онъ окруженъ прекрасными людьми.

Загоскинъ не получилъ въ своей юности систематическаго, научнаго образованія: онъ учился самъ и образовалъ себя въ послѣдствіи необыкновенно обширнымъ чтеніемъ книгъ. Имѣя умъ простой, здравый и практическій, онъ не любилъ ни въ чѣмъ отвлеченности, и былъ всегда врагомъ всякой мечтательности и темныхъ, метафизическихъ, трудныхъ для пониманія, мыслей и выраженій. Въ прежнее время, когда это направленіе было въ ходу, онъ врезывался иногда съ Русскимъ толкомъ и мѣткимъ Русскимъ словомъ, въ кругъ людей посвященныхъ въ туманахъ Нѣмецкой философіи, и не только всѣ окружающіе, но и сами умствователи, внезапно увязъ съ холодныхъ и страшныхъ высотъ изолированной мысли, предавались всеолуму смѣху.

Изъ всего сказаннаго о Загоскинѣ не трудно заключить, что онъ былъ безцеремоненъ, прость въ обращеніи: многимъ казалось, что эта простота доходила до излишества. Бывая иногда, по своему положенію въ свѣтъ и по своей литературной славѣ, въ кругу людей такъ называемаго высшаго общества, Загоскинъ не могъ не прѣшить противъ его законовъ и пріятыкъ формъ, потому что былъ одинаковъ во всѣхъ слояхъ общества; его одушевленная и громкая рѣчь, неучтывая точность выраженій, простота языка и пріемовъ, часто протриворѣчивъ невозмутимому спокойствію холоднаго этикета. Нѣкоторые пожимали плечами, улыбались значительно и удалялись отъ него, а нѣкоторые именно за то очень любили и уважали Загоскина.

Въ заключеніе должно сказать, что ко всѣмъ прекраснымъ свойствамъ своего счастливаго нрава, къ младенческому незлобію души и неограниченной добротѣ, Загоскинъ присоединялъ высшее благо — теплую вѣру христіанина... Да будетъ миръ его душъ....

С. А.—въ.

Декабря, 1852 года.

Деревня.

П Р И Л О Ж Е Н І Я :

1. Письмо Мериме.

Почтеннѣйшій государь! Мнѣ трудно было бы выразить удовольствіе мнѣ сдѣланное вашимъ любезнѣйшимъ отвѣтомъ. Хотя я старался быть справедливымъ къ вашей странѣ, однакожъ боялся обижать національное чувство моихъ Русскихъ друзей нѣкоторыми слишкомъ Французскими шутками: одному Французу, пожалуйста, какъ не шутить? уже Г. Мелегуновъ утихъ мое безпоконствіе, а вѣроятно это онъ, которому я обязанъ за ваше, столько честное для меня, мнѣніе о моихъ письмахъ. Это мнѣніе мнѣ было бы еще драгоценнѣе если вы сами читали. Эти письма были напечатаны въ *Revue de Paris*, — не можно ихъ найти въ Москвѣ? Естественно въ нихъ я выразилъ мое усердное почтеніе къ нѣкоторымъ Русскимъ писателямъ, а особенно былъ счастливъ говорить про Загоскина и Греча. — Вы были мое проводниче въ Москвѣ какъ онъ въ Петербургѣ.

Прощайтесь, любезнѣйшій государь, — не будте слишкомъ строгъ за то, что я смѣюсь обижать вашъ православный языкъ.

Мое почтеніе къ вашему семаиству —
вашъ на вѣки

Генрихъ Александровичъ Мериме.

Молодой живописецъ возвратился въ восхищеніи за Русское гостепріимство — я не удивляюсь — знаю, что значить хлѣбъ-соль.

2. Письмо Олберга.

Милостивый государь. Не имѣя счастья знать Васъ лично, я уже съ давняго времени познакомился съ Вами посредствомъ литературныхъ трудовъ Вашихъ, и теперь пользуюсь случаемъ еще болѣе сблизиться

*

съ Вами. Въ знакъ моего къ Вамъ уваженія и въ доказательство того, что мы стараемся передать Германіи произведенія отличныхъ талантовъ Россіи, прошу принять благосклонно сдѣланный мною переводъ нѣсколькихъ Русскихъ повѣстей. Будьте увѣрены, что я съ такимъ же удовольствіемъ занимаюсь переводомъ Вашего прекраснаго сочиненія, съ какимъ мои соотечественники будутъ читать его.

Отъ души желаю, чтобъ Вы сколько много болѣе доставляли намъ удовольствіе Вашими сочиненіями. Счастливымъ почту себя, если Вы удостойте меня дружескимъ отвѣтомъ и если позволите мнѣ продолжать нашу литературную связь, пока я буду имѣть счастье лично представиться Вамъ въ Санктъ-Петербургѣ.

Съ преданностію и особеннымъ уваженіемъ къ вашимъ талантамъ остаюсь

Вашъ покорнѣйшій слуга
Е. Фонъ Олбергъ.

Капитанъ К. Прускаго Генеральнаго
Штаба Е. В. Принца Карла.

Берлинъ $\frac{1}{8}$ Марта
1837 года.

МОСКВИТЯНИНЪ.

№ 2.

Январь.

Кн. 2.

1853.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

О ЗНАЧЕНИИ ЖУКОВСКАГО ВЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ И ПОЭЗИИ.

(Речь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета, О. Профессоромъ Русской Словесности С. Шевыревымъ 12-го Января 1853).

ММ. ГГ.

Въ минувшемъ году, на Оливной недѣль, съ пятницы на субботу, на далекой чужбинѣ, въ цвѣтущемъ уголкѣ Швабін, совершалось событіе, грустное для сердца всей мыслящей Россіи: умиралъ Жуковскій¹. Еще не минуло ему семидесяти лѣтъ — не исполнилась мѣра, данная жизни человеческой, не щадящей для труда силъ своихъ², какъ смерть застала его среди дѣятельности самой бодрой. Въ мысли его, любившей прежде летать по слѣдамъ другихъ поэтовъ, зачинался трудъ самобытный. Онъ называлъ начатую свою поэму лебединой своею пѣснью. Онъ готовилъ въ ней «результатъ всѣхъ послѣднихъ трудовъ своихъ». Онъ, столько совершившій для Отечества, смиренно молилъ у Бога еще десяти лѣтъ жизни и здоровья, чтобы, говоря его же словами, «употребить ихъ съ пользою, покорствуя Его святой волѣ, и оставить послѣ себя что нибудь дѣльное на добро дѣтямъ своимъ и Отечеству.»³ Еще не успѣли мы налюбоваться стихами его Русской Одиссеи и достойно оцѣнить ихъ, какъ уже неутомимый поэтъ перелегалъ въ Русскіе экзаметры Иліаду Гомерову.⁴ Но художникъ уступалъ отцу; долгъ сердца отклонялъ порывы вдохновенія: воспитаніе дѣтей шло вперед. Дѣтская азбука смѣняла поэму. Въ ра-

боты сосредоточивались въ приготовленіи предварительнаго курса ученя для дѣтей. Ни силъ, ни зрѣнія не щадила старецъ для своей прекрасной задачи. Онъ самъ разсказывалъ дѣтямъ своимъ послѣднюю вечерю Господа, Его Геосиманскую молитву, и трогалъ ихъ до слезъ. Дѣтямъ же пѣлъ онъ на досугъ и свои послѣднія пѣсни. Для нихъ же пропѣлъ онъ своего Царскосельскаго столѣтняго Лебеда и въ прекрасномъ образѣ его смерти чудесно предсказалъ намъ свою кончину⁵.

Когда послѣдняя болѣзнь ясно возвѣстила ему приближеніе вѣчности, онъ встрѣтилъ ее безтрепетно. Вѣра благодатнымъ свѣтомъ своимъ озарила всѣ послѣдніе дни и минуты его жизни. Дума о сиротахъ своихъ навела было облако грусти на глаза умирающаго, но скоро и оно разсѣлось въ томъ же благодатномъ свѣтѣ. Сердце, хранившее въ себѣ чистоту какъ сокровище, легко открылось Богу передъ посланникомъ Вѣры и въ чистотѣ своей, еще на землѣ, предвкусило зрѣніе Небснаго. Уста его, вѣрные служители цѣломудреннаго слова, передъ тѣмъ какъ смежиться на вѣки, вмѣстѣ съ младенческими устами дѣтей, произносили Молитву Господню и исповѣданіе передъ Причащеніемъ. Поэтъ, столько постигавшій цѣну земнаго страданія, былъ удостоенъ того, чтобы съ полнымъ сознаниемъ прочувствовать и осилить послѣднее страданіе, ожидающее каждаго чловека, предсмертную борьбу души съ тѣломъ. Онъ ясно выразилъ намъ состояніе души своей въ эти послѣднія минуты въ тѣхъ словахъ, которыя обратилъ къ семьѣ своей: «Поди, скажи матери (такъ умирающей говорилъ дочери своей): я теперь нахожусь въ ковчегѣ и высылаю перваго голубя — это моя вѣра, другой голубь мой — это терпѣніе.» Послѣднимъ словомъ его было: «Теперь останея только матеріальная борьба: душа уже готова!» Въ сжатой силѣ такихъ словъ таятся глубокой смыслъ многихъ дивныхъ поэмъ, которыхъ содержаніе тайна цѣлой жизни.

На виѣшнемъ образѣ смерти всего болѣе поражаютъ насъ навсегда замкнутыя уста милаго чловека, который недавно еще бесѣдовалъ съ нами; но ни на чьихъ устахъ это без-

молвіе столько не бываетъ разительно, какъ на милыхъ всѣмъ, на счастливыхъ устахъ поэта, которыми сладость и красота родной рѣчи нашей просились къ намъ прямо въ душу и въ сердце.

Такъ замолкли навсегда уста Жуковскаго, и такова была его кончина. Пускай Германія, въ послѣдніе годы его жизни, отняла у насъ поэта; но кончина снова возвратила его намъ. Не изъ западной жизни пронестекла она. Эта свѣтлая, эта тихая, эта послѣдняя минута нашего поэта-праведника, вмѣстившая для насъ всю его вѣчность, даромъ озарила темныя, протекшія тучи безумныхъ бурь тревожнаго запада: кому же было тамъ понять ее и замѣтить? Только нашему сердцу, издавѣка, сказала она понятнo, какъ плодъ нашей жизни, нашей земли, нашей Вѣры, на ней растущей.

Кто цѣнить Русское искусство, тотъ задумается грустно, глядя на истекшій годъ: могила Гоголя, могила Жуковскаго, могила Загоскина, могила Брюллова! Четыре печальныхъ креста, въ немногіе мѣсяцы, скрыли отъ насъ четырехъ нашихъ лучшихъ художниковъ, въ произведеніяхъ которыхъ выразился гений Русскаго искусства. Но не будемъ терять времени въ празднои грусти о томъ, что ихъ уже нѣтъ съ нами, а благодарно будемъ стараться опредѣлить то, чѣмъ они для насъ были при жизни. Сѣмя не взойдетъ, пока не умерло: такъ бываетъ и съ человѣкомъ. Жизнь и слово его, по смерти, воскресаютъ передъ нами въ новомъ свѣтѣ и величинѣ: — не потому ли, какъ сказалъ старшій изъ четырехъ умершихъ, что

Для сердца прошедшее вѣчно?⁶

Возвратимъ же мыслію это прекрасное прошедшее; возобновимъ, освѣжимъ, напечатлѣемъ его въ нашей памяти. Въ немъ есть то, что не умираетъ никогда, что должно всегда пребывать съ нами, что безсмертно, какъ красота души человѣческой. Если въ христіанской кончинѣ Жуковскаго, какъ выразился недавно, вспоминая объ немъ, одинъ мудрый старецъ, верно отразилась вся жизнь его, мирная и благотворная⁷, то постараемся раскрыть передъ собою эту жизнь, которая увѣнчалась такимъ свѣтлымъ концомъ. Жизнь поэта

въ его поэзіи: дѣла его — слова его, какъ сказалъ онъ самъ.⁸ Съ Жуковскимъ мы положили въ могилу болѣе чѣмъ полу-столѣтіе нашей Словесности.⁹ Въ немъ зачалась поэзія нашего вѣка, или точнѣе, та свѣтлая ея сторона, которая влекла насъ въ таинственный міръ души, но въ міръ преображенный. Жуковскій былъ запѣвало всѣхъ тѣхъ славныхъ Русскихъ пѣвцовъ, которые волшебными звуками очаровывали слухъ нашъ, и облекли въ нихъ всѣ заветныя думы нашего ума и сердца. Въ первыхъ звукахъ его лиры носятя мечты, призраки, воспоминанія нашей юности, и какъ счастливы тѣ, которыхъ юность разцвѣла подъ свѣжимъ вліяніемъ чистыхъ звуковъ его поэзіи! Его пѣсни отдаются и въ громахъ священной брани двѣнадцатаго года. Въ Жуковскомъ погребли мы ученика Карамзина и учителя Пушкина. Пѣсня Жуковского, первая, поднялась высоко отъ полей родной земли нашей, и всемірнымъ полетомъ обтекала всѣ страны и народы, любила особенно гостить въ Германіи и въ Англіи, у сѣверныхъ бардовъ, летала въ Испанію, въ древній Римъ, въ Персію, въ Индію, въ древнюю Грецію, и откликалась поэтамъ всѣхъ вѣковъ, не измѣнивъ до конца своей задушевной мысли. Въ поэзіи Жуковского обнаружилась мягкая, любовная, общительная сторона нашей Русской природы. Это поэзія наша во всемірномъ сближеніи съ другими народами, но безъ измѣны коренной основъ нашей жизни. Какъ же созрѣлъ этотъ прекрасный плодъ въ міръ Русской мысли и Русскаго слова?—Постараемся разгадать это, сколько возможно, въ краткомъ объемѣ нашей рѣчи.

Обозримъ сначала въ общихъ чертахъ, по возрастамъ, вѣщнія событія жизни челоука: они помогаютъ отчасти разгадывать и внутреннюю жизнь поэта.

Живописную колыбель дала Россія прекрасному пѣвцу своему, въ окрестностяхъ Бѣлева, на берегахъ своенравной Оки. Необозримыя поля бѣгутъ тамъ далеко, далеко, отъ извиловъ рѣчныхъ къ лучезарнымъ небосклонамъ. Поэтъ любилъ красоты своей родины; онъ припоминалъ ихъ въ картинахъ природы чуждой; такъ пѣлъ онъ ихъ, разлучившись съ ними надолго, въ письмѣ къ близкимъ сердцу:

Тамъ небеса и воды ясны!
 Тамъ пѣсни птичекъ сладогласны!
 О родина! всѣ дни твои прекрасны!
 Гдѣ бъ ни былъ я, но все съ тобой
 Душой.¹⁰

Провидѣніе послало любящую, умную и просвѣщенную Русскую семью, для воспитанія поэта, который родился почти сиротою. Въ ея любовномъ кругу могло разцвѣсть самой чвстой любовью его нѣжное отъ природы сердце. Языкъ семейной жизни, къ счастью, былъ Русскій; но гостепріимно и благоразумно приняты языки всѣхъ образованныхъ народовъ. Прекрасный черноволосый мальчикъ, любимецъ семьи, его усыновившей, безопасно игралъ на лонѣ у свѣтлой природы, во зеленымъ и лѣсистымъ холмамъ села Мишенскаго, и по здѣе, на одномъ изъ нихъ, создалъ новые, до него неслыханные звуки Русской поэзи. Рано взглядъ его проникалъ въ душу его окружавшимъ; рано обнаружилась въ немъ мечтательность, и все предсказывало, какъ будетъ проситься въ душу его слово. Въ ребяческихъ играхъ онъ былъ жизнью семейнаго круга. Въ нѣкоторыхъ чертахъ его дѣтства и отрочества можно бы было провидѣть зародыши будущаго поэта и чловѣка. Пятилѣтній ребенокъ задумалъ списать икѣномъ икону Богоматери. Противъ дерзкихъ товарищей будущій воинъ выступилъ рыцаремъ-защитникомъ слабаго пола. Въ вѣрномъ музыкальномъ ухѣ его рано обнаружился создатель гармоніи Русскаго стиха. Камилль, освѣдигитель отечества, плѣняетъ его дѣтское воображеніе въ играхъ семейнаго театра.¹¹ Четырнадцати лѣтъ, пишетъ онъ *Оду къ добродѣтели*, и тѣмъ предсказываетъ, что добро и красота будутъ всегда дружны въ его поэзи.¹²

По мѣсту воспитанія, Жуковскій нашъ. Пансіонъ, представшій подъ животворною сѣнью этого маститаго первенца Русскихъ Унверситетовъ, былъ второю его колыбелью. Въ числѣ воспитанниковъ, выражавшихъ на торжественномъ актѣ 1798 года чувства благодарности Шувалову, Мелиссино и Хераскову, желаніемъ имѣть ихъ изображенія всегда передъ собою, былъ и Жуковскій.¹³ Благодарно чтить онъ до конца

жизни память наставника своего, Антонскаго. Мѣсто воспитанія связало его дружбой со многими спутниками жизни. Имя Василя Жуковскаго, 52 года славно украшающее золотую доску Пансіона, доставшуюся въ наследство 4-й Московской Гимназіи, вдохновляло къ труду и ученюю столь многихъ младшихъ его товарищей по школь. Пансіонское литературное собраніе учреждено было имъ. Подъ уставомъ, въ первыхъ подписяхъ, красовалось его имя, памятное столь многимъ. *Утренняя заря*, труды питомцевъ Пансіона, блистала его стихами.

Какія убѣжденія вынесъ Жуковскій изъ мѣста своего воспитанія? По счастливому обычаю того времени, чтобы питомцы изъявляли публично свои мысли и чувства, мы можемъ судить о нихъ. Душа алкала просвѣщенія, радовалась лучамъ его въ отечествѣ, и вървала, что оно благотворно тогда, когда озарено истиной религіи. Высокое званіе чловѣка напечатлѣно было въ сердцѣ, и брань со страстями признана земнымъ его назначеніемъ. Вѣра въ славу и могущество Россіи вѣнчала все. Подъ вліяніемъ старшихъ учителей, Ломоносова и Державина, образъ отечества, воинственный и исполинскій, величаво рисовался въ воображеніи поэта, въ лучахъ новой славы, славы успѣховъ разума и искусства. Народы, съ разныхъ концовъ міра, несутъ вещественные дары Россіи: значительно это изображеніе въ устахъ юноши - поэта, которому назначено было собрать у всѣхъ народовъ міра дары другаго рода, дары мысли и слова, и принести ихъ отечеству.¹⁴ Съ такими убѣжденіями выходилъ Жуковскій изъ школы, во главѣ товарищей своего поколѣнія, блистая дарованіемъ, на встрѣчу новому XIX вѣку, который сіялъ для нихъ новыми надеждами. Самая задушевная изъ этихъ надеждъ была надежда на совершеніе геройскихъ подвиговъ, не на полѣ брани, но въ тишинѣ труда, въ сферѣ мысли, надежда мира со всеми народами земли во имя просвѣщенія.¹⁵

Что же это былъ за *новый вѣкъ*, котораго ждало молодое поколѣніе съ такимъ нетерпѣніемъ? — Что значать эти смѣны чиселъ въ годахъ и столѣтіяхъ, къ которымъ чело-

вѣкъ привыкъ привязывать новыя надежды и прозрѣнія свои въ будущее? Не есть ли каждый вѣкъ, равно какъ и всякая малая часть времени, съ одной стороны результатъ предъидущаго, а съ другой задача, таблица вопросовъ, для послѣдующаго? Элементы, изъ которыхъ должна была образоваться словесность XIX-го вѣка, заготовлены были трудами второй половины XVIII-го. Франція простерла было свое одностороннее вліяніе повсюду, но Германія снарядила уже всемірныя оружія, чтобы ограничить и ослабить его. Замѣчательно, что то же самое совершила Германія въ наукѣ и словесности, что въ XIX вѣкъ назначено было Россіи совершить въ войнѣ и въ политикѣ. Всѣ пути направлены были къ тому, чтобы всѣмъ народамъ возможно было возобновить свои народныя воспоминанія и сблизиться другъ съ другомъ во взаимномъ общеніи мысли и слова. Что касается до внутренняго содержанія словесности, до души чловѣка и его самопознанья, то раздѣленіе между разсудкомъ и чувствомъ, между сферою мысли и сферою жизни, становилось уже для него тягостно, и естественно раждалась потребность цѣльнѣе обнять душу чловѣка и помирить въ ней то, что хотѣли расторгнуть насильно ножомъ анализа. Мистицизмъ много старался объ этомъ соединеніи, хотя и не достигалъ цѣли, потому что шелъ путемъ невѣрнымъ. Философія Германіи начиналась въ концѣ вѣка, но еще не знали, куда поведетъ она, или точнѣе куда пойдетъ сама. Всѣ эти стремленія, болѣе или менѣе, отражались и у насъ. Школа разсудка, школа чувства, школа мистическая, имѣли своихъ представителей. Въ это время выступалъ Жуковскій, съ душою ясною, теплою, чистою, независимою отъ школъ — и помимо ихъ, воспримчивою ко всему прекрасному.

Въ началѣ поприща жизни и Словесности, Жуковского встрѣтилъ и подаль ему вѣрную руку Карамзинъ. Дружба связала ихъ рано, не смотря на разницу осьмнадцати лѣтъ между ними¹⁶. Тенный кругъ сверстниковъ возбуждалъ Жуковского къ непрерывной дѣятельности. Въ 1801 году основано было новое дружеское литературное общество, въ которомъ Мерзляковъ и Воейковъ принимали также участіе.¹⁷

Литературы Германіи, Англіи, Франціи, предлагали поэту богатый запасъ для изученія. Природа и жизнь влагали въ душу его свое. Рано оплакалъ онъ потерю друга, много цѣнимаго. Такъ выражалъ онъ вслухъ свои сердечные стоны: «Куда дѣвалось сердце, которое любило меня любовію чистѣйшею, мучилось моимъ страданіемъ, восхищалось моимъ блаженствомъ? Гдѣ мой товарищъ на пути неизвѣстномъ? Гдѣ другъ мой, съ которымъ я шелъ, рука въ руку, безъ робости, безъ трепета, съ безпечнымъ веселымъ спокойствіемъ?» Любезнымъ прахомъ друга, «драгоценнымъ остаткомъ милой жизни,» онъ клялся быть другомъ добродѣтели и гордился тѣмъ, что тихая муза его непорочна, какъ сама природа.¹⁸ Любовь коснулась также его сердца, во одну мечту нашель онъ въ ней:

Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ раздѣленья
И невозвратное надеждъ уничтоженье.¹⁹

Но скорби жизни въ душѣ чувствительной глубже открывали родникъ поэзіи. Свѣтлымъ, дотолъ неслыханнымъ ключемъ, забила она изъ сердечной думы поэта. Вся природа превращалась для него тогда въ одну полную пѣсню;²⁰ во любовь, дружба и вѣра освящали ее высшимъ значеніемъ. Между тѣмъ какъ развивался поэтъ, слѣдуя внутреннему своему призванію, — современная жизнь и Словесность требовали своей дани отъ писателя, главы молодаго поколѣнія. Карамзинъ оставилъ тогда уже современную литературу и погрузился всею мыслию души въ великое прошедшее нашего отечества. Въ тоже самое время, какъ Жуковский готовъ былъ увлекаться въ міръ мечты и очарованія, въ прозѣ переводилъ онъ Донъ Кишота — романъ, разсѣявшій всѣ волшебные призраки рыцарской мечтательности. И другіе прозаическіе переводы отвлекали его отъ поэзіи.²¹ Два года отдалъ онъ журнальной дѣятельности — не болѣе. Въ это краткое время онъ успѣлъ передать читателямъ нѣсколько здравыхъ сужденій о критикѣ, встрѣтить сочувствіемъ и умнымъ словомъ Басни Крылова, вызвать къ труду біографа Суворова. Но замыслы Жуковского, какъ журналиста, были

слишкомъ мечтательны. Онъ желалъ, чтобы «журналисты составили согласное, исполненное взаимнаго доброжелательства семейство авторовъ, семейство, въ которомъ каждый членъ, имѣя въ виду и пользу и усовершенствованіе другихъ сочленовъ своихъ, безъ всякаго пристрастія замѣчалъ бы ихъ ошибки, предлагалъ имъ свои замѣчанія, не повелительнымъ языкомъ учителя, не съ колкою насмѣшливостію соперника, но съ кроткою, благородною непринужденностію любителя истины.»^{22а} Волшебный замокъ такого журнализма скоро исчезъ въ головѣ поэта—и тѣмъ искреннѣе предался онъ своему настоящему призванію.

А между тѣмъ слава уже отсюда собирала поэту вѣрныя дани. Сердца, приготовленныя Карамзинымъ, очарованы были музою Жуковского. Кто изъ читавшихъ тогда не любилъ задумываться надъ Сельскимъ Кладбищемъ? Кто не сливалъ пламени любви съ надеждою на безсмертіе, читая *посланіе къ Нинь*? Кто не плакалъ надъ *Бѣднымъ Пивцомъ*? *Дуброва шумитъ*, *Мой другъ хранитель ангелъ мой* — передавались изъ устъ въ уста. Первая баллада—*Людмила*, была ко времени. Невѣсты вмѣстѣ съ нею грѣшили тайнымъ ропотомъ за жениховъ своихъ, увлеченныхъ войнами новаго бурнаго вѣка, измѣнившаго надеждамъ мирнымъ. Не одна Русская дѣва оплакала тогда мертвеца въ своемъ суженомъ: Признаки разочарованья въ жизни мелькнули грустно въ *посланіи къ Филалету*, но въ другомъ *посланіи къ Батюшкову* поэтъ высказалъ задушевную мысль своей поэзии и произнесъ объѣтъ боготворить любовію только то, что благо и что прекрасно. А между тѣмъ *богиня фантазія*, водъ внушеніемъ Нѣмецкой музы, причудливо играла мечтами поэта Русскаго. Волшебныя замки съ ихъ легендами переносились съ береговъ Рейна и Дуная на берега Днѣпра и Москвы рѣки. *Марина роца* огласилась чувствительнымъ преданіемъ объ Маріи и Усадѣ. *Громобой* совершилъ свою ужасную клятву. Очарованнымъ сномъ заснули прекрасныя дѣвы. *Вадимъ Новгородскій* надѣлъ латы рыцаря среднихъ вѣковъ, и по звону вѣщаго колокольчика пошелъ и разбудилъ ихъ.^{22б} А вотъ за полунѣмочкой *Людмилой*, которую похи-

тиль женихъ-мертвецъ, явилась въ сарафанъ, Русская красавица, *Септлана*, на святочномъ вечерѣ, и загадала свою сердечную думу въ зеркало, и совершался дивно-страшный сонъ ея, и увлекалъ въ мѣръ мечты сердца дѣвъ и юношей, какъ вдругъ грозная дѣйствительность разрушила грѣзы поэта, и вмѣсто лиры дала ему мечъ.

Надъ Россіей разразилась гроза двѣнадцатаго года: тогда, во всѣхъ милліонахъ Русскаго народа забилося одно сердце, заплыла одна мысль. Поэтъ жилъ въ деревнѣ, въ окрестностяхъ Орла. Слухи о побѣдахъ и приближеніи непріятеля тревожили миръ его вдохновеній. Задрожало сердце, благословляя родину въ священный часъ ея опасности. 2-го Августа онъ уѣхалъ къ арміи. Въ стѣнахъ Москвы, готовившей себя на костеръ сожженія за всю землю Русскую, Карамзинъ, отъ прошедшаго возвращаясь къ настоящему, въ домъ Графа Ростопчина, вдохновенно пророчилъ гибель Наполеону. Самъ не будучи въ состояніи «сѣсть на коня и примкнуть себя къ арміи,» благословилъ на войну Жуковскаго. 10-го Августа онъ вступилъ въ Московское ополченіе Поручикомъ.²³ Подъ Бородинымъ, вмѣстѣ съ другими волонтерами, былъ въ строю. Здѣсь, подъ свистомъ ядеръ и пуль, черпалъ онъ силы для новыхъ, неиспытанныхъ еще восторговъ:

Доселѣ тихимъ лишь полямъ
 Моя играла лира....
 Вдругъ жребій выпалъ: къ знаменамъ!
 Прости, и сладость мира,
 И отчій край, и кругъ друзей,
 И трудъ уединенный,
 И все.... я тамъ, гдѣ стукъ мечей,
 Гдѣ ужасы военны.

По взятіи Москвы, Кайсаровъ представилъ Жуковскаго Фельдмаршалу Кутузову. Съ тѣхъ поръ онъ не покидалъ уже арміи до самой побѣды подъ Краснымъ. Въ Тарутинскомъ лагерѣ, не задолго до битвы, разбившей Мюрата и положившей начало бѣгству войскъ Наполеоновыхъ, написанъ былъ *Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ*. Его стрѣлы,

звуча изъ усть въ уста, одушевляли всѣхъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ о Тарутинскомъ станѣ, пѣвецъ, среди лунной ночи, изобразилъ намъ себя :

Когда пылала предъ Москвою
Святая Русская война —
Въ рѣдахъ отечественной рати,
Пѣвецъ, по слуху знавши бой,
Стоялъ я съ лирой боевой
И мщенье пѣлъ для ратныхъ братій.
Я помню ночь....²⁴

Луна, какъ бранный щитъ, рѣла во мракъ; въ безмолвіи стана лишь только стража окликала стражу; костры пламенья дымились; чернѣли козаки подъ своими косматыми бурками; сверкали въ лучахъ мѣсяца ряды острыхъ копій; дремали кони надъ спящими уланами; стояли пушки съ готовыми громами; фитиль роковой курился; рѣли на дальнемъ небосклонѣ дымные биваки враговъ; чернѣли въ ужасномъ образѣ тѣла, забытыя въ пыли, на яркихъ лучахъ мѣсяца, а Рокъ между тѣмъ, молча, стоялъ надъ усыпленною ратью, держалъ въ рукѣ жребіи и замѣчалъ лица имъ обреченныхъ. Среди этихъ ужасовъ войны и смерти, что совершалось тогда въ ясной душѣ поэта? Ему свѣтила привычной прелестью звезда вечерняя; неизмѣнимо сіяла луна съ роднаго неба; благоухалъ лѣсъ; ласкались къ берегамъ воды, отражая ихъ; порхалъ вѣтерокъ надъ цвѣтами благовонными, надъ лономъ зыбей, надъ знаменами, надъ рядами богатырей спящихъ.... Чисто и спокойно отражалось все твореніе Божіе въ ясной, невозмущенной душѣ поэта :

оно не знало

О человѣческихъ бѣдахъ,
И беззаботно ожидало,
Что почь пройдетъ, и въ небесахъ
Опять засвѣтится денница.

Послѣ четырехъ побѣдъ подъ Краснымъ, Жуковскій приветствовалъ посланіемъ новаго Князя Смоленскаго, «вѣнчаннаго единою вождя побѣдителей, спасителя родины,» и цѣль

гибель самихъ «слѣдовъ великаго народа.» Стихи были напечатаны при главной квартирѣ дѣйствующей арміи.²⁵ Вскорѣ тяжкая болѣзнь постигла пѣвца, непривыкшаго къ военной жизни. Изнуренный силами, онъ возвратился домой, 6-го Января 1813 года, испытавъ на себѣ всѣ ужасы и бѣдствія войны.²⁶ Но скоро воздухъ родины и миръ семейный возвратили ему силы: повѣяло прежнимъ вдохновеніемъ; еще зрѣлье явилось оно. Въ концѣ 1814 года пѣвецъ брани заключилъ пѣснью мира на стѣнахъ освобожденнаго Кремля. Въ 1815 написано: Посланіе къ Императору Александру.

Въ этомъ же году Жуковскій переселился въ Петербургъ. Свѣтъ встрѣтилъ его самыми льстивыми похвалами. Женщины высшаго круга читали ему наизусть стихи его, или заставляли читать дѣтей своихъ. Слава породила зависть. Жуковскій сдѣлался предметомъ жаркой литературной войны между его друзьями и противниками, самъ однако не принимая въ ней участія. Обольщенія свѣта на него не дѣйствовали. Всего болѣе опасался онъ свѣтской славы, понапрасну раздражающей душу, и свѣтскаго разсыянія, врага труда и вдохновенію, роднаго брата пустоты душевной. Такъ дѣлился онъ въ то время этими чувствами въ письмахъ къ близкимъ сердцу: «Бѣда писателю, если вздумаетъ имѣть въ виду эту безславную славу, эти низкія почести, если у него душа доступна для оскорбленій глупцовъ и цевѣждъ. Я благодаренъ этому глупому случаю: онъ болѣе познакомилъ меня съ самимъ собой. Я теперь знаю, что люблю поэзію для нея самой».... «Непріятное, не оживленное никакою привязанностію разсыяніе самымъ тяжелымъ образомъ отвлекаетъ отъ всякаго воспоминанія: оно не лечитъ, а только даетъ пріемъ усыпительнаго ошума, производящаго тяжелый сонъ, нарушаемый неясными и непріятными сновидѣніями....

Обвитый розами скелеть:

это можно сказать не объ одной славѣ, но и о жизни, то есть, о томъ что называютъ жить въ обыкновенномъ смыслѣ, объ этомъ безпрестанномъ движеніи, объ этихъ разговорахъ безъ интереса, объ этихъ свиданіяхъ безъ радости

и разлукахъ безъ сожалѣнія, объ этомъ хаосъ свѣта — скелеть! скелеть! И посмотрѣть на него вблизи убійственно, даже для самаго уединенія. Большая часть мечтаній должна погибнуть! То что дѣлаетъ иногда прелесть уединенія—эта *даль*, населенная прекраснымъ твореніемъ, исчезаетъ — но тѣмъ лучше! Все сблизилъ вокругъ себя, окружилъ себя однимъ только своимъ, независимымъ ни отъ чего, и если останешься съ *малымъ*, то по крайней мѣрѣ съ *вѣрнымъ*»²⁷

Къ тѣмъ же годамъ относится воспоминаніе объ Арзамасскомъ обществѣ. Литературный кругъ, означенный этимъ именемъ, занимаетъ важное мѣсто въ лѣтописяхъ Исторіи Русской Словесности. Въ немъ сіяютъ имена, равно славныя на поприщахъ государственномъ и литературномъ. Многія изъ нихъ связаны съ исторіей просвѣщенія нынѣшняго Царствованія. Карамзинъ издали оживлялъ своимъ теплымъ участіемъ труды младшихъ своихъ товарищей и друзей. Жуковский былъ душою всѣхъ. Около него соединились: Батюшковъ, Князь Вяземскій, Уваровъ, Блудовъ, Дашковъ, Северинъ, Александръ Тургеневъ. Въ этомъ кругу открылся въ первый разъ и геній Пушкина. Всѣ члены круга приняли имена славныхъ балладъ Жуковского. Онъ же самъ мечталъ былъ отъ всѣхъ прекраснымъ именемъ Свѣтланы. Важность и шутка соединялись здѣсь въ самомъ дружномъ общеніи. Мечта Жуковского о сословіи литераторовъ, основанномъ на желаніи взаимнаго совершенствованія, свершалась въ очью. Связь друзей Арзамасскаго общества утверждена была не на льстивой похвалѣ другъ другу, а на самомъ искреннемъ выраженіи мнѣній своихъ для взаимной пользы. Строгая, взыскательная критика просвѣщенныхъ друзей замѣчала каждое пятнышко въ литературномъ произведеніи и не смягчала суда своего. Памятно и послѣ отдавались въ ухахъ товарищей слова неумолимаго Дашкова: *подавай ножницы!* Жуковский говорилъ:

Внимай избраннымъ судіямъ:
Ихъ приговоръ зеркало намъ;
Ихъ одобренье намъ награда,
А порицаніе ограда

Отъ убивающія даръ
 Надменной мысли совершенства.
 Хвала воспламеняетъ жаръ;
 Но намъ не въ ней искать блаженства,
 Въ трудъ....²⁸

Такимъ-то трудомъ, такимъ судомъ разборчивымъ воспитался изящный стиль поэзии Жуковского и Батюшкова. Здѣсь пересмотрѣны были и всѣ первыя ихъ произведенія. Въ шутовой сторонѣ бесѣдъ Арзамасскаго круга выразилась неистощимая въ шуткахъ веселость Жуковского. Его милая, ребячески добродушная и всегда остроумная рѣзвость оживляла кругъ семьи и дружбы, гдѣ онъ могъ искренно открывать свою душу. Поразительны эти противоположныя явленія между жизнью и поэзіею. Задумчивъ и грустенъ Жуковскій въ стихахъ своихъ, а въ жизни бывалъ веселъ до рѣзвости. Также задумчивъ и грустенъ былъ Гоголь въ жизни, а кто въ поэзіи когда-либо смѣшилъ насъ, какъ онъ?

Въ это же самое время выпала Жуковскому высокая доля быть наставникомъ въ Русскомъ словѣ при Государынь Императрицъ (тогда еще Великой Княгини), Александрѣ Феодоровнѣ, Дмитріевѣ, Уваровѣ и Нелединскій ввели Жуковского въ Царскую семью.²⁹ Августѣйшая Мать двухъ Императоровъ и незабвенная Мать Русскаго народа осыпала пѣвца самыми нѣжными милостями. Ея ободряющему вниманію читалъ онъ свои Баллады и посвящалъ поэтическіе ландшафты лунныхъ ночей въ *Подробномъ отчетѣ объ лунѣ*. Радости и скорби, слава, благодать и красота нашего Царскаго Дома, живымъ сочувствіемъ, отзывались на его вѣрной лирѣ. При Дворѣ, окруженный приманками земной славы, обаяніемъ чести и богатства, онъ умѣлъ сохранить чистоту добродушнаго сердца, чувство неизмѣнной правды, непорочную вѣрность души, умеренность въ желаніяхъ жизни.

Между тѣмъ новая великая задача ожидала Поэта. Царственный Младенецъ выросталъ въ Отрока. Жуковскій пѣлъ Его рожденіе въ Москвѣ. Кремль,

Протекшимъ мимо рокомъ
 Нетронутый свидѣтель Божества,

былъ Его колыбелью. Думы о великомъ давно-минувшемъ Отечества и о новой славъ, озарившей его въ пожаръ Московскомъ и въ воскресшемъ Кремлѣ, одушевляли его привѣтную пѣсню. Не разъ въщнимъ пророчествомъ отзывалась лира Русскихъ поэтовъ. Вспомнимъ слова Державина у колыбели Александра :

Будь на тронѣ человекъ!

Вспомнимъ другое слово его же , у купѣли Младенца, котораго жребій былъ тогда еще тайною :

Дитя равняется съ Царями!

Изъ чистой, высокой души сказаны были эти вѣщія слова Царственной Матери у колыбели Ея Порфиророднаго Младенца :

«Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!

«Да славнаго участникъ славный будетъ!

«Да на чредѣ высокой не забудетъ

«Святѣйшаго изъ званій: человекъ.

«Жить для вѣковъ въ величїи народномъ ,

«Для блага *всѣхъ* — свое забывать ,

«Лишь въ голосъ отечества свободномъ

«Съ смиренїемъ дѣла свои читать:

«Вотъ правила Царей великихъ внуку!

«Съ Тобой ему начать сію науку.»

Славные Русскіе писатели не отказывались никогда сослужить службу Государю и Отечеству. Ломоносовъ начерталъ Императрицѣ Елисаветѣ планъ Московскаго Университета. Державинъ , какъ пѣвецъ правды, уже въ старости, первый, правилъ въ Россїи Министерствомъ Юстиціи , по мысли Императора Александра. Карамзинъ , 26-ю годами труда, истощившаго всю жизнь его, далъ народу Русскому Исторїю Государства. Жуковский, волею Царя и Отца, былъ избранъ въ наставники Наслѣднику Престола. Отъ зоркаго ока Царя не утаилась красота души Имъ избраннаго, — и съ этой поры имя Жуковского становится сокровищемъ Русской жизни. Не одними прекрасными пѣснями жить ему въ потомствѣ Русскомъ , но и лучшимъ дѣломъ своего ума

и сердца. Семь лѣтъ непрерывнаго почти безмолвія (1823—1828, 1830) свидѣтельствуютъ о святомъ трудѣ, понесенномъ Жуковскимъ для исполненія великой Царской задачи.

Съ бодрыми, неистощенными силами, возвратился Поэтъ къ прежнимъ вдохновеніямъ. Мысль укрѣпилась и созрѣла трудомъ. Наука открыла ей міръ, еще болѣе обширный. Путешествіе, или точнѣе, полетъ по неизмѣримымъ странамъ Отечества, а въ послѣдствіи по всѣмъ просвѣщеннымъ государствамъ Запада, увѣнчалъ воспитаніе Наслѣдника Престола. Жуковский принималъ во всемъ участіе. Не могу не вспомнить о немъ въ Италіи, какъ онъ, отдыхая отъ трудовъ прекрасной жизни и готовясь еще къ дѣятельному закату своего блистательнаго вечера, любовался развалинами Рима, съ милымъ своимъ спутникомъ Гоголемъ, и карандашемъ переносилъ на бумагу изящныя очертанія древняго искусства и южной природы.

Семейное счастье для Жуковского было всегда идеаломъ чистыхъ стремленій его сердца. Еще въ 1808 году, онъ называлъ прямо добрымъ и счастливымъ человекомъ только того, кто способенъ наслаждаться семейственною жизнью. Семейство казалось ему «малымъ свѣтомъ, въ которомъ должны мы исполнять въ маломъ видѣ всѣ разнообразныя обязанности, налагаемыя на насъ большимъ свѣтомъ; но съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь не можетъ быть заблужденія на счетъ заслуги, здѣсь видятъ тебя такимъ точно, каковъ ты въ самомъ дѣлѣ.» Семейство называлъ онъ тихимъ, скрытымъ отъ людей поприщемъ для самыхъ благородныхъ, самыхъ безкорыстныхъ подвиговъ добродѣтельнаго. Молитва одинокаго человека, по мнѣнію его, есть требованіе; молитва семьянина—благодарность. Еще за 44 года до конца своего, онъ воображалъ себя семьянина, «на смертномъ одрѣ, ожидающимъ конца, спокойнымъ, увѣреннымъ въ бытіи Божества, которое неотрицаемо для сердца, испытывшаго прямую любовь, уповающимъ на безсмертіе, которое осязательно для сердца, испытывшаго прямую любовь.»³⁰

Картины семейной жизни всегда привлекали самое живое его сочувствіе. Изъ двухъ поэмъ Гомера, для послѣдняго

труда онъ выбралъ Одиссею, которая оканчивается возстановленіемъ разрушеннаго семейнаго быта.

Но судьба и высокія цѣли жизни надолго удалили отъ Поэта осуществленіе его идеала. Подъ старость, еще бодрую и цвѣтущую, достигъ онъ однако своей желанной семейной пристани. Пять лѣтъ спустя, такъ описывалъ онъ въ письмѣ къ своему другу эту счастливую минуту жизни: «Въ этотъ день (21 Мая 1846), за пять лѣтъ передъ симъ, подымались на гору (называемую Ротенбергъ, возвышающуюся надъ маленькимъ городкомъ, Канштатомъ) двѣ кареты. Въ одной изъ нихъ сидѣлъ однорукій инвалидъ съ двурукимъ поэтомъ, а въ другой пожилая дама съ двумя прекрасными дочерьми. Инвалидъ былъ мужъ этой дамы и отецъ обвѣнчанныхъ дочерей; а двурукій поэтъ былъ женихъ старшей дочери. Было три часа пополудни. На Ротенбергъ была Русская церковь, надъ прахомъ Виртембергской Королевы, Русской Екатерины. День былъ прекрасный. Въ церкви совершилось венчаніе, тихо и благоговѣнно. Этотъ обрядъ повторился у подошвы горы, въ церкви Лютеранской, гдѣ была сказана обвѣнчаннымъ простая трогательная проповѣдь — и теперь ровно пять лѣтъ прошло съ этой минуты; она имѣла благословенныя послѣдствія; и Жуковский можетъ сказать своему доброму Булгакову, что въ эти пять лѣтъ познакошился онъ съ настоящею жизнью, которой тайна хранится подъ замкомъ, въ святилищѣ семейномъ».³¹

И такъ сладко Поэтъ воспѣвалъ свое мирное семейное счастье:

И нынѣ тихо безъ волненья льется
 Потокъ моей уединенной жизни.
 Смотря въ лице подруги, данной Богомъ
 На освященье сердца моего,
 Смотря какъ спитъ сномъ ангела на лонѣ
 У матери младенецъ мой прекрасный,
 Я чувствую глубоко тотъ покой,
 Котораго такъ жадно здѣсь мы ищемъ,
 Не находя нигдѣ; и слышу голось,
 Земныя всѣ смиряющій тревоги:

ДѢ НЕ СМУЩАЕТСЯ ТВОЯ ДУША,
 ОНЪ ГОВОРИТЬ МНѢ, ВЪРУЙ ВЪ БОГА, ВЪРУЙ
 ВЪ МЕНЯ.³²

Въ теченіе 11 лѣтъ этой семейной тишины, сколько прекрасныхъ трудовъ совершилъ онъ еще для Русскаго слова! Налъ и Дамаянты, Рустемъ и Зерабъ, вся Одиссея, начало Иліады, начало оригинальной поэмы: Странствующій Жидъ, полный курсъ приготовительнаго ученія для дѣтей, созрѣли здѣсь. Невольно вспомнишь стихъ, сказанный имъ же другому старцу, славному на диномъ, болѣ шумномъ, поприщѣ:

О дней благихъ закатъ всегда прекрасенъ!³³

Жуковскому, воспитывавшему жизнь и поэзію свою всегда на высотѣ чистой мысли, суждено было пережить заживо сверстника своего, Батюшкова, и оплакать столь многихъ питомцевъ своей Музы: Пушкина, Дельвига, Баратынскаго, Давыдова, Веневитинова, Языкова, Лермонтова, Гоголя. Рокowymъ произволомъ случая, 29-е Января, день рожденія Жуковскаго, навсегда омрачился для него горькимъ воспоминаніемъ: онъ былъ днемъ смерти Пушкина. Жуковский сохранилъ и передалъ намъ память предсмертныхъ минутъ его, и собралъ всѣ послѣднія слова умиравшаго. Эти утраты близкихъ по мысли и слову были тяжки для его нѣжнаго сердца. Такъ, въ 1847 году, тужилъ онъ объ Языковѣ, въ письмѣ къ Гоголю: «Жаль для себя своихъ земныхъ товарищей, которыми такъ уменьшается жизнь. Свѣтъ здышній для насъ часъ отъ часу болѣе бѣднѣеть. За шесть лѣтъ передъ этимъ я бы это гораздо сильнѣе почувствовалъ при теперешнемъ печальномъ случаѣ: но воля Божія, новыми, свѣжими узами, привязала мою душу къ здышнему свѣту; онъ навсегда уничтожили для меня возможность одиночества, и горькое ощущеніе этого одиночества мнѣ теперь недоступно. Но за то я знаю, что замѣчаешь въ часѣ земнаго испытательнаго страданія. Теперь эта поэтическая душа, въ послѣднее время столь очищенная вѣрою, живетъ новою жизнію, которую болѣе другихъ здѣсь могла предчувствовать. Жальтъ ли о томъ, что эта новая жизнь для нея

началась? Нѣтъ. Но жаль, жаль ея быстро удаленія изъ нашего свѣта, изъ нашего сосѣдства, жаль, что этотъ гармоническій голось для насъ замолчалъ, что это знакомое намъ существо, живое, доброе, милое, теперь заперто въ тѣсной могилѣ, и навсегда пропало изъ глазъ нашихъ.»

Эти слова невольно наводятъ и насъ на мысль объ утратахъ, которыя намъ суждено теперь оплакивать. Но въ другихъ же словахъ Жуковскаго мы почерпнемъ и выраженіе для скорби, и силу великаго Христіанскаго утѣшенія. Такъ писалъ онъ въ другомъ письмѣ къ Гоголю, описывая кончину одной изъ близкихъ въ новой семьѣ своей.

«Смерть только для живыхъ есть зло — сказала Карамзинъ; съ одной стороны это правда, съ другой заблужденіе. Не мертвые насъ теряютъ; мы живые терлемъ мертвыхъ; и чѣмъ болѣе къ нимъ было любви, тѣмъ горестнѣе къ утрата; чѣмъ тѣснѣе были съ ними узы, тѣмъ болѣзненнѣе разрывы ихъ. И въ этомъ дѣйствительно зло смерти. Оно исключительно для однихъ живыхъ; можно даже сказать, что отнятое у оставшихся все отдается тѣмъ, которые ихъ оставили. Для первыхъ видѣніе земное исчезло; мѣсто, такъ мило занятое, опустѣло; глаза не видятъ, ухо не слышитъ; самое (для нихъ осязательное) сообщеніе душъ прекратилось. Для послѣднихъ все это сдѣлалось непосредственнѣе, свободнѣе, тѣснѣе: душа, съ своими духовными сокровищами, съ воспоминаніемъ о лучшемъ земномъ, ей одной принадлежащемъ, ей такъ сказать укрѣпленномъ смертію и слившимся съ ея бытіемъ духовнымъ, — съ своею любовію, съ своею вѣрою, переходитъ въ міръ безъ времени и безъ пространства; она слышитъ безъ слуха, видитъ безъ очей, она соприсутственна всегда и вездѣ душѣ ея любимой, не отлученная отъ ней никакою далью, тогда какъ намъ живущимъ языкъ ея недоступенъ, и то, что стало болѣе нашимъ, кажется намъ утраченнымъ на вѣки. Но въ то же время смерть есть великое благо и для живущихъ и тѣмъ большее благо, чѣмъ милѣе намъ былъ нашъ умершій. Это глубоко понимаетъ разумъ, освѣщенный лучемъ Христіанства. Но какую великую силу пріобрѣтаетъ убѣжденіе разума,

когда оно становится *опытомъ сердца!* Пока мы сами не испытали еще никакой болѣзненной утраты, мы вѣруемъ, слушая голосъ Спасителя исходящій къ намъ изъ Евангелія, и нашей мысли представляется жизнь человѣческая въ своемъ истинномъ великомъ значеніи. Но когда надъ нами совершается ударъ свыше, какъ *иначе* дѣлается тогда внятенъ сердцу этотъ Евангельскій голосъ; уже не въ листахъ книги мы ищемъ тогда Спасителя нашего. Онъ Самъ насъ находитъ, Онъ Самъ становится къ намъ лицомъ къ лицу; цѣною бѣдствія покупаемъ мы лицезрѣніе Бога. Велика ли эта цѣна? И что она передъ тѣмъ сокровищемъ, которое мы за нее приобретаемъ? Все что я здѣсь тебѣ пишу, я прежде *думалъ*; теперь я это *видѣлъ*, и опытъ близкаго мнѣ сердца сдѣлался моимъ собственнымъ опытомъ.»³⁴

Заключая такими утѣшительными словами краткій очеркъ жизни Поэта, я желалъ бы найти выраженія, чтобы изобразить, если не портретъ его, что языкомъ невозможно, то по крайней мѣрѣ черты его нравственной физиогноміи. На душѣ у всѣхъ, которые имѣли счастье бесѣдовать съ нимъ долго, напечатлѣвались его задумчивый, пронизательный взглядъ и та неописанная доброта души, которая лучами самаго кроткаго свѣта озаряла все лицо его и всѣ движенія. Такъ ясно и такъ сладко лилась изъ устъ его мѣрная рѣчь, что невольно ея заслушивались. Зналъ онъ много иностранныхъ языковъ, но ни на одномъ такъ не умѣлъ хорошо говорить, какъ на языкѣ своей родины и поэзіи. Въ исторіи Русскаго воспитанія представляетъ Жуковский рѣдкій образецъ самовоспитанія собственнаго. Силою нравственной воли онъ умѣлъ покорить душѣ темпераменты и сочетать ихъ самымъ счастливымъ образомъ. Веселымъ до рѣзвости сангвиникомъ былъ онъ въ обществѣ, особенно въ кругу друзей; постояннымъ флегматикомъ во внѣшнемъ порядкѣ жизни;³⁵ меланхоликомъ во всемъ томъ, что развивалось и вырѣвало въ его мысли, что жило и таилось въ чувствахъ сердца; холерикомъ былъ онъ въ силѣ воли, въ постоянствѣ труда, въ энергіи исполненія. Чувства любви, дружбы и пріязни, эти дары жизни, обильно собранные любящею

душею, отъ самой колыбели до гроба, пронесъ онъ неизменно, никогда не охлаждаясь къ нимъ, съ вѣрою просто-душнѣ, какъ святынню души своей.

Отъ человѣка перейдемъ къ поэту, отъ жизни его къ поэзи. Переходъ здѣсь легокъ. Для порядка рѣчи только мы должны были раздѣлить ихъ, но въ немъ были онъ нераздѣльны.

Въ поэтѣ прежде всего поражаетъ насъ эта же самая черта, отличающая Жуковского отъ всѣхъ Русскихъ поэтовъ, ему предшествовавшихъ. Для Жуковского были, какъ онъ самъ сказалъ:

Жизнь и поэзія одно.⁵⁶

Домоносова отвлекала отъ поэзи наука, Державина юридическое поприще, Карамзина лѣтописи отечества. Жуковский, первый, всего себя отдалъ своему прекрасному призванію. Для него слово поэта было дѣломъ его жизни. Но чтобы не превратно понять отношенія, въ какихъ поставилъ онъ поэзію къ жизни, надобно досказать недосказанное въ словахъ его. Самая жизнь не была для него поэзіею, но поэзія была для него жизнію; не жизнь вносилъ онъ въ поэзію, но поэзію хотѣлъ внести въ жизнь. Что же разумѣлъ онъ подъ именемъ поэзи? Для другихъ художниковъ, какъ напримеръ для Гёте, поэзія была искусствомъ; для Жуковского болѣе нежели искусствомъ. Еще въ ранніе годы своихъ вдохновеній онъ называлъ ее добродѣтелью.⁵⁷ Еще тогда онъ желалъ, чтобы лира его имѣла силу проливать звуки, на утѣшеніе мукамъ, на миръ сердцамъ. Еще тогда, обращаясь къ обрату своему, поэту, онъ говорилъ:

Сліявъ въ душѣ спокойной
Младенца чистоту
Съ величіемъ свободы,
Боготворя природы
Простую красоту,
Лишь благамъ неизвѣстнымъ,
Пѣвецъ-любимецъ мой,
Доступенъ будь душой!⁵⁸

Позднѣе, вѣрный одной и той же мысли, пронесши ее въ ненарушимой цѣлости сквозь полустомлѣтіе времени самаго переходчиваго, Жуковскій, устами вдохновеннаго юноши передъ умирающимъ Камоэнсомъ, призывалъ поэта «быть могучимъ крыломъ, подъемлющимъ сердца на высоту, глаголомъ правды, лекарствомъ душъ, крушимыхъ безвѣріемъ, сторожемъ нетлѣнной завѣсы горняго міра.» И сама поэзія, передъ угасавшими взорами поэта, преображенная, соединяла въ своемъ образѣ все что есть на землѣ прекраснаго, великаго, святаго, сіяла вѣрой, надеждой и любовію, являлась ему «Богомъ въ святыхъ мечтахъ земли.»³⁹

Можетъ быть, такая задача, наложенная поэтомъ на его искусство свыше земныхъ силъ его; но кто же не согласится, что только такъ высоко, свято и чисто понявши задачу поэзіи, можно было поставить ее наравнѣ съ жизнію и сказать непогрѣшимо:

Жизнь и поэзія одно?

Но такая задача, такая мысль искусства, превосходящая силы самаго искусства, не нарушила ли поэтическаго призванія поэта, не сковала ли свободу творческихъ силъ его вдохновенія? Нѣтъ: потому что она открылась душѣ, имѣвшей дѣйствительное призваніе къ поэзіи. Она могла бы обличиться ложью во всякой другой, лишенной этого призванія; но здѣсь, отъ самой колыбели она светила въ душѣ поэта, какъ живая, сознанныя, прочувствованная истина. Отсюда могло произойти только и произошло то, что рѣдко бываетъ: человекъ и поэтъ слились въ одно нераздѣльное существо—и высота человека подняла поэта. Художникъ сроднился полнѣе съ своимъ созданьемъ и глубже проникъ его. Чистота мысли озарила лучами своими идеаль, и красота души отразилась непорочною красотою въ каждомъ его словѣ.

Все это могло совершиться, какъ сказали мы, при дѣйствительномъ призваніи Поэта. Но въ чемъ же оно обнаружилось? Поэтъ, прежде всего, сказывается намъ въ томъ, какъ онъ понимаетъ и чувствуетъ природу. Только въ наше время, поднявшее вмѣстѣ съ многими великими вопросами

множество и безплодныхъ, истощившихъ попустому богатя силы челоуька, ложная мудрость могла задать вопросъ о томъ, что выше: природа или искусство? ¹⁰ Одинъ холодный умозритель, равнодушный и къ природѣ и къ искусству, могъ такимъ празднымъ и хитрымъ вопросомъ завлечь къ спору и враждѣ то, что отъ Самого Творца предназначено къ единомыслию и сочувствію. Не началъ бы этой вражды никогда истинный поэтъ и художникъ. Еще младенцемъ, онъ сосетъ грудь у природы и кормится млекоу ея живыхъ впечатлѣній. Еще въ младенчествѣ, между поэтомъ и природоу, какъ между младенцемъ и кормилицеу его матерью, ведется та непонятная для другихъ беседа, которая позднее выскажется всѣмъ въ новыхъ картинахъ его поэзи. Поэтамъ, какъ любимцамъ своимъ, говоритъ природа при ихъ колыбели:

Для васъ взойдетъ красне день .

И будетъ лугъ душистѣй,

И сладостнѣй дубраны тѣнь ,

И птичка голосистѣй.

Утратившая красоту въ своихъ частяхъ вмѣстѣ съ челоуькомъ, природа хранитъ идею красоты, неизмѣнно напечатлѣнною отъ Создателя на своемъ изящномъ цѣломъ, — и таинственно открываетъ ее только душамъ избранныхъ своихъ любимцевъ. Имъ однимъ только слышится эта гармонія цѣлаго, гдѣ самый безобразный визгъ, самый нестройный крикъ страданія — звуки необходимые, безъ которыхъ исполна бы была торжественная симфонія мірозданья. Во всѣхъ странахъ свѣта, своими разнообразными красотоми, и воцѣлуемъ солнца, и воемъ мятели, природа пробуждала въ челоуькѣ одну полную идею красоты, предлагала для нея миллионы различныхъ образовъ, и воспитывала въ немъ, во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ, поэта и художника.

Способъ, какимъ поэты у разныхъ народовъ понимали и чувствовали природу, опредѣлялся всего болѣе отношеніемъ, въ какомъ разумѣли они челоуька къ природѣ, а это отношеніе еще глубже опредѣлялось отношеніемъ обоихъ къ Божеству. Религія вездѣ преимущественно направляла взглядъ

поэта на природу, за исключеніемъ развѣ новаго времени, когда религіозныя вѣрованія народовъ начали смѣняться личными убѣжденіями писателей.

Въ Священно-Еврейской поэзіи природа повсюду символъ Бога, намекъ на Его присутствіе, слѣдъ Его шествія въ твореніи. Боговдохновенные пѣвцы слышатъ Бога и въ грозѣ небесной, и въ трясеніи земли, и въ тонкомъ дыханіи вѣтерка. Молніи вѣстники воли Его, заря край Его ризы, небеса повѣдаютъ Его славу, и вся красота созданий служитъ къ тому только, чтобы отъ ея величества Самъ Творецъ познавался.⁴¹

Въ поэзіи языческой, у Грековъ и Римлянъ, природа — неразлучная спутница красоты внѣшняго человѣка. Она облекаетъ его, какъ чудотворное покрывало Ино Левкоою плывущаго въ волнахъ Одиссея. Всѣ явленія ея, и страшныя и милыя, намеки на человѣчскій образъ. Небесныя тучи — брови Зевесовы, лучи солнца — пряди золотыхъ волосъ Феба, заря — розовые персты Эоса; снѣгъ падаетъ изъ облаковъ какъ ножка Ирисы, посланной Зевсомъ на землю, и самыя силы животныхъ служатъ безперерывно къ изображенію борющихся силъ враждующаго человѣка. Словомъ, здѣсь природа и человѣкъ влюблены другъ въ друга — и на брачномъ своемъ вѣнцѣ у поэзіи обручаются взаимными дарами прелести и величія.

Другое отношеніе природы къ человѣку въ поэзіи народовъ Христіанскихъ. Вѣра Христова открыла намъ тайны міра духовнаго, и въ поэзіи, озаренной ею, природа стала символомъ душъ человѣческой. Въ безконечность увлекла она поэта-христіанина своимъ небомъ, звѣздами, моремъ, степью; разнообразнымъ чувствамъ душъ его вторить она и ропотомъ дробимой волны, и шумомъ дубровы, — и всѣми явленіями своими окружаетъ его, какъ безчисленными зеркалами, чтобы отразить ему въ нихъ всѣ безчисленныя движенія души его. Каждое изъ этихъ явленій возбуждаетъ въ насъ сочувствіе въ той мѣрѣ, по скольку мы видимъ въ немъ часть образа душъ своей, намекъ на нашу мысль, страсть, чувство, слѣдъ внутренней жизни нашей.

Такимъ воззрѣнiемъ определяется и взглядъ Жуковского на природу. Онъ виденъ и въ большіяхъ и въ малыхъ его картинахъ, въ произведеніяхъ оригинальныхъ и переводныхъ. Изобразить ли ему море — онъ не отлучить его отъ неба, а сливъ ихъ въ одинъ образъ, въ таинственной бесѣдѣ ихъ, намекнетъ намъ на бесѣду души, бьющейся въ оковахъ земной жизни, съ безпредѣльною вѣчностью.⁴² Взглянетъ ли онъ на небо весною: тамъ ему

Облака, летя, сіяютъ
И, сіяя, улетаютъ
За далекіе лѣса.⁴³

Блоснѣжный голубокъ, обнявшій крыльями дрожащую грудь испуганной Свѣтланы во время страшнаго сна ея — Русской образъ утѣшенія и чистоты душевной. Луна милѣе поэту чѣмъ солнце, какъ воспоминанье объ немъ въ ночи, какъ его отблескъ: она своими измѣненіями сочувствуетъ его поэтическимъ думамъ и видѣніямъ, и является ему на небѣ гостинницей душъ, спокойно взирающихъ оттуда на минувшія тревоги земнаго. Въ другихъ поэтахъ Жуковский сочувствуетъ тому же воззрѣнію на природу. Ему нравятся болѣе поэты сѣвера чѣмъ юга, болѣе Шиллеръ чѣмъ Гёте; онъ любитъ особенно простонароднаго поэта Германіи, Гебеля, у котораго всякое явленіе природы исполнено таинственнаго смысла, и былинка младенцемъ растущая изъ зерна, и солнце неутомимый благодѣтель созданія, и ночь передъ разсвѣтомъ, предвѣстница вѣчнаго дня. Изъ произведеній языческой поэзіи Жуковский предпочиталъ Одиссею Иліаду, потому что въ первой раскрыта болѣе душа древняго челоука; ему сроднѣе Вергилій и Овидій, какъ поэты чувства между древними по преимуществу, особенно первый въ слезномъ разсказѣ объ Разрушеніи Трои, и второй въ трагическомъ эпизодѣ: Ценкъ и Гальціона.

Такъ, въ каждой картинѣ природы, у Жуковского сквозитъ душа; вездѣ взглядъ на даль, на безконечность: ни одна всего не досказываетъ, что въ ней кроется, и пророчить еще болѣе чѣмъ обнаруживаетъ. Эта душа, стремя-

щаяся встрѣтить и обнять себѣ близкое и родное въ природѣ, эта душа, ищущая сама себя во всемъ созданіи Божиємъ и обрѣтающая искомое только въ таинственномъ присутствіи самого Создателя, есть то *невыразимое*, которое такъ глубоко созналъ и такъ прекрасно воспѣлъ самъ же поэтъ въ извѣстномъ отрывкѣ :

Но то, что слито съ сей блестящей красотой, —
 Сіе столь смутное, волнуемое насъ,
 Сей внелемый одной душою
 Обворожающаго гласъ,
 Сіе къ далекому стремленье,
 Сей миновавшаго привѣтъ,

 Сіе шепнувшее душѣ воспоминанье
 О миломъ радостномъ и скорбномъ старини,
 Сія сходящая святѣна съ вышины,
 Сіе присутствіе Создателя въ созданьи, —
 Какой для нихъ языкъ?...⁴⁴

Многіе поэты, безсознательно принадлежа Христіанству, пользовались преимуществами его глубокомысленнаго воззрѣнія на природу, точно такъ какъ и многіе люди безсознательно пользуются спасительными его истинами, безъ которыхъ въ прахъ разрушилась бы жизнь ихъ. Не таковъ былъ, конечно, Жуковскій. Союзъ поэзіи съ религіей былъ для него святъ и ненарушимъ — и этой мысли онъ пребылъ вѣренъ, начиная отъ первыхъ звуковъ своей лиры до послѣднихъ. Замѣчательны эти явленія въ исторіи мысли Русскаго человека. Ломоносовъ связалъ науку съ религіею, оградивъ первую отъ безбожія, а вторую отъ суевѣрія, ихъ священнымъ союзомъ. Онъ сказалъ: «Правда и Вѣра двѣ родныя сестры, дщери одного Всевышняго Родителя.»⁴⁵ Державинъ соединилъ съ религіею правду дѣлъ жизни, сказавъ о Богѣ :

Онъ совесть внутрь, Онъ правда въп.⁴⁶

Жуковскій укрѣпилъ тотъ же союзъ между религіей и поэзіею, когда сказалъ :

Поэзія небесной
Религія сестра земная.⁴⁷

Этимъ тремъ роднымъ мыслямъ въ душѣ Русскаго человѣка одинъ источникъ, таящійся въ недознанныхъ глубинахъ древней его жизни. Одно изъ условій высшаго призванія къ поэзи, для Жуковского, заключено было въ *чистоту сердца*.

Клянуся, ты назначенъ быть поэтомъ.
Не своелюбіе, не тщетный призракъ
Тебя влекутъ — тебя зоветъ самъ Богъ;
Къ великому стремишься ты смиренно,
И ты дойдешь къ нему — *ты сердцею чистъ*.

Религія Христіанская, озаривъ поэта своими истинами, открыла ему многія свѣтлыя мысли, лежащія въ глубинѣ содержанія его произведеній. Одна изъ такихъ любимыхъ, плодотворныхъ его мыслей, есть мысль о страданіи, котораго святая, безконечная тайна уяснена была человѣку только чашею Геосиманскою. Для Жуковского, «страданіе — творецъ великаго: оно знакомитъ насъ съ тѣмъ, чего мы никогда въ безмятежномъ нашемъ блаженствѣ не узнаемъ: съ таинственнымъ вдохновеніемъ Вѣры, съ утѣхою Надежды, съ сладостнымъ упоеніемъ Любви.»⁴⁸ Для Жуковского страданіе есть «таинство, образующее душу.» Для него:

Земная жизнь — страданія питомецъ!
И сколь душа велика симъ страданьемъ!
Сколь радости при немъ помрачены!⁴⁹

Онъ самъ сказалъ устами поэта, славнаго страданіями своей жизни:

Неправедно ропталъ я на страданье;
Мнѣ въ душу Богъ вложилъ его — Онъ правъ:
Страданіемъ душа поэта зрѣеть,
Страданіе святая благодать.⁵⁰

Религія научила его быть равнодушнымъ къ минутнымъ наслажденіямъ настоящаго, въ которыхъ срывается цвѣтъ жизни, увядаетъ душа, скука смѣняетъ надежду, и остается только одно презрѣніе къ истраченной по мгновеніямъ жизни.

Мысль поэта не признавала счастья въ настоящемъ , потому что оно конечно, и душа уловить его не можетъ. Она съ любовью носилась всегда между прошедшимъ и будущимъ, между воспоминаніемъ и надеждою, потому что прошедшее вѣчно для сердца, надъ которымъ утрата безсильна, а будущее неистощимо надеждою для того, кто вѣруетъ. Такова жизнь душій, свѣше просвѣтлѣнной, душій, которая жаждетъ безконечнаго и смотритъ на тѣло, какъ на временную свою оболочку. Этимъ мыслямъ источникъ не въ очарованномъ романтизмѣ Запада, но въ глубинѣ вѣрованной самой жизни. Для нихъ языкъ Русскаго народа далъ поэту свои живыя и точныя слова: прошедшее у Жуковскаго наше Русское *завѣтное*, будущее наше *желанное*, слова имъ столько любимыя. При такомъ благоговѣніи къ завѣту прошедшаго и къ желанному будущему, само настоящее получаетъ свою истинную цѣну, и душа печатлѣетъ на его летучей минутѣ только то, что достойно вѣчности, чего не захотѣла бы изгладить она въ воспоминаніи, что свято и чисто засіяетъ для нея въ прошедшемъ:

Прекрасному — *текущее миновенье!*⁶¹

При такомъ только возрѣніи на время, поэтъ могъ свѣтло и радостно взглянуть на міръ и сказать всѣмъ то, что Теонъ говорить Эсхину:

О вѣрь мнѣ, прекрасна вселенна!

*

Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ;

Все въ жизни къ великому средство;

И горестъ и радость — все къ цѣли одной:

Хвала жизнедавцу Зевесу!

Религія воспитала въ нашемъ поэтѣ еще одно свойство, рѣдкое между поэтами, свойство простоты, доступной всякому возрасту. Матери-воспитательницы дѣтей своихъ — сколько благодарности принесутъ Жуковскому за тѣ многія произведенія, которыя, будучи прекрасны для всѣхъ возрастовъ, доступны и для младенческаго. Не мало поэтовъ, говорящихъ страстямъ и воображенію юноши, рѣшительной

предпринчивости мужа, глубокомысленному спокойствію или равнодушію старца; но какъ мало такихъ, которые чистымъ свѣтомъ душевнаго огня зажигаютъ глазки дѣтей. По инымъ не велика слава открывать прекрасное для этого возраста, но замѣтимъ, что поэтъ эту славу заимствуетъ изъ того источника всеобщей Истины, куда равно глядѣться могутъ, и мужъ, искушенный опытомъ жизни, и невзанный сердцемъ младенецъ. Добро живѣе коренится въ сердцахъ и милѣе для насъ, когда мы рано приучались родить его съ чувствомъ красоты. Если ни одно впечатлѣніе не пропадаетъ для души даромъ, то счастливъ Русской ребенокъ, съ удовольствіемъ лепечущій стихи изъ *Пѣсни бѣдняка*:

Въ селени каждомъ есть Твой храмъ
 Съ сіяющимъ крестомъ,
 Съ молитвой сладкой и съ Твоимъ
 Доступнымъ олтаремъ.

Это живое пониманіе связи между религіею и поэзіею, это высокое воспитаніе души поэта въ свѣтъ чистоты и цѣломудрія, не ограничило его дѣятельности одними гимнами къ Богу. Нѣтъ, онъ пѣлъ наше земное, житейское, человѣческое; онъ черпалъ вдохновеніе у поэтовъ не христіанскихъ; но, скажемъ его же словами: «онъ зналъ Его, онъ вѣрилъ Ему, онъ шелъ къ Нему, онъ велъ къ Нему, и все, что ни встрѣчалось на пути его откровенному оку, все оно, прошедъ черезъ его душу, пріобрѣтало ея характеръ, не измѣнивъ въ то же время и собственнаго.»⁵²

Жуковский всегда оставался вѣренъ своему назначенію, какъ поэта, потому что свободно служилъ красотѣ. Красота была главною мыслію всѣхъ его вдохновеній; но чистота сердца осіяла и освятила эту мысль въ душѣ его. Выразимъ теперь ее его же словами:

Но все, что отъ временъ прекрасныхъ,
 Когда онъ мнѣ доступенъ былъ,
 Все что отъ милыхъ темныхъ, ясныхъ,
 Минувшихъ дней я сохранилъ —

* Дарователь пѣснопѣній.

Цвѣты мечты уединенной
 И жизни лучшіе цвѣты —
 Кладу на твой олтарь священный,
 О Гений чистой красоты.

*

Не знаю, свѣтлыхъ вдохновеній
 Когда воротится череда —
 Но ты знакомъ мнѣ, чистый Гений,
 И свѣтитъ мнѣ твоя звезда.
 Пока еще ея сіянье
 Душа умѣетъ различать:
 Не умерло очарованье;
 Былое сбудется опять.⁶⁵

Въ другой разъ, передъ Рафаэлевой Мадонной, онъ вспомнилъ о томъ же, ему столько знакомомъ, *Гений чистой красоты*, и такъ сказалъ объ немъ:

Онъ лишь въ чистыя мгновенья
 Бытія слетаетъ къ намъ,
 И приноситъ откровенья,
 Благодатныя сердцамъ.
 Чтобъ о небѣ сердце знало
 Въ темной области земной,
 Лучшей жизни покрывало
 Приподъемлетъ онъ порой;
 А когда насъ покидаетъ,
 Въ даръ любви, у насъ въ виду,
 Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
 Онъ прощальную звезду.

Замѣчательно, что поэтъ не счелъ излишнимъ обозначить эпитетомъ *чистаго*, тотъ гений красоты, которому обрекъ себя на служеніе. Но развѣ есть, развѣ можетъ быть гений красоты *нечистой*? Видно, поэтъ предчувствовалъ, что въ его же время образъ красоты затемнится и потускнѣетъ отъ дыханья дѣйствительности житейской, что люди вѣка, назвавшего себя положительнымъ, потеряютъ вѣру въ красоту и поэзію. Вотъ почему, конечно, создавая не для одной

минуты вѣка, онъ ограждалъ чистотою души и жизни мысль о красотѣ, какъ вѣренное ему отъ Бога сокровище, какъ предметъ и цѣль своего непорочнаго служенія.

Эта мысль поэта, имъ же самимъ выраженная, какъ свѣтильникъ, озарить для насъ весь обширный кругъ его произведеній и собрать ихъ въ хранину одного стройнаго цѣлага. Давно уже сказано и сдѣлалось общимъ мѣстомъ у насъ въ литературѣ, что Жуковский и въ переводахъ своихъ былъ оригиналенъ. Обновимъ теперь кстати эту мысль его собственными словами, которыя сказалъ онъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Гоголю: «Я часто замѣчалъ, что у меня наиболее свѣтлыхъ мыслей тогда, какъ ихъ надобно импровизировать въ возраженіе или въ дополненіе чужихъ мыслей; мой умъ, какъ огниво, которымъ надобно ударить объ камень, чтобы изъ него выскочила искра — это вообще характеръ моего авторскаго творчества; у меня почти все чужое или по поводу чужаго — и все однако мое.»⁵⁴

Жуковский переводилъ только то, чему сочувствовала душа его, что было ей родственно, что согласовалось съ любимною его мыслию. Для него:

Съ ней все близкое прекрасно,
Все знакомо что вдали.

Геній чистой красоты, озарявшій внушенія его музы, не былъ такъ исключителенъ, и умѣлъ открывать ему прекрасное и около себя, и у всѣхъ народовъ міра, и во всѣ времена. Но разъ принявъ живымъ сочувствіемъ это чужое, геній Жуковского съ любовію предавался ему и воссоздавалъ его какъ свое — и Русскій языкъ, свободно покоряясь наитію усвоеннаго имъ вдохновенія, не носилъ никакихъ слѣдовъ подражательности, а блисталъ всеми красотами, свойственными силѣ творца-поэта.

Все поприще поэзи Жуковского, по нашему мнѣнію, дѣлится на три періода: первый можно назвать *Нѣмецко-Англійскимъ*, второй *отечественнымъ*, третій *всемирнымъ*, по мнѣнію стихій, дѣйствовавшихъ на поэта. Между всеми тремя періодами есть неразрывная связь, и произведенія одного сдѣваются съ произведеніями другихъ.

Англія и Германія участвовали въ первомъ поэтическомъ воспитаніи Жуковскаго. Оссіанъ, Юнгъ, Грей, Томсонъ, Драйденъ, Нѣмцы, особенно Шиллеръ, Бюргеръ, частію Гёте, легенды среднихъ вѣковъ, переданныя въ Нѣмецкихъ романахъ, имѣли рѣшительное вліяніе на первое направленіе его поэзіи. Карамзинъ былъ виновникомъ этого движенія и новаго поворота въ нашей Словесности отъ одностороннихъ образцовъ Французскихъ къ образцамъ Англіи и Германіи. Онъ, первый, заговорилъ съ сочувствіемъ о драмѣ Шекспира, Шиллера и Гёте; первый, познакомилъ Русскихъ съ самими лицами поэтовъ Германіи; первый, возсталъ противъ искусственныхъ и холодныхъ формъ Французской трагедіи; перевелъ Эмилию Галотти Лессинга, Юлія Цезаря Шекспира; первый, въ стихахъ, подражалъ лирическому настроенію Шиллера. Въ письмахъ Русскаго путешественника онъ съ особенной охотой передавалъ Нѣмецкія романтическія преданія: эти рассказы любимаго писателя могли подѣйствовать на Жуковскаго, точно такъ какъ романы, читанныя въ дѣтствѣ Карамзинымъ, по его же свидѣтельству, воспламеняли живое его воображеніе.

Вліяніе Карамзина на Жуковскаго есть одно изъ тѣхъ событій въ исторіи Русской Словесности, на которомъ мы не можемъ не остановить вниманія.

Карамзинъ, своею обширною дѣятельностію, занимаетъ великое средоточіе въ нашей литературѣ; стоитъ на распутьи, къ которому примыкаютъ всѣ три ея періода. Отъ вліянія Французовъ онъ беретъ формы для своей прозы и дружбу языка разговорнаго съ общественнымъ; слѣдующему за нимъ поколѣнію своими сочувствіями онъ открываетъ двери въ міръ Англіи и Германіи; своею Исторіею онъ родоначальникъ направленія народнаго, которое выразилось въ Пушкинѣ.

На широкомъ всемірномъ основаніи, на тепломъ сочувствіи ко всему прекрасному человѣческому, гдѣ бы оно ни являлось, Карамзинъ воспиталъ себя для своего великаго труда, для дѣла цѣлой жизни своей, для Русской Исторіи. Воздвигая этотъ изящный палладіумъ Русской народности, онъ сочеталъ въ немъ два любимыя, два живѣйшія чувства

души своей: любовь къ отечеству и любовь къ человѣчеству. Уравновѣсить въ себѣ эти два чувства, къ сожалѣнію, не рѣдко исключаютъ другъ друга, было его прекрасною задачею въ жизни. Въ 1802 году писалъ онъ: «Богъ видитъ, люблю ли человѣчество и нарѣдъ Русской.»⁵⁵ Не задолго до смерти, въ письмѣ къ другу своему Дмитріеву, благодаря небо за свое историческое дѣло, онъ выражался такъ: «я независимъ, и наслаждаюсь только своимъ трудомъ, любовью къ отечеству и человѣчеству.» Этими двумя мыслями, всемірною и отечественною, Карамзинъ стоитъ равно во главѣ двухъ поколѣній, изъ которыхъ одно пошло стезею первую, а другое второю: поколѣній Жуковского и Пушкина. Родоначальникъ обоихъ, дружившій въ себѣ обѣ мысли, могъ быть надежною охраною противъ крайностей: не образовать космополитовъ безъ отечества, ни ограниченныхъ патриотовъ внѣ человѣчества.

Изящная нравственная черта нашей литературы есть благодарная память преданія, связывающая славныхъ писателей нашихъ, послѣдовательно принимавшихъ власть современнаго дѣйствія надъ поколѣніями, къ которымъ они принадлежали. Съ какимъ благоговѣніемъ Жуковскій чтитъ память Карамзина! Съ какимъ теплымъ чувствомъ, въ посланіи къ Дмитріеву выражая ему благодарность, за то, что сорвалъ передъ нимъ покровъ съ поэзи, воспоминаетъ онъ о Карамзинѣ:

О! въ эти дни, какъ райское видѣнье,
 Быть съ нами онъ, теперь ужъ не земной,
 Онъ, для меня живое провидѣнье,
 Онъ, съ юности товарищъ твой.
 О! какъ при немъ все сердце разгоралось!
 Какъ онъ для насъ всю землю украшалъ!
 Въ младенческой душѣ его, казалось,
 Небесный ангель обиталъ!....
 Лежитъ вѣнецъ на мраморѣ могилы;
 Ей молится Россіи вѣрный сынъ;
 И будить въ немъ для дѣлъ прекрасныхъ силы
 Святое имя: Карамзинъ.

Жуковскій проникалъ въ тайну душъ Карамзина, благо-

говѣль передъ нею, и передалъ намъ то впечатлѣніе, какое на него произвелъ онъ, уже приближаясь къ смерти.

Въ литературѣ Карамзинъ возбудилъ всѣ первыя сочувствія Жуковскаго и указалъ ему дорогу, оградивъ его противъ крайностей теплымъ чувствомъ любви къ отечеству, народу своему, и знаніемъ изящнымъ Русскаго языка.

Обыкновенно называютъ Жуковскаго у насъ главою и основателемъ Романтической школы въ Русской поэзіи. Здѣсь мѣсто, хотя вкратцѣ, разъяснить понятіе о Романтизмѣ, принадлежащее къ числу самыхъ темныхъ и неопредѣленныхъ понятій нашего времени.

Жизнь на Западѣ, во всѣхъ главныхъ явленіяхъ своихъ, подверглась раздвоенію силъ—и это дѣйствіе обнаружилось равно въ Церкви, въ государствѣ, въ общественныхъ отношеніяхъ сословій, въ наукѣ и даже въ искусствѣ. Плодомъ раздвоенія силъ въ сей послѣдней сферѣ, которая собственно насъ касается, было образованіе двухъ школъ, классической и романтической: взаимная борьба ихъ есть послѣднее событіе исторіи искусства на Западѣ. Она привела къ безплодному смѣшенію понятій, къ сомнѣнію въ бытіи самаго искусства, къ уничтоженію его сущности—красоты: все это обнаружилось, особенно въ послѣднее время, въ школѣ такъ называемой положительной или натуральной.

Возможны и даже необходимы мѣстныя и временныя опредѣленія искусства; не смотря на то, красота, внутреннимъ существомъ своимъ, возвышается надъ этими необходимыми условіями мѣста и времени, которымъ должны подвергаться ея явленія. Но можетъ ли красота сдѣлаться исключительною собственностію и преимуществомъ какойнибудь одной школы, девизомъ классицизма или романтизма? Дары духа свободно даются людямъ, а не школамъ: нѣтъ той красоты, ни той истины, ни того добра, къ которымъ могла бы приложить печать свою какаянибудь школа. Заключите красоту въ оковы извѣстнаго пониманія искусства; отдайте ее, безконечную, ограниченному смыслу школъ: явится и такая, которая посягнетъ на нее вмѣстѣ съ искусствомъ. Великіе поэты истекшаго полу столѣтія, ознаменованнаго борьбою ро-

мантизма съ классицизмомъ, всегда вырывались на свободу; когда замѣчали покушеніе приковать ихъ къ одностороннему знамени романтической школы. Шиллеръ поклонялся древнимъ до кумиролуженія и переводилъ Расина; Гёте раздружился съ критиками, которые вербовали его быть главою романтиковъ; Байронъ склонялся передъ Поэ; Жуковскій, уже авторъ Людмилы, восхищался тогда Федрою Расина, а подь старость переводилъ Гомера; Пушкинъ, изъ за котораго столько было споровъ между нашими классиками и романтиками, посылалъ колкія насмѣшки и классицизму и романтизму въ своемъ Евгениѣ Онѣгинѣ.

Романтизмъ, какъ сказали мы, принадлежитъ къ числу самыхъ неясныхъ, самыхъ неопредѣленныхъ понятій, наравнѣ со всеми тѣми понятіями, которыя стоятъ на сторонѣ отрицанія въ западной жизни. Здѣсь признаки доходятъ до такого смѣшенія и противорѣчія другъ другу, что самое понятіе разсѣвается въ какомъ-то туманѣ логической неопредѣленности.

Имя романтизма противорѣчить его появленію: оно заимствовано отъ народовъ Романскихъ, а романтизмъ есть плодъ Германской и Англійской поэзи. Постараемся перечислить все то, что разумьлось и разумѣтся еще теперь подь этимъ именемъ: нарушеніе всѣхъ тѣхъ условныхъ правилъ, какія наложены были на поэзію лжеклассическою школою Франціи, и полная свобода внѣшнихъ ея формъ; возвращеніе къ средневѣковымъ эпическимъ преданіямъ Германіи, Скандинавіи и Британіи (понятіе, замѣтимъ, наиболее всѣхъ усвоенное романтизму и ярче другихъ противорѣчащее его имени); примиреніе съ римско-католическою вѣрою во имя искусства и противодѣйствіе сухому рационализму протестантовъ; вліяніе Арабовъ на Европейскую поэзію; все чудесное, волшебное, мечтательное, всякая свобода и произволь фантази въ искусствѣ; начало народное и живое сочувствіе поэзи къ современнымъ явленіямъ жизни; протестъ противъ всѣхъ условій жизни и даже противъ существенныхъ основъ ея нравственнаго благоустройства. Шлегели, видя смѣшеніе понятій, которымъ подвергался романтизмъ, хотѣли опредѣ-

лить его точнѣе, и разумѣть подъ этимъ именемъ все искусство новыхъ Христіанскихъ народовъ, въ отличіе отъ искусства древняго, классическаго. Но въ такомъ случаѣ, подъ знамя романтизма слѣдовало поставить и всю классическую школу Франціи, подавшую поводъ къ происхожденію романтической. Г-жа Сталь послѣдовала тому же понятію о романтизмѣ, какое предлагали Шлегели, присоединивъ къ нему понятіе о всякомъ искусствѣ, истекающемъ изъ жизни народной. Гёте, съ нѣкоторою ироніею, называлъ романтизмъ ново-нѣмецко-религіозно-патріотическимъ искусствомъ. Известно, что во время Наполеоновскихъ войнъ романтизмъ игралъ ролю патріотическаго знамени въ Германіи. Гегель, въ своей Эстетикѣ, хотѣлъ возвести романтизмъ на степень необходимой законной нормы искусства вообще, и подвелъ подъ нее три высшіе его вида: живопись, музыку и поэзію. Имя ярко противорѣчило другой мысли философа, который называлъ періодъ Христіанской исторіи Европы періодомъ исключительно Германскимъ, по главному участию въ немъ началъ жизни Германскаго племени.

Если перейти отъ теорій къ тѣмъ славнымъ поэтамъ, которыхъ романтики вербовали подъ свое знамя, то и здѣсь оттънки обнаружатъ не менѣе противорѣчивыхъ признаковъ. Здѣсь встрѣтимъ мы — свѣтлый, очарованный идеализмъ Шиллера вмѣстѣ съ мрачнымъ, разочарованнымъ скептицизмомъ Байрона; здѣсь и положительное поклоненіе всякому историческому событію въ Вальтеръ Скоттъ, и не менѣе положительное служеніе всякому явленію природы въ Гёте. Въ талантахъ второстепенныхъ не менѣе яркія противорѣчія: здѣсь и духовное настроеніе въ образѣ мыслей Тика, и оправданіе чувственныхъ вождельній челоуѣка въ Фр. Шлегель; здѣсь и раболѣпная подражательность формамъ средневѣковой поэзіи въ первомъ, и совершенный произволь фантазіи, чуждый всякой формы, въ Жанъ-Поль Рихтеръ и въ Гофманъ.

Въ современной намъ Германіи, романтизмъ — понятіе, какъ видимъ, носившееся по вѣтру всякихъ разногласныхъ мнѣній — получило теперь политическій оттънокъ. Въ теоріяхъ же эсте-

тических разумѣютъ подъ нимъ ложный идеализмъ въ искусствѣ, нападаютъ за него и на Шиллера и на Гёте, и удаляя его вмѣстѣ съ прежнимъ его соперникомъ, классицизмомъ, въ сторону, ждуть возрожденія для искусства въ историческомъ его направленіи.⁵⁷

Примѣняя высчитанныя нами понятія о романтизмѣ къ Жуковскому, мы найдемъ, что весьма немногія изъ нихъ могутъ быть отнесены къ нему. Въ тѣ самые годы, какъ онъ открывалъ новую сферу для Русской поэзи, — дѣйствуя какъ журналистъ, въ критикахъ своихъ, онъ обнаруживалъ основанія теоріи Французовъ и являлся ученикомъ Лагарпа. Въ 1809 году, по случаю представленій Г-жи Жоржъ на Московской сценѣ, онъ разбиралъ трагедіи Расина, преклонялся передъ его гениемъ и даже выражалъ сильное сочувствіе Вольтеру, какъ трагику.⁵⁸ Во внѣшнихъ формахъ своей поэзи онъ избѣгалъ всякаго произвольнаго ихъ нарушенія — и никто, можно сказать, изъ поэтовъ Русскихъ, не исключая даже и Пушкина, не соблюдалъ такой отчетливости, и опредѣленности во внѣшней формѣ искусства своего, какъ Жуковскій. Изъ всѣхъ признаковъ за нимъ остается одинъ: его особенная любовь къ средне-вѣковымъ рыцарскимъ преданіямъ Германіи, стремленіе фантазіи его въ этотъ мечтательный міръ замковъ, мертвецовъ, привидѣній и демоновъ, лозанья покушенія породить ихъ съ преданіями нашего народа. Но можно ли сказать, что Жуковскій ввелъ эту стихію вообще въ Русскую поэзію? Нисколько — гдѣ же въ этомъ его подражателѣ? Эта особенность происходила изъ его сочувствія къ поэтамъ Англіи и Германіи въ то время, когда почти всѣ они были одержимы страстью къ легендамъ среднихъ вѣковъ. Она осталась при немъ, и даже ему самому нисколько не помѣшала одушевляться образцами поэзи древней и другими. Замѣтимъ также, что поэтъ, внушившій Жуковскому его первое произведеніе, съ котораго собственно начинается его поприще, какъ поэта, былъ Грей, воспитанникъ древней поэзи, писавшій Латинскіе стихи въ подражаніе Горацию, и поклонникъ Расина наравнѣ съ Шекспиромъ.

Не посторонній вопросъ о томъ, какъ Жуковскій вносилъ Нѣмецкій романтизмъ въ нашу поэзію, для насъ важень, а вопросъ нашъ, живой, отечественный. Что новаго внесъ Жуковскій въ поэзію Русскую, чего не было въ поэзиі его предшественниковъ, Ломоносова и Державина? Какой новый міръ открылъ онъ для нея? До Жуковского, поэзія наша въ хвалебныхъ гимнахъ возносила мысль нашу къ Богу, гремѣла славою отечества въ подвигахъ брани или мира, была или священною арфою или трубою славы; иногда принимала тонъ поучительный, возглашала уроки правды, поднимала бичъ или смѣхъ сатиры, указывая на пороки въ нравахъ общества. Что же сдѣлалъ Жуковскій? Объ немъ можно сказать то, что древніе говорили о Сократѣ. Какъ Греческій мудрецъ свелъ философію съ неба и поселилъ ее въ городъ и въ семьѣ: такъ Жуковскій, съ высоты Парнасса, оглашеннаго гимнами, одами и сатирами, свелъ Поэзію въ нашу душу,—и съ его времени душа человѣческая, обращенная сама на себя, дала ей жизнь и содержаніе. Вотъ почему съ той поры Поэзія стала ближе къ намъ, устами его заговорила всему внутреннему существу нашему и глубоко потрясла его.

Личныя чувства души, еще до Жуковского, входили въ содержаніе Русской Поэзиі. Но Французская трагедія позволяла жить ими только своимъ героямъ и героинямъ. Повѣсть Карамзина завоевала у нихъ это преимущество въ пользу людей всѣхъ сословій. Но чувство въ повѣстяхъ Карамзина являлось не живымъ, общимъ чувствомъ, а чувствомъ сентиментальной школы, которая взяла его своимъ девизомъ, хотѣла насильно жить имъ, и имъ исключительно. Это было чувство, придуманное въ противодѣйствіе разсудку, а не чувство естественное, простое. Дмитріевъ и Нелединскій скорѣе могутъ быть названы предшественниками Жуковского: первый своимъ противодѣйствіемъ искусственному тону прежней лирики, второй живымъ чувствомъ своихъ пѣсень.

Но не одно чувство душевное дало содержаніе поэзиі Жуковского, а вся душа человѣка со всеми ея явленіями. Жу-

ковскій такой же двигатель чувства, какъ и мысли, которую назвалъ онъ *великаномъ*. Подвиги его въ этой области еще не всѣ извѣстны: мы знаемъ, что особенно въ послѣдніе годы жизни онъ много жилъ и работалъ въ мірѣ мысли, что онъ хотѣлъ положить нѣкоторыя основы для Философій Христіанской въ Россіи. Тѣ начала, которыя онъ кратко указалъ для науки искусства, превосходны.

Жуковскій, какъ вноситель міра душевнаго въ содержаніе Русской поэзіи, есть родоначальникъ всѣхъ Русскихъ поэтовъ, за нимъ послѣдовавшихъ до Гоголя включительно. Правда, онъ видѣлъ еще этотъ міръ душъ сквозь блескъ и туманъ очарованья. Но онъ прозиралъ уже въ немъ темныя страсти и пороки, указывалъ на лукавыя наущенія демона; однако, надъ всѣмъ этимъ возносилъ свой лучезарный идеалъ душъ, сотканный изъ всего высокаго, чистаго, благороднаго, святаго — и эта душа, прекрасная и влюбленная въ дивныя красоты души человѣческой, выражалась въ чудныхъ звукахъ.

Что новаго внесъ Жуковскій во внѣшнюю форму Русской поэзіи? — Пластика и живопись слова принадлежать Ломоносову и Державину. У перваго всякой образъ какъ будто изваянъ, и слово — мраморъ; у втораго слова — самыя яркія краски, которыя онъ сыплеть, какъ свои рубины, алмазы и ахонты. Жуковскій усвоилъ себѣ живописную стихію слова, но у него всѣ картины, какъ уже было говорено, при всей ихъ живости, простотѣ и естественности, мягки, озарены свѣтомъ души, и потому имѣютъ болѣе единства въ колоритѣ. Но стихія, созданная имъ собственно, была музыкальная. Метръ, сотворенный Ломоносовымъ для Русской поэзіи, разработанъ былъ Жуковскимъ на всѣ возможные лады. Какихъ размѣровъ въ Русскомъ языкѣ не отгадало его ухо? Но откуда же полилась эта очаровательная, волшебная, разнообразная музыка стиховъ въ поэзіи Жуковскаго? Гдѣ ей тайна? Эти звуки могла вызвать изъ Русскаго слова только душа, въ немъ заговорившая. Эти звуки — ея неосознаемое, незримое тѣло. То *невыразимое*, о которомъ сказалъ онъ, что нѣтъ ему образа въ словѣ, нашло выраженіе въ звукахъ. Первыя стрѣфы *Сельскаго кладбища* — начало этой небывалой до

него музыки въ Русской поэзіи. Кто не упивался стихами *Эоловой арфы*, какъ звуками, для того гармонія Русскаго слова — неразгаданная тайна.

Новое содержаніе, открытое Жуковскимъ для Русской поэзіи, объясняетъ, отчасти, почему легче ему было настраивать лиру свою съ самаго начѣла подь чужія пѣсни. Душа человѣческая успѣла уже тамъ, у другихъ народовъ, выразить богатство своего внутренняго міра. Слово души одно для всѣхъ. Надобно было только почувствовать въ себѣ могущество языка своего, чтобы передать на немъ это слово, а здѣсь и тайна поэта. Наслушавшись громкихъ пѣсенъ о славныхъ міра, осмнадцатилѣтній поэтъ вышелъ къ безимяннымъ покойникамъ села, и, подь звуки простой сельской элегіи Грея, надь ихъ могилами, задумалъ свою первую душевную пѣсню.

Элегія, *Романсъ*, *Посланіе* и *Баллада*, были первыми формами поэзіи Жуковскаго.

Элегією началась она: съ грустнаго чувства запѣваетъ свою первую пѣсню душа. Карамзинъ, по своей природной наклонности къ меланхоліи, воображалъ, что съ элегіи началась и поэзія челоуѣка вообще. Элегія имѣла у Грековъ, кромѣ жалобнаго, самый разнообразный характеръ: и воинственный, и пиршественный, и государственный. У Римлянъ она ограничилась жалобами любви, особенно чувственной. Въ Христіанской поэзіи элегія приняла характеръ скорби и думы обо всемъ погибшемъ. Такова и *Элегія* Жуковскаго. Но скорбь ея не безнадежная: чувствомъ въры торжественно разрѣшается она въ успокоеніе, даже иногда въ какую-то духовную радость. Таковы: *Теонъ* и *Эсхинъ* и *Элегія на кончину Королевы Виртембергской*.

Первый *Романсъ* Жуковскаго: «Дуброва шумить,» подражаніе романсу Шиллеровой Теклы, принявшей образъ Русской дѣвы, такъ пришелся чувствомъ своимъ къ Русской пѣсни, что сдѣлался народнымъ. Содержаніе романсовъ Жуковскаго все носится между воспоминаніемъ о миломъ прошломъ и стремленіемъ къ желанному будущему, въ которомъ первое возвратится. Оно все выражено въ этихъ стихахъ:

О милое воспоминаніе
 О томъ, чего ужъ въ міръ нѣтъ!
 О дума сердца — упованіе
 На лучшій, неизмѣнный свѣтъ!
 Блаженъ, кто васъ среди губящаго
 Волненья жизни сохранилъ,
 И съ вами низость настоящаго
 И пренебрегъ и позабылъ.

Послание—форма, заимствованная Жуковскимъ у Французскихъ поэтовъ. Она характеризуетъ его поколѣніе, писатели котораго соединялись силою дружбы и взаимнаго общественаго дѣйствія. Въ этой формѣ они любили выражать другъ другу, передъ обществомъ, свои убѣжденія, надежды, заветныя мечты. Въ посланіяхъ Жуковского къ друзьямъ высказанъ взглядъ его на поэзію, на любовь, на жизнь. Послание обращалъ поэтъ и къ сильнымъ міра: тогда принимало оно важный характеръ, и замѣняя оду, искреннѣе, теплѣе и живѣе, выражало чувства души, чѣмъ громкая ода.

Изъ всѣхъ формъ поэзіи, усвоенныхъ Жуковскимъ отъ Запада, *Баллада* есть та форма, которую наиболѣе приписываютъ романтической школѣ, хотя романсъ, по своему названію, гораздо сроднѣе романтизму. Имя баллады Итальянское (*ballata*): въ поэзии Италіи такъ называлось стихотвореніе, пѣніе котораго сопровождается было пляскою. Изъ Прованса черезъ Францію перешла баллада на Сѣверъ, въ Англію, и здѣсь стала народною формою поэзіи въ устахъ и подъ перомъ мѣнстрелей, которые сочиняли баллады и въ монастыряхъ, и при дворахъ Королей, и въ шумныхъ сходкахъ народа. Баллады сдѣлались живою поэтическою летописью Англичанъ: не было славнаго событія въ ихъ исторіи, котораго онѣ не сохранили бы. Въ нихъ воспѣвались и любимые ихъ герои. Таковую же точно ролю исторической народной пѣсни игралъ и Романсъ (*romance*) въ Испаніи. Баллада, до введенія газеты, замѣняла ее въ Англіи: въ XVI еще вѣкѣ, не было убійства, казни, сраженія, бури, сломовъ, не было происшествія, которое бы тотчасъ же, въ куплетахъ баллады, не разносилось по Англійскому на-

роду черезъ странствующихъ мѣнстрелей. Такого рода баллады нерѣдко раздаются и въ драмахъ Шекспира; но въ его время онѣ уже были отголосками минувшаго. Въ 1588 году, эта народная вѣстовица, баллада уступила мѣсто учрежденію государственному — газетѣ, которой первый номеръ явился вмѣстѣ съ грозною армadoю Испаніи на берегахъ Англіи; а въ 1597 году мѣнстрель — этотъ поэтъ феодальный — въ статутъ Королевы Елисаветы признанъ за бродягу.⁵⁹

Въ концѣ XVIII вѣка, когда послѣдовало въ Англіи возвращеніе къ народнымъ преданіямъ поэзіи и исторіи, старинныя баллады были изданы, какъ матеріалы живыхъ историческихъ преданій народа. Тогда и многіе поэты Англійскіе полюбили этотъ видъ поэзіи, и начали его воздѣлывать: таковы Соути, Вальтеръ Скоттъ, Робертъ Барнсъ Германію съ старинной Англійской балладой познакомили Гердерь и Бодмеръ. Бюргеръ усвоилъ ее Нѣмецкой поэзіи; Шиллеръ и Гёте, соревнуя въ ней другъ другу, довели ее до совершенства. Древняя же народная поэзія Германіи собственно балладъ не имѣла.⁶⁰ Главный представитель Нѣмецкаго романтизма, Тикъ, не написалъ ни одной.

Внѣшняя форма и строй баллады принадлежатъ поэзіи лирической. Содержаніе ея есть драматическое дѣйствіе, схваченное чувствомъ изъ жизни и перенесенное въ міръ фантазіи: во всякой балладѣ есть зародышъ драмы, но въ ней какъ бы улетучена вся ея дѣйствительность, и самое дѣйствіе предстаётъ намъ, какъ видѣніе души, какъ явленіе таинственное внутренняго міра. Вотъ, гдѣ причина такого сочувствія въ Жуковскомъ къ этому виду поэзіи.

Англія и Германія, балладами Бюргера, Шиллера, Соути, Уланда, Гёте, В. Скотта, настроивали Жуковскаго на тѣ вдохновенія, которымъ мы обязаны такими чудными красотою въ Русской поэзіи. Какъ очаровательные призраки, проносятся передъ нами его баллады, страшныя и нежныя, грозныя и милыя, величавыя и причудливыя, чаруя насъ и волшебствомъ летучаго видѣнія и прелестью своихъ разнообразныхъ звуковъ. Не во гнѣвъ мнѣнію нашихъ критиковъ,

слабѣ другихъ мнѣ кажутся тѣ баллады, въ которыхъ Нѣмецкія преданія переносятся на Русскую почву. Вся прелесть искусства не можетъ искупить лжи въ основѣ созданія. Но сличая пустой романъ Шписа⁶¹ съ *Громобоемъ* и *Вадимомъ*, любопытно видѣть, какъ *геній чистой красоты* въ созданіяхъ Жуковскаго облагораживаетъ и умягчаетъ жесткую грубость средневѣковыхъ преданій Германіи. *Свѣтлана*, *Эолова арфа*, *Ахиллъ* съ предчувствіемъ своей кратковѣчности, возносятся надъ всѣми произведеніями Жуковскаго въ этомъ родѣ. *Свѣтлана* представляетъ тотъ видъ красоты въ Русской поэзи, для котораго нѣтъ выраженія ни въ какой Нѣмецкой Эстетикѣ, а есть въ Русскомъ языкѣ: это наше родное *милое*, принявшее свѣтлый образъ. Богдановичъ, первый, отгадывалъ этотъ видъ Русской красоты въ своей *Душенькѣ*. Для Жуковскаго *милое* совершилось въ очью въ его *Свѣтланѣ*. *Эолова арфа* своими стихами оправдываетъ свое названіе: въ эти эфирные звуки воплотилась чистая любовь души, спасенная и за могилой. *Ахиллъ*, какъ и Шиллерова *Кассандра*, отходить отъ древняго міра и откликается нашему своимъ скорбнымъ предчувствіемъ — этимъ тягостнымъ даромъ души. Изъ переводныхъ балладъ: *Замокъ Смальгольмъ* В. Скотта и *Кубокъ* Шиллера, стоятъ на ступени творческихъ созданій.

Отечественный періодъ поэзи Жуковскаго, совпадая съ славнѣйшими годами Русской жизни нашего столѣтія, является съ перваго взгляда чѣмъ-то случайнымъ въ ряду его произведеній; но вникнувъ глубже, мы увидимъ, что онъ также связанъ съ внутреннимъ существомъ его искусства. До Жуковскаго, Русская поэзія носила всего болѣе современный характеръ и откликалась на громкія событія государства. Міръ душі, открытый Жуковскимъ для поэзи, разрушилъ эту связь ея съ случайными отношеніями времени: не можетъ быть годовъ и чиселъ на тѣхъ пѣсняхъ, которыя «зажигаетъ глубина душі».^{62 а} Но событія 12 года потрясли всѣ чувства въ душѣ Русской и взворошили со дна ея все, что хранилось въ ней отъ самыхъ дальнихъ вѣковъ завѣтнаго и священнаго, Церковь, Царь, народъ, воинство, слич-

лись въ одну душу; вся Россія, подымавшаяся какъ одинъ человѣкъ, съ глаголомъ Божиимъ въ устахъ, съ мечемъ правды и свободы въ рукъ, лицомъ къ лицу, предстала поэту, — и сама жизнь явилась ему въ то время, какъ высокая поэзія. Тогда ударила не случайная, но вѣчная минута въ жизни народа Русскаго — и ей откликнулась чистая душа пѣвца — и чудо! въ мягкихъ и нѣжныхъ звукахъ его лиры сказала сила, до той поры небывалая.

Поразительны эти событія, которыми Западъ вызывалъ насъ къ сознанию внутреннихъ основъ нашей жизни. Мы, новобранцы въ дѣлѣ его наукъ и искусствъ, простирали къ нему, во имя просвѣщенія, самыя полныя и искреннія объятія. Все поколѣніе двѣнадцатаго года, предшествовавшими царствованіями, воспитано было въ духъ свободнаго общенія съ нимъ, — и вотъ этому самому поколѣнію суждено встрѣтить грудью *ополченье двадцати* просвѣщенныхъ державъ, съ геніемъ Европы во главѣ ихъ, несущихъ мечъ и огонь въ наши предѣлы на мѣсто добра и мысли, которыхъ мы отъ нихъ ждали. «Пожаръ Москвы былъ заревомъ свободы всѣхъ царствъ земныхъ»^{62b}: въ немъ же засіяла заря и нашего народнаго самопознанія.

Пѣвецъ въ станѣ, Пѣвецъ въ Кремлѣ и посланіе къ Императору Александру — памятники слова этого незабвеннаго времени, дѣла поэта-воина, съ честью сражавшагося подъ Бородинымъ и подъ Краснымъ. *Пѣвецъ въ станѣ* есть пѣсня не одной строгой любви къ отечеству, какова была Римская: здѣсь затронуты всѣ живѣйшія струны души человѣческой; здѣсь вмѣстѣ съ Отечествомъ, Царемъ, предками, вождями, подняты кубки въ честь любви, дружбы и поэзіи! Но надъ всеми чувствами сіяетъ вѣра. Изъ вождей рати спасенія, воспѣтыхъ пѣвцомъ, немногіе озаряютъ насъ еще дивной памятью 12-го года и его пламенной пѣсни. Въ ней пѣлъ онъ славную рану Воронцова, теперь смирителя Кавказа, тогда встрѣтившаго весь первый натискъ непріятеля на полѣ Бородинскомъ, ту рану, которая изъ вождей, на первомъ на немъ, засіяла передъ воинами и зажгла въ нихъ сильнѣе духъ мщенія и мужества. Онъ пѣлъ и Чернышева,

однимъ взглядомъ бросавшаго дружину на мечъ и громъ. Онъ пѣлъ и маститаго исполина, вблизи насъ говорящаго намъ живой памятью исполинской брани 12-го года. Къ нему, послѣ «вождя вождей, героя подь съдинами», неслись первые звуки славнаго ихъ величанья на кровавомъ пирѣ:

Хвала сподвижникамъ — вождямъ!
 Ермоловъ, витязь юный,
 Ты ратнымъ братъ, ты жизнь полкамъ
 И страхъ твой перуны.

Въ этихъ достопамятныхъ герояхъ и во всемъ молодомъ поколѣнїи ихъ сподвижниковъ олицетворялись не однѣ богатырскія силы нашего народа, но и всѣ нравственныя основы душїи, всѣ священныя убѣжденїя ума и сердца, воспитанныя нашею доброю жизнью и такъ прекрасно выраженные пѣвцомъ героическаго поколѣнїя:

Въ высокой долѣ — простота;
 Нежадность въ наслажденьѣ;
 Въ союзѣ съ ровнымъ — правота;
 Въ могуществѣ — смиренье.

*

Обѣтамъ — вѣчность; чести честь;
 Покорность — правой власти;
 Для дружбы — все, что въ мїрѣ есть;
 Любви — весь пламень страсти;
 Утѣха — скорби; просьбѣ — дань;
 Погибели — спасенье;
 Могущему пороку — брань,
 Безсильному — презренье;
 Неправдѣ — грозный правды гласъ;
 Заслугѣ — воздаенье;
 Спокойствїе — въ послѣднїй часъ;
 При гробѣ — упованье.

Пѣсня въ станѣ возмущается иногда неизбежными чувствами войны и поднимаетъ еще кубокъ мщенїю. Но пѣсня въ Кремль, въ обновленномъ нашемъ Сїонѣ, прекрасно вспомялая предыдущую, дышетъ однимъ примиреньемъ и

любовію. Она — отголосокъ на тѣ священныя слова, которыми Благословенный побѣдитель призывалъ народъ свой и воинство къ Христіанскому подвигу: «При толь бѣдственномъ состояніи всего рода человѣческаго не прославится ли тотъ народъ, который, перенеся всѣ неизбѣжныя съ войною разоренія, наконецъ терпѣливостію и мужествомъ своимъ достигнетъ до того, что не токмо пріобрѣтетъ самъ себя прочное и ненарушимое спокойствіе, но и другимъ державамъ доставитъ оное, и даже тѣмъ самымъ, которыя противъ воли своей съ нимъ воюють? — Пріятно и свойственно добродушному народу за зло воздавать добромъ». ⁶³ — «Гнѣвъ Божій поразили ихъ. Не уподобимся имъ; чловѣколюбивому Богу не можетъ быть угодно безчеловѣчіе и звѣрство. Забудемъ дѣла ихъ; понесемъ къ нимъ не месть и злобу, но дружелюбіе и простертую для примиренія руку. Слава Россіянина низвергать ополченнаго врага, и по исторженіи изъ рукъ его оружія, благодѣтельствовать ему и мирнымъ его собратіямъ». ⁶⁴ Но силу на такой подвигъ мы могли почерпнуть не изъ образованія Запада, не изъ себялюбивой политики его Исторіи: такой подвигъ внушила намъ, какъ сказалъ самъ же Царь, къ нему призывавшій: «свято почитаемая въ душахъ нашихъ православная Вѣра», которая говоритъ: «любите враги ваша, и ненавидящимъ васъ творите добро». ⁶⁵ Ею одушевленный, могъ пѣвецъ на развалинахъ Кремля воскликнуть:

И за развалины Кремля
Парижу мзда: спасенье.

Подъ ея святымъ внушеніемъ, онъ покрывалъ такими словами любви и мира всѣ крики и вопли неистовой брани.

О совершись, святой завѣтъ!
Въ одну семью, народы!
Цари, въ одинъ отцевъ советъ!
• Будь, сила, щитъ свободы!
Духъ благодати, пронесись
Надъ мирною вселенной,
И вся земля совокупись
Въ единый градъ нетлѣнный!

Въ советъ къ царямъ, небесный Царь!
 Символь имъ: Провидѣнье!
 Тронъ власти, обратись въ алтарь!
 Въ любовь повиновеень!

*

Утихни, ярый духъ войны;
 Не жизни истребитель,
 Будь жизни благъ и тишины
 И вѣчныхъ правъ хранитель.
 Ты, мудрость смертныхъ, усмирись
 Предъ мудростію Бога,
 И въ мракъ жизни озарись,
 Къ небесному дорога.
 Будь, Вѣра, твердый якорь намъ
 Средь волнъ безвѣстныхъ рока,
 И ты, въ нерукотворный храмъ
 Свѣти, звезда Востока!

Но для совершенія этого подвига, неслыханнаго въ исторіи, для того, чтобы Русской могъ пропѣть на площади Парижа святую пѣсню воскресную и предложить братскій поцѣлуй врагу своему, необходимо было, чтобы весь народъ единодушно предалъ волю, мысль, силы, имущества Единому, и чтобы этотъ Единый, заключивъ въ себя народъ и вложивъ его въ руку Божию, вынесъ изъ основъ его жизни любовь и смиреніе, которыми посрамилъ побѣжденную имъ злобу и гордость. Величайшая минута въ жизни Императора Александра проистекла изъ взаимной вѣры Царя и народа другъ ко другу и Вѣры обоихъ въ Бога. Посланіе Жуковского къ Императору Александру начинается робкимъ голосомъ пѣвца и оканчивается общимъ голосомъ всего народа: «все въ жертву за Царя!» Это — зеркало прекрасной души Царской, и возчувствованный живѣе, въ минуту славы и счастья, всегданный объѣтъ Царю отъ народа, поднесенный Ему свободнымъ голосомъ Поэта

За вѣру въ страшный часъ къ народу своему!

Весело было Русскому пѣвцу, искреннимъ голосомъ чистой души своей, славить Царя и благодарить Бога

За царственную высоту
Его души благія,
За чистой славы красоту,
Въ какой имъ днесь Россія,

когда чуждые пѣвцы гордаго Альбіона гремѣли ему хвалою, когда Соути въ известной одѣ Императору Александру такъ говорилъ Россіи: «Воздвигай, Россія, изъ добычъ твоихъ, изъ орудій смерти, покинутыхъ бѣглецомъ-тираномъ, монументъ, котораго благороднѣе и Римъ не воздвигалъ на всей высотѣ своей гордости и могущества. Но Александръ, на берегахъ Сены, уже поставилъ для всѣхъ вѣковъ твой благороднѣйшій монументъ — *Парижъ взятый и пощаженный.*»⁶⁶ Другой поэтъ, Вальтеръ Скоттъ, въ 1816 году, привѣтствуя на пиру отъ имени Эдимбурга Царственного Гостя, нынѣ Императора Россіи, призывалъ благословеніе Божіе на наше Отечество, на Брата Его, умѣвшаго какъ побѣждать, такъ и прощать враговъ своихъ, и приглашалъ оба великіе народа къ рукожатію во время мира, къ товаришеству на полѣ брани.

Во всемірномъ періодѣ Поэзіи Жуковскаго Германія является посредницею между имъ и тѣми народами, кромѣ Англійскаго и Римскаго, у которыхъ онъ заимствовалъ образцы для своихъ переводовъ. Не сочувствуемъ мы поэту, когда онъ слишкомъ увлекается средневѣковыми преданіями Германіи, или пересаживаетъ чужое и несродное намъ на нашу народную почву, или подчиняется какому-нибудь образцу Нѣмецкому, впрочемъ всегда возносясь надъ нимъ и умѣя возвести его въ перлъ созданія; но мы не можемъ не оправдать Жуковскаго въ его привязанности къ Германіи, доходившей до пристрастія, когда вспомнимъ, сколько матеріаловъ доставила она ему своими огромными, учеными и художественными трудами, для произведеній всемірнаго періода его поэзіи.

Прежде чѣмъ обозрѣть его, здѣсь мѣсто опредѣлить отношенія между Жуковскимъ и тѣми первенствующими поэтами, которые въ западной Европѣ были почти всѣ его современниками. Ихъ четверо: Шиллеръ, Гёте, Байронъ и

Вальтеръ Скоттъ.⁶⁶ b Задача наша не сравнивать художниковъ, а только опредѣлить въ Жуковскомъ возможность бѣльшаго или меньшаго сочувствія къ тому или другому поэту, возможность, проистекавшую въ немъ изъ яснаго пониманія живой гармоніи между поэтомъ и человѣкомъ, между поэзією и жизнью, какое трудно встрѣтить въ другомъ поэтѣ. Жуковскій мыслить и чувствовалъ и смотрѣлъ на міръ и на себя, и на свои къ нему отношенія, совершенно одинаково какъ поэтъ и какъ человѣкъ, во всѣ минуты своей жизни, независимо отъ того, писалъ ли онъ стихи или дѣйствовалъ въ жизни. И это единство человѣка и поэта давало стихамъ его ту проникающую душу силу искренности, которой произведенія другихъ поэтовъ или не имѣли, или не имѣли въ такой степени. Эта же причина давала его переводамъ всю значительность оригинальныхъ созданій. Но это единство поэзіи и жизни не ограничивалось только минутною искренностью, какъ бывало у другихъ поэтовъ, у которыхъ иногда поэзія точно выражаетъ ихъ жизнь, но только жизнь какого-нибудь краткаго періода времени, которому совершенно не соответствуетъ другой, слѣдующій за нимъ поворотъ жизни. У Жуковскаго *вся* жизнь его представляетъ одно согласное съ собою, гармоническое цѣлое: потому и поэзія его, — какъ бы ни различны были ея роды, ея источники и краски, — представляетъ также одно цѣльное живое, одушевленное созданіе, хотя отдѣльныя части этого цѣлаго собраны изъ другихъ, но видимому разнородныхъ поэзій. Эта *цѣльность* и это *единство* поэзіи и жизни, какъ главная особенность Жуковскаго, должны были опредѣлить и мѣру его сочувствія съ тѣмъ или другимъ изъ его великихъ современниковъ.

Съ Шиллеромъ Жуковскій имѣлъ болѣе сродства по лирическому настроенію поэзіи, но одинаковымъ влеченіямъ въ міръ идеаловъ, въ міръ очарованія. Жуковскій переводилъ изъ него чаще, чѣмъ изъ другихъ поэтовъ. Но жизнь, какъ и поэзія Шиллера, отзываются неровными, бурными порывами духа. Много самообольщеній было у него въ искусствѣ; много отреченій онъ прожилъ, много минутъ,

разорвавшихъ жизнь на части. Изъ крѣпкой семьи Шиллеръ вынесъ христіанскія убѣжденія; первый порывъ его былъ даже служить Богу; но часто сомнѣнія мрачили свѣтлую душу, и въ эти темныя минуты онъ искалъ забыться въ восторгахъ поэзіи; увлеченный порывомъ, онъ готовъ былъ въ стихахъ кланяться кумирамъ Греціи; по волнамъ чувствъ непрерывно носилась душа его и рано сокрушила прекрасную жизнь.⁶⁸ Во многомъ сочувствуя Шиллеру, Жуковскій не могъ сочувствовать въ немъ безперерывному раздору между чувствомъ и мыслию.

Въ отношеніи къ формѣ искусства, къ вѣрности типа поэтическихъ произведеній, къ отчетливости художественнаго стиля, гораздо болѣе сродства между Жуковскимъ и Гёте. Жуковскій, вмѣстѣ съ вѣкомъ своимъ, дивился этому гению Германіи и преклонялся передъ нимъ. Они были лично знакомы, и въ той дани уваженія, которую Гёте обильно собиралъ отовсюду, есть приношенія и Жуковского.⁶⁹ Но изумленіе не сочувствіе. Позднѣе изучилъ онъ Гёте чѣмъ другихъ поэтовъ, когда уже взглядъ его на жизнь и поэзію опредѣлился. — Рѣже чѣмъ другимъ, покорялось Гёте вдохновеніе Русскаго поэта. Балладу: *Рыбакъ и Романсъ Мильоны*, Жуковскій исключилъ, однако, изъ полнаго собранія своихъ стихотвореній. Гений Гёте весьма вѣрно опредѣляли критики Германіи, говоря, что онъ не столько усвоивалъ себѣ предметы, сколько самъ усвоивался имъ. Въ вѣкъ, который хотѣлъ *дѣйствовать*, Гёте, на перекоръ ему, хотѣлъ только *наблюдать*, и поселившись въ міръ искусства и науки, отрѣшилъ себя отъ жизни съ ея религіозными и политическими вопросами, наиболѣе волновавшими его современниковъ.⁷⁰ Во время Лейпцигской битвы, во время національныхъ войнъ Германіи, Гёте отдѣлывалъ стихи своего Западно-восточнаго дивана. Эта, прославленная одними, опроченная другими, *объективность* Нѣмецкаго поэта не могла придтись по сердцу поэту Русскому, который два раза покидалъ лиру для двухъ великихъ дѣлъ жизни, признавалъ, что есть что-то высшее надъ поэзіею, какъ искусствомъ. Равно поклонялся Гёте всякому произведенію природы, какъ

и произведенію искусства. Силой возсоздающаго творчества воздвигъ онъ въ Германіи пантеонъ всемірной поэзи, собравъ въ него образцы отовсюду. Геній его, въ отношеніи къ природѣ и къ искусству всѣхъ народовъ, по счастливому выраженію Гр. Уварова, походилъ на призму; но радуга творческаго луча, озаряющая его произведенія, радуга призмы, а не та живая, которую видимъ на твореніи Божіемъ и на произведеніяхъ человѣческихъ. Холодомъ искусственности созданія въѣтъ отъ излщнаго совершенства произведеній Германскаго пантеона поэзи: изумляешься художнику, но не живешь съ нимъ душою. Дѣло Жуковскаго въ нашей Словесности имѣеть нѣкоторое сходство съ этимъ дѣломъ Гёте: онъ также собралъ въ нее образцы отовсюду, но, не владея всемірнымъ творчествомъ въ духѣ другихъ народовъ и эпохъ и не посягая на него, вѣрнѣе остался тѣмъ образцамъ, какіе переносилъ въ Русское слово. Ими жилъ онъ душою, почувствовалъ въ нихъ прекрасное, и передалъ намъ его на родномъ языкѣ, свободно, безъ всякаго ему насилія.

Между Байрономъ и Жуковскимъ могли бы быть точки соприкосновенія, но начѣла и убѣжденія разводили ихъ на разстояніе неизмѣримое. Оба лирики, но какая разница въ духѣ и направленіи лиризма обоихъ! Одинъ говорилъ:

Что жизнь, когда въ ней пѣтъ очарованья?

Другой немилосердо срывалъ съ нея покровы. Какъ пѣвецъ неистощимаго страданія человѣческаго, Байронъ могъ привлечь къ себѣ вдохновеніе Жуковскаго, который видѣлъ въ страданіи необходимую пищу для поэзи и жизни; но какъ небо и земля, расходятся точки зрѣнія, съ которыхъ и тотъ и другой смотрѣли на страданіе человѣка. Благодарностью и молитвой озарялось вдохновеніе одного; ропотомъ и язвительной насмѣшкой отзывалось слово другаго. Для Жуковскаго поэтъ и человѣкъ сливались въ существо нераздѣльное; у него и въ жизни поэтъ долженъ былъ чисто и свято беречь тотъ храмъ души, куда призывалъ онъ свое вдохновеніе. Байронъ же говорилъ: «Поэзи въ человѣкѣ есть способность, душа отдѣльная, и столько же мало имѣеть сношенія съ

человѣкомъ повседневымъ , какъ вдохновеніе съ пнейскою жрицей, когда она сошла съ треножника». Жуковскій видѣлъ въ поэзіи узду страсти; Байронъ сознавался , что все , имъ написанное, было внушеніе только одной страсти. Жуковскій высоко цѣнилъ благотворный трудъ, питающій вдохновеніе: онъ называлъ «его цѣлителемъ печальной души , животно-рителемъ счастья», а само вдохновеніе стало къ поэту , какъ Божіе дыханье съ небесъ,

Свѣжо, какъ утро,
И пламенно, какъ солнце, и отрадно ,
Какъ слезы, и разительно, какъ громъ ,
И увлекательно, какъ звуки арфы.

Байронъ говорилъ, что необходимость писать мучить его, какъ внутренняя пытка, отъ которой онъ долженъ освободиться; что сочиненіе никогда не доставляетъ ему удовольствія; что оно въ немъ жестокой трудъ. Жуковскій вѣрилъ въ истину и красоту своего призванія. Байронъ считалъ въкъ свой упадкомъ поэзіи; сознавался другу своему Муру , что онъ идетъ ложнымъ путемъ вмѣстѣ со многими другими; удивлялся успѣхамъ своихъ произведеній. Разочарованіе его простиралось и на искусство. «Всякое поэтическое произведеніе, говоритъ онъ , хорошо не все , а только искрами: небо не сплошь вышито изъ звѣздъ». Таковы свойства вдохновенія , которое непрерывно осѣнялось мрачнымъ расположеніемъ духа.⁷¹

По душѣ и образу мыслей, Жуковскій питалъ наибольшее сочувствіе къ Валтеръ-Скотту. Въ своемъ письмѣ къ Гоголю: *о Поэтѣ и его современномъ значеніи*, онъ выразилъ благодарность сердца романисту Англіи, какъ благотворителю души человѣческой. Но въ родѣ поэзіи того и другаго не было сходства, за исключеніемъ средневѣковой баллады, которую В. Скоттъ любилъ, какъ живой отголосокъ историческихъ преданій своей Шотландіи. Онъ былъ поэтомъ исторической дѣйствительности. Онъ оставилъ стихъ для прозы. Онъ принадлежалъ душою тѣмъ лучшимъ стремленіямъ вѣка, которыя заключались въ добросовѣстныхъ трудахъ науки

и дали возможность современному историку и поэту отдѣляться мыслию отъ своего мѣста и времени и находить своего ближняго, своего собрата и земляка въ другихъ эпохахъ, въ древнихъ слояхъ жизни, сложенной изъ того же камня какъ и наша. Разъ только, В. Скоттъ измѣнилъ своему призванію, задумавъ быть историкомъ того же самаго времени, отъ котораго удаляла его фантазія къ среднимъ вѣкамъ, и въ 12 мѣсяцевъ набросалъ намъ жизнь Наполеона; но ошибки великихъ людей оправдываются нерѣдко обстоятельствами ихъ жизни.⁷²

Обозрѣмъ же теперь вкратцѣ всѣ главныя произведенія Жуковскаго въ третьемъ періодѣ его поэзіи и остановимъ вниманіе наше, особенно на мысли, одушевляющей каждое изъ нихъ.

Созрѣвшій поэтическій языкъ Жуковскій принесъ въ дань, прежде всѣхъ, любимому поэту своему, Шиллеру. Въ созданіи *Дѣвы Орлеанской* есть ошибка: разногласіе между идеею и формою. Идея требовала эпоса: поэтъ облекъ ее въ драму, дѣйствіе которой является эпизодомъ народнаго событія, чудеснаго спасенія Франціи. Авторъ сознавалъ этотъ недостатокъ, назвавъ произведеніе драматическою поэмою. Невинная дѣва, чудомъ Божиимъ взявшая мечъ и щитъ, и надѣвшая шлемъ и латы вонна; голубица, взвившаяся высоко и налетѣвшая на орла; слабый сосудъ женскаго сердца, избранный для великаго подвига, и сокрушившійся, когда заняла въ немъ земная человѣческая страсть — вотъ мысль поэмы, одушевленная переводчика. Но кроме этой мысли, есть живое соотношеніе между временемъ перевода и содержаніемъ поэмы. Память годовъ чудеснаго спасенія нашего была свѣжа: сближая 1812-й съ 1612-мъ въ единствѣ народной мысли, мы воздвигали тогда памятникъ Мишину и Пожарскому. Въ нѣкоторыхъ стихахъ Юанны какъ будто слышатся отголоски современные:

Покорности Господь всегда доступенъ:

Смирися ты — тебя Онъ возвеличилъ.

Цашъ могучій кликъ: *Съ нами Богъ!* на мѣсто Нѣмецкаго:

So sey Gott mir gnädig! Жуковскій вложилъ въ уста Іоаннѣ, когда она чудомъ разрываетъ оковы и летитъ на спасеніе Короля и отечества. Совершенствомъ языка переводъ равенъ созданію. Вспомнимъ, что здѣсь зародился стихъ Бориса Годунова Пушкина.

Изъ произведеній Томаса Мура, благоухающихъ роскошью востока до изнѣженности, геній чистой красоты избралъ самое чистое: *Пери и Ангель*. Не принялъ Ангель двухъ первыхъ даровъ отъ Пери: ни крови, пролитой за дѣло чести и свободу, ни вздоха любви, забывшей себя и неизмѣнлившей до конца; но отворились двери рая слезамъ покаянія, которыми заплакалъ разбойникъ при видѣ молящагося младенца. Этою красотой покаянія Жуковскій плѣнился еще прежде въ образъ Аббадоны. Хотя созданіе творца Мессіады отзывается ложью, ибо падшій Ангель каяться не можетъ,⁷³ но самый образъ раскаянія, носящагося по безднѣ творенія, и не могущаго найти покоя, поэтически прекрасенъ.

Шильонскій узникъ привлекъ Жуковскаго любимой идеей страданія. Съ какимъ сочувствіемъ геній чистой красоты подлетѣлъ къ Байрону, и вторилъ Русскимъ словомъ его пѣсни, когда она пѣла страданіе безъ ропота, безъ насмѣшки, страданіе, какъ силу, красоту и любовь души. Три смерти изображены здѣсь — и тихая смерть младшаго нѣжнаго брата, какъ торжество душъ, озаряетъ свѣтомъ своимъ весь ужасъ темницы; а вздохъ узника, вышедшаго на свободу, по той тюрьмѣ, которая создала для него цѣлый міръ страданій, не слѣдъ ли силы въ душѣ человѣческой, могущей превозмочь все?

Камоэнсъ, поэтъ, славный бѣдствіями жизни, вырвавшій у волнъ разъяреннаго моря свою Лузіаду, въ драматическомъ очеркѣ Гальма, одушевилъ Жуковскаго. Произведеніе написано было вскорѣ по смерти Пушкина. Гальмъ подалъ только поводъ Жуковскому выразить устами умирающаго Камоэнса всѣ свои убѣжденія, какъ поэта: сильнѣйшія лирическія мѣста, и особенно заключеніе, принадлежатъ переводу, а не подлиннику.⁷⁴ Судьба, какъ будто издѣвавшаяся надъ призваніемъ поэта, влачила Камоэнса повсюду, и довела до боль

лицы съумасшедшаго. Поэтъ готовъ былъ передъ смертью усумниться въ поэзи и отречься отъ прекраснаго дѣла своей жизни. Но само Провидѣніе спасаетъ его отъ такой отчаянной смерти, посылая ему юношу, вдохновеннаго его гениемъ, принять послѣдній вздохъ его и вызвать тѣ убѣжденія въ святости своего призванія, которыхъ сила таилась въ глубинѣ души, но могла быть обнаружена только въ послѣднемъ разрывѣ ея съ тѣломъ, чтобы сказать устами поэта:

Благословенно будь души моей страданье!

Драматическій родъ поэзи былъ не столько сроденъ душъ Жуковского, сколько лирической и эпической. Двѣ драмы: Орлеанская Дѣва и Камозанъ, возсозданныя по Русски Жуковскимъ, привлекли его богатствомъ лирической стихіи. По двумъ же главнымъ формамъ: лирѣ и эпосу, въ которыя любила облекаться поэтическая мысль его, можно бы было разделить всю его дѣятельность, какъ поэта, на два періода: лирической и эпической. Драмматическая стихія пробивалась всего болѣе въ содержаніи балладъ, но ограничивалась, какъ сказали мы, только зародышемъ сильнаго дѣйствія, которое быстро схвачено чувствомъ, перенесено изъ міра дѣйствительнаго въ фантастическій, и потому остается безъ развитія.

Лирическое настроеніе, въ которомъ поэтъ живетъ чувствами и мыслями души своей, волнуясь прошедшимъ и очаровываясь будущимъ, переходило въ Жуковскомъ болѣе и болѣе въ эпическое, въ которомъ поэтъ погружается въ ясное и спокойное созерцаніе явленій міра Божія въ жизни природы и человѣка. Жуковский самъ сознавалъ перемѣну, въ немъ происходившую, и говорилъ:

Лѣта измѣнили

Мою поэзію; она теперь
 Какъ я, состарѣлась и присмирѣла;
 Не увлекается хмельнымъ восторгомъ;
 У рубежа вечерней жизни сядя,
 На прошлое безъ грусти обращаетъ
 Глаза, и думалъ о томъ, что насъ
 Въ грядущемъ ждетъ, молчить.⁷⁵

Еще въ годы лирическаго періода, Жуковского вдохновлялм

эпопей Клоуштока, Виргилія и Овидія; но отрывки, переведенные имъ, отъзываются лирическимъ чувствомъ: таково Аббадона, таково *Разрушеніе Троя*, эта повесть о *несказанномъ горѣ*, переданная очевидцемъ и уцѣлѣвшею жертвою событія. Но рѣшительнѣе выразилось это эпическое настроеніе въ *Сказкахъ*. У Жуковскаго онъ двоякій: Нѣмецкія и Русскія. Сказку всего точнѣе опредѣляетъ наша же объ ней по словица: «сказка складка, а пѣсня быль». Пѣсня, въ самомъ дѣлѣ, передаетъ намъ быль сердца или исторіи; сказка представляетъ вымыселъ, въ которомъ выражается складъ народнаго ума, ее сложившаго. Сказка у Нѣмцевъ, какъ у народа-философа, любитъ поученье и назиданіе: дѣдушка, сидя съ внучками за овсянымъ киселемъ, начинаетъ отъ овсянаго зернышка, и проводитъ его исторію отъ перваго ростка въ землѣ до того горшка, въ которомъ кисель варился; или любитъ, ночью, пострашать лукавымъ и рассказать въ предостереженіе о тѣхъ злыхъ искушеньяхъ, которымъ онъ подвергаетъ человѣка въ жизни. Не любитъ нравоученій Русская сказка. Она прямо бьетъ на фантазію: нѣтъ чуда, для нея невозможнаго; всѣ силы природы повинуются въ ней человѣку; время и пространство для нея не существуютъ: за тридевять земель, въ тридесятое царство умчить она, а между тѣмъ, многодумная и многосмысленная, остается вѣрна міру Русской жизни: угостить она васъ и скатертью самобранкой, позабавить и драчуномъ-дубинкой, повеселить и гусями самогудами. Позднѣе, и вѣроятно по внушенію Пушкина, постигъ эту заманчивую прелесть Русской сказки Жуковскій и подарилъ насъ Сказками *объ Царѣ Берендѣѣ, объ Иванѣ Царевичѣ и стромѣ волкѣ*. Онъ ввелъ сюда спокойную ясность и пластическіе образы древняго эпоса, но не забылъ и милой Русской шуточки. Во имя этой шутки, въ чудномъ эпическомъ отрывкѣ, Жуковскій счумѣлъ породнить и Греческую пародію о войнѣ лягушекъ съ мышами съ нашей народной притчей о Сибирскомъ котѣ-мурлыкѣ, и о томъ, какъ мыши его погребали: эта комическая рапсодія тѣмъ особенно примѣчательна, что здѣсь только разъ рѣзвая шутка Жуковскаго изъ его жизни перешла цѣликомъ въ поэзію.

Германія въ своихъ еще феодальныхъ преданіяхъ, Индія, Персія и Греція, предложили свои эпическіе образцы для послѣднихъ произведеній поэта.

Изъ всего, что содержитъ въ себѣ прелесть міра волнъ, созданъ образъ рѣзвой, шаловливой, неуловимой красавицы, Ундины. Дана ей жизнь, дано ей сердце, но не дано души; она можетъ получить ее только черезъ союзъ любви съ человекомъ. И вотъ союзъ заключенъ, — и ждетъ души, какъ страшнаго бремени, существо, до той поры беззаботное. Грусть и тоска терзаютъ Ундины. И вотъ за брачнымъ поцѣлуемъ разумная душа вошла въ ея тѣло и озарила его лучами кротости и любви. Но не на счастье, а на страданье, достался Ундинѣ даръ души прекрасной, среди людей, утратившихъ это сокровище въ предразсудкахъ феодальной жизни: она становится жертвой гордости подруги, неприжившей бѣдной матери, и грубостей мужа. Струями въ волны Дуная разливается ея тѣло; но душа бессмертная живетъ въ этихъ струяхъ, страдаетъ памятью любви своей, встать невѣрному, заплакавъ его до смерти своими слезами, и сама, слезнымъ потокомъ выбившись изъ земли, обливаетъ гробницу милаго рыцаря.

Слезы Ундины слились въ душѣ поэта въ живое сочувствіе съ воплями покинутой мужемъ, *Дамаянти*. Въ Индіи, гдѣ, по законамъ Ману, имя женщины должно было походить на слова благословенія, гдѣ уста ея признаны навсегда чистыми и не подчинялись обрядамъ очищенія, гдѣ семейству обѣцано благословеніе тогда, когда въ немъ уважена женщина, и гибель, когда оно проклято ею, — въ Индіи, гдѣ черезъ женщину только соединялись касты, расторгенныя политическимъ учрежденіемъ, могъ быть созданъ идеальный образъ вѣрной супруги Наля, *Дамаянти*. Сила непорочной жены такъ велика, что однимъ ея словомъ сраженъ святотатецъ, хотѣвшій посягнуть на сокровище ея вѣрности. Цвѣты Индійской поэзіи, какъ Сакунтала и *Дамаянти*, пересаженные на Европейскую почву, терпятъ у насъ свою восточную пряность, подобно Индійскимъ растеніямъ, — но мы роднимся съ ними во имя того, что во

всѣхъ климатахъ и народахъ прекрасно по-человѣчески. Такъ Жуковский породнилъ насъ съ однимъ изъ любимыхъ народныхъ эпизодовъ Индѣйской Магабгараты.

Чудо слова, какъ говорятъ Персидскіе поэты, сошло съ неба на землю, чтобы отличить человѣка отъ животныхъ, а поэтъ Фирдуси, въ своей царственной поэмѣ: *Шахъ-Наме*, на крыльяхъ поэзін, возвратилъ это чудесное слово отъ земли опять къ небу. Жуковский усвоилъ нашему языку одинъ только эпизодъ поэмы: *Рустемъ и Зорабъ*. Войною было воспитано Персидское племя, еще въ древности. Ничего на землѣ не хотѣлъ обожать язычникъ Персъ: солнцу и звѣздамъ поклонялся онъ, потому что ихъ завоевать не могъ. Въ непрерывныхъ войнахъ Ирана съ Тураномъ могли возникнуть эти два дивные образа воинственной силы, Рустемъ и Зорабъ: одинъ порожденіе другаго. Кровожадная война, ослѣпляющая злобу людей, какимъ-то умысломъ судьбы, вызываетъ отца съ сыномъ на три упорныхъ единоборства. Любуются съ неба звезды цвѣтущей красотой Зораба и, соткавши ликъ его изъ блеска и паровъ небесныхъ, посылаютъ его въ сонномъ видѣніи къ нѣжно-любящей матери. А между тѣмъ, ослѣпленный войною, отецъ не чувствуетъ родной крови въ дерзкомъ соперникѣ. Законы чести и правды нарушаетъ онъ для того только, чтобы, поразивъ его, не посрамить своей устарѣлой силы. Какъ жаба въ бѣлыя розы, впивается князь отца въ цвѣтущее тѣло сына — и то, что святѣйшимъ союзомъ связала природа, разорвано мечемъ войны, — и вопль надъ этимъ ужасомъ поднимаетъ поэзія устами Фирдуси, и чудомъ слова своего возноситъ его отъ земли къ небу.

Фантазія неутомимаго поэта, носясь по всѣмъ народамъ и эпохамъ міра, болѣе и болѣе расширяла кругъ своихъ владѣній; а Русскій языкъ, дивно покоряясь труду и зрѣлой мысли, съ какой-то волшебною быстротой, завоевывалъ для нашей Словесности произведенія всемірной. И вотъ, на самомъ закатѣ жизни, захотѣлось поэту «повеселить душу *первобытною поэзіей*», которая, по словамъ его, «такъ свѣтла и тиха, такъ животворитъ и покоитъ,» — и муза Жуковского, по долгомъ странствіи, сладко приютилась у самой Грече-

ской колыбели Европейской поэзи. Изъ двухъ эпопей Гомеровыхъ, не блистательная, не шумная оружіемъ и славою, Илиада привлекла его, но скромная и разумная *Одиссея*, плодъ зрѣлой опытности поэта, повесть страданій возможныхъ для древняго человѣка, зеркало его внутренней домашней жизни, взглядъ премудро углубленный въ прошедшее, картина подвига, возстановившаго потрясеннаго древня связи семьи и отечества, подвига, поучительнаго для народовъ, во весь вѣка неодолимаго стремленія ихъ по потоку времени. Мраморнымъ гробомъ своимъ называлъ Жуковский этотъ трудъ, когда къ нему еще готовился.⁷⁶

Докопавъ Одиссею, поэтъ намѣревался въ послѣдней, уже самобытной пѣсни своей, коснуться прямо того священнаго источника, откуда онъ черпалъ силу для своей жизни, но котораго боялся коснуться, какъ поэтъ, считая святыню его слишкомъ неприкосновенною для вдохновенія земной чело-вѣческой пѣсни.⁷⁷ Провидѣніе не судило ему докончить ее здѣсь. Конечно, скоро тайна послѣднихъ трудовъ его будетъ вскрыта — и мы узнаемъ, на какой глубокой думѣ прерваны были дни этой неутомимой жизни, служившей такъ чисто красотѣ Русскаго слова.

Между тѣмъ какъ носясь во всемірной сферѣ своей, поэзія болѣе и болѣе удаляла Жуковского отъ міра современнаго къ эпохамъ самымъ отдаленнымъ, Русская словесность продолжала слѣдовать неуклонно своему историческому движенію. Говоря о заслугахъ Жуковского отечеству, какъ же не упомянуть о той, что онъ словомъ своимъ образовалъ намъ въ Пушкинѣ художника? Связи, соединявшія ученика съ учителемъ, принадлежать къ тѣмъ нравственнымъ чертамъ нашей словесности, которыми не можемъ не любоваться, какъ нашимъ народнымъ достояніемъ. Въ чистомъ порывѣ благодарнаго восторга, такъ обозначилъ Пушкинъ свою первую, достопамятную встрѣчу съ Жуковскимъ:

Могу ль забыть я часъ, когда передъ тобой
 Безмолвный я стоялъ, и молнійной струей
 Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла
 И, тайно съединясь, въ восторгахъ пламенѣла ?

Жуковский, прочитавъ Руслана и Людмилу, послалъ къ Пушкину портретъ свой съ этою надписью, которая принадлежитъ также къ свѣтлымъ подвигамъ души его: «*Побѣдителю ученику отъ побѣжденнаго учителя*». А Пушкинъ отъ лица молодости, ему современной, подписалъ подъ этимъ портретомъ стихи, которые Жуковскому повторить, конечно, молодость и всѣхъ поколѣній:

Его стиховъ пышительная сладость
 Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
 И, внемля имъ, вздохнетъ о славу младость,
 Утѣшится безмолвная печаль
 И рвзвая задумается радость.

Пушкину, послѣ Крылова, но въ обширѣйшей сферѣ чѣмъ онъ, суждено было раскрыть въ поэзіи Русской другую мысль, завѣщанную также Каранзинымъ, мысль народную. Жуковский сознавалъ это назначеніе въ своемъ прѣемникѣ, — и въ горестномъ разсказѣ объ его кончинѣ, самъ великодушно уступилъ ему названіе «любимаго, національнаго поэта Россіи», и выразилъ всеобщую скорбь народной утраты такими словами: «У кого изъ Русскихъ съ его смертію не оторвался чего-то роднаго отъ сердца?» — Но если Пушкину и достался счастливый удѣлъ облечь красоту поэзіи въ образъ самый народный, то замѣтимъ, что этотъ подвигъ могъ совершить онъ только на той всемірной почвѣ, которая была заготовлена Жуковскимъ. Вотъ почему, народная по духу, поэзія Пушкина не явилась въ формѣ ограниченной, а связалась крѣпкимъ сочувствіемъ со всякою народною поэзіею міра.

Между тѣмъ *очарованіе*, подъ вліяніемъ котораго Жуковский сначала смотрѣлъ на жизнь и на красоту души чело-вѣка, какъ возрѣніе само въ себя ограниченное, вызвало свое противодѣйствіе, *разочарованіе*; за нимъ же слѣдомъ пришло и *безочарованіе*, которое особенно въ современной литературѣ тяготило душу поэта, и которому онъ же самъ далъ имя и первый поводъ. Такъ исполнялся законъ всякой ограниченности чело-вѣческой — и любимыя мечты очарованнаго поэта, какъ облака, разлетались по вѣтру новыхъ вну-

шеній, не стирал однако ненарушимой, чистой красоты того неба, по которому они носились.

Но мысль Жуковского, открывшая поэтамъ Русскимъ міръ души человѣческой, продолжала свое дѣло. Пушкинъ, подъ ея вліяніемъ, спускался въ тайники души Русскаго человѣка. Гоголь представляетъ другой плодъ того же движенія. Съ перваго раза показаться можетъ, что нѣтъ двухъ поэтовъ, которые были бы такъ противоположны другъ другу, какъ Жуковскій и Гоголь. Одинъ, весь очарованный, влечетъ насъ съ восторгомъ въ міръ идеаловъ души человѣческой, сзывая ихъ отовсюду; другой испытующимъ взглядомъ озираетъ окружающую дѣйствительность и замѣчаетъ ничтожность многихъ ея явленій. Одинъ мелеетъ слухъ нашъ чудными звуками, въ которыхъ воплощенъ его волшебный міръ; другой въ прозѣ переноситъ намъ рѣчи живыхъ людей, обдающія насъ неразуміемъ ихъ жизни. Не смотря на эту наружную противоположность, Гоголь вѣстъ съ Жуковскимъ вѣрилъ въ идеалъ души человѣческой; но рано—анализомъ побѣдилъ очарованіе, рано поражался въ жизни тѣмъ безобразіемъ страстей, которыя въ насъ мрачатъ красоту душъ. «Отъ малыхъ лѣтъ была во мнѣ страсть, говорить онъ въ повѣсти своего авторства, замѣчать за человѣкомъ, ловить душу его въ малѣйшихъ чертахъ и движеніяхъ, которыя пропускаются другими людьми.» Когда онъ болѣе созрѣлъ силами, «человѣкъ и душа человѣка сдѣлались болѣе чѣмъ когда либо предметомъ его наблюдений.» Задумчивый и печальный въ жизни, вѣроятно, отъ того, что сильнѣе другихъ внутренно скорбѣлъ о ея безобразіи, Гоголь, по особенному дару, добрымъ и яркимъ смѣхомъ озарялъ для насъ все, что было въ ней ничтожнаго, потому что самъ сознавалъ крѣпко всю возможность ея красоты и величія.

Вотъ что роднило его съ Жуковскимъ. Оба, разными путями, одинъ путемъ очарованія, другой путемъ анализа, пришли къ Тому, который одинъ полный вѣдатель души.»⁷⁸ Оба, въ единомыслии ума и сердца, повергались равно передъ источникомъ живой Истины. Вотъ гдѣ разгадка тому, какъ глубоко они понимали и любили другъ друга, осо-

бенно въ послѣдніе годы ихъ жизни. Постоянно стремившіеся мыслию изъ чужбины въ отечество и все надѣявшіеся сойтись *вслѣмъ* подѣ отечественнымъ небомъ, вотъ что писалъ Жуковскій къ Гоголю, узнавъ о возвращеніи его изъ Іерусалима: «Въ то время, какъ я полагалъ, что вокругъ тебя шумитъ возмущившійся Неаполь, ты спокойно стоялъ у Гроба Господня и, смотря на него, глубже понималъ и значеніе человѣческихъ тревогъ на землѣ и тайну небеснаго мира души человѣческой. . . . Я надѣюсь, если на то воля Божія, увидѣться съ тобою въ Россіи въ концѣ нынѣшняго года (1848): если Богъ дастъ жизни, то мы можемъ еще, *рука въ руку, пройти по одной дорогѣ, имѣя передъ глазами цѣль высокую и святую для пользы души нашей, а съ нею и для пользы нашего отечества.*»

Когда вдругъ, однимъ разомъ, озираешь весь этотъ воздушный міръ разнообразныхъ созданий, отовсюду присвоенныхъ Русской поэзіи геніемъ чистой красоты, — невольно приходитъ на память его же образъ, въ которомъ Жуковскій, уже на вечеръ дней, представилъ свое минувшее:

Часто на краю

Небесъ, когда ужъ солнце село, видимъ
Мы облака; изъ за пурпурныхъ ярко
Выглядываютъ золотыя, свѣтлымъ
Вершинамъ горъ подобныя; и видитъ
Воображеніе тамъ какъ будто область
Инаго міра. Такъ теперь создаемъ
Мечты, какой-то областью воздушной
Лежитъ вдали минувшее мое....⁷⁹

Въ самомъ дѣлѣ, какъ облачный міръ надъ землею, такъ надъ міромъ дѣйствительнымъ носится, вся въ лучахъ, идеальная поэзія Жуковского. Вглядываясь въ эти облака, вы узнаёте въ нихъ безтѣлесныя видѣнія, образы милые и знакомые сердцу: вотъ несутся четой Людмила и Свѣтлана; тамъ сіяетъ Вадимъ въ хорѣ пробужденныхъ дѣвъ; тамъ Пѣвецъ озаренъ луной надъ спящимъ полемъ смерти и брани; плыветъ Ательстанъ въ своемъ челнокѣ, влекомый бѣлоснѣж-

нымъ лебедемъ; жметъ руку на вѣчное прощанье Алина Альсиму; летаютъ сляянныя двѣ тѣщи Минваны и Арминія вокругъ Золовой арфы; влачить свою тоску Аббадона по безднамъ созданія; торжественно, подь радугой небесъ, умираетъ Иоанна со знаменемъ въ рукъ; Пери несетъ Ангелу горсть слезъ, пролитыхъ разбойникомъ; Шильонскій узникъ, въ тюрьмѣ, прислушивается къ послѣдному вздоху младшаго брата; Камбансъ умираетъ передъ вдохновеннымъ юношей, съ именемъ Бога и поэзи на устахъ; Ундина со страхомъ, въ поцѣлуй любви, принимаетъ безсмертную душу; Налъ и Дамалити празднуютъ торжество вѣрности, подь дождемъ цвѣтовъ; тамъ звѣзды несутъ прекрасный ликъ цвѣтущаго Зораба къ спящей матери; подь, отчальный Рустемъ стоитъ надъ трупомъ сына; вотъ еще рисуются пластически дивныя лики Одиссея, Пенелопы, Телемака, Навзикаи; тутъ Царско-сельскій Лебедь своею послѣднею пѣснію и взмахомъ крыль скликаетъ стадо молодыхъ лебедей на свое торжественное отшествіе, — и сколько, сколько другихъ прекрасныхъ видній, которыя создала во едино мысль поэта, и не знаешь, что въ нихъ милѣе, что краше, что сильнѣй говорить сердцу.

Но вотъ, въ то самое время, какъ мы увлечены этими воздушными образами и забыли обо всемъ дѣйствительномъ, насъ будятъ отъ волшебнаго сна и возвращаютъ землѣ вопросы современнаго вѣка, назвавшаго себя положительнымъ: къ чему же весь этотъ вашъ очарованный міръ? что намъ въ его прекрасныхъ призракахъ, при нашемъ положительномъ стремленіи? какая въ нихъ правда и существенность?

Не во гнѣвъ вопросителю, мы скажемъ, что въ этомъ очарованномъ мірѣ, кромѣ искусства, для насъ двѣ правды, двѣ существенности, которыхъ онъ у насъ не отниметъ. Первая правда и существенность — свѣтлая, благородная, возвышенная, озаренная гениемъ чистой красоты, душа роднаго намъ поэта; она всегда живетъ для насъ видимо въ этихъ образахъ; въ нихъ она всегда съ нами, какъ наше Русское, наше народное сокровище, наша слава, наша красота.

Вторая въ нихъ правда и существенность, на которую также не посягнетъ положительность вѣка, нашъ Русскій языкъ,

этотъ Божій даръ народу, особенно прекрасный въ счастливыхъ пѣвцахъ его, языкъ, облекшій въ звуки дивнаго слова весь этотъ волшебный міръ. Черпая глубоко изъ двухъ его источниковъ: Славяно-церковнаго и народнаго, и чувствомъ красоты приводя ихъ въ такое согласіе, какого до тѣхъ поръ въ Русскомъ стихѣ они не знали, Жуковскій нашелъ въ языкѣ нашемъ самую разнообразную силу и красоту для всѣхъ неуловимыхъ оттѣнковъ міра душевнаго, для непостижимыхъ движеній и вздоховъ любви, для скорби и радости, для пѣсенъ брани и мира, страданія и торжества, тревоги и покоя, для думъ и чувствъ челоуѣка по всѣмъ возрастамъ, для поэзіи всѣхъ народовъ міра, для воплей Дамаянти, для трехъ громозвучныхъ боевъ Рустема и Зораба, для пѣсенъ старика Гомера, которымъ почти 3,000 лѣтъ.

Пока будетъ гремятъ на землѣ наше прекрасное родное слово, никогда не погибнуть въ немъ безсмертной красотѣ поэзіи Жуковскаго—и конечно, мои соотечественники, въ эту минуту какъ и всегда, повторяютъ за мною въ душѣ слова благодарности, въ память Поэту, котораго онъ же намъ оставилъ:

Благодарю тебя,
 За все, чѣмъ былъ ты для моей души!
 И здѣсь со мной тебя благодарятъ
 Всѣ современники, и всѣхъ временъ
 Грядущихъ вѣрные друзья святыни,
 Поклонники великаго, твои
 По чувству братья.⁸⁰

С. Шевыревъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

(1) См. «Послѣдніе дни жизни Жуковскаго», письмо изъ Стутгарта отъ $\frac{1}{2}$ Апрѣля 1852, Священника Іоанна Базарова, напечатанное въ Апрѣльской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія 1852 года и «Послѣднее время жизни и кончина В. А. Жуковскаго», статью напеч. въ 65 № Московскихъ Вѣдомостей. В. А. Жуковскій скончался въ $1\frac{1}{2}$ часу по полуночи на субботу $\frac{1}{2}$ Апрѣля.

(2) Пс. 89. ст. 10. — «Дніе лѣтъ нашихъ въ ниже семьдесятъ лѣтъ, аще же въ силахъ, осьмьдесятъ лѣтъ.» Замѣчательно, что, по смерти Жуковскаго возникъ такой же вопросъ о годѣ его рожденія, какой не такъ давно еще предложенъ былъ относительно Карамзина. Биографы Жуковскаго предлагаютъ три различные года: 1782, 1783, 1784. Но всѣ недоумѣнія разрѣшаются собственноручной запиской Жуковскаго, которая была доставлена мнѣ А. И. Кошелевымъ. Этою запискою въ 1851 году Поэтъ приглашалъ въ Баденъ-Баденъ любезнаго ему гостя въ день своего рожденія. Вотъ слова изъ нея, относящіяся къ вопросу, насъ занимающему: «За 68 лѣтъ передъ симъ, то есть въ 1783 году Генваря 29, случилось, что я родился. Нынче я праздную этотъ день съ моими родными. Прошу васъ у насъ отобѣдать и быть за моимъ семейнымъ столомъ представителемъ Россіи.» 1783 годъ всегда обозначаемъ былъ годомъ рожденія Жуковскаго еще при жизни его, такъ напр. въ Исторіи Русской Словесности Греча, и Жуковскій не протестовалъ противъ него. И такъ Поэтъ скончался 69 лѣтъ и двухъ съ половиною мѣсяцевъ.

(3) Всѣ слова, означенныя вносными знаками, взяты изъ пьесы Жуковскаго къ Гоголю. Вотъ еще нѣкоторыя изъ нихъ подробности. « $\frac{20}{1}$ Января / Февраля 1850. Между тѣмъ береть меня подъ часъ

охота побесѣдовать съ моею старушкою музою; хотѣлось бы пропѣть мою лебединую пѣснь, хотѣлось бы написать моего Странствующаго Жида; но это могу сдѣлать только урывками. Теперь главный мой трудъ педагогическій. Знаешь ли, что ты можешь помочь мнѣ весьма значительно въ этомъ поэтическомъ предпріятіи? Планъ Странствующаго Жида тебѣ извѣстенъ; я тебѣ его рассказывалъ и даже читалъ начало, состоящее не болѣе, какъ изъ двадцати стиховъ. Что же ты тутъ можешь сдѣлать съ своей стороны? А вотъ что. Мнѣ нужны локальныя краски Палестины. Ты ее видѣлъ, видѣлъ глазами Христіанина и поэта. Передай мнѣ свои видѣнія; опиши мнѣ просто (какъ путешественникъ, возвратившійся къ своимъ домашнимъ и имъ рассказывающій что гдѣ съ нимъ было) то, что ты видѣлъ въ Святой землѣ; я бы желалъ имѣть предъ глазами живописную сторону Іерусалима, долины Іосафатовой, Элеонской горы, Вилелеэма, Мертваго моря, Пустыни искушенія, Фавора, Кармила, степи, Тиверіадскаго озера, долины Іорданской—все это вѣроятно ты видѣлъ; набросай мнѣ нѣсколько живыхъ картинъ безъ всякаго плана, какъ вспомнится, какъ напишется; мнѣ это будетъ несказанно полезно и даже вдохновительно для моей поэмы: я увѣренъ, что къ собственнымъ моимъ мыслямъ прибавится много новыхъ, которыя выскочатъ какъ искры отъ удара моей фантазіи объ твою.» — $\frac{1}{2}$ Февраля 1851. Баденъ. «Милой Гоголекъ, вотъ ужъ моя очередь предъ тобою виниться; на твое большое письмо я отвѣчалъ печатнымъ, а на твое письмо объ Палестинѣ, совсѣмъ не отвѣчалъ; оно чрезвычайно оригинально и интересно, хотя въ немъ одно такъ сказать негативное изображеніе того, что ты видѣлъ въ землѣ обѣтованной. Но все придетъ въ свой порядокъ въ воспоминаніи. То что не далось въ *настоящемъ*, можетъ сторицею даваться въ *прошедшемъ*. И со временемъ твои воспоминанія о Святой землѣ будутъ для тебя живѣе твоего тамъ присутствія....»

(4) Изъ того же письма: «Я же теперь работаю много, но мои теперешнія работы всѣ ограничиваются педагогикой, т. е. приготовленіемъ къ предварительному курсу ученія дѣтей моихъ; эта работа беретъ все мое время и не позволяетъ мнѣ ни за что другое приняться. Если бы ея не было, то я перевелъ бы всю

Иліаду; полторы пѣсни переведены (каталогъ кораблей сбросилъ съ плечъ: это самое трудное), все пошло бы по моему; но трудъ по службѣ, т. е. по домашнему министерству просвѣщенія, долженъ быть впереди; надѣюсь, что Иліада отъ меня не уйдетъ: великое было бы дѣло оставить по себѣ въ наслѣдство отечеству полнаго Гомера. Объ этомъ однако прошу тебя не говорить. Хотѣлось бы и Вѣчнаго Жида успокоить; этотъ трудъ можетъ быть результатомъ геперешнихъ трудовъ моихъ.»

(5) Изъ письма Священника отца Іоанна: «Я бы желалъ, чтобы вы знали и мою методу ученія по таблицамъ. Я испробовалъ ее надъ дѣтьми моими. Воображеніе ихъ такъ сильно было приковано къ событію, что они плакали, когда я рассказывалъ имъ послѣднюю вечерю Господа; Его Геосиманскую молитву.» Послѣднія шесть стихотвореній посвящены его дѣтямъ: Павлу Васильевичу и Александрѣ Васильевичу Жуковскимъ, изъ которыхъ П. В. родился 1-го Января 1845 года и крещенъ 29-го Января, въ день рожденія отца своего, какъ это видно изъ писемъ Василія Андреевича къ Александру Яковлевичу Булгакову.

(6) Стихотворенія Жуковскаго 1849. Т. 2, стран. 58.

(7) Москвитянинъ. 1852. № 20. Дань памяти Жуковскаго и Гоголя, А. С. Стурдзы.

(8) О поэтѣ и современномъ его значеніи. Письмо къ Н. В. Гоголю, напечатанное въ Москвитянинѣ 1848 года, № 4.

(9) Первое сочиненіе Жуковскаго, напечатанное въ XVI ч. Приятнаго и полезнаго препровожденія времени, было въ прозѣ: *Мысли при гробницѣ*. Оно издано въ 1797 году, когда автору было 14 лѣтъ. Въ 1845 году это занимало покойнаго. Онъ помнилъ, гдѣ первое его сочиненіе было напечатано, но не зналъ, въ 1797 или 1798 году, и запоминатель имя, называя его *Мысли на кладбищѣ*. Онъ просилъ А. Я. Булгакова навести о томъ справку—и недоумѣніе его разрѣшено было Профессоромъ И. И. Давыдовымъ. Въ томъ же изданіи напечатаны многія стихотворенія Жуковскаго, въ которыхъ онъ подражалъ Державину. Извѣстность же его литературная начинается съ тѣхъ поръ, какъ Карамзинъ, въ 1802 году, напечаталъ въ Декабрской книжкѣ Вѣстника Европы переводъ Греевой Элегии:

Сельское кладбище, посвященной Жуковскимъ другу его, Андрею Ивановичу Тургеневу.

(10) Вотъ остальные строфы этого стихотворенія, которое никогда не было напечатано и сообщеніемъ котораго я обязанъ Авдотѣ Петровнѣ Елагинной:

Ты помнишь ли, какъ подъ горою
Осеребряемый росюю,
Свѣтился лугъ вечернею порою
И тишина слетала въ лѣсъ
Съ небесь?

*

Ты помнишь ли нашъ прудъ спокойной,
И тѣнь отъ ивъ въ часъ полдня знойной,
И надъ водой отъ стада гуль нестройной,
И въ лонѣ водъ какъ сквозь стекло,
Село?

*

Тамъ на зарѣ пичужка пѣла;
Даль озарялась и свѣтѣла;
Туда, туда душа моя летѣла:
Казалось сердцу и очамъ
Все тамъ!

Стихотвореніе написано въ подражаніе романсу Шатобриана въ повѣсти его: *Послѣдній Абенсерагъ*; но многое измѣнено, и подробности сняты съ села Мишенскаго. — Въ отрывкѣ изъ письма о Саксоніи (Дрезденъ, 1821), напечатанномъ въ № 6 Московскаго Телеграфа 1827 года, Жуковскій такъ сравнивалъ окрестности Дрездена съ окрестностями своего роднаго Бѣлева: «Дрезденъ, за которымъ садилось солнце, темно отделился отъ дождливаго горизонта, и за нимъ, какъ за тонкою дымякою, свѣтилось невидимое солнце; отдаленіе покрыто было свѣтомъ и тѣнью, и въ этой картинѣ что-то было знакомое, и въ самомъ дѣлѣ знакомое! Это былъ точно Бѣлевскій видъ съ пригорка, противъ моего большаго дома (разумѣется, съ бѣльшимъ разнообразіемъ). Эльба, которая здѣсь немного шире нашей Оки, также точно извивавалась подъ горою; въ правой сторонѣ го-

родъ, вдали на горѣ Рекницъ, похожій на Темрянь; за рѣкою обширный лугъ съ дорогами. Одна изъ нихъ, Пильницкая, по берегу Эльбы, какъ Московская по берегу Оки; другая на Рекницъ, какъ Тульская; даже влѣвъ, подъ горою домъ, точно напоминавшій Дураковскую церковь; самое отдаленіе, не смотря на то, что синѣлись на немъ живописныя горы Саксонской Швейцаріи, имѣло что-то похожее на рощи, окружающія Жебынскую пустынь; однимъ словомъ, съ помощію воображенія, можно было довольно живо видѣть вмѣсто Дрездена милую свою родину....

И много милыхъ тѣней встало....

(11) Всѣ подробности заимствованы изъ Воспоминанія о В. А. Жуковскомъ, напечатаннаго въ 18 № Москвитянина 1852 года.

(12) Напечатана въ XVII Части Приятнаго и полезнаго препровожденія времени, изданной въ 1798 году. Ода написана въ Мипенскомъ. Она была очень памятна въ семействѣ Жуковского.

(13) Описаніе пансіонскаго Акта 1798 года напечатано въ Москвитянинѣ 1847 года.

(14) Стихотвореніе Жуковского: Могущество, слава и благоденствіе Россіи, 1800 года.

На тронѣ светломъ, лучезарномъ,
 Что полвселенной на столпахъ
 Взнесенъ, незыблемо поставленъ,
 Россія въ славу возседитъ.
 Златый шлемъ, огнепернатый
 Блестаетъ на главѣ ея;
 Венецъ лавровый осыпаетъ
 Ея высокое чело;
 Лежитъ на шуйцѣ щитъ алмазный;
 Разширивши крылья свои,
 У ногъ ея Орель Полночный
 Почить; — громъ его молчить.

Далѣ Россія говоритъ:

«Отъ всѣхъ вселенныя предѣловъ
 Плывуть съ богатствомъ корабли.»

И пристаней моих достигнувъ,
Тягчать сокровищами брегъ;
Богатой Албiонъ приносить
Своихъ избытковъ лучшу часть.

*

Волнисту шерсть и шелкъ тончайшiй
Несеть съ Востока *Оттоманъ*;
Арабъ коней приводитъ быстрыхъ,
Въ своихъ степяхъ ихъ укротивъ;
Китай фарфоръ и мускъ приносить;
Моголецъ шлетъ алмазъ, рубинъ;
Темень даритъ свой кофе вкусный;
Какъ горы по полямъ, идутъ
Верблюды съ *Перскими* коврами:
Отъ всѣхъ земли предѣловъ, странъ,
Народы мнѣ приносятъ дани;
Цари сокровища мнѣ шлютъ.

(15) Тамъ же:

И се грядетъ къ намъ *новый влкъ*!

Въ другомъ стихотворенiи: *Миръ*, которое было читано въ Декабрѣ 1800 года на публичномъ Актѣ Пансиона, Жуковскiй говоритъ:

Но стой, Россъ! опочий — се *новый влкъ* грядетъ!

*

Возьми сей миртъ, возьми, и снова будь героемъ, —
Героемъ въ тишинѣ, не въ кроволитномъ боѣ.
Будь мiра гражданинъ, вѣнецъ лавровый свой
Омой сердечною, чувствительной слезой,
Тобою падшимъ посвященной!

Вотъ послѣдняя строфа:

На персяхъ тишины, въ спокойствiи блаженномъ,
Цвѣти, съ народами земными примиренный,
Цвѣти, великiй Россъ! лишь злобу поражай,
Лишь страсти буйныя, строптивы побеждай,
И будь во брани — только съ ними.

(16) Въ Декабрской книжкѣ Вѣстника Европы 1803 года

печатая начало повѣсти Жуковскаго: Вадимъ Новгородскій, Карамзинъ такъ рекомендовалъ его публикѣ (въ примѣчаніи: «Молодой Авторъ этой піесы и мой пріятель, Г. Жуковскій, извѣстенъ читателямъ *Вѣстника* по Греевой Элегіи, имъ переведенной».

(17) «Законы этого дружескаго литературнаго общества» были подписаны 1801 года Января 12-го дня, въ день основанія Университета. Оно отличалось отъ Собранія Воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, которое было также основано Жуковскимъ. Участниками новаго общества были: М. Кайсаровъ, В. Жуковскій, Андрей Тургеневъ, Александръ Воейковъ, Александръ Тургеневъ, Семенъ Родзянка, А. Мерзляковъ, А. Кайсаровъ, А. Офросимовъ. Въ этомъ порядкѣ и такъ точно подписали они имена свои подъ законами. Цѣль общества въ уставѣ его выражена такъ: «Мы всѣ такъ высоко цѣнимъ лестный талантъ, трогать и убѣждать другихъ словесностію; мы всѣ удивляемся тѣмъ великимъ умамъ, которые въ безсмертныхъ своихъ сочиненіяхъ заронили какую-то божественную искру, вогушую возжечь въ сердцахъ позднѣйшаго потомства любовь къ добродѣтели и истинѣ, которымъ служить есть единственная и главнѣйшая наша обязанность; мы всѣ льстимся найти и образовать въ себѣ этотъ безцѣнный талантъ.—Да будетъ же сіе образование, въ честь и славу Добродѣтели и Истины, цѣлю всѣхъ нашихъ упражненій».

(18) Эти сѣтованія Жуковскаго о покойномъ другѣ его Андрей Ивановичѣ Тургеневѣ находятся во вступленіи въ повѣсть его: Вадимъ Новгородскій.

(19) Стихи изъ Посланія къ Филалету. (Т. I. нов. изд., стран. 43):

Нѣтъ! счастье къ бытію мени не приучало;
 Мой юношескій цвѣтъ безъ запаха отцвѣлъ.
 Едва въ душѣ своей для дружбы я созрѣлъ —
 И что же!... предо мной увядшаго могила;
 Душа, не воспылавъ, свой пламень угасила.
 Любовь... но я въ любви нашель одну мечту,
 Безумца тяжкій сонъ...

Напечатано въ первый разъ въ Февральской книжкѣ *Вѣстника* Европы 1809 года, а написано въ 1807 году.

(20) Т. V. стран. 147.

Бывали дни восторженныхъ видѣній;
 Моя душа поэзіей цвѣла;
 Ко мнѣ леталъ съ вѣстями чудный Геній;
 Природа вся мнѣ пѣснью была.

(21) Тогда переведена была повѣсть Коцебу, названная переводчикомъ: *Мальчикъ у ручья*, потому что начинается такъ: Вильгельмъ сидѣлъ у ручья подѣ березою. Она напечатана въ первый разъ въ 1801 году съ эпиграфомъ изъ посланія Карамзина къ Дмитріеву, а въ другой разъ въ 1819 году.

(22) а. Вѣстникъ Европы 1809 года. Часть IV. стран. 283.

(22) б. Здѣсь произведенія Жуковского идутъ у меня въ томъ порядкѣ, какъ онѣ обозначены имъ же самимъ въ послѣднемъ изданіи его сочиненій. Двѣнадцать спящихъ дѣвъ здѣсь стоятъ подѣ 1810 годомъ, а стали извѣстны въ первый разъ въ Вѣстникѣ Европы въ 1811 году, и отдѣльно напечатаны въ 1817 году. Считаю за нужное прибавить, что въ семейныхъ преданіяхъ осталось воспоминаніе, что Громобой и Вадимъ написаны послѣ 1812 года.

(23) День отъѣзда Жуковского изъ дому извѣстенъ въ семейныхъ преданіяхъ; день вступленія въ Московское ополченіе изъ его послужнаго списка.

(24) Т. IV. стран. 118.

(25) Такъ выставлено было на этомъ стихотвореніи, напечатанномъ во второй разъ Января 28-го, 1813 года.

(26) Подробности о возвращеніи Жуковского изъ похода на родину извѣстны изъ семейныхъ преданій.

(27) Эти отрывки извлечены изъ писемъ Жуковского къ А. П. Елагинной, относящихся къ 1815 году.

(28) Изъ Посланія къ Кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину. Т. 2, стран. 82.

(29) Драгоцѣнныя подробности о первомъ представленіи Жуковского Государынѣ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ и нынѣ благословенно царствующему Государю Императору черезъ Графа С. С. Уварова, равно и подробности о вечерахъ въ Павловскомъ, на которыхъ Ю. А. Нелединскій-Мелецкій и самъ Поэтъ

ибли счастье въ кабинетѣ Ея Величества читать Пѣвца, Посланіе къ Государынѣ, Свѣтлану, Эолову арфу, Старушку, Ивика, Людмилу, переданы самимъ Жуковскимъ въ письмахъ его къ близкимъ его сердцу. Желательно очень, чтобы всѣ эти подробности со временемъ явились въ свѣтъ. Здѣсь сохранены вѣрно самимъ Поэтомъ черты, украшающія нашъ славный Царскій Домъ.

(30) Т. VII. стран. 50. Кто истинно добрый и счастливый человекъ. Писано въ 1808 году.

(31) Весь этотъ отрывокъ извлеченъ изъ письма, писаннаго Жуковскимъ къ Александру Яковлевичу Булгакову въ 1846 году, ^{Мая 21}
_{Юня 2.}

(32) Наль и Дамаанти. Посвященіе. Т. V. стран. 347.

(33) Вождю побѣдителей. Т. I. стран. 304.

(34) Это письмо писано Жуковскимъ къ Гоголю ^{20 Февраля}
_{4 Марта} 1847 года, по смерти сестры супруги его, Г-жи Миі Рейтернъ.

(35) Это строгое ограниченіе воли своей опредѣленными въ известное время занятіями особенно ясно изъ одного письменнаго отрывка, сообщеннаго мнѣ А. П. Елагиной. Онъ относится къ годамъ еще деревенской жизни Жуковского. Передаю всю эту драгоценность вполнѣ.

§ 1. Читать стихотворцевъ не cadaго особенно, но всѣхъ *однакаго рода* вмѣстѣ; частный характеръ cadaго сдѣляется ощутительнѣе отъ сравненія. Напримѣръ Шиллера какъ стихотворца въ родѣ балладъ, читать вмѣстѣ съ Бюргеромъ; какъ стихотворца философическаго вмѣстѣ съ Гёте и другими; какъ трагика вмѣстѣ съ Шекспиромъ; чтеніе Расиновыхъ трагедій переиѣшать съ чтеніемъ Вольтеровыхъ, Корнелевыхъ и Кребильоновыхъ. Эпическихъ поэтовъ перечитать cadaго особенно, потому вмѣстѣ тѣ мѣста, въ которыхъ каждый могъ имѣть одинъ съ другимъ общее: дабы узнать образъ представленія cadaго. Сатиры Буало съ Гораціевыми, Ювеналовыми, Поповыми, Рабелеровыми и Кантемировыми. Оды Рамлеровы, Гораціевы съ Державина, Ж. Батиста и прочихъ. Или не лучше ли читать поэтовъ въ порядкѣ хронологическомъ, дабы это чтеніе шло наравнѣ съ Исторіею и Исторія объясняла бы самый духъ поэтовъ

и потомъ уже возобновить чтеніе сравнительное. Первое чтеніе было бы философическое, послѣднее эстетическое: изъ обоихъ осталась бы идея полная. Надобно распредѣлить лучшихъ поэтовъ, хронологически и потомъ по родамъ поэзіи; послѣ этого распредѣленія назначить порядокъ ихъ чтенія. То же и о прозаикахъ. Между тѣмъ вотъ нѣкоторыя замѣчанія на баллады Бюргера и Шиллера. Бюргеръ въ этомъ родѣ единственный, ибо онъ имѣетъ истинно приличный тонъ избранному имъ роду стихотворенія: ту простоту разсказа, которую долженъ имѣть повѣствователь. Его характеръ: счастливое употребленіе выражений простонародныхъ и въ описаніяхъ и въ выраженіи чувства; краткость и ясность; приличіе и разнообразіе метровъ. Въ особенности изображаетъ онъ очень счастливо ужасное, то ужасное, которое принадлежитъ къ ужасу, производимому въ насъ предметами мрачными, призраками мрачнаго воображенія; картины свои заимствуетъ онъ изъ таинственной природы *того свѣта*, который не есть идеальный свѣтъ, созданный фантазією древнихъ поэтовъ, но мрачное владычество суевѣрія. Шиллеръ менѣе простъ и живописенъ; языкъ его не имѣетъ привлекательной простонародности Бюргерова языка; но онъ благороднѣе и пріятнѣе; онъ не представляетъ предметы такъ вѣрно, но онъ украшаетъ ихъ красками блестящими; Бюргеръ дѣйствуетъ на воображеніе, Шиллеръ на фантазію (то же воображеніе, но только такое, которому всѣ предметы представляются сквозь призму поэзіи, слѣдственно не въ собственномъ, а въ нѣкоторомъ заимственномъ образѣ). Вообще Шиллеровъ языкъ ровнѣе, но онъ не такъ живъ, и совершенство цѣлаго повредило нѣсколько разительности частей, тогда какъ въ Бюргерѣ живость есть можетъ быть слѣдствіе свободы, менѣе ограниченной. Въ Бюргерѣ найдешь менѣе картинъ стихотворныхъ нежели въ Шиллерѣ; за то онъ ближе къ простой, обыкновенной природѣ. Шиллеръ болѣе философъ; а Бюргеръ простой повѣствователь, который, занимаясь предметомъ своимъ, не заботится ни о чемъ постороннемъ.

§ 2. Занятія: 1. Исторія. 2. Философія. 3. Изящная Словесность (языки). 4. Сочиненія. Утро. Исторія и сочиненія. Вечеръ. Философія и Литература. — Сначала приговорительныя свѣдѣнія,

Потомъ классики. *Исторія*— Географія Исторія (Гердери, Гаттерери, Гибнеръ). Вспомогательныя науки. Классики. *Философія*. Предварительныя понятія: о натурѣ, чловѣкѣ и Логикѣ. Классики. Теологія и нравственность. *Словесность*. Языки. Грамматика общая и Риторика. Поэты и прозаики. Эстетика.—*Воспитаніе*.

(36) Т. 6. изд. 1836 года, стран. 262.

(37) Т. 2. изд. 1849. стран. 81.

(38) Посланіе къ Батюшкову. Т. 1. 1849. стран. 214.

(39) Камовнсь. Т. 5. 1849. стран. 316, 322.

(40) Это вопросъ, о которомъ Гегель говоритъ на второй же страницѣ своей Эстетики, и рѣшаетъ его въ пользу искусства.

(41) Премудрости Соломони. Гл. 13. ст. 5. «Отъ величества бо красоты созданий сравнительно рододѣлатель ихъ познавается.»

(42) Море. Т. IV. стр. 132.

(43) Весеннее чувство. Т. 3. стран. 212.— Въ подкрѣпленіе мыслей моихъ о возрѣвнн Жуковскаго на природу, считаю не лишнимъ привести драгоцѣнный отрывокъ изъ письма его, общеннаго мнѣ А. П. Елагиною, въ которомъ онъ объясняетъ происхожденіе стихотворенія своего: *Старцу Эверсу*. Письмо отъ 16 Сентября, 1815 года. «Прощайте, милые друзья. Нынче худо пишется. Шептунъ мой что-то осовѣлъ. Чтобы дополнить вамъ письмо, переписываю мои стихи къ старику Эверсу, написанные дни за два до отъѣзда изъ Дрездена. Надобно вамъ знать, что Эверсъ, осьмидесятилѣтній старикъ, есть чловѣкъ единственный въ своемъ родѣ — онъ живетъ для добра и со всѣмъ этимъ простота младенца. Онъ профессоръ. На праздникѣ студентовъ, на который былъ приглашенъ и я, онъ вздумалъ со мной пить *братство*. Это меня тронуло до глубины души и было очень *кстати* — мой добрый шептунъ принялъ образъ добродѣтельнаго старика и утѣшилъ меня въ этомъ видѣ! Правда, не надолго — но и то минута была не пропадшая. Я отъ всей души поцѣловалъ *братскую* руку.»

Стихотвореніе оканчивается сравненіемъ старости Эверса съ заходящимъ солнцемъ. Вотъ объясненіе тому, какъ произошло это сравненіе. «Это такъ случилось. На другой день послѣ студентскаго праздника, отправился я ввечеру съ Воейковымъ и еще съ двумя въ коляскѣ за городъ. Солнце заходило са-

мымъ прекраснымъ образомъ. И я вспомнилъ объ Эверсѣ и объ завѣщаніи Эверса. Я часто любовался этимъ старикомъ, который всякой вечеръ ходилъ на гору смотрѣть на заходженіе солнца. Заходящее солнце въ присутствіи старика, котораго жизнь была святая, есть что-то величественное, есть самое лучшее зрѣлище на свѣтѣ. Эти стихи должны быть дружкою моего Теона и Эсхмина. Въ обоихъ много для меня добра.» — Подъ стихами подписано 14 Августа.

(44) Невыразимое. Т. 3. стран. 62.

(45) Полное собраніе сочиненій Ломоносова. Изд. 1803 года. Часть третія стран. 255, въ прибавленіи къ разсужденію: *Явленіе Венеры на солнцѣ, наблюденное Маіа 26 дня 1761 года.*

(46) Стихотвореніе Державина: Истина, строфа третія.

(47) Камоэнсъ. Т. 5. стран. 347. Этихъ стиховъ нѣтъ въ подлинникѣ Гальша, равно какъ и всего того, что у Жуковского говоритъ Камоэнсу юный поэтъ, Васко, выражая свои высокія убѣжденія о назначеніи поэзіи.

(48) Взглядъ на землю съ неба. Т. 7. Сочиненія въ прозѣ Жуковского, стран. 232 и 233.

(49) На кончину Е. В. Королевы Виртембергской. Т. 3. стран. 53.

(50) Камоэнсъ. Т. 5. стран. 321.

(51) Старцу Эверсу. Т. 2. стр. 216. Письма Жуковского къ близкимъ его сердцу живой комментарий къ его поэзіи. Вотъ отрывокъ, который можетъ служить объясненіемъ къ прекрасному стиху, приведенному мною. «Здѣсь у меня нѣтъ *настоящаго*. Но возвратясь къ вамъ, я буду имѣть его. Настоящая минута — вотъ жизнь. Я говорю здѣсь не такъ, какъ Горацийъ, который велитъ ловить летящій мигъ и посвящать его наслажденію, потому что жизнь скоротечна и за собою ничего не оставляетъ. Нѣтъ! всякую настоящую минуту (если можно) прекрасному: дѣлу, мысли, чувству. Но чтобы безпокойное стремленіе къ будущему, безпокойная надежда на будущее не тащила изъ этого тѣснаго круга: пусть будетъ намъ товарищемъ только такое будущее, которое вѣрно, то есть *не здѣшнее* — мыслить объ немъ, какъ о добромъ другѣ, съ которымъ увидишься непременно, но когда и гдѣ, неизвѣстно.»

(52) Изъ письма къ Гоголю: о поэтѣ и современноѣ его значеніи, напечатаннаго въ Москвитянинѣ 1848 года.

(53) Эпиграфъ къ шестому тому Стихотвореній Жуковскаго, изданныхъ въ 1836 году, стран. 262 и 263.

(54) Письмо отъ 1го Февраля 1847 года.

(55) Сочиненія Карамзина. Т. 7. стран. 246.

(56) Евгений Онѣгинъ Глава VI, строфа 23.

Такъ онъ писалъ *темно* и *вяло*
 (Что романтизмомъ мы зовемъ,
 Хоть романтизма тутъ ни мало
 Не вижу я; да что намъ въ томъ?).

Глава VII, строфа 55.

*Пою пріятеля млада
 И множество его причудъ.
 Благослови мой долгій трудъ,
 О ты, эпическая жужа!
 И вѣрный посохъ мнѣ вручивъ,
 Не дай блуждать мнѣ вкось и вкривъ.
 Довольно. Съ плечъ долой обуза!
 Я классицизму отдаю честь:
 Хоть поздно, а вступленье есть.*

Еще можно прибавить кстати стихи о Байроновомъ романтизмѣ.

Глава III, строфа 12.

*Лордъ Байронъ прихотью удачной
 Облекъ въ унылый романтизмъ
 И безнадежной эгоизмъ.*

(57) Понятія современной Германіи объ романтизмѣ можно видѣть изъ брошюры Германа Геттнера, изданной въ 1850 году: Die Romantische Schule in ihrem inneren Zusammenhange mit Goethe und Schiller.

(58) Вѣстникъ Европы 1809 года. Ч. 6. стран. 156. Дѣвица Жоржъ въ роляхъ Расиновой Федры. стран. 260. Д. Жоржъ въ Вольтеровой Семирамидѣ.

(59) The history of English poetry, by Thomas Warton. London. 1840. Объ минстреляхъ. Т. I. стран. 82 и Т. 3. стран. 251. Shakspeare and his times, by Nathan Drake. Paris. 1838. стран.

272. О балладахъ. Warton. Т. 2. стр. 313. Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands, par Aug. Thierry. Paris. 1830. Т. II. 403 и 425 стран. Т. III. 377 стран. Т. IV. 402 и 409 стран. Shakspeare and his times. 279 и 283.

(60) Gervinus. Geschichte der poetischen National-Literatur. 1838. Т. 3. стран. 72.

(61) Въ 1819 году вышелъ въ Орлѣ переводъ Шписова романа: Двѣнадцать спящихъ дѣвъ. Переводчикъ въ предисловіи объявляетъ, что онъ вызванъ былъ на этотъ переводъ прекрасною балладою Жуковского. Замѣчу, что переводами Шписовыхъ, равно и другихъ Нѣмецкихъ романовъ, много занимался у насъ В. П. Поляковъ, товарищъ Жуковского по Университетскому Пансіону. Чтобы видѣть на дѣлѣ, какъ Жуковский смягчалъ грубость средневѣковыхъ преданій Германіи, стоить прочесть рассказъ о происхожденіи Виллибальда, избавителя дѣвъ, въ концѣ первой части романа (стр. 123—225 перевода).

(62) а. Баллада, Графъ Гапсбургскій. Т. 3. стран. 13.

Изъ бездны потокъ выбѣгаетъ:

Такъ пѣснь зараждаетъ души глубина,

И темное чувство, изъ дивнаго сна

При звукахъ воспрянувъ, пылаетъ.

(62) б. Слова изъ Высочайшаго Манифеста 1816 года, Августа 30-го дня.

(63) Слова изъ Высочайшаго Манифеста Сентября 1812 года.

(64) Слова изъ Высочайшаго Приказа Россійскимъ войскамъ, Декабря 1813 года.

(65) Слова оттуда же. См. Собраніе Высочайшихъ манифестовъ, грамотъ, указовъ, рескриптовъ, приказовъ войскамъ и разныхъ извѣщеній, послѣдовавшихъ въ теченіи 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годовъ. Спб. 1816.

(66) а. The poetical works of Robert Southey. Ode to his Imperial Majesty Alexander the First, Emperor of all the Russias.

(66) б. Шиллеръ родился 11-го Ноября 1759, скончался 9-го Маія 1805; Гёте родился 28-го Августа 1749, скончался 22-го Марта 1832; Байронъ родился 22-го Января 1788, скончался 19-го Апрѣля 1824; В. Скоттъ родился 15-го Августа 1771, скончался 21-го Сентября 1832.

(67) Poetical works of sir Walter Scott. Vol. 6. 1838. Verses, composed for the occasion, adapted to Haydn's air, «God save the Emperor Francis,» and sung by a select band after the dinner given by the Lord Provost of Ediuburgh (sir William Arbuthnot) to the Gran-duke NICHOLAS of Russia, and his suite, 19 December, 1816. Вотъ эти достопамятные стихи:

God protect brave Alexander,
 Heaven defend the noble Czar,
 Mighty Russia's high Commander,
 First in Europe's banded war;
 For the realms he did deliver
 From the tyrant overthrown,
 Thou of every good the Giver,
 Grant him long to bless his own!
 Bless him, 'mid his land's disaster,
 For her rights who battled brave,
 Of the land of foemen master,
 Bless him who their wrongs forgave.
 O'er his just resentment victor,
 Victor over Europe's foes,
 Late and long supreme director,
 Grant in peace his reign may close.
 Hail! then, hail! illustrious Stranger!
 Welcome to our mountain strand;
 Mutual interests, hopes, and danger,
 Link us with thy native land.
 Freeman's force, or false beguiling,
 Shall that union ne'er divide,
 Hand in hand while peace is smiling,
 And in battle side by side.

(68) Schiller's Sturm- und Drangperiode, von Döring. Weimar. 1852.

(69) Goethe's letzte literarische Thätigkeit, Verhältniss zum Ausland und Scheiden; nach den Mittheilungen seiner Freunde dargestellt vor Dr. Karl Wilhelm Müller. Jena. 1832. Здѣсь упоминается о свиданіи Жуковскаго съ Гёте въ 1827 году; о Русскихъ стихахъ, которые Жуковскій написалъ въ честь Гёте подъ его портретомъ, гравированнымъ съ подлинника Дау. Карусъ въ Дрезденѣ сдѣлалъ красками рисунокъ, изображавшій романтическое мѣстоположеніе: на балконѣ стояла арфа, освѣ-

щенная лучами мѣсяца; за нею пустое кресло, на которое наброшенъ былъ богатыми складками плащъ. Ландшафтъ имѣлъ отношеніе къ смерти Байрона. Жуковскій подарилъ эту картину Гёте 5-го Сентября 1827 года и подписалъ подъ нею по-Французски:

Offrande

à celui dont la harpe a créé un monde de prodiges, qui a soulevé le voile mystérieux de la création, qui donne la vie au passé et prophétise l'avenir. Я помню эту картину въ гостиной Гёте, въ 1829 году. Жуковскій, при прощаніи съ Гёте, послалъ ему выраженіе своихъ чувствъ, въ которомъ между прочимъ замѣчательны слова: «О за чѣмъ судьба не дозволила мнѣ встрѣтиться съ тобою на веснѣ жизни! Тогда душа моя зажгла бы ея свѣтильникъ на твоёмъ! Тогда бы совершенно иной чудно-великолѣпный міръ вокругъ меня образовался: и тогда можетъ быть и обо мнѣ бы дошла вѣсть до потомства: онъ былъ поэтомъ!»

(70) Goethe aus näherm persönlichen Umgange dargestellt. Ein nachgelassenes Werk von Johannes Falk. Zweite Auflage. Lpzg. 1836.

(71) Слова Байрона всѣ взяты изъ Letters and journals of Lord Byron: with notices of his life, by Thomas Moore.

(72) Извѣстно, что В. Скоттъ вынужденъ былъ къ этому труду обстоятельствами жизни. Замѣчательны слова, которыя сказалъ Гёте въ своемъ Kunst und Alterthum 1827 года, по случаю выхода Жизни Наполеоновой, написанной В. Скоттомъ.

(73) Замѣчательно выраженіе древняго Русскаго мужа, Васціана Архіепископа Ростовскаго, изъ его посланія къ Іоанну III: «Человѣческо бо еже согрѣшати, рекше, падати, и покаяніемъ востати, Ангельское же еже не падати, бѣсовское же еже пасти и не востати и отчаятися.»

(74) Фридрихъ Гальмъ есть псевдонимъ. Подъ этимъ именемъ извѣстенъ въ Германіи Баронъ Мюнхъ-Беллингаузенъ. Послѣдняя сцена между Камоэнсомъ и Васко (у Гальма Пёрець) у Гальма есть только эскизъ того, что вполне развито у Жуковскаго. Слова Васко къ Камоэнсу и послѣднія слова Камоэнса, выражающія высокія убѣжденія самаго поэта, созданы Жуковскимъ. Замѣчательно, что онъ эти самыя слова привелъ въ своемъ письмѣ

къ Гоголю: о *Поэтъ и современноѣ его значеніи*, какъ выраженіе его чистѣйшихъ, жизнію оправданныхъ убѣжденій.

(75) Двѣ повѣсти. Подарокъ на новый годъ издателю Москвитина. Т. 6. стран. 302.

(76) Это слово слышалъ я самъ изъ устъ Жуковского въ 1839 году, въ Римѣ.

(77) Вотъ какъ Отецъ Іоаннъ нашъ передалъ въ извѣстномъ исѣмѣ своемъ содержаніе Странствующаго Жида. «О «Странствующемъ Жидѣ» я съ любопытствомъ разспрашивалъ у писца, которому Жуковский диктовалъ эту Поэму, и узналъ отъ него, что въ этой Поэмѣ покойный Василій Андреевичъ, взявъ за основаніе извѣстную легенду о *Вьчномъ Жидѣ*, изобразилъ всю чудную Историю народа Еврейскаго со времени его отверженія Богомъ до послѣдней судьбы его, открытой въ Апокалиписѣ. Судя по нѣкоторымъ тирадамъ, которыя писецъ его могъ запомнить, это должно быть чудное произведеніе созрѣвшаго, но никогда не состарѣвшаго генія Жуковского. Можно себѣ представить все величіе картипъ, когда знаешь, что онъ ведетъ своего странника по всѣмъ вѣкамъ, бросаетъ его во всѣ страшные міровые перевороты, въ которыхъ погибали цѣлыя племена и народы, и оставался одинъ только онъ, все съ тою же печатію отверженія на лицѣ, все съ тѣми же неизнашиваемыми одѣянiami на тѣлѣ, все съ тою же грустію въ сердцѣ о неизбѣжномъ мученіи на землѣ. Наконецъ нашъ безсмертный Поэтъ приводитъ его на островъ Патмосъ, гдѣ онъ встрѣчаетъ старца Іоанна, который открываетъ ему послѣднюю судьбу его. По рассказамъ писца, Жуковский писалъ эту часть почти словами Апокалиписиса, перелагая ихъ только въ свой классическій гекзаметръ.»

(78) Этотъ драгоценный автобіографическій отрывокъ, уцѣлѣвшій въ бумагахъ покойнаго Гоголя, огласился въ публикѣ подъ невѣрнымъ названіемъ: *Моя исповѣдь*. На рукописи нѣтъ никакого заглавія, а въ содержаніи Авторъ говоритъ: «я рѣшаюсь чистосердечно и, сколько возможно короче, изложить всю повѣсть моего авторства.» Вотъ то заглавіе, которое можетъ быть дано этой рукописи, согласно мысли самаго Автора.

(79) Изъ Посвященія поэмы: *Наль и Дамаанти*. Т. 5, стран. 350

(80) *Камозансъ*. Т. 5, стран. 319.

Въ заключеніе къ Примѣчаніямъ считаю полезнымъ приложить списокъ произведеній Жуковского, напечатанныхъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, составленный Г. Студентомъ Историко-Филологическаго факультета 4-го курса Тихонравовымъ, отъ дѣятельности котораго я ожидаю весьма добрыхъ плодовъ для Исторіи Русской Словесности.

1797. Мысли при гробницѣ (въ прозѣ). Приятное и полезное препровожденіе времени. Часть XVI. 1797. стран. 106.
Майское утро (въ стихахъ). Ibid. стран. 286.
1798. Благодарственная рѣчь, произнесенная на актѣ Университетскаго Благороднаго пансіона. См. описаніе акта, перепеч. въ Москвитинѣ 1847 г. Часть III. стр. 54.
Добродѣтель, стихотвореніе. Приятное и полезное препровожденіе времени, Часть XVII, стран. 153.
Миръ и война. Ibid. Часть XX. стран. 259.
Жизнь и источникъ, въ прозѣ. Ibid. стран. 280.
1799. Полныя сочиненія Г. Леонарда, собранныя в изданныя Винцентомъ Кампенономъ, въ 3-хъ Томахъ, въ 8-ю долю, Парижъ, 1728 (*Сокращенный переводъ рецензій изъ Spectateur du Nord*). Иппокрена или утѣхи любословія, 1799 г. Часть IV. стран. 81—90 и 97—107.
1800. Могущество, слава и благоденствіе Россіи. Утренняя заря. Труды Воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона. Книжка 1. стран. 1. Перепечатано въ Сочиненіяхъ, выбранныхъ изъ Утренней зари. 1809. Т. 1. стран. 27.
Къ Тибуллу, на прошедшій вѣкъ. Ibid. стран. 16.
Къ Надеждѣ. Ibid. стран. 18.
Мысли на кладбищѣ. Ibid. стран. 68.
Истинный герой. Ibid. стр. 160.
Добродѣтель (*Стихотвореніе*) См. И отдыхъ въ пользу, или собраніе сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ Воспитанниковъ Университ. Благородн. Пансіона. стр. 38.

* Известный библіографъ нашъ С. Д. Полторацкій сообщилъ мнѣ, что это стихотвореніе читано было еще на актѣ, въ 1797 г. *Н. Т.*

1801. Платону неподражаемому, достойно славящему Господа (Визанія, 25-го Декабря, 1800). Иппокрена. Часть VIII, 1801, стран. 64.
1802. Сельское кладбище, Греева Элегія. См. Вѣстникъ Европы 1802 г., № 24, стран. 219. Перепечатано въ Утренней зарѣ 1803 и въ Сочиненіяхъ изъ нея выбранныхъ. 1809. Т. 1. стран. 72; съ нѣкоторыми измѣненіями.
1803. Вадимъ Новгородскій, историческая повѣсть. См. Вѣст. Европы, 1803. № 23 и 24, стран. 211.
Человѣкъ, стихотвореніе. Утренняя заря. Книжка 2. 1803. Перепечатано въ Сочиненіяхъ выбранныхъ изъ Утренней зари. Т. I. 1809 г. Миръ. Ibid.
1806. Пѣснь Барда надъ гробомъ Славянъ побѣдителей. См. Вѣстн. Европы. 1806, № 24.
1807. Отрывокъ изъ Делилева диеирамба, на безсмертіе души. См. Вѣстн. Европы, 1807, № 4, стран. 261.
Соколъ и голубка. Эпиграммы. Ibid.
Вечеръ. Ibid. стр. 278.
Мартышка, показывающая Китайскія тѣни (Басня). Вѣстн. Европы 1807. № 5, стран. 41.
Сафина ода. Ibid. стран. 44.
Идиллія (Когда она была пастушкою простой) Ibid.
Къ Эдвину (М. П. Ю.) Ibid. стран. 45.
Басни: 1) Ссора плѣшивыхъ, 2) Цапля. Вѣстн. Европы, 1807 г. № 6, стран. 113.
Эпиграммы. Ibid. стр. 115.
Сонъ Могольца. Ibid. № 7, стран. 192.
Прощанье старика. Ibid. стран. 194.
Басни: 1) Мартышка и левъ, 2) Котъ и мышь. Ibid. № 8, стран. 278.
Сурки и крокъ (Басня). Ibid. № 10, стран. 110.
Похороны Львицы. Ibid. № 4, стран. 189.
Эльмина къ портрету своей матери; писанному ея дочерью, которыхъ она въ одно время лишилась. Ibid. № 12, стран. 278.
Старикъ къ молодой и прекрасной дѣвушкѣ. Ibid. стр. 279.
Эпитафія лирическому поэту. Ibid.

- Коть и зеркало. Ibid. № 14, стран. 98.
 Капунъ и соколь. Ibid. № 15, стран. 176.
 Голубка и сорока. Ibid. № 17, стран. 32.
 Соколь и филошела. Ibid. № 18, стран. 102.
 Старый котъ и молодой мышенокъ. Ibid. № 19, стран. 185.
 Смерть, разговоръ второй изъ Энгелева Свѣтскаго фило-
 софа, (переводъ Ж—го), Вѣстн. Европы, 1807, № 3. стран.
 161, и № 4, стран. 241.
1808. Романсъ (*Тоска по миломъ*). Вѣстн. Евр. 1808, № 1, стр. 39.
 Мальвина, романсъ (Съ Французскаго). Ibid. № 10 ст. 101.
 Людмила, Русская баллада. Подражаніе Биргеровой
 Леонорѣ. Ibid. № 9, стран. 41.
 Къ Нинѣ (Съ Англійскаго). Ibid. № 8, стран. 272.
 Стихи, сочиненные для альбома М. В. П. Ibid. стр. 273.
 Гимнъ (Подражаніе Томпсону). Ibid. № 14, стран. 165.
 Разстройство семейственнаго согласія. Ibid. № 17, стр. 49.
 Кто истинно добрый и счастливый человекъ? Ibid. № 12,
 стран. 220. Нѣсколько словъ о писателѣ въ обществѣ.
 Ibid. № 22, стран. 118.
 Три пояса (Русская сказка). Ibid. № 23, стран. 197.
 Три сестры (Видѣніе Минваны). Ibid. № 2, стран. 148.
 Письмо Ж. Ж. Руссо. Вѣстн. Евр. 1818, № 4, стр. 265.
 Отрывокъ изъ путешествія Г-жи Жанлисъ въ Англію.
 Ibid. стр. 302.
 Сила нещастія. Ibid. стр. 314.
 Не жалкой ли онъ человекъ? Ibid. стр. 315.
 Неизъяснимое происшествіе. Ibid. № 6, стр. 94.
 О дружбѣ. Ibid. стр. 87.
 Ожесточенный. Ibid. стр. 119 и № 7, стр. 173.
 О выгодахъ славы. Ibid. № 7, стр. 192.
 Густавъ Обинье. Ibid. № 12, стр. 230. № 13, стр. 3,
 № 14, стр. 98.
 Бѣдная Нина. Ibid. № 11, стр. 115.
 Марія. Ibid. стр. 3, № 10, стр. 107.
 Прусская ваза. Ibid. № 20, стр. 268, № 21, стр. 1.
 Вольдемаръ. Ibid, № 19, стр. 185.
1809. Къ Филалету. Вѣстн. Европы, 1809, № 4, стран. 84.

- Благодарность любезному издателю Аглан. Ibid. № 16.
 Моя богиня (Подражаніе Гёте). Ibid. № 17, стран. 31.
 Счастье (Изъ Шиллера). Ibid. № 19, стран. 190.
 Кассандра. Ibid. № 20, стран. 258.
 Плачь Людмилы. Ibid. стран. 263.
 Пѣсня (Подражаніе Нѣмецкой: *Счастливъ тотъ и т. д.*)
 Ibid. № 18, стран. 92.
 Мысли надъ гробомъ Каменскаго. Ibid. № 18, стр. 145.
 Марьиная роца (Старинное преданіе). Ibid. № 2, стр.
 109, и № 3, стр. 211.
 О нравственной пользѣ поэзіи (Письмо къ Филалету). Ibid.
 № 3, стр. 161.
 Басни Ивана Крылова (*Разборъ*). Ibid. № 9, стр. 35.
 Два слова отъ издателя. Ibid. № 6, стр. 124.
 Московскія Записки. Ibid. № 22, стр. 156, и № 23.
 О счастьи. Вѣстн. Европы 1809, № 1, стр. 1.
 Разговоръ Сенъ Реаля, Эпикура, Сенеки, Юліана и Лю-
 довика Великаго. Ibid. стр. 8.
 Счастливая ложь. Ibid. № 11, стр. 161.
 Письмо Доктора М* къ одному Французскому журна-
 листу. Ibid. № 17, стр. 25.
 Кабудъ нутешественникъ. Ibid. № 19, стр. 166.
 Науки. Ibid. стр. 181.
 1810. Баснь. Къ Делію. В. Евр. 1810, № 3, стр. 188.
 На смерть семнадцатилѣтней Ерминіи. Ibid. стр. 189.
 Путешественникъ. Вѣстн. Евр. 1810, № 4, стр. 288.
 Къ *** при отъѣздѣ его въ армію. Ibid. № 5, стр. 33.
 Пѣснь Араба надъ могилою коня. Ibid. № 7.
 Критическій разборъ Кантемировыхъ сатиръ. Ibid. № 3,
 стр. 199 и № 5, стр. 42.
 Нѣсколько писемъ Юганна Миллера къ Карлу Бонстет-
 тену. Ibid. № 16.
 Путешествіе Шатобріана въ Грецію и въ Палестину. Ibid.
 № 17, стр. 18.
 Разборъ перевода трагедіи: Радамистъ и Зенобія. Ibid.
 № 22, стр. 102.
 Лютна, цвѣты и сонъ. Вѣстн. Европы 1810, № 1, стр. 3.

- Эдуардъ Жаксонъ, Милли и Ж. Ж. Руссо. Ibid. № 2, стр. 81.
 О переводахъ вообще и въ особенности о переводахъ стиховъ. Ibid, № 3, стр. 190.
 Путешествіе невинности на островъ Цитеру. Ibid. № 7, стр. 174.
 Розы Мальзерба. Ibid. № 12, стр. 251.
 Мурадъ несчастный. Ibid. № 14, стр. 81.
 Привидѣніе. Ibid. № 16, стр. 249.
 Три финика. Ibid. № 17, стр. 47.
 Старый башмачникъ бѣдной хижины и восемь лундуровъ. Ibid. № 18, стр. 88,
 Романической любовникъ или веселость и старость. Ibid. № 19, стр. 167.
 Образъ жизни и нравы рыцарей. Ibid. № 20, стр. 247.
 Горный духъ Урь въ Гельвеціи. Ibid. № 21, стр. 3.
 Отрывокъ изъ Шатобріанова путешествія въ Грецію. Ibid. № 22, стр. 138.
 Дорсанъ и Люція. Ibid. № 23, стр. 173 и № 24, стр. 253.
 1811. Двѣнадцать спящихъ дѣвъ. Вѣстн. Европы, 1811, № 4, стран. 254.
 О поэзіи древнихъ и новыхъ. Ibid. № 3, стран. 187.
 Аместанъ и Мелединъ, или испытаніе опытности. (Восточная повѣсть.) Съ Французскаго, Вѣстн. Евр. 1811, № 5, стр. 3.
 Отрывки изъ писемъ Іоганна Миллера къ Карлу Бонстетгену. Ibid. № 6, стр. 83.
 Необходимое и излишнее (Восточная сказка). Ibid. № 7, стран. 163.
 Разборъ Электры и Ореста, трагедіи Грузинцова. Ibid. стран. 205.
 О краснорѣчій (изъ Essays and Treatises by D. Hume). Ibid. № 9, стр. 14.
 Осада Амазіи (Восточная повѣсть). Ibid. № 10, стр. 85.
 1812. Вождю побѣдителей. Вѣстникъ Европы 1812. № 21 и 22. стран. 12.
 1813. Свѣтлана. Вѣстникъ Европы 1813. № 1 и 2, стр. 67.
 Пѣсня въ веселой часъ. Ibid. стран. 76.

- Узникъ мотыльку, влетѣвшему въ его темницу (Подражаніе Мейстеру). Ibid. № 3 и 4, стран. 209.
- Жалоба. Ibid. стр. 199.
- Пѣвецъ. Ibid. стр. 200.
- Элизіумъ. Ibid. стр. 201.
- Пиршество Александра или сила гармоніи (Съ Англійскаго). Ibid. стр. 204.
- Адельстанъ (Баллада). Пер. съ Англійск. Ibid. стр. 202.
- Мечты. Ibid. № 14, стран. 81.
- Къ Батюшкову (въ Маѣ, 1812). Ibid. № 9 и 10, стр. 32.
- Пловецъ. Ibid. № 7 и 8, стран. 195.
- Къ моему другу. Ibid. стран. 196.
- Желаніе. Ibid. стран. 197.
- Къ Филону. Ibid. стран. 198.
- Князю Смоленскому. «Сіе стихотвореніе напечатано при главной квартирѣ Россійской арміи.» См. Сынъ Отечества, 1813 г. № 5, стр. 242.
1814. Ивиковы журавли. Вѣстн. Евр. 1814, № 3, стр. 200.
- Посланіе къ Воейкову (29 Янв. 1814). Ibid. № 6, стр. 97.
- Богатства, слава, честь безумцамъ драгоцѣнны!* Пантеонъ Русской поэзи, изд. П. Никольскимъ, 1814, Ч. I, стр. 260.
1815. Теонъ и Эскинъ. Вѣст. Европы 1815. № 5 и 6, стр. 27.
- Аббадона. Сынъ Отечества, 1815. № 22.
- Пѣснь Русскому Царю отъ Его воиновъ. Ibid. № 48, стр. 95.
- Молитва Русскихъ (Строфа изъ «Боже Царя храни»). Ibid. стран. 96.
- Эльвина и Эдвинъ. Амфіонъ, ежемѣсячное изданіе, 1815, № 2, стр. 77.
- Эолова арфа. Ibid. № 3, стр. 61.
- Варвикъ. Ibid. № 4, стр. 59.
- Алина и Альсимъ. Ibid. № 6, стр. 100.
- Библия (Подражаніе Фонтану). Россійскій Музеумъ, журналъ, издаваемый В. Измайловымъ. Ч. I, № 1, стран. 3.
- Эпимесидъ (изъ Парни). Ibid. № 2, стр. 129.
- Къ неизвѣстной дамѣ. Ibid. стр. 147.
- Къ Виземскому. Ibid. № 3, стр. 257.
- Мотылекъ. Ibid. № 4, стр. 11.

- Эпитафія. Ibid. стран. 14.
 Стансы. Желаніе и наслажденіе. Ibid. № 5, стран. 132.
 Посланіе къ Вяземскому и Пушкину. Ibid. № 6, стр. 257.
 Къ Генералъ-Маіору В. В. Полукетову на выступленіе въ походъ 1815, 17-го Февраля. Ibid. стран. 269.
 Совѣсть, смерть, скромность. Ibid. № 8, стран. 137.
 Къ Вяземскому. Ibid. № 9, стр. 253.
 Отвѣты на вопросы, въ игру, называемую секретарь. Ibid. № 10, стран. 7.
1816. Стихи, пѣтые на празднествѣ Англійскаго посла Лорда Каткарта въ присутствіи Его Императорскаго Величества. Сынъ Отеч. 1818, № 14, стр. 68. Литературный музеумъ на 1827 г. изд. В. Измайловымъ, стран. 308.
1817. Элегія, къ Дельвигу. Сынъ Отеч. 1817, № 41, стр. 105. Красный Карбункулъ. Труды Общества Любит. Россійской Словесности при Импер. Москов. Университ. 1817, Часть IX, Отд. II. стран. 49.
 Овсяный кисель. Ibid. Часть X, стран. 62. Для Немногихъ, № 2, стр. 2, переп. въ Сынъ Отеч. 1818, № 11, стр. 190.
1818. Рыцарь Тогенбургъ (Балада). Для Немногихъ, № 1, стран. 4. Сынъ Отеч. 1818, № 9, стран. 111.
 Утѣшеніе въ слезахъ. Для Немногихъ, № 1, стр. 12.
 Жалоба пастуха. Ibid. стр. 16.
 Пѣсня (Кольцо души дѣвицы и т. д.) Ibid. стр. 20. Перепечатана въ Сынъ Отечества. 1820, № 33, стр. 323.
 Мина. Для Немногихъ, № 1, стр. 26.
 Рыбакъ. Ibid. стр. 30. Сынъ Отеч., 1820, № 36, стр. 134.
 Новая любовь новая жизнь. Для Немногихъ, № 2, стр. 18.*
 Воспомяніе. Ibid. стр. 22. Листокъ. Ibid. стр. 24.
 Кто слезъ на хлѣбъ свой не роиля. Ibid. стр. 26.
 Къ мѣсяцу. Ibid. стр. 28.

* Составляя списокъ, я имѣлъ только одинъ номеръ изданія: Для Немногихъ, которое теперь составляетъ библиографическую рѣдкость. Остальные NN были сообщены мнѣ уже по отпечатаніи списка С. Д. Полторацкимъ, которому и свидѣтельствую мою искреннюю благодарность. Н. Т.

- Тлѣнность. Для Немнотихъ, № 3, стр. 2.
- Утренняя звѣзда. Для Немногихъ, № 3, стр. 16. перепеч.
въ Сынѣ Отечества, 1818, № 21, стр. 69.
- Вѣрность до гроба. Для Немногихъ, № 3, стран. 26.
От. 1821, № 17, стр. 137.
- Юлія. Голосъ съ того свѣта. Ibid. стр. 30.
- Горная пѣсня. Для Немногихъ, № 4, стр. 2.
- Деревенскій сторожъ въ полночь. Ibid. стр. 8.
- Лѣсной царь. Ibid. стр. 20.
- Лѣтній вечеръ. Ibid. стр. 26. Сынъ От. 1821, № 45, стр. 232.
- Графъ Габсбургскій. Сынъ Отеч., 1818, № 28, стр. 81.
- Гимнъ, пѣтый воспитанниками Санктпетербургской Гим-
назии на публичномъ экзаменѣ (Боже! Царя храни).
Сынъ Отечества, 1818, № 52, стр. 514.
- Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ Алек-
сандръ Θεодоровнѣ. Труды Общества Любителей Сло-
весности при Московск. Университетѣ. 1818, Часть
XI. Отд. II. стран. 3.
- О новой книгѣ (Entretiens sur la physique, Профес. Дерпт-
скаго Университета Паррота). Вѣстн. Европы, 1818,
№ 8, стран. 302.
1820. Къ мимопролетѣвшему знакомому генію. Сынъ Отечества,
1820, № 42, стр. 86.
- Три пѣсни. Ibid. № 48, стр. 78.
- Узникъ. Невскій Зритоль, ежемѣсячное изданіе, 1820,
Часть II, стр. 79. Мценье. Ibid. стр. 95.
1821. Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ
Маріи Θεодоровнѣ (Въ Юнѣ 1819 года). Сынъ Оте-
чества, 1821, № 1, стр. 21.
- Жизнь (Видѣніе во снѣ). Ibid. № 6, стр. 271.
- Цевкъ и Гальціона. Ibid. № 9, стр. 73.
- Пери и Ангель. Ibid. № 20, стр. 245.
- Прежнее время. Ibid. № 50, стр. 179.
- Весеннее чувство. Соревнователь просвѣщенія и благо-
творенія (Труды Высочайше утвержденнаго вольнаго
общества любителей словесности), 1821, Ч. XIII, стр. 88.
- Къ портрету Гѣте. Ibid. стр. 35. Московскій Телеграфъ,
1827, № 12, Отд. II. стран. 129.

1822. Къ Княгинѣ А. Ю. О.....ой. Сынъ Отечества , 1822, № 1, стр. 30.
 Къ Княгинѣ А. Ю. О.....ой. Ibid. № 10, стр. 127.
 Пѣсня (Отнимаетъ наши радости). Ibid. № 15, стр. 35.
1823. Ангель и пѣвецъ (Гатчина , Окт. 5, 1823). Сынъ Отечества , 1823 , № 41, стр. 33.
 Прощаніе Іоанны съ своею родиною (изъ Орлеанской Дѣвы). Полярная звѣзда. 1823.
 Смерть Приама (Изъ Энеиды) Ibid.
1824. Путешествіе по Саксонской Швейцаріи. Полярная звѣзда, 1824 года. Рафаэлева мадонна. Ibid.
 Прощальная пѣснь, пѣтая воспитанницами Общества Благородныхъ дѣвицъ, при выпускѣ 1824 года. Сынъ Отечества 1824 № 1, стран. 334.
1825. Привидѣніе. Сѣверные цвѣты, альманахъ на 1825 г. стр. 257.
 Таинственный посѣтитель. Ibid. стр. 258.
 Ночь. Ibid. стр. 286.
 Мотылекъ и цвѣты. (Стихи , написанные въ альбомѣ Н. М. М. на рисунокъ, представляющій бабочку , сидящую на букетѣ изъ revesées и незабудокъ). Ibid. стр. 357.
1827. Къ Н. Н. Московскій Телегр. 1827, № 9, Отд. II, стр. 3.
 Поезія въ видѣ Лалла Рукъ. Памятникъ отечественныхъ музъ. Изданный на 1827 годъ, Б. Федоровымъ, Отд. II, стран. 4.
 Отрывокъ изъ письма въ Москву. Ibid. стр. 8.
 Стихи присланные съ комедіями къ К***. Ibid. стр. 10.
 Къ ней. Ibid. стр. 12.
 Письмо къ А. Л. Нарышкину. Ibid. стр. 18.
 На смерть чижика. Ibid. стр. 44.
 Надгробіе И. П. и А. И. (Тургеневымъ). Ibid. стр. 47.
 Къ Графинѣ Ш. Ibid. стр. 50.
 Амуръ и мудрость. Ibid. стр. 64.
 Невыразимое. Ibid. стр. 262.
- НВ. Издатель «Памятника отечественныхъ музъ» замѣчаетъ, что всѣ стихотворенія Жуковского , напечатанныя въ его альманахъ, сочинены имъ за нѣсколько лѣтъ предъ сѣмъ.
- Отрывокъ изъ письма о Саксоніи, Моск. Тел. 1827, № 6, Отд. I, стр. 114.

1829. Торжество побѣдителей. Сѣверные цвѣты, на 1829 годъ,
Одд. II, стр. 3.
Видѣніе. Ibid. стр. 49.
Отрывки изъ Иліады. Ibid. стр. 76.
Море. Ibid. стр. 152.
1832. Сказка о спящей царевнѣ. Европеецъ, журналъ наукъ и
словесности, изд. Ив. Кирѣевскимъ, 1832, № 1,
стр. 24. Перепечатано въ Литературныхъ прибавленіяхъ
къ Русскому Инвалиду, 1832, № 16, стр. 124.
Война Мышей и Лягушекъ (Отрывокъ изъ неоконченной
поэмы). Европеецъ, № 2, стр. 143, перепеч. въ Литтер.
прибавл. къ Русскому Инвалиду, № 46 и 47, стр. 369.
Сраженіе съ змѣею (Изъ Шиллера). Сѣверные цвѣты на
1832 г. стр. 187.
Отвѣтъ И. И. Дмитріеву. Ibid. стран. 11.
1833. Сказка о царѣ Берендеѣ, о сынѣ его Иванѣ Царевичѣ,
о хитростяхъ Коцея безсмертнаго, и о премудрости
Марьи Царевны, Коцеевой дочери. Новоселье, Томъ I.
Томъ 2-е изданіе, 1845 г., стр. 29.
1834. Норманскій обычай. Библіотека для Чт. 1834, Томъ I, стр. 4.
Старый рыцарь. Ibid. Томъ II, стр. 17.
Судъ въ подземельѣ (последняя глава недоконченной
повѣсти). Ibid. Томъ III, стр. 1.
Улинъ и его дочь. Ibid. Томъ IV, стр. 31.
Божій судъ. Ibid. Томъ VI, стр. 11.
Роландъ оруженосецъ (31 Октября 1832, Верне, на бе-
регу Женевского озера). Новоселье, Т. II. Томъ, изд. 2-е
стр. 185. Перепечатано въ Литературныхъ прибавле-
ніяхъ къ Русскому Инвал. 1834. № 45, стр. 356.
Элевзинскій праздникъ (изъ Шиллера). Новоселье, Т. II,
изд. 2-е, стр. 75.
1835. Отрывокъ изъ повѣсти Ундина. Библ. для Чтенія, 1835, № 9.
1836. Почной смотръ. Современникъ, литературный журналъ,
изд. А. Пушкинымъ, Томъ I, стр. 14.
Объ историческихъ таблицахъ В. А. Жуковскаго. Статья
г. Краевскаго Журн. Мин. Нар. Просв. 1836, № 6,
стр. 409. Здѣсь приложены самыя таблицы Жуковскаго.
1837. Цвѣтокъ. Современникъ, 1837, Томъ V, стр. 143.

- Послѣднія минуты Пушкина. Ibid. Томъ I, стр. I—XVII.
1838. Stabat mater. Современникъ, 1838, № 1, стр. 157.
1839. Бородинская годовщина. Стихотворенію предшествуетъ Отрывокъ изъ письма къ Ея Императорскому Высочеству Великой Княгини Маріи Николаевны. Современникъ, 1839, Томъ XVI, стр. 193.
- Сельское кладбище, Греева элегія. Ibid. стр. 216. Здѣсь приложены три рисунка, снятыя съ натуры переводчикомъ.
- Камовнъ, драматическій отрывокъ. Отечественныя Записки, 1839, Томъ VI, стр. 1.
1840. Молитвой нашей Богъ смягчился. Современникъ, 1840, Томъ XVII, стр. 112.
- О стихотвореніяхъ И. И. Козлова. Ibid. Томъ XVIII, стр. 83. (*первой нумераціи*).
- Поэту Ленепсу, въ отвѣтъ на его посланіе ко мнѣ, писанное на случай посѣщенія Сардама Е. И. В. Великимъ Княземъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ (Амстердамъ 7го Апрѣля. 1839). Утренняя заря, альманахъ на 1840 годъ, стран. 440.
1842. 1-е Іюля 1842 года. Москвитянинъ, 1842, № 12, стр. 261.
1844. Письмо В. А. Жуковского. Современникъ, 1844, № 12, стр. 257. Перепечатано въ Москвитянинѣ, 1844, № 12, стран. I—IV.
1845. Двѣ повѣсти въ подарокъ издателю Москвитянина. Москвит. 1845, № 1, стр. 12.
- Отрывокъ письма. Ibid. стр. 37.
1846. Выборъ креста (Изъ Шамиссо). Соврем. 1846, № 1, стр. 5. Коть въ сапогахъ (Сказка). Современникъ, 1846, Т. XLIV. Капитанъ Боппъ. Вчера и сегодня. Кн. I.
1847. Египетская тьма. Московскій Сборникъ, на 1847 г., стр. 188.
1848. Не тревожься великанъ. Москвит. 1848. № 9, стр. 3. О поэтѣ и его современномъ значеніи. Письмо къ Н. В. Гоголю. Ibid. 1848. № 4. стран. 114.
1849. Двѣ сцены изъ Фауста. Москвит., 1849, № 1, Отд. III, стр. 13.
- Четыре сына Франціи. Ibid. № 8, стр. 228.

ВИКТОРЪ.

ПОВЕСТЬ ЯННЫ ВВАЛТМАНЪ.

I.

Подъ крышей одного изъ семи-этажныхъ домовъ С. Петербурга, въ ранній часъ утра, пробудился отъ сна молодой человекъ, щедушнаго сложенія, но довольно пріятной наружности.

Онъ проснулся въ комнаткѣ верхняго этажа, въ которой замѣтна была претензія на порядочную меблировку, но мебель была покрыта пылью, разныя вещи разбросаны по всѣмъ угламъ, а на срединѣ, какъ на первомъ планѣ, лежали на полу два полувачиненные разными пожитками чемодана.

Первая сознательная мысль отозвалась въ сердцѣ юноши невыносимымъ ощущеніемъ, и безотчетная горечь, которая во время сна, какъ будто осѣла на дно души, вдругъ распространилась по всѣмъ нервамъ его.

Онъ приподнялъ голову и тотчасъ же опустилъ ее въ изнеможеніи снова на подушку. Долго лежалъ онъ неподвижно, и время измѣрялось болѣзненнымъ біеніемъ пульса его, раздраженнаго до страсти.

Бываютъ роковыя минуты въ жизни человека, имѣющія влияние на всю последующую жизнь. Это была одна изъ минутъ такой важности въ жизни выставленнаго на позорище читателю героя, что рассказчикъ полагаетъ необходимымъ, для объясненія обстоятельствъ, въ которыхъ находится теперь бѣдный молодой человекъ, взять точку отправленія гораздо ранѣе, начать колыбелью или двумя выше, а именно съ матери юнаго страдальца, и для болѣе отчетливости даже съ ба-

бушки его, блаженной памяти, Анны Петровны Поляновой. Изъ послѣдующаго будетъ какъ не лѣзя болѣе понятно то, что тяжкое состояніе духа юноши истекало непосредственно изъ этого родоначальнаго источника.

Трудную, однакожь, задалъ себѣ задачу повѣствователь, потому именно, что старушка Полянова представляетъ ему собою образецъ такой неразительный, такой обыкновенный, чтобы не сказать пошлый. Самыя черты лица ея обрисовывались вполне паспортными примѣтами, и до сихъ поръ не бывали обрисованы никакимъ инымъ способомъ. Покойному ея мужу, Прокофію Трофимовичу Полянову, никогда не пришло бы въ голову передать эти драгоценныя черты на память потомству.

Увѣковѣчить память свою въ потомствѣ—этотъ соблазнъ гордости человѣческой, въ отношеніи стариковъ Поляновыхъ, былъ абстрактъ, недостижимый ихъ понятіямъ. Прокофій Трофимовичъ, а равно и Анна Петровна не обременяли нравственныхъ силъ своихъ никакими отвлеченностями и почитали грѣхомъ задумывать въ даль и пытаться невѣдомое. Природа ли одарила ихъ духовнымъ зрѣніемъ какъ разъ на то пространство, которымъ замыкался горизонтъ ихъ дѣятельности, или, какъ бываетъ и съ зрѣніемъ очей тѣлесныхъ, неупражненіе сдѣлало ихъ недалновидными. Какъ бы то ни было, но личности Поляновыхъ не представляютъ по истинѣ ничего интереснаго для описанія.

Можно было бы, аналогически, назвать ихъ спутниками одного самостоятельнаго свѣтила, которое освѣщало и согревало ихъ, притягивая къ себѣ центростремительной силой зависимости, и держа въ почтительномъ отъ себя разстояніи центробѣжной силой своей значительности, потому что Прокофій Трофимовичъ занимался хожденіемъ по дѣламъ Авдотьи Дмитріевны Медвѣдовой, которая по справедливости и должна была считать себя благотворнымъ солнцемъ семьи своего невѣреннаго. Триста рублей ассигнаціями, или, по тогдашнему, монетою, годоваго жалованья, и условный участокъ съ выигрыша дѣла составляли законъ, по которому двигался этотъ маленькій міръ.

Прокофій Трофимовичъ писалъ для Авдотьи Дмитріевны письма и бумаги, ѣздилъ по ея порученіямъ на извозчикахъ, грабить въ пользу ея тротуары пешкомъ, и, не смотря на это, не могъ назваться собственно ходатаемъ, потому что это слово было для него слишкомъ громко; оно представляетъ сложный и обширный механизмъ, по которому гнутся и натягиваются невидимыя пружины, открываются невѣдомые пути, разставляются сѣти, захлопываются западни. Назначеніе Прокофія Трофимовича было гораздо смиреннѣе. Авдотья Дмитріевна занималась веденіемъ тяжбаго дѣла своего сама, употребляя созданнаго ею изъ праха Прокофія Трофимовича только исполнительнымъ орудіемъ.

Не время и не мѣсто здѣсь отвлекаться разсужденіями о способности женскаго смысла, изъ котораго вырабатываются агрономы, профессоры, стряпчіе и разныя другія личности, довольно покуда сказать, что, засѣдая въ кабинетѣ своемъ, Авдотья Дмитріевна, подъ кружевнымъ чепцомъ и взбитыми буклями, задумывала такія думы, располагала такими движеніями, которыя безъ сомнѣнія не приснились бы и во снѣ простодушному Прокофію Трофимовичу, и о которыхъ не знала ничего, да и не хотѣла ничего знать, жена его Анна Петровна, одогаваемая единственно заботами разныхъ приготовленій къ жизненному потребленію своего сожителя.

Многаго ли, казалось бы, требовала одна душа, да еще душа Прокофія Трофимовича, смиреннаго, невзыскательнаго, вѣчно занятаго, вѣчно усталаго, а между тѣмъ надо было видѣть, какихъ заботъ и хлопотъ стоилъ онъ хлопотливой и заботливой по природѣ Аннѣ Петровнѣ, вмѣстѣ съ неутомимой помощницей ея Акулиной. Колеса большихъ деревянныхъ часовъ, которыми измѣрялся токъ времени въ жилищѣ Поляновыхъ, не успѣвали двигаться за подвижными членами этой помощницы. Въ одно и тоже время звонкій голосъ ея раздавался во всѣхъ слояхъ воздуха, въ одинъ и тотъ же мигъ толстыя сизыя ноги ея измѣряли пространство отъ погреба до чердака — двухъ полюсовъ ихъ сферы. Въ ней, казалось, гнѣздилися какой-то неутомимый бѣсъ, который безпрерывно дергалъ ее за языкъ и двигалъ мощными ея мышцами. Эта чрезвычайная дѣятельность

Акулины, доходящая подь часть до совершеннаго немстоства, давала ей иногда видь страсти, рѣзко противорѣча степенной, всегда спокойной наружности Анны Петровны, слѣдящей за буйными порывами служанки, отъ которыхъ летѣли черепки, сыпались искры, плескались жидкости, раздавался трескъ и грохотъ, отъ которыхъ, однимъ словомъ, у Анны Петровны шла кругомъ голова, вплоть до самаго возвращенія домой съ утреннихъ похожденій Прокофія Трофимовича.

Съ его появленіемъ начиналось какъ будто разыгрываніе подготовленной пьесы, наступало самое торжество или празднованіе. Шелестъ шаговъ его, твердо вытверженный домашними, служилъ сигналомъ, по которому чаша являлась на заблаговременно накрытомъ столѣ, распространяя по комнатамъ ароматъ постныхъ или скоромныхъ щей.

Если Прокофій Трофимовичъ кушалъ съ большимъ противъ обыкновенія аппетитомъ, Анна Петровна ощущала пріятное удовлетвореніе самолюбія; если случалось ему признать по вкусу своему какое-нибудь произведеніе стряпнаго искусства Акулины, — Акулина не пропускала случая повеличаться передъ Анной Петровной. Во все продолженіе обѣда вниманіе обѣихъ женщинъ было сосредоточено на вкушающемъ и взоръ ихъ былъ прикованъ къ устамъ его, обѣ ловили мигъ, въ который онъ приходилъ къ концу хваленаго блюда, чтобы заблаговременно позаботиться о слѣдующемъ.

— Ну, неси скорѣй, — вскрикивала Анна Петровна, видя, что Прокофій Трофимовичъ зачерпывалъ послѣднюю ложку.

— Ну, не-су, — отвѣтствовала Акулина, такъ что у печки раздавался первый слогъ этого слова, а послѣдній вонзался въ самое ухо Анны Петровны.

— Скорѣй, живѣй, проворнѣй, — слышалось безпрестанно изъ устъ Анны Петровны, считавшей, по усердію своему, потерянными каждый мигъ, въ который Прокофій Трофимовичъ рѣшался перевести духъ.

Когда Прокофій Трофимовичъ вставалъ изъ-за стола, и, поглаживая по поверхности желудка, изъяснялъ полное удовлетвореніе, Акулина, зная наперечетъ обычай господъ

своихъ, торопилась взбить пуховики и приготовить все къ послѣ-объеденному отдыху супруговъ.

Анна Петровна ложилась также, но какъ будто только для того, чтобъ убаюкать балованное дитя. Едва звучное храпѣніе Прокофія Трофимовича начинало переходить отъ тонкаго посвиста къ аккордамъ болѣе звучнымъ, она тихо вставала съ постели, чтобъ лично осведомиться о вечернемъ самоварѣ. Эта забота никогда не позволяла ей задремать спокойно.

— Акулина, не пора ли ставить самоваръ?—спрашивала она, тихо прокравшись и осторожно отворяя дверь, чтобъ скрытъ не разбудилъ Прокофія Трофимовича.

— Успѣю поставить,—отвѣчала она съ нѣкоторою свойственной характеру ея острою.

— Ори потише, безтолковая! не знаешь что-ли, что баринъ почиваетъ!—замѣчала шопотомъ Анна Петровна.

Но удовлетворяя потребности вѣчно свербящаго языка, Акулина преуспѣвала въ отговоркахъ.

— Бога ты не боишься,—начинала усовѣщивать ее Анна Петровна,—баринъ проснется, а ты самоваръ ставить примешься! ждешь что-ли будетъ онъ твоего самовара?

И Анна Петровна продолжала свои увѣщанія, не теряя терпѣнія до тѣхъ поръ, покуда наконецъ, проникнутая безпокойствомъ госпожи своей, чтобы баринъ въ самомъ дѣлѣ не заждался, Акулина принималась за дѣло.

Стѣилъ ли такихъ попеченій Прокофій Трофимовичъ, или Анна Петровна удовлетворяла собственной потребности, принадлежа, по устройству своему, къ небольшому числу людей, созданныхъ, такъ сказать, не въ свою собственную пользу, рожденныхъ съ необходимостію изливаться на какой-нибудь посторонній предметъ. Эта необходимость имѣетъ нѣкоторое сходство съ значеніемъ въ грамматикѣ дѣйствительнаго глагола, дѣйствіе котораго непременно обращается на другой предметъ, олицетворенный теперь передъ нашими глазами въ образѣ Прокофія Трофимовича, который въ отношеніи Анны Петровны былъ, что называется, глава и мужъ. Она подчинялась ему по велѣнію Апостола и уважала его не столько по достоинствамъ, сколько по долгу уваженія.

Это благое чувство вызывало въ ней снисходительность къ его недостаткамъ, и было двигателемъ крайне тонкихъ поступковъ.

Такъ, напримѣръ, въ дни праздничные и свободные отъ занятій, когда, скучая непривычнымъ досугомъ, Прокофію Трофимовичу случалось, противъ обычая, учащать свои направленія къ окошку, гдѣ на солнышкѣ совершенствовалась неизсякаемая ведерная бутылъ желудочной, Анна Петровна слѣдящая съ нѣкоторымъ безпокойствомъ за движеніями мужа своего, старалась въ эти дни накрывать на столъ ранѣе обыкновеннаго, и этой стратегіей ускоряла спасительный часъ послѣобѣденнаго сна.

По примѣру госпожи своей, Акулина предавалась тому же инстинкту, и закоснѣла въ немъ тѣмъ болѣе, что природа, невнимательная къ физическому челоуѣку ея, или слишкомъ заботливая о нравственномъ, надѣлила ее наружностью предохранительною отъ искушеній всякаго другаго инстинкта. Размышляющіе о душевной анатоміи называютъ такого рода психическія явленія мудренными, иногда поэтическими, названіями. По нашему незатѣливому сужденію, это было то старое доброе родсвенное чувство, которое связывало во время-оно дѣмочадца съ домовладыкою, и о которомъ стало какъ-то совѣстно говорить въ нашъ вѣкъ взаимныхъ отношеній, основанныхъ единственно на взаимныхъ расчетахъ и взаимныхъ выгодахъ.

Какъ бы то ни было, но чета Поляновыхъ, не принадлежавшая къ нашему времени, незаметно и нечувствительно типуюла жизнь свою. Въ одномъ и томъ же порядкѣ смѣнялись дни за днями, представляя суровую, но гладкую нить, на которой судьба не нанизала цвѣтнаго бисера, но за то не взѣрошила путаницей и не затянула узлами.

Такое прошедшее не стоило бы, конечно, воспоминанія, если бы оно не имѣло неразрывной связи съ послѣдующимъ, и если бы Прокофіи Трофимовичъ и Анна Петровна не произвели на свѣтъ матери нашего героя, о которой, какъ о неразрывномъ звѣнѣ двухъ поколѣній, необходимо имѣть понятіе.

Необходимо знать, что въ первые годы брачной жизни своей, Анна Петровна ежегодно дарила мужа своего сыномъ

или дочерью; но волею неисповѣдимаго Промысла, по какому либо-нибудь гибельному началу, таившемуся въ недрахъ матеря, или по недостатку, или по излишеству попеченій, смерть похищала младенца вслѣдъ за рожденіемъ, оставляя по немъ горе, которое изглаживалось только новой надеждой.

Такое постоянное, столько разъ сряду повторившееся несчастье, вошло, такъ сказать, въ организмъ этой постоянно-однообразной жизни, и стало уже казаться чѣмъ-то определеннымъ и неизбежнымъ. Покорные долгу своей, супруги, казалось, обрѣли уже привычку платить безропотно эту тяжкую дань духу разрушенія, и за такую покорность судьба, въ свое время, вознаградила ихъ рожденіемъ прекрасной дочки Настеньки, которая, не по примѣру своихъ предшествующихъ сестеръ и братьевъ, съ каждымъ днемъ крѣпла и процвѣтала.

Прокофій Трофимовичъ, Анна Петровна и Акулина, какъ-будто не доверяя глазамъ своимъ, смотрѣли на нее съ трепетнымъ изумленіемъ, и надо было видѣть, сколько новой чрезвычайной суеты, сколько толковъ и хлопотъ принесло съ собою подъ мирный кровъ ихъ это крошечное созданіе. Каждый придумывалъ свое, спорилъ и умничалъ, смѣняя одно изобрѣтеніе другимъ, и все то, что неопытность и усердіе могутъ внушить любви нелѣпаго и смѣшнаго, приводилось въ исполненіе надъ маленькимъ идоломъ, на которомъ вдругъ сосредоточилось все вниманіе и заботы, расточаемыя до сихъ поръ единственно въ пользу Прокофья Трофимовича. Но онъ не оскорблялся этой измѣной и самъ былъ однимъ изъ первыхъ ревнителей.

— Сварите-ка ей кашку!—говорилъ онъ, толкаясь около люльки и пуще всего заботясь о томъ, чтобы ребенокъ былъ сытъ.

— Вотъ, выдумали: кашку! — возглашала Акулина, — вы бы еще щами дитя напичкали!

— Щами, таки щами! — поддерживалъ свое Прокофій Трофимовичъ, — Настеньку я буду по солдатски воспитывать, будетъ она у меня вѣтъ щи и кашу.

— Пошло вамъ загадывать-то, — раздавался голосъ Анны

Петровны, — во всемъ воля Божія, какъ Богу угодно, такъ и будетъ.

— Дайте срокъ, — продолжалъ отецъ, не обращая вниманія на богобоязненное замѣчаніе матери, — дайте срокъ, а Настеньку по своему на ноги поставлю.

— Ужъ вамъ бы все только по своему! — вступалась, забывая должное почтеніе, Акулина.

— Да ужъ дайте ей только на ноги подняться, я и васьто съ нею перешколю.

Прокофій Трофимовичъ говорилъ это безъ сердца. Строгость его была мягкая, робкая, готовая уступить первому громкому возгласу Акулины, которая очень хорошо это понимала.

— И что вы по сю пору въ халатъ-то прохлаждаетесь, — возглашала она укоризненно, — фракъ вашъ я давнымъ давно вычистила, чай пора вамъ идти къ должности.

Прокофій Трофимовичъ хоть и постигалъ всю справедливость замѣчаній Акулины, но тѣмъ не менѣе, не желая уронить своего достоинства, начиналъ собираться медленно, какъ-бы умъшленно проволакивая время и не переставая дѣлать своихъ предположеній на счетъ Настеньки.

Противъ обыкновенія Аннѣ Петровнѣ становилось какъ-будто легче въ отсутствіи Прокофія Трофимовича. Тогда, по крайней мѣрѣ, ей предстояло бороться съ одной Акулиной, усердіе которой требовало немаловажныхъ сопротивленій. Она, то не находила довольно удобнаго мѣста для люльки дитяти и возила ее изъ угла въ уголъ комнаты, то такъ ее раскачивала, что сердце бѣдной матери замирало отъ страха; то неуклюжими, привычными къ тяжкимъ носамъ, руками, такъ богатырски обращалась съ маленькимъ сокровищемъ, что внушала всякія за него опасенія пугливому воображенію Анны Петровны.

У семи нянекъ, говорятъ опытные люди, дитя бываетъ всегда безъ глаза; но какъ-будто вопреки старой пословицы, отъ сложныхъ заботъ малютка возрастала благополучно. Можетъ быть, виною такого противорѣчія было то, что няньки собственно у ребенка не было ни одной. Акулина и въ этой обязанности, какъ во всемъ прочемъ, была только помощ-

ницей Анны Петровны; заботы же отца и матери, по природѣ естественныя, были по природѣ благотворны.

Трудно себя представить впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ трехъ попечителей первой улыбкой младенца; а за первый зубъ ея Прокофій Трофимовичъ пожаловалъ Акулину полтину—сумму въ ихъ быту немаловажную. Когда же, ровно къ году, Настенька встала и пошла прямо въ растопыренныя передъ ней руки Акулины, торжество родителей было неописанно.

Нѣсколько лѣтъ непрерывной животрепещущей радости, возрастающей съ каждымъ признакомъ развитія малютки, мелькнули незамѣтно; неуспѣли опомниться, а дитя уже залепетало, и мало по малу, послѣ тѣлеснаго вскармливанія ребенка, началось такъ называемое нравственное его воспитаніе, которое, также какъ сами Поляновы, какъ и вся жизнь этой простой семьи людей обыкновенныхъ, шло такимъ простымъ, естественнымъ, обыкновеннымъ порядкомъ, что воспитатели, по истинѣ, сами того не замѣчали. Анна Петровна вовсе не подозрѣвала, что учила Настеньку, когда, сложивъ пальчики ея, творила на челѣ младенца крестное знаменіе; дитя, въ свою очередь, не знало, что учится, когда, глядя на молящуюся мать, подражало ея земнымъ поклонамъ, или когда, стоя чинно у обѣдни подлѣ Акулины, подходило съ ней подъ выносъ и набожно склоняло голову. Не знало дитя, что учится, когда слѣдило безсознательно ребячьимъ взглядомъ своимъ за порядкомъ, въ которомъ совершался уставъ несложнаго домашняго житія ихъ. Она однако училась: испытывая на себѣ любовь старшихъ, училась любить и воздавать за любовь благодарностію, училась приветствовать входящаго подъ убогій кровъ ихъ, глядя, какъ усердно принимала Анна Петровна гостей, имѣя въ запасъ про каждого изъ нихъ на каждый часъ какой-нибудь особенный обрядъ угощенія. Для утреннихъ посѣтителей она варила кофе и наставляла вторично никогда неотвергаемый самоваръ; за обѣдомъ просила не побрезгать тѣмъ, чѣмъ Богъ послалъ на ту пору; по полудни выставляла на блюдахъ батарею колониальныхъ товаровъ ближней лавочки, а въ вечеру являлся тотъ же всегда блистательный, весело журчащій самоваръ.

Самоваръ, какъ домашній очагъ древнихъ, служилъ постоянно центромъ соединенія. Въмѣстѣ съ синимъ паромъ клубились надъ головами распивающихъ ихъ грезы, и тутъ же рокотали разговоры, впрочемъ такіе не глубокомысленные, не впечатлительные и не раздражительные, что благонамѣренный стенографъ посовѣстился бы передать ихъ, зная требовательность своего вѣка. Эти разговоры оставляли мыслительность ребенка въ неразвитіи, какъ дѣвственную почву; изъ нихъ ни чему не научилась бы малютка, но въ замѣнъ, вникая наглядно во всѣ тайны домоводства, во всѣ порядки, по которымъ идетъ время и удовлетворяетъ потребностямъ житейскимъ, Настенька усвоивала опытъ старшихъ, какъ-будто готовую прожитую науку жизни, которую ей стоило только, по мѣрѣ возможности, продолжать на томъ же основаніи, на которомъ продолжается жизнь вообще и каждый отдѣлъ ея въ собственности, какъ безостановочное движеніе впередъ и вѣчно впередъ.

Неизвѣстно, на какую степень подвинула бы впередъ Настенька опытъ ея предшественниковъ, потому что обстоятельства вдругъ перемѣнились и опрокинули прежній ходъ дѣла.

II.

Это былъ памятный, отмѣченный судьбою день, въ который однако взошло солнце какъ-будто привѣтнѣе обычнаго; улыбаясь въ окна квартирки Поляновыхъ, лучи его какъ-будто ярче и веселѣе играли въ янтарной влагѣ въ вышеупомянутой бутылки. Котъ-васька, вѣрный другъ и сверстникъ Настеньки, лежалъ мурлыча и нѣжа старыя кости свои на томъ же солнцѣ, слѣдя лѣпиво моргающими глазами за движеніями хозяевъ своихъ, поджидающихъ возвращенія Прокофія Трофимовича, который съ нѣкотораго времени сталъ опаздывать, а иногда и вовсе не приходитъ къ обѣду. Причиною такой со стороны его неакуратности было непомѣрное умноженіе трудовъ по извѣстному дѣлу Авдотьи Дмитріевны Медвѣдовой.

Тяжба, которою занимался Прокофій Трофимовичъ подъ начальствомъ своей покровительницы, принадлежала къ отдѣлу такихъ тяжбъ, которыя получаютъ и передаются въ наслѣдіе; онъ, какъ снѣговья глыбы, срываемаыя съ вершины, катятся по безпредѣльному склону и постепенно возрастають громадами. Эта тяжба несла въ нѣдрахъ своихъ несмѣтныя сокровища. Когда случалось Прокофію Трофимовичу дѣлать выводъ и высчитывать проценты свои съ предстоящаго выигрыша, перо его содрогалось надъ итогомъ, и онъ самъ содрогался и глядѣлъ на невѣроятную цыфру, какъ-будто страхась демонскаго навожденія.

Въ тотъ день, о которомъ упомянули мы, маленькая семья ходатая, прождавши его понапрасну къ обѣду, стала съ возрастающимъ нетерпѣніемъ поджидать къ самовару, который утратилъ, казалось, въ отношеніи Прокофія Трофимовича, силу своего притяженія, и Анна Петровна рѣшилась приступить къ нему въ одиночествѣ. Смутныя думы проносились по ея челу, на которомъ зыбко отражался свѣтъ горящаго огарка, давно уже смѣнившаго дневное свѣтло. Потупивъ взоръ въ налитое наравнѣ съ краями блюдечко, Анна Петровна молча прихлебывала изъ него, все еще чутко прислушиваясь къ знакомому шелесту шаговъ. Въ глубинѣ сцены, въ полумракѣ, сидѣли рядомъ на скамьѣ Акулина и Настенька, за тѣмъ же занятіемъ и такъ же безмолвно. Только звукъ шипящаго самовара и раздающіяся отъ времени до времени угрызения кусковъ сахара, употребляемыхъ расчетливо, нарушали тишину; даже котъ-васка лежалъ недвижно, какъ мертвый, у ногъ дитяти; даже дитя, какъ-будто подъ вліяніемъ роковой минуты, замолкло и присмирѣло.

Среди этой, если можно такъ выразиться, гармонической тишины, Прокофій Трофимовичъ подкрался такъ нечувствительно и заглянулъ въ дверь съ такимъ необычнымъ выраженіемъ лица, что Анна Петровна невольно вскрикнула, плеснувъ съ блюдечка на колѣна.

— Съ нами крестная сила, — сказала она перекрестившись.

Этотъ признакъ испуга размѣшилъ Прокофія Трофимовича; онъ казался въ чрезвычайно хорошемъ расположеніи духа; но

необыкновенная сгъщливість его въ недобрый этотъ часъ крайне не понравилась Аннѣ Петровнѣ, и она какъ-будто разсердилась.

— А я съ добрыми вѣстями, — сказалъ, нахохотавшись до сыта и подсывъ къ столу, Прокофій Трофимовичъ, не замѣчая или не желая замѣтить нерасположенія Анны Петровны.

— Съ какими это, батюшка, вѣстями? — нѣсколько раздражительно спросила она.

— Съ такими вѣстями, что тебѣ и во снѣ бы не пригрезилось: сидѣла да высидѣла, спала да выспала счастье.

Это въ простотѣ сказанное слово показалось Аннѣ Петровнѣ какъ-будто укоромъ.

— Не мыкаться же мнѣ за тобою, мой батюшка, — сказала она, — сию, известно, потому что мое дѣло женское.

— Да развѣ я говорю вамъ что-нибудь такое, матушка моя Анна Петровна? Да вы лучше выслушайте, а тогда ужъ и говорите, — возвысивъ голосъ, замѣтилъ Прокофій Трофимовичъ.

— Что жъ слушать-то; коли есть что, такъ говорите, — смягчась и любопытствуя, прибавила Анна Петровна.

— То-то и есть; изволите ли видѣть, Анна Петровна, что Авдотья Дмитріевна, крестная мать нашей Настеньки, захотѣла быть для нее родною матерью. Авдотья Дмитріевна захотѣла очастливить крестницу свою великими милостями.

— Какія жъ это, сударь, милости? имѣнье что-ли какое записала она барышнѣ? — спросила Акулина.

— Имѣнье дѣло наживное, — вымолвилъ, принявъ серьезный тонъ, Прокофій Трофимовичъ, — говорится же, что глупому сыну не въ помощь богатство. Авдотья Дмитріевна жалуется Настеньку сокровищами нетлѣнными, она отдастъ ее на собственный коштъ въ пансіонъ благородныхъ дѣвиць. Слышишь, старуха? въ пансіонъ благородныхъ дѣвиць!

— Въ пансіонъ! — вскрикнула Анна Петровна.

— Въ пансіонъ? — вскрикнула Акулина.

— Въ пансіонъ благородныхъ дѣвиць, — повторилъ Прокофій Трофимовичъ.

— Что жъ это такое? куда жъ это, батюшка, отдаетъ она барышню?—спросила, ничего не понимая, Акулина.

— Говорятъ тебѣ, что въ пансіонъ благородныхъ дѣвицъ.

— Въ какой пансіонъ, и за чѣмъ въ пансіонъ? — робко проговорила, внѣ себя отъ изумленія, Анна Петровна.

— Какъ за чѣмъ? Наукамъ обучаться.

— А Иванъ-то Ларіоничъ развѣ не науки читаетъ съ Настенькой? — сказала Акулина.

— Ну что ты суешься съ своимъ Иваномъ Ларіоновичемъ! — перебилъ ее Прокофій Трофимовичъ, — его науки на мѣдныя деньги: часословъ да псалтырь. Тому ли обучаютъ въ пансіонъ барышень.

Анна Петровна задумалась; Акулина умолкла, взглянула на свою барыню, которая взглянула также на нее обратно, и обѣ какъ-будто спрашивали другъ у друга объясненія.

— И мама и Акулинушка со мной въ пансіонъ пойдутъ? — спросила Настенька, прервавъ молчаніе.

— Мама и Акулина дома останутся, — сказалъ отецъ несовсѣмъ твердымъ голосомъ.

— Дома останемся! а тебя съ рукъ сбудемъ! — заговорила опять, видимо недовольная доброй вѣстью, Акулина.

— Будемъ брать тебя домой по праздникамъ, — въ утѣшеніе прибавилъ Прокофій Трофимовичъ.

— Слышишь ли, домой по праздникамъ! — продолжала Акулина, не унимаясь, — стало-быть домой-то она въ гости ѣздитъ будеть? вотъ они чудеса какія!

— Вы это правду говорите, или только шутите? — спросила, недоверяющая ушамъ своимъ, Анна Петровна.

— Да какія жъ шутки, матушка!

Анна Петровна заплакала, Настенька также, глядя на мать, расплакалась, Акулина взвѣла на взрыдъ.

— И это не стыдно вамъ, Анна Петровна, съ толку сбивать ребенка! — прикрикнулъ Прокофій Трофимовичъ, — судьба Настенькѣ посылаетъ счастье, а мы съ вами, какъ путные отецъ съ матерью, должны радоваться да вѣчно молить Бога за благодѣтельницу нашу Авдотью Дмитріевну; она и теперь, по милости своей, что называется, поитъ и кормитъ насъ, и

впередъ не оставить. «Потрудись, говорить она, матушка ваша, и уповай на меня какъ на каменную стѣну; до сихъ поръ, говорить, мы съ тобой сложа руки сидѣли, а вотъ теперь только за дѣло примемся; а ты не тяготись, говорить, не на меня одну—и на себя работаешь: какъ Богъ пошлетъ кончить дѣло, такъ и твоя Анна Петровна, говорить, разъѣзжать будетъ въ каретахъ.» Слышишь ли, жена, разъѣзжать будешь въ каретахъ,—прибавилъ онъ, усмѣхаясь и ласково похлопавъ Анну Петровну по плечу,—и тебя занесетъ нелегкая въ карету!

— Ужъ подлинно, что развѣ нелегкая занесетъ!—проговорила Анна Петровна, не совершенно вникая въ смыслъ краснорѣчія Прокофія Трофимовича.

— То-то же, такъ вы и знайте, что все это дѣлаетъ для насъ Авдотья Дмитріевна. Ты старѣй человѣкъ, тебѣ что! Какъ надвнешъ лисій салопъ да выйдешь въ церковь, такъ тебя всякій уважить, а Настенькъ къ салопу—то еще кое-что потребуется. Ужъ коли нарядилась барышней, такъ и выступай барышней! «Помни, говорить Авдотья Дмитріевна, Прокофій Трофимовичъ, что Настенька твоя не безприданница, судьба можетъ послать ей случайнаго человѣка; такъ къ случаю-то ей необходимо воспитаніе.» — «Гдѣ-жъ, говорю, намъ Авдотья Дмитріевна; доходы наши вамъ извѣстны: три-ста рублей въ годъ, что получаемъ отъ васъ—жена, дочь,—пить, ѣсть хотять, одѣться нужно.» — «Не тужи, говорить, хлопотъ у тебя удвоилось, такъ и благодарности моей удвоиться слѣдуетъ! Поищи-ка, мой почтенный, пансіончика, гдѣ бы въ годъ еще рублей за триста помѣстить нашу Настеньку. Я беру ея воспитаніе на собственный коштъ.» Такъ вотъ вы, Анна Петровна, слушайте; а я ужъ такъ и положилъ, чтобъ домой не возвращаться, покуда не улажу всего дѣла; и уладилъ: отыскалъ пансіонъ, такой, какъ слѣдуетъ, и хоть поломалась мадамъ, ну да триста рублей, какъ ни говори, дѣло не шуточное!

Никогда еще въ жизни Прокофій Трофимовичъ не произносилъ такой длинной рѣчи; слушатели его, казалось, убивались; но вмѣстѣ съ этимъ убѣжденіемъ, у всѣхъ, неисклю-

чая самаго Прокофія Трофимовича, налегла на сердце необъяснимая тоска.

И легко ли было въ самомъ дѣлѣ подумать разстаться съ Настенькой. Всхлопоталась пуще прежняго Анна Петровна, снаряжая дѣвочку, всхлопоталась такъ, что прошло около двухъ недѣль, а и половины дѣла не передѣлала; однако, сколько ни откладывали и ни оттягивали времени, все же наступилъ тотъ тяжкій день, въ который слѣдовало везти изъ дому свое сокровище.

Анна Петровна встала ранѣе обыкновеннаго, пошла въ церковь, отслужила молебенъ, порядочно таки поплакала и дома въ тихомолку, чтобъ не разтревожить Прокофія Трофимовича, и въ церкви; а про Акулину и говорить нечего.

— Уймешься ли ты, — говорила ей Анна Петровна, — легче мнѣ твоего что-ли!

Но Акулина не унималась, утирая фартукомъ слезы и расчесывая блокурья косички Настеньки, которая, въ ожиданіи чего-то новаго, неизвѣстнаго, смотрѣла съ любопытствомъ, какъ будто желая только поскорѣй узнать, что съ нею хотятъ дѣлать.

— Голубушка ты наша! — причитала надъ нею усердная няня, — прискучила видно ты намъ, красное наше солнышко!... перестала видно Акулина радѣть о тебѣ!... Такъ вотъ родные твои отецъ съ матерью и взяли тебя съ негодныхъ рукъ ея: не дитя, молъ, наше нянчить тебѣ, а кота-ваську!... холь да лелѣй его!... — И такъ продолжала она до тѣхъ самыхъ поръ, покуда послали ее за извозчикомъ, за калиберными дрожками, обычнымъ лѣтнимъ экипажемъ Поляновыхъ, который, въ ожиданіи будущихъ каретъ, весьма нравился Настенькѣ.

Усаживая питомицу свою, въ горькомъ настроеніи духа, Акулина побранилась съ извозчикомъ.

— Какая ты буянка, Акулина! никому-то на свѣтъ отъ тебя нѣтъ покоя, — замѣчала ей, ни въ какомъ случаѣ не выходящая изъ себя, Анна Петровна. Но Ванька двинулся, и стоявшіе на крыльцѣ Прокофіи Трофимовичъ и рыдающая няня Настеньки проводили отъѣзжающихъ, напутствуя ихъ благословеніемъ.

III.

Пансіонъ мадамъ Гризель былъ какъ многіе пансіоны.

Когда такъ называемый швейцаръ доложилъ содержательницѣ о томъ, что прѣехала госпожа Полянова, и когда, въ слѣдъ за этимъ докладомъ, вошла, робко ступая по новой неизвѣстной тропѣ, Анна Петровна, ведя малютку своею за руку, мадамъ Гризель, окинувъ ихъ опытнымъ взглядомъ, и не привставъ съ мѣста, показала на два дальнихъ стула, продолжая разговоръ съ сидящимъ съ нею господиномъ, на чуждомъ для прішедшихъ нарѣчій.

Анна Петровна чувствовала что-то необъяснимое, какъ будто кровь застыла у ней въ жилахъ. Молча смотрѣла она пристально, въ трепетномъ ожиданіи, и вслушивалась въ непонятную рѣчь, которая лилась водопадомъ, и казалось, не могла ни оскудѣть, ни изсякнуть. Сердце замирало въ груди бѣдной матери; къ ней, какъ испуганная птичка, прижалась Настенька.

Битыхъ полчаса продолжалось это испытаніе. Наконецъ изъ внутреннихъ дверей покоя вышло довольно некрасивое существо въ пансіонской униформѣ, исправляющее, по видимому, въ заведеніи должность драгомана. Поговоривъ съ содержательницей, оно въ короткихъ словахъ передало Аннѣ Петровнѣ объясненіе въ томъ, что мадамъ Гризель по-русски говорить не умѣетъ, что ей теперь нѣкогда; но что дочь ея можетъ остаться, и что ее тотчасъ же отвѣдутъ въ классы.

Этотъ неожиданный пріемъ такъ смутилъ Анну Петровну, что, совершенно растерявшись, она сдала на чужія руки дочь свою, и съ нею фунтъ цвѣточнаго чаю, которымъ намѣревалась задобрить будущую ея покровительницу. Такъ велико было ея смущеніе, что, едва простившись съ ребенкомъ, она выбѣжала, какъ будто кто-нибудь далъ ей въ спину добрый толчекъ.

Можно себѣ представить, каково было Аннѣ Петровнѣ возвращаться домой, и какъ опустѣла квартира Поляновыхъ съ отсутствіемъ Настеньки, и какъ долго печальной матери все какъ-будто чудилось, что малютка дома, что вбѣжить она

по обыкновенію въ ту или въ другую дверь. Долго еще продолжала съговать и Акулина о томъ, что въ пансіонъ барышню Богъ знаетъ чѣмъ кормить стануть, и что дитя стоскуется и занеможетъ. Одинъ только Прокофій Трофимовичъ свосилъ стончески тоску разлуки, принимая въ соображеніе нользу дочери. Все это можно какъ нельзя лучше себѣ представлять, а также точно и то, какое дѣвочка могла получить въ пансіонѣ образованіе, гдѣ, послѣ долгаго торгу, мадамъ согласилась принять воспитанницу за триста рублей ассигнаціями въ годъ.

Изъ этой цѣпры можно ясно заключить, что пансіонъ мадамъ Гризель клонился уже къ той степени паденія, когда единственно въ намѣреніи протянуть еще нѣсколько времени до окончателнаго рушенія, берутъ уже кого-попало и за какую бы то ни было цѣну. Но за то въ цвѣтущее время въ заведеніи мадамъ Гризель было все какъ слѣдуетъ, быть не скудный комплектъ учителей и учительницъ, классныхъ дамъ и надзирательницъ, и сверхъ того тѣма просвѣщенія, такая тѣма, что никакая человѣческая память не въ силахъ была бы вмѣстить пропорціи задаваемыхъ ежедневно по каждому предмету уроковъ; никакого времени не хватило бы даже на то, чтобъ прочесть все внимательно. Неминуемымъ слѣдствіемъ этого избытка было то, что, не имѣя возможности изучать многое, дѣти не учились почти ничему. Что же касается до самой сущности, то есть до самаго заведенія, въ немъ было все какъ водится: и приличное помѣщеніе, и распределенные часы занятій, и наградныя кокарды, и торжественные экзамены, и призы, и похвальные листы, и даже дѣтскіе спектакли и балы.

Были даже между воспитанницами двѣ такія, которыя имѣли свой большой авторитетъ въ маленькомъ мірѣ по экипажамъ, въ которыхъ привозили ихъ, и по рассказамъ, которые привозили онѣ въ этихъ экипажахъ, послѣ каждой праздничной поѣздки домой. Эти рассказы отуманивали въ глазахъ прочихъ ученицъ страницы книгъ и тетрадей, роились въ маленькихъ головкахъ чудными мечтами, и даже грезились имъ во снѣ.

Въ пансіонѣ мадамъ Гризель, какъ и во всякомъ пансіонѣ, были также пансіонскія тайны, которыя, подобно тайнамъ Парижа и Лондона, отъ безконечнаго повторенія, стали не тайнами до пошлости, и о которыхъ слѣдовательно не стоить и упоминать.

Однакожь, въ такія тайны не скоро могла проникнуть простодушная Настенька. Она проплакала всю ночь на своемъ печальномъ новосельѣ; звала сквозь одолювающій сонъ и мать свою и Акулину; нѣсколько дней не могла ничего ѣсть, — пансіонскій супъ былъ ей не по душѣ. И такъ протянулась цѣлая недѣля; въ вечеру же перваго воскресенья, которое провела она опять дома дорогой гостей, ее едва уговорили возвратиться.

Но во всемъ труденъ только первый шагъ. Мало по малу обошлось дѣло. Насмѣшки насмѣпливыхъ подружекъ, ласки ласковыхъ, угрозы попечительницъ, принудили наконецъ дѣтское сердце свыкаться съ первымъ горемъ и заставляли находить въ этой общественной жизни какой-нибудь замѣнъ тѣснаго кружка семьи. Теплоту роднаго гнѣзда начали по немногу замѣнять веселая безпечность и удалство, свойственныя общительности. Настенька стала незамѣтно принимать складъ и ладъ своей собратьи, и скоро проявилась въ ней своего рода самостоятельность и умѣнье вести себя и ограждать собственными средствами.

Образованіе шло своимъ порядкомъ. Но понятіе объ образованіи такъ условно и неопредѣленно, мнѣніе объ немъ такъ различно, что по истинѣ становится не возможно сказать что-либо за или противъ. Образованіе всегда измѣняется, сообразуясь не только съ страной и климатомъ, съ свойствами каждаго народа и каждой личности, не только съ мѣстомъ, но и съ временемъ. Каждое поколѣніе и каждая эпоха имѣетъ свое образованіе.

Въ срединномъ царствѣ, въ подсолнечной имперіи, въ Китаѣ, на примѣръ, образованіе младенца начиналось еще въ утробѣ матери.

«Въ древнія времена, пишутъ мудрецы ихъ, женщины, почувствовавъ зачатіе, не сидѣли склонившись, не ложились

« скорчась, ходили правильно, не смотрѣли на отвратительные
« предметы, не слушали непристойныхъ словъ, не говорили
« вельпостей, не употребляли прихотливыхъ яствъ; но всегда
« соблюдали усердіе и почтеніе къ родителямъ, дружелобіе
« къ младшимъ, доброжелательство къ ближнимъ, и это было
« причиною того, что дѣти отъ нихъ рождались съ высокими
« дарованіями и превосходили прочихъ мудростію и добродѣ-
« телями. Какъ скоро дитя было въ состояніи брать пищу,
« то учили его брать правою рукою, — это служило залогомъ
« того, что въ будущности человекъ долженъ пріобрѣтать все
« правотою. Когда дитя въ состояніи было говорить, ему не
« позволяли картавить, ибо твердый и ясный выговоръ свой-
« ственъ природѣ, а нечистымъ неяснымъ языкомъ говорить
« ложь. Когда дитя было въ состояніи ходить, его учили раз-
« познавать четыре страны свѣта, *верхъ* и *низъ*, и наблюдая во
« всемъ строгую постепенность, ему называли четыре времени
« года, пять стихій, пять добродѣтелей, шесть родовъ хлѣба,
« шесть домашнихъ животныхъ, семь ощущеній, восемь зву-
« ковъ музыки, девять колѣнъ родства », и пр.

Но это способъ обученія Китайцевъ. О томъ же, что преподавалось въ пансіонѣ г-жи Гризель въ блистательную его эпоху, было бы безъ сомнѣнія любопытно доставить самья даже подробныя свѣдѣнія; но такъ какъ время, о которомъ говоримъ мы, не было уже блистательнымъ временемъ, то слѣдовательно все предыдущее и не подлежитъ краткому нашему отчету.

Самое же замѣчательное обстоятельство, о которомъ не премѣнно слѣдуетъ упомянуть, состоитъ въ томъ, что какъ ни шатко и ненадежно казалось уже упомянутое заведеніе, во оно, какъ будто особеннымъ распоряженіемъ судьбы, под-держивалось независящими ни отъ кого средствами и тянулось еще столько времени, сколько было необходимо на признаніе образовавія юной Поляновой оконченнымъ; это былъ догорающій свѣтъ-ильникъ, томящій невѣрнымъ, тощимъ свѣтомъ своимъ, но какъ будто невидимой силой неугасающій. Это было изсякновеіе жизни, которая едва держится за брвенную плоть и терзаетъ окружающихъ страхомъ и надеждою.

Давно уже иллюстрированные изъ преподавателей сѣнились другими, гораздо менѣе цѣнными, и эти послѣдніе, нерѣдко отлучаясь отъ постовъ своихъ, и оставляя часы свои праздными, предоставляли пансіонеркамъ руководствоваться системою взаимнаго обученія, до части разныхъ пансіонскихъ преданій и разныхъ собираемыхъ, гдѣ случалось, свѣдѣній. Этою системою молодья особы научались многому приуготовительному къ жизни, и оказывали замѣчательныя и быстрые успѣхи.

Этою же системою въ непродолжительномъ времени научилась Настенька понимать различіе воздуха, наполнявшаго стѣны бѣдной квартирки ея родителей, отъ воздуха, которымъ дышутъ люди въ стѣнахъ другихъ домовъ, и непосредственно за тѣмъ начала понимать разстояніе, на которое отодвигалась она незаметно въ понятіяхъ своихъ отъ понятій Прокофія Трофимовича и Анны Петровны. Подобно растенію, отторгнутому отъ роднаго корня и пересаженному, она стала чужаждно вбирать въ себя соки другой почвы и перерождаться.

Подростая и цивилизуясь, Настенька разцвѣтала какъ пышный цвѣтокъ, на радость стариковъ своихъ; даже сама Авдотья Дмитріевна казалась довольною успѣхами своей крестницы. Въ знакъ этого удовольствія, она брала ее къ себѣ на вакаціонное гощеніе, оказывая тѣмъ великую честь и несомнѣемое расположеніе повѣренному своему Прокофію Трофимовичу.

Здѣсь, въ укромномъ уголку старинной гостиной, дѣвушка имѣла удовольствіе просиживать цѣлыя долгіе лѣтніе дни надъ бисерной или надъ шерстяной работою, въ такомъ уединеніи, о которомъ трудно составить себѣ понятіе. Но при томъ родѣ жизни, когорый вела крестная мать ея Авдотья Дмитріевна, оно и не могло быть иначе. Въ продолженіи многихъ уже лѣтъ, Авдотья Дмитріевна проводила всѣ утренніе часы дня въ поѣздкахъ, не уставая всходить и сходить по лѣстницамъ и не женируясь корсетомъ, въ который заключала себя тотчасъ по пробужденіи, и съ которымъ не могла разстаться до поздняго вечера, по случаю вѣчнаго ожиданія раз-

ныхъ дѣловыхъ посѣтителей. Съ ними затворялась она въ рабочемъ кабинетъ своемъ, забывая на ту пору не только о существованіи дочери Поляновыхъ, но и о родномъ и единородномъ сынѣ своемъ Викторѣ, въ пользу котораго посвятила она тяжбы трудамъ свою безотрадную, съ юныхъ лѣтъ вдовью, жизнь.

Само собою разумется, что Викторъ Павловичъ въ свободныя и удобныя минуты приходилъ дѣлать уединеніе Настеньки. Онъ находился въ той самой порѣ жизни юноши, когда несовершеннѣйшій изъ людей почитаетъ себя совершеннѣйшимъ человекомъ.

Пробѣгая бѣглымъ обзоромъ судьбу Настеньки, минуя однимъ почеркомъ цѣлые годы, мы входимъ теперь въ зрѣлый возрастъ ея, и, къ крайнему нашему сожалѣнію, должны сказать читателю, что если ему когда-нибудь случалось имѣть въ рукахъ своихъ одинъ изъ простодушныхъ романовъ не нашего времени, существующій въ переводѣ подъ заглавіемъ: *«Мальчикъ у ручья или отроческая любовь»*, то нѣкоторыя страницы этого романа могли бы представить ему приблизительно положеніе, въ которомъ находились въ то время подготовленная въ пансіонѣ и вступающая въ возрастъ дѣвушка, и отрѣкъ, готовящійся ко вступленію на поприще жизни. Хотя въ этихъ отношеніяхъ не было ничего составляющаго самую сущность названнаго романа, однако же было все, чего подъ зоркимъ материнскимъ окомъ Анны Петровны ни подъ какимъ видомъ не должно было быть.

Мы не развиваемъ этой маленькой эротической поэмы, и не описываемъ бесѣды юной чегы, которой никто никогда не слушалъ, и на которую никто не обращалъ никакого вниманія.

Прокофій Трофимовичъ и Анна Петровна толковали это все по своему.

— Экой хватъ наша дѣвка, Настенька!—говаривалъ отецъ, работающій въ потъ лица, для доставленія своему существительному сокровищу сокровищъ прилагательныхъ.

— Что и говорить! — подтверждала мать съ чувствомъ удовольствія.

Не смотря однакожь на это, въ Аннѣ Петровнѣ съ нѣкотораго времени проявилось странное ощущеніе. Какъ бѣдная курица, которая, высиживъ утятъ, видитъ, что крошки, переваливаясь съ боку на бокъ, бѣгутъ отъ нея въ воду, и тѣпето зоветъ ихъ тревожнымъ крикомъ на берегъ, готовая броситься за ними сама, такъ Анна Петровна съ какимъ-то безсознательнымъ безпокойствомъ смотрѣла на успѣхи Настеньки, и желала бы, казалось, возвратить ее въ прежній мракъ.

— Скажи мнѣ, Прокофій Трофимовичъ, почему въ старину дѣвушекъ вовсе не воспитывали?—спрашивала она мужа подѣ влияніемъ неотвязной томительной мысли.

— Хмъ! въ старину дѣло иное, — по обыкновенію отвѣчалъ Прокофій Трофимовичъ.

— Но вѣдь жили же въ старину люди не хуже нынѣшняго, дѣтей растили въ страхъ Божіемъ, были же добрыя жены и хорошія матери, — размышляя, возражала Анна Петровна.

— Все жъ это старина, — перебивалъ ее Прокофій Трофимовичъ, — теперь стало быть не того требуется.

— Должно быть, что не того, простодушно соглашалась Анна Петровна.

— Не тѣ, душа моя, времена настали, — продолжалъ философствовать Прокофій Трофимовичъ; — бывало дѣвушка сидитъ, на мушину глазъ поднять не осмѣлится, слова сказать не умѣетъ, а теперь не своими небось ты ушами слышала, какъ Настенька съ Викторомъ Павловичемъ по-французски-то бойко разговариваетъ?

— Какъ не слышать, слышала, — со вздохомъ отвѣчала Полянова. — И подлинно, люди что дальше, то больше умудряются: словно чужой языкъ отрѣжутъ, да и навѣсятъ себѣ вмѣсто своего собственнаго: мать родная не разумѣетъ своего роднаго дѣтища!

— Да потому-то, сударыня моя, и не разумѣетъ, что это чужой языкъ.

— Темные мы люди съ тобой! — продолжала со вздохомъ Анна Петровна; — съ тѣхъ поръ какъ Настенька стала такой

воспитанной барышней, мнѣ и подойти-то къ ней какъ-будто страшно становится, и дочерью-то назвать какъ-будто совѣстно, — тихо договаривала она, отирая незамѣтно скатившуюся слезу.

— Какъ быть-то, — известное дѣло: ученье свѣтъ, а неученье тьма, такъ и говорить нечего, — заключалъ Прокофій Трофимовичъ, до новаго подобнаго разсужденія.

Между тѣмъ, Авдотья Дмитріевна, обладавшая многими добрыми привычками людей стараго вѣка, имѣла обыкновеніе, послѣ рабочаго и тревожнаго дня, отправляясь на сонъ грядущій, призывать къ себѣ свою домоправительницу Власьевну потерѣтъ ноги, для отвлеченія тягости отъ головы, доложить о разныхъ благополучныхъ и неблагополучныхъ событіяхъ и происшествіяхъ, о разныхъ домашнихъ дрязгахъ, которыя впрочемъ не всегда могли проникать сквозь туманъ серьезныхъ мыслей Медвѣдовой.

Однажды Авдотья Дмитріевна, углубившись въ свои обычныя размышленія, долго не обращала вниманія на какіе-то темные намеки Власьевны, которые, противъ обычая, не касались ни до хозяйственной экономіи, ни до козней противъ личныхъ враговъ ея, ни до жалобъ на ломоту въ костяхъ и поясницѣ.

Вниманіе Авдотьи Дмитріевны сосредоточилось тогда только, когда Власьевна кончила уже длинный приступъ, и, поощренная молчаніемъ барыни, начала говорить яснѣе:

— Оно конечно что, примѣромъ сказать, Викторъ Павловичъ и Настасья Прокофьевна — дѣти; да вѣдь не ровень часть.... до грѣха не сто верстъ пути.... Она хоть ему и крестная сестра, да все, по нашему говорится, не чета....

При этихъ словахъ Авдотья Дмитріевна вдругъ выдернула изъ-подъ щетки ногу свою и устремила суровый взглядъ на Власьевну.

— А который годъ минулъ Настенькъ? — спросила она неожиданно.

— Да вы изволили крестить ее, какъ пошелъ осьмой годъ покойнику.... по двѣнадцатому годку въ пансіонъ отдали, а

теперь, чай, не то пятнадцатый, не то шестнадцатый пошелъ ей съ Ильина дни.

Авдотья Дмитріевна задумалась. Вся эпоха, которая припомнила ей Власьева, перенесли ее къ минувшимъ фазисамъ ея тяжбы. Эта тяжба такъ слилась съ ея существованіемъ, что стала настоящей ея жизнью; все же прочее какъ будто составляло только болѣе или менѣе неизбѣжныя околичности.

Дня три спустя послѣ описаннаго нами доклада Власьевны, Авдотья Дмитріевна имѣла съ крестницей своей слѣдующее объясненіе.

— Ну-ка, милая моя Настасья Прокофьевна, скажи мнѣ, какъ идетъ твое ученье?

Этотъ вопросъ былъ сдѣланъ въ отсутствіи Виктора Павловича, въ свободный часъ передъ вечеромъ. Настенька, въ привычномъ углу своемъ, не смотря на сумерки, не подымала еще головки, склоненной надъ пальцами. Она встрепенулась отъ неожиданности и затруднилась отвѣтомъ.

— Не пора ли намъ распрощаться съ пансіонскими подружками?... Какъ посмотришь на тебя, совершенная ужъ стала невѣста!... Я думаю, книжки-то да тетрадки школьныя на умъ нейдутъ?...

Настенька улыбнулась.

— Скажи-ка мнѣ, моя прекрасная, — продолжала Авдотья Дмитріевна, — разсмотрѣла ли ты хорошенько того гостя, что обѣдалъ у васъ въ прошлое воскресенье?

— Какого гостя? — проговорила Настенька.

— Ахъ, другъ мой, какая же ты безтолковая; ну того барина, что сидѣлъ подлѣ меня въ очкахъ? Человѣкъ пожилой, но такой почтенной и пріятной наружности?...

— Ахъ, съ лысиной? кажется, замѣтила.

— А какъ онъ тебѣ нравится?

— Какъ нравится? да я его не разсматривала, — отвѣчала Настенька.

— Советую тебѣ, мой другъ, рассмотреть его какъ можно пристальнѣе.

— А для чего жъ это, маминька?

— А для того, моя милая, что онъ человѣкъ во всѣхъ

отношеніяхъ порядочный, имѣть безбѣдное состояніе и довольно выгодное мѣсто. Это пріѣзжій изъ Петербурга; тамъ занимался онъ моими дѣлами въ высшихъ инстанціяхъ; а зовутъ его Андрей Андреевичъ Людвиновъ.... Но къ чему это ты такъ низко носишь волосы?—неожиданно перешла Медвѣдева.—Прикажи—ка Дуныкъ зачесать себѣ по выше къ завтраму, да позаботься о платьицѣ: у насъ объедаетъ Андрей Андреевичъ.... Слышишь? не забудь моего совѣта.

— Не забуду, маминька,—въ недоумѣніи отвѣчала дѣвушка.

Онъ разговаривали по-французски. Это былъ первый экзаменъ, сдѣланный воспитательницей своей воспитанницѣ нѣсколько внимательно; при этомъ случаѣ, Авдотья Дмитріевна также въ первый разъ замѣтила, что правила діалектики въ пансіонѣ г-жи Гризель были вѣроятно въ небреженіи, потому что Настенька, въ приведенныхъ здѣсь простыхъ и краткихъ отвѣтахъ, умудрилась сдѣлать невѣроятное множество руссизмовъ и такъ называемыхъ liaisons dangereuses.

— Знаешь ли что, моя милая,—прибавила Медвѣдева, которую поражалъ каждый барбаризмъ, — ты непременно должна выйти за мужъ за человѣка, не говорящаго по-французски.

— Почему же?—смутившись, спросила Настенька.

— Потому, дружокъ мой, что ты слова вымолвить безъ ошибки не умѣешь.

Кровь бросилась въ лицо дѣвушки; такая мѣтко пущенная колкость до слезъ уязвила ея самолюбіе.

Но Авдотья Дмитріевна была женщина стойкая, въ своихъ предначертаніяхъ характерная, что впрочемъ достаточно было видно изъ ея способности преслѣдовать свои цѣли хоть цѣлую вѣчность.

Не прошло еще недѣли, какъ Андрей Андреевичъ объявился на счетъ Настеньки; его предложеніе, разумѣется, было принято, и онъ получилъ вмѣстѣ съ ея рукою въ приданое блистательныя надежды на окончаніе процесса, долженствующаго рѣшиться въ пользу Медвѣдевой.

Тонкая политика Авдотьи Дмитріевны сочетала этимъ бракомъ интересы повѣренныхъ своихъ съ собственнымъ своимъ

интересомъ неразрывными узами, и тѣмъ застраховала себя ихъ усердіе.

Свадьба праздновалась въ домъ ея. Грустный Викторъ, нахмуривъ брови, держалъ вѣнецъ надъ пышной и прекрасной невѣстой. Анна Петровна, съ помощію Акулины, разливала въ дѣвичьей для брачныхъ гостей чай и шоколадъ, а Прокофій Трофимовичъ, сидя у дверей, распорядился официантами.

IV.

Такимъ образомъ Настенька вышла за-мужъ неожиданно, и немедленно отправилась съ супругомъ своимъ въ почтовой каретѣ въ Петербургъ, на мѣсто новаго своего гражданского быта. Она вышла за-мужъ съ сердцемъ ужаленнымъ послѣднимъ благодѣяніемъ крестной матери; но приняла это благодѣяніе съ гордою покорностію, глубоко затаивъ свое негодованіе.

Впрочемъ, поступить ей иначе было-бы даже невозможно. Мѣткій намекъ Авдотьи Дмитріевны на ея *руссицизмы* и *опасныя связи*, хотъ въ сущности и не имѣлъ въ себѣ ничего важнаго, далъ ей однако же почувствовать ту степень, на которой стояла она въ общественномъ распредѣленіи. Внезапно обрѣла молодая дѣвушка на столько опыта, что могла взвѣснить свое положеніе, оцѣнить зависимость благосостоянія отца и матери и собственное свое благосостояніе отъ добраго расположенія Авдотьи Дмитріевны и покориться своей участи.

Такимъ-образомъ разсѣялась первая сердечная мечта Настеньки; но была-ли она въ жизни ея и послѣднею, объ этомъ не имѣется ничего достовѣрнаго. Намъ извѣстно только то, что цѣлый годъ не переставала она оглядываться мысленно на прошедшее и въ память невозвратному назвала первенца своего, героя разсказа нашего, Викторомъ; послѣ чего, увлекаясь мало-по-малу суетой и блескомъ столичной жизни, молодая женщина стала извлекать изъ невыгоднаго своего положенія лучшую сторону.

Посвященные во всѣ тонкости жизни знаютъ, какъ элементы города вообще и столицы въ особенности, проникаютъ

во все въ нихъ живущее, начиная отъ городской лошади, которая не пугается барабаннаго боя, не развлекается чудными несвойственными природѣ ея зрѣлищами, лавируетъ въ тѣснотѣ, и, ступая по мостовой, забываетъ приволье полей, мягкость и просторъ дорогъ сельскихъ.

Каждый, волею или неволею, сознательно или бессознательно, вдается въ искусственность, изящество и нѣгу столичной жизни; она оглушаетъ, изумляетъ, увлекаетъ и терзаетъ лихорадкою жажды и голода, или упоенія и пресыщенія.

Здѣсь началось для Настасьи Прокофьевны совершенно новое бытіе, и она поняла въ полномъ смыслѣ справедливость замѣчанія Авдотьи Дмитріевны, о несовершенствѣ своего пансіонскаго образованія. Могли ли въ самомъ дѣлѣ глаза ея оставаться долге закрытыми на эту горькую истину, когда Петербургъ распахнулъ передъ ней свои академіи общественныхъ лекцій?

Въ этихъ академіяхъ не педагогъ читаетъ съ кафедръ свои утомительные параграфы; эти академіи разсыяны повсемѣстно и нѣтъ средствъ оборонить себя отъ всюду просвѣщающей науки. Эти академіи, во первыхъ, Невскій-проспектъ съ своими новѣйшими новизнами и утонченными тонкостями, съ своимъ развитіемъ вкуса и доведеніемъ всего до чрезвычайнаго и превосходящаго всякое понятіе; во вторыхъ, Александринскій, особливо Михайловскій, съ своими *последними* піесами и *первыми* сюжетами; это, въ третьихъ, все, что стремится въ сѣверную Пальмиру, прославленныхъ и оцѣненныхъ геніевъ ногъ, геніевъ рукъ, геніевъ созданнаго по соловьиному горла и по змѣиному языка. Это, въ десятыхъ и въ сотыхъ, такъ называемый свѣтъ, съ его настоящими и подражательными гостинными, съ его истинными и поддѣльными обычаями и приемами.

Женщина, сколько бы ни искушалась въ строгомъ классическомъ обученіи, не будетъ, разумется, женщиной совершенной, безъ этой последней высшей школы, безъ этого окончательнаго курса, въ которомъ до глубины исчерпаны всѣ возможныя и невозможныя положенія, измѣрены и перечтены всѣ свѣты и тѣни, вытянуты въ тончайшія нити и доведены до крайности всѣ ощущенія.

На первых порахъ, хорошенькая головка Настасьи Прокофьевны кружилась отъ непонятныхъ для нея условій, отъ неслыханныхъ и безпрестанно смѣняющихся, какъ новые фасоны, терминовъ и выраженій. Тяжкихъ условій стояла ей загадка каждаго схватываемаго на лету чѣмъ-нибудь поразительнаго для нея слова. По этому случаю на столъ ея появилась памятная, переплетенная въ зеленый сафьянъ, книга, на которую съ особеннымъ благоговѣніемъ смотрѣлъ Андрей Андреевичъ. Это была кунсткамера идей и понятій, что-то въ родѣ энциклопедическаго настольнаго словаря, писаннаго, впрочемъ, не въ порядкѣ алфавитномъ, а въ томъ случайномъ безпорядкѣ, въ которомъ Настасья Прокофьевна собирала вокругъ себя разсыянные повсюду цвѣты любомудрія человѣческаго.

Въ интересномъ сборникѣ, подѣ воспросительными знаками встрѣчались такъ часто употребляемые и непереводимые термины, на подобіе *типовъ*, *тиковъ* и *шиковъ*. Тамъ пѣстрыми коллекціи разныхъ выписанныхъ изъ многихъ прочтенныхъ романовъ сужденій и тирадъ; тамъ вмѣщалась вся исторія преобразования Настасьи Прокофьевны, до тѣхъ самыхъ поръ, покуда всякій, взглянувшій на нее, обязанъ былъ признать въ ней даму весьма порядочнаго тона.

Андрей Андреевичъ слѣпо вѣровалъ во всякое знаніе дѣла милой жены своей, и потому, содѣлавшись счастливымъ отцомъ маленькаго Виктора, смиренно предоставилъ ей авторитетъ на счетъ его воспитанія, и ни въ какомъ отношеніи ни во что не вмѣшивался. Настасья же Прокофьевна, дѣйствуя свободно, положила за правило ни въ чемъ не довѣрять природѣ, къ которой потеряла все довѣріе, а виолнѣ поручила ребенка своего искусству, въ которое ввернула какъ въ незыблемое основаніе всего хорошаго.

Каждое утро являлся къ ней медикъ, котораго принимала она въ драпированномъ своемъ кабинетѣ, сидя какъ слѣдуетъ въ мягкихъ креслахъ, въ утречкѣ чепчикъ и пенуаръ. Въ продолженіи этихъ визитовъ, докторъ объяснялся въ нянею попѣмечки о томъ, какъ дитя провело ночь, какъ исполнило свои естественныя отправления, и не было ли въ немъ замѣтно чего-нибудь особеннаго. Основывался на отвѣтахъ няни, онъ да-

валъ совѣты, прописывалъ рецепты и откланивался; вслѣдствіе чего Виктору отбѣривались пунктуально пріемы сна, бодрствованія и питанія, и отсчитывались грани чистаго воздуха, которымъ дозволяли ему пользоваться не иначе, какъ по медицинскимъ предписаніямъ.

Взращаемый такимъ образомъ, прямой наследникъ условленнаго приза съ знаменитой тяжбы Медвѣдовой, сталъ являться въ Лѣтнемъ Саду на рукахъ богатоодѣтой кормилицы, въ бархатномъ, сверхъ пеленокъ, плащѣ, въ круглой, сверхъ чепчика, шляпѣ, подъ сѣнію зонтика, который несла надъ нимъ, какъ надъ китайскимъ мандариномъ, главноначальствующая нѣмка-няня; но съ каждымъ почти послѣдующимъ лѣтомъ маленькая планета мѣняла своихъ спутниковъ. Едва поднялся ребенокъ на ноги, едва залепеталъ на какофоніи немѣцкаго нарѣчія, какъ уже смѣнилъ его другой языкъ, въ лицѣ дѣвицы Лавалетъ, молодой французенки, принявшей въ свое распоряженіе мальчика, чтó называется, отъ ноготковъ, за чистотою которыхъ тщательно наблюдала она, до кудрявой головки его, всегда завитой и напомаженной.

Не долго однако же Викторъ учился подъ ея руководствомъ повторять попугайныя реплики, катать по песчанымъ дорожкамъ обручъ и перенимать всѣ кокетливыя ея ужимки. Дѣвица Лавалетъ скоро соскучилась въ домъ, гдѣ никто не говорилъ по-французски, гдѣ не давали вечеровъ, гдѣ некому было за нею волочиться, и уступила мѣсто свое другой соотечественницѣ, лѣтъ болѣе степенныхъ.

Мадамъ Балѣ руководствовалась системою вѣчнаго неудовольствія, неумолкаемыхъ укоризнъ и неусыпнаго муштрованія.

— Держись прямо, не стучи ногами, говори по-французски, отъчай умнѣе, не нагибай головы, не протягивай ногъ, поправь волосы, застегни рукава, читай громче, выговаривай яснѣе, примечай, не останавливайся, не спиши! — раздавалось безпрерывно.

Эта неусыпность восхищала Настасью Прокофьевну, которая не могла похвалиться новой гувернанткой. Она, какъ

добрая маминька, входила каждое утро въ дѣтскую спросить, какъ ведетъ себя и учится Викторъ.

— Mr Victorъ ведетъ себя очень дурно, — отвѣчала почти всегда постоянно раздражительная мадамъ Балё. — Онъ невнимателенъ, забывчивъ, вѣтренъ, нечистоплотенъ, шаловливъ, онъ прокричалъ мнѣ всю голову и скоро сведетъ меня съ ума!

И за такими отзывами слѣдовало, разумѣется, изъясненіе родительскаго неудовольствія, не по просту добрымъ шлепкомъ, послѣ котораго тотчасъ же все забыто, а приличною проповѣдью, послѣ которой Настасья Прокофьевна принимала видъ огорченія или негодованія и не скидала этой маски до тѣхъ поръ, покуда ребенокъ не приходилъ просить прощенія въ чистыхъ французскихъ выраженіяхъ.

Эти безмолвныя наказанія терзали нѣжное сердце дитяти; но дѣйствовать на нравственное чувство казалось Настасью Прокофьевну благороднѣе, нежели на физическое. Такая метода, къ чести мадамъ Балё, продолжалась нѣсколько лѣтъ сряду. Можетъ быть, она продолжилась бы еще долѣе, но необыкновенное и совершенно непредвидѣнное обстоятельство возмутило порядокъ вещей и привело въ сильное затрудненіе Настасью Прокофьевну, которая съ нѣкотораго времени стала получать отъ горничной своей, на счетъ мадамъ Балё, престранныя доклады, а вскорѣ и сама удостовѣрилась въ неестественномъ состояніи разсудка воспитательницы. Скоро признаки помѣшательства сдѣлались слишкомъ ясны, и наставницу Виктора принуждены были помѣстить въ то заведеніе, которое, къ удивленію наблюдателей, такъ изобилуетъ иностранными гувернантками.

Вслѣдъ за мадамъ Балё, нѣсколько другихъ ревнительницъ просвѣщенія дѣтей смѣняли другъ друга при Викторѣ; но не видя отъ нихъ никакого толку, Настасья Прокофьевна рѣшилась взять гувернера, гувернера не съ улицы, не перваго попавшагося подъ руку, гувернера на славу, испытаннаго, извѣстнаго, окредитованнаго, застрахованнаго.

— Для воспитанія дѣтей, — говорила она мужу, — слѣдуетъ дѣлать всѣ жертвы; для ихъ воспитанія жалеть ничего не должно, и надо помнить, что способность ребенка — капиталъ, который пускаютъ въ ходъ, для принесенія процентовъ сторицею.

Отрадно было слышать Андрею Андреевичу такую умную рѣчь Настасьи Прокофьевны, противъ которой возражать ему было нечего, тѣмъ болѣе, что онъ привыкъ смотреть на жену свою какъ на женщину не только гениальную, но вмѣстѣ съ тѣмъ и капитальную. Известное читателю ожиданіе манило его какъ миражъ знойной пустыни.

Очарованные этимъ соблазномъ, супруги не считали нужнымъ падить маленькое родовое имѣніе Людвиновыхъ, въ Сибирской губерніи, изъ котораго черпалось возможное и невозможное, на удовлетвореніе всехъ потребностей Настасьи Прокофьевны.

И такъ, основываясь на томъ, что для воспитанія дѣтей слѣдуетъ дѣлать всѣ жертвы, что это вкладъ, съ котораго чѣмъ болѣе положишь, тѣмъ болѣе возьмешь, губернёръ былъ выбранъ къ общему совершенному удовлетворенію, губернёръ именно на славу, губернёръ по призванію, по любви къ своему дѣлу, такой, какого родители всегда ищутъ и никогда не находятъ, губернёръ стоическій, благонравный, благонамѣренный, благорасположенный, губернёръ въ высокомъ смыслѣ слова, какъ выражалась о немъ Настасья Прокофьевна.

И въ самомъ дѣлѣ М-г Pinot внушалъ о себѣ самое высокое понятіе всѣмъ его знающимъ и окружающимъ.

Характеръ его былъ, что называется, возвышенный: онъ обращался съ Людвиновыми такъ уважительно, что при каждомъ поклонѣ его и словѣ, казалось, говорилъ: «вы родители моего питомца, и кто бы вы ни были, я примѣромъ своимъ обязанъ внушать ему должное вашему лицу, если не вашимъ достоинствамъ.»

Правда, что эти знаки уваженія дѣйствовали какъ-то раздражительно, но тѣмъ болѣе они внушали въ свою очередь какое-то безотчетное, какъ паническій страхъ, уваженіе.

Пино принялъ Викторъ на руки какъ богатаго, по слышавшимся слухамъ, наследника какихъ-то ему невѣдомыхъ золотыхъ источниковъ непроходимой Московіи.

— C'est un enfant de famille, un sujet à espérance, j'aurai du fil à retordre; mais cela en vaut la peine, — думалъ онъ, принимаясь за дѣло.

— Дитя мое, — говорилъ онъ голосомъ, въ которомъ звучала необыкновенная его доброкачественность, — когда ты входяшь въ гостиную, гдѣ сидятъ твои родители, ты долженъ опережать шаги свои нѣжнымъ, приветливымъ взоромъ, направленнымъ въ ту сторону, гдѣ привыкъ ихъ видѣть. Ты долженъ стремиться къ нимъ, не развлекаясь ни чѣмъ постороннимъ. Твои родители, въ первомъ нѣжномъ возрастѣ твоёмъ должны быть для тебя предметами слѣпаго боготворенія. Остерегайся видѣть ихъ недостатки, свисходи ихъ слабостямъ, не обращай вниманія на ихъ пороки и смѣшныя стороны. Прикрывай наготу ихъ, по высокому примѣру сына, прославленнаго въ потомствѣ. Не смѣй величаться передъ ними тѣмъ, что судьбою ты поставленъ на высшую точку образованности, что со временемъ передъ тобою раскроется обширнѣйшій кругъ дѣятельности, что въ свою очередь ты будешь смотреть на нихъ какъ на младенцевъ.

Эти великопынныя рѣчи наполняли смутю голову ребенка; слушая, онъ какъ будто искалъ въ понятіи своемъ какихъ-то до сихъ поръ невѣдомыхъ погрѣшностей отца и матери.

Но Пино не давалъ ему долго задумываться. Одно нравученіе тотчасъ смѣнялось новымъ.

— Грустны снѣга сѣвера, — начиналъ онъ на другой ладъ, — печальны его степи, тяжка судьба дикарей, здѣсь прозябающихъ; но слава того, кто захочетъ бросить лучъ свѣта на этотъ мракъ, можетъ наполнить громомъ воздухъ и достигнуть облаковъ.

Пино развертывалъ томъ вѣчно лежащаго подъ рукою неизбѣжнаго Телемака, переведеннаго на всѣ языки, безъ котораго, какъ извѣстно, ни одинъ французскій гувернеръ никогда не обходился.

Напыщенный слогъ Фенелона согласовался съ тономъ Пино, и онъ перечитывалъ ему наставленія, читанныя въ отдаленные вѣка сыну Улиссому жрецомъ Аполлона, о томъ, какъ прогнѣванный Зевесъ изгналъ пѣвца Олимпа съ неба, и какъ любимецъ музъ, гнушаясь необразованнымъ обществомъ пастуховъ короля Адмета и презирая тривіальное ихъ занятіе,

выучилъ ихъ музыкъ и танцамъ. Сынъ Зевса, играя на свирѣли, превратилъ рабочіе дни дикарей въ безсмынные праздники, и огласилъ пустыню дивными звуками.

— Другъ мой, — продолжалъ Пино, имѣя достохвальную привычку объяснять читанное, — исторія бога солнца должна оставить глубокіе слѣды въ твоей памяти. Тотъ свѣтъ, который получаешь ты отъ разрабатывающихъ твой умъ и сердце, ты обязанъ въ свою очередь возратить съ избыткомъ бѣдной землѣ твоей. Подобно Аполлону ты будешь, на сколько положено на твою долю, просвѣтителемъ дикихъ пастуховъ. Не жалѣй труда, не оскудѣвай въ терпѣніи. Помни, дитя мое, что есть возможность заставить цвѣсти эти пустыни и показать обитателямъ ея сладости жизни.

Ребенку начинало казаться, что въ отечествѣ его живутъ людоеды; онъ невольно содрогался отъ страха, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтское воображеніе плѣнялось сказкою о свирѣли, звуки которой превращаютъ рабочіе дни въ праздники и сдѣлають грязныхъ пастуховъ плясунами и музыкантами.

Какъ уже сказали мы, наставникъ юнаго Виктора заботился неутомимо о расположеніи вѣрннаго ему питомца ко всемъ доблестямъ и добродѣтелямъ. Онъ силился, на сколько могъ, вдохнуть въ него чувство фанатической благодарности къ себѣ—его покровителю и гѣстуну. Ежеминутно олицетворяя собою въ глазахъ мальчика безсмертнаго Ментора, олицетвореннаго въ первообразъ самой бездной премудрости—божественной Минервой, онъ—Менторъ Виктора, не понималъ, что благодарность такого рода есть поздній плодъ, приносимый сердцемъ, созрѣвшимъ и уже усвоившимъ попеченіе и учене, которыя во время теоретическаго преподаванія все-таки чрезвычайно скучны и утомительны.

Если дитя не довольно весело принималось за книгу, если не тотчасъ по первому звуку голоса бѣжало на зовъ своего попечителя, если чѣмъ-нибудь проявляло свое нерасположеніе къ благотельнымъ его нравоченіемъ, Пино называлъ это неблагодарностью, а самую неблагодарность, по изреченію какой-то знаменитости, «злостнымъ банкротомъ сердца».

Подобно садовнику, выгоняющему скороспелку, занимался Пино умственным или прогрессивным развитием Виктора, имея къ тому известный способ преподаванія.

— Дитя мое, — начиналъ онъ по обыкновенію, усаживая ученика на учебную лавку, — если родители твои дадутъ тебѣ альбомъ и прикажутъ тебѣ написать въ немъ что-нибудь собственнаго твоего сочиненія, скажи, какое первое чувство наполнить дѣтское сердце твое при этомъ приказаніи?

Въ глазахъ Виктора выражалось недоумѣніе, онъ искалъ не находилъ отвѣта.

— Ты впервыхъ чувствуешь смущеніе, — суфлировалъ ему Пино.

— Я чувствую смущеніе, — повторялъ ребенокъ.

— Смущеніе, такъ, — повторялъ въ свою очередь Пино, — смущеніе именно, потому что смущеніе есть какъ бы предлудія другаго непосредственно за тѣмъ слѣдующаго чувства, которому немедленно уступаетъ оно шагъ. Скажи теперь, какому болѣе определенному чувству уступаетъ шагъ твое смущеніе?

Этотъ вопросъ еще болѣе прежняго озадачивалъ развиваемаго.

— Твое смущеніе смѣняется невольнымъ страхомъ, — подсказывалъ развиватель.

— Мое смущеніе смѣняется страхомъ, — отвѣчалъ мальчикъ, на манеръ попугая.

— Какимъ образомъ?

— Я боюсь, что если дурно напишу, то меня накажутъ.

— О, низкій, подлый страхъ! Сердце благороднаго юноши не можетъ быть способно къ такому недостойному страху. Нѣтъ, Викторъ, нѣтъ, ты чувствуешь страхъ не наказанія, не страхъ недоверія къ самому себѣ. Ты боишься, что не будешь въ состояніи выполнить возлагаемаго на тебя, такъ совершенно, какъ бы ты желалъ. Однакожъ этотъ страхъ не долженъ продолжаться; ты обязанъ исполнить желаніе родителей.

твоихъ, и при сознаниі этой обязанности, какое третье чувство движеть тебя?

— Не знаю,—говорилъ звая Викторъ.

— Третье чувство есть порывъ безусловнаго повиновенія, которое составляетъ непремѣнный долгъ дѣтей къ ихъ родителямъ,—правдучительно заключалъ Пино.

И едва предметъ альбома истощался, онъ придумывалъ тысячу новыхъ.

— Представь себя, другъ мой,—начиналъ онъ,—представь себя, что мы выходимъ съ тобою изъ дому, въ намѣреніи прогуляться. Мы идемъ и замѣчаемъ чрезвычайное стеченіе народа въ одну сторону. Эти волны народа увлекають и насъ, и мы какъ бы непроизвольно следуемъ по тому же направлению и подходимъ къ дому, въ который, тѣсняясь, стремится толпа. Въ этомъ домѣ расположена выставка произведеній искусствъ. Скажи, что видимъ мы, войдя?

— Мы видимъ выставку произведеній искусствъ,—робко отвѣчалъ Викторъ, повторяя слова наставника.

— Но что видимъ мы при томъ нравственнымъ окомъ духа?

— Не знаю,—отвѣчалъ мальчикъ, блуждая разсѣяннымъ взоромъ по стѣнамъ комнаты.

— Мы видимъ состязаніе тщеславій. Подъ этими цвѣтами искусства сокрыты ядовитыя аспиды человѣческаго самолюбія. Здѣсь гордость и зависть, злоухищреніе и братоненавидніе, подконы и происки.

Викторъ съ изумленіемъ смотрѣлъ въ глаза Пино: чистое его воображеніе не могло еще усвоить понятію своему змѣены аспидовъ подъ цвѣтами, а краснорѣчивый ораторъ, ярился такимъ образомъ тщеславіе въ теоріи, противорѣчилъ себе на самомъ дѣлѣ. Онъ какъ будто съ намѣреніемъ придумывалъ все средства для возбужденія этой опасной страсти, удовлетворяя ее какъ рычагъ своихъ дѣйствій.

— Пусть изъ одной амбіціи дѣлаетъ ребенокъ то, что другіе дѣлають изъ понужденій,—говорилъ онъ, рассуждая объ этомъ предметѣ, какъ о сильномъ двигателѣ, посредствомъ котораго можно до всего достигнуть; въ силу чего онъ вос-

игривалъ на всѣ тоны славы героевъ и триумфальныя колесницы, и подобно демону съялъ на юное воображеніе сѣмена честолюбиваго тщеславія.

По системѣ Пино, все для Виктора заключалось какой-нибудь торжественностью, ничто не дѣлалось хорошо съ единственной цѣлю и обязанностію хорошо сдѣлать.

Отецъ и мать Виктора были въ восторгѣ и жалѣли только о томъ, что у нихъ не было еще нѣсколькихъ дѣтей, которыхъ бы можно было доверить такому преподавателю. Попеченіями его, голова Виктора мало по малу начиналась познаніями. Тверже и отчетливѣе многого другаго мальчикъ зналъ исторію отечества своего наставника, зналъ со всеми биографическими подробностями, со всею хронологическою точностію, со всеми историческими, сценическими и закулисными событіями.

Не столь подробныя свѣдѣнія имѣлъ юноша объ исторіи своего отечества; эта исторія для самаго Пино была покрыта густыми туманами сѣвера. Но не смотря на то, онъ составлялъ для Виктора лекціи изъ русской исторіи на французскомъ языкѣ. По этимъ лекціямъ, сказанія Руси представляли ученику одни грустныя, безобразныя картины и протяжныя повторенія. На этихъ картинахъ не развивались перья рыцарей, не блистали карусели, не распѣвались романсы, не торжествовала красота, не интриговало соперничество, на нихъ лучшіе образы были обрисованы лубочной живописью, все поле уставлено было Скивами и Сарматами въ сѣрыхъ кафтанахъ.

Съ подобнымъ руководствомъ прошелъ Викторъ весь университетскій курсъ наукъ, мужая умственно и выглядывая подобно тощей былинкѣ щедушнымъ сложеніемъ. Между тѣмъ черныя волосы Пино запудрились незаметно сѣдиною, во время его пребыванія въ домъ Людвиновыхъ, гдѣ смотрѣли на него какъ на первенствующее въ семействѣ лицо. Столь же незаметно начинала переходить и Настасья Прокофьевна отъ пламеннаго ожиданія сулимыхъ ей судьбою благъ къ тому усюконительному чувству, которое заставило и Прокофія Про-

Фимовича успокоиться мыслию, что если самъ онъ не воспользуется этими благами, то все же будетъ имѣть отраду завѣщать ихъ милому дѣтищу.

Пришло наконецъ время, когда перестала она считать сына своего ребенкомъ, а наставникъ замѣнилъ привычное: «дѣтя мое», названіемъ: «мой юный товарищъ»; а вмѣстѣ съ тѣмъ, само собою разумѣется, перемѣнилъ и тонъ своего съ нимъ обращенія.

Въ одеждѣ Виктора, по неотступнымъ попеченіямъ отца и особенно матери, стало проявляться щегольство и изящество, свойственное его возрасту и высокому положенію, къ которому готовили его съ младенчества.

Нѣжная и заботливая предусмотрительность Настасьи Прокофьевны разукрасила комнату Виктора, сообразуясь съ описаніемъ кабинета Онѣгина. Но хозяинъ этой комнаты не былъ пресыщенный повѣса, по которому типировались юноши стараго поколѣнія. Это былъ Онѣгинъ современный, героическій, съ высокими идеями, съ обширными замыслами, съ неутолимою, столько лѣтъ возбуждаемою жаждою къ совершенію великихъ дѣлъ и громкой славы, и походилъ на стараго только по варужности, по неизмѣнному ежедневному присутствію на гульбищахъ и въ театрахъ, гдѣ стала уже замѣтна блокурая голова его, шныряющая въ антрактахъ по партеру, или торчащая въ первыхъ рядахъ кресель, около которой мелькали его палевыя перчатки, костяной бинокль и золотой набалдашникъ трости.

Вскорѣ стали поговаривать о поѣздкѣ Виктора, все-таки въ сопровожденіи своего Ментора, за границу. Французъ признавалъ эту необходимость заключительною въ воспитаніи каждаго порядочнаго молодого человѣка. Онъ разсчиталъ уже по пальцамъ, на сколько эта поѣздка будетъ выгодна даже въ отношеніи самаго разчета, потому что, по его мнѣнію, роскошнѣйшее путешествіе по Европѣ обходится дешевле умѣреннѣйшаго житія въ Россіи. Посреди этихъ разчетовъ и соображеній, вдругъ самымъ неожиданнымъ образомъ было получено извѣстіе о томъ, что процессъ Авдотьи Дмитріевны ру-

шился прахомъ, и съ нимъ вмѣстѣ всѣ вадежды семейства Людвиновыхъ.

Mr Pinot, строившій и свои воздушные замки на томъ же основаніи, произнесъ проклятiе и бѣжалъ изъ дому, куда притащились изъ Москвы благополучно постарѣвшіе Поляновы, въ сопровожденіи неизмѣнной, также утратившей нѣсколько своей прыти, Акулины.

Андрей Андреевичъ не перенесъ этого удара судьбы; онъ разразился надъ нимъ, и мгновенно пресѣкъ дни его.

V.

Можно, пожалуй, осудить за такое малодушіе Андрей Андреевича. Можно даже, если угодно, назвать золото химерой, и особенно въ наше время, когда порядокъ, или, лучше сказать, беспорядокъ вещей дѣлаетъ то, что богатаго отъ торватаго не разпознаешь.

Можно и, безъ сомнѣнія, должно съ крѣпкою вѣрою въ Провидѣніе прожить, подобно птенцамъ небеснымъ или крину сельному, беззаботно и безроютно краткій срокъ человѣческой жизни.

Но требованія свѣта невозвратно отчуждены отъ природы; она не доставляетъ людямъ готовыхъ произведеній великихъ Каремовъ и Бешамелевъ, она даетъ гроздіе, не закупоренное въ бутылкахъ Шампаніи и Бургоніи, замковъ Лафита и д'Икема, и золото, какъ основа земныхъ благъ, остается волшебнымъ жезломъ искусственнаго міра.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что пріобрѣтеніе въ мірѣ семь удобнаго угла, гдѣ бы могло вкорениться и расти просторно и привольно семейное древо, есть дѣло великое и прекрасное. Весь смыслъ только въ средствахъ пріобрѣтенія.

Прокофій Трофимовичъ трудился добросовѣстно, подобно герою новаго свѣта, принесъ въ жертву великому замыслу

МОСКВИТЯНИНЪ.

№ 3.

Февраль.

Кн. 1.

1853.

ВИКТОРЪ.

ПОВЕСТЬ ДВУХЪ ВЪДЪЛТАНЪ.

(Продолженіе).

VI.

Но что же дѣлалъ Викторъ въ квартирѣ своей, замаскированной остатками древняго величія? Благодаря этому оптическому обману, юноша не вдругъ опомнился и не тотчасъ понялъ свое положеніе.

По правиламъ благовоспитаннаго челоѣка, по смерти отца онъ обвилъ круглую шляпу скорбнымъ крепомъ и выдержалъ въ уединеніи узаконенный на первое горе срокъ; но когда явился снова туда, гдѣ толпятся люди, онъ изумился прогрессу, на который въ такое короткое время обществу двинулось впередъ.

Не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ Викторъ разстался съ этимъ обществомъ, въ которомъ едва только успѣлъ водвориться на основаніи прежнихъ правъ, и все въ немъ такъ перемѣнилось, что онъ пришелъ какъ будто въ невѣдомый, чужой край.

Тамъ уже носили на цѣлыхъ двѣ линіи шире поля шляпъ, на цѣлыхъ два дюйма короче полы кафтаноѣ. Тамъ двигали умы новые для него интересы, тамъ говорили о неизвѣстныхъ ему предметахъ.

— Это ты, Людвиновъ? откуда? гдѣ пропадалъ? — спросилъ его одинъ добрый челоѣкъ, замѣтившій его отсутствіе.

— Бздилъ за границу? — прибавилъ другой, вспомнившій о его сборахъ.

— Смерть отца удержала меня, — въ смущеніи отвѣчалъ Викторъ.

— А! — произнесли нѣкоторые, знавшіе юношу какъ богатаго наследника.

Въ эту минуту къ Виктору протянулась маленькая ручка въ бѣлой перчаткѣ, держащая нѣсколько лотерейныхъ билетовъ, отъ которыхъ не осмѣлился отказаться бѣдный Викторъ, и за которые, зная лучше другихъ свои обстоятельства и не доверяя себѣ въ долгъ, онъ тотчасъ же спѣшилъ расплатиться.

— Былъ вчера? — спросилъ его вновь подошедшій, ничего не слушающій и ничего не замѣчающій втреникъ.

— Гдѣ? — подумалъ Викторъ.

— Еще бы? чего и спрашивать? — отвѣчалъ за него кто-то, внимавшій вопросъ.

— Сущее очарованье!

— Изумительно!

— Восхитительно!

— Упоительно! — слышалось хоромъ.

— Благодарная публика готовить подписку.

— Вотъ она, — сказалъ осанистый баринъ, поднося подъ самый носъ Виктору длинный списокъ.

— Что такое? — спросилъ онъ.

— Бриллиантовая діадема.

— И чудовищный букетъ, — послышалось изъ толпы.

— Пошлаость! — раздалось съ другой стороны. — Сто воровъ чудовищныхъ букетовъ, чтобъ усыпать ими весь снѣгъ по дорогѣ до ея отеля!

— Прекрасная мысль! я подаю голосъ на сто воровъ чудовищныхъ букетовъ! — вѣдхвало какое-то существо съ воспріимчивымъ воображеніемъ.

— Что за нелѣпость!

— Извините, нисколько не нелѣпость; въ честь боговъ сжигали жертвы; въ честь нашего мѣла мы бросаемъ деньги въ окно.

Во время этого спора, юному герою нашему посчастливилось отлавировать отъ подписки.

Но здѣсь перехватило его лицо, пользующееся въ публикѣ нѣкоторой пзвѣстностію и не принадлежащее къ числу будничнаго народа, every day's people. Этотъ господинъ имѣлъ ту особенность, что набѣгомъ являлся въ общество, исчезалъ и являлся снова, бродя какъ вѣчный жидъ по свѣту, говоря безъ умолку, и, какъ большая часть говоруновъ, ничего не дѣлая. На счетъ его носились темные слухи, на которые до сихъ поръ Викторъ не обращалъ вниманія.

— Какъ невыносимо это сословіе гостинныхъ мытарей, — сказалъ онъ юношѣ, взявъ его подъ руку, — каждый изъ насъ волею и неволею подвергается ихъ налогамъ; а вы молодые, независимые обладатели отцовскихъ капиталовъ, служите имъ настоящей оброчной статьей.

Судьба въ этотъ вечеръ, казалось, умышленно напоминала Виктору на каждомъ шагу его общественное паденье.

— Что жъ дѣлать! — вымолвилъ онъ съ такой улыбкой, какъ будто былъ еще въ самомъ дѣлѣ независимымъ обладателемъ отцовскихъ капиталовъ.

— Да то, если позволите подать вамъ дружескій советъ, чтобъ поступать съ нѣкоторой осмотрительностію и принимать хладнокровнѣ восторги и поощренія, расточаемыя на счетъ вашихъ кармановъ. Самъ я въ этомъ отношеніи гораздо глубже поученья, которое вамъ читаю; но по методѣ лучшихъ поучителей говорю вамъ отъ искренняго сердца: faites comme je dis et non comme je fais.

Эта беседа происходила въ собраніи, куда стекается эвальяма общества, гдѣ въ гражданственномъ и въ нравственномъ и во всякомъ отношеніи первыя и послѣднія поставлены на одну доску, гдѣ подъ нахлобученнымъ капитаномъ и черной маской скрывается всякая всячина.

— Здравствуй, Монтекристо! — прервала собесѣдника Викторъ подошедшая къ нему капуцинка.

— Ты знаешь меня?

— Знаю. Но не здѣсь началось наше первое знакомство.

— Гдѣ жъ именно?

— Далеко отсюда, подъ жгучимъ небомъ Африки, въ пескахъ Сахары.

— Лжешь.

— Я докажу тебѣ, что говорю правду.

— Какимъ образомъ?

— Очень просто. Я сидѣла подлѣ тебя на спинѣ верблюда, на которомъ ты переплывала безводный океанъ степи, потомъ ѣхала рядомъ съ тобою на спинѣ осла, потомъ на спинѣ лазарона, который тащилъ тебя къ кратеру Везувія; мы отдыхали вмѣстѣ съ тобою подъ тѣнью кедровъ Ливана, блуждали вмѣстѣ по прихоти волнъ между двухъ безднъ воды и неба, по тропинкѣ, проложенной героемъ новаго свѣта. Вѣришь ли теперь тому, что я знаю тебя?

— Нѣтъ, не вѣрю.

— Не говори мнѣ грубостей, или я вынуждена буду привести тебѣ на память такія эпохи...— Она остановилась, какъ будто не рѣшаясь поразить его.

Маска уже начинала интересовать своихъ собесѣдниковъ; но въ эту минуту подошелъ къ ней какой-то сердитый господинъ:

— Помилуй, матушка, пора опомниться, ужъ второй часъ ночи, — сказалъ онъ, потянувъ ее за рукавъ довольно неосторожно, и домино, влекомое силою, исчезло въ толпѣ.

— Это удивительно, — сказалъ такъ называемый Монте-кристо, обращая рѣчь къ Виктору, — какую отъ долговременнаго опыта глазъ мой пріобрѣлъ вѣрность взгляда на характеристику нѣкоторыхъ маскарадныхъ личностей.

— Къ которой же изъ нихъ принадлежитъ особа, только что говорившая съ нами?

— Къ разряду, который, по моему мнѣнію, есть самый пошлый изъ всѣхъ. Это не простодушное дитя венеціанскаго карнавала, которое рѣзвится, хохочетъ и безумствуетъ изъ одного удовольствія рѣзвиться, безумствовать и хохотать. Это не парижанка вѣчно влюбленная, вѣчно интригующая, которая, увлекаясь сегодняшнею страстію, проводитъ подъ маскою живность дѣтъ вчерашнихъ. Это какая-то жалкая карриатура, какая-то ходячая претензія. Это какая-нибудь почтенная семья

винка, жена какого-нибудь труженика, которой надоела воркотня мужа и пискъ ребятишекъ, которая за несимънемъ порядочнаго платья и достаточныхъ средствъ, надвѣваетъ на голову чернѣйшій колпакъ и отправляется подышать свободнымъ воздухомъ въ освѣщенную залу, гдѣ ей предоставлено право равенства съ міромъ, съ которымъ она не имѣетъ ничего общаго и на который она смотритъ сквозь закопченное оконце своей квартирки. Здѣсь ее возбуждаетъ непривычная атмосфера, въ ней развертывается какая-то пруть, и она потѣшаетъ себя, разыгрывая старую комедію «Калифъ на часъ», по подготовкѣ нѣкоторыхъ прочитанныхъ въ романахъ маскарадныхъ сценъ, нѣкоторыхъ кой-гдѣ собранныхъ свѣденій.

— Это хоть грустно, однако, можетъ быть, справедливо, — сказалъ Викторъ.

— Справедливо какъ нельзя болѣе, вѣрьте мнѣ. Слонякъ много по свѣту, я приглядѣлся ко всему.

— Вы много путешествовали? — спросилъ Викторъ.

— Безконечно много. Возможность двигаться, то-есть перемѣнять мѣсто, есть одна изъ величайшихъ привилегій животнаго надъ растеніемъ.

— Да, — сказала вздохнувъ Викторъ, — и я имѣлъ намѣреніе объѣхать Европу.

— И что-жь?

— Смерть отца и нѣкоторыя другія обстоятельства удержали меня.

— Что отложено, то не погибло; вы исполните ваше намѣреніе нѣсколько позднѣе.

— Теперь не думаю.

— Напрасно.

Викторъ вздохнулъ опять. Это было еще тяжкое напоминаніе горькихъ обстоятельствъ.

— Я на этотъ счетъ престранно созданъ, — заговорилъ опять новый знакомецъ его, котораго и мы назвали Монтекристо: — мнѣ кажется, что человекъ, получившій однажды въ даръ жизнь, а въ жилище земной шаръ, нѣкоторымъ образомъ обязанъ, какъ добрый хозяинъ

своей планеты, обозрѣть собственными глазами хотя разъ въ жизни это обширное и великолѣпное жилище. Конечно, есть люди, способные изъ темной кельи бросать вдохновенный взглядъ на весь міръ, взлетать воображеніемъ за облака; но я не могу, не въ силахъ отрешать духъ отъ плоти; эту брениую плоть несу я всюду за собою.

Предавался по видимому любимой мысли, этотъ господинъ сталъ развѣртывать передъ юношей лѣвнительныя картины; какъ будто волшебнымъ жезломъ подымая завѣсу, онъ показывалъ ему дивную панораму. Вся климаты, отъ сіяющихъ оналами снѣговыхъ глыбъ полярныхъ, до могучей тропической растительности, проходили постепенно передъ очарованнымъ взоромъ Виктора; все отътики развитія гражданскаго, и дикія, поэтически-лѣвнительныя, сцены природы, оживотворялись мастерскимъ его краснорѣчіемъ, опутывая Виктора сѣтями соблазна и терзая мученіями Таптала.

Вернувшись домой, бѣдный молодой человекъ понялъ, что самъ онъ былъ отнынѣ нѣчто въ родѣ капуцинки, о которой говорилъ новый знаемецъ его, что былъ онъ изгнанникомъ, паріемъ того самаго круга людей, въ который вошла было такъ блистательно. Чтобы посѣщать эти торжища свѣта и принимать въ нихъ участіе, слѣдовало дѣду его Прокофію Трофимовичу не проигрывать процесса Медвѣдовой.

Послѣ этого горькаго сознанія, нѣсколько дней сряду Викторъ не выходилъ изъ дому, терзаясь гордою тоской, отъ которой вдругъ видимо переѣнился и пожелтель, отъ которой, по сочувствію, худѣла и желтъяла мать его Настасья Прокофьевна. Но взволнованная желчь, которую имѣла выходъ въ истерическихъ рыданіяхъ Настасьи Прокофьевны, была Викторъ въ голову, вызывая бредъ и проклятія.

— Что жъ это за злобая шутка судьбы разыгралась со мною? — спросилъ онъ самъ себя, какъ будто вызывая судьбу на единоборство. — Судьба! непонятное слово! бессмысленный мѣлъ, который однако жъ имѣетъ власть сѣять въ толпѣ людей уродства и немощи, нищету и язвы, имѣетъ власть клеймить печатью отверженія, крушить и ко-

катъ по произволу свои жертвы, въ томъ великодушномъ предположеніи, что за нимъ идетъ общая цѣлительница всѣхъ недуговъ—могила!.. А между тѣмъ дѣлай что хочешь или терпи, — продолжалъ говорить самъ съ собою Викторъ, — терпи! прекрасное слово! Носи на плечахъ ношу, которая давить непрерывно и вдавить въ землю!... Но почему жь не терпѣть въ самомъ дѣлѣ? много ли человеку надо? Поселись онъ въ безлюдной пустынѣ, тамъ горсть финиковъ и лазурный сводъ неба—чего жь больше? Тамъ нѣтъ ни соревнованія—полезной добродѣтели, ни зависти — смертнаго грѣха!... Гдѣ-жь, однако жь, выходи изъ моего страшнаго положенія? Вѣдь на этомъ вопросѣ можно помѣшаться!—воскликнулъ въ отчаяніи юноша.—Но что жь за беда!—прибавилъ онъ съ горькою улыбкой,—всѣ люди болѣе или менѣе помѣшаны, всѣ до одного, съ тою только разницею, что бѣльшая часть изъ нихъ имѣетъ утѣшеніе не понимать своего состоянія, тогда какъ я, съ своей способностію отдавать себѣ отчетъ въ каждомъ движеніи души, имѣю надъ ними привилегію сознать всю свою ничтожность!.. О, будь проклята эта мучительная способность ловить за хвостъ каждую мимолетную мысль, каждое скользящее впечатлѣніе, преслѣдовать ихъ отъ истока до впаденія въ вѣчность, углубляться съ ними въ бездонныя пропасти и выносить изъ нихъ всякой хламъ!.. Бѣдный философъ! Если бы, по крайней мѣрѣ, могъ я пропитать себѣ насквозь демонской гордостью обитателя пустой бочки!.. Но рубище потеряло уже свою поэзію, оно издастъ сирадѣ и внушаетъ одно отвращеніе!..

Подобныя монологи естественно доводятъ до болѣзненнаго состоянія. Чѣдра Викторъ пылала, а лихорадочная дрожь леденела его члены. Выбившись изъ силъ, онъ впадалъ въ тяжелую дремоту; но сонъ не былъ для него успокоеніемъ. Какъ умирающему отъ голода и жажды снятся вкусныя яства и прозрачныя ручьи, ему грезились великолѣпныя виднія, чертоги, озаренныя розовой мглою, увѣшанные богатыми тканями; онъ ступалъ по мягкостваннымъ коврамъ, утопалъ въ зыбко-волнистыхъ постеляхъ, его нѣжили и жгли воздушно-прекрасныя призраки.

Но вдруг, посреди этого волшебнаго бреда, проявлялось самосознаніе, и отвратительная сущность, какъ упрекъ совѣсти, внезапно будила его. Онъ просыпался какъ преступникъ, облитый холоднымъ потомъ.

Съ восходомъ солнца чувства нѣсколько успокоились; но мысль продолжала тревожить его. Въ сотый разъ перечитывалъ онъ на память весь ходъ проигранной тяжбы, и готовъ былъ, казалось, преслѣдовать этотъ призракъ въ третьемъ поколѣннн, желалъ, по примѣру дѣда и матери, заблудиться цѣлую жизнь, лишь бы не знать страшнаго истины.

— Какъ и чѣмъ возвратить эту потерю?—восклидалъ мысленно Викторъ.—Въ три ставки, въ нѣсколько секундъ добиться того, чего такъ напрасно добивался цѣлую жизнь старикъ дѣдъ мой!...

И въ его воображеніи зеленѣло поле ломбернаго стола съ текущими по немъ потоками злата; но колоды картъ незамѣтно уступали мѣсто билетамъ на Варшавскую лотерею; эти послѣдніе смѣнялись строемъ невѣсгъ, несущихъ за собою кипы банковыхъ билетовъ; даже водевильные дяди, возвращающіеся изъ Индіи, для завѣщанія вѣковыхъ трудовъ своихъ какому-нибудь тунядцу племяннику, дразнили его воображеніе.

Истощивъ нравственныя силы въ этомъ безплодномъ творчествѣ, Викторъ вдругъ почувствовалъ необходимость вздохнуть свѣжимъ воздухомъ, или броситься въ омутъ, или угорѣть въ чаду.

Выбѣжавъ на улицу, онъ вскочилъ на перваго извозчика, и крикнулъ: пошелъ! Ему хотѣлось летѣть самъ не зная куда.

Онъ пожиралъ глазами блескъ расположенныхъ выставками по обѣимъ сторонамъ улицы магазиновъ; алчные взоры его, то липли къ фасаду вельможнаго дворца, то влеклись по слѣду богатаго экипажа, то какъ будто щупали карманы дороднаго съ довольной фізіономіей пѣшехода, то впивались въ изящно орамленную красоту.

Эта голодная лихорадка возбудила до изступленія цѣлдушный организмъ его. Онъ надѣмалъ въ этотъ день сто-

ко безразсудствѣ, на сколько хватило времени и силъ. Былъ вездѣ, гдѣ только можно было быть, и привезъ домой, по крайней мѣрѣ, на столько изнеможенія, что, бросившись въ постель, тотчасъ же заснулъ крѣпкимъ сномъ.

На слѣдующее утро его разбудилъ сторожъ департамента съ требованіемъ къ должности, о которой не привыкъ еще заботиться Викторъ. Это требованіе, при самомъ пробужденіи, не было такого свойства, которое могло бы пролить цѣлебный бальзамъ на его раны.

Тяжело вздохнулъ молодой Людвиновъ, и Богъ знаетъ какой ропотъ подвнялся снова въ тревожной душѣ его; но вдругъ раздавшійся бѣшеный звукъ колокольчика у его двери, порвалъ проволоку и мысль Виктора, и заставилъ его неволью содрогнуться.

VII.

Викторъ взглянулъ съ изумленіемъ на вошедшаго. Это былъ вчерашній Монтекристо.

— Я къ вамъ съ вопросомъ,—сказалъ онъ.

— Съ какимъ именно?

— Съ такимъ.... Однако жъ, скажите мнѣ, сдѣлайте одолженіе, почему живете вы такъ высоко? — прибавилъ онъ озираясь.

— Въ этомъ-то состоитъ вопросъ?

— О, нѣтъ, совсѣмъ не въ томъ.

— А въ чемъ же?—спросилъ Викторъ довольно сухо.

— Въ чемъ? да въ томъ, что я желаю знать, въ самомъ ли дѣлѣ вы намѣрены ѣхать въ чужіе края?

— Но ѣду я или не ѣду, какимъ образомъ это можетъ быть для васъ интересно?

— Такимъ образомъ, что мнѣ вѣдунулось пригласить васъ ѣхать съ собою.

— Что это значитъ?

— Очень просто: вы знаете, что я никогда не сижу на одномъ мѣствъ болѣе трехъ мѣсяцевъ, но можетъ быть не знаете, что я никогда не пускаюсь въ путь одинъ.

— Что жъ изъ этого слѣдуетъ?

— То, что вы должны вѣхать со мною.

— Я не понимаю.

— Тутъ однако жъ нѣтъ ничего непопятнаго. Впрочемъ, понимаете ли вы, или не понимаете—это все равно. Дѣло въ томъ, что я очень хорошо понимаю ваше положеніе и готовъ взять на себя всѣ путевыя заботы. Вы можете быть совершенно покойны и положиться во всемъ на меня.

Викторъ смутился. Ему случалось уже слышать нѣкоторыя анекдотическія повѣствованія о странностяхъ этого чловека, о его замѣчательныхъ путешествіяхъ, о знакомствѣ съ цѣлымъ міромъ, и о томъ, что онъ живетъ въ полное удовольствіе средствами, которыя впрочемъ оставались для всѣхъ задачей. Этотъ фантастическій нѣкоторымъ образомъ гость, съ такимъ необыкновеннымъ предложеніемъ, въ такую тяжкую минуту жизни Виктора, показался ему демономъ искушителемъ.

— Ну что жъ, согласны ли вы поручить свою неопытность моему опытному руководству въ дорогѣ? Божусь, что вы не на каждомъ шагѣ встрѣтите дароваго чичерона.

— Такое предложеніе слишкомъ выгодно. Не желать воспользоваться имъ невозможно. Однако жъ какимъ же образомъ....

Викторъ покраснѣлъ и не договорилъ своей мысли.

— Какимъ образомъ,—думалъ онъ,—изъ какихъ благъ навязываетъ онъ мнѣ свои услуги и предлагаетъ вѣхать на его счетъ? Это, право, что-то невзвратно. Однако жъ, Боже мой! не судьба ли разсѣкаетъ Гордіевъ узелъ!

И пасмурное лицо его прояснилось.

— Такъ стало быть по рукамъ,—поспѣшилъ сказать всланникъ судьбы, читая согласіе въ глазахъ Виктора.

— Право, не знаю; право, я не ожидалъ, я даже думалъ,—несвязно проговорилъ Викторъ.

— Что жь тутъ думать: я не предлагаю вамъ ничего новаго; вы намѣрены были ѣхать одни, а теперь поѣдете вдвоемъ, что впрочемъ не сдѣлаетъ вамъ никакой разницы, потому что я человекъ самый уживчивый и самый спокойный. Я могу болтать безъ умолку, если хотятъ меня слушать; могу молчать какъ чемоданъ, если таково расположеніе моего спутника. Спутникъ такъ необходимъ для моего счастья въ дорогѣ, что становится для меня кумпромъ, и я готовъ для него на всю жертвы.

— Но не будетъ ли это слишкомъ великодушно въ отношеніи того, кто не можетъ... не въ силахъ... не въ состояніи съ своей стороны дать никакого возмездія, — выговорилъ Викторъ, сдѣлавши насиліе своему самолюбію.

— Униженіе паче гордости; къ чему фразировать и чиниться; со мной это пропащій трудъ. Объясню вамъ просто за просто, безъ обиняковъ, почему ваше товарищество мнѣ полезно. Видите ли: бѣсъ странствія обладаетъ мною съ давнихъ поръ. Привычка непрерывнаго кочеванья такъ во мнѣ закоренилась, что я умеръ бы сидя на мѣстѣ. Но вѣчно скитаясь по чужбинѣ, я такъ пламенно люблю свою родину, что въ разлукѣ съ нею долженъ, по крайней мѣрѣ, не разлучаться съ кѣмъ-нибудь изъ моихъ соотечественниковъ. Это что называется и «дымъ отечества намъ сладокъ и приятенъ». Вы оцените истину моихъ словъ на собственномъ опытѣ. Вы поймете, что значить впродолженія нѣсколькихъ мѣсяцевъ не слышать роднаго слова. Повѣрьте мнѣ, что, поголодавъ такимъ образомъ, вы останетесь благодарны первому встрѣчному, который назоветъ васъ по-русски осломъ.

Викторъ простодушно улыбнулся.

— Следовательно по рукамъ?—Эти слова были сказаны такъ рѣшительно, что Викторъ подалъ невольно руку.

— Но съ уговоромъ, — прибавилъ вѣчный странникъ, — чтобы не медлить по пустому, съ первымъ же пароходомъ все должно быть готово. У меня ужь, видите ли, такая натура, ждать я не умѣю.

— Едва ли это возможно: я еще не имѣю ни отпуска,

ни паспорта, — проговорилъ еще не пришедшій въ себя отъ изумленія Викторъ.

— Тѣмъ лучше.

— Какъ это?

— Тѣмъ лучше, разувѣтся; потому что вмѣстѣ съ своимъ вы похлопочете и объ моемъ.

— Мнѣ также необходимо сдѣлать нѣкоторыя покупки.

— И безподобно. Я поручу вамъ закупить кой-что и для меня.

— Но на все это необходимо время, — сказала Викторъ, — и деньги, — хотѣлъ прибавить онъ, ожидая, что гость его вынетъ свой бумажникъ; но гость не думалъ о бумажникѣ, и Викторъ не рѣшился ему напомнить.

— Время! Нѣтъ ужъ времени тратить по пустому я не позволю; время драгоценнѣйшій изъ всѣхъ капиталовъ; все прочее дѣло наживное: здѣсь потеряешь, тамъ найдешь, а время, о!... ни одинъ потерянный часъ не возвращается никогда!

Но дѣло-то *наживное* пуще всего и безпокоило Викторъ; однако же объ немъ не заикнулся обладатель невѣдомыхъ сокровищъ.

— Можетъ быть потому, — подумалъ Викторъ, — что денежные люди не понимаютъ возможности нуждаться въ нѣсколькихъ сотняхъ рублей.

— Такъ уговоръ лучше денегъ, — сказала, какъ будто подслушавъ мысль его, неожиданный благодѣтель, — не мыскайте, поворачивайтесь живѣе, собирайте свою амуницію, — прибавилъ онъ, протянувъ руку, и съ этимъ словомъ кивнулъ ему головою и сказалъ ужъ за дверями: до свиданія!

Съ нѣкотораго времени самолюбіе Викторъ стало всѣмъ затрогиваться, раздражаться отъ всякаго вздора. Оставшись одинъ, онъ почувствовалъ, что одолжается слишкомъ немало важнымъ пожертвованіемъ, и вхвать, какъ вообразилъ онъ, чужой счетъ, показалось ему совершенно недостойно.

— Я ѣду на его счетъ, но на какомъ же счету? — сказалъ запросъ самъ себѣ Викторъ, — на положеніи забавнаго отвода скуки? Не такъ ли?

Въ порывъ рыцарскаго раскаянiя, онъ бросился къ столу и началъ писать извинительную записку; но не могъ придумать ни довольно складнаго, ни довольно уважительнаго извиненiя. Бросивъ съ досадою перо, онъ вскочилъ съ мѣста.

— Каково положенiе! — продолжалъ Викторъ, быстро шагая по комнатѣ. — Мнѣ предлагаютъ роль дорожнаго прислужника, и я съ восторгомъ принимаю это позорное предложенiе... и отъ кого? кто онъ такой? Не даромъ все въ недоумѣнiи, откуда берутся золотые источники, съ которыми онъ разъѣзжаетъ по земному шару. Кто онъ? колдунъ, алхимикъ или воръ? Каково же быть сообщникомъ подобныхъ художниковъ!... О, почтенный дѣдъ мой, Прокофiй Трофимовичъ! Старикъ, старикъ, что сдѣлалъ ты со мною!

Викторъ запустилъ пальцы свои въ золотыя кудри, и, казалось, готовъ былъ рвать на себѣ волосы.

Когда припадокъ бѣснованiя окончился и Викторъ снова присѣлъ къ столу, то, вмѣсто предполагаемой извинительной записки, онъ написалъ прошенiе объ отставкѣ и отпускѣ за границу.

Послѣ этого подвига, какъ будто камень отвалилъ отъ сердца нашего героя; совѣстливость его умолкла, молодость взяла свое, мысль о предполагаемой поѣздкѣ разсвѣла мракъ прочихъ мыслей, и онъ весело началъ готовиться въ дорогу. Началъ, какъ слѣдуетъ, съ того, что заказалъ себѣ кучу разнаго дорожнаго платья, накупилъ кучу разныхъ дорожныхъ принадлежностей. Тѣмъ свитковъ и свертковъ натащили отвсюду въ его квартиру.

— Bravo! сборы въ дорогу! да это что жъ такое? — спросилъ Викторъ спутникъ его, явившись къ нему чрезъ нѣсколько дней.

— Необходимыя дорожныя вещи.

— Ого! это что за ящикъ?

— Дорожные пистолеты.

— А это?

— Карманные пистолеты.

— Значить цѣлый арсеналь! А это?

— Охотничье ружье.

— И охотничье ружье! Когда жь и гдѣ располагаете вы заниматься полеваньемъ? Стрѣлять дичь съ паровоза? Ну, а это что за сундукъ?

— Это мой дорожный necessaire, въ немъ все, что только придумать можно для дороги.

— Особливо когда на днѣ положится побольше адресовъ на иностранныхъ банкировъ,—замѣтилъ опытный путешественникъ.

Не смотря на то, что это замѣчаніе пощекотало самолюбіе Виктора, онъ придвинулъ къ себѣ огромную шкапу и съ какимъ-то ребячествомъ началъ раскладывать разныя вещи и вещицы. Вынимая ихъ, онъ отстегивалъ крючки, давилъ пружины, открывалъ крышечки, выдвигалъ лщички; но вниманіе зрителя обратилось на принесенный отъ ближняго ресторана обѣдъ, который слуга поставилъ по обычаю на подносѣ.

— Не правдали, какъ это удобно?—говорилъ свое Людвиновъ, не замѣчая, что ломалъ и царапалъ руки, разбирая тайны Лиллипутовъ.

— Удобно, что и говорить, и въ особенности полезно,—сказалъ безъ церемоніи гость, подсѣвъ къ подносу.

— Вотъ краски и карандаши, продолжалъ Викторъ, вынимая изъ-подъ ящичка съ патентованными бритвами, ящикъ рисовальнаго прибора.

— Вы и рисуете?—спросилъ, работая челюстью, собеседникъ; но въ торопяхъ поперхнулся и потребовалъ промочить горло:—*les mechants sont les buveurs d'eau*,—сказалъ онъ, взглянувъ презрительно на графинъ невской воды.

— Нѣтъ, не рисую,—отвѣчалъ, распорядившись къ его удовлетворенію, Людвиновъ.—Но я намѣренъ приобрести коллекцію рисунковъ нѣкоторыхъ итальянскихъ художниковъ.

— О, на этотъ счетъ вы можете положиться на меня. Я живу, что называется, душа въ душу со всеми европейскими знаменитостями по художественной части. А какой родъ живописи предпочитаете вы?

— Я люблю пейзажъ и желалъ бы имѣть для воспоминанья нѣсколько порядочныхъ видовъ Средиземнаго моря и береговъ Рейна.

— Ну ужь, по моему мнѣнiю, это сущiй вздоръ. Повѣрьте бывалому человѣку, что нѣсколько какихъ бы то ни было видовъ не воплотять передъ вами ни одного живаго воспоминанiя. Для воспоминанiя слѣдуетъ поступать по моему, то-есть ѣхать смотреть эти виды снова и снова, и смотреть ихъ не въ картинѣ, стиснутой въ рамъ, а тогда, когда отражаются они въ глазахъ возлюбленной, кочующей вмѣстѣ съ вами.

— Это прекрасно, — сказалъ улыбаясь Викторъ, — но въ моей дорожной шкатулкѣ нѣтъ запасной возлюбленной.

— Эти вещи прiобрѣтаются на пути также, какъ и все остальное, — сказалъ товарищъ предпринимаемаго путешествiя, осушивъ стаканъ вина, которое, благодаря петербургской индустрии, тотчасъ же явилось на столъ, изъ преисподняго погреба, находящагося тутъ же подъ домомъ. — И въ этомъ случаѣ, — продолжалъ онъ, — совѣтую вамъ положиться на меня. Во всѣхъ закоулкахъ мiра у меня разсѣяны восхитительныя знакомства, и сколько дивныхъ, живыхъ поэмъ могу я разсказать вамъ въ этомъ неподражаемомъ родѣ. О, да какiя неизмѣримо глубокiя природы случалось мнѣ встрѣчать между этими созданiями; какую младенческую чистоту, какое простодушиѣ!...

— Я этому какъ нельзя болѣе расположенъ вѣрить, — сказалъ восторженно Викторъ.

— Во время безконечныхъ моихъ странствiй, чего не случалось мнѣ переносить на плечахъ своихъ, — продолжалъ восторгаясь странствователь, — въ какихъ положенiяхъ не удавалось мнѣ быть! Мнѣ случалось на пути моемъ сходиться съ такими лицами, касаться такихъ струнъ челоуѣческаго сердца, которыхъ, можетъ быть, не касался никто на свѣтѣ! уверяю васъ!

— Да, — подтвердилъ Викторъ, — въ нашей холодной, разсчитанной и размѣренной жизни все такъ пошло, такъ на-

изусть вытвержено, что по неволѣ вянешь, черствеешь и коснѣешь посреди общаго увяданья, коснѣнья и очерственья!

— О, блаженны, сто кратъ блаженны эти минувшіе часы беззаботной жизни, часы легкаго разгула, который свяжить душу и тѣло и возрождаетъ къ новымъ подвигамъ и наслажденіямъ. Кто испыталъ подобныя мгновенія, тотъ уже не заплѣснѣтъ въ стоячемъ болотѣ однообразной жизни, тотъ уже не въ силахъ будетъ просыпаться ежедневно подъ однимъ и тѣмъ же потолкомъ, выходить въ одинъ и тотъ же урочный часъ изъ дому, видѣть однѣ и тѣ же лица, слышать однѣ и тѣ же пошлости!...

— Это все справедливо, и неподобно, и увлекательно, однако жъ не всякому даны достаточныя средства на то, чтобы удовлетворять подобныя порывы души и потребности сердца,—проговорилъ Викторъ, сочувствуя своему положенію.

— Достаточныя средства! Позвольте васъ спросить, что такое средства? Это, по истинѣ, пустой звукъ въ отношеніи того, кто одаренъ твердою волею и рѣшительностью быть такъ, а не иначе, существовать для того, чтобы жить, а не жить для какого-нибудь нелѣпаго существованія. Я скажу вамъ про себя. Какъ вы думаете, почему я почитаю себя самымъ независимымъ человекомъ въ мірѣ?

— Потому, вѣроятно, что вы имѣете достаточныя средства для удовлетворенія всѣхъ вашихъ потребностей.

— Ни сколько! ни мало!

— Ну потому, что все-таки вы имѣете достаточныя средства на удоуметвореніе вашихъ главныхъ необходимыхъ потребностей.

— Вовсе не потому, и не потому.

— Потому, наконецъ, что ваши потребности соразмѣрны вашимъ средствамъ и никакъ не превосходятъ ихъ.

— Вы находитесь за милліонъ миль отъ истины. Я почитаю себя человекомъ самымъ независимымъ потому именно, что у меня нѣтъ ровно ничего.

— Извините, я не понимаю васъ.

— Не имѣвши никогда и не имѣя теперь никакихъ средствъ, я имѣлъ всегда и теперь имѣю возможность сущ-

ствовать соответственно своимъ склонностямъ и вкусамъ, не бывъ при томъ способенъ ни къ какой прибыльной дѣятельности, ни къ какому шарлатанству, и, разумеется само собою, ни къ чему недостойному благороднаго чловѣка.

Викторъ весь обратился въ слухъ. Этотъ разговоръ былъ во всѣхъ отношеніяхъ для него интересенъ и поучителенъ.

— Я очень доволенъ, — сказалъ, позавтракавъ наконецъ обѣдомъ Виктора, великій знатокъ жить безъ средствъ. — Я какъ нельзя болѣе доволенъ тѣмъ, что разговоръ нашъ принялъ этотъ оборотъ. Я бы даже не рѣшился пуститься съ вами въ путь, не давъ вамъ на чистоту объясненія своихъ обстоятельствъ, и почитаю себя обязаннымъ сказать вамъ, что, сопутствуя вамъ, я завербовываю себя вамъ на службу. Вы, какъ извѣстно мнѣ и многимъ знающимъ васъ, молодой чловѣкъ съ обезпеченнымъ состояніемъ и безъ, всякаго сомнѣнія, съ необезпеченною опытностію въ дорогѣ. Я предлагаю вамъ себя въ арендаторы нашего общаго путешествія. Ту сумму, которую вы намѣрены были ассигновать на эту поездку, съ моимъ знаніемъ дѣла, я берусь распределить такъ, что этой суммой не только удвоятся, но даже утроятся польза, удобство и пріятность нашего пути. Всѣ эти выгоды, какъ вы сами видите, находятся чисто на вашей сторонѣ; а доставляя вамъ ихъ, я пользуюсь ими наравнѣ съ вами и кругомъ порукою разыгрываю взаимную обязательность на кнѣгъ.

Можно себя представить, что долженъ былъ чувствовать Викторъ, выслушивая это объясненіе. Голова его пошла кругомъ. Ему казалось, что онъ бредитъ на яву, — что самъ стана, олицетворивъ передъ нимъ гиперболическій образъ Монтекристо, доказываетъ ему, что деньги есть ничто иное, какъ звучащіе круглые нули, что они слѣдовательно ровно ничего.

Долго еще слушалъ онъ молча и не вѣря ушамъ своимъ, и когда, наговорившись до сыта, загадочное лицо вышло изъ комнаты, и когда захлопнулась за нимъ дверь и мало по малу изсякъ гулъ шаговъ его, Викторъ бросился на кровать и разразился болѣзненнымъ, горькимъ смѣхомъ надъ самимъ собою.

Теперь уже время сказать читателю, что утро, в которое проснулся Викторъ въ началѣ этого разсказа, было именно слѣдующее за этимъ глушосмыслнымъ обстоятельствомъ, объясняющимъ въ полной мѣрѣ неприятное ощущение юности при его пробужденіи.

Онъ уже занесъ ногу на готовый отчалить пароходъ; но, говоря иносказательно, промахнулся и упалъ въ пучину.

Отъ этого сознанія бѣдный молодой человекъ изнемогъ. Молча отдавалъ онъ себя въ пищу своей мукѣ, и сосредоточенное въ душѣ безмолвное его страданіе было похоже на смиреніе предъ судьбою.

— Что жъ мнѣ съ собой дѣлать? — спросилъ онъ наконецъ самъ себя такъ спокойно, какъ будто бы вопросъ его касался посторонняго человека.

— Куда мнѣ дѣвать себя?... Я хотѣлъ бы бѣжать отсюда; но куда жъ бѣжать? Великъ кажется міръ, а въ цѣломъ мірѣ нѣтъ для меня мѣста!.. Нелѣзное положеніе! Не угодно ли кому-нибудь сдѣлать мнѣ милость объяснить, какое лицо представляю я теперь на земной поверхности? что я такое? человекъ, которому тѣсно и душно, и больше ничего.... Умъ мой развитъ, обогащенъ знаніями; но гдѣ жъ исходъ этой переполняющей мою голову пищи? Чувства мои также развиты, также обогащены знаніями: зрѣніе свыклось съ изящными линіями, слухъ сроднился съ гармоническими звуками, обоняніе изнѣжено, вкусъ доведенъ до крайней утонченности, осязательность требуетъ англійскихъ ресоръ, весь я требую простора, а вмѣсто того заживо похороненъ въ тѣсной шпигель!.. Каждый идущій мимо меня имѣетъ право сказать: онъ молодъ и силенъ, онъ обладаетъ способностями и можетъ трудиться.... А я вправѣ отвѣчать этому каждому, что способности мои чрезмерны, что эта самая крайность дѣлаетъ меня ни къ чему неспособнымъ. Руки мои слишкомъ долги, амбититы слишкомъ велики, умъ слишкомъ ясновидящъ, требовательность слишкомъ неограниченна. Какимъ образомъ и для чего вырабатываются въ мірѣ подобные мнѣ уроды?... Возможно ли представить себѣ невѣстную разуму мысль, что когда-нибудь всѣ выростутъ такими же колоссами, и до-

станеть ли тогда для вмащенія ихъ на землѣ мѣста!... О, Боже, Боже! куда укрыться мнѣ отъ собственнаго приговора, какъ отвязаться отъ этой проклятой головы! — вскрикнулъ въ заключеніе Викторъ, сдѣлавъ надъ собою усиліе, чтобъ удержатъ мысль неподвижной, и самъ протянулся и окаменѣлъ какъ мертвецъ.

Пролежавъ такимъ образомъ до поздняго утра, Викторъ всталъ, и переполняющая сердце его горечь добавилась еще такую же мѣрою горечи, которая хлынула на него изъ полученнаго отъ матери письма:

«Милый Витя, — писала Настасья Прокофьевна, — драгоценное дитя моего сердца! потеря нашего состоянія, это страшное горе, постигшее насъ, можно только сравнить съ громомъ небеснымъ, который разразится вдругъ надъ головою человека и убьетъ его; но и самая смерть въ сравненіи съ тѣмъ терзаніемъ, которое гложетъ мою материнскую къ тебѣ живность, ничто. Отцу твоему покойно теперь лежать въ могилѣ, а я проливаю горьчайшія слезы, и твое несчастное положеніе не выходитъ у меня изъ головы. Дохода съ нашего имѣнія не предстоить никакого. Меня окружаетъ нищета, и въ дополненіе ко всему этому, разныя неудовольствія. Сосѣдъ нашъ Петръ Петровичъ Чапаринъ, одинъ изъ первыхъ богатей нашей губерніи, наноситъ мнѣ оскорбленія; сынъ его, невѣжа и сорванецъ обижаетъ нашихъ крестьянъ, топчетъ своими собаками нивы наши, и не удостоивая меня посещенія или письменнаго отзыва, присылаетъ мнѣ разныя грубыя объясненія чрезъ слугу. Отецъ и матушка, благодаря Бога, здоровы. Молю только моего Создателя о томъ, чтобы не дожить до тяжкой минуты, когда буду вынуждена отказать вамъ въ единственной деревенской роскоши — ежедневной чашкѣ чаю. Да будетъ надъ тобою, драгоценное дитя моего сердца, мое благословеніе, которое да поможетъ тебѣ мужественно перенести твои бѣдствія; они, какъ острые ножи, язвятъ мнѣ грудь.

Несчастливая мать и другъ твой Настасья Людвинова.»

Прочитавъ это письмо, Викторъ содрогнулся. Тяжкое положеніе родныхъ его представилось ему во всемъ ужасѣ, и больное его воображеніе начало творить ему сны, которые не приснятся ни одному Обломову.

Но не станемъ покуда вскрывать черепъ юнаго страдальца и заглядывать въ хаотическій беспорядокъ его мыслей, скажемъ только, что изъ этого хаоса неожиданно возникла здравая мысль ѣхать въ деревню и привести имѣніе и семейныя дѣла въ какое-нибудь устройство.

VIII.

Викторъ былъ уже, какъ говорится, на мази; ему стояло только повернуть оглобли въ другую сторону по пути хоть менѣе пріятному, но болѣе надежному и ведущему къ цѣли болѣе существенной.

Описаніе этого пути, со всеми болѣе или менѣе съѣдобными объѣдами, болѣе или менѣе безпокойными ночлегами, было бы излишнимъ. Мы догоняемъ Виктора, въѣзжающаго въ родовую свою Людвиновку при закатѣ солнца, догорающіе лучи котораго угасали на ветхихъ кровляхъ избъ, гдѣ неожиданный пріѣздъ его произвелъ страшную тревогу.

Акулина, завидѣвъ первая молодаго барина, возвѣстивъ о немъ зычнымъ голосомъ, съ Настасьей Прокофьевной отъ внезапной радости сдѣлалась истерика, а старики Поляновы, подъ вліяніемъ непроизвольнаго уваженія, которое внушалъ имъ великолѣпный внукъ, выбѣжавъ къ нему на встрѣчу, сами не зная почему воздержались обнять и разцаловать его такъ, какъ бы хотѣлось.

— Ты ли это? тебя ли вижу я?—кричала всхлипывая разстроенная мать.

— Вотъ неожиданный дорогой-то гость нашъ! привелъ Богъ еще разъ видѣть! — говорила Анна Петровна, умиленно глядя на внука.

— Ай-да внучекъ, ай-да молодецъ! востосковался по старикахъ своихъ, да и прикатилъ!.. Вотъ оно молодое-то дѣло! — радостно рассуждалъ Прокофій Трофимовичъ.

— Ахъ, ты мой батюшка, весь-то ты въ пыли и въ грязи! — кричала Акулина, шаркая по спинѣ Виктора щеткой и какъ бы завладѣвъ на первомъ шагу, предпочтительно передъ всеми, дорогимъ прѣвзжимъ, который молча отдавалъ себя въ жертву общаго восторга.

— Викторъ мой, Викторъ! дигя скорби моей! — продолжала Настасья Прокофьевна съ драматической икотой — *Je hoquet dramatique*, выражаясь терминомъ старой трагедіи.

— А ужъ мы-то здѣсь какъ благоденствуемъ, чего только душѣ угодно, этакое приволье! — рассказывала Анна Петровна.

— Его одного только и не доставало къ полной чашѣ, — подтверждалъ Прокофій Трофимовичъ.

— Такъ вотъ и понапрасну сокрушаться-то изволили объ томъ, куда дѣвать яблочный горы. Вотъ и послалъ Богъ гостя къ готовому запасу, — замѣчала Акулина.

Викторъ, казалось, принималъ эти радушные привѣты за иронію; но привѣтамъ, возгласамъ, поцалуямъ и истерикамъ не было конца до самаго ужина, который проворно состряпала Акулина, и по обычаю подала его въ жилище стариковъ, которое было также и трапезной родоваго замка нашего рыцаря.

— Кисельку-то овсянаго со сливочками покушай, батюшка, — говорила она, подчюя Виктора, — вѣдь здѣсь сливки не городскія: тамъ въ нихъ и не вѣсть чего подбалтываютъ.

Викторъ взялъ было въ ротъ ложку овсянаго киселька, поморщился и съ трудомъ проглотилъ, зачивъ густыми сливками. За киселькомъ послѣдовали пшенники, творожники, биточки и тому подобныя вещи, если не въ надлежащемъ изяществѣ, такъ въ надлежащемъ количествѣ.

— И ничего кушать не изволить! — съ грустію замѣчала Акулина, — а ужъ и безъ того всякій дѣнь приходится сносить со стола непочатыя блюда.

— Кому кушать-то ихъ у насъ, сказать правду: мы старые люди, много ли намъ надо; а Настасья Прокофьевна больной человекъ, — сказалъ Прокофій Трофимовичъ.

— Да что и говорить, не далъ Господь Богъ жизни нашимъ двутушкамъ, — со слезами на глазахъ проговорила Анна Петровна; — а Настасья Прокофьевна не далъ плоду. То ли бы дѣло, еслибъ теперь вокругъ насъ было потѣшье; было бы кому и блюда очистить.

— Признаться сказать, этого только и не доставало! — резко выговорила Настасья Прокофьевна, взглянувъ съ вѣщей тоской на сына.

Викторъ улыбнулся и по привычкѣ погрузился въ размышленіе.

— Вподлинну такъ, — подтвердила незлобно старушка Полянова, — не нами сказано: многочадіе благодать Божія.

— Вподлинну такъ, — согласился и Прокофій Трофимовичъ, — чѣмъ больше семья, тѣмъ больше почтенья старымъ, тѣмъ больше молитвы къ Богу.

— Тѣмъ больше слезъ, тѣмъ больше ропота! — перебила Настасья Прокофьевна.

— Не грѣши, Настасья Прокофьевна. Вотъ онъ, повыше насъ, всему укащикъ и распорядитель, — сказалъ отецъ ея, указывая на образъ, передъ которымъ теплилась лампада.

— Не тебѣ бы тужить: не отяготили тебя дѣтки; — замѣтила ей слегка укоризненно и мать.

— Ужь такъ-то не отяготили, что и сама бы рада была не видать свѣта Божія.

— Господи мой Владыко, и какъ это у тебя языкъ поворачивается говорить такіа богопротивныя вещи.

— Да еще при родномъ дѣтищѣ, при Викторѣ Андреевичѣ, съ которымъ, благослови Господи, только что свидѣлись. Не грѣши, не грѣши, сударыня моя, Настасья Прокофьевна!

(Прокофій Трофимовичъ и Анна Петровна называли дочь и внука по имени и отечеству.)

— Не грѣшнѣе ли въ тысячу разъ давать поводъ роднымъ дѣтямъ на насъ плакаться, — едва воздерживая себя, проговорила Настасья Прокофьевна.

— Право я не понимаю тебя, ты что-то больно мудрена стала, воля твоя, Настасья Прокофьевна, — сказалъ Прокофій Трофимовичъ.

— И на что жь плакаться: все слава тебѣ Господи, — сказала Анна Петровна.

Викторъ слушалъ, продолжая молчать и предвидя новый пароксизмъ истерики бѣдной матери, онъ для приличія старался какъ будто войти во вкусъ замысловатой стряпни Акуляны, принимаясь то за то, то за другое кушанье.

— Да развѣ онѣ, родной, единственный сынъ мой, не вправъ сказать мнѣ, что я дала ему жизнь на горе? ну сродно ли ему это нищенское существованье? — И съ этимъ словомъ Настасья Прокофьевна залилась слезами.

— Finissez, maman, — сказалъ Викторъ, цалуя нѣжно руку сидѣвшей около него матери.

— Эка ты какая, хоть бы поберегла себя; а то ввѣдь съ самой смерти покойника не знаешь, что такое глаза осушить, ливнемъ разливается! — съ сокрушеньемъ говорила старушка.

— Да въ богатствѣ-то что за прибыль, и развѣ не текутъ слезы сквозь золото? — увѣщавалъ Прокофій Трофимовичъ, — вотъ на глазахъ у насъ сосѣдъ зажиточный, Петръ Петровичъ, а на радость что-ли сынокъ ему выдался?

— Ужь правду сказать, что не на радость; и наружность-то какая свирѣпая, — по обычаю подтвердила Анна Петровна, — раза два случалось въ церкви видѣть: войдетъ словно отчаянный какой, и до херувимской пѣсни вонъ бѣжить, словно оглашенный.

— Не намъ судить его, Богъ съ нимъ, и наружность его не то чтобы свирѣпая, а такъ, видно только что дѣло пустое, втеръ, — сказалъ избѣгающій злословія Прокофій Трофимовичъ.

— А усищи какіе, — замѣтила Анна Петровна.

— Что жь, усы не суть порокъ чловѣку, усы вставилу и я нашивалъ; да еще помнится, какъ женился на васъ, такъ былъ въ усахъ; развѣ позабыли вы, матушка моя, Анна Петровна?

— Ужь и въ усахъ, Богъ знаетъ, что выдумали. Меня и безъ усовъ-то насилу за васъ выдали; а будьте вы въ усахъ, не пошла бы ни за что на свѣтъ,—сказала Анна Петровна, улыбнувшись и ласково глядя на своего сожителя.

— Усы молодецкой красоть не порча; вотъ кабы усы да военный мундиръ нашему Виктору Андреевичу, такъ бы знаешь сколько процентовъ ему прибыло.

— Безъ сомнѣнiя! — вымолвила нервная Настасья Прокофьевна, — съ его нѣжнымъ сложенiемъ о военной службѣ только и думать!

— А вотъ на первыхъ порахъ попробую повоевать съ нашими сосѣдями,—сказалъ, въшпавшись наконецъ въ общую бесѣду, Викторъ, — продолжаютъ ли ихъ набѣги на наши пажити?

— Еще какъ продолжаютъ-то: просто безъ хлѣба оставить этотъ сорванецъ съ его охотой и собаками! и нѣтъ на него никакой управы! — раздражительно проговорила Настасья Прокофьевна.

— Озарникъ!—прибавила Анна Петровна.

— Я на дняхъ самъ къ нему поѣду,—сказалъ Викторъ.

— Вотъ и дѣло; да ты распорядись, какъ слѣдуетъ, по военному; у Петра Петровича дочка невеста, такъ кстати возьми ужъ и ее приступомъ.

— А хороша?—улыбнувшись спросилъ Викторъ.

— Не дурна; смугла немножко.

— А глаза-то изъ подлобья такъ и бѣгаютъ, — прибавила Анна Петровна.

— Да гдѣ-это вы ихъ видѣли?—сказала Настасья Прокофьевна.

— Гдѣ? известное дѣло въ церкви Божией. Вѣдь это ты, Господь тебя знаетъ почему, сидишь затворницей; а мы съ Прокофiемъ Трофимовичемъ не пропускаемъ праздниковъ Божiихъ, дѣло наше не молодое, покуда Царь Небесный грѣхамъ терпитъ, тутъ-то и благодарить его за великiя милости.

Между тѣмъ Акулина собрала со стола; а Настасья Прокофьевна, замѣтивъ, что усталому съ дороги Виктору время успокоиться, простившись съ стариками, увела его въ свой домикъ.

Но усталый чрезъ мѣру Викторъ, подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній, чувствовалъ воспріимчивые нервы свои въ такомъ напряженіи, что даже не покушался заснуть. Онъ радъ былъ однако же остаться одинъ, и не безъ удовольствія протянулся на чистой и покойной постель. Заботливая Настасья Прокофьевна, зная привычки милаго сына, умудрилась построить ему на скорую руку нѣчто въ родъ кабинета, раскинула по столикамъ разныя туалетныя вещицы, и Викторъ, привыкшій засыпать не иначе, какъ послѣ нѣсколькихъ страницъ какого-нибудь чтенья, нашелъ подъ рукою даже книгу изъ маленькой библіотеки, завезенной матерью въ деревню, состоящей изъ нѣсколькихъ сочиненій, особенно ею уважаемыхъ.

Однако же Виктору на этотъ разъ было не до чтенья. Собственная голова его не хуже какой-угодно книги представляла ему такія компактыя страницы, что онъ едва успѣвалъ охватывать ихъ разумомъ.

— Боже мой, что это за амальгама! и какъ пріучить себя выносить такія вещи: овсяный кисель, поученья почтеннаго дѣда моего, пѣни и слезы матери, лобзанья Акулины, эти сальныя огарки! — сказалъ почти громко Викторъ, снимая со свѣчи, — Боже! Боже!

— Сердце мое какъ-то особенно надрывается сегодня. Мнѣ кажется, что у меня аневризмъ. Что жъ мудренаго; оно бы даже и не худо было кончить нелѣпую судьбу этимъ естественнымъ образомъ. Однако стоило ли родиться, цѣлыхъ полжизни приготовляться къ торжеству жизни для того, чтобы умереть не вкисивъ жизни!... Но развѣ нельзя назвать жизнью существованье дѣда моего Прокофія Трофимовича? и такое существованье не предоставлено ли каждому, кто слѣпленъ изъ одинаковаго съ нимъ тѣста, въ которое не подбавлено чортъ зваетъ какихъ ядовъ, разжигających самолюбіе и налящихъ

адскимъ огнемъ... Есть одно противудіе этимъ ядамъ, — это роскошь. О, роскошь могла бы заглушить во мнѣ мои страшные порывы; она изнѣжила бы сердце, развратила бы вкусы, отуманила бы голову, истощила бы силы мои, и, выпивъ до дна всю эту чашу, я тянулъ бы подъ старость хриплымъ голосомъ:

L'Empereur de la Chi-i-i-ne,
Quant il n'a pas bâ...

И Викторъ въ самомъ дѣлѣ запѣлъ въ полголоса куплетъ, которому впрочемъ не училъ его менторъ Пино. Мурлыча себѣ подъ носъ, онъ взялъ лежащую на книгѣ сигару, гильотинировалъ ее, закурилъ осторожно, чтобы не обмакнуть въ плавущее со свѣчи сало, и, затянувшись,дохнулъ ароматнымъ облакомъ дыма.

— Скоро уже истощится этотъ небольшой запасъ любимыхъ сигаръ моихъ, необходимыхъ мнѣ, какъ воздухъ, которыми я дышу, — сказалъ онъ самъ себѣ; — когда испепелится послѣдняя изъ нихъ, я долженъ буду рѣшить судьбу мою. Къ этому роковому сроку я долженъ буду, или отыскать себѣ дѣятельность способную занять все нравственныя силы мои, или влѣпить себѣ пулю въ лобъ.

Съ этимъ словомъ Викторъ машинально протянулъ руку къ переплетенному изящно тому; оказалось, что это была поэма «Мертвые Души», одна изъ любимыхъ книгъ Настасьи Прокофьевны, пламенной почитательницы автора. Разумѣется, что Викторъ читалъ уже это произведение, но глаза его остановились на предисловіи втораго изданія, котораго онъ не зналъ, и нсволью потянулись по строкамъ:

« Кто бъ ни былъ ты, мой читатель, — началъ онъ, — на какомъ бы мѣстѣ ни стоялъ ты, въ какомъ бы званіи ни находился, почтенъ ли высшимъ чиномъ или чловѣкъ простаго сословія, но если тебя вразумилъ Богъ грамотъ и попалась уже тебѣ моя книга, я прошу тебя помочь мнѣ. »

Въ лицѣ Викторѣ выразилось недоумѣніе, и онъ продолжалъ пробѣгать предисловіе. Вниманіе его остановилось на слѣдующихъ строкахъ:

«Какого бы ни былъ ты самъ высокаго образованія и жизни высокой, и какою бы ничтожною ни показалась въ глазахъ твоихъ моя книга, и какимъ бы ни показалось тебѣ мелкимъ дѣломъ ее исправлять и писать на нее замѣчанія—я прошу тебя это сдѣлать.»

Это воззваніе къ читателю совершенно покорило вниманіе Виктора: оно относилось и лично къ нему. Онъ продолжалъ читать съ одушевленіемъ:

«Какъ бы, напримѣръ, хорошо было, если бы хотя одинъ изъ тѣхъ, которые богаты опытомъ и познаніемъ жизни и знаютъ кругъ тѣхъ людей, которые мною описаны, сдѣлалъ свои замѣтки сплошь на всю книгу, не пропуская ни одного мѣста ея, и принялся бы читать ее не иначе какъ взявши въ руки перо и положивши передъ собою листъ почтовой бумаги, и послѣ прочтенія нѣсколькихъ страницъ, вспомнилъ бы себѣ всю жизнь свою и всѣхъ людей, съ которыми встрѣчался, и всѣ происшествія, случившіяся передъ его глазами, и все, что видѣлъ самъ, или что слышалъ отъ другихъ подобнаго тому, что изображено въ моей книгѣ, или же противоположнаго тому, все бы это описалъ въ такомъ точно видѣ, въ какомъ оно предстало его памяти, и посылалъ бы ко мнѣ всякій листъ по мѣрѣ того, какъ онъ испишется, покуда такимъ образомъ прочтется мнѣ вся книга.»

Голова Виктора была голова пылкая и мозгъ его имѣлъ такое свойство воспалимости, что эти поджигательныя слова автора «Мертвыхъ Душъ» послужили фосфорной спичкой, поднесенной къ пороху.

— Хмъ, странно!—почти вскрикнулъ онъ, отложивъ книгу въ сторону, — за часъ тому назадъ я не зналъ, что начать съ собою, голодная смерть грозила уже нравственному моему человѣку, и вдругъ открывается передо мной обширное поле, и я начинаю видѣть предъ собою цѣль жизни, назначеніе, могущее заставить забыть всякую превратность рока!

— Изволь!—произнесъ Викторъ съ энтузіазмомъ, — изволь, гениальный человѣкъ, я выхожу на вызовъ твой! Здѣсь въ темной глуши мы снимемъ со стоячихъ болотъ тину, дадимъ всему токъ, жизнь! Изволь, по звуку твоего голоса я

выхожу на трудъ жизни во всеоружіи опыта и терпѣнія; и опытъ, и трудъ мы понесемъ въ даръ людямъ!... Да, изволь, я буду писать тебѣ все, что знаю, и вижу и что узнаю и увижу; для тебя отнынѣ будутъ глаза мои открыты и умъ на сторожѣ!

Викторъ, поставивъ себя на точку зрѣнія автора «Мертвыхъ Душъ», вдругъ почувствовалъ подъ ногами своими основаніе, онъ пересталъ висѣть между небомъ и землею, и какъ пловецъ, который послѣ тяжкаго усилія достигнулъ берега, заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Въ эту ночь снились ему страшныя пустыни, окруженныя горами вѣчнаго снѣга, и тощія стада, ищущія паствы въ скалахъ, гдѣ едва прозябала тошая зелень. Дикіе пастухи этихъ стадъ, достойные вожди безсловесныхъ, страшно глядѣли на него звѣрскими глазами; но менторъ Пино, въ хламидѣ жреца Аполлона, говорилъ имъ какія-то восторженныя рѣчи, а авторъ «Мертвыхъ Душъ» игралъ на свирѣли. Растроганныя этой игрой тигры, медвѣди и львы припали къ его стопамъ, сатиры выбѣжали изъ льсовъ и начали плясать вокругъ него хороводомъ; древесныя пни, казалось, сочувствовали этой музыкѣ, даже скалы склонились предъ нимъ во прахъ. Но среди этой чудной симфоніи вдругъ раздался рѣзкій голосъ Ноздрева:

— Ужъ ты братъ, ты, ты... я не отойду отъ тебя, пока не узнаю, за чѣмъ ты покупалъ мертвыя души, — загорланилъ онъ, хватая Виктора за полы сюртука, — позволь, душа, я влеплю тебѣ одинъ безе, — продолжалъ Ноздревъ, обнимая нашего героя, который, подобно герою «Мертвыхъ Душъ», съ замираніемъ сердца вырывался изъ этихъ объятій.

IX

На слѣдующее утро Викторъ пилъ у раствореннаго окна своей комнаты чай, глядя на раскинутый передъ нимъ ландшафтъ маленькаго пруда, до половины затянутаго тинной, въ которомъ полоскались, ныряя и опрокидывая въ глубь головки, связые воспитанники Акулины. Нѣсколько березъ и плакучихъ ивъ, осѣняя рѣзвую семью, колыхали надъ ней вѣтвями.

Передъ Викторомъ лежалъ листъ почтовой бумаги и раскрытый томъ поэмы. Глядя въ окно на эту низкую природу, Викторъ слагалъ мысли свои на образецъ введенія, неизбежнаго во всякомъ серьезномъ писменномъ дѣлѣ.

Онъ придумывалъ различныя формы, въ которыхъ мысль была бы одѣта пристойными покровами и дѣйствовала бы сильнѣе на чувства. Онъ старался искусно заманивать въ омутъ идей своихъ, и такъ глубоко самъ въ нихъ погружался, что нечувствительно исписалъ нѣсколько листовъ бумаги и остался чрезвычайно доволенъ. Но, горя нетерпѣніемъ приступить къ мировому подвигу, или, по выраженію Пино, «заполнить воздухъ громомъ дѣлъ», сложивъ листы и таинственно спрятавъ ихъ въ шкатулку, онъ велѣлъ осѣдлать борзаго коня и отправился знакомиться съ сосѣдями, начиная съ того изъ нихъ, который наносилъ ущербъ его собственности.

День былъ ясный, дорога гладкая, не было никакихъ преткновеній кипучимъ мыслямъ Виктора, которыя опережали быстрый бѣгъ скакуна его, и заметая впередъ, представляли ему будущаго знакома чуть чуть не въ видѣ политическихъ портретовъ, которые прилагаютъ къ тексту путешествій къ антиподамъ.

Но мысль—необузданная вольница, она представляетъ все, что хочетъ. Это дитя, рождаемое черепомъ, иногда прекрасное какъ ангель, иногда убожное и уродливое, иногда насыщливое, гремящее побрякушками и морящее со

свѣху, иногда злобное какъ демонъ, проливающийъ ядъ по слѣду, иногда тщеславное какъ иной баринъ, съ-высока поглядывающій на стороны.

Вѣчный мыслитель Викторъ по обыкновенію такъ увлекся распутываніемъ безконечныхъ клубковъ мысли, что не замѣтилъ, какъ отъѣхалъ на довольно значительное разстояніе; вспѣнные бока его лошади и невѣрная спотыкливая поступь ея, заставили его опомниться.

— Далеко ли до двора помѣщика Чапарина?—спросилъ онъ перваго встрѣчнаго мужика.

— До двора помѣщика Чапарина?—повторилъ сѣрокофтанникъ.

— Ну да.

— Такого не знаемъ.

— У кого же узнать объ этомъ?—безпокойно и глядя въ даль по дорогѣ, спросилъ Викторъ.

— Да тебѣ, батюшко, не въ Старый ли Сукъ?—спросилъ разсудить крестьянинъ.

— Разъ такъ зовется село Петра Петровича Чапарина?

— Не знаю, баринъ; мужички-то Мавры Ивановны.

— Какой Мавры Ивановны?

— Не знаю по прозвищу.

— Куда жь это я заѣхалъ и какимъ образомъ найти дорогу?—спросилъ себя Викторъ.

— До Старого Сука всего версты полторы осталось,—говорилъ свое мужикъ.—Дорога все прямо, а тамъ своротить подъ горку и уткнешься въ заборъ.

Викторъ не зналъ, что дѣлать. Конь его отказывался двигаться впередъ. Онъ рѣшился ѣхать по указанію хоть въ Старый Сукъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ поровнялся съ предсказываемымъ заборомъ и подъѣзжалъ уже къ крыльцу небольшого деревяннаго домика, господствующаго надъ горстью разбросанныхъ крестьянскихъ избъ.

Соскочивъ съ сѣдла и привязавъ къ столбу лошадь, Викторъ улыбнулся внутренно началу своихъ походовъ, обещавшихъ богатую страницу автору «Мертвыхъ Душъ.» Одна-

ко жь, подходя къ ступенямъ, онъ въ недоумѣніи оглядывался вокругъ.

— Ступайте въ горницу, — крикнулъ ему, выскочившій на встречу, блондуристый румяный мальчикъ, одѣтый казачкомъ.

На такое приглашеніе Викторъ, какъ жданный гость, последовалъ за путеводителемъ своимъ, сперва въ переднюю, по всемъ примѣтамъ необитаемую, потому что въ ней не было ровно ничего кромѣ голыхъ стѣнъ; потомъ въ столовую, обклеенную желтыми обоями, гдѣ было нѣсколько стульевъ и обѣденный столъ, а наконецъ въ пріемную или гостиную, гдѣ представилась ему необычная сцена.

На диванъ, передъ овальнымъ столикомъ, сидѣла за разложеннымъ гранъ-пациансомъ древняя старуха. Снятая съ колоды карта колебалась въ слабой рукѣ ея, слѣдуя за колебаньемъ головы и всего корпуса, которому вторило мѣрное храпѣнье. Она дремала, и неожиданное появленіе нашего героя въ дверяхъ не разбудило ее.

Викторъ остановился, не смѣя переступить порога въ это святилище, гдѣ отдыхало еще живое, но уже по видимому бездушное тѣло; однако въ гробницѣ слышался шорохъ, съ противоположной стороны шевельнулся духъ, воплощенный, какъ бы отдѣльно, въ образъ молодой дѣвушки, спящей за пальцами.

Открывъ большіе прекрасные глаза на пришельца, она смотрѣла въ изумленіи, и Викторъ устремилъ на нее не мѣнѣе изумленные пожирательскіе взоры; но въ этотъ мигъ, подобно старому спящему псу, почувшему приближеніе волка, старуха проснулась, и Виктору показалось, что она злобно оскалила на него зубы.

— Кто ты, батюшка, такой? — спросила она, протирая глаза.

Викторъ раскланивался, объяснялся, извинялся и рекомендовался какъ могъ.

— Людвиновъ? — повторила, припоминая что-то, старуха, — Людвиновъ... стало быть сынъ Андрея Платоновича Людвина?... — Знаю, батюшка, знаю; тебя, помнится, лѣтъ за шесть до

Французовъ, свезли въ Питеръ въ цюкору по десятому годочку. Помню, помню; милости просимъ садиться.

— Вы изволите говорить объ отцѣ моемъ Андрѣе Андреевичъ; а я сынъ его Викторъ Андреевичъ, — сказалъ, садясь, Викторъ.

— Какъ же это сынъ, мой батюшка; да когда же Андриушенька успѣлъ жениться!

— Лѣтъ около двадцати пяти тому назадъ.

— Стало быть еще до смерти нашей доконницы, — сказала старуха, обращаясь къ безмолвствующей дѣвушкѣ, которая взглянула на нее съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ и не отвѣчала ни слова.

— Стало быть еще до ея смерти, — повторила хозяйка, углубляясь по видимому въ собственную мысль. — Сколько уже послѣ того прошло времени, не помню, нынче годы-то идутъ совсѣмъ не по старому; чѣмъ дальше, тѣмъ ихъ труднѣй считать становится... Бывало, время шло совсѣмъ иначе, бывало, зимою ждешь-не дождешься лѣтняго солнышка; а нынче все равно что солнце, что морозъ, кто его знаетъ, что на дворъ дѣлается.

И говоря такимъ образомъ все безсвязнѣе и невнятнѣе, старуха, которая какъ будто несовершеннo пришла въ себя, снова стала впадать въ дремоту. Викторъ между тѣмъ озираясь вокругъ, силился угадать отношенія этихъ двухъ обитательницъ ветхаго домика, въ который занесла его судьба.

Молчаніе водворилось, его прерывалъ только шорохъ нитки, скользящей по работѣ молодой дѣвушки, и храпѣнье задремавшей снова старухи. Викторъ ждалъ какого-нибудь изъ приличія вопроса бодрствующей хозяйки, но вопроса не послѣдовало, и онъ рѣшился заговорить первый.

— Вы постоянно проживаете въ деревнѣ? — спросилъ Викторъ, не зная, что спросить.

Легкій румянецъ вспыхнулъ на щекахъ молодой дѣвушки, губы ея шевельнулись; но незнакомый голосъ Викторъ опять разбудилъ заснувшую.

— Кто ты, батюшка, такой? — спросила она во второй разъ, выразивъ прежній испугъ и прежнее удивленіе.

Викторъ смѣшался и не зналъ рѣшительно, что отвѣчать; взглянувъ на дѣвушку, онъ прочелъ въ глазахъ ея представительство за старуху, которая отъ старости лѣтъ заговаривалась и забывала получаемые отвѣты.

— Я сынъ Андрея Андреевича Людвинова, — повторилъ Викторъ, — съ отцомъ котораго вы были въ пріязни.

— Сынъ Андрея Платоновича? знаю, какъ не знать! Милости просимъ садиться. Гдѣ жъ теперь Андрей Платоновичъ, твой батюшка? Въ Людвиновкѣ проживаетъ, или въ городѣ?

— Андрей Платоновичъ давно скончался, и сынъ его Андрей Андреевичъ такъ же скончался, и я теперь одинъ изъ нашего рода на свѣтѣ, — твердилъ ей Викторъ.

— Андрей Платоновичъ скончался! да какъ же это я не знала? Слышишь, Груша, Андрей Платоновичъ скончался.

По соображенію Виктора, эпоха смерти дѣда его заключала въ себя по крайней мѣрѣ періодъ трехъ жизней молодой дѣвушки. Она безъ сомнѣнія не могла имѣть никакого о немъ понятія. Однакоже, не отвѣчая ничего, она опять только взглянула на говорящую и опять опустила глаза на работу. Викторъ начиналъ думать, что сидящая передъ нимъ красавица была нѣма.

— Отъ какой же болѣзни скончался покойникъ, скажи, сдѣлай одолженіе? — спрашивала свое старуха.

Викторъ рѣшительно не зналъ, отъ какой болѣзни, полѣвка тому назадъ, умеръ дѣдъ его, и потому затруднился въ отвѣтъ.

— Вотъ у нашей покойницы, — продолжала старуха, — такъ вдругъ сдѣлалось такое грудное воспаленіе, что ничѣмъ уже и пособить нельзя было...

Викторъ покачалъ головою въ знакъ сочувствія, не зная, о комъ идетъ рѣчь.

— И кровь точили изъ нея, моею голубушки, и испанскія мухи ставили; да нѣтъ, не помогло, на двѣнадцатый сутки отдала Богу душу!

— Къ несчастію, этого рода болѣзни пожираютъ такъ быстро, — сказалъ Викторъ, поддерживая разговоръ; но каждый разъ, когда произносили онъ нѣсколько словъ, звукъ его

голоса видимо поражады старую хозяйку дома. Она останавливалась, какъ будто ощутивъ что-то неприятное, теряла нить своей рѣчи и опять съ недоразумѣніемъ вглядывалась въ черты лица его.

— Кто бишь ты такой? Не взыщи, мой батюшка, не могу упомнить твоего прѣзванія.

Викторъ вынужденъ былъ повторить имя свое, а также имена умершихъ отца и дѣда.

— Царство ему небесное!—проговорила крестьясь безмятная. — А на кого же онъ оставилъ тебя горемычнаго?—Съ какимъ-то смѣшнымъ участіемъ спросила она, и не дождавшись отвѣта, продолжала: — Вотъ такъ-то и наша покойница оставила насъ на горе съ Грушенькой. Вдваячка была тогда только двухъ годочковъ. Объ ней-то пуще всего и сокрушалась моя Степанидушка, и мнѣ говорила: «не тужите по мнѣ, кормилица бабушка, вы человекъ старый, васъ печаль пожалуй за мною въ могилу сведеть, кто жъ тогда Грушенькѣ-то останется; и меня вѣдь умираючи вамъ же поручила покойница матушка, и вы меня выкормили и выходили и за-мужъ отдали; да не далъ вамъ Господь порадоваться на добраго зятя, покинулъ другъ мой Игнатій Матвѣевичъ дитя свое до рожденія, а теперь и меня къ себѣ зоветъ.» И все такъ говорила-говорила покойница, до послѣдней минуты была въ памяти, до самой той минуты, какъ душь вымететь. Подъ конецъ ужъ сталъ онъ ей покойникъ мерещиться. «Иду, говорить, иду къ тебѣ, мой сердечный другъ; а вы, говорить, поживите съ Грушенькой; я, говорить, на томъ свѣтѣ буду Бога молить, чтобъ вамъ живу продлилъ, куда поставите ее на ноги, да найдете ей добраго человека, такого же, какъ былъ мой Игнатій Матвѣевичъ; а какъ пристроите ее, тогда ужъ и умирайте съ Богомъ; а до тѣхъ поръ не можете покинуть родное дитя мое.» А я вотъ и слушаюсь, и живу, и терплю Господь грѣхъ моймъ ея святыми молитвами. Да тяжело ужъ мнѣ жить становится: такъ къ землѣ точно свинцемъ тянетъ.

Разсказывая эту плачевную исторію, старуха не выражала горя и не плакала. На лицѣ молодой дѣвушки также

не было никакого признака страданья; видно было, что съ тѣхъ поръ, какъ уши ея стали слышать, а разумъ понимать слышанное, передъ нею безпрестанно повторялось воспоминаніе этой печальной картины; сухіе глаза старухи выплакали уже всѣ слезы, а подъ опущенными вѣками правнучки таилась, можетъ быть, невидимая привычная тоска.

— Вотъ подъ какую пѣсню взросло и разцвѣло это прекрасное созданіе!—подумалъ Викторъ, которому стало нѣсколько понятно положеніе новыхъ знакомыхъ.

Проникнутый интереснымъ положеніемъ дѣвушки, Викторъ невольно всталъ съ своего мѣста и пересѣлъ къ ней ближе. Его движеніе во всякой порядочной гостиной проявилось бы ловкость свѣтскаго человѣка; но здѣсь оно произвело совсѣмъ иное ощущеніе: прародительница, которая, въ продолженіи своего, часто повторяемаго, повѣствованія, вѣроятно позабыла о гостѣ, изогнула всѣмъ тѣломъ. Судорожное потрясеніе мускуловъ обезобразило старое лицо ея, и этотъ испугъ по отраженію сообщился внучкѣ, въ глазахъ которой выразался укоръ.

Это существо, пріучивъ себя къ молчанію, по причинѣ весьма естественной, потому что говорить ей было не съ кѣмъ, обрѣла чрезвычайную силу выраженія, въ которое обратилось у нее присущее человѣку слово, и оно говорило въ ней не театальной мимикой, не краснорѣчивыми позами и жесткуляціей; но въ мимомъ лицѣ ея мелькалъ поминутно глубокий смыслъ, неуловимый какъ духъ, прѣзрачный какъ облакъ и не всегда, быть можетъ, понятный плотскому глазу.

Виктору стало совѣстно и неловко; но къ счастью, въ эту минуту, на выручку его изъ затруднительнаго положенія, вошла въ комнату пожилая женщина, повязанная платкомъ. Это была няня стараго дитяти. Она уже нѣсколько разъ заглядывала въ дверь, и теперь вошла съ подносомъ, на которомъ стояли дымящіяся чашки кофе.

— Кто это такой? — спросила старая госпожа служанку, указывая на Викторъ.

— Гость, матушка, изъ Людвиновки, молодой баринъ.

— Да какъ же сказывали, что онъ умеръ?—повторила съ новымъ недоумѣніемъ выжившая изъ памяти.

Но послѣ этого вопроса, она серьезно занялась своимъ кофе, и не говорила ничего болѣе, подобно ребенку ловила изъ блюдечка разкрошенный мякишъ хлѣба, и, поднося его ко рту, роняла обратно, не заботясь о струившихся по подбородку капляхъ.

Проглотивъ свою чашку кофе, Викторъ почувствовалъ, что время кончить этотъ первый странный визитъ. Раскланявшись, онъ вышелъ, изумленный тѣмъ же вопросомъ старушки. Женщины, подносящая кофе, вышла провожать его, и какъ будто уполномоченная хозяйкою, просила съ поклонами не оставлять своихъ посещениями на будущее время. Вскочивъ на сядло, Викторъ далъ себѣ слово воспользоваться этимъ приглашеніемъ, и возвращаясь домой, задумался о хорошеяющей молчаливой барышнѣ.

— Ее зовутъ Грушней, — говорилъ онъ самъ себѣ, — тривиальное имя!

Но чтожь? оно пріятно, звучно,
Хоть съ нимъ, я знаю, неразлучно
Воспоминанье старини,
Иль дѣвчьебъ.....

— Впрочемъ я очень радъ, что случай доставилъ мнѣ это знакомство! Въ глуши, въ деревнѣ, оно можетъ быть отраднo. Эта молодая дѣвушка близъ своей дряхлой прабабки похожа на пышный цвѣтокъ, растущій у ветхаго пня; такимъ образомъ ея положеніе очень живописно.... О, она очень, очень милостива. Но увы! пышный цвѣтокъ, разумется, безъ аромата. Какъ умно распорядилась она, что не выговорила на первыхъ порахъ ни слова; она оставила мнѣ самое пріятное впечатлѣніе; тогда какъ въскольکو нелѣпыхъ фразъ уничтожили бы непременно очарованье. Кто знаетъ, не достанетъ ли мнѣ досуга заняться разработкою юной, прекрасной головки ея!

И Викторъ вдался въ самую глубь этой мысли и почувствительно подъѣхалъ домой.

На разспросы домашнихъ онъ отвѣчалъ коротко, сказавъ, что сбился съ дороги, что попалъ къ какой-то старухѣ, которая подчивала его кофе; но пообѣдавъ, къ совершенному удовольствію Акулины, съ нѣкоторымъ аппетитомъ, заперся въ своей комнатѣ, тотчасъ-же уселся за письменный столъ и развернулъ такъ называемую поэму.

Викторъ облокотился на столъ, подперъ рукою подбородокъ, подвинулъ глаза къ поволжю и глубоко вздохнулъ.

— Я приступаю къ великому подвигу, — сказалъ онъ, — къ разрѣшенію одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ, къ разрѣшенію вопроса, заданнаго вотъ на этихъ страницахъ..., вопроса, на который шестьдесятъ милліоновъ, слышавшихъ этотъ вопросъ, не дали отвѣта... Я дамъ тебѣ отвѣтъ, великій художникъ! Я дамъ тебѣ отвѣтъ! слушай, слушай!..

Викторъ, настроенный до энтузіазма, не отлагая принялся за дѣло, за описаніе открытаго имъ на земной поверхности некаяго невѣдомаго угла, обитаемаго, какъ ему казалось, невѣдомыми некими существами.

Обдумавши сколько возможно здраво, онъ рѣшился начать описаніе съ начала, то есть съ самаго начала, ведущаго къ этотъ невѣдомый уголокъ пути, и тотчасъ же сталъ, какъ говорится, въ тушкѣ.

Задумчивость и разсыянность завела его туда, а возвращаясь, онъ былъ, какъ видѣли мы, разсѣяннѣе и задумчивѣе нмѣе; следовательно всѣ околичности, столь важныя въ глазахъ автора, ускользнули отъ вниманія Виктора. Дополнить же ихъ догадками показалось ему недобросовѣстно.

— Впрочемъ, — подумалъ Викторъ, — что же скажу я много тому, кто въ поэзіи своей дѣлаетъ слѣдующее общее начертаніе нашей русской дороги:

«Едва только ушелъ назадъ народъ, какъ уже пошли писать, по нашему обычаю, чужь и дичь по обѣимъ сторонамъ дороги, кочки, сѣльничъ, низенькіе жидкіе кусты молоденькихъ сосенъ, обгорѣлые стволы старухъ, дикій верескъ и тому подобный вздоръ.»

Вслѣдствіе этого размышленія Викторъ отложилъ описаніе дороги и попыталъ начать съ вѣзда въ деревушку; но и тутъ его предупредилъ авторъ «Мертвыхъ Душъ.»

«Попадались деревни, постройкою похожія на старые складенные дрова, покрытыя сѣрыми крышами съ рѣзными деревянными подъ ними украшеніями въ видѣ висячихъ шпильныхъ узорами утиральниковъ. Пѣсколько мужиковъ по обыкновенію звали, сидя на лавкахъ передъ воротами въ сво-

ихъ овчинныхъ тулупахъ. Бабы съ толстыми лицами и перевязанными грудями смотрѣли изъ верхнихъ оконъ, изъ нижнихъ глядѣль телянокъ, и дѣтисовывала съдутую морду свою свинья. Словомъ, виды известные.»

— И следовательно не требующіе повторенья, — сказалъ Викторъ и, подожди приступитъ къ дѣлу со входа въ домъ. Но крыльцо и особливо передняя, представляющая столько живописныхъ матеріаловъ живописному перу автора поэмы, здѣсь не представляла ровню ничего. Въ ней не замѣталъ Викторъ ни малѣйшаго предмета, годнаго для описанія; въ ней не было даже того особеннаго воздуха, о которомъ говорится въ поэмы, и который изнѣжненнымъ нервамъ Виктора быть бы непременно опротивитель. (отг.)

Вся эти неожиданныя препятствія затронули авторское самолюбіе нашего героя, и онъ, вопреки истинной цѣли, издумалъ предварительно обратитъ какую-то замѣчательную утѣвляющую рѣчь въ видѣ письма къ своему корреспонденту.

Касательно утѣвляній Викторъ не встрѣчалъ никакихъ затрудненій, мигомъ составила въ головѣ его необыкновенной полноты и сложности блистательная идея. Готовясь излить ее, смѣло и размахисто, написалъ онъ въ главѣ новаго листа:

«Милостивый Государь!»

Но за тѣмъ, поставивъ букву Н, напечатанную передъ фамиліей сочинителя въ лежащемъ передъ нимъ второмъ изданіи поэмы, остановился, не зная ни имени его, ни отечества.

— Какъ однако жь это странно! — вскричалъ Викторъ, бросивъ перо и вскочилъ со стула. — Приложивъ адресъ свой въ концѣ предисловія, г. авторъ позабылъ написать полное свое имя! Не всякій же обязанъ знать, какъ зовутъ его по имени и по отечеству!

Этимъ восклицаніемъ и заключился первый приступъ къ письму.

(Продолженіе впереди).

МОСКВИТЯНИНЪ

1853.

№ 4.

Февраль.

Кн. 2.

ВИКТОРЪ.

ПОВЕСТЬ ВАНИИ ВЕЛТМАНЪ.

(Окончаніе).

X.

На слѣдующее утро Викторъ, вопреки всякаго приличія, разсудилъ прогуляться снова въ Старый-Сукъ, въ намѣреніи обратить полное вниманіе на всю подробности заглохшей жизни его обитателей, не пропустить ни одного малѣйшаго обстоятельства.

Однако жъ, къ крайнему своему изумленію, онъ замѣтилъ, что не вездѣ дорожные предметы сходились съ образцомъ взятаго имъ описанія. То съ той, то съ другой стороны дороги проносились мимо его мѣстами березовыя и липовыя рощи, мѣстами врызывался онъ въ такія густыя чащи, что воображеніе юноши, настроенное, быть можетъ, голубыми глазами деревенской барышни, готово было создавать чудную

лѣтнюю ночь и соловья, или ночь темную, осеннюю, когда молчить пѣвецъ лѣсовъ, а ночныя птицы, какъ лѣсные духи, налетаютъ съ разгона на дремлющую добычу, или, испуганныя шелестомъ рыскающаго звѣря, перелетаютъ съ дерева на дерево, на отягощенныхъ сномъ крыльяхъ.

Не отъѣхавъ еще и половины дороги, Викторъ такъ ясно представилъ себѣ эти синіе говорящія глаза, что они отуманивали собственнѣйшій взоръ его, пылательно и безпощадно на все устремленный.

При подобномъ настроеніи духа нашего героя, не лъзя утвердительно сказать, до какой степени былъ върѣнъ взглядъ его на вещи, и следовательно, до какой степени былъ онъ въ состояніи выполнить заданный себѣ вопросъ.

Подъѣхавъ къ знакомому домику, Викторъ ступилъ на крыльцо его, какъ на знакомую землю. Онъ былъ встрѣченъ тѣмъ же казачкомъ, который проводилъ его по той же передней и столовой, въ ту же гостиную, гдѣ только и было переменны, что бабушка, сидя на своемъ мѣстѣ, не раскладывая пасанса, а перебирала четки, а вѣвучка не вышивала въ пальцахъ, а читала книгу, и, какъ слышно было еще издали, громко.

Викторъ вздрогнулъ отъ звука этого голоса; но голосъ смолкъ при его появленіи, и старуха спросила опять:

— Кто ты, батюшка, такой?

На отвѣтъ гостя, она снова стала высчитывать время отъѣзда Андрея Андреевича въ Петербургъ, и казалось, приняла рѣшительное намѣреніе видѣть въ Викторѣ покойнаго отца его, что и было наконецъ предоставлено синою на ея волю. Обсѣдши полную своей развязности, онъ обратился къ молодой дѣвушкѣ, съ намѣреніемъ не что бы ни стало вступивъ съ нею въ разговоръ.

— Вы, кажется, читали? — спросилъ онъ.

Грушенька утвердительно показала на книгу.

— Что это за книга?

Дѣвучка раскрыла заглавный листъ и представила Виктору крупными словами напечатанное слово: *Лечебникъ*.

— Чей это Лечебникъ?

— Андрияна Ивановича, — въ первый разъ вымолила дѣвушка.

— Какого Андрияна Ивановича?

— Сосѣда нашего.

— Его сочиненія?

Грушенька взглянула съ изумленіемъ.

— Почему вы такъ спросить, какъ кажется, удивляете васъ?

— Потому что Андрианъ Ивановичъ не сочинитель.

— Но вѣдь это могло же быть?

Молодая дѣвушка посмотрѣла такъ отрицательно, что казалось уже несомнѣннымъ, что этого никакъ быть не могло.

— Вы лечите больныхъ?

— Не дѣлаю, — произнесла дѣвушка, взглянувъ на старушку, которая глядѣла на говорившихъ во все глаза, бессмысленнымъ взоромъ.

— Это вы занимаетесь пользованіемъ больныхъ? — спросилъ Викторъ, обращаясь къ ней.

— Что изволите доворить? — спросила, по видному, не слѣдящая за нитью разговора старуха.

— Вы пользуете больныхъ? — повторилъ Викторъ.

— Пользовала, батюшка, встарину, какъ была по-молочу. Покойный мужъ мой, царство ему небесное, былъ полковымъ лекаремъ, отъ него и понабралась многаму. Бывало, какъ снѣгъ пойдетъ въ госпиталь по дежурству, а я за нить. Уже вся хозяйственная часть, какъ есть, лежала на мнѣ. Экономомъ былъ у насъ человекъ крутой, не то, чтобы уважить больного; такъ ужъ мой-то Федосей Кирилловичъ во всемъ полагался на меня, да такъ и звалъ меня своимъ подлекаремъ.

По собственнѣйшей вѣснѣ старцамъ способности помнить старину, она говорила о давноминушемъ такъ складно, что никакъ нельзя было подозрѣвать въ ней отсутствія смысла; потому, быть можетъ, что въ памяти, какъ на скрижаляхъ, сплошь исписанныхъ долговременною жизнью, нѣтъ уже болѣе мѣста для новыхъ впечатлѣній.

— Мнѣ достались послѣ покойника двѣ аптечки, — продолжала старуха, какъ видно увлеченная своимъ любимымъ

предметовъ, — тѣмъ медикаментовъ, вѣкъ бы не въпользовали; да вотъ со смерти нашей покойницы остальную память отшибло. Съ тѣхъ поръ не лечу ужъ больше, только еще люблю слушать лекарскія книги. Покуда Грушенька читаетъ, я все думаю о своемъ покойникѣ, да по четкамъ творю ему поминанія. Давно ужъ перестала я жить съ живыми, ихъ только и осталось у меня, что одна Грушенька.

Сказавши это, старуха умолкла и стала перебирать четки. Грушенька между тѣмъ смотрѣла въ окно, и Богъ ее знаетъ о чемъ думала, Викторъ же смотрѣлъ на Грушеньку съ видомъ участія и также думаль.

— Вы вѣроятно много читаете въ вашемъ уединеніи? — спросилъ онъ ее.

— Я читаю только для бабушки.

— А для себя?

— Я для себя не люблю читать.

— Почему жъ не любите?

Грушенька пожала плечами, какъ будто не отдавая себѣ отчета, почему именно.

— Неужели она глупа? — подумаль Викторъ.

— Можетъ быть, вамъ попадались незанимательныя книги? — спросилъ онъ.

— Можетъ быть.

— Читаете ли вы какіе-нибудь романы или повѣсти?

— Я не люблю ни повѣстей, ни романовъ.

— Это почему?

— Право не знаю; потому что въ нихъ все такъ странно, совсѣмъ не такъ, какъ бываетъ.

— А какъ же по вашему бываетъ? — спросилъ Викторъ, нѣсколько озадаченный.

Дѣвушка, не находя отвѣта, задумалась и молчала.

— Пишутъ однако же романы и повѣсти, въ которыхъ все какъ нельзя болѣе естественно, въ которыхъ жизнь отражается какъ въ зеркаль, со всеми ея добродѣтелями и пороками, съ красотами и уродствами, — продолжалъ Викторъ.

— Я не понимаю, для чего ихъ пишутъ?

— Почему полагаете вы не интереснымъ для каждаго мыслящаго челоуька вѣрное и искусное повтореніе даже хоть нашего настоящаго разговора?

— Потому что въ немъ нѣтъ ровно ничего интереснаго.

— Позвольте мнѣ увѣрить васъ въ противномъ, — сказалъ Викторъ, и стараясь быть какъ можно болѣе вразумительнымъ, онъ призывалъ на помощь систему развитія умственныхъ способностей своего наставника Пино, и началъ объяснять ей красоты беллетристики слѣдующимъ образомъ: — Представьте себѣ, началъ онъ, что я живописецъ, что я обладаю великимъ даромъ изображать на полотнѣ живую природу. Если бы достойною художественною кистью могъ я нарисовать все то, что представляется мнѣ теперь въ вашей комнатѣ; если бы удалось мнѣ передать самымъ вѣрнымъ образомъ черты вашей дремлющей въ углу дивана прабабушки; если бы достало у меня способности изобразить это старое лицо, успокоенное младенчески невиннымъ сномъ. Я бы не осмѣлился оставить безъ самаго отчетливаго выполненія ни одной складки темнаго ея платья, которое покрываетъ тяготящее къ землѣ тѣло ея. Я бы скопировалъ съ подобострастіемъ каждую жилку на старыхъ прозрачныхъ ея пальцахъ, которые перебираютъ зерна четокъ, и... еслибы близъ нея, — прибавилъ Викторъ нѣжно, — помѣстилъ я васъ, прекрасную, пышную розу; неужели, думаете вы, что моя работа не вызвала бы сочувствія?

Грушенька прервала эту рѣчь простодушнымъ хохотомъ. Викторъ спросилъ довольно строго, что находить она смѣшнаго въ словахъ его.

— Развѣ вы сочинитель? — спросила въ свою очередь, вмѣсто отвѣта, молодая дѣвушка.

— Почему это вамъ кажется?

— Потому что вы говорите точно такъ, какъ пишутъ въ книгахъ.

— Во всякомъ случаѣ я остерегся бы въ томъ сознаться. Если вы не любите книгъ, то вѣроятно не жалуете и

тѣхъ, которые ихъ пишутъ.... Признаюсь вамъ, мнѣ на этотъ разъ завидна участь Андрияна Ивановича,—прибавилъ любезничая Викторъ.

— Завидна? почему?

— Потому, что Андриянъ Ивановичъ не говоритъ такъ, какъ пишутъ въ книгахъ, и не кажется вамъ сочинителемъ.

— О, не кажется, конечно, да и вы не кажетесь съ вида.

— А какой же видъ, по вашему мнѣнію, долженъ имѣть сочинитель?

— Онъ долженъ быть человекъ старій, опытный, ученый.

— Но развѣ нельзя быть ученымъ и опытнымъ не бывши старымъ?

— Какъ же это?

— Очень просто.

— Я не понимаю. Мнѣ казалось, что для того, чтобъ быть ученымъ и опытнымъ, надобно сперва долго учиться, а потомъ долго жить.

— По вашему надо поступать такъ, какъ поступали въ глубокой древности. Мудрецъ писалъ въ своей жизни только нѣсколько строкъ, собравъ въ нихъ всю эссенцію своей мудрости; но эта эссенція, — прибавилъ насмѣшливо Викторъ, — оказалась слишкомъ крѣпка для слабыхъ головъ нашихъ, и потому никто ее не читаетъ.

— Это значить, вѣроятно, то, — сказала девушка, — что и читать долженъ не всякій, а только тотъ, кто можетъ понимать то, что читаетъ.

Викторъ услышалъ изъ устъ младенца глубокую истину, но не внялъ ей. Его искренно сокрушило грустное развитіе этого милаго созданія, и, какъ новый Пигмалионъ, герой нашъ возгорѣлъ желаніемъ озарить лучемъ умственного солнца эту прекрасную, но темную головку, и одушевиться добрымъ своимъ намѣреніемъ, онъ заговорилъ такъ умило и съ такимъ искреннимъ увлеченіемъ, что оно по-истинѣ заслуживало болѣе вниманія, нежели слушатели его были въ состояніи воздать ему. Старушка заглушила рѣчь его громкимъ, даже нѣсколько дикимъ храпѣніемъ, а Грушевка слушала пріятные звуки кудрявыхъ и пламенныхъ выра-

жени, не вникая въ глубину смысла; она, казалось, чувствовала то усыпительное баюканье, которое чувствуется обыкновенно при звуках журчащаго ручья или рокочущихъ волнъ моря.

Викторъ былъ въ самомъ пылу красноречія, когда съ подворья раздалось бряцанье бубенчиковъ и стукъ подъѣхавшаго экипажа, вслѣдъ за которымъ немедленно ввалилась въ комнату колоссальная фигура мужчины, довольно статнаго, отрицательно красиваго, значительно лысаго, съ пронизательнымъ взглядомъ, съ привычкою непрерывно крутить черный усъ. Иногда въ осанкѣ его проявлялось что-то смѣшное; но смѣяться надъ нимъ было видимо опасно, по причинѣ мелькавшаго въ густыхъ бровяхъ какого-то назидательнаго выраженія.

Поклонясь двукратно, онъ искоса взглянулъ на Виктора и подошелъ къ рукѣ проснувшейся старушки.

— Кто это, батюшка, такой?—спросила она его, указывая на Виктора.

— Позвольте узнать ваше имя и отечество?—сказалъ, обращаясь къ Виктору, пріезжій.

— Людвиговъ,—отвѣчалъ сухо Викторъ,—сынъ стараго пріятеля Мавры Ивановны,—прибавилъ онъ, какъ бы объясняя права свои на пребываніе въ ея домъ. Но позвольте узнать въ свою очередь, съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить?

— Андрианъ Ивановичъ Кобуринъ, отставной гусарскій ротмистръ, честь имѣю представиться,—отвѣчалъ незнакомый. На долго ли изволяли пожаловать въ наши края?

— Это еще вопросъ нерешенный.

— Какъ такъ-съ?

— Я имѣю намѣреніе привести въ исполненіе кой-какія предпріятія.

— Такъ-съ,—произнесъ, пристально оглядывая его, ротмистръ. — Стало быть по части какихъ-нибудь полезныхъ заведеній?

— Можетъ быть, по части какихъ-нибудь полезныхъ нововведеній.

Кобуринъ выпучить глаза, и, подержавъ ихъ нѣсколько секундъ надъ Викторомъ, обратился къ старушкѣ.

— Каково ваше здоровье, матушка Мавра Ивановна? — спросилъ онъ.

— Спасибо, родимый. Какъ тебя Богъ милуетъ? Мы по тебѣ встосковались, совсѣмъ позабылъ насъ.

— Былъ вчера, Мавра Ивановна, вы запомнили.

— И то правда, — отвѣчала Мавра Ивановна, — плоха память становится, вотъ никакъ не затвержу ихъ имени и отчества, — сказала она, указывая опять на Виктора, который въ эту минуту почувствовалъ непріязненное ощущеніе противу ротмистра, вѣроятно потому, что Мавра Ивановна знала его наизусть безъ суфлера.

— Какъ быть-то, — сказалъ Андрианъ Ивановичъ, шепнувъ старушкѣ имя нашего героя. — Какъ быть-то, да не хорошо еще и то, что вы плохо хозяйничаете, матушка моя: сегодня я опять воспользовалъ съ вашимъ старостой.

— Съ Пафнутычемъ? А что, Пелагеюшка, полегче ли жень его? — спросила Мавра Ивановна, обращаясь къ заглядывающей по вчерашнему въ дверь женщины.

— Полегче, матушка; покорно васъ благодарить за оставленіе, — сказала женщина.

— А, здорово, дозорный, — шутливо, обращаясь къ ней, сказалъ Кобуринъ, — да что жъ ты, Пелагея Степановна, стоишь безъ дѣла: адмиральскій часъ пришелъ, поворачивайся.

Эта бездеремонность ротмистра часъ отъ часу болѣе не нравилась Виктору. Онъ имѣлъ претензію быть нѣкотораго рода Колумбомъ въ этомъ маленькомъ мірѣ, и уже смотрѣлъ на Кобурина какъ на соперника.

— Такъ-то-съ, такъ, Мавра Ивановна, — заговорилъ опять Кобуринъ, — извольте-ка приказать Пафнутычу съ свинкомъ поторопиться, Петровки на дворъ.

— Э, батюшка, гдѣ мнѣ, совсѣмъ разучилась приказывать; ужъ самъ бы ты, какъ знаешь, такъ и дѣлалъ. Кому у насъ хозяйствомъ заняться, старъ да малъ — известное дѣло сиротское. Не то было въ иное время; какъ вышелъ мы съ покойникомъ въ отставку, да принялись хозяйничать,

такъ жить-то нашему богатые помѣщики завидовали. Покойникъ мой Федосей Кириловичъ мужичкамъ быть что отецъ родной. Какъ бывало не додѣлано что на барщину, такъ Богъ простить; а ужъ коли иной мужикъ къ своей работѣ не радѣеть—строго покойникъ взыскивалъ. Вотъ тогда, мой батюшка, было хозяйство, было на что посмотреть, и, нечего сказать, помнать дѣтки добро покойнаго, меня сироту безъ хлѣба не оставляютъ.

— Какъ не помнить, матушка Мавра Ивановна; да все бы изрядка понапомнить не мѣшало; такъ ужъ водится: льнь обучаетъ, хмѣль губить нашего брата землешаща.... Да что жъ это, Степановна, травничку-то? Эй, дозорный! — крикнулъ опять ротмистръ.

И къ удивленію Виктора, этотъ громкій возгласъ нисколько не обезпокоилъ старушку, какъ видно, привычную къ его голосу.

— Я сама похлопочу о вашемъ завтракѣ,—сказала Грушенька,—а вы.... прибавила она, вставая съ мѣста и выразительно взглянувъ на бабушку.

— Не извольте беспокоиться,—отвѣчалъ Кобуринъ, принимая взглядъ, которымъ во время своего отсутствія поручала Грушенька его заботамъ старуху, требующую ежеминутнаго попеченія.—Не козырнуть ли, Мавра Ивановна, въ пикетикъ?—сказалъ ей ротмистръ, когда вышла молодая двѣтушка изъ комнаты, принимаясь за лежащую на столѣ колоду картъ.

— Съиграемъ, батюшка,—отвѣчала старуха.

— Такъ вы, сударь мой, Викторъ Андреевичъ, имѣете намѣреніе погостить въ нашемъ сосѣдствѣ?—обратился Кобуринъ, выдавая карты, къ Виктору.

— Точно такъ, имѣю, если позволите,—отвѣчалъ Викторъ шутя, не безъ нѣкоторой скрытной колкости.

— Много чести,—сказалъ ротмистръ, также шутя и также не безъ задора,—а давно ли изволили прѣхать?

— Нѣсколько дней тому назадъ.

— Прямо изъ столицы? Стало быть, съ свѣжими новостями для нашего брата деревенскаго дикаря.

— По какой части прикажете? столичные новости разнообразны: по части политики, по части литературы, по части общественного прогресса, по части музыки, по части моды, по части городских сплетень?—говорить, облекаясь полною своею святскостию, Викторъ.— Последнее острое слово князя М., последний балъ у графини В., также составляют новости; которая изъ нихъ можетъ заинтересовать васъ?

— Пять и пятнадцать, — сказала Мавра Ивановна, глядя въ карты.

— Такъ-съ, — вымолвилъ Кобуринъ, — ваши, — прибавилъ онъ.— А позвольте узнать, по части гутта-перчи неизвѣстно ли вамъ чего-нибудь новаго? пишутъ, что ремни изъ гутта-перчи имѣютъ надъ кожаными преимущество?

— По этой части, къ несчастію, я не могу сообщить вамъ ничего обстоятельнаго, — сказалъ, сжавъ губы, Викторъ.

— Такъ-съ, — пробормотала опять Кобуринъ, — а по какому, смѣю спросить, министерству изволите служить?

— По министерству Иностранныхъ Дѣлъ.

— Стало быть, по посольству. Служба интересная, случаются откомандировки за границу.

— Я предпочитаю путешествія внутри Россіи, въ неразработанные темные края отечества. Путешествуя по Европѣ, мы болѣе ничему не научимся, а здѣсь можемъ, по крайней мѣрѣ, поучить многому.

— Такъ-съ, — сказалъ ротмистръ, крутя усы и поглядѣвъ сперва попристальнѣе на Виктора, а потомъ на Мавру Ивановну, въ ожиданіи, что скажетъ она еще; но старушка такъ долго всматривалась въ карты, такъ медленно соображала свои выходы, что новые знакомые имѣли полную свободу вести разговоръ.

— О жителяхъ Огненной земли и о жителяхъ какой-нибудь отдаленной губерніи, — понесъ Викторъ, попавъ на своего конька, — мы, столичные, имѣемъ одинаковое понятіе. Мы не знаемъ ни быта, ни обычаевъ, ни степени просвѣщенія, или, вѣрнѣе сказать, степени невросвѣщенія, вашихъ далекихъ соотчичей. Страшно подумать, какая масса людей остается въ вѣчномъ младенствѣ, коснется въ новѣжествѣ,

или, что еще хуже, не имѣя понятія о просвѣщеніи, гонится за просвѣщеніемъ, перенимая одну наружную сторону его; изъ чего и выходитъ то вѣльное обезьянство, та жалкая пародія, та ни съ чѣмъ не сообразная каррикатура, надъ которою сами же мы горько смѣемся.

— Такъ-съ, — сказалъ Кобуринъ, на котораго смотрѣлъ Викторъ, какъ смотреть на публику актеръ, чувствуя себя въ сильномъ нѣвтѣ своей роли.

— Такъ-съ, — повторилъ ротмистръ.

— Четырнадцать вѣтковъ, — провозгласила старушка.

— Ваши, матушка мод, Мавра Ивановна.

— Три десятки.

— Ваши-съ.

— Ну, считай, — сказала Мавра Ивановна, бросая на столъ карты.

— Слушаю-съ; девяносто семь... такъ какъ же вы изволили говорить? — сказалъ ротмистръ, снова обращаясь къ Виктору, — девяносто восемь... какъ-же-съ, какъ?... девяносто десять... очень складно изволите объясняться... сто... краснорѣчиво, нечего сказать... сто одна... то-есть, сибью доложить, что твой Сократъ... сто два ... вотъ она риторика-то... вотъ она... сто три. Позвольте, матушка Мавра Ивановна, это моя-съ, — прибавилъ онъ, взявъ первую взятку.

— Твоя, такъ бери, — безъ игрецкой зависти молвила Мавра Ивановна,

— Разъ сто-три, два сто-три, три сто-три, — продолжалъ считать ротмистръ, ухарски прихлопывая по столу.

Викторъ нѣсколько смѣшался. Странныя междометія Андріана Ивановича можно было принять за насмѣшку, но герой нашъ приписалъ ихъ незнанію общежитія.

— Это, кажется, губернской лихачъ, — думалъ онъ, глядя на молодцоватыя замашки ротмистра, — хватъ и рубака; долженъ быть пьяница и картежникъ. Но что же дѣлаетъ онъ здѣсь, въ этой хижинѣ, забавляя эту полуумную старуху?... Хмъ! хорошенькая Грушенька, конечно, объясняетъ дѣло.

И Викторъ, въ пылу негодованія, очертилъ уже въ понятіи своемъ весь полный характеръ антипатичнаго ему съ

первого взгляда лица Викторъ варишь, какъ нельзя болѣе, безошибочности своего взгляда.

Конечно, осторожный и терпѣливый наблюдатель, для настоящей оцѣнки какого-нибудь обстоятельства, оглядываетъ его со всѣхъ сторонъ, пробуетъ на оселокъ или на зубъ; для оцѣнки неизвѣстнаго чело­вѣка, хочетъ съѣсть съ нимъ вмѣстѣ бочку соли; но теоретикъ, подобный нашему герою, довольствуется нѣсколькими словами, часто однимъ предположеніемъ, и смѣло пишетъ какой угодно приговоръ. Онъ способенъ повторить вмѣстѣ съ однимъ комическимъ лицомъ: «мнѣ достаточно знать цвѣтъ халата неизвѣстнаго мнѣ чело­вѣка, и я опишу вамъ со всеми подробностями нравъ его, отдаю имя жены его и раскрою всю подноготную.»

Играющіе не успѣли кончить партію, какъ Степановна, которую называли Кобуринъ дозорнымъ, почему, неизвѣстно Виктору, — внесла завтракъ и поставила на столъ графинчикъ съ травникомъ. Грушенька вошла за нею, всѣ приступили къ трапезѣ, на которой, конечно, не было никакихъ заморскихъ рѣдкостей.

Къ крайнему неудовольствію Виктора, Грушенька была развязна и чуть-чуть не говорила съ ротмистромъ. Они пререкнули нѣсколько словъ о сосѣдяхъ, имя Чапарина было произнесено, Викторъ разсказалъ о тщетныхъ своихъ по­скахъ и о набѣгахъ на поля его.

— Этотъ неучъ, — заключилъ Викторъ, — кажется, не привыкъ стѣснить себя.

— Неучовъ слѣдуетъ учить, — сказалъ Кобуринъ, глотая первую рюмку и какъ-то изкоса поглядывая.

— Можетъ быть надъ ними слѣдуетъ рыдать слезами, которыя льются изъ набольшей души поэта, — сказалъ Викторъ.

— Хорошо что у поэтовъ слезы дешевы.

— Но можно рыдать и не одними слезами, можно перелагать слезы въ смѣхъ и рыдать смѣхомъ, — прибавилъ Викторъ.

— Отъ часу нелегче, — подумалъ Кобуринъ.

— Я хотѣлъ имѣть удовольствіе лично познакомиться съ обижавшимъ меня сосѣдомъ; для того именно, чтобы рысть: слезами или смѣхомъ слѣдуетъ рыдать надъ нимъ.

— За тѣмъ же дѣло стало, — съ живостію подхватилъ Кобуринъ.

— Да покуда за тѣмъ, что не нахожу къ нему дороги.

— Позвольте предложить вамъ себя рожатымъ, и съ ювизъ почтеніемъ; не прикажете ли хоть тотчасъ же, хоть на той же взмыленной четверни; у меня коньки уносилвые, скачуть сотню версть безъ отдыха, — сказалъ Ротмистръ.

— Очень радъ и готовъ, тѣмъ болѣе, что я не люблю излишнихъ церемоній, да и было бы съ кѣмъ церемониться.

— Чтѣ тутъ за церемоніи, самое лучшее дѣло безъ церемоній, — отвѣчалъ Кобуринъ, и послѣ третьей заключительной рожки, изъявилъ готовность отправиться, распорядясь о доставленіи верховой лошади Викторъ въ Мюдвиновку.

Новые знакомцы, простившись съ хозяйками, усьлись рядомъ въ покойную бричку и пустились въ чистое поле.

XI.

Викторъ, какъ уже ввролтно замѣтилъ читатель, былъ нѣрванаго, чрезвычайнаго воспріимчиваго сложенія. Когда ощутилъ онъ пріятное колебаніе рессоръ и вѣянье прохладнаго полеваго воздуха, ему стало необыкновенно какъ легко на сердце и мигомъ разсѣялась тѣнь, наброшенная решимую мыслью на сидящаго плотно въ углу своемъ хозяина экипажа.

Викторъ взялся все преимущество своей юности, своего гибкаго стана, своей нравственной силы надъ этимъ противникомъ, и сдѣлался великодушнымъ.

Онъ заговорилъ съ нимъ дружелюбно; но вмѣстѣ съ тѣмъ, не желая скрывать своего превосходства, снова нечувствительно вдался въ цитаты, засыпалъ общими мѣстами, засверкалъ терминами. Порою даже рѣчь его настронивалась

на томъ такой высокой позвѣи, что, казалось, сосны и березы сдвигались ближе къ дорогѣ его слышать.

— Такъ-съ, — повторялъ ротмистръ, выслушивая его съ необыкновеннымъ вниманіемъ.

Вскорѣ зачернулъ передъ путниками въ отдаленіи обширный темный паркъ, и бросилось въ глаза какое-то, похожее на сторожевую башню, зданіе.

— Что это такое? — спросилъ Викторъ своего спутника.

— Господскій домъ.

— Фасадъ его похожъ на каланчу.

— Какъ быть-съ, вездѣ негодное непросвященіе. Сами изволите видѣть. — съ улыбкою вымолвилъ Кобуринъ.

Однако добрые кони его не замѣщали подвѣхать къ крыльцу, и Викторъ увидѣлъ передъ собой сжатый, гладкій фасадъ трехъ-этажнаго дома. Мѣсто боковаго окна въ нижнемъ этажѣ занимала наружная дверь подъ тяжелымъ фронтономъ; къ этой двери, черезъ небольшой ровъ, выходящій окна четвертаго подземнаго этажа, былъ перекинутъ маленькій мостикъ.

— Этотъ странный домъ похожъ на жилище лондонскаго джентри, — сказалъ Викторъ, слѣдуя за путешественникомъ своимъ. — Но къ чему среди степнаго простора нашей родины возникаетъ вдругъ эта европейская тѣснота?

Вмѣсто отвѣта, Кобуринъ звякнулъ бронзовымъ звонкомъ изысканной отдалки, содержимымъ въ голландской чистотѣ, и на этотъ звукъ немедленно распахнулись передъ нимъ оба створа парадной двери. Они вошли въ свѣи, гдѣ блистательная рѣшетчатая лѣстница, устланная коврами, пронизывала насквозь всѣ этажи дома. Два ливрейныхъ гиганта учтиво подошли къ гостямъ и обезоружили ихъ отъ плащей и шляпъ. Кобуринъ, привыкшій къ порядкамъ дома, сложилъ доспѣхи свои какъ лишнюю обузу, но Викторъ отъ пустоты въ рукахъ почувствовалъ большую неловкость; онъ какъ будто оставилъ къ прихожей, вмѣстѣ съ шляпой, свою самонадеянность.

Еще не отдавая себѣ никакого отчета, не понимая, чѣмъ дѣлается съ нимъ, герой нашъ очутился въ обширномъ

вокозъ, изблгрованномъ во вкусъ той значительной простоты, которая приводитъ въ отчаянiе самую роскошь. Въ этомъ вокозъ, группами, были расположены члены всего семейства.

Глава и патриархъ его, свдовласый, прiятной наружности старикъ, сидѣлъ въ широкомъ сакъ-пальто на покойныхъ креслахъ, въ устройствѣ которыхъ удобство, предназначенное ко всѣмъ степенямъ усталости и слабости человеческой, уступало мѣсто изяществу. Чапаринъ избжилъ, окутанную байковымъ одѣяломъ и вѣроятно страдающую, свою ногу на скамейкѣ. Передъ нимъ на столикѣ лежали, подобно пестрымъ скатертямъ, свѣсиваясь другъ на друга, саженьные листы иностранныхъ газетъ.

Бросивъ взглядъ на вошедшихъ, на которыхъ въ тотъ же мигъ взглянули и всѣ присутствующiе, онъ сдѣлалъ имъ безмолвно прiятливый знакъ приглашенiя садиться, съ тѣмъ достоинствомъ, которое прiятно располагаетъ и вмѣстѣ нечувствительно обуздываетъ гостя.

Викторъ, какъ будто посредствомъ волшебства, поменялся вдругъ своей развязностию свѣтскаго человека съ ротмистромъ, который оказался въ этомъ салонѣ старожиломъ. Онъ ввелъ и представилъ какъ слѣдуетъ новое лицо; послѣ чего, предоставивъ его любезности хозяина, отретировался къ дамамъ, оказывавшимъ ему единодушное вниманiе.

— Чтѣ это такое?—новторялъ въ душѣ Викторъ, совершенно сбитый съ толку. Отвѣчая на вступительные вопросы хозяина, неизбежные при всякомъ новомъ знакомствѣ, онъ бросалъ по сторонамъ бѣглые, пытательные взгляды, прислушиваясь къ долетавшимъ до него отрывкамъ разговора.

Первенствующая группа гостиниой занимала мѣсто средняго дивана. Тамъ, женщина не первой молодости, но замѣчательной красоты, сидѣла на президентскомъ мѣстѣ за руководльемъ. Это была хозяйка дома. Она разговаривала на щегольскомъ французскомъ языкѣ съ дамами, владѣтельницами окрестныхъ замковъ, занятыми также какимъ-то руководльемъ.

Отдѣльно отъ этого общества, двѣ особы, совершенно другаго разряда, уединились у открытаго окна, и какъ будто оперничая другъ передъ другомъ вразвѣзною снѣжъ, чинно

держались на своихъ стульяхъ. Одна изъ этихъ особъ женскаго пола и мужественной наружности, подъ пышнымъ рыжимъ парикомъ съ висящими едва не по поясъ буклями, оказывала собою совершенную противоположность другой особъ мужскаго пола; съ женственнымъ выраженіемъ лица и съ гладко примазанными собственными волосами. Они вели серьезную бесѣду: одна на чисто-лондонскомъ, другой на англо-саксонскомъ нарѣчіяхъ. Въ нихъ не трудно было отгадать съ перваго взгляда англійскую гувернантку и нѣмецкаго гувернера.

Уголь же самый интересный находился прямо противъ Виктора, гдѣ на низенькой козекѣ гнѣздились двѣ молодыя дѣвочки, проявляющія также рѣзкую противоположность, но гармонирующія одинаковой силой пріятельности, каждая въ своемъ родѣ. Одна, миловидной наружности, живая, вѣжливая, кокетливая французенка, другая, господствующая надъ нею достоинствомъ, выраженіемъ черныхъ глазъ, изяществомъ пріемовъ, изяществомъ непостижимой талии и самоуверенностью—дочь хозяина, душа и радость его дома.

Эту сторону картины оживляли еще двое прекрасныхъ меньшихъ дѣтей, въ шотландскихъ костюмахъ; они сидѣли на одномъ стулѣ, обнявшись съ дѣтскою граціею; для нихъ-то, милыхъ созданій, были собраны въ лицахъ все живые языки міра.

Между тѣмъ разговоръ хозяина съ нашимъ героемъ нерешель уже изъ первой формы вопросовъ въ обменъ некоторыхъ легкихъ заключеній. Они говорили о Петербургѣ, Чапаринъ жаловался на климатъ невской столицы и на некоторые другія неудобства тамошней жизни, прерывая разъ свою жалобами на подагру. Внимая имъ съ должною важностію, Викторъ продолжалъ прислушиваться.

Разговоръ съ дивана достигалъ до слуха его безпрерывно.

— Я предпочитаю point de Venise, — говорила хозяйка; — это филигрань, это что-то хрустальное.

— Но point de Bruxelles имѣеть преимущество прелесть

ности. Согласитесь, что оно гораздо дымчатѣе, — замѣтила одна изъ собесѣдницъ.

— А какъ находите вы *point de Vienne*?—спросила другая.

— О, какое ничтожество!—возразила хозяйка, — по мнѣ такъ ужь ничто не сравнится съ неоцѣненнымъ *point de Malines*.

— Да, исключая однако жь античное *point d'Alençon*.

— *Parlez moi de ça! le point d'Alençon* не то же ли самое, что гербы нашихъ предковъ: это переходящее изъ рода въ родъ свидѣтельство чистоты крови. *Point d'Alençon* не имѣетъ цѣны, оно не покупается и не продается, а всегда, какъ заповѣдной кладъ, отыскивается на днѣ сундуковъ нашихъ бабушекъ; да не о немъ рѣчь. А помните ли вы мою последнюю косынку?

— О, безъ сомнѣнья, ваша косынка неподдѣльный, настоящий Шантильи; прибрѣтенье такихъ вещей составляетъ эпоху.

— Вы ошибаетесь, я говорю о *gilette*, которымъ восхищалась маркиза Сенгри, завидуя Московитамъ, имѣющимъ возможность дарить себя подобными драгоценностями.

— Но знаете ли вы, — перебила одна изъ дамъ, — что существуетъ *point de Russie*, о которомъ, разумется, мы русскіе не имѣемъ никакого понятія, и который въ Парижѣ прославилъ леда Бурлей. Путешествуя по нашей родинѣ, она собрала такой великолѣпный ассортиментъ тончайшихъ полотенецъ, кружевъ, имѣющихъ свой собственный ни съ чѣмъ несравненный *genre*, что сводила Парижанокъ съ ума оригинальнымъ *point de Russie*.

Этотъ разговоръ о разнородныхъ *points* оказался для Викторъ невразумителенъ. Онъ обратилъ вниманіе на сторону англичанки и немца; но тамъ происходило жаркое преніе о какомъ-то древнемъ чешскомъ королѣ, существованіе котораго не признавалъ уроженецъ Богеміи. Ученая миссъ надрывалась въ доказательствахъ; но для нашего героя это нисколько не было любопытно.

Беседа для него самая интересная, къ которой тиетно прислушивался, журчала съ козезки, съ той

именно стороны, гдѣ сидѣла дочь хозяина, великолѣпная миссъ Элонза, или въ сокращеніи Бетси, весело разговаривая съ Кобуринымъ; но досадная французенка заглушала скороговоркою рѣчь ихъ, къ крайнему сожалѣнію Виктора.

— О чемъ говорить они? — думалъ онъ, — и что это за присланный любезникъ, имѣющій какія-то права на всѣхъ въ сосѣдствѣ красавицъ? — Съ этой мыслью завистливое чувство снова вкралось въ сердце Виктора.

Но собственный разговоръ его съ хозяиномъ сталъ уже входить въ третій отдѣлъ, начивающихся изліяній, и требовалъ со стороны его болѣе сосредоточеннаго вниманія. Викторъ выразилъ пріятное изумленіе встрѣтить въ этихъ пустынныхъ степяхъ такой отраднѣйшій оазисъ просвѣщеннаго міра.

— Въ этихъ степяхъ, — отвѣчалъ хозяинъ, — мы проводимъ лѣто мызниками; читаемъ газеты, приводимъ, какъ можемъ и какъ умѣемъ, дѣла наши въ порядокъ до первыхъ морозовъ; съ которыми какъ перелетныя птицы улетаемъ въ чужіе края. Это, болѣе или менѣе, обычай всѣхъ перво-классныхъ помѣщиковъ здѣшнихъ странъ.

— Обычай столько же пріятный, сколько и полезный для нравственнаго и вещественнаго процвѣтанія нашего сосѣдства, — льстиво и нѣсколько восторженно сказалъ Викторъ, помѣшанный на своей мысли.

Чапаринъ взглянулъ на него съ той холодной улыбкой, которою старость любить вообще студить восторгъ юноши.

— Польза, — сказалъ онъ, — польза ограничивается приобретаемымъ собственно для себя познаниемъ, какъ вести себя съ разными народами. Въ Неаполь, на примѣръ, — мы знаемъ, что тамъ необходимо шумѣть и всячески обращать на себя вниманіе. Въ Римѣ надо жить по просту; во Франціи любезничать; въ Германіи быть какъ можно менѣе любезнымъ. Въ Англіи остерегаться пуще всего плюнуть на полъ. Исполняя эти обязанности, можно быть увереннымъ, что повсюду удержишь за собою репутацію порядочнаго человека.

Хозяинъ сопровождалъ слова свои саркастическимъ выраженіемъ, которое проявлялось сквозь привѣтливую его улыбку.

Онъ принадлежалъ къ числу стариковъ известнаго типа маркизовъ. Читателю, безъ сомнѣнія, знакомо это древнее поколѣніе, ведущее начало свое отъ тѣхъ феодальныхъ орловъ, которыхъ сманилъ съ крѣпкихъ гнѣздъ, на соблазнъ блеска двора своего, великій политикъ Франціи, король Людовикъ XIV. Онъ замѣнилъ тяжелыя латы ихъ кружевами и лентами, и когда, при свѣтѣ люстръ луврскихъ залъ, сошелъ со смуглыхъ лицъ слѣдъ бурь и загара солнечнаго, когда въ ихъ взорахъ выраженіе хищной птицы смѣнилось нѣгой, которую такъ художественно возвышала пудра, тогда эти рыцари, въ атласныхъ кафтанахъ и парадныхъ шпагахъ, явили собою новый образецъ, до нынѣ встрѣчаемый въ сколкахъ и существующій у насъ въ вѣрномъ переводѣ.

Самая наружность Чапарина отвѣчала его характеру. Тонкія черты лица его и утраченный блескъ черныхъ глазъ отбѣнялись у него сѣдиною какъ пудрою. Любезность и надменность, различныя по свойству, какъ вода и масло, соединялись въ немъ какимъ-то особеннымъ процессомъ; вытяженный и накрахмаленный, онъ любилъ молвить двусмысленное слово; кланяясь низко и снимая шляпу, онъ не падалъ насмѣшкою и острою.

Какъ истинный французъ, который ненавидитъ своего заморскаго сосѣда, и во всемъ раболопно слѣдуетъ мудрому уставу его этикета, Чапаринъ, опасаясь деревенскаго простора и простоты сельскихъ нравовъ, даже въ степной вотчинѣ своей велъ домъ свой по обложенному налогами и стѣсненному лондонскому гражданству.

— Я буду имѣть удовольствіе, — сказалъ онъ Виктору, представить вамъ моего сына. — Возвратился ли Петруша съ охоты? — спросилъ онъ жену.

— M-me Richon, возвратился ли мой сынъ съ охоты? — повторила она вопросъ, адресуя его французенкѣ.

— Я думаю, что нѣтъ, — отвѣчала она съ прибавленіемъ почтительнаго слова madame, необходимаго въ каждомъ французскомъ отвѣтѣ.

Здѣсь только Викторъ, отуманенный всѣмъ, что происходило вокругъ него, вспомнилъ о настоящей цѣли своего посвященія, и понялъ критическое положеніе свое въ глазахъ ротмистра, который поступилъ противу него съ коварствомъ.

Но раздался звонокъ къ обѣду. Чапаринъ представилъ Виктора своему семейству, и, хромя, подалъ руку одной изъ сидящихъ съ хозяйкою дамъ.

Послѣдовавшіе примѣру его гости, чинно, парами отправились черезъ парадныя сѣни въ столовую, уставленную буфетами и поставками съ богатой посудой, къ столу, представляющему весь безукоризненный порядокъ англійскаго сервиза.

Кобуринъ пользовался, по видимому, давней привилегіей быть кавалеромъ старшей дочери хозяина. Людвинуво досталась честь вести хозяйку дома.

Послѣ удовлетворенія перваго аппетита, заужужкала снова разговоръ. Дамы завели матерію о чрезвычайномъ переворотѣ: о перемѣнѣ рукавовъ *жиго* на рукава плоскіе, которые съ тѣхъ поръ болѣе десяти уже лѣтъ сохранили права свои.

— Признаюсь, — сказала съ лѣвой стороны соседка Виктора, — надо было имѣть нѣкотораго рода храбрость, чтобы осмѣлиться надѣть ихъ въ первый разъ.

— Признаюсь, — повторила съ правой стороны хозяйка, — этотъ день останется памятнымъ днемъ моей жизни.

— Какимъ это образомъ? — спросила третья дама.

— Да, такъ. Это было въ Парижѣ. Какое-то ученое общество давало балъ. Герцогъ Орлеанскій соизволилъ принять на себя заботы угощенья. Всѣ лучшіе туалеты были заказаны у Деллалъ. И въ самую ту минуту, какъ наступило уже время садиться въ карету, мнѣ привосать *свеф д'оувте* ея искусства.

— У нея неподражаемый вкусъ, — перебила одна изъ слушательницъ.

— Но то, о чемъ я говорю вамъ, превосходить всякое понятіе. Вообразите себѣ платье морской пѣны, на которомъ

восемьдесятъ букетовъ марабу расположены такъ художественно, что не только не обременяють, а уносятъ на воздухъ прозрачную юбку.

— Это можно себѣ представить, — тономъ знатока прибавила другая дама.

— Я была въ полномъ восторгѣ, и потому не тотчасъ замѣтила, что платье было безъ рукавовъ.

— Какъ, безъ рукавовъ? — вскричало нѣсколько голосовъ.

— Такъ-таки совсѣмъ безъ рукавовъ? — повторилось восклицаніе.

— То-есть была одна только идея, одно подозрѣніе рукавовъ, однимъ словомъ, рукава плоскіе, совершенно въ обтяжку и не болѣе двухъ вершковъ длины. Я вскрикнула отъ ужаса. «Что дѣлать!» говорю я мужу, ломая руки. Онъ садится въ готовую карету, скачетъ къ Делиллѣ; но что же видитъ онъ? у ея подъезда, какъ у лондонскаго раута, цѣлая нѣть экипажей. Ждать нѣкогда; онъ оставляетъ карету въ хвостъ, выходитъ по дождю и слякоти, насилу можетъ добраться до магазина, насилу продирается сквозь толпу, и видитъ виновницу тревоги чуть-чуть не въ нервномъ припадкѣ. Блѣдая и разстроенная, она умоляетъ практикантовъ своихъ надѣвать платье безъ рукавовъ, ручается за успѣхъ, убеждаетъ и мужа, который возвратился наконецъ съ успокоительнымъ извѣстіемъ, что всѣ туалеты Делиллы безъ рукавовъ.

— Ну что жъ, вы рѣшаетесь надѣть? — спросила одна дама, представившая себѣ со всею живостію это обстоятельство.

— Но мнѣ уже не предстояло другаго выбора; я одеваюсь и мы идемъ. Съ замираньемъ сердца вхожу я въ первую залу, и, вообразите, вижу на всѣхъ рукава *жиго*. Я всыхнула и сдѣлала шагъ назадъ, чтобъ возвратиться домой, но герцогъ встрѣчаетъ насъ въ дверяхъ, подаетъ руку и вводитъ во вторую залу, — и тамъ рѣшительно на всѣхъ *жиго, жиго, жиго*. Я въ отчаяніи, у меня потемнѣло въ глазахъ.

— Я бы упала въ обморокъ, — сказала дама, внимательно слушающая хозяйку.

— Но за то ужъ въ третьей залѣ я воскресла. Я уви-

дала въ кадрили, составленной изъ самаго цвѣта общества, графиню д' Арбувиль въ рукавахъ плоскихъ, маркизу Сенгри въ рукавахъ плоскихъ, герцогиню Малины въ рукавахъ плоскихъ, и цѣлые великолѣпные ряды плоскихъ рукавовъ отвалили мнѣ камень отъ сердца.

— Какъ вамъ это нравится? — сказалъ Чапаринъ, обращая вопросъ и граненую стклянку съ порто къ ротмистру. — Каково мы ведемъ себя, мы, добрые мужья, скачущіе по дождю и слякоти за рукавами своихъ женъ? Какъ вамъ это нравится? — прибавилъ онъ съ тѣмъ же предложеніемъ сидящей близъ него миссъ Пожеть, которая подвинула свою рюмку и пожала плечами.

— Это все полезно въ торговомъ отношеніи, — сказала она: — такая угодливость эстablishуетъ процвѣтать промышленность, и потому заслуживаетъ уваженіе. Благодарю за порто, — прибавила она, — я предпочитаю бордо и чери.

— Знаете ли вы, что ваше постоянное англійское пристрастіе къ этимъ добрымъ винамъ, — сказалъ хозяинъ, удовлетворяя ея желаніе, — порождаетъ злоупотребленіе: одинъ изъ винныхъ продавцевъ въ Лондонѣ подвергся преслѣдованію правительства, за неочистку таможенной повинности на все количество продаваемого имъ бордо и чери; но онъ представилъ достовѣрныя доказательства тому, что фабрикуетъ ихъ самъ въ собственномъ погребѣ, и тѣмъ освободился отъ штрафа.

— Этотъ анекдотъ сфабрикованъ прежде, нежели самое вино, — вступаясь, замѣтила англичанка, — вы можете быть уверены, что ни одинъ англійскій негоціантъ не предпочтетъ потери своего кредита какому угодно денежному штрафу. Къ тому же чрезвычайная потребительность всякаго вообще вина въ Англіи значительно уменьшилась и принадлежитъ уже давно къ безчисленному множеству старыхъ предразсудковъ.

— Англійскія попойки, — возразилъ нѣмецъ, — не суть еще обычай совершенно исчезнувшій, и понятіе о нихъ не есть еще предразсудокъ столь древній. Конечно, по нынѣшнему ходу времени, даже вчерашній день становится

старинною; но весьма еще недавно, люди высокаго тона и люди государственные Англии ставили себя за честь перепивать другъ друга. Славные Питъ, Канингъ, Кестельрегъ, и въ особенности знаменитый Фоксъ, дорожили способностію кривкой головы своей выщипать, подобно паровому котлу; невъроятное множество хивля, болѣе, нежели своимъ ораторскимъ дарованіемъ. Даже принцы королевскаго дома, сыновья Георга III, слѣдовали этому обычаю, — прибавилъ онъ, всегда готовый высказать взаимную народную нетерпимость, столь обыкновенную въ высокообразованной Европѣ. Эта народная нетерпимость живущихъ въ домѣ Чапарина иностранцевъ составляла забаву хозяевъ и ихъ посѣтителей, нерѣдко умышленно стравливавшихъ національныя антипатіи.

— Кто не знаетъ анекдота о великомъ Питѣ, который однажды послѣ хорошаго завтрака пришелъ съ пріятелемъ и товарищемъ своимъ Дундасомъ въ нижній парламентъ, — перебилъ, по обыкновенію, старымъ анекдотомъ Чапаринъ: — они вошли, пошатываясь изъ стороны въ сторону и держась подъ руку. «Странно,» — сказала Дундасъ, — «я не вижу президента» — «А я вижу двухъ, это еще страннѣе,» отвѣчалъ Питъ.

— То, что вы изволите говорить, — подтверждаетъ слова мои, — съ невозмутимымъ спокойствіемъ возразила миссъ, — я видѣла уже удовольствіе сказать вамъ, что пьянство составляло нѣкотораго рода странную моду въ Англии, которая теперь болѣе не существуетъ, — заключила она, осушивъ важную рюмку хереса.

— Я не вижу, чтобы эта мода болѣе не существовала, — вышпалась, намекая на выпитую рюмку, Француженка; — во всякомъ случаѣ она видимо поддерживается отсталыми отъ вѣка. — Съ этими словами она громко засмѣялась, по случаю своей собственной остроты, оскаливъ при томъ весьма кокетливо жемчужныя зубки.

Англичанка выдержала этотъ смѣхъ и неприличный намекъ съ достоинствомъ. Надобно замѣтить, что въ состязаніяхъ съ нею нѣмецкаго учителя Зибера явствовало всегда германское глубокомысліе и ученость, уважаемая уважающей всякое глубокомысліе и всякую ученость чопорной миссъ

Покетъ, которая не отказывала записывать и порожать его въ свою очередь. На выходки же и насмѣшки m-me Richon она отвѣчала большею частію великодушнымъ презрѣніемъ. Такое презрѣніе, разумется, пуще возбуждало раздражительность французенки. Румянецъ негодованія прекратилъ румяное и безъ того лицо ея въ цвѣтущую пивонію.

Замѣтивъ это, хозяйка, принимающая въ такихъ крайнихъ случаяхъ ея сторону, сказала, что слово предразсудокъ въ устахъ миссъ Покетъ слишкомъ условно, что она даже копытъ землянаго угля называетъ старымъ предразсудкомъ.

— И весьма основательно, — сказала миссъ.

— Какимъ образомъ? — спросили многіе.

— Очень натурально; два съ половиною вѣка тому назадъ, — отвѣчала англичанка, — всѣ были причастны тому же предразсудку. Еще въ 1598 году, пишетъ Гау, ни одна лондонская леди несогласилась бы ни за что на свѣтъ войти въ комнату, наполненную землянымъ, или, какъ называли его тогда, каменнымъ углемъ. Около того же времени король Эдуардъ I запретилъ употребленіе землянаго угля, какъ вреднаго обществу здоровью.

— Нынѣ, разумется, ивѣніе на этотъ счетъ весьма перемѣнилось, — сказалъ Зиберъ, — потому что въ Англіи почти не знаютъ другаго сгораемаго матерьяла.

— Нынѣ доказано, — перебила миссъ, — что земляной уголь, вмѣсто того, чтобы вредить, полезенъ въ гигиеническомъ отношеніи.

— Почему жь полезенъ? — спросилъ хозяинъ.

— Очень просто. Воздухъ, фильтрируясь сквозь угольную копоть, достигаетъ легкихъ въ очищенномъ состояніи.

Такая англійская способность находить полезнымъ и хорошимъ все неизбежное, вызвала общую улыбку. Разговоръ замолкъ, такъ что тихое à partè Кобурива и Бетси слышалось слышнѣе. Викторъ настроилъ уши. Они говорили о предполагаемой повзды въ губернской городъ, гдѣ ожидали многочисленнаго съезда, и вмѣстѣ съ тѣмъ, множества неизбежныхъ общественныхъ увеселеній.

— Вы танцуете со мною первую кадрили на первомъ балѣ, — сказала Бетси, очаровательно приглашая своего кавалера.

— Къ вашимъ услугамъ, — приветливо отвѣчалъ ей ротмистръ, жертвуя тяжелой и вовсе не танцевальной осанкой своей этой любезности.

— А съ кѣмъ танцуете вы вторую? — откликнулась французенка, лукавымъ взглядомъ указывая ему на миссъ Покетъ, съ которою иногда танцевалъ Кобуринъ, для потѣхи общества.

Онъ угодливо обратился къ англичанкѣ, ангажируя ее на вторую кадрили, на что она самымъ естественнымъ образомъ согласилась.

— Миссъ Покетъ, — замѣтила колко французенка, — не откажется безъ сомнѣнія представить въ русской провинціи лондонскую львицу, и всякій узнаетъ ее по гривѣ, — прибавила она, разувя огромный парикъ ея.

— Позвольте мнѣ напомнить вамъ, — отвѣтила серьезно Англичанка, — что львицы не имѣютъ гривы, это принадлежность льва.

Общій хохотъ аплодировалъ отвѣту.

Послѣ взаимной перебранки иностранцевъ, слѣдовало, по обыкновенію, совокупное нападеніе ихъ на Русь, на которой вымещали они съ неистовствомъ собственные оскорбленія.

Хозяинъ и его ближніе выслушивали подобныя нападенія съ свойственнымъ славянской природѣ добродушіемъ; но Кобуринъ начиналъ всегда возвышать громкій басъ свой, когда разговоръ попадалъ на эту точку, и если не удавалось ему убѣдить, то, по крайней мѣрѣ, удавалось заглушать разноязычную какофонию.

Заговорили о народныхъ яствахъ, объ англійскомъ ростбифѣ, о нѣмецкомъ зауеръ-грицѣ, о французскихъ смѣсяхъ, и, по обыкновенію, кончили единодушными укорами нашей родной капустѣ и всѣмъ свойственнымъ климату квашенымъ снѣдкамъ Россіи.

— Фи! — сказала m^{lle} Pichon, дѣлая знакъ отвращенія, при которомъ затрепетали на челѣ ея легкія бугли. — Если бы мнѣ предложили представить на выставку самое національное рус-

ское блюдо, я послала бы стклянку зловоннаго коноплянаго масла, которымъ питается этотъ народъ въ теченіи полугода.

— Дорого однакожь цѣнять растеніе, доставляющее это масло, соотечественники миссъ Покетъ, — сказалъ Кобуринъ; — на немъ держится вся водяная сила ихъ.

— Морской канатъ очень удобно замѣняется теперь чугуною цѣпью, — возразила миссъ, — и водяныя силы Англии не допустить себя въ зависимость ни отъ какого растенія. Если бы земля перестала производить льсъ, британскій флотъ былъ бы выстроень изъ чистаго золота.

Слово за слово, выраженія стали переходить въ колкости. Никто уже не щадилъ ни чьей личности. Кобуринъ горячился. Энергическіе возгласы его отражались дребезжаніемъ столцей на столъ металлической и хрустальной посуды, а варварски французскій языкъ его царапалъ слухъ *m-lle Richon*, раздражая болѣе и болѣе слушателей. Видимо было, что надъ его головою собиралась грозная туча, которая однакоже не разразилась, потому что раздавшіеся внезапно громъ и трескъ отъ конскихъ копытъ и фырканье лошади въ парадныхъ сѣняхъ дома, отвлекли общее вниманіе и вызвали невольное восклицаніе.

— Это опять мой повѣса! — вскричалъ хозяинъ, — онъ переломаетъ ноги несчастному Тальботу.

— *Pierre! Pierre, arretez donc!* — кричала испуганная мать.

— Это Пьеръ! онъ опять хочетъ възхать верхомъ въ комнату! — кричали съ хохотомъ и хлопая въ ладоши дѣти.

Между тѣмъ слышно было, что оторопѣвшее животное билось и бросалось, отказываясь покориться требованію сѣдока, который, послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ попытокъ побѣдить его упорство, соскочилъ съ сѣдла и показался въ дверяхъ столовой съ шляпою на головѣ, съ хлыстомъ въ рукахъ, съ своей пріятной, хотя растрепанной наружностію, и въ охотничьемъ запыленномъ костюмѣ.

— *La maudite bête!* — сказалъ онъ, кланяясь обществу.

— Помилуй, братецъ, на что это похоже, — сказалъ съ укоромъ отецъ его.

— Ты сходишь съ ума, — прибавила мать, глядя однако жъ съ улыбкой на сына.

— Я обыкновенно являюсь въ пору, къ самому десерту, — сказалъ м-г Ригге, не слушая замѣчаній, не снимая шляпы и садясь за столъ рядомъ съ молодой французенкой.

— Такимъ образомъ могъ бы вовсе и не являться, — проворчалъ, желая казаться недовольнымъ, Чапаринъ.

— Не сердись, папа, сдѣлай одолженіе, — сказалъ по-французски сынъ, — когда ты сердишься, ты имѣешь привычку вертѣть табакерку передъ своимъ носомъ, это раздражительно дѣйствуетъ на мои нервы.

Эта острота пробѣжала улыбкою по всемъ устамъ, не исключая самого отца, который бранилъ своего баловня, и имѣлъ съ тѣмъ не переставалъ баловать его, и потворствовать его дури.

М-г Ригге представлялъ собою, какъ и отецъ его, типъ, также переведенный съ иностраннаго; это былъ одинъ изъ вереницы шалуновъ, которые съ незапамятныхъ временъ не перестаютъ забавлять публику, являясь въ изданіяхъ наподобіе карикатуръ Шаривари, во всѣхъ старыхъ и современныхъ комедіяхъ; — по нашему, просто шалопаи, котораго снисходительно называли встарь: *дурная голова и доброе сердце*, — лицо извѣстное, выполняемое успѣшно всякимъ мало-мальски смышленнымъ актеромъ.

— *Quel est ce nouveau zaraïou?* — спросилъ онъ тихонько французенку, намекая на миниатюрное и щедушное сложеніе Виктора.

— Какъ, какъ-съ изволили вы назвать? — спросилъ, сидящій не въ дальномъ разстояніи и слышавшій этотъ вопросъ, Кобуринъ.

— *Tiens, c'est peut-être son frère?* — сказала молодой Чапаринъ сосѣдкѣ своей, которая залилась хохотомъ.

Въ эту минуту весьма кстати вспомнилъ хозяинъ о своемъ намѣреніи представить Людвинову сына.

— Рекомендую вамъ этого молодого человѣка, — сказалъ онъ Виктору. — Пьеръ, г. Людвиновъ, сосѣдъ нашъ.

— Какъ! г. Людвиновъ?—вскричалъ молодой Чапаринъ, представляя собою олицетворенное изумленіе, и привѣтливо снявъ шляпу, швырнулъ ее въ другой конецъ комнаты.— Это г. Людвиновъ,—повторилъ онъ, — стало быть владѣтель помѣстья Людвиновки; стало быть тотъ, кому я обязанъ принести несмытное количество извиненій за нѣсколько помятыхъ сноповъ ржи?

— Тотъ самый,—сказалъ Викторъ, кланяясь еще привѣтливѣе,—но вы расплачиваетесь слишкомъ щедро,—прибавилъ онъ.

— Все, что я могу представить въ мое оправданіе,—продолжалъ виновный,—это только то, что собака есть существо, неодаренное отъ природы словомъ, и которому нѣтъ человѣческой возможности внушить какое-нибудь понятіе о полюбившемъ размежеваніи.

— Но звѣрь подчиненъ разумной волѣ человека,—серьезно замѣтилъ ротмистръ.

— Совершенно справедливо и весьма кстати сказано,—перебилъ Пьеръ, нѣсколько затронутый этимъ замѣчаніемъ;— въ вашемъ помѣстьѣ Людвиновкѣ,—сказалъ онъ, обращаясь къ Виктору,—есть звѣрь, на котораго оstrarь зубы мои собаки. Это дикій прикащикъ вашъ, который на дняхъ разтерзалъ лучшаго моего брусбарта; если онъ подчиненъ разумной волѣ вашей, то покорнѣе васъ прошу, сдѣлать одолженіе, извольте принять какія-нибудь усмирительныя мѣры противъ такой свирѣпости.

Не зная, что отвѣчать на такую претензію, Викторъ смутился; но Кобуринъ вибрилъ себѣ въ обязанность вступить за него; онъ прочелъ цѣлый нагоняй охотникамъ, которые не уважаютъ трудовъ хлѣбопашца, самаго полезнаго общественнаго дѣателя.

— Плохо же, батюшка, Викторъ Андреевичъ, защищаете вы свои интересы,—прибавилъ онъ, подстрекая Людвина, — молвите хоть слово въ свою пользу; я истощилъ ужъ все свои убѣжденія.

— Нивы такого адвоката, какъ вы, — сказала ошумчиваясь Викторъ, — я полагаю излишними и даже ничтожными своимъ представленіямъ.

Ротмистръ укоризненно покачалъ головой.

— Охота въ здышнихъ краяхъ, — сказала, встати взышавшись въ разговоръ, англичанка, — похожа на охоту дикихъ народовъ въ безлюдныхъ степяхъ Африки, или на разбойничьи набѣги.

— Вотъ, изволите слышать, — сказала опять Виктору Андриянъ Ивановичъ, — вотъ это аргументъ-съ. Продолжайте, продолжайте, почтеннѣйшая миссъ Покетъ, я весь превратился въ ухо.

— Охота въ образованномъ мѣрѣ есть игра по правиламъ, — продолжала миссъ, — въ которой виднѣть смыслъ, искусство и изящество. Время охоты имѣетъ свои неизмѣнныя постановленія, которыхъ никто не осмѣлится нарушить: всѣмъ известно, что до снятія жатвы нивы заповѣданы.

— Вотъ это называется говорить, — поддакивалъ ротмистръ.

— Воспитаніе охотничьихъ собакъ есть дѣло такой важности, о какой здѣсь не имѣютъ понятія, — продолжала вѣчно проповѣдывающая англичанка, — наши собаки помѣщаются въ удобныхъ покояхъ, они спятъ на чистыхъ подстилкахъ, ихъ кормятъ по прописаннымъ медиками рецептамъ, и дрессируютъ къ такому идеальному повиновенію, что англійскую свору, легкую, рѣзвую, быструю, покорную малѣйшему звуку голоса человека, можно отличить въ сотняхъ лучшихъ охотничьихъ псовъ, не обижая ихъ никакимъ сравненіемъ съ дѣльными неучами.

— Изволите слышать, Викторъ Андреевичъ, — заключилъ авторитетно Кобуринъ, подавая руку своей дамѣ и вставая вмѣстѣ со всѣми изъ-за стола.

Викторъ чувствовалъ себя, какъ говорится, уничтоженнымъ, принимая произвольное участіе въ этой комедіи, передъ зрителями, въ числѣ которыхъ прекрасная Бетси, или миссъ Элоиза, или, по-русски, Елизавета Петровна, также смотрѣла на него парюю огненныхъ черныхъ глазъ.

Когда все возвратились въ гостиную, гдѣ съ ароматомъ амбре слылся аромат моксаго кофе и гавайскихъ сигаръ, и когда въ этотъ благовонный потокъ ринулся еще потокъ звуковъ отъ фортепьяно, къ которому съѣла Бетса; когда снова зажужжала легкая, какъ кружево, болтовня, перерываемая остроумными шутками и каламбурами Пьера, которому хозяева сдали на руки молодого гостя,—все это очень милое, очень пріятное, очень изящное, проникло ядомъ въ больную душу Виктора. Къ счастью, ротмистръ скоро умилосердился надъ нимъ и увезъ его домой.

XII.

Во всю дорогу Викторъ чувствовалъ себя въ дурномъ расположеніи духа. Дома, родные засыпали его разспросами, и немало были удивлены миролюбивому слѣдствію первыхъ переговоровъ съ соседомъ. Но Викторъ постыжился освободить себя отъ этихъ нескончаемыхъ разспросовъ, побрелъ въ берлогу свою, и заперся въ ней одинъ съ своими тяжкими думами.

Викторъ былъ, что называется, обездоленъ,—онъ нашелъ не то, чего искалъ, и сбился совершенно съ толку; не надъ кѣмъ было ему здѣсь умничать, некого вресвыщать, никто не нуждался въ его состраданіи, никто не заслуживалъ укоризнъ его и нравоучительной провѣи.

— Что жъ это со мною было?—спросилъ онъ самъ себя, ломая руки, — неужели вѣра моя въ нравственный подвигъ, къ которому я готовилъ себя, была химера? Съ душою, полною доброжелательства, любя съ горячностью и нѣжностью братьевъ моихъ, я обрекъ себя на трудъ скитанія по глухимъ дебрямъ и труппамъ, хотѣлъ отрывать груды пошлости и ничтожества, хотѣлъ выставить ихъ на показъ міру, чтобъ міръ вмѣстѣ со мною плакалъ слезомъ и смѣялся слезами; я уже приготовилъ себя на ту

пытку, которая терзаетъ тонкія чувства въ соприкоснове-
ніи съ отвратительными элементами, и что же встрѣчаю
я вмѣсто этихъ отвратительныхъ элементовъ? — амбро-
зію утонченнаго быта человеческого. Гдѣ жь они, даро-
витый авторъ, гдѣ жь они, твои герои, гдѣ твои Чи-
чиковы, Поздревы и Коробочки? — вскричалъ Викторъ, — куда
прикажешь идти искать ихъ? — И въ запальчивости юноша го-
товъ былъ доказывать, что не существуетъ на свѣтѣ ни Чи-
чиковыхъ, ни Поздревыхъ, ни Коробочекъ.

Тоска разочарованья овладѣла Викторомъ; ходя въ вол-
нени по комнатѣ, онъ взглянулъ на лежащую на пюпитрѣ
раскрытую поэму, и сердце его заняло завистью.

Викторъ сѣлъ къ письменному столу, обращая мысленно
разные вопросы автору. Но обмѣкнувъ перо, онъ вдругъ
остановился. Богъ знаетъ по какому чуду, образъ автора по-
эмы сталъ нечувствительно меркнуть передъ его духовнымъ
взоромъ, и также нечувствительно замѣняться милымъ обра-
зомъ Грушеньки.

По мѣрѣ того, какъ этотъ прекрасный ликъ яснѣе и яс-
нѣе возникалъ въ его воображеніи, раздражительность Вик-
тора успокоивалась. Сидя въ положеніи готоваго писать, и пи-
сать желчно, герой нашъ непроизвольно умилился. Буря сти-
хала въ душѣ его, въ ней стало проглядывать благотворное
солнце; желаніе излить чувства свои на бумагу не покинуло
его, но ему захотѣлось писать перомъ изъ крыльевъ амура,
захотѣлось говорить простодушно о себѣ и повѣрить себя ей,
чистой голубицѣ, ей — невинному младенцу, чей укронный до-
микъ и старая бабушка не имѣли въ себѣ никакого обиднаго
величія, никакого возмутительнаго блеска, которымъ пораженъ
былъ Викторъ въ домъ Чапарина, и онъ немедленно присту-
пилъ къ дѣлу и началъ писать свою исповѣдь.

Кому изъ насъ не случалось пробывать болѣе или менѣе
разсѣянными взоромъ печатныя исповѣди, и кто не знаетъ, что
все онѣ такъ же неуклонны отъ истины, какъ сходны съ ори-
гиналами своими некоторые художественные портреты, гдѣ
исправильность въ чертахъ, подѣ часъ довольно безобразная,
является столь очаровательною, что придаетъ лицу новую

приятности; гдѣ недостатки бываютъ озарены такимъ волшебнымъ свѣтомъ, что кажутся выраженіями чего-то плѣнительнаго; гдѣ кисть художника на лазурь очей, на бархатъ бровей, на кораллы устъ, на розы ланитъ наводитъ то чудное металлическое сіяніе, которымъ сверкаетъ море въ тихую свѣтлую ночь; гдѣ, однимъ словомъ, все прекрасно, все, не исключая даже дурнаго.

Около пяти часовъ сряду писалъ Викторъ. Онъ исполнилъ груды листовъ; перо его жгло бумагу, а мысль разыгрывала грустную фантазію, упорительную какъ сонъ послѣ приема опиума или *ашаиша*.

Викторъ, можетъ быть, писалъ вздоръ, но на этотъ разъ онъ писалъ единственно для Грушеньки. Онъ далъ волю сердцу; голова его уступила шагъ чувству, а это съ нимъ случалось такъ рѣдко, что намъ слѣдуетъ спускаться къ минутъ слабости и великодушно оставить, не заглядывая, рукопись его въ покое.

На другой день, сложивъ тетрадь свою и всунувъ ее въ боковой карманъ пальто, Викторъ поѣхалъ въ Старый-Сукъ, къ избушкѣ доброй Мавры Ивановны. Но въ ней нашелъ онъ, противъ ожиданія, необыкновенную суету. Его встрѣтила съ тревожнымъ видомъ Пелагея.

— Вся ли у васъ здоровы, — спросилъ Викторъ.

— Барыня нездорова — отвѣчала Пелагея.

— Что съ ней?

— Она въ припадкѣ.

— Въ какомъ припадкѣ?

— Въ своемъ обыкновенномъ, батюшка, — въ забытій и въ бреду.

Викторъ вошелъ въ гостиную, на этотъ разъ пустую, и сталъ вслушиваться въ долетающія до него изъ сосѣдней комнаты странныя рѣчи одержимой припадкомъ.

Она жаловалась и молилась, задыхалась и просилась на отдыхъ домой.

Викторъ приблизился къ полурастворенной двери и содрогнулся.

Мавра Ивановна лежала на постель, протянувшись как мертвецъ; нѣсколько прядей свдыхъ волосъ ея разсыпались по желтому лицу, другія, свѣчиваясь съ подушки, досягали до полу. Открытые глаза ея, устремленные въ одну точку, давали ей видъ вдохновенной жрицы. Грушенька стояла у постели, скрестивъ руки и глядя на страдающую съ неописаннымъ выраженіемъ скорби; она тихо отирала платкомъ капавшія слезы, съ видимою боязнью, чтобъ малѣйшимъ шорохомъ или движеніемъ не встревожить больную.

Въ самомъ дѣлѣ, малѣйшій шорохъ или звукъ усиливали ея страданіе.

На бѣду, подъ ногою Виктора скрипнула ветхая половица; и мгновенно ужась изобразился въ чертахъ больной; она придвинулась на постель; волосы ея оцѣтинивались, какъ у электрической куклы. Глядя въ ту сторону, гдѣ стоялъ недвижно Людвиновъ, она, казалось, видѣла передъ собою чудовище, готовое поглотить ее.

Такимъ образомъ прошло нѣсколько страшныхъ минутъ, откуда постепенно больная стала утихать, все еще по временамъ вскрикивая и принося уже несвязныя и непонятныя восклицанія. Грушенька вышла въ гостиную не прежде, какъ Мавра Ивановна успокоилась и заснула.

— На горе наше, — сказала она, послѣ нѣсколькихъ первыхъ словъ о состояніи старушки, — Андріянъ Ивановичъ ухалъ.

Кобуринъ какъ чародѣй, какъ злой духъ, всюду преслѣдовалъ Виктора.

— Куда ухалъ онъ?

— Въ городъ, на съездъ.

— Такъ рано? — сказала герой нашъ, какъ-бы въ обвиненіе ротмистру.

— Онъ не могъ предвидѣть, что случится, — отвѣчала, какъ бы въ его оправданіе, дѣвушка.

— Но не могу ли я быть чѣмъ-нибудь полезенъ на его мѣсть?

— Вы? Вы не знаете, какъ помочь ей.

— А Андрианъ Ивановичъ знаетъ?

— Андрианъ Ивановичъ знаетъ; онъ только лишь войдетъ въ комнату, лишь только дотронется до руки бабушки, она тотчасъ чувствуетъ облегченіе и засыпаетъ.

— Не занимается ли Андрианъ Ивановичъ магнетизированіемъ?

— Нѣтъ.

— Но то, что вы рассказываете, есть дѣйствіе магнетизма.

— О, нѣтъ, бабушка не вреть въ магнетизмъ, потому что покойный мужъ ея въ него не вѣрилъ.

Викторъ, слушая, смотрѣлъ на собесѣдницу свою съ выраженіемъ самымъ нѣжнымъ. Грушенька была не въ нормальномъ состояніи безстрастія и тишины. Она была общительнѣе, говорливѣе, нервнѣе, она была интереснѣе обыкновеннаго; въ ней видимы были слѣды безпокойства и муки, въ ней была жизнь; хорошенькое личико ея было такъ пленительно, что герой нашъ могъ бы просто влюбиться, и это было бы понятно: онъ былъ молодъ, воспріимчивъ; но.... онъ былъ слишкомъ уменъ и потому не могъ позволить себѣ такую глупость.

Викторъ, глядя на милостивую деревенскую барышню, не переставалъ думать о своей литературной исповѣди, и машинально поднесъ руку къ боковому карману пальто, откуда не имѣлъ еще никакого повода вынуть ее на свѣтъ. Гора однако же нетерпѣніемъ скорѣе найти этотъ поводъ, онъ сталъ управлять разговоромъ и клонить его къ желанной цѣли.

— Такъ бабушка ваша не вѣруеть въ магнетизмъ?—сказалъ Викторъ, продолжая бесѣду.

— Не вѣреть.

— А вы?

— Я? я не имѣю надобности въ него вѣреть.

— Но вы, по крайней мѣрѣ, не отвергаете симпатіи, то есть сочувствія?

— Я не отвергаю.

— Въ такомъ случаѣ вы не отвергаете магнетизма.

— О какихъ мудреныхъ вещахъ вы любите говорить, — сказала, улыбнувшись слегка, Грушенька.

— Вы правы, — сказалъ, также улыбнувшись, Викторъ, — оставимъ магнетизмъ, но поговоримъ о симпатіи.

— Поговоримъ, если это вамъ нравится?

— Какъ нельзя болѣе.

Въ это время изъ двери выглянула, по своему обыкновению, Пелагея, и герою нашему стало нѣсколько понятно, почему Кобуринъ называлъ ее дозорнымъ.

— Чтѣ бабушка? — спросила Грушенька.

— Почиваетъ! — отвѣчала Пелагея.

— Чтобы обратиться къ симпатіи, — сказалъ Людвиновъ, подумавъ нѣсколько, — надобно прежде всего опредѣлить это слово. Чтѣ такое симпатія? — продолжалъ Викторъ, значительно взглянувъ на красавицу, — симпатія есть ничто иное какъ сродство душъ; и это объясняетъ вамъ, почему иногда два существа, едва свидѣвшіяся, знаютъ другъ друга!... — Викторъ остановился, чтобы всмотрѣться въ эффектъ, который должно было произвести его опредѣленіе; но не было ни какого видимаго проявленія эффекта.

— Симпатія есть сочувствіе положительности и отрицательности въ односвойственныхъ существахъ, — началъ было онъ на другой ладъ; однако же, боясь быть невразумительнымъ для неразвитаго понятія двушки, остановился и заговорилъ языкомъ болѣе поэтическимъ. Онъ привелъ доводомъ върваніе восточныхъ о томъ, что душа въ этомъ видимомъ мѣрѣ узнаетъ свою небесную подругу, которую любила она еще тамъ.

— Ужели не разделяете вы этой отрадной вѣры, — спросилъ Викторъ, — ужели не признаете желанія при первомъ взглядѣ на сочувственное намъ существо, повернуть ему всю душу, излить предъ нимъ всѣ сокровеннѣйшія думы, и темъ отдать всего себя въ сладкое подданство, которое дороже намъ всякой власти?

Викторъ говорилъ это, имея въ виду свою рукопись; но Грушенька того не знала, и потому не мудрено, что смотрѣла на него въ недоумѣніи.

— А я,—продолжалъ онъ,—я признаю себя фанатическимъ защитникомъ этой истины, и малѣйшее сомнѣніе почиталъ бы величайшимъ для себя несчастіемъ.—Договаривая эти слова, онъ спустилъ руку за пазуху и вынулъ пакетъ.

— Что это такое?—спросила Грушенька.

— Угадайте.

— Вѣрно ваше сочиненіе?

— Нѣтъ.

— Что жь это за тетрадка?

— Прежде нежели я буду отвѣчать, позвольте мнѣ сдѣлать вамъ одинъ вопросъ.

— Для чего просите вы позволенья?

— Для того, что вопросъ этотъ можетъ показаться вамъ нескромнымъ.

— Но если онъ въ самомъ дѣлѣ скромнѣе, такъ почему жь не спрашиваете вы просто безъ позволенья?

Викторъ остановился, не находя отвѣта на этотъ логическій вопросъ.

— Что жь хотѣли вы сказать? — спросила выразительнымъ взоромъ Грушенька.

— Я хотѣлъ сказать, — вымолвилъ Викторъ, глядя на нее такъ нѣжно, что молодой дѣвушкѣ становилось неволью совѣстно и неловко.—Я хотѣлъ сказать,—повторилъ онъ,—что увидя васъ впервые, я почувствовалъ необходимость довѣрить вамъ, и вамъ однимъ, то, чего не говорилъ еще никогда и никому.

— Но вы хотѣли что-то спросить? — напомнила Грушенька вовсе не любезно.

— Я хотѣлъ спросить.... сочувствуете ли вы этой необходимости?

— Нѣтъ,—отрывисто и глядя прямо въ глаза Виктора, сказала она.

Подобный отвѣтъ долженъ былъ озадачить всякаго.

— Что это, простодушіе ребенка или дерзость кокетки?— анализировать внутренно вечно анализирующій Викторъ.

— На вашу жесткость я буду отвѣчать вамъ равною жесткостію,—сказалъ онъ,—я вамъ не вѣрю.

— Какъ это?—съ удивленіемъ спросила дѣвушка.

— Я не могу вѣрить вашему отрицанію, потому что не могу не вѣрить своему убѣжденію. Непонятное, безконечное, невыразимое чувство, которое вы внушили мнѣ съ перваго взгляда, не могло быть внушено иначе, какъ на законномъ основаніи полной симпатіи. Умышленно или по легкомыслію вы хотите нарушить лучшее вѣрованіе души моей,—подумайте, что вы дѣлаете.

— Я не дѣлаю ровно ничего, я сказала вамъ правду.

— Она, кажется, очень не глупа,—подумалъ Викторъ, и желаніе во что бы ни стало познакомиться ее съ своимъ письменнымъ слогомъ возгорѣлось въ немъ еще сильнѣе.

— Я уже сказалъ вамъ, что вы посягаете на лучшее, на драгоценнѣйшее мое вѣрованіе, и я, какъ защитникъ этого вѣрованія, долженъ бороться за него до последней крайности. Я хочу знать, неужели ничтожная личность моя, такъ глубоко пораженная вами, не интересуетъ васъ на столько, чтобъ вы снисходительно и благосклонно выслушали нѣсколько скучныхъ, но тѣмъ не менѣ искреннихъ жалобъ?

— Скажите, какая польза будетъ вамъ изъ того, что вы ихъ расскажете, а я выслушаю?

— Bravo!—воскликнулъ въ душѣ Викторъ.—Она рѣшительно умна! Она должна, непременно должна прочесть мое посланіе.

— Вы немилосерды,—сказалъ онъ, вымаливая милосердіе умильнымъ взоромъ.

Грушенька пожала плечами.

— Но что же написано въ этой тетради?—спросила она.

— Въ ней написаны тѣ самыя скучныя, но тѣмъ не менѣ искреннія жалобы, которымъ внять вы отказываетесь,—такъ отвѣчалъ Викторъ.

— Возможно ли жаловаться такъ пространно?—воскликнула Грушенька.

Бѣдовое авторское самолюбіе Виктора затронулось этой холодностью; въ лицѣ его выразилось что-то такое грустное, что молодая дѣвушка, испугавшись своего равнодушія, протянула руку, какъ бы прося его передать ей исписанные листы.

— Нѣтъ, — сказалъ движимый духомъ противорѣчія Викторъ, — я и забылъ, что вы не любите чтенія; нѣтъ, оставьте меня при моемъ глупомъ желаніи; я буду доволенъ воспоминаніемъ того незабвеннаго для меня счастливаго часа моей жизни, въ который, думая о васъ, я писалъ всю эту въ самомъ дѣлѣ пространную галиматью. Ее следовало уничтожить тотчасъ же по написаньи, и я слишкомъ опоздалъ это сдѣлать, — прибавилъ онъ, разорвавъ на нѣсколько частей и уложивъ обратно въ карманъ клочки тайнъ своего сердца. Этимъ дѣйствіемъ Викторъ, самъ не зная того, быть можетъ, по тому же присущему въ душѣ каждаго человѣка духу противорѣчія, возбудилъ любопытство безучастной красавицы; но занятый болѣе собою и недовольный развязкою сценъ, пожелавъ больной бабушкѣ скорѣйшаго выздоровленія, онъ отправился во-свояси.

XIII.

Дома нашелъ Викторъ семью свою собранную вмѣстѣ въ ожиданіи обѣда, и это собраніе представляло собою ареноу, на которой безъ вѣдома его обсуживалась участь нашего героя.

— Резоны-то ваши, Настасья Прокофьевна, не резоны, — доказывалъ Прокофій Трофимовичъ; — а я стою на своемъ: записать Виктора въ военную службу, и дѣло будетъ въ шляхъ.

— Не говорите мнѣ этого, сдѣлайте одолженіе. Не могу я согласиться на то, къ чему ни комплекція, ни чувствительность его сердца не сродны.

Противъ обыкновенія, и Анна Петровна была не одинаковаго съ Прокофіемъ Трофимовичемъ мнѣнія.

— И Богъ васъ святой знаетъ, объ чемъ вы растужились, — представляла она свое; — а по моему глупому сужденію, благо привела его къ намъ судьба, такъ съ нами ему и оставаться, да хозяйствомъ заняться, да у насъ, у старыхъ людей, уму разуму поучиться; дѣло его дѣтское, несмышленное.

— Викторъ получилъ такое образованіе, что и насъ съ вами поучить можетъ, — съ гордостію возразила Настасья Прокофьевна.

— Оно, конечно, такъ, но вѣдь говорится же пословица: вѣкъ живи, вѣкъ учись.

— Мало ли что говорится.

— Ужъ вы себя тамъ какъ хотите, — перебилъ Прокофій Трофимовичъ, — а кто не послужилъ въ военной службѣ, не помыкался по свѣту, не понюхалъ пороху, изъ того вѣкъ ничего путнаго не выйдетъ, такъ-таки и останется человекомъ ни къ чему не способнымъ. Наука статья особенная; науки-то проходить, сидя за печкой дома, а службу лбомъ да боками пробиваютъ, такъ оно, изволите ли видѣть, и разница.

— Лба его подъ пули подставлять я не намѣрена, — резко вымолвила Настасья Прокофьевна.

— Да бабить-то его что вамъ за необходимость? Ужъ того, что на роду написано, нигдѣ не минуешь. И отъ всякаго иного случая человекъ умереть можетъ и смерть получить ни ближнему не въ пользу, ни себя во спасеніе.

— Все-таки война дѣло опасное, — вздохнувъ и какъ будто разсуждая сама съ собою, молвила Анна Петровна.

— Но вѣдь Господь и на войны хранить своего избраннаго. А наши-то немолкаемыя молитвы развѣ не будутъ за него предстательствовать? Великую силу передъ Господомъ имѣютъ молитвы родителей.

Настасья Прокофьевна не слушала этихъ доводовъ, углубившись, по видимому, въ постороннія думы.

— А велико ли семейство у Петра Петровича Чапарина? — спросила она, неожиданно.

— Велико ли? — повторилъ въ раздумьи, не вдругъ

усвоивъ понятіе о новомъ предметѣ, Прокофій Трофимовичъ, къ которому адресованъ былъ вопросъ.

— Да, много ли у него дѣтей?

— Кажись, не много.

— Сколько именно?

— Да, кажись, только и есть, что сынъ и дочь, — красныя дѣтки.

— Нѣтъ, — вмѣшалась Анна Петровна, — матушка попадавъ сказывала мнѣ, что у нихъ еще двое дѣточекъ малыхъ.

— Стало быть четверо. А велико ли ихъ состояніе?

— Кто его считалъ. Говорять, у него четыре вотчины богатія, исключая деревушекъ.

— Самъ-то онъ, сказываютъ, хлѣбосоль такой и обходительный. Жаль, что сынъ пошелъ не по батюшкѣ, — прибавила Анна Петровна.

— Сынъ, какъ сынъ! и ничего въ немъ нѣтъ такого особеннаго, — сказала Настасья Прокофьевна какимъ-то страннымъ тономъ.

— Да сами же вы, Настасья Прокофьевна, на него сѣтовали.

— Сѣтовала не почему другому, какъ по вашимъ же пересудамъ; изъ пустаго вывели какую исторію; а Викторъ говоритъ, что это люди отличные и образованные. Они приняли его и обласкали какъ роднаго.

— Что жъ тутъ удивительнаго, — сказала Анна Петровна, — всякій радъ знакомству съ нашимъ Викторомъ Андреевичемъ.

— А сколько лѣтъ старшей дочери? — продолжала спрашивать Настасья Прокофьевна.

— Да вы ужъ, матушка моя, не сваху ли засылать мѣрываетесь, что обо всемъ такъ любопытствуете? — шутливо спросилъ Прокофій Трофимовичъ.

— Вотъ что еще придумали. Въ нашъ вѣкъ надъ сватовствомъ ужъ насмѣхаются.

— Надъ чѣмъ въ нашъ вѣкъ не насмѣхаются; по моему такъ сватовство дѣло вовсе не зазорное. Вотъ и мы съ Анной Петровной не хуже другихъ прожили, а нешто не ложи-

добрые насъ сосватали. Да и вы, сударыня моя, не по святотству ли крестной, матушки Авдотьи Дмитриевны нашли судьбу свою?

При этомъ напоминаніи, Настасья Прокофьевна вспыхнула, и, по обычаю, не добромъ помянула свою благодетельницу.

Этотъ неприятный толчекъ расположенію духа ея сталъ отзываться въ послѣдующей бесѣдѣ о томъ, что, по ея мнѣнію, Виктору необходимо было побывать въ городѣ, гдѣ въ настоящую пору собирается все лучшее губернское общество, куда ѣдетъ и семейство Чапарина, и гдѣ молодой человѣкъ съ преимуществами Виктора можетъ обратить на себя вниманіе.

— Да вѣдь на такую затѣю-то, чай, не мало потребуется, — замѣтилъ Прокофій Трофимовичъ.

— Въ городъ не то, что въ своемъ углу, — даромъ и воды не хлебнешь, — замѣтила и Анна Петровна.

— А по мнѣ такъ это все пустое, — сказалъ опять Прокофій Трофимовичъ, — и будь еще на немъ эполеты, — военный человѣкъ, какъ ни говори, все-таки замѣтнѣе, а фракъ-то это что за невидаль.

— Оно, конечно, не худо было бы доставить молодому человѣку удовольствіе, да гдѣ возьмешь? теперь и самаго ничтожнаго дохода ни откуда не получится, — сказала Анна Петровна.

— Прикащикъ князя Мухробатова предлагаетъ мнѣ 600 рублей за срубку рощицы, — объявила Настасья Прокофьевна.

— Бога вы не боитесь, что это вы такое дѣлаете? лѣтъ черезъ пять вы за нее съ него же собаки въ десятеро получите. И добро бы на что дѣльное; а то такъ-вотъ, ша-води, прогулай на ярмонкѣ! — укоризненно проговорилъ Прокофій Трофимовичъ.

— Я не постигаю, что вы находите за удовольствіе противорѣчить мнѣ во всякой малости!

— Да какая жь это малость? и по нашему ли состоянію называть такіе расходы малостями?

— Но этотъ расходъ можетъ возвратиться съ прибылью, — глубокомысленно замѣтила Настасья Прокофьевна,

преслѣдуя новорожденную идею, которая засѣла въ головѣ ея и начала тревожить безъ того тревожные нервы бѣдной женщины.

Викторъ вошелъ въ комнату именно въ ту пору, какъ рѣчь коснулась затрудненій, нисколько для его амбиціи неупоконительныхъ, и онъ долженъ былъ выслушать съизнова все, что уже столько разъ случилось ему выслушивать въ минуты раздражительности Настасьи Прокофьевны. Онъ выслушивалъ, по обыкновенію, молча, потирая себя по лбу и какъ будто удивляясь самъ собственному терпѣнію.

И сколько этого спасительнаго терпѣнія было необходимо имѣть ему: родные терзали его тягостными представленіями истинъ, въ которыхъ и безъ того онъ, къ сожалѣнію, не могъ заблуждаться; не менѣе терзали Виктора и другія многія постороннія обстоятельства, и въ этотъ самый мигъ на сердцѣ его болѣла царапина отъ вѣжныхъ розовыхъ выгоекъ простодушной и незлобной Грушеньки.

Богъ знаетъ, какую ночь провелъ Викторъ, переваривъ всѣ скопившіяся неудовольствія, и когда предсталъ онъ опять предъ ясныя взоры Грушеньки, такое выраженіе лица его поразило дѣвушку.

— Что съ вами?—спросила она съ искреннимъ участіемъ.

Викторъ отвѣчалъ драматическимъ молчаніемъ; но поваль, что въ этотъ мигъ тронулъ слабую струну женскаго сердца—состраданіе, бывающее не рѣдко счастливымъ началомъ другаго счастливѣйшаго чувства. Замѣтивъ это, Викторъ впалъ въ искушеніе.

— Что съ вами?—повторила съ видимымъ безпокойствомъ дѣвушка.

Викторъ закрылъ руками лицо.

— Со мною я самъ,—выговорилъ онъ душещавшимъ голосомъ,—и этого довольно, чтобы по справедливости я имѣлъ право почитать себя величайшимъ несчастливцемъ міра.

Грушенька взглянула на него съ удивленіемъ.

— Вы спрашиваете, что со мной,—заговорилъ Викторъ голосомъ отчаянія, въ которомъ отзывалось однако же что-то

истинное, потому что въ самомъ дѣлѣ въ неудовлетворенномъ его сердцѣ была сосредоточенная, глубоко зарытая, какая то вечная мука. Вы спрашиваете, и я желалъ бы вѣрить, что этотъ вопросъ не пустое оскорбительное любопытство, не лицемерное изъясненіе любезнаго участія; но если бы я даже могъ и смѣлъ принять это участіе къ своей ничтожной личности, если бы я рѣшился отвѣчать вамъ, могу ли я быть увѣренъ, что вы захотите меня выслушать, и, выслушавъ, понять меня.... Вы спрашиваете; но знаете ли, что отвѣчать вамъ значитъ растравлять больнѣйшія раны сердца; а вы, увидѣвъ ихъ, отвернетесь съ содроганіемъ. Можете ли вы, безопасное дитя, понять такое состояніе духа, въ которомъ жизнь есть тяжкое бремя. Поймете ли вы, что въ душу человѣка можетъ постоянно ливаться ядъ, который жжетъ какъ на маломъ огнѣ и будетъ жечь до послѣдняго издыханія. Поймете ли вы, что сердце, изсякнувъ въ этихъ истязаніяхъ, можетъ уже не желать ничего лучшаго, и свыкнувшись съ страданіемъ, исполненное злой отравы, можетъ только ливать эту отраву на все окружающее и чувствовать нѣкоторое облегченіе только при видѣ чужаго горчайшаго страданія. Поймете ли вы, воплощенная благодать, что бываютъ минуты, въ которыя необходимо терзать и упиваться воплями муки, и наконецъ, поймете ли вы, что, по высочайшей казни неба, можно имѣть страшную способность отдавать себѣ безпристрасный отчетъ каждаго своего ощущенія, каждаго біенія нравственныхъ артерій, оцѣняя вполне всю ихъ пошлость.

— Какія у васъ мрачныя мысли!—прервала молодая девушка,—я право никогда не слыхала ничего подобнаго.

— Вѣрю и скорблю, — вздохнувъ сказалъ Викторъ, — вѣрю, потому что вы олицетворяете передо мной генія свѣта и тишины душевной, который давно уже покинулъ меня; скорблю, потому что больная душа моя, видя васъ и зная себя, болитъ еще сильнѣе.

— Право, право, я не понимаю васъ!—выговорила голосомъ полнымъ соболѣзнованія Грушенька.

— И въ этомъ я увѣренъ, — продолжалъ Викторъ; — но скажите, долженъ ли я стараться быть для васъ понятнымъ? Самъ я долго усиливался не понимать себя, покуда наконецъ вынужденъ былъ остановиться на убѣжденіи, что сердце мое, изстрадавшись, начинало умирать, и я читалъ уже ему отходную съ тѣмъ равнодушіемъ, которое простирается отъ ожесточенія, и вдругъ, не знаю для чего, это самое умирающее сердце, встрѣтивъ васъ, очнулось и воспрянуло отъ мертвой блаженной тишины.

— Ахъ, какой онъ несчастный! — подумала, слушая его, дѣвушка; но Викторъ, подобно актеру, который вдохновился и вошелъ въ роль свою до изступленія, продолжалъ:

— Знаете ли вы, прекрасный младенецъ мой, къ какой страшной мукъ воскресило меня это пробужденіе? Эту муку можно сравнить только съ томленіемъ смертельнаго, ничѣмъ неудовлетворимаго голода. Но этотъ голодъ ужаснѣе, сто-кратно ужаснѣе того голода, о избавленіи отъ котораго молятся въ храмахъ, который составляетъ одно изъ бѣдствій челоуѣчества; отъ котораго, въ бреду и жару горячки, съ лица страдальца катится нервный холодный потъ, когда, впадая въ послѣднюю степень муки, въ восторженную совлivity, подобную безумію, при страшныхъ внутреннихъ судоргахъ, онъ грезитъ на яву такія грезы, отъ которыхъ трещитъ черепъ. Но эти истязанія голода плотскаго ничто въ сравненіи съ голодомъ мысли, съ голодомъ воображенія, околдованнаго гибельными соблазнами!...

— Боже мой, Боже мой, что это такое? — спрашивала себя, содрогаясь, Грушенька.

— Ради Бога, успокойтесь, — сказала она, — перестаньте, пожалуйста, перестаньте; говорите что-нибудь другое, иначе я, право, заткну уши и убѣгу.

Эта угроза охладивъ сценическое одушевленіе Виктора. Онъ въ самомъ дѣлѣ успокоился, заговорилъ прѣсно, и переходя постепенно изъ тона въ тонъ, рѣчь его строилась на нѣжный гармоническій ладъ, въ которомъ особенно истощилась fuga его.

Грушенька была очень довольна, видя эту перемену, и Викторъ былъ также чрезвычайно доволенъ; это утро было едва ли не лучшее утро въ его жизни: такъ неизбежно, такъ сильно было обаяніе дѣвушки, что онъ подчинялся ему непроизвольно. Глядя на нее, онъ чувствовалъ необъяснимое наслажденіе; слушалъ ласковый, добрый, веселый звукъ ея рѣчи, не вникая даже въ смыслъ ея, онъ ощущалъ сладкое успокоеніе.

— Какъ не хочется мнѣ ѣхать отъ васъ домой! — сказала онъ прощаясь.

— Пріѣзжайте завтра.

— Завтра! Богъ знаетъ что будетъ завтра.

— Бросьте ваши черныя мысли.

— Вы одни умѣете отгонять ихъ отъ меня. — И Викторъ, впервые страстный взоръ въ устремленные на него съ мольбою глаза милой дѣвушки, заговорилъ съ нею на прощаніи стихами:

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
 На духа чистаго взиралъ
 И жаръ невольный умиленья
 Впервые смутно сознавалъ.

Прости, онъ рекъ, тебя я видѣлъ,
 И ты не даромъ мнѣ сіялъ:
 Не все я въ небѣ ненавидѣлъ,
 Не все я въ мѣрѣ презиралъ!

Сказавши прости, онъ простился въ самомъ дѣлѣ, и уѣхалъ, увозя съ собою Богъ знаетъ что на сердце. Онъ почувствовалъ однако же, что началъ романъ. Для чего началъ онъ его, и какія должны были быть изъ того счастливыя или несчастныя слѣдствія, для него самаго или для предмета, попавшагося ему подъ руку, — онъ о томъ не думалъ, какъ и большая часть героевъ, рѣдко имѣющихъ совѣсть думать о слѣдствіяхъ.

Викторъ продолжалъ однако же посѣщать соседей своихъ ежедневно, и оставался у нихъ съ утренней зарей до вечерней. Разсуждая съ каждымъ днемъ меньше и меньше, и съ каждымъ днемъ становясь довольнѣе тѣмъ, что происходило въ его сердцѣ, онъ говорилъ съ Грушенькой безъ философи и риторства, вызывая ее на доверчивость, и упивался, никакая въ это чистое сердце, которое высказывало себя безсознательно.

Но семья Виктора не оставляла его въ покоѣ, и между тѣмъ какъ онъ отдавался безотчетно сладостямъ новаго своего ощущенія, Прокофій Трофимовичъ не переставалъ причитывать ему доводы о необходимости вступить въ военную службу. Мать не переставала атаковать его другого рода намеками, и торонить шивздуку его въ городъ. Впрочемъ, намеки Настасьи Прокофьевны не были уже новостью для Виктора. Тогда еще, въ тотъ самый день, когда въ первый разъ глаза его окинули измѣнный очеркъ и не менѣе измѣнный антуражъ прекрасной Бетси Чапаряной, демонъ намекулъ ему то же самое, но намекнулъ такъ тихо и такъ тонко, что Викторъ самому себѣ еще въ томъ не сознался.

Однако жъ это не препятствовало ему предаваться сердечному своему влеченію до тѣхъ поръ, покуда не вышло въ дѣло усердіе добраго человека.

Провожая по обычаю на крыльцо Виктора, Пелагея остановилась передъ нимъ однажды, прося у него позволенія молвить слово. При этой просьбѣ, лицо ея приняло необыкновенно торжественное выраженіе, которое придало добротѣ и спокойнымъ чертамъ ея что-то свѣдѣнное, даже глупое.

— Что тебѣ, моя милая?—спросилъ Викторъ.

— Не въ укоръ твоей чести, — начала Пелагея, — Грушеньку я своею грудью вскормила; матушка ея, паренка небесное, скончалась, и дѣло ея сиротское, такъ скажи мнѣ, родимый, по простосердечію....

— Что такое?—спросилъ изумленный Викторъ.

— Мавра Ивановна старый человекъ, — продолжала Пелагея, — все одно, что младенецъ, а я ее своею грудью вскормила....

— Ну такъ что жь?

— Такъ-то и есть, родимый, ты скажи мнѣ по простосердечію....

— Что прикажешь говорить?

— Не безъ хлѣба сироту отецъ съ матерью оставили: Грушенька у насъ, благодарить Бога, все какъ слѣдуетъ, все ей одной достанется. Усадьбица чистехонька, не въ закладъ, какъ стеклышко, домъ чаша полная, восемь дворовъ съ мголочки, и все сбережено до сивя пороха: и платья шелковыя покойницы, и купавинскую шаль, и ложекъ двѣ дюжины.... Ведь я Грушеньку своею грудью вскормила, радно объ ней какъ объ родной дочери, такъ не въ укоръ твоей чести будь сказано....

— Что за безтолочь городишь ты, моя голубушка?

— Не въ укоръ твоей чести, господинъ милостивый, вотъ и Андриянъ Ивановичъ вздѣтъ къ намъ, и человекъ онъ состоятельный, такъ ты скажи мнѣ по простосердечію....

Этимъ именемъ Пелагея хлынула какъ холодной водою на Викторъ; онъ нахмурился, не вымолвилъ болѣе ни слова, шаркнулъ съ крыльца и вскочилъ на лошадь.

— Дѣ, молодець!—подумала Пелагея, и, качая головою, вошла въ конюшны. Сердце ея сильно возмутилось и голова была въ чрезвычайномъ разстройствѣ.

Пелагея, въ самомъ дѣлѣ вскормившая свою грудью Грушеньку, питала къ ней то материнское чувство, которое обыкновенно привязываются кормилицы къ своимъ питомцамъ; но это чувство, которое, по отнятїи отъ груди, ослабваетъ и уничтожается постепенно, поддерживалось постоянно зависимою сиротки отъ ея заботъ. Пелагея, поступившая впоследствии въ полныя попечительницы о Грушенькѣ и старой бабушкѣ ея, во всѣхъ возложенныхъ на нее судьбою должностяхъ оказывалась исправною и добросовѣстною; но, по видимому, Пелагея не обладала даромъ слова; языкъ ея, не привыкшїй слѣдовать по пятамъ за мыслию, запутался въ повторенїи заранѣе придуманныхъ рѣчей. Окончательно сбита съ толку неожиданными возраженїями Викторъ, она пришла въ крайнюю тревогу, и этою тревогою возмутила сладкїй отраднѣйшїй сонъ, въ которомъ задремали чувства нашего героя.

Онъ еще не отъѣхалъ полуверсты, какъ мысль его, окрѣпившая отъ чуждаго ей покоя, пробудилась съ новымъ силой.

— Боже, Боже!—думалъ Викторъ,—нѣтъ въ мѣръ темнаго угла, гдѣ бы возможно было укрыть себя отъ нелюбви человѣческаго рода. Нѣтъ возможности забыться на одну минуту,—тотчасъ же кто-нибудь побезпокоится отрезвить къ грустной дѣйствительности!... Очень нужно было мнѣ знать о существованіи двухъ дюжинъ ложекъ и о десяткѣ новыхъ избъ, хоть эта статья, въ соединеніи съ милыми качествами премою Грушеньки, разумѣется, обольстительная для какого-нибудь увзданаго искателя блаженствъ семейнаго очага... Что жъ, по истинѣ блаженна участь того, кому предназначено судьбою вдохнуть въ это дѣвственное сердце сознаніе, дать ей вкусить полноту жизни, раскрыть нѣмыя уста ея и услышать изъ нихъ чудныя нерагаданныя тайны женской природы. Но мнѣ... есть ли какая-нибудь возможность мнѣ рѣшиться разыгрывать съ тобой вѣчную идиллію? и не слишкомъ ли безукоризненна ты для моей испорченной природы? Эта самая безукоризненность пуще всего пугаетъ меня. Эта безукоризненность не есть ли то же самое, что приторное, хоть здоровое яство для гортани избалованной, быть можетъ, разращенной островами и возбуждательными... Я понимаю, что Рафаэль могъ постоянно обожать свою Форнарину, воспроизводить тысячекратно образъ ея, но славный мастеръ былъ только художникъ, жилъ одною стороною своего исключительнаго творчества, весь духъ его перешелъ въ неуловимыя очертанія, въ которыя вдыхалъ онъ лучъ жизни... Я понимаю, что въ такомъ творчествѣ забывается все на свѣтъ. Какъ Рафаэль, могу я цѣлиться тобою, какъ художникъ могу увиваться чудною граціею твоего дѣвственнаго воображенія, разрабатывая его своимъ опытомъ; но художникомъ и Рафаэлемъ могу я быть единственно въ минуты моихъ поѣздокъ въ Старый-Сукъ, гдѣ все теперь способствуетъ очарованію: и живительный воздухъ весны, и мое собственное расположеніе, все, не исключая живописно-уродливой прабабки твоей. Но представить себя, тебя прекрасную правнучку, матерью многочисленнаго семейства, погравившаго

въ мелочныхъ заботахъ скудной жизни, терзающую слухъ мой твоимъ наивнымъ просторчьемъ, — нѣтъ! блаженство въ жизни создано не для меня, эдемъ въ избушкѣ для меня не существуетъ, даже съ тобою!... Я погрязну въ умозрѣнiяхъ, сойду съ ума, если не съ умью развлечь себя шумомъ и блескомъ и отуманить хмелемъ изъ ароматной чаши, увѣнчанной цвѣтами!... Но въ рѣдкія минуты трезваго состоянiя, или въ минуты утомленiя, мнѣ отрадно было бы убѣгать отъ самаго себя къ тебѣ, доброе созданiе, покидать для тебя весь мiръ и летѣть къ стопамъ твоимъ на добромъ скакунѣ благородной крови, за котораго заплачена сумма, превосходящая тысячу разъ все твое приданое... Съ тобою, дитя природы, забылъ бы я цѣлый мiръ; ~~тобою~~, дикій, чудный цвѣтокъ, любовался бы я, по любви къ прекрасному, на сколько достало бы силъ и досуга!...

Разочаровывая себя, Викторъ становился все грустнѣе и грустнѣе.

XIV.

Въ этихъ обстоятельствахъ время поѣздки въ городъ пришлось весьма кстати. Настасья Прокофьевна собирала Виктора въ дорогу и провожала разнаго рода наставленiями; во первыхъ, беречь свое здоровье, во вторыхъ, беречь деньги, въ третьихъ, наказывала ему остановиться на постояломъ дворѣ прикащика князя Мухробатова, мѣщанина Савелова, который, послѣ выгодной сдѣлки, вызывался на услуги. Анна Петровна напутствовала внука пожеланiемъ всякаго благополучiя. Прокофiй Трофимовичъ пожималъ только плечами, а озабоченная сборами молодого барина Акулина, съ лица которой въ три ручья струилась потъ, бранилась со всеми встрѣчными, что дѣлала она обыкновенно при всякомъ слухѣ, который выводилъ ее изъ нормальнаго положенiя.

Все это способствовало какъ нельзя болѣе къ вождельному прибытiю Виктора въ губернской городъ; но такъ какъ интересы, суетившіе губернское общество, не были собственно

личными интересами Виктора, потому мы и последуем только за обетоятельствами, исключительно къ нему прикосновенными.

Мишуа весьма любопытное, но уже степько известное описание постоялаго двора мещанина Савелова, мы последуем за юношей на первый балъ, гдѣ его появленіе произвело сенсацию; онъ, какъ весьма основательно ожидала Настасья Прокофьевна, обратилъ на себя вниманіе своей осанкой, своимъ приличнымъ туалетомъ, своей пріятной наружностью, своей благородной отличительной способностью танцевать польку. Съ перваго шага нельзя было не признать Виктора первымъ губернскимъ подькеромъ, и хоть это былъ такого рода эпитетъ, на который нисколько не претендовалъ герой нашъ, но волею или неволею, любо или не любо, онъ былъ навязанъ ему общимъ приговоромъ. Само собою разумеется, что дамы съ особеннымъ удовольствіемъ представляли свои гибкія талии ловкости и мастерству новаго кавалера; но эти дамы не имѣли привилегіи личнаго съ нимъ знакомства, которой пользовалась миссъ Бетси, и такъ какъ во всякомъ губернскомъ городѣ, точно также какъ и во всякой столицѣ, послѣ нѣсколькихъ *содрогательныхъ* и другихъ полекъ, танцуютъ мазурку: то весьма естественно, что Викторъ и Бетси усѣлись рядомъ въ одной точкѣ пестраго круга.

Этотъ вѣнокъ, сплетенный, болѣе или менѣе изъ прекрасныхъ цвѣтовъ, былъ *анкадрированъ* или *орамленъ* чернѣвшимъ на послѣднемъ планѣ сплошнымъ полемъ фраковъ. Въ срединѣ же круга, въ самой аренѣ, освещенной люстрами, навощенной до-нельзя, уцитанной благовопіями, оглащенной громомъ оркестра, медькади, серебряды, сверкали эксельбанты, скользили лаковые сапоги, билась сердца, играло невидимое электричество, охмѣляющее голову и бунтующее кровь. Это все шло своимъ чередомъ, какъ салдуеть. Маркизь Чапаринъ въ толпѣ избранныхъ стариковъ, такъ называемыхъ *тузовъ* губерніи, отдыхая отъ роберта въ спокойныхъ креслахъ, наслаждался эффектомъ, производимымъ въ обществѣ его семьей. Онъ провожалъ взоромъ, полнымъ

гордаго спокойствія, плывущую по паркету супругу, зрѣлую, но тѣмъ не менѣ замѣчательную красоту, одѣтую по послѣднему тончайшему вкусу. Прозрачная брѣнная ткань бѣлой дымки тѣснила и оковывала какъ латами полный станъ. Ловкій молодой адъютантъ увлекалъ ее, какъ зефиръ на крыльяхъ, возбуждая по слѣду ропоть зависти и злословія.

Глаза маркиза устремлялись также съ особеннымъ удовольствіемъ на слѣдующаго въ свою очередь представителя имени его въ потомствѣ который хоть не проявлялъ никакой способности украсить потомственного герба новыми доспѣхами, но, не смотря на это, былъ милъ и дорогъ его сердцу. М. Piétre, отмѣченный усвоеннымъ шикомъ, рука объ руку съ ликующей французенкой, приводилъ публику въ восхищеніе. Эта пара, живая, увлекательная, безумная, имѣла въ себѣ что-то поджигательное, что-то такое, отъ чего ноги стариковъ готовы были пуститься въ слѣдъ за ними.

Но гордость родительская напыщалась несравненно сильнѣе, когда вставала съ своего мѣста великолѣпная Бетси. Бетси, не олицетворяющая собою дебелой славянской породы, бѣлолицкой, румяной, съ голубыми очами, съ соболиными бровями, съ русыми косами; Бетси смуглая, худощивая, гибкая какъ тростинка, съ черными глазами, краснорѣчивыми какъ реторика, съ претензіею на оригинальность, такъ часто встрѣчаемую въ женщинахъ, не имѣющихъ права претендовать на что-нибудь лучшее.

Туалетъ, это важное пополненіе женскихъ прелестей, былъ на ней какъ и всегда издѣланъ; въ немъ явствовало отглаголюющее той самой оригинальности, въ которую любилъ рдѣться дочь Чапарина. Въ этотъ вечеръ она была легка и облачна, одѣта въ тюль-иллюзію, усыпанную живыми цвѣтами. Надѣвая это платье, Бетси могла быть уверена, что подобнаго не будетъ на балѣ. Вѣтка бѣлыхъ живыхъ камелій на черныхъ какъ смола и густыхъ какъ лѣсъ волосахъ ея, казалось, была наброшена руками самихъ грацій. Прикалывая эту ветку, Бетси также знала, что никто въ губерніи не сумѣетъ такъ приколоть ее.

Лишь только Викторъ и Бетси явились посреди круга,

всѣ глаза, очки и лорнеты направлялись на нихъ; но ни тотъ, ни другая, не желая по видимому пользоваться своими привилегіями, не пробѣгали и четвертой доли гипподрома, не хотя исполняли фигуру и снова вдвигались въ кулисы, продолжая разговоръ.

Викторъ и Бетси шеголяли другъ передъ другомъ своими идеями, сужденіями, ловкостію языка, образомъ мыслей и понятій и всевозможными нравственными и умственными преизбытками.

Они говорили о природѣ, о климатѣ, о Джени Линдѣ, о Шекспирѣ. Викторъ высказывалъ какое-то свое очень дѣльное мнѣніе въ ту минуту, какъ глаза его наткнулись на миссъ Покетъ, прямую какъ аршинъ, неуклюжую какъ истинная англичанка. Заблаговременно ангажированная Кобуриньши, она огибала орбиту залы, занимаясь дѣломъ мазурки столь же серьезно, какъ ученымъ преніемъ.

— Г. ротмистръ, — сказалъ, прерывая себя, герой нашъ, — поставяетъ себѣ въ пріятную обязанность водить эту английскую мачту по паркету, и онъ это дѣлаетъ такъ естественно, что нельзя не любоваться.

— А по мнѣ такъ нельзя не любоваться замѣчательнымъ устройствомъ огромной головы его. Эта голова составляетъ постоянный предметъ моего восторга, — сказала Бетси.

— Въ какомъ смыслѣ? — спросилъ Викторъ.

— Въ смыслѣ френологическомъ.

— Вы занимаетесь отыскиваніемъ *ишиекъ созидаемости* или *разрушаемости* на этомъ обширномъ полѣ?

— Вы, кажется, хотите шутить, а я говорю серьезно. Френологъ ли вы?

— Нисколько.

— Это удивительно.

— Почему жь удивительно?

— Потому что вы человекъ современный.

— Возмисьте сдѣлать изъ меня адепта ващей науки; иначе я рискую отстать отъ вѣка.

— Духъ прозелитизма обладаетъ всякимъ учителемъ, моя наука дѣлаетъ неспособнымъ обманываться тамъ, гдѣ это бываетъ спасительно, или по крайней мѣрѣ полезно.

— Осмѣливаюсь предложить вамъ не церемониться: ваши ученики найдутъ свой расчетъ во всякомъ случаѣ.

Бетси самодовольно улыбнулась:

Она заговорила о френологіи единственно потому, что Андрианъ Ивановичъ, удовлетворяя дамское любопытство ея на счетъ нашего героя, называла его тьмою премудрости человѣческой.

Бетси задумала озадачить ученаго своими вкусами. Ободренная успѣхомъ, она пустилась во вся тяжкая, и расточила столько перлъ въ чистую пользу Людвинова, что еслибы слухъ Настасьи Прокоевны могъ обрѣсти внезапно страшную проницательность, способную слышать за нѣсколько десятковъ верстъ, сквозь стѣны каменнаго зданія, при громѣ оркестра и въ шумъ бального говора, то, что говорили между собою Викторъ и Бетси, материнское сердце ея выиграло бы радостію.

Но земныя радости слишкомъ скоротечны. Едва окончилась мазурка, Бетси порхнула въ противоположную сторону залы, туда, гдѣ собирались члены ея семейства, гдѣ къ отцу и брату присоединились Кобуринъ и миссъ Покетъ. Бетси, съ милыми ужимками, уговаривала ротмистра, не отдыхая послѣ бала, ѣхать съ ними на зарѣ верхомъ, полюбаваться живописными берегами Волги.

Ротмистръ былъ лихой наездникъ, страстный охотникъ до лошадей, и Викторъ, видя эти признаки кокетства Бетси, обезпокоился не безъ основанія.

— Впрочемъ, — подумалъ онъ, — кокетство не есть ли своего рода великодушіе, которое, подражая солнцу, согреваетъ достойныхъ и недостойныхъ, призванныхъ и непризванныхъ.

Балъ окончился также какъ и начался — самымъ обыкновеннымъ образомъ.

Въ исходѣ втораго часа, зала ощутительно пустѣла, дамы первыя покидали собраніе, мужчины слѣдовали за ними, или тѣснились къ ломбернымъ столамъ. Викторъ подошелъ къ од-

ному изъ нихъ, гдѣ молодой Пьеръ Чапаринъ выбрасывалъ изъ кошелька послѣднія лепты.

— Дѣло!—замѣтилъ подходя и Кобуринъ,—легче будетъ возвращаться домой.

— Что жь дѣлать, господа,—сказалъ, комически обращаясь къ партнерамъ своимъ, Пьеръ,—въ этомъ кошелькѣ, какъ видите, *carte blanche*. Отецъ даетъ мнѣ пріютъ, согреваетъ, питаетъ меня, одѣваетъ и забавляетъ; деньги же онъ любитъ проигрывать самъ, и не терпитъ моего участія въ этомъ наслажденіи. Игра, изволите видѣть, вторая жена его, моя почтеннѣйшая мачиха, на которую я долженъ смотреть съ благоговѣніемъ.

На эту метафору отвѣчали хохотомъ. Викторъ также, смѣялся; но по нервамъ его пробѣгала дрожь. Глядя на издающія карты, онъ почувствовалъ первый симптомъ незвѣдомой ему до того страсти, и по этому симптому могъ судить, что болѣзнь грозила быть ужасной.

Въ немъ вспыхнуло неодолимое желаніе испытать счастья.

— Справедливо говорить,—подумалъ Викторъ,—что игра не можетъ сравниться ни съ какою другою страстію, потому, быть можетъ, что ни одна изъ нихъ такъ не изобилуетъ страшными драмами. Что такое любовь въ сравненіи съ игрою, и любовникъ въ отношеніи къ игроку не есть ли ребенокъ?...

Викторъ судилъ по себѣ. Еще такъ недавно испыталъ онъ легкій припадокъ нежнаго чувства къ милой Грушенькѣ; но это чувство умолкло при первомъ словѣ разсудка. Оно задвинулось новыми кулисами, на которыхъ, какъ мы видѣли, разыгралось уже первое явленіе новой пьесы. Но теперь, видя передъ собою соблазнъ карточныхъ шансовъ, Викторъ подстрекался на попытку.

Онъ подошелъ къ покинутому молодымъ Чапаринымъ мѣсту, и не устоялъ противъ соблазна. Игравшіе привѣтливо приняли его предложеніе, взломили новыя колоды, разстелили стасованныя масти.

Викторъ казался покоенъ и развязенъ. Онъ игралъ со всѣмъ строгимъ приличіемъ порядочнаго человека, и только

мръдка судорога, пробѣгающая по губамъ его, проявляла внутреннее его волненіе.

Между тѣмъ, Пьеръ Чапиринъ продолжалъ шутить и потышать общество, ужиная за особымъ столикомъ въ товариществѣ ротмистра. Онъ перебрасывалъ съ играющими острю и тупые каламбуры, смѣшилъ выходками, и послѣ каждаго выпитаго бокала пѣлъ двусмысленные куплеты.

Люди, вообще падкіе до смѣху, процаютъ все на смѣхъ за наслажденіе поохотатъ добрымъ глупымъ смѣхомъ; но этотъ смѣхъ, по мѣрѣ того какъ проигрывалъ Викторъ, дѣйствовалъ на него все болѣе и болѣе раздражительно.

Викторъ проигрывалъ въ самомъ дѣлѣ потому, что напрасно ставилъ въ параллель игру съ любовью, и называлъ любовника младенцемъ. Этотъ младенецъ, подчиняясь естественному закону природы, съ первымъ бѣнѣмъ сердца постигаетъ всю глубину и мудрость этого закона, и тогда какъ станвится профессоромъ своего дѣла, тогда какъ игрокъ находится въ зависимости отъ теоріи и рутины. Но во всякомъ случаѣ мы обязаны сказать, что Викторъ проигрывалъ стоически, не хмури брови, не мѣняясь въ лицѣ, не изъясняя никакого знака неудовольствія. Онъ даже имѣлъ хладнокровіе обращать нѣкоторое вниманіе на бесѣду, не чуждую его интересамъ.

— Съ чего это взяла моя любезнѣйшая сестрица, что послѣ этого ужина я буду въ состояніи сопровождать ее въ утренней кавалькадѣ?—сказалъ братъ Бетси, видимо уже отяжелѣвшій.

— Но если вы намѣните намъ, то одна дама останется безъ кавалера,—сказалъ ротмистръ.

— Напротивъ того, я думаю, что Бетси считаетъ при особѣ своей двухъ безсмѣнныхъ тѣлохранителей; кромѣ вашего высокочелобивнаго, за ней по обыкновенію слѣдуетъ миссъ Покстъ, а ее, вѣроятно, вы не называете дамой. Это изрядный конюхъ, который въ состояніи не только пересѣдлать лошадь и подтянуть подпругу, но даже въ случаѣ нужды запереть телгу и свѣсть на козлы.

— Что касается до меня,—отвѣчала Кобуринъ,—я обя-

заялся состоять у стремени миссъ Покетъ и не почитаю себя въ правѣ называть ее иначе какъ дамой.

— Въ такомъ случаѣ, м-гъ Людвиновъ не откажется выручить меня изъ непріятнаго положенія, — сказалаъ Пьеръ, обращаясь къ Виктору, который только что сдѣлалъ ренонсъ.

Очень радъ, — отвѣчалъ Викторъ, — если вы возьмете на себя ответственность за такое самовластное распоряженіе.

— Это распоряженіе на правахъ деревенскихъ, отъ которыхъ мы не отступаемъ, — сказалъ Чапаринъ, — и лошадь и сѣдло мое къ вашимъ услугамъ. Наши искатели приключеній отправляются на зарь, на восходѣ солнца.

— Вы имѣете еще два роберта сроку, — сказалъ Кобуринъ, глядя на часы и вставая изъ-за стола.

Пошатываясь и продолжая говорить разный вздоръ, всталъ за нимъ и Чапаринъ, и оба оставили собранье. Викторъ остался доигрывать свои два роберта сроку, ему хотѣлось отыграться. Лицо его разгорѣлось, а сердце сжималось и замирало при каждомъ ремизѣ. Пуще всего сбивало его съ толку колобродное его воображеніе; разсужденіе и мышленіе не отступили отъ него даже за игрой. Въмѣсто того, чтобъ слѣдить за расположеніемъ игры и самому располагать ходами — ему лезла въ голову всякая всячина.

То его заботила собственная его наружность: — игрокъ, говорилъ онъ самъ себѣ, не считалъ козырей, долженъ быть невозмутимъ, долженъ владѣть собою во всѣхъ крайностяхъ и не терять изъ виду главной своей цѣли. Какъ знать, что готовить ему судьба черезъ часъ времени.

То вдругъ рождалось въ головѣ его поэтическое сравненіе: — игрокъ, думалъ онъ, подобенъ птицѣ бурь, которая живетъ на раздѣренныхъ волнахъ подѣ грознымъ небомъ... Онъ, не вставая съ мѣста, проходитъ все ступени общественнаго быта — отъ нищаго до вельможи, и становится попеременно, то позоромъ и бичемъ семьи своей, то расточителемъ сокровищъ и благодѣтелемъ своихъ близкихъ.

То вдругъ овладевала Викторомъ совѣстливость, и онъ начиналъ оправдываться передъ собою: — жажда выигрыши почитается предосудительной; но предосудительно ли любить

золото тому, кто разсыпаетъ его полными горстями? золотомъ жизнь обрѣтаетъ страшные размѣры, и какъ не стяжать его тому, кто созданъ не по масштабу мелкихъ организацій?

Результатомъ этихъ умствованій было то, что Викторъ жестоко проигрался. Возвратясь домой, усталый и разстроенный, едва успѣлъ онъ подкрѣпить себя чашкой чаю и передѣться, какъ жокей Чапарина привелъ къ нему обседланнаго Тальбота.

Почему выбрала Бетси такой ранній часъ для утренней прогулки, послѣ утомительнаго бала? Безъ сомнѣнія, только потому, что ни одной амазонкѣ въ городѣ не пришла бы въ голову подобная эксцентричность.

XV.

Но эта фантазія миссъ Элизы была для Виктора благотворна; утренній воздухъ и движеніе были для него целебны, потому что непріятность проигрыша причинила ему тоску похмѣлья, которую называютъ немцы Katzenjammer.

Викторъ былъ блѣденъ, губы его посинѣли, онъ содрогался отъ свѣжести утра и щелкалъ зубами. Благодаря этому страдательному положенію, онъ лишился способности предаваться своимъ монологамъ. Мозгъ его былъ какъ будто въ оцѣпенѣніи. Проезжая по улицамъ, въ сопровожденіи Джона, т. е. русскаго Ивана, онъ бессмысленно глядѣлъ на выѣски, на которыхъ золотой крендель булочника или большіе вожжицы портнаго, какъ будто выросли, принимая въ глазахъ его неестественные объемы.

Всѣ ставни домовъ были закрыты, кой-гдѣ попадался ему ранній пѣшеходъ, который, оглядываясь, провожалъ его глазами.

Приближаясь къ дому Чапарина, Викторъ издали прослышалъ топотъ копытъ, жужжанье хлыстиковъ и мѣрный кадансъ галопа; въѣхавъ въ ворота, онъ увидѣлъ готовыхъ

всадниковъ, дѣлающихъ вольты и другія конныя эволюціи, въ ожиданіи запоздалаго товарища.

Бетси предстала блистательной и цвѣтущей. На лицѣ ея не было тѣни утомленія. Затянутый въ шнуровку стѣнъ ея, живописно колебался, согласуясь съ движеніями отлично вывѣженной красивой лошади. Изъ-подъ касторовой шляпы убійственно глядѣли горячіе глаза ея.

Она обратилась къ Виктору съ признательностію за его любезную готовность замѣнить лѣниваго брата. Вся ея пріемы проявляли знаніе своего дѣла, и мимики, и рѣчь ея, и выѣздка, и посадка — все было правильно, исполнено ловкости и такта. Безъ всякой натяжки, самъ собою попадаясь ей на языкъ изящный выборъ словъ для замысловатыхъ и вкрадчивыхъ выраженій.

Всадники выступили фронтомъ. Викторъ держался какъ слѣдуетъ правой стороны своей дамы. Кобуринъ сопутствовалъ съ лѣвой, принадлежа къ эскорту миссъ Покетъ, которая представляла довольно забавную фигуру въ еярой сверхъ парика огромной шляпѣ, въ амазонкѣ, напоминающей фасономъ своимъ и цвѣтомъ, знаменитый сюртукъ Корсиканца. Не говоря ни слова, не принимая никакого участія въ томъ, что говорилось въ компаніи, она подвигалась, погруженная въ балансъ и выправку высокой школы, пригвоздивъ глаза къ концамъ ушей довольно безпокойнаго и пугливаго вноходца. Миссъ Покетъ не могла выносить смирной лошади; по ея мнѣнію, молоть манежный галопъ на животномъ, дрессированномъ какъ машина, не значило вѣдять.

Но только одна миссъ Агнесса Покетъ и была въ своей тарелкѣ, остальные наездники чувствовали неловкость отношеній. Новое лицо Виктора сгаснило ихъ, и для Бетси предстала трудная задача согласовать разнородные элементы словъ спутниковъ.

Задача была въ самомъ дѣлѣ не легкая, потому что общество не представляло собою такъ называемой *partie quarrée*; миссъ Покетъ присутствовала для приличія, и Бетси чувствовала себя поставленною между двухъ составителей. Это ссва-

ше подстрекало тисславное сердце ея, вызывая изъ глубины его всъ очарованія женской стратегіи.

Миная главныя мощеныя улицы, кавалькада ривъкъсь въ пыльные переулки, которые скоро вывели ее за заѣзду.

Здѣсь всадники вздохнули вольнѣе, и каждый изъ нихъ по своему одушевился. Миссъ Бетси, вдохновенная видомъ Волги, которая лежала гладкимъ стальнымъ зеркаломъ, отражая въ струяхъ разсыпанное алмазами солнце, заговорила изъ оды Руссо:

L' Univers à sa presence
Semble sortir du neant,
Il prend sa course, il s' avance
Comme un superbe geant.

— Какъ можете вы хранить въ памяти эту старую сколастикку? — спросилъ Викторъ.

— У миссъ Элизы страшная память, — замѣтила англичанка.

Бетси схватилась за этотъ попавшійся подъ руку предметъ, посредствомъ котораго бесѣда могла сдѣлаться общей, и не протѣвлясь при такомъ удобномъ случаѣ пощеголять не только необыкновенной памятью, но и знаніемъ двадцати языкъ, начала цитировать, тирада за тирадой, разныхъ германскихъ, англійскихъ, итальянскихъ и французскихъ классиковъ.

Удивительная въ самомъ дѣлѣ память ея не измѣняла ей ни въ одноѣ словѣ. Для этой операціи лошади шли шагомъ, и миссъ Агнесса Покетъ, ударяя слегка по холкѣ своего вьюходца, могла свободно считать стопы стиховъ. Кобурникъ аккомпанировалъ ей киваніемъ головы, а Викторъ слушалъ, отдавая справедливость прекрасному произношенію Бетси.

— А нуте-ка, Елизавета Петровна, — прервалъ ее довольно безцеремонно ротмистръ, котораго начала клонить дремота подъ монотонную декламацию на чуждыхъ для него

діалектахъ, — скажите намъ теперь что-нибудь этакъ на разпѣвъ, какъ итальянскіе импровизаторы. Оно хоть и не понимаешь, да все-таки слушать приятно.

Бетси не заставила повторить просьбы. Она любезно обратилась къ нему. Накинувъ трензель на рожокъ сѣды, сдѣлала руками видъ, какъ будто держитъ гитару и начала речитативомъ сонетъ Петрарка:

Race non trovo, et non ho da far guerra,
E temo, e spero, ed ardo, e son in ghiaccio,
E volo sopra 'l cielo, e giaccio in terra,
E nulla stringo, e tutto l' mondo abbraccio.

Въ такой позѣ Бетси, разумѣется, знала, что была интересна. Кобуринъ, поглядывая на Виктора, казалось, поощрять его любоваться, и какъ будто говорилъ ему: а что, а какова!

— Нуте-ка, нуте, — продолжалъ онъ, выводя на сцену таланты блистательной барышни, — спойте намъ какую-нибудь итальянскую арію.

Бетси снова повиновалась безпрекословно; она собрала поводья, и уже безъ мимики, весело и непринужденно зафредонировала довольно приятнымъ *soprano*, то страстные, то шуточные отрывки извѣстныхъ арій.

— Каково! — спросилъ ротмистръ Виктора, — вѣдь это, батюшка мой, что твоя Малибранъ; а по нашему, что твоя малина!

— Но вы не припомнили еще намъ ничего русскаго, — сказалъ Викторъ, когда Бетси перестала пѣть, — неужели отечественная лира не удостоилась занять маленькаго мѣста въ вашей могучей памяти?

— Русскаго? — сказала смѣясь Бетси, — я выучила изъ первую пѣснь Телемахида на зло моему учителю, который душилъ меня Фенелономъ.

— Наизусть, цѣлую пѣснь Телемахида! — воскликнулъ съ ужасомъ Викторъ, — это любопытно!

— Если это любопытно въ самомъ дѣлѣ, то я поподучю васъ нѣсколькими стихами. — И Бетси начала съ увѣренностью.

что читать на память стихи Василя Кирилловича есть также оригинальность не послѣдняго разбора:

- Рци, коль безъ кротости юноша пыщъ, безъ скромности дерзокъ;
- Безъ направленій стремглавъ, чуждъ искусства, безъ навыковъ дѣльныхъ;
- Вѣзъ постоянства превратень и твердости вѣзъ легкомыслень;
- Коль есть медленъ ко благу, творить зло, игру тѣцу пристрастенъ,
- Часть всего отъ себя, но безъ помощи рваться въ бездны....

— Что это значить?—спросила миссъ Покеть, не понимающая по-русски.

— Это значить то,—сказалъ Андрианъ Ивановичъ, возвысивъ голосъ во всеуслышаніе,— что юные герои наши страхъ какъ самонадѣянны, и потому слишкомъ опрометчивы въ своихъ сужденіяхъ; что они очень много знаютъ, да ничего не въдаютъ; а о дѣлѣ и говорить нечего, дѣло ихъ не боится.

Бетси почувствовала женскимъ чутьемъ что-то жесткое въ этомъ переводѣ. Желая смягчить эту жесткость, она очень мило посмотрѣла на Викторъ, и предложила пустить лошадей вскачь.

Викторъ былъ такъ доволенъ и взглядомъ и предложениемъ, что, не дождавшись общаго сигнала, прищпорилъ коня, который рванулся впередъ. Иноходецъ миссъ Покеть, не понимая въ чемъ дѣло, оторопѣлъ, рванулся въ свою очередь и понесъ. Бетси вскрикнула и пуще испугала взбѣсившагося коня, котораго тщетно старалась удержать наздѣвица. Кобуринъ пустился въ слѣдъ за ней. Онъ зналъ мѣстность и боялся находящагося впереди обрыва. Викторъ же, спокойно осадивъ лошадь свою, подъхалъ къ покинутой amazonкѣ и сталъ слѣдить за импровизированной скачкой. Бетси также смотрѣла, но съ безпокойствомъ, заслоняя рукою глаза отъ солнца.

Они видѣли, что ротмистръ на всемъ скаку потерялъ суражку, при чемъ обнажилась лысая голова его и рѣдкіе ключки волосъ на вискахъ оцетинились.

— Герой вашъ кокетничаетъ передъ вами своимъ замѣтительнымъ черепомъ,—сказалъ Викторъ.

— Боже мой!—вскрикнула Бетси, видя, что иноходецъ взвился на дыбы и перескочилъ черезъ низенькій плетень, на который надвѣялась она, какъ на спасеніе.

— Ништо ей,—сказалъ Викторъ,—охота была садиться на такого бышенанаго звѣря.

— Боже мой!—повторила Бетси, когда лошадь Кобуриня перескочила по слѣдамъ черезъ тотъ же плетень.

— Оставьте ихъ въ покоѣ,—перебилъ эти восклицанія Викторъ,—пусть тѣшатся; повѣрьте мнѣ, что не произойдетъ ничего трагическаго.

— Какъ вы хладнокровны!—сказала дѣвушка.

— Это потому,—отвѣчалъ Викторъ, обернувшись опиною къ сценѣ, гдѣ, по его мнѣнію, не происходило ничего занимательнаго,—что я не вижу никакой надобности препятствовать имъ сломить себѣ шею.

— Какъ вы злы!—вымолвила Бетси.

Викторъ приподнялъ шляпу и поклонился.

Между тѣмъ насталъ мигъ, когда обѣ жертвы готовы были рухнуть въ пропасть; но Кобуринъ подоспѣлъ вовремя; онъ мощною рукою схватилъ поводья иноходца и разомъ осадилъ его. Миссъ Покетъ отъ внезапнаго толчка подскочила на сдѣлѣ и благополучно свалилась наземь. Избавитель ея бросился къ ней; но храбрая особа вскочила уже на ноги, кивнула въ знакъ благодарности головою, и принялась гладить и успокаивать разгоряченное животное и исправлять безпорядокъ конской сбруи и своей прически.

Бетси и Викторъ двинулись къ нимъ. Подъѣхавъ къ лежащей на дорогѣ фуражкѣ ротмистра, Викторъ, соскочивъ съ сдѣла, поднялъ ее и почтительно поднесъ своей дамѣ, примолвивъ снова, что это покрывало замѣчательнаго черена.

Бетси, взглянувъ на покрытую прахомъ, заслуженную фуражку ротмистра, сдѣлала невольный знакъ отвращенія. Викторъ зацѣпилъ околѣши ея концомъ хлыстика, и, подавая какъ трофей, повезъ торжественно съ собою.

— Право, наша свита прекрасно бы сдѣлала, еслибъ провалилась въ пропастную, — сказалъ Викторъ.

— Что это вы говорите! это ужасно!

— Что жъ мнѣ дѣлать, если я такъ нелѣпо созданъ, что ничего не могу чувствовать слегка или въ половину! — сказалъ онъ, отразивъ ушрекъ пламеннымъ, провозительнымъ взглядомъ.

Этотъ взглядъ оправдалъ Викторъ; Бетси также взглянула на него, и въ этой мгновенной встрѣчѣ взоромъ сказано было все, что необходимо для завязки романа. Между тѣмъ потерпѣвшіе несчастное приключеніе товарищи подъѣхали къ нимъ. Лицо миссъ Покетъ походило на печенаго рака; Андрианъ Ивановичъ съ трудомъ еще переводилъ дыханіе, но послѣ великодушнаго подвига былъ веселъ; онъ во все продолженіе возвратнаго пути насвистывалъ и шутилъ; Викторъ молчалъ; Бетси была также не говорлива.

Подъѣхавъ къ дому, она возобновила салютующему ей Виктору разныя выраженія благодарности за пріятное сообщество.

— Только не отъ моего лица, — прибавила сердито англичанка, — я терпѣть не могу кавалеровъ, не знающихъ правилъ этикета, которыя запрещаютъ высказывать впередъ и подстрекать чужихъ лошадей!

Возвратясь домой, Викторъ не былъ къ состоянію ни чувствовать, ни мыслить; онъ реставрировалъ себя сытнымъ завтракомъ, и, изнеможенный, бросился въ постель.

Его разбудилъ громкій голосъ брата Бетси, который пришелъ къ нему съ порученіемъ отъ губернскихъ дамъ звать его на вербовку рекрутъ.

— Какихъ рекрутъ? — спросилъ оторопѣвшій съ просонья Викторъ.

— А изволите видѣть. Матушка моя и сестрица принадлежатъ къ числу первыхъ городскихъ, такъ называемыхъ, благотворительницъ. По этой причинѣ, у насъ въ домъ устрояется театръ съ разнородными затѣями, съ живыми картинами, танцами и всякими подобными наслажденіями. Отъ

ловать волонтеровъ, ведутъ ихъ въ приемную, производятъ экзамень способностямъ и присуждаютъ огласное оныя употребленіе.

Викторъ одѣлся и послѣдовалъ за вербовщикомъ въ домъ Чапаринныхъ, гдѣ блистательно горѣли лампы, освѣщая цѣлый садъ благоуханныхъ цвѣтовъ, и посреди этого сада, въ боскетахъ, на разставленныхъ въ разныхъ пріютахъ рѣшетъ и козезкахъ, герой нашъ увидѣлъ полное собраніе губернскаго общества.

Въ одномъ углу разыгрывали на фортепьяно партитуры куплетовъ и преобразовывали ихъ на тысячу ладовъ; въ другомъ набрасывали акварельные очерки костюмовъ; тамъ знатоки разсуждали о характеристическихъ танцахъ, здѣсь спорили о предлагаемыхъ роляхъ.

— Въ какомъ представленіи участвуете вы?—спросилъ Викторъ миссъ Элаизу, зажигающую памитось и уронившую на него искру пламенныхъ Глазъ своихъ.

— Участвую въ одномъ, и то едва.

— Вы играете?

— Нѣтъ.

— Танцуете?

— Еще менѣе.

— Позируете въ картинѣ?

— Въ одной, и то на послѣднемъ планѣ, въ углу, полузакрытая занавѣской.

Такая скромность въ характерѣ Бетси была неестественна, и Викторъ основательно ей не повѣрилъ.

— Для чего жъ зарываєте вы свои таланты? у васъ всѣ данныя для превосходной актрисы: невообразимая память и дикція, которой можетъ позавидовать сама Рашель.

— Я думаю, что я сыграла бы не хуже другихъ.

— Для чего же вы не играете?

— Для того, во первыхъ, что и безъ меня есть множество желающихъ показать себя на подмосткахъ; во вторыхъ,

Для того, что талантовъ своихъ я не расточаю передъ толпою, а берегу ихъ для избранныхъ.

— Изъ которыхъ въ самомъ скоромъ времени можетъ составиться также толпа, — колко замѣтилъ Викторъ.

— Избранный обязанъ угадать себя во множествѣ, — шути сказала Бетси.

— Это не такъ легко, какъ вы думаете, не смотря на то, что въ каждомъ человѣкѣ есть достаточно глупаго самолюбія, чтобы видѣть во всемъ прежде всего только себя; въ немъ найдется также и довольно осторожности, чтобы, оглядѣвшись вокругъ, уступить мѣсто всякому другому.

Говоря это, Викторъ намекалъ на ротмистра, противъ котораго не переставалъ питать злобнаго чувства.

— Но вы, — перебила Бетси, не замѣчая или не желая замѣтить намеренія, — вы непременно должны участвовать въ лучшихъ пьесахъ.

— Для чего жь непременно?

— Для того, чтобъ не лишить нашихъ спектаклей лучшаго артиста.

— Я могу играть только съ вами и не иначе какъ съ вами, — произнесъ Викторъ такъ рѣшительно, что это не могло не понравиться кокетливой барышнѣ.

— Предоставьте мнѣ быть зрителемъ и судьей, — сказала она съ милымъ жеманствомъ.

— Говорю вамъ, что я играю только съ вами, — повторилъ Викторъ почти страстно.

— Въ такомъ случаѣ выберите пьесу, — проговорила Бетси, отвернувшись отъ него къ другой группѣ; но въ то мгновеніе, когда лицо ея представилось въ полуоборотъ en trois quarts, Викторъ замѣтилъ въ немъ что-то необъяснимо очаровательное и для его самолюбія крайне удовлетворительное. Викторъ провелъ очень пріятный вечеръ.

Возвратясь на постоянный дворъ мѣщанина Савелова и ложась въ халатъ на кожаный диванъ, надъ которымъ висѣли нѣкогда-то картины, Викторъ сталъ перелистывать толстыя volumes новыхъ французскихъ пьесъ и выбирать изъ нихъ те-

кую, въ которой его собственная роль и роль ея героини, могли удовлетворить тщеславію обоихъ.

Долго читалъ Людвиновъ, куря сигару, до временамъ откладывая книгу въ сторону и соображая. Викторъ такъ серьёзно былъ занятъ своимъ дѣломъ, что не видалъ, какъ прошло время. Перебравъ наконецъ все, что было у него подъ рукою и рывивъ по видимому выборъ, онъ всталъ, взглянулъ на часы, удивился, что было уже такъ поздно, и, прохаживаясь по комнатѣ, все еще думалъ о выбранной пьесѣ, объ эффектѣ, о гармоніи цѣлаго, о миссъ Элаизѣ и о себѣ въ особенности.

Для перваго представленія Виктору нуженъ былъ французскій мундиръ парадный, другой такой же бальный, и наконецъ третій дорожный. Вслѣдствіе этихъ надобностей, само собою разумется, возникла надобность въ деньгахъ; но денегъ у Виктора не было уже ни одной копейки; вырученнаго за рошу хватило только на первые сутки.

Викторъ задумался. Какая-то вопіющая фраза: сплеме въ головѣ его, но ропотъ былъ бесполезенъ, и герой нашъ рѣшился себѣ помочь дѣломъ. Онъ позвонилъ и приказалъ половому подать себѣ полъ-порціи чаю и позвать хозяина дома.

Савеловъ не заставилъ дожидать себя. Онъ тотчасъ же явился на зовъ, въ синемъ кафтанѣ, наскоро накинутомъ на широкія плечи. Помолясь на стоящую въ углу икону, онъ потрянулъ кудрями и молча отвѣсилъ поклонъ.

— Послушай, братецъ!—сказалъ Викторъ такимъ тономъ, какъ будто обращался къ прикащику своей собственной вотчины,—мнѣ нужны деньги.

Этотъ барскій смѣлый тонъ видимо понравился Савелову. Онъ поклонился вторично, и какъ будто отвѣчая своему собственному помѣщику, сказалъ:

— Много ли вашей милости требуется?

— Покуда немного, — вымолвилъ Викторъ, — цѣлковыхъ триста.

Савеловъ почесалъ затылокъ, опять потрянулъ кудрями и подумавъ отвѣчалъ:

— Извольте, батюшка, представимъ-сь. Когда вашей милости угодно получить?

Викторъ такъ обрадовался этому безусловному послушанію, что едва не предложилъ Савелову състь и выпить съ нимъ чаю; но спохватившись во-время, онъ почувствовалъ всю необходимость сохранить свое достоинство, и, наливая себѣ стаканъ, сказалъ такъ равнодушно, что это ручалось за его сценическій успѣхъ.

— Да хоть теперь, хоть завтра поутру.

Сказавъ это, Викторъ закурилъ новую сигару, състь, облокотился на столъ, закинулъ голову и спросилъ съ подобающею важностію:

— Гдѣ теперь князь Мухробатовъ?

— Въ чужихъ, батюшка, краяхъ-сь: находится тамъ для пользованія здоровья. Намъ еще не приводилось его видѣть. Здѣсь до меня былъ управляющій изъ нѣмцевъ, да старая барыня привѣзжала изъ Питера, такъ изволила смѣнить и поставила меня на ихъ мѣсто-сь.

— Видно иностранецъ-то себѣ на умъ, — сказалъ Викторъ, желая быть приятнымъ.

— Оно вѣстимо такъ-сь, — чужой человекъ не то, что свой. Такого страху имѣть не можетъ-сь.

Благополучіе постоялаго двора мѣщанина Савелова также доказывало некоторое безстрашіе; но Викторъ не обратилъ на это вниманія и замолкъ, придумывая, какъ бы скорѣе отъ него отдѣлаться, потому что бесѣда Савелова не представляла ничего интереснаго.

— А я вашей милости осмѣлюсь доложить, — сказалъ Савеловъ, видимо желающій сдѣлать какое-то предложеніе.

— На счетъ векселя? — прервалъ Викторъ.

— На счетъ векселя не извольте беспокоиться, пожалуйста расписочку, какъ оно все одно и безъ лишней траты.

— Что жъ тебѣ нужно?

— Да то, батюшка, что имѣньицо-то ваше, Людвиновка, какъ не рука-сь.

— Какъ-такъ?

— Пустое выходитъ дѣло, совсѣмъ неспособное.

— Почему жь пустое?

— Ничего, батюшка, не сделаешь изъ него; ужь вамъ бы такъ душъ триста приобрѣсть, гдѣ ни на есть, особнячкомъ.

— Ну это, конечно, лучше, — улыбувшись вымолвилъ Викторь.

— Знамо дѣло лучше-съ, — а то земля негожая. Полоса въ Чапаринской дачѣ, да полоса къ намъ врѣзывается. Если бь, такъ сказать, вы намѣренье имѣли, то мы бы вамъ внесли хорошия деньги за нашу часть.

— А какія бы именно? — спросилъ Викторь.

— Намъ все одно, по частямъ ли изволите, или хотъ цѣликомъ, — уклончиво отвѣчалъ Савеловъ.

— Такъ по твоему имѣнію это имѣніице пустое?

— Точно такъ-съ; вотъ намъ оно иное дѣло, намъ съ руки; выходитъ мѣсто выгодное подѣ заводъ, и матушкиныя книжки очень было бы желательно.

— Хорошо, братецъ, подумаю, — сказалъ Викторь, чтобъ прекратить разговоръ.

— Извольте поразмыслить, а мы обождемъ рубить рошцу. Прощенья просимъ, батюшка, — поспѣшить онъ прибавилъ, видя, что Викторь зѣваетъ.

— Дѣло-то молодое, — думалъ выходя Савеловъ, — вотъ какъ поживетъ подольше въ городѣ, да непроживется, такъ еще будетъ стовофчивѣе.

XVI.

Такимъ образомъ въ самое короткое время Викторь вошелъ въ общество и принялъ въ дѣятельности его живое участіе. Въ продолженіи этого времени, онъ ни разу не вспомнилъ о далекой Грушенькѣ, и когда же было ему объ ней думать. Столько новыхъ заботъ и новыхъ интересовъ хлынуло ему на сердце, и съ каждымъ днемъ эти интересы и заботы увеличивались. Надо было твердить роль, толковать съ портнымъ, ѣздить на репетиціи, гдѣ разногласіе и несогласіе

благородной труппы, какъ и всякой труппы, расплодило закулисныя козни, гдѣ присутствовала блистательная Бетси, способная изгладить всякое воспоминаніе.

Между тѣмъ сценической задоръ обуялъ уже всѣхъ членовъ семейства. Кобуринъ, какъ свой въ домъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ посторонній въ дѣль, смотрѣлъ по обычаю изкоса на эту закулисную комедію.

Андріанъ Ивановичъ только что вернулся съ однодневной отлучки въ деревню. Онъ получилъ, съ доставленными ему мѣшками образцовыхъ смятъ и шерсти, запоздалое извѣстіе о болѣзни Мавры Ивановны и успѣлъ уже слетать къ старой соседкѣ, для личнаго осведомленія о ея настоящемъ положеніи.

Грушенька, встрѣтивъ его, зардѣлась какъ роза и потушила взоръ, какъ будто чувствуя себя безвинно виновной; но Мавра Ивановна чрезвычайно обрадовалась неожиданному гостю.

— Ты совсѣмъ забылъ насъ, не грѣшно ли тебѣ; не стыдно ли! — сказала она, протягивая къ нему обѣ руки, и когда ротмистръ, поговоривъ съ нею, помѣстился, по обыкновенію, у палецъ внучки и началъ разспрашивать ее о всемъ случившемся въ его отсутствіи, старуха продолжала смотреть на него съ любовію, не спуская глазъ.

— А безъ тебя сидѣлъ здѣсь все тотъ, какъ бишь его, неупомню имени, — сказала она вдругъ, какъ будто кто дернулъ ее за языкъ.

При этомъ словѣ ротмистръ вопросительно взглянулъ на дѣвушку, лицо которой покрылось новымъ румянцемъ, а лицо Андріана Ивановича, мгновенно утративъ загаръ, поблѣднѣло.

Старое дѣтя, какъ не рѣдко случается дѣтямъ съ младенческой наивностію, сдѣлало доносъ, смѣсь котораго глубоко западалъ въ душу ротмистра.

— Ну что, дозорный, все ли обстоитъ благополучно? — спросилъ онъ уезжая Палагею, которая продолжала состоять въ должности швейцара у подъезда.

Палагея грустно пошатала головою.

— Какъ поправляется Мавра Ивановна?

— Да она-то, Господь съ ней, слава тебѣ Господи.

— Что жь еще? — спросилъ, пристально глядя въ лицо старухи, Кобуринъ.

— Что, батюшка, Грушенька у насъ вовсе истомилась: и кушать не изволить и сна нѣтъ.

— Неужели? отъ чего это? что съ ней случилось?

— Господь ее знаетъ! Съ глазу видно, неровень часъ, и не въсть гдѣ и какъ иной разъ взглянетъ недобрый человекъ. Оно, конечно, господа не вѣрятъ нашимъ деревенскимъ приметамъ.

— Какъ не вѣрить, — въ раздумьи проговорилъ ротмистръ, — а чей это черный глазъ обморочилъ барышню, какъ ты думаешь?

— Кто жь его знаетъ, — съ дипломатическою скрытною отвѣчала Палагея. — Барышня наша хоть кому въ глаза бросится. Красавица писанная, умница, скромница какая, душа ангельская.... — и, договаривая, она заплакала.

— Полно, старуха, Богъ милостивъ, все устроится по волю Божіей, — прервалъ ее Андрианъ Ивановичъ, садясь въ бричку.

Брови ротмистра пасмурно сдвинулись, онъ нахлобучилъ фуражку на самые глаза, и, отъѣхавъ съ полверсты, вздохнулъ изъ глубины сердца и закачалъ головою.

— Какъ быть-то! — сказалъ онъ самъ себѣ, — однакожь этого я и не ожидалъ!

При этомъ словѣ онъ вздохнулъ еще глубже.

— Какъ быть-то! — повторилъ онъ, — да ужь еслибъ пришлось уступать ее хоть порядочному, хоть мало-мальски путному человеку!... Что дѣлать!... хотѣлъ было отдать ей всю жизнь, какъ дитя нянчить, не надыхался бы на нее.... да насильно милымъ не будешь.... Младенецъ ты мой, младенецъ! къ кому тянешся ты на руки!...

На этотъ разъ вздохъ, который вылетѣлъ изъ груди ротмистра, вышибъ слезу.

— Однакожь, — вдругъ спохватившись, молвилъ Кобуринъ, — онъ-то что за роли разыгрываетъ тамъ съ Чапаринной?... Наша губернская тигрица и его вмѣстѣ сомною за ночь водить.... но что касается меня, на то есть добрая моя воля, пусть себѣ

тышится... а онъ?... Не знаешь ты того, добродушный ребенокъ!... Эхъ-ма!... И чѣмъ это онъ тебѣ такъ понравился?... развѣ тѣмъ, что полюбится и сатана лучше яснаго сокола?... А вѣдь она его любитъ! вижу, что любить!... Ну, да я все узнаю... Любить—дѣло другое, я готовъ хоть въ сваты... Была бы только она счастлива!

Принявъ это намѣреніе съ безкорыстною отцовскою любовью, ротмистръ какъ будто смирилъ свое волненіе.

— Не судьба, и кончено!—прибавилъ онъ въ заключеніе въ слухъ:—посылаетъ Богъ—бери; не даетъ—не возмешь!...

Андріанъ Ивановичъ, одѣлавъ надъ собою усиліе и приободрясь, поправился въ своемъ экипажѣ, приподнял фуражку и сталъ смотрѣть яснѣе; но привычная мысль околдовала его, на перекоръ разсудку она стала представлять Грушеньку въ тѣхъ видахъ, въ какихъ она представлялась обыкновенно передъ его глазами.

То рисовалась передъ нимъ ея хорошенькая головка, склоненная надъ пальцами, то живо глядя на него ея глаза въ дружеской бесѣдѣ, и, подчиняясь болѣе и болѣе очарованію, Кабуринъ невольно воображалъ ее, по старому, душою дома его и отрадой его сердца; упрямая мечта не отступала отъ него, не смотря на то, что онъ говорилъ себѣ съ твердостью:

— Чтò жь, я готовъ, готовъ жертвовать собою для ея счастья!

Воротившись по необходимости въ городъ, онъ сталъ внимательнѣе слѣдить за дѣйствіями Людвинова и не упускалъ его по возможности изъ вида; сталъ еще неизмѣннѣ присутствовать на репетиціяхъ, гдѣ случалось ему нерѣдко выслушивать объясненія, жалобы и споры тяжущихся. Актеры складывали на него, какъ на лицо безпристрастное, свои волненія и ощущенія. Между тѣмъ, тайные, тщательно скрываемые эпизоды, которые вводились поминутно Викторомъ и Бетси, не ускользнули отъ зоркаго взгляда ротмистра, не смотря на то, что миссъ Элиза продолжала чествовать его открытымъ кокетствомъ.

Андріанъ Ивановичъ стоялъ однажды у фортепьяно, за котораго сидѣла Бетси, акомпанируя одному изъ купле-

товъ брата; голосъ его раздавался подъ шумъ разнородныхъ замчаній всей труппы, собравшейся вокругъ.

Покуда нѣсколько разъ повторялся одинъ и тотъ же кулець, Кобуринъ слѣдилъ изъ подлобья за выразительными взглядами, которые бросалъ Викторъ на сидящую у ортепьянъ Бетси.

Извѣстно, что нигдѣ на земной поверхности романъ не дѣлаетъ такихъ быстрыхъ успѣховъ, какъ за кулисами. Подражаніе страстей развиваетъ настоящія страсти, а искусственное выраженіе ихъ таитъ въ себѣ неотразимое очарованіе. Спряженіе по всемъ временамъ и наклоненіямъ глагола люблю, со всеми извѣстными варіаціями на глаголы: *спрадаю*, *горю*, *изнываю*, обманывая слухъ, водворяются въ сердца. Актеръ подобенъ лжецу, который, повторивъ несчетно разъ одну и ту же ложь, начинаетъ вѣрить ей какъ истинѣ.

Викторъ и Бетси, представляя чету любовниковъ, сыгрались такъ естественно, такъ искренно и неподдѣльно, что нечувствительно продолжали игру за предѣлами роли.

Не рѣдко, для удобнѣйшаго репетированья своихъ сценъ, Викторъ и Бетси незамѣтно отходили въ сторону; но на второй или на третьей репликѣ, они развлекались и заговаривались, перебивая другъ друга и чувствуя невѣроятный приливъ мыслей и необходимость изліяній. Каждый изъ нихъ говорилъ о себѣ, каждый спышилъ обрисовать свой собственный образъ, при чемъ, увлекаясь творчествомъ воображенія, рисовалъ такіе чрезвычайные очерки, что, вмѣсто подобія человека, выходило подобіе фантастическихъ животныхъ, въ родѣ драконовъ и фениксовъ, или пресловутой въ русской старинѣ птицы *сирикъ*, *глазъ которой вельми силенъ*.

Но въ минуты этихъ самыхъ вооторженныхъ изліяній, неотступный, пронизательный взоръ всюду преслѣдующаго ихъ Кобурина, вывелъ наконецъ Виктора изъ терпѣнія.

— Чтѣ это значить? — спросилъ онъ однажды Бетси такъ громко, что Кобуринъ могъ слышать его слова, — чтѣ это за Аргусъ? откуда это право?

— Ахъ, не спрашивайте меня объ этомъ! — проговорила оторопявъ Бетси.

— Что не спрашивать? — крикнулъ инъ себя Викторъ. Но Бетси успѣла уже заглушить этотъ вопросъ цѣлымъ потокомъ речей, обращенныхъ къ рожистру.

— Что не спрашивать? что за тайна? — повторялъ Викторъ мысленно, въ продолженіи всего вечера, проигрываясь по обыкновенію и пасмурно сдвигая брови.

Но на другой день глаголь люблю спрягался такъ неподражаемо обворожительнымъ голосомъ Бетси, что можно было позабыть о существованіи всякой тайны. Викторъ былъ чрезвычайно доволенъ — дѣла его шли успешно. Овладѣть сердцемъ миссъ Эдаизы значило пріобрѣсть право овладѣть интересной особой ея, обеспечивающей мелочныя заботы жизни. Этой побѣдой Викторъ выходилъ съ торжествомъ изъ горькаго своего положенія.

Китаецъ, обладатель трехъ десятинъ земли въ своемъ климатѣ, почитаетъ себя выше судьбы. Викторъ, обладатель необозримаго умственнаго пространства, не могъ ли теперь также почитать себя выше судьбы?... Онъ самъ распорядился участію и устроивалъ себя завидную долю.

Вслѣдствіе этого сознанія, за вечернимъ ералашемъ, проигрывалъ онъ съ такою безпечностію, съ такитъ легкимъ сердцемъ, какъ будто въ шкатулкѣ его, подъ собственнымъ ключемъ, лежали уже тяжеловѣсныя прилагательныя качества милой невесты.

Насталъ вожделѣнный день спектакля. Рѣка народа текла въ назначенный часъ къ дому Чапарина; у подъѣзда стояли жандармы, у входа швейцарь, у дверей ливрейная стража, отбирающая билеты. Маленькая сцена въ преобразованной довольно искусно залѣ была изящно устроена и корить было рѣшительно нечего. Роскошь и удобство проникли эпидемією во всѣ закоулки, и давно уже дешевизна предметовъ роскоши и удобства раззоряетъ нашихъ отдаленныхъ провинціаловъ на ряду со всеми; по этой причинѣ, кресла театральнаго зала украсились такими беретами, токами и куафюрами, такими мантильями и камаліями, какихъ могла требовать только самая строгая столичная щепетильность.

Увертюра отгремѣла свои финальные громкіе аккорды, завѣсь съ лирою въ сіяніи лучей взвилась къ потолку.

Но о представленіи говорить нечего. Мы знаемъ, какъ играютъ любители. Актёръ-любитель имѣеть въ глазахъ свѣтской публики сильное преимущество надъ актеромъ по профессіи, и этого предпочтенія нельзя ставить въ вину: оно основательно, въ тѣхъ особенно случаяхъ, когда выводится на сцену такъ называемый *святъ*. Такимъ образомъ, мы можемъ нисколько не сомнѣваться въ совершенствѣ, съ какимъ выполняла труппа любителей предпринятое представленіе. Но о томъ, какъ сьумѣла быть прекрасна Бетси, о томъ, каковъ былъ Викторъ, трудно составить себѣ понятіе. Ловкость, естественность, умная обдуманная игра ихъ, были выше всякаго оцнсанія. Зрители дошли до совершеннаго восторга, и Кобурингъ аплодировалъ и кричалъ въ изступленіи.

— Ты любишь, — повторялъ Викторъ за кулисами, глядя въ глаза Бетси пламенными глазами.

— Ты знаешь, — повторяла и она, и оба чувствовали себя въ сценическомъ упоеніи.

XVII.

Между тѣмъ, забытая Грушенька, продумавъ по обыкновенію цѣлый день о мнимыхъ страданіяхъ Виктора, въ вечеру уложивъ съ помощію Палагеи старую свою бабушку, снова о немъ задумалась.

— Какой странный человекъ Викторъ Андреевичъ! — разсуждала она уже не въ первый разъ сама съ собою. — Онъ ненавидитъ людей! За что ненавидитъ онъ людей? и какъ это можетъ человекъ дойти до такого ожесточенія?... ужъ не мнохондрія ли это, о которой разсказываетъ бабушка столько несчастныхъ случаевъ?... А вѣдь когда говоритъ Викторъ Андреевичъ, какъ будто чувствуешь, что онъ говоритъ правду.... Онъ страдаетъ и этимъ страданіемъ, глядя на него, невольно заражаешься. При немъ и бѣлый свѣтъ становится не милъ, и какъ

будто ждешь не дождешься—скоро ли этотъ грустный гость отъ насъ уйдетъ? а лишь только уйдетъ, станетъ еще грустнѣе, и придумываешь: чѣмъ бы и какъ его успокоить?... Богъ знаетъ почему такъ тяжело для меня его вниманіе?.. Взглядъ его такой пронизательный и гордый; улыбка ни дать ни взять ласковая и горькая насмѣшка; весь онъ щедущный, блѣдный—иногда смотрѣть на него страшно!

Развившляя такимъ образомъ, Грушенька не замѣчала, что было уже поздно. Ночь была лѣтняя, лампада у образа Богоматери теплилась, не вливая красноватаго свѣта своего въ блѣдный свѣтъ сѣверной ночи, озаря только трепетнымъ сіяніемъ золотую ризу. Въ этомъ освещеніи бѣлые покровы постели, милое лицо дѣвушки, и обнаженные руки ея, принимали фантастическую прозрачность и рисовались такими очертаніями, которыхъ иногда тщетно ищеть живописецъ.

Сонъ бѣжалъ далеко отъ ясныхъ глазъ дѣвушки, въ полумракѣ они горѣли внутреннимъ собственнымъ пламенемъ. Время приближалось уже къ полуночи, когда, по словамъ знаменитаго врача, совершается съ каждымъ человекомъ ежедневная ночная лихорадка, которая въ отдыхъ сна проходитъ нечувствительно, а въ бодрственномъ неестественномъ состояніи волнуеть болѣзненно.

Молодая дѣвушка, бодрствуя и сокрушаясь, вздохнула еще тяжелѣе; привставъ, она облокотилась на подушку и подперла рукой свою хорошенькую головку.

— Станный въ самомъ дѣлѣ человекъ этотъ Викторъ Андреевичъ!—продолжала она думать.—Какая разница съ Андрианомъ Ивановичемъ: какой пріятный, добрый человекъ Андрианъ Ивановичъ, истинный нашъ другъ и благодѣтель. Какъ заботится онъ о бабушкѣ; безъ него часто я не знала бы, что начать съ нею; и хозяйствомъ нашимъ управляетъ онъ же, безъ него мы не сладили бы съ нашей деревенькой. Не бездѣлица распорядиться работами крестьянъ: часто и възыскать и принудить бываетъ необходимо, а ни у меня, ни у бабушки не достало бы на то духу. Андрианъ Ивановичъ любитъ насъ!...

При этой мысли, при словѣ насъ, румяное личико Грушеньки сдѣлалось еще румянѣе, она какъ будто почувствовала,

что сказала себѣ мысленно не совершенную правду. Грушенька была убѣждена, что Андрианъ Ивановичъ любитъ ея, а бабушку только по сочувствію и по отраженію.

— Безъ сомнѣнія, Андрианъ Ивановичъ любитъ насъ, — повторила она упрямо, — и его какъ друга намъ пріятно видѣть; тогда какъ Викторъ Андреевичъ на меня и на бабушку производитъ такое непріятное впечатлѣніе... Но почему же это? И неужели потому, что въ числѣ прочихъ людей онъ ненавидитъ и насъ, и въ свою очередь внушаетъ и намъ какое-то тревожное чувство, которое ложится такъ тяжело на сердце... Чувствовать непріязнь къ своему ближнему! Боже мой, неужели я могу быть на это способна? Чувствовать непріязнь — не значить ли тоже, что ненавидѣть.... Какое ужасное слово: ненавидѣть!... и за что жь? что сдѣлалъ онъ мнѣ? Развѣ за то, что познакомиль меня съ этимъ непонятнымъ до сихъ поръ, тягостнымъ ощущеніемъ, которое томитъ меня въ его присутствіи и остается на долго послѣ?

И Грушенька быстро приподнялась на ложъ своемъ, сложила на груди руки, затосковала еще сильнѣе и еще безотчетнѣе и опять заговорила съ собою безмолвно.

— Какая невыносимая подѣ-часть мука соботвенная мысль! Правду говорить Андрианъ Ивановичъ, что не надо предаваться раздумью, что оно ни до чего добраго не доводитъ, что изъ него рождается сомнѣніе, что раздумье часто заводитъ въ заблужденіе; но что же дѣлать, когда мысль овладѣетъ человекомъ и не покидаетъ его!... — произнесла она почти въ слухъ и опять опустилась на изголовье. Мягкіе волнистыя волосы ея раскинулись отъ этого движенія и заслонили ея нѣжный профиль.

— Боже мой, Боже мой, что со мною? — шептала она, — мнѣ какъ будто сообщались его черныя думы; такія черныя, какія не снились мнѣ до сихъ поръ въ самыхъ тяжелыхъ снахъ. Боже мой, что со мною? Въ эту минуту, кажется, я желала бы лишиться способности думать. Но чѣмъ же эта минута безотраднѣе всего прошлаго, въ которомъ только одни печальныя воспоминанія? Знала ли я что-нибудь болѣе радостное, желала ли до сихъ поръ чего-нибудь лучшаго?... Однако жь

груство такое незваніе! Съ этимъ словомъ слезы бѣдной дѣвушки заструились на подушку. Такъ прошли нечитанныя, долги мгновенія до тѣхъ поръ, пока, приподнявъ голову, она открыла глаза и должна была заслонить ихъ рукою отъ хлѣвшаго потокомъ яркаго утренняго солнца, которое внезапно ее отрезвило. Мрачныя думы, какъ ночныя птицы, стаей отлетѣли прочь, гонимыя вѣшними и благотворными лучами.

— Владычица небесная! прости мнѣ безумный ропоть мой и безумныя мысли!—вскричала она, скользя съ кровати на колѣна предъ лицомъ Пресвятой Дѣвы, моля о терпѣннн и мирѣ души, о заступленіи отъ грѣха ненавистнаго и злобы, о возможности любить, не исключая Виктора, всѣхъ ближнихъ.

— Я люблю его,—сказала въ заключеніе Грушенька,—и какъ же не любить его: онъ такой жалкой!

Въ то же самое утро просыпался Викторъ подъ вліяніемъ самыхъ благовѣщихъ предчувствій, и, по обыкновенію, хозяинъ постоялаго двора явился къ нему за порученіями, заставивъ съ собою кой-какіе счеты и росписки. Герой нашъ махнулъ на него рукою съ такой развязностію, что Савеловъ только тряхнулъ кудрями.

— Послушай, борода, сказалъ ему шутя Викторъ,—ты теперь не лѣзь ко мнѣ съ этой дрянью, а приготовь еще тыщи полторы или двѣ на расходы.

— Слушаю-сь, — отвѣчалъ Савеловъ и повернулъ было на право кругомъ, но подойдя къ двери, замаялся и вернулся.

— Чтѣ скажешь?—спросилъ Викторъ.

— Не прикажете ли, батюшка, списать на серебро? Нынче ужъ изволите ли видѣть, такая маѣра.

— Списывай на что хочешь.

— Оно какъ разъ двѣ тысячи круглымъ счетомъ.

— Какъ? Двѣ тысячи серебромъ?

— Такъ-сь, точно такъ; это ужъ, батюшка, вѣрно,—повторилъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ Савеловъ и звякнулъ щетами, начиная класть на кости.

— Четыре тысячи монетой получили; двѣ изволите получить; то есть, на серебро, тысяча семь-сотъ четырнадцать рублей тридцать двѣ копейки.... По счету нѣмца, изъ растеряціи, сто сорокъ девять рублей двадцать одна копейка.... Извозчику, пять разъ карета, по пяти цѣлковыхъ; пятнадцать разъ коляска, по три, за номеръ по четыре въ сутки....

— Какъ по четыре цѣлковыхъ? — перебилъ съ ужасомъ Викторъ, — да это, братъ, по-петербургски!

— Не извольте, батюшка, беспокоиться; во время съездовъ другой цѣны не бываетъ.... Двадцать четыре полпорціи чаю, по четвертачку, шесть цѣлковыхъ.... Изволите видѣть, сорокъ семь копѣчекъ вамъ уваженія—ровно двѣ тысячн-съ.

Викторъ остолбеньлъ. Этотъ счетъ рѣшалъ судьбу Людвиновки, которая, по мнѣнію Савелова, была ему не рука.

— Но куда же дѣнутся старшкіи Поляновы и Настасья Прокофьевна?..

Викторъ поникъ головою. Это неожиданное обстоятельство такъ поразило его, что, забывъ о присутствіи Савелова, онъ задумался. Долго думалъ онъ и сидя на стулѣ, и ходя по комнатѣ, и потирая себя по лбу, и складывая по-наполеоновски руки, и размахивая ими, соответственно своей мысли.

— Что жъ! — сказалъ онъ наконецъ самъ себя, — какая же была бы въ томъ польза и необходимость, чтобъ почтеннѣйшій дѣдъ мой съ своей семьей сидѣлъ у меня тутъ, подъ носомъ, въ такомъ близкомъ соседствѣ!... Семья моей Бетси не представляетъ съ ними ничего общаго, и меня самого это поставило бы въ самое затруднительное, непріятное положеніе.... Ихъ можно пристроить гдѣ-нибудь подальше, лучше всего купить въ Москвѣ доходный домикъ.... въ Москвѣ, гдѣ маленькая ножка моей Бетси не оставитъ слѣда. Бетси не любить Москвы, ей предпочитаетъ она и деревню и узкій городъ. Москва, гнѣздо философовъ, подобныхъ дѣду моему, Прокофію Трофимовичу....

Эта идея показалась Виктору такъ свѣшна, что онъ разохотался громко.

Савеловъ, стоявшій смирно на другомъ концѣ комнаты, увлеченный этимъ смѣхомъ, также усмѣхнулся.

— Ты что тутъ дѣлаешь? — спросилъ Викторъ, вздрогнувъ всемъ тѣломъ.

— Ожидаю приказа вашей милости.

— Какого приказа?

— Переписать на серебро-сь въ одинъ вексель.

— Переписывай какъ хочешь и убирайся къ чорту! — крикнулъ Викторъ, у котораго сердце сильно билось.

Спустя часъ времени, когда онъ явился въ домъ Чапарина, Бетси выпорхнула къ нему на встрѣчу, радостная и трепещущая какъ птичка.

— Какая мысль! какая вдохновенная мысль! — кричала она, завидя его.

— Чѣмъ такое? — спросилъ Викторъ, взглянувъ на нее страстно.

— Отецъ рѣшилъ поѣздку въ Бадень-Бадень на будущей недѣль. Мы отправляемся черезъ недѣлю.

Въ лицѣ Викторъ выразился на этотъ разъ неподдѣльный ужасъ.

— Вы гдѣте? — спросилъ онъ съ такой тоскою, что звукъ ся проникъ прямо въ сердце Бетси.

— Но чѣмъ же помывааетъ и вамъ ѣхать съ нами? Это было порою моею мыслью, когда я узнала о распоряженіи отца.

Викторъ смутился. Онъ уже зналъ, чѣмъ значить приглашеніе ѣхать *смыслью* за границу.

— Я не думала, — сказала обиженнымъ голосомъ Бетси, — я не думала, чтобы вы колебались согласиться на мое предложеніе.

— Я не колеблюсь, — сказалъ Викторъ внезапнымъ переходомъ отъ смущенія къ восторгу, — я не колеблюсь и не могу колебаться, я послѣдую за вами.... за тобою, всюду! Ты не можешь въ томъ сомнѣваться, и знай, что никакія обстоятельства, никакое приличіе, никакія причины въ мірѣ не заставятъ меня отказаться отъ тебя; ты моя и принадлежишь мнѣ по праву любви, по праву сродства нашихъ природъ. Встрѣча наша не пошлая встрѣча. Я это чувствую слишкомъ глубоко!...

Эти неожиданныя страстные угрозы испугали въ свою

очередь Бетси. Она не думала, что зашла такъ далеко; но Викторъ продолжалъ говорить, и ей не доставало силъ двинуться съ мѣста.

— Я люблю тебя!—продолжалъ онъ, — я выстрадалъ право произнести это слово, и теперь, воплотивъ его въ звукъ, я не дамъ ему умереть. Нѣтъ, не напрасно произнесъ я это слово, для него готовъ я на всю жертвы, --сказалъ Викторъ съ такимъ отчаяніемъ, что Бетси содрогнулась.

Въ первый разъ почувствовала она робость, это постыдное ощущеніе; но миссъ Эланза была очарована, и потому ей было страшно, и потому не остудила она пламеннаго признанія однимъ взглядомъ. Она съумѣла бы это сдѣлать, она владела мимикой, въ ея движеніяхъ было столько достоинства, въ характеръ ея столько самоуваженія; но это было мгновеніе слабости, во время котораго она не въ силахъ была огорчить Викторъ; за то какъ обрадовалась она, увидѣвъ подходящаго Андріана Ивановича, которій, по обыкновенію, такъ кстати подоспѣлъ на выручку ея изъ затруднительнаго положенія.

Къ такой докучливости ротмистра, которій умѣлъ являться тогда именно, когда его присутствіе было наиболее тягостно, Викторъ сталъ уже нечувствительно привыкать, какъ привыкаютъ ко всякому неизбежному злу; но въ этотъ мигъ онъ не былъ въ состояніи владѣть собою, онъ былъ раздраженъ и взволнованъ.

— Удали его, — шепнула Викторъ Бетси, — я не могу болѣе выносить его присутствія! Ты должна сказать мнѣ, какія отношенія заставляютъ тебя принимать такъ снисходительно его навязчивость? я хочу знать эту тайну!

— Ради Бога, молчите!—проговорила, поблѣднѣвъ какъ полотно, Бетси.

— Нѣтъ, я не могу молчать!—сказалъ изступленно Викторъ.

— Такъ привѣжайте же завтра къ намъ въ деревню, мы уже совсѣмъ готовы къ отъезду: тамъ я скажу вамъ все!

XVIII.

Бетси сдержала свое слово. На другой день, въ паркѣ маркиза, въ одной изъ отдаленныхъ аллей, Викторъ и Бетси шли рядомъ.

Миссъ Эланза имѣла уже время одуматься и приготовиться къ рѣшительному объясненію, въ которому и приступила самымъ оригинальнымъ образомъ.

— Вы много шутили и острились на счетъ моего пристрастія къ черепословию вообще и къ одному черепу въ особенности, — сказала она, — но никогда не взяли на себя труда присмотрѣться хорошенько къ безвласой и всегда готовой къ анализу головѣ этого добраго медвѣдя.

— Признаюсь, я не терялъ для такого занятія дорогаго времени.

— Однакожь, на этомъ черепѣ сильное развитіе органовъ *доброжелательства и любви, твердости и постыжливости, щедрости и доброты нескончаемой.*

— Что жъ выводите вы изъ соединенія всѣхъ этихъ наиблаженнѣйшихъ признаковъ?

— То, что онъ будетъ однимъ изъ лучшихъ, рѣдкихъ мужей въ мірѣ.

Викторъ взглянулъ на Бетси быстро и вопросительно.

— Вы знаете, что онъ богатъ;—продолжала Бетси,—но не знаете въ какой степени; потому что онъ имѣетъ привычку или предразсудокъ таить свое богатство. Онъ такъ богатъ, какъ рѣдко люди бываютъ теперь богаты, и родные мои давно уже прочать мнѣ въ мужа этого богатаго и добраго мужа.

— Ваши родные можетъ быть, но вы? вы можете ли пожертвовать собою богатству? Вы въ состояніи ли продать себя золотому тельцу? — спросилъ Викторъ такъ искренно, какъ будто корыстолюбивая мысль была совершенно чужда его сердцу.

— Я имѣю на этотъ счетъ свои понятія, — отвѣчала Бетси, — и противъ богатаго мужа не питаю предубѣжденія. По моему, человекъ, который рѣшается жениться, долженъ

быть богатъ, богатъ разумеется условно, соответственно тому состоянію, въ которомъ онъ беретъ жену. Богатство земледельца, ремесленника и всякаго труженика въ рукахъ или въ головѣ его; благодаря этимъ орудіямъ, онъ доставляетъ женѣ своей достаточныя для жизни средства; но мужъ нашей сферы долженъ обладать готовыми средствами. Съ ними только соединено и счастье жены его, ослзательное, не химерное счастье. Къ тому же вы знаете меня: во мнѣ страшная причудливость — прихоть, эта эссенція жизни женщины, и ея безмѣрная требовательность можетъ удовлетворяться только безмѣрными средствами, ежеминутно подвергая испытанію безмѣрную преданность мужа. Жизнь, такая неисчерпаемая чаша наслажденія: въ ней есть и мраморные дворцы, и миртовые рощи, и сладкій уединенный уголь у каміна, и шумныя торжища людскія. Кто однажды вкусилъ этого упоенія, тому необходимы средства пользоваться всѣмъ, что предлагаетъ намъ жизнь.

Викторъ выслушивалъ эту длинную рещю молча, въ оцѣпевніи.

— Но эти средства, не имѣеть ли ихъ вашъ отецъ? — спросилъ онъ, какъ будто пришедъ въ себя.

— Вотъ въ этомъ-то заключается тайна, о которой я говорила вамъ. Состояніе наше разстроено и мое замужество должно поправить его.

При этомъ словѣ въ глазахъ Викторѣ выразилось такое отчаяніе, что Бетси не могла объяснить его иначе, какъ страданіемъ оскорбленнаго сердца.

— Успокойтесь, ради Бога, не вините меня. Я умью цѣнить васъ.... остальное не въ моей власти!

Викторъ вдругъ остановился, дикій взоръ его былъ страшенъ.

— Я люблю васъ! — вскрикнула съ испугомъ растроганная Бетси, схвативъ его за руку, — я буду любить васъ всегда, но поступить иначе мнѣ не возможно! невозможно, — повторила она.

Въ эту минуту раздался звонкій голось маленькой сестры Бетси, бѣгущей къ нимъ на встрѣчу.

— Бетси, милая Бетси, — кричала она, — насилю я тебя отыскала. Позволь мнѣ, душенька сестрица, побыть съ тобою, мнѣ скучно.

— Что за вздоръ! — проговорила съ досадою встревоженная Бетси, — гдѣ m-lle Richon? ступай къ ней!

— M-lle Richon съ Пьеромъ гуляетъ на той сторонѣ сада, она посылаетъ меня къ маман.

— Гдѣ жъ маман?

— Маман у себя въ комнатѣ, она укладываетъ въ дорогу свои картоны; маманъ ведетъ идти къ миссъ Поккетъ.

— Такъ иди къ миссъ Поккетъ.

— Позволь мнѣ лучше побыть съ тобою, Бетси. Миссъ Поккетъ тотчасъ станетъ говорить объ исторіи, станетъ считать звѣзды, — съ ней скучно!

— Это однакожъ несносно! ступай къ маленькому брату.

— О, маленькій братъ счастливѣе меня: онъ гуляетъ съ m-г Зиберомъ въ парк; брату веселье, онъ не сидитъ съ миссъ Поккетъ, онъ ходитъ съ Пьеромъ и съ учителемъ на охоту. Позволь, Бетси, позволь побыть съ тобою!

— Какъ это скучно! — повторила Бетси.

— Ну такъ я пойду къ Андриану Ивановичу; вонъ онъ одинъ идетъ. Ты гонишь меня, такъ я пойду съ нимъ!

Викторъ и Бетси невольно оглянулись назадъ. Кобуринъ дѣйствительно шелъ въ нѣсколькихъ шагахъ въ слѣдъ за ними.

— Pardon, mademoiselle, — проговорилъ Викторъ, сухо кланяясь Бетси, — j'ai l'honneur de vous saluer!

И онъ быстро своротилъ въ боковую аллею.

— Постой, душенька, — сказала Кобуринъ маленькой сестрѣ Бетси, которая схватила его за руку, — и мнѣ пора домой.

— Куда жъ вы? — спросила вспыхнувъ смущенная Бетси.

— Куда вы? — повторила ма.потка.

— Домой пора-съ! — повторилъ такимъ тономъ Кобуринъ, что со стороны можно было разсмѣяться. Онъ снялъ фуражку и поклонился.

Но Бетси было въ эту минуту не до смѣха; невольнo опустила она взоръ, и когда агатовые глаза ея приподнялись снова, Андрияна Ивановича не было уже передъ нею.

— Что это такое?—проговорила печально малютка сестра ея,—оба ушли! за чѣмъ они ушли? они на тебя разсердились?

— Отстань отъ меня!—крикнула въ себя Бетси, оттолкнувъ отъ себя малютку.

Между тѣмъ Кобуринъ, разрѣшивъ загадку, касавшуюся до его судьбы, вмѣсто того, чтобъ ѣхать домой, поѣхалъ прямо къ Мавръ Ивановичу.

— Скажите мнѣ, сдѣлайте одолженіе, безъ обиняковъ: нравится вамъ Людвиновъ?—спросилъ онъ Грушеньку.

— Прежде онъ мнѣ очень не нравился,—отвѣчала простодушно дѣвушка.

— А теперь?

— Теперь онъ мнѣ жалокъ, и мнѣ кажется, что я ничего въ свѣтъ не желаю такъ искренно, какъ того, чтобъ онъ былъ счастливъ.

Губы ротмистра слегка поблѣднѣли.

— Скажите мнѣ откровенно, — началъ онъ снова послѣ нѣкотораго молчанія, — какъ вы думаете, нравитесь ли вы ему также?

— Я? я знаю навѣрно, что нравлюсь.

— Почему же вы это знаете?

— Потому что онъ самъ увѣрялъ меня въ томъ.

— Увѣрялъ! съ какими, полагаете вы, намѣреніями увѣрялъ онъ васъ?

Грушенька пожала въ недоумѣніи плечами.

— Подумайте объ этомъ хорошенько.

— Намѣреній его я не знаю; онъ говорилъ, что жить безъ меня не можетъ.

— Теперь позвольте мнѣ сдѣлать вамъ еще одинъ вопросъ. Очень ли нравится вамъ г. Людвиновъ?

На глазахъ Грушеньки навернулись слезы и личико ея сдѣлалось такъ печально, что ротмистръ, сочувствуя ей, готовъ былъ самъ расплакаться, на нее глядя.

— Не бойтесь доверить мнѣ вашего сердца, — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, — любите ли вы его на столько, чтобъ рышиться выдти за мужъ. Если вы надѣетесь быть съ нимъ счастливою, то я берусь за это дѣло.

— О, я знаю, что вы насъ любите, — вскрикнула зарывавъ дѣвушка, — знаю также, что съ Викторомъ Андреевичемъ я счастлива не буду; но онъ будетъ со мною счастливъ, онъ убѣрялъ меня, что только я одна могу сдѣлать его счастливымъ. Его отчаяніе меня ужасаетъ!

Кобуринъ молча нѣсколько секундъ смотрѣлъ на плачущую дѣвушку, потомъ взялъ ее за руку и сказалъ:

— Но если вы ошибаетесь въ немъ....

— О, я рада была бы ошибаться, чтобъ не имѣть на совѣсти его страданій. Богъ съ нимъ, что мнѣ въ немъ, его любить невозможно.

— Если вы увѣрены, что его любить не возможно, — сказалъ, просіявъ лицомъ, добрый ротистръ, — такъ скажите мнѣ, ради Бога, откровенно, могли ли бы вы любить меня?

— Васъ? васъ — другое дѣло, васъ нельзя не любить: вы добры, вы всегда спокойны духомъ, вы сами всегда счастливы, и даже не нуждаетесь, чтобъ васъ кто-нибудь счастливилъ.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ распорядиться за васъ благоразумнѣе. Позвольте мнѣ просить васъ поступить въ выборъ вашемъ съ бѣльшимъ себялюбіемъ. Клянусь вамъ дружбой моею и честью, что вы напрасно желали бы вылечить этого отрадальца: его болѣзнь такого рода, что ею можно скорѣе заразиться, нежели исцѣлить ее. Ваше состраданье не есть любовь, я не допущу васъ такъ страшно ошибаться. Къ тому жъ и онъ любить не васъ, у него нѣтъ и не было въ отношеніи васъ никакихъ добрыхъ намѣреній, я имѣю на то вѣрныя доказательства.

— Неужели! — вскричала Грушенька. — Вы имѣете доказательства? Онъ точно любить не меня? кого же любить онъ? — прибавила она простодушно.

Не тотчасъ усвоила дѣвушка это понятіе, но съ помощію Андріана Ивановича ей представился наконецъ ясно истинный характеръ Виктора.

Не прошло еще недѣли, какъ вѣсть о свадьбѣ Кобурна долетѣла до владѣній Чапарина и произвела въ нихъ то же дѣйствіе, которое производитъ сообщенная по телеграфу вѣсть о какомъ-нибудь торговомъ кризисѣ, роняющемъ крѣпкіе фонды.

Чапаринъ объявилъ себя банкротомъ и отложилъ поѣздки свою въ чужіе края.

XIX.

Между тѣмъ, всѣ эти быстрые, добрые и недобрые перевороты въ судьбѣ трехъ соседственныхъ владѣній, совершившіяся какъ будто по вліянію прошедшей чрезъ нихъ сѣру кометы, имѣли въ Людвиновкѣ горкія послѣдствія.

Долгое ожиданіе Виктора изъ города разрѣшилось обстоятельствомъ, поразившимъ всю семью.

Настасья Прокофьевна лежала въ предѣлкѣ обморока на диванѣ. Анна Петровна, склонясь надъ ея изголовьемъ, подерживала голову больной, глядя съ безпокойствомъ на блѣдный обликъ ея. Акулина, стоя на колыняхъ, держала въ одной рукѣ свѣчу, въ другой обожженное перо подъ самымъ носомъ Настасьи Прокофьевны.

Прокофій Трофимовичъ, въ некоторомъ отдаленіи, съ развернутымъ передъ глазами заемнымъ письмомъ Виктора, стоялъ какъ вкопанный, вперивъ вопросительный взоръ на стоявшаго у дверей Савелова.

— Да гдѣ жъ онъ самъ?—прервавъ наконецъ молчаніе, спросилъ старикъ Поляновъ.

— Не могу знать,—отвѣчалъ не въ первый уже разъ на этотъ вопросъ Савеловъ.

— Когда? въ который именно день уѣхалъ онъ?

— Я уже докладывалъ вашей милости, что въ прошлую субботу.

— Куда?

— Не изволилъ сказывать.

Прокофій Трофимовичъ опустилъ голову, отставилъ впе-

редь ногу и началъ считать по пальцамъ, сколько прошло дней съ прошлой субботы. Однакоже, не приходя ни къ какому результату отъ этого счета, онъ снова пробѣжалъ глазами отъ начала до конца страшный листокъ бумаги.

— Двѣ тысячи серебромъ!

При этомъ словѣ кровь бросилась въ лицо старика.

— Да какъ же ты смѣлъ располагать такой суммой барскихъ денегъ и доверять молодому неопытному человѣку?— крикнулъ онъ гнѣвно на оправдующаго.

— Ихъ милость изволили приказывать дѣлать сынку всякое довѣріе,—не смущался отвѣчать Савеловъ, указывая на Настасью Прокофьевну, — я и исполнялъ приказаніе въ угоду ихъ милости.

— Ты, братецъ, плуть и ростовщикъ! — началъ бѣлю, горячася все болѣе и болѣе, Прокофій Трофимовичъ; но въ свою очередь его прервала Настасья Прокофьевна.

— Я отвѣчаю и плачу за сына, а не вы! — вскрикнула она, привставъ на диванъ и олицетворивъ собою что-то въ родъ Лукреціи Борджіо.— Слышишь? — произнесла она, горделиво взглянувъ на Савелова.

Савеловъ, получа удовлетворительный отвѣтъ, поклонясь, догадливо поторопился выйти.

Настасья Прокофьевна послѣ этого напряженія силъ, снова разразилась истерическими рыданіями.

Прокофій Трофимовичъ, сосредоточивъ въ себѣ негодованіе, началъ расхаживать скорыми шагами изъ угла въ уголь. Кашемировый халатъ его развѣвался парусомъ. Старикъ былъ сильно взволнованъ, и это волненіе придавало прыти дряхлымъ ногамъ его.

Вдругъ остановился онъ передъ Настасьей Прокофьевной и крикнулъ на нее отцовскимъ голосомъ:

— Перестань! кто виноватъ? сама избаловала сына! Писаніе гласитъ: сынъ наказанъ премудръ будетъ. Теперь слезы не впрокъ, не послужатъ они тебѣ ни въ помощь, ни въ извиненіе!

Проговоривъ эти слова, онъ круто повернулъ на правую сторону, промаршировалъ снова изъ конца въ конецъ комна-

ты, опять остановился, и посмотрѣвъ на страждущую дочь, смягчился.

— Полно, ну полно, — сказалъ онъ ласковымъ голосомъ, — дѣло его дѣтское, придетъ съ повинной головою; а ты молись Богу, чтобы направилъ его на путь истинный.

— На путь истинный! идти вмѣстѣ съ нами по міру! — съ раздражительностію проговорила Настасья Прокофьевна.

— Мало еще ты гнѣвила Бога грѣшнымъ ропотомъ, — возвысивъ опять голосъ на крайнюю степень силы, продолжалъ Прокофій Трофимовичъ, — да развѣ нѣтъ у тебя отца, или извергъ онъ рода человѣческаго, чтобы покинуть родную дочь? или онъ калѣка, весь изувѣченъ, что не въ силахъ добыть кусокъ хлѣба? Богъ поможетъ, не кляномъ свѣтъ сошелся: въ городъ переедемъ, найду работу, не-бось не умремъ съ голоду. А у меня, на печкѣ лежа, кости разломало, — прибавилъ Прокофій Трофимовичъ, молодецки выпрямляя спину.

Прокофій Трофимовичъ, сказавъ это, не похвасталъ. Онъ точно вынесъ на старыхъ плечахъ своихъ семью изъ крайности.

Кончивъ расчетъ съ Савеловымъ продажею Людвиковки, онъ перевезъ домашнихъ своихъ въ городъ, гдѣ въ самомъ непродолжительномъ времени стали извѣстны его юридическія способности.

Въ маленькой квартиркѣ его, въ лучшей комнатѣ, поселилась больная Настасья Прокофьевна и стала тяжкимъ игомъ стариковъ, которые съ утра до вечера слушали ея жалобы и разнообразили свои неопредѣленные отвѣты на вѣчный вопросъ ея: гдѣ Викторъ? гдѣ сынъ мой?

Объ Викторѣ не было ни слуху, ни духу; онъ канулъ какъ въ воду.

— Изведешь, совсѣмъ изведешь себя, — повторяла ей, сокрушаясь, Анна Петровна.

— Охъ, изведете! — повторяла и Акулина, качая головою.

— Для кого же мнѣ беречь себя? для какихъ радостей?

— Для ради воли Божіей, — говорилъ Прокофій Трофимовичъ, — посѣтилъ тебя Господь Богъ испытаніемъ, неси крестъ

свой; смирись передъ Господомъ. Терпѣль Спаситель нашъ, терпи и ты, по Его святому примѣру. Молись, проси отъ Него силы и помощи.

Но Настасья Прокофьевна не смирялась и не молилась; а Прокофій Трофимовичъ постоянно пересматривалъ Сѣверную Пчелу, Инвалидъ, Московскія и Петербургскія Вѣдомости, перечитывалъ всѣ имена въѣзжающихъ въ столицы и въѣзжающихъ изъ столицъ, и нигдѣ не находилъ имени Виктора.

Въ числѣ добрыхъ людей, по дѣламъ которыхъ ходилъ Прокофій Трофимовичъ, отыскался человекъ, принявшій положеніе старика Полянова на столько къ сердцу, что всякое имя, встречаемое имъ на столбцахъ газетъ, возбуждало его вниманіе, и глаза его, забывая впередъ, всматривались во всѣ фамиліи, которыя начинались съ буквы Л.

Само собою разумется, что Прокофій Трофимовичъ болѣе другихъ любилъ посѣщать этого сердобольнаго знакомца, который по обычаю проводилъ день свой у окна, въ пестромъ халатѣ и колпакѣ, съ очками на носу и съ листомъ газетъ въ рукѣ.

— Чтѣ, батюшка Иванъ Ильичъ, нѣтъ?—спрашивалъ онъ всегда, входя въ комнату.

— Нѣтъ!—отвѣчалъ хозяинъ, и по обыкновенію оба умолкали, потому что Иванъ Ильичъ вообще былъ не разговорчивъ, а Прокофій Трофимовичъ, по горькимъ обстоятельствамъ, сдѣлался противъ прежняго менѣе словоохотенъ.

Получивъ неудовлетворительный отвѣтъ, перскинувъ нѣсколько необходимыхъ словъ по дѣламъ, или нанюхавшись чаю и посидѣвъ нѣсколько времени молча и сложа руки, Прокофій Трофимовичъ уходилъ домой.

— Чтѣ, нѣтъ?—спросилъ однажды по привычкѣ старый ходатай.

— Не смотрѣлъ, братъ, некогда было; Богъ привелъ съ сыномъ свидѣться, отыскался мой повѣса; Господь милостивъ, и твой того и смотри, какъ снѣгъ на голову; не горюй! Эй, Андриуша, поди-ка сюда.

Ловкій молодой человекъ въ архалукѣ, съ усами подъ фэброй, со шпорами на сапогахъ, вошелъ изъ сосѣдней ком-

нать; поклонясь Прокофію Трофимовичу, онъ началъ набивать трубку.

— Ну, рекоменлуйся Прокофію Трофимовичу Полянову! Вишь, съ Кавказа прѣбхаль. одичаль, — сказалъ хозяинъ.

— Хоть чужой радости порадоваться, — со вздохомъ произнесъ Прокофій Трофимовичъ, присаживаясь къ столику, на которомъ лежали газеты.

— Ну, давай искать, — сказалъ Иванъ Ильичъ, — ищи, Андрей, и ты.

— Что прикажете искать? — съ удивленіемъ спросилъ молодой человекъ.

— А вотъ, возьми-ка номеръ, да ищи Людвинава.

— Какого Людвинава? — повторилъ молодой человекъ.

— Виктора Людвинава! — сказалъ въ объясненіе Прокофій Трофимовичъ.

— Ищи въ статьѣ о прѣзжающихъ.

— Юнкера Людвинава? — спросилъ офицеръ; — что-то помнится мнѣ это имя по послѣднимъ спискамъ...

— Вѣдь онъ у меня полковымъ адъютантомъ, — черервалъ Иванъ Ильичъ сына своего, приложившаго ко лбу палець.

— Людвиновъ... да, кажется, Людвиновъ, — повторялъ офицеръ, — именно юнкеръ Людвиновъ...

— Юнкеръ? а каковъ онъ изъ себя? — спросилъ дрожащимъ голосомъ Прокофій Трофимовичъ.

— Я его лично не видалъ.

— Отець родной, — взмолился старикъ Поляновъ, — наведи справку, разузнай, развѣдай, сдѣлай милость.

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— Ищи съ первой же почтой, — сказалъ Иванъ Ильичъ.

Прокофій Трофимовичъ опростелъ домой обрадовать надеждой своихъ домашнихъ, но эта добрая надежда произвела въ Настасьѣ Прокофьевнѣ весьма дурныя слѣдствія. Она страшно встревожила ее. Въ ея болезненномъ состояніи ждать объясненія этого живаго вопроса не было возможности. Она требовала неотлагательнаго отвѣта и не слушала никакаго представленія.

Прокофій Трофимовичъ тотчасъ же долженъ былъ воротиться съ ея вопросами къ прїѣзжему съ Кавказа.

— Смыслъ спросить, — сказалъ онъ, — въ какое время юнкеръ Людвиновъ поступилъ на службу?

— Все, что я вамъ могу сказать, очень недавно.

Получивъ отвѣтъ, Настасья Прокофьевна прогнала опять Прокофія Трофимовича спросить, въ какой именно день отходить почта и когда можно надѣяться получить отвѣтъ.

Черезъ часъ явился онъ снова узнать имя начальника укрѣпленія, въ которомъ находится юнкеръ Людвиновъ, и великъ ли тамъ гарнизонъ и подвержено ли укрѣпленіе хищничеству горцевъ.

За тѣмъ слѣдовали безконечныя другіе подобныя запросы, на которые усталъ отвѣчать кавказецъ.

Наконецъ, передъ самымъ отъѣздомъ молодаго офицера обратно въ полкъ, справка была доставлена: юнкеръ, именно Викторъ Людвиновъ, находился на службѣ въ одномъ изъ укрѣпленій Черноморской береговой линіи.

— Слава тебѣ Господи! — сказалъ, прочитавъ эту драгоценную вѣсть, Прокофій Трофимовичъ, — услышалъ Господь грѣшную молитву мою! Викторъ мой въ военной службѣ!

Анна Петровна побѣжала въ церковь тотчасъ же отслужить благодарственный молебенъ, а съ Настасьей Прокофьевной, вмѣсто радости, сдѣлался сильный нервный припадокъ.

Пришедъ въ себя, она написала длинное письмо, которое и взялся лично доставить возвращающійся къ своему мѣсту офицеръ.

— Смотри же, Андрей, вручи его непременно самъ, — наказывалъ ему, провожая его, отецъ.

XX.

Въ одинъ прекрасный осенній вечеръ можно было видѣть такой закатъ солнца въ волны Чернаго моря, который снится только въ самыхъ счастливыхъ снахъ даровитому нашему Айвазовскому.

Въ фиолетовыхъ волнахъ моря искрилась и змѣнилась страшная масса золота. Облака пылали; но это былъ мигъ, который могъ воспроизвести художникъ, пораженный имъ до глубины сердца.

Лучи исчезающаго за горизонтомъ солнца стали гаснуть. Облака сбрасывали богатые покровы свои, являясь взору бѣлыми витающими въ туманѣ тѣнями, о которыхъ говоритъ Данте; море, за минуту блистательное и волнистое, умолкало; дремлющая волна, едва касаясь береговъ, плескала, журча и вторя шелесту листьевъ густыхъ колоссальныхъ рододендровъ.

Съ противоположной стороны, снѣговья вершины горъ бѣлели, одѣтыя по склону роскошной зеленью каштановъ, крылатаго орѣшника, лавровъ и оливъ, обвитыя свѣтлою плетью в другихъ вьющихся растений.

Легкая какъ паръ, еще прозрачная вечерняя мгла распространялась на равнинахъ у подошвы горъ, гдѣ на тучныхъ пажитяхъ, подъ открытымъ небомъ, собирались на ночлегъ стада.

Въ этой тишинѣ, дыша сладкимъ благоуханнымъ воздухомъ горъ, сидѣлъ на выдавшемся утесѣ блѣдный молодой человекъ, закутанный въ бурку. Подлѣ него сидѣла женщина неопредѣленныхъ лѣтъ, въ казацкомъ костюмѣ. Узкіе глаза и сплюснутыя черты лица ея проявляли калмыцкій типъ. Она держала на коленяхъ недоконченную работу, и, опершись на нихъ локтемъ, поддерживая голову свою, съ выраженіемъ неги истинно восточной, глядѣла на юношу.

Последній отблескъ зари руманилъ блѣдное лицо его и гиппократовскій обликъ; но по блуждавшимъ безъ мысли глазамъ заметно было, что онъ едва воскресалъ къ жизни послѣ тяжкой болѣзни.

— Оря, что это такое?—спросилъ онъ слабымъ голосомъ, указывая на поляну.

— Что такое? гдѣ?—повторила казачка,—это идуть стада.

— Стада короля Адмета?—проговорилъ больной.

— Какого короля?

— Дикари пасуть ихъ?—продолжалъ юноша. — Оря, кто учить ихъ музыкъ?

— Какой музыкъ? играть на рожкъ-то?

Молодой человекъ устремилъ мутный взоръ на женщину, долго смотрѣлъ, и потомъ схватилъ себя обѣими руками за голову; глаза его сверкнули въ мгновенномъ сознанин.

— Гдѣ жь это я?—спросилъ онъ.

— Гдѣ? здѣсь....

— Здѣсь.... гдѣ жь это я былъ?

— Гдѣ былъ? гдѣ ты былъ? ты былъ боленъ, все бредилъ, что плачешь смѣхомъ и смѣнешся слезами, что душа у тебя мертвая, что ее кто-то хочетъ купить. Страшно было слушать!

— Мертвая душа.... купить?—произнесъ молодой человекъ, приложивъ руку къ головѣ и напрягая память свою.

Въ это время изъ-за крѣпостной ограды показался всадникъ. Верховой офицеръ остановился передъ сидѣвшимъ на брѣвнѣ у самыхъ бойницъ старымъ солдатомъ.

— Здѣсь юнкеръ Людвигъ?—крикнулъ онъ.

При этомъ восклицанин молодой человекъ вздрогнулъ и испуганный взоръ его уставился на офицера, который, по указанно служиваго, подъѣзжалъ къ нему.

— Оря, это онъ!—проговорилъ онъ тихо.

— Вы юнкеръ Людвигъ?—спросилъ офицеръ, соскочивъ съ лошади.

Больной, вмѣсто отвѣта, боязливо приклонился къ женщине.

— Я привезъ вамъ отъ матушки вашей письмо,—продолжалъ офицеръ, отдавая пакетъ.

Молодой человекъ, не сводя неподвижнаго, мутнаго взира сь офицера, послушно взялъ письмо.

— Давно онъ боленъ?

— Да, ужь давно,—отвѣчала казачка.

— Что жь я напишу объ немъ?—спросилъ самъ себя офицеръ, долго смотря на больнаго. Пожавъ плечами, онъ вскочилъ на сѣдло, прищипорилъ коня и скоро скрылся отъ преслѣдовавшаго его взира юноши.

Неизвестно, выздоровѣли ли и отвѣчали ли Людвиновъ на полученное отъ матери письмо. Настасья Прокофьевна не дождалась этого отвѣта. Последнее радостное извѣстіе о милomъ, хотя неблагодарномъ сынѣ, такъ потрясло разрушенный организмъ ея, что въ самомъ непродолжительномъ времени она скончалась, оплаканная съ сердечнымъ сокрушеніемъ добрыми стариками и няней своей Акулиной.

Но это испытаніе было уже послѣднее, которое возмутило преклонныя лѣта Поляновыхъ.

Они успокоились на счетъ судьбы внука своего, который, по желанію Прокофія Трофимовича, былъ въ военной службѣ. Миръ и тишина водворились въ бѣдной квартиркѣ ихъ, и жизнь ихъ потекла такъ безмятежно, благодаря добротѣ двухъ богатыхъ торговыхъ домовъ, которые опредѣлили имъ скромное вспомошествованіе, удовлетворяющее скромныя потребности смиренныхъ старцевъ.

Много лѣтъ спустя, конторщикъ этой торговой компаніи, выдавая по обыкновенію мѣсячную плату старику Полянову, глядя на него, спрашивалъ себя мысленно, долго ли еще придется ему исполнять завѣщаніе благодѣтеля, отшедшаго уже въ вѣчность? Но старцы жили и жили, укрытые отъ тревоженій, застрахованные внутреннимъ миромъ простыхъ душъ своихъ.

Въ рѣдкія минуты празднаго раздумья случалось иногда Аннѣ Петровнѣ помыслить о томъ, что судьба занесла ихъ такъ далеко отъ родины сложить кости на чужбинѣ; но Прокофій Трофимовичъ, какъ истинный мудрецъ, тотчасъ прерывалъ это сѣтованіе.

— Человѣкъ прахъ, — говорилъ онъ, — земля есть и въ землю отыдетъ.... Не чужбина тамъ, гдѣ есть храмъ Божій. Молись, пока Господь грѣхамъ тернитъ; а родина общая тамъ, въ будущей жизни.

КОНЕЦЪ.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ВОСПОМИНАНІЯ

О ШЕНБРУНСКОМЪ ЗАМКѢ.

НАПОЛЕОНЪ.

I.

Привязанность Наполеона къ Шенбрунскому замку. — Строгость его дисциплины. — Ожесточенія противъ него Вѣнскаго жителя. — Любопытная встрѣча. — Два портрета. — Ложный Парижанинъ. — Наполеонъ секундантъ своихъ офицеровъ. — Императорскій крестъ за приверженность къ Королевскимъ Людямъ.

Имя Наполеона, такъ же какъ и имя Маріи Антоанеты, начерталось на каждомъ камнѣ Шенбрунскаго дворца. Въ этомъ-то прекрасномъ убѣжищѣ, Наполеонъ, два раза державшій въ побѣдосныхъ рукахъ своихъ жребій Австрійской монархіи, отдыхалъ въ 1805 и 1809 годахъ, отъ военныхъ трудовъ, въ полномъ блескѣ славы. Не много осталось людей, которые видѣли вблизи эти событія этихъ двухъ эпохъ. Большая часть изъ нихъ теперь то же отдыхаетъ.... сномъ вѣчнымъ! Нѣкоторые однакожь пережили своихъ современниковъ, и мнѣ посчастливилось видѣть кое-кого изъ нихъ, мнѣ даже посчастливилось долго разговаривать съ знаменитымъ ветераномъ Европейской дипломатіи, княземъ Меттернихомъ, который, какъ и всѣ старцы, много видѣвшіе на своемъ вѣку, любитъ рассказывать о событіяхъ, начертанныхъ въ его памяти какъ въ историческомъ лексиконѣ, и который самъ составляетъ живую исторію. Онъ сообщилъ мнѣ нѣсколько анекдотовъ о Наполеонѣ, изъ которыхъ многіе или извѣстны мало, или вовсе неизвѣстны. Много писали, много говорили объ этомъ колоссахъ-

номъ человѣкъ, но есть люди, о которыхъ говорить никогда не наскучить, и притомъ на каждомъ полѣ, какъ бы оно ни было чисто сжато, всегда еще остается нѣсколько колосевъ.

Императоръ Наполеонъ въ особенности любилъ Шенбрунъ, и находилъ особенное удовольствіе уединяться въ его садахъ и тѣнистыхъ паркахъ. Часто въ поздній часъ ночи, когда въ Императорской резиденціи Маріи Терезіи все уже спало глубокимъ сномъ, онъ съ наслажденіемъ ходилъ по какой-нибудь темной аллеѣ, деля мечты своей славы, и созерцая въ безоблачномъ небѣ блестящую звѣзду, которую считалъ звѣздой своего неизмѣннаго счастья. Побѣдитель при Арколѣ, при Маренго, при Ваграмѣ, до того любилъ Шенбрунъ, говорятъ жители Вѣны, что непременно бы перевезъ его во Францію на своихъ походныхъ фуригонахъ, если бы только можно было перевозить такимъ образомъ замки, ихъ сады, парки и воду.

Императоръ рѣдко посѣщалъ Вѣну, но Вѣна часто посѣщала Шенбрунъ, чтобъ полюбоваться войсками, которые на полѣ битвы удивляли всѣхъ своей храбростью, а послѣ побѣды—своей умѣренностью и строгимъ порядкомъ. Эти войска, по нѣскольку разъ въ недѣлю, маневрировали на обширномъ дворѣ замка, передъ глазами Императора, стоявшаго на крыльцѣ, въ кругу своихъ маршаловъ. Преданіе живо сохранило память о томъ мѣстѣ, которое обыкновенно занималъ онъ, и его могучая пята, поправшая революцію, оставила неизгладимый слѣдъ на томъ самомъ гранитѣ, по которому прежде ступала нога женщины, справедливо заслужившей въ исторіи имя великаго человѣка,—нога Маріи Терезіи.

Во время перваго занятія Вѣны, Наполеонъ ввѣрилъ начальство надъ ней генералу Кларку, и предоставилъ надзоръ за полиційскимъ порядкомъ самой вѣнской національной гвардіи. Между тѣмъ онъ отдалъ приказъ о соблюденіи самой строгой дисциплины, и неусыпно наблюдалъ за ней, не позволяя своимъ войскамъ прикасаться ни къ чьей частной собственности. Самъ онъ воспользовался только собственностью, принадлежавшей государству, какъ на примѣръ арсеналомъ и публичной кассой. Въ вѣнскомъ арсеналѣ, обширнѣйшемъ въ цѣлой Европѣ, заключалось тогда до двухъ тысячъ пушекъ и такое количество разнаго оружія, что его

было достаточно на сто тысячъ войска. Весь этотъ огромный запасъ сдѣлался приобрѣтеніемъ французской арміи. Неизвѣстно, почему Императоръ Францъ не позаботился заранѣе отправить всю эту громаду оружія за Дунай, гдѣ оно никакъ не досталось бы въ руки побѣдителей. Эта оплошность тѣмъ болѣе удивительна, что онъ, предвидя паденіе Вѣны, приказалъ же вывести изъ нея множество знаменъ и желѣзныхъ касокъ, захваченныхъ у республиканскихъ батальоновъ во время разбитія маршала Белиля подъ стѣнами Праги.

Въ 1809 году, во время вторичнаго вторженія Наполеонова въ Вѣну, всѣ умы были раздражены противъ него гораздо болѣе, чѣмъ въ 1805 году. Кромѣ того, что въ этотъ разъ столкнове-віе обѣихъ непріятельскихъ армій было гораздо значительнѣе, и бой кровопролитнѣе, ненависть къ нему самихъ гражданъ сдѣлалась болѣе общей и болѣе явной. Эта ненависть добрыхъ жителей Вѣны къ своему побѣдителю, который впродолженіи четырехъ лѣтъ два раза водружалъ побѣдоносные орлы свои на башнѣ Св. Стефана, и два раза разбивалъ свои бивуаки на улицахъ ихъ города, очень естественна. Наполеонъ, вполне понимавшій чувства національной гордости, очень хорошо понималъ и то, что народъ, два раза имъ побѣжденный, не можетъ любить его. По этому онъ несколько не удивился, когда, во время вторичнаго вшествія въ Вѣну, какой-то простолюдинъ схватилъ за узду его лошадь, и началъ дѣлать ему жаркіе упреки. Этотъ отчаянный сумасбродъ хотѣлъ даже стащить его за ногу съ лошади. Офицеры, составившіе свиту Императора, бросились на несчастнаго и готовы были изрубить его, но Наполеонъ остановилъ ихъ движеніемъ руки, и нѣсколькими словами совершенно укротилъ запальчивость своего ничтожнаго противника, снова присоединившагося къ толпѣ, шедшей на встрѣчу арміи. « Жители Вѣны! — сказалъ Императоръ, — не бойтесь меня. Случайность войны отворила мнѣ въ другой разъ ворота вашего города, но вы не будете чувствовать ни какихъ другихъ непріятностей, кромѣ той только, что городъ вашъ занятъ иностранцами, и во мнѣ вы всегда найдете скорѣе друга, чѣмъ грознаго побѣдителя. Ваше имущество, ваша собственность, ваша личность и личность вашихъ семействъ останутся

неприкосновенными, и не на меня падеть отвѣтственность въ томъ, если французское знамя слишкомъ долго будетъ развѣваться на башнѣ вашей метрополии».

Послѣ этихъ словъ, произнесенныхъ кроткимъ голосомъ, лица вѣнскихъ жителей прояснились, въ ихъ взорахъ исчезло неприязненное выраженіе, и прощенный виновникъ, прославляя великодушіе Наполеона, принесъ самое искреннее раскаяніе въ своемъ поступкѣ.

Не смотря однакожъ на всю строгость приказаній, отданныхъ о соблюденіи войсками назначенной имъ дисциплины, не смотря на самую строгость наказаній, которыя тотчасъ же слѣдовали за ея нарушеніемъ, личность и собственность вѣнскихъ жителей не всегда были обезпечены.

Однажды Наполеонъ, въ сопровожденіи только двухъ адъютантовъ, прогуливался верхомъ по улицамъ Вѣны. По обыкновенію, онъ былъ въ полковничей формѣ гвардейскихъ егерей, въ которой никто, кромѣ приближенныхъ его, не узнавалъ завоевателя Италіи. Остановивъ лошадь свою, чтобы полюбоваться издали на башню Св. Стефана, онъ сказалъ:

— Что если бы во время бомбардированія Вѣны, бомбы мои, какъ нибудь случайно, разрушили этотъ превосходный памятникъ готической архитектуры: вѣдь это было бы страшное несчастье!

— Артиллеристы Вашего Величества такъ искусны, что у нихъ нѣтъ случайныхъ выстрѣловъ, — отвѣчалъ одинъ изъ офицеровъ.

— Въ этомъ я хоть и согласенъ въ вами, — возразилъ Императоръ, — но бомбы все таки иногда бываютъ слѣпы, особенно ночью.

Въ эту минуту Императоръ замѣтилъ открытую коляску, которая проѣзжала между имъ и его адъютантами, и въ которой сидѣли священникъ и плачущая женщина. Сдѣлавъ кучеру знакъ, чтобы онъ остановился, Наполеонъ спросилъ даму отрывисто:

— Куда вы ѣдете, сударыня?

Молодая и притомъ очень хорошенъкая дама, встревоженная своимъ горемъ, и испуганная рѣзкимъ тономъ, которымъ былъ сдѣланъ этотъ вопросъ, едва могла произнести нѣсколько невнятныхъ словъ.

— Не пугайтесь, сударыня, — прибавилъ Императоръ смягчая голосъ, — вѣдь Французы не Турки.

— О, я это очень хорошо знаю, полковникъ.

— Такъ скажите же мнѣ, куда вы ѣдете?

— Къ Императору Наполеону.

— Вѣрно просить?

— Да, полковникъ.

— Какой вибудь милости?

— Нѣтъ, полковникъ.

— Такъ чего же?

— Правосудія.

— Можете быть увѣрены, что онъ не откажетъ вамъ, если только просьба ваша справедлива.

— Посудите сами: французскіе солдаты разграбили мой деревскій домъ и убили моего садовника, прекраснаго и вѣрнаго человѣка, который до старости служилъ намъ.

— Императоръ непременно сдѣлаетъ вамъ должное удовлетвореніе.

— Надѣюсь. Тѣмъ болѣе, что онъ хорошо знаетъ мое семейство и самъ многимъ обязанъ ему.

— Причина еще болѣе побудительная, — прибавилъ Наполеонъ съ улыбкой.

— Да, полковникъ, если только забывчивость, которая часто случается съ людьми при ихъ возвышеніи, не сдѣлала неблагодарнымъ и маленькаго ученика Бріенской школы.

— Сударыня, — возразилъ сурово Наполеонъ, — есть сердца возмущенныя, которымъ забывчивость несвойственна. Сердце маленькаго ученика Бріенской школы принадлежитъ къ этому разряду.

Молодая женщина, снова испуганная быстрой переменной голоса своего знаменитаго собесѣдника, котораго она однакожь все еще никакъ не считала самымъ Императоромъ, потупила глаза и опять зашлась слезами.

— Имя ваше, сударыня?

— Де Бюни, полковникъ.

— Я спрашиваю имя вашего семейства, которому маленькій ученикъ Бріенской школы такъ много обязанъ?

— Я дочь г. де Морбёфъ.

— Г-на де Морбёфъ!— воскликнулъ Императоръ, пожимая руку хорошенькой дамы, слезы которой въ ту же минуту осушились какъ будто посредствомъ волшебства.

— Да, полковникъ, г-на де Морбёфъ, прежняго губернатора Корсики. Развѣ вы знали его ?

— О, какъ же... По наслыжкѣ. Императоръ будетъ очень радъ видѣть васъ въ Шенбрунѣ. Я поѣду предупредить его, а одинъ изъ этихъ господъ васъ проводить.

Сказавъ эти слова, Наполеонъ быстро поскакалъ съ однимъ изъ офицеровъ, между тѣмъ какъ другой остался проводникомъ дамы, которая больше ужь не плакала.

Черезъ три четверти часа прекрасная просительница была введена въ покои Императора, который все еще оставался въ своемъ полковничьемъ мундирѣ.

— Пожалуйста, — сказалъ Наполеонъ, усаживая ее рядомъ съ собой въ кресла.

— Но можно ли мнѣ будетъ видѣть Его Величество, — сказала г-жа Бюни. Скоро смеркнется, и ночью мнѣ страшно будетъ ѣхать по дорогѣ, занятой солдатами.

— Не бойтесь этого, васъ проводятъ; Императора вы увидите, но прежде взгляните на этотъ портретъ. Тутъ Наполеонъ открылъ не большую коробочку розоваго дерева, съ золотой выкрустаціей, и подалъ ее молодой дамѣ.

— Боже мой!— вскричала она съ восторгомъ, — это портретъ моего отца!... Но по какому случаю, полковникъ, достался вамъ этотъ портретъ, столько дорогой моему сердцу, и можетъ быть единственный, который только остался послѣ отца ?

— Онъ принадлежитъ Императору, который, какъ вы видите теперь сами, не забылъ въ своемъ величїи того, чѣмъ маленькій ученикъ Бриенской школы былъ обязанъ вашему батюшкѣ. Императоръ, — прибавилъ Наполеонъ, — незабывчивъ; напротивъ, онъ чтитъ воспоминанїя какъ святыню. Взгляните на этотъ другой портретъ: это маленький ученикъ Бриенской школы, сдѣлавшійся Императоромъ.

— Великій боже! — вскричала г-жа Бюни, упавая на колѣни передъ Наполеономъ, это портретъ Вашего Величества... Вы...

— Маленькій ученикъ Бріенской школы, — подхватилъ Наполеонъ, поднимая свою посетительницу.

Въ эту минуту, въ комнату ввели нѣсколько мародеровъ, захваченныхъ утромъ.

— Не узнаете ли вы въ числѣ этихъ людей, того, который грабилъ вашъ домъ и убилъ вашего садовника? — спросилъ Наполеонъ.

— Да, Государь, — отвѣчала она тотчасъ же узнавъ убійцу и указавъ на одного изъ мародеровъ, — вотъ онъ.

— Хорошо, — сказалъ Императоръ, — завтра утромъ онъ будетъ разстрѣлянъ.

Кромѣ убійцы садовника, остальные мародеры, участвовавшіе въ грабежѣ, получили прощенье по просьбѣ самой ограбленной хозяйки. Просительница, откланявшись Императору, отправилась въ сопровожденіи конвоя. Въ память о Шенбрунѣ, она взяла съ собой оба портрета, которые Императоръ ей показывалъ, и которые подарилъ ей.

— Деньги мои разхищены, мебель моя переломана, — говорила она входя въ свой опустошенный домъ, — но я теперь богаче, чѣмъ была прежде: я видѣла Императора. Наполеонъ дѣйствительно великій человекъ.

Каждый день, послѣ занятій своихъ надъ громадою текущихъ дѣлъ, Наполеонъ прогуливался въ окрестностяхъ Шенбруна, иногда верхомъ, часто въ каретѣ, и еще чаще пѣшкомъ. Верхомъ онъ всегда скакалъ такъ же быстро, какъ быстро бѣжали мысли въ его головѣ; въ каретѣ онъ читалъ, или лучше сказать пробѣгалъ книги, которыя, никогда не дочитывая, выбрасывалъ въ окно. По этому случаю многія вѣнскія бібліотеки приобрѣли книги, побывавшія въ рукахъ знаменитаго полководца. Наполеонъ не любилъ ни риторовъ, ни философовъ, ни полуученыхъ, которыхъ называлъ *des savantasses*. Полуученные, говорилъ онъ, гораздо опаснѣе для общества и для самой науки, чѣмъ совершенные невѣжды.

Въ одно утро явился въ Шенбрунъ какой-то молодой человекъ, съ листомъ, разрѣшающимъ ему дозволеніе на аудіенцію, и съ огромнымъ прошеніемъ о возвратѣ претерпѣнныхъ убытковъ.

— Ты самъ проситель?—спросилъ его Наполеонъ, пробѣжавъ въ три минуты длинную бумагу.

— Нѣтъ, Ваше Величество, я его племянникъ.

— Почемужь твой дядя неявился самъ?

— По старости лѣтъ.

— Какой ты націи?

— Парижанинъ, Ваше Величество.

— Ты лжешь, молодой человекъ. У тебя нѣмецкой выговоръ.

— Я говорю правду, Государь: съ тѣхъ поръ какъ вы покорили Вѣну, всѣ ея жители сдѣлались Парижанами.

— Твой отвѣтъ довольно остроуменъ,—отвѣчалъ Императоръ, осматривая его съ ногъ до головы, и можетъ быть понравился бы мнѣ, если бы только не былъ лестью непростительной на языкъ вѣнскаго уроженца. Исторія Вѣны такъ славна, что каждый ея уроженецъ долженъ гордиться такой колыбелью. Я люблю вѣнскій народъ, онъ откровененъ, общежителенъ, щедръ, не такъ положителенъ какъ жители Сѣверной Германіи; любитъ удовольствія, любитъ славу; у него есть свой собственный національный умъ, есть вѣрность, есть храбрость и преданность къ своимъ государямъ. Ты неправъ, молодой человекъ, что ты не хотѣлъ объявить мнѣ прямо и гордо свое вѣнское происхожденіе.

Послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія, Наполеонъ прибавилъ:

— Какимъ ремесломъ ты занимаешься, господинъ лстецъ?

— Книгопродавецъ, къ услугамъ Вашего Величества.

— Книгопродавецъ?—вскричалъ Императоръ,—я не очень люблю идеологовъ и еще меньше книгопродавцевъ, которые двѣ вредныхъ писателей то же, что укрыватели для мошенниковъ. Исключаю только изъ этого числа книгопродавцевъ честныхъ, которые, уважая сами себя, уважаютъ и своихъ покупателей. Но такіе встрѣчаются очень рѣдко.

— Что прикажете сказать, Государь, моему дядѣ, если Вашему Величеству неугодно будетъ уважить мою просьбу?

— Пересказать ему этотъ разговоръ... Сколько онъ требуетъ за свои убытки?

— Три тысячи флориновъ.

— Я велю сдѣлать повѣрку, и если требованіе его окажется справедливо, эта сумма, по его желанію, будетъ отдана въ пользу бѣдныхъ. Ступай молодой человекъ и брось свое ремесло книгопродавца, которое поведетъ тебя прямо къ чорту.

Было время, когда эпидемія дуэлей до того распространилась во Франціи, что даже такой докторъ, какъ Ришелье, и такое лекарство, какъ висѣлица, не могли совершенно прекратить ее. Французскія войска, занимавшія Вѣну и Шенбрунъ, то же сильно страдали этой эпидеміей. Наполеонъ, докторъ едва ли не болѣе искусный самаго великаго министра Лудовика XIII, попробовалъ уничтожить болѣзнь коротенькой прокламаціей и однажды написалъ слѣдующій приказъ: «Всѣ офицеры, унтеръ-офицеры и солдаты, которые за какую нибудь ничтожную вещь вызовутъ другъ друга на дуэль *въ землю непріятельской*, будутъ объявлены измѣнниками». Несмотря на эту, такъ же довольно сильную мѣру, Савари, въ одинъ вечеръ, донесъ ему, что два отличные гвардейскіе офицера поссорились и хотятъ, на другой день, драться.

— Вамъ извѣстна причина ссоры?—спросилъ Императоръ.

— Да, Государь, причина довольно важная, — сказалъ Савари съясъ. — Споръ зашелъ о томъ, какая женщина умѣетъ сильнѣе любить: брюнетка или блондинка. Одинъ защищалъ одну сторону, другой другую — и поссорились.

— Какое сумасшествіе! — воскликнулъ Наполеонъ, то же засмѣявшись. Этотъ вопросъ должна будетъ разрѣшить Жозефина; а вы между тѣмъ подите узнайте часъ и мѣсто дуэли.

Савари исполнилъ приказаніе и черезъ нѣсколько минутъ доставилъ Императору самыя подробныя свѣденія.

На другое утро, два противника явились на мѣсто дуэли съ самою строгою точностью и обнажили уже шпаги, какъ вдругъ Наполеонъ показался изъ-за деревьевъ. «Ваши шпаги должны выниматься только противъ непріятеля, — сказалъ онъ строго, окаменѣвшимъ отъ ужаса противникамъ. Потомъ прибавилъ голосомъ болѣе кроткимъ: Я заступаю мѣсто вашего секунданга и разрѣшу вамъ споръ, причину котораго знаю. Любовь точно такъ же хорошо можетъ выражаться въ голубыхъ глазахъ, какъ и въ черныхъ, только мы лучше видимъ ее въ тѣхъ, которые намъ больше

нравятся, следовательно вы оба правы. Я такъ же правъ съ своей стороны, не допустивъ одного изъ васъ убить другаго, потерю котораго была бы для меня потерей хорошаго офицера.

Помирившіяся противники снова встрѣтились вечеромъ, но уже съ бокалами въ рукахъ и за столомъ Императора.

Въ 1809 году, въ окрестностяхъ Гитцинга, очень не далеко отъ Шенбруна, жилъ одинъ старый эмигрантъ, который служилъ еще въ арміи Конде и потомъ перешелъ въ духовное званіе. Перемѣнивъ званіе, баронъ де Монъ-Люкъ (такъ звали эмигранта) не перемѣнилъ вмѣстѣ съ тѣмъ своихъ политическихъ вѣрованій. Знамя съ древнимъ гербомъ Франціи, тремя лиліями, сабля, пара пистолетовъ и крестъ Св. Лудовика, остались ему единственными воспоминаніями прежней военной жизни. Свято хранилъ эти вещи, баронъ де Монъ-Люкъ никакъ не думалъ, что онѣ еще разъ могутъ подвергнуть опасности его тихую жизнь. Солдаты корпуса Массены увидѣвъ въ скромномъ жилищѣ его это знамя и крестъ, бросились на старца съ ожесточеніемъ, и одинъ изъ нихъ такъ сильно ударилъ барона, что онъ упалъ безъ чувствъ. Какъ только это происшествіе дошло до Императора, главный виновникъ тотчасъ же былъ преданъ суду и приговоренъ къ смерти. Узнавъ объ этомъ въ свою очередь, старый эмигрантъ, еще больной и слабый, явился въ Шенбрунъ и упалъ къ ногамъ Наполеона, испрашивая помилованія своему оскорбителю, но въ этомъ случаѣ всѣ просьбы его были тщетны: Наполеонъ остался непоколебимъ въ томъ, что онъ называлъ необходимою примѣра. Все, что могъ испросить баронъ де Монъ-Люкъ, была только отсрочка казни на двадцать четыре часа, въ продолженіи которыхъ благочестивый старецъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ приготовить къ смерти того, кому немогъ спасти жизнь. Въ этомъ отношеніи онъ достигъ своей цѣли: виновный умеръ, какъ христіанинъ, съ чистымъ раскаяніемъ. Узнавъ о такомъ благородномъ поступкѣ, Наполеонъ самъ захотѣлъ посѣтить старца, и на другой же день отправился къ нему вмѣстѣ съ генераломъ Рапшомъ. I входъ Императора, старый эмигрантъ тотчасъ хотѣлъ убрать знамя съ изображеніемъ лилій, но Наполеонъ остановилъ его,

почтительно снялъ шляпу передъ этимъ бѣлымъ знаменъ и сказалъ :

«Слава Франціи, въ какой бы цвѣтъ ни была облечена она, всегда близка моему сердцу. Знамя, которое хотѣли вы скрыть отъ меня, было въ прошедшихъ вѣкахъ точно такимъ же символомъ этой славы, какимъ будетъ мое въ будущихъ. Я никакъ нехочу, чтобы мои орлы истребили память о лиліяхъ. Побѣды при Мариньянѣ, Нортлингѣ, Фонтеноа сдѣлали бы честь и моимъ орламъ. Бѣлое знамя показало дорогу трехцвѣтному : оно дало Франціи твердость и могущество, сдѣлало ее обладательницей полусвѣта, и кто истинно любитъ Францію, тотъ навсегда долженъ сохранить воспоминаніе о немъ. Оставьте же это знамя между крестомъ св. Лудовика и вотъ этимъ, который вы вполне достойны носить».

При этихъ словахъ, Наполеонъ снялъ съ себя орденъ, который онъ создалъ въ Булонскомъ лагерѣ, и прикрѣпилъ его къ рясу стараго солдата, сражавшагося подъ знаменами Генриха IV и Лудовика XIV.

Баронъ де Монъ-Люкъ умеръ въ 1837 году, восьмидесяти четырехъ лѣтъ.

II.

Почной визитъ. — Человѣколюбіе вѣнскихъ жителей. — Сестры милосердія. — Похороны австрійскаго полковника. — Расположеніе французской арміи. — Трубка генерала Удино. — Награда роялисту. — Сужденіе Наполеона о французской революціи. — Счастье приходитъ во снѣ.

Въ началѣ октября 1809 года, въ темный и дождливый вечеръ, Наполеонъ отправился въ Вѣну, въ сопровожденіи только двухъ генераловъ, Раппа и Дюрока. Мрачный и молчаливый сидѣлъ онъ въ каретѣ и, казалось, былъ погруженъ къ глубокія размышленія. Генералы сидѣли напротивъ.

— Чортъ меня возьми, если я хоть сколько нибудь понимаю, гдѣ мы ѣдемъ въ Вѣну, сказалъ Раппъ тихимъ голосомъ своему товарищу.

— Еслибы у Императора была другая любовница, кромѣ славы,

отвѣчалъ Дюрокъ такъ же тихо, тогда бы я подумалъ, что мы провожаемъ его на свиданье.

— И ты бы ошибся, сказалъ Наполеонъ, вслушавшись въ ихъ слова.

— Кудажь вы насъ везете, государь ?

— На свиданье надгробное.

— Для чего же ?

— Чтобъ помечтать о ничтожествѣ человѣческой славы.

Черезъ четверть часа карета остановилась на площади мучнаго рынка. Императоръ и оба его генерала вошли, въ сопровожденіи капуциновъ, освѣщавшихъ имъ путь факелами, въ длинныя галереи монастыря, молчаливаго какъ могила, и спустились въ погребальный склеп императорскаго Австрійскаго дома. Это послѣднее жилище было великолѣпно освѣщено, и волны пламени ярко отражались на коронахъ и разбитыхъ скипетрахъ. Императоръ, съ отъкрытой головой, быстро прошелъ между двойнымъ рядомъ гробницъ и преклонилъ колѣно передъ великолѣпнымъ памятникомъ, воздвигнутымъ надъ знаменитымъ прахомъ Маріи Терезіи.

— Здѣсь покоится Наполеонъ Австрійской имперіи, сказалъ онъ приподнимаясь; и потомъ прибавилъ: гдѣ будетъ покоиться Наполеонъ французской имперіи ?

— Въ Сен-Дени, подхватилъ быстро Дюрокъ.

— Въ Сен-Дени ! воскликнулъ Наполеонъ ; но развѣ оно не опрофанировано руками революціи ? Народъ, въ своемъ изступленіи не пощадилъ даже праховъ Тюрена, Лудовика XIV, Генриха IV, — Генриха IV, единственнаго короля, о которомъ память еще сохраняется въ этомъ же самомъ народѣ.... Австрійскіе императоры счастливыѣ французскихъ королей : они нестрашатся преступной руки, готовой разсыять прахъ ихъ по вѣтру. Ужасная вещь революція !

— Съ которой вы и поступили какъ слѣдуетъ.

— Этотъ подвигъ будетъ самымъ славнымъ въ моей исторіи.

— Франція никогда его не забудетъ.

Наполеонъ обвелъ задумчивымъ взоромъ длинный рядъ гроб-

ницъ и грустно сказалъ : — Такъ вотъ что осталось теперь отъ этихъ цезарей, имена которыхъ наполняли вселенную ! Горсть праха, покрытая кускомъ бархата; эпитафія, начертанная рукой придворнаго на золотой доскѣ; свинцовый гробъ вмѣсто трона; бѣдные монахи вмѣсто стражи ! О тщета человѣческой славы ! черезъ нѣсколько времени то же самое останется вамъ и отъ героя Пирамидъ и Ваграма ?

— Одно только вѣчно здѣсь, прибавилъ онъ потомъ, и указалъ на крестъ, осѣнявшій обломки скипетровъ.

Было три часа утра, когда Императоръ, которому первая гробница суждена была на островѣ св. Елены, возвратился въ Шенбрунъ печальный и молчаливый. Быть можетъ орлиный взоръ Наполеона провидѣлъ, что можетъ съ нимъ случиться въ будущемъ.

Каждыя двѣ недѣли Императоръ ѣздилъ въ Вѣну для осмотра госпиталей, въ которые были перевезены всѣ раненые подъ Эсслингомъ и Ваграмомъ. Число этихъ страдальцовъ войны было огромное, потому что оба сраженія были страшно кровопролитны, особенно Ваграмское, гдѣ изъ трехъ сотъ тысячъ человѣкъ сорокъ четыре тысячи легло на мѣстѣ, подъ огнемъ тысячи ста орудій.

Всѣ историки, писавшіе объ этой достопамятной эпохѣ, умолчали о великодушнѣ австрійцевъ къ ихъ побѣдителямъ, которые уже въ другой разъ обременяли ихъ столицу — и тысячами своихъ раненыхъ и постоемъ своихъ войскъ. Да будетъ позволено намъ отдать въ этомъ случаѣ справедливость прекраснымъ жительницамъ Вѣны: онѣ сами ухаживали за ранеными, и ихъ нѣжныя попеченія были едва ли не дѣйствительнѣе всѣхъ медицинскихъ пособій полковыхъ докторовъ. Часто самыя знатныя дамы, скрывъ высокій родъ свой подъ скромнымъ фартукомъ сестры милосердія, проводили цѣлыя дни въ печальномъ пріютѣ скорби и болѣзни, для того чтобъ усладить послѣднія минуты страдальца, въ которомъ не видали уже болызе врага, а видѣли только человѣка и брата .. Одна христіанская религія можетъ вдохнуть такое высокое милосердіе !

Каждый разъ, когда Наполеонъ посѣщалъ госпитали, онъ никакъ не пропускалъ случая изъявлять самую живую благодарность

этими произвольными сидѣлками, которыхъ онъ встрѣчалъ тамъ, и которые на дверяхъ временныхъ гошпиталей, принятыхъ или подъ свое покровительство, начертали слѣдующія превосходныя слова: *Для милосердія всѣ страдалцы соотечественники!* Присутствіе Императора было такъ же, въ своемъ родѣ, благодѣтельно для больныхъ, какъ и попеченія дамъ. Онъ останавливался передъ каждой постелей, говорилъ каждому нѣсколько утѣшительныхъ словъ, — и эти слова производили магическое дѣйствіе. «Одипъ взгляды его, говорилъ знаменитый докторъ Корвизаръ, часто бываетъ лучше всѣхъ нашихъ лекарствъ.» Очень естественно, что похвала или награда Императора, потрясавшая пріятно фибры больного, должна была производить благодѣтельную реакцію.

Постоянныя сношенія раненыхъ съ ихъ добрыми и прекрасными сидѣлками послужили поводомъ ко многимъ романтическимъ эпизодамъ, изъ которыхъ многіе и до сихъ поръ еще помнятся по преданіямъ. Мы расскажем здѣсь одинъ изъ нихъ. Молодой кавалерійскій поручикъ Руфъ, родомъ изъ Ліона, получивъ тяжелую рану, пулей въ грудь, которую доктора считали смертельной, былъ по этому случаю совершенно оставленъ ими на произволь судьбы, которая съ своей стороны передала его попеченіямъ молодой дѣвушки, Лины Шефферъ. «Какое несчастье, говорила она, услышавъ страшный приговоръ докторовъ, какое несчастье, если этотъ молодой человѣкъ въ самомъ дѣлѣ долженъ умереть! Онъ такой хорошенькій, и, кажется, такой добрый!» Руфъ въ самомъ дѣлѣ былъ замѣчательнъ своей красотой. И притомъ, когда въ бреду горячки, онъ призывалъ свою мать, голосъ его, прерывающійся отъ страданій, былъ такъ тихъ, такъ кротокъ. «У него есть и мать, говорила Лина; бѣдная женщина, каково ей будетъ узнать о его смерти, не закрывъ ему глазъ, не принявъ послѣдняго его вздоха! Господи! помоги мнѣ спасти его!...» И ухвативъ на колѣни у постели больного, она начала молиться со всѣмъ жаромъ чистой души своей. Молитва ея была услышана: больному стало лучше. Докторъ отмѣнилъ свой приговоръ, удвоилъ свои попеченія, Лина то же — и больной наконецъ началъ вставать съ постели.

Къ лазарету примыкалъ огромный, тѣнистый садъ. Выздоровли-
вающій поручикъ началъ ежедневно прогуливаться въ немъ, опи-
раясь на руку своей юной Антигоны; и такъ какъ онъ не былъ
слѣпъ, то очень скоро замѣтилъ въ глазахъ ея выраженіе чувства
больше нѣжнаго, чѣмъ простое участіе. Лина была премиленькая
блондинка. Нума Руфъ тоже страстно полюбилъ ее и рѣшился
посвятить ей жизнь, которую она ему возвратила. Но въ этомъ
случаѣ встрѣтилось препятствіе.

Молодой поручикъ ничего не имѣлъ, кромѣ своихъ эполетъ и
креста почетнаго легіона. Отецъ Лины былъ богатый негодіантъ,
и рѣшительно отказалъ ему въ рукѣ своей дочери. Этотъ отказъ
такъ сильно огорчалъ молодаго человѣка, что онъ снова занемогъ,
и на этотъ разъ не имѣлъ даже того утѣшенія, чтобы Лина хо-
дила за нимъ: отецъ перервалъ всѣ сношенія между ими.

Въ такомъ положеніи было дѣло, когда Наполеонъ узналъ о
вѣжѣ. Руфъ былъ храбрый, отличный офицеръ, любимый цѣлымъ
полкомъ. Императору стоило сказать только слово, чтобы сдѣлать
его счастливымъ, и онъ это сдѣлалъ; отецъ Лины не смѣлъ про-
тивиться волѣ того, кому немогла противиться цѣлая Европа.
Черезъ восемь дней молодые люди были обвѣнчаны въ часовнѣ
Шенбрунскаго дворца.

Черезъ нѣсколько дней послѣ своего почнаго визита въ мона-
стырь капуциновъ, Наполеонъ отправившись навѣстить своихъ ра-
неныхъ, которыхъ онъ называлъ : *sa noblesse militante*, узналъ,
что наканунѣ умеръ австрійскій полковникъ Веверъ, раненый
на Ваграмскомъ сраженіи, и что въ два часа будутъ его похо-
роны. Императоръ посмотрѣлъ на часы ; онѣ показывали 12.
« О, еще есть время » сказалъ онъ, и на листочкѣ своей записной
книжки написалъ слѣдующія слова : « Вѣнскій комендантъ ровно
въ два часа пришлетъ, къ церкви св. Стефана, баталіонъ въ полной
формѣ. « Наполеонъ ».

Ровно въ два часа печальная церемонія приблизилась къ церкви;
въ тоже время назначенный баталіонъ выстроился передъ главнымъ
ее входомъ, и отдалъ честь приближающемуся гробу, за которымъ
слѣдовалъ французской полковникъ въ гвардейскомъ егерскомъ

мундиръ и множество офицеровъ французскаго главнаго штаба. Этотъ полковникъ былъ самъ Наполеонъ. Батальонъ французскихъ войскъ проводилъ австрійскаго офицера до могилы и отдалъ ему всѣ должныя военныя почести. Наполеонъ умѣлъ привлечь къ себѣ самыхъ своихъ непріятелей. Такой поступокъ привелъ въ восторгъ всѣхъ вѣнскихъ жителей, которые въ тотъ же день поднесли ему благодарственный адресъ.

Расположивъ свои войска вокругъ Вѣны такъ, что могъ ихъ быстро стаянуть на каждомъ пунктѣ, Наполеонъ съ тѣмъ вѣстѣмъ давалъ имъ самый пріятный отдыхъ послѣ трудовъ, въ странѣ здоровой, прекрасной и изобильной. Онъ любилъ заботиться о здоровьѣ и продовольствіи своихъ солдатъ, любилъ награждать заслуги и подвиги. Въ это время онъ оказалъ много милостей войскамъ и особенно раненымъ, и въ это же время сдѣлалъ маршалами Франціи генераловъ Макдональда, Мармона и Удино. Удино, извѣстный своею храбростію, и принявшій начальство надъ двѣнадцатымъ корпусомъ, на мѣсто Лана, много способствовалъ выиграну Ваграмской битвы, чѣмъ заслужилъ особенное благоволеніе Императора. Наполеонъ подарилъ ему богатую трубку съ надписью: « Тамъ, гдѣ онъ, всѣ безопасны кромѣ его самого ».

Въ числѣ людей, занимавшихъ различныя должности при Шенбрунскомъ дворцѣ, былъ одинъ старый архитекторъ, который служилъ потомъ во французской королевской стражѣ Швейцарскихъ стрѣлковъ, но послѣ 10 августа, когда королевское знамя замѣнилось республиканскимъ, снова возвратился на родину, желая провести остатокъ дней своихъ въ мирѣ и спокойствіи. Наполеонъ захотѣлъ видѣть этого стараго солдата, свято исполнившаго долгъ своей службы. Глубокій рубецъ на лбу Германа служилъ доказательствомъ, что онъ не щадилъ себя въ тотъ страшный день, когда былъ низпровергнутъ тронъ Франціи. Онъ разсказалъ Императору всѣ событія этой мрачной драмы, которой онъ былъ и зрителемъ и актеромъ до той минуты, когда гибельный ударъ спасъ его отъ стыда, какъ говорилъ онъ, сдаться негоднымъ мошенникамъ. О, еслибъ Лудовикъ XVI послушался совѣтовъ достойной дочери Маріи Терезин, продолжалъ Германъ, еслибы его не ужасала мысль пролить кровь людей, которые сами потомъ

оливали ее пѣлыми рѣками, и еслибы наконецъ онь позво-
тъ дѣйствовать намъ—онъ былъ бы спасенъ. Онъ бы непред-
дѣлъ тогда передъ преступное собраніе, которое заключило его
Тампль, чтобъ оттуда повезти на эшафотъ, и быть можетъ 24-е
варя не было бы въ исторіи Франціи числомъ чудовищнымъ.

— Что же было съ тобой послѣ 10-го августа?—спросилъ На-
леонъ.

— Спасенный однимъ національнымъ гвардейцемъ и перене-
нный въ домъ къ нему, я, едва живой отъ ранъ, которыхъ
лучилъ семь, пережилъ однакожъ убійство моихъ товарищей.
справившись въ здоровьѣ, я оставался въ Парижѣ до 16-го октября.
этотъ день Король былъ обреченъ на жертву, Королева
же. На другое утро я отправился въ Вѣну. Вотъ вся моя
сторія, Государь.

— Это исторія храбраго и честнаго человѣка, который заслу-
живаетъ награды. Какой ты желаешь?

— Итъ счастье пожать руку человѣка, который уничтожилъ
анцузскую революцію.

— Вотъ тебѣ, вѣсть съ моей рукой, почетный крестъ. Ты
однѣ достоинъ носить его. И пожавъ руку старика, Наполеонъ
дѣлъ на него свой собственный крестъ.

Однажды, когда Императоръ разсуждалъ съ княземъ Меттерни-
емъ о французской революціи и по поводу ея о судьбахъ Европы,
онъ сказалъ слѣдующія замѣчательныя слова: «французская
революція была такимъ потокомъ, стремленіе котораго немогла
становитъ никакая сила человеческая. Еслибы я былъ на мѣстѣ
Людвика XVI, я попробовалъ бы однакожъ побороться съ ней;
тъ можетъ, я побѣдилъ бы ее, но незнаю навѣрное. Знаю
лько то, что я бы неумеръ на эшафотъ».

Возвращаясь, въ одинъ прекрасный сентябрьскій вечеръ, съ про-
бли по окрестностямъ Шенбруна, который Наполеонъ такъ
любилъ, онъ увидѣлъ на дорогѣ лежащую женщину, которая
льво страдала. Это была крестьянка. Объяснилось, что она за-
увъ на своей тележкѣ, упала съ нее и переломила себѣ ногу.

— На этотъ разъ пословица не совсѣмъ справедлива, сказалъ
наполеонъ сопровождавшимъ его офицерамъ, *не всегда во силѣ
приходитъ счастье.*

— А почему знать, отвѣчалъ Савари, что этотъ безвремен-
ный сонъ дѣйствительно не принесетъ ей счастья.

Наполеонъ, который немножко ужъ раскаявался, что онъ по-
утилъ надъ несчастьемъ бѣдной женщины, велѣлъ положить ее
свою карету, и самъ перевезъ больную въ ея хижину. Черезъ
тъ, одинъ изъ лучшихъ докторовъ Императора перевязалъ ногу

крестьянки. Въ этотъ день Наполеонъ былъ въ своемъ историческомъ свѣтомъ сюртукѣ и въ своей маленькой трехугольной шляпѣ; крестьянка, вовсе незнавшая этого историческаго костюма, никакъ немогла догадаться, кто о ней такъ заботится.

— Ахъ, какой добрый этотъ господинъ Французъ, сказала она доктору, когда перевязка ноги была кончена, безъ него я могла бы умереть на дорогѣ. Но Господи, Боже мой! чѣмъ же я буду кормить себя и моихъ двухъ дѣтей, пока выздоровлю. Безъ работы мнѣ никто не дастъ денегъ.

— Объ этомъ не беспокойся, сказалъ докторъ; господинъ Французъ, который заботится о твоёмъ здоровьи, не дастъ умереть съ голоду ни тебѣ, ни твоимъ дѣтямъ. Посмотритко, что онъ прислалъ тебѣ.

Тутъ докторъ высыпалъ на старый, деревянный столъ, топорной работы, тысячу франковъ золотомъ.

— Ахъ, добрый господинъ Французъ, воскликнула крестьянка, которой тысяча франковъ казалась несмысленнымъ богатствомъ, и которая то смѣялась, то плакала отъ восторга, ахъ, добрый господинъ Французъ! Денно и ночью буду я съ моими дѣтями, молить за него Бога!...

Болѣе двухъ мѣсяцевъ докторъ, по приказанію Императора, ежедневно навѣщалъ больную, которая въ состояніи была наконецъ приняться за свои сельскія работы. Первымъ желаніемъ ея, по выздоровленіи, было идти въ Шенбрунъ, благодарить добраго господина Француза. Наполеонъ, предупрежденный объ этомъ, принималъ ее очень милостиво, вошелъ во всѣ подробности ея положенія, и узналъ, что она еще очень недавно овдовѣла, потерявъ мужа въ Еслингскомъ сраженіи. Эта горькая потеря бѣдной женщины, ея слезы благодарности, ея двое сиротъ тронули Наполеона, и онъ приказалъ выдать ей еще тысячу франковъ.

Пословица, надъ которой посмѣялся Наполеонъ, оправдалась: сонъ принесъ бѣдной женщинѣ счастье. Она живетъ до сихъ поръ въ чистомъ, красивомъ домикѣ, замѣнившемъ полуразвалившуюся хижину, и окруженномъ виноградными лозами; до сихъ поръ молить Бога за Императора, и никакъ нехочетъ повѣрить, что онъ умеръ.

(Окончаніе въ слѣд. книгѣ.).

ВОСПОМИНАНІЯ

О ШЕНБРУНСКОМЪ ЗАМКЪ.

НАПОЛЕОНЪ.

III.

Клостенбургскій монастырь.—Легенда о его построеніи.—Неудачная спекуляція.—Гроза съ золотымъ дождемъ.—Капралъ-Императоръ.—Императоръ кумъ маршталташа. — Импровизированная кавалерія. — Осель основатель счастья. —

Гордый узникъ.

Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Вѣны, на одномъ изъ самыхъ живописныхъ мѣсть, раскинувшихся по берегамъ Дуная, и на выздѣ изъ маленькаго городка Клостенбурга, есть богатый монастырь, монахи котораго принадлежать къ Августинскому ордену. До войны, или собственно до революціи 1848 года, которая лишила его имѣній, одного вина, съ принадлежавшихъ ему виноградниковъ, поступало ежегодно въ огромный погребъ его до ста тысячъ боченковъ. Кромѣ того въ этомъ монастырѣ есть большое собраніе драгоценныхъ рѣдкостей и многія произведенія искусства, напоминающія почителю исторію и легенды среднихъ вѣковъ. Однажды Наполеонъ, въ сопровожденіи Мюрата, Бертье и Себастіани, приѣхалъ въ монастырь неожиданно. Монахи, которые въ это время обѣдали, тотчасъ же узнали его.

— Вамъ здѣсь хорошо, — сказалъ Императоръ, — и я никакъ не хочу прерывать вашего обѣда. Во Франціи есть пословица, которая не велитъ мѣшать тому, кто обѣдаетъ.

Онъ осмотрѣлъ монастырь во всѣхъ его подробностяхъ, многому удивляясь, и многое критикуя, глядя потому, что находилъ достойнымъ похвалы или порицанія. Въ особенности понравилось ему мѣстоположеніе, оживленное быстрымъ Дунаемъ. Его вопросы, его отвѣты, его замѣчанія удивляли, и съ тѣмъ вмѣстѣ приводили въ восхищеніе монаховъ, предубѣжденныхъ, какъ и всѣ Австрійцы, противъ счастливаго побѣдителя.

— Какой школы богословія слѣдуете вы, преподобный отецъ, — спросилъ онъ настоятеля: — св. Августина или св. Томаса?

— И той и другой, — отвѣчалъ монахъ, — выбирая то, что есть въ нихъ лучшаго.

— Я поступаю точно такъ же во всемъ, — сказалъ Императоръ. Я такъ же, какъ вы, придерживаюсь системы эклектиковъ.

— И надобно сказать правду, — прибавилъ монахъ, — что эта система удастся Вашему Величеству какъ нельзя лучше.

— Богатъ вашъ монастырь?

— Нѣтъ, Государь.

— Отчего же?

— Военные налоги истощили нашу казну.

— Въ такомъ случаѣ я потребую отъ васъ только шесть тысячъ флориновъ золотомъ, вмѣсто двадцати, въ которыхъ имѣю надобность.

Монахи могли заплатить наличными деньгами только двѣ тысячи флориновъ, а въ остальныхъ выдали обязательство.

Отвѣдавъ закуску, предложенную ему монахами, и выпивъ вина 1757 года, изъ стакана, хранящагося съ тѣхъ поръ въ монастырѣ, какъ драгоценность, Наполеонъ сошелъ въ монастырскій погребъ, гдѣ много смѣялся надъ уродливой величавой бочки, заключающей въ себѣ до трехъ сотъ тысячъ литръ. Потомъ онъ посѣтилъ сокровищницу, гдѣ между прочимъ увидѣлъ, въ богатомъ ковчегѣ, женское покрывало. Узнавъ, что оно хранится въ монастырѣ съ самаго его основанія, Императоръ пожелалъ узнать его исторію. Вотъ что рассказали ему:

Въ лѣто отъ Рождества Христова 1200, герцогъ Леопольдъ, проигрывая сраженіе, которое рѣшало судьбу его государства,

сошелъ съ лошади, и передъ крестомъ, составлявшимъ рукоять его меча, далъ клятву соорудить церковь, если только Богъ позоветъ ему выиграть сраженіе. Обѣтъ его вѣроятно былъ угоденъ Богу, потому что непріатели, какъ будто бы пораженные паническимъ страхомъ, вдругъ обратились въ бѣгство, и впоследствии герцогъ заставилъ ихъ подписать миръ, какой ему было угодно.

Желая привести въ исполненіе обѣтъ свой, Леопольдъ, вмѣстѣ съ супругой своей Агнесой, ежедневно прогуливался по окрестностямъ своего замка, потому что ему хотѣлось выбрать и мѣсто шолнѣ достойное того храма, который онъ задумалъ воздвигнуть. Но окрестности Вѣны такъ хороши вообще, что нерѣшительность герцога въ выборѣ той или другой мѣстности продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ, въ одинъ вечеръ, Агнеса, прогуливаясь съ нимъ, сказала:

— Пора, государь, исполнить вамъ обѣтъ, данный Богу. Дальнѣйшая медленность въ его исполненіи можетъ навлечь на васъ несчастье. — Едва только произнесла она эти слова, какъ сильный порывъ вѣтра сорвалъ съ головы ея покрывало и унесъ его изъ вида двухъ супруговъ.

— Этотъ вѣтеръ не простой вѣтеръ, — сказалъ герцогъ: — чувствовала ли ты въ ту минуту, когда онъ пролетѣлъ надъ твоей головой, какое-то благоуханіе, несравненно болѣе пріятное того фиціана, который курится въ кадильницахъ нашей церкви.

— Быть можетъ это указаніе небесное, — отвѣчала Агнеса; — пойдемъ въ ту сторону, куда улетѣло покрывало, и на томъ мѣстѣ, гдѣ найдемъ его, воздвигнемъ церковь.

— Да будетъ! — сказалъ герцогъ, и болѣе часа шли они по направлению вѣтра, но всѣ поиски ихъ были тщетны: нигдѣ не видали они покрывала, и наконецъ ночь заставила ихъ возвратиться въ замокъ, не отыскавъ его. На другой день была назначена охота. Герцогъ хотѣлъ отдать приказаніе всѣмъ участвующимъ въ ней, отыскивать покрывало, но Агнеса была увѣрена, что самъ случай непременно приведетъ его къ тому мѣсту. Съ разсвѣтомъ дня, окрестные лѣса огласились звукомъ роговъ; Леопольдъ выѣхалъ на охоту съ многочисленной свитой; день кло-

лился уже къ вечеру, герцогъ съѣхалъ и горы и доли, но покрывала нигдѣ не видалъ, какъ вдругъ явилась передъ нимъ бѣлая лань. Глаза ея горѣли какъ звезды. Герцогъ сотворилъ молитву, и поскакалъ за ланью, которая привела его къ цѣпи высокихъ холмовъ. На дворѣ совсѣмъ уже смерклося, но луна свѣтила какимъ-то особеннымъ блескомъ, который былъ ярче солнечнаго. Наконецъ лань остановилась на вершинѣ холма, передъ развѣсистымъ дубомъ. Собаки, окружившія ее, не смѣли приблизиться къ ней, и только тихо рычали, какъ будто чувствуя какой-то тайный страхъ. Блестящія глаза лани устремились на зеленый, развѣсистый дубъ. Герцогъ поднялъ голову, взглянулъ по тому же направленію, и увидѣлъ на одной изъ вѣтвей дуба покрывало благочестивой герцогини. Лань въ ту же минуту исчезла....

Церковь, которая и теперь стоитъ еще на вершинѣ *Леопольдсберга*, есть исполненіе обѣта герцога Леопольда; покрывало, которое хранится въ Клостернбургскомъ монастырѣ—это покрывало герцогини Агнесы.

Передъ отъѣздомъ изъ монастыря, Наполеонъ приказалъ настоятелю прислать въ Шенбрунъ восемь тысячъ бутылокъ лучшаго вина изъ монастырскаго погреба, въ которомъ въ то время было до ста тысячъ бочекъ. Для пріемки вина былъ назначенъ интендантъ Мюллеръ, и на другое же утро, въ то самое время, когда Наполеонъ на дворѣ шенбрунскаго замка дѣлалъ смотръ своей гвардіи, вино привезли. Тотчасъ же приказавъ раскупорить бутылку, и взявъ стаканъ изъ рукъ Савари, Императоръ провозгласилъ слѣдующій тостъ: *Пью здоровье Франціи и храбрыхъ ея солдатъ, которые своимъ непоколебимымъ мужествомъ возвели первую въ число первостепенныхъ державъ!* Крики: да здравствуетъ Императоръ! раздавшіеся по всей линіи войска, были отвѣтомъ на этотъ тостъ.

Между тѣмъ Наполеонъ, выпивъ стаканъ, нахмурилъ брови, потому что вино было гораздо хуже того, которое онъ пилъ въ монастырѣ, наканунѣ. Мюллеръ былъ позванъ и спрошенъ о причинѣ такого подмѣна. Поблѣднѣвъ, онъ отвѣчалъ, что въ этомъ, вѣроятно, виновата перевозка по тряской и гористой

дорогъ, и что вино, постоявъ дни два, должно будетъ получить опять свой прежній вкусъ. Два дня прошли, но вино все было прескверное и нисколько не улучшалось. Это страшно разсердило Наполеона; онъ послалъ къ монахамъ Савари съ строгимъ выговоромъ, но монахи представили ясныя доказательства, что они отпустили для Императора лучшее свое вино. Савари началъ подозрѣвать интенданта Мюллера, и по дальнѣйшимъ розыскамъ открылось, что Мюллеръ везъ вино черезъ Вѣну, гдѣ дѣйствительно перемѣнилъ его, получивъ за этотъ обмѣнъ сто двадцать тысячъ франковъ. Эта выгодная спекуляція не удалась однако же Мюллеру: въ двадцать четыре часа онъ былъ осужденъ и разстрѣлянъ передъ самыми погребомъ Кlostербургскаго монастыря.

Кромѣ смотровъ въ Шенбрунѣ, Наполеонъ часто осматривалъ корпуса свои, расположенные въ окрестностяхъ Вѣны, на самыхъ мѣстахъ ихъ позиціи. Захватенный разъ страшной грозой, онъ былъ вынужденъ укрыться отъ нея въ ближайшей хижинѣ. Сильные удары грома непрерывно слѣдовали одинъ за другимъ; все небо горѣло въ молніяхъ.

— Не правда ли, что это очень похоже на Ваграмскую битву? — сказалъ Наполеонъ окружающей его свитѣ.

Въ углу хижины, на постелѣ изъ сухихъ листьевъ, покрытыхъ москутомъ холста, лежалъ больной ребенокъ. Нечаянное появленіе Императора перепугало бѣдную мать, сидѣвшую подлѣ больнаго.

Успокоивъ ее и сдѣлавъ ей нѣсколько очень ласковыхъ вопросовъ, Наполеонъ узналъ, что она Египтянка. История ея составила чистую алегію, которую она рассказала въ нѣсколькихъ словахъ. Мать потеряла она при самомъ своемъ рожденіи. Отецъ ея случайно утонулъ въ Нилѣ, когда она была еще ребенкомъ. Впослѣдствіи, вышедши за-мужъ за одного офицера восточной арміи, она потеряла и мужа, убитаго въ сраженіи, и осталась вдовою двадцатилѣтъ. Наконецъ судьба привела ее въ Австрію, гдѣ, по милости одного богатаго господина, она и поселилась въ той самой хижинѣ, которой суждено было укрыть отъ грозы небесной величайшее земное могущество. Улыбнувшись этому восточному компименту, Императоръ взялъ ее за руку, и спросилъ, какой годовой доходъ можетъ быть достаточенъ для того, чтобъ она не

терпѣла бѣдности. Она отвѣчала, что для нея и для ея ребенка было бы достаточно двухъ сотъ франковъ.

— Двѣсти франковъ!—вскричалъ Наполеонъ; вижу, что твои желанія очень ограниченны.... Я тебѣ назначаю пенсію въ тысячу двѣсти франковъ, и кромѣ того позабочусь еще о воспитаніи твоего сына.

Бѣдная женщина бросилась къ его ногамъ со слезами благодарности.

— Въ первый разъ въ моей жизни, — сказалъ Наполеонъ, садясь на лошадь, — я искалъ убѣжища отъ грозы. Я имѣлъ какое-то предчувствіе, что меня ожидаетъ здѣсь доброе дѣло.

Въ одну изъ тѣхъ безсонныхъ ночей, которыя бывали у Наполеона такъ часто, онъ разбудилъ Рустана, одѣлся въ свою егерскую форму, и накинувъ бѣлый плащъ, сошелъ въ Шенбрунскій садъ. Ночь была тихая и ясная, но эта тишина не разгоняла глубокихъ думъ съ мрачнаго чела Наполеона; кто знаетъ: быть можетъ въ эту самую ночь онъ мечталъ уже о кремлѣ! Походивъ съ часъ подъ вѣковыми деревьями, осѣнявшими нѣкогда Марію-Терезію и Марію-Антуанету, онъ прошелъ потомъ на главный дворъ замка, и потихоньку заглянулъ въ караульную гауптвахты. Солдаты, въ ожиданіи снѣвы, спали, только сержантъ и два капрала, сидѣвшіе задомъ къ дверямъ, играли въ карты и жаловались другъ другу на несправедливость начальства. — Я ужь пять разъ заслужилъ крестъ Почетнаго Легіона, — сказалъ одинъ изъ капраловъ, котораго товарищи прозвали Императоромъ. — А меня, — сказалъ другой капралъ, ужь годъ назадъ слѣдовало бы произвесть въ сержанты. — А мнѣ, прибавилъ наконецъ сержантъ, — надобно бы дать подпоручичій чинъ за ваграмское дѣло.

— Все это было бы совершенно справедливо, — сказалъ капралъ-императоръ, — потому что всѣ мы люди отличные. Вы, сержантъ, положили на мѣстѣ пятерыхъ гусаровъ и отбили у нихъ вашего капитана; ты, Крепень, взялъ непріятельское знамя; а что касается до меня, такъ ужь самое мое прозвище доказываетъ, что не мое мѣсто быть рядовымъ.

— О, еслибъ всѣ наши заслуги были извѣстны *Маленькому Капралу*, вскричалъ сержантъ,—тогда я бы козырялъ не такъ, какъ теперь съ этой мерзкой пиковою семерки.

— Да и мнѣ,—сказалъ Крепень,—вмѣсто вотъ этой бубновой десятки онъ сдалъ бы козыря получше за всѣхъ непріятелей, которыхъ я поколотилъ на бубновую кость.

— Славно сказано! подхватили смѣясь его товарищи, очень довольные этой солдатскою игрою словъ.

— А я, прибавилъ капраль-императоръ, продолжая ту же игру,—вмѣсто вотъ этого крестоваго туза имѣлъ бы настоящій крестъ, давно ужъ обвѣщанный мнѣ полковникомъ.

— Да тебѣ-то что жаловаться,—перебилъ сержантъ, вѣдь ты самъ императоръ, такъ въ твоей власти и сдѣлать все, что захочешь. Нутъ-ка, государь, награди насъ такъ, какъ бы награждать *Маленкій Капралъ*, если бы мы были ему извѣстны.

Капраль-императоръ подвинулъ къ себѣ чернилицу, стоящую на столѣ караулни, и взявъ карту изъ той же колоды, которой они играли, написалъ на ней слѣдующія слова:

«Сержантъ Бовуаръ производится въ подпоручики гвардіи; а капраль Крепень назначается сержантомъ въ его роту.

«Дано въ императорскомъ Шенбрунскомъ дворцѣ, 10 сентября, 1809 года.

«На подлинномъ подписано: Императоръ.»

— Въ подписи недостаетъ имени,—сказалъ настоящій Императоръ, входя въ дверь караулни, и взявъ перо, прибавилъ къ ней: Наполеонъ.—Что касается до васъ, государь, прибавилъ онъ, обращаясь къ своему соименнику, вы завтра, во время парада, получите слѣдующій вамъ крестъ. А пока вотъ вамъ, чтобы былъ чѣмъ вспрыснуть ваше производство.—При этихъ словахъ онъ бросилъ на столъ пять золотыхъ монетъ, и вышелъ изъ караулни, сопровождаемый крикомъ: да здравствуетъ Императоръ!

— Зорю ужъ пробили часъ назадъ: по какому же случаю эти огни и пѣсни въ маркитантской 4-го полка?—спросилъ въ одинъ вечеръ Наполеонъ у Савари.

— Не знаю, Государь.

— Такъ узнайте.

Черезъ пять минутъ Савари возвратился смѣясь.

— Все въ порядкѣ, — сказалъ онъ, — но Ваше Величество никакъ не угадаете, чѣмъ ваши гвардейцы заняты въ эту минуту.

— Такъ расскажите же мнѣ.

— Они празднуютъ разрѣшеніе отъ бремени доброй Викторіи, которая произвела на свѣтъ прекраснаго ребенка: настоящій волченочъ.

— Кто же эта добрая Викторія?

— Нормандка, маркитантша вашей гвардіи.

— А мужъ ея?

— Убить подъ Эслингомъ.

— Въ такомъ случаѣ я позабочусь о ея ребенкѣ.

— Полкъ, кажется, хочетъ избавить Ваше Величество отъ этой заботы, потому что унтеръ-офицеры усыновляютъ его, и ужъ вѣрно сдѣлаютъ молодцомъ. Ихъ воспитаніе началось тѣмъ, что они всунули ему въ ротъ, вмѣсто соски, пучекъ чеснока, и влили въ горло каплю вина.

— Какъ Генриху IV. Видно мои унтеръ-офицеры знаютъ исторію.

— Они предсказываютъ, что у ихъ воспитанника къ десяти годамъ будутъ ужъ усы.

— А когда стануть его крестить?

Въ эту минуту въ маркитантской послышался страшный шумъ, какъ будто бы предвѣщавщій схватку. Наполеонъ и Савари почти бѣгомъ побѣжали туда. Унтеръ-офицеры, раздѣлившись на двѣ партіи, представляли двѣ группы очень оживленныя и готовые броситься въ схватку. Посрединѣ красовались, какъ предводители партій, тамбуръ-мажоръ и саперный капралъ, горячо размахивающіе руками. Въ углу комнаты сынъ Викторіи, по губамъ котораго текли чеснокъ и вино, оралъ во все горло; мать ругалась какъ гренадеръ. Появленія Императора утишило этотъ дикій гвалтъ. Унтеръ-офицеры притихли, какъ мужъ маркитантши,

лежащій на три аршина въ землѣ, и только ужъ на вторичный вопросъ Наполеона одинъ старый сержантъ, украшенный крестомъ и широкимъ рубцомъ на лицѣ, объяснилъ, въ чемъ дѣло.

— Съ позволенія доложить Вашему Величеству, — сказалъ онъ, — вотъ эта маркизантша Викторія, которая лежитъ здѣсь, родила ребенка. А такъ какъ малолѣтний лишился отца, убитаго подъ Эссляингомъ, еще не родившись на свѣтъ, то полкъ и усыновляетъ его съ тѣмъ, чтобъ сдѣлать изъ него браваго слугу Вашему Величеству. Предстоящій гамбургъ-мажоръ и таковой же саперъ, спорятъ, кому быть крестнымъ отцомъ мальчишки, и споръ этотъ долженъ былъ рѣшиться оружіемъ, когда Ваше Величество изволили войти.

— Крестнымъ отцомъ не будетъ ни тотъ ни другой, — сказалъ Наполеонъ; — я самъ сыщу мальчику крестнаго отца. А ты, сержантъ, и ты, саперъ, руки другъ другу, и сей часъ помиритесь.

Когда миръ между спорщиками былъ заключенъ, Наполеонъ подошелъ къ родильницѣ и сказалъ ей потихоньку:

— Сынъ победы (Victoire) непременно долженъ быть моимъ крестникомъ. Хочешь ты этого?

— Хочу ли я этого! воскликнула маркизантша, готовая вскочить съ постели и броситься къ ногамъ Наполеона, который удержалъ ее; — да кто жъ этого не хочетъ.... Да здравствуетъ Императоръ!

На другое утро Наполеонъ окрестилъ ребенка, которому далъ имя Наполеонъ-Шенбрунъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ Ваграмскаго сраженія, Императоръ получилъ рапортъ, доставившій ему большое удовольствіе. Въ ту минуту, когда онъ читалъ его, къ нему вошелъ Раппъ.

— Знаешь ли, Раппъ, сказалъ онъ ему, что наши отряды проникли уже во внутренность Богеміи?

— Знаю, Государь.

А знаешь ли ты, какая кавалерія сняла непріятельскіе посты и захватила ихъ магазейны?

— Нѣтъ, Государь.

— Нашп пѣхотницы, посаженные на подъемныхъ лошадей.

— Неужели?

— На вотъ, прочти.

Рапшъ взялъ бумагу, и дѣйствительно утѣрился въ слѣдующемъ:

Французскіе отряды, проникнувшіе въ Богемію, увидѣли, что страна эта совершенно открыта. Не имѣя при себѣ никакой кавалеріи, кромѣ десятковъ двухъ драгунъ, они опасались идти впередъ, но имъ не хотѣлось и воротиться. Въ эту минуту раздумья, начальнику отряда пришла мысль собрать подъемныхъ лошадей и посадить на нихъ своихъ пѣхотинцевъ, которыхъ онъ и употребилъ для разъѣздовъ и осмъ отря густыхъ лѣсовъ, окружающихъ Эгру. Они встрѣтились съ австрійскими разъѣздами, опрокинули ихъ, и такимъ образомъ дали способъ французскимъ войскамъ захватить запасныя австрійскія депо, съ людьми, с амуницией и съ провіантомъ.

— Ну какъ тебѣ нравится этотъ новый родъ кавалеріи? спросилъ Наполеонъ, когда Рапшъ прочелъ бумагу.

— Превосходно, Государь!

— Французы умѣютъ себя прославить, прибавилъ Императоръ.

Мы ужъ сказали, что несмотря на всю строгость дисциплины и на строгость наказаній за нарушение ея, французскіе солдаты давали иногда чувствовать свое побѣдоносное иго бѣднымъ жителямъ завоеванной страны. Каждый разъ по крайней мѣрѣ, какъ только Наполеонъ узнавалъ объ этомъ, онъ старался вознаградить убытки потерпѣвшихъ, съ лихвою.

Въ одно утро, крестьянинъ изъ Доблинга явился въ Шенбрунъ, и требовалъ, чтобъ его допустили къ Императору. Требованіе его тотчасъ же было исполнено, но увидѣвъ Наполеона, онъ до того смутился, что не могъ выговорить ни одного слова, и совершенно забылъ, за чѣмъ пришелъ. Къ счастью, Наполеонъ въ тотъ день былъ очень въ хорошемъ расположеніи духа; его ласковый видъ и ласковыя слова ободрили мало по малу бѣдняка, и онъ наконецъ объявилъ, что французскіе солдаты застрѣлили его осла, безъ всякой съ его стороны вины и причины, между тѣмъ какъ оселъ, на которомъ онъ возилъ въ городъ овощи и

молоко, былъ единственнымъ средствомъ его пропитанія. Другаго ему купить было не на что. Выслушивая его жалобу, Императоръ написалъ нѣсколько словъ, и приказавъ отдать записку дежурному адъютанту, отпустилъ крестьянина. — Ступай домой, сказалъ онъ ему, — ты получишь, что слѣдуетъ.

Дома его встрѣтила жена съ торжествующимъ видомъ. Въсто всякаго отвѣта на всѣ его разспросы о причинѣ ея радости, она повела его въ конюшню, гдѣ, подлѣ мертваго осла, онъ увидѣлъ прекрасную лошадь, которую привелъ конюхъ въ ливрѣв Наполеона.

— Французы право добрѣе, чѣмъ они кажутся, — сказалъ крестьянинъ, то же очень довольный такимъ обмѣномъ.

— Да, подхватила его жена, — Императоръ отдалъ намъ за личко ремешекъ.

Мужичокъ, очень хорошо понимавшій свои выгоды, на другой же день продалъ лошадь за 1200 флоринновъ; за 30 купилъ себѣ другаго осла, а остальные деньги употребилъ на улучшение своего хозяйства, и во всю свою жизнь благодарилъ Императора за его щедрость.

Къ одной сторонѣ Шенбрунскаго сада примыкаетъ сельскій домъ, отдѣленный отъ него только стѣной, въ которой пробита калитка. Домъ этотъ принадлежалъ въ 1809 году княгинѣ Меттернихъ, матери князя, бывшаго тогда посланникомъ во Франціи, котораго Наполеонъ привезъ изъ Парижа въ Вѣну военнопленнымъ, и, не допуская его въ столицу Австріи, назначилъ его въстопробиваніемъ этотъ домъ. Князь Меттернихъ удивлялся Наполеону, но не любилъ его. Преданный душою и тѣломъ Австрійскому дому, онъ считалъ ваграмскаго побѣдителя самымъ злымъ врагомъ своего отечества, и при такомъ образѣ мыслей тщательно избѣгалъ всякой встрѣчи съ нимъ; если же встрѣча была неизбѣжна, князь сохранялъ въ его присутствіи самую строгую и даже нѣсколько гордую холодность.

Въ одно утро, прогуливаясь по роцѣ, не выходящей изъ границъ назначеннаго ему заключенія, онъ встрѣтился съ Савари.

— Это вы, князь,—сказалъ Савари;—такъ вы нашъ сосѣдъ: давно ли это?

— Вамъ это извѣстно такъ же хорошо, какъ и мнѣ,—отвѣчалъ князь,—потому что вы, кажется, начальникъ военной полиціи.

— Если я могу быть вамъ полезенъ чѣмъ-нибудь, располагайте мной.

— Благодарю васъ; я ни въ чемъ не имѣю надобности.

— Я надѣюсь, что вамъ скоро будетъ возвращена свобода.

— Я совершенно покоренъ моей судьбѣ.

— Но между тѣмъ вамъ надобно бы повидаться съ Императоромъ, который васъ любитъ и часто говоритъ о васъ.

— Стало быть вы знали, что я здѣсь?

— Почему вы не побываете въ Шенбрунѣ?

— Потому что онъ занятъ не моимъ Императоромъ.

— Это ничего не значить.

— Для васъ—можетъ быть, но для меня много.

Черезъ нѣсколько дней, князь получилъ формальное приглашеніе отъ Наполеона, но не принялъ его, сказавъ, что если Наполеонъ желаетъ съ нимъ видѣться, то можетъ застать его во всякое время въ Грюнбергѣ.

Савари, которому было поручено пригласить князя, предложилъ, какъ *mezzo termine*, свиданіе въ саду, но князь отказался и отъ этого свиданія, какъ не соответствующаго ни достоинству Наполеона, ни достоинству представителя Императора Франца.

«Если вашъ государь», сказалъ онъ Савари, «желаетъ говорить со мной частнымъ образомъ, я не могу на это рѣшиться, не нарушивъ обязанностей моего званія, которае оскорблено моимъ арестомъ. Если онъ желаетъ со мной говорить какъ съ представителемъ Императора Франца, пусть онъ прежде всего возвратитъ мнѣ свободу, и тогда я увижу, что я долженъ дѣлать.»

Свиданіе не состоялось.

Вскорѣ послѣ того, князь Меттернихъ получилъ приказаніе отправиться въ Венгрію, гдѣ долженъ былъ произойти размѣнъ мирныхъ трактатовъ.

V.

Гусары князя Лихтенштейна. — Смерть оециера 32 полка — Счастье быть по-хожей на Жозефину. — Вѣнскій чиновникъ, дающій уроки Наполеону. — Возна-гражденное гостепрѣимство. — Любопытное сравненіе Наполеона съ Эрцъ-герцо-гомъ Карломъ. — Первая нація новѣйшаго времени. — Лучшій полкъ Французской арміи. — Портретъ Марин-Луизы.

Въ Ваграмскомъ сраженіи обѣ противныя арміи оказали чудеса храбрости. Наполеонъ любилъ отдавать справедливость блиста-тельнымъ подвигамъ, которыми ознаменовывался каждый шагъ его поэтической жизни. Въ числѣ этихъ подвиговъ онъ былъ свидѣтелемъ одного, заслужившаго особенное его одобреніе, не смотря на то, что онъ принадлежалъ войскамъ непріятельской арміи. «Слава, — сказалъ онъ однажды эрцъ-герцогу Карлу, — заставляетъ меня забывать всякое различіе націй; она есть при-надлежность всемірная.»

Вотъ эпизодъ изъ Ваграмской битвы, заслужившій, какъ уже сказали мы, особенное одобреніе и даже удивленіе Наполеона. Въ самомъ пылу сраженія, въ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда побѣда еще колебалась, генералъ князь Лихтенштейнъ, одинъ изъ храбрѣйшихъ австрійскихъ кавалеристовъ, увлеченный своей пылкостью, попалъ въ толпу французскихъ кирасировъ. Онъ находился въ такомъ положеніи, что уже вынужденъ былъ сдаться, какъ вдругъ одиннадцать его гусаровъ бросились на кирасировъ, окружавшихъ генерала. Завязался страшный, руко-пашный бой. Однихъ одушевляла увѣренность въ побѣдѣ, дру-гихъ ихъ отчаянное положеніе. Лошадь князя была убита, но онъ вскакиваетъ на лошадь одного изъ своихъ гусаръ, поражен-наго ударомъ сабли, и едва имѣя силы держаться въ сѣдлѣ, покрытый кровью, ободряетъ однакожъ своихъ защитниковъ. Изъ одиннадцати храбрецовъ большая часть осталась на мѣстѣ; остальные удваиваютъ свои усилія, и наконецъ имъ удается освободить князя. Тѣмъ, которые остались въ живыхъ, князь далъ пожизненный пенсіонъ, въ честь убитыхъ онъ воздвигнулъ па-мятникъ, имѣющій форму греческаго храма, внутри котораго, на надгробномъ камнѣ, и теперь еще видны имена падшихъ.

Въ одно изъ тѣхъ частыхъ посещеній, которыя дѣлалъ Наполеонъ въ свои военные госпитали, ему случилось подойти къ постелѣ только что умершаго молодого офицера. «Я пришелъ ужъ слишкомъ поздно, — сказалъ онъ. Жаль, что мнѣ не удалось усладить его послѣднихъ минутъ хотя какимъ-нибудь утѣшительнымъ словомъ!... Потомъ онъ преклонилъ колѣно передъ трупомъ умершаго и произнесъ краткую молитву. Эта сцена была достойна кисти Гораса Вернета!

— Какого полка этотъ офицеръ? — спросилъ онъ потомъ главнаго доктора.

— 32-го, отвѣчалъ медикъ.

— Можетъ ли быть! вскричалъ Наполеонъ. Я такъ часто посылаю этотъ полкъ въ огонь и въ Италию и въ Египтъ и вездѣ, что изъ него, кажется, не должно бы ужъ остаться ни одного человѣка. Да, прибавилъ онъ, французскіе солдаты какъ сениксы: они возраждаются изъ своего пепла.

Во время занятія Вѣны Французами, въ ней было нѣсколько возмущеній. Многіе зачинщики ихъ были схвачены, осуждены военнымъ судомъ и разстрѣяны. Въ числѣ бунтовщиковъ попался, между прочими, богатый негодантъ, еврей, который былъ виноватѣе другихъ тѣмъ уже, что нарушилъ общественное спокойствіе города не по чувству патриотизма, а собственно изъ корыстныхъ видовъ. По этому военный судъ передалъ его суду гражданскому, который и приговорилъ его къ висѣлицѣ. Во всякомъ случаѣ казнь должна была исполниться въ двадцать четыре часа. У еврея была дочь, молодая дѣвушка, прекрасная собой и имѣвшая разительное сходство съ Жозефиной. Ревека, любившая своего отца еще больше, чѣмъ тотъ любилъ свое золото, рѣшилась или спасти его во что бы то ни стало, или умереть вмѣстѣ съ нимъ. Но умереть въ такіа лѣта страшно, особенно когда любятъ и когда любимы! А Ревеку любилъ одинъ французскій офицеръ, и онъ-то и подалъ ей надежду, что она можетъ еще спасти отца, упавъ къ ногамъ Наполеона, который одинъ только имѣлъ право отрѣшать смертные приговоры.

— Твое сходство съ Императрицей, — сказалъ онъ, — будетъ такъ сильнымъ ходатаемъ въ твоёмъ дѣлѣ, что тебѣ не откажутъ.

Нельзя было терять ни минуты. Ревека отправилась въ Шенбрунъ, и была такъ счастлива, что ее немедленно допустили къ Императору. Какъ предсказывалъ офицеръ, такъ и случилось: Наполеонъ былъ чрезвычайно пораженъ лицомъ дѣвушки, напоминавшимъ ему ту, которую онъ столько любилъ. Слезы просительницы его тронули.

— Твой отецъ не умретъ, — сказалъ онъ, — и теперь ты съ нимъ поквиталась: онъ такъ же обязанъ тебѣ жизнью, какъ и ты ему.

Потомъ онъ посадилъ дѣвушку подлѣ себя, разспрашивалъ о ея положеніи, о ея желаніяхъ, о ея надеждахъ, и выпытавъ тайну ея сердца, узналъ наконецъ и имя офицера, котораго она любила. Офицеръ былъ извѣстенъ своей храбростью, но не имѣлъ ничего, кромѣ своей шпаги.

— Но любишь ли ты его столько, чтобъ пожертвовать ему своей вѣрой? спросилъ Наполеонъ.

— Это будетъ не жертва, Государь, а исполненіе долга.

— Прекрасно сказано, моя милая, но одной наружности мало: убѣждена ли ты въ душѣ въ истинахъ религіи католической?

— Въ душѣ я давно христіанка, а іудейка только по наружности.

— Довольно, — сказалъ Наполеонъ, и велѣлъ позвать къ себѣ Раша.

— Проводи эту дѣвушку въ Вѣну, — сказалъ онъ; — повидайся съ ея отцомъ, и въ замѣнъ жизни, которую я дарю ему, попроси его согласія на замужство дочери съ моимъ офицеромъ, да въ добавокъ еще сто тысячъ флориновъ приданаго.... Ступай.

Черезъ мѣсяцъ, прекрасная Ревека торжественно приняла католическую религію, и въ тотъ же самый день была обвѣчана съ

любимымъ ею гвардейскимъ офицеромъ , который шесть лѣтъ спустя убить подѣ Ватерлоо.

Однажды прѣхалъ изъ Вѣны въ Шенбрунъ старый приказный чиновникъ. Увидѣвъ, на дворѣ, французскаго полковника, который тоже только что возвратился въ Шенбрунъ и слезалъ съ лошади, старичекъ спросилъ его, вѣльзя ли ему видѣть Наполеона?

— Что вамъ надобно?—спросилъ полковникъ въ свою очередь.

— Я хочу только взглянуть на него, и въ пяти словахъ выразить мое удивленіе къ его особѣ, не смотря на то, что онъ врагъ моего отечества.

— Стало быть вы его любите?

— Нѣтъ, но я уливаюсь ему какъ Александру, какъ Цесарю. Я старикъ, и мнѣ не хочется умереть не видать героя нашего вѣка.

— Я могу исполнить ваше желаніе. Императоръ теперь садится за столъ. Не угодно ли и вамъ раздѣлить со мной мой скромный обѣдъ. За десертомъ я вамъ покажу Наполеона.

Чиновникъ принялъ приглашеніе, и безъ церемоніи сѣлъ за столъ по правую сторону своего хозяина. Между ними скоро завязался самый живой разговоръ.

— Вы сказали, что не любите Наполеона,—сказалъ полковникъ,—осмѣлюсь ли васъ спросить: за что?

— Если вы настоящій Французъ, полковникъ, такъ вѣрно сами поймете причину.

— Какая же она?

— Я настоящій Австріецъ.

— Причина справедливая. Патриотизмъ есть добродѣтель душь возвышенныхъ, и въ Австріи ихъ много.

— Такъ вы сознаетесь въ этомъ, полковникъ? съ котораго же времени?

— Съ тѣхъ поръ, какъ я, еще бывши въ школѣ, узналъ исторію, съ тѣхъ поръ, какъ, сдѣлавшись солдатомъ, я веду войну. Школа-

никогъ я удивлялся могуществу Габсбургскаго дома, царствующаго собственно, такъ сказать, для блага своего народа; удивлялся великой Маріи-Терезіи, которая въ своемъ нѣжномъ сердцѣ женщины и матери находила твердость воли, необходимую для спасенія націи; удивлялся наконецъ вѣрной преданности Венгерцевъ, и повторялъ: *Moriamur pro rege nostro!* Солдатомъ я удивлялся въ австрійскихъ арміяхъ господству единства мысли, храбрости и точности въ исполненіи. Да, сударь, Австрія — прекрасная и благородная нація! Маренго, Эсселингъ, Ваграмъ, всякій другой народъ, кромѣ народа Австрійскаго, ечель бы своими побѣдами.

— Эти похвалы въ устахъ непріятели льстятъ моему чувству патриотизма, полковникъ, и я благодарю васъ. Но я желалъ бы знать, согласенъ ли съ вами въ этомъ вашъ Императоръ!

— До такой степени согласенъ, что если вы хотите, онъ повторить то же слово въ слово.

— А давно ли вы, полковникъ, въ военной службѣ?

— Я оставилъ бріенскую школу въ тотъ самый день, когда выпелъ изъ нея Наполеонъ. Потомъ я былъ вездѣ, гдѣ только былъ этотъ счастливый воинъ. Я былъ съ нимъ при осадѣ Тулона; переправлялся черезъ Сень-Бернардъ, то пѣшкомъ, то на его собственной лошади, и часто случалось мнѣ спать, завернувшись въ его плащъ. Я былъ съ нимъ въ Египтъ, вмѣстѣ съ нимъ возвратился во Францію, чтобы выбросить въ окна ея притѣснителей. Наконецъ, не было ни одного сраженія, въ которомъ бы я не сопровождалъ его, не было ни одной побѣды, которую бы одержалъ онъ безъ самага дѣятельнаго моего содѣйствія.

— Теперь я вижу, полковникъ, что лучше васъ я не могъ никого выбрать для представленія меня вашему Императору, и считаю за особенное счастье, что встрѣтился съ вами. Но если вы такъ хорошо знаете Императора, такъ не можете ли мнѣ сказать, гдѣ же наконецъ остановится его ненасытное честолюбіе?

т. е. его воинственный жаръ, хотѣлъ я сказать, подхватить чиновникъ, замѣтивъ, что, при послѣднихъ словахъ его, брови полковника сдвинулись какъ-то слишкомъ сурово.

Полковникъ ничего не отвѣчалъ на этотъ вопросъ. Чиновникъ, которому, при его нѣмецкой откровенности, шампанское еще больше развязало языкъ, продолжалъ:

— Кажется пора бы ужъ удовлетвориться его желаніемъ: онъ наградилъ коронами и скипетрами всѣхъ членовъ своей фамиліи, герцогствами и княжествами всѣхъ своихъ маршаловъ, обогатилъ своихъ приближенныхъ, осыпалъ почестями своихъ придворныхъ, и до того возвеличилъ Францію, что ужъ ей нечего желать больше. Чапа слишкомъ полна, полковникъ, и какъ бы ни была велика она, но должна же наконецъ переполниться. Видъ побѣдъ тоже надѣдаетъ постоянство, и она можетъ измѣнить когда-нибудь.

— Вы славно говорите, сказалъ полковникъ.

— Вотъ это именно я сказалъ бы и Е. В. Наполеону, если бы имѣлъ честь быть близкимъ къ нему такъ, какъ вы.

— И вы не побоялись бы навлечь на себя гнѣвъ его?

— За что же?

— За то, что Е. В. Наполеонъ даетъ уроки другимъ, но самъ ихъ не беретъ ни у кого.

Чиновникъ, спохватившись наконецъ, что онъ говоритъ не совсемъ осторожно, замолчалъ. Въ эту минуту вошелъ въ комнату дежурный адъютантъ, и почтительно обратившись къ полковнику, сказалъ:

— Курьеръ изъ Франціи: какъ прикажете, Ваше Величество?

— Боже мой! вскричалъ чиновникъ, вскакивая изъ-за стола и склоняясь передъ Наполеономъ, такъ все это я говорилъ....

— Самому Императору, перебилъ Наполеонъ. Многомъ протанувъ руку старикъ, прибавилъ: я обѣщалъ доставить вамъ случай видѣть Наполеона, и сдержалъ мое слово; докажите ли вы теперь?

— Государь, отвѣчалъ растроганный старикъ, много было прекрасныхъ дней въ моей жизни, но нынѣшній день самый лучший!

Другая подобная сцена случилась почти въ то же время. Одѣтый въ партикулярное платье и съ однимъ только адъютантомъ, одѣтымъ такъ же, Наполеонъ отправился въ Кремсъ, смотрѣть корпусъ Мармона. Шелъ дождь, который до того испортилъ дорогу, что въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Вьны, и не далѣе какъ на ружейный выстрѣлъ отъ довольно красиваго замка, карета императора сломалась. Наполеонъ рѣшился просить у жителей замка гостепріимства, которое въ ту эпоху составляло исключительную черту Австрійцевъ. Хозяева въ это время садились за столъ и принимали гостей очень радушно.

— Милости просимъ,—сказала хозяйка, молодая и очень хорошеьякая дама,—милости просимъ разделить съ нами обѣдъ, пока починять вашу экипажъ.

Разговоръ, сначала очень незначительный, скоро однакожь заинтересовалъ Наполеона, которая жители замка никакъ не узнали, потому что наружность его не была еще тогда столько общезвѣстной, какъ сдѣлалась впоследствии.

— Вы Французъ, господа, и идете изъ Вьны,—сказала хозяйка,—правда ли, что Императоръ долженъ быть нынче въ Кремсъ?

— Да, сударыня, отвѣчалъ Наполеонъ, онъ выѣхалъ въ одно время съ нами, и долженъ быть теперь очень недалеко отсюда.

— Видишь ли, мой другъ, продолжала дама, обращаясь къ своему мужу, пожилому толстаку, который бы годился ей въ отцы,—видишь ли, что мнѣ сказали правду. Намъ не надобно терять ни минуты. Эти господа вѣрно извинятъ меня въ томъ, что я, никогда не видавъ Наполеона, не хочу пропустить такого прекраснаго случая его видѣть. Какъ только починять ихъ карету, мы отправимся въ Кремсъ.

— Право, я удивляюсь тебѣ,—отвѣчалъ мужъ грубымъ тономъ;

Наполеонъ точно такой же человекъ, какъ и все прочіе люди, и стѣить ли для него ѣхать въ такую скверную погоду.

— О нѣтъ, Наполеонъ вовсе не такой человекъ, какъ другіе, и если кто-нибудь стѣить того, чтобъ для него ѣхать въ дождь, такъ это именно тотъ, чье имя наполняетъ Европу, и котораго каждый шагъ составляетъ побѣду. Если ты боишься дождя, оставься. Что же касается до меня, я непременно ѣду въ Кремль: если эти господа согласятся быть моими кавалерами, такъ съ ними, если нѣтъ — такъ одна.

— Не чистое ли это упрямство? — сказалъ мужъ, обращаясь къ Императору.

Разговоръ супруговъ начинать принимать неприятный оборотъ, и Наполеонъ вмѣшался въ него.

— Если вамъ, сударыня, такъ хочется видѣть Наполеона, такъ я постараюсь вамъ помочь въ этомъ случаѣ.

— И вѣрно для васъ это не будетъ такъ тягостно, какъ для другихъ? — подхватила дама, бросивъ взглядъ на своего мужа.

— Я тоже могу сдѣлать для тебя нѣкоторое удовольствіе, — прибавилъ мужъ. — Одинъ вѣнскій купецъ выписалъ огромное количество портретовъ Наполеона. Общаю нарочно съѣздить въ Вѣну и купить тебѣ его портретъ.

— Когда жъ это будетъ?

— *На будущій годъ*, — сказалъ старикъ, приправивъ эту шутку громкимъ смѣхомъ.

— Позвольте мнѣ васъ избавить отъ этого труда, — сказалъ Наполеонъ.

— Какъ! вы нарочно хотите ѣхать въ Вѣну для того только, чтобъ исполнить прихоть жены моей?

— Нѣтъ, я могу сейчасъ-же представить ей портретъ, который вы собираетесь купить на будущій годъ, и я надѣюсь даже, что

супруга ваша не откажется принять его въ знакъ признательности за оказанное намъ гостепріимство.... Смѣю ли я, сударыня, просить васъ принять отъ меня эту бездѣлку?

Говоря эти слова, Наполеонъ вынулъ изъ кармана богатую табакерку, осыпанную брилліантами, и украшенную его портретомъ работы Изабе. Разумѣется, дама узнала, кто былъ ея гость, и не имѣла уже никакой надобности ѣхать въ Кремль.

Входя во всѣ подробности, касающіяся до его арміи, Наполеонъ спросилъ однажды радоваго конно-егеря: каково лошади пьютъ шенбрунскую воду?

— Не жалуются,—отвѣчалъ егерь.

Австрійцы, также какъ и всѣ Нѣмцы вообще, не могутъ жить безъ трехъ вещей: безъ музыки, безъ пива и безъ табаку,—но безъ табаку преимущественно. Кажется, что въ Австріи и дѣти рождаются съ трубкой въ зубахъ, также какъ въ Венгріи маленькіе Маляры рождаются въ сапогахъ и въ шпорахъ. Австрійцы курятъ въ кофейныхъ, въ гостинницахъ, въ публичныхъ каретахъ, за столомъ, въ банѣ, въ постель—курятъ вездѣ. Однажды завязался очень жаркій разговоръ между французскимъ офицеромъ и вѣнскимъ гражданиномъ.

Вопросъ состоялъ въ томъ, кто болѣе великій полководецъ: Наполеонъ или эрцъ-герцогъ Карлъ? Австріецъ, не смотря на весь свой патріотизмъ, не смѣлъ отдать преимущества великому генералу, котораго самъ Наполеонъ считалъ достойнымъ своимъ противникомъ, и уже согласился, что оба эти человека должны быть поставлены рядомъ. Но вдругъ ему пришла мысль спросить, курить ли Наполеонъ трубку?

— Никогда,—отвѣчалъ офицеръ.

— Вотъ то-то и есть,—возразилъ Австріецъ съ радостью, а эрцъ-герцогъ Карлъ считается у насъ первымъ курильщикомъ въ арміи. Значить у него однимъ хорошимъ качествомъ больше.

— Наполеонъ хотя и не куритъ трубки,—отвѣчалъ офицеръ,—такъ за то онъ мастеръ обкуривать другихъ своимъ порохомъ.

Кстати о сравненіяхъ. Когда однажды генералы Наполеона спросили его, какаа нація первая въ свѣтѣ, онъ отвѣчалъ: Въ Лондонѣ—Англія, въ Вѣнѣ—Австрія, въ Берлинѣ—Пруссія, но въ Европѣ—Франція.

Почти такъ же отвѣчалъ онъ на вопросъ о томъ, какой полкъ считаетъ онъ лучшимъ въ своей арміи:—Тотъ, который лучше дерется, сказалъ Наполеонъ.

14 іюля 1809 года, Наполеонъ, обѣдая въ первый разъ въ парадной залѣ Шенбрунскаго дворца, замѣтилъ противъ себя портретъ женщины, который ему чрезвычайно понравился. Во все продолженіе обѣда онъ не спускалъ съ него глазъ. Одинъ изъ его генераловъ, привыкшій очень хорошо понимать выраженіе лица его, велѣлъ въ тотъ же день перенести портретъ въ спальню Императора, чтобъ доставить ему удовольствіе заснуть подъ вліяніемъ кроткихъ взоровъ, сдѣлавшихъ на него такое сильное впечатлѣніе. На другое же утро, Наполеонъ поручилъ Раппу смыскать въ Вѣнѣ лучшаго живописца, которому велѣлъ снять копію съ портрета. Копія была сдѣлана, но далекъ уступала подлиннику; ее поставили въ залу, на пустое мѣсто, а съ Шенбрунскимъ портретомъ Наполеонъ не хотѣлъ разстаться и увезъ его съ собой во Францію.

На слѣдующій годъ онъ сдѣлался обладателемъ той, которую изображалъ этотъ портретъ.... Это была Марія-Луиза.

ХРИСТОФОРЪ КОЛУМБЪ.

1492 по Р. Х.

(Статья Ламартина).

I. Воля Создателя, не для всѣхъ замѣтная въ частностяхъ дѣлъ человеческихъ, видимо проявляется въ общемъ жизненномъ движеніи міра. Всѣ великія событія исторической жизни человѣчества совершаются въ установленномъ порядкѣ и связаны невидимою нитью, за которую десница Вседержителя ведетъ ихъ путемъ Божескихъ предначертаній къ predeterminedъ цѣли.

Это тайное, непреодолимое, неизбежное стремленіе событій къ predeterminedъ цѣли, древніе называли судьбою, predeterminedъ. Мы, христіане, нарекли это знаменіе воли Господней въ дѣлахъ человеческихъ Провидѣніемъ, Божескимъ Промысломъ: — наименованіе болѣе вразумительное, болѣе благочестивое, болѣе отеческое. Изучая исторію человѣчества, нельзя не замѣтить въ дѣяніяхъ человѣка персть руки Вседержителя, волю Провидѣнія. Но воля Провидѣнія, въ общемъ движеніи дѣлъ, не стѣсняетъ воли людей, — явнаго выраженія нравственности человѣка и народовъ. Господь предоставляетъ людямъ свободу дѣйствовать и заблуждаться, съ полнымъ произволомъ въ выборѣ добра и зла, но только въ извѣстныхъ предѣлахъ дѣйствій и съ очевидными послѣдствіями наказанія и награды, по мѣрѣ правоты или порочности намѣреній.

Оно предоставляет ихъ себѣ, независимо отъ насъ, къ исполненію Божескихъ преднамѣреній, намъ невѣдомыхъ, допуская насъ прозрѣть въ нихъ себя только при самомъ ихъ довершеніи. Добро и зло міра сего въ насъ и отъ насъ. Оставляя то и другое нашимъ достояніемъ, Провидѣніе съ неизмѣнною мудростію извлекаетъ изъ добра и зла содѣйствіе къ достиженію благихъ цѣлей своихъ. Когда Божескій Промыслъ избираетъ чело-вѣка къ приуготовленію или совершенію судебъ міра, Онъ вооружаетъ его орудіемъ божественной воли — вдохновеніемъ. Эта непостижимая чело-вѣку сила не обрѣтается въ немъ, а ниспосылается ему свыше; вотъ почему и названа она таинственнымъ именемъ *геній*, неизяснимымъ ни на какомъ нарѣчьи. Геній — это даръ; онъ не приобрѣтается трудомъ, не достигается добродѣтелью, и даже тотъ, на кого нисходитъ даръ этотъ, не можетъ уяснить его себѣ и не вѣдаетъ, что имъ обладаетъ. Генію Господь ниспосылаетъ вдохновеніе. Оно влечетъ его, независимо отъ его сознанія и воли, къ чему-нибудь неизвѣстному и для него неизбѣжному, какъ магнитъ влечетъ желѣзо. Геній повинуется вдохновенію, и открываетъ — новый міръ нравственный, или новый міръ вещественный.

Вотъ Христофоръ Колумбъ, — вотъ открытіе Америки.

II. Колумбъ стремился мыслию дополнить твердь зѣмнаго шара, которому, по его догадкамъ, недоставало цѣлой ея половины. Ему прояснилась потребность географическаго единства земли. Ощущеніе этой потребности было вдохновеніемъ, не только его, но и современной ему эпохи. Есть идеи, которыя по временамъ носятся въ воздухѣ, какъ умственные мазмы; ихъ вдыхаютъ въ себя тысячи людей въ одно время.

Каждый разъ, какъ Провидѣніе приуготовляетъ міру не предвидѣнный имъ переворотъ, релігіозный, нравственный или политическій, почти всегда предшествуетъ то же самое явленіе: болѣе или менѣе полное стремленіе къ установленію единства на зѣмномъ шарѣ или завоеваніемъ, или распространеніемъ общаго языка, или географическими открытіями, или разширеніемъ взаим-

ныхъ сношеній народовъ, которыхъ мѣстныя потребности, развитіе произведеній и удобство путей сообщенія, сближаютъ между собою и соединяютъ въ единый народъ. Это стремленіе къ единству земнаго шара въ извѣстныхъ эпохи, есть одно изъ дѣлъ Провидѣнія, наиболее явственныхъ въ историческихъ послѣдствіяхъ событій.

Такъ было, когда восточная образованность Индіи и Египта взнемогла отъ дряхлости, и Господь восхотѣлъ призвать Азію и Западъ къ образованности болѣе юной, болѣе жизненной, болѣе дѣятельной: Александръ, движимый побужденіемъ бессознательнымъ, отправляется съ равнинъ македонскихъ, увлекая за собою союзниковъ Греціи, и подъ вліяніемъ славы грознаго имени, извѣстный тогда міръ совокупился воедино, отъ береговъ Инда до крайнихъ предѣловъ Европы.

Такъ сталося, когда Господь восхотѣлъ приготовить безчисленныхъ слушателей христіанскаго ученія на Востокъ и Западъ: языкъ, господство и легіоны Рима распространились отъ персидскаго залива до хребта горъ Шотландіи, совокупляя подъ единую власть и единую мысль, Италію, Галловъ, Великобританію, Сицилію, Грецію, Африку и Азію.

Такъ во времена Карла Великаго, христіанская образованность приуготовила въ его всемірной монархіи, по обѣ стороны Альпійскихъ горъ, отъ предѣловъ Скивіи и Германіи, убѣжище и кущель святаго крещенія для племенъ варварскихъ.

Такъ были приготовлены умы XV вѣка, къ необыкновенному проявленію воли Божіей, когда родился великій мужъ, жизнь котораго мы предпринимаемъ описать. Всѣ умы были пренеполнены какого-то ожиданія, какого-то предчувствія, неяснаго сознанія приближающейся дѣйствительности.

III. Въ 1471 году, весною, въ знойный полдень, два пѣшехода шли по раскаленной солнечными лучами дорогѣ Андалузій, въ кожаной обуви, въ покрытой пылью одеждѣ, въ которой впрямь видѣлись слѣды прежняго достатка. Утомленные путемъ

и зноеть, они присѣли отдохнуть подъ тѣню вѣшнаго портика небольшого монастыря во имя *Божіей матери della Rabida*. Въ это время фрацисканскіе монастыри были убѣжищемъ для пѣшеходовъ, которымъ бѣдность не позволяла останавливаться въ гостинницахъ. Два странника, о которыхъ мы говорили и которыхъ наружный видъ и усталость вызвали гостепримство, обратили на себя вниманіе монаховъ.

Одинъ изъ нихъ, едва достигшій среднихъ лѣтъ, былъ высокъ ростомъ, сильнаго сложенія, величественной осанки, съ открытою фізіономіею, задумчивымъ взглядомъ и пріятною улыбкою. Его темпорусые волосы начинали покрываться на вискахъ преждевременною сѣдиною, слѣдомъ несчастій и упорнаго умственного труда. Лице его поблѣднѣло отъ занятій, а солнце и море придали ему смугло-бронзовый оттѣнокъ. Голосъ его былъ мужественный, звучный и пронизательный, какъ голосъ челоуѣка, привычнаго говорить глубокія мысли. Въ жестахъ его и во всѣхъ движеніяхъ проявлялись обдуманность, величіе и сознаніе собственнаго достоинства.

Другой былъ ребенокъ осьми или десяти лѣтъ. Черты его лица; болѣе женственныя, но получившія раннее развитіе въ заботахъ жизни, были такъ схожи съ чертами другаго странника, что нельзя было не узнать въ ребенкѣ его сына или брата.

IV. Странники эти были: Христофоръ Колумбъ и сынъ его Діэго. Монахи, тронутые благородными чертами отца и пріятною наружностію ребенка, противорѣчащими бѣдности ихъ одѣянія, ввели ихъ въ монастырь и предложили пищу и убѣжище. Пока Колумбъ и Діэго отдыхали и подкрѣпляли силы скромною монастырскою трапезою, монахи предупредили настоятеля о прибытіи чужестранцевъ, которыхъ видимая бѣдность, вовсе не соответствующая ихъ благородной наружности, возбуждала всеобщее участіе. Настоятель сошелъ поговорить съ ними.

Игуменъ этого монастыря назывался Жуанъ Пересъ де Марченна (Juan perès de Marchenna). Онъ былъ прежде дурманкомъ королевы Изабеллы, царствовавшей тогда съ Колумбомъ

своимъ Фердинандомъ. Мужъ благочестивый, ученый, наблюдательный, онъ предпочелъ тишину и спокойствіе монастырской кельи почестямъ свѣта, но этимъ пренебреженіемъ благъ земныхъ онъ еще болѣе снискалъ уваженіе двора и особенную милость королевы. Провидѣніе привело къ нему Колумба, чтобы открыть ему невидимую рукою двери королевскаго совѣта и путь къ сердцу царственныхъ супруговъ.

V. Настоятель поклонился незнакомцу, приласкалъ ребенка и спросилъ привѣтливо, что понудило ихъ предпринять путь пѣшкомъ и просить убѣжища въ бѣдной, уединенной обители. Колумбъ рассказалъ свою безызвѣстную жизнь и развилъ свои великіе помыслы предъ внимательнымъ инокомъ. Эта жизнь, эти думы — были только ожиданіемъ и предчувствіемъ.

VI. Христофоръ Колумбъ былъ старшимъ сыномъ генуэзскаго шерстобоя, — ремесло нынѣ низкое, тогда независимое и почти благородное. Въ промышленныхъ и торговыхъ республикахъ тогдашней Италіи, ремесленники гордились возстановленіемъ прежней, или открытіемъ новой промышленности, и составляли сословія, облагороженные ихъ искусствомъ и важностію ихъ ремесла для государства. Колумбъ родился въ 1436 году. У него было два брата, Варѣоломей и Діаго, которыхъ онъ призвалъ впоследствии, раздѣлить труды его, его славу и его несчастія. Онъ имѣлъ еще сестру, моложе братьевъ. Она вышла за мужъ за генуэзскаго работника. Скромная ея доля долго охраняла ее отъ блеска и злополучія ея братьевъ.

Наши влеченія зарождаются въ насъ отъ первыхъ представленій, которыя природа развертываетъ передъ нашими чувствами, на нашей родинѣ; въ особенности, когда эти представленія громадны и величественны какъ небо, море и горы. Воображеніе наше принимаетъ, какъ зеркало, отраженіе нашихъ первыхъ впечатлѣній. Взоры Колумба-ребенка обращались въ Генуѣ на сводъ небесный и на море. Астрономія и навигація рано увлекали его мысли въ эти два пространства, открытыя передъ его глазами. Онъ населялъ ихъ мечтами своими, прежде тѣмъ населилъ твердью

и островами. Созерцательный, молчаливый, набожный съ дѣтства, Колумбъ уносился своимъ младенческимъ гениемъ въ высь и въ даль этихъ пространствъ, не только для того, чтобы болѣе открыть, но чтобы глубже благоговѣть. Въ созданіи—онъ искалъ только Создателя.

VII. Отецъ его, человѣкъ просвѣщенный и достаточный, не сопротивлялся врожденной склонности Колумба къ ученію. Онъ отправилъ его въ Павію учиться геометріи, географіи, астрономіи, навигаціи и астрологіи, мнимой наукѣ тогдашняго времени. Умъ его вскорѣ перешелъ за предѣлы этихъ наукъ, тогда не полныхъ и несовершенныхъ. Онъ принадлежалъ къ числу людей, которые всегда заходятъ далѣе цѣли, гдѣ толпа останавливается, съ словомъ: «довольно.» Четырнадцать лѣтъ онъ зналъ все, чему обучаютъ въ школахъ, и возвратился въ Геную къ своему семейству. Сидячее механическое ремесло отца его не могло уневолить его способностей: онъ пустился въ море и нѣсколько лѣтъ служилъ на судахъ коммерческихъ, военныхъ и посылаемыхъ генуэзцами въ опасныя экспедиціи, чтобы оспаривать волны Средиземнаго моря, и его гавани у Испанцевъ, Арабовъ и Магометанъ. Этѣ экспедиціи, родъ неустанныхъ крестовыхъ ополченій, снаряжаемыя религіею, войною и торговлею, были для моряковъ Италии школою торговли, мужества и благочестія. Воинъ, матросъ и ученый, въ одно и то же время, Колумбъ плавалъ съ флотиліею, которую Генуя ссудила герцогу Анжуйскому для покоренія Неаполя; съ эскадрою, отправленною для завоеванія Туниса; съ кораблями Генуи, сражавшимися съ Испанцами. Говорятъ, что онъ достигъ начальства надъ нѣкоторыми незначительными экспедиціями военнаго флота своей родины. Исторія теряетъ его изъ виду въ этѣ начинанія его жизни. Но такое ли было его предназначеніе? Ему было тѣсно въ этихъ тѣсныхъ моряхъ, въ этой мелкой дѣятельности. Его мысль была обширнѣе его родины. Онъ замыслилъ завоеваніе для человѣческаго рода, а не для маленькой Лигурійской республики.

VIII. Въ промежутки этихъ экспедицій, Христофоръ Колумбъ изучалъ свое искусство, удовлетворяя тѣмъ страсти своей къ гео-

графин и мореплаванію, и добывая средства къ своему умѣренному содержанию Онъ составлялъ, гравировалъ и продавалъ навигаціонныя карты. Этотъ скудный промыселъ едва удовлетворялъ его необходимымъ потребностямъ, но онъ менѣе искалъ прибыли, чѣмъ успѣховъ науки. Мысли и всѣ чувства его, обращенныя на звѣзды и море, стремились къ одной постоянной цѣли, имъ однимъ провидѣнной.

Крушеніе галеры, на которой находился Колумбъ, въ лиссабонскомъ рейдѣ, случившееся влѣдствіе битвы и пожара, было причиною водворенія его въ Португалію. Чтобы спастись отъ пламени, онъ бросился въ море, и держась за весло, доплылъ до берега. Португалія, волнуемая страстію къ морскимъ открытіямъ, была соотвѣтственнымъ мѣстопробываніемъ для Колумба. Онъ надѣялся найти тамъ случай и средства волю наплаваться по Океану; но нашелъ тамъ только благодарный трудъ географа, неизвѣстность и—любовь. Въ церкви одного изъ лиссабонскихъ монастырей, куда онъ ходилъ ежедневно молигься, увидѣлъ онъ и страстно полюбилъ молодую затворницу. Она была дочь благороднаго италіявца, находившагося въ португальской службѣ. Отецъ ея, отправляясь въ дальнее морское путешествіе, поручилъ дочь свою инокинямъ этого монастыря. Довна Фелиппа де Палестрелло (такъ звали красавицу Колумба), привлеченная задумчивыми величественно-прекрасными чертами иностранца, почувствовала и сама внушенную ею любовь. Оба безъ родителей, оба безъ состоянія, на чужой сторонѣ, они не могли встрѣтить препятствій взаимной ихъ склонности, и обвѣнчались въ довѣріи къ Провидѣнію и къ трудамъ, единственному приданому невѣсты, единственному достоянію жениха. Чтобы прокормить жену и тещу, онъ продолжалъ рисовать морскія карты и глобусы; португальскіе мореплаватели охотно ихъ покупали, за точность и совершенство работы. Въ полученныхъ имъ отъ жены бумагахъ ея отца, и въ переняскѣ его тестя съ извѣстнымъ флорентинскимъ географомъ Тосканелли, нашелъ онъ, какъ говорятъ, точныя свѣдѣнія о моряхъ Индіи и средства повѣрить тогдашнія сбивчивыя и сказочныя данныя мореплаванія. Наслаждаясь вполне семейнымъ счастіемъ и географическими изслѣдованіями, онъ вскорѣ сдѣлался

отцемъ и назвавъ первороднаго сына своего именемъ своего брата *Діаго*. Общество его состояло изъ мореплавателей, возвращающихся изъ дальнихъ плаваній, и моряковъ, мечтающихъ о неизвѣстныхъ странахъ и о проложеніи новыхъ путей по безграничному океану. Комната, въ которой онъ работалъ карты и глобусы, была горномъ идей, догадокъ, предположеній, которыя непрерывно направляли его воображеніе къ чему-то неизвѣстному на земномъ шарѣ. Жена его, — дочь и сестра моряковъ, раздѣляла его энтузіазмъ. Когда онъ оборачивалъ въ рукахъ свои глобусы и назначалъ на нихъ острова и твердыя земли, его поражало обширное пустое пространство на Атлантическомъ океанѣ. Казалось, что для равновѣсія земнаго шара недостаетъ съ одной стороны огромной земной тверди. Неопредѣленные толки, исполненные чудесности и ужаса, передавали воображенію мореплавателей о существованіи земли, видимой иногда съ *Азорскихъ* острововъ, неподвижной или плывучей, замѣтной въ ясную погоду и исчезающей съ приближеніемъ отважныхъ мореходцевъ. Венеціанскій путешественникъ *Марко Поло*, котораго почитали тогда сказочникомъ, и слова котораго оправдались впоследствии, рассказывалъ на Западѣ о чудесахъ материковъ, о государствахъ и образованности *Тартаріи*, *Индіи* и *Китаи*, который, по тогдашнему мнѣнію, распроетранялся до предѣловъ, гдѣ теперь находятся обѣ Америки. Колумбъ и самъ надѣялся найти на предѣлахъ Атлантическаго океана отчизну золота, жемчуга и мирры, откуда царь *Соломонъ* черпалъ свои богатства, — этогь *Обфиръ* библейскихъ преданій, сокрывающійся съ той поры въ туманѣ дали и чудеснаго. Онъ искалъ не новаго материка, а страны утраченной. *Приманка* ложнаго вѣда его къ истинѣ.

Онъ полагалъ по своимъ изысканіямъ, что земля дѣйствительно, какъ увѣряли *Птоломей* и арабскіе географы, была кругла какъ шаръ, и слѣдовательно ее можно было объѣхать кругомъ, но онъ почиталъ земной шаръ на нѣсколько тысячъ миль менѣе обширнымъ, нежели онъ есть въ самомъ дѣлѣ. Онъ заключалъ изъ этого, что море, заливающее пространство до неизвѣстныхъ странъ *Индіи*, не такъ велико, какъ предполагали мореплаватели. Суще-

ствование этихъ странъ подтверждалось разсказами мореходовъ, которые далѣе другихъ заходили за Азорскіе острова. Иные видѣли носившіяся по волнамъ вѣтви деревь, неизвѣстныхъ на западѣ; другіе встрѣчали въ открытомъ морѣ отрубки деревь съ рѣзною работою, но грубая отдѣлка свидѣтельствовала, что рѣзба эта сдѣлана не стальнымъ инструментомъ; многіе видали исволивскія сосны, выдолбленныя какъ челнокъ, въ которомъ могли помѣститься восемьдесятъ гребцовъ; нѣкоторые встрѣчали на волнахъ огромный тростникъ, а иногда и трупы людей, бѣлыхъ и бронзоваго цвѣта, которыхъ черты вовсе не сходствовали съ чертами западныхъ, азіатскихъ или африканскихъ народовъ.

Всѣ эти признаки, носившіяся послѣ бурь на Океанѣ, и какое-то темное предчувствіе, всегда предшествующее дѣйствительности, какъ тѣнь предшествуетъ человѣку, когда солнце свѣтитъ сзади, предсказывали толпѣ чудеса, а Колумбу существованіе земель за равнинами морей, начертанныхъ на картахъ тогдашними географами; только онъ почиталъ земли эти продолженіемъ азіатскаго материка, занимающаго болѣе одной трети земнаго шара. Эта выпуклость, неизвѣстная ни тогдашнимъ мудрецамъ, ни геометрамъ, оставалась въ добычу догадкамъ, на всемъ пространствѣ Океана, которое надобно было пройти, чтобы достигнуть береговъ воображаемой Азіи. Одни почитали эту выпуклую поверхность неизмѣримою; другіе воображали, что это бездонное и безпредѣльное пространство, родъ заатмосферной среды, въ которой мореплаватели блуждаютъ, какъ аэронавты въ воздушныхъ пустыняхъ. Бѣдшая часть, не зная законовъ тяжести и центровлекулщей силы, но допуская уже шарообразность земли, полагали, что люди и корабли, занесенные случаемъ къ нашимъ антиподамъ, срывались съ земли и падали въ безконечное пространство. Законы уровня и движеній моря также были тогда неизвѣстны, и многіе думали, что Океанъ, за чертою извѣстныхъ острововъ, есть ничто иное, какъ хаотическая влага, смѣшеніе небесъ съ водою, гдѣ волны образуютъ бездонныя пропасти, и спадаютъ съ небесъ неизмѣримыми водопадами, и что зашедшіе туда корабли должны неминуемо погибнуть. Наболѣе свѣдущіе,

допуская законы тяжести и некоторые условия равновесія и уровня въ жидкостяхъ, полагали, что шаровидная форма земли образуетъ въ Океанѣ покатость къ антиподамъ, по которой корабли скатились бы къ странамъ безвѣстнымъ, но никогда уже не могли бы подняться по этой покатости въ Европу. Изъ всѣхъ этихъ ложныхъ понятій о существѣ, формѣ, пространствѣ и выпуклости Океана, образовался какой-то таинственный всеобщій ужасъ, съ которымъ только гений-испытатель могъ безтрепетно встрѣтиться мыслию, и только сверхъестественное мужество могло отважиться направить туда корабль свой. Это была борьба человеческой мысли съ стихіею; чтобы рѣшиться на такой подвигъ, надо быть вдохновеннымъ человѣкомъ.

IX. Неодолимое влеченіе бѣднаго географа къ этому предпріятію было единственною связью, удерживавшею Колумба въ Лиссабонѣ, какъ отчизнѣ его помысловъ. Въ это время въ Португаліи царствовалъ Иоаннъ II, государь просвѣщенный и предпримчивый. Государство это, въ видахъ колонизаціи, торговли и попытокъ проложить путь моремъ изъ Европы въ Азію, высылало безпрестанно морскія экспедиціи. Васко де Гама, португальскій колонистъ, едва не открылъ путь въ Индію мимо мыса Доброй Надежды. Колумбъ, убѣжденный въ томъ, что откроетъ путь болѣе прямой, направляясь въ Востоку, послѣ долгихъ стараній былъ представленъ королю, объяснилъ ему свои предположенія относительно открытій, и просилъ дать ему средства осуществить ихъ ко славіи и пользѣ Португаліи. Король выслушалъ его съ участіемъ. Довѣріе чужеземца къ своимъ надеждамъ не показалось ему до того неосновательнымъ, чтобы почестъ эти надежды несбыточными мечтами. Колумбъ, независимо отъ своего врожденнаго краснорѣчія, обладалъ краснорѣчіемъ собственнаго убѣжденія. Онъ тронулъ короля, и Е. В. назначилъ совѣтъ изъ ученыхъ и политиковъ, для разсмотрѣнія проекта генуэзскаго морехода, и повелѣлъ представить донесеніе о мѣрѣ вѣроятности въ успѣхѣ. Этотъ совѣтъ, составленный изъ королевскаго духовника и нѣсколькихъ географовъ, имѣвшихъ тѣмъ болѣе значеніе при дворѣ, что они не отдалялись отъ предрасудковъ

толпы, — объявилъ, что всѣ предположенія Колумба несбыточны и не согласны съ законами физики и догматами вѣры.

Другой совѣтъ, созванный съ соизволенія короля по настоятельной просьбѣ Колумба, произнесъ то же рѣшеніе. Между тѣмъ члены послѣдняго совѣта, безъ вѣдома короля, поступили предательски, сообщивъ планы Колумба искусному кормчому, и отправа его втайнѣ извѣдать предложенный путь къ Азіи. Снаряженный въ эту экспедицію корабль, послѣ нѣсколькихъ-дневнаго плаванія по ту сторону Азорскихъ острововъ, ужаснулся отъ пустоты и безграничности раздвинушагося передъ нимъ пространства, и возвратясь назадъ, еще болѣе утвердилъ совѣтъ въ его презрѣніи къ догадкамъ Колумба.

Х. Во время бесполезнаго ходатайства у португальскаго двора, Колумбъ лишился своей жены, утѣшенія и подпоры его мыслей. Состояніе его, небреженное въ надеждѣ на предстоящія открытія, разстроилось. Его займодавцы кинулись на плоды трудовъ его, забрали глобусы и карты и угрожали лишить его свободы. Много времени утрачено такъ въ ожиданіяхъ; зрѣлыя лѣта приближались, — ребенокъ подрасталъ. Колумбъ видѣлъ въ будущности нищету вмѣсто новаго міра, котораго надѣялся. Онъ ушелъ ночью изъ Лиссабона, гнѣшомъ, безъ средствъ, полагаясь только на состраданіе и гостепріимство въ дорогѣ, ведя подъ руку сына своего Діаго, или неся его на себѣ, когда ребенокъ уставалъ. Такъ пришелъ онъ въ Испанію, рѣшившись предложить Фердинанду и Изабеллѣ государство, или материкъ, отвергнутыя Португалією.

На пути своемъ къ непостоянному пребыванію испанскаго двора, перетѣзжавшаго изъ одной столицы въ другую, Колумбъ достигъ монастыря дельа-Рабида, въ сосѣдствѣ Палоса. Онъ навстрѣвался отправиться въ небольшой городокъ Гуэрту, въ Андалузію, гдѣ жилъ братъ его жены. Тамъ предполагалъ онъ оставить Діаго у своего зятя, и отправиться одному переносить змѣденія, неудачи, а можетъ быть и недовѣріе при дворѣ Фердинанда и Изабеллы.

Увѣряютъ, что Колумбъ, прежде чѣмъ отправился въ Испанію,

счелъ долгомъ, какъ итальянецъ и генуэзецъ, предложить свои помыслы первоначально родинѣ своей Генуѣ, а потомъ сенату Венеціи, но что этѣ республики, озабоченныя честолюбивыми видами болѣе близкими, и состязаніемъ болѣе необходимымъ, отвѣчали ему равнодушіемъ и отказами.

XI. Настоятель монастыря дела-Рабида былъ гораздо свѣдущѣ въ наукахъ нужныхъ для мореплаванія, чѣмъ можно было бы ожидать отъ человѣка его званія. Приморское мѣстоположеніе монастыря и сосѣдство съ гаванью небольшого городка Палось, въ то время одной изъ самыхъ торговыхъ въ Андалузїи, сблизили его съ моряками. Когда еще онъ жилъ при дворѣ и въ столицѣ, онъ занимался науками естественными, и старался разрѣшить тѣ проблемы, которыми тогда были заняты всѣ умы. Состраданіе, которое онъ сначала почувствовалъ къ Колумбу, скоро превратилось въ восторгъ и въ полное сознаніе тѣхъ гениальныхъ истинъ, которые провидѣлъ этотъ человѣкъ, такъ далеко превышавшій свою скромную долю. Онъ видѣлъ въ немъ одного изъ тѣхъ посланниковъ Божіихъ, которые отвергають народы, но которые между тѣмъ, въ скудной рукѣ своей, проносятъ имъ невидимыя сокровища истины. Геній увлекаетъ понявшихъ его. Настоятель призналъ себя послѣдователемъ Колумба, Провидѣніе почти всегда посылаетъ такихъ людей своимъ избранныкамъ для того, чтобъ поддержать ихъ бодрость противъ несправедливости, противъ жестокости, противъ преслѣдованій толпы, — и эти люди представляютъ намъ образъ самой высокой дружбы: они друзья истины непризнанной, они повѣренные надеждъ несбыточныхъ.

Жуанъ Пересъ почувствовалъ, что ему, изъ тишины уединенной кельи его, предназначено обратить на Колумба вниманіе Изабеллы, быть проповѣдникомъ его великаго замысла. Но онъ любилъ Колумба не за одну великую мысль его, — онъ полюбилъ въ немъ его самого, его прекрасный характеръ, его мужество, его скромность, его благородную важность, его краснорѣчіе, его набожность, его добродѣтель, его кротость и терпѣніе, съ какимъ переносилъ онъ свои несчастія, — словомъ, онъ видѣлъ въ

этомъ странникѣ одну изъ тѣхъ натуръ, на которыхъ лежитъ печать даровъ божественныхъ, и которыя ознаменовываютъ чело-вѣка необыкновеннаго. Послѣ перваго же разговора съ монахомъ, Колумбъ приобрѣлъ не только его довѣріе, но и сердечную привязанность, сохранившуюся, что случается очень рѣдко, на цѣлую жизнь. У Колумба былъ истинный другъ.

ХII. Жуанъ Пересъ предложилъ Колумбу и его сыну убѣжище, или по крайней мѣрѣ кратковременный отдыхъ въ своемъ скромномъ монастырѣ. Между тѣмъ, онъ сообщилъ своимъ друзьямъ, жившимъ въ приморскомъ городкѣ, о прибытіи и похожденияхъ гостя, его посѣтившаго. Онъ попросилъ ихъ въ монастырь, потолковать со странникомъ о его мысли и предположеніяхъ, чтобъ повѣрить его теоріи съ практическими познаніями опытныхъ мореходовъ. Докторъ Фернадесъ, другъ настоятеля, чело-вѣкъ извѣстный своею ученостью, и Пьетро де Веласко, морякъ искусный и опытный, провели, по приглашенію настоятеля, нѣсколько вечеровъ въ монастырѣ, въ бесѣдахъ съ Колумбомъ. Съ удивленіемъ, съ жаромъ увлеклись эти люди, одаренные здравымъ умомъ и безхитростнымъ сердцемъ, его идеями, и составили съ нимъ тотъ первый союзъ, который, въ началѣ своего, таился только между малымъ числомъ прозелитовъ, въ глуши ихъ уединенія. Всѣ великія истины, прежде чѣмъ сдѣлаются онѣ извѣстными міру, зараждаются въ небольшо-мъ кружкѣ друзей,—и эти первые друзья, которыхъ нашелъ Колумбъ въ бѣдной кельѣ монаха, и которыхъ убѣдилъ онъ въ своихъ мнѣніяхъ, вѣроятно доставили ему болѣе торжества, чѣмъ одобреніе цѣлой Испаніи, когда уже предпріятіе его увѣчалось успѣхомъ. Здѣсь вѣра въ его гевій основывалась на однихъ его словахъ,—тамъ на самомъ событіи.

ХIII. Настоятель, убѣжденный еще болѣе въ истинѣ Колумбовой мысли согласіемъ съ нею ученаго доктора Фернадеса и знающаго моряка Веласко, предложилъ ему оставить своего сына въ мона-стырѣ, а самому отправиться ко двору, представить Фердинанду и Изабеллѣ свое открытіе и просить у нихъ средствъ для его осуществленія. Случай сдѣлалъ смиреннаго монаха непосредственнымъ и сильнымъ представителемъ у испанскаго двора. Онъ

былъ при немъ много лѣтъ, пользуясь, какъ духовникъ, полной довѣренностью Изабеллы; и, съ тѣхъ поръ какъ склонность къ уединенію заставила его удалиться изъ царскихъ чертоговъ, онъ постоянно былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ новымъ духовникомъ королевы, котораго самъ же назначилъ ей. Этотъ духовникъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ духовникъ короля, былъ Фернандо де Талавера, настоятель монастыря въ Прадо, человекъ достойный и пользовавшійся такою силою, что ему во всякое время былъ открытъ входъ во внутренніе покои. Жуанъ Пересъ далъ Колумбу рекомендательное письмо къ Фернанду де Талавера, написанное въ самыхъ жаркихъ выраженіяхъ; снабдилъ его всѣмъ нужнымъ для путешествія: муломъ, проводникомъ и кошелькомъ, полнымъ цехиновъ; наконецъ, проводивъ до воротъ монастырскихъ, обнялъ его и поручилъ Богу, который вдохновляетъ людей и покровительствуетъ великимъ предпріятіямъ.

XIV. Колумбъ, проникнутый чувствомъ благодарности къ этому первому и великодушному другу, который никогда не терялъ его изъ вида, направилъ путь свой въ Кордуу, тогдашнюю постоянную резиденцію испанскаго двора. Онъ вѣхалъ съ той увѣренностію въ успѣхъ, которая составляетъ мечту, но съ тѣмъ вмѣстѣ и путеводную звѣзду генія. Скоро однако жъ эта мечта должна была исчезнуть, путеводная звѣзда—затмиться. Для подарка испанской коронѣ новаго свѣта предпріимчивый Генуэзец выбралъ минуту невыгодную: Фердинандъ и Изабелла старались тогда очистить собственное королевство отъ испанскихъ Мавровъ, и имъ было не до того, чтобы думать о пріобрѣтеніи какой-то предполагаемой земли, за морями невѣдомыми. Мавры, завоеватели Испаніи, послѣ долгаго и прочнаго своего владычества, увидѣли наконецъ, что у нихъ отнимаютъ городъ за городомъ, провинцію за провинціей. Побѣжденные повсюду, несмотря на свои возстанія, они держались уже только въ горахъ и долинахъ, окружающихъ Гренаду, эту волшебную столицу ихъ царства. Фердинандъ и Изабелла употребили все свое могущество и всѣ силы обоихъ своихъ соединенныхъ королевствъ, чтобъ отнять у Мавровъ эту цитадель Испаніи. Бракъ Фердинанда и Изабеллы, основанный на видахъ политическихъ, во

скрѣпленный любовью и увѣнчанный обоюдною славой, принесъ въ приданое съ одной отороны королевство Аррагонское, съ другой — Кастильское. Но, соединивъ такимъ образомъ двѣ отдѣльныя провинціи, король и королева сохранили между тѣмъ каждый свою независимую власть надъ своими прежними подданными. У каждаго изъ нихъ былъ свой совѣтъ и свои министры, которые соединялись тогда только, когда дѣло шло о пользахъ обоихъ государствъ и обоихъ супруговъ.

Природа, одарившая этихъ двухъ царственныхъ особъ всѣми качествами душевными и тѣлесными, хотя и различными, но почти равными по достоинству, какъ будто хотѣла пополнить одного другимъ, для распространенія того обаянія, которое суждено имъ было прозвезсть на поприщѣ войны и гражданственности. Фердинандъ былъ немного постарѣе Изабеллы, и соединялъ въ себѣ искуснаго воина и искуснаго политика. Еще прежде тѣхъ лѣтъ, когда горькій опытъ научаетъ человѣка узнавать людей, онъ разгадалъ ихъ. Однимъ недостаткомъ его была какая-то скрытность и холодность, происходящая отъ недовѣрчивости и отчуждающія сердце отъ восторженности и великодушія.

Но оба эти недостатка короля вознаграждались, въ совѣтѣ его, прекрасной душой, исполненнымъ добра сердцемъ и гениальнымъ умомъ Изабеллы. Юная, прекрасная, любимая всѣми, обожаемая имъ, получившая обширныя свѣдѣнія, набожная безъ суевѣрія, краснорѣчивая, полная увлеченія къ великимъ подвигамъ, восторга къ великимъ людямъ, довѣрія къ великимъ мыслямъ, она положила на дѣйствія и политику Фердинанда печать своего сердечнаго героизма, и озарила ихъ какимъ-то чуднымъ блескомъ своего пылкаго воображенія. Она была вдохновеніемъ, онъ исполнительъ. Одва находила отраду въ громкой славѣ своего мужа; другой видѣлъ свою славу въ удивленіи и любви жены. Это двойственное царствованіе, которое должно было сдѣлаться для Испаніи почти баснословнымъ, для полного своего безсмертія ожидало только пріѣзда бѣднаго чужестранца; и вотъ этотъ бѣдный чужестранецъ, съ письмомъ бѣднаго монаха въ рукѣ, явился просить себѣ входа въ великолѣпный кордуанскій дворецъ.

XV. Рекомендательное письмо Жуана-Переса, прочитанное духовником королевы съ предубѣжденіемъ и недоувѣрчивостію, доставило Колумбу только длинную перспективу ожиданій, отказовъ въ аудиенціяхъ и унынія. Колумбъ былъ худо принятъ всѣми «потому, говорить историкъ Овiedo, современиый великому человеку, — что онъ былъ чужестранецъ, былъ дурно одѣтъ и не имѣлъ никакой другой рекомендаціи, кромѣ письма францисканскаго монаха, отшельника, давно уже забытаго при дворѣ.»

Королю и королеву даже не доложили о немъ, по равнодушію или недоувѣрчивости духовника, обманувшаго всѣ надежды Жуана-Переса. Не смотря на то, Колумбъ, непоколебимый, какъ сама увѣренность, постоянно оставался въ Кордуѣ, ожидая часа болѣе благоприятнаго. Истощивъ весь скромный кошелекъ своего друга, онъ съ трудомъ могъ содѣржать себя составленіемъ географическихъ картъ и глобусовъ, представляя въ нихъ образъ того міра, который ему суждено было открыть. Вся жизнь его, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ Кордуѣ, представляетъ только горькую бѣдность, рядъ непрерывныхъ трудовъ и обманутыхъ ожиданій. Но еще не простившійся съ молодостію, еще пылкій сердцемъ, онъ любилъ и былъ самъ любимъ въ эти тяжкіе годы испытанія, потому что рожденіе втораго сына его Фернанда относится къ тому времени. Это была любовь тайная, никогда не освященная бракомъ, и Колумбъ воспоминаетъ о ней въ своемъ завѣщаніи съ самымъ трогательнымъ раскаяніемъ. Фернандо былъ его побочный сынъ, но Колумбъ воспитывалъ его съ такою же нѣжностію, какъ и Діаго.

XVI. Между тѣмъ его благородная наружность и умъ не могли затмиться и въ той бѣдной жизни, которую велъ онъ. Люди значительные, входившіе иногда въ сношенія съ нимъ по его ученымъ трудамъ, ощущали при взглядѣ на него и при его разговорѣ, то невольное удивленіе и сочувствіе, которое какъ бы посредствомъ электричества сообщаетъ намъ о высокомъ назначеніи человека, еще вовсе неизвѣстнаго. Его занятія и его разговоры нечувствительно пріобрѣли ему друзей не только въ Кордуѣ, но и при самомъ дворѣ. Въ числѣ этихъ друзей, имена которыхъ сохрани-

лсь въ исторіи, какъ спутниковъ открытія новаго міра, извѣстенъ Диего де Квинтанилла, контролеръ финансовъ королевы; Джеральдини, наставникъ принцевъ, дѣтей ея, и Антоніо Джеральдини, папскій нунцій при дворѣ Фердинанда; наконецъ Мендоза, архіепископъ толедскій и кардиналъ, — человекъ, имѣвшій такой вѣсъ, что его называли третьимъ королемъ Испаніи.

XVII. Архіепископъ толедскій, устрешенный сначала новыми географическими понятіями, которыя, казалось ему, противорѣчили тогдашнимъ понятіямъ о мірозданіи, скоро однако жъ убѣдился теплою и искренней набожностію Колумба, что мысль его не можетъ быть мыслию богопротивною. Онъ понялъ наконецъ, что исполненіе этой мысли будетъ, напротивъ, доказательствомъ совершенства творенія и премудрости Творца. Увлеченный системой Колумба, очарованный имъ самимъ, онъ принялъ его подъ свое покровительство и исходатайствовалъ ему царскую аудіенцію. Послѣ двухъ лѣтъ ожиданія, Колумбъ явился на эту аудіенцію съ смиреніемъ бѣднаго чужестранца, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, съ самоувѣренностію даника, который приноситъ своимъ повелителямъ то, чего сами они не въ состояніи дать ему. «Думая о томъ, чѣмъ я былъ тогда, — пишетъ самъ онъ впоследствии, — я терялся отъ моего ничтожества; но думая о томъ, что могу я приобрести, я чувствовалъ себя равнымъ съ тѣми, передъ кѣмъ предстоялъ. Это былъ не я, а орудіе Бога, избранное Имъ для совершенія его дѣла.»

XVIII. Фердинандъ выслушалъ Колумба съ важностію, Изабелла съ восторгомъ. Съ перваго взгляда и съ перваго слова его она почувствовала къ нему удивленіе, доходившее почти до фанатизма, расположеніе, похожее на вѣжность. Природа очаровала Колумба наружностію, увлекавшею взоры, краснорѣчіемъ, увлекавшимъ умы. Она сотворила его такимъ какъ бы для того собственно, чтобъ одной изъ первыхъ поклонницъ его была королева; чтобъ мысль объ открытіи, которымъ онъ подарилъ свой міръ, была взлелѣяна и согрѣта въ сердцѣ женщины. Эта женщина была Изабелла. Ея постоянная благосклонность къ Колумбу ни сколько не уменьшалась ни отъ равнодушія къ нему ея двора, ни отъ извѣстовъ его враговъ, ни отъ всѣхъ препятствій, встрѣчав-

ныхъ имъ. Она вѣровала въ него съ перваго дня своего съ нимъ знакомства, была его прозелиткой на тронѣ и другомъ до конца жизни.

Фердинандъ, выслушавъ Колумба, приказалъ, для испытанія его, составить въ Саламанкѣ совѣтъ полъ предсѣдательствомъ Фернанда де Талавера. Совѣтъ этотъ былъ составленъ изъ ученѣйшихъ людей обоихъ королевствъ, духовныхъ и свѣтскихъ, собравшихся въ доминиканскомъ монастырѣ тогдашней литературной столицы Испаніи. Колумбъ помѣстился тамъ же. Въ то время попы и монахи вмѣшивались во всѣ дѣла Испаніи. Просвѣщеніе заключалось въ духовенствѣ; король управлялъ только его дѣйствіями, но мыслило оно; инквизиція стерегла, схватывала, поражала все, чтò только казалось ей носившимъ на себѣ признакъ ереси, хотя бы это было вблизи самаго трона. Король соединилъ въ собранномъ имъ совѣтѣ, профессоровъ астрономіи, географіи, математики и всѣхъ вообще наукъ, преподававшихся въ Саламанкѣ. Эта аудиторія не утратила однако жъ Колумба. Онъ думалъ, что будетъ судимъ людьми равныхъ съ нимъ понятій, но его судили мыслители близорукіе. При первомъ зѣданіи, происходившемъ въ большой залѣ монастыря, жеучевые, уже заранѣе убѣжденные въ томъ, что всякая теорія, недоступная ихъ невѣжеству и выходящая изъ принятой ими рутинны, есть не что иное, какъ мечта ума разстроенаго или заносчиваго, приняли его не больше, какъ за обманщика, надѣявшагося обогатиться своими выдумками. Никто даже не удостоилъ его выслушать, кромѣ двухъ или трехъ монаховъ изъ саламанкскаго монастыря Св. Стефана, не имѣвшихъ никакого авторитета и занимавшихся въ своемъ уединеніи такими отраслями наукъ, которыми высшее духовенство презирало. Другіе экзаминаторы, забросавъ его цитатами изъ Библіи, пророчествъ, псалмовъ и различныхъ учителей Церкви, тоже заранѣе, и не принимая никакихъ возраженій, опровергли текстами, превратно истолкованными, всю Колумбову теорію земнаго шара и казавшееся имъ негипотезою предположеніе его о существованіи антиподовъ. Одинъ изъ латинскихъ духовныхъ посателей, *Лактанцій*, выразился объ антиподѣ именно слѣдующими словами, которыя привели въ опроверженіе Ко-

лумбу: «можно ли повѣрить такой нелѣпости, пишетъ онъ, что есть антиподы, находящіеся совершенно въ противномъ положеніи съ нами, люди, которые ходятъ вверхъ ногами и внизъ головой; есть такая часть свѣта, гдѣ все поставлено на выворотъ, и гдѣ деревья растутъ корнями вверхъ?..» Другой пошелъ еще далѣе, и сдѣлалъ выводъ, что такъ какъ антиподы никакимъ образомъ не могутъ происходить отъ Адама, а между тѣмъ Писаніе говорить, что всѣ люди происходятъ отъ одного и того же праотца, слѣдовательно такая мысль противна вѣрѣ. Наконецъ нѣкоторые ученые, принявъ въ буквальный смыслъ поэтическое выраженіе Царя-Пророка, привели цитату изъ псалма, гдѣ говорится, что Богъ простеръ небо надъ землею подобно шатру, и, основываясь на этомъ, доказывали, что въ такомъ случаѣ земля не можетъ имѣть никакой другой формы, кромѣ плоской.

Напрасно Колумбъ представлялъ имъ доводы, что теорія его нѣсколько не противорѣчитъ догматамъ вѣры, напрасно вступалъ онъ съ ними въ пренія богословскія, изъ которыхъ было видно, что онъ лучше ихъ умѣетъ и молиться и вѣровать, какъ болѣе высокое и болѣе совершенное созданіе Бога,—его краснорѣчіе, быстро увлекавшее умы свѣтлые, было недоступно для этихъ упрямыхъ и одностороннихъ умовъ. Нѣсколько монаховъ, какъ мы уже сказали, готовы были согласиться съ нимъ, вопреки общему мнѣнію, и въ числѣ ихъ Діего де Деца, монахъ доминиканскаго ордена, человѣкъ необыкновенный въ томъ вѣкѣ, и впоследствии сдѣлавшійся архіепископомъ толедскимъ, отважно рѣшился опровергать мнѣніе совѣта и защищать Колумба. Но и это неожиданное заступничество не могло преодолѣть равнодушія и упрямыхъ мнѣній экзаминаторовъ. Собранія повторялись, не кончаясь никакимъ рѣшительнымъ заключеніемъ. Онѣ утомили поборниковъ истины оттяжками и отсрочками, этия всегдашнимъ приближеніемъ несправедливости, и были прерваны наконецъ новой войной Фердинанда и Изабеллы противъ гренадскихъ Мавровъ. Колумбъ, измученный проволочками, опечаленный, оскорбленный совѣтомъ, во все еще поддерживаемый благосклонностію Изабеллы и видѣвшій всю свою надежду только въ побѣдѣ, одержанной надъ Діего де Деца въ пользу своего мнѣнія, грустно сопутствовалъ двору

и арміи изъ лагеря въ лагерь, изъ города въ городъ, тѣсно ждалъ новаго къ себѣ вниманія короля, озабоченнаго военными тревогами. Королева между тѣмъ, столько же постоянная въ своемъ благоволеніи къ нему, сколько фортуна была постоянна въ своихъ гоненіяхъ, никакъ не переставала ободрять этого непризнаннаго генія, въ предсказаніяхъ котораго нисколько не сомнѣвалась. Вездѣ, гдѣ только останавливался дворъ, она приказывала приготовить для Колумба домъ или палатку, и съ тѣмъ вмѣстѣ отдавала приказаніе своему казначею содержать ученаго чужестранца не какъ бѣдняка просящаго милости, но какъ гостя почетнаго, котораго дворъ желаетъ удержать при себѣ.

XIX. Такъ прошло много лѣтъ. Впродолженіи этого времени, король португальскій, король англійскій и король французскій, узнавъ отъ своихъ посланниковъ о чудномъ человѣкѣ, обѣщающемъ открыть новый міръ, сдѣлали Колумбу лестныя предложенія, которыми хотѣли переманить его въ свою службу. Глубокая признательность къ Изабеллѣ и любовь къ доньѣ Беатрисѣ Энрикеттѣ, жившей въ Кордуѣ, и сдѣлавшейся уже матерью втораго сына его Фернандо, заставили его отвергнуть эти предложенія и остаться при испанскомъ дворѣ. Онъ берегъ свое будущее царство для юной королевы, своей благодѣтельницы: онъ хотѣлъ ей замянуть за милости половиною земнаго шара. Такимъ образомъ онъ присутствовалъ при осадѣ и взятіи Гренады; онъ видѣлъ Боабдила, вручающаго Фердинанду и Изабеллѣ ключи отъ своей столицы, сдающаго дворцы Абенсераговъ и мечеть Алгамбры. Онъ участвовалъ въ торжественномъ въѣздѣ короля и королевы въ это послѣднее убѣжище исламизма. Онъ видѣлъ, кромѣ того, много другихъ побѣдъ и другихъ торжественныхъ въѣздовъ, — и всѣ эти важныя событія казались ему ничтожными въ сравненіи съ его великой мыслию.

Миръ, послѣдовавшій за этими побѣдами, въ 1492 году, позволилъ испанскому двору снова заняться изслѣдованіемъ Колумбова проэкта, для чего опять былъ составленъ совѣтъ, уже не въ Саламанкѣ, а въ Севильѣ. Этотъ совѣтъ, несмотря на то, что въ немъ такъ же, какъ и въ саламанкскомъ, Діего де Деца сильно поддерживалъ Колумба, отвергъ наконецъ рѣшительно предложеніе

предпріимчиваго Генуэзца, если не какъ обманъ, такъ по крайней мѣрѣ, какъ химеру, довѣріе къ которой уцѣлило бы достоинство испанскаго двора. Объявляя приговоръ совѣта Колумбу, Фердинандъ, по внушенію Изабеллы, смягчилъ его, и подалъ надежду, что какъ только въ Испаніи водворится совершенное спокойствіе окончательнымъ изгнаніемъ Мавровъ, дворъ не откажетъ содѣйствовать ему и денежнымъ вспомоцествованіемъ и своимъ флотомъ въ его открытіяхъ и пріобрѣтеніяхъ, задержанныхъ на такое долгое время.

XX. Ожидая исполненія королевскихъ обѣщаній, но не слишкомъ впрочемъ обольщаясь ими, Колумбъ пытался склонить двухъ сильныхъ испанскихъ вельможъ, герцога Медина Сидонія и герцога Медина Сели, дать ему средства для исполненія его предпріятія. Оба они имѣли въ своихъ владѣніяхъ гавани и свои собственные корабли. Сначала выгоды и слава будущихъ пріобрѣтеній польстили ихъ, но потомъ, отъ недовѣрчивости ли, или отъ равнодушія, они опять отказали Колумбу. Зависть вооружилась противъ него еще прежде его успѣховъ: она преслѣдовала его какъ будто по инстинкту, хотѣла оспорить у него то, что сама же называла химерами. Со слезами на глазахъ, снова долженъ былъ онъ отказаться отъ блеснушаго ему луча надежды. Холодность, съ которой выслушивали его министры, упрямство, съ которымъ отвергали монахи его идею, какъ заблужденіе противорѣчащее наукѣ, тщетныя обольщенія и безконечныя проволочки двора, продолжавшіяся шесть лѣтъ, до того утомили его и истощили его терпѣніе, что онъ отказался наконецъ отъ всѣхъ новыхъ домогательствъ у испанскаго двора, и рѣшился предложить свои услуги французскому королю, приглашавшему его уже нѣсколько разъ.

Безъ денегъ, безъ надежды, убитый необходимостью разстаться съ Беатрисой, отправился онъ изъ Кордуи пѣшкомъ не для новыхъ попытокъ счастья, но для того, чтобы снова свидѣться съ другомъ своимъ Жуаномъ Пересомъ. Онъ предполагалъ взять отъ него своего сына Діега, отвезть его въ Кордуу и поручить, до отъѣзда во Францію, попеченіямъ доны Беатрисы, матери втораго своего сына, чтобы такимъ образомъ оба брата, взросшіе вмѣстѣ, подъ надзоромъ одной и той же женщины,

сохранили другъ къ другу навсегда ту братскую привязанность, которая одна только и могла составлять все ихъ наследство послѣ отца.

XXI. Слезы покатались изъ глазъ Жуана Переса, когда онъ увидѣлъ своего друга, возвратившагося пышномъ и одѣтаго еще бѣдѣе прежняго. По этой одеждѣ, по его печальному лицу, онъ помялъ, что люди были несправедливы къ нему, что всѣ надежды его разрушились. Но Провидѣніе сохранило еще podporу Колумбу въ сердцѣ его друга. Вѣра бѣднаго монаха въ истину будущаго открытій любимца его не угасла въ немъ отъ неудачъ Колумба, а напротивъ вооружила его самымъ жаркимъ негодованіемъ противъ несправедливости. Горячо онъ обнялъ его, горячо принялъ къ сердцу его горестъ, но скоро вся прежняя энергія пробудилась въ немъ, и онъ дѣятельно принялся опять помогать ему всѣми своими средствами, всѣмъ уваженіемъ, которымъ пользовался. Снова пригласивъ къ себѣ доктора Фернандеса, стариннаго повѣреннаго мыслей Колумба, онъ пригласилъ еще Алонзо Пинцоно, богатаго морскаго торговца, и Себастьяна Родригеса, искуснаго кормчаго. Идея Колумба, опять развернутая имъ въ этомъ небольшомъ кружкѣ друзей, все больше и больше увлекала его слушателей. Они убѣждали его остаться въ Испаніи, и, не смотря на ея неблагодарность, все-таки предоставить ей славу этого открытій, неслыханнаго въ исторіи. Пинцоно предложилъ свои деньги и свои корабли для сооруженія безсмертной флотиліи, если только правительство утвердитъ эту экспедицію. Жуанъ Пересъ написалъ письмо уже не къ духовнику королевы, а къ ней самой, убѣждая ее и во имя славы и во имя религіи содѣйствовать предпріятію, которое должно было обратить цѣлые народы отъ идолопоклонства къ истинной вѣрѣ. Онъ призывалъ на помощь себѣ небо и землю, онъ былъ вдохновенъ и чувствомъ патріотизма и чувствомъ дружбы. Колумбъ отказался вѣхать съ этимъ письмомъ ко двору, гдѣ уже испытывалъ столько оскорбительныхъ неудачъ. Кормчій Родригесъ вызвался самъ отвезти письмо въ Гренаду, гдѣ тогда находился дворъ. Онъ отправился, напутствуемый молитвами и благословеніями Колумбовыхъ друзей, и на четырнадцатый день возвратился въ

монастырь съ полнымъ торжествомъ. Королева прочла письмо Жуана Переса, и нашла въ этомъ письмѣ отголосокъ собственныхъ своихъ чувствъ въ пользу Генуэзца. Она приказала настоятелю тотчасъ же явиться ко двору, а Колумбу ждать его возвращенія и опредѣленія совѣта въ монастырь.

Жуанъ Пересъ, восхищенный счастьемъ своего друга, не теряя ни минуты, велѣлъ осѣдлатъ себѣ мула, и въ ночь же отправился въ дорогу, одинъ, черезъ страну занятую Маврами. Онъ вѣрилъ, что Небо сохранитъ его, какъ помощника своего великаго предначертанія. Онъ пріѣхалъ; двери дворца отворились при его имени; онъ увидѣлъ королеву; онъ воспламенилъ въ ней еще болѣе, своимъ жаркимъ ходатайствомъ, ея собственное довѣріе и стремленіе къ великому дѣлу. Маркиза де Майя, любимица Изабеллы, тоже была увлечена, какимъ-то восторженнымъ и вмѣстѣ религіознымъ чувствомъ, въ пользу человѣка, покровительствуемаго благочестивымъ отшельникомъ. Эти двѣ женщины, вдохновенныя краснорѣчіемъ монаха, восторжествовали наконецъ надъ упрямствомъ цѣлаго двора. Изабелла, изъ своихъ секретныхъ суммъ, послала Колумбу денегъ, — съ тѣмъ, чтобы онъ купилъ себѣ мула, приличную одежду, и тотчасъ же пріѣхалъ ко двору. Жуанъ Пересъ, рѣшившійся остаться при королевѣ до пріѣзда своего друга, послалъ нарочнаго съ этой радостной вѣстью и деньгами къ доктору Фернандесу, для передачи того и другаго Колумбу.

XXII. Колумбъ, купивъ мула и взявъ съ собою слугу, пріѣхалъ въ Гренаду, гдѣ долженъ былъ представить свой проектъ и свои условія министрамъ Фердинанда. «При дворѣ, пишетъ одинъ очевидецъ, явился какой-то человѣкъ, котораго министры обоихъ королевствъ смѣнивали съ толпой обыкновенныхъ неотвязчивыхъ просителей, и который часто, стоя въ углу какой-нибудь передней, весь погружался въ свой огромный проектъ открытія новаго міра. Важный, задумчивый, одинокій посреди шума и многолюдства, онъ, казалось, равнодушно смотрѣлъ на покореніе Гренады, которое составляло торжество цѣлаго народа и двухъ дворовъ; человѣкъ этотъ былъ Христофоръ Колумбъ!»

На этотъ разъ препятствія возродились уже со стороны самого Колумба. Увѣренный въ дѣйствительности существованія земель, которыя онъ предлагалъ Испаніи, онъ хотѣлъ, въ уваженія къ самому величію подарка, который готовилъ свѣту и своимъ государямъ, сохранить для себя права, достойныя своего подвига. Излишнее смиреніе казалось ему въ этомъ случаѣ преступленіемъ. Убогій, одинокій, уже нѣсколько разъ получавшій отказы, онъ какъ царь трактовалъ о своемъ государствѣ, которое видѣлъ еще только въ воображеніи. «Нищій, говорилъ Фернандесъ де Талавера, председательствуетъ въ совѣтѣ и предлагаетъ королю такія условія, какъ будто онъ самъ король.» Колумбъ требовалъ титула и правъ адмирала, власти и сана вице-короля всѣхъ странъ, которыя онъ пріобрѣтетъ для Испаніи своими открытіями, и, какъ для себя, такъ и для своихъ потомковъ, десятую часть всѣхъ доходовъ, какіе принесутъ эти страны. «Забавныя предложенія дѣлаетъ этотъ чудакъ, — говорили его противники въ совѣтѣ, — предварительно требуя неограниченной власти адмирала и вице-короля, если ему удастся его экспедиція, а самъ онъ ничѣмъ не обезпечиваетъ насъ въ случаѣ неудачи; ему ровно нечего терять, потому что онъ ничего не имѣетъ.»

Сначала требованія его удивили, потомъ раздражили совѣтъ. Ему предложили условія менѣе почетныя для него и болѣе выгодныя для короны. Несмотря на свою нищету и ничтожество, онъ отвергъ ихъ. Утомленный, но не побѣжденный девятнадцатью годами тяжкихъ испытаній, перенесенныхъ имъ съ той минуты, когда зародилась въ немъ его великая мысль, вотще предлагаемая сильнымъ земли, онъ боялся унижить себя, продавъ слишкомъ дешево даръ, ниспосланный ему Богомъ. Почтительно откланявшись совѣту Фердинанда, онъ сѣлъ на своего мула, подареннаго ему королевой, и, по прежнему бѣдный и одинокій, отправился въ Кордуу съ тѣмъ, чтобъ оттуда ѣхать во Францію.

XXIII. Когда Изабелла узнала объ отъѣздѣ Колумба, ей овладѣло предчувствіе, что вмѣстѣ съ нимъ удаляется отъ нея безвозвратно что-то великое. «Какъ осмѣлились эти люди, сказали

она съ негодованіемъ о членахъ совѣта, торговаться о цѣнѣ цѣлаго государства и еще больше, о цѣнѣ нѣсколькихъ милліоновъ душъ, погражающихъ въ идолопоклонствѣ отъ своего невѣжества!» Маркиза Майя и контролеръ финансовъ Изабеллы, Квинтанилья, раздѣляли и даже еще больше подстрекали ея негодованіе. Король, болѣе холодный и болѣе разсчетливый, колебался: его останавливали издержки, потребныя для этого предпріятія, и останавливали тѣмъ больше, что въ ту минуту въ финансахъ былъ недостатокъ. «Хорошо, сказала Изабелла, увлеченная порывомъ благороднаго вдохновенія, я принимаю всѣ эти издержки на счетъ моей собственной кастильской короны! Я заложу всѣ мои брилліанты и всѣ драгоценности для этой экспедиціи!»

Этотъ порывъ женскаго сердца восторжествовалъ надъ экономіей короля, и основываясь на разсчетѣ болѣе высокому, принесъ обѣимъ монархіямъ несчетныя богатства и обширныя области. Благородные порывы высокыхъ душъ лучшіе ихъ путеводители и въ экономіи и въ политикѣ.

За увѣхавшимъ послали въ погоню. Посланный догналъ его въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Гренады, на мосту знаменитаго Пинозскаго ущелія, гдѣ Мавры и Христіане часто обагрjali кровію своей юды источника, раздѣлявшаго владѣнія этихъ двухъ племенъ. Глубоко тронутый Колумбъ поспѣшилъ возвратиться и броситься къ ногамъ королевы. Ея слезы заставили Фердинанда принять условія, предложенныя Колумбомъ, и утвердить ихъ. Защищая дѣло своего любимца, она думала угодить этимъ самому Богу, еще не познавшему цѣлой половиной рода человѣческаго. Въ приобрѣтеніи новыхъ царствъ, которыя предлагалъ ей Колумбъ, она видѣла и приобрѣтенія для царства небеснаго. Фердинандъ видѣлъ тутъ распространеніе своихъ земныхъ владѣній. Поборникъ христіанства съ оружіемъ въ рукахъ, побѣдитель Мавровъ, онъ считалъ всѣхъ людей, не познавшихъ еще истинной вѣры, своими невольниками по праву, и почти не считалъ ихъ людьми. По смыслу папской буллы, выданной ему еще прежде римскимъ дворомъ, тамъ миллионы идолопоклонниковъ, которыхъ обратилъ бы онъ въ христіанство, должны были безусловно поступить въ его под-

данство. Изабелла хотѣла приобрести эти миллионы людей ю имя земной славы и награды небесной. Фердинандъ согласился на это по расчетамъ политическимъ.

Трактатъ между Фердинандомъ, Изабеллою и бѣднымъ Генуэзцемъ, пришедшимъ за нѣсколько лѣтъ назадъ въ ихъ столицу пѣшкомъ и не имѣвшимъ другаго пристанища кромѣ монастыря, принявшаго его подъ гостепріимный кровъ свой изъ состраданія, былъ подписанъ 17 апрѣля 1492 года. Изабелла приняла всѣ издержки экспедиціи на счетъ своего Кастильскаго королевства. Справедливость требовала, чтобы та, которая повѣрила Колумбу прежде всѣхъ, жертвовала и для его предпріятія больше другихъ; справедливость же требовала и того, чтобы слава усѣха въ великомъ дѣлѣ отнеслась, прежде всѣхъ другимъ именѣ, къ ея имени. Сборнымъ пунктомъ Колумбовой экспедиціи и пунктомъ отправленія его эскадры была назначена гавань андалузскаго городка Палось. Такимъ образомъ въ томъ же самомъ мѣстѣ, близъ котораго Колумбъ въ первый разъ сообщилъ свою мысль Жуану Пересу и друзьямъ его, суждено было и осуществиться ей. Настоятель монастыря делья-Рабида былъ свидѣлемъ всѣхъ его приготовленій къ отъѣзду, и свидѣтелемъ той торжественной минуты, когда паруса Колумба поднялись наконецъ, и понесли его къ тѣмъ невѣдомымъ странамъ, которыя вѣстѣ созерцали они окомъ генія и вѣры.

XXIV. Множество препятствій непредвидѣнныхъ, и, казалось, непреодолимыхъ, снова представилось Колумбу, не смотря на всю благосклонность къ нему Изабеллы и на всѣ обѣщанія Фердинанда. Въ государственномъ казначействѣ оказался недостатокъ въ деньгахъ; флотъ былъ разосланъ въ экспедиціи болѣе необходимыя; моряки, назначаемые въ этотъ далекій и таинственный путь, или отказывались отъ службы или просто разбѣгались, по тому, какъ ихъ старались вербовать; приморскіе города, которымъ было предписано королевскимъ указомъ снарядить суда, отказывались повиноваться и разнашивали корабли, которые, по общему мнѣнію, осуждались на вѣрную гибель. Недовѣріе, страхъ, зависть, насмѣшка, скупость, даже самая революція сто разъ грозили лишить Колумба и агентовъ двора всѣхъ матеріальныхъ средствъ,

которыя были необходимы для исполненія его предпріятія, и которыя милостями Изабеллы были уже, такъ сказать, отданы въ его руки. Казалось, что какой-то злой геній противится генію единства земля, и старается разлучить навсегда объ ея половины, которыя мысль одного человѣка стремилась слить въ одно цѣлое.

Колумбъ распоряжался всѣмъ изъ-подъ тихой стѣни монастыря дельа-Рабида, гдѣ Жуанъ Пересъ снова принялъ его какъ желаннаго гостя, и оказывать ему всѣ возможные пособія. Безъ посредничества и вліянія этого бѣднаго монаха, назначенная экспедиція разстроилась бы окончательно. Всѣ приказанія двора оставались безъ всякаго исполненія. Монахъ прибѣгъ къ своимъ друзьямъ, живущимъ въ городкѣ Палосъ, и склонилъ ихъ своей собственной увѣренностью, своими просьбами, своими совѣтами. Три брата Пинцоне, богатые морскіе торговцы Палоса, какъ ужъ сказали мы, воодушевились вѣрой и надеждой Колумбова друга, и вызвались охотой идти въ экспедицію, на свой собственный счетъ и на своихъ собственныхъ судахъ, въ то время называемыхъ *каравеллами*. Они пригласили матросовъ изъ палосской и могуарской гавани, и чтобъ вселить въ нихъ болѣе мужества и довѣрія, двое изъ трехъ братьевъ, Мартинъ Алонзо Пинцоне и Винцентъ Юнесъ Пинцоне, рѣшились сами участвовать въ экспедиціи и принять начальство надъ двумя кораблями. Благодаря этой великодушной рѣшительности Пинцоновъ, три морабля, или, точнѣе сказать, три барки, *Санта Марія*, *Пинта* и *Нина*, были готовы выйти въ море, въ пятницу 3-го августа, 1492 года.

XXV. На разсвѣтъ дня Колумбъ вышелъ на берегъ въ сопровожденіи настоятеля и монаховъ монастыря дельа-Рабида, которые молили небо, чтобъ оно утишило волны морскія и благословило паруса его. Онъ обнялъ своего сына Діега, поручилъ его попеченіемъ Жуана Переса и взошелъ на самый большой изъ трехъ кораблей, *Санта Марія*. На немъ выставилъ онъ свой флагъ адмирала океана неизвѣстнаго и вице-короля земли невѣдомой. Народъ высыпалъ безчисленной толпой изъ обѣихъ гаваней и со всего побережья, желая посмотрѣть на это отплытіе, которое онъ, по своимъ предразсудкамъ, считалъ безвозвратнымъ. Эти проводы скорѣе походили на шествіе похоронное, чѣмъ на шествіе

торжественное; на всѣхъ лицахъ выражалось больше горести, чѣмъ надежды; повсюду слышался плачъ, а не благословенія. Матери, жены, сестры матросовъ проклинали, воплодоса, ненавистнаго чужестранца, который своими сладкими рѣчами обморочивъ умъ королевы и подвергалъ неминуемой опасности жизнь столькихъ людей для одной прихотливой своей мысли. Колумбъ, какъ и всѣ люди, которые выводятъ толпу изъ колеи предрасудковъ, навлекалъ на себя ея ропоть. Таковъ всегда ходъ вещей. Каждый, кто уходитъ впередъ челоуѣчества, хога бы для того, чтобы пріобрѣсть ему новую идею, новую истину, новый міръ, подвергается его негодованію. Человѣкъ подобенъ морю: въ немъ есть сила, побуждающая его къ движенію, и съ тѣмъ вмѣстѣ какая-то тяжесть, удерживающая его въ неподвижности. Эти два противоположныя начала составляютъ равновѣсіе въ его натурѣ. Горе тому, кто нарушить это равновѣсіе!

XXVI. Видъ этой жалкой флотиліи, которую едва можно было сравнить съ какой-нибудь рыболовной экспедиціей или таможеннымъ разѣздомъ, въ самомъ дѣлѣ такъ далеко несоотвѣтствовалъ великому ея назначенію и тѣмъ опасностямъ, которымъ должна была она подвергнуться, что не могъ не возбудить недоуірія въ народѣ. Изъ трехъ судовъ Колумба, только одно, на которомъ помѣстился самъ онъ, имѣло палубу. Но и это былъ небольшой и очень ненадежный купеческій корабль, довольно ветхій и уже пострадавшій отъ волнъ. У двухъ другихъ палубъ не было, и казалось, каждая волна можетъ потопить ихъ. Но корма и носъ этихъ судовъ были очень высоки, какъ у древнихъ галеръ, и въ обѣихъ этихъ частяхъ помѣщались деки, подъ которыми матросы могли укрываться въ дурную погоду, и которыя препятствовали волнамъ заливаться въ каравеллу. На этихъ жалкихъ баркахъ было по двѣ мачты: одна на среднѣ, другая назади. Средняя мачта была обѣ одномъ большомъ, четвероугольномъ парусѣ, задняя обѣ одномъ же треугольномъ римскомъ. Два длинныя весла, употребляемая очень рѣдко и съ большимъ трудомъ, таяулись отъ низкихъ бортовъ средней части каравеллы, и, въ случаѣ надобности, едва могли придать самое медленное движеніе судну. Изъ этихъ-то трехъ судовъ различной

всичини, и изъ ста двадцати челоуѣкъ состояла вся эскадра, надъ которой Колумбъ принялъ начальство. Только онъ одинъ, изъ всего своего экипажа, взошелъ на корабль съ увѣренностью, съ твердостью, съ спокойствіемъ въ сердцѣ. Мысль, которой онъ былъ занятъ постоянно въ продолженіи девятнадцати лѣтъ, превратилась для него наконецъ какъ бы въ чистую достовѣрность. Не смотря на то, что въ это время онъ уже перешелъ за половину жизни своей и ему было уже пятьдесятъ шесть лѣтъ, ему казалось, что онъ не жилъ еще и что вся жизнь его впереди. Онъ чувствовалъ всю юность надежды, видѣлъ въ будущемъ безсмертіе. Какъ бы уже для принятія въ свою власть этого новаго міра, къ которому были готовы нести его паруса, онъ написалъ, и обнародовалъ передъ самыиъ своимъ отправленіемъ, что-то въ родѣ торжественной исповѣди, въ которой подробно вложилъ все, что думалъ онъ, что испытывалъ и что дѣлалъ для достиженія своей цѣли; потомъ исчислилъ всѣ титулы, всѣ права, всѣ доходы и почести, которые предоставлялъ ему испанскій дворъ въ его будущихъ пріобрѣтеніяхъ, и наконецъ призывалъ Бога и людей себѣ въ помощники и въ свидѣтели того постоянства, съ какииъ будетъ онъ стремиться къ окончанію начинаемаго дѣла. «До тѣхъ поръ глаза мои не сомкнутся своимъ,—говорилъ онъ, оканчивая свое воззваніе къ Старому и Новому свѣту,—доколѣ корабли мои не пристанутъ къ желанному берегу!»

XXVII. Легкій, попутный вѣтерокъ понесъ мореплавателей къ Канарскимъ островамъ, послѣдному ихъ приставищу на безпредѣльномъ океанѣ. Благодаря Бога за благополучное плаваніе, Колумбъ предпочелъ бы однако жъ этому легкому вѣтерку вѣтеръ сильный, который бы скорѣе унесъ его корабли изъ водъ извѣстныхъ и посѣщаемыхъ мореходами. Онъ боялся, и очень основательно, что видъ отдаленныхъ береговъ Испаніи пробудитъ въ его морякахъ, и безъ того отправившихся въ неизвѣстный путь робко и неохотно, непреодолимое желаніе возвратиться на родину. Въ предпріятіяхъ важныхъ не надобно давать людямъ времени одумываться, и надобно избѣгать всѣхъ случаевъ, которые могли бы подать имъ поводъ къ раскаянію. Колумбъ зналъ это, и старалъ отъ нетерпѣнія войти какъ можно скорѣе въ незнакомыя

моря, откуда возвратный путь могъ найдти только онъ одинъ посредствомъ своей науки, своихъ картъ, своего компаса. Но и тутъ ему встрѣтилось препятствіе. Одна изъ его каравеллъ, *Пинта*, у которой сломался руль и оказалась течь, заставила его, противъ воли, пристать къ Канарскимъ островамъ, чтобы промѣнять это судно на новое. Три недѣли простоялъ онъ въ гавани и не находилъ такихъ судовъ, какія ему были надобны. Наконецъ онъ удовольствовался тѣмъ, что починилъ *Пинту* и перемѣнилъ паруса у *Нины*, судна неповоротливаго, тяжелаго и замедлявшаго его ходъ. Тамъ же запасся онъ вновь пресной водой и съѣстными припасами, потому что его суда, и по величинѣ своей и по невѣдѣнію палубъ, не могли поднять большаго количества припасовъ.

Послѣ перехода черезъ Канарскіе острова, пламя Тенерифскаго волкана, озарившее багровымъ свѣтомъ своимъ небо и море, навело на матросовъ Колумба сильный ужасъ. Имъ казалось, что въ этомъ пламени они видятъ огненный мечъ ангела, который изгналъ Адама изъ Эдема, и который преграждаетъ и имъ входъ въ моря и въ земли запрещенныя. Адмиралъ переходилъ съ корабля на корабль, чтобъ разсѣять этотъ паническій страхъ и объяснить этимъ простымъ людямъ физическую причину феномена. А когда Тенерифскій пикъ скрылся отъ ихъ глазъ, они виали въ такое уныніе, которое было еще сильнѣе самаго ужаса, чувствуемаго ими при видѣ огнедышущей горы. Потерявъ изъ вида эту послѣднюю точку, которая была для нихъ вѣрсомъ Стараго свѣта, они думали, что потеряли навсегда всю земную твердь, что они плывутъ въ какомъ-то безграничномъ пространствѣ, въ сферѣ какой-то другой планеты. Они упали духомъ и тѣломъ, они были похожи на бродящія тѣни, не имѣющія даже собственныхъ гробовъ. Адмиралъ снова собралъ ихъ вокругъ себя, на своемъ кораблѣ. Онъ возбудилъ ихъ упавшій духъ энергіей собственной души, и, какъ поэтъ, по одному только вдохновенію описалъ имъ и материки, и острова, и моря, и богатства, и растительность, и солнце, и золотые рудники, и берега, усыянные жемчугомъ, и горы, блестящія дорогими каменьями, и долины, благоухающія ароматомъ пряностей, однимъ словомъ,

все, что мечталось ему по ту сторону океана, волны котораго вели его къ желаннымъ берегамъ. Описаніе было такъ живо, такъ краснорѣчиво, что какъ будто бы Колумбъ уже видѣлъ все это. Яркими красками своего богатаго воображенія онъ увлекъ своихъ подчиненныхъ, возвратилъ имъ потерянную бодрость. Попутный вѣтеръ, постоянно дующій съ запада, но постоянно легкій, еще болѣе подстрекалъ ветераніе матросовъ достигнуть скорѣе этихъ чудныхъ странъ, и теперь одна только продолжительность пути могла устрашить ихъ. Колумбъ, желая скрыть часть пространства, въ которое онъ завелъ своихъ людей, ежедневно въ своемъ ходовомъ журналѣ утаивалъ повсюду путь, ими пройденный, и такимъ образомъ, обманывая матросовъ и кормчихъ, сократилъ въ ихъ воображеніи этотъ долгій путь почти вдвое. Только тайно и для себя собственно записывалъ онъ настоящія вычисленія съ тѣмъ, чтобъ ему же одному только и былъ извѣстенъ этотъ путь, который онъ хотѣлъ скрыть отъ всѣхъ другихъ, какъ тайну, только ему принадлежащую. Экипажъ, обманутый постоянно ровнымъ вѣтромъ и тихимъ теченіемъ, дѣйствительно повѣрилъ наконецъ, что онъ все еще не выпелъ изъ отдаленныхъ европейскихъ морей.

XXVIII. Колумбъ хотѣлъ такъ же скрыть отъ своихъ матросовъ такой феноменъ, который, въ двухъ стахъ миляхъ отъ Тенерифа, привелъ въ затрудненіе его собственную ученость. Это было измѣненіе движенія магнитной стрѣлки, которую называлъ Колумбъ единственнымъ и неусыпнымъ своимъ путеводителемъ, и которая, по его словамъ, сама начала колебаться, приближаясь къ предѣламъ міра, дотошъ не посѣщаемою. Впродолженіи нѣсколькихъ дней, онъ таилъ въ дуплѣ всѣ страшныя сомнѣнія, зародившіяся въ немъ по этому случаю. Но его кормчіе, слѣдившіе за компасомъ съ такимъ же вниманіемъ, какъ и онъ самъ, тоже скоро замѣтили это измѣненіе. Не менѣе удивленные, но гораздо менѣе твердые, чѣмъ ихъ начальникъ, готовый бороться съ самой природой, они вообразили, что въ этомъ безконечномъ пространствѣ самыя стихіи не тѣ, и что здѣсь законы онѣ измѣняются. Это непонятное смятеніе, замѣченное ими въ

компасъ, овладѣло и собственными ихъ умами и чувствами. Блѣдныя передавали они другъ другу свои замѣчанія, и наконецъ бросили суда на произволь вѣтра и волнь, какъ единственныхъ оставшихся имъ путеvodителей. Ихъ страхъ сообщился и матросамъ. Колумбъ, напрасно старавшійся объяснить себѣ эту загадку, которой наука и до сихъ поръ не можетъ еще разрѣшить, опять прибѣгнувъ къ своему воображенію, этому собственному компасу, которымъ небо одарило его. Онъ выдумалъ объясненіе ложное, но удовлетворительное для необразованныхъ умовъ его матросовъ, и приписалъ измѣненія, замѣченныя въ движеніи магнитной стрѣлки, вліянію новыхъ планетъ, къ которымъ они приближались, приближаясь къ полюсу. Это объясненіе, основанное на астрологіи и соответствующее понятіямъ того времени, ободрило кормчихъ, вмѣстѣ съ которыми снова ободрился и матросы. Появленіе цапли и въ которыхъ тропическихъ птицъ, которыя показались на другой день и начали виться вокругъ мачтъ, произвело на ихъ чувства такое же пріятное впечатлѣніе, какое произвело объясненіе адмирала на ихъ умы. Эти обитатели земли не могли жить въ открытомъ морѣ, безъ деревьевъ, безъ травы, безъ прѣсной воды. Онъ казались очевидными предвозвѣстниками осуществленія мечты Колумба. Экипажъ плылъ за полетомъ птицъ съ бѣльшею довѣренностью. Благорастворенная, ровная и умеренная температура этой части океана, безоблачное небо, прозрачность волнь, дельфины, играющіе около кормы кораблей, яркость звѣздъ во время ночи, воздухъ какъ будто наносящій издали ароматы травъ и цвѣтовъ—все, казалось, подъ этой широтой предвѣщало близость земли. Предчувствіе новаго міра, еще невидимаго, уже вдыхалось такъ сказать. Каждый видѣлъ здѣсь лучезарные дни, пріятныя звѣзды, прозрачныя ночи Андалузіи. «Недоставало только соловья», пишетъ Колумбъ.

XXIX. Въ морѣ тоже показались предвѣстники береговъ: по волнамъ носились неизвѣстныя растенія. Одни изъ нихъ, говорятъ историки этой первой экспедиціи, принадлежали къ породѣ морскихъ растеній, почву которыхъ составляютъ прибрежныя отмѣли; другія къ породѣ горныхъ травъ, отрываемыхъ волнами отъ прибрежныхъ скалъ; третьи къ породѣ

растений плавающихъ; наконецъ нѣкоторыя только что были оторваны отъ корней и сохраняли еще всю свою зелень и свѣжесть. На одномъ изъ такихъ растений замѣтили живаго морскаго паука; этотъ мореходъ новаго рода помѣстился на пучкѣ травы и плылъ на немъ преспокойно. Всѣ эти травы и живыя существа не могли встрѣтиться вдалекѣ отъ земли. Цапля, принадлежащая къ породѣ птицъ не плавающихъ, и не почующихъ на водѣ, откуда же залетѣла сюда, и куда летитъ она? мѣсто ея вочужа никакъ не могло быть далеко. Потомъ начала измѣняться сама температура морской воды и цвѣтъ ея: признакъ несомнѣнный измѣненія почвы дню. Мѣстами море было похоже на роскошный лугъ, покрытый морскими растениями, которыя, оплетаясь вокругъ кормы, замедляли плаваніе. Утромъ и вечеромъ отдаленный туманъ, какъ бы образующійся изъ массы земныхъ испареній, представлялъ на горизонтѣ формы горъ и долинъ, и радостный крикъ: земля! готовъ былъ сорваться съ устъ каждого матроса. Колумбъ не хотѣлъ ни слишкомъ удостовѣрять ихъ, ни разочаровывать въ этой надеждѣ, которая, оживляя его людей, способствовала тѣмъ и его собственному дѣлу. Но онъ считалъ, что мотилия его была еще не далѣе, какъ за триста миль отъ Тенерифа, а по его предположеніямъ земля, которой искалъ онъ, не могла быть ближе, какъ еще за семьсотъ или восемьсотъ миль.

XXX. Въ числѣ спутниковъ Колумба не было ни одного челоука ни столько твердаго, ни столько вѣрнаго, чтобъ онъ могъ безопасно сообщить ему эти предположенія, и потому онъ таилъ ихъ отъ всѣхъ. Впродолженіи всего этого далекаго пути онъ бесѣдовалъ только съ самимъ собой, съ звѣздами, и прибѣгалъ, за помощію и совѣтами, къ одному Богу. Почти безъ сна, какъ сказалъ онъ самъ въ своемъ прощальномъ воззваніи къ Старому свѣту, проводилъ онъ цѣлыя дни въ своей каютѣ, записывая знаками, понятными только для него одного, градусы широты и долготы, и мѣру пространства, имъ пройденнаго. Ночью онъ постоянно оставался на вагубѣ, подлѣ кормчихъ, изучалъ положеніе звѣздъ и наблюдалъ состояніе моря. Почти всегда одинокій,

онъ внушалъ въ своихъ людей, своей задумчивой важностью, иногда глубокое почтеніе къ себѣ, иногда вѣдѣтельность, иногда даже страхъ, который удалялъ ихъ отъ него. Великіе люди, превышающіе другихъ своими идеями и рѣшительностью своего характера, всегда почти остаются въ какомъ-то одиночествѣ или, лучше сказать, въ нѣкоторыхъ разстояніи отъ толпы, — быть можетъ потому, что этимъ вдохновеннымъ людямъ нужно больше углубляться въ самихъ себя, чѣмъ всѣмъ другимъ; или, быть можетъ, обыкновенныя люди болѣе близко становятся къ нимъ, боясь выказать свое ничтожество передъ избраннымъ созданіемъ Творца.

XXXI. Земля, предвозвѣстники которой начали показываться такъ часто, являлась однако жъ не болѣе какъ въ миражахъ, и фантастическіе берега, видимые съ кораблей, исчезали каждый разъ, при восходѣ солнца, вмѣстѣ съ туманомъ. Мореходы все не видали конца безграничному пространству, въ которомъ носились они. Самое постоянство вѣтра, непрерывно дующаго съ запада, и ни разу не заставившаго ихъ переменить паруса во все время такого долгаго плаванія, начинало ихъ страшить: они вообразили, что этотъ вѣтеръ постоянно господствуетъ въ той части великаго океана, окружающаго землю, и что давая имъ возможность такъ легко плыть на востокъ, онъ будетъ потомъ служить непреодолимымъ препятствіемъ къ возвращенію ихъ. Идти противъ вѣтра можно только лавируя; и если для нихъ сдѣлается необходимо это безконечное лавированіе, гдѣ жъ они возьмутъ припасовъ на такое долгое время, которое необходимо имъ для того, чтобъ достигнуть опять Стараго свѣта? Кто спасетъ ихъ отъ голода и жажды при этой страшной и долгой борьбѣ съ стихіями? Вотъ вопросы, которые рождались въ умѣ каждого. Многіе уже начали исчислять, сколько потребуется дней для возвращенія, сколько потребуется припасовъ на эти дни; начали роптать на упорство адмирала, все еще не достигающаго цѣли своей, и начали упрекать другъ друга въ томъ, что они жертвуютъ своей жизнью мысли безумца!

Но каждый разъ, когда подобный ропотъ готовъ былъ дойти до мятежа, казалось, само Провидѣніе спѣшило снова поддер-

жать надежду экипажа. Такъ, 20 сентября, этотъ вѣтеръ, благопріятный для плаванія, но производившій неблагоприятное впечатлѣніе, измѣнился и подулъ съ юго-востока. Матросы съ радостью замѣтили эту перемѣну, хотя и замедлявшую настоящей ихъ путь, но по крайней мѣрѣ доказавшую имъ, что въ стихіяхъ и этой части свѣта тоже есть перемѣны, есть жизнь, признаки которой увидѣли они на затрепетавшихъ своихъ парусахъ. Къ вечеру показались птички, принадлежація къ породѣ птицъ ѣжныхъ и вьющихъ гнѣзда свои въ кустарникахъ, около жилья. Онѣ быстро вились вокругъ мачтъ, и ихъ рѣзвый полетъ и веселое щебетанье не доказывали ни малѣйшей усталости, ни того страха, которые должны бы были чувствовать птицы, занесенныя въ море, противъ воли своей, сильнымъ вѣтромъ. Щебетанье этихъ птицъ, похожее на то, какое матросы слышали около хижинъ своихъ, въ миртовыхъ и померанцовыхъ рощахъ Андалузїи, напомнило имъ родину и опять предвозвѣстило близость земли. Морскія растенія, покрывавшія поверхность моря, становилась все гуще и зеленѣе, и образовали родъ луговъ, или полей, покрытыхъ недозрѣлымъ хлѣбомъ: подводная растительность составляла какъ бы порогъ земли. Она восхищала взоры мореходовъ, утомленные уже вѣчной лазурью моря. Но травы скоро сгустились до такой степени, что Колумбъ и его спутники боялись запутаться въ этой сѣти, и остаться въ ней плѣнниками, какъ плователи сѣверныхъ морей между глыбами льдовъ. Такъ каждая радость ихъ тотчасъ же превращалась въ тревогу, такъ все неизвѣстное страшило человѣка! Колумбъ, какъ вожатый, потерявшій дорогу въ безслѣдныхъ пустыняхъ океана, опять долженъ былъ скрывать свое недоумѣніе, и объяснять своимъ спутникамъ то, чего не понималъ самъ.

XXXII. Штили, такъ часто господствующіе подъ экваторомъ, сильно его тревожили. Если въ этихъ странахъ все мертво, даже самый вѣтеръ, какъ же поднимутся его паруса и понесутся его корабли? Но вдругъ море поднялось безъ вѣтра, какъ будто отъ какого-нибудь подземнаго переворота. Огромный китъ показался на поверхности волнъ: экипажъ вообразилъ, что онъ видитъ одно изъ сказочныхъ чудовищъ, пожирающихъ корабли.

Волненіе, произведенное имъ, отнесло ихъ на стремя морскаго потока, которому они при совершенномъ безвѣтріи не могли противиться. Имъ вообразилось, что ихъ тянуло въ пучину, и что ихъ поглотитъ та неизмѣримая бездна, въ которой слились всѣ воды потопа. Мрачные, ожесточенные, собрались они вокругъ своихъ матъ, и уже голосъ ихъ ропота становился громче. Они сговаривались принудить кормчихъ обратить корабли назадъ, бросить адмирала въ море, какъ безумца, который довелъ своихъ спутниковъ до необходимости или посягнуть на его жизнь, или пожертвовать своей собственной. Колумбъ, угадывавшій заговоры подчиненныхъ по ихъ взглядамъ и ропоту, смущалъ ихъ своимъ спокойствіемъ, и разстроивалъ всѣ ихъ замыслы своей самоувѣренностью.

Сама природа явилась къ нему на помощь: прохладный вѣтерокъ снова подулъ съ запада и сравнялъ поверхность моря подъ рулемъ кораблей. Передъ закатомъ дня, Алонзо Пинцоне, командовавшій *Пинтой* и плывшій близъ адмирала для того, чтобъ имѣть возможность разговаривать съ нимъ черезъ борты кораблей, первый, стоя на кормѣ своей каравеллы, закричалъ: *Земля!* Весь экипажъ повторилъ этотъ радостный крикъ торжества и спасенія, и бросившись на колѣни, единогласно заплъ благодарственный гимнъ Богу.

Въ первый разъ отъ сотворенія міра, звуки гимна духовнаго неслись по волнамъ этого юнаго океана. Когда наконецъ они смокли, весь экипажъ спѣшилъ взбираться на маты, на кормы, на носы, однимъ словомъ, на всѣ возвышенныя части судовъ, для того, чтобъ увидѣть собственными глазами берегъ, показавшійся Алонзо Пинцоне на юго-востокѣ. Одинъ Колумбъ сомнѣвался; но и самъ онъ на столько желалъ вѣрить, что никакъ не спѣшилъ утишить восторгъ своихъ спутниковъ. Не смотря на то, что онъ предполагалъ искомую имъ землю не иначе, какъ прямо на востокъ, онъ позволилъ однако жъ своей флотиліи, въ продолженіи цѣлой ночи, идти на юго-востокъ, считывая, что ему лучше потерять немного времени, чѣмъ послѣднее довѣріе кормчихъ и матросовъ къ любимой его мечтѣ. Ихъ минутная иллюзія опять однако жъ исчезла. Съ разсвѣтомъ

дни, земля, замѣченная Пинцономъ, разстѣлась вмѣстѣ съ ночнымъ туманомъ. Адмиралъ, по прежнему, направилъ свой путь на востокъ.

XXXIII. Море постоянно было спокойно, небо безоблачно, и яркое солнце отражалось въ волнахъ, какъ въ чистомъ зеркалѣ. Стада дельфиновъ, окружающихъ корабли, сдѣлались еще многочисленнѣе; все море, казалось, было наполнено своими обитателями; летучія рыбы скользили по палубамъ и упали на нихъ. Все это помогало Колумбу, все поддерживало надежду въ его матросахъ, и заставляло ихъ забывать дни. 1 октября они считали себя не далѣе, какъ за шестьсотъ миль отъ странъ, посѣщаемыхъ мореходами; тайный журналъ адмирала показывалъ ему, что они были отъ этихъ мѣстъ уже болѣе чѣмъ за восемьсотъ миль. Между тѣмъ, не смотря на умноженіе признаковъ, доказывающихъ близость земли, земля не показывалась ни съ которой стороны горизонта. Ужасъ началъ овладѣвать всѣми. Самъ Колумбъ, подъ личиною наружнаго спокойствія, срывалъ внутреннюю тревогу. Онъ начиналъ бояться, не миновалъ ли онъ какъ-нибудь незамѣтно острова архипелага, не оставилъ ли уже за собой оконечность Азіи, которую искалъ, и не влыветъ ли теперь по какому-нибудь третьему океану.

Самый легкій экипажъ изъ трехъ судовъ Колумба, *Нина*, влывшая въ авангардъ, выкинула наконецъ, 7 октября, условный флагъ, и пушечнымъ выстрѣломъ подала сигналъ, что съ нее видны берегъ. Два другіе корабля, приблизившись къ ней, узнали, что она была обманута облакомъ. Вѣтеръ разнесъ его, и разнесъ вмѣстѣ съ нимъ минутную радость матросовъ, которая скоро превратилась въ страшное отчаяніе. Ничто такъ не утомляетъ духа, какъ порывы обманчивой радости и слѣдующаго за ними горькаго разочарованія: это самая язвительная насмѣшка судьбы. Ропотъ противъ адмирала снова начался, и еще сильнѣе прежняго. Экипажъ негодовалъ на своего начальника уже не отъ пустой недовѣрчивости, не отъ утомленія, — онъ негодовалъ на него за свою скорую и вѣрную гибель: на корабляхъ началъ оказываться недостатокъ въ водѣ и съѣстныхъ припасахъ.

Колумбъ, разстроенный огромностью пройденнаго имъ пространства, которому уже и самъ онъ не видалъ конца, оставилъ идеальную черту пути своего, назначенную на картѣ, и трое сутокъ слѣдовалъ за полетомъ птицъ, этихъ небесныхъ корричхъ, которыхъ само Провидѣніе, казалось, послало ему въ ту минуту, когда всѣ пособія науки были для него уже недостаточны. Инстинктъ этихъ птицъ, думалъ онъ, не допустилъ бы ихъ летѣть цѣлыми стаями въ эту сторону, если бы тамъ не было берега. Но матросамъ казалось, что самыя птицы вступили въ заговоръ съ моремъ и съ обманчивыми звѣздами для того, чтобъ погубить ихъ. На третій день, кормчіе, наблюдая захожденіе солнца, опять увидѣли, что оно скрылось въ тѣхъ же волнахъ, изъ которыхъ постоянно выходило въ продолженіи столькихъ дней. Все больше и больше увѣрялись они въ безконечности этихъ водъ; ихъ отчаяніе превратилось въ озлобленіе. Къ чему было имъ теперь щадить начальника, который обманулъ дворъ, и котораго всѣ титулы и вся власть исчезли вмѣстѣ съ его мечтами? Слѣдовать за нимъ еще далѣе, не значитъ ли быть въ сообщничествѣ съ его обманомъ? Да и самое повиновеніе не должно ли кончиться тамъ, гдѣ кончается свѣтъ? Имъ оставалась только одна надежда: обратить корабли свои и идти назадъ въ Европу, противъ этого предательскаго вѣтра, который, казалось имъ, былъ въ заговорѣ съ адмираломъ, и съ которымъ предстояла имъ тяжелая борьба. Самаго адмирала они хотѣли приковать къ мачтѣ съ тою цѣлю, чтобы сдѣлать его предметомъ общаго проклятія и мести, еслибъ имъ пришлось погибнуть, или привести въ Испанію для достойной казни, если бы судьба спасла ихъ.

Это возстаніе сдѣлалось гласнымъ. Адмиралъ усмирилъ его однимъ безстрастіемъ своего лица. Онъ напомнилъ бунтовщикамъ о должномъ повиновеніи къ священной власти ихъ государей, которыхъ онъ былъ представителемъ. Онъ поставилъ судей, между собой и своими подчиненными, самого Бога. Онъ не унизился передъ ними, но твердо предложилъ имъ свою жизнь въ залогъ своихъ обещаній, и съ увѣренностью пророчителя, который ясно видитъ будущее, невидимое для другихъ, потре-

бывалъ только, чтобъ они отложили еще на три дня свое намереніе пуститься въ обратный путь. Онъ далъ клятву смѣлую, но основанную на политическомъ расчетѣ, что если на третій день на горизонтѣ не покажется земля, онъ согласится на ихъ желаніе и поведетъ ихъ въ Европу. Признаки близости острова или твердой земли были такъ очевидны въ глазахъ адмирала, что выпросивъ три дня у своего взбунтовавшагося экипажа, онъ былъ совершенно увѣренъ въ достаточности этого срока для достиженія своей цѣли. Покаявшись Богомъ, что въ эти три дня земля покажется непременно, онъ слишкомъ смѣло призвалъ Его имя, но ему надобно было спасти людей. Люди съ трудомъ уступили ему эти три дня, и Богъ, во имя Котораго онъ дѣйствовалъ, не наказалъ его за слишкомъ смѣлое обѣщаніе.

XXXIV. На разсвѣтѣ втораго дня, вѣтви тростинка, свѣжія и недавно сломленныя, показались около кораблей. Доска, вытесанная топоромъ, палка съ искусной рѣзбой, вѣтка боярышника въ полномъ цвѣту, наконецъ птичье гнѣздо, на сучкѣ, сломленномъ вѣтромъ, и еще съ яицами, которыя, при тихомъ колыханіи волнъ, остались въ немъ невредимы, плыли, въ разныхъ мѣстахъ, на поверхности водъ. Матросы втаскивали на бортъ этихъ свидѣтелей, живо говорящихъ о сосѣдствѣ земли. Это былъ голосъ берега, который подтверждалъ слова Колумба. Еще не показываясь глазамъ, земля свидѣтельствовала о себѣ признакомъ окружающей ее жизни. Бунтовщики пали на колѣни передъ своимъ адмираломъ, оскорбленномъ ими наканунѣ; они просили у него прощенія въ своей недовѣрчивости, и снова воздали хвалу Богу, за то что онъ сподобилъ ихъ быть соучастниками такого великаго открытія.

Наступила ночь. Адмиралъ отдалъ приказаніе убавить парусовъ, пробовать дно, плыть осторожно; и былъ въ твердой увѣренности, что съ первыми лучами дня земля явится передъ его кораблями. Никто не смыкалъ глазъ въ эту торжественную ночь; нетерпѣливое ожиданіе отгоняло самую мысль о снѣ, и всѣ люди экипажа висѣли на мачтахъ, на канатахъ, на вантахъ, оспориная другъ у друга постъ, съ котораго прежде другихъ

можно было увидѣть новое полушаріе. Адмиралъ назначилъ награду тому, кто первый провозгласитъ давно желанный и радостный крикъ: земля! Но Провидніе берегло это первое торжество въ личную собственность тому, кто купилъ его цѣною двадцатилѣтнихъ испытаній и столькихъ опасностей, и такой твердой волей. Прокаживаясь одинъ по югу своего корабля, и устремляя проницательный взоръ въ темную даль, онъ замѣтилъ, что гдѣ-то блеснулъ огонекъ, померкъ, снова блеснулъ и отразился въ волнахъ, боясь обмануться, принявъ за существованіе какой-нибудь метеоръ или фосфорическій блескъ моря, онъ тихо позвалъ къ себѣ одного испанскаго дворянина, придворнаго Изабеллы, Гутьереца, на котораго могъ болѣе полагаться, чѣмъ на своихъ матросовъ. Онъ указалъ ему рукой на ту точку горизонта, гдѣ мелькалъ огонь, и спросилъ его, видитъ ли онъ этотъ свѣтъ. Гутьерецъ отвѣчалъ, что дѣйствительно видитъ въ той сторонѣ какой-то блуждающій огонекъ. Чтобы увѣриться еще больше въ дѣйствительности этого видѣнія, Колумбъ позвалъ другаго своего повѣреннаго, Родриго Санчеса изъ Сеговіи. Родриго подтвердилъ то же. Но едва только показывался этотъ огонекъ, какъ тотчасъ же исчезалъ, и потомъ снова являлся уже на другой точкѣ океана, какъ будто бы это былъ огонекъ разведенный на неизменномъ берегу, то закрываемый, то открываемый поднимающимися и опускающимися волнами, или огонекъ въ рыбацкой лодкѣ, ныряющей въ тѣхъ же волнахъ. Такимъ образомъ, въ ночь съ 11 на 12 октября, 1492 года, земля, вмѣстѣ съ своею жизнью, явилась передъ глазами Колумба и его двухъ повѣренныхъ въ формѣ огня. Приказавъ хранить объ этомъ молчаніе, изъ опасенія снова взволновать экипажъ напрасной радостью, Колумбъ, потерявшій наконецъ изъ вида огонекъ, оставался на палубѣ до двухъ часовъ утра, тревожимый страхомъ и надеждою между торжествомъ и возвращеніемъ, срокъ для котораго наступалъ съ слѣдующимъ днемъ.

XXXV. Онъ былъ погруженъ въ ту невыносимую тоску, которая предшествуетъ разрѣшенію созрѣвшей въ умѣ великой истины, какъ агонія предшествуетъ разрѣшенію духа отъ тѣла, — какъ вдругъ пушечный выстрѣлъ, раздавшійся въ нѣсколькихъ

шагахъ отъ его корабля, и громко прокатившійся по волнамъ океана, отозвался въ его ухахъ, будто гулъ новаго міра, и заставилъ его упасть на колѣни. Это былъ крикъ: земля! провозглашенный мѣднымъ жерломъ пушки, условленнымъ сигналомъ, который подала *Пинта*, плывшая впереди, для осмотра пути и измѣренія глубины моря. Послѣ выстрѣла, общій крикъ: земля! раздался со всѣхъ снастей экипажа. Опустили паруса и ждали зори. Тайнства океана высказали свое первое слово въ тишинѣ ночи; день поднялъ завѣсу съ этихъ тайнствъ, и представилъ ихъ въ полномъ блескѣ. Воздухъ, дышавшій свѣжестью и какими-то невѣдомыми ароматами, доносился до кораблей, вмѣстѣ съ плескомъ волнъ, шумящихъ около берега, тѣнь котораго лежала на нихъ. Огонь, замѣченный Колумбомъ, возвѣщалъ присутствіе человѣка и первый слѣдъ образованности. Никогда еще ночь не казалась такъ длинна, никогда еще покровъ ея не лежалъ такъ долго надъ горизонтомъ, потому что наступающій день казался спутникамъ Колумба и ему самому, днемъ новаго мірозданія.

XXXVI. Съ разсвѣтомъ, очерки недалекаго острова обрисовались на волнахъ моря. Крайнія его оконечности терлись въ туманахъ утра. Берегъ, обращенный къ кораблю, какъ обширный амфитеатръ, красиво шелъ ступенями до подошвы холмовъ, которыхъ роскошная зелень рѣзко отбивала на темно-синемъ пологѣ неба. Недалеко, за чертою, гдѣ жемчужная пѣна волнъ ложилась на золотистый песокъ, росли величественныхъ деревь, еще безымянныхъ для Европейцевъ, застигали отлогіе скаты пригорковъ. Свѣозъ прозрачную огороду прибрежныхъ перелѣсковъ виднѣлось зыбкое зеркало многочисленныхъ бухтъ, пріодѣтыхъ всею роскошью южной природы. Тамъ и сямъ возвынялись хижины туземцевъ, какъ людскіе улы, круглыя и покрытыя широкими сухими листьями. Надъ вершинами тѣнистыхъ трощей подымались кое-гдѣ столбы дыма, признаки жизни. Группа полунагихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, болѣе удивленныхъ, чѣмъ испуганныхъ, толпясь за ближайшими къ берегу деревьями, то подходила къ морю, то отдалялась отъ него, изъясляя жестами и наивными глупостями, то любопытство, то удивленіе, возбужденное

видомъ каравелль и чужеземцевъ, какъ будто появившихся въ послѣднюю ночь изъ волнъ моря.

XXXVII. Колумбъ смотрѣлъ въ молчаніи на этотъ первый берегъ обипрвной земли, давно обрѣтенной въ его помыслахъ, роскошно украшенной въ его воображеніи, и сознавался; что дѣйствительность превосходила самыя мечты его. Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ напечатлѣть на этой землѣ первый слѣдъ Европейца, и водрузить тамъ святой Крестъ, хоругвь побѣды Господней, и знамя Испаніи, символъ побѣды его государя орудіемъ его генія. Но онъ воздержалъ и въ себѣ и въ своихъ спутникахъ нетерпѣніе отправиться на берегъ, желая придать этому принятію во владѣніе Новаго свѣта всю торжественность, приличную столь важному событію, и призвать во свидѣтели Всемогущаго Бога; небо, море и землю, чтобы утвердить геніальную побѣду его въ области неизвѣстнаго.

Онъ возложилъ на себя всѣ почетные знаки званія адмирала флота и вице-короля будущаго королевства; онъ надѣлъ пурпуровую мантию и взялъ въ правую руку знамя, на которомъ былъ вышитъ крестъ, и гдѣ именныя буквы Фердинанда и Изабеллы соединялись въ одинъ вензель, какъ королевства вѣнценосныхъ супруговъ соединились въ одно государство, вошелъ въ свою шлюпку и пустился къ острову, сопровождаемый шлюпками своихъ лейтенантовъ, Алонзо Пинчоне и Юнеса Пинчоне. Сошедши на берегъ, онъ упалъ на колѣна, чтобы почтить благоговѣйнымъ смиреніемъ даръ и величіе Божіе въ его новомъ безвѣстномъ для Европейцевъ твореніи. Онъ цѣловалъ землю, и припадалъ къ ней лицомъ, орошалъ ее обильными слезами. Два значенія и два предзнаменованія таились въ этихъ слезахъ, принесенныхъ чужеземцемъ изъ дальней Европы и впервые увлажившихъ землю доселѣ безвѣстной страны: слезы радости для Колумба, излившіяся изъ сердца преисполненнаго счастья, признательности и благочестія; слезы скорби для этой дѣвственной страны, пророческая дань сожалѣнія, предвѣщаніе бѣдствій, опустошеній, огня и меча, крови и смерти, привезенныхъ чужеземцами вмѣстѣ съ ихъ высоконріемъ, науками и господствомъ! Плакалъ пришелецъ, чуждый въ

этой странѣ, — но эти слезы должна была проливать страна, принявшая чуждаго ей пришельца.

XXXVIII. «Боже Всемогущій и Всеблагій», воскликнулъ Колумбъ, поднимая изъ праха чело свое; «Боже, создавшій творческимъ Словомъ Своимъ небеса, море и землю, да благословенно и прославлено будетъ повсюду Имя Твое! да продлится слава и царство Твое во вѣки вѣковъ, Боже праведный, сподобившій послѣдняго раба Твоего возвѣстити славу Твою въ этой безвѣстной доселѣ части Твоего царства! (*)

Потомъ онъ наименовалъ эту вновь открытую землю именемъ Христа Спасителя: островъ *Санъ-Сальвадоръ* (San-Salvador).

Офицеры, штурманы, матросы, исполненные восторга и безпредельнаго уваженія къ тому, кто прозрѣлъ за нихъ за черту видимаго человѣкомъ горизонта, кого оскорбляли они накануне своимъ недоумѣемъ, побужденные очевидностію и пораженные могуществомъ нравственнаго превосходства своего начальника, пали къ ногамъ его, цѣловали руки и одежду адмирала и признавали преобладаніе и господство генія. Вчера они были жертвами его упорной воли, — сегодня участниками въ его славу! Таковъ родъ человѣческой! онъ преслѣдуетъ всѣ начинанія и наследуетъ всѣми добычами умственныхъ побѣдъ.

XXXIX. Во время церемоніала принятія во владѣніе, обитатели острова, удерживаемые сначала боязнію въ некоторомъ отдаленіи, потомъ, привлекаемые инстинктивнымъ любопытствомъ, первымъ умомъ всѣхъ человѣческихъ связей, приблизились къ чужеземнымъ гостямъ своимъ, вопрошая другъ друга о значенія чудесъ прошлой вочи и наставнаго утра. Громадныя суда, управляющіе своими парусами, своими реями, какъ огромными членами, повинующимися внутренней, незримой мысли, казались имъ существами одушевленными и сверхъестественными, спустившимися съ небесъ во иракъ вочи на своихъ огромныхъ крыльяхъ, посѣтитъ подымаемый имъ берегъ. Проникнутые почтительнымъ страхомъ приидутъ шлюпокъ, причалившихъ къ ихъ острову, и людей, одѣтыхъ

(*) Молитва эта, произнесенная Колумбомъ на латинскомъ языкѣ, передана современными историками его товарищами.

въ блестящія ткани, съ оружіемъ, свѣтящимся какъ лучи солнца, дикіе сыны природы подошли къ столь различнымъ отъ нихъ существамъ, какъ бы покоряясь обаянію ихъ могущества. Они доготорили новыхъ пришельцевъ съ довѣріемъ ребенка, не подозрѣвающего зла или вреда подѣ привлекательной наружностью предметовъ. Испанцы, въ свою очередь, разсматривая островитянъ, удивлялись, не находя въ нихъ ни знакомыхъ имъ очерковъ и формъ, ни цвѣта африканскихъ и азіатскихъ породъ, съ которыми они бывали до того времени въ сношеніяхъ. Мѣдвйй цвѣтъ тѣла, мягкіе волосы, спадающіе волнами на плеча, темные глаза, тонкія, женственныя черты лица, довѣрчивая и открытая физіономія, наконецъ ихъ нагота и цвѣтные узоры, которыми эти островитяне пестрили свое тѣло, являли въ нихъ породу совершенно отличную отъ другихъ племенъ, населяющихъ страны Старога свѣта, породу, сохранившую еще нравы дѣтства человѣческаго рода, оставленную въ теченіи многихъ вѣковъ въ этомъ безвѣстномъ краю свѣта, и не утратившую, благодаря своему невѣжеству, кротость, непорочность и простоту первыхъ вѣковъ міра.

Колумбъ, почитая открытый имъ островъ передовымъ островомъ Индѣйскаго моря, главной цѣли его плаванія, назвалъ жителей Индіянами, и они сохранили это ошибочное названіе до самаго искорененія своего племени.

XI. Индіане вскорѣ свыклись съ своими гостями, и указали имъ свои источники, свои хижины, свои селенія, свои челноки; приносили имъ въ даръ питательные плоды своего отечества, сытный хлѣбъ изъ маниака и нѣсколько украшеній изъ чистаго золота, которыя они продѣвали въ уши, привѣшивали къ ноздрамъ, носили, какъ браслеты, на рукахъ и на ногахъ, и какъ ожерелья на шеѣ. Они не знали торговли и употребленія монеты, этого вреднаго, но необходимаго дополнительнаго обычая гостепріимства; они съ восторгомъ принимали мелочныя вещи, употребительныя въ Европѣ. Новизна придавала въ глазахъ ихъ цѣну каждому предмету. *Рѣдкій и драгоцѣнный*—синонимы на всѣхъ нарѣчіяхъ міра. Испанцы искали страны золотыхъ пріисковъ, и спрашивали знаками у туземцевъ, откуда они взяли этотъ металлъ. Индіане

указали имъ на Югъ; Колумбъ и его спутники поняли такъ, что тамъ находится островъ или материкъ Индіи, страна, о богатствѣ и искусствахъ которой рассказывалъ венеціанецъ Марко Паоло. Земля эта, вблизи которой, какъ они полагали, находятся, была, по ихъ мнѣнію, баснословный островъ *Сипангю* или *Японія*, гдѣ владетельнѣ мостилъ свои дворцы золотыми плитами. Слѣдствіемъ продолжать свой путь къ этой цѣли алчной мечты своей, они торопливо возвратились на каравеллы. Изъ источниковъ острова запаслись они пресною водою, а корабельныя кладовыя наполнились плодами, овощами и кореньями маниака, дарами гостепріимныхъ островитянъ. Они взяли съ собою одного изъ Индіянъ, чтобы онъ научился по-испански и могъ служить имъ впоследствии переводчикомъ.

XLI. Обогнувъ островъ Санъ-Сальвадоръ, Колумбъ и его спутники очутились посреди пространнаго архипелага, состоящаго слишкомъ изъ ста острововъ различной величины, цвѣтущихъ, плодородныхъ, полныхъ жизни и растительности. Они пристали къ самому обширному и многолюдному. Множество колонокъ, изъ выдолбленныхъ древесныхъ стволовъ, окружили ихъ; жители отдавали имъ золото и жемчугъ въ обмѣнъ за пуговицы и погремушки. Плаваніе ихъ по безчисленнымъ проливамъ этого архипелага было однообразно; на каждомъ островѣ они видѣли повтореніе того, что видѣли на островѣ Санъ-Сальвадорѣ. То же кроткое любопытство встрѣчало ихъ повсюду. Они наслаждались пріятностію климата, красотою и благовоніемъ цвѣтовъ, любовались цвѣтными перьями невиданныхъ ими птицъ, роскошною растительностію этихъ оазисовъ безбрежной пустыни океана. Но стремленіе всѣхъ мыслей, всѣхъ желаній къ одной цѣли, къ открытію златоносной земли, которая по ихъ мнѣнію составляла крайнюю оконечность Азіи, умѣряло ихъ наслажденіе, и не допускало ихъ предвидѣть, что эти острова были, такъ сказать, передовые побѣги обширнаго и неизвѣстнаго еще материка. По указанію Индіянъ, объяснявшихъ знаками о существованіи страны еще болѣе обильной, чѣмъ ихъ архипелагъ, Колумбъ пустился къ острову Кубъ, и послѣ трехдневнаго плаванія прибылъ туда,

не теряя из виду живописныхъ острововъ Багамскихъ, которые путеводною грядою тянулись почти до самой Кубы.

Берега этого острова, возвышаясь отъ равнинъ моря постепенными уступами, примыкали наконецъ къ громадной стѣнѣ горъ, вершины которыхъ терялись въ облакахъ. Эти горы, обширныя гавани, заливы, устья рѣкъ, удобные рейды, тѣнистые лѣса, живописныя селенія, привоиннали Колумбу, только въ болѣе величественныхъ очеркахъ, древнюю Сицилію. Онъ еще не былъ увѣренъ, островъ это, или материкъ. Войдя въ широкую рѣку, онъ сталъ на якорь, сошелъ на берегъ, обонялъ прибрежныя равнины, лѣса, померанцовыя и пальмовыя рощи, селенія, хижины жителей, и встрѣтилъ тамъ только одно живое существо — нѣкую собаку (*); жители разбѣжались при ихъ приближеніи. Не удивившись въ своихъ предположеніяхъ, Колумбъ съѣлъ снова на дѣло поплылъ къ верховью рѣки, берега которой были осынены широкими лѣственными пальмами и исполинскими деревьями, покрытыми цвѣтомъ и плодами въ одно время. Казалось, что природа сама приготовила для счастливыхъ жителей, не требуя отъ нихъ ни труда, ни заботы, всѣ потребности и всѣ выгоды жизни. Здѣсь все припомидало эдемъ поэтовъ. Животныя не хищныя, птицы съ лазуревыми и алыми перьями, цвѣтной дятель, попугаи, колибри оглашали воздухъ своимъ мелодическимъ говоромъ, и пестрыми стаями порхали съ дерева на дерево. Свѣтящаяся насѣкомыя облаками блестящей пыли носились въ благоухающей атмосферѣ. Цвѣты и растенія развивались тамъ, а не вли подѣ лучемъ южнаго солнца, котораго палачій зной былъ умѣренъ дыханіемъ горъ и обиліемъ водъ. Луна и свѣтила небесныя, отражаясь во время ночи въ струяхъ рѣкъ и потоковъ, разливали очаровательный полу-свѣтъ, похищавшій у ирака его ужась. Какое-то упоеніе наполняло душу Колумба и его спутниковъ. Они находились въ странѣ новой, болѣе дѣвственной, болѣе отеческой, чѣмъ древняя страна, изъ которой они прибыли. «Никогда взоръ человѣка,» писалъ Колумбъ, «не видалъ прекраснѣйшей страны. Здѣсь хотѣлось бы жить вѣчно. Здѣсь ни скорби, ни мысль о смерти не возмущаютъ человѣка.»

(*) Известно, что собаки въ Америкѣ не лаютъ.

Запахъ пряностей, долетавшій изъ глубины острова до самыхъ каравеллъ испанцевъ, и попадавшіеся на берегу раковины, въ которыхъ родится жемчугъ, еще болѣе убѣждали Колумба, что Куба есть крайняя оконечность азіатскаго материка. Онъ воображалъ, что за хребтомъ видныхъ имъ горъ онъ найдетъ государства, образованность, золотую руду и всѣ чудеса, которыя приписывали Китаю и Японіи восхищенные путешественники. Не будучи въ состояніи остановить бѣгущихъ отъ него туземцевъ, онъ послалъ двухъ изъ своихъ спутниковъ, знавшихъ еврейскій и арабскій языки, отыскать мѣстныя столицы азіатскихъ государей. Эти посланники несли съ собою дары для туземцевъ, съ тѣмъ чтобы мѣнять ихъ только на золото. Испанцы полагали, что во внутреннихъ странахъ этого края они найдутъ неизсякаемую золотую руду.

Посланные возвратились къ каравелламъ, не отыскавъ другихъ человѣческихъ жилищъ, кромѣ бѣдныхъ хижинъ островитянъ, и встрѣтивъ повсюду роскошную растительность, благовонныя цвѣты и плоды доселѣ неизвѣстные. Имъ удалось привлечь подарками нѣсколько туземцевъ, и они привели ихъ къ адмиралу. Табакъ, растеніе пріятно опьяняющее, листья котораго островитяне свертывали въ трубку, и зажигая съ конца, вдыхали въ себя дымъ; картофель, мучной корень, преобразующійся въ хлѣбъ, когда его пекутъ въ золь; маисъ, хлопчатая бумага, которую тамонинія женщины пряли въ нить, апельсины, лимоны, и другіе плоды, вовсе неизвѣстные въ Европѣ, были единственною добычею, найденною ими въ окрестностяхъ опустѣвшихъ хижинъ, разбѣянныхъ группами на полянахъ лѣсовъ.

Обманутый въ своихъ золотыхъ мечтахъ, основанныхъ на худо понятыхъ указаніяхъ Индіанъ, Колумбъ съ сожалѣніемъ покинулъ эту страну, чтобы плыть по направленію на востокъ, гдѣ, въ воображеніи его, находилась его сказочная Азія. Онъ взялъ съ собою нѣсколько жителей Кубы, обоюго пола, болѣе другихъ отважныхъ и болѣе довѣрчивыхъ, съ тѣмъ чтобы они служили ему переводчиками въ странахъ сосѣдственныхъ, которыя онъ намѣревался посѣтить, чтобы обратить ихъ въ христіанскую вѣру

и чтобы представить королеву Изабеллу эти искупленные души, как драгоценный плод его многотрудного предпріятія.

Убѣжденный, что Куба, которой предѣловъ онъ не видалъ, составляетъ часть азіатскаго материка, Колумбъ нѣсколько дней плавалъ близъ американскаго материка, не вида его. Его упорное заблужденіе затмѣвало ему столь близкую действительность. Между тѣмъ, зависть, которая должна была отравить его жизнь, зародилась въ его спутникахъ съ той самой минуты, когда открытіе острововъ увѣнчало многолѣтнее стремленіе его мысли. Америго Веспуччі, безвѣстный флорентинецъ, передалъ свое имя Новому свѣту, къ которому привелъ его Колумбъ. Веспуччі обязанъ былъ славою своего имени слѣпому случаю и частымъ путешествіямъ, вмѣстѣ съ Колумбомъ, въ этѣ страны. Онъ служилъ лейтенантомъ на флотиліи Колумба, и какъ подчиненный, а вмѣстѣ съ тѣмъ искренно преданный своему начальнику, никогда не думалъ присвоить славу Колумба. Ему придала эту славу прихоть судьбы, хотя онъ никогда не искалъ ввести Европу въ заблужденіе, а привычка сохранила и передала ее памяти потомковъ. Новый свѣтъ названъ именемъ не начальника, а подчиненнаго. Насмѣшка челоуѣческой славы, которой Колумбъ былъ жертвою, но въ которой Америго не былъ виновенъ. Можно упрекнуть потомство въ несправедливости и неблагородности, но нельзя упрекнуть счастливаго флорентинца въ подлогѣ.

XLII. Эта зависть, зарождающаяся въ людяхъ вмѣстѣ съ успѣхомъ другихъ людей, горѣла уже въ сердцѣ перваго лейтенанта Колумба Алонзо Пинцоне. Командиръ *Пинты*, Пинцоне, опередившій два другія судна, притворился, будто сбился съ дороги, и исчезъ изъ виду начальника эскадры. Онъ рѣшился воспользоваться открытіемъ Колумба, чтобы открыть самому, безъ генія и безъ труда, другія земли, и передавъ имъ свое имя, возвратиться въ Испанію и присвоить славу и награды, принадлежащія его начальнику и его вожатому въ этомъ путешествіи.

Колумбъ замѣчалъ съ нѣкотораго времени и зависть и недовѣреніе своего лейтенанта, но онъ многимъ былъ одолженъ Алонзу Пинцоне: безъ него, безъ его поощреній, онъ никогда не успѣлъ бы свардить свою флотилію и завербовать матросовъ. Признаніе

ОБЪ УСПѢХАХЪ НОВАЙШЕЙ ХИМІИ.

Чтобы имѣть понятіе о быстрыхъ успѣхахъ химіи въ наше время, стоитъ только взглянуть на каталоги книгъ, появляющихся по этой части во всѣхъ странахъ Европы. Одни уже заглавія изданій, вышедшихъ въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, займутъ многія страницы. Въ Англии, къ трудамъ Грэма прибавились сочиненія Томсона, Бранда, Тэрнера, Фбунеса, Грегори; на другихъ языкахъ, книгъ, относящихся до систематической химіи, явилось еще болѣе. Самыя новыя и полныя изъ этихъ изданій, касающіяся собственно чистой химіи, представляютъ поразительное доказательство ея прогресса. Двадцать лѣтъ назадъ, трехъ или четырехъ томовъ въ осьмушку было достаточно для вмѣщенія сочиненій Мёррея и Томсона; теперь же отъ шести до восьми такихъ томовъ уже едва достаётъ для описанія однихъ элементовъ и фактической стороны химіи. Не менѣе обильны и изслѣдованія чисто теоретическія; но сочиненія этого рода преимущественно являются въ изданіяхъ періодическихъ и многочисленныхъ мемуарахъ ученыхъ обществъ почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ.

При этомъ необходимо принять въ соображеніе безчисленное множество книгъ, посвященныхъ различнымъ примѣненіямъ этой науки. Элементарная химія развилась до того, что одинъ человекъ едва въ состояніи обнять ее въ цѣлости. Потому ее уже раздѣляютъ на химію неорганическую и органическую, а эту послѣднюю еще на химію растительную и животную. Каждое изъ подраздѣленій сопровождается своими многоразличными приложеніями, имѣетъ свою особую бібліотеку. Таковы примѣненія химіи къ медицинѣ, фармаціи, юриспруденціи, геологіи, земледѣлію, минералогіи и проч., не говоря уже объ отрасляхъ менѣе обширныхъ, каковы напримѣръ,

выдѣлка желѣза, фарфора, стекла, соды, мыла, уксусной кислоты, свинцовыхъ бѣлилъ, минеральныхъ кислотъ и другихъ продуктовъ, удивительные образцы которыхъ показывались на Всемирной Выставкѣ. За этимъ слѣдуютъ: извлеченіе металловъ изъ рудъ, испытаніе этихъ рудъ, искусство золоченія и серебряненія, свѣтопись, бѣленье, крашеніе, искусство предохранять дерево отъ гніенія, искусство составленія воздушныхъ и гидравлическихъ цементовъ, добываніе свѣтильнаго газа изъ каменнаго угля и другихъ веществъ, составленіе сплавовъ. Во всѣхъ этихъ искусствахъ, столь многочисленныхъ и разнообразныхъ, руководствуются книгами и журналами химическими.

Какъ на положительный признакъ успѣховъ химіи, можно указать на то уваженіе, которое нынѣ вообще питаютъ къ этой наукѣ. Лѣтъ двадцать назадъ въ Англіи только три или четыре человека объясняли въ школахъ ея труднѣйшія части, и едва нѣсколько молодыхъ людей изучали ее изъ одной любви къ наукѣ, за исключеніемъ тѣхъ, конечно, которые назначали себя въ званіе медика, да и эти занимались ею только слегка. Нынѣ же на всемъ протяженіи Великобританіи можно насчитать по крайней мѣрѣ до тридцати профессоровъ, занимающихся преподаваніемъ различныхъ приложеній химіи. Къ числу ихъ слушателей, кромѣ воспитанниковъ медицинскихъ школъ, къ которымъ должно отнести и аптекарей, необходимо еще присоединить многія тысячи студентовъ, проходящихъ теоретическіе курсы, чрезъ что пріобрѣтаютъ они положительныя знанія, повѣряемыя строгими экзаменами.

Наконецъ, чтобы дать читателямъ возможность понять быстроту, съ которою развивается эта наука, приведемъ слѣдующее обстоятельство: нѣсколько лѣтъ тому появилось на нѣмецкомъ языкѣ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Энциклопедія химіи чистой и прикладной*. Едва оно было доведено до литеры К, какъ оказалось необходимымъ, для согласованія сочиненія съ современнымъ состояніемъ науки, издать въ пополюшеніе книгу, состоящую изъ 444 страницъ и доведенную только до буквы В. Въ этомъ дополненіи подъ одною литерою А столько же текста, сколько и въ самой энциклопедіи. Такимъ образомъ

выходятъ одновременно два сочиненія, изъ которыхъ одно имѣетъ цѣлью пополнять другое и оба будутъ содержать одинаковое число томовъ. Изъ этого видно, что самыя новѣйшія сочиненія отстаютъ отъ науки въ нихъ излагаемой. Профессоры, преподающіе эту науку, необходимо должны прочитывать всѣ выходящія по ихъ части журналы, дабы не отстать отъ быстрого хода науки въ своихъ лекціяхъ, основанныхъ на данныхъ предшествовавшаго года.

Развитіе химіи въ текущее столѣтіе распадается на двѣ отдѣльныя эпохи. Въ теченіе тридцати первыхъ лѣтъ, химики обращали вниманіе на часть минеральную, неорганическую; въ теченіе же двадцати послѣднихъ—они посвящаютъ свои труды части органической. По мѣрѣ умноженія открытій, которыми послѣдовательно обогащается наука химіи, увеличивается и питаемое къ ней уваженіе. Въ исторіи періода неорганической химіи мы встрѣчаемъ имена: Дэви, Дѣльтона, Воластона, Праута, Томсона и Берцеліуса. Обширное ученое поприще и многочисленныя труды послѣдняго болѣе, чѣмъ труды кого либо изъ его современниковъ, связаны съ главными фазами развитія органической химіи съ 1800 по 1848 годъ. Потому считаемъ не лишнимъ представить здѣсь краткій очеркъ его ученой дѣятельности, которой при жизни самаго ученаго не была воздана должная справедливость.

Въ 1778 году Швеція потеряла знаменитаго Линнея. Въ августъ мѣсяцъ слѣдующаго года рожденіе Берцеліуса вознаградило ее за потерю. Осиротѣвъ съ юныхъ лѣтъ жизни, онъ одолженъ воспитаніемъ своему тестю. Каждое утро они вмѣстѣ читали Библію, а послѣ полудня, передъ прогулкой, главу изъ Разсужденій Штурма. Рассказываютъ, что въ этихъ экскурсіяхъ тесть Берцеліуса, пораженный рвеніемъ, съ которымъ онъ собиралъ растенія и метко стію его замѣчаній, однажды сказалъ ему: «Яковъ, мнѣ кажется, что у тебя довольно дарованій, чтобы идти по слѣдамъ Линнея или Картуша; я однако же надѣюсь, что ты послѣдуешь Линнею, ибо Богъ передъ твоими глазами.» Въ теченіи некотораго времени молодой ботаникъ не покидалъ мысли, что онъ оправдастъ эту надежду. Вскорѣ, однакожь, обстоятельства

перемѣнились. Переходя изъ одной семьи въ другую, живя у людей, смотрѣвшихъ на него какъ на бремя, Берцеліусъ почувствовалъ, что его умственные силы были, если не совершенно убиты, то по крайней мѣрѣ сильно подавлены. Вскорѣ онъ поступилъ въ Норкюпингскую школу, гдѣ находился четыре года, но безъ всякой пользы. Въ концѣ 1796 года, онъ ее оставилъ съ цѣлью вступить, вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, въ Упсальскій Университетъ. Къ несчастью, въ списокѣ, который директоръ школы отправилъ университетскому начальству, Берцеліусъ былъ атестованъ такъ: «Поведенія посредственнаго, общается мало.» Вслѣдствіе этого его припиали недоброжелательно. Первый годъ ученія Берцеліусъ провелъ въ праздности; полученное имъ небольшое наследство, состоявшее первоначально изъ 200 риксдалей (1132 франка) и изъ десятой доли маленькой фермы, вскорѣ истощилось. Вынужденный обстоятельствами, онъ вступилъ въ должность учителя въ домъ Готье-Оріангаль.

Обязанность учить принудила его учиться. Успѣвъ вскорѣ получить стипендію, онъ снова началъ посѣщать университетъ въ 1798 году, и держалъ въ немъ, по тогдашнему выраженію, медико-философскій экзамень. Не взирая на все отличие, съ которымъ онъ слѣдовалъ по избранной себѣ дорогѣ, вотъ приговоръ, произнесенный надъ нимъ Аффеліусомъ, профессоромъ химіи: «Я не исключу этого молодаго человека,» сказалъ онъ своимъ сотоварищамъ, «если только вы имъ довольны.» Хотя такимъ образомъ Берцеліусъ и не былъ отвергнутъ совершенно, однакожъ вгоричный экзамень его отложили еще на годъ. Можетъ статься это безславіе возбудило наконецъ въ немъ силы, а обхожденіе Аффеліуса положительно склонило его къ химіи. Ему было тогда девятнадцать лѣтъ; онъ началъ посѣщать лабораторію своего профессора, по правиламъ континентальныхъ университетовъ, открытую для студентовъ; но худая слава и тутъ ему сопутствовала, такъ что на одной изъ первыхъ лекцій его спросили: «Знаетъ ли онъ разницу между лабораторіей и кухней?» Наконецъ дурное съ нимъ обращеніе лаборанта Экеберга принудило его съ отвращеніемъ бросить лабораторію; онъ рѣшился работать дома и ревностно предался

изученію химіи безъ всякаго посторонняго руководства. Это было въ эпоху преній о флогистонѣ и кислородѣ. Наставники Берцеліуса слѣдовали старой теоріи, отверженный ученикъ принялъ новое ученіе. Онъ успѣлъ приготовить у себя кислородъ, и въ присутствіи своихъ товарищей сжегъ въ немъ разныя вещества, т. е. показалъ имъ тѣ самыя явленія, которыя въ теченіе цѣлаго года тщетно пытались произвести въ университетской лабораторіи! Около этого времени случилось съ Берцеліусомъ замѣчательное событіе.

Однажды, войдя въ университетскую лабораторію, онъ былъ пораженъ видомъ стеклянной реторты, которую профессоръ утромъ вынесъ изъ своего кабинета для какого-то опыта, и просилъ беречь ее какъ сосудъ драгоценный. Берцеліусъ Богъ знаетъ съ котораго времени мечталъ о томъ, какъ бы пріобрѣсть въ свое распоряженіе стеклянную реторту. Пользуясь неожиданно счастливымъ случаемъ, онъ безъ зазрѣнія совѣсти схватилъ и унесъ ее домой. Тамъ, въ тиши ночнаго уединенія, замѣтилъ онъ явленіе, которое столь желалъ видѣть, и которое повело его къ первому открытію. Духъ изслѣдованія, который въ дѣтствѣ такъ поразилъ его тестя, снова пробудился. Съ помощію украденной реторты онъ не только увеличилъ свои собственныя познанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ расширилъ и свѣдѣнія цѣлаго свѣта. Неизвѣстнымъ студентомъ вступилъ онъ на обширное поприще открытій и хотя годы борьбы еще не совсѣмъ миновали, однакожь рвеніе его не покидало: оно возрастало по мѣрѣ появленія препятствій. Лѣто 1799-го года онъ провелъ въ лавкѣ одного аптекаря Вадстурга, и здѣсь-то выучился у одного Италіянца искусству лить стекло на лампы. Ловкость, пріобрѣтенная имъ въ этомъ дѣлѣ, имѣющемъ столь важное значеніе въ лабораторныхъ работахъ, надолго оставалась въ памяти учениковъ его. Проведши слѣдовавшую за тѣмъ зиму въ Упсалѣ, онъ записался въ качествѣ помощника при одномъ медикѣ на минеральныхъ водахъ въ Мелеви. Въ декабрь 1800 г. Берцеліусъ сдѣлалъ анализъ этихъ водъ, послужившій темою для его втораго экзамена, на которомъ Аффеліусъ еще разъ возсталъ противъ него, сказавъ, что не имѣетъ довѣрія къ анализу молодого человѣка,

и даже совѣтывалъ ему ѣхать въ Лундскій Университетъ, гдѣ онъ, можетъ статься, будетъ имѣть болѣе успѣхъ; однакожь всѣ препятствія были устранены и ему позволили продолжать изученіе. Между тѣмъ, онъ успѣлъ сдѣлать изслѣдованія касательно азотнаго эфира, азотистой кислоты и другихъ мало извѣстныхъ въ то время предметовъ, и всѣ эти открытія передалъ Аффеліусу, дабы онъ сообщилъ ихъ Академіи Наукъ въ Стокгольмѣ. Три года спустя, секретарь этого общества возвратилъ ихъ ему съ слѣдующею краткою надписью: «новая номенклатура въ Академіи не употребляется.»

Вотъ теперь мы стоимъ, такъ сказать, на порогѣ новѣйшей химіи. Теорія флогистона все еще господствовала въ Стокгольмской Академіи Наукъ, въ той именно Академіи, которая въ послѣдствіи, въ теченіе тридцати лѣтъ, постоянно находилась въ главѣ химической дѣятельности.

Открытіе, сдѣланное Вольтою въ 1800, побудило Берцеліуса заняться опытами надъ человѣкомъ съ помощью столба, изобрѣтеннаго ученымъ Италіянцемъ: это послужило ему предметомъ диссертациі на степень доктора. Въ слѣдующемъ году онъ поселился въ Стокгольмѣ и занялъ тамъ мѣсто профессора медицины и фармаціи при медицинскомъ факультетѣ. Въ 1804 году, т. е. восемь лѣтъ спустя по выходѣ его изъ Норкепинга, получилъ онъ степень доктора, а въ 1807 году утверждень въ званіи профессора при медицинскомъ факультетѣ въ Стокгольмѣ, гдѣ и занималъ этотъ постъ почти въ теченіи сорока лѣтъ. Академія, трудами которой такъ долго управлялъ онъ въ послѣдствіи, все еще отказывалась напечатать его мемуары; члены ея, люди ума ограниченнаго, не могли признать генія въ томъ, имя котораго сопровождалось неудачами какъ въ школѣ, такъ и въ университетѣ. Следствіемъ этого было то, что онъ при помощи друга своего Гизингера, сталъ издавать свои *Отчеты* въ физикѣ, химіи и минералогіи, которые въ послѣдствіи пріобрѣли такую знаменитость. Наконецъ терпѣніе его восторжествовало: въ 1808 году онъ былъ принятъ въ число членовъ Академіи, а потомъ чрезъ два года избранъ въ президенты. Въ 1813 году ему назначена была ежегодная пенсія, по примѣру той, которую получалъ до него Шееле, съ

тѣмъ условіемъ, чтобы онъ передалъ Академіи все свои изслѣдованія, вначалѣ его отвергнутыя. Въ 1818 году, во время его путешествія въ Парижъ, онъ былъ назначенъ безсмысленнымъ секретаремъ. Этотъ постъ ставилъ его въ главѣ науки въ Швеціи: недостатки денежныя и другія затрудненія, досель надъ нимъ тяготѣвшія, исчезли.

Съ 1803 года изслѣдованія Берцеліуса присоединяются ко всемъ великимъ открытіямъ въ химіи, сдѣланнымъ въ наше столѣтіе. Можно сказать, что рожденіе новѣйшей химіи ознаменовано торжествомъ кислорода Лавуазье надъ флогистономъ Штала и введеніемъ въ употребленіе вѣсовъ, какъ инструмента необходимаго при изслѣдованіяхъ. Ея истинное начало связано съ открытіями Гальвани и Вольты, возбуждившими новую силу, способную дѣйствовать на химическія отношенія тѣлъ. Въ рукахъ Деви вольтовъ столбъ оказалъ результаты самыя счастливыя. Въ 1803 году Берцеліусъ издалъ свои изслѣдованія о разложеніи солей посредствомъ вольтова столба. Черезъ пять лѣтъ Деви употребилъ его для опредѣленія истиннаго свойства щелочей. Въ то время, какъ ученый міръ гремѣлъ славою этого открытія, «мнѣ удалось, говоритъ шведскій философъ, сдѣлать еще шагъ впередъ. Черезъ посредство ртути я разложилъ щелочныя земли и амміакъ. Объ этомъ я сообщилъ Деви;—онъ въ отвѣтъ своемъ объявилъ мнѣ, что возможность такого разложенія была ему неизвѣстна». Такимъ образомъ мы видимъ, что въ теоретической химіи въ теченіе двадцати лѣтъ совершились два переворота, каждый въ слѣдствіе открытія новаго аппарата—вѣсовъ и гальванической батареи.

Эти открытія послужили основаніемъ электро-химической теоріи, тѣсно связавъ ее съ теоріею атомовъ или химическихъ пропорцій. Съ этого времени въ область химіи вошли слѣдующіе великіе отдѣлы: изученіе взаимнаго дѣйствія атомовъ или частицъ безконечно малыхъ на разстояніяхъ недоступныхъ чувству; изслѣдованіе законовъ, управляющихъ этимъ дѣйствіемъ; осязательныя явленія, сопровождающія соединеніе или раздѣленіе частицъ; видоизмѣненія, производимыя различными обстоятельствами или дѣятелями, ускользающими

отъ наблюденія, въ результатахъ соединеній. Вещель и Рихтеръ въ Германіи положили основаніе теоріи атомовъ; но Дальтонъ утверждалъ новую систему химической философіи. Аналитическіе труды Берцеліуса, посвятившаго столько лѣтъ на опредѣленіе того, что называютъ *въсомъ атомовъ*; изслѣдованія Гей-Люссака объ отношеніяхъ объемовъ, по которымъ соединяются пары и газы, въ особенности способствовали установленію новой системы. Весьма замѣчательный историческій очеркъ этихъ прогрессовъ находится въ сочиненіи доктора Добени, въ сочиненіи, котораго второе изданіе недавно вышло въ Оксфордѣ.

Многочисленные труды знаменитаго Шведа и многихъ другихъ ученыхъ способствовали къ открытію многихъ простыхъ тѣлъ. Тѣлами простыми въ химіи называются тѣ, которыя по сіе время не могли бытъ разложены никакими известными средствами; тѣже, напротивъ, которыя разлагаются на многія простыя или элементарныя, называются сложными. Въ началѣ нашего столѣтія было известно только двадцать девять простыхъ тѣлъ, теперъ же ихъ насчитываютъ до шестидесяти трехъ. Всѣмъ этимъ успѣхомъ наука обязана одному Берцеліусу. Чтобы сдѣлать оцѣнку труда, сопряженнаго съ открытіемъ тридцати четырехъ новыхъ простыхъ тѣлъ, необходимо замѣтить, что для этого потребенъ не только огромный трудъ самаго отысканія и отдѣленія новаго тѣла, также какъ и опредѣленія его образа дѣйствія на другія тѣла, но еще трудъ неизбежнаго переизслѣдованія всѣхъ предшествовавшихъ анализовъ какого нибудь известнаго рода веществъ, на которыя новое открытіе обыкновенно бросаетъ сомнѣніе. Для появленія такого переизслѣдованія приведемъ примѣръ. Издавна было известно, что между составными минеральными частями растеній находится много кремнезема; но что это вещество входитъ въ составъ животныхъ тѣлъ, того не знали. Его открыли въ замѣтномъ количествѣ въ перьяхъ. По аналогіи, слѣдовало также искать его въ волосахъ члвчввка и въ шерсти животныхъ. Дѣйствительно, по тщательномъ анализѣ и въ нихъ его открыли. За этимъ должно было предположить существованіе его въ крови, которая поддержи-

ваетъ и возобновляетъ каждую частицу животнаго тѣла: внимательныя изслѣдованія нашли его и тутъ.

Почти во всѣхъ частяхъ животныхъ, равно какъ и въ пеплѣ растеній, находится морская соль, хотя довольно въ малыхъ пропорціяхъ. Однакоже новѣйшія изслѣдованія, произведенныя по усовершенствованному методу, показываютъ, что по крайней мѣрѣ въ некоторые сорта пепла содержатъ эту соль въ большемъ количествѣ, чѣмъ дотолѣ предполагалось. Изъ этого явилась необходимость передѣлать всѣ опыты прежде, чѣмъ можно было сказать, что намъ извѣстны всѣ составныя части органическихъ тѣлъ. Іодъ, найденный въ морскихъ растеніяхъ, недавно былъ открытъ сначала въ кресссалатѣ, а потомъ во всѣхъ прѣсноводныхъ растеніяхъ. Потому можно полагать, что его найдутъ и въ прочихъ растеніяхъ и что онъ необходимъ для жизни животныхъ. Морская вода, равно какъ и растенія, ею питаемая, содержатъ фторъ; онъ же находится въ зубахъ и въ костяхъ, въ молокѣ и въ крови. Отсюда съ вѣроятностію можно заключить, что онъ входитъ и въ растенія, употребляемыя нами въ пищу, но въ которыхъ—его не только не открыли, но еще и не искали. Несовершенство анализа, употребленнаго для изслѣдованія животнаго и растительнаго пепла и способствовавшаго утратѣ морской соли, вѣроятно, причинило потерю части іода и фтора. Можетъ быть, при тщательномъ изисканіи, и бромъ точно также отыщется въ живыхъ организмахъ. Люди, знающіе, сколько въ теченіе десяти лѣтъ употреблено аналитическаго труда на пользу физиологии и земледѣлія, могутъ легко себѣ представить обширность задачи, ожидающей химика, призваннаго къ ея переизслѣдованію. Такимъ образомъ новыя открытія непрестанно отзываютъ насъ назадъ и время отъ времени показываютъ, что прежніе анализы органическихъ веществъ, при всей проистекшей отъ нихъ пользѣ, не совсѣмъ были вѣрны. Сознаніе предшествовавшихъ ошибокъ есть уже шагъ впередъ!

Приложеніе анализа къ минералогіи въ наше время составляетъ неоспоримое торжество неорганической химіи, представляя вмѣстѣ съ тѣмъ любопытнѣйшія приложенія атомической теоріи. Берцеліусъ, рожденный въ странѣ богатой

минералами, посвящая минералогіи большую часть своихъ занятій, также какъ и ученики его. До него Клапротъ и нѣкоторые другіе ученые анализировали многія минеральныя вещества, ни сколько не зная и не подозревая существованія общаго начала, которое можетъ служить повѣркою для всѣхъ ихъ выводовъ и дать правила для ихъ классификацій.

Въ 1812 году, послѣ путешествія въ Англію, Берцеліусъ привелъ въ систематическій порядокъ многочисленныя выводы изъ своихъ минералогическихъ анализовъ и приложилъ свои новыя идеи къ электро-химическимъ свойствамъ тѣлъ и къ отношеніямъ, господствующимъ между ихъ соединеніями. Въ 1814 онъ издалъ на своемъ отечественномъ языкѣ: *Приложеніе химическихъ пропорцій къ химіи*. Нѣсколько лѣтъ спустя, это сочиненіе было переведено на всѣ европейскіе языки. Со временемъ, его собственными трудами и трудами многихъ другихъ ученыхъ, основное сочиненіе было постепенно исправляемо. Профессоръ Раммельсбергъ издалъ эту книгу въ полнѣйшемъ ея видѣ, подъ заглавіемъ: *Berzelius's Neues chemisches Mineral-System, Berlin 1844* Сочиненіе, дающее самое полное понятіе о современномъ состояніи химіи, въ приложеніи ея къ минералогіи, есть: *Handwörterbuch der chemischen Theils der Mineralogie* (*), съ четырьмя дополненіями того же автора.

Счастливыя перемѣны, произведенныя въ минералогіи аналитическими трудами Берцеліуса и его учениковъ, могутъ быть оцѣнены вполне только тѣмъ, кто имѣетъ понятіе о первоначальномъ состояніи этой науки. Чтò прежде представляло безобразный хаосъ камней, не подлежащихъ повидимому ни какому естественному закону, и распределявшихся въ систему только по одной тяжести, цвѣту, твердости, формѣ, болѣе или менѣе худо определенной, то теперь, при могуществѣ его анализа, соединилось въ семейства и группы, превратилось въ систематическое зданіе, основанное на аналогію формъ

(*) *Dictionnaire manuel de chémie minéralogique* представляетъ другой примѣръ быстроты, съ которою развивается эта наука. Это сочиненіе явилось въ 1841 году и содержитъ 768 страницъ. Въ 1849 году вышло къ нему четыре прибавленія, содержащія 762 страницы. Слѣд. книга въ теченіи восьми лѣтъ удвоилась.

и составныхъ частей. Классы и виды соединились тѣсными отношеніями, какихъ прежде и не подозревали. Эти работы имѣли вліяніе на чистую химію, заставивъ признать важность формы относительно состава. Между элементарными тѣлами, известными съ давняго времени, замѣтили аналогію, которую не могло открыть изученіе искусственныхъ составовъ. Словомъ, люди убѣдились, что нѣдра земли какъ бы лабораторіи природы, что въ нихъ безпрестанно осуществляется множество процессовъ, результаты которыхъ, также какъ и результаты нашихъ работъ, подчинены законамъ, дознаннымъ химіею, и могутъ быть выражены формулами, ею установленными. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, минералогія есть ничто иное какъ часть неорганической химіи.

Не занимаясь лично такого рода изслѣдованіями, трудно понять, сколько труда и времени они требуютъ. Между тысячами образцовъ, украшающихъ наши минералогическіе кабинеты, существуетъ прекрасная группа, долгое время известная подъ именемъ цеолитовъ: это гидраты кремнекислота глинозема, содержащіе известь, поташъ и соду. Группа эта содержитъ до полсотни видовъ. Возьмемъ наудачу ломонитъ, названный такъ въ честь ученаго, его открывавшаго—Жиледе-Ломона. Этотъ минералъ былъ послѣдовательно разлагаемъ Фогелемъ, Гмелинымъ, Дюфренуа, Коннелемъ, Фонъ-Бабо, Дельсомъ, Домейко, Малагути и Дюроше—девять аналитиковъ, знавшихъ труды своихъ предшественниковъ, другъ за другомъ посвящали нѣсколько недель на изслѣдованіе этого минерала, и все-таки его формула и естественныя отношенія остаются подъ сомнѣніемъ. Сдѣланный по этому примѣру самый простой расчетъ показываетъ, что для изслѣдованія одной только группы цеолитовъ потребна цѣлая жизнь четырехъ человекъ, проведенная въ трудныхъ анализахъ. Если это такъ, то сколько нужно времени прежде, нежели классификація химико-минералогическая достигнетъ счастливаго окончанія?

Митчерлихъ занялъ почетное мѣсто въ совокупной исторіи двухъ наукъ, нами разсматриваемыхъ. Но, къ сожалѣнію, предѣлы настоящей статьи позволяютъ намъ только упомянуть объ изоморфизмѣ, диморфизмѣ, изодиморфизмѣ и ученіи о

замѣщеніяхъ. Такъ называютъ извѣстныя отношенія между формою и составомъ кристалловъ.

Прежде, нежели покинемъ этотъ предметъ, мы скажемъ нѣсколько словъ о върномъ способѣ качественного анализа, — о способѣ почти микроскопическомъ, но скоромъ и легкомъ, если только онъ хорошо усвоенъ. Мы разумемъ паяльную трубку. Первымъ сочиненіемъ объ этомъ снарядѣ минералогъ обязанъ опять таки Берцеліусу. Въ 1820 году вышло на шведскомъ языкѣ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Объ употребленіи паяльной трубки въ химіи и минералогіи*, и вскорѣ было переведено на языки: нѣмецкій, французскій, англійскій, итальянскій и русскій. Въ немъ описаны всѣ пріемы, многолѣтнею опытностью усвоенные минералогомъ Ганомъ, челоукомъ, къ которому Берцеліусъ постоянно питалъ чувство глубокой признательности. Ганъ, въ преклонныхъ лѣтахъ обладая всеми свѣдѣніями своего времени, первый побудилъ молодого химика, въ то время находившагося въ борьбѣ съ первыми неудачами жизни, заняться употребленіемъ паяльной трубки, которою самъ владѣлъ такъ, какъ никто изъ его современниковъ. Онъ сообщилъ ему всѣ практическія свѣдѣнія шведскихъ аналитиковъ, начиная отъ Шгала, еще въ 1700 году употреблявшаго этотъ инструментъ, и до Бергмана, написавшаго о немъ, съ помощью ученика своего Гана, небольшую статью во второмъ томѣ своихъ *Essais chimiques*. По смерти Гана, спустя много лѣтъ, Берцеліусъ, въ собственномъ сочиненіи объ этомъ предметѣ, съ чувствомъ ученической признательности и сыновней любви, говоритъ слѣдующее: «Большую часть того, что мнѣ извѣстно, я узналъ отъ Гана, и только высказываю всѣ эти свѣдѣнія по своему.» Способъ производить анализы, при посредствѣ паяльной трубки, въ недавнее время получилъ еще большее приложеніе въ сочиненіи Платнера: *L'art des épreuves par le chalumeau*, составляющее въ настоящее время главнѣйшій авторитетъ въ этомъ дѣлѣ.

Геологію можно назвать сестрою минералогіи, но сестрою болѣе мощною и честолюбивою въ своемъ полетѣ. Въ теченіи многихъ лѣтъ химія помогала ей только при случаяхъ. Первое приложеніе химіи къ геологіи было сдѣлано смѣльи

умомъ Деви. Известно, что потассій—металлъ, открытіемъ котораго мы обязаны Деви, приходя въ соприкосновеніе съ водою, быстро ее разлагаетъ, и жадно соединяется съ кислородомъ; а теплота, развивающаяся во время такого быстраго разложенія, воспламеняетъ водородъ, по мѣрѣ его выдѣленія. Деви, дознавъ это явленіе, говорилъ: «Откройте мнѣ большія массы потассія, натрія или другихъ подобныхъ металловъ, помѣщенныхъ въ нѣдрахъ земли, и я проведу къ нимъ морскую воду, и произведу всѣ вулканическія явленія вмѣстѣ съ землетрясеніемъ.» Существованіе подобныхъ массъ возможно, оно даже вѣроятно—какъ въ послѣдствіи думалъ Деви; онъ замѣтилъ—какъ фактъ весьма важный, что почти всѣ вулканы размѣщены при морѣ. Таково начало такъ-называемой *химической теоріи вулкановъ*. Со времени Деви, многіе химики, хотя менѣе его отважные, занимались геологіей. Мы можемъ указать на Берцелиуса, Бонсдорфа, Митчерлиха, Блума, Делесса, Девилля, Эбельмена и Бишофа изъ Бонна, какъ на знаменитѣйшихъ въ последнее время.

Послѣ всего этого намъ остается рассмотреть самый обширный отдѣлъ химіи, обширный потому, что обнимаетъ всѣ органическія вещества, какъ животныя, такъ и растительныя. Въ этомъ отдѣлѣ алхимики завѣщали намъ немного, ибо большая часть ихъ изслѣдованій ограничилась веществами неорганическими. Впрочемъ, достигнувъ нѣкотораго совершенства въ процессахъ перегонки, они открыли винный спиртъ и нѣсколько летучихъ маселъ, янтарную кислоту, добываемую изъ янтаря, расноладанную кислоту, получаемую изъ раснаго ладана, и уксусную кислоту, добываемую чрезъ сухую перегонку дерева. Явные успѣхи органической химіи начались только подъ исходъ господствовавшего тогда ученія о флогистонѣ. Бергманъ и Шееле были первые дѣятели. Лавуазье сообщилъ ей впервые характеръ определенной науки, приложивъ къ ней тотъ же методъ изслѣдованія, которому онъ слѣдовалъ и въ химіи неорганической. Онъ задалъ себѣ вопросъ: какіе элементы входятъ въ составъ органическаго тѣла? Опытъ показалъ: углеродъ, кислородъ и водородъ. Въ какой вѣсовой пропорціи входятъ

они въ составъ такого тѣла? Вѣсы доставили ему точныя выводы.

Для дальнѣйшаго успѣха потребны были два условія: первое — получить въ чистомъ состояніи органическаго вещества, имѣющаго неизмѣнный составъ и постоянныя свойства; и второе — изобрѣсть способъ выдѣлять элементы такимъ образомъ, чтобы можно было ихъ съ точностію взвѣсить или взмѣрить. Последнее условіе было найдено, хотя и не въ совершенствѣ, сначала Лавуазье, а потомъ Фуркруа, Вокленомъ (1802) и Соссюромъ (1807). Гей-Люссакъ и Тенаръ рѣшили эту проблему окончательно въ 1810 году. Праутъ и Берцеліусъ усовершенствовали ее въ 1814. Наконецъ въ 1815 ученый міръ обладалъ уже такими мегодами, къ которымъ съ того времени не прибавлено ничего такого, что содѣйствовало бы большей точности выводовъ. Въ доказательство приведемъ примѣръ.

Въ 1814 году Берцеліусъ обнаружилъ, между прочими анализами, анализъ расноладанной кислоты и расноладанно-кислой окиси свинца. Нѣсколько времени спустя, счастье привело меня въ Стокгольмъ, и я былъ гостемъ у Берцеліуса въ то самое время, когда онъ получилъ письмо отъ Либиха, письмо, содержащее въ себѣ результаты изслѣдованій, дѣланыхъ имъ, вмѣстѣ съ Вѣлеромъ, надъ масломъ горькаго миндаля и другими однородными веществами. Въ этомъ же письмѣ выражены были сомнѣнія на счетъ вѣрности формулы расноладанной кислоты, формулы, заимствованной изъ анализовъ 1814. Въ слѣдствіе этого я имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ Берцеліусъ самъ приготовилъ расноладаннокислую окись свинца, съ цѣлю передѣлать анализъ. Когда анализъ былъ конченъ и результаты вычислены, оказалось, по справкамъ съ его старыми замѣтками, что вновь найденныя числа совпадали съ прежними до третьей десятичной цифры. Читатель легко можетъ вообразить, какое довѣріе къ акуратности знаменитаго экспериментатора было внушено мнѣ этимъ обстоятельствомъ.

Употребленіе новыхъ методовъ анализа ввело въ обыкновеніе изображать составъ тѣлъ формулами, называемыми рациональными. Опытъ даетъ въ результатъ тѣ числовыя отно-

шенія, въ которыхъ элементы находятся въ изслѣдуемомъ соединеніи; этотъ результатъ точно выражается формулою эмпирическою. Напр. опытъ научаетъ, что расноладанная кислота состоитъ изъ двухъ элементовъ: углерода и кислорода; что перваго находится въ ней два эквивалента (*) (C^2), а втораго три (O^3). Слѣдственно, эта кислота вѣрно выразится формулою C^2O^3 . Но могутъ ли два атома кислорода непосредственно соединиться съ двумя атомами углерода въ группу $C^2 O^2$ и можетъ ли къ нимъ присоединиться еще третій атомъ кислорода, такъ, чтобы все это выразить слѣдующимъ образомъ: $C^2 O^3 + O$, заимствуя изъ алгебры знакъ сложения? или, соединеніе CO , взятое дважды, соединится ли съ атомомъ кислорода въ форму $2 (CO) + O$? или, наконецъ, угольная кислота, CO^2 , соединится ли прямо съ окисью углерода, CO , такъ, чтобы вышло $(O)^2 + CO$? Эти вопросы, принадлежащіе къ теоріи атомовъ, нисколько не разрѣшаются эмпирическою формулою $C^2 O^3$, ограничивающеюся только выраженіемъ результатовъ опыта.

Начало, выраженное въ приведенномъ нами примѣрѣ, постоянно, начиная съ 1814 года, занимало болѣе или менѣе вниманіе химиковъ: оно неоднократно возбуждало сильныя споры, въ которыхъ, вопреки разсудку, рвеніе къ достиженію истины

(*) Вещества не образуются отъ соединенія какого нибудь неопредѣленнаго количества двухъ или многихъ составныхъ началъ. Какъ скоро произошло какое нибудь химическое соединеніе, оно уже не можетъ принять въ себя большее количество какого либо изъ составляющихъ его веществъ. По этому предполагается, что химическія соединенія возникаютъ, такъ сказать, изъ известныхъ долей началъ, ихъ составляющихъ, долей совершенно постоянныхъ и опредѣленныхъ. Эти-то доли нымъ преимущественно и принято называть эквивалентами, также частицами, атомами. Знаютъ даже вѣсь этихъ атомовъ, не только вѣсь относительный, за единицу котораго принимается вѣсь кислорода. Опредѣленіе этого относительнаго вѣса есть одна изъ тѣхъ неопредѣленныхъ услугъ Берцелиуса, за которую можетъ быть не всегда и не вездѣ вполнѣ ему должна признательность. Этотъ атомическій вѣсь изображаютъ начальною буквою латинскаго названія самаго элементарнаго вещества. Такъ O означаетъ одинъ атомъ кислорода, вѣсь котораго означаютъ числомъ 100, что и служить единицею. H означаетъ одинъ атомъ водорода; относительный вѣсь его будетъ 12, 48. Вѣсь кислорода принятъ произвольно; вѣсь же водорода и прочихъ простыхъ веществъ установленъ природою и опредѣленъ опытомъ. Вѣсь сложнаго соединенія получимъ, складывая вѣсь составляющихъ его простыхъ веществъ. Такъ напр. вода образуется изъ соединенія одного атома кислорода съ однимъ атомомъ водорода; вѣсь ея будетъ сумма вѣсовъ составляющихъ ее простыхъ тѣлъ, т. е. 112, 48.

въ наукѣ нерѣдко оскорблялось личными чувствами, и хомъ національнаго соперничества. Но не смотря на то, что усовершенствованія химіи, теоретическія воззрѣнія, сово между собою различныя, появлялись одни за другими строй послѣдовательности, это разногласіе почти всегда шалось въ пользу науки. Оно постоянно побуждало стороннія изслѣдованія и повело къ тому, что даже нальня формулы, часто заключавшія въ себѣ однѣ г или достойныя вниманія догадки, служили нерѣд діями успѣха. Такимъ образомъ въ настоящее время с необходимыми, чтобы аналитическія формулы не то л ражали отношеніе, въ которомъ элементы входятъ въ вещество, но и, вмѣстѣ съ тѣмъ, давали бы понятіе лтномъ способъ распредѣленія въ нихъ элементарныхъ. Теперь стараются достигъ того, чтобы въ этихъ фо выражались отношенія о него какого нибудь извест шества къ другому, сходному съ нимъ по свойствамъ; словами, чтобы эти формулы выражали ихъ главныя скія реакціи. Дюма, Булей, Лоранъ и Гергардъ въ ности отличились изображеніемъ такого рода сочетан

Берцеліусъ въ своихъ анализахъ, обнарудовани 1814, показалъ, что ученіе о химическихъ атомахъ мож же удобно примѣнить къ соединеніямъ органическимъ и-органическимъ. Онъ построилъ формулы, выражающ мы сказали, отношенія состава, дознанныя анализе тогда предполагалъ, такъ же какъ и нѣкоторые другіе что органическія вещества содержатъ въ себѣ три а углеродъ, кислородъ и водородъ, и что эти составныя соединены между собою непосредственно, составляя та разомъ тройныя соединенія. Это то, что выражается ф C_2H_2O , между тѣмъ какъ двойное соединеніе вырази такъ: $C_2H + O$ или $C + H_2O$. Въ этихъ тройныхъ соед онъ нашелъ ясный, удовлетворительный способъ отл ганическія соединенія отъ минеральныхъ, въ то врем ставлявшихъ только одни двойныя сочетанія. Впрочемъ целіусъ, издавъ въ 1819 году свои обширныя минер скіе труды, высказалъ мнѣніе, что при помощи элект

ческой теоріи можно также объяснять феномены органическихъ соединеній. Это подало ему поводъ считать такія соединенія за двойныя и думать, что органическія кислоты суть ничто иное, какъ окиси составныхъ радикаловъ.

Радикалы же эти были большею частію предполагаемыя. Блестящія открытія Гей-Люссака показали первое сложное тѣло, обладавшее всѣми свойствами, характеризующими нѣкоторыя простыя вещества. Это тѣло было синеродъ: состоя изъ углерода и азота, онъ проявляется совершенно какъ хлоръ и іодъ. Это открытіе, сдѣланное въ 1815, было для химиковъ лучемъ свѣга и предметомъ удивленія. Вскорѣ оно сдѣлалось зародышемъ идей, обнаруженныхъ впоследствии Берцеліусомъ и другими учеными, относительно органическихъ соединеній. Можетъ быть, онъ были вызваны и наблюдениемъ Ампера, въ 1816 году. Какъ синеродъ, говоритъ онъ, тѣло сложное, сходствуетъ съ хлоромъ и іодомъ, элементами электро-отрицательными; такъ и аммоній, соединеніе гипотетическое, состоящее изъ азота и водорода, сходствуетъ съ обширною семьею металловъ—элементовъ электро-положительныхъ. Но синеродъ, равно какъ и гипотетическій аммоній, содержатъ въ себѣ только два элемента. Впрочемъ, какъ ни велики успѣхи науки, сдѣланные при помощи этихъ новыхъ предположеній, сомнѣнія и неясности въ ней едва ли уменьшились.

Дѣятельныя изслѣдованія послѣдующихъ годовъ, по видимому, не оправдали предположенія о существованіи радикаловъ, составленныхъ изъ трехъ элементовъ. Теорія слишкомъ далеко обогнала опытъ: она слишкомъ довѣрилась тому, что не было еще познано, предположивъ существованіе радикаловъ, составленныхъ изъ углерода, водорода и кислорода, и входящихъ въ составъ подобно простымъ тѣламъ. Мемуаръ Либига и Вѣлера о свойствахъ и соединеніяхъ бензоила (радикала расномаданной кислоты), въ 1832, бросилъ новый свѣтъ на рациональную химію. Мы хорошо помнимъ выраженія удовольствія и удивленія, вырвавшіяся у Берцеліуса, при чтеніи описанія ихъ опытовъ. Кому не чужда новѣйшая исторія этой отрасли химіи, тотъ можетъ оцѣнить все вліяніе, которое подобныя опыты имѣли на

ея успѣхъ. Съ этой эпохи Либигъ занялъ въ Сѣверной Европѣ, который въ органической химіи соответствовалъ по-
 столь долгое время занимаемому Берцеліусомъ въ общей химіи.
 Но постоянно-разширяющіеся предѣлы науки не пода-
 намъ надежды увидѣть новаго Берцеліуса, могущаго на-
 дань каждому изъ ея отдѣловъ, въ которыхъ великій химикъ
 Швеціи господствовалъ какъ теоретикъ и практикъ (*).
 будущее время химики вынуждены будутъ избирать каж-
 на долю свою только одну какую-нибудь отдѣльную область
 своей науки.

Входить въ подробное изложеніе быстрого хода органи-
 ческой химіи значило бы утомлять нашихъ читателей. Но
 успѣхахъ ея достаточно свидѣтельствуютъ частыя перемѣны,
 которымъ подвергаются способы изслѣдованія рacionalesъ
 состава тѣлъ; самыя же перемѣны очевидны въ названіяхъ, ко-
 рые непрерывно получаютъ одни и тѣже вещества. Отъ это-
 къ сожалѣнію, возникло множество весьма сбивчивыхъ сино-
 новъ. Раскройте нѣмецкую Энциклопедію, нами упомянутую
 въ первой встрѣтившейся вамъ статьѣ увидите рядъ названій
 въ родѣ слѣдующихъ: водохлорный хлористый винилъ —
 хлористый эманъ (Берцеліусъ) — водохлорный хлорис-
 ацетиль (Либигъ) — хлористый этеринъ (Митчерлихъ) — во-
 хлорный хлористый алдегиденъ (Реньо) — хлористый в-
 углеродъ — хлористый эфиръ — масло дву-водоугле-
 наго газа — масло голландскихъ химиковъ — голланд-
 водка. Вотъ десять странныхъ именъ для одной ничтожной
 маслообразной жидкости, открытой въ 1795 году пятью
 голландскими химиками и получаемой чрезъ соединеніе хлор-

(*) Самъ Берцеліусъ, въ своихъ Отчетахъ за 1836 годъ, говоритъ: «Время
 которое я жилъ, особенно благопріятствовало изученію той науки, ко-
 я посвятилъ себя; а это время уже не возвратится. Когда я началъ
 «вопріище, химія была почти въ колыбели; ея объемъ не истощалъ ю-
 «скихъ силъ. Не смотря на постоянное ея развитіе, не много требо-
 «времени, чтобъ изучить ее во всемъ ея объемѣ. Но теперь, послѣ со-
 «лѣтняго прогресса, она представляетъ для начинающаго такую массу
 «ловъ, которую время, обыкновенно посвящаемое изученію науки, позво-
 «ему усвоить только отчасти, и цѣлость которыхъ можетъ быть ни-
 «будетъ въ состояніи объять.» Если это было справедливо тридцать
 тому назадъ, то на сколько упомянутыя затрудненія возрасли въ наше
 время?

дву-водоуглероднымъ газомъ! Это соединеніе можетъ получить еще столько же названій, прежде чѣмъ будетъ положительно опредѣлена его рациональная формула. Такой рядъ разнообразныхъ названій можетъ показаться любопытнымъ, какъ свидѣтельство сдѣланныхъ успѣховъ — действительныхъ, или воображаемыхъ, но за то какая память въ состояніи удержать ихъ? Леопольдъ Гмелинь, желая придать однообразію, гармонію и простоту общей номенклатурѣ органической химіи, построилъ въ своемъ весьма ученое *Руководствѣ къ Химіи* цѣлую систему новыхъ названій, назначенныхъ для замѣны старыхъ. За нимъ Реньо, въ своемъ превосходномъ *Курсѣ Элементарной Химіи*, также много упростилъ теоретическую номенклатуру одного извѣстнаго класса тѣлъ. Однакоже, какъ ни уважительны такіа попытки, мы опасаемся, чтобы онѣ, появившись прежде времени, не повели къ увеличенію хаоса, вмѣсто водворенія порядка.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ свидѣтельствъ успѣховъ, сдѣланныхъ наукою, послѣ того, какъ ученіе объ органическихъ радикалахъ было всѣми принято, служитъ теорія *типовъ и замѣщений*, столь подробно развитая Дюма. Здѣсь вмѣсто упомянуть объ открытіи, въ чистомъ видѣ, многихъ радикаловъ, прежде существовавшихъ по одному только предположенію, также какъ и о многихъ органическихъ веществахъ, одаренныхъ свойствами щелочей. За этимъ остается еще сказать о приготовленіи, также искусственномъ, такихъ продуктовъ, которые естественнымъ ходомъ производятъ тѣла органическія. По важности предмета, мы остановимся на этихъ родахъ результатовъ.

Есть извѣстныя составныя начала, образующія ткани живыхъ организмовъ, или же находящіяся въ ихъ сокахъ. Долгое время ихъ считали за продукты дѣятельности жизненнаго начала; участіе же этого начала считали за отличительный характеръ, раздѣляющій органическія тѣла отъ тѣлъ минеральныхъ. Произведеніе первыхъ считалось не подлежащимъ человеческому искусству, дѣйствующему только на безжизненную матерію. Новѣйшія изслѣдованія мало по малу колебали это мнѣніе. Съ 1811-го года узнали, что крахмаль

и древесину можно превращать въ сахаръ и что изъ крахмала, или сахара можно приготовить муравейную кислоту. Но важнѣйшій фактъ этого рода былъ замѣченъ въ 1823 году, когда изъ некоторыхъ препаратовъ синерода успѣли приготовить мочевины—вещество, принадлежащее собственно животному царству. Въ последнее время число такимъ образомъ дабываемыхъ веществъ значительно увеличилось. Въ послѣдствіи мало по малу убѣдились, что такъ-называемая жизненная сила не есть исключительно побудительное начало, ставяющее атомы соединяться какимъ-либо особливимъ образомъ, хотя бы они и не подверглись такому соединенію въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ. Многіе изъ ученыхъ думаютъ, что приобретаемая ежедневно свѣдѣнія о вліяніи побочныхъ обстоятельствахъ дадутъ намъ средство постепенно умножить число веществъ, нынѣ принимаемыхъ за исключительные продукты живыхъ организмовъ. Это мнѣніе основывается на одной изъ періодовъ исторіи органическихъ щелочей.

Химики долгое время приписывали особенную важность сдѣланному, въ 1817, Сертюрнеромъ открытію морфина, такъ сложнаго, находящагося въ опіумѣ и, какъ доказано, являющаго щелочныя свойства. Нѣсколько лѣтъ спустя, Либигъ и Берцеліусъ успѣли приготовить еще нѣсколько органическихъ веществъ, тоже способныхъ играть роль щелочей. Въ настоящее время, мы знаемъ нѣсколько сотъ такого рода щелочей, извлекаемыхъ какъ изъ животныхъ, такъ и изъ растеній, въ которыхъ онѣ нерѣдко встрѣчаются совершенно образованными. Изъ этого можно судить, какъ велики наши свѣдѣнія по этой части. Такимъ образомъ мы насчитываемъ отъ семидесяти до восьмидесяти щелочей, производимыхъ искусствомъ, но доселѣ еще не найденныхъ въ природѣ. Кроме этого, необходимо сказать, что вслѣдствіе некоторыхъ средствъ, недавно открытыхъ Вуртцемъ и Гофманомъ, можно предугадывать возможность до безконечности увеличить со временемъ число искусственныхъ органическихъ щелочей. Между этими классами веществъ находятся многія такія, которыя употребляются въ медицинѣ, на пр. хининъ, морфинъ и др. Вещества эти большей части очень цѣнны, а количество ихъ въ прода

весьма незначительно, по причинѣ того, что растенія, изъ коихъ они добываются, свойственны только извѣстнымъ климатамъ. — Весьма полезно было бы найти способъ добыванія этихъ драгоценныхъ. врачебныхъ средствъ, и нѣтъ сомнѣнія, что рано или поздно такое открытіе присоединится къ числу многихъ уже сдѣланныхъ въ этомъ родѣ.

Замѣтимъ однакоже, что всѣ подражанія естественнымъ продуктамъ получаютъ только изъ веществъ органическихъ. Это ничто иное, какъ преобразованія соединеній, доставляемыхъ живыми существами. Искусство получило бы несравненно большую цѣнность, если бы, взявъ простыя вещества, совершенно чуждыя жизни, сумѣло соединить ихъ въ тѣ продукты, которые мы заимствуемъ болѣе или менѣе прямымъ путемъ отъ веществъ органическихъ. Напримѣръ: мышцы животныхъ, древесныя волокна составляютъ особыя опредѣленные соединенія, изъ которыхъ первыя называются фибриномъ, а послѣдніи — клетчаткой. Эти вещества искусственно приготовлены не были, и многіе изъ ученыхъ полагаютъ, что для составленія ихъ необходимо присутствіе жизненнаго начала. Образованіе этого рода веществъ изъ элементовъ ихъ составляетъ немаловажную цѣль изслѣдованія, и кажется, что искусство добыванія амміака и синерода можно съчесть введеніемъ къ такимъ открытіямъ.

Когда достигнуть этой цѣли, безъ сомнѣнія самой возвышенной, какую только можно ожидать отъ искусства, тогда по видимому кругъ дѣятельности жизненнаго начала ограничится. Высшее отправленіе этого начала будетъ состоять только въ совокупленіи элементовъ въ одно цѣлое. въ образованіи тканей и частей живаго организма, равно какъ и въ приведеніи ихъ въ надлежащее положеніе. Но какъ бы ни были могучи наши средства производить матеріалы для великаго зданія, мы никогда не будемъ въ состояніи исполнить плана, для него начертаннаго, ибо связать эти матеріалы въ одно цѣлое выше силъ человѣческихъ.

Химія, между тѣмъ, ежедневно увеличивалъ власть свою надъ матеріею. употребляетъ ее для добыванія такихъ продуктовъ, которые невольно возбуждаютъ любопытство и удивленіе. Такъ напр. одно изъ такихъ соединеній, будучи па-

двержено дѣйствию воздуха, воспламеняется и горитъ яркимъ пламенемъ; другое загорается отъ соприкосновенія съ водою и льдомъ; третье, находясь на воздухѣ, покрывается почти непеременяющеюся блѣдно-свѣтлою оболочкою. Въ однихъ случаяхъ является вещество, издающее невыносимый запахъ; въ другихъ—газъ, производящій на слизистую перепонку дѣйствіе, сходное съ дѣйствиемъ корицы. Также есть газъ, который при вдыханіи производитъ нѣкотораго рода опьяненіе, скоро проходящее, но полное очарованій; есть и такой, который мгновенно умерщвляетъ. Это же самое можетъ произвести одна капля многихъ жидкостей. Далѣе — есть вещество, не позволяющее прикасаться къ себѣ, — иначе отъ самаго легчайшаго прикосновенія оно утрачиваетъ свою форму, свой видъ, мгновенно превращаясь въ прахъ, и собственное свое уничтоженіе сопровождается страшнымъ взрывомъ. Наконецъ, кому неизвѣстно непостижимое вліяніе солнечныхъ лучей на нѣкоторые препараты, и дивныя примѣненія этого вліянія, сдѣланныя Дагерромъ и Тальботомъ? Химія производитъ не только одни ядовитыя вещества, она точно также приготовляетъ и вещества цѣлебныя, способныя врачевать наши недуги.

Кромѣ вышеупомянутыхъ, есть множество другихъ не менѣе удивительныхъ химическихъ соединеній, измѣняющихъ свойства одного и того же тѣла. Зажгите, напримѣръ, водородъ въ присутствіи кислорода, необходимаго для всякаго горѣнія: газы соединятся, и продуктомъ ихъ соединенія будетъ вода. Соедините хлоръ, газъ удушливый, производящій кашель и насморкъ, съ металломъ натріемъ, въ отдаленности оказывающимъ не менѣе вредныя свойства, и вы получите поваренную соль,—вещество самое благотворное. Такъ какъ въ этихъ двухъ случаяхъ только одинъ атомъ одного элементарнаго вещества соединяется съ однимъ же атомомъ другаго, то можно думать, что отъ этого такъ легко они и измѣняются. Однако же есть много и такихъ случаевъ, несравненно болѣе поразительныхъ, гдѣ органическія вещества, состоящія изъ многихъ атомовъ, совершенно измѣняются въ своихъ свойствахъ отъ прибавленія одного только атома. Возьмемъ примѣръ: бензолъ (радикалъ расноладанной кислоты) состоитъ изъ двадцати

одного атома: изъ четырнадцати атомовъ углерода, пяти водорода и двухъ кислорода, что въ химической формулѣ ясно выражается такъ: $C^{14} H^6 O^2$. Если къ этому соединенію присоединится одинъ атомъ водорода — ($C^{14} H^6 O^2 + H$), то бензоиль превратится въ масло горькаго миндаля, въ жидкость ядовитую, имѣющую вкусъ весьма крѣпкій. Если же къ бензоилу присоединится одинъ атомъ кислорода, то произойдетъ расноладанная кислота. — тѣло твердое, извѣстное своимъ пріятнымъ запахомъ. Въ киннамиръ (радикалъ кислоты корицы) находится двадцать семь атомовъ: прибавьте къ этому атомъ водорода и вы получите коричневое масло (*); присоедините же атомъ кислорода и у васъ будетъ коричневая кислота. Вотъ немногія изъ безчисленныхъ метаморфозъ, чудныхъ и непостижимыхъ!

За этимъ считаемъ нужнымъ привести примѣръ важности приложенія химіи къ медицинѣ. Если требуется, чтобы какое-нибудь вещество, будучи введено въ желудокъ, проникло черезъ сосуды въ разныя части тѣла, то первымъ условіемъ этого должна быть растворимость самаго вещества. Если вещество нерастворимо, то, прошедши пищепріемный каналъ, оно оставитъ его, не произведя никакого дѣйствія. Растворимое же вещество проникаетъ въ кровь и, если не вредно, питаетъ ее; если же ядовито, то болѣе или менѣе разстроиваетъ жизненные отправления. Химики успѣли открыть въ своихъ лабораторіяхъ способъ, дѣйствіемъ извѣстныхъ соединеній, превращать большую часть ядовитыхъ веществъ въ вещества нерастворимыя и тѣмъ лишать ихъ способности вредить. Чтобы доказать это, мы какъ дѣлаемъ опыты въ самомъ желудкѣ. Онъ, въ случаяхъ отравленія, вводитъ въ желудокъ вещество, уничтожающее дѣйствіе отравы превращеніемъ яда въ нерастворимое соединеніе. Такъ на примѣръ: известь и магнезія служатъ ему противодіемъ отъ щевелевой кислоты, бѣлокъ отъ сулемы, водный желѣзный окисль отъ мышьяка.

Вотъ еще примѣръ подобнаго приложенія. Болѣзнь, называемая колюкою живописцевъ, есть медленное отравленіе. Она происходитъ отъ вдыханія свинцовой пыли въ рудникахъ, въ которыхъ добываютъ его руду, на фабрикахъ, гдѣ его

(*) Въ гречески корица называется *сиппанон*.

обрабатываютъ, и наконецъ отъ употребленія въ пищу насыщенной этимъ металломъ. Если какимъ бы то ни было образомъ растворъ свинца проникъ въ организмъ, онъ распространяется въ немъ и производитъ хроническую болѣзнь уничтоженія вредныхъ его дѣйствій употребляютъ кислоты и сероводородный газъ, имѣющіе свойство осаждать такой растворъ въ нерастворимыя соединенія. Хотѣли бы мы показать, что отъ этихъ средствъ болѣзнь свинца припадки утихаютъ, однакоже тѣмъ не менѣе свинецъ, причинившій, остается въ организмѣ и, не оказывая вредныхъ дѣйствій, всегда готовъ возобновить ихъ, какъ только придетъ въ свободное состояніе. Къ счастью, Мелсе и Брюссель, недавно усовершенствовали эту часть терапіи, найдя средство открывать вредное присутствіе свинца и совершенно изгонять его изъ организма. Это средство есть иодистый потассій—вещество, известное химикамъ и фармакологамъ, и обладающее свойствомъ разлагать нерастворимыя соли свинца и составлять съ нимъ іодистое соединеніе, имѣющее большую степенъ растворимости. Отъ дѣйствія этого средства болѣзнь снова появляется; органы, пропитанные свинцомъ, дѣлаютъ усиліе извергнуть его и металлъ пролагаетъ путь чрезъ почки такъ, что его можно прослѣдить въ мочѣ въ нѣкоторыхъ изверженіяхъ. Дознано также, что при употребленіи серной кислоты и серныхъ водъ въ мочѣ его нѣтъ. Было найдено, что большой приѣмъ іодистаго потассія возобновляетъ весьма сильную колику, между тѣмъ какъ въ малыхъ дозахъ, повторяемыхъ часто, онъ выдѣляетъ свинецъ поносомъ и безъ ощутительной боли. По этому въ болѣзняхъ свинца рода употребляютъ малые приѣмы, и оканчиваютъ терапію, когда большой пробный приѣмъ этого лекарства не сопровождается болѣе болѣзненными припадками, и когда свинецъ не замѣчается въ жидкихъ изверженіяхъ. Такому же способу леченія слѣдуютъ послѣ продолжительнаго употребленія курія, также задерживающагося въ организмѣ.

Судебною медициною называютъ науку, которая занимается ничто иное, какъ часть судебной химіи, о которой имѣемъ сочиненія Орфины, Христизона, Тейлора, Бер...

считая многія превосходныя нѣмецкія сочиненія. Эта отрасль науки преимущественно занимается случаями отравленія. Занимающіеся этою отраслью пріобрѣли въ своихъ операціяхъ такой удивительный навыкъ, что, по видимому, онъ долженъ устрашать замыслы злодѣйства и, следовательно, ограничить число преступленій подобнаго рода. Не взирая однакоже на это, въ последнее время, случаи отравленія до того часто повторялись въ Англіи, что вызывали со стороны правительства для отвращенія зла многія законныя мѣры. Независимо отъ этихъ важныхъ вопросовъ, судебно-медицинская химія причисляетъ къ области своихъ изслѣдованій различныя поддѣлки патентованныхъ изобретеній, подлоги въ веществахъ, подлежащихъ акцизу, и попытки подрывать нѣкоторыя мануфактурныя производства. Она занимается также открытіемъ поддѣлки въ обще-употребительныхъ веществахъ, преимущественно въ пищу, тѣмъ болѣе, что порча этого рода имѣетъ великое вліяніе на здоровье и благосостояніе общественное. Наконецъ, она обращаетъ особенное вниманіе на тѣ поддѣлки, которымъ подвергаются вещества лекарственныя,—поддѣлки, которыя, дѣйствуя большей частию отрицательно, отъ того вредны и опасны, что ихъ менѣе всего можно предвидѣть. Мы легко могли бы войти въ дальнѣйшія подробности касательно этого предмета; но предѣлы статьи не дозволяютъ намъ распространяться, и потому только укажемъ любопытнымъ читателямъ на превосходное сочиненіе Доктора Дюфло по этой части (*).

Указавъ пользу, извлекаемую изъ химіи медициною, мы теперь исчислимъ тѣ пособія, которыя химія оказываетъ промышленности. Для лучшей оцѣнки успѣховъ, сдѣланныхъ предложеніями этого рода, стоитъ сравнить древнее сочиненіе Экина о химическихъ искусствахъ съ новѣйшею энциклопедіею доктора Юра и съ сочиненіемъ Дюма, а также послѣднія съ новѣйшими нѣмецкими книгами. Сравненіе показываетъ, что фабрикаціи, извѣстныя Экину, въ настоящее

(*) *Die wichtigsten Lebens Bedürfnisse, ihre Aechtheit und Güte*, Breslau, 1846. Въ Англіи нѣтъ спеціальнаго сочиненія по этому предмету. Тамъ ничего подобнаго не появлялось со времени книги Аккума: *Death in the pot* (Смерть въ горшкѣ).

время значительно усовершенствованы чрезъ устраненіе многихъ препятствій, чрезъ сокращеніе времени выработки и, — чрезъ уменьшеніе цѣнности продуктовъ, при помощи новыхъ способовъ производства. Съ того времени родились многія новыя искусства, играющія немаловажную роль въ народномъ обогащеніи. Наконецъ, сравненіе позднѣйшихъ технологическихъ сочиненій съ тѣми, которыя непосредственно имъ предшествовали, дасть ясное понятіе о быстротѣ, съ которою слѣдовали одно за другимъ всѣ извѣстныя нынѣ усовершенствованія.

Если наблюдатель, просмотрѣвшій исторію химіи, захочетъ въ подробности прослѣдить ея приложеніе къ дѣлу, то онъ найдетъ много любопытнаго въ изученіи ея постепенныхъ фазовъ. Онъ увидитъ, что каждое представлявшееся затрудненіе возбуждало новыя усилія. Были примѣры, гдѣ важныя отрасли промышленности казались погибали отъ встрѣчавшихся препятствій, повидимому неодолимыхъ: на помощь имъ являлась химія, изобрѣтала для нихъ новыя средства, отъ которыхъ происходили или большая экономія въ выработкѣ, или высшее совершенство въ произведеніяхъ, и они снова усиливались и разширялись. Такъ хлопчатобумажная филіатура обязана химіи выработкою нитей, достигающихъ такой тонины, какой мы не находимъ даже въ естественныхъ сокровищницахъ Индіи. Искусство пряденія льна истощалось въ тщетныхъ усиліяхъ превратить волокна этого растенія въ нити достаточно тонкія. Эти непокорныя волокна не повиновались волю механика: химія показала, что это зависѣло отъ особеннаго въ нихъ заключающагося клейкаго вещества; паръ растворилъ клей, волокна распались, и нить приняла тонины неожиданную. Самое вымачиваніе льна производилось сначала весьма медленно, тѣмъ болѣе, что оно сопровождалось запахомъ, причинявшимъ рвоту и сильнѣйшія болѣзни въ рабочихъ. При томъ же, только вода особеннаго рода источниковъ играла роль въ процессъ вымачиванія льна; а тонины волоконъ зависѣла отъ возраста растенія, недоходившаго въ извѣстной степени до совершеннаго дозрѣванія, отъ чего происходила невозможность пользоваться стеблемъ

и зерномъ въ одно и тоже время. Благодаря успѣху химіи, Шенкъ открылъ новый способъ моченія льна, позволяющій созрѣвать какъ растенію, такъ и самому зерну. Не смотря на это, въ настоящее время уже начинаютъ говорить о новомъ усовершенствованіи, готовящемся приурочить открытіе Шенка. Въ слѣдствіе этого усовершенствованія является соперникъ хлопчатой бумаги: Клозень открылъ способъ, при всей тонинѣ льняныхъ волоконъ, раздѣлять ихъ еще болѣе, придавать имъ видъ бумаги и способность также какъ и она ссучиваться. Это открытіе общааетъ расширить кругъ мануфактурной и земледѣльской дѣятельности. Услуги, оказанныя химіею писчебумажной фабрикаціи, не менѣе важны. Она показала возможность обезцвѣчивать посредствомъ хлора всякое окрашенное тряпье, изъ котораго вырабатывается бумага: слѣдствіемъ этого было увеличеніе количества первичнаго матеріала и пониженіе цѣны на самое произведеніе, при всемъ возрастающемъ на него требованіи. Одно неудобство замѣшалось въ этомъ процессѣ: избытокъ хлора задерживается продуктомъ, и потомъ оказываетъ дѣйствіе на чернила. Но и это неудобство устранено употребленіемъ такъ-называемаго фабрикантами *антихлора*, уничтожающаго избытокъ хлора.

Приготовленіе превосходнаго смальта, употребляемаго въ живописи и получаемаго изъ ядовитаго минерала кобальта, принадлежитъ также къ числу нашихъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ при помощи химіи. Ультрамаринъ, превосходная голубая краска, долгое время составлялъ предметъ зависти для художниковъ, потому что высокая цѣна не позволяла ему войти во всеобщее употребленіе; химики разложили его, узнали его составныя части; но все-таки не могли получить желаемаго чрезъ соединеніе этихъ элементовъ. Вскорѣ наблюденіе помогло дню: въ мануфактурныхъ отбросахъ они нашли вещество голубаго цвѣта и, по изслѣдованіи, убѣдились, что составъ его тождественъ съ составомъ ультрамарина; изучивъ условія, при которыхъ образуется это вещество, они успѣли получить то, что желали. Съ того времени, для всѣхъ, нуждавшихся въ этой драгоценной краскѣ, она сдѣлалась доступною.

Въ заключеніе статьи, скажемъ еще объ одномъ приложеніи, коего польза несравненно обширнѣе и возвышеннѣе. Въ числѣ веществъ, входящихъ въ составъ пшеничнаго зерна, а слѣдовательно и въ составъ хлѣба, находится одно, называемое у химиковъ фосфорнокислою известью. Для полнаго развитія зерна необходимо присутствіе этого вещества въ почвѣ, питающей самое растеніе; если его нѣтъ въ ней въ извѣстной пропорціи, то драгоцѣнный знакъ не дозрѣваетъ: колосья тощи, зерна не многочисленны. Кости животныхъ, по большей части, состоятъ изъ фосфорнокислой извести; по этому-то, въ теченіе текущаго полустолѣтія, костями истертими въ порошокъ, посыпаютъ землю, которая даетъ потомъ обильныя жатвы. Кромѣ этого удобренія, химія указала еще другія подобныя: при помощи геологін и минералогін, она отыскала присутствіе фосфорнокислой извести въ нѣкоторыхъ минералахъ. Земледѣльцы не замедлили воспользоваться открытіемъ, оказавшимъ для нихъ великую пользу.

Мы могли бы распространиться еще болѣе объ успѣхахъ и исторіи химіи; но, поставивъ цѣлью этой статьи только то, чтобы показать картину ея дѣйствительной важности, мы думаемъ, что всего сказаннаго уже достаточно для точнаго понятія о несравненно болѣе полезной будущности, ожидающей эту науку, и о важности мѣста, которое она должна занять въ уваженіи народномъ.

(Edinburgh Review).

ЛЕГЕНДЫ ОБЪ АТТИЛѢ.

Изъ всѣхъ людей, имѣвшихъ печальную честь потрясать землю, никто, можетъ быть, не оставилъ послѣ себя столь многочисленныхъ и столь различныхъ преданій, какъ Аттила: причина этого заключается въ томъ вліяніи, — въ одно и то же время сильномъ и кратковременномъ, — какое онъ имѣлъ на современные народы. Впечатлѣнія страха въ однихъ, чувства удивленія въ другихъ, превыслили много значенія тѣхъ дѣйствій, которыя успѣлъ совершить онъ до своей ранней смерти; но память, которую оставилъ по себѣ Аттила, была также велика, какъ велико и потрясеніе, произведенное имъ въ тогдашнемъ мірѣ.

Естественно ожидать, что въ этой смѣшенной грудѣ народныхъ воспоминаній, дошедшихъ до насъ черезъ средніе вѣка, встрѣтятся всякія противорѣчія, истинное и ложное, возможное и нелѣпое, прекрасное и отвратительное. Остережемся однакожь презрительно судить о нихъ, даже и тогда, когда въ нихъ откроется что-нибудь очевидно баснословное, руководствуясь той мыслию, что онѣ стали наслѣдственными вѣрованіями большей части Европейскихъ народовъ, и что отсель именно выходитъ тотъ Аттила, образъ котораго живетъ въ нашихъ умахъ; потому что Аттила, котораго мы знаемъ всѣ, сколько насъ ни есть, принадлежитъ гораздо болѣе преданію, чѣмъ исторіи. Но какъ образовался онъ, — этотъ типъ, созданный народнымъ преданіемъ? Чѣмъ отличается онъ отъ дѣйствительности? почему видоизмѣняется онъ въ своихъ существенныхъ качествахъ, соотвѣтственно различнымъ свойствамъ временъ и мѣстъ? Эти вопросы, представляющіеся каждый разъ, какъ хочешь ввести порядокъ въ хаосъ преданій, особенно имѣютъ приложеніе здѣсь. Я думаю, что исторія этихъ легендъ, если не будетъ столько же интересна, сколько исторія

самого Аттилы, — во всякомъ случаѣ она служитъ необходимымъ ея дополненіемъ (*). Чѣмъ глубже и сильнѣе человѣкъ потрясъ человѣчество, тѣмъ важнѣе знать, что осталось послѣ него въ сознаниіи человѣчества.

Поставленный на границѣ двухъ вѣковъ, между эпохой Римской, которую похоронилъ подъ ея собственными развалинами, и эпохою созиданія государствъ варварскихъ, основанія которыхъ готовитъ онъ, — Аттила является въ исторіи подъ двумя совершенно различными точками зрѣнія: разрушитель и основатель въ одно и тоже время, онъ заключаетъ эпоху Римскаго владычества на Западѣ, и открываетъ настоящую эпоху господства народовъ Германскихъ, вводитъ варварство въ его новую жизнь. Въ силу этого двоякаго дѣйствія, онъ господствуетъ надъ тѣмъ и другимъ, — надъ образованнымъ и варварскимъ, — міромъ V вѣка, который есть вѣкъ—переходный. Отсель также являются два потока воспоминаній, впечатлѣній, сужденій, относящихся къ его памяти, — и одинъ изъ нихъ вытекаетъ изъ міра Римскаго, а другой изъ міра Германскаго: совершенно разнородные, даже противоположные одинъ другому по своимъ началамъ, они идутъ совершенно отдѣльно во все продолженіе своего теченія, и проходятъ черезъ средніе вѣка, если не безъ искаженія, то по крайней мѣрѣ не встрѣчаясь и не сливаясь между собою.

Къ этимъ двумъ главнымъ потокамъ преданій, надо прибавить еще третій, который, хотя не такъ важенъ, но все-таки не долженъ быть пренебрегаемъ: мы разумѣемъ преданіе Венгерское, которое правильнѣе было бы назвать Паннонскимъ. Это смѣсь воспоминаній Славяно-Римскихъ, сохранившихся на Дунайской равнинѣ, съ другими воспоминаніями, принесенными съ Востока Гуннскими племенами, замѣстившими въ Панноніи Гунновъ Аттилы. Угры или Венгры, которыхъ національное имя **Мадяры**, образуютъ послѣднее полчище этихъ завоевателей гуннскаго происхожденія, ставшихъ Европейцами, и они въ своихъ книгахъ собрали все, что могло служить къ прославленію человѣка, котораго они съ гордостью поставляютъ во главѣ своихъ царей.

(*) См. Аттила. Москвит. за 1852 г. N 4, 5, 7, 10 и 11.

Какъ ни странно иногда эти преданія, запечатлѣнные восточнымъ воображеніемъ, мы прислушаемся однакожь и къ нимъ, какъ къ голосу, выходящему изъ развалинъ дворца, въ которомъ жилъ Аттила, какъ къ отголоску таинственной гробницы, въ которой онъ живетъ еще и теперь.

Еще одно слово. Если трудна наша работа, за то по крайней мѣрѣ нѣтъ недостатка въ матеріалахъ; напротивъ, можно сказать, что ихъ много даже до излишества. Преданія Латинскія, Гальскія, Итальянскія, находятся въ городскихъ хроникахъ и въ церковныхъ легендахъ, гдѣ остается ихъ только собрать; преданія Германскія хранятся преимущественно въ народныхъ поэмахъ Южной Германіи, или въ пѣснахъ и сагахъ Сѣверной Германіи. Что касается до книгъ мадьярскихъ, то надобно критически разсмотрѣть, что въ нихъ есть оригинальнаго или заимствованнаго, древняго или новаго; кромѣ того, нужно отдѣлять воспоминанія западныя отъ некоторыхъ темныхъ или отдаленныхъ воспоминаній, которыя могли придти изъ Азіи въ Европу съ потомками Гунновъ Аттилы.

I. ПРЕДАНІЯ ЛАТИНСКИХЪ ГОРОДОВЪ.

Перенесемъ мысленно къ 453 году, — годивъ избавленія Римлянъ отъ ужасовъ войны, когда Гуннскій царь похищенъ былъ вдругъ, какъ-будто небеснымъ ударомъ: Италия и Галлія отдохнули. И, какъ обыкновенно случается послѣ всякихъ сильныхъ переворотовъ, всѣ принялись составлять перечни своихъ несчастій, дѣлать описи своихъ ужасовъ. Такъ какъ всѣ трепетали, то всѣ и говорили, что имѣли причину трепетать, и потому каждый съ своей стороны повѣствовалъ либо о самомъ плачевномъ разрушеніи, либо о необычайно чудномъ сохраненіи. Это чувство на Западѣ было всеобщее. Важнѣйшіе изъ городовъ ставили себѣ за честь быть одни — взатыми, другіе — осажденными, всѣ — угрожаемыми. Всѣмъ хотѣлось сказать, что они видѣли вблизи страшнаго врага, принимали какое-нибудь участіе въ кровавой драмѣ, долго имѣвшей привиллегію быть любопытною и трогательною. Невольно преувеличивали сдѣланное зло, присовокуили къ нему то, какое могло быть

сдѣлано; воплощали въ форму дѣйствительности свои стра- грезмы, свою суетность. Этимъ объясняется чрезвычайное мно- мѣстныхъ преданій объ Аттилѣ, — преданій, очевидно весь- нихъ, и однакожь несогласныхъ съ исторіей. Если прини- буквальномъ смыслѣ легенды и лѣтописи VII, VIII и IX то Аттила не оставилъ ничего неразрушеннымъ ни въ Г въ Италиі, и часто формула, употребленная лѣтописц допускаетъ въ этомъ отношеніи никакого исключенія. Такъ второй легенды о Св. Луппѣ, писанной въ концѣ VIII вѣка говоритъ, что въ Галли, послѣ прохода Гунновъ, не ост мѣстѣ ни одной открытой усадьбы, ни одного города цѣ одного замка крѣпкаго. По мнѣнію среднихъ вѣковъ, развалина — прямо дѣло Аттилы, также какъ всякое древнее дѣло Юлія Цезаря. Цезарь и Аттила для нашихъ были два соотносительные типа, одинъ — типъ завоеваній творныхъ и содѣйствовавшихъ просвѣщенію, другой — типъ безплодной и губительной.

Итакъ, развалины, убійства, гоненія на святыхъ официальная свита Гуннскаго царя, которая всего болѣе теризуетъ его въ памяти Латинскихъ племенъ, Его счит столько богатымъ — самого по себѣ — всѣми ужасами и гр ствами, что придаютъ ему и небывалые подвиги безъ опасенія и сомнѣнія.

Затрудняется ли лѣтописецъ касательно эпохи раз извѣтнаго города, или жизнеописатель святыхъ относитель- страданій, — тотъ и другой избираютъ для прекращенія не- время вторженія Гунновъ; возстаетъ ли здравый смыслъ баснословной необычайности какого-нибудь покушенія, — е лаютъ правдоподобнымъ, произнеся имя Аттилы. Такъ вѣковые писатели легендъ положительно ему приписали Св. Урсулы и одиннадцати тысячъ дѣвъ, хоть это прои въ Кельнѣ въ 451 году съ дѣвами юными, которыя меж вышли изъ Бретани въ 383 году; но такія несообразности останавливаютъ легенды.

Любопытно въ глубинѣ преданій поискать тайной прич ставляющей совращаться ихъ съ пути истины безъ всякаго,

тому, основанія. Здѣсь, какъ будто, вслѣдствіе какой-то грубой логики, легенда относилась къ царю Гунновъ, какъ его естественное, неотъемлемое достояніе—огромныя развалины или невозможныя покушенія; — въ иной разъ, желаніе прославить кого-нибудь заставить ее предположить, со стороны завоевателя, походы, битвы, осады, которыхъ не бывало, и которыя пахотятся въ грубомъ противорѣчій съ исторіей. Такова осада Парижа въ 451 году, придуманная съ цѣлю—противопоставить Св. Женевиѣву Аттилѣ, вдохновенную пастушку человѣку, заставлявшему трепетать міръ; между тѣмъ какъ эта благочестивая и отважная дѣва никогда и не бывала пастушкой, и ея дѣйствіе въ войнѣ 451 года ограничилось только тѣмъ, что она воспрепятствовала Парижанамъ уйдти изъ города, отъ страха непріятельскаго вторженія. Ложныя этимологическія объясненія также весьма много способствовали къ составленію ложныхъ преданій: мы указали бы не мало такихъ явленій, еслибъ это было необходимо въ настоящемъ изслѣдованіи. Но довольно показать, какъ сходство имени, разработанное мѣстной суестью, можетъ породить цѣлую исторію, основанную на преданіяхъ, гдѣ историческія ошибки множатся невѣроятнѣйшимъ образомъ и поддерживаютъ ошибки географическія. Подробности, описанныя Иорнадомъ относительно мѣста, гдѣ происходила великая Каталаунская битва, не допускали никакого сомнѣнія, что это мѣсто находилось въ провинціи Шампавы, въ окрестностяхъ Шалона на Марнѣ, и преданіе городъ Шампани согласовалось въ этомъ съ исторіей. Тѣмъ не менѣе, Тулуза присвоила себѣ честь этой битвы, по той причинѣ, что есть равнина Каталанская, которая находится въ ея сосѣдствѣ. Такимъ образомъ, чтобы Аттила могъ придти къ Тулузѣ, нужно было, чтобы онъ прошелъ Галлію во всю ея длину, и чтобы, для обезопасенія своего отступленія, по необходимости, взялъ и разрушилъ до основанія Ліонъ, Арль, Нарбонну и проч.... И чтожъ? преданіе нимаю не остановилось передъ подробностями этой воображаемой войны; но, когда Аттила былъ побѣжденъ при Каталанѣ и принужденъ отступить, то что же случилось съ остатками его пятидесяти-тысячнаго войска? Преданіе и здѣсь нисколько не затрудняется; оно посылаетъ ихъ въ Испанію выгонять оттуда Мавровъ.

Оно повѣствуетъ, что Аттила, для этого благочестиваго отрядилъ троихъ изъ своихъ полководцевъ, которые, вступивъ въ Галицію, напали на султана Мирмамона и принудили его въ его область по ту сторону Гибралтара. Вотъ Аттила призывается въ защитника христіанства, въ родѣ Карла Мажестатнаго и Сиды: роль, очевидно, самая неожиданная изъ всѣхъ, назначаетъ ему народное воображеніе.

Кто повѣритъ, на примѣръ, что многіе города Галліи и Рима усвоили себѣ честь даже быть основанными, или, по крайней мѣрѣ, распространеными и укрѣпленными всеобщимъ разрушителемъ и истребителемъ? Требія имѣла однакожъ эту фантазію. Древній городъ метрополія Римской Галліи, забывши въ средніе вѣка она обязана своимъ блескомъ, приписала его царю Гунновъ. Такимъ образомъ, этотъ прекрасный Римскій памятникъ, которому жители селъ удивляются въ городкѣ Игелъ, — въ одной миле отъ Требіи въ XII вѣкѣ назывался *триумфальною аркою Аттилы*. Легенда говоритъ объ *мостѣ Аттилы* на Мозель, близъ селъ у стѣнъ этого города. Стразбургъ простерся въ своихъ стражницахъ еще далѣе: это — любопытная исторія, и ее можно рассказать.

Ни одинъ городъ не пострадалъ столько отъ полчищъ Аттилы, какъ этотъ знаменитый городъ Аргенторатъ или Аргентора, бывшій цитаделью восточной Галліи противъ Германцевъ и участникомъ въ столькихъ знаменитыхъ сраженій. Его разрушеніе въ 456 году было совершенное: въ VI и VII вѣкахъ *Серебряный городъ* былъ не болѣе, какъ ужасной пустыней, покрытой кустарникомъ и ставшей убѣжищемъ для дикихъ звѣрей; — герцоги Лотарингскіе, въ VIII вѣкѣ, пользовались только титуломъ, и давали имъ пустыя и заброшенныя земли. Въ небольшомъ разстояніи отъ этихъ развалинъ, и изъ того же матеріала, который они составляли, построенъ былъ сперва городокъ, потомъ городъ, который такимъ образомъ протянулся вдоль военной дороги Римской смежной съ Рейномъ. Такъ какъ большія мощенныя дороги Латини назывались *strata*, то и новый городъ названъ *Strata-burgum* или *Strate-burgum*, — двойная форма, которую находимъ у Григорія Турскаго; и какъ, кромѣ того, *Strata*

Strass имѣло уже и по-Нѣмецки тоже значеніе, что *stratum* по-Латини, — то *Strata-burgum* значило на обоихъ языкахъ *городъ близъ дороги*.

Эта историческая этимологія показалаcя слишкомъ проста средневѣковымъ Стразбургцамъ, желавшимъ дать своему городу болѣе блестящее происхожденіе. Они повѣствовали, что Аттила, во время своего пребыванія въ Аргенторатѣ (пребыванія—увь!—не слишкомъ миролюбиваго), желая уничтожить преграду, отдѣлявшую Галлію отъ за-Рейнскихъ странъ, и сдѣлать свободными сообщенія между всѣми народами, приказалъ сдѣлать въ стѣнахъ города четыре большіе пролома, соответственно четыремъ главнымъ направленіямъ, ведущимъ въ Германію, и что для увѣковѣченія въ памяти потомства этого новаго устройства, повелѣлъ, чтобы Аргенторатъ назывался впредь Стразбургомъ, то есть, слѣдуя преданію, *городомъ дорогъ*. Съ этой эпохи, Стразбургъ вель начало своего величія и своего значенія, какъ свободного города. Эта сказка, такъ льстившая альзасской гордости, стала на степень всеобщаго вѣрованія не только въ народѣ, но и между учеными. Альзасская хроника передаетъ ее очень серьезно, и историческая критика до послѣдняго вѣка должна была бороться съ заблужденіемъ, пользовавшимся такою большою довѣренностію. «Объясните мнѣ пожалуста, говорилъ Шепфлинъ, ученый и разсудительный авторъ *Alsaciae Illustratae*, — какимъ образомъ Аттила, не знавшій по-Нѣмецки, могъ умудриться, чтобъ давать галльскимъ городамъ нѣмецкія названія?» Авторитетъ преданія и на это даетъ отвѣтъ. Тогда существовало (а можетъ быть существуетъ и теперь еще) надъ Стразбургскими воротами, — которыя ведутъ къ городу Куронѣ и по этой причинѣ называются *Кроненбургомъ*, — существовало на камнѣ высѣченное изображеніе съ слѣдующею надписью кругомъ его: *Sic oculos, sic ille genas, sic ora ferebat* (*). Фигуры, по сторонамъ изображенія, указываютъ, повидимому, на возрѣсть стараго бургомистра,

(*) «Вотъ какіе были у него глаза, щеки и уста». Виргилій говорить: *Sic oculos, sic ille manus, sic ora ferebat*; но изображеніе Стразбургскаго бургомистра было безъ рукъ.

образъ котораго хотѣли здѣсь увѣковѣчить. Кто подумалъ бы, что это изображеніе Аттилы? «А народъ этому вѣрить, говорить Шепелингъ, и многіе изъ образованныхъ людей вѣрили». Такимъ образомъ христіанскій Стразбургъ считалъ своимъ патрономъ Гуннскаго царя, межъ тѣмъ какъ недалеко отъ него другой городъ, точно также христіанскій, Кельнъ, проклиналъ его передъ мощами одиннадцати тысячъ дѣвъ. Имя этого человѣка наполняло весь сѣверъ Галліи, и эти самыя противорѣчія, въ которыя впадали различные народы относительно его, показывали, какіе слѣды оставило между ними его величіе.

Теперь перейдемъ мы къ тѣмъ легендамъ, которыя даютъ намъ какъ бы самую высшую точку на горизонтѣ преданія,—къ легендамъ о томъ, что *Attila flagellum Dei* (бить Божій), въ чемъ заключается, для латинскихъ поколѣній, идеалъ Гуннскаго царя. Простое историческое значеніе этого слова лучше всего даетъ намъ понять успѣхи ума человѣческаго въ составленіи преданій, и особенно въ дѣлѣ преданія средневѣковаго. Перенесемъ же мысленно въ среду христіанскихъ народовъ V вѣка. Спросимъ ихъ, какъ смотрѣли они прежде всего на вторженіе Аттилы, и какое изъ обстоятельствъ этой короткой, но кровавой войны возбуждало болѣе живое волненіе въ то время, и, потомъ, въ длинномъ ряду слѣдовавшихъ за тѣмъ воспоминаній. Исторія должна намъ дать отвѣтъ на это.

Во множествѣ разнородныхъ событій, которыя представляются въ войнахъ 451 и 452 годовъ, были три, которыя, казалось, отличались отъ другихъ нѣкоторыми чертами необычайности и чудесности, и имѣли въ ряду прочихъ особое мѣсто и значеніе: это защита и спасеніе Орлеана чрезъ св. Аньяна, его епископа, пощада Труа, по просьбѣ его епископа св. Луина, и наконецъ, спасеніе оставленнаго императоромъ Рима, по просьбѣ Св. папы Льва. Во всякомъ другомъ, менѣе мистическомъ вѣкѣ, это, трижды повторявшееся и трижды удавшееся, ходатайство служителя Божія, заклинавшаго духа разрушенія, и отвращавшаго погибель, висѣвшую надъ тремя главными изъ городовъ,—во всякомъ вѣкѣ это ходатайство сильно поразило бы народныя умы: въ V вѣкѣ оно совершенно похорило ихъ. Оно, это ходата-

тайство едѣлаось обстоятельствомъ главнымъ, господствующимъ въ исторіи вторженія Гунновъ, или лучше, всѣ другія событія изгладились передъ нимъ. Сообщивъ цѣлому ходу войны свой чудесный отгѣнокъ, оно дало ему и свое нравственное значеніе, свой характеръ въ ряду религіозныхъ идей: прибавимъ къ этому, что, помимо частнаго событія, военнаго дѣйствія, оно доставляло христіанству неоцѣненное оружіе въ его еще слишкомъ упорной борьбѣ съ язычествомъ. Всѣ видѣли, что въ продолженіе ста лѣтъ, при всякомъ внутреннемъ неурядкѣ, при всякомъ усилѣннѣ варваровъ, язычники, вѣрные своей давней тактикѣ, приписывали несчастія имперіи Христіанской Религіи, и она должна была, такъ сказать, нисходить передъ трибуналъ міра для оправданія себя. Три событія, о которыхъ сказано, оканчивали всю эту полемику. Какого еще спрашивать болѣе удовлетворительнаго отвѣта на обвиненія! Какого еще требовать доказательства силы новой вѣры! Какого желать еще торжества для ея служителей! Напрасно жрецы языческіе провозглашали свои астрологическія выкладки для объясненія отступленія Аттилы дѣйствіемъ звѣздъ: общее сознаніе приписывало эту честь Св. Льву, а самъ онъ воздавалъ славу Богу. Разсматриваемыя съ этихъ идеальныхъ высотъ, земныя событія въ глазахъ всѣхъ были очень малы, и Шалонская побѣда, выигранная въ слѣдствіе случайностей войны, должна была казаться весьма ничтожною передъ побѣдою при Минціо, одержанною словомъ старца. Аэцій имѣлъ случай убѣдиться въ этомъ. Къ чему геній и военное искусство въ сферѣ метафизической, къ которой относили интересы имперіи, и въ которой самыя факты, какъ будто, нарочно располагались въ стройномъ порядкѣ? Этотъ, взгляды на войну Аттилы необходимо опредѣлялъ и самый характеръ сочиненій христіанскихъ историковъ, давалъ имъ формулу для ихъ искусства, согласующуюся съ ихъ религіозной идеею. Мы увидимъ, какая была эта формула: она указана намъ современникомъ, знаменитымъ Сидоніемъ Аполлинаріемъ, который самъ предпринялъ описаніе Гальской войны.

Сидоній, изъ ліонской фамиліи Аполлинаріевъ, долго былъ моднымъ поэтомъ; его мелкія стихотворенія и письма, переданныя

потомству, переходили изъ рукъ въ руки, съ одного конца имперіи до другаго; въ самомъ Римѣ, ни одинъ праздникъ не былъ полонъ, если не было на немъ чтенія галльскаго Виргилія, и каждый ново-вступившій на престолъ цезарей ждалъ себя отъ него панегирика. Эта громкая слава, вмѣстѣ съ знатностью рода, доставила ему руку Папіаниллы, дочери богатаго Арвернца Авита, который склонялъ Визиготовъ стать подъ знамена Азціи противъ Аттилы, и который потомъ, при ихъ содѣйствіи, провозглашенъ былъ императоромъ. Возвеличенный мірскими почестями, Сидоній уступилъ наковецъ потоку, который увлекалъ всѣхъ знатныхъ людей того времени къ религіозному служенію: онъ сдѣлался Клермонскимъ епископомъ. Его несомнѣнный талантъ, его положеніе, какъ чловѣка свѣтскаго, посвященнаго въ тайны политики, его весьма дружественныя отношенія со Св. Луппомъ, который часто былъ его литературнымъ повѣреннымъ, и другія, хотя менѣе близкія, сношенія со Св. Аньяномъ, указывали на него всѣмъ, какъ на чловѣка, которому именно надлежало передать повѣствованіе о Галльской войнѣ. Его просили объ этомъ, на него возложили, какъ будто, въ родѣ непремѣнной обязанности это дѣло, и Просперъ, наслѣдовавшій Аньяну на орлеанскомъ епископскомъ престолѣ, прибылъ къ нему лично, чтобы вырвать у него обѣщаніе. И такъ, Сидоній приступилъ къ дѣлу, но продолжительность труда ослабила его ревность: при томъ же и самъ онъ, будучи епископомъ твердымъ и ревностнымъ по вѣрѣ, — подражателемъ тѣхъ, коихъ хотѣлъ изобразить, вскорѣ брошенъ былъ въ среду событій и переворотовъ, поглотившихъ всю остальную жизнь его. Онъ рѣшился взять назадъ данное обѣщаніе, и написалъ къ Просперу съ этой именно цѣлюю. Мы имѣемъ это письмо, любопытное для насъ по многимъ причинамъ, и особенно потому, что оно даетъ намъ возможность судить объ историческомъ планѣ Сидонія, и о томъ родѣ пользы, которой ожидало Галльское духовенство отъ его пера. Оно заключается въ слѣдующихъ словахъ:

«Сидоній Господину Папѣ Просперу.

«По желанію твоему видѣть превознесеннымъ справедливымъ похвалами превеликаго и пресовершеннаго Первосвященника, Св.

внанаго Луппу и не низшаго Германа, а также и для
 м лучше напечатлѣть въ сердцахъ вѣрныхъ образецъ
 овѣка, который не имѣлъ недостатка ни въ какой
 ику тебя оставилъ своимъ преемникомъ,—ты вытре-
 евя обѣщаніе, чтобы, взявши перо, я передалъ по-
 торію о войнѣ Аттілы. Я долженъ былъ рассказать,
 дь Орлеанъ былъ осажденъ, взятъ, занятъ войсками,
 еразрушеннымъ, и какъ исполнилось славное проро-
 о епископа, коему всегда внимало Небо. Я началъ
 великость моего предпріятія ужаснула меня, и я
 едва коснулся его рукою: ни чьему слуху не
 моихъ опытовъ, осужденныхъ самимъ мною,
 ромъ. Повинуясь твоей досточтимой просьбѣ и тому
 какое внушаютъ мнѣ заслуги великаго епископа,
 шемъ случаѣ я пришлою тебѣ по крайней мѣрѣ похвалу
 ну. Займодавецъ нелицепріятный, будь снисходителемъ
 одному должнику, сними съ него его неблагоразуміе,
 й неумолимо долга, который уплатить онъ объявляетъ
 въ состояніи. Удостой вспоминать о насъ, свя-

образомъ, Аполлинарій имѣлъ мысль представить во
 къ св. Аньяна, не только какъ лицо историческое,
 лицо христіанское, для прославленія религіи, и, какъ
 оворить, «чтобы напечатлѣть столь великій образецъ
 въ вѣрныхъ»; этого же именно желалъ и Просперъ,
 бовали вмѣстѣ съ нимъ и другіе галльскіе епископы.
 енія этого плана, Сидоній, изобразивъ со всею подроб-
 итника Орлеана, перешелъ бы потомъ, на вѣрное, къ
 Труа, св. Луппу, своему другу, за тѣмъ, по всей
 къ Женевѣвѣ, строгой и мужественной защитницѣ
 и, бросивъ издали взглядъ на Италію, начертилъ бы
 емъ планъ св. Льва, смягчающаго Аттілу однимъ
 прерывающаго рядъ завоеваній и нить жизни этого
 о судьбою чловѣка. Весь интересъ повѣствованія долженъ
 редсточиваться на вѣтлѣхъ великихъ христіанскихъ обра-
 нъ за другимъ выступающихъ на пути завоевателя.

Уже значительное и само по себѣ, ихъ вліяніе на послѣдствія войны было бы возвеличено, превознесено.

Эта смѣсь отвлеченныхъ идей и дѣйствительныхъ событій была именно страстью того вѣка. Такъ писалъ Орозій, такъ представлялъ ходъ человѣческихъ событій и Августинъ въ своей *Civitas Dei*. Война Аттилы доставила этой системѣ въ одно и то же время и содержаніе и подтвержденіе; можно даже было сказать, что приложеніе теологическихъ введеній къ исторіи человѣческихъ дѣяній никогда не являлось столько законнымъ, какъ теперь. Достоинство же самого искусства состояло въ томъ, чтобы на первомъ планѣ картины представить на видъ двухъ лицъ, одинаково движимыхъ дѣйствіемъ Божества, но противоположныхъ другъ другу: варвара, исполнителя Его гнѣва, и пастыря Церкви, исполнителя Его милосердія.

Этотъ методъ, проникнутый мистицизмомъ, слишкомъ тонкимъ для слѣдующихъ вѣковъ, въ рукахъ средневѣковыхъ историковъ совершенно сталъ матеріальнымъ. По мѣрѣ того какъ невѣжество разпространялось, чистая и возвышенная идея о тайно-дѣйствіи Божества, совершающаго Свои чудеса въ сокровенной глубинѣ сердецъ, уступила мѣсто сверхъестественнымъ вмѣшательствамъ, доступнымъ для внѣшнихъ чувствъ. Красота христіанской исторіи и ея истина, какъ понималъ ихъ вѣкъ Августина и Иеронима, значительно утратили свое настоящее значеніе. Всякое движеніе чувствъ и идей исчезло въ исторіи, и уступило мѣсто предметамъ осязаемымъ, или, по крайней мѣрѣ, видимымъ: вдохновенія приняли тѣлесную форму, идеи превратились въ фантомы. Вмѣсто прекраснаго событія, въ которой Св. Левъ наизъяетъ наизвѣренія Аттилы силою слова, которымъ сугубо вдохновляетъ его Богъ,—сцены, сколько истинной, столькоже изумительной, средніе вѣка придумали другую, въ которой для устрашенія Аттилы является Апостоль Петръ, въ папскомъ облаченіи и съ мечомъ въ рукѣ. Тогда начали рассказывать, въ видѣ преданія, что Гуннскій царь, порицаемый своими приближенными за то, что онъ уступилъ безоружному старику,—онъ, на котораго не смѣли взглянуть римскіе легіоны, вскричалъ голосомъ еще полнымъ ужаса: «О! не этотъ священникъ заставилъ менѣ

но другой, который, держа позади его мечъ, гро-
 смертію, если я не исполню его повелѣнія.» Другой
 тѣ мѣсто подлѣ Св. Петра еще Св. Павлу. Это преданіе
 разъ встрѣчается у діакона Павла, писавшаго въ VIII
 дующіе писатели повторяютъ его уже безъ всякаго
 сомнѣнія, какъ фактъ, вообще принятый въ Италиі,
 мученикъ, принимая его, какъ будто сообщаетъ ему
 дѣ освященія. Такимъ образомъ, это былъ настоящій
 иданія св. Льва съ Аттілою; и переводъ этотъ сталъ
 ; искусства наперерывъ одно передъ другимъ вос-
 его, и кисть Рафаэли окончательно его обезсмертила.
 простаго обстоятельства можно понять характеръ
 какія средніе вѣка сдѣлали съ множествомъ лицъ и
 менъ минувшихъ.

нъ, въ томъ же смыслѣ, какъ и Св. Левъ, имѣлъ
 е участь. Патріотизмъ этого пастыря, его героическая
 эта вѣра простая и сильная, которая заставляла
 время, какъ онъ молился и обливалъ слезами сту-
 ,—говорить: «подите, посмотрите со стѣнъ, нейдетъ
 милосердіе Божіе,»—вѣра всепобѣждающая, которая
 тайной могущества надъ людьми, — все это стало
 для матеріальныхъ умовъ среди постоянно возраста-
 . Чудеса духовной силы человѣческой, поддерживаемой
 нмъ вдохновеніемъ, исчезли передъ дѣтской фантазма-
 рую V вѣкъ отвергалъ, но которая стала единственною
 ы болѣе грубой. Что сказано о Св. Аньянѣ и Св.
 надобно сказать и о Женевьевѣ, этой благочестивой
 рую такъ легко узнаешь, читая первую объ ней
 которой вовсе не узнаешь въ другихъ. Даже Св.
 отъ литературный повѣренный Сидонія, отъ котораго
 ѣскольکو писемъ, этотъ Апостоль-мірянинъ, кото-
 современный жизнеописатель даетъ намъ видѣть въ
 янномъ свѣтѣ, утратилъ совершенно свою дѣйстви-
 въ легендѣ о немъ, писанной въ концѣ VIII или въ
 вѣка. Вообще, начиная съ VII и до IX вѣка, дѣлаются

эти превращенія, не безъ нѣкоторой поэзіи, и отсель-то произошелъ, такъ сказать, типъ бича *Божія*.

Въ какую именно эпоху родилась эта знаменитая форма *Attila flagellum Dei*, являющаяся у составителей легенды ищевъ обыкновеннымъ выраженіемъ, которому оставили латинскую фizioномію, даже и въ томъ случаѣ, когда на народномъ языкѣ? Невѣдомо: можно сказать только то, что она не встрѣчается ни у одного изъ современныхъ писателей и что легенда о Св. Луппѣ, — о которой мы говорили себѣ, написанная въ VIII или въ IX вѣкѣ Труасскимъ пресвитеромъ, есть самый древній документъ, въ которомъ мы находимъ ее. Уже идея, соединяемая средними вѣками съ выраженіемъ *flagellum Dei*, является здѣсь во всей полнотѣ. Между V и VII вѣкомъ должно полагать принятіе слова *flagellum Dei*, сперва какъ эпитета, приложеннаго къ имени Аттилы, потомъ какъ титула, который онъ приписывалъ самъ себѣ и которымъ кичится, и, наконецъ какъ олицетворенія съ которымъ онъ смѣшивается, и которымъ поглощается историческая дѣйствительность. Выраженіе *flagellum Dei* прошло эти три ступени, и идея, какую назначаютъ ему средними вѣками, вполне является опредѣленною только на послѣдней изъ ступеней.

Италія и Галлія спорили между собою за честь изобрѣтенія этого выраженія. Итальянское преданіе усваиваетъ его Св. Луппу, который еще не родился въ 452 году, и въ исторіи которой оно думаетъ основать основать свои притязанія просто — смѣшиваетъ Гуннскаго царя Аттилу съ Готскимъ Царемъ Тотилою. Галльское преданіе авторомъ его полагаетъ Шампанскаго пустынножита. По этому послѣднему преданію Гуннскіе воины, накануне Шалонской битвы, въ лѣсу, окруживъ этотъ городъ, поймали этого пустынножита и принесли къ царю. Человѣкъ этотъ считался въ томъ краю пророкомъ. Аттила, для того чтобъ испытать его, или по тайному заведенію за будущее, спросилъ его, кто завтра останется побѣдителемъ. «Ты бичъ Божій, *tu es flagellum Dei*, сказалъ ему пустынножита, но Богъ сокрушаетъ, когда Ему угодно, орудія своего».

и побѣжденъ, дабы увидѣлъ, что твое могущество не
и.» Въ этомъ преданіи нѣтъ ничего противорѣчащаго
идеи эти—общія идеи V вѣка; этотъ языкъ есть цер-
зыкъ того времени; самое мужество пустытника напоми-
роль, которую римскій клиръ часто принималъ на себя
рварами: выраженное такимъ образомъ, Галльское преданіе
не противорѣчатъ истинѣ. Прибавимъ къ тому, что выра-
gellum Dei есть не болѣе, какъ воспроизведеніе текста
который называетъ Ассура лозою гнѣва Божія, *virga furoris*
омъ, которымъ Богъ поражаетъ свой непокорный народъ.
е! прибавляетъ онъ, развѣ жезлъ можетъ подняться про-
и, которая его носить? Жезлъ—не болѣе, какъ дерево,
ь силъ, сокрушивъ его на тысячу кусковъ, повержетъ
при всей суетности его торжествъ.» Вотъ идея пустын-
рчи его слова.

V вѣка, говоря о бѣдствіяхъ Римской имперіи, выража-
нихъ почти не иначе: Варвары въ ихъ глазахъ суть
что, какъ точило, въ которомъ Богъ выжимаетъ свой
ь, горнило, въ которомъ искушаетъ свое золото, вѣяло,
очищаетъ свои плоды. Раскройте Сальвіана, Орозія,
стiana,—они переполнены подобными образами, заимство-
изъ Св. Писанія. Исидоръ Севильскій, лѣтописецъ
прилагаетъ особенно къ Гуннамъ изрѣченіе Исаи:
ворить онъ, лоза гнѣва Господня.» Хотя бы и не суще-
подлиннаго текста, служащаго для насъ авторитетомъ,
мы могли бы быть увѣрены, что Аттила въ V вѣкѣ не
получалъ изъ устъ нѣкоторыхъ священныхъ лицъ наиме-
gellum Dei. Это совершенно справедливо, но среднія
имали совершенно иначе.

іе о Галльскомъ пустынникѣ,—основу котораго мы сейчасъ
и которое можетъ быть принято за фактъ историческій,
ь дальнѣйшихъ подробностяхъ, совершенно переходитъ
мы вѣроятности, и оставляетъ исторію для легенды. Оно
сть, что Гуннскій царь, вмѣсто того чтобы оскорбляться
внѣмъ бича Божія, которое далъ ему пустынникъ, обѣ-
о онъ гордится имъ, и прибавилъ его къ своему имени,

какъ титулъ. Объятый иудскимъ восторгомъ, онъ привскочилъ мѣста, и вскричалъ: «Звѣзда падаетъ, земля трясется, я—ми поражающій міръ!» Здѣсь мы плывемъ по миѳу на всѣхъ парусахъ, посмотримъ, гдѣ придется намъ пристать.

Въ историческомъ очеркѣ Атиллы мы рассказали объ египетскомъ дани со Св. Луппомъ, какъ передаютъ намъ оригинальные писанные, какъ полагаютъ, ученикомъ Труасскаго епископа. Происходитъ очень просто и совершенно вѣроятно. Атилла, бѣгавшій отъ Орлеана къ Шалону, и преслѣдуемый по вѣнцамъ Азціемъ, переправился черезъ Сену повыше Труа. Разоренный предшествовавшими вторженіями, городъ этотъ не имѣлъ ни гарнизона, ни стѣнъ, которыя хотя на минуту могли бы остановить Гунновъ: Св. Луппъ идетъ къ Атиллѣ, и Атилла соглашается сдать городъ, но епископа оставляетъ у себя заложникомъ. Между тѣмъ жители, очень мало успокоенные, разсѣиваются по окрестностямъ, и, когда Св. Луппъ возвращается изъ своего вынужденнаго путешествія, находитъ свою митрополию пустою. Вотъ истинность въ его исторической вѣрности, и вотъ теперь какъ повѣствуетъ о немъ четыре вѣка спустя.

Здѣсь преданіе очень далеко уноситъ насъ отъ міра действительнаго, и переноситъ совершенно въ область фантазіи: у Атиллы есть стѣны и войско, предводительствуемое епископомъ, который дѣлаетъ осмотръ по стѣнамъ, и вдругъ приходитъ Атилла, глава безчисленнаго войска. Не смотря на то, что былъ разбитъ при Шалонѣ (надо было поставить осаду Труа послѣ этой битвы), чтобъ согласить разсказъ легенды съ преданіемъ о пустыннѣ, Гуннскій царь скачетъ безпрепятственно по Галліи, убивая и разрушая все, какъ ему хочется. Онъ гордъ, нагль, и привыкъ властвовать во всеуслышаніе провозглашать титулъ, который пріобрѣлъ ко всѣмъ своимъ титуламъ, то есть, титулъ *бича Божія*. На своемъ боевомъ конѣ, онъ подъѣзжаетъ къ одному изъ вѣнцевъ города, гнѣвно ударяетъ по нимъ, и повелительно приказываетъ, чтобъ отворили ихъ ему. Епископъ, съ высоты стѣнъ, спрашиваетъ, кто онъ таковъ: «Кто ты, сказалъ онъ, разсѣивающій народы, какъ солому, и попирающій короны копытами своего коня?» — «Я, отвѣчаетъ онъ, — Атилла, бичъ Божій. — О! восклицаетъ онъ»

«Обро пожаловать, бичь Бога, Котораго я служитель!
новить тебя;» и, сойдя со стѣны вмѣстѣ съ клиромъ,
спираетъ настежь ворота, беретъ за узду лошадей
аря, и, вводя его въ городъ, говоритъ: «Войди, бичь
иди, куда несетъ тебя бурное дыханіе гнѣва небе-
ла вступаетъ въ городъ, войско слѣдуетъ за нимъ.
по улицамъ, минуя площади и перекрестки, про-
по церквей и палатъ, передъ глазами толпы, въ одно
я приведенной въ удивленіе и ужасъ; они ѣдутъ,
ь ничего. Мрачное облако отяготѣло надъ ихъ вѣж-
нбы,—и прозрѣваютъ опять только въ ту минуту,
за выѣзжаетъ изъ города черезъ противоположныя
одномъ изъ вариантовъ этой легенды,—а этихъ вари-
ество,—войско Гунновъ, проѣзжая по городскимъ
площадямъ, думаетъ преспокойно, что ѣдетъ промежъ
въ, среди зеленыхъ луговъ.... Идея мѣла раскры-
во всей полнотѣ: бичь Божій, надмѣнный своимъ
—все разрушать, связуется служителемъ Божиимъ;
падаетъ ницъ передъ своимъ укротителемъ. Легенда
противопоставляетъ два мифическіе образа, которыхъ
мно соприкасаются, и которыя дополняются одно
е спрашивайте здѣсь дѣйствительности, не спраши-
и; здѣсь нѣтъ Луппа, епископа города Труа, нѣтъ
ннскаго царя,—здѣсь есть *бичь Божій*, который,
святаго на своемъ пути, теряетъ свое могущество
ществомъ высшимъ его: дѣло милосердія торжествуетъ
о правосудія.

признаться, что въ такомъ способѣ пониманія есть
ической красоты. Такъ думали и средніе вѣка, потому
енда имѣла чрезвычайный успѣхъ; ее повторяли всюду;
кви заимствовали ее и усвоивали себѣ то всю, то по
ицъ рассказывалъ, что Гунны, хотѣвшіе разграбить
Стефана, находящуюся въ его стѣнахъ, вмѣсто дверей
рѣтили гранитную скалу, о которую разбивались ихъ
алицы. Кромѣ того Аттила проходитъ мимо города,
, между тѣмъ какъ миражъ показываетъ ему на го-

ризонтъ башни и зубцы на стѣнахъ воображаемаго города, который убѣгаетъ отъ него и увлекаетъ его за собою. Гунны поражены были слаботою за то, что заключили епископа Св. Авктора, своего узника; но они получили зрѣніе въ то же время, какъ онъ получаетъ свободу не кончили, еслибъ вздумали перечислять все заимствованныя Галльскими церквами изъ миѳической легенды о

Италія не хотѣла отстать отъ Галліи въ дѣлѣ и бичъ Божій вмѣстѣ съ служителемъ Божиимъ за Альпы, чтобы играть свою обычную роль въ всѣхъ легендахъ. Подражаніе было вполне удачно, до воровства, и легенда о Св. Геминіанѣ, епископѣ Модены, есть не что иное, какъ рабская копія легенды о Св. Луппѣ въ Труа: тоже чудо, тѣ же приключенія, тотъ же съ городской стѣны; только Гуннскій царь является бичемъ и болѣе насмѣшливымъ по ту сторону Альпъ эту. Въ ту минуту, какъ епископъ говоритъ ему, что бичъ Божій: Ну чтожъ! отвѣчаетъ бичъ Божій, — дужителя слѣдуетъ посѣчь.» Иногда, если епископъ, съ Атилѣмъ, не слишкомъ доказанной святости, легенда его другимъ, умершимъ много лѣтъ назадъ.

При этомъ, болѣе и болѣе идеализовавшемся дуализмѣ существо отмѣченное судьбою, заимствуетъ кой что и отъ духовъ. Ему путеводительствуетъ самъ сатана: князь воруетъ ему ворота Реймса, побуждаетъ его къ насильству, наслаждается страданіями епископа Св. Наказаніе его Св. Евтропіи; «онъ находился близъ дверей, тутъ, гласитъ легенда. Точно такъ же, какъ и самъ Атила, бичъ Божій, насмѣшливъ, живъ въ своихъ ужасенъ на видъ, но, опять также, какъ дьявола, обмануть, его дурачить, ему грубіанять, а онъ и не знаетъ этого. Это типъ средневѣковаго сатаны, это тѣмъ, которыя имѣли тогда относительно духа злобы. Частично комически-удачно раскрываетъ эту идею о просто

Атилѣ. Когда Гунны замучили близъ Кельна оди-
нѣ дѣвъ, подругъ Св. Урсулы, Атила предлагаетъ
съ нимъ въ супружество для возстановленія ея чести:
огаеть его съ презрѣнiемъ: «Удались, говорить ему она;
руку цезаря,—ужели же это для того, чтобы принад-
му проклятому, какъ ты!» Часто легенда вкладываетъ
гилы и его собесѣдниковъ разговоры, въ которыхъ
у наставленія, обманываютъ его, издѣваются надъ нимъ;
е ояъ является великодушнымъ, рыцарски-благород-
вымъ служить всякому доброму дѣлу. Эта новая физіо-
Божія рисуется въ первый разъ,—по крайней мѣрѣ,
ннiю,—въ разсказѣ о мнимои осадѣ Равенны, кото-
бы происходила въ 452 году, въ епископство св. Іоанна.
гогъ въ своемъ первоначальномъ изданіи принадлежитъ
гнеллу, равенскому пресвитеру, писавшему въ IX
рхіепископахъ своей страны, и, послѣ древнихъ доку-
та книга бросаетъ много свѣта на средневѣковыя идеи
Италіи.

ду Агнелла, всё забыли, что Атила, оставаясь на
Но во все продолженіе войны 452 года, совсѣмъ не
Равенны, или лучше, Равенна, на перекоръ Атилѣ,
ь осажденною; ея прежняя значимость при Императо-
притязанія во время экзархата не позволяли ей думать,
но было оставить ее безъ вниманія, въ то время какъ
пасностью Риму. Выходя отъ этого предположенія, Аг-
разражаетъ картину нашествія Гунновъ на городъ Вален-
а картина эта не лишена живости; онъ представляетъ,
и несутся по морю, и какъ потомъ, подобно быстрому
водняютъ равнину, которая исчезаетъ подъ ихъ отря-
точно, говоритъ онъ, туча саранчи покрываетъ степь,
о садится для роздыха. Вскорѣ является и самъ Атила,
убранномъ конѣ, въ золотомъ шлемѣ, со щитомъ
съ блестящими перьями на шлемѣ: онъ размышляетъ объ
да.

ь Іоаннъ, въ страхѣ, предается молитвѣ, и приносить
о кровь для избавленія своего стада: откровеніе его

успокаиваетъ, и повелѣваетъ ему идти къ неприятельскому лагерью. И такъ, на другой день, раннимъ утромъ, выходитъ изъ города вмѣстѣ со всѣмъ клиромъ, облаченнымъ въ бѣлыя ризы, съ крестомъ впереди, съ распущенными хоругвями, съ свѣчами, съ кадильницами, и процессія, при пѣніи псалмовъ, идетъ вдоль узкой дороги, ведущей изъ Равенны въ станъ Аттілы.

Но Аттіла уже переоблачился въ пурпуръ шитый золотомъ, и ни болѣе ни менѣе, какъ и римскій императоръ, и въ своей пурпурѣ держитъ совѣтъ съ своими военачальниками, какъ и императоръ, отдаленное псалмопѣніе поражаетъ его слухъ; онъ слышитъ, какъ видятъ длинную вереницу священниковъ, пробирающихся по два въ рядъ, и епископа, заключавшаго шествіе. Это приводитъ его въ удивленіе. «Кто эти бѣлые люди, идущіе навстрѣчу мнѣ? — кто шиваетъ онъ у окружающихъ его; — куда идутъ они и куда возвращаются? — гдѣ тѣ, кто гонятъ отъ меня?» — Это епископъ въ сопровожденіи своего клира отвѣчаетъ одинъ изъ предстоящихъ, болѣе, чѣмъ онъ, съ обычаями и языкомъ христіанъ; — онъ идетъ просить милости для своихъ дѣтей, жителей Равенны. «Это слово озадачиваетъ Аттілу, потому что онъ не понимаетъ, что такое дѣти, и издѣваясь надо мной, вскрикиваетъ онъ гнѣвно: — но не бойся, что у меня мечъ очень острѣе, и горе тому, кто дерзнетъ вѣрять надъ своимъ царемъ! Объясни же мнѣ ты, — такъ какъ это хорошо извѣстно, — какимъ образомъ одинъ человекъ можетъ породить столько дѣтей?» Поставленный въ такое непріятное положеніе совѣтникъ объясняетъ, какъ можетъ, различіе между дѣтьми по природѣ и дѣтьми по усмновленію: Аттіла удивляется этимъ объясненіемъ. Послѣ этого разговора епископъ; сердце вождя, уже приготовленное къ тому, что онъ увидитъ епископа, и Іоаннъ безъ труда получаютъ то, что они приходили просить. Однакожъ, хорошо зная Италию, боясь, чтобъ они не употребили во зло его снисхожденіе, Аттіла съ очаровательнымъ добродушіемъ принимаетъ предосторожности: «Твои граждане, говорятъ епископу, народъ ужасно хитрый; они пожалуй скажутъ: ты идешь вѣрять надъ нимъ да и прогнали его; но я не хочу, чтобы сосѣднихъ городахъ думали, будто я боюсь васъ, —

тельно для меня и для моихъ воиновъ (мы все
 словами Агнелла). Чтобы предотвратить это, я
 чего: возвратитесь какъ можно проворнѣе въ го-
 ворота съ петель, бросьте ихъ наземь, и я яв-
 ёду вашъ городъ: обещаю вамъ, что не сдѣлаю ни-
 ». На другой день Равенна приняла праздничный видъ;
 ланныя коврами, площади, украшенныя цвѣтами и загро-
 зрителями, обнаруживали всеобщую радость, и архі-
 во главѣ клира, встрѣтилъ Гунновъ при входѣ въ
 ть какъ, — едва прошло полвѣка, — Италия помнила свою
 исторію. Писаніе Агнелла оканчивается размышленіемъ,
 также заслуживаетъ вниманіе: «Вошло въ пословицу,
 ѣ, что Аттіла, прежде чѣмъ брался за оружіе, во-
 остью, и при всемъ томъ умеръ подъ ножомъ презрѣн-
 ны.» Это сожалѣніе, высказанное въ отношеніи къ бичу
 е не послѣдняя здѣсь странность.

у тѣмъ, переводъ мнимой осады Равенны, передаваемый
 все-таки имѣетъ нѣкоторый смыслъ сравнительно съ
 нтами, изобрѣтеніе коихъ почти невѣроятно, и которые
 встрѣчаемъ въ числѣ преданій объ Аттілѣ. Скажемъ
 разъясненія нижеслѣдующаго, что во все продолженіе
 жестокая ересь раздѣляла Равеннскихъ архіеписковъ и
 епископы равеннскіе имѣли притязанія, что они обязаны
 ой палліумъ прямо отъ императора, а папы хотѣли
 ихъ апостольскому престолу. Пламя, произведенное
 рями, переходило отъ предстоятелей къ церквамъ и отъ
 городамъ. Величали другъ друга еретиками, гремѣли
 друга отлученіями, которыхъ должны были бы сты-
 торію и богословіе, истинныя и ложныя преданія, — все
 все употребляли для пораженія другъ друга: Аттіла,
 невинно, былъ замѣшанъ въ эту распрю. Два варіанта, о
 ны сказали, могутъ быть приписаны, — одинъ равенн-
 икамъ, а другой приверженцамъ римскихъ папъ. По
 ю перваго изъ нихъ, архіепископъ Іоаннъ есть обра-
 славія: онъ встрѣчаетъ Аттілу словомъ о единосущіи
 на въ таинствѣ Пресвятыя Троицы, — словомъ, которое

такъ нравятся царю, что архіепископъ въ награду за свое мръзѣе получаетъ отъ Аттилы обѣщаніе помиловать города другимъ вариантѣ, который носитъ всѣ признаки нападения устремленнаго изъ Ватикана, Иоаннъ — не только еретикъ даже Аріанинъ; если онъ оглашаетъ (преподаетъ начатки христіанства) Аттилу, то для того, чтобъ вовлечь его въ ересь, и когда уже достаточно научилъ его, когда достаточно очисти въ его глазахъ характеръ и вѣру папы Св. Льва, — обѣщаетъ предать Равенну и всѣ сокровища Цесарей, если онъ отлагательства поидетъ на Римъ и изгнать изъ него еретика папу. Аттила извлекаетъ мечъ и идетъ: но на дорогѣ встрѣчаетъ онъ Св. Льва, который, оглашая его въ свою очередь, предлагаетъ ему, держа въ рукѣ символъ Никейскій, нечестіе и ересеначальника. Аттила видитъ, что его одурачили, и, испавшись гнѣву, возвращается назадъ, беретъ приступомъ Равенну, умерщвляетъ архіепископа со всѣмъ клиромъ, и объявляетъ, что онъ точно также поступитъ со всякимъ, кто съ этою порой не захочетъ отрицать православіе папъ и первенство Римскаго прелата. Такъ подъ вліяніемъ различныхъ вѣтровъ, разбивалось преданіе, следуя страстямъ и интересамъ времени, и въ этомъ отношеніи оно нѣсколько походитъ на исторію. Вдругъ бичъ Божій и теологомъ, судьею христіанскаго ученія и защитникомъ недавно снѣ выгонялъ Мавровъ изъ Испаніи: нѣтъ мѣры вліянію народнаго воображенія.

Преданіе, попавши однажды на рудоносную жилу, которая нравятся, разкапывается и идетъ по ея теченію до тѣхъ поръ, пока не изчерпаетъ ее вполне. Это странное понятіе о бичѣ Божіемъ добѣрчивомъ и простодушномъ, и понятіе объ Аттилѣ-теологѣ, родили нравственнаго Аттилу, внушавшаго Римлянамъ цѣломудреннаго одобрявшаго законные браки, дававшаго добродѣтельнымъ женщинамъ приданое. Эта послѣдняя фізіономія Аттилы, — нельзя согласиться, — самая неожиданная изъ всѣхъ, — является во многихъ исторіяхъ, которыя ходили въ средніе вѣка по Галліи и въ Европѣ, и потомъ писателями XV и XVI вѣковъ собраны изъ устныхъ преданій, какъ достопамятныя преданія. Вотъ, на примѣръ, одна изъ этихъ исторійкъ, принадлежащая Галліи.

нашествія Гунновъ на Труа, близъ самого этого го-
 ла увидѣлъ одну бѣдную вдову, бѣжавшую полемъ съ
 дочерьми: старшія, уже взрослая и прекрасная, бѣжали
 имъ ея; маленькія вѣхали трусцей на ослѣ: была даже
 рожденная, и эта мамотка, закутанная холстомъ, висѣла
 тернѣ. Куда бѣжало это испуганное стадо? Оно бѣжало
 хотѣло броситься въ нее, чтобы спастись отъ звѣрства
 Аттила тотчасъ же приказываетъ привести ее передъ
 какъ несчастная вдова пала передъ нимъ на землю,
 произнести ни одного слова, то онъ самъ спрашиваетъ у
 и онъ ея дочери, и всѣхъ ли она родила отъ законнаго
)! да, отвѣчаетъ полумертвая отъ страха вдова;—ихъ
 всѣ онъ оставитъ послѣ меня сиротами.» Аттила под-
 е, успокоиваетъ, и приказываетъ дать ей довольно зо-
 нить легенда, чтобы она могла жить достаточно и честно
 своихъ дочерей.

той разъ, между Виченцей и Конкордіей (это говорятъ
 е летописцы), Аттила встрѣчаетъ фигляровъ, которые
 свой багажъ на землю, принялись забавлять его своими
 : это, гласитъ разсказъ, были молодцы сильные и
 не обладавшіе мужествомъ и незнакомые съ оружіемъ.
 отвѣній дать урокъ этимъ тунеядцамъ, выступаетъ на
 руга, образовавшагося около нихъ, натягиваетъ лукъ
 летѣвшую мимо птицу; потомъ подаетъ имъ лукъ, но
 нихъ не въ состояніи натянуть его. Онъ приказываетъ
 себѣ коня, во всемъ вооруженіи вскакиваетъ на него
 щкомъ, и, когда приказываетъ гаерамъ сдѣлать то же
 и отказываются. Тогда онъ отдаетъ ихъ подъ строгій
 ный надзоръ, не позволяя имъ ѣсть ничего, кромѣ той
 орую убьютъ они своими стрѣлами. Черезъ нѣсколько
 глары являются опять передъ войскомъ, худые, измо-
 кожа да кости,—но за то сдѣлались отличными стрѣл-
 ила беретъ ихъ къ себѣ въ дружины.

мое лучшее изъ итальянскихъ преданій о добромъ
 торымъ, т. е. предаемъ, забавлялись, въ средніе вѣка

Падуанцы, и которое потомъ повторилось многими писателями по возрожденіи наукъ. Они повѣствовали, что въ то время Гунны занимали ихъ городъ послѣ разрушенія Аквилы. Известный поэтъ, по имени Марулль, прибылъ изъ глупой лабріи съ Латинской поэмой, сочиненной въ честь Аттилы, которую онъ хотѣлъ прочесть передъ нимъ. Падуанцы, изумленные этимъ обстоятельствомъ, дававшимъ имъ возможность достойно почтить ихъ гостя, приготовили великолѣпное зрелище, на которое были приглашены всѣ замѣчательныя и ученые люди Верхней Италіи. Уже многочисленная толпа тѣснилась въ нѣдрахъ амфитеатра, и Марулль началъ декламировать свои восторженные громомъ рукоплесканій, какъ вдругъ чело его омрачилось. Поэтъ, слѣдуя обычаю своихъ собратій, притворивъ своему герою небесное происхожденіе и обращаясь къ публикѣ будто къ богу. — «Что это такое? вскричалъ, выйдя изъ театра Аттила. — Сравнить простаго смертнаго съ безсмертнымъ? Такому нечестію я не буду потатчикомъ.» И онъ принялся не медля ни мало, среди этого же самаго амфитеатра, сожженію дурнаго поэта и его дурные стихи. Можно представить себѣ, какой суматохой смѣнилось это торжество, — можнo звать удивленіе зрителей, не смѣвшихъ тронуться съ мѣстъ, сердечно желавшихъ быть какъ можно подальше отъ гуннскихъ воиновъ, съ охабками дровъ, которыя они таскали на арену, потомъ — поэта Марулла, связаннаго по рукамъ и ногамъ, и распростертаго на кострѣ рядомъ съ своей поэмой. Уже всѣ приготовленія были окончены, и, тогда какъ хотѣли поднести къ костру зажженные головни, какъ Аттила подаетъ знакъ остановиться. — «Довольно и этого, — я хотѣлъ только дать урокъ льстецу; теперь пусть будутъ бояться поэты правдолюбивые, которые вздумаютъ славить наши дѣянія.»

Эти и другія такого же рода сказки потѣшали нашихъ предковъ во все продолженіе среднихъ вѣковъ; города приписывали къ нимъ воображаемая доблести своихъ защитниковъ, и вѣрить имъ, то все они героически противостояли могуществу, и были побѣждены имъ потому только,

оно было не отъ міра сего; у одного изъ нихъ Аттила былъ раненъ, отъ другаго обращенъ въ бѣгство: каждое мѣстечко принимало ревностное участіе въ пораженіи Атtilы и мужественно тому содѣйствовало. Читая эти преданія, можно подумать, что пробѣгаешь отрывки поэмы, *disjecti membra poetatis*, или лучше, матеріалы для зарождавшейся эпопеи.

Въ основѣ образованія заблужденій, созданныхъ преданіемъ, служить стремленіе къ подражанію, — стремленіе, на которое необходимо обращать большое вниманіе при разработкѣ этой неудобной почвы. Самый Римъ, уступивъ такому стремленію, не вообразилъ ли себѣ, что онъ былъ осаждаемъ Аттилою? Этому, т. е. что Римъ именно былъ осаждаемъ, дѣйствительно вѣрили, и, прежде всего, въ Азіи, гдѣ плохое знаніе мѣстности и подробностей посольства папы Св. Льва, дѣлало подобную ошибку извинительною: такъ Греческій философъ Дамасцій, современникъ Іустиніана, просто приводилъ въ ужасъ своихъ читателей рассказъ о битвѣ, выдержанной противъ Атtilы подъ стѣнами Рима, — битвѣ чудесной, «въ которой души умершихъ, явившись видимымъ образомъ, бились три дня и три ночи съ невообразимой яростью.» Изъ Греціи эта сказка перешла въ Италію и въ Римъ, который кончилъ тѣмъ, что и самъ ей повѣрилъ. Близъ однихъ воротъ Римскихъ указываютъ и мѣсто, гдѣ происходила эта странная битва, объясняютъ движенія этихъ призрачныхъ легионовъ, и свиданіе Св. Льва съ Гуннскимъ царемъ — очень просто — съ береговъ Минціо переносится на берега Тибра.

Воображеніе Стразбургцевъ, сдѣлавшее Атtilу патрономъ ихъ независимости, какъ ни оригинально кажется въ этомъ изобрѣтеніи, но оно совершенно блѣднѣетъ передъ изобрѣтательностью двухъ или трехъ Итальянскихъ городовъ. Всѣ знаютъ красивую столицу Фриула, Удине, который, будучи расположенъ на послѣдней отрасли Альповъ, кажется, какъ будто, Австрійскимъ ведомъ близъ воротъ Венеціи. Удине, по-Латыни *Utinum*, болѣе тысячи лѣтъ имѣлъ притязаніе быть основаннымъ Аттилою, и не только онъ, но даже и гора, на которой онъ построенъ. Древнія Венеціанскія лѣтописи повѣствуютъ, что во время осады

Аквилеи, Гуннскій царь, не зная, гдѣ расположить зимнія квартиры, рѣшился вблизи Аквилеи устроить крѣпость. Онъ выбралъ для этого то мѣсто, гдѣ теперь дѣйствительно и находится Удине. Это мѣсто, къ несчастью, была равнина; а царю Гунновъ горы: какъ тутъ быть? Войска принимаются за работу: сдѣлать для него гору: каждый воинъ носить по полному возу землю, а на щитѣ камень; въ три дня, какъ будто дѣломъ волшебства, образуется значительная возвышенность, и на ней начинаютъ строить здѣсь Удине. Эта басня въ XIII вѣкѣ считалась истинною, которую громко отвергать въ стѣнахъ Гуннскаго города бы не совсѣмъ благоразумно. Славный летописецъ Оттонъ Зингенскій, слышавшій ее изъ устъ самихъ туземцевъ, былъ при этомъ только удивленіемъ. «Я видѣлъ, говорю, гигантское произведеніе, сдѣланное въ такое короткое время кимъ множествомъ людей.» Въ XVI вѣкѣ вѣра въ это тоже еще нисколько не ослабѣла, и Удинскій патрицій по поводу нѣкоторыхъ копаній, произведенныхъ на этой горѣ, не смѣлъ повѣрить, дѣйствительно ли это работа Гунновъ. Онъ копалъ глубже и между камнями нашли обломки вооруженій и шлемъ, — это былъ шлемъ, разумѣется, Аттилы. Патрицій, уважаемый авторъ Удинской хроники, постарался отъ себя своей книгѣ ограду Аттилы отъ тѣхъ, которыя строили ее въ V вѣкѣ. Еще недавно прилагали самую усердную заботу о сохраненіи въ прежнемъ видѣ четверугольной башни (римской архитектуры), составлявшей часть древнихъ цѣпей; это были останки, драгоцѣнныя сердцу народа, и всякій житель Удине, указывая на нее иностранцу, говорилъ съ гордостью: «Вотъ башня Аттилы!»

Если Тоскана, — чтобъ не отстать отъ прочихъ Италійскихъ провинцій, отъ Кампаніи, Калабріи, Апуліи, — заставляетъ наперекоръ исторіи, воевать на своихъ поляхъ, — то и въ общемъ правѣ въ средніе вѣка, которымъ и она въ свое время могла воспользоваться: но ей не удалось удержать это право. Два изъ ея городовъ, Флоренція и Физоле, сложили по этому поводу романъ, который извлекли они изъ своей исторіи не самымъ лучшимъ образомъ. И дѣло здѣсь не о какомъ-нибудь на-

нѣвнѣ, составившемся среди невѣжественной толпы; дѣло идетъ о фактахъ, основывающихся на свидѣтельствахъ писанныхъ, и изложенныхъ очень серьезно двумя известными писателями, Малестини и Иоанномъ Виллани: дѣло это очень важное, и мы представимъ говорить о немъ самимъ Флорентинскимъ историкамъ.

Всѣ друзья науки знаютъ Малестини, древняго лѣтописца, который начерталъ, въ XIII вѣкѣ, первая страницы Флорентинской исторіи. Странныя приключенія его фамиліи имѣли связь съ тяжкими бѣдствіями, поразившими въ XI вѣкѣ несчастный городъ Фіезоле, который Флорентинцы, послѣ продолжительной междоусобной войны, разрушили до основанія и котораго жителей заключили въ своихъ стѣнахъ. И что же! причиною этой войны былъ Аттила; жестокости Флорентинцевъ были не болѣе, какъ возмездіемъ Гуннамъ. Малестини утверждаетъ это, а онъ читалъ подробности объ этомъ въ древнихъ рукописяхъ, *in molte iscritture antiche*, сохранившихся въ Флорентинскомъ монастырѣ, и также въ семейныхъ бумагахъ, о которыхъ онъ распространяется довольно много. Спустя полвѣка, Иоаннъ Виллани, почерпавшій изъ тѣхъ же источниковъ, передавалъ тѣже факты, не обнаруживая ни малѣйшаго сомнѣнія въ подлинности однихъ и въ вѣрности другихъ. И такъ вотъ что они рассказываютъ:

«Въ 450 году прибылъ на берега рѣки Арно благородный и сильный человекъ, по имени *Attile flagellum Dei* (Аттила бичъ Божій), который, при пособіи двадцати тысячъ воиновъ, возобновилъ городъ Фіезоле, и разрушилъ Флоренцію, въ которую сперва вошелъ обманомъ и хитростью. Онъ назначилъ здѣсь для себя мѣстопребываніе въ Капитоли, близъ площади, занимаемой Церковью Богоматери, и близъ подземнаго канала, которымъ поглощается рѣка Арно. Посредствомъ ласковости, подарковъ и угощенія, ему удастся обмануть всѣхъ Флорентинцевъ. Только что онъ приготовилъ всѣ мѣры, необходимыя для дѣйствованія, пригласилъ на большое пиршество благородныхъ и знатныхъ людей той стороны, и, по мѣрѣ того, какъ они входили въ его домъ, приказывалъ рубить имъ головы, а трупы бросать въ пучину рѣки Арно, протекавшей позади его дома. Когда онъ отдѣлался

такимъ образомъ отъ благородныхъ, то ему уже ничего справиться съ остальными; но Флоренція была сильна и ему сопротивлялась. И такъ онъ идетъ, сзываетъ свои нападетъ на городъ, грабя и убивая всѣхъ и все, что во большіе и малые, мужчины и женщины, все погубло отъ меча; потомъ онъ приказываетъ съ семи сторонъ заразить Флорентинскіе дома. Эта рѣзня происходила 23 іюня завнаго 450 года.»

Кончивши это, Аттила отправляется съ своими во Фіезоле, который Флорентинцы уже смертельно ненавидятъ, полагаетъ тамъ свои палатки, водружаетъ знамя, и по всей странѣ, что кто бы ни захотѣлъ строить на этомъ дома или башни, можетъ это дѣлать свободно и поселитъ, и при этомъ обнаружилъ большое желаніе, чтобы горько какъ можно многолюднѣе, дабы воспрепятствовать Флорентинцамъ няться изъ своихъ развалинъ, а также и потому, что идти войною на Римлянъ. Все это шло хорошо до смерти Аттилы; но потомъ Флорентинцы, возстановивши свой городъ, поставили Фіезоле дорого заплатить за тѣ милости, которыми онъ отъ ихъ непріятеля. Отсель произошла война, продолжавшаяся нѣсколько вѣковъ, и кончившаяся, какъ мы знаемъ, заключеніемъ всѣхъ благородныхъ Фіезольцевъ въ стѣны Флоренціи. Нельзя не замѣтить, какъ здѣсь точны, по видимому, поминанія! Аттила живетъ въ Капитоліи, пониже церкви Св. Теренти, близъ пучины рѣки Арно, и 28 іюня 450 года онъ въ Флоренцію; а между тѣмъ нѣтъ здѣсь и тѣни истины, — ни его войны никогда и не переходили за Аппенинскій перевалъ. Древнія рукописи, изъ которыхъ заимствовалъ Магестиниусъ, что *Attila flagellum Dei*, жилъ во времена императора Феодосія и папы Св. Льва, что у него была пльшивая голова съ собачьими ушами, и что наконецъ онъ былъ царемъ Восточной Готтовъ, обладателемъ Венгріи, Панноніи, Швеции и др. — слишкомъ лестный портретъ, въ которомъ онъ представленъ врага Флоренціи, не мѣшаетъ однакожъ ему и поныне, что его называли прекраснымъ, *chiamavasi bello*. Встрѣчается часто преданіе о чудовищномъ безобразіи

нѣкоторыя лѣтописи надѣляютъ его ослиной головой, другія свиннымъ рыломъ: это двоякій видъ воспоминаній, — легендарной идеи, видѣвшей въ Аттілѣ демона, и — готскаго преданія, принесеннаго Юрвандомъ, который говоритъ, что Гунны произошли отъ смѣшенія волшебницъ съ нечистыми духами. На этомъ основаніи въ одномъ мѣстѣ отнимаютъ у Аттілы даже даръ слова, и приписываютъ ему только глухое мычаніе, а въ другомъ заставляютъ его присутствовать, въ качествѣ тонкаго цѣнителя, при чтеніи Латинской поэмы: такъ широко раскинулось преданіе въ своихъ догадкахъ.

Въ настоящемъ обзорѣннн преданій объ Аттілѣ, разсѣянныхъ между латинскими племенами, мы, льстимъ себя надеждою, ничего не спустили исторически — важнаго или мало — мальски оригинальнаго. Каковы ни есть эти преданія, величественно ли онѣ прекрасны, или вельпы и безобразны, во всякомъ случаѣ, очевидно, онѣ носятъ печать народнаго міросозерцанія; но ихъ ничто не связываетъ, имъ недостаетъ единства. Чтобы изъ этого поэтическаго праха создать тѣло и одушевить его, нужно было бы дыханіе Данта или Гомера; это дыханіе еще не повѣяло, и однакожь въ этомъ прахѣ такъ же много элементовъ національныхъ, какъ въ «Одиссеѣ», и элементовъ христіанскихъ, какъ въ поэмѣ Данта. Какъ знать, какіе огромные, какіе страшные размѣры принялъ бы *Attila flagellum Dei* подъ перомъ пѣвца *Ада*? Если поэма, о которой мечтали наши предки, не встрѣтила руки, долженствовавшей облечь ея въ форму, по крайней мѣрѣ существуетъ она въ идеѣ; она живетъ въ насъ съ самаго нашего рожденія; мы имѣемъ возможность читать или составлять изъ нея исторію; при магическомъ словѣ *бичъ Божій* вся эта фантазмагорія преданій пробуждается въ нашемъ воображеніи, и съ большею или меньшею отчетливостью возстаетъ между нами и исторіей. Можно даже, читая и нѣкоторыя новыя произведенія, обладающія въ одно и тоже время всѣми достоинствами слога и воображенія, снабженныя всевозможными учеными цитатами, — можно полагать, что икъ легенды еще и теперъ не кончился, и что онъ старается возмолодѣть въ какомъ-то родѣ союза или согласія съ наукою. И это именно сказали мы сами себѣ по поводу Аттілы, котораго

представляет намъ извѣстный авторъ «*Etudes historiques:*» «это безобразный дикарь, живущій въ большой берлогѣ лѣсовъ на равнинахъ Дуная; побѣжденные имъ цари стоятъ у дверей его шалаша, а его жены живутъ въ хижинахъ кругомъ его..., это завоеватель, движимый или останавливаемый рукою, которая возьметъ руки человѣческой, являлась тогда повсюду, и наконецъ истекшій кровью, отъ избытка, какъ будто, той крови, которой онъ такъ много пилъ,»—все это намъ кажется несчастнымъ произведеніемъ того сочетанія (науки съ легендой), о которомъ мы говорили. Мы сомнѣваемся, чтобы подобныя сочетанія приносили пользу исторіи. Возвратимъ исторіи Аттилу Прискова, и предоставимъ *flagellum Dei* поэзіи.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЛЕГЕНДЫ ОБЪ АТТИЛѢ.

II.

АТТИЛА ПО ГЕРМАНСКИМЪ ПРЕДАНИЯМЪ.

I. ПАМЯТНИКИ, ОСТАВЛЕННЫЕ ПРЕДАНИЕМЪ.

Преданіе латинское водило насъ по полямъ битвъ, среди колючихъ слезъ и развалинъ: это было естественное поприще бича Божія; зрѣлище, на которое переносить насъ германское преданіе—совершенно другаго рода. Здѣсь нѣтъ бича Божія, но царь мудрый, пышный, гостепріимный, который хорошо бьетъ, но еще лучше пьетъ, наконецъ, именно такой добрый царь, о какомъ мечтаютъ въ Германіи: таковъ новый Аттила, являющійся передъ нами здѣсь. Противорѣчіе, самое странное изъ всѣхъ, кони такъ богаты средніе вѣка! эти два Аттилы, такъ различные, жили цѣлые вѣка другъ подлѣ друга, нисколько не ссорясь между собою, въ памяти Германіи: одного проклинали въ церкви, другаго благославляли въ замкѣ. Выйдя изъ храма, гдѣ возглашалась священникомъ вѣчная анаеема на адскаго звѣря и тирана—гонителя святыхъ, всѣ спѣшили рукоплескать *миннезингеру*, который, съ арфю въ рукѣ, воспѣвалъ добраго царя Аттилу, повелителя Гунновъ, мудраго, какъ Соломонъ, богатаго и могущественнаго болѣе его, особенно же щедраго. Христіанская легенда была воспоминаніемъ римскимъ, пѣснь *миннезингера*—воспоминаніемъ варварскимъ.

Въ отношеніяхъ Германцевъ V вѣка съ Аттилою два обстоятельства должны были особенно сильно поразить ихъ и надолго

оставить впечатлѣніе даже въ послѣдующихъ поколѣніяхъ: это—то, что всѣ или почти всѣ они были его вассалами и что ихъ героническая эпоха,—эпоха ихъ утвержденія въ Италіи, почти совпадаетъ съ смертію завоевателя. Въ подданствѣ этихъ гордыхъ народовъ царю Гунновъ не было ничего, что бы оскорбляло ихъ гордость и заставило бы забыть его. Во первыхъ, они раздѣляли это вассальство со всѣми варварскими племенами Европы и западной Азіи; при томъ же это подданство, особенно для нихъ, было пріятно и почтенно. У Юрнанда можно видѣть, какими знаками отличія окружалъ Атилл предводителей большихъ германскихъ племенъ, Ардарика, царя Гепидовъ, Валамира и Теодемира, царей Остроготскихъ: будучи его совѣтниками и состоя во главѣ своихъ войскъ, они считаемы были скорѣе друзьями и союзниками, чѣмъ его подданными. Что касается до побѣдъ Германцевъ въ Италіи, до завоеваній Одоакра и Теодорика, то хотя онѣ совершены были и послѣ смерти Атиллы, но все таки не безъ его вліянія. Онъ положилъ начало этимъ огромнымъ предпріятіямъ, собралъ эти вооруженныя толпы на берега Дуная, и, когда позднѣе сочли они нужнымъ выступить оттуда, путеводилъ ими юпать-таки его геній. Одоакръ, по всей видимости, былъ его воиномъ, а Теодорикъ—сынъ одного изъ его полководцевъ. И такъ память о немъ по праву соединялась съ этими великими событіями, какъ будто онъ принималъ въ нихъ дѣйствительное участіе. Эта именно мысль и выражается въ преданіи Германскомъ. Вслѣдствіе смѣшенія,—при которомъ признательность заставила его забыть хронологію,—оно, это преданіе безразлично соединяетъ имя Атиллы съ именемъ Теодорика, и даже съ именемъ Германарика Великаго, забывая, что Гуннскій царь умеръ восемь лѣтъ спустя по рожденіи перваго, а родился двадцать пять лѣтъ спустя по смерти втораго. Въ этихъ смутныхъ воспоминаніяхъ, въ которыхъ, очевидно, исторія лишена была почти всякаго уваженія, Атилл всегда однакожь удерживаетъ свое историческое превосходство: его образъ высится надъ всѣми лицами Германскихъ вождей: Теодорикъ обязанъ ему своимъ царствомъ, Германарикъ и Одоакръ своими пораженіями.

Имена Теодорика, Германарика и Одоакра показываютъ прежде всего, что преданія, о которыхъ мы говоримъ, и которыя составляютъ сущность великаго Германскаго преданія объ Аттилѣ, родились въ Восточной германіи, между племенами, принимавшими участіе въ разрушеніи Западной имперіи, особенно у Остроготовъ, и что онѣ заключались въ рапсодіяхъ, главнымъ предметомъ которыхъ служили приключенія Теодорика и его война съ Одоакромъ. Если,—а все заставляетъ насъ этому вѣрить,—если эти рапсодіи, имѣвшія назначеніе прославить Амалунговъ или привнецъ царскаго дома Амаловъ, родились у Остроготовъ, то это былъ не болѣе, какъ эпизодъ, который Остроготы присоединили къ эпопее своей исторіи,—эпопее, которая слагалась, какъ известно, изъ народныхъ пѣсенъ, переходившихъ изъ вѣка въ вѣкъ, до тѣхъ полубаснословной эпохи, когда Готское племя, раздѣлившись на три поколѣнные группы и сѣвши на три судна, оставило Скандинавію. Каждое замѣчательное событіе въ жизни Остроготскаго народа имѣло свою особенную пѣснь или собраніе пѣсенъ, т. е. эпизодовъ, присоединявшихся постепенно, отъ времени до времени, къ общей эпопее. Иорнандъ, который былъ Готь, говорить, что именно такимъ образомъ его соотечественники сохраняли и увѣковѣчивали свои воспоминанія. Самъ онъ въ своей книгѣ, столь драгоценной по множеству находящихся въ ней документовъ, кажется часто не болѣе какъ перелазателемъ или сократителемъ этой пѣсенной исторіи, и часто также не трудно разпознать именно ту точку, гдѣ преданіе, всегда живое и цвѣтистое, согласуется и связуется съ болѣе тѣмъ прозаическою тканью, принадлежащею собственно Равеннскому епископу. Всякій истый Готь зналъ наизусть эти поэмы, входившія въ составъ народнаго воспитанія. Можно судить теперь, должно ли было воспламеняться воображеніе скальдовъ при зрѣлищѣ событій, ознаменовавшихъ для ихъ племени послѣднюю половину V вѣка, и должна ли была свято сохраниться эта новая страница исторіи, передъ которой блѣднѣли всѣ прочія! И ее не только сохранили, но даже приумножили. Такъ какъ величія дѣйствительныхъ событій не доставало болѣе для поэтическаго вдохновенія, то прибавили къ нимъ прикрасы и басни. Такимъ-то

образомъ на канвъ современныхъ пѣсень, посредствомъ эпизодическихъ приращеній и прикрасъ, раскидывались многочисленныя поэмы восточнаго преданія, героемъ которыхъ являлся Теодорикъ, но въ которыхъ и Аттила всегда занималъ свое мѣсто.

Это историческое движеніе, о которомъ мы сказали, не было исключительною принадлежностью народовъ восточной Германіи; во времена Тацита у всѣхъ Германцевъ оно является въ такомъ же видѣ; оно существовало у нихъ и еще три вѣка спустя, во времена императора Юліана, который слышалъ, какъ ихъ народныя пѣсни страшно оглашали прирейнскую долину, и который сравнивалъ ихъ дикую гармонию съ карканьемъ хищныхъ птицъ. Этотъ обычай, служившій въ одно и тоже время къ сохраненію между варварами народной гордости и родоваго единства, сохранился и послѣ ихъ утверденія въ Римской имперіи, и отдѣлялъ ихъ отъ побѣжденныхъ. Кромѣ того, каждый народъ, желая обезсмертить свою исторію, не оставался равнодушнымъ и къ исторіи другихъ народовъ: частыя сношенія племенъ между собою и близость ихъ нарѣчій, какъ вѣтвей одного общаго корня, благопріятствовали взаимному обмѣну преданій. Если среди одного племени слагалась пѣснь, замѣчательная своимъ содержаніемъ или поэтическимъ изяществомъ формы, она тотчасъ же распространялась повсюду и усваивалась сосѣдними нарѣчіями. Діаконъ Павелъ говоритъ, что въ его время героическія пѣсни объ Албовнѣ ходили не только между Ломбардцами, но между Баварцами и Саксонцами, и даже по всей странѣ, говорившей тевтонскимъ языкомъ. Иорнандъ говоритъ въ томъ же смыслѣ, что дѣянія Аттилы прославлялись всѣмъ свѣтомъ. Понятно, что должно было произойти въ продолженіе этой длинной амальгамы воспоминаній, этихъ переливовъ истинъ и мѣстныхъ заблужденій отъ одного племени къ другому, изъ одной страны въ другую, — образовалась общая основа германскихъ преданій, которая принята была всѣми, и на которой каждый имѣлъ право располагать и разукрашать свое преданіе, какъ находилъ удобнымъ. По этому, ни сколько неудивительно видѣть, напримѣръ, что воспоминанія, могшія родиться только на берегахъ Днѣстра или По, сохранились норвежскими

поэтами, и, на оборотъ, идеи, символы, собственно—скандинавскіе, прививались къ историческимъ преданіямъ народовъ германскихъ, чуждыхъ единизма, и даже являлись въ нихъ преобладающимъ элементомъ, въ слѣдствіе особенной силы воображенія, которою запечатлѣны онѣ.

Посредниками въ этомъ обмѣнѣ между различными народами были арфисты, странствующие пѣвцы, а, иногда, и сами поэты. Захотѣлось, на примѣръ, двумъ племенамъ обмѣняться поэмами,—онѣ обмѣнивались пѣвцами. Въ сборникѣ Кассіодора есть между прочимъ письмо, съ которымъ Теодорикъ,—долженствовавшій вскорѣ самъ сдѣлаться столь знаменитымъ легендарнымъ лицомъ,—посылалъ къ Кловису, королю Франковъ, игрока на арфѣ, котораго тотъ просилъ у него. «Мы выбрали нарочно, чтобъ послать къ тебѣ этого арфиста, писалъ Теодорикъ къ Кловису;—это музыкантъ совершенный въ своемъ искусствѣ, который, поя вмѣстѣ голосомъ и руками, возвеличитъ славу твоего могущества.» Король Франковъ хотѣлъ, безъ сомнѣнія, знать, что пѣли при дворѣ Готскаго короля, и самъ конечно, съ такою же вѣжливостію, посылалъ къ сосѣдямъ своихъ поэтовъ или музыкантовъ, потому что и у Франковъ также были свои пѣвцы и свои пѣсни. Фортунатъ говоритъ о пѣсняхъ, которыми потѣшались варварскіе люды (*les leudes*). И, какъ будто именно съ тою цѣлю, чтобъ лучше показать, что дѣло шло не объ латинской поэзіи, повторяетъ опять эту мысль и говоритъ, что это варварскія пѣсни, и что ими потѣшались люды. Англо-Саксы, страстно любившіе эти патриотическія забавы, перенесли съ собою этотъ обычай и при переселеніи на Британскій островъ: ихъ король Альфредъ, какъ извѣстно, былъ въ одно и тоже время и поэтъ и декламаторъ. Мы уже не говоримъ о Скандинавахъ, у которыхъ скальдъ былъ не разлученъ съ воиномъ, и очень часто самъ пѣвецъ бывалъ и героемъ воспѣваемыхъ имъ приключеній. Во Франціи, Карлъ Великій, не будучи поэтомъ, какъ Альфредъ, простиралъ такъ же далеко, какъ и тотъ, любовь къ народнымъ пѣснямъ, составлявшимся на основаніи преданія. «Онъ писалъ, говоритъ Эгингардъ, и собиралъ, чтобы увѣковѣчить въ памяти потомства, древнѣйшія варварскія поэмы, въ которыхъ прославля-

лись дѣянiя и войны прежде бывшихъ мужей.» Лудовикъ стивый, воспитанный, такъ сказать, на его колынахъ, зналъ всѣ эти поэмы; но послѣ, вслѣдствiе сомнѣнiя, возбужденнаго постою, не хотѣлъ болѣе ни читать ихъ, ни слышать; позволилъ изучать своимъ дѣтямъ, такъ какъ эти и предковъ, какъ и самые предки, сильно были проникнуты чувствомъ. Къ счастью, подобныя сомнѣнiя были рѣдки у современниковъ, и въ IX и X вѣкахъ германская поэзия, развившаяся въ преданiяхъ, получила наибольшее развитiе, и замѣчательныя пѣсни, изъ которыхъ она слагалась, получили опредѣленную форму, въ которой дошли и до насъ.

Самый древнiй извѣстный памятникъ германской поэзии былъ въ Австралiйской Францiи, въ Фульдѣ, на страницѣ манускрипта, относящагося къ VIII вѣку, и этотъ написанъ на франкскомъ диалектѣ. Едва ли можно сомнѣваться послѣ этого, что онъ принадлежалъ къ коллекциямъ Карла Великаго. Здѣсь дѣло идетъ о Теодорикѣ и объ Аттилѣ. Теодорикъ, изгнанный изъ Вероны Германарикомъ, по настоянiю находить гостепрiимство при дворѣ Гуннскаго царя; потомъ благоприятныя обстоятельства позволяютъ ему возвратиться въ свое государство, Аттила провожаетъ его во главѣ численнаго войска, и въ битвѣ при Равеннѣ побѣждаетъ его. Вотъ факты баснословной исторiи, составляющiе содержание точнаго преданiя и подслушанные здѣсь; въ нихъ дѣло идетъ только объ одномъ эпизодѣ этой войны. Изгнанiе Теодорика продолжительно: его сподвижники, пошедшiе въ войну въ юности и мужества, возвратились сѣдыми и старыми; ихъ жены и дѣти стали взрослыми мужчинами и не узнавали отцовъ. Это именно и случилось съ Гильдебрандомъ, министромъ, совѣтникомъ и неразлучнымъ другомъ Теодорика. Его сынъ Гильдебрандъ, оставленный имъ еще въ колыбели, сталъ теперь и мужественнымъ воиномъ. Гильдебрандъ думаетъ, что Теодорикъ погибъ въ битвѣ, на крайнихъ предѣлахъ и что его трупъ былъ узнавъ на полѣ сраженiя, — люди, существовавшiе по Вендскому морю, сообщили ему это. И такъ отецъ съ сыномъ встрѣчаются и дѣлаютъ одинъ

визовъ. Гильдебрандъ, при видѣ щита, цвѣта котораго онъ не знаетъ, — тогда какъ онъ, какъ извѣстно, знаетъ весь родъ человѣческій, — спрашиваетъ молодаго человѣка, кто онъ такой. Этотъ называетъ себя и рассказываетъ, какъ отецъ оставилъ его еще дитятею, отправившись съ Теодорикомъ, и какъ онъ умеръ уже много лѣтъ назадъ, воюя на Вендскомъ морѣ. При этихъ словахъ старшій Гильдебрандъ молча снимаетъ драгоценную гривну, полученную имъ отъ Аттилы въ награду за свое мужество, и подаетъ Гадебранду, называя его своимъ сыномъ; но Гадебрандъ съ обидною надмѣнностію отвергаетъ его. «Такіе подарки, говоритъ онъ, получаютъ только съ копьемъ въ рукѣ, съ мечемъ противъ меча. Ты хочешь обмануть меня, старшій Гуннъ, хитрый пронира и предатель; ты хочешь обмануть меня, чтобъ поразить измѣннически: мой отецъ умеръ!» — «Увы! увy! восклицаетъ несчастный отецъ съ тяжкимъ прискорбїемъ, — вотъ моя судьба! Я блуждалъ тридцать зимъ и тридцать лѣтъ вдали отъ моего отечества, и теперь надо, чтобы мой собственный сынъ поразилъ меня своей сѣкирой, или чтобы я былъ его убійцей!» Сраженіе начинается, сѣкиры ударяются объ ихъ кольчуги, мечи ломаются объ ихъ щиты; но здѣсь рассказъ прерывается, и мы не знаемъ ни конца сраженія, ни развязки исторіи. Чтѣ касается до занимающаго насъ вопроса, то этотъ отрывокъ, проникнутый простой и мужественной красотой, которая заставляетъ насъ жалѣть объ его краткости, — этотъ отрывокъ указываетъ намъ на Восточно-германскую эпопею, ходившую по Галліи въ эпоху Меровинговъ и переложенную на франкскій діалектъ.

Эта эпопея ходила равнымъ образомъ и по Англіи, въ кругу людей ученыхъ и придворныхъ; многочисленные намеки и указанія, которыя заключаются въ англо-саксонскихъ поэмахъ того времени, не оставляютъ относительно этого предмета никакого сомнѣнія. Три изъ этихъ поэмъ, которыя никакъ не позднѣе VIII вѣка, упоминаютъ о Германарикѣ, Теодорикѣ и ихъ сподвижникахъ. Въ одной изъ нихъ говорится, что мѣсто, гдѣ Теодорикъ получалъ пристанище у Аттилы, и *провелъ тридцать зимъ*, называлось Марингабургомъ. Германарикъ, котораго

Готское преданіе всегда представляет царемъ коварнымъ и жестокимъ, который въ своей ярости не щадитъ будто бы своею собственнаго семейства, который убиваетъ своего сына изъ-за пустаго подозрѣнія, и приказываетъ повѣсить двухъ сыновей своего брата,—Германарикъ представляетъ тотъ же характеръ и въ саксонскихъ сказаніяхъ.» У него была душа волчья, сказано тамъ; — но онъ весьма далеко простеръ могущество Готовъ: о! это былъ страшный царь!» Самая любопытная изъ этихъ трехъ поэмъ, по крайней мѣрѣ на нашъ взглядъ, есть безъ сомнѣнія та, которая озаглавлена: *Пѣснь Странника*. Это—странствованіе одного барда, который обходитъ Европу, употребляя путеводителями до себя бывшія тогда въ славу поэтическія преданія. Пусть представляютъ себя Грека, бродящаго по свѣту съ Одиссеей подъ мышкой, или какого-нибудь римскаго провинціала, идущаго посѣтить Италію по слѣдамъ Энея: точно то же дѣлаетъ на европейскомъ материкѣ и нашъ англо-саксонскій поэтъ. Исторію и Географію онъ знаетъ только по тѣмъ германскимъ баснямъ, которыя удалось ему прочесть. «На югѣ Галліи, говоритъ онъ, я нашелъ страну Германарика, бѣшенаго, вѣроломнаго; надъ Гуннами царствуетъ Аттила, надъ Тотами Германарикъ, надъ Бургундами Хибики. Его сынъ Гунтеръ подарилъ мнѣ гривну въ награду за мои пѣсни; другую получилъ я отъ Германарика, который захотѣлъ удержать меня у себя надолго. Пользуясь моимъ пребываніемъ у этого могущественнаго царя, обладателя столькихъ замковъ, я обходилъ всю страну Готовъ, и познакомился съ ихъ знаменитыми воинами. Я узналъ Гетку и Бадеку, Гарлинговъ, Ембрику и Фриду, Остготу и Зифеку...» Ембрика и Фрида были конечно племянники Германарика, которыхъ онъ, по преданію, приказалъ повѣсить; а другія—имена царскихъ тѣлохранителей. Отсюда видно, какимъ авторитетомъ пользовались на предѣлахъ Западнаго міра эти вымыслы, приходившіе съ Востока; они образовали, во всей странѣ, въ которой говорили тевтонскимъ языкомъ, нѣчто въ родѣ чудесной исторіи, которую мало-мальски образованный путешественникъ считалъ необходимымъ узнать. Чтобы умѣть понравиться обитателямъ замковъ, для путешественника

то было, чтобъ онъ посѣщалъ на своемъ пути эти скія государства, изъ которыхъ приносилъ имъ — необходимо, чтобы собственноручно касался тѣхъ изъ которыхъ одни были чисто воображаемые, а другіе, существовали, то отнюдь не при тѣхъ условіяхъ, какія сывали. Между тѣмъ достойно замѣчанія, что преданіе ое, посвященное событіямъ Италіи и имѣвшее цѣлю о царскаго дома Амаловъ, не сохранилось здѣсь во чистотѣ, и смѣшалось съ элементами западными, хотя, не имѣетъ связи съ ними. Такъ поэма Беовульфа гово о Бургундскомъ царѣ Хибикъ и его сынѣ Гунтерѣ, или на Рейнѣ, и о магическомъ сокровищѣ, стрегомомъ на днѣ одной пропасти. Дѣйствительно, Хибикъ и лица не вымышленныя. Хибикъ упоминается въ одномъ Бургундцевъ, какъ одинъ изъ древнѣйшихъ царей этого что касается до Гунтера, котораго то же узаконеніе Гундагаріемъ, то въ немъ легко узнать Гунтакара вкара римскихъ писателей, — того царя Бургундіи, пытался было остановить полявца Аттилы при переходѣ вѣвъ, близъ Констанціи, въ 452 году. Итакъ поэмы онскія дають намъ первое указаніе на преданіе запад- рое, привившись къ преданію южныхъ Германцевъ, же себѣ и Аттилу.

бы этому повѣрилъ? Среди полярныхъ морозовъ, въ Скандинавіи, преданія о великомъ царѣ Гунновъ млы, быть можетъ, съ большимъ, чѣмъ гдѣ нибудь, и любовію; скальды норвежской Гренландіи передали я точныя воспоминанія объ Аттиль въ двухъ поэмахъ, ныхъ *Atla-Mal* и *Atla-Quida*, *Повѣсть и Пѣснь объ*, которыя раскрываются и пополняются еще другими ми отрывками, не менѣе драгоцѣнными. Скандинавскія которыхъ дѣло идетъ объ Аттиль, образуютъ болѣе сти Сеймундовой Эдды, и мы знаемъ, что онъ суще- же въ своемъ настоящемъ видѣ въ первой половинѣ я и, вѣроятно, въ концѣ VIII. Воспоминаніе о Гун- вившихся впрочемъ весьма не надолго на берегахъ

Балтики, живо было въ Скандинавіи. Тамъ долго называли Гунновъ, *Hünalant*, страны, лежащія къ югу отъ этого нѣмецкіе крестьяне даже и въ настоящее время даютъ *Hinnenbette*, — постели Гунновъ, курганамъ, которые въ довольно значительномъ количествѣ на равнинахъ. Впрочемъ сѣверные скалды, — судя по оставшимся имъ произведеніямъ, — отдавая преимущество преданію оскому, избирали это другое преданіе, котораго слѣды мы сей-часъ въ англо-саксонскихъ поэмахъ *Беовульфа* и *Пѣснь Странника*. Поставивъ Теодорика и героев на второмъ планѣ, они старались представить во всемъ героевъ рейнскихъ, которыхъ знали лучше, или котораго болѣе интересовали. По этой причинѣ, среди многочисленныхъ матеріаловъ западнаго преданія, мы рассмотримъ прежде и тѣ Саги, которыя относятся къ этому предмету.

Поэмы о Теодорикѣ въ IX вѣкѣ достигли самой степени народности какъ въ странахъ тевтонскаго нарѣчія и въ тѣхъ, въ которыхъ совершался переворотъ въ то же время какъ и переворотъ общественный, какъ, напримеръ во Франціи. Большіе и малые, духовные и міряне — все знали ихъ, и люди важные не боялись дѣлать на нихъ въ важныхъ обстоятельствахъ. Фулькъ, архіепископъ, желая убѣдить германскаго короля Арнульфа не предпринимать ничего противъ Карла—Простаго, его родственника, уговорилъ его на примѣръ Германарика, который, «будучи мудрымъ совѣтникомъ, какъ говорится въ книгахъ Аллема, сдѣлался убійцею своего рода. — Ты не будешь подражать прибавляя онъ, ты отвратишь слухъ отъ совѣтовъ злодѣевъ, и, поступая великодушно съ своей фамиліей, своимъ родомъ, поддержишь падающій царскій домъ.» И сама исторія, все прочее, допустила въ свою область это народное заблужденіе. Напрасно нѣкоторые свѣдущіе монахи, нѣкоторые ученые протестовали со всѣмъ мужествомъ во имя истины въ хроникахъ, которыя читались мало, или во все не читались, хотѣли имѣть читателей, тотъ былъ въ союзѣ съ вымысломъ. Эти вымышленные факты проскользали между фактами

тельными, заимствованными у Юрианда, Проспера или Идака; назначали числа бѣгства Теодорика, его воображаемой борьбы съ Германарикомъ, его битвъ съ рейнскими гигантами. Сама Италия, увлеченная потокомъ преданій, наплывавшихъ съ сѣвера, допустила нѣкоторыя изъ этихъ басень; такъ жители Вероны въ XII вѣкѣ называли *домомъ Теодорика* римскій амфитеатръ, находящійся въ ея стѣнахъ, а самому Теодорику приписывали качества *Гушискаго царя*. Мы не кончили бы, еслибъ вздумали представлять всѣ доказательства популярности этихъ преданій въ средніе вѣка.

Одинъ примѣръ покажетъ, съ какой сильной вѣрою принималъ ихъ Аллеманскій народъ. Мы объяснимъ сперва, что, вслѣдствіе довольно поэтической идеи, народное воображеніе, не могши допустить, чтобы царь Теодорикъ,—такъ какъ онъ былъ осужденъ за свои аріанскія мнѣнія и за жестокости, обезчестившія конецъ его жизни,—чтобы Теодорикъ могъ быть, какъ и всѣ, заставило его живаго провалиться въ адъ вмѣстѣ съ лошадыю, черезъ жерло горы Этны. Такимъ образомъ, допустивши это, какъ народное вѣрованіе, подъ 1197 годомъ мы читаемъ слѣдующія строки въ лѣтописи монаха Годфрида Кѣльскаго, писавшаго около половины XIII вѣка: «въ семъ 1197 году, нѣкоторые лица, прогуливавшіися вдоль Мозеля, увидѣли вдали призракъ челоуѣка ужасной величины, сидѣвшаго верхомъ на черномъ крылатомъ чудовищѣ. Упомянутыя лица остановились неподвижно отъ ужаса, а привидѣніе приближалось къ намъ, крича, чтобы они не боялись, что онъ Теодорикъ, бывшій нѣкогда вѣремъ Вероны. Потомъ, приблизившись къ нимъ, возвѣстилъ онъ различныя бѣдствія, которыя вскорѣ должны были излиться на Римско-Германскую имперію; послѣ чего, обернувшись назадъ и прищоривъ коня, онъ направилъ путь къ Мозелю, перешагалъ чрезъ эту рѣку и исчезъ на другомъ берегу».

Сношенія западныхъ Германцевъ съ Аттилою и съ Гуннами гораздо менѣе извѣстны намъ, чѣмъ сношенія Германцевъ восточныхъ. Однакожъ исторія упоминаетъ о трехъ обстоятельствахъ, именно, что Аттила предложомъ для своего похода въ Галлію оставилъ старинную злобу на Визиготовъ,—что у зарейнскихъ

Франковъ онъ объявилъ себя посредникомъ между двумя племенами, спорившими за престолъ послѣдняго царя, и что если встрѣтилъ онъ на берегахъ Рейна и Марна враговъ въ Бургундахъ, ставшихъ поселенцами и союзниками Римской имперіи, за то считалъ подъ своими знаменами и другихъ племенъ этого народа, обитавшихъ еще въ то время около Герцинскаго лѣса. Этотъ небольшой просвѣтъ, брызгающій въ темноту фактовъ, даетъ полное раздолье преданію, и братья его мы можемъ только въ самыхъ невѣроятныхъ случаяхъ; при всемъ томъ и здѣсь оно тѣмъ любопытнѣе наполняетъ самый важный пробѣлъ въ исторіи.

Въ дополненіи къ хроникѣ Идака, писанной въ IX вѣкѣ, во времена правленія Визиготовъ, мы видимъ всего доказательство составленія среди этого народа предмета, предметомъ которыхъ была Шалонская битва. Мы знаемъ, что на другой день послѣ того великаго дня, когда Аттила, окруживъ себя повозками въ срединѣ своего стана, ужалъ своихъ побѣдителей, — въ то время Торисмондъ, избранникъ визиготами въ цари на мѣсто своего отца, павшаго вѣра, хотѣлъ тотчасъ же отправиться, чтобъ воспрепятствовать своимъ братьямъ въ Тулузѣ составить какія-нибудь планы противъ его правъ, и что Аэцій, съ которымъ онъ до сих поръ совѣщался по этому предмету нисколько его не слушалъ. За это бѣгство въ виду непріятеля, безъ омынія упрекали Визиготовъ: преданіе, о которомъ мы говоримъ, цѣлюю очистить ихъ отъ этихъ упрековъ. Оно повѣствуетъ Аэцію, котораго будто бы политика состояла въ томъ, чтобъ отдѣлаться отъ Гунновъ посредствомъ Визиготовъ, а онъ готовъ посредствомъ Гунновъ, увидѣвшись тайкомъ съ Аттилой дружески предупредилъ его, что въ эту же самую ночь придетъ новое войско Визиготовъ. «Если ты дождешься, говорилъ онъ Аттилѣ, то ты погибъ; иди же сей часъ и прикрою твое отступленіе.» Аттила приказываетъ отсчитать десять тысячъ золотыхъ монетъ въ доказательство своей добросовѣстности, и Римлянинъ торопливо бѣжитъ въ лагерь готовъ, разыгрываетъ ту же комедію съ Торисмондомъ,

десять тысячъ золота. На разсвѣтѣ Гунны и Визиготы
 ле битвы, и Аэцій сталъ однимъ обладателемъ всей
 еданіе прибавляетъ еще, что для успокоенія То-
 который, видя, что былъ игрушкою римскаго
 а, разразился угрозами, Аэцій подарилъ ему золотую
 анную драгоценными камнями, изящной работы.
 го подобная чаша находилась въ сокровищницѣ Визи-
 арей, и оттуда послѣ многихъ приключеній перешла
 анскаго короля Дагоберта. Визиготы указывали на
 какъ на доказательство истины ихъ преданія, а между
 ки оно—чистая ложь, придуманная тщеславіемъ.

го, мы имѣемъ еще другое, болѣе очевидное и болѣе
 азательство той мысли, что преданія дѣйствительно
 среди этого народа, въ VII и VIII вѣкахъ,—это—
 созданіе личности Вальтера Аквитанскаго, героя,
 о играть по отношенію къ Атилѣ роль столько же
 къ и роль Теодорика, съ тѣмъ однакожъ различіемъ,
 икъ былъ другомъ Гуннскаго царя, а Вальтеръ—его
 ь. Этого Вальтера преданіе называетъ сыномъ будто бы
 ря Аквитаніи или Испаніи, и это двоякое названіе,
 нное къ германскимъ именамъ двухъ принцевъ, есте-
 еносятъ насъ къ Визиготамъ, бывшимъ нѣкогда обла-
 ей Аквитаніи, и потомъ вытѣсненнымъ Кловисомъ въ
 и Испанію. Это обстоятельство и другія, о кото-
 ей часть будемъ говорить, почти не допускаютъ ни-
 гнѣнія, что первоначальное изобрѣтеніе личности Валь-
 дежить Визиготскому народу, который также хотѣлъ
 участіе въ великомъ преданіи объ Атилѣ.

го поэтическаго созданія, которое, по всей вѣроятности,
 мо имѣть большую важность, дошелъ до насъ одинъ
 ный эпизодъ и нѣкоторые безсвязные отрывки, по-
 которыхъ мы можемъ однакожъ составить себѣ идею
 ь. Эпизодъ повѣствуетъ намъ объ одномъ приключеніи
 лѣтъ Вальтера,—приключеніи, самымъ занимательнымъ
 западныхъ преданій, на которое часто дѣлались указанія

въ поэмахъ и сагахъ о Нибелунгахъ: оставленный зал у Гунновъ, герой похищаетъ тамъ молодую дѣвушку, слѣдуетъ за нимъ въ Аквитанію, гдѣ онъ и женится. У насъ нѣтъ въ рукахъ этого эпическаго отрывка нисколько изыскъ, но есть на латинскомъ, въ одной поэмѣ, писана около X вѣка, и есть, очевидно, не что иное, какъ жанис, или лучше переложеніе германскаго подлинника. же латинскій переложитель, монахъ изъ монастыря С. Луаръ, по имени Жеральдъ, далекій отъ того, чтобы поэтической вымысль этого произведенія, является здѣсь какъ простымъ передавателемъ, который извлекъ этотъ эпизодъ изъ приключеній Вальтера, «извѣстныхъ, какъ онъ, всему свѣту, для развлечения своей монастырской и чтобы почтить своего достойнаго родственника, Эрхимбольда или Аршамбольда,» которому и посвящая книгу. Этотъ Аршамбольдъ, кажется, былъ тотъ самый управлялъ стразбургскою церковію въ 960 году. Прими займемся подробно и этимъ эпизодомъ, и всѣмъ, касается къ Вальтеру Аквитанскому или Испанскому, считаемъ предварительно сказать два слова: между замѣчательными, изображенными здѣсь, мы находимъ царя его сына Гунтера, о которыхъ сей-часъ говорили англо-поэмы; они царствуютъ также въ Вормсѣ, на Рейнѣ, съ ними живетъ свирѣпый Гаганъ или Гагенъ, Даксъ германскія преданій; только, между тѣмъ какъ Хлобикъ и Гунтеръ саксонскимъ поэмамъ были бургундскіе цари, поэма о немъ называетъ ихъ царями франкскими. Кромѣ того она не церемонится съ ними: Франки здѣсь представлены хищнымъ, вѣроломнымъ и трусливымъ; они грабятъ путешественниковъ, которыхъ судьба забрасываетъ въ ихъ страну, только тогда, когда нападаютъ по двѣнадцати человѣкъ воина, но этотъ воинъ Аквитанецъ, т. е. Визиготъ, рѣшительномъ превосходствѣ ни минуты не льзя сомнѣваться. Такого рода поэма, очевидно, могла родиться только въ готовъ, и притомъ въ эпоху довольно близкую къ ихъ изгнанію изъ Галліи, когда гордыя притязанія и предрасу-

явъ народа и племени Кловиса, были еще живы
цахъ.

мся теперь на предѣлы Сѣвера, въ среду скальдовъ
вѣковъ, и станемъ читать тѣ поэмы Эдды, о которыхъ
азали: здѣсь мы встрѣчаемъ опять имена Хибика, Гунтера
(*) вмѣстѣ съ именами Аттилы и Теодорика, между
въ нихъ нѣтъ вовсе и рѣчи о Вальтерѣ; и такъ пре-
Аттилѣ проникло въ Скандинавію не черезъ Визиготовъ,
рѣе черезъ Бургундовъ и Франковъ. Но Скандинавы,
тѣ лица, упоминаемая въ преданіяхъ при-рейнскихъ
примѣняли къ нимъ образы, принадлежащіе собственно
въ нихъ существъ странныхъ и фантастическихъ, съ ко-
бходимо однакожъ познакомиться, чтобы лучше понять
той рамѣ преданій, въ какую заключило его вообра-
въ Норвегіи и Исландіи. Вотъ сущность тѣхъ при-
которыя они поставляютъ передъ приключеніями
царя, и которыя служатъ необходимымъ къ нимъ

герой этого введенія есть Сигурдъ, котораго алле-
омы называютъ Сигфридомъ. Происходя изъ сканди-
околѣнія Вольсунговъ, онъ отправляется за приключе-
ужіе края, чтобы показать свое мужество, и пріѣзжаетъ
Рейна. Здѣсь узнаетъ онъ, что въ нѣдрахъ одной
то чудесное сокровище, и его стережетъ драконъ
змѣй, обладающій даромъ слова и знаніемъ будущаго.
ю въ пещеру, убить чудовище и похитить его сокро-
то для Сигурда ничего не стѣитъ; потомъ, по
му наставленію, вынимаетъ онъ сердце изъ чудовища,
о и ѣсть: тотчасъ же совершается съ нимъ превра-
понимаетъ языкъ птицъ; т. е. узнаетъ всѣ тайны
всѣ тѣ таинственныя совѣщанія, которыя птицы щебе-

ена получили въ Эддѣ измѣненія, сообразныя съ свойствами скан-
арвѣй: Хибикъ сталъ здѣсь *Ghiuki*; Гунтеръ, *Gunnar*; Гагентъ,
оставили имъ настоящія имена, какія они носятъ въ поэмахъ
манцевъ.

чуть между собою весною по лѣсамъ. Германскій вариантъ бавляетъ еще, что герой купается въ крови дракона, и кожа въ ту же минуту покрывается роковой оболочкой шуй, которая дѣлаетъ его тѣло неуязвимымъ, кромѣ мѣстечка между плечами, на которое упалъ липовый вѣтвь въ время его купанья. Языкъ птицъ даетъ знать побѣдителю вещи въ тысячу разъ драгоцѣннѣе, чѣмъ всѣ сокровища и моря, именно—средство дѣлаться невидимымъ и нравиться женщинамъ. Чтобъ испытать свое знаніе, Сигурдъ сперва полюбитъ себя валькирію Брунегильду, которая, въ страннаго смѣшенія понятій, будучи дочерью Одина, вмѣстѣ съ тѣмъ сестрой Аттилы; но вскорѣ оставляетъ прекрасной Гудруны, дочери Хибика и Кримгильды, сестры принцевъ Нибелунгскихъ Гунтера и Гагена. Онъ женится на Гудрунѣ, а валькирія, обманутая его хитростію, соединяется съ Гунтеромъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ клянется отмстить за Сигурда. Она возбуждаетъ противъ него Гунтера и Гагена за золото: шуревья увлекаютъ его въ свои сѣти, вонзаютъ въ то мѣсто, которое осталось уязвимымъ, и похищаютъ сокровище. Однакъжъ Брунегильда, не переставшая любить его, не для чего иного заставляетъ его убить, какъ только дѣлать, чтобъ умереть вмѣстѣ съ нимъ и вѣчно обладать имъ въ галлѣ; она убиваетъ сама себя и завѣщаетъ положить въ томъ самомъ кострѣ, который долженъ истребить ея любаго. А вдова Сигурда,—это та самая, которую Аттила притомъ получаетъ себѣ въ супружество, и которой присутствіе въ Гунновъ, вслѣдствіе неотвратимыхъ опредѣленій судьбы, заставляетъ на ея мужа, на братьевъ и на самое ее существованіе.

Очевидно, это разсказъ чисто мифологическій: *Вольсунги* племя божественное, происходящее отъ Одина и обладающее среди людей богатствомъ, знаніемъ и любовію, имѣютъ послѣднимъ представителемъ Сигурда; слово *Вольсунгъ* значитъ *сынъ свѣта*. Сигурду противопоставлены рейнскіе люди, и онъ сначала принимаетъ, потомъ убиваетъ, чтобъ овладѣть сокровищемъ. Эти люди образуютъ племя *Нифлуинговъ*.

скомъ нарѣчїи *Нибелунги*), а это слово зна-
 и тьмы. И такъ предъ нами являются здѣсь
 и сыны ночи, и мы переносимся мыслию къ той
 рьбѣ между свѣтомъ и тьмою, между добромъ
 между знанїемъ и невѣжествомъ, которая сос-
 нову религіозныхъ вѣрованїй единизма, также какъ
 другахъ вѣрѣ. Вольсунгъ, смѣшанный съ человѣчест-
 и двумя женщинами, изъ которыхъ одна божествен-
 кожденїя, а другая земнаго, — Брунегильдою и Гудру-
 , по своему неблагоразумїю, открываетъ то мѣсто,
 можно умертвить ея любезнаго, и Нибелунги спѣшатъ
 о. Тогда божественная женщина убѣгаетъ вмѣстѣ съ
 земли, и они возвращаются вмѣстѣ въ рай Одина.
 бы видѣть, чтобъ эта мнѳологическая басня, — которая
 въ очень хороша сама въ себѣ, — имѣла что-нибудь
 реданїемъ объ Аттилѣ, еслибы скандинавскїе поэты,
 унскаго царя между полубогами единизма, не заста-
 юбиться въ одно и то же время во вдову Сигурда и
 овнища.

что этотъ полу-символическїй, полу-дѣйствительный вы-
 ставленный притомъ же въ пѣсняхъ мужественно — пре-
 мѣлъ большой успѣхъ между Германскими племенами,
 онъ перешелъ изъ Скандинавіи въ южную Германїю
 воей мнѳической рамой и со всей вереницей своихъ
 Впрочемъ при этомъ переходѣ, бывшемъ въ X вѣкѣ
 емъ цѣлый рядъ германскихъ поэмъ о Нибелунгахъ, —
 которыхъ наиболѣе раскрытая и лучшая *Nibelun-*
 вившаяся, какъ думаютъ, въ XII вѣкѣ, — при этомъ
 скандинавское произведенїе потерпѣло большїя иска-
 рья много портятъ не только характеръ главныхъ
 ны и его жены Кримгильды (Гудруна германскихъ
 даже и развязку басни. Въ этомъ новомъ видѣ за-
 анїе постепенно раскрывалось отъ X до XIII вѣка,
 себя, вслѣдствїе заимствованїй, и визиготское преданїе
 испанскомъ, также какъ и другїя данныя восточнаго
 тсель образовалось значительное множество эпизоди-

ческихъ поэмъ, каковы: *Дворецъ Аттилы, Садъ Розъ, Кримгильды, Письмъ Сигфрида, Плачъ Нибелунговъ, рольфъ испанскій* и проч.; и множество другихъ шедевръ жаждущихъ въ *Книгъ Героевъ (Helden-Buch)*. Западное въ своемъ развитіи значительно превзошло преданіе и къ которому оно привилось первоначально.

Его успѣхъ въ народѣ, по крайней мѣрѣ, равнялся съ немъ, потому что новые герои его передъ Теодорикомъ сподвижниками имѣли то преимущество, что были Германцы. Ихъ именами названы были наиболѣе живописныя положенія въ прирѣйской долигѣ. Между Вормсомъ и Ромъ указывали на одинъ лугъ, слышій нѣкогда, садомъ розъ, которая прекрасная Кримгильда садила свѣтами, и которая герои орошали своей чистѣйшей кровью. То Теодорикъ бился съ Сигфридомъ, и сюда же приходиться самъ Аттила. Кромѣ того, еще другой чудесный мѣстца на одномъ островѣ-рѣки, окруженномъ неприступными скалами, какъ садъ Арминдъ. Въ стѣнахъ Вормса и будто бы, дворецъ гигантовъ. Гробницу Сигфрида Розамъ мѣстца на кладбищѣ Св. Цециліи, гдѣ тщательно хранятъ его копьё, посаженное на огромную ель. Для большаго сѣмъ Теодорикомъ веронскимъ, и о Сигфридѣ говорили, не умеръ, но оставался живымъ подъ гигантскою плитою гробницы. Огромное стеченіе поселянъ ежегодно посѣщаетъ гробницу, сдѣлавшуюся мѣстомъ и цѣлю религиозныхъ обрядовъ. Въ 1488 году, императоръ Фредрихъ III, въ Вормсѣ праздникъ пасхи, также счелъ нужнымъ побывать какъ и всѣ, и ему пришла мысль убѣдиться самому, дѣйствительно живъ гигантъ Сигфридъ. Призвавъ къ себѣ своего вителя, онъ далъ ему четыре или пять флоринновъ. «Подобургомистра, сказалъ онъ ему, и объяви, чтобъ онъ разрыть эту яму, потому что я хочу видѣть, чтѣ тамъ находится». Бургомистръ взялъ деньги, нанялъ работниковъ, и началъ рыть землю; ничего не находя, они копали до тѣхъ же глубокіе ключи, разлившіеся большими потоками, перерывъ боту и разогнали работниковъ. Императоръ, если вѣрить

возвратился оттуда вполне убежденный, что гигантъ былъ сушая ложь; но народъ продолжалъ еще сильнѣе лоса воспѣвать турингенскую Кримгильду и ея двухъ Сигфрида и Аттилу. Наперекоръ ученымъ XVI вѣка и емамъ на невѣждъ и глупцовъ, слушавшихъ эти нелѣпнѣйшихъ имъ, Сигфридъ и Теодорикъ, Кримгильда и перешедши изъ поэзіи въ прозу, но всегда оставаясь ими, составляютъ еще и теперь существенную пищу для за-рейнскихъ.

ХАРАКТЕРЪ АТТИЛЫ, СОЗДАННАГО ПРЕДАНІЕМЪ. — ЕГО ЖЕНА. — ЕГО ТРАГИЧЕСКІЙ КОНЕЦЪ.

Скандинавовъ, Атла у Англо-Саксовъ, Атиль; Аттель, Этцель у Аллеманновъ, — вотъ различныя имена, которыя даетъ Гуннскому царю. Атти блѣднолицый живетъ въ построенной близъ Дуная, гдѣ день и ночь ходятъ вооруженные люди: здѣсь полными кубками пьеть онъ въ огромной залѣ своей Валгаллы. Гораздо менѣе грубый Этцель Аллеманновъ сдѣлалъ изъ Этцельбурга, своего постоянное зрѣлище торжествъ и турнировъ, и любимое мѣсто для воиновъ и для дамъ. Если Гуннскій царь, въ сочетаніи съ героями Эдды, получилъ нѣкоторый недостатокъ жестокости, за то на оборотъ въ пѣсняхъ *герозъ* его характеръ значительно смягченъ; живя среди воиновъ онъ принималъ понятія и добродѣтели чисто христіанскія. Этцель, какъ ни снисходительнымъ является онъ въ этомъ отношеніи, но въ видѣ преданія, — гдѣ онъ представляется много походить на Карла Великаго римскихъ поэмъ, — всегда окружаютъ его мрачныя судьбины, и какая-то особенная атмосфера, пропитанная ужасными бѣдствіями. Вслѣдствіе смутнаго воспоминанія о суровыхъ, которыя дѣлали Гунновъ сынами волшебныхъ духовъ, и у скандинавскаго Атти матерью является валькирия, а сестрой валькирія. То и другое преданіе изображаетъ его завоевателемъ, пресыщеннымъ побѣдами и помышляющимъ только о мртвѣ; въ поэмахъ аллеманскихъ онъ открое-

венень, ласковъ, праводушень; поэмы скандинавскія да больше тонкости и хитрости. «О! говорить Эдда,— Аттилы мудрый царь.»

Достигши высшей степени могущества, Гуннскій царь пошелъ въ сторону свое оружие; онъ берется за него только по необходимости или для того, чтобъ служить своимъ друзьямъ. Въ самомъ деле, чего еще не достааетъ ему? Гуналангъ, его имперія, охватываетъ въ себѣ двѣнадцать сильныхъ государствъ; «отъ Геллангъ моря,—все это его.» Ему остается только всеело растоптать сокровища въ своемъ блестящемъ дворцѣ, гдѣ происходятъ разнообразныя приключенія, гдѣ главную роль играютъ любовныя похождения. Царица Крёко, которую Скандинавы зовутъ Эркіа, а Аллеманны Герхе или Гелхе (Herche или Gerche) устраиваетъ придворныя пиршества при помощи Теодорика, герцога героевъ, гостя и вѣрнаго друга царя Аттилы. Сверхъ того поэма, называемая *Дворецъ Этцелля*, посвящена именно описанію этого великолѣпія и этихъ удовольствій.

«Жилъ былъ въ Венгріи, гласитъ поэма, всѣмъ извѣстный по имени Аттила: не встрѣтишь никогда ему подобнаго богатства и въ щедрости никто ни-когда не равнялся ему. Двѣнадцать вѣнчаныхъ царей служили ему; двѣнадцать государствъ покарались ему, двѣнадцать герцогствъ, тридцать аристократовъ и рыцарей, оруженосцевъ и воиновъ было у него безчисленное множество. Этотъ царь былъ милостивъ и правое слово встрѣтишь никогда ему подобнаго!»

«Царь Артусъ тоже былъ силенъ, но не какъ Аттила; онъ, кто хотѣлъ, шелъ къ нему, потому что не заперта была одна дверь во дворцѣ. «Пусть мой дворецъ остается открытымъ, говорилъ добрый царь; какъ бы ни былъ страненъ міръ, не знаю въ немъ себѣ ни одного врага. Къ чему мнѣ двери, когда ни одинъ воинъ не стоитъ у нихъ стражъ?»»

Поэма *Дворецъ Этцелля* сравниваетъ Аттилу съ царемъ Артусомъ; поэма *Витерольфъ испанскій* сравниваетъ Аттилу съ царемъ Соломономъ, который умѣлъ, говоритъ она, такъ устроить свою жизнь и свои удовольствія; «но у Соло-

блескъ никогда не было столько рыцарей, прибавляетъ, сколько и видѣлъ однажды у богатаго Аттилы». Гуннскій царь приказывалъ возвѣстить о какомъ-нибудь всѣ дороги покрывались людьми всякаго рода, спѣшивъ въ Этцельбургъ. Войны ѣхали верхомъ вмѣстѣ съ своими воинами приходили сюда всѣ,—христіане и азычники, Греки, Поляки и Валахи, Турингенцы и Датчане; шли сюда черезъ горы и рѣки, изъ странъ Италіи, Франціи и Галліи. Картина этихъ торжествъ есть общая всему Гуннскому царству. Картина о Теодорикѣ и Нибелунгахъ. Картина о Вальтерѣ Аквитанскомъ, болѣе скромная на подробности немногихъ, простыхъ и сильныхъ чертахъ даетъ картину о непобѣдимой силѣ, которою воспоминаніе, живое преданіе, окружало Гуннского царя. Картина о Вальтерѣ, гласитъ поэма, Аттила вздумалъ повоевать: приказалъ своимъ воинамъ и отправился въ походъ въ направленіи къ Гибикъ, царь Франковъ, праздновалъ тогда въ Вормсѣ, въ день рожденія старшаго сына своего Гунтера; вся страна отдавалась веселію, какъ вдругъ проносится слухъ, что многочисленное войско, какъ звѣзды на небѣ, частое, какъ песокъ на Рейна, приближается къ верховьямъ Дуная. Франки держатъ совѣтъ. «Что дѣлать? спрашиваетъ царь.— Если врага, отвѣчаютъ тебѣ въ одинъ голосъ.— Если непріятель протянетъ руку, подадимъ ему и мы; мы дадимъ ему войско и заплатимъ дань. Лучше уступить Гуннскому царю, чѣмъ лишиться съ одного удара жизни, отечества, друзей и нашихъ женъ.» И такъ Хибикъ идетъ Аттилѣ на поклонъ съ богатыми дарами и съ заложникомъ благородной крови; но онъ не можетъ отдать въ заложники своего собственнаго сына Гунтера, «который нуждается въ своей матери,» говоритъ ему выборъ палъ на Гагена, юношу высокаго рода, происшедшаго по прямой линіи изъ поколѣнія Троянцевъ. Гуннскій царь принимаетъ дары и заложника, соглашается на миръ и идетъ въ Галлію, въ страну Бургундовъ. Картина о Геррике, богатый и могущественный князь, управлялъ тогда Геррикъ, богатый и могущественный князь, и росла у него единственная дочь, нѣжно лю-

бимая имъ и наследница всѣхъ его сокровищъ, Гильдегонда Бургундіи. Геррикъ случайно находился въ то время въ Шалонѣ, когда войско Гунновъ расположилось по берегамъ Саоны. вошираемая ногами такого множества коней, издавала стонъ; шумъ щитовъ, разносившійся по воздуху, оглашалъ ности, какъ отдаленный громъ, и поле, покрытое лѣсомъ какъ будто бросало молніи. «Такъ, прибавляетъ поэтъ, когда мы почти буквально слѣдуетъ въ нашемъ изложеніи, солнце съ краевъ востока разсыпается въ лучезарныхъ и когда на разсвѣтъ его пламенный шаръ прогоняетъ и развзволнованный океанъ.» И такъ, стражъ, который ходитъ стѣнамъ Шалона, поднимая глаза къ небу, въ ужасѣ восклицаетъ: «Я вижу тамъ облако пыли; это идетъ непріятель прите ворота!» Бургунды составляютъ совѣтъ. «Я знаю, государь, что произошло съ Франками. Если уступилъ такой народъ, отчего не уступить и намъ? Мои сокровища перенесены въ Аттилѣ; есть еще у меня единственная дочь, которую я люблю больше, чѣмъ зѣнцы глазъ моихъ, но я охотно отдамъ ее въ заложицы для спасенія Бургундіи.» Тотчасъ же отправляетъ послы; Аттила оказываетъ имъ, по своему обычаю, любезный пріемъ, и говоритъ: «Я больше люблю миръ, чѣмъ войну. Гунны хотятъ лучше обладать посредствомъ мира, посредствомъ оружія; но если имъ противатся, они извлекаютъ мечъ и поражаютъ всѣхъ, кто бы они ни были. И такъ, государь, если ты придешь ко мнѣ и попросишь мира, я дарую ему миръ.» Геррикъ выходитъ изъ Шалона, везя свою дочь и везя сокровища; онъ отдаетъ Аттилѣ эти сокровища, равно какъ и свою въ заложицы. Такимъ-то образомъ перлъ Бургундіи отправленъ былъ въ отдаленное изгнаніе.

Оставались въ Галіи Аквитанцы, т. е. Визиготы. Они не хотѣли вернуться домой, не побывавши и къ нимъ. Имъ хотѣло быстро идти въ направленіи къ Западу, но Аквитанцы дожидаются его прихода; ихъ царь Аюль, во все время для себя безчестнымъ последовать примѣру Бургундовъ и Гунновъ, идетъ на встрѣчу Аттилѣ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ и термомъ, котораго и представляетъ ему въ качествѣ зало

Вальтеръ въ первомъ цвѣтѣ юности носитъ уже въ глубинѣ сердца сѣмя героя. Въ палаткахъ Гунновъ онъ находитъ Гильдегонду, свою невѣсту, потому что Алферъ и Геррикъ дали нѣкогда другъ другу клятву соединить своихъ дѣтей, только что достигнуть они возраста, необходимаго для брака. Аттилѣ, все побѣждающему однимъ своимъ присутствіемъ, ничего болѣе не остается, какъ возвратиться на берега Дуная: онъ подастъ знакъ къ отправленію, и войско Гунновъ весело идетъ, унося съ собою безчисленныя сокровища, и вѣдя трехъ молодыхъ заложниковъ царскаго рода, Вальтера, Гагена и Гильдегонду.

Этотъ отрывокъ, составляющій введеніе къ приключеніямъ Вальтера, и выводящій на сцену четыре главныхъ лица поэмы, конечно, не есть историческій въ томъ смыслѣ, что дѣйствія, которыя здѣсь приписываются царю Гунновъ, не могли быть совершены такъ, какъ онѣ разсказываются; однакожь онъ имѣетъ историческое значеніе на столько, на сколько отражаетъ современныя взгляды на Аттилу. Ничто не препятствуетъ даже думать, что отношенія, которыя онъ предполагаетъ съ одной стороны между Гуннами, съ другой между Франками и Бургундами; эти добровольныя подчиненія, эти поспѣшныя предложенія заложниковъ,—были точно таковы по ту сторону Рейна, со стороны Франковъ и германскихъ Бургундовъ; невѣроятность здѣсь состоитъ въ томъ, чтобы приписывать эти дѣйствія Германцамъ, поселившимся въ Галліи. Но, конечно, надобно же предостаить свою долю и поэтическому вымыслу и той неизбѣжной обстановкѣ, которой онъ требуетъ для себя: безъ похода Гунновъ въ Аквитанію не лзя было бы понять ни плѣна Вальтера у Аттилы, ни похищенія Гильдегонды: поэтъ самымъ предметомъ поэмы принужденъ былъ прибѣгнуть къ вымыслу.

Мы не будемъ слѣдовать за Гуннскимъ царемъ во всѣхъ баснословныхъ войнахъ, которыя приписываетъ ему преданіе, въ его походахъ на Россію, откуда онъ освобождаетъ свою любимицу Герхѣ, въ походѣ на Италію для возстановленія на веронскомъ престолѣ Теодорика, наконецъ въ Ревеннской битвѣ, въ которой Германарикъ и Одоакръ были побѣждены при его содѣйствіи: эти романческія выдумки ничего не сказали бы намъ,

потому что онѣ слишкомъ далеки отъ исторіи. Наша цѣль—искать въ преданіи какого-нибудь отношенія къ чешскимъ бытямъ. Такъ, въ исторіи самыя темныя быти Атиллы и та роль, какую могла играть въ этой кат молодая дѣвушка, на которой онъ женился, и въ кои имя Ильдико очевидно даетъ намъ видѣть Германку. давіе германскихъ народовъ не можетъ ли представить нибудь объясненія касательно этого важнаго пункта? Вопросъ, который стѣитъ точнаго вниманія. Въ изслѣдованіи вопроса мы видимъ не простой только предметъ любознательства заставляетъ насъ заняться его рѣшеніемъ.

Представимъ сперва въ сокращеніи все то, что говоритъ исторія о причинахъ этой пресловутой смерти. Зимой 45 по возвращеніи Атиллы изъ итальянскаго похода, въ ту минуту, какъ онъ готовился вторгнуться въ Восточную и завоевательно вздумалось жениться, — прибавить еще къ огромному легиону женъ и наложницъ, о которыхъ г намъ историки. Плененный красотою Ильдико, онъ велъ на свое ложе, но на другой день, — такъ какъ онъ за своимъ появленіемъ, и въ брачной комнатѣ царствовало молчаніе, — стражи выломали дверь, и вмѣсто своего нашли только трупъ, плававшій въ морѣ крови: подл сидѣла молодая жена подъ покрываломъ. Эта смерть ли смерть естественная? Не задохся ли Гунскій царь сна отъ разрыва жилы и потери крови? Или онъ убитъ и молодая жена была единственной виновницей убійства только сообщницей въ заговорѣ? Эти различные вопросы и въ то время, по міру варварскому и по міру римскому. Предположеніе, что преступленіе Ильдико не было собственнымъ дѣломъ, но плодомъ заговора, въ которомъ замѣшаны были которые полководцы Атиллы, — это предположеніе, по тому, подтверждается самими предосторожностями, приняты были и главными гуннскими вождями для об его смерти. Гимнъ, пѣтый при похоронахъ и имѣвшій такъ сказать, дать officialный видъ этому со очевидно, нарочно назначался къ подтвержденію того, что

естественною смертію, приключившеюся среди радостей
за и побѣдныхъ торжествъ,—смертью, которая не тре-
нія, какъ-будто именно нужно было разувѣрить часть
вассаловъ относительно какого-нибудь тайнаго обви-
-будто наконецъ политика требовала этого объявленія
и миръ во имя сохраненія имперіи, на гробъ того,
снова ея. Возмущенія, вспыхнувшія черезъ нѣсколько
по наущенію Гепидовъ, нѣсколько подтверждали это
свѣдѣніе. Хотѣли вѣроятно отдалить эпоху разрыва, кото-
знаки обнаружались еще при жизни самаго завое-

нъ современный писатель не объясняетъ подробно этого
вызвавшаго въ послѣдствіи большіе споры. Въ слѣдующемъ
идеть въ одно время два главные мнѣнія съ своими вариан-
Кассіодоръ въ своей хроникѣ говоритъ намъ, что Гуннскій
отъ носоваго кровотеченія; графъ Марцеллинъ, че-
енный и государственный, безъ сомнѣнія, хорошо зна-
обстоятельствами дѣла, говоритъ, что онъ погибъ отъ
комъ, нанесеннаго ему женщиной, и прибавляетъ, что
е однакожъ говорили, что онъ задохся отъ кровотеченія.»
е объ убійствѣ, которое графъ Марцеллинъ высказываетъ,
это всѣми, повторяетъ и Александрійская хроника.
тъ, гласитъ она, о-бокъ съ молодой Гуннской дѣвицей,
тъ сдѣлался бездыханенъ, и эта дѣвица была подозрѣ-
его смерти.» Иорнандъ повторяетъ мнѣніе Кассіодора
естественной; но въ то же время указываетъ на погрѣ-
вствъ, гдѣ провозглашалось, что смерть Аттилы не тре-
нія. Въ VII, VIII и IX вѣкахъ возымѣло бѣольшую
ое мнѣніе; объ немъ много толковали и прибавили къ
го подробностей, которыя требуютъ объясненій. Агнеллъ,
Равеннскихъ епископовъ, писалъ, что Аттила погибъ
презрѣнной женщины, а *vilissima muliere cultro*
Саксонскій поэтъ Карла Великаго, жившій въ концѣ
прибавляетъ, что это убійство было возмездіемъ за
ніе. «Рука женщины, восклицаетъ онъ, низринула Гунн-
я въ глубину тартара. Глубокая ночь навѣвала на все

живущее глубокий сонъ, и Аттила, отягченный виномъ, но его жестокая жена не спала. Жало ненависти не давало ей спать во все продолженіе этой страшной ночи, и она, в гнуснаго замысла, прервала дни его. Однакожь это мученіе было не болѣе, какъ мщеніемъ. Она отплатила за смерть своего, умерщвленнаго имъ, отца.» Наконецъ писца XII вѣка мы находимъ послѣднее обстоятельство факта: «эта молодая дѣвица, говоритъ онъ, была вѣнчана послѣ умерщвленія ея отца.» И такъ на другой же день смерти Аттилы распространилось и принято было всѣмъ мнѣніе, что эта смерть была насильственная, что она была мученіемъ женщины.

Вотъ свидѣтельства, которыя представляетъ намъ исторія. Посмотримъ теперь, подтверждаетъ ли ихъ преданіе, и легенда о женщинахъ, которыхъ оно даетъ Аттилѣ, не находясь въ противорѣчіи нибудь, которой черты болѣе или менѣе напоминали эту Ильдико. Скажемъ сперва, что это имя, искаженное германской орфографіей, слагается изъ двухъ словъ, изъ которыхъ первое безъ сомнѣнія есть *Hilde*, а второе можетъ быть дано словомъ *Vighe* или *Gunde*, такъ что настоящей слѣдней супруги Аттилы было *Hildevighe* или *Hildegunde*. Эти слова означаютъ воинственную, героиню. Слово *Hilde* встречается, какъ встрѣчается въ составѣ имени женщины, по которому предполагается, что эта женщина была вдохновлена Гильдою, германской богиней войны, или находилась подъ ея покровительствомъ. Тамъ же, въ составѣ имени женщины, о которыхъ преданіе упоминаетъ, говоря, что онѣ имѣли трагическое вліяніе на судьбу Аттилы, три носятъ въ своемъ имени слогъ *Hilde*: это — *Hildegarde* (Датчанка, *Hildegonde* (*Gunde* или *Gude* есть другая героиня, богиня войны) и *Crimhilde*, или правильнѣе *Grimhilde*), героиня. Имя четвертой *Gudruna* соединяетъ въ себѣ отсылку о войнѣ и о магіи. Гудруна — это женщина о которой говорится, что она знающая руны.

Займемся сперва Датчанкой Гильдръ (*Hilldr*), дочью царя. У насъ одни называютъ Гагеномъ, а другіе Гартмутомъ (Гартмутова суровая душа). Геттель или Аттила любимъ ею и самъ

позволяет обольстить себя и убѣгаетъ съ нимъ ; преслѣдуетъ ихъ, догоняетъ похитителя и вступаетъ въ жестокую битву, по окончаніи которой зять и тесть миръ и лобызаются. Гильдръ вѣтрена, и ея любовь скоро прошла. Единственною ея заботою съ тѣхъ возбудить отца и мужа къ войнѣ, и, такъ какъ она, то употребляетъ для этого колдовство. Каждую ночь, и при ея пѣснѣ оба воина, оставляя свои постели, лежатъ друга въ темнотѣ съ мечами въ рукахъ и бьются. Одинъ изъ вариантовъ этой басни на мѣсто имени оставляетъ имя Гудруны. Здѣсь находимъ мы главные персонажи бытей, но Гильдръ еще не болѣе, какъ не имѣетъ Ильдико.

Въ продолженіи Гильдръ перейдемъ къ Гильдегондѣ, исторію которой постараемся возсоздать при пособіи многочисленныхъ вариантовъ, сохраненныхъ преданіемъ, и начнемъ рассказъ съ тѣхъ временъ, когда дочь царя Геррика, бѣлоснѣжный перлъ попавшись въ руки Аттилы въ качествѣ заложницы, на берега Дуная съ своимъ юнымъ женихомъ, Вальквитанскимъ и Франкомъ Гагеномъ, происходящимъ изъ племени отъ Франкуса, сына Гектороза. Ничто не можетъ помѣшать имъ въ ихъ дружбѣ и благородствомъ и щедростью гостепріимства, какое здѣсь эти трое дѣтей. Оспирю, царица Гунновъ, влюбилась въ Гильдегонду, какъ въ родной дочь; она доглядываетъ за своимъ дворцомъ и поручаетъ ключи отъ сокровищницы. «Гильдегонда, говоритъ поэтъ, была больше чѣмъ сама царица.» Гагенъ, и особенно Вальтеръ, влюбился въ Аттилу не менѣе нѣжную привязанность; онъ присутствуетъ при ихъ воинскихъ играхъ, самъ учитъ ихъ стрѣлять изъ лука и дѣйствовать коньемъ; онъ дѣлаетъ имъ замѣчанія, —хочетъ, чтобы они учились наукамъ, и чтобы, въ одно и то же время въ разумѣ и въ мужествѣ, преобладали силой всѣхъ сильныхъ, а умомъ самихъ *софистовъ*. Судя по ихъ воспитанію, они должны были быть и его наслѣдниками. Такимъ образомъ, цвѣли они также какъ Гильдегонда красотою. Въ это время царь

Хибикъ умираетъ въ Вормсѣ, оставя Франкскій престолъ, своему сыну, и Гагенъ, котораго эта смерть, по волею, освободила отъ обязательствъ заложника, убѣгаетъ изъ Вормса въ Гунновъ. Царь и царица, боясь, чтобы этотъ дурной не подѣйствовалъ и на Вальтера, условливаются между собою женить его, чтобы привязать къ своей службѣ узами браку, и предлагаютъ ему дочь одного изъ придворныхъ сановниковъ съ огромнымъ приданымъ, состоявшимъ въ большихъ количествахъ и въ домѣ, бывшемъ въ самомъ городѣ. Вальтеръ съ гордымъ отказывается. «Что мнѣ дѣлать съ помѣстьями? отвѣчаетъ царю:—мнѣ надобно будетъ строить тамъ хижины и пахать за земледѣльцами. Что я стану дѣлать съ женой? Я буду заботиться объ ней и о моихъ дѣтяхъ. О царь добрый родитель! не налагай на меня такихъ цѣпей, которыми только быть воиномъ и служить тебѣ.» Вальтеръ всегда любилъ Гильдегонду, и не забылъ, что ихъ отцы нѣкогда воевали другъ на друга.

Между тѣмъ вспыхиваетъ война: Вальтеръ предводитъ войскомъ Гунновъ, и, «въ игрѣ ясеня съ деревомъ, колышутся какъ-будто въ вихрѣ, пронзаются груди и шатаются о щиты,» Вальтеръ, превзошедшій своего на поле боя, остается неподвиженъ, какъ скала. Благодаря ему, побѣда надлежитъ воинамъ Атиллы, которые и возвращаются въ свой городъ при радостномъ звукѣ роговъ, осѣненные зелеными вѣтвями въ знакъ торжества, и изнемогая подъ бременемъ усталости. Вальтеръ, покрытый пылью и кровью, спускается съ вершины дворца, но здѣсь на то время нѣтъ ни царя, ни царицы, а одна Гильдегонда, которая и принимаетъ его. Поцѣловъ и сѣвши, Аквитанецъ проситъ у нея пить; молодая царица торопливо наполняетъ виномъ золотой кубокъ и подноситъ его воину, но—мы предоставимъ говорить здѣсь самому поэту.

«Онъ осушилъ кубокъ и возвратилъ его Гильдегондѣ. Дѣвушка почувствовала, что рука Вальтера пожала ее, смущенная, изумленная, она оставалась безгласною, устремивъ взоръ на его воинственное лицо. Послѣ короткаго молчания Аквитанецъ сказалъ ей: «Вотъ уже много времени,

изгнаніе, зная оба, что хотѣли сдѣлать съ нами. За чѣмъ медлили мы до сихъ поръ взаимнымъ объ-
 Гильдегонда думаетъ, что онъ хочетъ посмѣяться
 она молчитъ еще съ минуту, и потомъ отвѣтствуетъ
 му говоришь ты языкомъ то, чего не чувствуешь
 Къ чему напоминаешь мнѣ о вещахъ, о которыхъ
 Тебѣ, конечно, стыдно встрѣтить свою невѣсту
 пльвиницѣ. — Гильдегонда! живо прерываетъ ее молодой
 опомнись, что ты говоришь. Я слишкомъ далеко отъ
 надъ тобой; я сказала тебѣ чистую истину, безъ
 притворства. Мы теперь одни здѣсь, и, если твоя
 знаетъ моей, если я могу надѣяться, что ты сохранила
 которую общала мнѣ въ дѣтствѣ, я открою тебѣ тайну
 ца». Тогда, склонясь къ колѣнамъ воина, молодая дѣ-
 епеша всѣмъ тѣломъ, воскликнула; «говори, о мой
 я буду тебѣ повиноваться; позови меня, и я послѣдую
 твоя воля будетъ теперь моей. — И такъ, слушай же,
 Вальтеръ; — наше изгнаніе стало мнѣ невыносимо;
 явно мечтаю о моей родинѣ, и придумалъ планъ
 подобно Гагену, изъ страны Гунновъ; я уже давно бы
 еслибъ не беспокоился о томъ, что оставляю здѣсь
 у. — Пусть приказываетъ мнѣ повелитель мой! отвѣ-
 давая дѣвушка, счастье или несчастіе — все мнѣ будетъ
 и его любви.» Тогда Вальтеръ, склонившись къ ея
 ко сказалъ ей:

хранятся ключи отъ царскихъ сокровищъ, — запомни же
 о, что я скажу тебѣ. Возьми тамъ царскій шлемъ,
 латы съ клеймомъ мастера; не забудь захватить съ
 два ящика, которые наполнишь гривнами и драго-
 , сколько будешь въ состояніи унести. Приготовь
 ы обуви для меня, столько же для себя, и положи ихъ
 янки, такъ чтобъ они были полны. Доставъ еще потихоньку
 боловныхъ удочекъ, потому что въ дорогѣ единствен-
 нымъ пропитаніемъ будутъ рыбы и птицы. Я буду и
 и выѣсть птицеловомъ, смотря по возможности. Даю
 мь дней на эти приготовления. Теперь, какъ же мы

убѣжимъ? Слушай хорошенько. Только что солнце сдѣлаетъ свой кругъ семь разъ, я устрою большой пиръ, и позову царя, царицу, сатраповъ, полководцевъ и чиновниковъ; я напою ихъ до того, чтобъ никто не помнилъ, что дѣлается: это мое дѣло. А ты,— ты остерегайся, и пей вина-столько, чтобъ удовлетворить лишь жажду. Только что поднимется прислуга, ты сама принимайся за должность кравчаго; потому что когда гости совершенно упьются, мы отправимся съ тобой къ странамъ Запада.»

Проходитъ недѣля, и настаетъ назначенный день. Въ домѣ Вальтера все радость и великолѣпіе; разрисованные занавѣсы украшаютъ залу пиршества, а для царя приготовленъ шелковый тронъ, шитый золотомъ. Является Аттила. Онъ сажаетъ около себя двухъ именитѣйшихъ особъ, а прочее общество располагается по порядку кругомъ столовъ: за каждымъ столомъ садится сто человекъ. Пурпуровыя скатерти, обремененныя золотыми украшениями, попеременно покрываются и пустѣютъ; изысканныя блюда слѣдуютъ одно за другимъ, сладкое вино пѣнится въ огромныхъ кубкахъ. Вальтеръ своими разговорами одушевляетъ собесѣдниковъ и поощряетъ усердіе служителей. По окончаніи обѣда принимаются за сласти, и Аквитанецъ, обратившись къ своему Аттилѣ, весело говоритъ ему: «одну милость остается тебѣ сдѣлать для меня, о царь: позволь пить твое здоровье.» При этихъ словахъ кравчіе подносятъ Аттилѣ богато вычеканенную огромную вазу, по бокамъ которой находятся изображенія, представляющія подвиги Гунновъ. Царь встаетъ, осушаетъ вазу за одинъ духъ, и всѣмъ повелѣваетъ сдѣлать то же. Кравчіе бѣгаютъ взадъ и впередъ, суетятся, сталкиваются другъ съ другомъ; виднѣются только полныя кубки, которые приносятъ, и пустые, которые относятъ назадъ, а хозяинъ то и дѣло присоединяетъ свои просьбы къ приказаніямъ царя, чтобы всѣ пили, и что кто больше выпьетъ, тому больше и чести: вскорѣ въ залѣ пиршества воцаряется ужасное опьяненіе. «У всякаго голова кружится, говорить поэтъ, у всякаго языкъ лепечетъ безсвязныя слова, и самые крѣпкіе герои едва держатся на ногахъ.» Эта вакхическая оргія, стараніемъ Вальтера, продолжается далеко за полночь; вздумаетъ ли кто изъ гостей оставить залу, онъ оста-

его и принуждаетъ сидѣть до того, что всѣ, обремененныя и сномъ, полегли какъ попало, гдѣ сидѣли. Аквикъ, пользовавшійся этой минутой, встаетъ и удаляется шагомъ; Гильдегонды уже давно здѣсь не было. Если доложили огонь подъ домъ, и то никто изъ присутствующихъ не почувствовалъ бы этого, никто не могъ бы догадаться о случившемся. — Читатели, — надѣмся, — простятъ намъ представленіе *in extenso* эту картину блестящаго, какими обыкновенно грезили въ средніе вѣка; впрочемъ картина не совсемъ лишена и исторической истины: историческое представленіе Прискова обѣда у Аттилы.

Аттила была совершенно готова къ отъѣзду, ящики были уже съ нею. Вальтеръ самъ беретъ изъ своего коня, — царя коней, *Льва*, получившаго славу за свою силу и отважность; онъ сѣдлаетъ коня, садится на него узду, привязываетъ къ его седлу ящики, полные золота, на спину кладетъ легкіе съѣстные продукты и подаетъ молодой дѣвушкѣ развѣвующіеся поводья. Аттила, «покрытый латами, въ шлемѣ, отбѣненномъ краснымъ металломъ, какъ гигантомъ,» говоритъ поэтъ. Два меча висятъ у него на поясахъ, сообразно обычаю Гунновъ; мечъ на лѣвой стороне обоюдо-острый, а на правой съ однимъ остриемъ. Аттила и его спутники сидятъ такимъ образомъ, они оставляютъ землю изгнанія; Аттила управляетъ лошадыю; Вальтеръ держитъ въ правой руке и удочку, которая должна обманывать рыбу и извлекать ее изъ воды. Они ѣдутъ поспѣшно всю ночь, когда Аттила не хочетъ заниматься на горизонтѣ, скрываются въ мѣсяцѣ, въ густыхъ мѣстахъ и густой тѣни; но молодая дѣвушка не можетъ удержаться отъ своего ужаса, малѣйшій шумъ заставляетъ ее испугаться, ее беспокоитъ асамый легкій шелестъ; полетъ птицы, шумъ вѣтви сильно заставляетъ биться ее сердце. Аттила и его спутники сидятъ такимъ образомъ, Аттила и его придворные пьютъ вино? Былъ полдень, но никто еще не всталъ; они все еще спали, какъ попало, кто на столахъ, кто на скамьяхъ, кто на портикахъ. Наконецъ этотъ муравейникъ принимаетъ движеніе; всѣ ищутъ хозяина, чтобы поблагодарить

его и распроститься съ нимъ. Аттила, держась обѣими руками за отягченную голову, медленно сходить съ своего сѣдалища и зоветъ Вальтера; но Вальтеръ не является. Его ищутъ подъ портиками, ищутъ по всѣмъ угламъ дома; но никто его не находитъ ни спящимъ, ни бодрствующимъ. Къ Оспию также не является Гильдегонда, всегда такъ исправно приносившая ей по утрамъ ея одежду: тутъ она угадываетъ все. «Проклятый пиръ! восклицаетъ она,—Вальтеръ, честь Панноніи, убѣжалъ и увезъ съ собой Гильдегонду, мою милую воспитанницу!» Такъ выражаетъ свою горестъ царица; но гнѣвъ царя не знаетъ предѣловъ: Аттила раздираетъ съ верху до низу свою тунику, какъ будто пораженный безуміемъ. «Его мысли, говоритъ поэтъ,—блуждаютъ тамъ и самъ по волѣ внутренней бури, какъ волнуются песчаные вихри по волѣ морскихъ бурь.» Онъ произноситъ только безпорядочныя и безсвязныя слова. Цѣлый день не принимаетъ онъ никакой пищи, и при наступленіи ночи не можетъ смежить глазъ; онъ ворочается съ боку на бокъ на постели, какъ будто въ груди у него былъ дротикъ. Голова склоняется то на право, то на лѣво на его плечахъ. Вдругъ онъ встаетъ, точно бѣшеный бѣжитъ въ городъ, потомъ возвращается на постель, и все-таки не находитъ себѣ успокоенія. Такова была ночь, проведенная Аттилою. Съ наступленіемъ дня онъ приказываетъ своимъ военачальникамъ: «Пусть скачутъ, говоритъ онъ имъ, пусть преслѣдуютъ ихъ; пусть приведутъ ко мнѣ Вальтера на привязи, какъ злую собаку. Кто представитъ мнѣ его; того я осыплю съ головы до ногъ золотомъ, зарю въ золотѣ!...» Поэтъ говоритъ намъ, что никто не дерзнулъ ѣхать, ни герцога, ни графа, ни рыцари,—столько внушало имъ ужаса одно имя Вальтера, но другое преданіе увѣряетъ, что нашлось двѣнадцать отважныхъ воиновъ, которые пускаются въ дорогу и ѣдутъ во всю скачь на своихъ коняхъ.

Остановимся на минуту на этомъ изображеніи горести Аттилы, на которомъ останавливается и самъ поэтъ, какъ будто, съ особеннымъ удовольствіемъ. Въ этомъ отчаяніи, которое испытываетъ Гуишъ по случаю бѣгства Гильдегонды и Вальтера,—отчаяніи, котораго всѣ страданія представлены намъ съ такою подробностію,

некогда, одинъ ли гнѣвъ надобно видѣть? Напротивъ, разумное бѣшенство, которое заставляетъ его терять голову для преслѣдованія бѣглецовъ, не носить ли на себѣ знакъ страсти? Аттила, очевидно, любить Гильдегонду, и мы интуитивно, какъ видимъ, что она у него похищена и утаена, — въ ту минуту, когда ему кажется все потеряннымъ, — въ немъ раскрывается, и вырывается наружу силой. Если поэтъ не говоритъ намъ ясно объ этомъ, то довольно ясно даетъ понимать, и онъ не нуждается въ болѣе точномъ объясненіи этого предмета для читателей, знавшихъ еще до этого всю исторію, какъ обыкновенно читается народную сказку. Здѣсь дѣло шло только о бѣгствѣ Гильдегонды и ихъ встрѣчѣ съ Франками, и все остальное намъ вѣрить, что другія поэмы того же цикла были посвящены изображенію влюбленнаго Аттилы. Слѣдя далѣе за исторіей, мы скажемъ, что Гильдегонда и Вальтеръ путешествовали сорокъ дней, ночью проѣзжая торными дорогами, избегая селеній и обработанныхъ полей. Они прятались въ пещерахъ или подъ навѣсомъ густыхъ деревьевъ, другъ друга не видя, но какъ братъ съ сестрою, говоритъ поэтъ. Часто, когда Вальтеръ спалъ, Гильдегонда была на сторожѣ. Встрѣчали ихъ, — Вальтеръ закидывалъ свою удочку; проѣзжали ли мимо нихъ, — онъ раскидывалъ сѣти или убивалъ птицъ ударами меча. Такимъ-то образомъ питались они во все продолженіе путешествія, потому что ихъ небольшіе запасы вскорѣ иссякли; но, прибавляетъ поэтъ, они надѣялись вскорѣ увидѣть свою родину, и эта мысль придавала имъ новыя силы. Легенда, сохранившіеся въ преданіи, въ отличіе отъ поэмы, утверждаетъ, что бѣглецы были настигнуты посланцами, что Вальтеръ всѣхъ ихъ положилъ на мѣстѣ. Мы знаемъ, что они безпрепятственно доѣхали до береговъ Рейна, попали въ руки злодѣевъ, во сто разъ ужаснѣйшихъ, — въ руки Гунтера и франкскихъ воиновъ. Рыба, пойманная въ Дунаѣ, которую Вальтеръ даетъ рейнскому перевозчику за плату за свой переездъ, и которую тотъ бѣжитъ съ собою въ Вормсъ, въ царскій дворецъ, наводитъ Гунтера

на ихъ слѣды. Онъ торопливо бѣжитъ съ своими воинами у бѣглеца его ящики и жену; но Вальтеръ, скрывъ предъ обоими сокровища въ пещеръ, и ставъ самъ при убиваетъ ихъ или обращаетъ въ бѣгство. Самъ Гильдегонда совѣстится вмѣшаться въ эту неравную битву противъ брата по оружію и товарица во время плѣна. Борьба которой Аквитанецъ выказываетъ свое превосходство надъ франкскими воинами, представлена въ поэмѣ со всею поэтикою; говоря правду, эта часть поэммы обработана съ любовью, и вѣроятную причину этого мы уже сказали. Кончивъ съ честію и эту битву, Вальтеръ садится на своего коня, а Гильдегонду сажаетъ на своего бѣгуна, и оба ѣдутъ въ Аквитанію, гдѣ и вступаютъ въ бракъ. Монахъ тыря Флѣри на Луарѣ здѣсь оканчиваетъ свою одиссею, преждая насъ однакожь, что его герой испыталъ многихъ приключеній, которыя не относятся къ его предмету, чтобъ слѣдить за Гильдегондой, намъ нужно прибѣгнуть къ гимнъ поэмамъ и сагамъ объ Аттилѣ.

Прежде всего мы встрѣчаемъ ее вмѣстѣ съ мужемъ, стала уже царицею, на одномъ праздникѣ, устроенномъ Гильдегономъ для марграфа Рудигера Пехларнскаго, посланника Франки, какъ видится, примирились съ Визиготами, и Гильдегонда больше всѣхъ блистаетъ красотой, которая ослѣпляетъ и Вѣжливый маркграфъ, вспомнивъ, что некогда видѣлъ царицы Гунновъ, просить у Вальтера позволенія поцѣловать, прибавляетъ авторъ *Поэмы о Битерольфѣ*, у котораго заимствуемъ эти подробности, — «нанечатлѣваетъ поцѣлуи на губкахъ, свѣжихъ какъ роза.» Между тѣмъ миръ между Аттилою и Гунтеромъ продолжается не долго, и Вальтеръ испанскими и французскими воинами идетъ на помощь Фридриху Гильдебрандъ, полный одинакаго съ Аттилою гнѣва, устремленнаго на Вальтера, похитителя и измѣнника, и поручаетъ вызвать его на битву; Рудигеръ, уважающій мужество, не безъ огорченія исполняетъ его желаніе. Всюду, гдѣ плохо Гуннамъ и ихъ союзникамъ, на первомъ планѣ Вальтеръ испанскій: онъ несетъ знамя Германарика въ

Винахъ ; здѣсь онъ вступаетъ въ битву съ Дитлибомъ ,
 съ товарищемъ Теодорика, и въ ярости , которая оду-
 обоихъ, соперники, пронзивъ другъ друга копьями,
 мертвыми на полѣ битвы. Гильдегонда, по примѣру
 другихъ героинь, безъ сомнѣнія, слѣдовала на войну
 героиней, съ которымъ была, кажется, неразлучна.
 пленницей, не была ли она опять отведена къ царю
 какъ заложница въ случаѣ разрыва мира? При видѣ
 женщины, Аттіла не почувствовалъ ли снова страсти,
 имѣлъ къ молодой дѣвушкѣ? Не заставилъ ли онъ раздѣ-
 съ нимъ ложе, и она, убивая его, не хотѣла ли тѣмъ
 ему за все вмѣстѣ,—за свое оскорбленіе, за стыдъ и
 своего мужа? Вотъ что сказало бы намъ, быть можетъ,
 еслибъ мы обладали имъ вполне, но что за недостат-
 , можемъ однакожъ предполагать : Гильдегонда Бургунд-
 а бы въ этомъ случаѣ болѣе полнымъ изображеніемъ
 , чѣмъ Датчанка Гильдрѣ.

можемъ разстаться съ Вальтеромъ Аквитанскимъ , не
 ни объ одномъ довольно странномъ анекдотѣ, который
 въ хроникѣ Новалезскаго монастыря, составленной
 К въка, частію на основаніи писменныхъ документовъ,
 на основаніи монастырскаго преданія. Новалезскій монас-
 остроенный при подошвѣ Мон-Сени , былъ одинъ изъ
 нихъ монастырей ордена Бенедиктинцевъ, и въ VI и VII
 давалъ убѣжище многимъ важнымъ особамъ , приходив-
 катъ здѣсь пристани отъ мірскихъ тревоженій : во время
 епина обращенный въ развалины, онъ возстановленъ былъ
 бкѣ, и тогда-то нѣкоторые усердные монахи, чтобъ
 ить рядъ воспоминаній, составили хронику своего аббат-
 ть какую мы здѣсь встрѣчаемъ страницу :

нѣкогда въ семъ монастырѣ монахъ высокаго роста ,
 ачайной силой и съ лицомъ воинственнымъ , не смотря
 е волосы. Онъ обходилъ весь свѣтъ съ посохомъ
 а, ища монастыря съ самымъ строгимъ уставомъ, гдѣ
 о было надлежащимъ образомъ приготовиться къ тому
 гвію, которое слѣдуетъ за этой смертною жизнію. Онъ

ходилъ и искалъ напрасно многіе годы ; потомъ случившись посѣтить это мѣсто , и онъ рѣшился поселиться здѣсь ; своему крайнему смиренію , онъ не хотѣлъ имѣть послушанія , кромѣ послушанія брата-садовника , о которомъ настоятельно просилъ и которое получилъ . Этотъ монахъ суровъ и страненъ ; онъ никогда не разставался съ своимъ посохомъ , висѣвшимъ всегда какъ будто оружіе на стѣнѣ его кельи . Вторгались ли шайки враговъ въ окрестныя селенія , или кельи угрожали монастырю , онъ снималъ съ гвозда свой посохъ , отлучался съ позволенія настоятеля , и тогда посохъ дѣйствовалъ въ его рукѣ страшнымъ образомъ . Всѣмъ памятно , какъ онъ однажды обратилъ въ бѣгство одну цѣлую толпу разбойниковъ и жителей Новалеза до сихъ поръ говорятъ съ удивленіемъ о дубинѣ Вальтера и объ ея добрыхъ ударахъ . Въмѣстѣ съ нимъ жилъ молодой монахъ красивой наружности , котораго онъ считалъ своимъ внукомъ . Оба они думали только о предметахъ земныхъ , и самымъ любимымъ для нихъ занятіемъ было копать могилу , гдѣ должны были почить они одинъ подле друга . И дѣйствительно , они почли и погребены были здѣсь , и начертанный эти строки , много разъ прикасался къ ихъ гробамъ . Окрестные жители посѣщали этотъ гробъ , какъ гробъ святого , и однажды , во время повальной болѣзни , одна дама изъ замка похитила голову юнаго монаха и унесла ее въ скривни подъ мантилей .»

Легко догадаться , что здѣсь дѣло идетъ о Вальтерѣ Гиллѣ , и дѣйствительно монахъ въ своей хроникѣ предъ нами представляетъ разсказъ объ немъ , совершенно согласный съ поэмой , которую мы сей-часъ разбирали , и часто даже его разсказъ есть какъ буквальное воспроизведеніе ея . Молодой сподвижникъ Вальтера былъ дитя его сына , родившагося отъ жены его Гиллы въ ихъ молодые лѣта . Этотъ сынъ не существовалъ въ хроникѣ . Хроника не упоминаетъ о бѣдствіи , постигшемъ Гиллу Вальтера , павши за мертвое въ битвѣ съ Дитлибомъ , и о томъ , какъ онъ возвратился къ жизни и излечился отъ ранъ . После приключеній , которыхъ мы не знаемъ , лишившись всего , было для него дорого , онъ пошелъ искать успокоенія

мъ послушаніи, которое одно могло усмирить бурныя
и его души; остальное рассказываетъ намъ хроника.
сценъ поэзіи Юга, болѣею частію граціозныхъ и вѣжныхъ,
переносить насъ къ поэзіи Сѣвера, такойже суровой и
, какъ ея ~~жизнь~~. Дочь Кримгильды и Хибика, не-
вдова Сигурда, оплакиваетъ день и ночь смерть своего
, и прокликаетъ своихъ братьевъ Гунтера и Гагена, кото-
умервили. Она упорно отвергаетъ Гуннскаго царя,
просить ея руки; но Кримгильда даетъ ей питье
, «питье горькое и холодное»; говоритъ поэтъ, и тогда
ее изглаживается изъ ея памяти; Гудруна забываетъ
да и своихъ братьевъ, «и весело ѣдетъ въ Гуннское цар-
сопровождать франкскіе войны на своихъ коняхъ,
и женщины слѣдуютъ за нею въ колесницѣ. «Семь дней
она по высокимъ горамъ, другіе семь дней плыветъ
вистымъ волнамъ рѣкъ, еще семь дней проѣзжаетъ населен-
бѣстами;» и такимъ образомъ пріѣзжаетъ къ высокой
и, въ которой обиталъ Гуннскій царь.
ночь ихъ брака была ознаменована мрачными пред-
и вѣщаніи снами: Норны (скандинавскія парки) навѣвали
овѣщія чары на Аттилу. Тревожимый кровавыми образами,
ужасъ пробуждается, и говоритъ молодой супругъ:
ше мучиться безсонницей, чѣмъ видѣть подобныя сны;
болѣзненно страдать, ворочаясь на постель, чѣмъ поль-
подобнымъ отдохновеніемъ!» Она тоже почувствовала
все свое несчастіе. Пары питья забвенія разсѣялись мало
, и предъ нею снова предсталъ образъ Сигурда; но она
говала уже прежней ненависти къ своимъ братьямъ: она
а ихъ.
и Эдды представляютъ намъ молодую царицу, уныло
о въ своемъ дворцѣ, гдѣ воспоминаніе о первомъ мужѣ
уетъ ее даже въ то время, когда она находится въ
хъ другаго. Она встрѣтила здѣсь Теодорика, оплакивав-
отерю своего царства; взаимное горе сближаетъ ихъ.
той стороны, Геркія, царица Крека Прискова, которая
вляется здѣсь не болѣе; какъ наложницею, изъ

ревности подсматриваетъ за Гудруной и возбуждаетъ на ея счетъ подозрѣнія въ сердцѣ своего государя. Аттила между тѣмъ не перестаетъ требовать Сигурдова сокровища, которое безчестно удерживаютъ у себя Гунтеръ и Гагенъ, тогда какъ это сокровище—собственность ихъ сестры; но ни просьбы, ни угрозы, ничто на нихъ не дѣйствуетъ. Эта часть басни очень темна, и неизвѣстно, какимъ образомъ Гуннскому царю удастся захватить въ свои руки царицу Кримгильду, которую онъ заключаетъ въ пещеру и заставляетъ здѣсь умереть съ голода. Вѣроятно, много эпизодическихъ пѣсень, изображавшихъ различныя подробности этого несчастнаго брака, входило въ составъ главныхъ пѣсень. Большая часть ихъ утрачена, но и одной изъ тѣхъ, которыя сохранились до насъ, достаточно будетъ, чтобъ понять ихъ общій характеръ.

«Гудруна. Отчего это, о Аттила, являешься ты такимъ мрачнымъ и тревожнымъ? Улыбка не проскользнетъ по твоимъ устамъ: твои воины спрашиваютъ, отчего ты не говоришь съ ними, а я спрашиваю себя, отчего ты меня убѣгаешь?»

«Аттила. Геркія все открыла мнѣ, о дочь Хибика! она мнѣ сказала, что застала тебя съ Теодорикомъ спящею подъ однимъ покрываломъ, рядомъ съ нимъ.

«Гудруна. Я готова поклясться бѣлымъ камнемъ, который находится на днѣ кипящаго котла, что не было между Теодорикомъ и мною ничего такого, чѣмъ бы могъ оскорбиться самый суровый стражъ или мужъ.

«Однажды только я, дѣйствительно, поцѣловала благороднаго царя, вождя народовъ, но наши мысли далеки были отъ любви. Оба, снѣдаемые горестью, мы повѣряли другъ другу свои несчастія.

«Кто вступится за меня въ этомъ дѣлѣ? Кто будетъ сопровождать меня на испытаніе огнемъ? Одинъ Теодорикъ. Изъ тридцати воиновъ, послѣдовавшихъ за нимъ въ изгнаніе, не осталось ни одного! Созови ко мнѣ моихъ братьевъ съ ихъ оружіями, созови весь мой родъ.

«Прикажи явиться сюда Саксо, принцу южныхъ людей,—тому, который знаетъ, какіе употребляются обряды при испытаніи

ящей въ котлѣ.»—И семь-сотъ человѣкъ явились во дводѣ тѣмъ супруга царя погрузила руку въ котель.

минуту она горестно воскликнула: — «Нѣтъ здѣсь не могу я призвать и Гагена; милые мои братья, вась! Я увѣрена, что мечъ Гагена умѣлъ бы отмстить токую обиду, но я одна, и некому, кромѣ меня авдать меня отъ клеветы.

же минуту, погрузивши бѣлую кисть руки на дно взыла и вынула оттуда раскаленные камни. — Вы видите ии, видите, что я невинна; моя рука не обожжена, итъ бѣлымъ ключемъ.

радуется въ душѣ, увидѣвъ, что рука Гудруны евредимую. — А пусть приведуть теперь ко мнѣ ворить онъ: я хочу, чтобы и она также подверглась огнемъ, —она, придумавшая такую зорчюю мечь.

е видалъ самой жалкой вещи въ жизнь свою, кто какъ обожжены были руки Геркіи. Молодую дѣвушку осили въ вонючее болото, и такимъ образомъ Гудруна довлетвореніе за сдѣланную ей обиду.»

е многіе годы, и Аттила имѣеть счастье видѣть, какъ его глазахъ два сына его, Эрпъ и Эйтиль, родив- Гудруны, къ которымъ онъ питаетъ всю родитель- сть; съ другой стороны, въ немъ пробудилась опять золоту: какой бы то ни было цѣной, онъ хочетъ слѣдство Сигурда, похищенное Нибелунгами. Пре- ной передъ другими скандинавскими поэмами полнотою оэма *Atla-Mal*, которая приводитъ насъ на совѣтъ, гдѣ рь съ своими главными вождями разсуждаетъ о томъ, дствами пріобрѣсть это сокровище, его законное ѣшено, что Аттила пригласить Гунтера и Гагена въ свой ть предлогомъ блестящаго праздника, который онъ аеть; потомъ, когда западные люди будутъ въ его ко заставить ихъ или отдать золото, или объявить, мѣстѣ они скрыли его. Гудруна, успѣвши подслушать рѣшившихся помѣшать такимъ замысламъ, передаетъ Аттилы письмо къ Гунтеру и золотое кольцо къ

Гагену. Въ письмѣ, написанномъ рунами, она предупреждаетъ своихъ братьевъ, чтобъ они не ѣхали къ Аттилѣ; но посланникъ Аттилы, знающій руны, измѣняетъ ихъ характеръ и передаетъ письмо въ такомъ видѣ, что его нельзя прочесть. Кольцо обвито было волчьей шерстью; но посланникъ Аттилы того не замѣтилъ, или не угадалъ, что это значило. По прїездѣ во дворецъ Нибелунговъ, когда онъ отдалъ письмо и кольцо, Гловвара, жена Гунтера, смотритъ на посланіе съ недоувѣрчивостію.

«Почему это, говорить она,—Гудруна, сестра моя, столько опытная въ искусствѣ руны, начертила знаки, которыхъ я не могу понять?» Въ то же время Костбера, жена Гагена, сказала при взглядѣ на кольцо: «Вотъ волчья шерсть, она говоритъ: берегись козней.» Но ихъ слова были напрасны: богатыя вооруженія, подарки Аттилы, повѣшенные на столбѣ среди залы, при мерцающемъ свѣтѣ огня, ослѣпили глаза Нибелунговъ, и картина предстоявшаго имъ далекаго путешествія, картина праздниковъ и битвъ совершенно поглотила всѣ ихъ мысли.

Ночь, слѣдовавшая за этимъ посланіемъ и предшествовавшая отъѣзду князей, была исполнена мрачныхъ предвѣщаній. Костбера, спавшая съ Гагеномъ, вдругъ пробуждается, вся поблѣднѣвши отъ ужаса.

«—Гагенъ! говорить ему она,—мнѣ привидѣлось, будто медвѣдь входилъ въ этотъ покой, лѣзъ на нашу постель и сильно потрясалъ ее когтями; потомъ онъ схватилъ насъ лапами, и мы не могли защищаться, потому что какъ будто оцѣпенѣли отъ ужаса.—Оставь въ покоѣ свои сновидѣнія, отвѣчаетъ Гагенъ: бѣлый медвѣдь, видѣнный во снѣ, означаетъ бурю, которая должна разразиться передъ восходомъ солнца.—Еще я видѣла во снѣ, будто надъ нами кружился орелъ въ большой залѣ, и будто отъ взмаховъ его крыльевъ капалъ на наши головы кровавый дождь. Я устремила взоръ на эту птицу: она имѣла образъ Аттилы.—Ну такъ мы будемъ готовиться къ охотѣ за буйволомъ, потому что видѣть во снѣ орла значить, что мы встрѣтимъ буйвола. Грезь, что хочешь, милая жена; Гунтскому царю до твоихъ грезъ очень мало дѣла.—Тѣмъ ихъ разговоръ и кончился, говорить поэтъ, потому что всякій разговоръ чѣмъ-нибудь кончается.»

ая же сцена происходила на ложѣ Гунтера, гдѣ Гломвара, какими же зловѣщими видѣніями, старалась воспрепятствовать отъѣзду:—Гунтеръ, говорила ему она, я видѣла женщину, къ которой привели тебя и повѣсили; уже черви на твоёмъ тѣлѣ, а между тѣмъ я видѣла, что ты еще ешь ля, что это предвѣщаетъ?

Она также что изъ твоей одежды вынимали окровавленную (какой грёзы не расскажешь человѣку, котораго потомъ видѣла коня, которымъ разсѣкали тебя на кругомъ твоего гроба выли волки.—Волки и собаки, во снѣ, отвѣчалъ Гунтеръ, предвѣщаютъ жестокую

смерть, продолжаетъ Гломвара, что вышедшая изъ береговъ вышла на этотъ дворецъ, бурно стремилась она сюда, и разлива приводилъ насъ въ трепеть; она влилась въ меня скамьи, и, схвативши тебя съ Гагеномъ, какъ камень разбила обоихъ о стѣну; конечно, это не предвѣщаетъ радостнаго.

Она еще, что дочери смерти, жестокия Норны, пришли эту ночь въ лучшихъ своихъ нарядахъ, и искали себя и были такъ безобразны! Онѣ выбрали тебя, Гунтеръ, съ собою на ширь мертвецовъ.—Поздно ужъ оставаясь этими разговорами! воскликнулъ наконецъ Гунтеръ; но—рѣшено, мы поѣдемъ не смотря ни на какія опасности!

Предсказанія были однакожь слишкомъ вѣрны, какъ доказали события. Когда рейнскіе люди прибыли съ сопровождавшими ихъ войсками къ жилищу Аттилы, они увидѣли, что городъ въ плень какъ будто для осады, и, когда Гагенъ толкнулся къ воротамъ, за ними послышался звукъ замковъ. «Сюда легко войти, насмѣшливо сказалъ имъ приведшій ихъ вѣстникъ: я вамъ совѣтовалъ бы возвратиться домой, а то пожалуй не меня здѣсь, пока я пойду и приготовлю для васъ ядъ». Нибелунги, вмѣсто всякаго отвѣта, ударами съкиръ ударили его по голове. Ворота отворились, и явился Аттила: «добро пожаловать», сказалъ онъ имъ, но только подѣ условіемъ отдать

мнѣ сокровище, принадлежавшее Сигурду и слѣдовавшее въ приданое за Гудруною. — Ты никогда его не получишь, отвѣчаетъ Гунтеръ; и если намъ суждено умереть, то ты видишь, — это одинъ изъ твоихъ, — мы падемъ не первые». И они указали на трущъ его посла. Тогда началась битва: Гунны схватили свои луки, Нибелунги щиты; стрѣлы и дротики скрещались и свистѣли въ воздухѣ. Вдругъ между сражающимися брасается женщина. Это царица Гудруна, вызванная шумомъ изъ своего дворца; ея волосы въ беспорядкѣ; она сорвала съ себя ожерелье, украшавшее ея шею, и, смятая ею, серебряныя кольца разсыпались по землѣ. Она обняла съ нѣжностью своихъ братьевъ, и старалась примирить ихъ съ мужемъ, но безуспѣшно. Цѣлые полдня битва продолжалась безъ отдыха; кровь струилась по землѣ ручьями; наконецъ, подавленные многочисленностію, Гунтеръ и Гагенъ стали плѣнниками и заключены оба въ темницы. Аттила ходитъ отъ одного къ другому, угрожая имъ смертію, если не объявятъ, гдѣ они скрыли сокровище; но ни тотъ ни другой не хотѣлъ сказать этого.

«Мы съ Гагеномъ поклялись другъ другу, говорилъ Гунтеръ, никогда не открывать нашей тайны; я не могу сказать тебѣ, пока будетъ живъ Гагенъ». Тогда принесли ему на блюдѣ дымящееся кровью сердце: «О! это сердце не Гагена безстрашнаго, сказала — Гунтеръ, это сердце труса Галлы; оно дрожитъ на этомъ блюдѣ, но дрожало еще вдвое сильнѣе въ груди своего обладателя.» Тогда убили Гагена и вынули у него сердце. «Это я узнаю, вскричалъ Гунтеръ при видѣ его; оно не дрожитъ, это именно сердце Гагена! И теперь, Аттила, теперь, когда я остался одинъ, слушай: ищи сокровища въ глубинѣ Рейна, — оно все тамъ: золотыя кольца и гривны ярче блестятъ въ волнахъ рѣки, чѣмъ блестѣли бы онѣ на рукахъ Гунновъ.» Аттила, вышедъ изъ себя отъ гнѣва, приказалъ бросить Нибелунга въ ровъ, наполненный змѣями. У Гунтера была съ собою ея лира, онъ ударяетъ ногою по струнамъ, и всѣ мужчины глубоко потрясены, всѣ женщины плачутъ, змѣи умиряются и аспиды, какъ будто, приходятъ въ оцѣпенѣніе; но мать Аттилы, обратившись въ ехидну, брасается на него и угрызаетъ его въ печень. Гунтеръ

ускаеть духъ, и идетъ пить пиво вмѣстѣ съ Азами
Одина.

наступаетъ очередь Гудруны; всякому свое мщеніе, и
ой день торжества. Она сожалѣетъ особенно о Гагенѣ,
ышомъ братѣ, своемъ любимомъ братѣ. «Мы воспиты-
тѣ, говоритъ она, оба подѣ одной кровлей; у насъ
игры, мы росли другъ подѣ друга, какъ два мо-
вца въ саду отца моего; моя мать Кримгильда всегда
насъ одинаковыми ожерельями. О! я никогда не прощу
а, убійства моихъ братьевъ! И что бы ты ни сдѣлалъ
меня, ничто отъ тебя не будетъ мнѣ пріятно.» За тѣмъ
яется, будто покорилась своему несчастному жребію.
ь сдѣлать слабая женщина противъ силы мужини?
рева сохнетъ, когда обсыкаютъ ея вѣтви, и былинка
къ землѣ, если подрѣжешь его корешокъ. И такъ
покойно, Аттила, и дѣлай все, что тебѣ угодно.»
итъ, что она успокоилась: но «онъ ошибался; этотъ
ь, говоритъ древняя скандинавская поэма;—притворяясь
се и веселю, Гудруна играла въ двойную игру.» Дѣй-
самые мрачные замыслы блуждаютъ у ней въ головѣ.
она требуетъ отъ Аттилы послѣдней уступки для облег-
ора: чтобъ она могла устроить тризну въ память
гьевъ, и чтобъ Аттила присутствовалъ тутъ же съ нею,
тогда она будетъ вполне удовлетворена. Ея стараніемъ
я роскошный пиръ... и Аттила вѣсть сердца двухъ
вей, приправленная медомъ.

нѣ этой ужасной сцены, которую гренландскіе скалды,
la-Mal и *Atla-Quida*, оба рисуютъ съ особенной
въ которой соединяютъ чуть ли не всѣ дикіе образы и
робности, которыми обладаетъ скандинавская поэзія,—
тъ извѣстно очень богата ими,—въ этой картинѣ, по-
ко блестятъ истинныя и трогательныя черты. Такъ въ
удруна нѣжными словами призываетъ къ себѣ своихъ
мъ, когда они подходятъ къ ней, привязываетъ ихъ къ
львенки, говоритъ поэтъ, поражены были удивленіемъ,
кали; уцѣпившись за шею матери, они спрашивали,

что она хочет дѣлать съ ними. — Я хочу обонхъ васъ убить; эту мысль давно уже я питаю. — Мать! убей своихъ дѣтей, если хочешь, ты имѣешь это право, и никто тебѣ не помѣшаетъ въ томъ; но подумай, что это великое преступленіе, и ты должна будешь въ немъ раскаяться. Твои дѣти весело бы выросли, и мой братъ сталъ бы воиномъ.» Въ *Atla-Quida* она обращается къ Аттилѣ съ слѣдующими словами: «ты не призовешь болѣе на свои колѣна, во время обѣда, своего милаго Эрпа и Эйтилла, которые были такъ веселы оба и такъ любили веселости пиршества. Ты не увидишь болѣе, какъ они, бывало, сидѣли противъ тебя на этомъ сѣдалищѣ, какъ раздавали подарки твоимъ слугамъ, или тамъ, среди воиновъ, играли рукоятками копій, гладили гривы коней, и своими криками возбуждали рыаность скакуновъ.»

«При этихъ словахъ, продолжаетъ поэтъ, по всѣмъ скамьямъ пробѣгаетъ смѣшанный шумъ: это былъ бурный вопль присутствовавшихъ, отъ котораго потрясались занавѣсы залы. Изъ глазъ всѣхъ лились слезы о смерти сыновъ *Гунна*; но глаза *Гудруны* были сухи. Эта женщина никогда не знала слезъ, она не плакала ни о своихъ братьяхъ съ медвѣжьими сердцами, ни о своихъ нездобивыхъ дѣтахъ, бывшихъ плодомъ ея утробы.»

Теперь поспѣшимъ къ развязкѣ. Изъ сохранившихся до насъ поэмъ нельзя хорошенько понять, какимъ образомъ Аттила, послѣ такого несомнѣннаго доказательства ненависти къ нему *Гудруны*, могъ еще оставить ее при себѣ, и не только оставить, но даже любить и искать ея любви. Скальды, правда, позаботились представить ее необычайной красавицей: «у ней была, говоритъ авторъ *Atla-Quida*, бѣлизна лебеда, и, когда ходила она кругомъ столовъ пиршества, поднося вино, ее можно было принять за богиню.» Наконецъ, въ эдическомъ преданіи, сказано, что Аттила былъ слѣпъ въ своей любви, такъ что *Гудруна* могла увѣнчать свое мщеніе исполнѣн, самымъ жестокомъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, она его ласкаетъ, объявляетъ притворной нѣжностью. «Часто, — говоритъ уже много разъ упомянутый нами поэтъ, часто видали, какъ они цѣловались, точно нѣжные любовники, въ присутствіи своихъ вождей.» Наконецъ, въ одну ночь, когда Аттила, отягченный виномъ, которымъ напоила его *Гудруна*, спалъ глу-

божмъ сномъ въ ея объятіяхъ, она украдкой встаетъ; вводитъ въ покой Аддіана, сына Гагенова, котораго нарочно держала при себѣ, какъ орудіе, необходимое для убійства, и оба вмѣстѣ вонзаютъ мечъ въ сердце Аттилы. Почувствовавъ холодъ оружія, Аттила пробуждается, и, увидя жену и женина племянника, говорить:

«Кто изъ васъ нанесъ мнѣ ударъ? Сознайтесь откровенно. Кто убилъ меня? потому что я чувствую, моя рана смертельна, и жизнь истекаетъ изъ меня вмѣстѣ съ моею кровью.

Гудруна. Дочь Тримгильды не можетъ солгать передъ тобою. Она убила тебя, а Аддіанъ помогъ ей только нанести рану, отъ которой ты не встанешь болѣе.

Аттила. Кто внушилъ тебѣ, о Гудруна, эту ненависть? Нехорошо обманывать друга, который во всемъ тебѣ довѣрялся. Однакожъ я любилъ тебя. Съ надеждою на счастье, домогался я руки твоей, когда ты осталась вдовой, и съ тою же надеждою вводилъ тебя въ свое царство—царствовать вмѣстѣ со мною. Говорили, что ты горда, любишь повелѣвать, и я все это слишкомъ хорошо испыталъ самъ. И такъ ты вступила сюда со всѣми почестями, принадлежащими царицѣ. Знаменитѣйшіе изъ Гунновъ составляли твою свиту. По дорогѣ, по которой ты ѣхала, разставлено было множество воловъ и барановъ; народъ спѣшилъ доставить всѣ припасы, нужные для твоего путешествія.

«Въ брачный даръ я предложилъ тебѣ тридцать вооруженныхъ всадниковъ и двадцать прекрасныхъ дѣвицъ, назначенныхъ тебѣ въ услуженіе; а сколько далъ тебѣ золота и серебра, этого никто не въ состояніи изчислить. И все это какъ будто было ничто, ты все таки казалась недовольною; ты хотѣла моего царства, и для этого-то конечно устроила для меня эту погибель. Изъ всего, что шло отъ меня, ничто тебѣ не было угодно; изъ-за тебя иссохла отъ горести све кровь твоя. Ахъ! со дня этого гибельнаго брака, никто изъ насъ не имѣлъ покоя.

Гудруна.—Ты лжешь, Аттила! Хотя я нисколько не забочусь о томъ, чтобы оправдать мое прошедшее, однакожъ скажу, что этотъ покой возмутилъ ты. Твой домъ былъ—домъ раз-

дора: здѣсь братья дрались съ братьями, друзья съ друзьями, и половина твоего семейства уже принадлежать дочерямъ ада.

« Не такъ было при моемъ первомъ мужѣ: когда онъ умеръ, мной овладѣло горькое уныніе. Конечно, грустно было въ мои лѣта остаться вдовою; но войти живою въ домъ Аттилы—это было для Гудруны ужаснымъ мученіемъ. Ею владѣлъ герой, она еще оплакиваетъ его, и никогда не перестануть литься слезы ея.

« *Аттила*. Перестань, о Гудруна, и выслушай меня. Если у тебя была когда-нибудь въ душѣ хоть капля сожалѣнія, позаботься о моемъ погребеніи, распорядись, чтобы трупъ мой не лишился послѣднихъ почестей.

« *Гудруна*. Я куплю судно съ раскрашеннымъ гробомъ, и оболую воскомъ покровъ, которымъ оберну твое тѣло, и отдамъ тебѣ послѣдній долъ, какъ будто мы любили другъ друга.

« Тѣло Аттилы стало неподвижно. Глубокая скорбь овладѣла его приближенными, и знаменитая женщина исполнила все, что обѣщала.»

Но этимъ еще не кончается трагедія въ *Atla-Quida*. Видя, что Аттила умеръ, Гудруна сходитъ на дворъ, спускаетъ съ цѣпей сторожевыхъ собакъ, и, взявши горящую головню, зажигаетъ дворецъ. Пламя тотчасъ же истребляетъ всѣхъ благородныхъ Гунновъ, большихъ и малыхъ, мужчинъ и женщинъ, находившихся близъ трупа своего царя: это очистительная жертва, которую она приносить душамъ своихъ братьевъ. « Счастливъ, восклицаетъ авторъ *Atla-Mål* съ восторгомъ, достойнымъ его героини,—счастливъ отецъ, воспитавшій такую дочь, потому что онъ будетъ жить въ потомствѣ, и Гудруна будетъ славима въ пѣсняхъ по всей землѣ, всюду, гдѣ люди услышатъ исторію этихъ кровавыхъ раздоровъ!»

Если не ошибаемся, мы теперь вполне приближились къ *Ильдико*; она является здѣсь передъ нами въ образѣ, болѣе точномъ, въ лучше установленной формѣ, чѣмъ въ Датчанкѣ Гильдрѣ, или въ Гильдегондѣ Бургундской. Болѣе всего различаются эти два лица—историческое и созданное преданіемъ,—своей обстановкою.

Связь басни о Сигурдѣ съ преданіемъ объ Аттиль требовала, чтобы молодая дѣвушка, о которой упоминаетъ исторія, замѣнена была вдовою, и чтобы скоропостиная смерть, поразившая Аттилу въ первую ночь его брака, замѣнена была смертью медленною, подготовленною чудовищными подробностями, бывшею роковымъ плодомъ наслѣдія проклятаго сокровища Фафнирова. Надобно сказать также, что довольствоваться простымъ убійствомъ, какъ бы оно ни было жестоко, было не въ характерѣ скандинавскихъ поэтовъ, любившихъ картины болѣе поражающія, въ родѣ, напримеръ, той, что отецъ ѣстъ сердца своихъ дѣтей, зарѣзанныхъ ихъ матерью. Несмотря на эти искаженія, объясненіемъ которыхъ служить смѣсь баснословнаго съ дѣйствительнымъ, нельзя отрицать, на нашъ взглядъ, что въ поэмахъ Эдды сохранилось правильное воспоминаніе объ Аттиль, что оно есть не что иное, какъ современное впечатлѣніе, опоэтизированное, какъ могло опоэтизироваться въ отечествѣ Верзеркеровъ. Какъ бы то ни было, эта поэзія имѣла величіе, которымъ плѣнялось воображеніе, и которое приобрьло ей извѣстность во всей Германской Европѣ. Поэтому она перешла изъ Скандинавіи въ южную Германію, привнесши на берега Рейна и Дуная, вмѣстѣ съ дѣйствительными лицами, заимствованными ею здѣсь, свои собственные вымыслы и свою мифологическую раму; но здѣсь ожидала ее иная судьба, и скандинавское преданіе, усвоенное относительно формы, въ содержаніи получило такіа перемѣны, которыя сдѣлали ее отвратительною. Этотъ родъ революціи совершился въ X вѣкѣ, въ эпоху, съ которой начинается циклъ германскихъ поэмъ о Нибелунгахъ. Какой характеръ имѣла эта революція, и можно ли указать какую нибудь историческую причину такого явленія? Изслѣдованіемъ этихъ вопросовъ мы и закончимъ вторую часть нашихъ очерковъ.

III. ПОСЛѢДНІЙ ВИДЪ ПРЕДАНІЙ. — ПЛАВГРЕНЬ, ЕПИСКОПЪ ПАССАУСКІЙ.

Когда сравниваешь пѣсни Эдды съ цикломъ германскихъ поэмъ о Нибелунгахъ, и особенно съ прекрасной и большой поэмой *Nibelungenlied*, звездой въ этой плеядѣ, — то невольно пора-

жаешься разностями, которыя встрѣчаешь между ними; но изумленіе еще болѣе увеличится, когда углубишься въ характеръ этихъ разностей. Такъ, въ тѣхъ и другихъ одна и та же рама, тѣ же лица, та же основная нить дѣйствія; только, и характеры иные, и намѣреніе поэта другое, и развязка не та. Скандинавское преданіе болѣе осмысливается въ преданіи германскомъ, но за то представляется здѣсь на выворотъ. Катастрофу въ немъ составляетъ не убійство Гуннскаго царя, а смерть его жены, которую аллеманскія поэмы называютъ Кримгильдой, но которая, очевидно, одно лицо съ Гудруной; засаду для рейнскихъ принцевъ, съ цѣлю отнять у нихъ сокровища Фафира, готовитъ не Аттила, но сама Кримгильда, которая искусно увлекаетъ ихъ въ свои сѣти, и потомъ приносить въ жертву своему мщенію. Съ самаго начала, какъ только ознакомишься съ содержаніемъ *Nibelungenlied*, тотчасъ же видишь, что одиноческій вымыслъ Эдды здѣсь вовсе утратилъ свое значеніе. Символическія существа, управляющія въ скандинавской эпопее всѣмъ ходомъ дѣйствія, умалются здѣсь до размѣровъ человѣческихъ личностей, невѣроятныхъ до смѣшного. Валькирія Брунегильда замѣнена обыкновенной женщиной, обладающей только, не извѣстно почему, чудесной силой, а Вольсунгъ Сигурдь, тотъ сынъ свѣта, заброшенный въ тревоженія смертной жизни, и потомъ погибшій жертвою сыновъ ночи, замѣненъ гигантомъ. Мистическая любовь, соединявшая Вольсунга съ двумя женщинами, изъ которыхъ одна происхожденія земнаго, а другая божественнаго, превращена въ аллеманской копіи въ довольно странныя свѣтскія любезности. Аллегорія уступила мѣсто сказкѣ: дыханіе средневѣковаго невѣжества, повѣявшее на эти живые символы, оледенило ихъ холодомъ смерти.

Этотъ контрастъ продолжается и въ той части драмы, которая посвящена дѣйствительнымъ событіямъ. Гудруна забыла злодѣяніе своихъ братьевъ: Кримгильда не пила и никогда не будетъ пить напитка забвенія; если что поддерживаетъ ея жизнь, то это только жажда мести и ненависть, — ненависть непомерная и терпѣливая, потому что она должна быть вѣчною. Если она соглашается быть женою Аттилы, — о которомъ впрочемъ очень мало думаетъ, — такъ это потому только, что марграфъ Рудигеръ Пехларискій, посланникъ Гунн-

скаго царя, сказалъ ей, что этотъ бракъ повергнетъ враговъ къ ея ногамъ, и что самъ онъ возьметъ на себя обязанность защищать ее противъ всѣхъ; послѣ этихъ словъ Кримгильда рѣшается и ѣдетъ. Сокровище, завѣщанное ей Сигфридомъ, почти все находится въ рукахъ ея братьевъ: она хочетъ увезти по крайней мѣрѣ то, что остается у ней; но Гагенъ дерзко противится этому и останавливаетъ уже навьюченныхъ муловъ.» Оставивъ это золото, государыня, говоритъ Рудигеръ; Аттила не хочетъ его и не нуждается въ немъ; онъ самъ тебѣ предложитъ приданое, и осыплетъ тебя дорогими камнями, сколько въ состояніи будешь носить. Но ни безкорыстіе Аттилы, ни нѣжная привязанность его къ Кримгильдѣ, не успокаиваютъ этой жестокой души; она производитъ на свѣтъ сына, котораго призываетъ окрестить (потому что въ Этцельбургѣ есть и церковь, гдѣ, какъ слѣдуетъ, совершается служба), но и это нисколько не помогаетъ: въ ней нѣтъ мѣста никакому другому чувству, кромѣ мщенія. Наконецъ она придумываетъ планъ. Въ одну ночь, когда Аттила покинется въ ея объятіяхъ, она жалуется на долговременное отсутствіе своихъ родныхъ, какъ будто скучаетъ, что давно не видалась съ ними. «У меня знаменитые родственники, говоритъ она, но въ этомъ царствѣ никто не знаетъ ихъ, и когда хожу я по дорогамъ, меня оскорбляютъ, называя чужеземной еиротой!—О возлюбленная моя! восклицаетъ Аттила, пусть всѣ твои родственники пріѣдутъ къ намъ, я съ удовольствіемъ приглашу ихъ, и, когда мы встрѣтимъ благородныхъ гостей, моя радость будетъ такъ же велика, какъ и твоя.» Не трудно догадаться, что Кримгильда, безъ вѣдома мужа, готовила такимъ образомъ гибель своимъ братьямъ. На другой же день двое пословъ отправлены были въ Вормсъ, а въ Этцельбургѣ начались приготовленія къ большому рыцарскому празднику.

Братья Кримгильды, Гунтеръ, Гизельгеръ и Гернотъ, не безъ колебанія принимаютъ приглашеніе, присланное изъ Этцельбурга; но благородство Аттилы ихъ успокаиваетъ, потому что нѣтъ царя болѣе вѣрнаго своему слову и такъ свято соблюдающаго правила гостепримства, какъ Аттила. Однакожь они считаютъ нужнымъ осведомиться отъ посланниковъ, видѣли ли они

царицу, ихъ сестру, и въ какомъ расположеніи духа была она при ихъ отъѣздѣ. «Она спокойна и весела, отвѣчаютъ имъ послы, и посылаетъ вамъ поцѣлуй мира.» Рейнскіе люди отправляются въ путь, однакожь не одни: за ними слѣдуетъ свита, состоящая изъ шестидесяти вождей или героевъ, изъ тысячи отборныхъ воиновъ и десяти тысячъ простыхъ ратниковъ. Во главѣ ихъ находится Гагенъ, который здѣсь является уже не братомъ, но ихъ родственникомъ и неразлучнымъ сподвижникомъ. Во время засады, устроенной Сигфриду Нибелунгами, этотъ именно Гагенъ поразилъ героя, и, убивъ его, овладѣлъ его мечемъ, который и носить всегда съ надмѣнностію на своемъ поясѣ, какъ трофеей одержанной имъ побѣды. Никогда еще не было выковано меча лучше меча Сигфридова; онъ называется Бальмунгъ, и его легко узнать по яшмовому яблоку, зеленому точно луговая трава. Рейнскіе люди во все продолженіе пути были осаждаемы зловѣщими предзнаменованіями, и, когда подъѣхали къ воротамъ Этцельбурга, Теодорикъ, вышедъ къ нимъ на встрѣчу, сказалъ, что царица все еще тоскуетъ и плачетъ о Сигфридѣ: это было вредостереженіе, чтобъ они были насторожь. Вернуться назадъ было поздно, и они вѣзжаютъ въ городъ.

Пріемъ, оказанный имъ Аттилою, былъ столько же радушевъ, сколько великолѣпенъ; но онъ встрѣтилъ съ ихъ стороны только холодность и наглость; совершенно поддавшися мысли о козняхъ, которыя готовитъ имъ Кримгильда, они отказываются снять съ себя оружіе, и мрачная недовѣрчивость ихъ выражается въ дерзостяхъ и угрозахъ, оскорбительныхъ для хозяина. Нибелунги представлены здѣсь вполнѣ достойными братьями Кримгильды, и поэтъ приписываетъ имъ воинственную энергію и дикія страсти, какія только можно вообразить. Ихъ природное буйство за одно съ злобою ихъ сестры содѣйствуетъ тому, чтобы веселый праздникъ превратить въ картину кровопролитія. Вотъ сцена, которою они принуждаютъ Аттилу противъ воли извлечь мечъ. Сидятъ за царскимъ столомъ трое рейнскихъ принцевъ и Гагенъ, какъ вдругъ на улицѣ завязывается изъ-за Кримгильды ссора, а потомъ и драка между бургундскими воинами и Гуннами. Аттила между

тѣтъ съ любовію представляетъ своимъ шуревьямъ маленькаго Ортлиба, своего сына, котораго четверо вассаловъ носятъ кругомъ стола и передаютъ съ рукъ на руки гостямъ. — «Друзья мои! говоритъ Аттила Нибелунгамъ, вы видите мое счастье и мою жизнь, — это мое единственное дитя и дитя вашей сестры. Я хочу довѣрить его вашимъ попеченіямъ, отпустить его съ вами въ Вормсъ, чтобы, руководясь вашимъ примѣромъ, онъ сдѣлался человѣкомъ. — Сдѣлать человѣка изъ такого уroda! грубо вскричалъ Гагенъ, — ну, я не возьму на себя этой обязанности, и надѣюсь, что мы съ нимъ не часто будемъ встрѣчаться въ Вормсѣ.» Въ ту же минуту бургундскій воинъ, войдя въ залу, объявляетъ, что рѣжутъ ихъ друзей. При этихъ словахъ свирѣпый Гагенъ встаетъ, извлекаетъ мечъ, отсѣкаетъ Ортлибу голову, и — она падаетъ на грудь матери.

Тогда между Гуннами и Нибелунгами начинается беспощадная рѣзня; покрытый кровью своего сына, Аттила объявляетъ войну за войну. Бургунды, укрѣпившись въ залѣ дворца, мужественно выдерживаютъ нападеніе Гунновъ, убитые смѣняются убитыми, равные ранеными; всѣ бьются по колѣна въ крови. Къ довершенію смятенія, Кримгильда поджигаетъ залу, чтобы сжечь своихъ братьевъ. Истощенные усталостью и объятые пламенемъ, они мучится жаждой, и одинъ изъ нихъ проситъ пить: «пей кровь», кричитъ Гагенъ. Бургундецъ наклоняется, вскрываетъ грудь равнаго врага, и впивается въ нее губами: всѣ дѣлаютъ то же. Въ этой галлерей дикихъ портретовъ нѣкоторые лица представлены однакожь довольно величественными, какъ на примѣръ бардъ Фолькеръ, для котораго смычокъ, весь покрытый кровью, и мельничій надъ головами Гунновъ, служатъ въ это время мечемъ.

Однакожь, не смотря на многочисленность воиновъ Аттилы и на все ихъ мужество, Бургунды одерживаютъ верхъ. Авторъ Нибелунговъ объясняетъ тому и причину: это отъ того, что Нибелунги — христіане, а Гунны — язычники; чтобы побѣдить христіанъ, надо быть то же христіанами. Честь этой побѣды и предстоитъ Теодорику, котораго немщовства рейнскихъ людей застаиваютъ наконецъ вступить въ ссору, хотя онъ и долго

отказывался отъ этого. Вмѣшательство Теодорика оканчивается битвою; онъ ранитъ въ бокъ напавшаго на него Гагена, схватываетъ его желѣзными руками, связываетъ и приводитъ къ Кримгильдѣ. «Даруй ему жизнь, государыня! говоритъ онъ царицѣ; послѣ, можетъ быть, онъ окажетъ услугу тебѣ». Изъ всѣхъ Нибелунговъ остается одинъ Гунтеръ (Гернотъ и Гизельгеръ были уже убиты); Теодорикъ нападаетъ и на него, повергаетъ его на землю и приводитъ связаннаго къ ногамъ сестры.

Слѣдующая за тѣмъ сцена не что иное, какъ блѣдная копія сцены изъ поэмы *Atla-Quida*, но развязка дѣйствія здѣсь совершенно неожиданная. Гунтеръ и Гагенъ посажены въ разныя темницы, и Кримгильда дѣлаетъ съ ними то же, что дѣлаетъ Аттила въ Эддѣ: ходитъ отъ одного къ другому, допытываясь, гдѣ скрыто Сигфридово сокровище. «Царица! говоритъ ей Гагенъ, ты напрасно тратишь слова; я поклялся никогда не открывать этой тайны, пока останется живъ который-нибудь изъ моихъ благородныхъ вождей.—«Ну что жъ, стало быть наступило время и послѣднему мщенію!» восклицаетъ раздраженная царица, и повѣлываетъ принести къ себѣ голову Гунтера. Схвативши за волосы покрытую кровью голову, она показываетъ ее Гагену; но упрямый Бургундецъ продолжаетъ ее обманывать. «Теперь сокровище известно одному мнѣ, сказалъ онъ, и ты никогда не получишь его, адская фурія!—Однакожъ, прибавляетъ она, есть одна вещь, которую я надѣюсь сохранить при себѣ,—это мечъ Сигфрида; онъ носилъ его, мой возлюбленный, когда ты измѣннически убилъ его и когда я видѣла его въ послѣдній разъ!» И тутъ же хватается она за яблоко Балмунга, и вынимаетъ его изъ ноженъ, прежде чѣмъ Гагенъ успѣваетъ удержать ее; потомъ, поднявши обѣими руками ужасный мечъ, разсѣкаетъ имъ голову врага. Аттила и Теодорикъ, находившіеся при этомъ зрѣлищѣ, остаются неподвижны отъ изумленія и ужаса; Гильдебрандъ, взбѣщепный этимъ поступкомъ, бросается на царицу съ мечемъ и убиваетъ ее. Тѣмъ и кончается поэма.

При этомъ бѣгломъ анализѣ мы старались выставить на видъ матеріальное различіе между событіями и характерами въ томъ и

другомъ преданіи; теперь прибавимъ кой какія объясненія касательно различія нравственнаго: Аттила аллеманской пѣснѣ не только невиненъ во всѣхъ злодѣяніяхъ, изъ которыхъ слагается драма, и которыя братски раздѣляетъ между собою семейство Нибелунговъ, не только онъ является здѣсь образцомъ безкорыстія и благородства, — хозяиномъ, до того свято соблюдающимъ обязанности гостепріимства, что надобно было убить его собственнаго сына, чтобъ заставить его поднять мечъ на гостей, но представляется даже образцомъ мужей; только похоронивъ и надлежащимъ образомъ оплакавъ первую жену, думаетъ онъ вступить во второй бракъ. «Съ глубокимъ уваженіемъ и преданностію, говоритъ Рудигеръ Кримгильдъ, — величайшій изъ царей посылаетъ меня къ тебѣ, просить тебя въ супружество. Онъ приноситъ тебѣ безпредѣльную любовь! никакія огорченія не коснутся тебя, и онъ будетъ имѣть къ тебѣ такуюже глубокую привязанность, какою шилъ нѣкогда къ гоударниѣ. Гельке, своей первой супругѣ, которую всегда носилъ въ своемъ сердцѣ. Подлинно, горькіе дни пережилъ онъ, оплакивая ея добродѣтели.» Этотъ Аттила, во всякъ случаѣ не признатъ, очень мало похожъ на того бѣшеннаго женолюбца, о которомъ говоритъ намъ исторія, у котораго былъ леопонъ женъ, и котораго дѣти составляли цѣлый народъ; онъ не похожъ нисколько и на Атла скандинавскихъ пѣсень, который то же не скромнѣе, и котораго любовь всегда соединялась съ насиліемъ. Не будучи христіаниномъ, Аттила обладаетъ здѣсь христіанскими добродѣтелями, и даже обнаруживаетъ большое влеченіе къ истинной религіи. Онъ строитъ церковь въ Этцельбургѣ, его жена Гельке была христіанка, ближайшіе друзья его христіане, и онъ позволяетъ окрестить своего сына Ортлиба; можно даже надѣяться, что когда-нибудь и самъ онъ согласится принять крещеніе. На эту именно перспективу и указываетъ Рудигеръ Кримгильдъ, чтобъ заставить ее рѣшиться вступить съ Аттилою въ бракъ: «можетъ быть, говоритъ онъ ей, ты будешь имѣть славу и счастье заставить Аттилу принять крещеніе! Это должно служить для тебя новымъ побужденіемъ принять титулъ царицы Гунны!» Въ поэмѣ *Плачъ или Жалоба Нибелунговъ*, которая идетъ въ слѣдъ за большою поэмой, разобранной нами (*Nibelun-*

genlied), но содержит подробности, заимствованные из оригинальных документов, сказано еще более: Аттила объясняет здѣсь, что онъ пять лѣтъ былъ христіаниномъ, но послѣ этого опять обратился въ язычество, а по какой причинѣ, неизвѣстно. Наконецъ Гунскій царь изъясняется все, что служитъ къ смѣщенію нравовъ, и возвышаетъ блескъ мира; онъ строитъ великолѣпный дворецъ, котораго главная зала длинна, широка и высока, чтобъ цвѣтъ воиновъ могъ собираться сюда со всей вселенной и проводить здѣсь время въ удовольствіяхъ. Для того, чтобъ быть вполне рыцаремъ, ему недостаетъ только одного христіанства; но у него есть двое друзей христіанъ, Теодорикъ и Рудигеръ, которымъ нѣтъ равныхъ въ мірѣ, и которые дѣлаютъ для него съ его врагами то, чего язычникъ не могъ бы сдѣлать.

Когда такимъ образомъ смерть Кримгильды составляетъ здѣсь развязку трагедіи, что случилось съ Аттилой? вотъ вопросъ, который мы вправѣ предложить германскимъ поэмамъ; но ни одна изъ нихъ не дастъ намъ отвѣта. *Nibelungenlied* благоразумно молчитъ, не говоря ни слова о томъ, не хочетъ ли она сказать этого, или не знаетъ; поэма *Плачъ Нибелунговъ* откровеннѣе. «Я не могу съ достовѣрностію утверждать», гласитъ она, что случилось послѣ того съ Аттилой; это неизвѣстно ни мнѣ и никому. Одни говорятъ: онъ былъ убитъ; а другіе говорятъ: нѣтъ. Которое изъ этихъ двухъ извѣстій вѣрно, и которое ложно, трудно рѣшить, и по этой причинѣ я остаюсь въ сомнѣніи. Насколько не удивился бы я однакожъ, еслибъ Аттила пропалъ безъ вѣсти, или унесенъ былъ вихремъ, или заживо погребенъ, или провалился въ какую-нибудь пропасть, или исчезъ какъ паръ, или наконецъ унесенъ былъ діаволомъ; этихъ важныхъ вопросовъ никто еще не рѣшилъ.» Такимъ образомъ, германскія поэмы, составляющія циклъ поэмъ о Нибелунгахъ, по видимому, вовсе и не знаютъ о преданіи относительно трагической смерти Аттилы, — преданіи, которое принято съ такимъ жаромъ скандинавскими пѣснями, и подтверждается исторіей. Вотъ еще одна изъ загадокъ, которыхъ такъ много въ указанныхъ нами поэмахъ, — загадокъ, которыя, можетъ быть, однакожъ не неразрѣшима. Если отыщемъ, кто былъ изобрѣтателемъ германской

басни и составителемъ эпопеи о Нибелунгахъ, то, быть можетъ, и разъяснится то, что кажется теперь темнымъ; быть можетъ, мы лучше поймемъ перевероть, вдругъ поставившій вверхъ дномъ преданіе объ Аттилѣ, узнавши обстоятельства, среди которыхъ онъ произошелъ.

Этихъ объясненій поищемъ мы опять-таки въ поэмѣ *Жалоба или Плачь Нибелунговъ*. Мы сказали уже, что эта поэма очень любопытна, и, хотя сложена въ XIV вѣкѣ весьма незавидными стихами, но опирается на текстахъ болѣе древнихъ, которыя сами основывались на оригинальныхъ документахъ. Итакъ, вотъ что говорится тамъ въ родѣ апилога: «Эти еказанія, въ истинѣ которыхъ отнюдь не должно сомнѣваться, — потому что авторъ зналъ всѣ обстоятельства, въ нихъ упоминаемыя, — эти сказанія епископъ Пассавскій Пилегренъ написалъ на латинскомъ языкѣ изъ любви къ своему родственнику. Онъ описалъ, безъ опущенія, все, что произошло, какъ дѣло началось и кончилось, и какъ герои, послѣ достойной ихъ битвы, легли мертвые на мѣстѣ.» Поэма прибавляетъ, что Пилегрену помогалъ въ его трудѣ секретарь его Конрадъ, и что съ тѣхъ поръ приключенія эти, переложенныя на вѣмецкій языкъ, были воспѣваемы такимъ множествомъ поэтовъ, что всѣ, молодые и старые, знаютъ ихъ навзусь. Итакъ первый пунктъ разъясненъ. Пилегренъ, епископъ города Пассеу въ Австріи, лицо отнюдь не вымышленное, жившій во второй половинѣ X вѣка, собралъ, ходившій по Германіи, народныя пѣсни объ Аттилѣ и Нибелунгахъ, соединилъ ихъ въ одно цѣлое, и сообщилъ имъ эпическую форму въ книгѣ, написанной на латинскомъ языкѣ. Въ ту эпоху духовные, въ тишинѣ кабинета, или въ уединеніи монастырской кельи, занимались, — и это было моднымъ тогда занятіемъ, — разработкой особенно любопытныхъ для публики преданій, сообщая имъ единство и литературную цѣльность, недостававшихъ пѣснямъ менестрелей, эпизодическимъ по самой своей природѣ. Такимъ образомъ въ XI вѣкѣ мы встрѣчаемъ одного монаха — писателя Турпинской хроники, который начерталъ планъ популярнаго романа о Роландѣ и Карлѣ Великомъ. Такимъ же образомъ опять, латинскій романъ объ Лансе-

лотъ Lancelot du Lac послужилъ первымъ образцомъ для французскихъ романистовъ, и наконецъ, въ XII вѣкѣ, знаменитыя составленія Жоффуа Монмутскаго доставили планъ поэтическимъ романамъ изъ исторіи Бретани. Родственникъ Пилегрена, изъ любви къ которому епископъ пассаускій совершилъ свой трудъ, былъ не другой кто, какъ этотъ самый марграфъ Рудигеръ Пехларнскій, который такъ великолѣпно представленъ приближеннымъ Аттилы, но который, въ дѣйствительности, умеръ въ 916 году, губернаторомъ Австрійскаго герцогства. Кажется, что этотъ марграфъ представлялъ собою одинъ изъ прекраснѣйшихъ характеровъ той эпохи, когда духъ рыцарства, разорвавъ свой варварскій покровъ, начиналъ проглядывать на свѣтъ, и епископъ пассаускій, среди своихъ воображаемыхъ героевъ, вздумалъ начертить истинный портретъ челоуѣка, которому удивлялся,

Что сдѣлалъ для Рудигера Пилегренъ изъ семейной привязанности, тоже сдѣлали для него самого *Миннезингеры* изъ поэтической признательности: они вывели добраго епископа на канву своихъ собственныхъ вымысловъ, въ роли, сообразной впрочемъ съ его характеромъ и привычками. *Nibelungelied* представляетъ намъ его, въ епископскомъ дворцѣ въ Пассау, оказывающимъ гостепрѣимство святѣ, провожавшей къ Гуннамъ царицу Кримгильду, его племянницу, — такъ какъ Пилегренъ дѣлалъ братомъ царицы Утты, супруги Хибика. Въ поэмѣ *Жалоба*, онъ являлся любознательнымъ ученикомъ, собирателемъ героическихъ приключеній. Барды Аттилы, нѣвшіе отъ Теодорика повелѣніе разносить по всѣмъ мѣстамъ извѣстіе объ этцельбургскихъ происшествіяхъ, не преминули остановиться въ Пассау и рассказать Пилегрену все происшедшее. Воображеніе епископа воспламеняется при ихъ разсказѣ; онъ хочетъ непремѣнно описать эти достопамятныя событія и беретъ съ Свеммеля, одного изъ бардовъ, обѣщаніе помочь ему въ этомъ предпріятіи. «Свеммель, говоритъ онъ барду, — дай руку и клянись, что если возвратишься опять въ эту страну, придешь повидаться со мной. Большое было бы несчастье, еслибъ разсказанное мнѣ тобою предано было забвенію; поэтому я опашу все, мщеніе и битвы, приключенія

и смерть героевъ, равно какъ и то, чему будешь въ послѣдствіи свидѣтелемъ, расскажешь мнѣ также со всею искренностію. Кромѣ того, я хочу знать о каждомъ изъ родственниковъ, о мужчинахъ и женщинахъ, все, что можно будетъ узнать послѣ того; мои послы сейчасъ же отправятся въ землю Гунновъ, чтобы сообщать мнѣ свѣжія извѣстія обо всемъ, что тамъ произойдетъ, потому что это замѣчательнѣйшая въ мірѣ исторія!»

Но этотъ ученый, собиратель древнихъ преданій, любитель народной поэзіи, въ дѣйствительности былъ вовсе не то: это былъ — замѣчательный политикъ и полный мужества распространитель христіанства. Епископъ пассаускій, отъ 971 до 991 года, эпохи его смерти, принималъ значительное участіе во всѣхъ великихъ дѣлахъ Германіи, главнымъ же образомъ въ дѣлѣ по преимуществу, занимавшемъ тогда не только Германію, но всю Европу, весь христіанскій міръ: мы разумѣемъ обращеніе Венгровъ и ихъ введеніе, посредствомъ христіанства, въ образованное общество. Уже цѣлое столѣтіе жилъ этотъ народъ въ Панноніи, куда король Арнульфъ имѣлъ неблагоразуміе призвать ихъ для низложенія Моравовъ, своихъ враговъ, и во все это время Европа не имѣла минуты покоя. Иллирія, Италія, Баварія, Турингія, Саксонія, Франконія, Альзась самая Франція, опустошаемы были преемственно другъ за другомъ, и ужасъ, сопровождавшій новыхъ Гунновъ, могъ сравниться только съ тѣмъ, который внушали въ V вѣкѣ римскому міру Гунны Атиллы. Сравненіе это было на устахъ всѣхъ, и Угры или Венгры дѣйствительно составляли вѣтвь великаго гуннскаго ополченія, остававшуюся долго на границахъ Азіи, и перешедшую въ Европу въ IX вѣкѣ. И сами Венгры признавали это родство, приписывая себѣ славу Гунновъ, какъ родовое наслѣдіе, и поставляя Атиллу во главѣ своихъ королей. Кромѣ того, что страхъ вообразилъ о прежнихъ Гуннахъ, тоже повторялъ и относительно теперешнихъ, такъ что во всей Европѣ смотрѣли на нихъ не только какъ на жестокихъ дикарей, но даже какъ на людоѣдовъ и младенце-ѣдовъ; слово *ogre* (прожора), сохранившееся въ народныхъ сказкахъ Франціи, есть живое преданіе

о томъ ужасѣ, который овладѣвалъ нашими предками, девять вѣковъ назадъ, при одномъ имени Венгерскаго народа.

Послѣ множества напрасныхъ усилій, Германія расплатилась наконецъ съ Венграми, — они пали подъ мечомъ императора Отона Великаго, въ знаменитой аугсбургской битвѣ, происходившей въ 955 году, въ которой войско ихъ было почти все уничтожено. За битвой последовалъ мирный договоръ, въ которомъ побѣдитель предписалъ побѣжденному первымъ условіемъ — обязательство принять къ себѣ миссіонеровъ, позволить построение церквей, и не стѣснять ни въ чемъ отравленія христіанскаго богослуженія на его землѣ. Договоръ этотъ несравненно былъ благотѣльнѣе тѣхъ, какіе заключаемъ мы нынѣ съ варварами новаго свѣта, предписывая имъ принятіе, — какъ первыхъ основъ просвѣщенія, — нашихъ произведеній промышленности и нашихъ пороковъ. Предложенное условіе было принято Венгерскимъ народомъ, который послѣ аугсбургскаго пораженія не имѣлъ никакихъ средствъ сопротивляться, и, по заключеніи договора, Отонъ тотчасъ же приступилъ къ его исполненію. Желая устроить, близъ венгерской границы, центръ дѣйствій, откуда исходило бы все дѣло распространенія христіанства, и откуда миссіонеры могли бы получать пособія и поощренія, онъ избралъ мѣстомъ такой крѣпости городъ Пассау, а епископа Пилегрена ея комендантомъ. Папа даровалъ Пилегрену для этой цѣли полномочную власть; помощниками у него были: Бруно, бывшій въ послѣдствіи миссіонеромъ въ Россіи, и ревностный монахъ Вольгангъ, которому въ награду за его усердіе дано было потомъ регенсбургское епископство. Самъ онъ мужественно боролся со всѣми опасностями, и чаще исполнялъ обязанности воина, чѣмъ пользовался правами вождя. Два предмета этого двойкаго служенія должны были идти впереди всего, — именно, чтобы христіанство распространялось ко благу просвѣщенія, и, въ тоже время, чтобы смягченіе нравовъ, любовь къ миру, желаніе благоденствія, приводили варваровъ къ христіанской религіи.

Скоро представился къ этому благоприятный случай. Гейза, избранный Венграми въ главные вожди въ 972 году, воинъ

грубый, но умный, почувствовалъ тайное влеченіе къ христіанству, возникшее въ слѣдствіе обращенія его супруга, и здѣсь, какъ въ Англіи, какъ въ Галліи Франкской, «жена вѣрная привлекла къ вѣрѣ мужа невѣрнаго.» Сказать по правдѣ, эта государыня Венгровъ была ужасная женщина: она ѣздила верхомъ безъ сѣдла на самыхъ ретивыхъ коняхъ, пила какъ ратникъ, дралась точно такъ же, и убить человѣка считала ни по чемъ; но этотъ родъ женскаго мужества не былъ непріятенъ ея подданнымъ, и, такъ какъ она ко всему этому была высокаго роста и замѣчательной красоты, то ее прозвали *Beleknegini*, что на славянскомъ языкѣ значило *прекрасная княгиня*. Такова была Клотильда новаго Кловиса. Исторія, правда, набросила нѣкоторую тѣнь сомнѣнія на законность ея супружества, указывая намъ на другихъ двухъ женъ Гейзы, жившихъ въ эту же эпоху: на Аделаиду, сестру Мечислава, польскаго короля, и Саролту, дочь Гиулы, герцога трансильванскаго, бывшую матерью св. Стефана; но надобно думать, что многоженство было тогда все еще въ цвѣтущемъ состояніи у этого татарскаго народа, и что преобразование нравовъ такого народа для христіанскихъ проповѣдниковъ было предпріятіемъ не слишкомъ легкимъ. Какъ бы то ни было, *прекрасная княгиня* усердно принялась за дѣло, на которое обрекла себя. Церкви дѣлательно строились въ различныхъ мѣстахъ Венгріи. Въ 973 г., Гейза принялъ крещеніе, и въ 974 г. Пилегренъ съ справедливой гордостью могъ писать папѣ Бенедикту VII, что онъ банею крестъ обратилъ ко Христу пять тысячъ благородныхъ Венгровъ, и того пола, то есть, двумя тысячами болѣе, чѣмъ обратилъ св. Ремигій послѣ Толбѣакской битвы. Епископъ прибавлялъ: «язычники и христіане живутъ теперь въ столь великомъ согласіи и дружествѣ, что какъ будто на моихъ глазахъ исполняются слова пророка Исаи: волкъ и агнецъ вмѣстѣ пастись будутъ на пажити, левъ и волъ будутъ ѣсть одну и ту же солому». Но старый епископъ опереживалъ здѣсь ходъ времени: ни изступленная страсть къ войнѣ, ни языческій фатализмъ не истребились еще изъ сердца венгерскаго народа. Воспользовавшись отсутствіемъ императора, котораго важная дѣла удерживали въ то время въ Італіи, венгерскій народъ хватается за оружіе, снова обращается къ своимъ богамъ, изгоняетъ

христіанскихъ священниковъ, разрушаетъ церкви, и, потому ли, что ихъ король Гейза не хотѣлъ или не могъ остановить его, какъ бурное море, выступаетъ изъ своихъ границъ. Съ 979 по 984 г. въ Австріи и Баваріи только и было, что безпрестанныя опустошенія, пожары и убійства. Варвары особенно возставали противъ религіи. Округъ Пилегрена, ближайшій къ Венгріи, сдѣлался преимущественно цѣлью ихъ нападений: они бросаются сюда съ неистовствомъ, убиваютъ мужчинъ и женщинъ, похищаютъ стада, грабятъ и опустошаютъ храмы. Самъ Пилегренъ съ трудомъ могъ спасти свою жизнь, и, долго спустя послѣ него, на епископской землѣ его былъ только пепелища и развалины. Въ грамотѣ императора Оттона III, данной въ 985 году, мы читаемъ, что округъ Пассаускій, совершенно обезлюдѣвшій, представлялъ видъ пустыни. Между тѣмъ, Пилегренъ не упалъ духомъ, и передъ смертью имѣлъ радость видѣть надъ главою Стефана, сына Гейзы, вѣнецъ святаго, присоединенный къ царской коронѣ.

Служеніе Пилегрена продолжалось двадцать лѣтъ, съ 971 по 991 годъ, и можно думать, что, во время этихъ-то продолжительныхъ трудовъ и опасностей, епископъ, ища отдохновенія въ любимыхъ своихъ занятіяхъ, привелъ свой трудъ къ концу: во крайней мѣрѣ, нѣкоторыя подробности его книги представляютъ самую поразительную аналогію съ событіями, происходившими тогда въ Венгріи. Такъ, эта пропаганда, организованная вокругъ Аттилы, ^{царя} призваніе, приписанное его женѣ, — обратить Аттилу къ истинной вѣрѣ, эта церковь съ надлежащимъ служеніемъ въ Этцельбургѣ, крещеніе юнаго Ортлиба, — что все это, если не буквальная исторія Гейзы и его фамилии? Даже и фактъ, упомянутый въ жалобѣ *Нибелунговъ*, — именно тотъ, что Аттила былъ пять лѣтъ христіаниномъ, по видимому, есть не что иное, какъ намекъ, на происходившія у Венгровъ, частыя отступленія отъ вѣры, о которыхъ повѣствуетъ намъ исторія, во которыхъ нѣсколько не пугали отважныхъ миссіонеровъ. Что касается до тѣхъ чертъ, которыми обрисованъ этотъ великій Аттила, котораго венгерскій народъ считалъ своимъ собственностію и въ славѣ коего видѣлъ свою національную славу, — эти черты, по видимому, нарочно

были придуманы, чтобы представить новымъ Гуннамъ образецъ, который бы расположилъ ихъ къ цивилизации и добрымъ правамъ. Они были дикари, грабители, презирали всякое другое занятіе, кромѣ войны: имъ представляютъ Аттилу учтивымъ, безкорыстнымъ, миролюбивымъ. Они предавались всѣмъ безпорядкамъ многоженства, и самый царь ихъ Гейза имѣлъ въ то самое время трехъ женъ, упоминаемыхъ исторіею: Аттила, котораго изображаютъ имъ, вѣрнѣе единобрачію и совершеннѣйшій изъ супруговъ. Наконецъ Аттила оставляетъ здѣсь войну для наукъ и для праздниковъ, и его дворецъ — прекраснѣйшій изъ всѣхъ дворцовъ въ мірѣ. Чтобы согласить этотъ, такъ странно смягченный, характеръ Аттилы съ драмою, созданною преданіемъ, и воспѣваемою во всей Германіи, — драмою, которую Венгры должны были принять съ жадностію, — для этого, разумѣется; нужно было переиначить дѣйствіе, измѣнить развязку, и свалить всѣ злодѣянія на старыхъ Бургундовъ, которыхъ христіанство было весьма сомнительно, и которыхъ при томъ же не было теперъ нужды обращать.

Прибавимъ еще одну черту, изъ которой, на нашъ взглядъ, очевидно становится нравственное намѣреніе автора *Нибелунговъ*, и та цѣль, которую онъ имѣлъ въ виду. Въ первоначальномъ видѣ германскаго преданія, — и это составляетъ основной пунктъ въ немъ, — Гунны не могутъ побѣдить Бургундовъ, потому что они язычники, а ихъ враги христіане. Чтобы усмирить свирѣпыхъ гостей, имъ нужно было прибѣгнуть къ двумъ друзьямъ-христіанамъ, Теодорику и Рудигеру, и Теодорикъ полагаетъ конецъ борьбѣ. Взавъ во вниманіе, что одинъ изъ этихъ защитниковъ Гунновъ есть марграфъ Пехларнскій, губернаторъ австрійскаго герцогства, можно ли не видѣть здѣсь очевиднаго намека на новые союзы Венгровъ съ германскими принцами и съ императоромъ Отономъ, — союзы, которые должны были облечь ихъ во все могущество, присущее христіанской религіи? Еслибъ нужно было, мы много бы могли представить подобныхъ аналогій, но представляемъ здѣсь только тѣ, которыя особенно бросаются въ глаза. Итакъ намъ кажется вообще, что литературное произведеніе епископа Пилегрена, совершенное подъ вліяніемъ событій, въ кото-

рыхъ авторъ самъ принималъ участіе, имѣю кромѣ то
 полезную цѣль, и что незабвенному преданію, сохра
 пѣсныхъ Эдды, нарочно придана была такая значительная
 Служеніе Пилегрена отражается въ его книгѣ, и еше
 ясна въ ней автора. Какъ бы то ни было, созданіе
 Кримгильды сообщило приключеніямъ Нибелунговъ ед
 тораго не доставало прежнимъ поэмамъ, и энергія, с
 этотъ характеръ былъ начертанъ, вскорѣ пріобрѣла з
 всеобщее одобреніе. Начиная съ X вѣка, западная П
 знала болѣе никакихъ другихъ преданій объ Аттилѣ,
 писанныхъ пассаускимъ епископомъ.

Все, сказанное нами о Пилегренѣ, объ его поэма
 женіи дѣлу христіанства (въ обращеніи Венгровъ), с
 приводитъ насъ къ разсмотрѣнію венгерскихъ преданій

ЦАМИ

рался въ лакейское платье, и сѣлъ на козлы и поѣхалъ къ стольнику Нардину-Нащокину по Аннушку. И усмотрѣла та Аннушкина мамка, что прѣхалъ Скобѣевъ, сказала Аннушкѣ подѣ видомъ другимъ того дому служителямъ, яко бы прислала тетка по нее изъ монастыря. И та Аннушка убралась и сѣла въ карету, и поѣхала на квартиру Фрола Скобѣева. И тотъ кучеръ Ловчикова пробудился и усмотрѣлъ Фроль Скобѣевъ, что тотъ кучеръ Ловчикова не въ такомъ сильномъ пьянствѣ, и напоивъ его весьма жестоко пьяна и положивъ его въ карету, а самъ сѣлъ въ козлы и поѣхалъ къ Ловчикову. А какъ прѣхалъ ко двору, отворилъ ворота и пустилъ возниковъ съ каретою на дворъ. И люди Ловчикова видятъ, что стоятъ возники и съ каретою на дворѣ, а кучеръ лежитъ въ каретѣ жестоко пьянъ, пошли объявили Ловчикову, что кучеръ жестоко пьянъ и спитъ въ каретѣ, а кто ихъ сюда привелъ, не вѣдаютъ. И Ловчиковъ велѣлъ карету и возниковъ убрать и сказалъ: «то хорошо, что всего не уходилъ: на Фроль Скобѣевъ, взять нечего.» И на утро сталъ спрашивать Ловчиковъ того кучера, гдѣ онъ былъ со Фроломъ Скобѣевымъ. И кучеръ сказалъ ему: «только помню, какъ прѣхалъ къ нему на квартиру, а куда онъ, Скобѣевъ, ѣздилъ, и что дѣлалъ, незнаю.» А стольникъ Нардинъ-Нащокинъ прѣхалъ изъ гостей и спросилъ о дочери своей Аннушкѣ. И та мамка сказала, что по приказу вашему отпустила къ сестрѣ вашей въ монастырь, для того что она прислала карету и возниковъ. Стольникъ Нардинъ-Нащокинъ сказалъ: «изрядно»

И стольникъ Нардинъ-Нащокинъ долгое время не бывалъ у сестры своей, и надѣется, что дочь его Аннушка въ монастырь у сестры его. А уже Фроль Скобѣевъ на Аннушкѣ жевится. Потомъ стольникъ Нардинъ-Нащокинъ поѣхалъ въ монастырь къ сестрѣ своей, и сидѣлъ у сестры своей долгое время, и не видалъ дочери своей, и спросилъ у сестры своей: «сестрица, что я не вижу Аннушки?» И сестра ему отвѣтствовала: «полно, братецъ издѣваться. Что мнѣ дѣлать, когда я безчестна моимъ прошеніямъ: къ себѣ просила ее прислать; но

миѣ знатно, что ты миѣ не вѣришь, а миѣ время такого нѣтъ, чтобъ послать по неѣ. И стольникъ Нардинъ-Нащокинъ сказалъ сестрѣ своей: «какъ, государыня сестрица, что ты изволишь говорить о томъ, не могу разсудить, для того, что она отпущена къ тебѣ уже тому мѣсяцъ, за тѣмъ, что ты присылала по неѣ карету и возниковъ, а я въ то время былъ въ гостяхъ съ женою, по приказу нашему отпущена къ тебѣ.» И сестра ему сказала: «никакъ я, братецъ, возниковъ и кареты не посылала никогда, и Аннушка никогда не была.» И стольникъ Нардинъ-Нащокинъ весьма сожалѣлъ о дочери своей, весьма много искалъ, и нигдѣ не нашель, и горько плакалъ, и прїѣхалъ въ домъ свой, и сказалъ женѣ своей, что Аннушка пропала, и сказалъ, что у сестры въ монастырѣ нѣтъ. И сталъ мамку спрашивать, кто прїѣзжалъ съ возниками. И та мамка сказала: «прїѣзжалъ съ возниками и съ каретою кучеръ, и сказалъ, что изъ двичьяго монастыря отъ сестры вашей прїѣхалъ по Аннушку; и по приказу вашему повѣхала Аннушка». И о томъ стольникъ съ женою своею весьма соболъзовали и плакали горько.

И на утро стольникъ Нардинъ-Нащокинъ повѣхалъ къ государю и объявилъ, что у него безвѣстно пропала дочь. И государь велѣлъ учинить публику. Не вѣдаеть Фролъ Скобѣевъ, что дѣлать, и умыслилъ идтить къ полковнику Ловчикову и объявить ему о томъ, для того, что Ловчиковъ весьма къ нему добръ. И пришелъ Фролъ Скобѣевъ къ Ловчикову и имѣлъ съ нимъ многіе разговоры. Стольникъ Ловчиковъ спрашивалъ Фрола Скобѣева: «что, господинъ Скобѣевъ, женился ли?» И Скобѣевъ сказалъ: «женился!» — «Богатую ли взялъ?» И Скобѣевъ сказалъ: «нынѣ еще богатства не вижу, что вдалѣ время окажетъ.» И Ловчиковъ говорилъ Скобѣеву: «ну, господинъ Скобѣевъ, живи уже постоянно; отстань за лбедою ходить; живи въ вотчинѣ своей; лучше, здоровѣе. Потому Фролъ Скобѣевъ сталъ просить того стольника Ловчикова, чтобъ онъ былъ предстатель его въ бѣдѣ. И Ловчиковъ ему объявилъ: «скажи, что ежели спосно, буду предста-

тельствовать; ежели что несносно, и не гнѣвайся.» Фролъ Скобѣевъ ему объявилъ, что стольника Нардина-Нащокина дочь Аннушка у меня, и я на ней женился. И стольникъ Ловчиковъ сказалъ: «какъ ты сдѣлалъ, такъ самъ и отвѣтствуй». И Фролъ Скобѣевъ сказалъ: «ежели ты предствительствовать не будешь обо мнѣ, то и тебѣ будетъ не безъ худа, а мнѣ уже пришло сказать на тебя, для того, что ты возникоевъ и карсту давалъ; ежели бы ты не давалъ, и мнѣ того не учинить бы.» И Ловчиковъ сталъ въ великомъ сумнѣніи, и сказалъ ему: «настоящій ты плуть; что ты нао мною сдѣлалъ? Добро! какъ могу, то буду предствительствовать». И сказалъ ему: «завтрашній день приходи въ Успенскій соборъ, тамъ и стольникъ Нардинъ-Нащокинъ будетъ у обѣдни, а я съ нимъ буду. И послѣ обѣдни будетъ стоять стольниковъ все собраніе на Иванской площади; и въ то время приди предъ нимъ, и объяви ему о дочери его, а я уже, какъ могу, буду предствительствовать». И пришелъ Фролъ Скобѣевъ въ Успенскій соборъ къ обѣднѣ, и стольникъ Нардинъ-Нащокинъ, и Ловчиковъ, и другіе отольники всѣ у обѣдни были. По отшествіи лѣтургін, въ то время имѣлось собраніе на Иванской площади, противъ Ивана Великаго; и всѣ стольники собрались на оную площадь, и Нардинъ-Нащокинъ тутъ же, и имѣли оныя стольники между собою разговоры, что имъ надобно. А стольникъ Нардинъ-Нащокинъ, больше соболъзнуя, разсуждаетъ о дочери своей, и стольникъ Ловчиковъ разсуждаетъ о томъ же съ нимъ, склоняя его къ милости. И въ тѣ ихъ разговоры пришелъ Фролъ Скобѣевъ, и отдалъ всѣмъ стольникамъ по обычаю поклонъ. Всѣ стольники Фрола Скобѣева знаютъ, и кромѣ всѣхъ стольниковъ, далъ предъ ногами Фролъ Скобѣевъ у стольника Нардина и просилъ прощенія: «милостивой государь, стольникъ первой! отпусти виннаго, яко раба своего, который вознигелъ предъ вами дерзновеіе». И стольникъ Нардинъ-Нащокинъ имѣлся лѣтами древенъ и зрѣніемъ отъ древности уже помрачевъ; однакожъ, человека усмотрѣть еще могъ. Имѣли въ то время обычай тѣ старыя люди носить въ рукахъ трости натуральныя съ клошканами. И поднимаетъ тою

клюшкою Фрола Скобьева и спрашиваетъ его: «кто ты таковъ скажи о себѣ, и что твоя нужда къ намъ». И Фроль Скобьевъ только говоритъ: «отпусти мою вину». Стольникъ Ловчиковъ, подошедъ къ стольнику Нардину-Нащокину, сказалъ ему: «лежитъ предъ вами и проситъ отпущенія вины своей дворянинъ Фроль Скобьевъ.» И стольникъ Нардинъ-Нащокинъ закричалъ: «вотъ ты плутъ; знаю тебя давно, плута, ябедника; знать, что наябедничалъ себѣ несносно. Скажи, плутъ, что, буде сносно, стараться стану о тебѣ, а когда несносно, какъ хочешь; я тебѣ, плуту, давно говорилъ: живи постоянно. Встань, скажи, что твоя вина!» И Фроль Скобьевъ сталъ отъ ногъ его, и объявилъ ему, что дочь его Аннушка у него и женился на ней. И какъ стольникъ Нардинъ-Нащокинъ услышалъ отъ него о дочери своей, и залезъ слезами, и сталъ въ безпамятствѣ. И мало опаматствовался, сталъ ему говорить: «что ты, плутъ, сдѣлалъ? Вѣдаешь ли ты о себѣ, кто ты таковъ? нѣсть тебѣ отпущенія отъ меня вины твоей: тебѣ ли, плуту, владѣть дочерью моею? Поиду ко Царю и стану на тебя просить о твоей плутовской ко мнѣ обидѣ.» И вторительно пришелъ къ нему стольникъ, и сталъ его разговаривать, чтобъ онъ вскорѣ къ государю не возымѣлъ идти. «Извольши съѣздить домой и объявить о семъ сожительницѣ своей, и по совѣту общему поступать какъ къ лучшему: того времени не возвратитъ; а онъ, Скобьевъ, отъ гнѣву вашего никуда не можетъ скрыться». И стольникъ Нардинъ-Нащокинъ совѣту стольника Ловчикова послушалъ и не пошелъ ко Царю, и сѣлъ въ карету, и поѣхалъ въ домъ свой. А Фроль Скобьевъ пошелъ на квартиру свою и сказалъ Аннушкѣ: «ну, Аннушка, что будетъ намъ съ тобою — не вѣдаю: я объявилъ о тебѣ отцу твоему». И стольникъ Нардинъ-Нащокинъ прѣхалъ въ домъ свой, и пошелъ въ покой, жестоко плачетъ и кричитъ: «жена! что ты вѣдаешь? я нашелъ Аннушку». — А жена его спрашиваетъ: «гдѣ она, батюшка?» И стольникъ Нардинъ-Нащокинъ сказалъ женѣ своей: «вѣдь, плутъ и ябедникъ Фроль Скобьевъ женился на ней.» Жена его услышала отъ него рѣчи, и не вѣдаетъ, что говорить, собо-

лѣзнула о дочери своей. И стали оба горько плакать, а въ сердцахъ своихъ бранить дочь свою, и проклинають и невѣдаютъ, что чинить надъ нею. И пришли въ память и, сожалея дочери своей, стали разсуждать: «надобно послать чело­вѣка, гдѣ онъ, плутъ, живетъ, и провѣдать о дочери своей, жива ли она.» И призвали чело­вѣка своего и послали сыскать квартиру Фрола Скобѣева, и приказывали провѣдать про Аннушку, что жива ли она, и имѣетъ ли пропитаніе. И побѣхалъ чело­вѣкъ искать квартиру Фрола Скобѣева, и усмотрѣвъ Фролѣ Скобѣевѣ, что отъ тестя его пришелъ чело­вѣкъ, и велѣлъ женѣ своей лечь на постелю и притвориться, яко бы жестоко больна. И Аннушка учинила по волю мужа своего, и присланный чело­вѣкъ вошелъ въ покой, и отдалъ, какъ по обычаю, поклонъ. И Фролѣ Скобѣевѣ спросилъ: «что за чело­вѣкъ? и какую нужду имѣешь во мнѣ?» И чело­вѣкъ тотъ сказалъ, что онъ присланъ отъ стольника Нардина-Нащокина провѣдать про Аннушку, здравствуетъ ли она. И Фролѣ Скобѣевѣ сказалъ тому присланному чело­вѣку: «видишь ты, мой другъ, какое здорovie? Таковъ-то родительскій гнѣвъ: они заочно бранять и клянуть, и отъ того она при смерти лежитъ. Донеси ихъ милости, хотя они заочно словесно благословеніе ей дали.» И чело­вѣкъ тотъ отдалъ имъ поклонъ и пошелъ отъ нихъ. И пришелъ къ господину своему стольнику Нардину-Нащокину, и спросилъ его стольникъ: «что нашелъ ли квартиру, и виделъ ли Аннушку? жива ли она, или нѣтъ?» И чело­вѣкъ тотъ объявилъ, что Аннушка жестоко больна, едва будетъ жива, и требуетъ отъ васъ хотя словесно заочно благословеніе. И стольникъ съ женою жестоко о дочери соболѣзновали, разсуждая, что съ воромъ и плутомъ дѣлать, но болѣе сожалѣли о дочери своей. Стала жена Нардину говорить: «ну, мой другъ, уже такъ Богъ судилъ; надобно, другъ мой, послать къ нимъ образомъ ихъ и, хотя заочно, благословить; а когда сердце наше умило­стивится къ нимъ, то можемъ и сами видѣться съ ними.» И сняли со стѣны образъ, который обложенъ былъ златомъ и драгимъ каменіемъ, и прикладу всего на 500 рублевъ, и послали съ тѣмъ же

человѣкомъ, и приказали сказать, чтобъ она сему об-
лилась, а плуту и вору Фролкъ Скобѣеву скажи, что
его не промотай. И человекъ, принявъ образъ, по-
дворъ Фрола Скобѣева, и усмотрѣвъ Фроль Скобѣ-
еви пришелъ тотъ же человекъ, сказалъ женѣ своей:
«Аннушка!» И жена его, Аннушка, сѣла вмѣстѣ съ Фро-
ль Скобѣевымъ, и человекъ тотъ вошелъ въ покой и отдастъ
Фролу Скобѣеву. И принявъ образъ, поставилъ гдѣ
жить, и сказалъ тому человеку: «таково-то родительское
гословеніе! и какъ заочно намѣрены благословить, и да
Аннушкѣ легче; теперь, слава Богу, здрава.» И
Фроль Скобѣевъ, такожь и Аннушка: «благодарить
и матушку за ихъ родительскую милость.» И человекъ
къ господину своему и объявилъ ему объ отъѣздѣ
и о здравіи Аннушки и о благодареніи ихъ, и по-
казанное свое мѣсто. И стольникъ Нардинъ-На-
цокину сталъ разсуждать съ женою своею, и сожалѣть
своей: «какъ, другъ, быть! Конечно, плутъ заморить А
чѣмъ ему, вору, ее кормить? и самъ, какъ собака, г
надобно, другъ мой, послать какого естъ занасу и
лошадяхъ.» И послали тотъ запасъ, и при томъ запасѣ
И Фроль Скобѣевъ, не смотря по реестру, приказалъ
жить запасъ въ показанное мѣсто, и приказалъ тѣмъ
за оказанныя родительскія милости благодарить. Уж
Скобѣевъ живетъ и ѣздитъ роскошно вездѣ по э
персонамъ; и весьма Скобѣевъ удивлялся, что онъ
такую причину смѣю .

И уже чрезъ долгое время родители обратились
и соболюбивали душою о дочери своей, такожь и о
Скобѣевъ, и приказали послать человека къ нимъ
ихъ, чтобъ Фроль Скобѣевъ и съ женою, а ихъ д
прѣехали къ стольнику Нардину-Нацокину хлѣба
И пришелъ присланный человекъ и сталъ просить Фр
бѣева, чтобъ онъ изволилъ прѣвхать сей день съ женою
кушать. И Фроль Скобѣевъ сказалъ человеку: «донеси б

готовъ быть сей день къ ихъ милости.» И Фролъ Скобьевъ убрался съ женою своею Аннушкою, и поѣхалъ въ домъ тестя своего стольника Нардина-Нащокина. И какъ пріѣхалъ въ домъ его и пошелъ въ покой, и жена его Аннушка пришла ко отцу своему, и пала предъ ноги родителей своихъ. И смотрѣлъ Нардинъ-Нащокинъ на дочь свою, и сталъ ее бранить и наказывать гнѣвомъ своимъ родительскимъ, и смотря на нее, жестоко плакали, что она такъ учинила безъ воли родительской; однакожъ, оставя весь свой гнѣвъ родительской, отпустили ей вину, и приказали състь съ собою, а Фролу Скобьеву сказалъ Нардинъ: «а ты, плутъ, что стоишь? садись тутъ же, тебѣ ли, плуту, мою дочерью владѣть?» И Фролъ Скобьевъ сказалъ: «ну, государь батюшка, уже тому такъ Богъ судить.» И съли все вмѣстѣ кушать. И стольникъ Нардинъ-Нащокинъ приказалъ людямъ своимъ, чтобъ никого въ домъ постороннихъ не пускать; ежели кто пріѣдетъ и станетъ спрашивать, что дома ль стольникъ Нардинъ-Нащокинъ, сказывайте, что время такого нѣтъ, чтобъ видѣть стольника, для того что съ зятемъ своимъ, съ воромъ и плутомъ Фролою, кушаетъ. И по окончаніи стола, Стольникъ Нардинъ-Нащокинъ спрашиваетъ: «ну, плутъ, чѣмъ ты станешь жить?» И Фролъ Скобьевъ объявилъ: чѣмъ мнѣ жить, изволишь ты вѣдать обо мнѣ? болѣе вѣчьмъ, что ходить за ябедою?» — «Имѣется вотчина моя въ Симбирскомъ уѣздѣ, которая по переписи состоитъ въ трехъ стахъ дворехъ, справь, плутъ, за себя, и живи востойно съ женою своею Аннушкою.» И Фролъ Скобьевъ принесъ предъ нимъ благодареніе. «Плутъ, не кланяйся; поди самъ справь за себя». И посидѣвъ немного время, поѣхалъ Фролъ Скобьевъ съ женою своею на квартиру. И стольникъ Нардинъ-Нащокинъ приказалъ его воротить, и сталъ ему говорить: «чѣмъ ты справишь? если у тебя деньги?» — «Извѣстно, государь батюшка, какія у меня деньги». И приказалъ дать ему денегъ 300 рублей. Скобьевъ взялъ деньги и поѣхалъ на квартиру, и современемъ справилъ все вотчину за себя. И возилъ стольникъ Нардинъ-Нащокинъ не многое время, и учинилъ при жизни своей во всемъ своемъ движимомъ и не

движимомъ имѣніи Фрола Скобьева наследникомъ, и сталъ жить Фроль Скобьевъ въ великомъ богатствѣ, а стольникъ Нардинъ-Нащокинъ умре и съ женою своею, а Фроль Скобьевъ остался со своею Аннушкою, и сталъ въ великомъ званіи, а сестру свою съ великимъ награжденіемъ выдалъ за сына котораго стольничаго сына замужь, и тѣмъ сія исторія кончилась.

МАТЕРИАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ДЛЯ БИОГРАФИИ ЛОМОНОСОВА (*).

Авторъ « Опыта о русской литературѣ », брошюры, изданной въ Ливорно и перепечатанной г. Полторацкимъ въ Revue Etrangère, говоритъ въ своихъ замѣткахъ о Ломоносовѣ : « Тѣ, которые хотѣли бы получить болѣе точное понятіе объ этомъ великомъ человѣкѣ, могутъ обратиться къ сочиненію, написанному на французскомъ языкѣ, графомъ Андреемъ Шуваловымъ : оно содержитъ въ себѣ жизнь Ломоносова, похвальную оду ему, два перевода его *Размышлений о Божіемъ величествѣ* и письмо Вольтеру съ отвѣтомъ. Сколько цѣнимъ мы произведенія графа Шувалова, столько и сожалѣемъ, что онъ очень жестко обошелся съ Сумароковымъ, написавши на него горькую и оскорбительную сатиру, которая обнаруживаетъ болѣе личную ненависть, нежели любовь къ истинѣ. Шуваловъ упрекаетъ его въ томъ, что онъ только копировалъ ошпбки Расина. Этого довольно, чтобы вооружить на графа Шувалова знатоковъ, которые судятъ о Расинѣ на основаніи правилъ искусства и отдають должную справедливость достоинствамъ Сумарокова. Одна *Семира*, трагедія Сумарокова, переведенная на иностранныя языки, даетъ знающимъ иностранцамъ возможность судить о его достоинствахъ. Шуваловъ могъ замѣтить, что нѣкоторыя мѣста ея были просто подражанія,

(*) Предлагаемая статья состоитъ изъ документовъ, отысканныхъ нами въ бумагахъ Штелина, и изъ перевода похвального слова Ломоносову, написаннаго Штелиннымъ и переданнаго намъ М. П. Погодянымъ.

но заслуживаетъ ли это тѣхъ колкостей, которыя оны Сумарокову при этомъ случаѣ, особенно если подражательно? (*) Сочиненіе гр. Шувалова, о которомъ упоминается въ «Опыта», очень рѣдко; какія свѣдѣнія передаетъ упомянутый Ломоносовъ, извѣстно не многимъ (**). Но похвальныя слова Шувалова Ломоносову найдена въ бумагахъ Штелина. В

« Qu'entends-je! Quels accès! Quelle affreuse nou
Des filles de l'Enfer la troupe criminelle
D'un chantre harmonieux termine les beaux jours.
On n'entend plus sa lyre,
C'en est fait, il expire, ^{сггг}
On le perd pour toujours.

Des confins du Sarmates aux climats de l'Aurore,
Ou renaît chaque jour l'Astre, que l'un adore,
Des rochers du Caucase (aux limites du Nord,
Tout est plein de sa gloire
Tout chérit sa mémoire
Et tout pleure sa mort.

Dans nos déserts glacés, dans nos antres humides
Privé de tout secours, sans modèle et sans guides
Il osa le premier cultiver les beaux arts,
Et du fond de la Grèce
Fit couler le Permesse
En nos heureux remparts.

(*) Essai sur la littérature Russe etc. стр. 5—6, и статью о Ломоносовѣ въ «Ковскихъ Ведомостяхъ», 1851 года, N 150.

(**) Прозаическій переводъ оды Ломоносова «О Божествѣ Великомъ» печатанъ въ «Утренней Зарѣ», 1800 года. Замѣтимъ кстати, что напечатанъ въ французскомъ «Календарѣ Музы» (1776) Méditation sur la grandeur de Dieu. Это ничто иное, какъ подражаніе переложенію известной оды Ломоносова, который впрочемъ не былъ упомянутъ. Лагарпъ разоблачилъ это заимствованіе въ письмѣ къ Лавомбу. Заря», Труды Воспитанниковъ Унив. Благородн. Пансіона, кн. I.

Toujours réunissant par le don le plus rare :
 Les palmes d'Archimède aux lauriers de Pindare
 La plume de Tacite aux fleurs de Cicéron,
 Sa voix avec courage.
 Dans un pays sauvage
 Enseigne la raison.

Déjà l'on se flattait que le ciel moins terrible,
 Desarmeroit pour nous sa colere inflexible,
 Qu' Apollon, et sa Cour, regneraient sur nos bords,
 Tandis que dans Athènes
 L'ignorance incertaine
 Remplace leurs accords.

La paisible Néva, fière de son prodige,
 Perdait le souvenir d'un destin qui l'afflige,
 Avec plus d'appareil elle roulait ses flôts,
 Et quittant sa demeure
 Jusqu'à la dernière heure,
 Anime son héros.

Mais hélas! un instant détruit notre Espérance :
 Ce flambeau, qui brillait dans notre Empire immense,
 Du moins guidait nos pas au pied de l'Hélicon,
 Il s'éteint! la nuit sombre
 Tout à coup de son ombre
 Obscurcit l'Hélicon.

Tel est donc le Destin de toute âme hardie
 Qui s'ouvre avec éclat les routes du génie,
 Eclaire un peuple entier, et devient son appui,
 Dès que l'homme succombe,
 Il traîne dans la tombe
 Les beaux arts après lui.

Je vois les tendres soeurs et les Graces plaintives,
 En longs habits de deuil abandonner nos rives,
 Apollon s'exiler et les arts éperdus

Gemissant dans nos glaces
 Fixer encore les traces
 D'un pere, qui n'est plus.

Hé! qui pourra jamais égaler son génie?
 En vain de vils rivaux, enflammés par l'envie,
 Outragent ses talens, lui cherchant des défauts ;
 Leur étude avilie
 Les couvre d'infamie,
 Et redouble nos maux.

L'un Copiste (*) insensé des défauts de Racine
 De l'Homère du Nord hait la Muse divine;
 D'autres (**) versent le fiel sur son nom et ses mœurs
 Insectes méprisables,
 De leurs trames coupables
 On connaît les horreurs.

Fuyez monstres ingrats, cœurs abreuvés de haine,
 Les crimes sont vos jeux, l'Enfer est Votre Arène,
 Jamais le Dieu des vers n'inspirera vos chants,
 Des gouffres du Tartare
 Une troupe barbare,
 Applaudit vos accens.

Du sommet de l'Olympe, en contemplant leur rage,
 Protecteur de nos bords, tu ris de cet outrage;
 Qu'importe qu'on insulte a tes dons glorieux !
 Tandis que Polymnie,
 Te verse l'Ambroisie
 A la table des Dieux.» (***)

(*) Mr Soumarokoff auteur de quelques tragedies, où l'on remarque une imitation servile de Racine, et la manie de copier ce grand homme jusques dans les faiblesses, qu'on lui reproche. Ce Mr Soumarokoff a detesté de tout tems le poëte qu'on* celebre, uniquement à cause de ses talens supérieurs.

(**) On me permettra de ne les point nommer.

(***) Правописание соблюдено подлинника.

На послѣдней страницѣ рукою Штелина написано : «Mr. Soumarokoff enragé des affronts, que l'auteur de cette ode lui a fait, s'est vengé par un épigramme composé sur Mr. le comte Schouvaloff, dans lequel il le peint en fou, indigne d'une réponse et son ode d'un galimatias plein de contradictions, d'ignorance, d'excès et de sottises». Изъ примѣчанія Шувалова видно, что онъ не унижалъ Расина, какъ говоритъ русскій путешественникъ ; жесткость же выраженій, направленныхъ противъ Сумарокова, объясняется временемъ сочиненія оды : возгласы слѣпой зависти и ненависти никогда не бываютъ такъ досадны, какъ въ то время, когда смерть налагаетъ печать молчанія на уста того, противъ котораго устремлены неистовыя нападки ослѣпленныхъ.

Отъ похвальной оды Ломоносову мы должны перейти къ сатирѣ на него, которая попалась намъ между бумагами Штелина. Она имѣетъ форму пѣсни; авторъ ея неизвѣстенъ ; переписана рукою Штелина. Начинается она такимъ образомъ :

« Es war einst einer aus Kolmogorod
 Wo alle grosse Rossen herkommen ;
 Der war als Bauer jung ums Brodt
 Im Kloster aufgenommen,
 Und da studirt' er was Latein
 Noch-starker aber im Brantewein
 Tiral, tiral, tiral, tiral
 Das ist ihm wol bekommen. »

Продолженіе въ томъ же духѣ. Не намѣрены оправдывать порока Ломоносова, подобно автору «Чтеній о Русскомъ Языкѣ», или объяснять ее подобно К. А. Полевому. Оставимъ лучше фактъ такъ, какъ онъ есть, оставимъ и злую, хотя не замысловатую сатиру, которая извращаетъ и представляетъ въ ложномъ свѣтѣ всѣ лучшія стороны жизни Ломоносова, и которая любопытна только какъ обнаруженіе ненависти къ нему нѣмецкой партіи. Не станемъ доискиваться, кто скропалъ эту сатиру, и какъ попала она въ бумаги Штелина, челоуѣка преданнаго Ломоносову; лучше просмотримъ неослѣпленными глазами

жизнь Ломоносова, какъ представляетъ ее конспектъ похвальнаго слова ему, набросанный Штелинымъ. Этотъ планъ неоконченнаго труда Штелина, писанный на латинскомъ языкѣ (съ прибавленіями на нѣмецкомъ), расположенъ по правиламъ риторическимъ и имѣетъ отрывочную форму. Мы не рѣшаемся измѣнить ни слова и сохраняемъ ее въ нашемъ переводѣ.

«*Exordium* (прислужь). Со времени основанія академіи вошло въ обычай прочитывать докойнымъ членамъ панегирики. Польза этого обыкновенія въ исторіи литературы для поощренія другихъ»

Причина пренебреженія его въ нашей академіи

Отдаленная (causa remotior) не недостатокъ славныхъ мужей, но невѣжество секретарей.

Ближайшая. Впредь не должно пренебрегать имъ. Возстановлю обыкновеніе и намѣренъ и долженъ провзвести, если не панегирикъ, то просмотрѣть краткую біографію знаменитаго чловѣка, оказавшаго великія заслуги отечеству, наукамъ и искусствамъ, чловѣка, можно сказать, необыкновеннаго,

Родился въ 1711 г. въ Куростровской волости, островѣ Двины, близъ Холмогоръ. Отецъ рыбакъ. Съ дѣтства, сопутствуя отцу въ трудахъ, до 18-го года занимался рыболовствомъ и ознакомился съ берегами Бѣлаго моря и Сѣвернаго океана.

На сѣверъ проникалъ до Колы и далѣе. Доходилъ до 70-го градуса широты. Ребенкомъ дѣлалъ наблюденія, изучалъ природу, собиралъ рѣдкости, зимою жидлся читать у священника того мѣста (*); читалъ только Священное Писаніе; привыкалъ къ слогу. Желалъ читать болѣе, и узналъ, что то писано на латинскомъ языкѣ. Побужденный желаніемъ выучиться [латинскому языку,

(*) Въ примѣчанія вносимъ замѣтки Штелина, приписанныя къ конспекту, какъ видно, впоследствии, въ видѣ поправокъ и пополненій. Читать и писать учится у діакона, арифметикъ самоучкою.

задумалъ бѣжать (*) и прибылъ въ Москву (въ 1728 году, 17 лѣтъ). Принятый въ Спасскій монастырь, съ усердіемъ набирался свѣдѣній (**). Обогащенный познаніями, училъ дѣтей священника. Преданъ изученію латинскихъ и греческихъ авторовъ и рукописей, писанныхъ на русскомъ языкѣ. Въ 1733-мъ году отправился въ Кіевъ, но не нашелъ тамъ лекцій физики и философіи, которыхъ добивался. Возвратился въ Москву и съ жаромъ предавался наукѣ. Въ то же самое время петербургская академія письменно просила у епископа юношей изъ семинаріи для слушанія профессорскихъ лекцій. Посланный въ Петербургъ, въ академію, (1734), посвящаетъ себя изученію металлургіи, физики и математики. Въ 1736-мъ его посылаютъ въ Марбургъ къ Вольфу; изучаетъ немецкую литературу, читаетъ поэтовъ (особенно Гюгнера); подражаетъ соотечественникамъ; первый даетъ стихамъ размѣръ; посылаетъ оду свою къ президенту академіи; свидѣтельство Вольфа о его способностяхъ (***). Отправляется въ Фрейбургъ къ Генкелю, посвящаетъ себя литейному и рудному дѣлу, изслѣдуетъ минералы; занятія химіей (прилагаетъ въ химіи физическія и математическія начала). Возвратившись, женится въ Марбургѣ; продолжаетъ занятія. Отправляется въ Бельгію (****); на возвратномъ пути его хватаютъ прусскіе солдаты, по неволѣ записываютъ въ число рей-

(*) На дорогѣ колеблется, куда отправиться ему, въ Москву или въ Петербургъ.

(**) Въ Спасскомъ монастырѣ при удивительномъ прилежаніи въ одинъ годъ прошелъ три класса.

(***) Отъ Вольфа и некоторыхъ другихъ иностранцевъ о Ломоносовѣ можно найти въ изданіи сочиненій Ломоносова, напечатанномъ въ 1803 году въ С. Петербургѣ, въ трехъ томахъ (этого изданія не надобно смѣшивать съ академическимъ изданіемъ сочиненій Ломоносова, напечат. въ томъ же году) Н. Т.

(****) Когда онъ во второй разъ возвращается изъ Бельгіи, его записываютъ въ солдаты. Черезъ полгода возвращается въ Марбургъ, въ одеждѣ рудокопа. Не лишена значенія и хронологическая таблица, тутъ же приписанная;

Въ Москвѣ пробылъ 6 лѣтъ.

Въ шестой годъ былъ въ Кіевѣ.

23 лѣтъ (въ 1734) прибылъ въ Петерб. академію.

Въ Марбургѣ женился въ 1736 году (25 лѣтъ).

За границую 7 лѣтъ.

Возвратился въ отечество въ 1741 году (30 лѣтъ).

таровъ и силою уводятъ въ Везель. Убѣгаетъ и пробѣгаетъ безъ опасностей въ Бельгію. Въ Гагъ ему помогаетъ Головкинъ. Садится на корабль и отправляется въ Пембрукъ дорогою видитъ во снѣ отца. Освѣдомившись объ немъ въ бургѣ, слышитъ, что онъ погибъ; задумываетъ ѣхать и чтобы искать отца на островахъ; получаетъ извѣстіе, найденъ на островѣ, оплакиваетъ его кончину. Сдѣлавши кромъ академіи, выказываетъ отличныя способности. Въ 1721 его опредѣляютъ профессоромъ химіи; строить лабораторію прилежно занимается опытами. Получивъ въ даръ Каролинскимъ участокъ, учреждаетъ стеклянный заводъ. Обнаруживаетъ свои новыя изобрѣтенія: мозаика, прежде не известная (поводъ данъ былъ Воронцовымъ). По предложенію сената избранъ за великое дѣло. Великія творенія его въ области поэзіи, рѣчи, грамматики, отечественной исторіи, физики, математики, астрономіи. Прославленный сочиненіями своими, онъ избранъ членомъ Шведской и Боловской академій. Его замѣчаетъ императрица Елисавета, удостоиваетъ благосклонности и милостивыми благодѣяніями; его назначаютъ совѣтникомъ; покровительствуетъ первымъ при дворѣ особѣ. Непримиримая вражда съ поэтомъ Сумароковымъ. Побуждаетъ къ открытію новыхъ странъ, сообщаетъ свои наблюденія. Императрица Елисавета благосклонностью и желаніемъ распространить образъ своего государства подобная Елисаветѣ, обращаетъ вниманіе на его опытность и приказываетъ ему изложить свои мысли въ книгу. Его Петриада явилась только первая книга. Общанія императрицы къ нему наполнены любовью къ отечеству и желаніемъ распространить просвѣщеніе. Управляетъ академическою гимназіею въ Свѣтѣ чался на Святой недѣль 1765 года. Смерть встрѣтилъ истиннаго философа; сказалъ: жалѣю только, что покинулъ вершеннымъ то, что задумалъ я для пользы отечества, распространенія наукъ и возстановленія упавшихъ дѣлъ академіи; оно умретъ со мною. Похвалы ему заключу въ одинъ стихъ:

Principibus placuisse viris non ultima laus est (*).

(* Стихъ Горанія.

Всѣ его записки приобрѣлъ графъ Григорій Орловъ.

Графъ Воронцовъ на свой счетъ велѣлъ поставить на могилѣ его памятникъ изъ каррарскаго мрамора, и просилъ Штелина написать эпитафію.

Характеръ Ломоносова :

Физическій. Отличался крѣпостью и почти атлетическою силою; напр. трехъ напавшихъ на него матросовъ одолѣлъ и снялъ съ нихъ платье.

Образъ жизни общій плебеямъ.

Умственный. Исполненъ страсти къ наукамъ; стремленіе къ открытіямъ.

Нравственный. Мужиковать; съ низшими и въ семействѣ суровъ; желалъ возвыситься, равныхъ презиралъ. Религіозные предразсудки его. Сатиры на духовныхъ. Гимнъ бороде. Преслѣдуетъ бѣднаго Тредьяковскаго единственно за его дурной русскій слогъ».

Этимъ оканчивается конспектъ похвального слова Ломоносову, переданный нами съ возможною точностью.

Заклучимъ указаніемъ ненамѣреннаго литературнаго подлога. *Стихи Ея Императорскому Величеству Государынь Императрицы Елисаветы Петровны, на фѣйверкѣ, представленный 1-го генваря 1755 года*, напечатанные подъ именемъ Ломоносова въ полномъ собраніи его сочиненій (изд. Смирдина, I, стр. 273), принадлежать не Ломоносову. Въ изданіяхъ сочиненій Ломоносова, при жизни его напечатанныхъ, этой оды нѣтъ. Въ первый разъ она явилась съ именемъ его, кажется, въ академическомъ изданіи 1783 года; куда перешла изъ первой книжки «Ежемесячныхъ Сочиненій» 1755 года; но тамъ она напечатана безъ имени Ломоносова. Оказывается, что эти стихи были написаны Штелинымъ на нѣмецкомъ языкѣ, а на русскій переведены профессоромъ Поповскимъ. Въ бумагахъ Штелина нашелся и нѣмецкій ихъ подлинникъ и переводъ Поповскаго, слышій за оригинальную оду Ломоносова. Для сравненія съ стихами, напечатанными въ первомъ томѣ сочиненій Ломоносова, предлагаемъ въ нѣмецкомъ подлинникѣ первую строфу оды :

Wo ist ein Volk, ein Land, ein Kayserthum, ein Reich
 O gröszte Kayserin! wohl Deinem Reiche gleich
 Dass sich von West soweit nach Süd und Nord-Ost strecket
 Und die Bewunderung des Rests der Welt erwecket!
 Welch mächtiger Monarch, welch grosses Reich erscheint?
 Das soviel Völker hegt, die, unter Dir vereint,
 Sich an Geschicht' und Sprach und Sitten kaum erkennen,
 Und alle Dich allein, Dich ihre Mutter nennen,

Припомнимъ, что нѣкоторые (*) этой одою думали доказать поэтическое родство Ломоносова съ Пушкинымъ, и покажемъ, что свѣденія наши о знаменитыхъ русскихъ писателяхъ такъ скудны, а потому и сужденія о нихъ такъ шатки. Вотъ новое доказательство, какъ нужна осторожность въ изданіи сочиненій нашихъ писателей. Въ подобную же ошибку впалъ и Новиковъ, который, увидавши подъ напечатаннымъ въ тѣхъ же «Ежемесячныхъ Сочиненіяхъ» «Разговоромъ Александра съ Еростратомъ» буквы А. С., внесъ его въ изданіе сочиненій А. Сумарокова, тогда какъ разговоръ писанъ былъ не имъ, а Суворовымъ.

И. ТИХОНРАВОВЪ.

Августъ, 1852 г.

(*) См. Столѣтіе Русской Слоvesности, г. Мизко.

ЗАПИСКИ СОВРЕМЕННОГО (*)

ДНЕВНИКЪ СТУДЕНТА

съ 1805 до 1807 годъ.

ЧАСТЬ I.

Если намъ такъ приятно встрѣчать давно знакомыхъ людей, то еще пріятнѣе встрѣтиться съ самимъ собою въ прежней мысли, въ прежнемъ чувствѣ, или въ прежнемъ происшествіи.

Дневникъ, 13 мая 1805 г.

2 января, понедельникъ. Не безпокойся, любезный братъ! Я не перестану быть твоимъ неизмѣннымъ Гримомъ. Писать къ тебѣ обратилось мнѣ въ привычку. Благодарю за присылку денегъ; теперь вѣроятно не одна сотня рублей запечатывается въ пакетъ для подарка новому студенту: званіе мое не бездѣлица, и порадуетъ моихъ домашнихъ; ожидаю непременно *экстра-*

(*) «Записки Современника» остались послѣ покойнаго князя Степана Степановича Борятинскаго. Онъ писаны близкимъ его родственникомъ, съ которымъ, не смотря на разность въ лѣтахъ и на обстоятельства, изъ разлучавшія, онъ соединенъ былъ, сверхъ узъ родства, искреннею и безусловною дружбою, до самой своей кончины.

Князь Борятинскій еще при жизни своей успѣлъ пересмотрѣть всѣ эти «Записки», и сдѣлать имъ строгій разборъ: изъ однихъ многое, по

ординарной благостыни. Правду сказать, еслибъ кто шесть мѣсяцевъ тому назадъ вздумалъ предрекать мнѣ, что въ нынѣшній новый годъ я побѣду поздравлять родныхъ и знакомыхъ моихъ въ синемъ мундирѣ съ малиновымъ воротникомъ и при шпагѣ, я бы принялъ это за обидную насмѣшку. Однако же это сбылось. Конечно прилежанія, трудовъ и хлопотъ было не мало, но чтò значило бы все это безъ помощи и содѣйствія добраго моего Петра Ивановича (*)? Онъ объ успѣхахъ моихъ заботился болѣе меня самого; математика мнѣ не очень далась; но на нее не обратили вниманія, и Алексѣй Ѳеодоровичъ (**), дай Богъ ему здоровья, сильно поддержалъ меня.

Вчера ѣздилъ съ поздравленіемъ къ графу Ивану Андреевичу(***), Ивану Петровичу Архарову, къ теткѣ Вишневецкой, къ брату Ива-

разнымъ отношеніямъ и уваженіямъ, исключилъ, другія совсѣмъ уничтожилъ; остальные приведены имъ въ періодическій порядокъ двухъ дневниковъ: а) Студента, съ 1805 по 1807 годъ, и б) Чиновника, съ 1807 по 1819 годъ, къ вторымъ объясненія и замѣчанія сдѣланы самимъ княземъ.

Эти дневники, кромѣ собственныхъ приключеній писавшаго, заключаютъ въ себѣ живую панораму большей части тогдашнихъ современныхъ лицъ и происшествій. Не мое дѣло судить о степени теперешней ихъ занимательности: ибо самое занимательное въ нихъ уничтожено; но мнѣ кажется, что и въ настоящемъ видѣ онѣ не лишены интереса, который по мѣрѣ продолженія «Записокъ» возрастаетъ, точно также, какъ возрастаетъ неопытный, откровенный и словоохотливый студентъ въ наблюдательнаго и дѣятельнаго чиновника, познакомившагося короче съ жизнію и ея превратностями.

Москва.

15 іюня 1849 года.

(*) Магистръ Богдановъ.

(**) Мерзляковъ, адъюнктъ-профессоръ.

(***) Остермакъ, госуд. канцлеръ.

ну Петровичу (*), къ Аксеновымъ и къ Кудряцовымъ; разумѣется, заѣзжалъ и къ Лобковымъ: какъ хорошеетъ Арина Петровна! Нельзя довольно налюбоваться ею; что за глаза! И эту красавицу, къ общей досадѣ нашей, мать зоветъ *Орюшкою!* Звали вечеромъ танцевать; танцами распорядитъ будетъ Югель. Танцы не по моей насти, но какъ не полюбоваться олицетворенною Терпсихорою?

Графъ Иванъ Андреевичъ добивался, сколько мнѣ лѣтъ, и куда я намѣренъ опредѣлиться въ службу. Не хотѣлъ вѣрить, что мнѣ только 16 лѣтъ. Не совѣтовалъ служить въ архивѣ, но ѣхать прямо въ Петербургъ и опредѣлиться въ коллегію, сперва на черную работу. Обѣщалъ дать къ кому-то письмо. Обласкалъ, однако же не посадилъ. Старикъ чѣмъ-нибудь огорченъ, или угрюмъ по природѣ. За то какъ обнималъ меня Иванъ Петровичъ Архаровъ! Созвалъ все семейство смотрѣть на мой мундиръ, и чего, чего не наговорилъ: называлъ милымъ, умницею, роднымъ и проч. Заставлялъ насильно завтракать, приглашалъ обѣдать, хотѣлъ пить шампанское за мое здоровье, словомъ, я не зналъ куда дѣваться отъ его нѣжностей. Говорятъ, что онъ со всѣми таковъ, и чѣмъ малозначительнѣе человѣкъ, тѣмъ больше старается обласкать его. Это мнѣ растолковала тетка, которая, Богъ знаетъ почему, называетъ эту пріятливость *кувирканьемъ*, иначе я могъ бы возмечтать о себѣ и Богъ знаетъ что! Между тѣмъ я сегодня попалъ туда, куда бы и ѣздить не слѣдовало: Кудряцовъ, въ великой заботѣ о моихъ знакомствахъ, возилъ меня къ графу Михаилу Федотовичу Каменскому, Богъ вѣсть зачѣмъ! развѣ только для того, чтобы похвастаться своими связями, и что онъ нѣкогда въ корпусѣ преподавалъ графу нѣмецкой языкъ. Графъ безспорно знаменитый полководецъ и не даромъ фельдмаршалъ, но могъ бы и не уничтожать меня своимъ пріемомъ: *«Въ какой это ты, братецъ, мундиръ нарядился? Въ полку бы тебѣ не мѣшало послужить солдатомъ. Скорѣе бы повитерли»*. И только. Не посадилъ: простоялъ больше часу, покамѣстъ старики вдоволь не наговорились о прежнемъ

(*) Поливановъ, впоследствии сенаторъ.

жить-быть: видишь, въ ихъ время будто бы все было лучше. Не мудрено: въ ихъ время у нихъ зрѣніе было острѣе, слухъ былъ тонѣ и желудокъ исправнѣе.

Таскался по профессорамъ: *я началъ съ Стрѣхова и кончилъ Спѣгиревымъ*. Добрые, благонамѣренные, почтенные люди! Все время жизни своей посвящаютъ другимъ, въ непрерывныхъ трудахъ, а съ нашей стороны признательности не много. Вотъ напр. хоть бы взять Никифора Евтроповича (*). До сихъ поръ, какъ только появится на кафедрѣ, такъ тотчасъ наши палаты и давай повторять третьегодичную его фразу: «*Оное Гарпереево воздухоплаваніе не стдль общеплезно, сколько оное Финновъ Петра Великаго о лаптяхъ ученіе есть*». Разумѣется, конструкція фразы смѣшна, да за то въ ней есть глубокий смыслъ.

Обнимался съ Алексѣемъ Федоровичемъ и Буринскимъ, который написалъ превосходные стихи. Сказывали, что С. Смирновъ переводитъ «*Sabale und Liebe*», которую разыгрывать будутъ на пансіонскомъ театрѣ. Хотятъ мнѣ назначить роль Вурма, потому что я смугль и тощъ, а главное, потому, что ее никто не беретъ. Благодаренъ; будетъ съ меня и Франца Моора, котораго отхлесталъ я къ полному неудовольствію переводчика (**).

3 января, вторникъ. Обѣдалъ у князя, Михаила Александровича Долгорукаго. Я время провелъ чрезвычайно пріятно. Князь по прежнему такой же любитель театра и покровитель русскихъ актеровъ. Я встрѣтилъ у него Плавильщикова, Померанцева, Украсова и Злова. Сила Николаевичъ Сандуновъ пересталъ къ нему ѣздить, и объ немъ не жалуютъ. Бойкій талантъ, ума палата, языкъ—бритва,—не неуживчивъ. За обѣдомъ много разсуждали о театрѣ и театральномъ искусствѣ. Ораторствовалъ Плавильщиковъ. Въ качествѣ дѣйствительнаго студента позволилъ я себѣ нѣкоторыя возраженія, что нашему Росіянсу, кажется, было не по нраву, особенно когда я упомянулъ о педербургскихъ актерахъ Шушеринъ и Яковлевъ. «*Шушеринъ еще и такъ и*

(*) Профессоръ Череспановъ.

(**) Ник. П. К. Сандуновъ.

скакъ, сказалъ онъ, но Яковлевъ неучъ». Я не видалъ ихъ, следовательно защищать не могъ. Плавильщиковъ написалъ новую комедію: «*Братья Своеладовы*», которая представлена будетъ въ его бенефисъ. Зловъ сказывалъ, что въ половинѣ мѣсяца пойдетъ и моя опера «*Любовныя шутки*», которую переводилъ я по заказу Соломони. Эта глупая страсть къ театру отнимаетъ у меня пропасть времени. Съ завтрашняго числа запрошу дня на три дома, чтобы выиграть пропущенное время.

6 января, пятницу. Большой балъ у Высоцкихъ. Кузины наши показывали мнѣ свои наряды: кружева, кружева и кружева. Есть въ четверть аршина шириною. Много денегъ оставлено въ магазинѣ мадамъ Оберъ-Шалме: достаточно было бы на годовое продовольствіе иному семейству. Не даромъ старики эту Оберъ-Шалме переименовали въ Оберъ-Шельму. Мы съ Петромъ Ивановичемъ ѣздили взглянуть на освѣщенные окна дома Высоцкаго. Вся Басмацкая до Мясницкихъ воротъ запружена экипажами: цуги, цуги и цуги. Кулерамъ раздавали по калачу и разносили по стакану пѣнника. Это по-барски. Музыка слышна издали: экосезъ и а-ла-грекъ такъ и заставляютъ подпрыгивать.

8 января, воскресенье. Были на пирушкѣ у Гаврилы Ивановича Мягкова (*). Домикъ на Мясницкомъ валу прехорошенькій, жена красавица въ полномъ смыслѣ слова. Счастливецъ! Домикъ и жена приобретены трудами: тѣмъ болѣе они для него драгоценны. Пили пуншъ и слушали игру хозяина на арфѣ. Прекрасно! Какъ находитъ онъ время заниматься музыкою? Геометрія и музыка, арфа и фортификація какъ-то не гармонируютъ между собой. Всѣ были нѣсколько навеселѣ, и Алексѣй Федоровичъ острилъ беспрестанно. Нѣтъ человѣка любезнѣе его, когда онъ на распахку. Я все смотрѣлъ на хозяйку: какой бы этюдъ для Тончи!—Завтра приглашаетъ насъ И. И. Дмитриевъ на вечеръ. П—ру И—чу нельзя: у него вечерніе уроки у Скульскихъ и графини Гудовичевыхъ. Поѣду одинъ.

(*) Преподаватель фортификаціи.

9 января, понедельник. У И. И. никого из записных охотников читать стихи свои не было. За то самъ хозяинъ заставилъ меня прочитать посланіе его къ Державину въ отвѣтъ на присланнныя стихи безъ подписи нашего Пиндара.

« Бардъ безъимянный, тебя-ль не узнаю?
Орліи издавна зпкомъ мнѣ полеть.
Я не въ отчизнѣ, въ Москвѣ обитаю,
Въ жилищѣ суетъ! »

Вотъ такъ стихи! И. И. владѣетъ языкомъ мастерски. Платонъ Петровичъ Бекетовъ толковалъ все о своей типографіи. Это истинный ревнитель отечественнаго просвѣщенія; при большихъ способностяхъ онъ былъ бы другимъ Новиковымъ, и особенно теперь, когда нѣтъ ни одной отрасли наукъ, которой бы Правительство не поощряло. И. И., которому Бекетовъ близкій родственникъ, говоритъ, что онъ не щадитъ ничего для учебныхъ и литературныхъ предпріятій, и даже разстроилъ свое состояніе. И. И. жалѣетъ, что пособія П — на П — ча падаютъ болышею частію на бездарныхъ писателей, довольно назойливыхъ. Дожидитъ на злыя и благія!

12 января, четвергъ. Наконецъ вотъ письмо изъ дому съ деньгами. 300 р. отъ матушки, 5 золотыхъ имперіаловъ и 10 червонцевъ отъ батюшки и тетки к—ны М—рьи Г—ны очень, очень кстатѣ. Отецъ посылаетъ мерлушекъ на 2 тулуза для обоихъ насъ съ П—мъ И—чемъ, и ему особенно пару лошадей. Эти пегазы также очень къ времени, потому что уроки П. И. умножаются; одной моею пары становилось для обоихъ насъ недостаточно; теперь, когда я перешелъ Рубиконъ, нѣкоторые лишніе выѣзды не могутъ быть для меня предосудительны. Я успѣлъ уже заказать Занотлебену пюсовый фракъ изъ лучшаго сукна и синіе панталоны, съ узорами по бантамъ à la Huzard, за 40 р.—дорого да мило. Между тѣмъ, по случаю радостнаго событія, ѣдемъ завтра къ отцу Іоанну (*) на вечеринку. Тамъ

(*) Отецъ П. И. Богданова, умный и благочестивый старецъ, бывшій діаконъ въ приходѣ Архідіакова Евла и отказавшійся добровольно отъ священства.

будеть и Василій Ивановичъ (*), котораго слово въ институтѣ такъ всѣмъ понравилось. Какъ удачно онъ умѣлъ выбрать текстъ къ этому слову: *«иныя не имамъ радости, да вижду чада моя въ истинныя ходяща»*. Для преподавателя закона Божія нельзя было отыскать текста приличнѣе.

Говорятъ о назначеніи И. И. Дмитриева сенаторомъ. Дай Богъ! Кромѣ таланта, нелицепрiятенъ и не подверженъ ничьему вліянію.

16 января, понедельникъ. Сегодня у А. А. встрѣтилъ Жуковскаго. Чуть ли не будетъ онъ сотрудникомъ Каченовскаго въ изданіи «Вѣстника Европы»; по крайней мѣрѣ А. А. этого желаетъ. Какъ удивился Ж., когда я прочиталъ наизусть новыя стихи его, которые нигдѣ еще не напечатаны и никому не были читаны, кромѣ самыхъ его близкихъ. А. А. очень забавлялся этимъ, и *«вотъ, — сказалъ, — каковы-та у насъ студенты-та, все-та на лету ловятъ; а кабы поменьше-та по театрамъ шатались, такъ бы и въ математикѣ-та не отставали»*. Я сгорѣлъ: не въ бровь, а прямо въ глазъ; да впрочемъ за дѣло, за дѣло: чтò за безчестный студентъ! Однако же не теряю надежды: Андрей Анисимовичъ (**) вдолбитъ что-нибудь въ бѣдную мою голову, во время вакацій. Но какъ отстать отъ театра?

17 января, вторникъ. Поспѣшая сегодня на обѣдъ къ Лобковымъ, во всю прыть моихъ коурокъ, я наѣхалъ на какую-то женщину и совершенно смялъ ее, такъ что она очутилась подъ санями. Вопли и крики! Ъхавшій мнѣ на встрѣчу частный приваивъ соскочилъ съ саней, остановилъ лошадей моихъ и высвободилъ бѣднягу, которая продолжала кричать безъ памяти. Онъ спросилъ меня, кто я таковъ, и объявилъ, что хотя по принятымъ правиламъ долженъ бы былъ отправиться со мною въ полицію, но что онъ не хотѣлъ бы мнѣ сдѣлать эту непрiятность, и потому предлагаетъ дать женщинѣ сколько-нибудь денегъ на

(*) Старшій братъ Петра Ивановича, священникъ и законоучитель института, со времени его учрежденія (скопчался въ запрошломъ году).

(**) Сокольскій, преподаватель Ариѳметики и Геометріи.

лекарство, и тѣмъ предупредить ея формальную жалобу. Я бы радъ былъ дать все, что угодно, но со мною не было денегъ, и когда я объявилъ о томъ приставу, то онъ заплатилъ женщинѣ 5 рублей своихъ, съ тѣмъ чтобы я послѣ возвратилъ ихъ ему, а впредь старался ѣздить осторожнѣе. Этого почтеннаго человека зовутъ Иванъ Петровичъ Гранжанъ, и Петръ Тимоѣевичъ за обѣдомъ сказывалъ мнѣ, что онъ бываетъ съ семействомъ у нихъ, принятъ въ лучшихъ домахъ и уважаемъ начальствомъ. Вотъ какіе люди служатъ въ здѣшней полиціи. Никол. Петр. Аксеновъ также былъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, еще при Эртель, частнымъ приставомъ, а какой человекъ! Что за душа и обращеніе, и какъ вообще уважаемъ всѣми, не смотря на не достаточное состояніе. Правду говорятъ, что не мѣсто красить человека, а человекъ мѣсто.

19 января, четвергъ. Любовныя мои шутки вовсе плохи шутки. Опера не понравилась публикѣ, а еще болѣе мнѣ. Холодно, вяло и скучно. Бѣдная Соломони пѣла хорошо, голосъ у ней огромный, — да какъ-то все не ладилось. Лизета — крестьянка, а она представляла какую-то барыню, хотя и брала уроки у Сандуновой. Я думаю, безъ этой наставницы, которая порядочно жеманится, она сыграла бы. Впрочемъ въ неудачѣ шесмы виноватъ одинъ бенефициантъ: зачѣмъ выбирать такой вздоръ? П. И. говорить, что я лучше бы сдѣлалъ, еслибъ не отказался отъ предложенныхъ мнѣ Соломони 50 р. за переводъ; по крайней мѣрѣ душа бы не болѣла.

Балетъ «*Миценіе за смерть Агамемнона*», во вкусъ *Новерра*, какъ гласитъ афиша, прошелъ такъ и сякъ: какой Эгистъ, какой Орестъ и какая Електра! Въ этой Електрѣ ни искры электричества. Говорятъ, что она выходитъ за мумъ за старика англичанина Банкаса, извѣстнаго торговца лошадьми. Онъ большой пріятель съ Н. П. Акимовымъ, который содѣйствіемъ и пособіемъ его развелъ свой конный заводъ и свой извѣстный огромностью рогатый скотъ, — единственные теперь источники его доходовъ.

Старшая Соломони играла концертъ на скрипкѣ съ полнымъ оркестромъ. Это лучшая часть бенефиса.

20 января, пятница. Ай да Freiherr von Steinsberg! Ай да Malteiser Ritter! Какъ ухитрился онъ поставить такую сложную пьесу, какова 2 часть «Русалки», на маленькой сценѣ Демидовскаго театра, со всѣми переменными декораций, полетами, превращеніями и—Богъ вѣсть съ какими еще затѣями, — при его ограниченнхъ средствахъ? Какъ бы то ни было, «Русалка» прошла весело. Театръ ломился отъ зрителей, не смотря на возвышенныя цѣны. Ложа 12 р., кресла 2 р. 50 к., партеръ 1 р. 50 к., галерея 1 р. — дорогонько! Мамзель Штейнъ играла русалку, Штейнсбергъ—Минневарта, Король—Ларифари, мадамъ Гебгардъ—старуху Sungfer Salome, Литхенсъ — рыцаря Адальберта, Вильгельмъ — ловчаго, мадамъ Штейнсбергъ — Берту, и проч. Мамзель Штейнъ принимали прекрасно, кричали нѣсколько разъ *vohaus*, а Canon между ею, Штейнсбергомъ и Вильгельмомъ: *nach Regen folget Sonnenchein*, заставили повторить 3 раза. Право Штейнсбергъ волшебникъ. Въ продолженіе одного года сформировать труппу, въ которой одни и тѣ же сюжеты играютъ сегодня Шиллеровыхъ «Разбойниковъ», а завтра «Русалку»; сегодня «*Sabale und Liebe*», а завтра «*Die deutsche Kleinstadter*» или «*Zigeuner*»; сегодня «Беньовскаго», а завтра уможительнаго «*Das neue sonntagskind*», и играютъ очень не дурно. Это, право, непостижимо; и между тѣмъ изъ какихъ лицъ составлена эта труппа? Кромѣ Штейнсберга, который, не смотря на свое баронство и мальтійскій крестъ, можетъ назваться превосходнымъ актеромъ во всѣхъ амплуа,—всѣ актеры его труппы большею частію *anfänger* изъ петербургскихъ мастеровыхъ. Даровитая мамзель Штейнъ, играющая Русалку, Амалію, Луизу и проч.—булочница; братъ ея—переплетчикъ; Литхенсъ—каретный обойщикъ; Король—сидѣлецъ изъ виннаго погреба; Петеръ—столярный подмастерье; Канъ—садовникъ; Беренсъ—портной; Вильгельмъ Гасъ—писецъ изъ конторы нотаріуса, послѣ нотный переписчикъ и наконецъ музыкантъ; Эме—деревенскій экономъ; Кистеръ (*)—золотыхъ дѣлъ подмастерье. Подумаешь: какой сбродъ, и чтò изъ него вышло? Всѣ эти актеры—сами декора-

(*) Нынче камергеръ одного нѣмецкаго двора, баронъ и миллионеръ.

торы, сами костюмеры, сами машинисты, сами портные, сами копісты. Штейнбергъ не нанимаетъ ни одного посторонняго для надобностей своего театра. Удивительное свойство угадывать дарованія въ людяхъ, привлекать ихъ къ своей цѣли, и въ то же время заставлять ихъ любить и уважать себя. Сколько ни остороженъ пасторъ Гейдеке въ сужденіи о людяхъ, какъ онъ ни проникателенъ и опытенъ въ сношеніяхъ съ ними, однако же утверждаетъ, что молчаливый и задумчивый Штейнбергъ имѣетъ способность неотразимо дѣйствовать, на кого онъ захочетъ.

22 января, воскресенье. Приходилъ Ф. П. Граве. Онъ непремѣнно хочетъ играть на Нѣмецкомъ театрѣ. Сколько мы ему ни возражали и ни указывали на неприличіе такого поступка, онъ стоитъ на своемъ. На прощаньи объявилъ, что уже выучилъ нѣсколько ролей и скоро дебютировать будетъ въ какой-то роли «Влюбленнаго башмачника». Завтра же отправлюсь къ Штейнбергу и попрошу, чтобы не допускалъ такого скандалу. Одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ У. Б. П., студентъ, получившій золотую медаль, и котораго имя, какъ отличнѣйшаго воспитанника, осталось на золотой доскѣ, будетъ играть роль влюбленнаго башмачника и большею частію передъ вовсе не влюбленными сапожниками. Есть отъ чего съ ума сойти.

23 января, понедѣльникъ. Дѣло Граве могли уладить только вполонину. Сколько его ни усовѣщивали — онъ и въ усъ не дуетъ. Несетъ свое, увѣряетъ, что это вдохновеніе, и онъ чувствуетъ свое призваніе. Не понятно, что случилось съ нимъ: ему давно за двадцать, а сталъ хуже всякаго капризнаго ребенка. Положили покаместъ на томъ, что будетъ по крайней мѣрѣ дебютировать послѣ Пасхи и подъ другимъ именемъ. Онъ выбралъ себѣ латинское прозваніе: *Nemo*. Теперь, если убѣжденія на него не дѣйствуютъ, придется прибѣгнуть къ другому лекартву—свисткамъ. Авось они отучатъ его отъ паясничества. Добро бы имѣлъ настоящій талантъ, или былъ какой красавецъ, сердце бы не болѣло, а то въ родѣ рыцаря печальнаго образа, съ присовокупленіемъ огромной сутулости. Впрочемъ Штейнбергъ говоритъ, qu'il ne faut rien prescipiter и заранѣе огорчать его, а что дѣло обойдется само собою.

За хлопотами о нашемъ Nemo не былъ сегодня во французскомъ спектаклѣ. Давали оперу «Paul et Virginie» и комедію «Fausses consultations». Можетъ быть и къ лучшему: деньги дома, а мадамъ Крмонъ что за Виргинія! Кругленькаго личика и затянutoй талии недостаточно для этой милой роли.

Бѣлавинъ сказывалъ, что Савиновъ, дебютировавшій вчера въ роли Алексѣя въ драмѣ «Бѣглый солдатъ», ниже всякой критики. Это, будто бы, Прусаковъ, помноженный на Кондакова.

26 января, четвергъ. Былъ въ бенефисѣ Сандуновой, въ ложѣ князя Михаила Александровича. Та же вѣчная 1-я часть «Русалки». Княжны восхищались бенефицианткою, а мнѣ какъ-то грустно видѣть эту даровитую пѣвицу въ такихъ роляхъ, которыя вовсе къ ней не пристали. Я не смѣлъ высказать свое мнѣніе, потому что предвидѣлъ обыкновенное возраженіе: «Небось ваша мамзель Штейнъ лучше?»—Но помилуйте: женщина въ лѣтахъ, небольшого роста, очень, очень полная, чтобы не сказать толстая, прыгаетъ, пляшетъ, или вѣрнѣе, хочетъ прыгать и плясать какъ 18-тилѣтняя хорошенькая, безыскусственная веселая нѣмочка, у которой роль Русалки въ ея природѣ, ибо эта роль составлена большею частію изъ вальсовъ, національныхъ нѣмецкихъ пѣсень и танцевъ и проч. Чтó же тутъ хорошаго? Удивительно, какъ люди мало знаютъ свои средства! Сандунова не играетъ въ «Волшебной Флейтѣ», предоставляетъ прекрасную роль Памины Бутенброковой и ломается въ Русалкѣ! Настоящія роли таланта Сандуновой, какъ пѣвицы и актрисы, въ операхъ итальянскихъ: въ «Molipaga», въ «Діаниномъ Дрѣвѣ», въ «Cosa Raga», въ «Венеціанской Ярмаркѣ», въ «Serwa Padrona», и проч. и проч. Пусть играетъ и Наталью въ «Старинныхъ Святкахъ»: тутъ ей можно пощеголять своимъ пѣніемъ въ куплетахъ: *Слава Богу на небѣ*, и проч. Пусть поетъ въ «Водовозѣ», въ «Элизѣ (или Путешествіе по ледянымъ горамъ)», и проч.,—слова нѣтъ: это ея ампула; но Русалка—ахъ, Господи! Полунагая, вертлявая нимфа съ ея фигурою и формами и съ ея итальянскимъ жеманствомъ! Лицо до сихъ поръ сохранило свою пріятность, фізіономія игрелива, но нѣтъ натуры, какъ утверждаетъ и самъ Штейнсбергъ, а онъ непогрѣшительный и безпристрастный судья въ этомъ дѣлѣ. Отчего

Русалки не играетъ *Насова*, хорошенькая, веселенькая актриска и премиленькая пѣвичка съ вѣрнымъ голоскомъ. Я рѣдко въ комъ видалъ столько натуры, при совершенномъ отсутствіи всякаго жеманства. Говорятъ: танцовать не умѣть; да у кого жъ ей бѣднѣе было и учиться!

Штейнбергъ говоритъ, что въ Петербургѣ Русалку безподобно играетъ *Черникова*, воспитанница театральнаго училища, и что такой актрисы въ роли Русалки никогда не бывало, — по крайней мѣрѣ видѣть ему не случилось ни въ Вѣнѣ, ни въ Берлинѣ. Какъ бы хотѣлось взглянуть на этотъ феноменъ. Говорятъ, что и *Воробьевъ*, ученикъ Мартини, или Маркетти, отлично играетъ Тарабара, и хотя спалъ съ голоду, но умѣетъ управлять имъ такъ, что этого почти не замѣтно.

Я слышалъ отъ А. А. Арсеньева, что управляющій театромъ отъ Воспитательнаго дома князь Волконскій посмалъ *Волкова*, играющаго здѣсь Тарабара, нарочно въ Петербургъ поучиться у *Воробьева*, — какъ онъ выражается, — тарабарской грамотѣ, — и *Волковъ* точно усвоилъ будто бы манеру своего образца; можетъ быть; только, кажется, пересолмилъ, и вмѣсто пѣнія — лаеетъ по-собачьи.

28 января, суббота. Сегодня, въ бенефисъ *M-mes Duparay* и *Merienne* давали мелодраму «*Le jugement de Salomon*» и оперку «*La Danse interrompue*». Первая пьеса, не смотря на странное и высокопарное объявленіе о ея высокомъ достоинствѣ, о господствующей въ ней, съ первой до послѣдней сцены, нравственности и проч., есть такое литературное уродство, которому и названья придумать не умѣю, и сверхъ того такъ скучна, такъ скучна, что мочи нѣтъ. Это древняя мистерія, въ родѣ той, какъ *Олоферну* царю *Юдифь* отрубилла голову. Рыжая *M-m Duparay* играла Соломона, *M-m Merienne* настоящую мать ребенка. Охота же Французамъ давать такой вздоръ, а намъ платить за него деньги. За то «*La danse interrompue*» — премиленькая пьеска и прошла весело.

Николай Ивановичъ Кондратьевъ разгадалъ мнѣ, отчего въ афишахъ передъ фамилією нѣкоторыхъ актеровъ и актрисъ ставится буква Г., т. е. господинъ или госпожа, а передъ дру-

гнии нѣтъ. Это оттого, что послѣдніе изъ крѣпостныхъ людей, напр. Уваровъ, Куровъ, Волковъ, Баранчеева, Лисицына и проч., и что когда они зашпабаются, что случается нерѣдко, то имъ дѣлается выговоръ особеннаго рода. Однако же носятя слухи, что русскій театръ присоединится къ театральной дирекціи, отъ которой назначится особый директоръ, и что всѣ эти *негоспода* пріобрѣтутся въ принадлежность дирекціи, съ присвоеніемъ имъ буквы Г. Дай Богъ! Нѣтъ сомнѣній, что казенное управленіе исправить теперешнюю неурядицу и обратить вниманіе на нѣкоторые отличные таланты, не имѣющіе покамѣсть никакой будущности.

Завтра опера «Иванъ Царевичъ»: непременно ѣду; а на дняхъ у Французовъ «*L'amant statue*», опера, въ которой Сандунова играетъ роль Селимены *по-французски*. Вотъ еще новость!

29 января, воскресенье.

Подъ шляпку невидимку
Скрою бѣлую личинку,
Сапожки самоходы
Отслужать мнѣ походы, и пр.

Кажется, вздоръ, а такъ и поется! Очень понимаю, отчего Нѣмцы любятъ піесы, составленныя изъ ихъ національныхъ *märchen* и преданій. Все родное какъ-то шевелитъ сердце, и, не смотря на нелѣпость вымысла, тарабарскій языкъ и варварскіе стихи, нарочно подобранные изъ сочиненій Тредьяковскаго, піеса смотрится и музыка слушается съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ какой-нибудь «Судъ Соломона» и подобныя ему піесы, отъ которыхъ да избавить Аполлонъ всякаго посѣтителя Русскаго театра; дѣло въ томъ, чтобы только не умничать и не искать премудрости тамъ, гдѣ ея быть не должно. Опера «Иванъ Царевичъ»—сказка въ дѣйствіи, и дѣйствіе расположено просто и не сбивчиво: начало и конецъ на своихъ мѣстахъ; напѣвы не хитрые, безъ заморскихъ вычуръ, но какъ-то давно знакомые, затверженные въ дѣтствѣ. Кому не нравятся эти напѣвы, тому придется воскликнуть вмѣстѣ съ Карломъ Мооромъ: *O meine Unschuld, meine Unschuld!* П. И. смѣется, что я ѣзжу въ такія піесы, въ которыхъ нѣтъ пици ни для ума, ни для сердца.

Въ этомъ мы никогда не согласимся съ нимъ: онъ воспитанникъ города, а я выкормокъ деревенскій.

Мочаловъ—Иванъ Царевичъ, хоть куда, игралъ и пѣлъ очень порядочно: разумѣется, **Уваровъ** былъ бы превосходнѣе Мочалова во всѣхъ отношеніяхъ,—но какъ быть! Сравненія въ сторону: онъ убиваютъ наслажденія. *Comparaizon n'est pas raison.*—Сцена лѣпшихъ шла уморительно: **Волковъ** и **Кураевъ** оба на своихъ мѣстахъ.

4 февраля, суббота. Въ эту недѣлю много кой-чего на-смотрѣлся и наслушался. Во Французскомъ театрѣ даны были «*La petite ville*» и «*Le Calif de Bagdad*». Мнѣ кажется, первая пьеса есть не очень удачное подражаніе комедіи Коцебу «*Die Deütsche Kleinstädter*», но вторая—очень миленькая опера, и музыка прекрасная. Мы смѣялись отъ души, когда пѣлъ хоръ: *C'est ici le sejour des graces*, тогда какъ сцена наполнена была преуродливыми французскими харями. Видѣлъ Сандунову въ роли Селимены въ «*L'amant statue*». Французы пригласили ее играть для сбора, точно также, какъ въ прошломъ году приглашали они здѣшняго французскаго каллиграфа *Mr Le Maire*, урода и дурака, читать на сценѣ оду его первому консулу съ посвященіемъ пука перьевъ своего очина. *Le Меръ* принятъ во всѣхъ домахъ, служить общимъ *Plastron*, и потому театръ былъ полонъ: всѣ хохотали, когда при громкомъ завываніи всѣхъ бывшихъ на сценѣ Французовъ «*allons enfants de la patrie*,» стали поднимать *Le Мера* на воздухъ, будто бы въ храмъ славы, въ видѣ генія въ прическѣ à la Louis XIV. Все это могло идти къ *Лелеру*, но Сандуновой не слѣдовало бы входить въ эту французскую аферу. Пощеголять французскимъ языкомъ могла бы она и не на сценѣ, хотя впрочемъ и щеголять не чѣмъ: болтаетъ такъ себѣ, какъ и всѣ наши барыни.

Третьяго дня въ бенефисъ Плавильщикова театръ былъ полонъ. Чтобы судить о комедіи его: «*Братья Своеладовы*», надобно прежде ее прочитать, а то я не очень ее полюбилъ. Мнѣ показалось, что она не такъ-то понравилась, хотя публика послѣ и апплодировала, и особенно горячіе друзья бенефицианта не сидѣли поджавъ руки. — Жаль, что и первый нашъ трагикъ, нашъ

Гаррикъ и Лекенъ, какъ называетъ его князь Михайло Александровичъ, прибѣгаетъ къ паясническимъ средствамъ для привлеченія публики. Заставили плясать какого-то *Карло*, котораго въ афишѣ называютъ *маленькимъ карло*, какъ будто бы карло можетъ быть большой!

Бѣдили съ Хомяковымъ къ М. И. Ковалинскому, бывшему при покойномъ Государѣ нашимъ рязанскимъ губернаторомъ. Я видѣлъ его въ малолѣтствѣ, и теперь радъ былъ познакомиться съ нимъ покороче. Очень умный, пріятный и привѣтливый чело-вѣкъ, хотя въ бытность его губернаторомъ и не то объ немъ говорили; но другія времена, другіе нравы. Онъ, кажется, много мистикъ. Обѣщалъ со временемъ ссудить меня сочиненіями *Сковороды*, который былъ его наставникомъ. Манускриптъ этихъ сочиненій безпрестанно у него на столѣ передъ глазами. Я просилъ дозволенія пробѣжать нѣсколько страницъ въ то время, какъ онъ разговаривалъ съ другими, и попалъ на какую-то статью, подъ названіемъ: *Потопъ Зміинъ*. Ничего не понялъ.— П. И. говоритъ, что это оттого, что въ головѣ M-le Stein да Русалка. На этотъ разъ не угадалъ: то да не то!

8 февраля, среда. Рассказываютъ объ остроумномъ отвѣтѣ главнокомандующаго графу Хвостову, который въ разговорѣ очень негодовалъ, что *Ив. Ив. Дмитриеву* присвоили въ Москвѣ названіе русскаго Лафонтена. Чтобы утѣшить графа, Александръ Андреевичъ сказалъ ему: «ну такъ что жь,—пусть Дмитриевъ будетъ нашимъ Лафонтеномъ, а вы нашимъ Езопомъ.»

Намедни вечеромъ у Прасковьи Михайловны Толстой слушалъ я премілое посланіе къ ней князя Ивана Михайловича Долго-рукаго, читанное самимъ авторомъ. Нѣкоторыя другія стихотворенія его я уже зналъ, и всегда любовался ими, какъ отголоскомъ нѣжнаго и любящаго сердца....

Попалась мнѣ тетрадка съ письма известнаго стихотворца. Вотъ небольшой образецъ слога обоихъ любовниковъ: *Онъ*. «Нѣтъ! не стра-шись! Отдай мнѣ больше справедливости: не только на театрѣ, но въ собраніяхъ цѣлаго свѣта скажу, что ты мнѣ не только

« мила, но никѣ какая женщина въ силахъ будетъ отвлечь мое
 « сердце отъ тебя, и скинуть тѣ легкія и дорогія цѣпи, кои ты
 « одна въ моемъ нынѣшнемъ положеніи могла и умѣла накинуть;
 « тебѣ дано было судьбою все сердце мое присвоить, отнять
 « его даже у тѣхъ, кои отъ начала міра имѣли право по всѣмъ
 « законамъ (!!); такъ не страшись ничьихъ прелестей, никакія
 « красоты Лизаньки моей въ глазахъ моихъ не превзойдутъ.
 « Ахъ, другъ мой, въ естествѣ нѣтъ сильнѣе моей страсти;
 « душа моя, будь здорова!!! Матушка, жизнь моя! какъ
 « вообразу, что я въ твоихъ объятіяхъ, то я внѣ себя, и
 « проч. Она. «Ахъ, на что вы дали поводъ открыть мои чувства!
 « знай, что я тебя люблю, если тебѣ надобно, я всему свѣту
 « оное сказать готова. Ахъ, чѣмъ вы дѣлаете, какое вы про-
 « заете сердце! Меня все въ страхъ и трепетъ приводитъ, по
 « крайности изъ жалости выведите меня изъ сего адскаго
 « положенія». Или: «тамъ.... жизнь моя, кинувшись на шею
 « къ тебѣ, прижимая тебя къ груди моей, попрошу одного
 « слова, одно, что меня любишь, сдѣлаетъ меня счастливою! Скажи
 « это, другъ мой, скажи, утѣшь свою подданную, воскреси рабу
 « твою, дай жизнь вашей любовницѣ,—ахъ, какъ я васъ люблю!
 « или научи, какъ выдрать пламя изъ нѣдра моего сердца», и проч.
 Онъ. «Я, любовь и природа насъ соединяетъ... любовь и гласъ при-
 « роды, то-есть связь и сила чувствъ природы, въ сердца ваши
 « влагаемая, насъ соединяютъ тѣсными узами, кои никогда не
 « разорвутся» и проч.

Изъ сего слѣдуетъ, что сочинять прекрасно стихи и писать
 хорошо любовныя письма не одно и то же. *Sunt cuique.*
 Видно при всякомъ начинаніи необходимо имѣть въ виду латино-
 греческій девизъ: *Nosce te ipsum!*

10 февраля, пятница. Кузины наши С—вы и К—ны Б—я
 возили меня вчера на балъ къ Петру Тимоѣевичу Бородину,
 откупщику и одному изъ московскихъ Крезовъ. Я охотно по-
 ѣхалъ, не для танцевъ, которыхъ, по застѣнчивости моей,
 терпѣть не могу, а такъ, изъ любопытства. Чтѣ за жаръ и ду-
 хота! Прыгали до разсвѣта. Много было хорошенькихъ личекъ,
 но только съ началъ бала, а съ 11 часовъ, и особенно послѣ

ужина, эти хорошенькія личики превратились въ какія-то вакханскія физиономіи отъ усталости и невыносимой духоты; волосы развиллись и разсыпались, украшенія пришли въ безпорядокъ, платья обдергались, перчатки промокли, и проч. и проч. Какъ ни суетились маменьки, тетушки и бабушки приводить въ порядокъ гардеробъ своихъ дочекъ, племянницъ и внучекъ, для чего нѣкоторые по временамъ высказывали изъ-за бостона, но не успевали: танцы слѣдовали одинъ за другимъ непрерывно, и ни одна изъ жриць Терпсихоры не хотѣла сойти съ паркета. Меня уверяли, что если дѣвушка пропускаетъ танцы, или на какой изъ нихъ не ангажирована, то это непременно ведетъ къ какимъ-то заключеніямъ. Правда ли это? Ужь не оттого ли нима мамтап безпрестанно ходили по кавалерамъ, особенно пріѣзжимъ офицерамъ, и приглашали ихъ танцовать съ дочерьми: «*Ботюшка, съ моей-то потанцуй!*» Многія не разъ подходили и ко мнѣ, но меня спасали кузина Alexandrina съ Ариною Петровой. «*Il ne danse pas, Madame; c'est un campagnard qui ne vient au bal que pour manger des glaces.*» Проказницы! Въ кабинетѣ хозяина кипѣла чертовская игра: на двухъ большихъ круглыхъ столахъ играли въ банкъ. Отъ роду не видывалъ столько золота и ассигнацій. На одномъ столѣ банкъ металъ лизь Ш., К., Ч. и Р. попеременно. На другомъ братья Д., М. и Р. Понтировали много извѣстныхъ людей. Какой-то К*** проигралъ около пяти тысячъ р., очень хладнокровно вынулъ деньги, заплатилъ и отошелъ какъ ни въ чемъ небывалый. Я думалъ, что онъ миллионеръ, но мнѣ сказали, что у него не болѣе 200 душъ въ Вологдѣ. Какъ удивился я, встрѣтивъ Димлера съ мѣломъ въ рукахъ, записывающаго выигрышъ вмѣсто банкомета. Говорить, что онъ въ части у Дурновыхъ. Видно, это выгодноѣ, чѣмъ давать уроки на фортепiano.

Угощеніе было на славу. Не смотря на раннюю пору, были оранжерейные фрукты, грушъ и яблокъ бездна, конфетовъ груды, прохладительнымъ и счету нѣтъ, а объ ужинѣ и говорить нечего. Чтѣ за осетръ, стерляди, чтѣ за сливочная теля-

тина и гречанки (*)—индѣйки. Богъ вѣсть чего не было! Шампанское лилось какъ вода: мнѣ кажется, болѣе ста бутылокъ было выпито. Хозяинъ подходилъ къ каждому и приглашалъ покушать: самъ онъ былъ нѣсколько на-веселѣ. Хозяйка не показывалась: она не выходитъ въ дни большихъ собраній; дамъ принимала хозяйская дочь, молодая княгиня Касаткина, недавно вышедшая за мужъ.

Я возвратился домой разбитый и усталый, — не двлавъ ничего, съ обремененнымъ желудкомъ, ѣвши безъ аппетита и вкуса, и съ головою болью отъ шампанскаго, которое глоталъ безъ жажды. Ничего не вывезъ я съ этого бала, кромѣ воспоминанія о прекрасныхъ глазахъ Арины Петровны; но и это ведетъ къ одной бессонницѣ; слѣдовательно время истрачено напрасно. *Чего ради гибель сія бысть?*

11 февраля, суббота. Рожденіе мое ровно черезъ недѣлю: мнѣ минеть 17 лѣтъ. Мы сговорились съ П. И. обѣдать въ этотъ день дома и пригласить Гавр. Ив., Андр. Онис., Леонасіа Мих., и стараго учителя моего Хр. Ив. Кейделя. Угостимъ ихъ чѣмъ Богъ послалъ. Деревенской провизіи у насъ волю, а Кухмарникъ авось не ударитъ лицомъ въ грязь; наливки почти непочаты и варенья еще много. Приглашу также Граве и кого-нибудь изъ нѣмецкихъ актеровъ für die Übung der deutschen Sprache. Послѣ обѣда, можетъ быть, отправлюсь въ Нѣмецкій театръ, на которомъ даютъ «Беньовскаго». Поѣхалъ бы вмѣсто театра къ Л—мъ, потому что у нихъ вечеръ, но право за себя страшно: Эта А. П. того и гляди что съ ума сведеть. Велитъ себя звать не иначе, какъ ma tante, потому что двумя годами меня старше; а мнѣ такъ иногда совсѣмъ не то приходится въ голову.

12 февраля, воскресенье. Ѣздили въ Голицынскую больницу къ обѣднѣ; пѣвчіе очень хороши, но все не то, что колокольниковскіе у Никиты Мученика. Изъ числа послѣднихъ теноръ Самойловъ взятъ на петербургскій театръ. Отлично также

(*) Гречанками назывались индѣйки, выкормленные гречкиными орѣхами.

поютъ у Дмитрія Солунскаго; черномазый Витапуръ, не знаю графъ или князь, намедни пришелъ въ такой восторгъ, что осмѣлился заплодировать. Полиціймейстеръ Алексѣевъ приказалъ ему выйти. Послѣ обѣдни смотрѣли мы картинную галерею. Какія сокровища собраны покойнымъ княземъ, и все предоставлены на подвиги челоуѣколюбія. Поученіе священника было на текстъ изъ Евангелія: «Не скрываете сокровищъ вашихъ на земли, идѣже тля тлѣтъ и татіе подкопываются и крадутъ.» Въ Голицынской больницѣ это чрезвычайно кстати. Изъ картинъ больше всѣхъ мнѣ понравились: Благословеніе Іакова слѣпцомъ Исаакомъ, *Риберы*, и Снятие со креста, *Каведоне* (*). Какая натура и какія лица!—Сказывали, что эта неоцѣненная галерея когда-нибудь поступитъ въ продажу, ибо считается мертвымъ капиталомъ. Многіе охотники до картинъ острятъ зубы.

Изъ больницы заѣзжали мы по сосѣдству на бѣгъ графа А. Г. Орлова. Герой Чесменскій, въ бархатной малиновой шубѣ, самъ нѣсколько разъ принимался ѣздить на любимыхъ рысакѣхъ своихъ *Любезномъ* и *Каткѣ*. Охотниковъ было много, и все щеголяли другъ передъ другомъ, кто на рысакѣхъ, кто на иноходцахъ. Я замѣтилъ обоихъ Всеволожскихъ, Чемоданова, Савелова, Муравьева, братьевъ Яковлевыхъ—Собакиныхъ, Мосоловыхъ и многихъ первостатейныхъ купцовъ.

16 февраля, четвергъ. Какъ ни красивы бабушкины имперіалы и теткыны червонцы, а пришлось размѣнять ихъ. Лажъ на золото вздорожалъ: имперіаль отдалъ по 12 р. 90 к., а червонцы по 3 р. 85 к. сер.,—рубль принимаютъ въ 4 р. 29 коп.

Проѣзжая по Ильинкѣ, купилъ у Соколова 10 бутылокъ отличнаго цымлянскаго, по 40 к. за бут.

19 февраля, воскресенье. Рожденіе мое вчера отпраздновали славно: по письму матушки утромъ былъ у Всѣхъ Скорбящихъ, и по собственному побужденію служилъ молебенъ при рактъ своего патрона—у Спаса на Бору.—Обѣдъ хоть куда! Щи съ завитками, сальникъ изъ обварныхъ крупъ, окорокъ ветчины, бѣлушка, жареный индыкъ и неподобныя алады съ ба-

(*) Эти картины принадлежать теперь гг. Мосоловымъ.

бушкинымъ липовцомъ. Наливкамъ досталось, а цыплянскаго какъ не бывало. Всѣ объѣдались. Я такъ радъ, что гости наши были чрезвычайно довольны и веселы. Гаврило Ивановичъ игралъ на клавикордахъ, а Граве съ Сокольскимъ плясали. За столомъ, при питъи моего здоровья, И. И. прослезился. Кейдель мой очень обидѣлся, когда Гаврило Ивановичъ спросилъ его, долго ли онъ былъ у меня дядькою?—Т. е. наставникомъ, хотите вы сказать? отвѣчалъ Кейдель. Странно, какимъ онъ прежде казался мнѣ мудрецомъ, а теперь какъ будто поглупѣлъ. Коронъ пѣлъ нѣмецкія пѣсни, и между прочимъ одну: *der Kuss*, которая такъ и просится въ душу. Это исторія поцѣлуя отъ колыбели до могилы; если съумѣю, непременно переведу ее.—Пировали до 11 часовъ. Ѣхать мнѣ никуда не хотѣлось, и лошадей употребили на развозку гостей.

Сегодня утренній маскарадъ въ Петровскомъ театрѣ. Вчера не былъ въ вечернемъ, —такъ должно бы ѣхать проститься съ масланицею и взглянуть на глазки *ma tante*, да беретъ раздумье. Нѣтъ, лучше поѣду обѣдать къ князю Мих. Ал., а туда на вечеръ. Нынче день прощенный: простимъ другъ друга. Что если бы пришло ей въ голову сказать: возлюбимъ другъ друга!

20 февраля, понедѣльникъ. Превесело кончилъ я вчера день свой. У Лобковыхъ было много гостей. Старикъ С. А. В....., человекъ разпремильи, настоящій камергеръ Двора Великой Екатерины, говорилъ безъ умолку. Какъ онъ мастерски умѣетъ найдтись съ барышнями, которыхъ съ дюжину его окружало! Всякой изъ нихъ сказалъ онъ ласковое и пріятное слово. Сказалъ бы что-нибудь и я,—только одной, да недостаетъ смѣлости и во рту каша. Говорится: отъ избытка сердца глаголютъ уста; а у меня напротивъ: отъ избытка сердца уста нѣмوتствуютъ.—Были адъютантъ Государа П. А. Кикинъ и капитанъ Лукинъ, извѣстный силачъ. Первый говорилъ со мною о литературѣ и профессорахъ, и очень дѣльно: кажется, очень ласковымъ и внимательнымъ человекъ; а послѣдній тихій и скромный морякъ: все сидѣлъ и молчалъ у карточного стола. Сколько молодой Всеволожскій ни заговаривалъ съ нимъ о силѣ, и ни рассказывалъ ему о прежней чудесной силѣ графа А. Г. Орлова, у котораго

Всеволожскіе домашніе люди, — Лукинъ ни слова о себѣ, и за ужиномъ говорилъ только о постороннихъ и самыхъ обыкновенныхъ предметахъ, напр., что Москва обильна красавицами и богата радушіемъ: *lieux communs*.

Обѣдъ у князя Мих. Алекс. былъ прекрасный: простой, вкусный, всего вдоволь. Въ домѣ говорятъ, что за старшую княжну сватается женихъ, только князь покамѣстъ слышать не хочетъ, и говоритъ, что прежде двухъ или трехъ лѣтъ не выдастъ. За обѣдомъ въ почетномъ мѣстѣ опять сидѣлъ Плавильщиковъ, а Зловъ подлѣ меня и важно потягивалъ мадеру. Князь приказалъ поставить ему особую бутылку, примолвивъ: «никому, братецъ, своей порціи не давай.» Плавильщиковъ признался, что комедія его была худо вырепетирована и разыграна, и оттого не могла имѣть успѣха; но что въ слѣдующій разъ она пойдетъ лучше, тѣмъ болѣе, что онъ сократитъ ее. Можетъ быть и такъ, но что-то не вѣрится.

Послѣ обѣда заставили Злова пѣть арію изъ «Волшебной флейты»: *in diesen heiligen Hallen*. Переводъ этой аріи показался мнѣ похожимъ на мой переводъ хора въ оперѣ «Элиза», которую мы переводили въ-шестеромъ за 50 р. Сен-бернардскіе отшельники, найди живописца, засыпаннаго снѣжною лавиною, звонятъ въ колоколъ и трагически поютъ:

Хоть виситъ недавно,
А звонитъ исправно!

Какъ ни маловнимательна публика къ опернымъ стихамъ, но мой хоръ заставляетъ ее безпрестанно смѣяться, хотя положеніе дѣйствующихъ лицъ и очень печальное. За то Зловъ безъ умищанья и съ чувствомъ пропѣлъ, на голосъ: *freut euch des Lebens*, подражаніе пѣсни Коцебу: *Es kann ja nicht immer so bleiben*. Последніе куплеты въ пѣніи не дурны:

И прежде насъ много бывало
У жизни веселыхъ гостей:
И вотъ мы, на память почившимъ,
Бокаль осушаемъ друзья!

И послѣ насъ будетъ не мало
У жизни веселыхъ гостей:
И также намъ въ память, счастливы,
Они опорожнять бокаль!

Да, да—круговая порука!

Злова заставили повторить—и онъ повторилъ куплеты и по-троилъ запамятный бокаль.

Нѣмецкая масляница во всемъ разгарѣ. Завтра вторая часть «Русалки» и послѣ балъ. Штейнсбергъ прислалъ билеты на спектакль и балъ, но я возвратилъ: какъ-то совѣстно; а чувствую, что на балъ не обойдется безъ потѣхъ, и взглянуть бы не мѣшало. Приносившій билеты *Петерсъ* сказывалъ, что Штейнсбергъ ожидаетъ *Галтенгофа* и *Гунниуса* съ семействомъ; одинъ славный теноръ, а другой басъ, знаменитый въ Германіи. Постомъ будутъ репетировать большія оперы: «*Волшебную флейту*», «*Донъ-Жуани*», «*Die Entführung*», «*Аксура*», «*Оберона*» и проч. и проч. Пріятельница моя, меньшая Соломони, поступаетъ въ труппу примадонною, и нѣтъ сомнѣнія, что съ ролями *Доны-Анны*, *Констанціи* и *Памины* справится лучше, нежели съ ролью вертялкой *Лизеты*. Простить ей не могу эту *Лизету*: изъ чего я трудился?

23 февраля, четвергъ. Неожиданно посѣтили меня *Максимъ Ивановичъ* и общій дѣдушка *Василій Алексѣевичъ*. Первый приходилъ узнать: говѣю ли я? Чтò за умный и добрый человекъ этотъ *Максимъ Ивановичъ*! какихъ гоненій онъ не натерпѣлся за свою рѣзкую правду и вѣрность въ дружбѣ, какъ искренно прощаетъ онъ врагамъ своимъ и какъ легко переноситъ свое положеніе! При всей своей бѣдности онъ не ищетъ ничьей помощи, хотя многіе старинные сотоварищи его, какъ напр. *Иванъ Петровичъ Тургеневъ*, *Иванъ Владимировичъ Лонухинъ* и *Походяшинъ*, принимаютъ въ немъ живое участіе и желали бы пособить ему. Ходитъ себѣ въ холодной шинелишкѣ по знакомымъ своимъ, большею частію изъ почетнаго духовенства, и не думаетъ о будущемъ; говорить: *доставьтъ днеси злоба его*.

Съ дѣдушкою все оказіи: потерялъ послѣдній свой зубъ, и жалуется, что ноги лѣнливо ходятъ. Не мудрено: недавно стукнуло полныхъ 78; а между тѣмъ какая удивительная память! Въ піесы, какія сформировалъ онъ, въ продолженіе 35-лѣтней битности своей суфлеромъ въ Петербургъ и въ Москвѣ, — помнить наизусть, а біографіи и закулисныя похождения актеровъ и актрисъ его времени рассказываетъ во всей подробности: какъ по книгѣ читаетъ. Преинтересный старичокъ. Теперь живетъ у Н. П. Аксенова; который 'призрѣлъ и успокоилъ старика, а сверхъ того добываетъ нѣсколько и самъ перепискою бумагу у знакомыхъ, и пишетъ, хотя медленно, но четко—жемчужкомъ. Для меня онъ сущій кладъ: вотъ 2 года, какъ я пользуюсь его досужествомъ хорошаго переписчика и анекдотиста; живой ходячій театральнй архивъ, а ктому же имѣетъ настоящее понятіе объ искусствѣ. Любопытныя рассказы его о прежнихъ придворныхъ актерахъ французскихъ и сравненіе ихъ съ нашими русскими. Когда-нибудь запишу все его анекдоты: онъ оживляется за бутылкою хорошаго пива, — это одна его прихоть; а за пивомъ дѣло не станеть; надобно пользоваться памятью старика, котораго время *близъ есть и дни изочтены суть*.

26 февраля, воскресенье. Отговѣли какъ слѣдуетъ христіанамъ. Я отдохнулъ и освѣжился. Кажется смѣшно, чтобы въ 17 лѣтъ нужно было освѣженіе, однако же это такъ: въ продолженіе года насмотришься, наслушаешься и наберешься невольно такой дряни, что чувствуешь себя гораздо легче, когда смоешь ее съ себя *банею покаянія*. Теперь только я начинаю понимать, какъ полезно было для меня это русское деревенское воспитаніе, надъ которымъ такъ издѣвались сосѣди, эти ежедневныя утрени, молебны и всенощныя, въ которыхъ я исправлялъ должность дьячка, читалъ славословіе, каѣзмы, пареміи, пѣлъ ирмосы, кондаки, антифоны и проч. Все это пригодилося мнѣ не только въ нравственномъ, но и въ общественномъ отношеніи. Нашлись добрые люди, которые оцѣнили это воспитаніе и обратили его мнѣ въ *средство*; а прочее, чего, по мнѣнію великодушныхъ В. и велеумныхъ М. и Б., мнѣ недоставало, пришло само собою, такъ что я успѣлъ не только догнать, но и пере-

гнать пресловутыхъ товарищей моего дѣтства, старѣйшихъ менилѣтцами, которыхъ мнѣ всегда въ образецъ ставили. Но вотъ, кажется, я и превозношиться сталъ! А давно ли еще повторалъ молитву: «Духъ цѣломудрїа, смиренномудрїа и любви даруй ми рабу твоему». Таковъ человѣкъ!

У французскихъ актеровъ затѣялась исторїя по случаю перемѣщенїа *Балли* въ петербургскую придворную труппу на трехтысячный окладъ, по одному его письму къ А. Л. Нарышкину и безъ вѣдома его товарищей. Вся труппа въ большой суматохѣ, и послала депутатовъ *Дюпаре*, *Белькура* и *Мериенна* жаловаться главнокомандующему, который это дѣло отъ себя отключилъ. Дѣлать нечего: они, т. е. актеры, хотятъ публиковать въ газетахъ о поступкѣ *Vailli*, а съ тѣмъ вмѣстѣ и объявить публикѣ, что, по принятымъ ими мѣрамъ, такихъ случаевъ больше не будетъ. Смирновъ переводилъ имъ объявленїе.

Къ-статїи о французахъ: Венюковъ приносилъ какую-то вышедшую на дняхъ повѣсть, или сатиру: «*Французъ на дрожкахъ или забавное приключенїе М-г Petit-Diablette въ Москвѣ*». Охота же покупать такой вздоръ; гдѣ онъ его откапываетъ?

28 февраля, вторникъ. Завтра именинница А. С. Н. Вероятно весь городъ, по обыкновенїю, будетъ у ней. Нельзя не поздравить хорошую, ласковую сосѣдку, которая въ такой связи со всѣми боярами.

Насилу, насилу могъ добыть четверо-Евангелїе, изданное нашимъ Харитономъ Андреевичемъ и посвященное Государю. Все изданїе въ 600 экземплярахъ разошлось въ два года. Чтѣ за необъятный, почтенный трудъ! Ни одного слова не упущено, ни одного не прибавлено, — а между тѣмъ всѣ происшествїя евангелїеской исторїи и всѣ поученїа Спасителя слѣдуютъ въ хронологическомъ порядкѣ, и читаешь ихъ какъ будто писанныя однимъ человѣкомъ. Митрополитъ чрезвычайно уважаетъ Хар. Андр. за этотъ трудъ, и преосвященный викарїй Августинъ отзывается о немъ съ чрезвычайною похвалою. Непременно послалъ бы эту книгу къ матушкѣ, да боюсь бабушки. Пожалуй старушка почтетъ франкмасонскою книгою и прогнѣвается. Досталось же отъ ней и покойному М. В. М. за то, что въ придѣлахъ вели-

колыпной церкви своей устроилъ печи. Съ поръ тѣхъ перестала ссужать его деньгами, и прежде отказа не было.

2 марта, четвергъ. Вчерашнимъ утромъ ѣздилъ съ поздравленіемъ къ мяннинницѣ, но она не принимала, а швейцаръ объявилъ, что *покорнѣйше просятъ на вечеръ*.—А много у васъ будетъ гостей?—Да, приглашаютъ всѣхъ, кто пріѣдетъ утромъ, а званыхъ нѣтъ: *тихой балъ* назначенъ.

Нечего сказать, *тихой балъ*! Вся Поварская въ буквальномъ смыслѣ запружена была экипажами, которые по обѣимъ сторонамъ улицы тянулись до самыхъ Арбатскихъ воротъ. Кажется, весь городъ втиснуть былъ въ гостиныя А. С.—Чужая душа потемки,—но принимать гостей мастерица. Всѣмъ одинаковый поклонъ, знатному и незнатному; всѣмъ равное ласковое слово и приглашеніе на полную свободу. Играй, разговаривай, молчи, ходи, сиди, словомъ, дѣлай, чтò хочешь, только не спорь слишкомъ громогласно и съ запальчивостію: этого хозяйка боится. Кого тутъ не было, начиная съ главнокомандующаго до нашего брата студента, отъ альфы до омеги? Гр. Растопчинъ, князь Юр. Влад. Долгорукой, П. С. Валуевъ, Обрѣзковъ, кн. Вяземскій, Сен. Алябевъ, Мухановъ, кн. Голицыны, Марковъ, Кутузовъ, Волконскій, Спиридовъ, Лопухины, Мамоновъ, Оборъяниновъ, гр. Салтыковъ съ своимъ неразлучнымъ Бр... и проч. и проч., словомъ, почти вся московская знать. Я заслушался гр. Растопчина: чтò это за увлекательный образъ изъясненія: анекдотъ за анекдотомъ, одной чертой такъ и обрисуетъ человека, и между тѣмъ о своей личности ни слова. По короткости своей съ мяннинницею онъ, говорятъ, сдѣлалъ ей пресмѣшной сюрпризъ: замѣтивъ, что она любитъ пастеты, онъ прислалъ къ ней за минуту до обѣда преогромный пастетъ, будто бы съ самою нѣжною начинкою, который и поставили передъ хозяйкою; въ восхищеніи отъ вниманія любезнаго графа, она, послѣ горячаго, просила Б. вскрыть великолѣпный пастетъ—и вотъ показала изъ него прежде безобразная голова Миши, извѣстнаго карла К. Х., а потомъ вышла онъ и весь съ настоящимъ пастетомъ въ рукахъ и букетомъ живыхъ незабудокъ.

Ужинъ былъ человекъ на сто, очень хорошій, но безъ пре-

ступнаго бородинскаго излишества. За однимъ изъ маленькихъ столиковъ, не подалеку отъ меня, сидѣли двѣ дамы и трое мужчинъ, въ числѣ которыхъ былъ Павелъ Ивановичъ Кутузовъ, и довольно горячо разсуждали о литературѣ, цитую поочередно любимые стихи свои. А. Д. У., очень умная и бойкая дѣвица, хотя уже и не первой молодости, прочитала стихотвореніе Колычова *Мотылекъ*, и сказала, что оно ей нравится по своей живности, и что Павелъ Ивановичъ такого не напишетъ. Поэтъ вспыхнулъ: «да знаете ли, сударыня, что я на всякія заданныя рифмы лучше этихъ стишонковъ напишу?—Нѣтъ, не напишете.—Напищу.—Не напишете.—Не угодно ли попробовать?—У—я осмотрѣлась кругомъ, подумала, и, услышавъ, что кто-то изъ гостей съ жаромъ толковалъ о персидской войнѣ и нашихъ плѣнныхъ, сказала: «извольте, вотъ вамъ 4 рифмы: *плѣны, оковы, безмѣны, подковы*; даю вамъ сроку до конца ужина». — П. И., съ раскраснѣвшимся лицомъ и горящими глазами, вытащилъ бумажникъ, вынулъ карандашъ и погрузился въ думу. Прочіе продолжали разговаривать. Черезъ нѣсколько минутъ поэтъ съ торжествомъ выскочилъ изъ-за стола: «слушайте, сударыня, а вы, господа, будьте нашими судьями»;—и онъ громко началъ читать свои *bouts-rimés*:

Не бывши на войнѣ, я знаю, что есть *плѣны*,
 Не бывъ въ полиціи, извѣстны мнѣ *оковы*;
 Чтобъ свѣситъ прелести, не нуженъ мнѣ *безмѣны*,
 Падешь къ твоимъ стопамъ, хоть были бъ и *подковы*.

«Браво, браво!» вскричали судьи, и приговорили У. просить извиненія у П. И., который такъ великодушно отмстилъ своей противницѣ.

Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ сказалъ, что если кузенъ его Василій Львовичъ Пушкинъ, считающій себя первымъ докомъ на *bouts-rimés* и экспромты, узнаетъ объ этихъ стихахъ, то съ нимъ сдѣлаются спазмы, если что-нибудь не хуже, тѣмъ болѣе, что П. И. *другой секты въ литературѣ*.

Говорятъ, что графъ Растопчинъ пишетъ большую комедію въ русскихъ нравахъ. Вотъ бы Кудрявцовъ къ кому свозилъ

меня, вмѣсто гр. Каменскаго,—полезнѣе бы для меня было. Но я попрошу обязательную сосѣдку, чтобы она меня представила.

4 марта, суббота. Дѣдушка притащилъ мнѣ мои лекціи и вмѣстѣ свѣденіе о составѣ русской труппы, сказывалъ, что она точно присоединяется къ театральной дирекціи, и что нѣкоторые сюжеты перемѣщены будутъ на петербургскій театр. Между прочимъ, бесѣдуя о томъ о семъ, за бутылкою *бархатнаго*, дѣдушка разговорился о прежнихъ петербургскихъ актерахъ, и къ удивленію моему осмѣлился воззвать съ критикою на великаго *Дмитревскаго*, который, по мнѣнію его, былъ человѣкъ умный, *въжливый* и *тонкій придворный*, но въ сущности превосходнымъ актеромъ никогда не былъ, и быть имъ не могъ, потому что не имѣлъ ни сильныхъ чувствъ, ни звучнаго органа, ни чистаго произношенія; читалъ стихи и даже прозу на распѣвъ, и, за недостаткомъ физическихъ средствъ, гонялся кстатѣ и не кстатѣ за какими-то эффектами. Славу будто бы приобрѣлъ онъ отъ того, что Императрица изволила его жаловать, что онъ былъ мужъ просвѣщенный и образованный путешествіями, и что въ это время другаго лучшаго актера не было. Но за то актриса М., которая едва-едва знала грамоту, а писать вовсе не умѣла, которой всякую роль начитывали, была удивительная актриса. «Уу! Господи Боже мой, что за буря! (дѣдушка припрыгнулъ), суфлировать не поспѣешь, забудешься; рветъ и мечеть, такъ и бросаетъ въ лихорадку; а сойдетъ со сцены—дура-дура-рой!» О нѣкоторыхъ тогдашнихъ французскихъ актерахъ относился онъ съ восторгомъ. — «Вотъ, говорить, напримѣръ хотъ *Флоридоръ*, подлинно было кого послушать и посмотреть въ *Магометъ*», или *Танкредъ*»; на сценѣ красавецъ, голосъ звучный, поступъ благородная, что слово скажетъ, какъ рублемъ подарить; или *Офренъ*, кажется, самъ по себѣ и не взраченъ, а ужъ что за актеръ! Когда, бывало, играетъ Зопира, Аржира или Августа—такъ всё навзрыдъ и плачутъ. Я, грѣшный человѣкъ, по-французски худо маракую, но стоя за кулисами, отъ Офрена всегда приходилъ въ душевное волненіе, и даже плакалъ; а ужъ какіе благородные люди!» Тутъ дѣдушка рассказалъ мнѣ, какъ знатная и богатая дама, послѣ представленія *Танкреда*, призывала

Флоридора, и, наговоривъ ему тысячу вѣжливостей, просила принять отъ нея въ память доставленнаго ей удовольствія золотую табакерку, со вложеніемъ ста имперіаловъ; что Флоридоръ принялъ табакерку съ благодарностію, но отъ денегъ отказался, сказавъ, что актеръ, имѣющій счастье принадлежать театру Великой Екатерины, въ деньгахъ нужды имѣть не можетъ, и всякая сумма, приобрѣтенная въ Россіи мимо Высочайшихъ щедротъ, для него предосудительна. Разумѣется, Императрица узнала о томъ на другой же день, и при первомъ случаѣ гордый Тавкредъ получилъ двойное вознагражденіе.

8 марта, среда. Физическія лекціи П. И. Строева часъ отъ часу болѣе привлекаютъ публику. Онѣ чрезвычайно занимательны по своимъ экспериментамъ. Я не пропускаю и не пропущу ни одной, сколько бы ни было другаго дѣла. П. И. говоритъ просто, ясно и увлекательно. Изъ дамъ обыкновенныя посѣлительницы кн. У—ва и П—на. Прекрасно также говоритъ и Пав. Ае. Онъ основательно изучилъ свой предметъ и предлагаетъ его убѣдительно. Я не слыхалъ другихъ эстетиковъ, и потому не могу опредѣлить достоинство нашего профессора сравнительно съ прочими, но признаюсь, слушаю его съ величайшимъ удовольствіемъ. Однако же, вотъ и онъ, скромный и благородный человѣкъ, попалъ на зубокъ какому-то злому, который сострилъ эпиграмму на журналъ его:

Каковъ журналъ?—Не хвѣтскій!

Издатель кто?—Созацкій!

Читатель кто жъ?—Посадскій!

10 марта, пятница. Сегодня, наконецъ, я слышалъ эту знаменитую пѣвицу, которою, нѣкогда, восхищалась вся Европа. Въ Вѣнѣ носили ее на рукахъ, въ Дрезденѣ и Берлинѣ, въ карету ея запрягались Нѣмцы, а въ Италіи сходили отъ нея съ ума. Я слышалъ эту Мару, отъ которой теперь съ ума сойти нельзя, а взбѣситься можно, за истраченныя безъ удовольствія на концертъ ея деньги. Что славная пѣвица постарѣла и подурнѣла—это въ порядкѣ вещей; но не въ порядкѣ вещей, съ дребезжалымъ голосомъ и фальшивыми нотками, давать концерты и собирать съ насъ по 5-ти рублей. Добро бы она принадлежала въ

разраду тѣхъ пѣвицъ, которыя, какъ описываетъ ихъ остроумный враль Бородулинъ,

Выводятъ больно громко трели,
За тѣмъ, что ничего не вли.

Нѣтъ, *Мара* должна быть не въ этой категоріи, а вѣроятно поестъ отъ того, что хочетъ аплодисментовъ, или путешествовать на чужой счѣтъ. Говорятъ: она великая музыкантша, — да что изъ этого? Это домашнее ея качество, которое, если она ничего не сочиняетъ, ничѣмъ не доказывается. Вотъ *Манжористи* такъ пѣвица! Тоже не молода и не хороша: зубы, хуже зубовъ всякой коломенской купчихи — уголь углемъ, а заслушаешься. Пусть она не музыкантша, да послушавъ ея, кто можетъ сказать, чтобы она не была музыкантшею.

Однако же какъ ни черны зубы г-жи *Манжористи*, но они чуть не были причиною дуэли на пистолетахъ между двумя молодыми уже повѣсами. Д., сидя въ креслахъ возлѣ Ч. и будучи въ восторгѣ отъ пѣвицы, изъявлялъ его громкимъ и безпрестаннымъ повтореніемъ всѣхъ гласныхъ буквъ въ русской азбуки: А! Э! И! О! У! — Видно это надоѣло Ч., который, вдругъ обратясь къ диллетанту, сказалъ: «да чѣмъ восхищаетесь вы? посмотрите, что за ротъ и какіе зубы!»—М. Г., отвѣчалъ Д., это ваше дѣло, а мнѣ смотрѣть ей въ зубы не за чѣмъ: она не продажная лошадь!»—Слово за слово, и дуэль бы состоялась, если бы умный Александръ Александровичъ Волковъ не помирилъ противниковъ. Надобно сказать, что Ч. когда-то и кому-то продалъ лошадь съ поддѣланными зубами; а такой поступокъ въ матушкѣ Москвѣ не забывается и въ свое время отзывается.

13 марта, понедельникъ. Мы воспользовались свободною субботою и вчерашнимъ воскресеньемъ, чтобы съѣздить въ Кусково гр. Шереметьева и Люблино, принадлежащее Н. А. Дурасову, взглянуть на пространныя оранжереи, наполненныя помидорами, лимонными и лавровыми деревьями и несмѣтнымъ количествомъ самыхъ роскошныхъ цвѣтовъ. Намъ сказали, что эти оранжереи въ настоящее время года бываютъ во всей пышности и красотѣ своей; въ самомъ дѣлѣ, я никогда не видалъ

ничего подобнаго, Совершенное царство Флоры! Кусковскія оранжереи удивляютъ количествомъ и огромностью своихъ померанцевыхъ деревьевъ, и богатствомъ произрастеній, но не такъ чисто содержаны, какъ люблинскія; послѣднія несравненно пріятнѣе и роскошнѣе; видно, что за всѣмъ бдительно наблюдаетъ самъ хозяинъ, котораго какъ нарочно тутъ и повстрѣчали. Онъ въ продолженіи всей зимы имѣетъ привычку по воскреснымъ днямъ обѣдать съ пріятелями въ люблинскихъ своихъ оранжереяхъ. Не предполагая этой встрѣчи, мы было сами хотѣли завтракать въ зелени, *ins grüne*, для чего и привезли съ собою кой-какой провизіи, но гостепріимный Н. А. до того не допустилъ. Онъ видалъ П. И. въ домѣ родственника своего, бригадира Мельгунова, и тотчасъ же пригласилъ насъ обѣдать съ нимъ вмѣстѣ. Сколько мы ни отговаривались (разумѣется изъ церемоніи), но онъ настоялъ, говоря, что отказъ нашъ его обидитъ. Онъ очень богатъ, а еще болѣе радушенъ. Въ два часа пріѣхали гости: кн. Дмитрій Евсеевичъ Цицановъ, кн. Оболенскій, какой-то красивый французъ Моро, двѣ очень хорошенькія и бойкія иностранки, Еф. Еф. Ренкевичъ, Александръ Александровичъ Арсеньевъ и докторъ Донпельмейеръ. Всѣхъ насъ было человекъ 12, но столъ былъ накрытъ кувертовъ на 30. Только что сѣли за столъ, подоспѣли новые гости: старинный и любимѣйшій учитель пѣнія, Кастратъ *Мускети*, который даетъ въ Москвѣ уроки дамамъ и дѣвицамъ въ третьемъ ихъ поколѣніи, рослый и тучный *bon vivant* и *gourmé*, и съ нимъ знакомецъ мой, молодой *Нейкома*, живущій у *Штейнберга*, капельмейстеръ и сочинитель музыки, одинъ изъ любимѣйшихъ учениковъ великаго Гайдна. Я удивился, увидя ихъ вмѣстѣ, но загадка скоро объяснилась: *Мускети*, какъ истинный и безпристрастный знатокъ въ дарованіяхъ музыкальныхъ, желая удержать непремѣнно *Нейкома* въ Москвѣ, хлопоталъ объ опредѣленіи его капельмейстеромъ къ Дурасову, или къ Всеволоду Андреевичу Всеволожскому, которыхъ оркестры считаются лучшими и полнѣйшими. И едва могъ узнать *Нейкома* въ его огромномъ жабо, закрывавшемъ ему всю бороду, и не знаю, какъ онъ могъ справиться съ кушаньемъ; а серьги? Серьги чуть-чуть не съ переднія колѣса

моихъ дрожекъ; Богъ знаетъ кто научилъ его такъ одѣться. Хорошенькія мамзели, смотря на даровитаго музыканта, безпрестанно ухмылялись.

Обѣдъ былъ чудесный, и, какъ сказывалъ хозяинъ, состряпанъ изъ одной домашней провизіи крѣпостною его кухаркою; у него есть и отличные повара, но онъ предпочитаетъ кухарку по необыкновенной ея опрятности. Стерляди и судаки изъ собственнаго его пруда; чудовищные раки ловятся въ небольшой, протекающей по Люблину, рѣчкѣ; спаржа, толщиною чуть не въ палку, изъ своихъ огородовъ; нѣжная и бѣлая какъ снѣгъ телятина, со своего скотнаго двора; фрукты собственныхъ оранжерей; даже вкусное вино въ родѣ шампанскаго, которымъ онъ безпрестанно всѣхъ насъ подчивалъ, выдѣлывается у него въ крымскихъ деревняхъ изъ собственнаго же винограда. Необыкновенный хозяинъ! а ктому же и не дорожитъ ничѣмъ, видно, что не хвастунъ: все у него дрянъ, «совершенная дрянъ-съ!» К. Ц. рассказывалъ множество случившихся съ нимъ происшествій, которымъ нельзя было не удивляться. Между прочимъ говоритъ онъ о какомъ-то сукнѣ, которое онъ поднесъ кн. Потемкину, вытканное по заказу его изъ шерсти одной рыбы, пойманной имъ въ Каспійскомъ морѣ. Какихъ чудесъ нѣтъ на свѣтѣ! Къ числу этихъ чудесъ можно отнести и то, что рассказчикъ, кушая съ величайшимъ аппетитомъ, и все жирное, ничего не пилъ, кромѣ полузамороженной воды. Говорилъ, что отъ роду не отвѣдывалъ ни вина, ни пива, ни даже квасу, а водки и подавно. Онъ также самъ великій хлѣбосоль и мастеръ выдумывать и готовить кушанье. А. Л. Нарышкинъ, первый гастрономъ своего времени, когда ни прѣзжаетъ въ Москву, ежедневно почти у него обѣдаетъ, за то и князь въ Петербургѣ угощается по-барски. Послѣ кофе мы хотѣли было откланяться, но хозяинъ опять не пустилъ, прося послушать домашнихъ его пѣсенниковъ, которые точно пѣли прекрасно съ акомпаниментомъ кларнета и рожка; между тѣмъ разносили поминутно разныхъ сортовъ ликеры домашняго же приготовления, удивительно вкусные. Я въ жизнь свою такихъ не пивалъ; замѣтивъ, что иные наиболѣе понравились П. И.,

хозяинъ приказалъ нѣсколько бутылокъ положить намъ въ сани. Мы уѣхали поздно, да и какъ иначе! Не будь дѣла, а главное, еслибъ я былъ одинъ, то долго бы еще не уѣхалъ. Когда оранжерею освѣтили, она превратилась въ какой-то садъ Арменды.

Счастливецъ! Сколько удовольствія и добра онъ можетъ сдѣлать другимъ.

16 марта, четвергъ. Неужто же въ самомъ дѣлѣ въ воскресномъ походе моемъ было только на половину правды? Неужели домашнїя стерляди и спаржа, дома унитавный телець, домашнее вино и ликеры, словомъ, все—было не домашнимъ? а опрятная кухарка, а сукно изъ рыбьей шерсти и приключенїя на Каспійскомъ морѣ неужто были однѣ сказки *de ma mère loie*. Опростовололся же я порядочно! Пусть основанїемъ этихъ сказокъ и служитъ истинное желанїе угостить, однако же зачѣмъ вводить въ такое заблужденїе? Мы бы ѣли съ такимъ же наслажденїемъ, и столько же, хотя бы и знали, что за столомъ, кромѣ фруктовъ, ничего не было *домашняго*, а я, коноплянникъ, давай рассказывать встрѣчному и поперечному, за несмысленное диво, о знаменитомъ хозяйствѣ люблинскаго владѣльца, у котораго въ домѣ все свое и купленнаго ничего нѣтъ; давай повторять исторїю о рыбьей сукнѣ, и очень удивлялся, почему безъ смѣха никто меня не слушалъ, покажишь серьезный Петръ Тимофеевичъ и вовсе не серьезный Кондратьевъ не вывели меня изъ заблужденїа, объяснивъ мнѣ загадку.—Такъ оно вотъ что! Впрочемъ, у всякаго есть свой конекъ, и сердечная доброта заставитъ простить многое. Къ подобнымъ рассказамъ привыкли: онѣ исчезаютъ въ воздухѣ, но радушное гостепрїимство нашего Амфитрїона и клеветы его остаются и вошли въ пословицу. Пусть у одного будетъ все домашнее, а другой носитъ фраки изъ выдуманнаго имъ сукна, — а я бы не прочь водиться всегда съ такими людьми.—Одна бѣда: востроглазая А. А. не перестаетъ теперь преслѣдовать меня рыбьимъ сукномъ, а злодѣй Н. Т. совѣтовалъ уже мнѣ обратиться по принадлежности къ Антонскому, какъ профессору энциклопедїи и натуральной исторїи, за свидѣнїями о рыбьей шерсти.

Но вотъ мистификація почище. Вчера въ Петровскомъ театрѣ

смотрѣли мы искусника *Транже*, который объявилъ въ газетахъ, что онъ невиданный волтижеръ, покажетъ искусство свое на 50 ф. отъ земли, и будетъ ходить по потолку внизъ головою. Какъ не взглянуть на такое диво! Прежде вертѣлся онъ мельницею на повѣшенномъ довольно высоко канатѣ; а послѣ, заставивъ себя раскатать, бросился въ повѣшенный предъ нимъ бумажный тамбуръ и выскочилъ изъ него переодѣтый старухою. За тѣмъ, подвязавъ къ подошвамъ крючья, началъ цѣпляться ногами одна за другою за вбитые въ потолокъ такіе же крючья, и такъ перебрался чрезъ весь театръ. Вотъ и все тутъ хожденіе по потолку; по мнѣнію моему, эти штуки приличествовали бы масляничному балагану, а между тѣмъ *Транже* собралъ не менѣе 1000 руб. Онъ открываетъ манежъ и школу волтижированія въ домѣ князя *Дадьянова*, на *Лубянкѣ*.

20 марта, понедельникъ. У *К. А. М*—вой продолжаютъ собираться по вечерамъ лучшіе музыканты и любители нѣмецкой ученой музыки. Вчера неожиданно пріѣхалъ угрюмый и строгій преподаватель генералъ-баса, старикъ *Геслеръ*. Знаю, что Москва любитъ своихъ музыкантовъ, т. е. тѣхъ, которые въ ней долго живутъ и къ которымъ она привыкла, но такихъ знаковъ уваженія, какіе вообще оказываютъ этому товарищу и другу *Гайдна*, я признаюсь, не ожидалъ: только что на рукахъ не носятъ. *Геслеръ* точно достоинъ всякаго уваженія какъ сочинитель музыки и какъ человѣкъ. Старикъ очень обрадовался, встрѣтивъ *Нейкома*, и дружески пѣнялъ за то, что рѣдко его видитъ. Потомъ оборотясь къ козянкѣ, сказалъ: «Wir sind Kinder der näsmlicher Vater», — разумѣя *Гайдна*. Потомъ сѣлъ за фортепiano, и началъ разыгрывать турецкій хоръ и маршь сочиненія *Нейкома* изъ *Süah-Mani* (*Карла XII*), которымъ искренно восхищался. Говорилъ, что время настоящей музыки прошло, что теперь, кромѣ французскихъ романсовъ и ученическихъ арій *Крейслера* и *Венцель-Миллера* изъ *Donauweibchen* и *Teufels mühle*, онъ ничего другаго въ обществѣ не слышитъ, и что онъ всегда сердечно радуется, когда изрѣдка попадаютъ ему такіа сочиненія, какъ *Нейкомовы*, которыя такъ изобилуютъ богатствомъ, разнообразіемъ и силою музыкальныхъ идей. Сказывалъ, что по старости

лѣтъ онъ собирается оставить уроки и желалъ бы ихъ передать *Нейкому*, еслибъ онъ поселился въ Москвѣ. Но кажется, это дѣло несбыточное: *Нейкомъ* имѣетъ въ виду Веймаръ, а оттуда, по совѣту *Гёте*, намѣренъ ѣхать въ Парижъ. Великій германскій поэтъ покровительствуетъ молодому *Нейкому* за сочиненіе превосходныхъ хоровъ къ *Фаусту*, и снабдилъ его письмомъ къ петербургскому другу своему генералу *Клингеру*.

На другомъ концѣ города, т. е. на Пречистенкѣ, бываютъ музыкальныя собранія въ другомъ родѣ. У Н. А. В. еженедельно по четвергамъ разыгрываются квартеты, въ которыхъ участвуютъ всѣ лучшіе музыканты, какіе только находятся въ Москвѣ. Въ прошедшемъ году 1-ю скрипку держалъ *Роде*, а въ нынѣшнемъ будетъ играть прима *Бальо*, альтъ *Френцель*, и на виолончели по прежнему *Ламаръ*. Есть чего послушать. Вся знать бываетъ на этихъ концертахъ. Братецъ И. П. Поливановъ, короткій пріятель В., обѣщалъ меня ему представить. Нетерпѣливо этого ожидаю.

Я и не зналъ, что комедія «*Ботъ*, или Англійскій Кунецъ», переведена молодымъ княземъ Долгоруковымъ; не даромъ старый князь такъ занимается театромъ, а любимецъ его Плавильщиковъ такъ хорошо играетъ *Бота*. Эта роль его торжество.

25 марта, суббота. Колымажный манежъ есть покаместъ лучшій манежъ въ городѣ для обученія. Старикъ *Кинъ*—самый добросовѣстный нѣмецъ и мастеръ своего дѣла. Графъ Орловъ-Чесменскій покровительствуетъ ему не безъ причины: *Кинъ* этого стоитъ; онъ не даетъ зашаливаться ученикамъ своимъ, кто бы они такіе ни были: угодно учиться—милости просимъ, а гонять лошадей безъ цѣли не позволяетъ. Учишься, такъ ѣди безъ стремянъ, покаместъ ихъ не заслужишь; когда же дадутъ стремяна—заслуживай шпоры. Чтò дѣло, то дѣло. Со временемъ всѣ будутъ ему благодарны, хотя теперь и ропшутъ. — Кроме учениковъ и молодыхъ людей, кончившихъ ученіе и ѣздащихъ на собственныхъ своихъ лошадяхъ для проѣздки ихъ, въ опредѣленные часы собирается въ манежъ много извѣстныхъ любителей верховой ѣзды, кавалеровъ и дамъ. Последнимъ даетъ уроки помощникъ *Кина*, берейторъ *Шульцъ*, красивый мужчина

среднихъ лѣтъ и отличный ѣздокъ. Сегодня въ манежъ были: молодая княгиня Урусова, княжны Гагарины, Щербатовы и К. А. Карамзина вмѣстѣ съ мужемъ; послѣдній ѣздитъ ежедневно по утрамъ для моціону. Лучшими ѣздоками въ городѣ считаются братья Соковнины, князь Дадьяновъ, младшій Алябевъ, Ив. П. Бибииковъ и Брокъ, живущій у гр. Салтыкова. У нихъ затѣвается большая карусель, только не условились еще въ назначеніи распорядителя.

Кинъ особенно расположенъ ко мнѣ за то, что я кротко обращаюсь съ лошадьми; за то я имѣю исключительную привилегію ѣздить на старомъ, бѣломъ *Фрипонъ*, фаворитной лошади покойнаго Государа, которая находится въ Колымажномъ на пансіонѣ. Мы взаимно другъ другу полезны: мнѣ ученье, а ему моціонъ. Фрипонъ очень любитъ сахаръ, и я никогда не сажусь на него и съ него не слѣзаю безъ того, чтобы не дать ему по нѣскольку кусочковъ. Бѣдняга отвыкъ отъ этого лакомства, и когда я его подчую, онъ смотритъ на меня своими большими черными глазами такъ умно, такъ умно, что, кажется, такъ и хочетъ сказать мнѣ спасибо; непродажному коню цѣны нѣтъ, — но что если бы этотъ старичекъ продавался?

Намедни мой П. И., проѣзжая мимо манежа, захотѣлъ взглянуть на наши подвиги; вдругъ пришла ему фантазія самому поѣздить верхомъ. То-то былъ смѣхъ! Онъ отъ роду не садился на лошадь. Сдѣлавъ нѣсколько вольтовъ, держась то за гриву, то за луку сѣдла, онъ сошелъ съ лошади, говоря, что это не магистерское дѣло. Я замѣтилъ, что Антонскій и профессоръ, а лѣтомъ ежедневно катается верхомъ, даже иногда и съ дамами; дѣло другое, возразилъ онъ, Антонскій, *профессоръ энциклопедіи*.

Завтра свободный день. Надобно исполнить комиссію батюшки и потаскаться по Англичанамъ, для выбора заводскаго жеребца. Въ этомъ дѣлѣ могъ бы вѣрнѣе всѣхъ руководствовать меня Н. П. Аксеновъ, — но у него есть продажные жеребцы своего завода, которые батюшкѣ не нравятся, потому что не того сорта, какіе ему нужны; — слѣдовательно Аксенова тревожить не кстати. Авось обойдемся и безъ него.

27 марта, понедельник. Ни одинъ изъ Англичанъ не показалъ вчера лошадей своихъ, отзываясь воскресеньемъ: просили прійхать въ простой день. Воскресенье у нихъ то же, что у Жидовъ суббота,—полный шабашъ для людей и животныхъ. Не спорю, что этого обычая можно держаться въ отношеніи къ работѣ, но развѣ вывести изъ конюшни лошадь на показъ есть работа? Теперь придется ѣхать не иначе, какъ въ субботу, или уже на страстной, потому что на этой недѣлѣ рѣшительно свободнаго времени не будетъ. Между тѣмъ въ субботу утреннее гулянье на вербахъ,—такъ видно до страстной.

Какъ я радъ, что добрый Сокольскій становится довольнѣе мною: я выучилъ дробь, и скоро примемъ за тройное правило. Дашковъ смется, что я того и гляди заткну за поясъ Загорскаго съ его курсомъ Безу. Нѣтъ, поздно! Чтобы успѣть въ какомъ-нибудь дѣлѣ, надобно любить его,—а я безъ отвращенія не могу смотрѣть на этотъ проклятый цифирь. То ли дѣло наша деревенская бирка или конторскіе счѣты?

29 марта, среда. Король сказывалъ, что дебютъ Граве назначенъ 11 числа апрѣля, т. е. во вторникъ на Святой недѣлѣ, въ какой-то преглупой пьескѣ «Der Gimpel auf der Messe», т. е. «Снѣгирь на ярмаркѣ», подъ условленною фамиліею *Нето*. На пробахъ онъ не показалъ ни искры таланта, былъ очень дурень и смѣшонъ, и заботился только о томъ, чтобы цѣловать мадамъ Штейнсбергъ, какъ предписывала пьеса; сколько ему ни говорили, что на репетиціяхъ этого не водится, но онъ настаивалъ на своемъ, что чрезвычайно забавляю Штейнсберга. Ну, г. *Снѣгирь-Нето*, просимъ не прогибаться, а мы отдѣлаемъ тебя ни въ строй, ни къ смотру. Кажется, малый—душа, а дѣлаетъ глупость, которая можетъ испортить всю карьеру по службѣ его въ Кремлевской экспедиціи.

1 апрѣля, суббота. Вмѣстѣ съ присланнымъ отъ батюшки конюшимъ обрыскали мы вчера и сегодня утромъ всѣхъ англичанъ и даже не англичанъ, и я успѣлъ попасть на гулянье въ свое время. Народу было бездна, но блистательныхъ экипажей и упряжекъ не было: берегутъ для святонедѣльныхъ гуляній. Главнѣе командующій 2 раза проѣхалъ со всею свитою. Знакомыхъ

встрѣтилъ мало, но тѣмъ, которыхъ встрѣтилъ, былъ радъ-раде-шенекъ, и завтра по приглашенію поѣду обѣдать къ нимъ:

И пусть надъ мною неизбежныя
Судьбы свершится приговоръ.

А тутъ и рѣша кстаѣ: вздоръ.

Разумѣется, вздоръ! Пообѣдаемъ, порѣзвимся, меня поласкаютъ, надо мною потрунять, спросятъ, не изъ *рыбьяго* ли сукна мой фракъ?—и только; да чего же больше. Я увѣренъ, что, если бы могло быть *больше*, было бы *меньше*. Разгадка этой загадки моя тайна, а другимъ до нея дѣла нѣтъ.

Такой лошади, какая нужна отцу моему, у англичанъ не нашли; но у графа Орлова, Загряжскаго и Давыдова видѣли нѣсколько лошадей, которыхъ конюшій облюбовалъ, и говоритъ, что именно такого жеребца и приказано купить. Больше всѣхъ понравился намъ жеребецъ у Загряжскаго: бурый въ маслѣ, большого роста, широкій, ноги плотныя, шея лебединая съ зарѣзомъ, голова небольшая, уши вострыя, глаза на выкатѣ, и оскаль такой, что въ ноздрю хотъ кулакъ суй. Хвостъ и грива жиденки, но за то мягки какъ шолкъ: признакъ породы. Конечно, дорого: меньше 800 р. не отдадутъ, да еще придется давать на поводъ, однако же дѣлать нечего, купить необходимо: весна на дворъ. Дай только Богъ угодить отцу.

Видѣли у Банка: *Данпла* отъ Дельпини и *Гартофъ-ока* отъ Метеора; у Ив. Смита: *Серъ-Роуланда* отъ Вальпуга, и *Фона* отъ Волонтера; у Жаксона: фаворита московскихъ охотниковъ *Тромпетера* отъ Трумпатора. Всѣ лошади отличныя, но Данплъ—краса лошадей. Тромпетеръ очень красивъ, но малъ и тонокъ. Да у Москвы свой собственный вкусъ. Теперъ мода на рыжихъ лошадей съ фонарями, т. е. съ проточинами. Каковы бы они качествомъ ни были, цѣна имъ вдвое.

6 апрѣля, четвергъ. А—скій староста привезъ отъ матушки письмо, которымъ увѣдомляетъ о кончинѣ добрыйшаго Ив. Ив. А—го, и поручаетъ мнѣ выбрать ему надгробный памятникъ, на покупку котораго крестьяне миромъ посылаютъ 400 руб. Такая сумма для деревни въ 60 душъ не маловажна! Приходскій священникъ придумалъ для памятника и надписи; съ одной стороны:

«Благодѣтельному помѣщику (имярекъ) отъ благодарныхъ крестьянъ»; а съ другой: «Въ челоуѣкъ посланъ отъ Бога, имя ему Іоаннъ». Первую вырѣзать можно и должно, но послѣдняя ни къ селу, ни къ городу. Если этотъ текстъ пригоденъ былъ для надгробнаго слова Собіескому, то для надписи И. И., котораго христіанская дѣятельность заключалась въ кругу чрезвычайно ограниченномъ, онъ вовсе не у мѣста. Прикажу вырѣзать просто: «Память праведнаго съ похвалами». И точно, дядя Ваня, какъ я называлъ его въ дѣтствѣ, былъ совершенно праведный мужъ, хотя образъ жизни его и весь онъ самъ казались непостижимо странными. Уступивъ женатому брату, по его настоятельной просьбѣ, изъ отцовскаго наслѣдства болѣе 400 душъ, со всею почти движимостью, онъ оставилъ себѣ одно небольшое имѣніе въ 60 душъ, и жилъ въ верстѣ отъ него въ лѣсу, въ сообществѣ единственной своей прислуги, стараго псаря Климича и брюзгливой старой страпухи; три борзыхъ собаки и нѣсколько вятскихъ лошадей, за которыми ходилъ и присматривалъ самъ, составляли все его движимое имущество; онъ былъ, или казался, страстнымъ псовымъ охотникомъ, и часто пріѣзжалъ къ дѣду на условенныя полеванья. Какъ теперь вижу его лысую голову, его большіе на выкатѣ глаза, его смѣлый рѣшительный взглядъ, и эту вѣчную добродушную улыбку; какъ теперь слышу его громкую, отрывистую поговорку и почти непрерывный хохотъ, увлекавшій къ безотчетной веселости всю бесѣду. Помню синій патенкоровый его кафтанъ и зеленый съ откладными полями картузъ, длинный въ серебряной оправѣ охотничій ножъ, и огромную коренковую, домашняго издѣлія, съ короткимъ чубукомъ, трубку, служившую ему кистенемъ и дубинкою; помню неразлучныхъ его спутниковъ, двухъ большихъ псовыхъ собакъ *Пожара* и *Пылая*; и соловую лошадку, на которую онъ, старый Немвродъ, сажалъ меня пятилѣтняго баловня, къ ужасу моей няни и прочихъ приетавницъ, соблазнявшихся его издѣвками. Помню, какъ все домашніе всегда радовались его пріѣзду, съ которымъ какъ будто водворялось благословеніе Божіе не токмо въ домѣ, но и въ цѣломъ селеніи; какая-то свобода и миролюбивыя между всѣми отношенія: дѣдушка не кричалъ на прикащика, прикащикъ не тузилъ мужи-

ковъ, дворовые люди сидѣли всѣ на лицо безотлучно въ передней, дѣвки не таскались по застольнымъ, и все принимало видъ какого-то праздничнаго порядка, какъ будто бы наступало другое Свѣтлое Воскресенье. Памятны мнѣ всѣ разговоры домашнихъ гостей и сосѣдей, когда, проводивъ Ив. Ив., начать толковать, что другаго Л—го не сыскать, что онъ, кажись, такъ старичонокъ непосѣдъ, сегодня здѣсь, а завтра тамъ, собачникъ и хохотникъ, безъ проказъ ни на часъ, а между тѣмъ, что ни затѣваетъ, все къ добру и все добромъ сводить; что онъ Ф. помирилъ съ женою и заставилъ ихъ жить душа въ душу; что у князя О. выпросилъ сыну прощенье и ввелъ опять въ домъ; что бѣдному Р. отхлопоталъ землю, которую отнимали ябедники; что поца, отца Евдокима, котораго оклеветали и чуть было не отрѣшили, отстоялъ предъ владыкою; что Макар—го однодворца, на котораго насѣлъ голова съ волостнымъ писаремъ и повезъ безъ очереди въ рекруты, вынесъ изъ бѣды на плечахъ. — Всѣ эти толки я живо помню, и вотъ, на конецъ, этого добраго человѣка не стало. Миръ праху твоему, почтенный старецъ, *почившій въ благословеніяхъ!*

Ѣдемъ въ Соборъ на умовеніе ногъ, поучаться смиренію. Отъ души помолюсь объ усопшемъ и о себѣ: что-то давно не было такъ грустно.

10 апрѣля, *понеделѣнникъ*. Спѣшу мысленно обнять тебя, *любезнѣйшій братъ*, и поздравить съ наступившимъ праздникомъ. Какъ бы желалъ сказать тебѣ лично обычное, животворящее: *Христось воскресе!* и въ возвратъ услышать отрадное: *во истину!* Когда-то это сбудется?

Спасибо, сердечное спасибо за все про все. Ты начинаешь ужъ слишкомъ баловать меня. Для скромнаго прожитка намъ достаточно бы было одного жалованья матушки, съ присовокупленіемъ домашней ея провизіи, а ты непременно хочешь озолотить нашу жизнь! Боюсь, что щедрость твоя приучитъ меня къ мотевству. Впрочемъ, нѣтъ! Безъ пособія твоего я не видалъ бы и не слыхалъ много такого, что послужило мнѣ въ истинную *подъзу*. Наглядная наука—спорѣ.

Ты и понятія имѣть не можешь о той ночи, какую мы про-

велъ съ страстной субботы на Свѣтлое воскресенье въ нашъ Кремль. *«Во истинну сія препразднественная и спасительная ночь и свѣтозарная свѣтоноснаго дне возстанія провозвѣстница»*. Мнѣ кажется, что эта боговдохновенная пѣснь св. Іоанна Дамаскина ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, кромѣ Іерусалима, не можетъ такъ сильно и благодатно дѣйствовать на всѣ чувства христіанина, какъ въ этой священной оградѣ нашего православія! Мы пріѣхали въ одиннадцатомъ часу, когда только начали освѣщать соборы, между тѣмъ какъ все безграничное замоскворѣчье, съ его храмами и высокими колокольнями, горѣло уже безчисленными огнями, въ ожиданіи благословенія съ *высотъ священнаго Кремля* къ началію благовѣста, и за тѣмъ божественной службы. Вскорѣ раздался первый призывный къ молитвословію ударъ огромнаго Ивановскаго колокола, — и въ одну минуту, какъ будто по какому-то электрическому сотрясенію, загудѣла вся Москва. Я въ жизнь свою не забуду этой минуты! Но когда, послѣ получасоваго благовѣста, внезапно начался общій оглушающій звонъ всѣхъ колоколовъ кремлевскихъ и цѣлаго города, и въ то же время изъ всѣхъ соборовъ потонули древнія хоругви, златокованныя иконы и кресты, духовенство въ праздничномъ облаченіи съ дымлящимися кадьями, а за нимъ тьма тьмуца народъ съ зажженными свѣчами, при громогласномъ и торжественномъ пѣніи этой божественной пѣсни: *Воскресеніе Твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небсехъ*, то признаюсь, я пришелъ въ какое-то небывалое со мной положеніе, въ какой-то духовный восторгъ, и со слезами повторилъ въ глубинѣ души моей: *и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славити* всегда и повсюду, какъ здѣсь въ настоящую минуту.

На дняхъ опишу тебѣ свои праздничные визиты и завтрашній дебютъ Г. въ «Сибирь».

12 апрѣля, среда. Праздничныя поздравленія мои окончились довольно скоро, хотя я почти всѣхъ заставалъ дома. Впродолженіе этого не встрѣтилось ничего такого, что бы заслуживало особенное твое вниманіе, кромѣ многозначительныхъ вопросовъ Т. и К. о твоемъ житіи-бытіи и нѣкото-

рой пѣни за твое молчаніе. Не могу сказать на вѣрное, но кажется, какъ будто хотѣли о чемъ-то говорить со мною: вѣроятно о томъ же, какъ тебя любятъ и *жалуютъ*, *жаллютъ* и *желаютъ*. Горе вамъ богатымъ! Вотъ наша братья совсѣмъ другое дѣло: насъ не *жаллютъ*, и не *желаютъ*, а просто христуруются съ нами, по-русски: *cela ne peut pas tîter a consequence*. Но послѣ необходимаго воскреснаго поцѣлуя, тутъ же и необходимый вопросъ: «а фракъ вашъ не изъ рыбаго ли сукна?» *O ma tante, ma tante!* Бога она не боится!

Ну ужъ Федоръ Павловичъ, одолжилъ! Думаю, что съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ театръ, не было актера, которому пришлось бы играть приличнѣйшую своей фигурѣ роль: вотъ ужъ настоящій скитающійся банмачный подмастерье! Маленькій, толстенный, сутуловатый, грудочка впередъ, голова ушла въ плечи, физиономія пренечальная, голосъ нищаго, и ко всему этому: сѣрый изношенный сюртукъ по щиколдку, дырявая шляпа и огромный чемоданъ за плечами, — словомъ, умора! По случаю праздничныхъ дней театръ былъ биткомъ набитъ. Едва только появился нашъ Нето, публика встрѣтила его общимъ рукоплесканіемъ, продолжавшимся, конечно, минутъ пять; мы было хотѣли пошпикать да похвастать—куда тебѣ! Никто изъ насъ не въ состояніи былъ сжать губы отъ смѣха. *Nous avons ris—nous voila desarmés*; а мы не то, чтобы смѣялись, но буквально находились въ припадкѣ истерическаго, конвульсивнаго смѣха. Непетовые крики «браво, браво», топанье ногами, стучанье палками, — словомъ, всѣ обыкновенныя принадлежности театральнаго восторга сопровождали каждую фразу Сивгиря-Нето, и почти не давали ему говорить. Всѣ находившіеся на сценѣ актеры не могли воздержаться отъ хохота.... Но вотъ кой-какъ доплелся Нето до сцены поцѣлуевъ: съ какимъ-то бѣшенствомъ бросился онъ на бѣдную мадамъ *Штейнсбергъ*, и началъ, не то, чтобы цѣловать ее, а просто грызть, и повисъ у ней на шеѣ. Чтò происходило за сими, я не умѣю того выразить. Вся праздничная публика вышла совершенно изъ себя, такъ что умный и ловкій полиціймистеръ В., хотя и самъ помиралъ со смѣху, принужденъ былъ обратиться къ публикѣ съ просьбою объ умѣреніи своего восторга. По

окончаніи пьесы мы отправились за кулисы взглянуть на новаго дебютанта, и нашли, что мадамъ Штейнсбергъ въ слезахъ, а Лето, приложивъ руку къ челюсти, охаетъ. Она только что предъ нами отвѣсила ему престоковую пощечину. — «Что, каково? спрашиваетъ дебютантъ, — вѣдь я говорилъ, что произведу необыкновенный эффектъ! — Да, отвѣчали мы, — но когда же играешь опять? — Нѣтъ, довольно: кажется, я въ два часа постарѣлъ двадцатью годами». — Слава Богу! А вѣдь свистковъ не было и принять съ восторгомъ; Штейнсбергъ великій знатокъ человѣческаго сердца!

Гулянья подъ Новинскимъ начались блистательно. Время стоитъ прекрасное. Экипажамъ счета нѣтъ и кавалькадъ много. Изъ числа первыхъ болѣе всѣхъ обратила на себя вниманіе карета какого-то Павлова: голубая съ позолоченными колесами и рессорами, соловья лошади съ широкими проточинами и съ гривами по колѣна, въ бархатной пунцовой съ золотымъ наборомъ сбруз. Чрезвычайно нарядно. Коренныя, какъ львы, развязаны на позолоченныхъ цѣпяхъ, а подручная безпрестанно на курбетахъ. Изъ кавалькадъ лучшею показалась мнѣ та, въ которой видѣлъ я графа П. И. Салтыкова. Немногочисленна, но всѣ лошади прелесть. И. П. П. также отличался въ ней, и его старушка *Бетси* до сихъ поръ считается самою красивѣйшею лошадью въ Москвѣ.

13 апрѣля, четвергъ. Гулянья подъ Дѣвичьимъ было чрезвычайно многолюдно. Но все это хорошо только для новаго чловка, а то приглядишься не только къ лошадямъ и экипажамъ, но даже и къ тѣмъ фигурамъ, которыя въ нихъ сидятъ и стоятъ на запяткахъ; все одно и то же: однообразно и скучно; и тѣмъ болѣе скучно, что почти въ каждой фізіономіи ѣдущаго или ѣдущей на показъ въ публику замѣтно одно чувство: желаніе блеснуть и возбудить зависть въ другихъ своимъ достаткомъ или вкусомъ. Я это заключаю, право, не изъ какой-нибудь мизантропіи, въ мои лѣта непростительной, и даже невозможной, но изъ тѣхъ самодовольныхъ взглядовъ, улыбокъ, киваній головами, маханій руками, которыя замѣтилъ я у всѣхъ почти владѣльцевъ раззолоченныхъ экипажей. Какая разница въ физіс-

номіи щеголей, идущихъ на гулянье казать себя, и тѣхъ, которые идутъ смотрѣть другихъ изъ одного любопытства или по обязанности; говорю по обязанности, потому что, какъ мнѣ толковалъ умный Николай Андрѣевичъ Новиковъ, всякій коренной москвичъ обязанъ быть на извѣстныхъ гуляньяхъ, во избѣжаніе заключеній о немъ, точно также, какъ и всякая московская барышня обязана не пропускать на балахъ ни одного танца. Я не бывалъ на гуляньѣ 1 мая въ Сокольникахъ, но говорятъ, что при хорошей погодѣ это гулянье восхитительно и превосходитъ всѣ другія. Нынѣшній годъ не пропущу его.

По случаю сегодняшняго гулянья подъ Девичьимъ, во всѣхъ домахъ, находящихся на Пречистенкѣ, начиная съ Всеволожскаго до Хитровыхъ, назначены большіе вечера. Это для тебя не новость, потому что такъ ежегодно бываетъ, но вотъ одна достойная твоего любопытства, и которой ты не ожидаешь: К. Е. Б., у которой также былъ назначенъ вечеръ, неожиданно въ обѣдъ разрышилась отъ бремени, послѣ двадцати-четырехъ-лѣтняго неплюдія. Мужъ очень доволенъ тѣмъ, что это именно случилось въ четвергъ, когда въ ожиданіи гостей онъ долженъ былъ по неволѣ оставаться дома, — иначе онъ былъ бы въ отчаяніи потому, что такой казусъ воспрепятствовалъ бы ему ѣхать по обыкновенію въ Англійскій клубъ. Крестнымъ новорожденнаго и празднество серебряной свадьбы родителей назначаются въ одинъ день.

18 апрѣля, вторникъ. Я полагаю, что самъ князь Одоевскій въ цѣлый мѣсяцъ не получитъ отъ всѣхъ своихъ корреспондентовъ столько вѣстей, сколько получишь ты отъ одного меня въ нѣсколько дней, а ты все еще пѣняешь и воняешь! Я описываю тебѣ только то, что самъ видѣлъ и слышалъ, и рассказываю тебѣ собственныя свси похождения: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Не считай же мнѣ для тебя романовъ въ родѣ толстаго романа толстѣйшей И—ой, за который недавно бѣдняга проглотила такую злою и обидную, хотя и не совсѣмъ острую, эмиграмму:

И—ой романъ съ И—ой и сконденъ,

Онъ также, какъ она, дородень,

И также ни къ чему не годень!

Ужъ не увѣдомлять ли тебя о двухъ Американцахъ, мужъ и

женѣ, которыхъ балаганички, наощивъ чернымъ воскомъ, называютъ *Гуронекими дикарями* и заставляютъ ихъ глотать какую-то мерзость; или о *молодомъ прекрасномъ*, какъ опубликовано, *мушкетеръ о трехъ рукахъ*? Очень нужны тебѣ подобныя свѣденія! Однако же, за гуляньями и другими подобными *недокугами*, я точно не успѣлъ рассказать тебѣ въ подробности о праздничныхъ своихъ визитахъ. Обвѣздилъ всѣхъ — важныхъ и не важныхъ, угрюмыхъ и привѣтливыхъ, — словомъ, отъ аза до зжицы. Нигдѣ не скучалъ, но отъ Ив. П. А. и его семейства просто въ восхищеніи. Пусть толкуютъ, что хотятъ, а безъ сердечной доброты не возможно такъ радушно и ласково принимать людей маловажныхъ. Графа И. А. — ча случилось мнѣ въ первый разъ видѣть во всѣхъ атрибутахъ его званія. Настоящій камерлеръ! До сихъ поръ я видалъ его не иначе, какъ въ малиновомъ тулупѣ и въ желтыхъ туфляхъ. Засталъ у него множество известныхъ лицъ: добраго пузанчика А., съ сыномъ котораго я былъ въ пансіонѣ у *Ронки*, генерала кн. Лобанова-Ростовскаго — такого проворнаго и живаго, какъ ртуть; П. П. Бантына-Каменскаго и помощника его А. Θ. Малиновскаго, автора Старинныхъ святокъ и издателя театральныхъ пьесъ Коцебу, которыя заставлялъ онъ переводить молодыхъ людей, служащихъ въ архивѣ; этимъ пьесамъ кн. Горчаковъ далъ общее названіе *коцебутины*. Были также пасторъ Гейдске, старикъ А. А. Юни, извѣстный своею службою въ Сибири и уважаемый Великою Екатериною за примѣрное свое безкорыстіе; и еще очень замѣчательное лицо, или вѣрнѣе, личико, А. П. Н. . . ., крошечный, худенькій, на тоненькихъ, какъ спички, ножкахъ старичокъ, такъ что его безъ затрудненія спрятать можно въ ридикюль Натальи Дмитріевны О. И что жъ? Эта щедушная куколка былъ, какъ тутъ рассказывали, въ молодости красавецъ, и такой необъятно-огромной тучности, что, будучи адъютантомъ графа З. Г. Ч., имѣлъ одинъ изъ всей свиты исключительную привиллегію сопровождать его въ особой каретѣ или коляскѣ, между тѣмъ какъ другіе по обязанности должны были ѣхать верхами. Н. подтвердилъ это съ какимъ-то пріятнымъ воспоминаніемъ.

Въ этотъ разъ старый дипломатъ обошелся со мною ласковѣе, и даже рекомендовалъ меня Бантышъ-Каменскому, замѣтивъ однако, что въ архивѣ служить не совѣтуетъ, потому что молодые люди въ немъ балуются и не привыкаютъ къ труду. Графъ чрезвычайно хвалилъ исторію дипломатическихъ сношеній нашихъ съ Китаемъ, отъ самаго ихъ начала, собранную Бантышъ-Каменскимъ, и совѣтовагь всѣмъ прочитатъ ее, но авторъ замѣтилъ, что она не напечатана, и что, въ качествѣ начальника архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ, онъ, безъ разрѣшенія высшаго начальства не считаетъ себя вправѣ дѣлать свою компіляцію известною.

21 апрѣля, пятница. М., встрѣтивъ какую-то уличную барышню, хотѣлъ тотчасъ же увезти ее, но не удалось. Начальство узнало объ этой продѣлкѣ: молодецъ остановленъ и посаженъ подѣ арестъ. Спрашиваютъ: «что побудило васъ къ этому насилію»? — «Понравилась». — «Знаете ли вы коротко эту дѣвушку»? — «Вовсе не знаю». — «Какъ зовутъ ее»? — «Не знаю». — «Гдѣ и у кого живетъ она»? — «Не знаю». — «Какое же было ваше намѣреніе»? — «Жениться». — «Какъ же вы хотѣли жениться, если ее совсѣмъ не знаете»? — «Я узналъ бы послѣ». — «Но она не хотѣла ѣхать съ вами!» — «Что мнѣ за дѣло до ея хотѣнья, у меня своя воля». — М . . . недѣль 6. высиждѣлъ подѣ арестомъ, забывъ о красавицѣ и вышелъ какъ встрепанный; а между тѣмъ Цыгане на этотъ случай тотчасъ сложили пѣсню на голосъ: *Пряди мол пряха*, которую записной цыганосиль А. Н—въ ввелъ въ моду, подѣ названіемъ: *Върьныи примлты*. Мы ѣздили слушать ее: Степанида что твой соловей, такъ и разливается. Вотъ эта пѣсня:

Ахъ, зачѣмъ, поручникъ,
Сидишь подѣ арестомъ,
Въ горькомъ заключенн,
Колодяникъ безшпажнй? —
Ахъ, за тѣмъ я бѣдный
Сижу подѣ арестомъ,
Что свою милую
Любилъ очень большо. —

Кто жь твоя милая,
 Княжна иль графиня,
 Простая иль дворянка,
 Фрѣйдина ль какая?
 Дай свесу поклончикъ! —
 Ахъ, моя милая
 Безъ гнѣздышка пташка,
 Безъ племени, рода;
 Любить свою волю,
 Волю удалую.
 Узнаешь милую:
 Она по бульвару
 Все ходить да бродить
 Нѣмецкимъ развальцомъ;
 Въ шолковомъ капотѣ,
 Талійка съ прихватцомъ;
 Въ вязаныхъ перчаткахъ,
 Съ алымъ ридикюлемъ;
 Ходить да гуляетъ,
 Головой киваетъ,
 Себя забавляетъ,
 Народъ потѣшаетъ!
 Узнаешь милую —
 Такъ отдай поклончикъ.

Отъ пѣсни переходимъ къ элегій. Ты, вѣроятно, слышалъ о Сашѣ Д., прелестной и преисполненной талантовъ дѣвушкѣ, которую всѣ такъ любили. Она скончалась въ прошломъ году, скорѣ послѣ бала въ Благородномъ собраніи. Неутѣшные отецъ съ матерью поставили въ Даниловомъ монастырѣ надъ прахомъ милой дочери прекрасный памятникъ, на которомъ, послѣ имени, фамиліи и лѣтъ ея, приказали, вмѣсто эпитафій, вырѣзать *незабудку*. Буринскій, по желанію брата покойницы, написалъ на сей случай экспромтомъ стихи, а Нейкомъ положилъ ихъ на музыку, исполненную чувства и нѣмецкой мечтательности. Пошлю тебѣ этотъ романсъ: мелодія очаровательна, и всѣ знакомыя твои пѣвицы скажутъ за него спасибо.

На ея могилѣ есть цвѣтокъ незримый:
 Всюду разливаешь онъ благоуханье,

Онъ цвѣтокъ завѣтный, онъ цвѣтокъ лю́бимый,
Онъ — воспоминанье!

И вѣчно душистый, цвѣтокъ неизмѣнный
Не боится бури, не вянетъ отъ зноя,
Сторожитъ сохраннымъ имя преселенной
Къ вѣчному покою!

Когда Ситири-Немо, переставшій мечтать объ актерствѣ, сдѣлалъ подстрочный переводъ этихъ стиховъ для Нейкома, то онъ, обрадовавшись, сказалъ: *такъ и влетѣть Маттисономъ.*

25 апрѣля, вторникъ. Изъ Университета съ лекціей завернулъ я въ Хамовники, къ счастливцу Ш.; онъ не перестаетъ копить деньги, и третьяго дня выигралъ еще 5 т. р. у генерала И., который заплатилъ ему деньги не только безъ неудовольствія, но еще въ придачу подарилъ ему славнаго горскаго полевика. Каюсь, любезный, что мнѣ какъ будто стало завидно. Подумалъ: сколько на эти деньги накупилъ бы книгъ и эстамповъ, какихъ бы завелъ лошадей и проч.; а Ш. вовсе не дорожитъ своимъ выигрышемъ, и говоритъ, что, можетъ быть, сегодня же опять снустить все до послѣдней копѣйки. — Онъ предлагалъ взять меня въ маленькую долю безъ проигрыша; очень заманчиво, да страшно: будешь только и думать о приобрѣтеніи, а сверхъ того тяжело войдти въ обязательство, которое можетъ сдѣлаться гробомъ независимости; я не рѣшился, но за то не въ состояніи былъ отказатьсѣ ѣхать съ нимъ на гусиный и пѣтушиный бой къ князю И. С. М. Мнѣ чрезвычайно показалось любопытнымъ взглянуть на это состязаніе птицъ.

Посреди большой залы устроена была арена, обнесенная кругомъ холстинными кулисами въ $\frac{3}{4}$ арш. вышины. Хозяинъ и всѣ приглашенные гости сидѣли вокругъ, а другіе любопытствующие охотники всякаго званія, купцы, мѣщане и дворовые люди, стояли какъ и гдѣ кто могъ помѣститься. Прежде пустили въ арену бѣлую гусыню, которая тотчасъ же начала жалобно гогокать. Одинъ изъ сермяжниковъ обратился съ увѣреніями къ хозяину, что *эта-де рѣдкая самка-сѣ для евова дѣла-сѣ.* — «Ну гдѣ же Варлаамъ», спросилъ князь Д. П. Г., «подавай Цицерона». И вотъ огромный гайдукъ вынулъ изъ мѣшка прематераго бѣлаго съ низыми крыльями гуся, и

пустилъ его въ арену. «Такъ какъ же, Петръ Петровичъ, продолжалъ горделиво к. Г., обращаясь къ одному толстому и рябому господину, сидѣвшему противъ него, угодно вамъ будетъ спустить охоту вашу, или нѣтъ?»—Почему же бы и не спустить, в. с—во,—отвѣчалъ рябой господинъ, — только какъ великъ будетъ закладъ?—«Я держу 50 р.»—Больше 25 р. я не могу.—«Остальные придерживаю я», рѣшилъ хозяинъ, и партія состоялась. «Манушка, давай Туляка!» крикнулъ Петръ Петровичъ,—и мальчикъ въ сѣромъ казакинѣнѣ тотчасъ же притащилъ темнобѣраго гуся и также пустилъ его въ арену. Сначала состязатели около 10 минутъ ходили вокругъ гусыни, которая не переставала гогокать; потомъ стали мало по малу вытягивать шеи съ какимъ-то шипѣниемъ, и, наконецъ, послѣ всѣхъ этихъ продѣлокъ, бросились другъ на друга. Тулякъ, будучи поменьше и попроворнѣе, первый поймалъ Цицерона за правое крыло, и началъ жестоко его жевать; потомъ и Цицеронъ ухитрился ухватить Туляка за правое же крыло, и также началъ его мять и жевать, кружась около гусыни. Въ этомъ обоюдномъ жеваньи и круженьи заключалось все единоборство бѣдныхъ птицъ, и только одно гагаканье царицы гусынаго турнира, да невольныя по временамъ восклицанія постороннихъ охотниковъ, державшихъ заклады: «Ну Цицеронъ, ну Тулякъ», или: «ай да молодець, ай да варваръ»! прерывали однообразіе этого жеванья. Кончилось тѣмъ, что Цицеронъ прежде покинулъ крыло своего соперника, и Тулякъ провозглашенъ побѣдителемъ. Владѣлецъ Цицерона былъ неутѣшенъ: съ сложенными крестъ на крестъ на груди руками и съ плачевною мншою, онъ поминутно обращался къ охотникамъ съ увѣреніями, что онъ самъ всему виноватъ, и что Цицерона обкормили, и проч. Ну ужь охота, подумалъ я и собрался уѣхать, но Ш. просилъ подождать его и посмотреть на сраженіе пѣтуховъ, которое, по увѣренію его, должно было быть *поживье* и *позадорье*.

Если первое единоборство есть пошлая глупость, то пѣтушій бой можно назвать сущою жестокостію, не менѣе отвратительною, какъ и медвѣжья травля. Выпущены предварительно свѣшенные два пѣтуха, съ остриженными и обдерганными шеями

и хвостами такъ, что каждое перышко представляло какую-то иглу, ноги были вооружены косыми острыми шпорами. Они тотчасъ же бросились другъ на друга съ необыкновенною яростію, и, не смотря на наносимыя другъ другу раны, продолжали биться до тѣхъ поръ, пока у одного не были совсѣмъ выбиты глаза и онъ не ослабѣлъ совершенно отъ истекающей крови. Бѣдняга упалъ и подняться не могъ, но соперникъ не переставалъ бить и терзать его до тѣхъ поръ, пока онъ не остался безъ всякаго движенія. Ихъ не разнимали, потому что условіемъ заклада былъ бой на смерть.

Сказывали, что за побѣдителя гуся предлагали рябому господину 400 р., а триумфаторъ пѣтухъ, принадлежавшій купцу изъ охотнаго ряда, не смотря на свои раны, былъ проданъ за 200 р. *De gustibus non est disputandum.* Прекрасно употребленіе денегъ и времени.

28 апрѣля, пятница. Вотъ прешарлатанское объявленіе французскихъ актеровъ, о представленныхъ вчера пьесахъ «*Les deux Soeurs, Fabrice et Caroline*» и «*La Cloison*». Эти люди считаютъ насъ, право, невѣждами, что позволяютъ себѣ подобныя выходки: «*De toutes les picces, quiont été représentés à Moscou, ces deux ouvrages sont sans contredit les mieux écrits et ne peuvent manquer d'obtenir le subfrage des veritables connaisseurs et amateurs du repertoire francais. Nous nous permettons d'annoncer au public, que «La Cloison» a obtenu samedi dernier un succès complet. Nous regrettons seulement qu'il n'y ait point assez eu de spectateurs pour admirer ce charmant ouvrage, digne des connaissances de la noblesse de Moscou et nous l'invitons à honorer le spectacle de sa presence encore quelques representations, avant son depart pour la campagne.*

Не смотря на восписуемыя похвалы двумъ первымъ пьесамъ, послѣдняя мнѣ, лучше нравилась и разыгрывается очень мило. Не мудрено, что Duparçay въ ней хорошъ: онъ хорошъ вездѣ, гдѣ ни играетъ; но странно, что и другіе актеры, отъ перваго до послѣдняго, отъ него не отставали и также были хороши.

Москва въ большихъ приготовленіяхъ къ гулянію 1 мая: въ Сокольникахъ разбираются пренарядныя палатки и устроиваются

кавалькады. Скачка назначена на другой день, и говорятъ, будетъ блистательна, потому что записано много отличныхъ лошадей. Увидимъ.

2 мая, вторникъ. Сколько народу, сколько беззаботной, разгульной веселости, шуму, гаму, музыки, пѣсень, плясокъ и проч.; сколько богатыхъ турецкихъ и китайскихъ палатокъ съ накрытыми столами для роскошной трапезы и великолѣнными оркестрами, — и простыхъ хворостяныхъ, чуть прикрытыхъ сверху тряпками, шалашей съ единственными украшениями — дымищимся самоваромъ и простымъ пастушьимъ рожкомъ для акомпанимента поющихъ и пляшущихъ поклонниковъ Вакха. Сколько щегольскихъ модныхъ каретъ и древнихъ прадѣдовскихъ колымагъ и и рыдвановъ, блестящей упряжи и веревочной сбруи, прекрасныхъ лошадей и претощихъ клячъ, прелестнѣйшихъ кавалькадъ и прежалкихъ Донъ-Кишотовъ на прежалчайшихъ Россинантахъ. Нѣтъ, признаюсь, что я и не воображалъ видѣть такое многочисленное, разнообразное и живописное гулянье, на какое наконецъ попалъ я вчера въ Сокольники.

Погода стояла неподобная: теплая, тихая, свѣтлая, — настоящий день для праздничной встрѣчи весны; утренній дождь сдѣлалъ его еще пріятнѣе, потому что освѣжилъ зелень и уложилъ пыль, столь обыкновенную на песчаной дорогѣ гулянья и столь веселую не только для самихъ гуляющихъ, но и для тѣхъ, которые, въ качествѣ зрителей, оградили себя болѣе или менѣе разными навѣсами и завѣсами.

Насъ заманилъ къ себѣ въ палатку знакомецъ и сосѣдъ твой, гостепріимный Ефимъ Ефимовичъ Ренкевичъ, у котораго нами было прекрасное общество и роскошное угощеніе. Палатка его поставлена была на самомъ бойкомъ мѣстѣ: нѣсколько наискось противу палатки главнокомандующаго и другихъ вельможъ; отсюда все гулянье, на всемъ его протяженіи въ обѣ стороны, было видно. Между тѣмъ народъ, наиболѣе тутъ толпившійся, нетерпѣливо посматривалъ къ сторонѣ заставы, и казалось чего-то нетерпѣливо поджидалъ; какъ вдругъ толпа зашевелилась, и радостный крикъ: *идеть! идеть!* — пронесся по окрестности; и вотъ началось шествіе необыкновеннаго торжественнаго поѣзда,

безъ котораго, какъ говорили, гулянье 1 мая было бы не въ гулянье. Впереди на статномъ фаворитномъ конѣ своемъ, свирѣломъ, какъ его называли, ѣхалъ графъ Орловъ въ парадномъ мундирѣ и обвѣшанный орденами. Азіатская сбруя, сѣдло, мундштукъ и чепракъ были буквально залиты золотомъ и украшены драгоценными камнями. Немного поодаль, на прекраснѣйшихъ сѣрыхъ лошадяхъ, ѣхали дочь его и нѣсколько дамъ, которыхъ сопровождали А. А. Чесменскій, А. В. Новосильцовъ, И. Ф. Новосильцовъ, князь Хилковъ, Д. М. Полторацкій и множество другихъ неизвѣстныхъ мнѣ особъ. За ними слѣдовали берейторы и конюшіе графа, не менѣе 40 человекъ, изъ коихъ многіе имѣли въ поводу по заводной лошади въ нарядныхъ пополахъ и богатой сбруѣ. Наконецъ потянулись и графскіе экипажи: кареты, коляски и одноколки, запряженные цугами и четвернями одномастныхъ лошадей. Этотъ поѣздъ графа Орлова, богатаго, знатнаго, тучнаго и могучаго вельможи, съ такою блестящею свитой, съ такимъ количествомъ нарядныхъ служителей, съ такимъ множествомъ прекрасныхъ лошадей и разнородныхъ экипажей, представляетъ точно необыкновенно великолѣпное зрѣлище, и не можетъ не дѣйствовать на толпу народную. Впрочемъ сказываютъ, что графъ Орловъ и не однимъ своимъ богатствомъ и великолѣпіемъ снискалъ любовь и уваженіе москвичей, что онъ доступенъ, радушенъ, и, какъ настоящій русскій баринъ, пользуясь любимыми своими увеселеніями—скачками, бѣгами, цыганскими пѣснями и плясками и проч., обращаетъ ихъ также въ потѣху народа и какъ будто раздѣляетъ съ нимъ преимущества, судьбою ему предназначенныя.

А. А. Чесменскій, проѣзжая мимо палатки Е. Е., приглашалъ всѣхъ находящихся въ ней дамъ на сегодняшнюю скачку, и предлагалъ послать за билетами для входа въ галерею къ какому-то коллежскому комиссару, живущему у графа Орлова; многіе тотчасъ же воспользовались этимъ предложеніемъ.

4 мая, четвергъ. Скачка была отличная по количеству и качеству лошадей, и погода чрезвычайно ей благоприятствовала. Галереи наполнены были московскою знатью обою пола, и тутъ въ первый разъ мнѣ удалось видѣть князя Прозоровскаго. Во-

обще молодые люди и много дамъ были большею частію верхами и вѣдили внутри скаковаго круга. На призъ въ 500 руб., пожертвованный, какъ опубликовано было, *однимъ охотникомъ* (вѣроятно самимъ графомъ, и Д. М. Полторацкимъ), скакало 9 лошадей: графа Орлова, Полторацкаго, Чемоданова, братьевъ Мосоловыхъ, Савеловыхъ, Загряжскаго, Муравьева, и еще не помню чьи-то двѣ лошади. Дистанція назначена была два круга, т. е. 4 версты съ перескачкою. Этотъ призъ выигралъ г. Муравьева гнѣдой жеребецъ *Травлеръ*, родившійся въ Англіи, обскакавъ двукратно своихъ соперниковъ; второю лошадью въ оба раза приходила лошадь Мосоловыхъ; ѣздокомъ на *Травлеръ* былъ крепостной мальчикъ Муравьевыхъ Андрей, достигшій цѣли съ оборваннымъ стременемъ, но не потерявъ его; иначе, по недостатку вѣса, онъ долженъ бы считаться проигравшимъ скачку. Когда взвѣсили мальчика, многіе изъ присутствовавшихъ давали ему деньги за мастерское, или удачное сохраненіе вѣса. Второе состязаніе было на подписку 4 охотниковъ по 50 р. съ каждаго; изъ 4 лошадей гр. Орлова, Полторацкаго, Савелова и Мосолова выиграла кобыла *Добрал*, принадлежавшая послѣднему, оставивъ прочихъ весьма далеко, чуть не за флагомъ. За нимъ скакали нѣсколько благородныхъ охотниковъ на кубокъ въ 50 р., по подпискѣ ими сдѣланный. На дистанціи одного круга или двухъ верстъ, кн. Ив. Ал. Гагаринъ, скакавшій на лошади, купленной имъ у англичанина Шмита, оставилъ всѣхъ своихъ состязателей за флагомъ, и это случилось будто бы отъ того, что ихъ лошади не были по надлежащему приготовлены. Я право не понимаю, за чѣмъ же было и пускать ихъ въ скачку? Это *non-sens*. Послѣ скачки предъ бесѣдкою гр. Орлова пѣли и плясали цыгане, изъ коихъ одинъ, не молодой, необычайной толщины, плясалъ въ бѣломъ кафтанѣ съ золотыми позументами, и замѣтно отличался отъ другихъ. Оттого ли, что онъ богатымъ костюмомъ своимъ обращалъ на себя болѣе вниманія, чѣмъ другіе, или точно былъ мастеръ своего дѣла; только этотъ толстякъ показался мнѣ чрезвычайно искуснымъ, даже краснорѣчивымъ въ своихъ тѣлодвиженіяхъ. Онъ какъ будто и не плясалъ, а такъ просто, стоя на мѣстѣ, пошевеливалъ плечами, поворачивая въ

рукахъ шляпу, изрѣдка пригикивая и притопывая по временамъ ногою, а между тѣмъ выходитъ прекрасно: ловко, живо и благородно. Послѣ цыганской пляски завязался кулачный бой, въ который вступая, соперники предварительно обнимались и троекратно цѣловались. Побѣдителемъ вышелъ трактирный служака изъ Пѣвческаго трактира, Герасимъ, ярославецъ, мужичокъ лѣтъ 50-ти, небольшой, но плечистый, съ длинными мускулистыми руками и огромными кулаками. Говорили, что онъ некогда былъ подносчикомъ въ кабакъ и сотоварищемъ нынѣшнихъ знаменитыхъ откупщиковъ—богачей Р и Ч , которыхъ колачивалъ на пропалую. Этого атлета, лѣтъ 8 тому назадъ, отыскала графиня Е. Р. Дашкова и рекомендовала графу Орлову. По окончаніи всѣхъ этихъ продѣлокъ, графъ сѣлъ съ дочерью въ подвезенную одноколку, запряженную четырьмя гнѣдыми скакунами въ рядъ, ловко подобралъ возжи, и гикнувъ на лошадей, пустился во весь опоръ по скаковому кругу, и обскакавъ его два раза, круто повернулъ на дорогу къ дому и исчезъ какъ ураганъ какой. Смотря на этого, до сихъ поръ еще могучаго витязя, я вспомнилъ стихи къ нему Державина:

Онъ въ колесницѣ съ горъ бедрой
Минервы удержалъ паденье!

Что ни говори, а графъ Орловъ—личность очень замѣчательная!

7 мал, воскресенье. Помѣщикъ И.,—очень хорошій, среднихъ лѣтъ человекъ, довольно образованный, т. е. говоритъ по-французски и по-нѣмецки, имѣетъ слабость считать себя поэтомъ, протексировать какихъ-то ничтожныхъ музыкантовъ и казаться аристократомъ, прибавляя между тѣмъ къ каждой почти рѣчи совсѣмъ не аристократическое слово *катавасія*. Этотъ И. влюбился въ Катеньку Б., не богатую, но милую и умную дѣвушку, живущую съ малолѣтства у Н. М. В., и предложилъ ей свою руку. Это бы ничего—только онъ не ловко сдѣлалъ это предложеніе. Въ день рожденія Катеньки Б. онъ отправилъ къ ней преогромный букетъ какихъ-то пошлыхъ цвѣтовъ, и въ немъ объясненіе въ любви съ формальнымъ предложеніемъ въ уморительно-напыщеныхъ куплетахъ. Катя, разумѣется, тотчасъ же

отдала и то и другое своей благодѣтельница, которая, прочитавъ стихи и не очень понимая ихъ, сказала: кажется, сватается; если не противень тебѣ, то я не препятствую: не вѣкъ же сидѣть въ дѣвкахъ.—Конечно, маман, отвѣчала Катя съ живостію, имъ пренебрегать не должно, объ немъ отзываются хорошо; но вѣдь онъ мнѣ лично никогда ни слова не говорилъ, а если положиться на эти глупые стихи и вопочій букетъ, то можетъ выдти *катавасія*. Это словцо подѣлилъ зубоскала М., и вотъ тебѣ написанные имъ экспромтомъ куплеты:

Вотъ Катѣ пльнительной
Оснадцать ужъ лѣтъ,
Такой воспитательной
Другой въ свѣтъ нѣтъ.

Помѣщикъ значительный
Варугъ шлетъ ей букетъ,
И въ немъ объяснительный
Запрятанъ куплетъ.

Куплетъ уморительный:
Любовный привѣтъ!
Онъ ждетъ утвердительный
Отъ Кати отвѣтъ.

Но Катя въ претензіи:
« Въ стихахъ смысла нѣтъ,
Изъ чахлой гортензіи
И самый букетъ.

Пусть авторъ съ талантами,
Какъ все говорятъ:
Всегда съ музыкантами
И аристократъ!

Но мнѣ изъ согласія
Всѣхъ этихъ даровъ,
Видна катавасія
Подъ формой цвѣтовъ! »

Эти куплеты поются во многихъ домахъ на разные напѣвы, и дошли уже до свѣденія нашего помѣщика. Онъ очень пѣтушится и угрожаетъ М.; но до дуэли не дойдетъ, а свадьба состоится.

10 мая, среда. Москва начинаетъ пустѣть; по улицамъ ежеминутно встрѣчаешь цѣпи дорожныхъ экипажей и обозовъ: одни вывозятъ своихъ владѣльцевъ, другіе пріѣзжаютъ за ними. Скоро останутся въ Москвѣ только коренные ея жители: лица, обязанныя службою, купцы, иностранцы и наша братья, принадлежащая къ учащемуся сословію. Дѣдушка говоритъ, что и еще одинъ классъ людей не выѣдетъ изъ Москвы, именно классъ должниковъ, которыхъ не выпустятъ кредиторы. Странно, что одна часть города въ Москвѣ не пустѣетъ лѣтомъ: это Нѣмецкая слобода. Она всегда въ нормальномъ своемъ состояніи.

Вчера ѣздилъ проститься съ Л., у которыхъ провелъ цѣлый день. Не повѣришь, какъ мнѣ сдѣлалось грустно: право хотѣлъ плакать. А. П. сказала: «не грустите, скоро пріѣдемъ назадъ. — А какъ скоро, спросилъ я? — Да вотъ папа говоритъ, что непременно къ тому времени, какъ привозятъ невѣсты: къ Рождеству, съ поросятами». — Я лопнулъ со смѣху; «почему же не сказали вы — съ цыплятами? тогда бы я отвѣчалъ вамъ, не боясь обидѣть васъ сравненіемъ. — А что же бы вы отвѣчали? — Я сказала бы, que les poulets sont aussi bons, a croquer que les poul... — Не извольте договаривать: Monsieur, l'insolent au drap de poisson». — Однако же, не смотря на эту размовку, мнѣ подарили маленькой кошелекъ своей работы, а я долженъ былъ нарисовать что-нибудь въ альбомъ и написать стихи. Я ничего не могъ придумать умнѣ этой глупости: нарисовать рѣку и стоящаго на берегу человѣчка, съ включенными волосами, съ приложенною къ сердцу рукою и разинутымъ ротомъ, и подъ рисункомъ подписалъ:

Выйду я на рѣченьку,
Посмотрю на быстрюю,
Унеси ты мое горе
Быстра рѣченька съ собой!

Ужъ если пошло на пошлости, такъ, по моему, онѣ должны, быть самыя пошлыя, и въ этомъ отношеніи рисунокъ, кажется, вполне удался.

Получилъ письмо отъ своихъ: зовутъ на ваканціи въ деревню. Матушка и отецъ пишутъ, что они рады будутъ, если привезу

кого-нибудь изъ товарищей и еще какого-нибудь нѣмца по зѣтѣйливѣе для общей компаніи. Я намѣренъ предложить Снѣгирю-Немо-Гр. быть моимъ спутникомъ, а изъ нѣмцевъ, чего лучше, возьму Адалберта-Фердинанда-фонъ-Кибурга-Кослинскаго. Этотъ бывший обоимъ подмастерье, а нынѣшній трагикъ, имѣетъ прекрасный характеръ, необъятную память и такъ добродушно болталить и веселѣть, что съ нимъ не задумаешься. Наши думаютъ провести лѣто въ *Липецкѣ* для сестеръ; 90 верстъ отъ деревни, все равно, что въ самой деревнѣ,—плюсъ: хорошее общество; лѣтомъ бываетъ тамъ много проѣзжающихъ. Буду радъ пожить на родимой сторонѣ послѣ пятилѣтняго отсутствія; погуляю, поохочусь, побѣжу верхомъ и попою цѣлительныхъ водъ, которыя могутъ быть для меня струями Леты, въ отношеніи къ извѣстной вострухѣ.

13 мая, суббота. На дняхъ М. И. Невзоровъ познакомилъ меня съ Ф. И. Карцевымъ. Гдѣ онъ отыскиваетъ такихъ оригиналовъ? Видно пословица справедлива, что рыбакъ рыбака далеко въ плѣсъ видитъ. Кто въ Москвѣ знаетъ о Карцевѣ, переводчикѣ столькихъ лучшихъ сочиненій Вольтера: «Гендриады», «Врута», «Разрушенія Лиссабона», «Орлеанской Дѣвственницы» и проч., нѣкоторыхъ сатиръ и эпистоль Буало и разныхъ мелкихъ стихотвореній другихъ авторовъ? А между тѣмъ этотъ переводчикъ очень не дурной, живетъ на Поварской улицѣ, въ собственномъ домѣ, приглашаетъ иногда знакомыхъ на вечеринки, и даже по временамъ даетъ пріятельскіе обѣды; а между тѣмъ этотъ переводчикъ, кромѣ литературнаго достоинства, необыкновенно умный и добрый человекъ! Я его спрашиваю: «читали ли вы кому-нибудь стихи свои? — Да, — говоритъ, — читалъ жень и еще отрывками князю Горчакову и Карину. — И вы не имѣли и не имѣете намѣренія ихъ напечатать? — А на что, батюшка? Я пишу и перевожу самъ для себя, потому что люблю трудъ: будто, не имѣя въ виду извѣстности, и писать нельзя? — Такъ, однако же эта извѣстность служитъ поощреніемъ таланту. — Это, батюшка, могутъ думать одни праздные люди, которые не понимаютъ, что есть наслажденіе въ самомъ процессѣ труда. Знаете ли вы умное слово одного англичанина своему пріятелю,

который замѣтилъ ему, что работа его должна быть most tedious, очень скучна. — This tediousness, is very amusing, — эта скука очень занимательна, отвѣчалъ онъ; и это совершенная правда. Вотъ, батюшка, вы молодой человѣкъ, если хотите быть неизмѣнно счастливымъ во всѣхъ превратностяхъ жизни, то любите трудъ, какъ любятъ любовницу—безкорыстно. Я не знаю по-нѣмецки, но мнѣ сказывали, что у вашего Шплера, — я говорю вашего, потому что онъ считается теперь любимымъ авторомъ новаго поколѣнія нашихъ писателей, — есть въ одномъ изъ его стихотвореній прекрасный стихъ: «ты *надъялся*, следовательно получилъ уже свою награду». Этотъ стихъ можно приписать къ труду: «ты *трудился*, следовательно былъ уже счастливъ». Невзоровъ, съ своимъ gros bon sens, замѣтилъ, что «едва ли безъ яснаго сознанія цѣли предпринятаго труда и убѣжденія въ его пользѣ, можно полюбить какой бы то ни было трудъ; вотъ, напр., возьмите четверикъ маку и считайте, сколько находится въ немъ зеренъ, — это будетъ также трудъ, но развѣ можно полюбить его, не будучи сумасшедшимъ?» — «Это сравненіе больше остроумно, чѣмъ справедливо, возразилъ Карцевъ: въ первыхъ, говоря о любви къ труду, я разумѣлъ любовь къ занятіямъ умственнымъ, — c'est notre point de depart; а во-вторыхъ, бывають обстоятельства въ жизни человѣка, когда и вашъ четверикъ съ макомъ можетъ ему пригодиться, если онъ считать умѣетъ. Когда вы, любезный М. И., попали случайно на 6-ть мѣсяцевъ въ подземелье къ Ш, безъ всякаго сноса къ занятіямъ, то вѣрно обрадовались бы вашему четверику съ макомъ, какъ средству съ большимъ терпѣніемъ ожидать вашего освобожденія. Вы меня не очень поняли: рѣчь моя клонилась къ тому, что въ одномъ только трудѣ заключается вся наука счастья, т. е. умѣнье наполнить пустоту жизни; съ этимъ умѣньемъ, — сочиняете ли вы поэму, или считаете маковыя зерна, — можно легко сносить свою участь, какова бы она ни была, не измѣняя малодушнымъ ропотомъ достоинству человѣка. Не отъ насъ зависитъ перемѣнить сію участь, но отъ насъ зависитъ пристраститься къ какому-нибудь постоянному занятію, которое на зло всѣмъ обстоятельствамъ наполнитъ нашу

душу, и будетъ, какъ вѣрный утѣшительный товарищъ, какъ ангелъ Товіи, сопровождать насъ до могилъ.» — М. И., шутя, жаловался ему на излишнее мое, будто бы, любопытство, страсть къ театру и разсѣніямъ свѣтскимъ, но между, тѣмъ *pour doger la pilule*, говорилъ, что я учился прилежно, люблю заниматься, и что постоянно веду ежедневный журналъ всѣмъ случающимся со мной происшествіямъ. На это Карцевъ отвѣчалъ, что въ мои лѣта разсѣніе даже необходимо, но не должно исключительно посвящать ему все свое время, потому что разсѣнія свѣтскія не наполнять пусты, которую чувствуетъ человекъ въ самомъ себѣ, а напротивъ увеличиваютъ ее, какъ соленая вода увеличиваетъ жажду. — «Если бы вы, прибавилъ онъ, не захотѣли писать или переводить, то читайте больше, только съ размышленіемъ: чужія мысли, большею частью, могутъ скорѣе руководить насъ къ достиженію внутренняго спокойствія, чѣмъ свои собственныя; а журналъ вашъ прекрасное дѣло: онъ приучаетъ къ труду и заставляетъ васъ отдавать отчетъ самому себѣ въ вашихъ помыслахъ, чувствахъ и дѣйствіяхъ; продолжайте его всегда: со временемъ слюбится.»

Такъ по этому я и не даромъ докучаю тебѣ своимъ мараньемъ! *слюбится*, сказалъ умный старикъ, и я тому вѣрю: если намъ такъ пріятно встрѣчать давно знакомыхъ людей, то еще пріятнѣе нѣкогда встрѣтиться съ самимъ собою, въ прежней мысли, въ прежнемъ чувствѣ и въ прежнемъ происшествіи.

17 мая, среда. Братъ любезный! я лишился Трезора, лохматого моего Трезора, добраго, вѣрнаго, неразлучнаго моего товарища и друга впродолженіи 12 лѣтъ; того самаго Трезора, надъ которымъ всѣ вы нѣкогда такъ издѣвались, и котораго между тѣмъ такъ любили, за привязанность ко мнѣ, необыкновенную смѣтливость и доброту. Онъ издохъ отъ старости, бѣдный Трезоръ мой, охранявшій меня почти отъ самой колыбели и бывший моимъ спутникомъ и стражемъ во всѣхъ переселеніяхъ, которымъ подвергалось мое юношество; теперь некому будетъ подать мнѣ, такъ часто забываемый, платокъ, ни отыскать затерянную вещь и неожиданно принести ее мнѣ на колѣна, тряся мохнатою своею головою, шевеля кудлатымъ хвостомъ и поглядывая на меня такими умилыными глазами. Нѣтъ, воля твоя, а

долго, долго не забыть мнѣ этихъ ежеминутныхъ доказательствъ привязанности и самоотверженія, этихъ первыхъ утреннихъ *здравствуй*, этихъ послѣднихъ вечернихъ *прости*, словомъ, всего этого домашнего счастья, которое называлъ я Трезоромъ. Если бы ты могъ видѣть, какъ издыхалъ онъ и какъ за минуту до издыханія, не смотря на совершенное изнеможеніе, усиливался подать мнѣ, по обыкновенію, косматую свою лапу. Несмѣйся надъ моимъ горемъ: это первая чувствительная утрата моей жизни. Дай Богъ, чтобы она не была предвѣстницею другихъ утратъ, болѣе горестныхъ!

20 мая, суббота. Съ горя таскаюсь по прощальнымъ обѣдамъ, и вчера на одномъ встрѣтилъ пріѣхавшаго изъ Петербурга переводчика двухъ частей «Русалки», Краснополяскаго, которому назначенъ за переводъ бенефисъ. Правду сказать: есть за что! Сказали бы нашей компаніи, и она бы рублей за сто перевела всѣ три части; а если бы захотѣли торговаться, то взяли бы и менѣе. На такія аріи, какъ:

Отнюдь я не стану грѣшить,
Съ чертами чтобы дружку водить, —

или:

Бѣляночку бы въ воскресенье,
Чернавку въ понедѣльникъ взять —

мы превеликіе мастера и доки, и можемъ всѣхъ русалокъ и съ чертовою мѣльницею перевести въ шестеромъ за одинъ присѣсть. Этотъ бенефисъ Краснополяскаго назначенъ во вторникъ 23 ч. Желаю ему собрать побольше денегъ (хотя, судя по времени, это и не вѣроятно), но вкладчикомъ въ кассу его не буду, и денежки приберегу на 24 ч., чтобы видѣть «*Рекрутскій наборъ*», въ которомъ такъ хороши Померанцевъ съ женою и Сандуновъ въ роли Климъ Гавриловича; за тѣмъ въ пятницу 26 ч. дебютъ *Кавалерова* въ роли Семена, въ комедіи: «*Братомъ проданная сестра*», который видѣть должно. Сандуновъ многія изъ лучшихъ ролей своихъ передаетъ начинающимъ. Это съ его стороны благородно и похвально, а для дебютантовъ совершенное счастье, потому что, по неимѣнію другой сцены, они не имѣютъ и случая совершенствоваться въ своемъ искусствѣ.

Кстатъ о Сандуновѣ: наемни, повстрѣчавшись на вечеринкѣ

у Павла Андреевича Вейделя съ старшимъ братомъ своимъ, известнымъ переводчикомъ Шиллеровыхъ «Разбойниковъ» и сенатскимъ оберъ-секретаремъ, такимъ же острякомъ, какъ и онъ самъ, они о чемъ-то заспорили; а какъ братья ни за что не упустятъ случая поподбивать другъ друга сарказмами, то старшій въ нмѣ спора и сказалъ младшему: «тутъ, сударь, и толковать нечего—вашу братью всякій можетъ видѣть за рубль!—Правда, отвѣчалъ актеръ, за то вашей братии безъ красненькой и не увидишь». Остро, однако же въ отношеніи къ Н. П. несправедливо, потому что онъ есть утѣшительное исключеніе изъ категоріи большей части его сослуживцевъ и не безъ причины пользуется общимъ довѣріемъ и уваженіемъ.

Я слышалъ, что онъ, т. е. Н. П., ѣдетъ также на лѣто лечиться въ Липецкъ съ молодою женою, совершенною красавицею. Какъ бы я былъ радъ съ нимъ тамъ встрѣтиться!

24 мая, среда. *Померанцева* можно назвать актеромъ *par excellence*. Какая натура, какое чувство, какая простота. Абрамъ—не на сценѣ; онъ въ своей избѣ; чистый русскій крестьянинъ, патриархальный владыка своего семейства, и между тѣмъ нѣжный отецъ. Хороша и *Померанцева* въ роли матери *Алексы Сандуновъ* превосходенъ въ роли *Клима Гавриловича*: настоящій подъячій съ приписью; однакоже подъячій, который существуетъ только въ нашемъ воображеніи, котораго знаемъ по преданіямъ, но котораго, конечно, никто изъ насъ не видалъ: это каррикатура; а и на бывшихъ нѣкогда подъячихъ. Молодой *Орловъ* въ сценѣ, когда *Ипполитъ* бросается къ ногамъ отца и проситъ благословенія идти вмѣсто *Алексы* въ рекруты, былъ увлекателенъ и заставилъ плакать; и самый *Кондаковъ* въ роли *Герасима*, великодушнаго извозчика-резонера, игралъ съ чувствомъ и жаромъ; словомъ, пьеса разыграна была бы прекрасно, если бы несчастная *Караневичева*—*Варвара* не портила всего хода пьесы. Что за претензіи, что за жеманство и отсутствіе всякаго чувства, что за льдина такая! Вмѣсто этой *Варвары*, доброй, простодушной крестьянки, сироты, чувствующей сиротство свое,—мы видѣли горничную, жеманницу, которая даже и при вопросѣ: какъ васъ зовутъ? отвѣчаетъ: «извините, мы не изъ таковскихъ». И вотъ

говорятъ, что эта же Караневичева будетъ играть Антигону въ «Эдипъ», котораго разучиваютъ къ осени. Что ни говори, а русскую оперу можно смотрѣть съ большымъ удовольствіемъ, чѣмъ русскія трагедіи и драмы: ни даровитый Плавильщиковъ, ни превосходный Померанцевъ, одни безъ женщинъ, не могутъ произвести никакого впечатлѣнія. Какъ-то случилось мнѣ видѣть *Беверля*, гдѣ въ нѣкоторыхъ сценахъ такъ отлично хорошъ *Плавильщиковъ*, — и что же? какъ только появлялась на сцену *Баранчеева*, игравшая роль жены его, то вся иллюзія исчезала. *Померанцевъ*, въ отцѣ семейства, превосходенъ, но лишь по-явится женщина, прости очарованіе!

Генералъ С. А. Т*** показывалъ П. И. свои стихотворенія, и признался ему, что любитъ чрезвычайно поэзію и въ свободное время только и занимается ею, сколько по страсти, столько же и потому, что тамъ, гдѣ онъ обязанъ постоянно жить, по службѣ, другихъ развлеченій нѣтъ. Въ этихъ стихотвореніяхъ нѣтъ никакихъ правилъ: ни мѣры, ни удареній, словомъ, ни складу ни ладу, — но между тѣмъ есть очень дѣльныя мысли. П. И. замѣтилъ автору, что надобно бы прежде узнать правила, и тогда уже приняться за сочиненіе, — иначе лучше писать прозу. Генералъ пожелалъ взять нѣсколько уроковъ тайкомъ, и П. И. въ недѣлю истолковалъ ему всѣ тайны стихосложенія, отказываясь отъ всякаго возмедія, и въ заключеніе послалъ свою шутку при слѣдующемъ посланіи съ эпитафюмъ изъ *Державина*: *учиться никогда не поздно!*

Т командиръ,
 Кому маневры и сраженья
 Не горькій трудъ, но сладкій пиръ, —
 Вотъ правила стихосложенья:
 Прими, учись и будь поэтъ;
 Теперь исполнивъ мой обѣтъ,
 Я ожидаю исполненья
 Обѣта твоего: втѣснить
 Порывы своевольной музы
 Обыкновенныхъ правилъ въ узы.
 Тебѣ легко повѣдимъ быть;
 Доступнымъ сдѣлай лишь искусство,
 Рѣшась воображенье, чувство
 Наукъ строгой покорить;

Наука лишь талантъ въмѣщаетъ,
И Божій даръ безъ ней—одно
Вѣчно гниющее зерно;
Безъ ней оно не прозябаетъ
И не цвѣтетъ въ красъ оно!

Стихи не гениальныя, но въ нихъ есть толкъ. Генералъ прислалъ П. И. на память золотую табакерку прекрасной работы.

27 мая, суббота. Нѣсколько дней я чувствую себя не хорошо, а между тѣмъ не утерпѣлъ, чтобы вчера не взглянуть на новаго дебютанта, въ роли слуги Семена, въ комедіи Ефимьева «Братомъ проданная сестра». Къ сожалѣнію долженъ сказать, что лучше бы сдѣлалъ оставшись дома: *Кавалеровъ* покажется не изъ числа настоящихъ кавалеровъ, а просто изъ разряда тѣхъ лицъ, которыхъ представляетъ; о будущемъ не говорю. Между тѣмъ прости. Голова жестоко болитъ, и чувствую то жаръ, то ознобъ. Добрый мой П. И. испугался и послалъ за Г. И. Допельмейеромъ. Если бы я писать къ тебѣ былъ не въ состояніи, то поручу П. И. или Снѣгирию-Немо, которому рѣшительно дѣлать нечего. Обнимаю.

24 іюня, суббота. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я началъ прогуливаться и дышать чистымъ воздухомъ, который видимо меня подкрѣпляетъ. Между тѣмъ я такъ измѣнился, что не могу ничего дѣлать, и даже мнѣ кажется тяжело написать къ тебѣ нѣсколько строкъ. Меня посѣтила сильная горячная, со всею свитою: бредомъ, пятнами и проч., и если бы не старикъ Допельмейеръ, который такъ меня любитъ, если бы не истинно отеческія попеченія Петра Ивановича, то можетъ быть переписка наша на всегда бы прекратилась. Нѣтъ словъ благодарить и Снѣгирия-Немо, который мало того, что просиживалъ у моего изголовья цѣлыя ночи безъ сна, но и теперь сужаетъ меня своей рукою, и потому ты можешь считать на полученіе обыкновенныхъ моихъ донесеній и всѣхъ сплетней, какими они сопровождаются. Начну со вчерашняго вечера: вмѣсто оперы «*Die Zauber Zitter*», которую намъ хотѣлось видѣть, мы, не заходя въ театръ, отправились съ-позаранку въ назначенный послѣ спектакля воксалъ, и усѣлись у пруда смотрѣть на ловлю лягушекъ, которыхъ въ этомъ прудѣ такая бездна. Эта ловля гораздо занимательнѣе уженья

рыбы, и видно входитъ въ моду у нѣмецко-слободскихъ обывателей, потому что ихъ человѣкъ 15 сидѣло съ удочками, на которыхъ вмѣсто обыкновенной приманки нацѣплены были кусочки красного сукна. Лягушки безпрестанно подпрыгивали изъ воды, жадно хватались за сукно и становились добычею ватрохолововъ. Эту забаву съ мѣсяць тому назадъ ввели въ моду братья Брандштетеры, для которыхъ она служить не только забавою, но и средствомъ къ удовлетворенію своей гастрономіи: они страстные охотники до фрикасе изъ лягушекъ, а потому весь уловъ этой водяной дичины предоставляется въ ихъ пользу.

А знаешь ли, что за люди братья Брандштетеры, Францъ и Антонъ? Это люди историческіе, и не даромъ носятъ свое прозваніе. Они находились прежде въ услуженіи князя Потемкина въ качествѣ фейерверкмейстеровъ, устраивали потѣшные огни въ Молдавіи и Валахіи и участвовали въ изготвленіи знаменитаго фейерверка, который былъ пущенъ во время извѣстнаго бала, даннаго княземъ въ Таврическомъ дворцѣ. Сверхъ того они механики, землемѣры, инженеры, гидрографы и живописцы. Антона Брандштетера я помню еще съ ребячества, когда онъ росписывалъ церковь у сосѣда нашего М. В. Муромцева, и ежегодно въ день именинъ жены его, 24 ноября, пускалъ фейерверки, на которые съѣзжались все окружныя помѣщики, и въ этомъ числѣ возили меня. Теперь эти Брандштетеры живутъ на покой, имѣютъ свою лабораторію, снабжаютъ всю Москву и сопредѣльными губерніи потѣшными огнями и ловятъ лягушекъ, употребляя ихъ въ продолженіе всего лѣта въ пищу, вмѣсто цыплятъ. Дешево и вкусно.

28 іюня, среда. Мы непременно выѣзжаемъ въ воскресенье 2-го іюля, и прямо въ Липецкъ, потому что мои домашніе должны быть теперь уже тамъ. Болѣзнь унесла у меня много времени и осадила меня, по крайней мѣрѣ, на мѣсяць. Мы ѣдемъ цѣлою колонією: Сибгирь-Нето, Литхенсъ и фортепианистъ Димлеръ, которому въ Москвѣ теперь дѣлать нечего: у дольщиковъ его Дурновыхъ лѣтомъ игры нѣтъ, а ученики и ученицы развѣхались по деревнямъ; что если бы ты могъ прійхать также въ Липецкъ и пожить на свободѣ? Но это мечта!

Сообщаю тебѣ послѣднее изъ Москвы свѣденіе: табель профессорскихъ лекцій на будущій университетскій курсъ, о которой ты такъ заботился для Верзилина. Предчувствую, что не долго слушать мнѣ добрыхъ моихъ профессоровъ. Отецъ, обрадовавшись моему 12 классу, торопитъ службою.

Физику.	Страховъ.
Натуральную исторію.	Пр. Антонскій.
Философію.	Брянцевъ.
Статистику.	Геймъ.
Естетику.	Сохацкій.
Чистую математику.	Аршеневскій.
Исторію.	Черепановъ.
Россійское право.	Горюшкинъ.
Теорію Законовъ.	Цвѣтаевъ.
Теорію поэзи.	Мерзляковъ.
Приложеніе алгебры къ геометріи.	Загорскій.

На французскомъ языкѣ:

Исторію натуральную и сравнительную анатомію.	Фишеръ.
Естественное и народное право.	Рейсъ.
Нравственную философію.	Рейнгардъ.
Астрономію.	Голдбахъ.

На нѣмецкомъ:

Высокую геометрію.	Иде.
Ботанику.	Гофманъ.
Нѣмецкую литературу.	Сангленъ.

Особенные уроки, *lectiones privatae*, и особеннѣйшіе, *privatissima*, зависятъ отъ взаимныхъ условій желающихъ учиться съ профессорами.

Теперь жди отъ меня писемъ изъ Липецка, по прежнему въ ежедневныхъ рапортчикахъ, разумеется, если попадаться будутъ случаи и люди, о которыхъ стоило бы сообщать тебѣ; иначе о чемъ писать, развѣ только о количествѣ застрѣленныхъ утокъ и прочей дичины, но я рѣшусь и на это, лишь бы только болтать съ тобою.

Ты не любишь, чтобы тебя благодарили; а потому я и не хочу говорить, сколько я тебѣ обязанъ за *все* про *все*. Мнѣ кажется, я никогда не расплачусь съ тобою,—да! я забылъ, что ты не любишь этого слышать: извини.

(Продолженіе впереди).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

РУССКАЯ ИЗЯЩНАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ 1852 ГОДУ.

I.

Годъ тому назадъ, въ четырехъ статьяхъ о состояніи литературы за 1851 годъ, мы старались опредѣлить исходную точку современнаго состоянія нашей словесности и отношеніе настоящаго времени къ ея исходной точкѣ. Въ то время какъ мы говорили о значеніи того слова, которое суждено было сказать незабвенному творцу «Мертвыхъ душъ» и выводили историческую необходимость этого слова изъ условій натуры повта и изъ условій современной дѣйствительности, — никому, а свѣдательно и намъ, не приходила въ голову тяжелая мысль, что скоро вѣчнымъ сномъ закроются вѣщія очи, лившія незримыя міру слезы; что скоро замолкнетъ на вѣки этотъ карающій, обличительный смѣхъ.... Событіе упало на насъ всюю своею неожиданною тяжестью: оно какъ будто соответствовало тому обличительному слову, которое раздраило для читателя завѣсу, скрывавшую отъ него безобразіе его внутренняго міра, заставило его «обратить очи внутрь души» и увидать ее

Въ такихъ кровавыхъ

Въ такихъ смертельныхъ язвахъ....

Художникъ, которому по высокому его взгляду на жизнь и по непосредственной силѣ объективнаго творчества найдутся развѣ слишкомъ не много равныхъ, котораго задачи перестали уже быть мѣстными и временными, и котораго созерцанія все болѣе и болѣе доходили до чистѣйшей прозрачности и духовности, оставилъ свое земное поприще.

Въ стремленіи къ идеалу или на пути духовнаго совершенствованія, всякаго стремящагося, ожидаютъ два подводныхъ камня: отчаяніе отъ сознанія своего собственнаго несовершенства, изъ котораго есть выходъ, или неправильное, непрямое отношеніе къ своему несовершенству, которое, болшею частію, безвыходно. Что человѣку, неприятно и больно сознать свои слабыя стороны, это конечно не под-

лежитъ ни малѣйшему сомнѣнiю, — но задача его заключается преимуще- ственно въ томъ, чтобы къ этимъ слабымъ сторонамъ отнестись съ полною, беспощадною справедливостью; самое обыкновенное искушенiе въ этомъ случаѣ — уменьшить въ собственныхъ глазахъ свои недостатки; и несравненно болѣе опасное — преувеличить ихъ до той степени, на которой они получаютъ извѣстную значимость и, пожалуй, даже, по развращеннымъ понятiямъ современнаго человѣка, грандіозность и обаятельность зла, которой атмосфера разлита вокругъ образовъ, не говоримъ уже Конрада, Манфреда, но Печорина и Ловласа, явленіе весьма не рѣдкое съ тѣхъ поръ: какъ

Британской музы неблицы

Тревожатъ сонъ отроковицы

И сталъ теперь ея кумиръ,

Или таинственный Вампиръ,

Или Мельмотъ бродяга мрачный, и т. д.

Возьмите какую угодно страсть, и доведите ее въ своемъ представ- ленiи до извѣстной степени энергiи, поставьте ее въ борьбу съ окру- жающею ее обстановкою, — *трагическое* воззрѣнiе ваше скроетъ отъ васъ всѣ мелкія пружины ея дѣятельности. Эгоизму современнаго чело- вѣку несравненно легче помириться въ себѣ съ мыслию о крупномъ преступленiи, чѣмъ о мелкой и пошлой подлости: эффектнѣе конечно вообразить себя Ловласомъ, чѣмъ Собачкинымъ, — скупымъ рыцаремъ, чѣмъ Плюшкинымъ, — Печориннымъ, чѣмъ Меричемъ; даже, ужъ если на то пошло — Грушницкимъ, чѣмъ Милашинымъ, потому, что Грушницкiй хоть умираетъ эффектно, — и, Боже мой, сколько лягушекъ надуваются въ волонъ, въ насъ самихъ и вокругъ насъ, — сколько людей *желаютъ* (!) выставить себя преступными, когда они сдѣлали только пошлость, — сколько мелкихъ чувственныхъ поползновенiй стремятся принять въ насъ размѣры колоссальныхъ страстей, готовыхъ на трагическую борьбу. Хлестаковъ даже, Хлестаковъ, — и тотъ зоветъ городничему «удалиться подъ снѣгъ струй».... Меричъ съ самодовольствомъ «проситъ Марью Андреевну простить его, что онъ возмутилъ миръ ея невинной души».... Тамаринъ радуется, что его зовутъ демономъ....

А давно ли, — спросимъ читателей, было время, когда мы ничего этого не видали, время, когда мы трагически относились къ лягушкамъ раздувающимся въ волонъ, и кто помогъ намъ очнуться, кто заставлялъ насъ взглянуть внутрь самихъ себя?.. заклеилъ настоящимъ про- звищемъ каждую нашу пошлость и слабость, такъ что не отвертится

она теперь отъ этого прозвища; кто поймалъ зло за самыя его чувствительныя и доселѣ неуловимыя стороны, заставилъ его прямо стать передъ собою и вмѣсто поклоненія—воздалъ ему подлежащую дань, обличительный, карающій смѣхъ во имя вѣчной красоты и правды?... Развѣ онъ, этотъ безпощадный каратель, не призванъ былъ также рисовать Аннунціату и Тараса Бульбу, какъ призванъ былъ изслѣдить до глубины «всю пошлость пошлаго человѣка», развѣ пламенная душа его не тонко чувствовала все, что есть прекраснаго въ природѣ и человѣкѣ,... развѣ не великую жертву искусству принесъ онъ, взявши на себя суровый подвигъ?... Но онъ принесъ жертву еще болѣе великую, жертву, подъ бременемъ которой самъ онъ палъ: онъ въ самого себя заглянулъ съ тѣмъ же веумоляемымъ смѣхомъ, собственную душу сдѣлалъ предметомъ художественнаго анализа. Онъ былъ жрецомъ своего новаго искусства—комедіи въ высшемъ, безусловномъ значеніи, послѣдняго слова, послѣдней грани искусства.

Комизмъ Гоголя—не то, что комизмъ другихъ комиковъ. Идеаль, во имя котораго онъ относился съ комизмомъ къ явленіямъ дѣйствительности, путемъ созерцанія уяснилъ онъ себѣ до той степени прозрачности и духовности, которой не выносятъ почти бранныя человѣческія очи. Земное, человѣческое, въ какихъ бы формахъ красоты и величія оно ни являлось—въ энергической ли непосредственности Тараса Бульбы, въ красотѣ ли Аннунціаты, въ противоположности ли величаваго Рима съ выпящимъ мелочною дѣятельностью Парижемъ,—въ ночахъ ли его родной Украйны,—не удовлетворило его. Все суровѣе и суровѣе смотрѣлъ онъ на жизнь,—все смѣлѣе и смѣлѣе разоблачалъ онъ чело-вѣческое во имя идеала.

Что такое былъ комизмъ до Гоголя?... Переберемте всѣхъ великихъ комиковъ новой исторіи, мы не найдемъ ничего подобнаго ни этому взгляду на жизнь, ни этой страшной силы юмора.

Сравните Гоголя хоть съ комикомъ, котораго не даромъ же цѣлалъ, развитая и даже больше чѣмъ развитая нація считаетъ доселѣ первымъ въ своемъ родѣ, который дѣйствительно былъ до такой степени комикомъ своего народа, что доселѣ еще не умолкъ вопль на него Езуитовъ за его Тартюфа, сравните Гоголя съ Мольеромъ какъ относительно взгляда на жизнь, такъ и относительно силы комическаго юмора. Комизмъ Мольера, совсѣмъ другаго рода комизмъ и ужъ безъ сомнѣнія низшій родъ комизма, если сличить его съ Гоголевскимъ: комизмъ какой-то вѣтшій, вооружающійся на условныя понятія во имя такихъ же условныхъ, только Поръ-Рояльскихъ понятій: самому хан-

жеству Тартюфа, этому, сильному порыву Мольеровскаго комизма, противоплагается *общественная* честность Клеанта, условная, ограниченная, сухая честность: Мизантропъ въ сущности хлопочеть изъ сущихъ пустяковъ, — нравственный Аристъ, противоположенный спятившему съ ума Сгапарелю въ «Школѣ мужей» проповѣдуетъ во имя удобной и дешевой морали общественнаго благоразумія.

Понятія Мольера о любви и женствѣ, — благодаря его собственнымъ горькимъ опытамъ, такъ благоразумно-грубы, что выражаются въ такого рода *циническихъ* правилахъ:

Erouser une sottise est pour n'être point sot....

(Ecole des Femmes.)

Наконецъ самыя условныя понятія комика о добрѣ и злѣ, такъ неопредѣленны, что ему ни почему стать иногда на сторону одной безнравственности противъ другой, на сторону Гарпагонова сына противъ Гарпагона напримѣръ — и всегда на сторону расчетливой безнравственности противъ глупости. Если такъ неопредѣленно отношеніе комика къ тому, во имя чего онъ дѣйствуетъ, то еще неопредѣленнѣе отношеніе его къ тому, надъ чѣмъ онъ смѣется: въ дѣйствительности поражали его не настоящія уклоненія отъ идеала, а опять условныя. А между тѣмъ, Мольеръ все-таки единственный комикъ, котораго можно взять для сличенія съ нашимъ Гоголемъ, въ у Нѣмцевъ, какъ извѣстно, нѣтъ, и не можетъ быть комедій. Шекспиръ же найдеть для сравненія, потому что у него собственно нѣтъ ни трагедій, ни комедій, а есть одно — драма, съ перевѣсомъ необходимости или съ перевѣсомъ случайности въ событіяхъ.

Комизмъ Гоголевскій есть явленіе совершенно единственное въ самой манерѣ и въ самыхъ приѣмахъ комика. Основы Ревизора, скажи Подколесина въ окно и другихъ чертъ, вы не найдете ни у кого. Основа напримѣръ Ревизора, скачекъ Подколесина — вѣрны до той психологической вѣрности, которая становится уже дерзостью. Такая особенность и смѣлость приѣмовъ обусловлена самою сущностью комическаго міросозерцанія Гоголя, состоящею въ постоянномъ раздвоеніи сознанія, въ постоянной готовности комика себя самого судить и повѣрять во имя чего-то инаго, постоянно для самаго себя объективироваться. Дѣйствительность повѣрилась въ душѣ комика идеаломъ — и какимъ идеаломъ! не мудрено, что послѣ такой повѣрѣ она выходила въ міръ отмѣченною клеймомъ гнѣвной любви, принимавъ тѣ колоссально комическія размѣры, которые придавала ей горячка и раздраженная фантазія.... Поэтому-то Гоголевскія произведенія

вѣрны не дѣйствительности, а общему смыслу дѣйствительности въ противорѣчїи съ идеаломъ: въ обыкновенной жизни нѣтъ Хлестакова, даже какъ типа, въ обыкновенной жизни и Земляника даже не скажетъ, на вопросъ Хлестакова: Вы кажется вчера были меньше ростомъ?... «Очень можетъ быть-съ», — въ обыкновенной жизни, даже и подобная матушка, какая выставлена въ «отрывкѣ», рассказавши о смертной обидѣ, заключающейся въ томъ, что сынъ ея штатскій, а не юнкеръ, не скажетъ: «истинно, одна только вѣра въ Провидѣніе поддержала мсяя» и т. д., — въ обыкновенной жизни, ни одинъ, самый слабохарактерный изъ Подколесинныхъ не убѣжитъ отъ невѣсты въ окно и т. д. Все это — не просто дѣйствительность, но дѣйствительность, возведенная въ перлъ, ибо она прошла черезъ горнило сознанія. И въ этомъ свойствѣ одинъ только Шекспиръ однороденъ съ Гоголемъ, и въ этомъ смыслѣ Шекспиръ столько же мало натураленъ, какъ Гоголь. Какой Макбетъ въ дѣйствительности, зарѣзавши Дункана, будетъ выражаться такъ.

Макбетъ зарѣзалъ сонъ, невинный сонъ,
 Зарѣзалъ искупителя заботъ
 Цѣлебный бальзамъ для больной души,
 Великаго союзника природы
 Хозяина на жизненномъ шару....

но какъ дѣйствительные можно было выразить весь ужасъ души Макбета, глубокой и могучей души, передъ его дѣломъ?... Какъ Шекспиръ, такъ и Гоголь, заботились только о повѣстической вѣрности, и какъ того, такъ и другаго долго еще будутъ близорукіе судьи упрекать въ ненатуральности постройки Лира, въ нелѣпости завязки Ревизора, въ гиперболизмъ чувствъ и выраженій. Въ самомъ дѣлѣ, какая любовница можетъ говорить такъ какъ Юлія, — какой любовникъ, входя въ садъ любовницы, будетъ говорить

Смѣется тотъ надъ ранами, кто самъ
 Не въдалъ ихъ.... и т. д.

восклипаніе: Ахъ! съ одной стороны, и другое: ахъ! съ другой, было бы гораздо натуральнѣе безъ сомнѣнія. Но Шекспиръ и Гоголь досказываютъ человѣку то, что онъ думаетъ, что можетъ быть зачинается въ его душѣ и заключаютъ все въ литое, мѣдное выраженіе, котораго удачнѣе и поэтически вѣрнѣе нельзя ничего придумать.... И выходитъ какъ-то, что ненатуральность ихъ вѣрнѣе всякой частной и повседневной натуральности, что въ ихъ душѣ отразилось идеально, общечеловѣчески — то, что у другихъ отражается не полно или не ясно.... Типичъ

ность образовъ, типичность чувствованій, типичность выраженій, доведенная до крайней своей степени!

Но не вѣсѣмъ дано владѣть этимъ оружіемъ безусловнаго комизма. Школа, которая считала себя происходящею по прямой линіи отъ Гоголя, доказала очевидно, что раздраженное отношеніе къ дѣйствительности во имя претензій человѣческаго самолюбія, хуже самаго тупаго равнодушія къ язвамъ современности. Литературные *натуралисты* принимали чудовищные призраки своего болѣзненно-напряженнаго воображенія за враговъ дѣйствительныхъ, какъ [господинъ Голядкинъ повсюду видѣлъ вокругъ себя враговъ. Эта школа существовала только для того, чтобы свидѣтельствовать противоположеніемъ о величій и достоинствѣ генія Гоголя.

II.

Въ статьяхъ нашихъ о литературѣ въ 1854 году, принявши за основаніе, за исходную точку Гоголя, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ допустивши нѣкоторое косвенное вліяніе Лермонтова, — мы сказали, что все, что есть живаго въ произведеніяхъ современной словесности отъ Гоголя ведетъ свое начало, или, по крайней мѣрѣ, считаетъ себя происходящимъ отъ Гоголя. Колебаніе, броженіе и наконецъ совершенная порча Гоголевскихъ элементовъ выразились въ такъ называемой натуральной школѣ, — смѣсь ихъ съ Лермонтовскимъ воззрѣніемъ въ другой категоріи произведеній; наконецъ, прямое происхожденіе отъ исходной точки приписали мы только не многимъ произведеніямъ современной словесности, въ которыхъ мы видѣли и видимъ новое слово искусства, и, поелику искусство, отражая жизнь, само въ свою очередь воздѣйствуетъ на жизнь, новое слово жизни.

Представляется прежде всего вопросъ: измѣнила ли что-либо въ литературѣ великая утрата, понесенная ею, обозначила ли эта утрата ясное отношеніе между собою различныхъ направленій, — опредѣлила ли точнѣе, которыя изъ нихъ живутъ и должны жить, и которыя умерли или умираютъ и должны умереть?.. Безъ сомнѣнія, да, отвѣтимъ мы на это безъ малѣйшаго колебанія. Если бы Гоголь умеръ недосказавши содержанія своего слова, — многое дѣйствовало бы во имя его. Но слово было сказано поэтомъ, слово полное и цѣльное, которое могло только расширяться въ объемъ, слово обличительное, котораго не вывели многіе, до тѣхъ поръ признававшіе надъ собою вліяніе Гоголя, — слово

наконецъ послѣднее, потому что дальше въ его направленіи идти нельзя и не куда.

Статья наша походить на поминовение по усопшихъ, и, какъ кажется намъ, она не могла быть иною. Зачатая подъ вліяніемъ грустной и тяжелой мысли, она еще не вдругъ можетъ обратиться къ тому, что живеть и жить должно, да и не должна на первый разъ обращаться къ живому. Должно изслѣдовать, какіе элементы въ литературу умерли или умирають.

Вопервыхъ, умерло совсѣмъ направленіе, которое обозначали и обозначаютъ именемъ Лермонтовскаго. О сущности этого направленія мы такъ много говорили въ статьяхъ прошлаго года, что повторять наши положенія считаемъ совершенно излишнимъ. Самымъ замѣчательнымъ остаткомъ, сознательно или безсознательно засвидѣтельствовавшимъ все безсиліе и безсодержательность этого направленія былъ конечно романъ г. Авдѣева «Тамаринъ». Повторяемъ, что мы не беремъ рѣшить — сознательно или безсознательно поступилъ г. Авдѣевъ, писатель безспорно даровитый, но по видимому еще крайне молодой: если онъ поступилъ безсознательно, если онъ писалъ своего Тамарина увлеченный и такъ сказать подавленный образомъ Печорина, то этотъ фактъ доказываетъ сильную восприимчивость его нагуры и его таланта; если поступилъ онъ сознательно, т. е. съ ироническою мыслию зачалъ своего Тамарина, что впрочемъ весьма трудно допустить по крайнему неискусству и неопредѣленности ироніи, — то онъ заслуживаетъ величайшей благодарности за принятый имъ на себя подвигъ; если же наконецъ, что всего естественнѣе, зачавши лице Тамарина въ грандіозномъ свѣтъ, онъ самъ догадался, что такое въ сущности его герой, или даже внявши Голосу критики, отступился отъ него, — г. Авдѣевъ еще достойнѣе уваженія какъ писатель серьезно относящійся къ своему дѣлу и жертвующій ему своими незрѣлыми личными привязанностями и шервыми, неповѣренными еще опытомъ впечатлѣніями: двѣ повѣсти его — «Нынѣшняя любовь» и «Горы» явившіяся въ теченіе года и чуждыя уже претензій, написанныя тепло и просто, хотя все такъ же незрѣло и молодо, разрѣшаютъ кажется вопросъ о г. Авдѣевѣ въ пользу третьяго нашего предположенія и конечно уже въ пользу его таланта и добросовѣстности. «Тамаринъ» его, вышедшій теперь отдѣльно, останется между тѣмъ книгою въ высшей степени любопытною для будущаго историка литературы. Пародія, хотя явно безсознательная, вышла же обыкновенно удачна.

Другой, сколько-нибудь замѣтный отпрыскъ Лермонтовскаго направленія — стихотворенія *2-жи Хвощинской*,] къ которымъ мы отнесли съ особенной строгостію именно потому, что считаемъ появленіе ихъ совершенно не своевременнымъ. У г-жи Хвощинской есть всегда и мысль и чувство, иногда самые стихи у нея звучны и сильны, но грустные мотивы ея стихотвореній болѣе или менѣе взяты у другихъ поэтовъ, разочарованіе въ нихъ высказывающееся кажется намъ постоянно заимствованнымъ, хотя съ тѣмъ вмѣстѣ, нельзя не признать въ ея стихотвореніяхъ извѣстной степени дарованія, которое можетъ быть, даже и при заимствованіи мотивовъ, въ другое время производило бы несравненно болѣе сильное впечатлѣніе.

Наконецъ, самымъ *невиннымъ* отпрыскомъ Лермонтовскаго направленія, можно считать различныя пословицы, расплодившіяся въ наше время, въ которыхъ являются разочарованные герои и разочарованныя героини. Въ нѣсколькихъ таковыхъ пословицахъ, къ сожалѣнію, грѣшна и г-жа Евгенія Туръ. Во всѣхъ таковыхъ пословицахъ, какъ сказали мы однажды разбирая одну изъ нихъ, есть общіе фзіологическіе признаки, а именно: сфера жизни въ нихъ берется по большей части великосвѣтская, т. е. въ нихъ дѣйствуютъ люди высшаго тона, которые занимаются различными, не хитрымъ умамъ не понятными дѣлами, или дѣйствуютъ иногда люди, хотя и не большаго свѣта, но за то разочарованные: женскія лица, то же вообще *развитыя* женщины, которыя преимущественно занимаются тѣмъ, что называется технически *игрою* *безъ чувство*, дѣломъ хотя конечно и празднымъ, но дающимъ возможность выказывать различныя натуральныя, благопріобрѣтенныя и даже часто противуестественныя свойства *прекрасной* и *изящно развитой* личности. Обыкновенно такъ же — главный герой и героиня (чаще всего на сценѣ только двое дѣйствующихъ лицъ, и развѣ только ни къ селу ни къ городу присовокупится третій, для разнообразія, какъ Ардатовъ въ Страшной ночи, г. Жемчужникова) — увѣряютъ себя и другъ друга, въ невозможности любви вообще и въ своемъ специальномъ разочарованіи *на счетъ этого самаго чувства*. Главнѣйшая задача авторовъ подобныхъ произведеній — тонкость: тонкость чувствованій, тонкость разговоровъ, тонкость стана героини, тонкость голландскаго бѣлья героевъ — тонкость такая, что ставъ, того и гляди переломится, — разговоръ какъ разъ перейдетъ въ нѣчто, *простому* здравому смыслу и *негостепимому* чувству непонятное; чувства, того и жди — совсѣмъ испарятся или улетучатся; тонкость голландскаго бѣлья чуть что не ставится главнымъ.

признакомъ достоинства человѣческаго. Копчаться тутъ дѣла обыкновенно сознаниемъ героя и героини, что они *могутъ* позволить себѣ любить, или иногда *трагически*: герой и героиня расстаются «въ безмолвномъ и гордомъ страданьи».... Таковъ общій характеръ этихъ произведеній, къ которымъ издобоно причислить по духу и взгляду многія произведенія въ повѣствовательномъ родѣ, какъ то отчасти романъ г. Панаева: «Львы въ провинціи», который впрочемъ принадлежитъ сюда только по необыкновенной привязанности автора къ извѣстному костюму героевъ. Собственно же пословица въ этотъ годъ появлялось несчетное количество — и во всѣхъ высказывались одинаковыя претензіи на разочарованіе, вслѣдствіе чего мы и должны были обидѣть Лермонтовское направленіе, приписавши къ нему такого рода произведенія.

Во-вторыхъ, умираетъ явно направленіе Лермонтовское, принявшее Гоголевскую форму, т. е. работавшее надъ дѣйствительностью съ постоянною заднею мыслию о грубости этой дѣйствительности. Отсюда, какъ мы сказали въ нашихъ статьяхъ о литературѣ въ 1851 году, вели свое начало разные сатирическіе очерки, безконечное множество повѣстей, кончавшихся припѣвомъ: «и вотъ что можетъ сдѣлаться изъ человѣка» — повѣстей, въ которыхъ, по волѣ и прихоти ихъ авторовъ, съ героями и героинями, задохнувшимися по ихъ мнѣнію въ грязной дѣйствительности, совершались самыя удивительныя *превращенія*, въ которыхъ все, окружавшее героя и героиню — нарочно, намѣренно изображалось карикатурно. Произведенія съ такимъ направленіемъ писались въ былую пору въ безчисленномъ количествѣ: фальшь ихъ преимущественно заключалась въ томъ, что они запутывали читателя подробностями, взятыми повидимому изъ простой, повседневной дѣйствительности, доказывали въ авторахъ ихъ несомнѣнный талантъ наблюдательности — и вводили людей несвѣдущихъ, незнакомыхъ съ русскимъ бытомъ, въ свое ложное воззрѣніе. Эта категория произведеній литературныхъ въ свою очередь подраздѣляется на нѣсколько родовъ и видовъ. Главнымъ образомъ выдвигаются тутъ два рода: 1) родъ произведеній, прямо обращенныхъ на бытъ и 2) родъ произведеній, гдѣ бытъ является удушливою сферою для прекрасныхъ, страдающихъ и развитыхъ личностей, которыя вслѣдствіе сего физически или нравственно гибнутъ, подъ общій ли refrain идеализма: «таковъ удытъ прекраснаго на свѣтъ» или подъ особенный, *заимствованный* (?) у Гоголя и искаженный, обезображенный refrain: «И вотъ что можетъ сдѣлаться съ человѣкомъ». — Не перечисляя, не припоминая поименно

тѣхъ или другихъ произведеній,—мы замѣтимъ только, что самыя талантливыя изъ нихъ, каковы произведенія гг. Тургенева и Григоровича, не чужды неправильнаго отношенія къ дѣйствительности. О томъ и о другомъ, безспорно даровитыхъ писателяхъ, замѣчали мы, что въ ихъ приемахъ, при изображеніи народнаго быта (не говоря уже о языкѣ, которымъ тотъ и другой владеютъ далеко не свободно) много еще искусственнаго и ложнаго, что иногда они какъ будто изыскиваютъ въ крестьянской жизни такія черты, которыя напоминали бы собою жизнь цивилизованную и, такъ сказать, возвышали бы простолюдина до образованнаго человѣка. Этими недостатками страдали и страдаютъ произведенія двухъ даровитыхъ писателей, избранныхъ *быть* предметомъ художественнаго анализа (*). Что же касается до тѣхъ писателей и до тѣхъ произведеній, въ которыхъ *быть* и дѣйствительность являются обстановкою претерзій личности,—то, если бы попытаться собрать общія физиологическія черты ихъ,—вышло бы ничто необычайно комическое. Вотъ напримѣръ какъ рисовались помещики въ былые годы:

Онъ, съ дѣтства не носилъ подтяжекъ,
 Любилъ просторъ, любилъ покой
 И лѣнь; но страненъ былъ покрой
 Его затѣливыхъ фуражекъ;
 Любилъ онъ жирныя блины,—

и т. д.

Удивительная вообще была вражда къ простору и главное дѣло, къ здоровью—въ былые года литературы. Случалось ли автору попасть напримѣръ на провинціальный балъ, ему становилось несносно видѣть здоровыя и простодушныя дѣвическія фізіономіи:

Вотъ—чисто русская красotka,
 Одѣта плохо, тяжела (?)
 И неловка,—но весела,
 Добра, болтлива какъ трещотка....

Качества веселости, доброты и здоровья особенно не нравились авторамъ: они непременно отыскивали въ вереницѣ:

(*). Къ числу такихъ же, не вполне удачныхъ и непрямыхъ изображеній быта, мы причисляемъ и напечатанную у насъ повѣсть г. Печерскаго: Красавниковы, не смотря на несомнѣнный талантъ автора, его наблюдательность, прекрасный языкъ и близкое знакомство съ дѣйствительностью.

Широкихъ лицъ, большихъ носовъ,
Улыбокъ томныхъ, башмаковъ
Козлиныхъ....

робкаго и нлмага ребенка, котораго благословляли на страданье и проч. и проч. Иные шли еще дальше.... Любопытнѣе всего было то, что все это выдавалось за изображенія дѣйствительности.

Все это умираетъ или уже вымерло въ нашей литературѣ—вымираетъ такъ же и ложная реакція вызванная такимъ ложнымъ отношеніемъ къ дѣйствительности. Мы приняли за такую реакцію—*практическое* направленіе, выразившееся съ безжалостнымъ и сухимъ догматизмомъ въ «обыкновенной исторіи» и не нашедшее себѣ подражателей, осталась же эта реакція безъ подражанія и послѣдствій, потому что только талантъ г. Гончарова могъ дать извѣстный блескъ самой фальшивой мысли, и во вторыхъ главнымъ образомъ, потому что стремленіе къ идеалу не признало своего питомца въ Александрѣ Адуевѣ и что иронія пропала такимъ образомъ зараромъ.

Встрѣтыкъ, наконецъ, умерло то направленіе, которое за нѣсколько лѣтъ назадъ свирѣпствовало въ литературѣ подъ именемъ натуральной школы, и которое нѣкоторые близорукіе критики считали за прямое послѣдствіе Гоголя: но которое собственно взяло только тотъ болѣзненный тонъ юмора, который звучитъ въ «Запискахъ сумасшедшаго» и въ «Шипели» — и пустилось расплываться въ безчисленныхъ хотя постоянно-уныло однообразныхъ варіаціяхъ. Эта школа, порожденная недугомъ неудовлетвореннаго самолюбія, замкнутой въ себя и бесплодной мечтательности, худо понятой филантропіи, — останавливалась всегда съ какою-то странною любовью на уродливыхъ морально или физически личностяхъ: міросозерцаніе ея было міросозерцаніемъ душныхъ и грязныхъ угловъ, и ея представителямъ, изъ которыхъ у нѣкоторыхъ не было недостатка въ эвергии таланта, повсюду въ божьемъ мірѣ представлялись только душевные, пропитанные зловоніемъ углы. Было время что всякое такое болѣзненное созерцаніе сходило за истинный паѳосъ; было время, когда серьезно надобно было бороться съ этимъ *натуральнымъ* направленіемъ. Величайшая вина этого направленія противъ искусства заключалась именно въ той натуральности, которая рабски копируетъ явленія дѣйствительности, не отличая явленій случайныхъ отъ типическихъ и необходимыхъ, не озаряя ихъ разумною и истинно-любовною мыслию, не повѣряя ихъ внутри себя судомъ нелицепріятнаго и безусловнаго комизма. Всѣ прихоти, всѣ недуги, всѣ неуклюжія претензіи болѣзненно напряженнаго *Я*, получали тутъ право гражданства

и полное оправданіе: цвѣтомъ того или другаго душевнаго или физическаго недуга красились всѣ предметы изображаемой дѣйствительности: человеческое достоинство являлось поглощеннымъ кучею мелочныхъ эгоистическихъ наклонностей, — и придавалось вѣчто трагическое борьбѣ всякой болѣзненно развившейся претензіи съ условіями дѣйствительности, различными мѣрами и средствами выжималась изъ читателей симпатія къ страшнымъ героямъ, мѣрами и средствами, достойными французскихъ мелодрамъ или собачьей комедіи. Смѣсь грязи съ септаментальностью, идеализма самаго ребяческаго съ намѣреннымъ углубленіемъ въ анализъ самыхъ ничтожныхъ и бессмысленныхъ подробностей повседневной дѣйствительности, напряженія съ бессмысломъ, — эта школа доходила до тѣхъ крайностей, которыя обличали явное истощеніе. Стоитъ только припомнить подобныя произведенія, чтобы убѣдиться въ совершенномъ истощеніи направленія, которое съ самаго начала впрочемъ обличало въ себѣ отсутствіе настоящихъ жизненныхъ соковъ. Недавно еще, случилось намъ перечестъ одно изъ самыхъ сильныхъ произведеній этого направленія — и признаемся откровенно, что давно уже не испытывали мы впечатлѣнія болѣе мутнаго, болѣе страшнаго, болѣе неопредѣленнаго какъ то, какое навѣвали на насъ письма [Макара Алексѣевича Дѣвушкина къ Варварѣ Алексѣевнѣ....

Все это для насъ уже прошедшее — и претензіи разочарованія, и претензіи фальшивой образованности, и претензіи моральнаго уродства и физическаго безобразія — но кому же какъ не Гоголю и не его обличительному слову обязаны мы тѣмъ, что на всѣ эти различныя претензіи можемъ мы смотрѣть съ комической точки зрѣнія? Вотъ почему статью нашу начали мы новымъ исчисленіемъ заслугъ великаго поэта. Горестная утрата какъ гроза разразилась надъ всѣми, но какъ гроза же разъяснила горизонтъ. Яснымъ свѣтомъ озарилось теперь для всѣхъ все, что умерло и что живетъ въ литературѣ, или по крайней мѣрѣ носитъ въ себѣ зародыши жизни.

Къ этому-то живущему, какъ новому слову литературы, и пора намъ теперь обратиться.

III.

И такъ, — спросимъ мы теперь, — что же именно живетъ въ настоящей литературѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ почти уже данъ на пути отрицательномъ. Если не живетъ съ одной стороны такое отношеніе къ дѣйствительности, которое измѣряетъ ее требованіями своего през-

мѣрно развившагося Я, — если съ другой стороны не живетъ такое отношеніе, которое повѣряетъ окружающую дѣйствительность не законами изъ самой дѣйствительности почерпнутыми и ей свойственными, а законами чуждой, иной дѣйствительности, — если наконецъ истошилось и то болѣзненное отношеніе, которое краситъ дѣйствительность цвѣтомъ различныхъ моральныхъ недуговъ, — если, однимъ словомъ, всѣ эти косвенныя отношенія къ дѣйствительности окончательно исчерпаны, то остается одно конечно — прямое, непосредственное къ ней отношеніе и, поколику произведенія зачаты и выполнены въ такомъ прямомъ отношеніи, потолуку и принадлежатъ они искусству.

Прежде всего, мы должны, во избѣжаніе недоразумѣній — объяснить что такое это прямое отношеніе къ дѣйствительности. Чистая — абсолютная непосредственность отношенія художника къ дѣйствительности есть нѣчто, совершенно невозможное въ наше время: для этого нужно, чтобы дѣйствительность была не разорвана съ идеаломъ въ сознаніи поэта, чтобы онъ пѣлъ wie der Vogel singt, какъ птица, какъ Гомеръ, да и притомъ такая абсолютная непосредственность потребна только въ эпическомъ родѣ искусства и возможна только въ первобытныя эпохи развитія. Дѣятельность всякаго истиннаго художника слагается изъ двухъ элементовъ — субъективнаго, или стремленія къ идеалу, и объективнаго или способности воспроизводить явленія вѣшняго міра въ типическихъ образахъ, — элементовъ, которые только вмѣстѣ соединенные образуютъ *творчество*: — степень преобладанія того или другаго элемента обуславливается натурою художника, — отношеніе же между тѣмъ и другимъ, т. е. между идеаломъ и дѣйствительностью, обуславливается историческимъ *status quo* современности — и если равновѣсіе отношенія такъ или иначе повреждено, то нельзя винить художника за преобладаніе комизма въ его міросозерцаніи — дѣло въ томъ только, чтобы комизмъ исходилъ изъ началъ вѣчной правды, абсолютныхъ понятій — а не изъ претензій самолюбиваго Я. Высшій или безусловный комизмъ, какъ результатъ раздвоенія въ міросозерцаніи художника между идеаломъ и дѣйствительностью — есть точно такъ же, какъ и трагизмъ истинное искусство, истинная поэзія. Въ литературѣ нашего времени, комизмъ есть главное, преобладающее міросозерцаніе, есть, такъ сказать, клеймо, которымъ отмѣчено все живое и долженствующее жить въ искусствѣ, — но это нисколько не значитъ, какъ думаютъ нѣкоторые, чтобы наше время было антипоэтическое, чтобы искусство являлось только орудіемъ стороннихъ цѣлей, потеряло самобытное значеніе. Искусство — вѣчно, какъ духъ человѣческій. Мы переживаемъ

одинъ изъ фазисовъ его развитія: мы съ душевною болью разрываемъ, разсѣкаемъ наше сознаніе и смѣясь надъ дѣтскими, наскоро сложенными идеалами, надъ отжившими формами трагизма, — ищемъ вѣрнаго пути къ настоящему идеалу. Трагизмъ борьбы личности съ дѣйствительностью самъ созналъ свое безсиліе, самъ обличилъ себя:

Толпой печальною и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши въкамъ ни мысли плодovитой,
Ни геніемъ зачатого труда....

.....
Такъ плодъ до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего нерадуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ пришлецъ осиротѣлый
И часъ ихъ красоты его паденья часъ.

Отчаяніе безсильнаго трагизма можетъ принимать и принимало уже въ нашей литературѣ различные пути исхода. То ударялося оно въ сухую, догматическую практичность въ «Обыкновенной исторіи», но въ этомъ иронически-тревожномъ состояніи не могло удержаться; то закутывалось въ плащъ холоднаго идеализма въ «идеалистѣ» г. Станкевича; то находило минутное удовлетвореніе въ болѣзненномъ хохотѣ надъ самимъ собою «Гамлета Шигровскаго уѣзда» или въ тоскливомъ плачѣ о своемъ безсиліи въ «Дневникъ обыкновеннаго челоvька»; но кидаясь въ эти различныя дороги, трагизмъ забывалъ, что изъ ложнаго положенія не возможно выйдти, сохраняя одинъ и тотъ же характеръ, сохраняя грандіозность, что не посмѣясь надъ самимъ собою — идти впередъ не возможно. — Съ другой стороны, и не въ такомъ комизмѣ заключается задача эпохи, чтобы смотрѣть на явленія дѣйствительности снизу, съ ея же такъ сказать точекъ; однимъ словомъ не въ грубой апотеозѣ обыденнаго, условнаго воззрѣнія, хотя въ эту крайность бросились отчасти нѣкоторые люди съ большимъ талантомъ. Тотъ только истинный художникъ въ наше время, кто установивши *возможное* равновѣсіе идеала и дѣйствительности въ душѣ, относится къ дѣйствительности во имя вѣчныхъ и разумныхъ требованій идеала, ищетъ комическимъ путемъ разрѣшенія благородныхъ, возвышенныхъ задачъ — хотя съ другой стороны вглядывается пристально въ дѣйствительность, воздастъ должную справедливость ея разумнымъ законамъ, умѣетъ отличить въ ней самобытное, коренное отъ пришлога или наноснаго. Что передъ дѣйствительностью мы не правы, что мы до сихъ поръ относилась къ ней съ болѣе или менѣе ложныхъ точекъ зрѣнія, —

это ясно доказываютъ теперь всѣ *живыя* явленія науки и литературы. Ясно такъ же и то, что съ коренными началами этой дѣйствительности, идеалъ поэта не только можетъ быть не разрозненъ, но долженъ идти рука объ руку. Являются уже дѣйствительно произведенія, которыя представляютъ собою такую цѣльность въ сознаниі художника; хотя произведеній этихъ еще не много, и нѣкоторыя изъ нихъ свидѣтельствуютъ болѣе о стремленіяхъ авторовъ, чѣмъ представляютъ художественные образцы.

Высказавши всѣ наши общія положенія о предшествовавшемъ и современномъ состояніи словесности, мы обращаемся теперь къ частному разбору ея явленій, изъ которыхъ, впрочемъ, весьма немногія войдутъ въ этотъ разборъ, ибо въ статьѣ нашей мы имѣемъ дѣло съ искусствомъ, а не съ беллетристикою. Собственно мы будемъ говорить только 1) о «Бѣдной Невѣстѣ» г. *Островскаго*, какъ замѣчательнѣйшемъ литературномъ явленіи 1852 года, 2) о произведеніяхъ г. *Писемскаго*, говорящихъ всегда за талантъ ихъ автора и довольно рѣдко за серьезность его служенія искусству и за его міросозерцаніе, 3) о г. *Потльинѣ*, хотя собственно замѣчательная дѣятельность этого молодого писателя началась еще недавно, 4) о г. *Крестовскомъ*, котораго благородное направленіе и искренность таланта мы уже привѣтствовали недавно, 5) о г. *Кокоревѣ*, котораго Саввушка, не смотря на нѣкоторые недостатки, произвелъ такое выгодное впечатлѣніе и выказываетъ въ авторѣ много данныхъ для прямыхъ отношеній къ дѣйствительности, 6) о неизвѣстномъ авторѣ «Ульяны Терентьевны». Затѣмъ мы въ заключеніе взглянемъ на дѣятельность нашихъ лирическихъ поэтовъ.

IV.

Переходя къ частному анализу явленій литературы, мы считаемъ обязанностью напомнить читателямъ, что въ статьѣ нашей, равно какъ и въ статьяхъ прошлаго года, мы смотримъ на литературу постоянно съ исторической точки зрѣнія, т. е. поколику она служитъ отраженіемъ жизни и сама съ своею очередь воздѣйствуетъ на жизнь, собственно же художественную оцѣнку, безотносительную, техническую ставимъ (въ этомъ случаѣ) на второмъ или даже на третьемъ планѣ. Вслѣдствіе этой точки зрѣнія и самыя явленія литературы получаютъ у насъ то или другое мѣсто.

Начиная оцѣнку явленій литературныхъ 1852 года—съ «Бѣдной Невѣсты» *А. Н. Островскаго*, мы вступимъ впрочемъ правильно

какъ съ исторической, такъ и съ художественной точки зрѣнія. Какъ ни было несправедливо отношеніе критики къ новому произведенію Островскаго, каковы бы ни были недостатки самой комедіи, известные и намъ конечно, но все болѣе известные ея автору, все таки, изъ литературы 1852 года удѣлѣтъ и останется одно только: «Бѣдная Невѣста.» Отъ этого положенія не можетъ отречься и та близорукая критика, которая придираясь къ разнымъ мелкимъ недостаткамъ или даже просто недосмотрамъ въ комедіи, не замѣтила самаго важнаго, самаго существеннаго недостатка въ художественномъ отношеніи, недостатка экономіи въ планѣ и въ подробностяхъ. Задачи, замыслы произведенія такъ широки, такъ, можно сказать, блестяще раскинулись передъ самимъ художникомъ, явились ему такъ благородными и такъ говорящими сами за себя, что онъ пренебрегъ ради ихъ симметричностью постройки, что даже, драматургъ по свойству своего таланта, онъ забылъ объ условіяхъ драматизма, и нѣкоторымъ сторонамъ своей концепціи далъ эпическое развитіе, нѣкоторыя же черты выразилъ даже лирически: можетъ быть такъ же, увлеченный благородствомъ и новостью своихъ задачъ, авторъ не выносилъ ихъ достаточно въ душѣ, не далъ имъ дозрѣть до надлежащей полноты и ясности представленія, но во всякомъ случаѣ, «Бѣдная Невѣста» свидѣтельствовала о силѣ таланта, находящейся въ известномъ броженіи, въ необузданномъ состояніи, а никакъ не о безсиліи его. Крайне несправедливое отношеніе критики къ новому произведенію Островскаго, было живо почувствовано самымъ парадоксальнымъ во вмѣстѣ самымъ образованнымъ и самымъ умнымъ изъ нашихъ критиковъ, Иногороднымъ подписчикомъ. «Приступая къ разбору Бѣдной Невѣсты», говоритъ онъ, «я долженъ «сказать, что смотрю на это произведеніе не тѣми глазами, которыми «привыкъ смотрѣть на всѣ драматическія и беллетрическія произведенія, «являвшіяся въ нашихъ журналахъ, съ самаго начала моихъ писемъ о «журналистикѣ. Еслибъ наши періодическія изданія представляли публикѣ, хоть разъ въ треть года, по одному подобному произведенію, «тонъ моихъ писемъ былъ бы совершенно иной и взглядъ мой на журналистику измѣнился бы радикально. И вотъ почему, я, хвала и осуждая господина Островскаго, гляжу на него какъ на товарища лучшихъ русскихъ и иностранныхъ комиковъ, а вовсе не какъ на сверстника современныхъ намъ петербургскихъ и московскихъ художниковъ». Вслѣдствіе этого, иногородный подписчикъ съ весьма справедливымъ смѣхомъ и негодованіемъ замѣчаетъ что «въ Петербургѣ о «немъ (объ Островскомъ) отозвался тѣмъ же тономъ, какъ отозва-

ились недавно о г-жѣ Туръ, «авторѣ романа: *Племянница*», и что, благодаря критикѣ «нашему блистательному драматургу долго придется прогуливаться изъ Харибды въ Сциллу, то витая въ сообществѣ міровыхъ поэтовъ, то опускаясь въ лимбы, гдѣ копошатся, шумить, тебрюются, прославляются, парадуются, сплетничаютъ и забываются публикою наши современныя художники мужскаго и женскаго пола. Мы привели снова это мѣсто потому, что считаемъ выходку критика необыкновенно правильною и остроумною, и что по нашему мнѣнію, подобная пасмьшка вполне заслужена критикою, которая тономъ покровительства объявляла за новость, что у Островскаго есть талантъ, которая спрашивала кто такое Меричъ: «человѣкъ, не кончившій курса?» «слушатель лекцій, вѣчно собирающійся держать экзамень?» чиновничекъ низшихъ инстанцій, или купеческій сынокъ?» которая находила пятый актъ «Бѣдной Невѣсты» совершенно излишнимъ, намѣренно ли не понимая всей его необходимости въ концепціи автора или возвращая на сцену давно забытыя правила трехъ единствъ, которая наконецъ въ этомъ самомъ актѣ не замѣтила, кого бы вы думали, Дуни, Дуни, которая кромѣ самостоятельнаго значенія, необходима и для пополненія личности Беневоленскаго! Такіе промахи критики смѣшны людямъ мыслящимъ и въ наше время, но каковы же покажутся они въ послѣдствіи?» что скажутъ о критикѣ, которая съ какою-то злобою приняла явленіе, во всякомъ случаѣ наиболѣе замѣчательное въ ея время, которой самая искренность стоила большихъ усилій и которая при всемъ желаніи бытъ правдивой, не хотѣла или не умѣла освѣбодиться отъ дурныхъ привычекъ того журнала, въ которомъ дѣйствовала? что скажутъ о критикѣ, которая по поводу ничтожнаго произведенія г. Шевича, злоупотребляла имъ художника, самаго даровитаго въ ея время и съ высоты своего непризнаемаго никѣмъ величія *отыскивала* дагерротипную живопись тамъ, гдѣ все почти страждетъ излишествомъ жизни, неумѣренностью свободы художника?

Повторяемъ опять: существенный, главный недостатокъ «Бѣдной Невѣсты» — отсутствіе экономіи въ планѣ, въ постройкѣ, недостатокъ, котораго всѣ другіе являются уже неизбѣжными послѣдствіями. Сожми Островскій свою драму въ болѣе тѣсныя рамы, умѣрь нѣсколько свои въ высокой степени благородныя и широкія задачи, не выброси онъ заразъ всего, что передумано, перечувствовано имъ въ отношеніи къ избранному драматическому положенію, созданіе получило бы стройность и цѣлость, хотя можетъ быть утратило бы нѣсколько своей энергии, той энергии, которая всегда проглядываетъ въ произведеніяхъ

субъективныхъ, которая составляетъ и порокъ ихъ и высокое достоинство, энергіи, которая, какъ субъективная, изолируетъ произведеніе отъ общаго и обыкновеннаго сочувствія, по вмѣстѣ съ тѣмъ кладетъ на него неотразимо-влекущую печать. Въ такой энергіи есть почти всегда нѣчто недосказанное, нѣчто заставляющее подозрѣвать, что она еще не вся вылилась, и продукты ея дѣйствительно являются чѣмъ-то недосказаннымъ, хотя въ то же время эта недосказанность, да простятъ мнѣ нѣсколько фигурное выраженіе, прозрачна: сквозь нее видно, что хотѣлъ сказать поэтъ, видны основы его, видна болѣе всего поэзія его міросозерцанія. Пусть онъ не довелъ до послѣдней степени ясности своихъ задачъ, пусть не достигъ онъ положительной опредѣленности и типичности въ отдѣлкѣ введенныхъ имъ образовъ, душа читателя, увлеченная силою творчества и такъ сказать покоренная міросозерцаніемъ, дополняетъ въ себѣ сама и притомъ дополняетъ правильно недосказанныя черты. Ибо ничто въ такой степени не необходимо художнику какъ міросозерцаніе. Талантъ находится въ прямомъ отношеніи съ жизнію, и большая и меньшая степень воспроизведенія жизни, есть вмѣстѣ съ тѣмъ высшая или низшая степень правильнаго отношенія къ ея явленіямъ, то есть въ дѣйствительности. Безъ міросозерцанія, прочнаго, совершенно сложившагося, хотя складывающагося различно, смотря по различнымъ историческимъ даннымъ мѣстности, народности, времени, а съ другой стороны смотря по условіямъ лежащимъ въ натурѣ художника, не бывало, нѣтъ и не будетъ истинныхъ художниковъ. Кого ни возьмете вы изъ тѣхъ избранныхъ, которые отмѣтили жизнь свою дѣломъ, оставивъ по себѣ какой-либо прочный слѣдъ, всѣ они разумѣли смыслъ жизни, и стало быть, серьезно смотрѣли на жизнь. Всѣ они, отрицательно ли, положительно ли дѣйствовали въ литературѣ *во имя* ясно сознаваемаго и живо чувствуемаго идеала, и безъ этой идеальной основы—художества быть не можетъ. Чѣмъ свободнѣе, шире, человѣчнѣе, и вмѣстѣ идеальнѣе міросозерцаніе художника, то-есть разумѣніе того, *во имя* чего воспроизводитъ онъ образы полныя правды и караетъ всякую неправду жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ разумѣніе отношенія идеала къ дѣйствительности, тѣмъ болѣе яркій слѣдъ оставляетъ по себѣ его дѣятельность. Изъ разумнаго отношенія между тѣмъ, *во имя* чего художникъ творитъ и между тѣмъ, въ чемъ художникъ видитъ или, лучше сказать, чувствуетъ глубоко положеніе или отрицаніе идеала, изъ этого разумнаго, обусловленнаго историческими давними извѣстной народности и извѣстной эпохи, выходитъ различное міросозерцаніе художника. Да не подумаютъ

впрочемъ, чтобы увлекаясь нѣкоторымъ историческимъ фатализмомъ мы, въ сложеніи міросозерцанія художника, давали мѣсто только вліянію историческихъ данныхъ эпохи: на одни и тѣже явленія различныя художническія натуры смотрятъ подъ различнымъ угломъ зрѣнія. Свѣтъ одинъ, но онъ преломляется въ призмѣ на нѣсколько различныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ: нужно только необходимо, чтобы душа художника воспринимала свѣтъ и отражала тотъ или другой его оттѣнокъ.

У Островскаго, одного въ настоящую эпоху литературную, есть свое прочное, новое и вмѣстѣ идеальное міросозерцаніе, съ особеннымъ оттѣнкомъ, обусловленнымъ какъ данными эпохи, такъ можетъ быть и данными натуры самаго поэта. Этотъ оттѣнокъ мы назовемъ нисколько не колеблясь, кореннымъ русскимъ міросозерцаніемъ, здоровымъ и спокойнымъ, юмористическимъ безъ болѣзненности, прямымъ безъ увлеченій въ ту или другую крайность, идеальнымъ наконецъ въ справедливомъ смыслѣ идеализма, безъ фальшивой грандіозности или столько же фальшивой сантиментальности. Другой вопросъ, всегда ли вѣренъ въ своемъ искусствѣ художникъ такому міросозерцанію, всегда ли одинаково онъ служитъ ему, но всѣ задачи міросозерцанія выступили уже ярко въ доселѣ извѣстныхъ публикѣ произведеніяхъ Островскаго и выступаютъ скоро еще ярче въ новомъ его произведеніи, о которомъ какъ не напечатанномъ еще мы веимъ права говорить, хотя оно послужило бы къ самому прямому разъясненію вопроса. Покаместъ, слѣдовательно, мы должны ограничиться міросозерцаніемъ, явнымъ для насъ въ «Своихъ людяхъ — сочтемся», и въ особенности, чтобы не отдаляться отъ вопроса, міросозерцаніемъ «Бѣдной Невѣсты». Міросозерцаніе всякаго поэта особенно наглядно выступаетъ въ его отношеніи къ событію и положенію, взятымъ имъ для художественной обработки и въ его отношеніи къ лицамъ, участвующимъ въ событіи, поставленнымъ въ извѣстное драматическое положеніе.

Всѣмъ нашимъ читателямъ извѣстна безъ сомнѣнія «Бѣдная Невѣста», и потому не для чего здѣсь излагать въ подробности ея содержаніе или канву событій, нечего такъ же и доказывать, что главное, центральное такъ сказать драматическое положеніе, изъ котораго какъ изъ зерна выходятъ всѣ другія, — положеніе самой бѣдной невѣсты, Марьи Андреевны. Особенность міросозерцанія Островскаго въ отношеніи къ событію и къ положенію всего лучше и очевиднѣе можетъ быть доказана путемъ отрицательнымъ. Поэтому мы спросимъ, что увидѣли бы въ событіи и въ положеніи, прежнія, весьма недавнія впрочемъ

школы, свирѣпствовавшія въ русской литературѣ, т. е. школа фальшивой образованности и школа натуральная? Школа фальшивой образованности принялась бы за это положеніе съ своею обычной точкой зрѣнія. Дѣло известное:

Но вотъ среди толпъ густой
 Мелькаетъ быстро передъ вами,
 Ребенокъ робкій и нѣмой.
 Съ большими, грустными глазами
 Ребенокъ.... Ей пятнадцать лѣтъ,
 Но за собой она невольно
 Влечетъ вась.... за нее вамъ больно
 И страшно.... блѣдный, томный цвѣтъ
 Лица,—печальный слѣдъ сомнѣній
 Тревожныхъ, равныхъ размышленій,
 Тоски, неопытныхъ страстей
 И взглядъ внимательный—все въ ней
 Вамъ говорить о *самовластной*
 Душѣ.... ребенокъ бѣдный мой!
 Ты будешь женщиной несчастной....
 Но я не плачу надъ тобой....

съ душевною болью выписываетъ авторъ статьи это, нѣкогда сильно на него дѣйствовавшее лирическое мѣсто, — но тѣмъ не менѣе *должно* представить его въ образецъ того фальшиваго міросозерцанія, съ которымъ самые талантливые люди литературной школы отнеслись бы къ положенію Марьи Андревны. Характеръ опи такъ же мало бы создали своимъ міросозерцаніемъ, какъ мало обозначенъ онъ въ пьесѣ Островскаго, даже несравненно меньше, но взглядъ былъ бы таковъ. Вслѣдствіе этого, въ обстановкѣ явился бы не Меричъ, а господинъ, который былъ бы пожалуй и такъ же пустъ, но котораго пустоту оправдывалъ бы явно авторъ общими *язвами* современности, и Ми-лашина не было бы, потому, что въ Мидашинѣ многимъ колеть глаза правда міросозерцанія автора, — и Хорьковъ вышелъ бы, пожалуй и пьющимъ же съ горя человѣкомъ, но съ самыми грубыми и необразованными наклонностями, совершенно неспособнымъ понять деликатную и чистоплотную натуру Марьи Андревны (*conditio sine qua non* выставить чистоплотность какъ рѣдкое качество), и мать Марьи Андревны вышла бы не та и отношеніе къ ней Марьи Андревны было бы не такое. Въ доказательство, что мы говоримъ не на угадъ, а на основанія данныхъ прошедшаго могли бы мы привести бездну повѣстей старыхъ годовъ, но

всего лучше подтверждаетъ нашу мысль то, что критикъ этой школы именно хотѣлось, чтобы Марья Андревна полюбила не Мерича, а *хорошаго* человѣка; потому, изволите видѣть, что въ такомъ случаѣ, она впустила бѣ больше симпатіи; бѣдная критика и не догадывалась въ своей наивности, что если бы комедія Островскаго писалась по ея теоріи и вообще по заданной папередъ темѣ, то тотъ же самый Меричь могъ бы быть выданъ авторомъ за весьма *хорошаго* человѣка, за одного изъ тѣхъ безчисленныхъ героевъ, по которыхъ страдаютъ, сохнутъ, умираютъ злой чахоткой героини безчисленныхъ повѣстей и романовъ, или вышла бы другая исторія: тотъ же Меричь изображенъ былъ бы такъ каррикатурно, какъ во многихъ же повѣстяхъ изображаются мюншеры, не обладающіе великимъ искусствомъ одѣваться *comme il faut* и расчесывать волосы съ проборомъ назади, и метался бы въ глаза всѣмъ, даже упомянутой нами критикъ. Что касается до добрейшаго Платона Марковича Добротворскаго, то онъ какъ одно изъ орудій *гибели* Марьи Андревны, явился бы такимъ каррикатурнымъ звѣремъ, что Боже упаси. Вообще положеніе Марьи Андревны было бы взято такъ, что она непременно погибла бы и задохлась окончательно въ самой пьесѣ среди грубой и грязной дѣйствительности, какъ погибають разныя героини «превращеній» и другихъ повѣстей въ этомъ родѣ: фактъ опять удобо-доказываемый тѣмъ, что критикъ этой школы особенно не понравился психологическій выходъ натуры Марьи Андревны въ пятомъ актѣ, совершенно излишнемъ по ея мнѣнію.

Съ другой стороны—натуральная школа—все участіе зрителя насильственно сосредоточила бы на лицѣ Платона Марковича, впустила бы ему глубокую, слезливую, безсознательную, и въ особенности *приличную* старику страсть къ Марьѣ Андревнѣ,—какъ Макару Алексѣвичу Дѣвшкину или Мошкину, и подъ конецъ—выдала бы за него замужъ Марью Андревну съ разбитымъ, подразумевается, сердцемъ.

Ни того ни другаго не сдѣлалъ Островскій: онъ не пощадилъ Мерича, не идеализировалъ Добротворскаго и избѣгъ даже еще крайности, въ которую не мудрено впасть всякому, оскорбленному неправильнымъ отношеніемъ разныхъ школъ къ дѣйствительности, не идеализировалъ самой дѣйствительности обставляющей характеръ Марьи Андревны; съ равнымъ разумнымъ участіемъ отнесся онъ и къ положенію своей героини и, къ положенію напимѣръ ея матери, и къ положенію Хорькова и къ положенію Дуни и т. д. Этимъ-то такъ и благородны, такъ широки и такъ новы его задачи, хотя и не во всѣхъ частяхъ выполнены равно удовлетворительно. Самая неудовлетворительность, и преимуще-

ственно техническая неудовлетворительность выполнения произошла едва ли не отъ того, что для автора на первомъ планѣ стояли задачи. Имъ онъ пожертвовалъ драматизмомъ въ двухъ первыхъ актахъ, чтобы почти эпически спокойными и какъ будто нѣсколько вало тянушимися подробностями,—вести насъ въ бытъ и отношенія изображаемаго имъ міра—имъ уступилъ онъ и въ нѣсколько лирически, а не драматически-патетической сценѣ пятаго акта между Меричемъ и Марьей Андревной, въ ея обращеніи къ Меричу.... Поздно Владиміръ Васильичъ, поздно.... и т. д. Но такой недостатокъ, являясь дѣйствительно недостаткомъ на судъ строгой эстетической критики, заставляетъ какъ-то читателя искреннѣе сочувствовать произведенію, въ которомъ присутствіе субъективности автора, не скрыло отъ другихъ тѣхъ задачъ, которыя ее самое тревожили.

Теперь взглянемъ нѣсколько на отношеніе художника къ выведеннымъ имъ лицамъ. Лице Марьи Андревны подверглось нареканіямъ за отсутствіе въ немъ характера. Мы сами соглашаемся отчасти, что Марья Андревна скорѣе положеніе чѣмъ лице, но вмѣстѣ съ этимъ, не можемъ не высказать своего душевнаго мнѣнія, что при таковой молодости лѣтъ, ей еще нельзя было выработать опредѣленной личности, а при окружающей ея обстановкѣ—и неоткуда было взять элементовъ для опредѣленія личности: Марья Андревна представляетъ собою общій процессъ женскаго сердца, въ ту эпоху, когда женщина вся состоитъ только изъ побужденій и неопредѣленныхъ стремленій—и что у ней есть натура, изъ которой, какъ будетъ ова постарше, выработается настоящая, славная женская личность, такъ это показываетъ многое,— между прочимъ ея жажда искренней любви, ея благородное сознаніе собственнаго достоинства, ея честный взглядъ на вещи.... Кроме того, мы видимъ въ ней не мечтательницу, не резонерку, не одно изъ тѣхъ неминуемо *гибнущихъ* въ дѣйствительности, по представленію нашихъ романистовъ и драматурговъ существъ, которыхъ всѣ достоинства существуютъ только въ воображеніи ихъ сочинителей. Марья Андревна, хоть она не вполне еще сложилась нравственно, даже, пожалуй вовсе не сложилась—натура живучая, способная понять правду жизни, смыслъ ея и настоящее дѣло, не вооружающая даже на окружающую ее сферу, ибо сама она, со всеми страстными задатками ея организаціи,—все таки продуктъ этой жизненной сферы. Милашина *возмущаетъ* Добро-творскій, ее не возмущаетъ, она видитъ въ немъ добраго человека даже въ ту минуту, когда ей крайне несосны заботы о скорѣйшимъ устройствѣ ея участи: Меричу отдалась она со всею непосредствен-

ностью и свѣжестью души, — но и тутъ она не отрѣшается отъ настоящей жизни — она даже *безпокоитъ* этого господина тѣмъ, что старается завести съ нимъ рѣчь о близкихъ къ дѣлу интересахъ. Но съ другой стороны, — не одни впечатлѣнія окружающей сферы быта дѣйствовали на ея страстную и воспримчивую натуру: — внутреннй мйръ ея созданъ подь влйанйемъ впечатлѣній другой сферы, подь влйанйемъ чтенйя, подь влйанйемъ идей, которыя живутъ въ воздухѣ и какъ воздухъ прололтъ въ какой бы то ни было замкнутый и особый мйрокъ. Этймъ можно оправдать даже ея, мѣстами книжную, рѣчь. Что касается наконецъ до психологическаго выхода ея характера, то этотъ выходъ могъ показаться насильственнымъ только развѣ той критикѣ, о которой мы уже говорили. Очевидно всякому, что словами: «Я хочу жить, я имѣю право на счастье»... авторъ не хотѣлъ ни поднять свою героиню на ходули, ни навязать своей комедйи ложное или пошлое примиренйе, а только хотѣлъ быть вѣрнымъ передавателемъ душевнаго процесса такихъ натуръ какъ натура Марьи Андревны, натуръ нескоро впадающихъ въ апатйю разочарованйя, добывающихся отъ жизни — правды: очевидно такъ же и то, что авторъ не дѣлитъ съ своей Марьей Андревной надеждъ на моральное возвышенйе Максима Дорофеевича Беневоленскаго, — очевидно, по его же указанйямъ — по всему слѣдующему за сценою V-го акта Марьи Андревны съ Меричемъ до конца комедйи, что разобьются въ прахъ такія надежды, хотя подлежатъ большому сомнѣнйо, чтобы разбилась или обмельчала натура его героини.

Дѣйствительность, окружающая Марью Андревну — материально очень бѣдная, а нравственно весьма не далекая. На ознакомленйе насъ, съ этой обстановкою, Островскй употребилъ, какъ мы уже замѣтили — не драматическйя, а эпическйя средства: много лишнйихъ подробностей, которыя сами по себѣ прекрасны взятыя отдѣльно, но ходу драмы не содѣйствуютъ, — вошло сюда. За то мы знаемъ хорошо Анну Петровну, знаемъ Дарью, знаемъ Хорькову, знаемъ Добротворскаго — знаемъ однимъ словомъ этотъ особенный, совершенно московскй даже замоскворѣцкй мйръ мелкаго чиновничества, наображенный безъ малѣйшей злобы и задней мысли. Нельзя неостановиться съ удовольствйемъ на отношенйи автора къ матери Марьи Андревны съ одной стороны и на отношенйи его къ матери Хорькова съ другой; принимая самое сильное участйе въ своей героинѣ, авторъ однако ничѣмъ не пожертвовалъ этому участйо: вы напримѣръ, негодуете на Милашина, пристающаго къ Марьѣ Андревнѣ съ пошлымъ и приторнымъ участйемъ въ тяжкую и рѣшительную минуту ея жизни, но ни разу не негодуете на Анну

Петровну — даже тогда когда, она попрекает дочь въ неблагодарности, когда она настоятельно требуетъ, чтобы та шла замужъ за Беневоленскаго: жаль вамъ Марьи Андревны, да чтожь и старухъ-то дѣлать? Женщина она слабая, сырая: кромѣ того, что ей втемяшилась въ голову идея лиха: какъ это безъ мушины въ домъ? — и домъ-то еще у нея оттягиваютъ. Не далека она — это точно, что недалека, да вѣдь она любить свою Машеньку: вѣдь въ концѣ она сама чувствуетъ, что что-то неладно: «Признаться сказать, своренько дѣло-то сдѣлали, кто его знаетъ, въ него не влѣзешь.» Однимъ словомъ, нѣтъ возможности сердиться читателю на бѣдную старуху, когда ни авторъ, ни сама Марья Андревна на нее не сердятся.

Подъ пару къ этому глуповато-доброму существу старикъ Платонъ Марковичъ Добротворскій — лице вполне живое и типическое, къ которому опять авторъ отнесся необыкновенно правильно и человѣчно. Это ничего — что онъ поцѣлуетъ въ рукавъ Максима Дороевича Беневоленскаго — это ничего, что онъ добродушно замѣтитъ, говоря о лошади Максима Дороевича «Ахъ проказникъ вы, проказникъ, Максимъ Дороевичъ! Да вѣдь чай не купленная» — абсолютныхъ понятій о честности вы отъ него и не требуйте — но вѣдь онъ трогательно привязанъ къ семьѣ своего благодѣтеля, онъ бѣгаетъ по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ отыскивая жениха Машѣ, — онъ скажетъ ей отъ души по своему разумнѣю доброе слово («Свистуны вѣдь они матушка, никакой основательности нѣтъ. Невѣрты вы имъ. Нище любить, а завтра разлюбить.»). Онъ прежде всего заботится о тишинѣ и мирѣ, — но между тѣмъ, когда дѣло идетъ объ участи Маши, которая устроилась по его мнѣнью благополучно, онъ даже Беневоленскому, къ которому относится къ уваженіемъ и съ нѣкоторою лестію, скажетъ основательно, боясь за старья его шаши: «Что жъ вы, отецъ мой, у меня съ «Марьей-то Андревной дѣлаете? Вы такъ у меня ее уморите, сердечную.... А ужъ вы, батюшко, эти глупости-то оставьте.» Добрый, добрый старикъ — хоть и не далеко онъ видать. Онъ совершенно подъ пару Аннѣ Петровнѣ: в правъ былъ авторъ, что къ нимъ обоимъ отнесся такъ человѣчно.

Иное отношеніе къ матери Хорькова; тоже мастерски задуманному и мастерски выполненному лицу. Тутъ уже авторъ видимо относится со смѣхомъ къ претензіямъ полуобразованности — читателю больно за бѣднаго Хорькова въ сценѣ его объясненія съ Марьей Андревной, гдѣ Хорькова его такъ сказать подучиваетъ: еще яснѣе обозначается для насъ эта женщина въ третьемъ актѣ, когда она съ такимъ явнымъ

злорадствомъ приходитъ къ матери Марьи Андревны, чтобы вылить на бѣдную дѣвушку лужу сплетень. Вамъ очевидно, что она вломалась въ амбицію — и что если такая женщина вломается въ амбицію, такъ тутъ только держись. Вамъ ясно, каково должно было быть ея вліяніе на натуру сына и какіе слѣды на его душѣ должно было оставить это вліяніе.

Самъ Хорьковъ — опять скорѣе положеніе, чѣмъ лице, точно такъ же какъ и Марья Андревна, положеніе слишкомъ великодушно брошенное авторомъ въ драму, когда оно само могло послужить предметомъ драмы, но положеніе, котораго наиболѣе ярнія стороны набросаны кистью мастера. Какъ ни неудовлетворительно впечатлѣніе, получаемое отъ малоразвитыхъ его отношеній къ матери и къ Марьѣ Андревнѣ, — но все-таки эта «любовь изъ-за угла» удѣлъ натурѣ слишкомъ сосредоточенныхъ и сначала запуганныхъ, потомъ попорченныхъ средою жизни, — трагическая безвыходность его положенія, постоянное недовольство собою и страшное разрѣшеніе невыносимаго душевнаго состоянія запомнимъ, показывають, какъ широка была задача поэта въ созданіи его положенія. Повторяемъ опять, это положеніе брошено только слишкомъ великодушно, вѣроятно отъ избытка силъ таланта. Въ сценическомъ выполненіи «Бѣдной невѣсты» при искусной и теплой игрѣ актера, который возьметъ на себя роль Хорькова — положеніе можетъ уясниться, досказаться и произведетъ эффектъ поразительный. Замѣтимъ между прочимъ, что одинъ изъ критиковъ «Бѣдой невѣсты» поставилъ Хорькову въ вину предложеніе Милашину *перехваченныхъ* писемъ *счастливаго своего соперника*. Зачѣмъ колотъ Хорькову глаза счастливымъ соперникомъ — возразилъ на это въ свое время, одинъ изъ насъ — рецензентъ Москвитянина — когда онъ не оказалъ къ нему ни ревности, ни зависти, когда онъ, съ разу оставилъ всѣ свои надежды, и, забывши о себѣ, заботился только о судьбѣ Марьи Андревны? Вѣдь онъ не о себѣ хлопоталъ, изъ комедій это ясно; за что же критикъ наводитъ сомнѣніе на его честность? Что это за условный взглядъ на поведение? Дѣвушка гибнетъ, опутанная сѣтями подлаго чловѣка и ей нельзя подать помощи! Неужели же Хорькову, который знаетъ цѣну Меричу, въ подобномъ случаѣ оглядываться съ сомнѣніемъ на свой поступокъ? Ему и въ голову не могло придти, что онъ дѣлаетъ дурно; онъ слишкомъ сильно любилъ Марью Андревну и слишкомъ мало любилъ себя.

Что касается до лица Беневоленскаго, то созданное совершенно цѣльно и притомъ за-разъ, всей натурой вылитое, оно не требуетъ разъясненія отношенія къ себѣ автора. Тутъ нельзя даже указать на какія либо осо-

бевныя черты—все тутъ типично, отъ желанія приобрести образованную жену и вмѣстѣ приобрести органичикъ для обученія канареекъ до приобретенія хорошей вещицы отъ нечаянно *набѣжавшаго* хорошаго чело­вѣка и до разказа о представленіи Роберта, въ которое, *загулявши*, не попалъ Максимъ Дороеичъ, отъ возраженія на желаніе Анны Петровны, чтобы мужчина былъ непьющій. «Конечно..., а знаете ли сударыня, я вамъ осмѣлюсь сказать, что въ мужчинѣ даже и это ничего. Какъ ты думаешь, «Платовъ Марковичъ объ этомъ,» до зарокъ не пить давнаго передъ свадьбой, причемъ читатель остается убѣжденъ, что такой зарокъ далъ только до послѣ свадьбы, а всего скорѣе только до первой вѣр­ной оказіи. Особенно же хорошъ и просится въ картину Максимъ Дороеичъ, когда самодовольно деретъ себя за хохоль, одѣтый женихомъ и стоя передъ зеркаломъ. А между тѣмъ, личность Беневоленскаго была бы все-таки не полна безъ *Дуни*. Не смотря на всю краткость двухъ сценъ, въ которыхъ она является—къ ея личности нельзя прибавить ни одной черты, вся жизнь ея передъ нами какъ на ладони.... Напоминать черты Дуни, значитъ выписывать всѣ ея слова, всю сцену ея съ Беневоленскимъ, а равно и веревую сцену съ Пашею, или по даннымъ, заключающимся въ этихъ сценахъ, писать исторію этой женщины.... Есть слова у Дуни въ высшей степени патетическія. «А все таки Паша.... ты то возьми, лѣтъ пять жили.... вѣдь жалко... «Конечно не много я отъ него добраго видѣла.... больше слезъ, одного «сраму что перенесла. Такъ ни за что прошла молодость, и помянутъ «нечѣмъ.» Или ея обращеніе къ Беневоленскому:» Смотри жъ, живи «хорошенько.... Эта вѣдь тебѣ навѣкъ, не то что я.... Ну прощай, «не поминай лихомъ, —добромъ нечѣмъ. Что это я, какъ дура расплака­лась въ самомъ дѣлѣ? О! махнемъ рукой Паша, завьемъ горе веревочной». Всякой, кто и не знаетъ этаго типа женщинъ, почувствуетъ невольно, что это все такъ именно должно сказать—равно какъ и «адье, мусье» брошенное на прощанье въ порывѣ какой то размашистой удали завитаго веревочкой горя, равно какъ и то, что Дуня издѣвается, пугаетъ Беневоленскаго прежде: а хочешь, сей часъ дебошъ сдѣлаю: все, все такъ, отъ ясныхъ намековъ на ея жизнь, когда Беневоленскій призжалъ къ ней «пьяный да олаберный—такъ какъ обѣснующій какой» до ея ироническаго тона при встрѣчѣ съ нимъ и своего рода благородства въ словахъ: «Ты смотри, не забуди чужаго вѣку даромъ. Грѣхъ тебѣ будеть. Остепенись да живи хорошенько»....

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о Меричѣ и Милашинѣ.... Что къ Меричу, а равно и къ Милашину отнесся авторъ въ высшей

степени правильно, это ясно изъ того даже, что критика известной школы до сихъ поръ сердится на него за эти лица. Что съ другой стороны Меричъ и Милашинъ—превосходны только какъ задачи, что они не вызрѣли достаточно въ душѣ художника, это такъ же ясно. Но общій психологическій процессъ такихъ натуръ какъ натура Мерича и Милашина представленъ до того осязательно, что вы, принимая участіе въ судьбѣ Марьи Андревны, негодуете на того и другаго и презираете ихъ. Можетъ быть только двухъ, трехъ штриховъ рѣзца недоставало для довершенія этихъ фигуръ. Въ отношеніяхъ того и другаго къ Марьѣ Андревнѣ, слишкомъ явно, что они существуютъ только ради ея въ комедіи, что авторъ увлекся преимущественно драматизмомъ положенія и сосредоточилъ все на немъ, оставивши многое недосказаннымъ.

Но и того, что выполнено въ «Бѣдной невѣстѣ», достаточно, чтобы она была замѣчательнымъ произведеніемъ во всякой литературѣ, а задачи ея такъ широки, благородны и новы, что, безъ сомнѣнія, поставляютъ автора во главѣ современнаго литературнаго движенія.

V.

Разсмотрѣвши отдѣльно «Бѣдную Невѣсту» какъ произведеніе выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, даже хорошихъ литературныхъ явленій, мы взглянемъ теперь на другія явленія болѣе или менѣе проникнутыя живымъ началомъ. Въ обзоръ наше войдутъ весьма немногія литературныя произведенія и, такимъ образомъ, не войдутъ продукты беллетристики.

На первомъ мѣстѣ и даже отдѣльно въ ряду писателей, которыхъ произведенія проникнуты живымъ началомъ, безъ сомнѣнія поставимъ мы въ настоящую минуту автора «Тюфяка», «Брака по страсти» и «Иппохондрика», г. Писемскаго, писателя съ самымъ яркимъ, самобытнымъ и крѣпкимъ дарованіемъ, которому не достаетъ только глубины и идеальности міросозерданія, чтобы имѣть на литературу самое сильное вліяніе. Замѣчательно странно то, что съ каждымъ новымъ произведеніемъ, послѣ «Брака по страсти», міросозерзаніе автора постоянно, такъ сказать понижается, между тѣмъ какъ всѣ непосредственныя данныя таланта остаются тѣже самыя. Въ «Иппохондрикѣ», не смотря на всю комическую силу и соль этой комедіи, міросозерзаніе явно отсутствуетъ; въ «Богатомъ женихѣ», самомъ слабомъ и повидимому на-

скоро писанномъ романѣ г. Писемскаго, оно является чѣмъ-то колеблющимся, нерѣшительнымъ, бездѣльнымъ, въ «Батмановѣ», не смотря на всѣ прекрасно отдѣланныя частности этой повѣсти, міросозерцаніе понизилось совершенно до безразличія температуры съ изображаемою авторомъ дѣйствительностью: тутъ уже нѣтъ какъ будто и отголоска тѣхъ строгихъ, прекрасныхъ задачъ, которыя съ такою энергіею обозначались въ «Тюфякѣ», самомъ сильномъ изъ произведеній г. Писемскаго, и въ «Бракѣ во страсти», самомъ художественномъ изъ нихъ: во всемъ послѣдующемъ, виднѣтъ одинъ только непосредственный талантъ, какъ будто совершенно обнаженный, лишенный всякаго вооруженія. Отъ неясности ли идеала въ душѣ писателя, отъ особаго ли свойства излишней гибкости въ талантѣ, гибкости, приводящей міросозерцаніе въ уровень со всякою дѣйствительностью, зависитъ это, или преимущественно отъ того, что г. Писемскій недостаточно выносилъ въ душѣ свои послѣднія произведенія, но, отъ нихъ рѣшительно ни тепло ни холодно: любишься мастерскимъ приѣмомъ автора въ схватываніи разныхъ сторонъ дѣйствительности, непосредственностью изображенія и часто поразительною простотою, любишься, однимъ словомъ, творческими данными, но подъ вліяніе самаго творчества ни какъ не попадешь; то, что мы сказали о немъ въ статьяхъ о литературѣ за 1854 годъ, мы готовы повторить и теперь: ибо г. Писемскій не сдѣлалъ ни одного шага къ выходу изъ своего нѣсколько несвободнаго, зависимаго отношенія къ дѣйствительности. Выйти изъ такого отношенія г. Писемскій могъ, какъ намъ кажется, только однимъ путемъ, развивая тѣ серьезныя и новыя, хотя нѣсколько отрицательныя задачи, которыя лежали въ «Тюфякѣ» и въ «Бракѣ по страсти.» Для поясненія этихъ задачъ, мы повторимъ здѣсь то, что сказано однимъ изъ насъ по поводу общаго смысла «Брака по страсти», смысла, дурно понятаго или даже совсѣмъ не понятаго устарѣвшею критикою, незнающею инаго отношенія кромѣ тупой вражды къ новымъ талантамъ, идущимъ не по той дорогѣ, по которой шли прежніе, ей знакомые. Авторъ *Брака по страсти*,—говоритъ нашъ рецензентъ, «не удовольствовался тѣмъ, что образно и въ дѣйствіи выразилъ свою мысль, онъ намекаетъ на эту мысль даже въ эпиграфѣ, избранномъ имъ для своей повѣсти: *Мелкія натуры*, сказано тамъ—*только претендуютъ на любовь и неудачно драпируются плащомъ Ромео*. А между тѣмъ, кто же, въ наше время въ особенности, не претендуетъ на любовь, кто не полагаетъ себя способнымъ къ истинной и глубокой страсти, кто наконецъ не готовъ признать въ себѣ и другихъ за любовь чутъ

чуть очеловѣченную склонность или причуду своего распаленнаго воображенія. Если много зла въ жизни происходитъ отъ отсутствія любви въ брачныхъ отношеніяхъ, то едва ли не столько же порождается и безразсудною любовью, минутною прихотью сердца, наконецъ страстью, родившеюся въ головѣ, если всѣ подобныя движенія души не остаются во время, но разовьются въ прочныя отношенія съ женщиной. Если гнусны и противучеловѣчны союзы, основанныя на корысти, тщеславіи и другихъ нелѣпыхъ побужденіяхъ, то съ другой стороны, смѣшны до крайности и тѣ пародіи на любовь, которыя только обставлены вѣшнымъ приборомъ истинной любви, въ самомъ же дѣлѣ имѣютъ съ нею только одну общую черту, ослѣпленіе. И именно смѣшны они по преимуществу, потому что рѣдко разыгрываются въ драму, но по большей части, если и порождаютъ страданія, то страданія мелкія, мало внушающія участія и до конца посяща въ себѣ элементъ комическаго, неразумнаго....

Разоблачать фальшь прикрывающую себя эффектомъ, разоблачать побужденія, которыя по виду только благородны, разоблачать претензіи на страсти и съ строгою послѣдовательностью преслѣдовать животненное, прикрывающееся возвышенными стремленіями, мелкое, драпирующееся грандіознымъ плащомъ, показать однимъ словомъ и фальшивую сторону тѣхъ страстей, которыя такъ долго въ нашей литературѣ показывались только съ блестящей ихъ стороны, вотъ какова была задача таланта г. Писемскаго, поскольку она высказалась въ «Тюфякѣ» и въ «Бракѣ по страсти.» Тюфякъ — самое прямое и художественное противодѣйствіе болѣзненному бреду писателей натуральной школы, герой романа, т. е. самъ Тюфякъ, съ его любовью изъ за-угла, съ его неясными и неясненными ему самому благородными побужденіями по ползѣмъ съ самыми грубыми склонностями, съ самымъ дикимъ эгоизмомъ, этотъ герой, несмотря на то, что вамъ его глубоко, болѣзненно жаль, тѣмъ не менѣе — Немезида всѣхъ этихъ героевъ замкнутыхъ угловъ съ ихъ непонятнымъ вѣкомъ и имъ самимъ непонятными стремленіями, проводящихъ «бѣлыя ночи» въ бреду о какихъ-то идеальныхъ существахъ, къ которымъ несмѣютъ подойти въ дѣйствительности или страдающихъ въ дѣйствительности отъ этихъ же самыхъ идеальныхъ существъ; только г. Писемскій, можетъ быть и даже вѣроятно, съ душевною болью, отвесивъ къ этому герою какъ слѣдуетъ, комически. Съ другой стороны, «Бракъ по страсти», столько же прямое и еще болѣе художественное противодѣйствіе міросозерпанію другой школы фальшивой образованности. Прибѣгаемъ опять къ поясненію

смысла этого произведенія, сдѣланному нашимъ критикомъ. «Нельзя не благодарить г. Писемскаго, говоритъ онъ, за то, что онъ тронулъ вопросъ любви съ такой оригинальной стороны, нельзя не видѣть, что мысль, лежащая въ основѣ его повѣсти, вынесена имъ не изъ теоретическаго пониманія, но изъ многостороннихъ наблюденій надъ жизнью, что однимъ словомъ, сама жизнь натолкнула его на эту мысль. Голодъ въ пользу любви раздавался много въ нашей, какъ и во всякой другой литературѣ; любовь угнетенная являлась во всевозможныхъ видахъ, было такъ же много протестовъ противу многообразныхъ условий, стѣсняющихъ любовь. Во множествѣ произведеній, порожденныхъ этими, въ сущности благородными и возвышенными побужденіями, попадались конечно и такія, которыя брали вопросъ съ настоящей стороны, стояли за безусловно-правое дѣло; но были и произведенія, (даже болѣею частію, прибавимъ мы къ словамъ нашего критика) которыя только запутывали и затемняли дѣло, порождая ложныя мысли объ одной изъ самыхъ благороднѣйшихъ страстей человѣка. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, они безъ сомнѣнія приносили болѣе вреда, чѣмъ пользы. Самая дурная сторона ихъ была совершенная разрозненность съ дѣйствительною жизнью, искаженіе дѣйствительности по произволу для проведенія нѣсколькихъ, иногда даже не примѣтныхъ самимъ авторамъ, мыслей. Если они дѣйствовали на публику, то какъ-то странно, возбуждая въ ней рѣшительно неудовлетворимыя и неприложимыя стремленія, разжигая мысль причудливыми и соблазнительными формами любви, выдуманной авторомъ въ его праздныхъ мечтаніяхъ».

Такого-то рода представленіе страстей и отношеній покаралъ г. Писемскій въ своей повѣсти. Насколько такая задача его таланта, исторически необходима въ нашей литературѣ, видно изъ самаго благо взгляда, кинутаго на ея недавнее, предшествовавшее состояніе. На одну повѣсть, въ родѣ «Безъ разсвѣта», гдѣ съ правдивой и притомъ драматической стороны взяты совершенно законныя требованія и совершенно незаконное имъ противодѣйствіе, найдется куча владыкъ и безобразныхъ по духу и по формѣ произведеній, обязанныхъ своимъ бытіемъ напряженію эгоизма, желанію драпироваться плащомъ Ромео. Немудрено, что критика этой школы такъ сильно подняла свой голосъ противъ безпощадной повѣсти г. Писемскаго, ибо, какъ говорятъ опять нашъ критикъ, «ничего выдуманнаго т. е. фальшиваго нѣтъ въ этой повѣсти. Передъ вами — прошествіе изъ дѣйствительной жизни, какіхъ вамъ, можетъ быть не разъ случалось быть свидѣтелемъ, прошествіе до такой степени правдивое, что кажется, будто оно списано съ

какогонибудь действительно случившагося событія. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти лица, выходящія въ повѣсти, эти отношенія между ними, вся обстановка, въ ихъ видали не разъ. Только ясность, съ которой озаряетъ внутренній смыслъ всего событія и раскрыты внутреннія пружины, двигающія лицами, показываетъ вамъ, что вы имѣете дѣло съ свободнымъ продуктомъ таланта, правда твердо опершагося на действительность и всѣ формы своего произведенія взявшаго изъ нея».

Такъ обозначалась въ двухъ первыхъ и лучшихъ произведеніяхъ г. Писемскаго, его литературно-историческая задача. Въ задачѣ этой, какъ чисто-отрицательной, заключалась и своя опасная для таланта сторона, особенно когда въ этомъ талантѣ гораздо больше непосредственныхъ данныхъ, чѣмъ глубокаго содержанія, какъ въ талантѣ г. Писемскаго. Разоблаченіе всего аффектированнаго въ страстяхъ человѣческихъ, всего фальшиваго въ явленіяхъ действительности, такой подвигъ, который для вполнѣ достойнаго служенія себѣ, требуетъ со стороны служащаго ему такого постоянно высшаго отношенія къ действительности и къ самому себѣ, въ какомъ держался покойный Гоголь, или отношеніемъ болѣе спокойнаго, болѣе равнаго, но тѣмъ не менѣе идеальнаго, въ какомъ находятся многіе истинные по натурѣ художники, между прочимъ Островскій, однимъ словомъ — повѣрки идеаломъ, безусловнымъ ли и высшимъ или разумно-историческимъ, сложеннымъ изъ коренныхъ народныхъ началъ действительности, вмѣстѣ съ тѣмъ общечеловѣческимъ, поелику всѣ народности суть различныя оттѣнки и цвѣта принимаемые человѣческимъ духомъ. Не покушаясь измѣрять талантъ г. Писемскаго масштабомъ генія Гоголя, мы скажемъ только, что у него нѣтъ, какъ есть и примѣръ у Островскаго, прочнаго, определеннаго и вмѣстѣ идеальнаго міросозерцанія, которое служило бы ему точкою опоры при разоблаченіи всего фальшиваго въ благородныхъ по видимому стремленіяхъ, что вслѣдствіе этого, отрицательное начало легко можемъ ввести его въ безразличное равнодушіе. Лучшій примѣръ такого опаснаго положенія, представляетъ его «М-г Батмановъ», повѣсть, безспорно блистательная по многимъ частнымъ подробностямъ, во тѣмъ не менѣе представляющая собою самыя неясныя отношенія автора къ его концепціи, повѣсть задуманная явно съ отрицательною мыслию, но въ которой мысль выразилась неполно, неясно, какъ то даже странно, вслѣдствіе совершеннаго отсутствія какой либо идеальной основы какого-либо міросозерцанія, кромѣ взятаго изъ той же самой случайной действительности, окружающей этого господина, накинутаго себѣ на плеча плащъ Чильдъ-Гарольда. Не говоримъ уже

о «Богатомъ женихъ» произведеніи, въ которомъ хороши только нѣкоторыя комическія стороны, да и тѣ представляютъ собою низшій родъ комизма, и въ которомъ повсюду, гдѣ авторъ хотѣлъ схватиться за идеальную основу (какъ примѣръ въ лицѣ Вѣры, героиня романа) оказывается какая-то слабость и несостоятельность.

Единственное, о чемъ критика можетъ говорить изъ произведеній г. Писемскаго, явившихся въ 1852 году, это — «Иппохондрикъ», комедія, которую мы конечно не поставимъ въ одну категорію съ «Бѣдной Невѣстой», но въ которой является талантъ блестящій, могущественный, обладающій въ высокой степени тѣмъ, что называется *Vis comica*. Печего устранять отъ комедій г. Писемскаго весьма не основательный упрекъ въ заимствованіи имъ тѣхъ или другихъ лицъ у Гоголя и у англійскихъ романистовъ, упрекъ сдѣланный къ сожалѣнію тѣмъ же самымъ даровитымъ и умнымъ, хотя страшно-парадоксальнымъ кригивомъ, который отнесся такъ правильно къ новой комедіи Островскаго. Всякій, мало мальски знакомый съ техникой художества, пойметъ, что талантливому писателю, каковъ г. Писемскій, нѣтъ ни малѣйшей нужды складывать лица изъ чертъ имъ вычитанныхъ, при большомъ запасѣ собственныхъ психологическихъ наблюденій: только лица, у которыхъ запасъ таковыхъ наблюденій весьма скуденъ, приступаютъ къ личностямъ съ заготовленными заранее, весьма узкими предположеніями, почерпнутыми изъ весьма ограниченнаго количества и ничтожныхъ по смыслу, наблюденій надъ ихъ знакомыми. Весьма естественно, что кромѣ чертъ своихъ знакомыхъ, они ничего не видятъ въ личностяхъ, что надъ типами они не задумываются, а съ плеча относить ихъ къ категоріямъ, и весьма такъ же естественно, что изъ такого созерцанія могутъ выходить только несообразности. Нѣтъ! лица Гоголя и лица Диккенса — сами по себѣ, а лица г. Писемскаго — тоже сами по себѣ. Дѣло не въ томъ: въ комедіи, кипящей по всюду жизнью, въ комедіи, читая которую, вы предаетесь неудержному смѣху, которой частности достойны лучшихъ комиковъ, нѣтъ основы, не только идеальной, но даже просто психологической, а существуетъ основа такъ сказать медицинская, какъ будто внѣшнее, искусственно придуманная для того, чтобы кругомъ ея толпился міръ самыхъ живыхъ лицъ, самыхъ комическихъ подробностей: прибавьте къ этому еще недостатокъ: нѣкоторую, не скажемъ каррикатурность, но рѣзкость въ изображеніи характеровъ, и вотъ что строгая эстетическая критика можетъ замѣтить въ комедіи, все что не было бы даже недостаткомъ, если бы комизмъ со времени Мольера, не шагнулъ на высшую

степень въ лицѣ Гоголя, не сталъ самымъ глубокимъ и многозначительнымъ словомъ эпохи. Разбирать «Иппохондрика» мы не станемъ, пусть сами за себя говорятъ въ немъ и Ванюшка и Михайло Ивановъ, «Огневой человѣкъ» «Медвѣжій учитель, и Прохоръ Прохорычъ и Соломонида Платоновна и Настасья Кириловна и Никита, который «все чувствуетъ». Все они получили уже право гражданства въ литературу, цѣликомъ перейдя въ нее изъ жизни, — всѣхъ ихъ вы узнали бы, встрѣтаясь съ ними (*).

VI.

Весьма не многихъ явленій литературы коснемся мы послѣ Островскаго и послѣ г. Писемскаго, и эти немногія явленія обозначимъ съ возможною краткостью: нѣкоторые изъ нихъ, болѣе свидѣтельствуютъ о будущемъ таланта ихъ авторовъ, другія, при многихъ прекрасныхъ сторонахъ представляютъ многія слабыя, третьи достойны упоминанія только по благородству задачъ.

И во-первыхъ, мы осановимъ вниманіе нашихъ читателей на молодомъ и еще недавно только выступившемъ на литературную арену авторѣ, котораго талантъ общааетъ въ будущемъ очень много; мы говоримъ о г. Потѣхивѣ, котораго «забавы и удовольствія въ городкѣ» напечатанныя въ Современникѣ, привѣтствовали мы съ живѣйшимъ удовольствіемъ, — котораго отрывокъ изъ романа мы напечаатали въ 22 № Москвитянина и котораго большую повѣсть представимъ въ этомъ году. Талантъ г. Потѣхина возбудилъ уже въ насъ большую симпатію и тогда, когда мы прочли «забавы и удовольствія въ городкѣ» — намъ было очень пріятно замѣтить въ этой статейкѣ совершенное отсутствіе претензій и насмѣшливаго тона, съ которымъ обыкновенно смотрятъ наши современные писатели на русскій провинціальный бытъ. Авторъ разсказа высказываетъ теплое сочувствіе этому быту, смотритъ безъ ироніи на его увеселенія, самъ желаетъ отъ души ему веселиться и приглашаетъ читателей раздѣлить съ нимъ это желаніе. Разсказъ его дышетъ веселостью и отличается отсутствіемъ злыхъ выходокъ; изрѣдка только, авторъ позволяетъ себѣ насмѣшку надъ нѣкоторыми дурными чертами провинціального быта: но онъ смѣется только надъ истинно-дурными чертамы, оставляя въ покоѣ мнимо-дурныя, каковы суть:

(*). Полное собраніе сочиненій Писемскаго выйдетъ въ февралѣ, въ трехъ томахъ, и иногородные могутъ относиться въ контору Москвитянина, не прилагая ничего за пересылку, цѣна за три тома въ 13-ю д. три р. с.

бѣдность, русскія перчатки, неловко спитые фраки и вообще все то, надъ чѣмъ такъ безпощадно глумилась школа фальшивой образованности. Все таковыя достоинства можно было замѣтить и въ первой безпритязательной статьѣ г. Потѣхина, которая кромѣ всего этого понравилась намъ и безпритязательностью самой своей формы: гораздо большее явилось уже въ его отрывкѣ изъ романа, — явилась способность создавать лицъ, умѣнье вести ловко и живо рассказъ, объективность въ языкъ и въ изображенія, но особенно сильно выступаетъ особенность таланта г. Потѣхина, въ его рассказахъ изъ крестьянскаго быта. Не говоримъ о надеждахъ, которыя мы возлагаемъ на талантъ г. Потѣхина, не говоримъ такъ же о недостаткахъ, свойственныхъ всякому, еще не установившемуся таланту. Дѣло въ томъ, что въ лицѣ г. Потѣхина литература приобретаетъ новаго талантливаго, честнаго и плодовитаго дѣятеля.

Къ этимъ же писателямъ — присоединимъ мы и г. Кокорева, давно уже известнаго своими очерками, а въ прошедшемъ году явившагося съ довольно большою повѣстью: «Саввушка». Въ Саввушкѣ, есть мѣста, которыя можно смѣло назвать художественными: таковы — рассказъ о жизни Саввушки у нѣмца-портнаго, сцена въ полпивной, сцены Саввушки съ разными лицами, у которыхъ онъ проситъ помощи для спасенія своей названной дочки — и не будь повѣсть испорчена нѣкоторой савтиментальностью, сохрани въ ней авторъ болѣе ровности тона и колорита, не дай въ ней мѣста нѣкоторымъ утрированнымъ положеніямъ — она принадлежала бы къ числу замѣчательнѣйшихъ явленій литературы 1852 года. Укажемъ такъ же на превосходный физиологическій очеркъ того же автора: «Кухарка», помѣщенный въ Вѣдомостяхъ Московской Городской Полиціи, и пожалѣемъ о недостаткѣ литературнаго вкуса въ молодомъ писателѣ съ такими сильными непосредственными данными, съ такой мѣткой наблюдательностью и съ такимъ правильнымъ взглядомъ на дѣйствительность.

Кромѣ этихъ исчисленныхъ нами надеждъ, есть еще дарованіе, ярко обозначившееся въ литературѣ 1852 года — г. Крестовскій: три повѣсти г. Крестовскаго, напечатанныя въ «Отечественныхъ Запискахъ», представляютъ собою нѣчто цѣлое, связанное одною мыслию чрезвычайно благородною и внушающею полную симпатію. Въ отношеніи къ г. Крестовскому, мы должны повторить въ общихъ чертахъ отзывъ сдѣланный о немъ однимъ изъ критиковъ Москвитянина, отзывъ, совершенно нами раздѣляемый. Читая повѣсти г. Крестовскаго, постоянно чувствуешь невольную симпатію къ личности автора; по всему видно,

что это человекъ, у котораго есть дорогія убѣжденія, который при-
выкъ всматриваться въ жизнь и душу, глубже нежели это дѣлается,
котораго можетъ быть много интересовать вопросъ объ истинныхъ от-
ношеніяхъ между людьми, однимъ словомъ, что это человекъ мыслящій,
чувствующій и даровитый.» Критикъ нашъ замѣтилъ кромѣ того, что
идея повѣсти высказана довольно темно, что развитіе дѣлаго, нѣсколько
вяло и медленно.

Не знаемъ тому же ли самому Крестовскому принадлежать сцены:
«Утренній визитъ», напечатанныя въ Павтеонѣ, и носящія на себѣ при-
знаки замѣчательнаго таланта: если тому же самому, то это показы-
ваетъ, что дарованіе г. Крестовскаго довольно разнообразно; — если дру-
гому, то значить, есть надежда на двухъ даровитыхъ писателей того
же имени.

Наконецъ, мы должны еще упомянуть объ авторѣ: «Ульяны Те-
ретьевны» и «Исторіи моего пріятеля», помѣщенныхъ въ Современ-
никѣ и отличающихся благородствомъ направленія, хотя, вмѣстѣ съ
тѣмъ, представляющихъ собою не рассказы, не повѣсти, а какіе-то
психологическіе этюды, замѣчательныя по обилію наблюденій автора
надъ впечатлѣніями дѣтства и вообще надъ міромъ собственной души.
Художественнаго значенія эти повѣсти не имѣютъ никакого.

Вотъ все, что представила новаго литература 1852 года. О г. Гри-
горовичѣ и г. Тургеневѣ, какъ писателяхъ даровитыхъ, но присту-
павшихъ къ изображенію быта съ заданною себѣ напередъ темою,
мы уже упомянули. О «Проселочныхъ дорогахъ» г. Григоровича,
романѣ, хотя и писанномъ по всей видимости наскоро, но принадле-
щемъ къ тому роду, въ которомъ талантливый авторъ является гораз-
до болѣе свободнымъ художникомъ, чѣмъ въ изображеніяхъ крестьян-
скаго быта, мы говорили подробно въ свое время. Г. Тургеневъ
напечаталъ въ 1852 году въ 1 N Современника, рассказъ: «Три сестры»
исполненный однихъ только претензій и далеко не похожій на другіе
его рассказы. Замѣтимъ еще «Мемуары» г. Вердеревскаго, сцены,
прекрасною мыслию, лежащею въ ихъ основаніи и психологическимъ
анализомъ, выдвигающіяся изъ рода обыкновенныхъ драматическихъ
пословицъ, которыхъ общіе признаки мы обозначили; и вотъ все, что
стоитъ сколько-нибудь отмѣтки въ обзорѣнн изысканной словесности
за весь годъ. Беллетристика не вошла въ этотъ обзоръ, потому что даже
хорошую беллетристику, мы, какъ нѣсколько разъ уже высказывали,
считаемъ только позволительною роскошью и не раздѣляемъ никакъ
мнѣнія критики бывалыхъ (весьма не давнихъ) временъ, которая пла-

калась на то, что у насъ есть художники и нѣтъ беллетристовъ: мы напротивъ, готовы плакаться, что развелось теперь у насъ слишкомъ много и дурныхъ и сносныхъ беллетристовъ, т. е. поставщиковъ матеріала для празднаго чтенія.

VII.

Теперь, для представленія полнаго, хотя и сжатаго, отчета о состояніи нашей изящной словесности и о ея, такъ сказать наличныхъ капиталахъ, осталось намъ сказать нѣсколько словъ о движеніи нашей лирической поэзіи.

Была пора и была еще весьма недавно, когда въ журналахъ нашихъ постоянно слышались одни и тѣже возгласы: «Лирическая повзія умерла! стихъ въ наше время—анахропизмъ и т. д., когда критика съ какой-то ядовитой злобою вооружалась на стихи и на стихотворцевъ. Въ настоящую минуту, когда горизонтъ литературныхъ понятій въполнѣ расчищается, смѣшно даже и спорить противъ такой критики, смѣшно доказывать ей весьма простую истину, что лиризмъ вѣченъ—какъ вѣчно искусство, какъ вѣченъ духъ человѣческой. Даже и съ точки зрѣнія исторической критики (а на нее бѣдую, Богъ знаетъ какихъ нелѣпостей не взваливали!), нельзя говорить объ упадкѣ и отсутствіи лиризма въ литературу, въ которой не мало замѣчательныхъ лирическихъ поэтовъ, какъ давно уже такъ и не давно вступившихъ на поприще, въ литературу богатой силами до избытка,—имѣющей дѣло съ новыми постоянно раскрывающимися задачами, смѣшно и нелѣпо, повторяемъ мы, говорить это тамъ, гдѣ есть еще Хомяковъ, Майковъ, Огаревъ, гдѣ съ недавняго времени дѣйствуютъ Фетъ, Щербина, Мей, лирики съ своими особенными, самобытными сторонами, нужными для искусства и души человѣческой, гдѣ есть такіе переводчики поэтическихъ произведеній какъ Бергъ, Мицъ, — гдѣ и остальные лирики каковы: г. Полонскій, г-жа Жадовская, и другіе, не имѣющіе въ талантѣ своемъ какихъ либо особыхъ художественныхъ задачъ, дарили подчасъ литературу задушевыми, производящими впечатлѣніе пѣснями, и гдѣ вконецъ даже г. Некрасовъ, не смотря на всю антипоэтичность своего міросозерцанія, обмолвился не одинъ разъ энергическимъ стихотвореніемъ.

Что у лирическаго поэта, точно такъ же какъ у всякаго другаго художника, должно быть свое міросозерцаніе и свой пѣтъ лиризма,

что высотой строя міросозерцанія и большею или меньшею яркостью цвѣта лиризма, опредѣляется значеніе лирическаго поэта въ литературѣ, — не подлежитъ никакому сомнѣнію, равно какъ не подлежитъ сомнѣнію и то, что въ лирическомъ поэтѣ въ высокой степени важны художественная форма вообще, отдѣлка и звучность стиха, опредѣленность и образность выраженія — всего же важнѣе въ лирическомъ поэтѣ — искренность того чувства, съ которымъ онъ лирически относится къ мірозданію и человѣку — будетъ ли это чувство спокойное или негодующее, грустное или веселое — все равно. Степенью большей или меньшей искренности поэта обусловлена степень бодьшей или меньшей пашей симпатіи къ нему: искреннимъ же, въ поэтѣ можетъ быть какъ въ человѣкѣ, только такое чувство, которое пужно и важно для души человѣческой. Если есть малѣйшая фальшь въ чувствѣ, одушевляющемъ поэта, то, или чувство это пройдетъ какъ заблужденіе, или, если оно обусловлено какъ у Байрова напримѣръ, неблагоприятными обстоятельствами дѣйствительности, перейдетъ въ могущественное отрицаніе, или наконецъ, если поэтъ будетъ постоянно напрягать себя на строй этого чувства безъ глубокихъ, внутреннихъ къ тому побужденій, а единственно изъ желанія продолжать въ томъ же строѣ, въ какомъ началъ, — вдохновеніе подъ конецъ оставитъ его, истощеннаго безплодными усилями —

И жрецъ отпрянетъ,
Дрожащій прахомъ и стыдомъ.

Всякій истинный поэтъ выходитъ непремѣнно изъ фальшиваго или заимствованнаго строя въ строй соответственный его натурѣ и міросозерцанію. Такъ, побѣдоноснѣ всѣхъ вышелъ изъ всякаго фальшиваго строя нашъ великій Пушкинъ, котораго послѣднія стихотворенія представляютъ недостижимый идеалъ красоты, чистоты, ясности міросозерцанія — и того полнаго любви спокойствія, которое дается только великимъ, избраннымъ натурамъ.

Съ этой точки зрѣнія, т. е. со стороны строя міросозерцанія, особенности цвѣта лиризма и искренности чувства, одушевляющаго лирическую способность, не забывая, разумѣется, степени вѣншей отдѣлки, прослѣдимъ мы наличные капиталы нашей лирической поэзіи — и потому не боясь встрѣтится съ однимъ изъ членовъ нашего журнала, еще недавно изложившимъ свой взглядъ на дѣло съ своей точки зрѣнія въ 47 N Москвитянина, въ статьѣ: «Наблюденія Эраста Благодравова надъ Русскою литературой и журналистикой», такъ напримѣръ, о Хомя-

ковъ мы считаемъ даже за излишнее и говорить, раздѣляя въ полной мѣрѣ глубокое уваженіе и сочувствіе Эраста Благоправова къ этому лирику, — и, не имѣя ничего прибавить отъ себя кромѣ того, что держаться въ такомъ постоянно высокомъ стрѣ лиризма и притомъ держаться очевидно-искренне, можно только съ могучими душевными задатками и съ такими же задатками лирическаго таланта. Такъ же согласны мы съ Эрастомъ Благоправовымъ, въ общихъ чертахъ взгляда его на Огарева, Майкова, хотя считаемъ обязанностью прибавить нѣсколько словъ съ своей стороны объ этихъ лирикахъ.

И такъ, во-первыхъ — *Огаревъ*, поэтъ дѣйствительно по преимуществу, въ самомъ прямомъ смыслѣ слова, съ тою искренностью чувства, съ тою глубиною мотивовъ, которые сообщаются всякому читающему его, поэтъ сердечной тоски, не той тоски а la Гейне, которая у нѣкоторыхъ звучитъ чѣмъ-то вепрiятно-фальшивымъ и приторно-принужденнымъ, — не той тоски а la Лермонтовъ, которая такъ страшна у Лермонтова и такъ жалка у его подражателей, тоски раздувающей собственныя страданія, надменно выставлющей гной душевныхъ ранъ —

На диво черни простодушной, —
тоски, которая подобна, по слову Баратынскаго,

Женщинъ безстыдной

Съ чужимъ ребенкомъ на рукахъ....

нѣтъ! не такой тоски поэтъ — *Огаревъ*: его тоска — тоска сердца безконечно-нѣжнаго, безконечно способнаго любить и вѣрить — и разбитаго противорѣчіями дѣйствительности, сердца, которое даже не порѣшило дѣла такъ, что оно одно — право, а дѣйствительность во всемъ виновата. Вотъ въ чемъ заключается неотразимое обаяніе, постоянная сила этихъ, какъ будто случайно брошенныхъ въ міръ поэтомъ пѣсень, часто даже съ замѣчательнымъ пренебреженіемъ къ формѣ, къ стиху, къ ясности выраженія — вотъ что дѣлаетъ ихъ самыми искренними пѣснями эпохи... Вы сами тысячу разъ повторите за поэтомъ :

Опять любви безумной сердце просить

Люби горячей, вѣчной и святой....

въ васъ самихъ. поколику вы дитя своего вѣка, возникаетъ постоянно мучительная жажда въ видѣ неразрѣшимаго или мучительной же, неудовлетворимой жаждой разрѣшающагося, вопроса :

Чего хочу, чего? О! такъ желаній много,

Такъ къ выходу ихъ силъ нуженъ путь,

Что кажется, порой, ихъ внутренней тревогой

Сожжется мозгъ и разорвется грудь.

Чего хочу? Всего, со всею полнотою....

въ немъ обрѣгаете вы голосъ, слово, пѣсню для этого вопроса — онъ — вашъ поэтъ, вашъ душевный поэтъ.... Онъ, постоянно онъ — вспомнится вамъ во всякую скорбную минуту жизни, онъ пойдетъ съ вами рука объ руку въ ваше прошлое, въ старый домъ, гдѣ вы жили когда-то, онъ будетъ плакать съ вами, будетъ ждать

Знакомыхъ мертвецовъ

Не встанутъ ли вдругъ кости,

Съ портретныхъ рамъ, изъ тьмы угловъ

Не явятся ли въ гости?...

онъ же откликнется вамъ весенней порой, когда ваше сердце болѣзненно тревожить воспоминаніе — когда впечатлительнѣй вы на все, даже на мечты, которымъ никогда не осуществиться :

Я птичку каждый годъ

Встрѣчаю, спрашиваю, гдѣ летала?

Кто любовался ей? какой народъ?

Не въ той ли сторонѣ прекрасной побывала,

Гдѣ небо ярко, вѣчная весна,

Гдѣ море блещетъ искрися и синья;

Гдѣ лавровъ гордыхъ тянется аллея,

Далекая, волшебная страна!

И жду я праздника.... На веткѣ гибкой

Листъ задрожитъ и будетъ шуметь лѣсъ

Запахнетъ ландышъ у корней деревьевъ

И будетъ утро съ светлою улыбкой

Вставать прохладно, будетъ жарокъ день

И ясенъ вечеръ, и ночная тѣнь

Когда наляжетъ, — будетъ мѣсяцъ томный,

Гулять спокойно по лазури темной,

Надъ озеромъ прозрачный паръ взойдетъ

И соловей до утра пропоетъ....

понятно, что вы безъ внутренняго волненія, безъ слезъ невольныхъ не можете читать этихъ безыскусственныхъ и между тѣмъ плѣнительныхъ стиховъ — понятно, потому что вслѣдъ за ними, вамъ какъ поэту:

Наполнить душу сладкое томленье

И встануть вновь забытыя видѣнья....

Поэтъ вашъ повсюду съ вами — на дорогѣ, гдѣ вы встрѣтили призракъ, какъ будто вставшій изъ туманной дали, призракъ, увидавши который вы ставете тревожно повторять свою жизнь — сквозь тьму глядя на ликъ едва замѣтный...

И снова былъ я молодъ, и привѣтво
Кругомъ съ улыбкой Божій міръ взираю,
И я любилъ такъ полно и глубоко....

онъ же пояснитъ вамъ, разоблачитъ передъ вами въ тяжкую минуту
состояніе вашей души :

Пришла пора, прошли желанья
И въ сердцѣ стало холодно,
И на одно воспоминанье
Трепещетъ горестно оно...

Онъ дастъ вамъ поясненіе того,

Что какъ-то чудно
Живетъ въ сердечной глубинѣ

и въ чемъ трудно, невозможно высказаться—найдетъ въ себѣ для васъ
слово для иныхъ минутъ, въ которые «растаять бы можно», въ которыя
«легко умереть». Онъ послѣдуетъ за вами и на шумную оргію — во
на самой оргіи разразится стеномъ разбитого сердца, отнесется нѣжно
и человѣчно къ женщинѣ :

Вино кипитъ и жжетъ меня лобзанье....
Ты хороша... О! славномъ хороша!
Зачѣмъ въ груди проснулось страданье
И будто вздрогнула моя душа?
Зачѣмъ ты хороша? забытое мной чувство,
Красавица, зачѣмъ волнуешь вновь?
Твоихъ томлящихъ ласкъ, томлящее искусство
Ужель во мнѣ встревожило любовь?...
Любовь, любовь!... о нѣтъ, я только сожалѣнье,
Погибшій ангелъ, чувствую къ тебѣ...

онъ наконецъ раскажетъ вамъ въ простыхъ словахъ простую исторію
сердца —

Она никогда его не любила
А онъ ее тайнѣ любилъ....

онъ, простыми же словами передастъ самую простую, но самую обыч-
ную и тѣмъ не менѣе, раздирающую сердце драму :

Я ему сказала:
Воротися милый;
Дни прошли и годы,
Я не измѣнилась....
Все люблю какъ прежде
Такъ какъ ты желалъ.

.

Я его держала
 За руки, за платье,
 Цѣловала руки
 Ноги цѣловала
 Плакала отъ муки...

.

Но прошелъ онъ мимо,
 Не сказавъ ни слова.

Что особенно дорого въ стихотвореніяхъ Огарева, такъ это именно, искренность всѣхъ мотивовъ и совершенно соответствующая этой искренности простота выраженія, хотя иногда нельзя не замѣтить, что пренебреженіе къ формѣ простирается у нашего поэта до крайности; одно изъ превосходныхъ стихотвореній на примѣръ:

Я помню робкое желанье,
 Тоску сжигающую кровь,
 Я помню ласки и призыванье
 Я помню слезы и любовь....

испорчено въ третьей строфѣ грамматической ошибкою:

Пресило сердце впечатлѣній
 И теплыхъ слезъ просило вновь
 И возмыхъ ласкъ и вдохновеній,
 Прасило новую любовь.

Но подобная небрежность, довольно притомъ рѣдкая, состоитъ въ непосредственной связи съ искренностью и задушевностью мотивовъ. Отсутствіе отдѣлки пенятво у поэта, которому дороги преимущественно мотивы.

Заключимъ нашъ взглядъ на Огарева—желаніемъ, чтобы собраны были имъ самимъ или его друзьями, его, разсѣяныя по разнымъ періодическимъ изданіямъ пѣсни. Это было бы для многихъ дорогимъ подаркомъ. Отъ Огарева—всего удобнѣе перейти къ Фету, къ таланту котораго авторъ статьи считаетъ обязанностію оговориться въ нѣкоторой можетъ быть пристрастной симпатіи, раздѣляемой впрочемъ весьма многими, какъ то авторомъ замѣчательной по тонкости эстетическаго чувства, статьи напечатанной въ III N. Современника за 1850 годъ.

Дарованіе Фета совершенно самобытное, особенное, до того особенное, что особенность переходит у него въ причудливость, подчасъ въ самую странную неясность или въ такого рода утонченность, которая кажется изысканностью. Въ небольшой книжкѣ, изданной поэтомъ въ 1850 году—подъ стихотвореній истинно прекрасныхъ встрѣчаете такіа, которыя просто плохи или даже неповяты, встрѣтите по мѣстамъ такого рода причудливость мотивовъ, что не можете вѣрить ихъ искренности, такого рода болѣзненность, которая какъ будто сама собою любитъ и услаждается. Вотъ въ чемъ главный недостатокъ Фета,—недостатокъ, котораго нельзя не видать, даже и симпатизируя поэту, но который почти выкупается самобытностью достоинствъ. Въ талантъ Фета, явнымъ образомъ различаются двѣ стороны: какъ поэтъ автологическій, онъ не страдаетъ указанными нами недостатками: въ автологическихъ его стихотвореніяхъ вы видите и яркость и ясность выраженія,—въ переводахъ же одъ Горация, изъ которыхъ нѣкоторыя, назадъ тому лѣтъ восемь, были напечатаны въ Москвитинѣ—стихъ его достигаетъ необыкновенной силы, ловкости и чистоты отдѣлки; выраженіе идетъ почти рука объ руку съ Гораціевымъ и можно смѣло сказать, что такого перевода Горация нѣтъ ни въ одной литературѣ.

Но Фетъ кромѣ того поэтъ субъективный, поэтъ одной изъ самыхъ болѣзненныхъ сторонъ сердца современнаго человека. Искренни ли мотивы этой болѣзненности—весьма трудно рѣшить, особенно намъ, повнимающимъ даже и неясное во многихъ его стихотвореніяхъ.

О болѣзненной поэзіи—которая еще недавно была у насъ въ такомъ ходу, нельзя намъ говорить совершенно безпристрастно,—но такъ какъ она во всякомъ случаѣ—явленіе историческое, то мы считаемъ не немѣстнымъ поговорить о ней вообще и обозначить ея общіе физиологическіе признаки. Для этого мы должны взять ее въ чужеземныхъ, нѣмецкихъ источникахъ, потому что признаки ея обозначатся тамъ гораздо ярче, и вмѣстѣ съ тѣмъ, удобнѣе будетъ говорить и объ особенностяхъ болѣзненной поэзіи Фета, безспорно самаго даровитаго изъ нашихъ русскихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ и единственнаго, о которомъ можно говорить.

«Er liebte Sie und sie liebte ihn nicht (онъ ее любилъ, а она его не любила) поставилъ въ видѣ эпиграфа одинъ нѣмецкій поэтъ подѣ самымъ безолабернымъ произведеніемъ. Kennen sie das alte Stück Madame—обращается онъ между прочимъ къ той, которая его не любила, es ist ein auszerordentliches Stück aber zu sehr melancholisch: эти слова и этотъ эпиграфъ—эпиграфъ и тема почти всей болѣзненной поэзіи,

въ которой—все *auszerordentliches Stück, aber zu sehr melancholisch*—и больше еще чѣмъ *melancholisch*: все въ ней причудливо до каприза, все тревожить и дразнить и мучить васъ,—но много *нашего*, тѣсно связаннаго съ жизнію сердца въ этой поэзіи и намъ еще не дано отъ нея отрѣшиться, хотя конечно смѣшно было бы цѣлый вѣкъ оставаться при ней одной и потерять сочувствіе ко всему новому и свѣжему.

«Дитя мое,—рассказываетъ эта поэзія» —мы были дѣти, двое маленъкихъ дѣтей, мы забирались въ курятникъ и прятались въ солому.

«Кричали мы пѣтухами и, проходилъ ли кто: кукареку! такъ всѣ и думали, что это кричать пѣтухи.

«Ларя на дворѣ обвѣшивали мы всякимъ тряпьемъ и располагались въ нихъ на житье и обзаводились домомъ.

«Старая кошка сосѣда часто ходила къ намъ въ гости, мы ей бывало кланялись чинно, встрѣчали ее комплиментомъ.

«Мы объ ея здоровьи спрашивали заботливо и привѣтливо. Такъ бесѣдовали мы потомъ со многими старыми кошками»...

Сколько скрытой горечи въ этихъ простодушныхъ до дурачества воспоминаніяхъ, сколько грустнаго въ этомъ юморѣ, вѣчно вѣрномъ самому себѣ. Поэтъ не утерпѣлъ, чтобы не зацѣпить стороною разныхъ старыхъ кошекъ... Но, подождите не много—еще больше горечи и злой насмѣшки прольется на эти воспоминанія:

«Часто саживали мы бывало и говорили *разумно* какъ старые люди, и сѣтовали, что въ старину, въ наше время, все было лучше».

«Что любовь и вѣрность и вѣра, изъ міра исчезли и со всѣмъ, что «вздорожалъ необычайно кофе и деньги стали рѣдки...»

Нечего толковать кажется этимъ ядовитыхъ строкъ, и понятво заключеніе пѣсни:

Vorbei sind die Kinderspiele
Und Alles rollt vorbei
Das Geld und die Welt und die Zeiten
Und Glauben, und Lieb und Treu....

т. е. Исчезли и дѣтскія игры и все, и деньги и счастливое время, и вѣра и любовь и вѣрность!

Бѣдныя, бѣдныя дѣти, которыя такъ рано передразнивали дешевую мудрость большихъ,—бѣдныя свыкшіяся другъ съ другомъ дѣти, разрозненныя потомъ судьбою.

Да помяну, судьбою ли?... Одна ли судьба виновата въ этой безъисходной грусти, оставшейся послѣ первой лучшей и несбывшейся мечты, одна ли судьба и люди разрознили этихъ рано замечтавшихъ о

жизни въ-двоемъ дѣтей, какъ разрознили Ромео и Юлію, Анджію и Эдгара?... Всмотритесь-ко въ нихъ попристальнѣе.... Вотъ они большіе передъ вами.'

Sie liebten sich beide—doch keiner
Wollt es dem Andern gestehu.

или, если вы хотите, чтобы нагляднѣе, сильнѣе, трагичнѣе выразилось вамъ отношеніе, — вспомните, тоже самос, только пересозданное другимъ поэтомъ, стихотвореніе:

Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно
Съ тоскою глубокой и страстью безумно мятежной,
Но какъ враги избѣгали признанья и встрѣчи
И были пусты и хладны ихъ краткія рвчи.

Почему какъ враги избѣгали они признанья и встрѣчи, хотя любили другъ друга съ тоскою глубокой и страстью мятежной, и почему тоска вералась въ нихъ любовь и почему мятежна была ихъ страсть? Увы, если бы вы спросили ихъ, бѣдныхъ больныхъ дѣтей вѣка, они и сами не знали бы, что вамъ отвѣтить....

Sie wussten es selber kaum.

А славная жизнь была когда-то для нихъ, и много мечтаній пережито вмѣстѣ:

Mein Lieb, wir saszen beisammen
Traulich im leichten Kahn,
Die Nacht war still und wir schwammen
Auf weiter Wasserbahn
Die Geister Insel, die schöne
Lag dämmrig im Morgenglanz
Dort klanzen liebe Töne
Und wogte der Nebelglanz:
Dort klang es lieb und lieber
Und wogt'es hin und her
Wir aber schwammen vorüber
Trostlos auf weitem Meer.

т. е. «Дитя мое, мы сидѣли вмѣстѣ въ легкомъ челнокѣ. Безмолвна была ночь и мы плыли, по широкой водяной зыби.

«Островъ Духовъ, прекрасный островъ, — мерцалъ подь мѣсячнымъ снѣжемъ, тамъ чудные слышались звуки, и колыбался чудный свѣтъ.

Все слаше и слаше звучало, — все больше колебался свѣтъ, — мы же плыли все дальше, беззутѣшно по широкому морю.»

По все-таки, тоска, тоска беззутѣшная, вкралась въ ихъ мечты. Все кругомъ ихъ дышало жизнью, звало къ жизни.... а они, бѣдные, равно созрѣвшія дѣти, беззутѣшно плыли по широкому морю....

И разставанье ихъ было какое-то странное, какое-то мудреное — безъ слезъ, безъ вздоховъ....

«Когда двое расстаются другъ съ другомъ, то даютъ другъ другу «руку, и начинаютъ плакать и вздыхать безъ конца: мы же не плакали, а не ахали и не охали.... *Слезы и вздохи пришли послѣ.*»

Что же это за странная любовь съ такой странной разлукой?... Что, спрашиваемъ опять, разлучило ихъ?... Есть какіе-то темныя, неясныя, но злобныя и грустныя намеки:

«Чувствовали мы что-то другъ къ другу, а впрочемъ вели себя «прекрасно — часто играли мы «въ мужа и въ жену», однако не щипали «другъ друга и не дрались. Въѣсть мы веселились и забавлялись, и «цѣловались и миловались (*gehehzt*); наконецъ, ради ребяческой за-
бавы, стали играть въ гулючки въ лѣсу и такъ ловко умѣли другъ «отъ друга спрятаться, что даже потомъ и не нашли другъ друга.»

Вотъ оно, настоящее слово разгадки: всякое, другое — ложно: обвинять правда поэтъ и людей:

Sie haben dir viel erzählet
Und haben viel geklagt.
Doch was meine Seele gequälet
Das haben sie nicht gesagt....

т. е. «Они много тебѣ рассказывали и много изсплетничали, но не сказали они того, что мучить мою душу.» Но это собственно вздоръ. Настоящая причина разлуки лежала въ нихъ самихъ, и отъ того, нигдѣ такъ не зла иронія какъ въ изображеніи этой разлуки, сухая, горькая иронія, не смотря на свое внѣшнее шутовство.

«Липа цвѣла, соловей пѣлъ, солнце смѣялось дружески, весело ты поцѣловала меня и рука твоя обвила меня и прижала ты меня къ колымавшей груди.

«Стали падать листья, ворона закаркала, — солнце стало глядѣть капризно. Морозно, холодно сказали мы другъ другу прости и ты сдѣлала мнѣ преучтивѣйшій кинжоль.»

Иронія поэта не остановилась на одной разлукѣ: нѣтъ! потомъ, этой ироніи любо стало отравлять и пересмѣивать всѣ воспоминанія:

Пригрезился снова мнѣ сонъ быллой
 Юньская ночь, въ небѣ звезды зажглися
 Сидѣла мы снова подъ липой густой
 И въ вѣрности вѣчной другъ другу клялися:
 То были клятвы и клятвы вновь
 То слезы, то смѣхъ, то лобзаніе было
 Чтобы лучше я клятвы запомнилъ, ты въ кровь
 Мнѣ руку взяла-укусила.
 О милочка съ ясной лазурью очей,
 О другъ мой—и злой и прелестной,
 Цѣловаться, конечно, въ порядкѣ вещей,
 Кусаться—совсѣмъ неумѣстно.

Наступаетъ катастрофа... какъ она произошла, мы знаемъ такъ же темно, какъ и то, вслѣдствіе чего произошла разлука, повторилась ли тутъ alte geschichte, рассказываемая поэтомъ:—другое ли что вмѣшалось тутъ; какъ бы то ни было, катастрофа разразилась....

Das ist ein Flöten und Geigen
 Trompeten schmettern drein
 Da tanzt den Hochzeitreigen,
 Die Herzallerliebste mein....

Вслѣдъ за катастрофой, разъясненіе причинъ которой, мы на время оставляемъ—начинаются стоны тоски и горя,—но съ перваго же раза, въ этихъ стонахъ поражаетъ васъ съ одной стороны отсутствіе настоящей, искренней печали; съ другой, какое-то, такъ сказать, самоуслажденіе. Эти стоны повторяются безпрестанно, эта мысль сдѣлалась совершенною *idée fixe*, преслѣдующею поэта повсюду—но, преслѣдите эти пѣсни, вы увидите, что поэтъ самъ питаетъ свою тоску, находитъ удовольствіе въ томъ, чтобы безпрестанно растревать раны и кончаетъ тѣмъ, что смѣется надъ ними. Отъ этого конца впрочемъ—опять поворотъ къ началу, т. е. къ стонамъ горя и муки,

Прежде всего, тоска выражается въ болѣзненномъ шутовствѣ:

Die Erde war so Lange geizig
 Es kam der Mai und sie war spendabel;
 Und alles jauchzt und alles freut sich,
 Ich aber ide alles miserabel

Горе тутъ есть и горе болѣзненное, мучительное: но не искренняя форма его выраженія. Устыдно, какъ будто, человѣку вѣкъ плакать:

стыдно передъ собою и передъ другими. Много эгоистическаго въ этомъ шутовствѣ; самыя странныя формы, въ которыя облеклась грусть, обусловлены враждою и ненавистью. Сколько можно догадываться, въ число причинъ катастрофы, такъ страшно разбившей сердце поэта, входили филистерскія понятія; *Klein städtisches Wesen* и филистерскія воззрѣнія преслѣдуютъ поэта своей ядовитой насмѣшкою.

«Филистры въ воскресныхъ платьяхъ, гуляютъ по лѣсамъ и по полямъ, и радуются и скачутъ какъ козлы, приветствуютъ прекрасную природу.»

«Созерцаютъ сіяющими очами, какъ все *романтически* цвѣтомъ, — внимаютъ длинными ушами они пѣсни воробья».

«Отъ чего это розы такъ блѣвы, о скажи любовь моя, скажи, отъ чего это въ зеленой травѣ такъ молчаливы синія фіалки? Отъ чего это такъ жалобно поетъ жаворонокъ въ вышинѣ?... отъ чего это «бальзаминъ издастъ запахъ трупа? Отъ чего это солнце смотритъ на поле такъ холодно, капризно? Отъ чего это земля такъ сѣра и «пустынна какъ могила?»

«Отъ чего это самъ я такъ мраченъ и боленъ, — моя милая милочка, скажи? о скажи милочка моего сердца, зачѣмъ ты меня покинула?»...

Это — можетъ быть самый болѣзненный изъ всѣхъ стонѣвъ — и кто изъ насъ когда либо не повторилъ его? — Въ немъ нѣтъ даже задней мысли, нѣтъ желанія выставиться поэфектнѣе передъ другими и передъ собою, нѣтъ однимъ словомъ парадной грусти....

Можетъ быть, въ такую же минуту безвыходной тоски вылилось и стихотвореніе, которое разъясняетъ катастрофу не совсѣмъ удовлетворительно для самолюбія пострадавшаго отъ нея.

«Любилъ юноша дѣвушку, а она выбрала другаго. Другой же любить другую, и женится на ней.

«Дѣвушка съ досады выходитъ за перваго встрѣчнаго — *Der jungling ist übel dran.*»

Est ist cine alte Geschichte
Doch bleibt sie immer neu
Und wenn sie just passiret
Dem bricht das Herz entzwei....

Поятно, въ какой степени тяжело и оскорбительно для самолюбиваго сына вѣка такое разъясненіе. Является другое — начинается другая исторія. Собственную свою тоску поэтъ приписываетъ предмету своей страсти и видитъ, можетъ быть во снѣ, то, чего и не было:

«Я не ропшу, и пусть разорвется сердце, — на вѣкъ погибшая любовь я не ропшу.... Какъ ни сіяешь ты въ брилліантахъ, но ни луча не упадетъ во тьму твоего сердца.

«Это знаю я давно. Я видалъ тебя во снѣ—и видѣлъ ночь въ твоёмъ сердцѣ, и видѣлъ змѣю, которая сосетъ тебѣ сердце—и видѣлъ любовь моя, какъ глубоко ты страдаешь.»

Представляется вопросъ: *почему* пріятнѣе человѣку вѣка, вообразить любимое существо несчастнымъ и страдающимъ, нежели счастливымъ; почему слаще ему терзать себя представленими этихъ чаще всего воображаемыхъ несчастій, нежели разумно кѣкъ мужъ и любовно какъ истинный человѣкъ, пожелать любимому существу:

Все, даже счастье того, кто избранъ ей,
Кто милой дѣвъ дастъ названіе супруги....

Долго долженъ перегорать и очищаться человѣческой эгоизмъ для того, чтобы дойти до этой свѣтлой мысли.... Скорѣе готовъ былъ каждый изъ насъ взывать, какъ его любимый поэтъ.... «Ja! du bist elend und ich grolle nicht»....

Страдаешь ты и молкнешь ропотъ мой,
Любовь моя, намъ поровну страдать....
Пока вся жизнь замретъ въ груди больной
Любовь моя, намъ поровну страдать....

И тѣшиться этимъ чужимъ страданіемъ и торжествовать внутри себя зловнымъ и демонскимъ торжествомъ или, если нѣтъ этого торжества въ дѣйствительности, создавать его въ воображеніи.... Намъ извѣстной, до чего дошелъ этотъ больной эгоизмъ въ могущественной натурѣ, которая еще сильнѣе страдала язвами вѣка:

Ты не должна любить другого,
Нѣтъ не должна.
Ты мертвецу святыней слова
Обручена!

У другія нѣтъ этого трагическаго колорита или, лучше сказать, они не въ силахъ его выдержать по вѣтренности своей натуры.... И другой конечно вообразить себя мертвымъ и съ ранами въ головѣ п. т. д.; и онъ пожалуй погрозишь своей милой:

«Какъ можешь ты спать покойно, зная, что я еще живъ, старый гнѣвъ проснется и свергну я свое иго.

«Ты знаешь ли старинную пѣсню. какъ нѣкогда мертвецъ въ полночный часъ утащилъ съ собой въ гробъ свою милую.

«Вѣрь мнѣ, чудно прекрасное, чудно милое дитя. — Я живъ и сильнѣ всѣхъ мертвецовъ».

Но вѣдь другой грозитъ какъ Гамлетъ. — И ему какъ Гамлету, любо и привольно въ фантастическомъ мѣрѣ призраковъ. Это просто — фантастическое настроеніе души, а не тотъ недугъ *de la melancholie agdente*, который терзаетъ героевъ Байрона и Лермонтова, болѣе или менѣ виновныхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ.

Современному, болѣзненно настроенному человѣку правится самый процессъ страданія: ему любо окружать себя мрачными и горестными представленіями.

Изъ слезъ моихъ много родятся
Роскошныхъ и пестрыхъ цвѣтовъ
И вздохи мои обратятся
Въ полуночный хоръ соловьевъ....

Онъ самъ очень хорошо это знаетъ, и иногда даже до цинизма разоблачаетъ свое невѣріе въ собственное страданіе.

Habe auch in jungen jahren
Manches bittere Leid erfahren,
Von der Liebe Glath.
Denn das Holz ist gar zu theuer
Und erlöschen will das Feuer
Ma foi — und das ist gut!....

Т. е.» Я тоже въ молодые годы испыталъ много горя отъ любовнаго огня, но теперь дрова дороже, и огонь гаснетъ *Ma foi — тѣмъ лучше!*»

Чѣмъ же объяснить всѣ подобныя противорѣчія? Намъ кажется, что ключъ къ объясненію данъ самимъ поэтомъ, въ одномъ стихотвореніи:

Не пора ль изъ души старой вымести соръ,
Давно-вжитаго наслѣдія?
Я съ тобою, мой другъ, какъ искусный актеръ,
Разыгрывалъ долго комедію.

Романтическій стиль отражался во всемъ:
(Былъ романтикъ въ любви и въ искусствѣ я)
Паладинскій мой плащъ весь блисталъ серебромъ...
Изливалъ я сладчайшія чувствія;

Но мнѣ странно, что вотъ и теперь, какъ гожусь
Ужъ не въ рыцари больше, въ медвѣди—я,—
Все^ю какой-то безумной тоскою томлюсь,
Словно прежняя длится комедія.

О мой Боже, должно быть и самъ я не звалъ,
Что былъ не актеръ а страдающій,
И, что съ смертною язвой въ груди, представлялъ,
Я сцену: «Боецъ умирающій.»

И. поэтъ говорить это искренне; за искренность его исповѣди, иронически грустной, поручится всякій, кто жилъ жизнью сердца... И цѣрится опять его грусти, его мучительнымъ воспоминаніямъ. Неотразимый призракъ, *idée fixe*, воплотившаяся въ образъ эфирнаго, болѣзненнаго, капризнаго существа, преслѣдуетъ его повсюду:

«Лежуль я на постели, прячась во тьму и въ подушки—передо мною носится милый, обаятельный образъ.»

«Закроетъ ли сонъ мнѣ очи, призракъ тихо проскользнетъ въ мое сновидѣніе....»

«И съ утреннимъ сномъ онъ не разсвѣвается.... Цѣлый день потомъ вошу я его въ сердцѣ....»

Часто болѣзненны эти сновидѣнія, а сколько горечи въ воспоминаніяхъ:

«Когда я по дорогѣ, случайно заѣхалъ въ домъ моей милой сестрицы, отецъ и мать встрѣтили меня весело.»

«Они спрашивали меня о здоровьѣ—и сказали тотчасъ же, что я мало перемѣнился, только лице у меня стало блѣдно.»

«Я спрашивалъ о тетушкахъ и дядюшкахъ, о разныхъ скучныхъ особахъ, и даже о маленькой собачкѣ, лаявшей такъ звонко.»

«И о вышедшей замужъ милой, спросилъ я между прочимъ,—дружественно отвѣчали мнѣ, что она недавно родила и дружественно поздравилъ я,—и тихо сказалъ, чтобы отъ меня ей тысячу разъ кланялись....»

«Сестричка вскричала вслѣдъ за тѣмъ, что маленькая и ласковая собачка выросла и сбѣсилась, и что ее утопили въ Рейнѣ.»

«Малютка похожа на милую, особенно когда смѣется. У нея тѣже самые глаза, которые сдѣлали меня такъ несчастнымъ....»

Переводя почти буквально, мы не могли конечно передать всей грустной наивности и прелести этого стихотворенія, отъ котораго, когда читаешь его въ оригиналѣ, болѣзненно сжимается сердце....

И вѣрится неволью, когда поэтъ говоритъ о вѣчности своей страсти:

Die jahre kommen und gehen
Geschlechter steigen in's Grab,
Doch nimmer vergeht die Liebe,
Die ich im Herzen hab:
Nur einmal noch mcht ich Dich sehen
Und fallen vor Dir anf's Knie:
Und sterbend zu Dir sprechen:
Madame, ich liebe sie....

И сильно дѣйствуютъ на васъ его свидѣнiя.

«Мнѣ снилось: печально мѣсяць смотрѣлъ — и звѣзды печально смотрѣли. Былъ въ городъ я перенесень, гдѣ милая живетъ, за нѣсколько сотъ миль.

«Подъв дому ея я стоялъ — цаловалъ ступени лѣстяницы, которыхъ часто касались ея маленькая ножка и шлейфъ ея платья.»

«Долга была ночь, холодна была ночь — и звѣзды холодны были»....

И сочувствуете вы той глубокой, почти даже не эгоистической нѣжности, съ которой поэтъ зоветъ благословенiе небесъ на милую ему дѣтскую головку,

Какъ цвѣтъ ты чиста и прекрасна.
Нѣжна, какъ цвѣтокъ по веснѣ.
Взгляну на тебя и тревога
Прокрадется въ сердце ко мнѣ

И кажется, будтобъ я руки
Тебѣ на чело возложилъ
*Молясь, чтобы Богъ тебя чистой,
Прекрасной и нѣжной хранилъ.*

О болѣзненная поэзiя! кто изъ людей того поколѣнiя, къ которому принадлежить авторъ этихъ замѣтокъ, неперезивалъ съ тобою твоихъ ощущенiй!

«Во снѣ я милую видѣлъ, видѣлъ робкой, бѣдной женщиной, и цвѣтушiя нѣкогда формы тѣла увяли и поблекли.

«Ребенка несла она на рукѣ, а другаго вела за руку, и въ походкѣ и во взглядѣ и въ одеждѣ, — видны были бѣдность и горе. Она шла на рынокъ, и вотъ встрѣчаетъ меня и смотреть на меня и спокойно, и горестно говорю я ей:

«Пойдемъ со мною ко мнѣ, потому что ты блѣдна и больна, я трудами и работою достану тебѣ хлѣба.

«И буду тоже ходить и за дѣтьми твоими, а прежде всего ходить за тобою, мое бѣдное, несчастное дитя! Я никогда не буду рассказывать тебѣ о томъ, какъ я любилъ тебя, и когда умрешь ты, я буду плакать на твоей могилѣ».

Въ болѣзненно-грустномъ чувствѣ, которымъ дышетъ это стихотвореніе, нѣтъ даже эгонизма, этого вѣчнаго спутника всякаго чувства въ болѣзненной поэзіи, хотя конечно все-таки остается въ душѣ читателя вопросъ, *почему* именно, любо челоуѣку мучить себя такими призраками, *почему* пріятнѣй ему вообразить предметъ его страсти страдающимъ, нежели счастливымъ? Такое самоуслажденіе доходитъ иногда до комизма: такъ поэтъ часто воображаетъ умершею свою милую и *воображаетъ* также свои чувства по этому поводу, передавая ихъ съ энергіею страсти, которую челоуѣкъ, незнакомый съ особенными свойствами его болѣзненнаго юмора приметъ пожалуй за искренность.

Разбирая одну изъ современныхъ повѣстей, именно «Идеалиста» г. Станкевича, мы замѣтили въ героѣ ея такую же точно черту, и выразившуюся почти точно такъ же, — доказательство ясное, какъ мѣткою ударила болѣзненная поэзія въ струны сердца современнаго челоуѣка. Комическое тутъ впрочемъ — только оборотная сторона медали, и не должно забывать искренняго признанія самой этой поэзіи.

Ach Gott, im Scherz und unbewusst
Sprach ich was ich gefühlet
*Ich hab mit dem Tod in der eignen Brust
Den sterbenden Fechter gespielet.*

Не должно забывать того, что эти фантастическіе призраки, вызванные раздражительнымъ и большимъ эгонизмомъ, стали карою для самаго вызывавшаго, что они слѣдять за нимъ неотступно, что какъ Манфредъ, не вѣдаетъ онъ ни минуты покоя....

При разсматриваніи общихъ фізіологическихъ признаковъ болѣзненной поэзіи, невольно приходитъ въ голову сближеніе этой поэзіи въ общихъ чертахъ ея и въ міросозерцаніи, съ тѣмъ, что мы въ повѣствовательномъ родѣ называемъ натуральною школою: нѣкоторое сходство та и другая представляютъ даже и въ самой формѣ: какъ манера натуральной школы состоитъ въ описываніи частныхъ, случайныхъ подробностей дѣйствительности, въ придачу всему случайному значенія необходимаго, такъ же точно и манера болѣзненной поэзіи отличается

отсутствіемъ типичности и преобладаніемъ особенности и случайности въ выраженіи, особенности и случайности. доходящихъ какъ у нѣмецкихъ стихотворцевъ такъ и у нашихъ, до неясности и причудливаго уродства: какъ въ натуральной школѣ, такъ и въ болѣзненной поэзіи, всѣ такія качества происходятъ отъ непомѣрнаго развитія субъективности. Различіе заключается въ томъ только, что въ лиризмъ такое міросозерцаніе и такая манера имѣютъ нѣкоторое оправданіе, даже пожалуй свою прелесть: въ совершенно же объективномъ родѣ творчества—они неумѣстны и оскорбительны.

Представителемъ, и притомъ единственнымъ оригинальнымъ представителемъ этого рода поэзіи въ нашей литературѣ, назвали мы Фета. Чтобы соблюсти совершенную справедливость въ оцѣнкѣ таланта этого поэта, мы сказали, что въ этомъ талантѣ двѣ стороны, что Фетъ, переводчикъ Горация, авторъ многихъ прекрасныхъ антологическихъ стихотвореній, вовсе не то—что Фетъ, являющійся въ пѣсняхъ къ Офеліи, въ мелодіяхъ и проч. Въ Фетѣ, какъ поэтъ антологическомъ, являются и яркость образовъ и опредѣленность выраженія и типичность чувства; что на примѣръ ярче по выраженію и колориту его, «Вакханки?»...

Подъ тѣнью сладостной полуденнаго сада,
Въ широколиственномъ вѣнкѣ изъ винограда
И влаги Вакхородъ, томительной полна
Чтобъ духъ перевести замедлилась она...

Или трудно себѣ что либо представить античѣ по міросозерцанію, по чувству и по выраженію, Элегіи:

«Многимъ богамъ въ тишигѣ я оніміамъ воскурю»... посланія «къ красавцу» и т. д.; приведемъ такъ же въ образецъ совершенной типичности и ясности чувства и отсутствія всякой причудливой особенности, Элегію:

О долго буду я въ молчаньи ночи тайной,
Коварный лепеть твой, улыбку, взоръ случайный
Перстамъ послушную волосъ златую прядь,
Изъ мыслей изгонять и снова призывать,
Дыша порывисто, одинъ, вѣкъмъ не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
Въ словахъ, которыя произносила ты,
Шептать и поправлять бывшія выраженья,
Рвчей моихъ съ тобой, исполненныхъ смущенья
И въ ослѣпленіи, наперекоръ уму
Завѣтнымъ именемъ будить ночную тьму.

Напомним также другую Элегию, отличающуюся необыкновенною искренностью и простотою чувства:

Странное чувство какое-то въ нѣсколько дней овладѣло
Тѣломъ моимъ и душой, плывишь моимъ существомъ.

Напомнимъ «Вечера и ночи», которые дышатъ совершенно объективнымъ спокойствіемъ созерцанія—вотъ одна сторона таланта Фета. Кроме того, по условіямъ вѣроятно лежащимъ въ натурѣ лирика и въ историческихъ данныхъ эпохи, развилась въ этомъ талантѣ другая сторона, развилась со всѣми причудами и крайностями, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно самобытно. Въ различныхъ психологическихъ данныхъ, собранныхъ нами въ вѣмецкихъ источникахъ, мы слѣдили такое чудовищное развитіе большаго эгоизма, въ которомъ есть вѣчто горестное и трагическое для мыслящаго человѣка, видѣли какую-то, такъ сказать, наглуго позвальбу человѣка своимъ моральнымъ увѣчемъ, видѣли однимъ словомъ малопривлекательный типъ человѣка, который сознавши что ходитъ на ходуляхъ, продолжаетъ тѣмъ не менѣе изъ самолюбиваго упрямства ходить на нихъ, смѣясь цинически надъ собою и надъ почтеннѣйшею публикою. Фетъ не таковъ: самобытность его заключается въ нѣжной поэтической натурѣ, сообщающей что-то мягкое самымъ причудамъ большаго эгоизма. Авторъ глубокой по чувству статьи, напечатанной о немъ въ «Современникѣ», очень удачно сравнилъ его мелодіи съ причудливими и такъ сказать нѣжно-эгоистическими мазурками Шопена, и превосходно обозначилъ основное качество его дарованія: «Въ немъ бьется—говоритъ онъ между прочимъ—«живое, горячее сердце, оно не утерпитъ и отзовется на всякій звукъ въ при-
«родѣ, откликнется на всякій призывъ ея, принесетъ ли его тепломъ
«лѣтняя ночь, или свѣжее весеннее утро, зимній, снѣгомъ бѣляющій
«вечеръ или зноимъ дышачій воздухъ жаркаго лѣтняго дня.» Дѣло въ томъ только, что вслѣдствіе какого-то страннаго, болѣзненнаго, совершенно субъективнаго настроенія души,—поэтъ отзовется на это такимъ особеннымъ, страннымъ звукомъ, который иногда, даже часто, не всякому уху доступенъ, не всякому сердцу понятенъ, что конечно вредитъ впечатлѣнію. Изъ болѣзненной поэзіи, Фетъ развилъ собственно одну ея сторону, сторону неопредѣленныхъ, недосказанныхъ, смутныхъ чувствъ, того, что называютъ французы *le vague*.... Чувство въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ какъ будто не созрѣваетъ до совершенной полноты и ясности—и явно поэтъ самъ не хотѣлъ довести его до такого опредѣленнаго, общедоступнаго состоянія, что онъ предпочи-

таеть усладиться такъ сказать грезю чувства. Въ этомъ, какъ хотите, есть своего рода прелесть, прелесть грезы съ одной стороны, полуудовлетворенія съ другой, прелесть того состоянія, когда человекъ

Впиваетъ послѣднюю,
Сладкую магу
Сна на зарь...

И отъ того, никому не удастся подмѣчать такъ хорошо задатки зарождающихся чувствъ, — тревоги почувствъ и наконецъ поднимающіеся подчасъ въ душѣ человека отпрыски прошедшихъ чувствъ и старыхъ впечатлѣній, бывшихъ стремленій, которыя «далеки какъ выстрѣлъ вечерній» памяти былого, которая:

Крадется въ сердце тревожно...

Въ такихъ случаяхъ, даже особность, причудливость выраженія становится доступною читателю, и не странно ему, что:

Исполнена тайны жестокой,
Душа замирающихъ скрипокъ,

Ибо въ дальнѣйшемъ напримѣръ развитіи смутнаго впечатлѣнія — ясно, что хотѣлъ поэтъ сказать:

Средь шума толпы неизвѣстной
Тѣ звуки понятій мнѣ вдвое,
Напомнили силой чудесной
Они мнѣ все сердцу родное:
Ожившая память несется
Къ прошедшей тоскѣ и веселью,
То сердце замретъ, то проснется
За каждой безумною трелью....

Вообще въ такихъ случаяхъ, читатель, увлеченный чувствомъ поэта, не спроситъ отъ него строгой логической послѣдовательности, не подвергнетъ его ответственности, за быстрые скачки и переходы мысли, какъ напримѣръ въ стихотвореніи:

Младенческой ласки доступенъ мнѣ лепеть....

Не спроситъ тутъ, почему вдругъ поэтъ что-то кинуло обратиться вдругъ, совсѣмъ неожиданно-негаданно къ какой-то звѣздѣ «что такъ ярко сіяетъ» и сказать ей:

Давно не видались мы въ небѣ широкому....

Читатель, понимая лиризмъ мотива, порыва поэта, не захочетъ съ математической точностью разлагать, съ цѣлю повѣрять отчетливость фигуръ и троповъ, такого напримѣръ стихотворенія:

О незови! страстей твоихъ такъ звонокъ

Родной языкъ....

Ему внимать и плакать какъ ребенокъ....

Я такъ привыкъ....

ему и некогда повѣрять тутъ постройки, когда цѣлое явнымъ образомъ вырвалось изъ души разомъ въ отвѣтъ на воззванья страстей и блаженствъ,

Которымъ нѣтъ названья

И мѣры нѣтъ....

читатель не спроситъ такъ же—поясненія нѣкоторыхъ странностей, подробностей очевидно частныхъ, мѣстныхъ—въ стихотвореніяхъ напримѣръ, носящихъ общее названіе—«хандра,» хотя конечно было бы лучше, еслибъ не бросалъ лирикъ многого безъ поясненія, еслибъ вездѣ доводилъ онъ причудливыя мечты фантазіи до ихъ возможной ясности, какъ удалось ему это въ стихотвореніи:

Мы одни.... изъ сада въ стекла оконъ,

въ которомъ наглядно совершается греза

Въ царствѣ тихой, свѣтлой ночи майской,

когда звѣзды, дрожа лучами, какъ будто все ближе и ближе нисходятъ къ намъ, и

На суку извилстомъ и чудномъ,

Пестрыхъ сказокъ пышная жилица,

Вся въ огнь, въ сіяньи изумрудномъ

Налъ водой качается жаръ птица,—

когда наконецъ:

Листья полны свѣтлыхъ насѣкомыхъ,

Все растеть и рвется вонъ изъ мѣры,

Много сновъ проносится знакомыхъ

И на сердца много сладкой вѣры....

Хорошо было бы съ другой стороны, если бы самыя тонкія душевныя впечатлѣнія, поэтъ возводилъ вездѣ такъ удачно въ объективныя представленія, какъ въ своихъ «Вечерахъ и ночахъ,» или—если бы вездѣ у него недосказанность была такъ полна и обдавала бы читателя такимъ фантастическимъ впечатлѣніемъ, какъ въ слѣдующей мелодіи:

Давно ль подъ волшебные звуки,

Носились по залѣ мы съ ней....

Теплы были нѣжныя руки

Теплы были звѣзды очей....

Вчера пѣли пѣснь погребенья,
 Безъ крыши гробница была:
 Закрывши глаза, безъ движенья,
 Она подъ парчею спала....
 Я спалъ.... Надъ постелью моею,
 Стояла луна мертвецомъ....
 Подъ чудные звуки мы съ нею,
 Носились по залѣ въ двоемъ.

VIII.

Мы не безъ причинъ начали обзорнiе дѣятельности нашихъ лирическихъ поэтовъ съ Огарева и Фета. Грустные мотивы одного такъ обще доступны, и съ другой стороны такъ явны причины причудливости чувствъ выражаемыхъ другимъ и такъ тѣсно связаны съ судьбами болѣзненной поэзии весьма недавней эпохи, что намъ ни разу не придетъ въ голову мысль о неискренности міросозерцанія поэтовъ. Гораздо труднѣе въ наше время повѣрить въ искренность міросозерцанія объективнаго лирическаго поэта. Фактъ весьма объяснимый изъ историческихъ данныхъ.

И вотъ почему въ особенности, вмѣстѣ съ другимъ изъ нашихъ критиковъ, Эрастомъ Благодраховымъ, ставимъ мы такъ высоко г. Аполлона Майкова, — поэта съ явнымъ преобладаніемъ объективности въ творчествѣ, но въ дѣятельности котораго нельзя подмѣтить неприятно дѣйствующей на читателя фальши равнодушія или столько же неприятно дѣйствующей форсированной пластичности. Трудно представить себѣ въ наше время, поэта, котораго бы сердце билось всегда ровно и не билось бы въ иныя минуты тревожнѣе обыкновеннаго, — съ другой стороны, трудно представить въ наше время и такого поэта, который бы отъ души взывалъ:

Da ihr noch die schöne Welt regieret,
 Schöne Wesen aus dem Fabelland,
 Selige Geschlechter noch geführet
 An der Freude leichtem Gängelband....

Въ самомъ Гёте, хотя онъ по истинѣ и представляетъ собою почти недостижимый идеалъ объективнаго лирическаго поэта, въ самомъ Гёте ивогда поражаетъ нѣкоторою фальшью — утонченная пластичность, и, не знаемъ какъ на кого, а на насъ крайне неприятно дѣйствуетъ известное мѣсто въ «Римскихъ элегіяхъ», гдѣ поэтъ выбиваетъ стопы стиховъ на спивъ своей любезной — ибо мы видимъ здѣсь не Римлянина и тѣмъ

ментѣ Грека, а новаго чловѣка, да еще вдобавокъ Нѣмца, методически и съ рефлексіей *призаявшагося* наслажденіемъ. Съ другой стороны, понимая все обаявіе пластической красоты, завѣщанной намъ вѣчною Греціею, понимая какъ поражаютъ своею красотою и своимъ величіемъ даже новаго чловѣка, эти:

Kolossale Götterbilder
Aus leuchtendem Marmor....

Мы однако же знаемъ, что не со всѣхъ сторонъ удовлетворятъ они *душу* новаго чловѣка. Способность понимать красоту въ античномъ смыслѣ ея, конечно служитъ *шибболетомъ* для повѣрки чутья изяшнаго въ чловѣкѣ и объективности въ талантѣ поэта, но исключительное поклоненіе этой красотѣ со всѣми послѣдствіями поклоненія въ міросозерцаніи, невольно представляется намъ всегда въ поэтѣ болѣзненнымъ душевнымъ состояніемъ или намѣреннымъ напряженіемъ, насилуваніемъ себя. Этимъ опредѣляется нашъ взглядъ на г. Майкова съ одной стороны и на г. Щербину съ другой, хотя тѣмъ не менѣе и талантѣ послѣдняго мы цѣнимъ и ставимъ высоко.

Г. Майковъ никогда не насилуетъ себя на античное воззрѣніе, хотя какъ истинный художникъ, по натурѣ горячо сочувствуетъ античной красотѣ, тонко понимаетъ ее, и сознаетъ, что удобнѣе было бытѣ художникомъ во времена непосредственности, неразорванности созерцанія. Онъ самъ высказалъ чрезвычайно искренне и вѣрно свое отношеніе къ искусству, какъ поэтъ новаго:

Былъ глушь кагда-то чловѣкъ
Младенцемъ жилъ и умеръ Грекъ,
И въ простотѣ первоначальной,
Что слышалъ въ сердцѣ молодомъ,
Творилъ доверчиво рѣзцомъ
Онъ въ красоту монументальной.
Творилъ какъ пѣснь свою поётъ
Рыбакъ у лона синнихъ водъ,
Какъ дѣва въ грусти нль въ весельѣ,
Въ глуши Альпійскаго ущелья....
И вокругъ священныхъ алтарей
Народы чтли чловѣка
Въ созданьяхъ двственнаго Грека...
А ты, художникъ нашихъ дней,
Ты аналитикъ и психологъ,
Что въ нашемъ духѣ отыскалъ?

Съ чего снимать блестящій сколокъ,
 Ты мрамору и бронзѣ даль?...
 Ты прежнихъ силъ въ немъ не находишь,
 И, мучась тяжкой пустотой
 Боговъ Олимпа къ намъ низводишь
 Забывъ, что было въ нихъ душой.
 Какъ ликъ Гамлета колоссальной,
 Актеръ коверкаетъ шальвой
 Предъ публикой провинціальной...

И не имѣя ни малѣйшей нужды, какъ поэтъ новый, хотя съ жаркимъ и тонкимъ чувствомъ пластической красоты, — прибѣгать къ неистовому ей поклоненію, — а съ другой стороны, не мучась душевной пустотой, чтобы низводить къ намъ боговъ Олимпа, онъ художественными, часто литыми чертами выражаетъ то, что поражаетъ его какъ художника и мыслителя, — не обходя никакихъ вопросовъ современности, если они дѣйствительно возбуждаютъ въ немъ живое, художественное сочувствіе. Съ другой стороны, г. Майковъ чуждъ и противоположной напряженности, напряженности субъективной, къ которой онъ такъ же искренно и съ такою же энергіею высказалъ свое отношеніе, въ апострофъ къ поэтамъ «гордаго страданья»:

А ты, когда-то жизни жадный,
 Разочарованный и хладный,
 Теперь и къ міру и къ мечтамъ,
 Поэтъ, въ плаксивомъ завываньи
 Про «гордое свое страданье»
 Взывающій къ викамъ...

Ему чужда всякая фальшь и форсировка, но изъ этого не надобно заключать, чтобы г. Майковъ наклоненъ былъ впадать въ крайности объективности, въ тупое равнодушіе или чтобы даже лиризмъ его отличался особеннымъ спокойствіемъ; ничуть не бывало — страсти многихъ стихотвореній Майкова, иногда даже тревожаще ихъ — вы немного найдете: но всегда въ нихъ типично и чувство и выраженіе. Вспомните въ «Очеркахъ Рима» чудное стихотвореніе

«Скажи мнѣ, ты любишь на родняхъ своей»...

вглядитесь, какъ поэтъ равно объективенъ въ изображеніи непосредственности страсти, готовой въ глаза встѣмъ открыто, не страшась

объявить, что ты ея владѣнье,
 Жизнь, кровь, душа ея....

и въ изображеніи другой страсти, угнетенной такъ сказать рефлексією, въ разсказъ о которой слышно явно, что все разсказываемое глубоко прочувствовано поэтомъ, — хотя опять такъ совершенно искренне, совершенно соотвѣтственно своему художническому, объективному міросозерцанію, — поэтъ разсказавши объ этой странной, грустной, подавленной рефлексіей любви, которая должна была замолчать, — заключаетъ стихотвореніе порывомъ, крикомъ непосредственности:

Любить! молчать! и вы любивъ? Боже, Боже!..

Вспомните эти вѣгую юга дышущія стихи:

На дальнемъ свѣрв моемъ,
Я зтотъ вечеръ не забуду....

разрѣшающіеся однако чувствомъ, свойственнымъ и понятнымъ только новому человѣку:

При этомъ солнць огневомъ,
При шумъ воднаго паденья,
Ты мнѣ сказала въ упоеньи:
«Здѣсь можно умереть вдвоемъ....»

Вспомните въ особенности:

Думалъ я, что небо
Ясное полудня,
Свѣтъ оливъ и мвртовъ,
Музыкальный голось,
Жаркія лобзанья
Жень высокогрудыхъ
Исцѣлять недуги
Страждущаго сердца.....

и тѣмъ дороже въ поэтъ, который въ такой степени новый человѣкъ, какъ г. Майковъ, покажется вамъ объективность созерцанія, тѣмъ больше повѣрите въ искренности тѣхъ страстныхъ отзвонковъ, которые въ лиризмъ его обрѣтаетъ непосредственность, какъ напримѣръ въ упомянутомъ нами выше стихотвореніи или еще въ слѣдующемъ, столько же превосходномъ:

Ахъ! люби меня безъ размышленій,
Безъ тоски, безъ думы роковой,
Безъ упрековъ, безъ пустыхъ сомнѣній,
Что тутъ думать? Я твоя, ты мой!
Что тебѣ отчизна, сестры, братья?
Что намъ въ томъ, что скажетъ умный свѣтъ?
Или холодны мои объятя?

Или въ очахъ блаженства страсти нѣтъ?
 Я любви не число и не мѣрю,
 Нѣтъ, любовь есть вся моя душа.
 Я люблю, смѣюсь, клянусь и вѣрю...
 Чувствую какъ тутъ я хороша....
 Вѣрь въ любви, что счастью не учатся
 Вѣрь какъ я, о гордый человекъ,
 Что намъ ввѣкъ съ тобой не разставаться
 И не кончить поцѣлуя ввѣкъ.

Паскомько міросозерцаніе Майкова, при всей объективности далеко отъ тупаго спокойствія, всего очевиднѣе въ его поэмахъ, которыя впрочемъ до сихъ поръ представляли только неудачныя попытки поэта выйти изъ лиризма, и въ которыхъ, какъ въ «Двухъ судьбахъ,» въ Машѣ, являлись не лица, а произвольныя фигуры, съ ярыками или выѣсками тѣхъ или другихъ современныхъ вопросовъ и интересовъ. Въ последнее время, сколько мы знаемъ, — вопросы и интересы глубоко припимаемые впечатлительной натурой нашего поэта, обрѣли и въ этомъ родѣ надлежащія, стройныя и вмѣстѣ строгія художественскія формы. Г. Майкову въ этомъ родѣ, какъ намъ кажется, тѣсны рамки обычной дѣйствительности, нужны грандіозныя размѣры и характеры древняго или по крайней мѣрѣ средневѣковаго міра: таково уже свойство его таланта, что у него не выйдетъ лица изъ героя двухъ судебъ, Владимира, но за то выйдетъ живой образъ изъ эпикурейца, вапримѣръ Людіа, которыя, въ послѣдній часъ хочетъ уииться —

Дыханьемъ травъ и моремъ свящимъ,
 И солнцемъ въ волны заходящимъ
 И Лиды ясной красотой....

что, однимъ словомъ, онъ останется всегда лирикомъ, хотя и въ высокой степени объективнымъ.

Совершенно иное явленіе, — яркій талантъ г. Щербины; разделяя опять съ Эрастомъ Благодравовымъ и любовь и уваженіе къ этому таланту, мы не можемъ не упрекнуть его въ напряженности міросозерцанія, въ которой нельзя долго продержаться въ наше время, которая можетъ обратиться уже въ неискренность. Успѣхъ г. Щербины былъ блистательный, какъ успѣхъ всякаго сильнаго таланта, тронувшаго струну покинутою или еще не тронутую: самыя пародіи на его стихотворенія

доказывали этотъ успѣхъ, — но мы сильно боимся за ту струну, которую тронулъ г. Щербина, по причинамъ выше нами объясненнымъ. Нельзя же вѣчно: «пожирать глазами»

Неприкрытыя бѣды плечи;

вѣчно восхищаться самому и заставлять другихъ восхищаться:

Дорической колонны
Красотой и простотой, —

нельзя, при всемъ талантѣ автора, при всей увлекающей читателя страстности его, относиться въ наше время къ жизни съ однимъ чувствомъ красоты и т. д.

Впрочемъ, талантъ г. Щербины такъ силенъ, что найдетъ вѣроятно другія струны. Сила таланта доказывается между прочимъ и тѣмъ самымъ, что поэтъ такъ долго и съ такимъ удивительнымъ искусствомъ играетъ на струнѣ, отчасти фальшивой, кромѣ того, что красоту формы, довелъ онъ въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ до замѣчательной степени совершенства, особенно въ Ифигеніи, довольно неучтиво встрѣченной однимъ изъ нашихъ *современныхъ* журналовъ.

Остается теперь поговорить о г. Мей и о г. Бергѣ, и потомъ сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній на счетъ нашихъ третъестепенныхъ лириковъ.

Г. Мей одинъ изъ такихъ поэтовъ, во внѣшнихъ качествахъ таланта которыхъ, нѣтъ ни малѣйшей возможности имѣть хоть какое-либо сомнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, рѣдко можно встрѣтить въ поэтѣ такое богатство фантазіи, такую силу, красоту выраженія, такое полное владѣніе словомъ и образами. На страницахъ нашего журнала, читатели встрѣтили въ нынѣшнемъ году великолѣпное, въ полномъ смыслѣ, стихотвореніе: «Картины древняго міра», и согласятся съ нами, что оно все дышетъ силой фантазіи, что форма его постоянно соответствуетъ содержанію, — не забыли такъ же вѣроятно превосходнаго стихотворенія: «Хозяинъ», и оцѣнили по достоинству удивительный языкъ «Царской Невѣсты», но вотъ все, что въ настоящую минуту можно сказать о несомнѣнномъ талантѣ молодого поэта. Этого всего конечно много, если взять безотносительно, — но относительно къ таланту, въ такой степени богатому силами, внѣшними средствами, русскимъ словомъ, слѣдуетъ пожелать, чтобы точнѣе, яснѣе, опредѣленнѣе выразилось то,

что составляетъ душу въ поэзіи, что говоритъ въ ней душѣ, міросозерцаніе, и притомъ достойное конечно такихъ силъ. Вѣроятно многіе вмѣстѣ съ нами, готовы сказать г. Мею то, что одинъ нѣмецкій поэтъ говорилъ Фрейлиграту:

O wähl ein Banner und ich bin zufrieden
Ob's auch ein andres als das meine sey.

Что касается до г. Берга, то во взглядѣ на его лирическую дѣятельность, мы нѣсколько разойдемся съ Эрастомъ Благовраховымъ. Намъ кажется, что имѣя преимущественно въ виду г. Берга, какъ переводчика и совершенно справедливо оцѣнивши заслуги его какъ такового, нашъ критикъ не былъ достаточно справедливъ къ оригинальнымъ стихотвореніямъ г. Берга. Во-первыхъ — г. Бергъ является часто и въ нихъ такимъ же мастеромъ стиха, какъ въ переводахъ; во-вторыхъ, лирикъ по преимуществу, лирикъ съ добросовѣстнѣйшимъ убѣжденіемъ въ мотивахъ своего лиризма, мотивахъ, прибавить надобно всегда благородныхъ, онъ только не умѣетъ иногда соблюсти надлежащую мѣру въ ихъ развитіи, отдается впечатлѣніямъ слишкомъ субъективно; къ частнымъ, — поражающимъ ли, трогаящимъ ли, восхищающимъ ли его явленіямъ, — относится со вѣсьмъ лирическимъ запасомъ своихъ общихъ впечатлѣній, и вслѣдствіе этого выходитъ иногда, что лиризмъ его несоразмѣренъ съ тѣмъ частнымъ случаемъ, который послужилъ для него основою. Попадись напимѣръ такія строфы какъ слѣдующія, въ другомъ стихотвореніи нежели то, изъ котораго мы ихъ выписываемъ, — они бы навѣрно оцѣнены были по достоинству; въ немъ, въ этомъ стихотвореніи на случай, порожденномъ самими благородными мотивами, но все таки носящемъ случайный характеръ, они пропали, не смотря на чудный стихъ, на поэтичность и мѣткость выраженія:

Вотъ опять летятъ букеты,
И гилянды и цветы,
Загремѣли кастаньеты,
Засверкали шруэты....
Эсмѣральда, это ты,

И мученье и отрада!
О, оставь, оставь меня!
Мнѣ не надо, мнѣ не надо
Твоего запятеадо,
И любви твоей огня....

Вотъ она помчалась въ хоть...
 Сколько музыки немой
 Въ каждомъ взмахѣ, поворотѣ,
 Въ каждомъ молнійномъ полетѣ ...

А сколько, такихъ совершенно лирическихъ, блестящихъ строфъ разбросано г. Бергомъ съ какимъ-то небрежнымъ добродушіемъ въ стихотвореніяхъ писанныхъ и печатанныхъ наскоро, въ порывахъ увлеченій, — сколько, вслѣдствіе этого, цѣлыхъ прелестныхъ стихотвореній («Кармелитка» — «Къ ребенку») или стихотвореній замѣчательныхъ по смыслу и значенію, превосходныхъ по языку, какъ «Синеусовъ курганъ» проходили въ разныхъ изданіяхъ, незамѣченныя публикой и намѣренно не замѣчаемая кригикою, которая съ жалкимъ цинизмомъ отнеслась даже къ важному и благородному труду, совершаемому г. Бергомъ съ постояннымъ усердіемъ и съ мастерскимъ искусствомъ, къ «Собранію пѣсенъ разныхъ народовъ» котораго часть готовится теперь авторомъ къ печати и въ которомъ выступаютъ очень ярко блестящія стороны этого дарованія: конечно, г. Бергъ иногда самъ подавалъ поводъ *современной* критикѣ къ безцеремонности обхожденія, но такими поводами могла пользоваться только развѣ *современная* критика.

У г. Полонскаго есть стихотворенія чрезвычайно задушевныя и мелодическія, но въ талантѣ его недостаетъ какъ-то опредѣленности, самобытности, прочности, того, что кляло бы извѣстную печать на его дѣятельность, и кромѣ того небрежность формы, простираясь у него иногда до крайности. У г-жи Кадовской найдется такъ же нѣсколько стихотвореній, замѣчательныхъ по искренности и нѣжности чувства. О другихъ поэтахъ-дамахъ, которыхъ таланты уже окончательно уяснились и оценены по достоинству, мы считаемъ излишнимъ говорить, какъ на примѣръ о Гр. Ростопчиной, о г-жѣ Павловой, хотя о томъ и о другомъ изъ этихъ замѣчательныхъ и совершенно различныхъ женскихъ дарованій, сочли бы истиннымъ удовольствіемъ побесѣдовать съ читателями. По той же причинѣ мы не говорили о стихотвореніяхъ Князя Ваземскаго, Дмитріева, Глинки.

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

МѢСЯЦСОСЛОВЪ НА 1853 ГОДЪ. С.-П., въ типографіи Императорской Ак. Наукъ. Стр. 306.

КАВКАЗСКІЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1853 ГОДЪ, изданный отъ канцеляріи Намѣстника Кавказскаго. Тифлисъ, 1852. Въ 8 д. л. стр. 684.

Есть рассказыки, которые, любя рассказывать анекдоты, и истощивъ весь ихъ запасъ, снова начинаютъ повторять то, что давно-давно уже рассказывали. Почти то же приходится дѣлать и рецензенту при разборѣ книгъ такого рода, какъ мѣсяцословы и календари, которые разъ, полно и тщательно составленные, не должны даже и быть измѣняемы въ своихъ главныхъ и существенныхъ отдѣлахъ, кромѣ отдѣла разныхъ свѣдѣній, зависящаго отъ изобилія или недостатка въ новыхъ предметахъ, входящихъ въ составъ его.

Говоря въ свое время о Мѣсяцословѣ на 1852 годъ, мы пожалѣли, что въ немъ не было помѣщено правилъ объ отправленіи пассажировъ и тяжестей по С.-Петербурго-Московской желѣзной дорогѣ, составлявшей тогда едва ли не самую интересную новость для большей части Россіи. Къ Мѣсяцослову на 1853 годъ эти правила наконецъ приложены, а также и извлеченіе изъ положенія о Коммерческомъ агентствѣ, посредствомъ котораго, въ настоящее время, тяжести принимаются.

Разсматривая, въ прошломъ же году, «Записки Горыгорецкаго земледѣльческаго Института», мы тоже пожалѣли, что это полезное заведеніе, о которомъ мы съ своей стороны постарались дать нашимъ читателямъ понятіе сколько можно удовлетворительное, еще слишкомъ мало извѣстно у насъ. Къ Мѣсяцослову на 1853 годъ приложены «Правила для приѣма помѣщичьихъ крестьянъ въ учебно-хозяйственныя заведенія Министерства Государственныхъ Имуществъ», которыя даютъ достаточныя понятія обо всѣхъ существующихъ у насъ учебно-хозяйственныхъ заведеніяхъ, вѣдомству Министерства Государственныхъ Имуществъ подлежащихъ, и указываютъ нашимъ

сельскимъ хозяевамъ путь къ образованію, для своихъ нуждъ, хорошихъ управляющихъ и прикащиковъ, въ которыхъ мы терпимъ слишкомъ ошутительный и самый горькій недостатокъ. Желательно, чтобы у насъ нашлось какъ можно больше охотниковъ воспользоваться этимъ полезнымъ свѣденіемъ, которое, посредствомъ Мясъ-послова, дѣлается наконецъ общезвѣстнымъ.

Кавкзск. календарю мы отдали въ прошломъ году полную справедливость и за полноту его и за интересъ сообщенныхъ въ немъ свѣденій о Кавказскомъ краѣ, и наконецъ за самую тщательность, почти можно сказать роскошь его изданія. Въ нынѣшнемъ году мы опять должны повторить о немъ все то же. «Статистическіе очерки нѣкоторыхъ городовъ Кавказа и Закавказскаго края», начатыя въ прошломъ году, продолжаютъ и въ нынѣшнемъ. Въ нихъ, кромѣ краткихъ свѣденій о Ленкорани, Оми, Ордубатѣ, Редутъ-Калѣ, Сухумъ-Калѣ, Тамани, и Эчмиадзинѣ, помѣщена довольно пространная статья о Кутаисѣ, въ которой къ статистическимъ свѣденіямъ прибавлены еще довольно удовлетворительныя историческія свѣденія какъ о самомъ городѣ, такъ и вообще объ Имеретіи. Статья эта написана такъ живо и занимательно, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи, сдѣлать изъ нея нѣсколько выписокъ, характеризующихъ нравы Имеретинцевъ.

«Вообще въ понятіяхъ религіозныхъ Имеретинцевъ имѣютъ не рѣдко какія то странныя, дѣтскія убѣжденія. Что они преданы вѣрѣ, что они тверды въ ней, это не подлежитъ никакому сомнѣнію и доказывается вѣковыми испытаніями; но въ житейскихъ дѣлахъ они относительно религіи поступаютъ какъ дѣти; наприм. имъ ни почемъ принять ложно присягу, особенно если она совершается не по древнему ихъ обычаю, передъ образомъ, а передъ крестомъ и Евангеліемъ, что они называютъ русскою присягою. Притомъ они часто думаютъ отдѣлаться хитростью, и обманывая людей и самихъ себя, воображаютъ, что они чисты и правы передъ Богомъ. Такъ одинъ явный воръ принялъ присягу, что онъ съ самой младенческой колыбели не учинилъ ни одного воровства. Всѣ знали, что это ложь, но присягнувшій остался совершенно спокоенъ, собственно потому, что передъ присягою онъ забѣжалъ въ домъ, и, вынувши изъ люльки своего ребенка, полежалъ нѣсколько минутъ на его мѣстѣ. Потомъ здѣсь есть обычай, что въ случаѣ спора о какой-нибудь землѣ, одна изъ спорящихъ сторонъ беретъ образъ въ руки, и если съ нимъ обойдетъ спорный клочекъ, то этимъ вполне доказываетъ принадлежность его себѣ. При одномъ такомъ случаѣ замѣтили, что взявшіе образъ начали обходить не только спорный участокъ, но и тѣ покосы, о которыхъ никогда не было дѣла, и которые составляли

неотъемлемую собственность постороннего лица. По этому начался споръ, драка — и что же обнаружилось? — господа присягатели, насыпавъ въ сапоги земли съ своей собственной пашни, думали, что вслѣдствіе этой хитрости, они могутъ обходить какія угодно земли и нисколько не погрѣшить передъ Богомъ, присягая, что они идутъ по своей собственной землѣ. Нѣкоторыя изъ такихъ продѣлокъ встрѣчаются даже въ форменныхъ дѣлахъ, а другія обнаруживаются собственно потому, что учинившій подобную хитрость какъ ни утѣшаетъ себя соизмами, но иногда находитъ на него раскаяніе, и заболѣвши послѣ такого случая, онъ приписываетъ свою болѣзнь наказанію отъ того образа, который онъ обманулъ хитрою присягою. Тогда онъ презываетъ священника, и, объяснивъ ему все дѣло, получаетъ прощенье, а несправедливо приобретенную землю возвращаетъ своему противнику.»

«Всѣ эти продѣлки происходятъ, вопервыхъ, отъ невежества, а вторыхъ, отъ страсти къ тяжбамъ и процессамъ, что составляетъ въ настоящее время отличительную черту въ характерѣ Имеретинъ. Здѣсь почти нѣтъ ни одного крестьянина, который бы не тягася съ своимъ сосѣдомъ за землю, нѣтъ почти ни одного дворянина или князя, который бы не имѣлъ наследственныхъ враговъ по процессу, подобно тому какъ въ Дагестанѣ имѣютъ наследственныхъ враговъ по кровной мести. Разница только въ томъ, что тамъ дѣйствуютъ кинжаломъ или порохомъ, а здѣсь перомъ и чернилами. Не то, чтобы Имеретинны не были храбры: храбрость свою они доказали въковыми войнами съ врагомъ и экспедиціями при русскомъ правительствѣ, но живя теперь въ мирныя времена, они только поотстали отъ воинскихъ подвиговъ и отъ нечего дѣлать принялись за письмо и сутяжничество. По этому въ молодомъ поколѣніи здѣсь не существуетъ уже извѣстныхъ храбрецовъ или набздниковъ. Но есть за то люди грамотные, смысленные, законники, которыхъ боятся, которымъ низко кланяются, и ищутъ ихъ знакомства и расположенія. Поэтому здѣсь не слышно уже о пайкахъ удалцовъ или разбойниковъ, но за то образовались цѣлыя фаланги писакъ, повѣренныхъ, стряпчихъ, которые мутятъ добродушныхъ поселянъ, выжимаютъ у нихъ последнюю копейку и пользуются извѣстностью. Молодые люди даже лучшихъ семействъ, тѣсняясь въ присутственныхъ мѣстахъ и добиваются какъ почетнаго званія, должности штатнаго писца; отцы же ничему такъ не радуются, какъ когда дѣти пишутъ каракульки и начинаютъ понимать подъяческіе крючки и заковычки. Въ домъ будетъ свой собственный адвокатъ, а это то же, что имѣть лишнюю часть дохода. Даже самыя шалости молодыхъ людей имѣютъ здѣсь характеръ

подьячскій. Они не бунтятъ, ведутъ себя скромно, прилично, но чтобы шалостью заплатить дань молодости, сочиняють гадкіе пасквили, подбрасываютъ ругательныя письма и подписываютъ подъ почеркъ начальника такія бумаги, въ которыхъ заключается неглипица, производящая всеобщее удовольствіе и смѣхъ. А посмотрите на здѣшняго мужичка. Онъ не можетъ пройти мимо присутственнаго мѣста, чтобы не завернуть туда и не взять какойнибудь справки, не можетъ сойтись съ грамотнымъ человѣкомъ, чтобы не попросить его написать себѣ какуюнибудь просьбицу. Напримерь: онъ придетъ на базарь, продастъ дровъ, кукурузы, курей, выручитъ хорошіе барыши, и какъ вы думаете, что онъ потомъ сдѣлаетъ? Выпьеть водочки? купить обнову? никогда! впрочемъ, можетъ быть, чтонибудь и купить, особенно если у него молодая жена, но, главное, зайдетъ въ казначейство и возьметъ гербовой бумаги. — Да на что тебѣ эта дрянь? скажетъ ему, пожалуй, какойнибудь добрый человѣкъ односельецъ. — И, кумы! какъ начто? Это вещь нужная; она всегда пригодна, даже въ праздникъ можно подарить родственнику; да кромѣ того, я и самъ думаю подать просьбу; нтъ ли у тебя на примѣтъ писакки, такъ, не дорогого, обяза за три съ листа? — Какъ небыть! ихъ въ Кутанскъ какъ собакъ. Да вѣдь ты недавно подавалъ просьбу? — А какъ не давно! — мѣсяца три будетъ. Тогда отказали, а теперь можетъ и не откажутъ. Тогда чиновникъ, который разбиралъ мое дѣло, былъ родственникъ куму моего противника; теперь же у насъ и начальникъ новый. Авось не откажутъ; а откажутъ, такъ пойду жаловаться губернатору; губернаторъ откажетъ, пойду къ намѣстнику; а потомъ пошлю просьбу въ Сенатъ; а если ужъ и Сенатъ откажетъ, такъ надвну на себя *собели* (крученая веревка, изображающая висѣлицу), и опять пойду къ намѣстнику. — Вы пожалуй мнѣ скажете, что я сочиняю, выдумываю, — нисколько! спросите у казначея, на какую сумму выходитъ здѣсь гербовой бумаги: однихъ възысканій за нее въ нынѣшнемъ году числятся около шести тысячъ руб. серебромъ; взгляните въ дѣла, вы увидите, что по самому пустому предмету подается нѣсколько просьбъ различнымъ мѣстамъ и лицамъ; войдите въ приемную губернатора, и вы каждый день найдете тамъ столько просителей, сколько въ иномъ губернскомъ городѣ не перебиваетъ въ мѣсяцъ. Отъ пустыхъ просьбъ ихъ уже отучаютъ, за клевету и неисполненіе сдѣланнаго распоряженія наказываютъ; по приказанію губернатора даже заведена штрафная книга, въ которую вносятся имена изблщенныхъ клеузниковъ и ослушниковъ, но имъ все неймется: просьбы льются, какъ неиссякаемый источникъ, а во время проѣзда намѣстника просто бываетъ въ родѣ наводненія....»

«Относительно гражданского устройства, Имеретинъ можно сравнить съ дѣтьми, а какъ пороки и недостатки дѣтей проходятъ съ лѣтами и опытомъ, то можно надѣяться, что и они, при добрыхъ и хорошихъ начальникахъ и руководителяхъ, бросятъ все эти недостатки и глупости, которые болѣе смѣшны, чѣмъ преступны. А Имеретинамъ нельзя отказать и въ хорошихъ качествахъ: они умны и проницательны, радушны и гостеприимны, тихи и покорны, а главное—не философствуютъ, и въ каждомъ русскомъ порядочномъ чловѣкѣ видятъ старшаго своего брата и не стыдятся подражать ему, хоть бы онъ и уступалъ имъ въ древности происхожденія. Уголовныя преступленія между Имеретинами очень рѣдки....»

«Имеретянки мало еще показывались въ свѣтъ и до сихъ поръ. по недостатку жизни общественной, вели, болѣею частію, жизнь въ деревняхъ, въ своемъ собственномъ семейномъ кругу. Но съ нѣкотораго времени это начало измѣняться. Туземное общество въ Кутансѣ увеличивается, и съ прошлаго года здѣсь даже учредилось Благородное Собраніе, которое пошло такъ хорошо, какъ и не ожидали. Членовъ записалось болѣе 100 чловѣкъ. Мужчины два раза въ недѣлю собираются для карточной игры; по воскресеньямъ устраиваются танцевальныя вечера—и туземки не только принимаютъ въ нихъ участіе, но нѣкоторыя молодыя дамы нарочно по этому случаю выучились танцевать. Словомъ, въ Собраніи веселятся отъ души, танцуютъ до двухъ часовъ, но главное то, что въ немъ туземное общество сливается съ русскимъ и составляетъ какъ бы одну семью. Этимъ Кутансѣ обланъ болѣе всего Военному Губернатору, который, не смотря на многочисленныя свои занятія и заботы о губерніи, обратилъ особенное вниманіе и на этотъ важный предметъ, имѣя превосходнаго сотрудника въ своей супругѣ, пріобрѣтшей полное уваженіе и любовь какъ отъ Русскихъ, такъ и отъ туземцевъ. У нихъ сіятельствъ собираются очень часто, и разъ въ недѣлю бывають концерты изъ любителей. Музыка у насъ тоже, благодаря заботамъ батальоннаго командира, весьма порядочная, и вѣроятно скоро будетъ хороша, потому что два года назадъ ее нельзя было слушать. Кромѣ того, здѣсь недавно образовался еще оркестръ изъ туземцевъ, о которомъ я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ. При военномъ губернаторѣ служить по особымъ порученіямъ одинъ молодой туземецъ, князь, большой любитель музыки. Ему вздумалось устроить у себя оркестръ; но онъ не зналъ, какъ приняться за дѣло. Проходить разъ черезъ его деревню, съ котомкой за плечами, отставной унтеръ-офицеръ.

— Куда ты, служивый?

— Въ отставку, ваше благородіе.

— А что же ты не останешься у насъ? Ты человекъ еще не старій: могъ бы промышлять здѣсь себѣ хлѣбъ и добыть коняку. Знаешь ты какое нибудь ремесло?

— Какъ не знать, много знаю: плотничное знаю ремесло, садомъ и огородомъ могу заняться, музыку такъ же разумю.

— И учить умьешь?

— А какъ же не умѣть учить! Я все ноты разбираю и вальсы могу сыграть и мазурку играю. Самые лучшіе вальсы *Строуса*, ваше благородіе.

— Ну, а хочешь ли ты у меня быть капельмейстеромъ? вотъ тебѣ годовая квартира, столъ и 80 руб. въ годъ жалованья.

— Маленько немножко 80 руб., развѣ еще прибавите рублей 20. Вѣдь музыка, ваше высокоблагородіе, предметъ трудный; въ другое время я не взялъ бы и двухъ сотъ рублей, да ужъ такъ съ вами хочется сойтись: баринъ-то, я какъ вижу, вы хорошій.

— Ну быть по твоему, по рукамъ такъ порукамъ. Когдажъ ты приступишь къ дѣлу?

— Да хотъ сію минуту; только когожъ я буду учить?

— А вотъ сей-часъ позову. — Князь свистнулъ, далъ приказаніе—и вотъ черезъ нѣсколько минутъ притащили къ нему пять-шесть мальчишекъ въ разорванныхъ рубашонкахъ, босыхъ, немыхъ, нечесаныхъ—совершенныхъ дикарей.

— Какъ же намъ ихъ одѣть? спросилъ князь.

— Да самое лучшее, ваше сіятельство, сшить имъ красныя куртки съ позументомъ, бѣлыя панталоны тоже съ позументомъ, и шапку бѣлую съ галуномъ. Инструменты же надобно выписать изъ Одессы. Вотъ этотъ карапузикъ будетъ славный скрипачъ, ваше сіятельство, я это вижу по пальцамъ. Этотъ можетъ хорошо играть на контробасъ, а вотъ тотъ, съ большими губами, такъ и сморщить, чтобъ надуть кларнетъ. Да не безпокойтесь, батюшка, ваше сіятельство, всѣхъ выучу, къ чему кто отъ природы склонность имѣетъ.

«Сказано—сдѣлано. Выписали нотъ, баса, альты, двѣ скрипки, и сѣли на лужокъ подъ липки, какъ въ баснѣ Крылова, съ тою только разницею, что прошелъ мѣсяцъ, два, три, и по окрестности начала разноситься молва, что у князя Э... устроены оркестръ. Помѣщики стали съезжаться и слушать. Дѣйствительно хорошо: всякой танецъ танцевать можно. Вотъ какъ-то умеръ одинъ значительный сосѣдъ, и шлютъ къ князю за музыкантами. Капельмейстера на сцену.

— Знаютъ музыканты какой нибудь похоронный маршъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, похороннаго-то марша еще не учили.

— Какъ же это, братецъ: ко мнѣ прислали просить музыкантовъ на похороны?

— Чтожь, ваше сіятельство, ничего, я изъ вальса составлю такую похоронную мелодію, что плакать будутъ.

— Устрой, пожалуста!

«И точно капельмейстеръ сдержалъ свое слово. Похоронная процессія тронулась, множество народа толпилось вокругъ гроба, близкіе люди шли поникнувъ головами, родственники рыдали, и среди всего этого важно выступалъ оркестръ и игралъ — такимъ заунывнымъ тономъ, что дѣйствительно заставилъ плакать даже постороннихъ. Послѣ этого музыканты вошли въ рѣшительную славу, и теперь безъ нихъ, по сосѣдству, не обходится ни одна знатная свадьба, ни одни знатные похороны. Я недавно самъ ихъ слышалъ. Они играли въ Кутаисскомъ Собраніи всѣвозможные танцы, и при томъ такъ порядочно, такъ согласно, что вѣрить не хочется, чтобы это былъ тотъ оркестръ, который составилъ назадъ тому только полгода изъ отставнаго унтеръ-офицера и изъ Гурійскихъ мальчишекъ, жившихъ до того времени какъ совершенные дикари. Можетъ быть, это поведетъ ко многому, и пусть какая нибудь будущая музыкальная знаменитость Гуріи вспомнить, какимъ образомъ составилъ первый Гурійскій оркестръ!...»

Въ ученоемъ отношеніи любопытенъ «Геологической разръзъ сѣверной покатости кавказскаго кряжа отъ Эльбруса до Бештау», показанный въ чертежъ и объясненный подробно особой статьей. Въ чертежъ показаны не только внѣшнія линіи, обрисовывающія наружную форму и покатость взятаго протяженія, но и всѣ внутреннія формации кряжа. Горизонтальныя протяженія главныхъ высотъ изображены, по опубликованнымъ отъ Генеральнаго Штаба Отдельнаго Кавказскаго Корпуса картамъ и показаны въ верстахъ или 3,500 русскихъ футахъ. Показанія высотъ надъ уровнемъ моря (*абсолютныя высоты*), выраженныхъ русскими футами, основываются на барометрическихъ измѣреніяхъ, сдѣланныхъ лѣтомъ 1849 года и находящихся въ связи съ одновременными барометрическими наблюденіями гг. докторовъ: К. Х. Рожера и Ф. Ф. Каргера, въ Кисловодскъ и Пятигорскъ. Порядокъ, соблюденный въ разръзѣ, есть слѣдующій: отъ средней высоты Эльбруса направленіе идетъ съ Ю. на С., на протяженіи 40 верстъ, до Бермутской высоты; отсюда съ С. 45° В. черта проходить 42 версты черезъ Кисловодскъ до Эссентуковъ, и наконецъ, по направленію С. 66° В., пройдя 15 вер., достигаетъ Бештау.

«Вся ть, — говорить между прочимъ авторъ статьи, служащей объясненіемъ геологическаго разрьза, — которые не посвятили себя специальному изученію горъ, а только нагляднымъ образомъ желали получить о нихъ понятіе, или же руководствовались при этомъ однимъ разсматриваніемъ географическихъ картъ, найдуть внѣшнія черты предлагаемой физической карты не соответствующими ихъ ожиданіямъ. Въмѣсто склоновъ, которые для приближающихся съ сѣвера къ Кавказу кажутся отвѣсно ниспадающими горною центральною ствѣною на равнину, въ дѣйствительности раскрываются растягивающіяся террасы, которыя, мало-по-малу понижаясь, сохраняютъ высоту отъ 4—5 градусовъ и образуютъ широкія, ясно обозначенныя ступени, обращенныя отвѣсными скатами къ горной массѣ. Даже плоская возвышенность, имѣющая слишкомъ 25 верстъ въ ширину, о существованіи которой нельзя было бы предполагать, участвуетъ, при 8,000 футовой вышины, въ образованіи горнаго склона, который съ этой лишь возвышенности начинаетъ круто подыматься и быстро достигаетъ полосы вѣчныхъ снѣговъ. Но какъ мало согласія между этими особенностями физическихъ отношеній и тѣми впечатлѣніями, которыя поражаютъ путешественниковъ въ долинахъ Терска или Наридона, при проходѣ черезъ дефилеи и при видѣ круто нагроможденныхъ слоевъ, указывающихъ на внутреннее сложенеіе Кавказскихъ предгорій (Vor wälle)! Только съ приближеніемъ къ горному Дагестану, горные склоны начинаютъ показываться съ ослабѣвающимъ пониженіемъ, составляя столь характеристическую его-рону окрестностей Эльбруса».

Состояніе внѣшней торговли Закавказскаго края и въ нынѣшнемъ году, такъ же какъ въ прошедшемъ, показано только по 1851 годъ. Дальнѣйшихъ свѣденій объ этомъ предметѣ нѣтъ, а потому и мы не можемъ о немъ сообщить нашимъ читателямъ ничего новаго.

Кромѣ карты Геологическаго разрьза, къ Календарю еще приложены: Генеалогическая таблица Грузинскаго царскаго дома съ Баграта III; вновь исправленная, по послѣднимъ измѣненіямъ, таблица взаимнаго разстоянія между губернскими и уѣздными городами и главными крѣпостями по Кавказскому и Закавказскому краю, С. Петербургомъ, Москвою, Варшавою и главными городами Новороссійскаго края, и нѣсколько Кавказскихъ видовъ и вышетоковъ, частію гравированныхъ, частію литографированныхъ, но въ томъ и другомъ случаѣ прекрасной работы.

СЛОВА И РЪЧИ ПРОТОІЕРІЯ МИХАИЛА ПАВЛОВСКАГО,
Профессора Богословія Одесскаго Ришельевскаго Лицея. Одесса.
1852 г., въ 8 д., 360 стр.

Церковное краснорѣчіе сдѣлало у насъ въ последнее время столь много самыхъ блестящихъ успѣховъ, что эти успѣхи не могутъ не быть въ высокой степени отрадны для христіанскаго чувства. Проповѣданіе Слова Божія развилось у насъ въ такой полнотѣ и съ такимъ совершенствомъ, что рѣшительно составляетъ не только благороднѣйшее, какъ и вездѣ, но и во всѣхъ отношеніяхъ высшее украшеніе нашей современной литературы. Изъ всѣхъ отраслей сей послѣдней, оно одно, сохраняя всю святость чувства и глубину религіознаго, чисто-православнаго воззрѣнія, осталось вѣрно и заветной чистотѣ роднаго слова. Нельзя притомъ не согласиться, что этимъ обязано оно преимущественно руководству, назиданію и образцамъ двухъ первостепенныхъ витій нашихъ, орудіемъ слова посѣявающихъ свѣтъ истины и благодати въ сердцахъ народа Русскаго: Филарета, Митрополита московскаго и коломенскаго, — и Иннокентія, Архіепископа херсонскаго и таврическаго.

Въ Одессѣ, гдѣ русскій духъ, языкъ и національность утвердились еще недавно, православное проповѣданіе Слова Божія также не перестаетъ оказывать своихъ благодѣтельныхъ дѣйствій на населеніе еще юное, стекшееся со всѣхъ концовъ Россіи. Тамъ-то, на новой почвѣ, словами любви и благодати, достойный Архипастырь, съ одной стороны, поселяетъ сѣмена христіанскихъ добродѣтелей въ сердцахъ православнаго народа, а съ другой—распространяетъ среди иноплеменниковъ благоговѣнное уваженіе къ глаголамъ Русской церкви. И по стопамъ Архипастыря идутъ ученики его, и въ числѣ ихъ протоіерей Михаилъ Павловскій, коего поученія и проповѣди пользуются въ Новороссійскомъ краѣ всеобщей и заслуженной извѣстностію.

Съ самаго пріѣзда своего въ Одессу, въ 1833 году, изъ Кіевской Духовной Академіи, О. протоіерей Павловскій занимаетъ кафедру Богословія, а нынѣ и Психологіи и Логики, въ Ришельевскомъ лицей, а сверхъ того былъ долгое время и Законоучителемъ въ Одесскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. «Слова и рѣчи» его, по большей части, провознесены были въ храмахъ этихъ учебныхъ заведеній, а потому, кромѣ общей цѣли въ отношеніи къ проповѣданію истинъ евангельскихъ, имѣютъ еще частную цѣль, именно ту, чтобъ посвятить въ юныхъ сердцахъ сѣмена высоко-христіанской добродѣтели и содѣлать ихъ вѣрными слугами Престолу и Отечеству.

Прочитав ихъ, каждый согласится, что обихъ цѣлей этихъ они достигаютъ вполне, свидѣтельствуя вмѣстѣ съ тѣмъ, что и на отдаленныхъ предметахъ Русской земли, въ лицѣ своихъ представителей, русское чувство горитъ всею пыломъ истиннаго, православнаго благочестія, и русскій умъ прямо и открыто направляетъ къ раскрытію истинъ, врачующихъ немощи духовныя и благодатныхъ для жизни, и русское слово, служа органомъ Вѣры чистой и глубокой, блюдетъ во всемъ величія, достоинствъ и красоты своей. Ж. А.

→

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ,
по первому и третьему Отдѣленію. Спб. 1852.

Введеніе къ новому изданію Академіи Наукъ составляетъ статья г.—ка: *Объ ученыхъ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ Императорской Академіи Наукъ, съ 1726 по 1852 годъ.*

Сто двадцать шесть лѣтъ—не малое пространство времени. Разумется, въ ограниченномъ, по объему, очеркѣ, авторъ не имѣлъ цели и не могъ представить подробнаго критическаго разбора періодическихъ изданій академіи; бѣльшею частію онъ ограничивается только библиографическими указаніями, выписками, связывая, впрочемъ, обзорніе изданій академіи съ историческими ея судьбами, которыя не могли остаться безъ вліянія на нихъ. Такой способъ изложенія придаетъ статьѣ г.—ка особенный интересъ. Исторія нашей академіи вообще очень мало извѣстна. Тѣ свѣденія, которыя были обнародованы, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ «Очеркахъ Россіи» (*), могутъ быть вѣрно поняты только при ближайшемъ знакомствѣ съ источниками для исторіи академіи, неизданными, немногими и доступными. Г.—къ потому справедливо замѣтилъ, что «обнародованіе «Портфѣля служебной дѣятельности Ломоносова» послужило только поводомъ къ превратнымъ сужденіямъ объ исторіи академіи (стр. XIII); что «эти документы требуютъ особенныхъ объясненій, безъ которыхъ нельзя составить отчетливаго понятія о тогдашнемъ дѣйствованіи академіи въ ея тройственномъ составѣ» (стр. III). И въ самомъ дѣлѣ, новые факты и замѣчанія, взятые г.—комъ прямо изъ источниковъ, представляютъ многое въ новомъ свѣтѣ.

Въ исторіи академіи Наукъ авторъ *строго* различаетъ два періода: первый—отъ основанія академіи до ея преобразования (съ 1726 по 1803), и второй—отъ преобразования академіи, въ 1803 году, до 1851 года. «Въ началѣ 1724 года, или немного раньше, Петръ

(*) См. «Портфѣль служебной дѣятельности Ломоносова».

«Великій поручилъ *лейбъ—медику своему Блюментросту* составить проектъ Академіи Наукъ, и въ концѣ января помянутаго года, «Блюментростъ представилъ проектъ на русскомъ языкѣ, можетъ быть, въ переводѣ съ латинскаго оригинала. Есть достаточныя причины думать (продолжаетъ г.—къ), что всѣ существенныя части этого проекта принадлежать самому Петру, и что онъ изустно изложилъ своему врачу весь планъ предполагаемой академіи. Сдѣлавъ на нѣкоторыя параграфы проекта замѣчанія собственноручно, государь одобрилъ его, и, не откладывая болѣе, велѣлъ въ слѣдующемъ февралѣ послать къ разнымъ ученымъ: Германіи, Франціи, Голландіи, приглашенія къ поступленію въ русскую службу, при академіи» (стр. V). Впрочемъ, Петръ не дожидъ до открытія академіи, и не успѣлъ довершить предначертанное дѣло. По выраженію Эйлера, онъ могъ начертать только планъ академіи. И этотъ планъ вполне былъ приварованъ къ потребностямъ того времени, хотя названіе *академія* и тогда скрывало отъ многихъ истинный смыслъ намѣренія Петра. Учрежденіе *академіи Наукъ* въ то время, когда еще мало было первоначальныхъ учебныхъ заведеній, да и тѣ находились въ жалкомъ положеніи,—казалось для многихъ страннымъ анахронизмомъ. Петру говорили, что академія не принесетъ никакой пользы, что академики не захотятъ заниматься съ молодыми, необразованными Русскими. «Я знаю, отвѣчалъ Петръ, какое имѣю намѣреніе, и теперь же вамъ скажу. Они будутъ сочинять для всѣхъ наукъ касающіяся книги, которыя повелю переводить на нашъ языкъ; ихъ станутъ они изъяснять молодымъ людямъ, которые для того избраны и имъ препоручаемы будутъ, и которые послѣ должны занять учительскія мѣста по тѣмъ наукамъ, въ которыхъ они подъ руководствомъ академиковъ упражнялись. Другими же сочиненіями о наукахъ и открытіяхъ, которыя они на *латинскомъ языкѣ* писать и печатать будутъ, должны они пріобрѣсть намъ довѣріе и честь въ Европѣ, и доказать, что и у насъ упражняются въ наукахъ, и что уже болѣе не презираютъ ихъ, и не столь грубо умствуютъ, какъ въ прежнія времена» (*). Понятно, что по плану Петра новая академія должна была совмѣщать въ себѣ академію наукъ собственно, университетъ и гимназію. Такое значеніе академіи ясно выражено было и въ проектѣ Петра (стр. VII—VIII). Разумѣется, жизнь университета и гимназіи должна была давать академіи въ собственномъ смыслѣ, т. е. иностранные ученые, призванные въ русскую академію. Въ добросовѣстности ихъ и въ неуклонномъ исполненіи указанныхъ Петромъ обязанностей лежалъ залогъ плодотворныхъ дѣйствій академіи, отъ

(*). Штелинъ, Анекдоты о Петрѣ Великомъ.

нихъ зависѣла вся польза академіи, какъ учрежденія русскаго, и притомъ принаровленнаго къ потребностямъ времени. Изъ двухъ за-
 дачь, указанныхъ Петромъ—это была безспорно важнѣйшая. Если
 вызванные ученые исключительно обратятся къ трудамъ ученымъ,
 къ *произведенію и совершенію наукъ*, какъ сказано въ проэкте, —
 академія останется учрежденіемъ, оторваннымъ отъ русской почвы
 и разобщеннымъ съ ея прямыми настоятельными потребностями.
 Петръ понималъ это. «При заведеніи простой академіи (читаемъ въ
 проекте)—обои намѣренія не исполняются, ибо, хотя чрезъ оную
 «художества и науки въ своемъ состояніи производятся и распро-
 «страняются, однакожь—де они не скоро въ народѣ расплодятся, а
 «при заведеніи университета—и меньше того. Ибо когда разсудить,
 «что еще прямыхъ школъ, гимназій и семинарій нѣтъ, въ кото-
 «рыхъ бы молодые люди началомъ обучаться и потомъ выше градусы
 «наукъ воспріять и угодными себя учинить могли, то не возможно,
 «дабы при такомъ состояніи университетъ некоторую пользу учинить
 «смогъ» (стр. VII). Академія должна была въ некоторомъ отношеніи
 замѣнять для русскихъ чужіе края. Къ сожалѣнію, смерть Петра
 разрушила тѣ благія послѣдствія, которыхъ можно было ожидать отъ
 новаго учрежденія: академія осталась для русскихъ какими-то дѣй-
 ствительно *чужими* краями. Личный произволъ членовъ, недоразу-
 мѣнія, привели ее въ разстройство. Та движущая сила, которая про-
 ницательнымъ взоромъ озирала все поприще, разстлавшееся передъ
 академіею, которая бы могла потому оберегать ее отъ всякихъ уклоненій
 отъ цѣли, —исчезла. Прекрасно говорить объ этомъ г.—къ: «тридцати
 «лѣтъ, употребленныхъ Петромъ на образованіе войска, конечно, могло
 «быть достаточно, чтобы, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, осуще-
 «ствить въ известной мѣрѣ трудный проектъ введенія и прочаго водво-
 «рненія въ Россіи науки и искусства; но на этотъ подвигъ *всего прежде*
 «*нуженъ былъ Петръ Великій*, который съ рѣдкою энергіей умѣлъ вы-
 «держивать всякое предпріятіе и довершать начатое; нуженъ былъ гений,
 «который бы умѣлъ такъ метко выбирать и поощрять людей способ-
 «ныхъ, одушевлять равнодушныхъ, приучать эгоистовъ къ самопожерт-
 «вованію для общаго блага, отстранять и побуждать препятствія и
 «всѣмъ подавать примѣръ самоотверженія, любви къ правдѣ и къ оте-
 «честву, неутомимой дѣятельности и постоянства (стр. X)». Можетъ
 быть, тревожныя предчувствія безотраднѣйшей будущности новаго учреж-
 денія беспокоили великаго монарха; можетъ быть, предсказанія о не-
 возможности существованія русской академіи въ то время смущали
 его не разъ. «По увѣренію одного современника (говоритъ авторъ
 «Введенія»), Петръ Великій на смертномъ одрѣ взялъ общаніе съ

Императрицы Екатерины, что она не оставит его любимой мысли без исполненія». (ibid) (*). Дѣйствительно Императрица приняла новых академиковъ въ «Свое особое призрѣніе». Мысль Петра не исполнилась. Одни требованія его проекта были вовсе не удовлетворены, другія удовлетворены не такъ, какъ онъ желалъ. Многое, конечно, зависело отъ того, что «по смерти его никто не могъ замѣнить его генія», какъ говорить авторъ; но многое же шло отъ другихъ причинъ. Г.—къ говорить, что «проектъ, утвержденный Петромъ 22 января 1724 г., не былъ даже напечатанъ въ свое время, и во все продолженіе XVIII вѣка былъ извѣстенъ развѣ не многимъ изъ академиковъ, и только нѣкоторымъ изъ президентовъ». «Слѣдствіемъ этого незнанія (справедливо заключаетъ авторъ) было то, что многіе академики какъ первыхъ временъ, такъ и слѣдующихъ, не вѣрно понимали основную мысль Петра о призваніи академіи» (стр. XIV). Изъ дальнѣйшаго изложенія видимъ, что авторъ не приписываетъ большаго вліянія на разстройство академіи произволу и недобросовѣстности нѣкоторыхъ ея членовъ; но мы позволимъ себѣ не согласиться съ мнѣніемъ нашего автора. Припомнимъ, что самый проектъ Петра былъ *намыренно скрытъ* Шумахеромъ (см. Очерки Россіи, кн. II); а г.—къ полагаетъ самъ эту неизвѣстность проекта одною изъ причинъ, почему академія не исполнила назначенія, указываемаго Петромъ. «Какихъ послѣдствій (воскликаетъ авторъ) можно было ожидать для академіи, когда она при многосложности и разнообразіи своихъ занятій, цѣлыя десятки лѣтъ была *безъ устава!*» (стр. XIV). «Не имѣя устава (говоритъ онъ ниже) ученая конференція академіи лишена была необходимаго основанія для своей дѣятельности и безусловно обрекалась на жертву тогдашняго бюрократизма, который такъ мало похожъ на нынѣшнее министерское управленіе и на оффиціальныя отношенія академіи къ своему министерству, что теперь трудно даже представить себѣ прежнія отношенія». Причину безпорядковъ авторъ находитъ въ томъ, что академическая канцелярія «мало по малу, присвоила себѣ главное управленіе и хозяйственными и учеными дѣлами»: она «не только вообще затрудняла дѣятельность академиковъ, весьма рѣдко получавшихъ возможность распоряжаться какою-либо суммой, но часто останавливала ихъ, своимъ вмешательствомъ, въ исполненіи даже главныхъ задачъ, возложенныхъ Петромъ на академію». — «Академики изображали яркими и вѣрными чертами вредныя дѣйствія канцеляріи; но почти никто не догадывался, что корень зла не въ лицахъ только, а во всемъ

(*) Чье же это свидѣтельство? имя современника очень важно въ этомъ случаѣ. Ред.

тогдашнемъ устройствѣ академическаго управленія». Эти слова автора вполне справедливы. Но нельзя не прибавить, что Ломоносовъ не разъ указывалъ на необходимость новаго прочнаго устава для академіи, на тѣ вредныя случайности, которыя вкрались при учрежденіи академіи и мѣшали успѣхамъ ея дѣйствій. Онъ говорилъ, что «для всякаго предприемаемаго важнаго дѣла должно полагать напередъ непоколебимыя основанія и предписывать неложныя правила». Этими-то неложными правилами и не нашелъ Ломоносовъ въ новомъ регламентѣ, дарованномъ академіи. Онъ прямо говоритъ: «Правда, что академическій регламентъ апробованъ и подписанъ Высочайшею Ея Императорскаго Величества рукою, и ради того почитать должно оный свято, и во всѣхъ академическихъ поведеніяхъ ему согласоваться; но многіе примѣры не токмо внѣ, но и внутри Россіи имѣемъ, что премудрые Государи, усмотрѣвъ лутчее, узаконенія свои отменяли». Нѣтъ; Ломоносовъ понималъ, что «корень зла во всемъ тогдашнемъ устройствѣ академическаго правленія». Авторъ говоритъ, что въ нападкахъ на историко-филологическое отдѣленіе участвовалъ и Ломоносовъ; извѣстіе очень любопытное; желательно было бы узнать ближе документы, сюда относящіеся: они, вѣроятно, уяснили бы многое во взглядѣ Ломоносова на словесныя науки. Но вѣдай, что Ломоносовъ сомнѣчалъ въ себѣ, по прекрасному выраженію Пушкина, факультеты историко-филологическій и историко-математическій, мы, кажется, въ правѣ предположить, что эти нападки касались лицъ, составлявшихъ историко-филологическое отдѣленіе, а не науки, бывшія предметомъ его занятій. Потому едва ли можно сказать съ авторомъ, что «вслѣдствіе этихъ нападеній, труды всего филологическаго отдѣленія лишены были мѣста въ академическихъ комментаріяхъ», что «положеніе дѣлъ этого отдѣленія болѣе и болѣе запутывалось, отчасти вслѣдствіе горячности Ломоносова» (стр. XXVI). И неужели горячность *одного* человѣка могла запутать дѣла *цѣлаго* отдѣленія? Скорѣе повторимъ съ авторомъ, что «на самихъ академикомъ падаетъ не малая доля вины застою академіи и вялаго исполненія мыслей Петра: какъ ученые, вызванные великимъ монархомъ, они должны бы были меньше давать значенія *втрѣчаемымъ затрудненіямъ* и съ большею *энергіею имъ противодействовать*» (стр. XIX). Императрица Екатерина старалась исполнить завѣщаніе великаго преобразователя (*), но мы уже указали некоторыя при-

(*) Любопытныя свѣдѣнія о заботахъ Императрицы и состояніи академіи въ то время, передаетъ Схендъ Фандербекъ въ статьѣ «О состояніи просвѣщенія въ Россіи въ 1795, напечатанной на латинскомъ языкѣ въ Acta physico-medica etc. и переведенной въ Сынѣ Отечества, 1842 года, N 1.

чины, почему главная педагогическая задача, возложенная на академию, осталась без удовлетворения. Авторъ указываетъ еще двѣ причины. Блѣвостность, президентъ академіи, въ 1728 году долженъ былъ переселиться вмѣстѣ съ дворомъ, въ Москву, и академія какъ бы осиротѣла. «Съ возвращеніемъ двора конечно настали лучшія времена для Академіи, но и при Императрицахъ Аннѣ и Елизаветѣ она цѣлые годы оставалась безъ президента. Одинъ изъ лучшихъ президентовъ, баронъ Корфъ, въ 1740 году былъ отправленъ въ посольство. Напрасно академики старались обратить вниманіе на даровитаго и признательнаго воспитанника Академіи, князя Антиоха Кантемира, тогда какъ онъ, при своемъ одушевленіи къ отечественному просвѣщенію, былъ способенъ, можетъ быть, всякаго другаго возстановить академию по мысли ея основателя». Другая причина неустройствъ академіи также вѣрно указана и подробно развита авторомъ. Онъ говоритъ: «Условія, на какихъ иностранные ученые поступали въ академию, также не благоприятствовали ея успехамъ. Не смотря на то, что имя Петра распространило очарованіе во всѣхъ, посвященныхъ имъ, краяхъ Европы, предубѣжденіе противъ Россіи повсюду еще было сильно» (стр. XVII—XVIII). Въ самомъ дѣлѣ, отецъ напр. известнаго академика Миллера, отпуская сына въ Россію, былъ увѣренъ, что ему придется жить среди варваровъ (*in media barbarie*). Легко понять слѣдствія такого отношенія иностранныхъ ученыхъ къ русской академіи. «Имѣя впередъ невѣрную будущность (продолжаетъ г.—къ), къ чему имъ было учиться по-русски, изучать языкъ, тогда еще необработанный и почти лишенный литературы въ собственномъ смыслѣ слова, не говоря уже о томъ, что многіе изъ нихъ, какъ напр. математики, химики, латинисты и др. вовсе не нуждались въ русскомъ языкѣ непосредственно для своего предмета?»

Какую же услугу принесла академія наукъ русской наукъ въ первый періодъ своего существованія? Отвратившись отъ той педагогической цѣли, которую указалъ ей Петръ, она охотнѣе отдалась исполненію первой задачи, т. е. дѣйствовала какъ академія наукъ собственно, а не какъ академія, совмѣщавшая въ себѣ кромѣ того и университетъ и гимназію. Не даромъ говорили Петру, что знаменитые ученые не захотятъ заниматься съ молодыми необразованными Русскими,—такъ и вышло. Призванные иностранцы продолжали трудиться въ пользу науки вообще, и не заботились прилагать своихъ познаній къ педагогическимъ потребностямъ Россіи. Ученая дѣятельность академіи могла потому въ этомъ даже періодѣ

совершаться благотворителю и въ болшемъ объемѣ, чѣмъ педагогическая. Не удивительно, что, по словамъ г.—ка, «число разсужденій и статей разнаго объема и содержанія въ периодическихъ изданіяхъ Академіи простирается слишкомъ до 10,000» (стр. XXX).

Авторъ ввелъ въ составъ своего обозрѣнія изъ одновременныхъ сборниковъ только тѣ, въ которыхъ помѣщены труды разныхъ авторовъ. Г.—къ въ статьѣ своей ограничивается только указаніемъ главнѣйшихъ изданій академіи, любопытнѣйшими выписками изъ нихъ, которыя объясняютъ направленіе и значеніе ихъ. Скажемъ прямо, что для библіографіи г.—къ оказалъ большую услугу своимъ трудомъ, который требовалъ утомительныхъ изысканій, сличеній, справокъ, возможныхъ только для немногихъ. Теперь многія изъ изданій академіи уже рѣдкость, и, если принять во вниманіе то состояніе, въ которомъ находится исторія нашей журналистики, то статья, нами разбираемая, можетъ считаться большимъ шагомъ впередъ къ критической исторіи нашихъ ученыхъ журналовъ. Прибавимъ, что трудъ библіографа вообще плохо вознаграждается и въ глазахъ большинства обыкновенно не высоко цѣнится; между тѣмъ онъ есть необходимая степень въ дѣлѣ ученой разработки предмета. Потому мы не будемъ далѣе слѣдить за авторомъ въ его полезныхъ изысканіяхъ, и ограничимся немногими замѣчаніями. Къ числу одновременныхъ сборниковъ академіи относятся, конечно, *Sermones in primo solenni academiae scientiarum Imperialis conventu die XXVII decembris anni MDCCXXV publice recitati*. Спб; 1725, in 4°, стр. 120. Не знаемъ, почему они не упомянуты г.—комъ. Къ извѣстію о первыхъ комментаріяхъ академіи можно прибавить, что съ 1740 года въ Болоніи начали ихъ перепечатывать (*). Не имѣетъ ли это связи съ возведеніемъ Ломоносова въ члены Болонской академіи?

Оставляя въ сторонѣ всѣ новые факты и документы, представленныя авторомъ въ его прекрасномъ сочиненіи (сюда особенно относятся, приводимыя имъ, выписки изъ бумагъ того времени), мы не можемъ не повторить съ полнымъ сочувствіемъ слѣдующихъ словъ его: «Обыкновенно думаютъ, что причиною противодѣйствій Ломоносова Миллеру и позднѣе Шлецеру было собственно оскорбленіе національное чувство; но такъ думаютъ потому, что худо знаютъ обстоятельства того времени, и не умѣютъ надлежащимъ образомъ оцѣнить ученаго характера Ломоносова. Можно пожалеть, что ни Ломоносовъ, ни тѣ, на кого онъ при разныхъ случаяхъ и по раз-

(*) См. *Geschichte jetztlebender Gelehrten, als eine Fortsetzung der jetztlebenden gelehrten Europa herausgegeben, von Ernst Ludwig Rathlef. Fünfter Theil, 1742, p. 268.*

цель призывая вооружался, не имѣли столько esprit de corps, чтобы могли примириться между собою ради общаго блага. Но кто бы ни былъ изъ нихъ больше всѣхъ виноватъ въ томъ, что они не могли соединить своихъ силъ для преобразованія Академiи въ духъ ея основателя, имена ихъ всегда будутъ занимать видное мѣсто, одно возлѣ другаго, въ исторiи Академiи, и, сверхъ того, ихъ дѣятельность составитъ прекрасную главу въ исторiи русскаго образованія, именно тамъ, гдѣ она должна будетъ раскрыть, какъ были поняты, оцѣнены и исполнены идеи великаго преобразователя въ первыя десятилѣтiя по его смерти? Касательно самой Академiи Наукъ, надобно замѣтить, что въ ней послѣ смерти Ломоносова въ 1765 году и по отъѣздѣ Шлецера изъ Россiи въ 1767, не явилось ни одного члена, который бы такъ живо помнилъ первоначальное назначенiе Академiи и такъ энергически старался осуществить оное на дѣлѣ» (стр. LXIII—LXIV). Въ самомъ дѣлѣ Ломоносовъ своею личностью представляетъ исполненiе того плана, которое Петръ далъ русской академiи. Пушкинъ назвалъ его первымъ русскимъ университетомъ, — мы скажемъ, что онъ былъ русскою академiею наукъ, и притомъ по мысли Петра: онъ былъ академикомъ въ высшемъ ученomъ смыслѣ; онъ былъ и профессоромъ академическаго университета, и начальникомъ гимназiи. Онъ удовлетворялъ тѣмъ двумъ задачамъ, которыя возложены были Петромъ на академiю: дѣйствовалъ какъ ученый, удовлетворялъ и педагогическимъ потребностямъ, издавалъ реторику, грамматику, летописца и переводы физики, металлурги.

Мы обратили исключительное вниманiе на первый перiодъ въ исторiи академiи, потому, что онъ менѣе извѣстенъ и объясненъ; до сихъ поръ кромѣ статьи Фусса въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ») не было попытки написать очеркъ исторiи академiи; въ сочиненiи г. — ка такъ много новыхъ подробностей относительно этого замѣтельнаго перiода, что мы почли за нужное передать ихъ читателю, оставляя въ сторонѣ второй, болѣе извѣстный, перiодъ исторiи академiи.

POCCTIAKAKOH. Ein Versuch, die vollendetsten Werke der Dichtkunst aller Zeiten und Nationen auszuzeichnen, nebst gedrängter Vorbereitung auf das Lesen der aufgeführten Schriften und Angabe der gewandtesten deutschen Uebersetzungen. Von Dr. Johann Heinrich Neukirch, ord. Professor an der St. Wladimir—Universität zu Kiew.—Kiew, 1853.

Книга эта, по своему предмету, весьма интересная новость въ нашей литературѣ, очень блдной подобными сочиненiями, которыми

такъ богаты другія европейскія литературы, особенно французская и немецкая, имѣющія, подъ разными названіями, множество библиографій, исторій и характеристикъ литературъ всѣхъ націй въ общности и отдѣльно: жаль только, что полезная цѣль этого сочиненія, въ отношеніи нашей литературы не вполне достигается, потому что оно писано не по-русски; въ отношеніи же литературы, на языкѣ которой писано, сочиненіе это, какъ изданное въ Россіи—могло имѣть существеннѣйшій интересъ, если бы въ немъ было болѣе обращено вниманія на литературу русскую. Впрочемъ, каковы бы ни были достоинства и недостатки этой книги, она по своему предмету, безъ сомнѣнія, есть весьма замѣчательное явленіе въ современной нашей литературѣ и заслуживаетъ всеобщую извѣстность въ кругу образованныхъ читателей: съ этою цѣлю и предлагается здѣсь слѣдующее ея обзорнѣе.

«Dichterkanon» есть собственно *руководство* (то, что Нѣмцы называютъ Handbuch, а Французы Manuel) къ изученію *всемирной поэзіи*. Оно объѣмлетъ древность и новыя времена, заключаетъ въ себя указатель «совершеннѣйшихъ» (vollendetsten) поэтическихъ произведеній у Китайцевъ, Индійцевъ, Персовъ, Арабовъ, Евреевъ, Грековъ, Римлянъ, Итальянцевъ, Испанцевъ, Португальцевъ, Французовъ, Англичанъ, Скандинавовъ, Голландцевъ, Датчанъ, Шведовъ, Русскихъ, Поляковъ, новыхъ Грековъ и наконецъ Нѣмцовъ. У каждаго изъ этихъ народовъ упомянуты «значительнѣйшіе» (bedeutendsten) поэты и ихъ произведенія, съ изложеніемъ содержанія ихъ, краткими объяснительными замѣчаніями и означеніемъ лучшихъ переводовъ ихъ на немецкомъ языкѣ.

Вотъ *содержаніе* «Dichterkanon», очевидно, богатое и вполне объѣмлющее сѣру своего предмета, т. е. *поэзію всѣхъ временъ и народовъ*. Но предметъ этотъ можетъ быть разсматриваемъ двояко: критически и исторически; въ первомъ отношеніи писатели разсматриваются какъ *образцы*, а ихъ произведенія какъ *примѣры* въ подтвержденіе правилъ теоріи искусства, во второмъ какъ *представители* проявленія духа народнаго въ свободной дѣятельности; тамъ поэзія трактуется какъ искусство само по себѣ,—здѣсь оно является не отвлеченной идеей, но дѣйствительнымъ органомъ жизни народной, такъ что настоящее объясняется прошедшимъ, и вліяніе духа времени на писателей и обратно ихъ на свое время играетъ въ оцѣнкѣ ихъ болѣе важную роль, нежели отношеніе ихъ къ вѣчному идеалу изящнаго и непосредственное ихъ значеніе. Какъ же смотрѣлъ авторъ разбираемаго сочиненія на предметъ свой? Въ началѣ книги его есть родъ *предисловія* и *введенія* (als Vorrede und Einlei-

(lang), подъ заглавіемъ «Ein Abend aus einem harmlosen Leben»; но особенная форма описанія этаго дружескаго литературнаго вечера, съ подробностями, слишкомъ частными, и мнѣнія собесѣдниковъ и собесѣдницъ, слишкомъ личныя, совершенно устраняютъ это предисловіе и введеніе отъ правъ на него критики. Впрочемъ, мимо убѣжденія автора, высказаннаго здѣсь устами того лица, подъ которымъ онъ представилъ себя, самая классификація избранныхъ имъ поэтовъ каждой эпохи и каждой націи, обнаруживаетъ, что авторъ, при индивидуально-эстетическомъ преимущественно направленіи, не чуждъ, однакожъ, и національно-историческаго воззрѣнія и даже интереса современнаго, въ чемъ легко удостовѣриться хоть, напримѣръ, изъ слѣдующаго списка представителей, родной автору, *нѣмецкой поэзіи*:

1. Пѣсня Нибелунговъ.	26. Де-Ламотъ-Фуке.
2. Гудрунъ.	27. Шамиссо.
3. Гартманъ изъ Ауэ.	28. Братья Гримъ.
4. Готфридъ Стразбургскій.	29. Уландъ.
5. Вольфрашъ изъ Эшембаха.	30. Эрнстъ Шульце.
6. Вальтеръ фонъ-дѣръ-Фогель-
всѣде.	31. Рюккертъ.
7. Галлеръ.	32. Зейдлицъ.
8. Клопштокъ.	33. Спидлеръ.
9. Лессингъ.	34. Платенъ.
10. Виландъ.	35. Гейне.
11. Гердѣрь.	36. Михаилъ Бееръ.
12. Шредѣрь.	37. Шеренбергъ.
13. Бюргѣрь.	38. Мозенъ.
14. Гете.	39. Группе.
15. Фоссъ.	40. Мюринне.
16. Шиллеръ.	41. Лаубе.
17. Иезландъ.	42. Гуцковъ.
18. Гебель.	43. Гаммеръ.
19. Коцебу.	44. Ауэрбахъ.
20. Жанъ-Поль.	45. Геббель.
21. Цюке.	46. Клинкель.
22. Стеффенсъ.	47. Гейбель.
23. Тикъ.	48. Редвицъ.
24. Гейнрихъ фонъ-Клейстъ.	49. Вальдау.
25. Брентаво.	50. Телькампфъ.
	51. Роккетте.

Авторъ совершенно правъ, что не ограничилъ себя здѣсь исключительно *художественною* стороною поэзіи, но далъ мѣсто *первобытной* народной поэзіи, и писателямъ, содѣйствовавшимъ посте-

ценнымъ успехамъ *искусственной* поэзии, и *современнымъ* временностямъ, удовлетворяющимъ образованному вкусу своихъ соотечественниковъ. Жаль только, что онъ не ведалъ слѣдовать этому направлению, въ ущербъ достоинству своего сочиненія, какъ это увидимъ далѣе.

Существенныя *достоинства* подобнаго рода сочиненій суть *точность и полнота*. Въ первомъ надо отдать справедливость добросовѣстному труду автора, который не говоритъ ничего на-обумъ, но на основаніи непосредственнаго изученія упоминаемыхъ имъ поэтовъ и известнѣйшихъ изслѣдованій объ нихъ, а также съ любовью слѣдить трактуемый предметъ въ послѣднемъ современномъ развитіи. — Что же касается до полноты, то этимъ качествомъ разбираемая книга похвалиться не можетъ: въ доказательство представляется здѣсь, изъ обозрѣнія содержанія всего сочиненія, какъ нѣболѣе всѣмъ известная, *поэзія французская* (*), въ краткомъ перечнѣ:

1. Блангистъ (L'avocat Patelin).
2. Рабелъ (La vie de Gargantua et de Pantagruel).
3. Корнель (Le Cid, Horace, Cinna, ou le clemence d'Auguste, Rodogune).
4. Лафонтенъ (Fables).
5. Мольеръ (L'école des maris. — L'école des femmes. — Le misantrop. — Le medecin malgré lui. — Tartufe, ou l'imposteur. — L'avare. — Le bourgeois gentilhomme. — Les femmes savantes. — Le malade imaginaire).
6. Расинъ (Britannicus. — Iphigenie. — Phedre. — Athalie).
7. Реньяръ (Le joueur).
8. Фенелонъ (Les aventures de Telemaque).
9. Лесажъ (Histoire de Gilblas de Santillaine. — Turcaret. — Crispin rival de son maître).
10. Вольтеръ (La pucelle. — Romans. — Brutus. — Zaire. — Mérope. — Aizic).
11. Бернардень де-Сенъ-Пьеръ (Paul et Virginie).
12. Г-жа Сталь (Corine, ou l'Italie).
13. Шатобрианъ (Atala. — Renè. — Les aventures du dernier Abencerrage).
14. Беранже (Chansons).

(*) Вспомнимъ здѣсь замѣчаніе изъ литературной бесѣды (въ предисловіи и введеніи) объ общедоступности французскихъ писателей, которые повсюду читаются преимущественно, а въ Россіи — болѣе нежели писатели всѣхъ другихъ націй, ваятыхъ вмѣстѣ. (Dichterkanon, стр. 17).

15. Ламартинъ (*Meditations poetiques.*—Josselin).
16. Делавинъ (*L'école des vieillards.* — Louis XI).
17. Де-Виньи (*Cinq-Mars, ou une conjuration sous Louis XIII.*).
18. Викторъ Гюго (*Odes et Ballades.*—*Orientales.*—*Feuilles d'automne.*—*Rayons et ombres.*—*Chants des crepuscules.*—*Voix intérieures.*—*Hernani, ou l'honneur Castilien.*—*Notre Dame de Paris.*).
19. Жоржъ-Зандъ (*Jacques.*—*Consuelo.*—*La petite Fadette.*—*Molière.*—*Mariage de Victorine.*).
20. Ферри (*Le courrier des bois.*).
21. Луи-Раббо (*Jérôme Paturot à la recherche d'une position sociale.*).
22. Ожье (*Gabrielle.*—*Diane.*).

Прежде всего странно бросается здѣсь въ глаза имя *Бланшеста*, а между тѣмъ нѣтъ гораздо болѣе извѣстнаго въ томъ же родѣ *Скаррона*, перваго мужа мадамъ Ментенонъ, автора гораздо болѣе замѣчательнаго, нежели «*L'avocat Paturot*»—«*le Roman Comique*», «*le héros du genre burlesque*», какъ называетъ Лагарпъ (*). И вообще привычное зрѣніе во главѣ значительнѣйшихъ поэтовъ французскихъ ищетъ знаменитаго имени отца французской поэзіи и французскаго языка — *Малерб*.... Нѣтъ и *Жанъ-Баптиста Руссо* — славнаго лирика блистательнаго вѣка Людовика XIV... Нѣтъ и *Боало*, законодателя вкуса и искусства поэтическаго, не только въ французской, но во всѣхъ литературахъ того времени и далеко позже, даже до нашего, котораго, притомъ, сатирикъ представляетъ любопытную картину нравовъ столь любопытной эпохи... А *Шоле*—«*le premier des poètes négligés*», но остроумному выраженію Вольтера — этого прототипъ легкой поэзіи вообще и французской въ особенности!... Нечего уже говорить о *Парни*, котораго, впрочемъ, стихи, въ свое время такъ много и вездѣ читались, которому такъ много и повсюду подражали, нечего называть г-жу *Дезульери* или *Делилл*, образцовъ въ родѣ, хотя ложномъ въ основаніи, но имѣющихъ свое мѣсто въ исторіи искусства; нечего упоминать ни трагика *Кребиллона*, французскаго Эврипида, ни, извѣстнаго своими операми въ вѣкъ Людовика XIV, *Кано*—«*le créateur et le modèle d'un nouveau genre, de poésie dramatique*» (**), ни комиковъ *Мариво*, *Делуша*, *Гревеса*, которыхъ пьесы (и нѣкоторыя слишкомъ извѣстныя, какъ на примѣръ, «*Le philosophe marié*,» «*de Glorieux*,» «*Mechant*»), домы составляли

(*) *Lycée, ou cours de littérature ancienne et moderne*, Paris, 1834, T. 1. p. 433.

(**) *Idem*, p. 6, n. 8.

лучший репертуаръ французскаго и другихъ европейскихъ театровъ... Но странно, очень странно, не встрѣтить имени *Пиррона* — автора знаменитой «*Metromanie*»; а еще страннѣе не видѣть *Бомарше* — безсмертнаго творца никогда не умирающихъ «*Le Barbier de Seville*» и «*Noces de Frigaro*». Недостаетъ здѣсь и еще двухъ именъ, весьма замѣчательныхъ, каковы *Лашоссе*, авторъ множества прекрасныхъ пьесъ, которыми онъ ввелъ въ театръ французскій особенный родъ такъ называемой «смѣшанной комедии», и которыя въ продолженіи полувѣка имѣли огромный успѣхъ на французской сценѣ; равно какъ *Дидеротъ* — преобразователь французскаго театра, родоначальникъ новой драмы, которой онъ положилъ начало особенно созданнымъ родомъ, такъ называемой, «домашней трагедіи», и котораго важное вліяніе на нѣмецкій театръ не безызвѣстно автору. — При имени автора «*Телемака*» не лзя не вспомнить *Мармонтеля*, котораго «*Belisaire*» принадлежитъ къ той же категоріи, автора «*Les Incas*», «*Contes moreaux*» и «*Contes nouveaux*», а также *Флоріона*, котораго «*Gonsalve de Cordoue*» столь знаменитъ во французской литературѣ, сколько извѣстенъ въ другихъ. Когда говоришь о романистахъ, самъ собою приходитъ на мысль *Аббатъ Прево* съ его «*Manon Lescaut*», — которая, по справедливому замѣчанію современнаго критика (*), «*soutient à jamais son nom au dessus du flux des années, et le classe de pair, en lieu sûr, à côté de l'élite des écrivains et des inventeurs.*» Но что сказать, не находя *Жанъ-Жака Руссо*, автора «*Nouvelle Héloïse*», составлявшаго предметъ самаго искренняго восторга современниковъ и остающагося на всегда предметомъ достойнымъ изученія для потомства, не смотря на различіе націй, котораго краснорѣчивый авторъ исторіи литературы XVIII вѣка почтилъ этими верными словами: «*Si, parmi les écrivains illustres de ce siècle, il en est un qui ait eu une influence particulière, et qui ne se soit pas asservi à suivre le mouvement commun; c'est sans doute Rousseau qui a obtenu cet honneur.... Les autres sont parvenus à plaire, Rousseau a excité l'enthousiasme; et se qui honore à la fois l'écrivain et ses admirateurs, c'est qu'un tel succès est dû en partie à des opinions plus nobles, à un langage rempli de plus de force, d'enthousiasme et d'émotion (**).*» Не удивительно послѣ этого не встрѣтить именъ г-жъ *Лафаетъ* или *Жанлисъ* — столько же извѣстныхъ историческихъ, какъ и литературныхъ знаменитостей.

(*) Critiques et portraits littéraires par Sainte-Beuve. Bruxelles, 1837, t. II: p. 176.

(**) Tableau de la Littérature française au dix-huitième siècle par M. de Barante, Paris, 1849, p. 190—191.

Еще болѣе въправѣ претендовать на автора современная французская литература.—Такъ, продолжая рѣчь о романистахъ, напрасно станете искать *Сенанкура* съ его «Оберманомъ», или *Бень-Жампа Констанца* съ его «Адольфомъ»; но вы не находите — когоже? — *Бальзака*, о которомъ тотъ-же Сень-Бевъ очень мѣтко и очень мило замѣтилъ, говоря о его всеобщемъ вліяніи, что *d'Europe tout entière lui était comme un parc ou il n'avoit qu'à se promener pour y rencontrer des amis, des admirateurs, des hospitalités empressees et somptueuses*. (*) Не удостоились чести упоминанія болѣе нежели извѣстности нашихъ дней повсюду, гдѣ только читаются книги, каковы, на примѣръ, *Сю, Дюма*... О другихъ современныхъ французскихъ романистахъ и нувелистахъ, между которыми, однакожъ, такъ много талантовъ блистательныхъ, оригинальныхъ, и спрашивать нечего.... Изъ лирическихъ поэтовъ нѣтъ ни *Дезошье*, ни *Барбье*. Изъ драматическихъ писателей, съ изумленіемъ оглядываясь, вы не замѣчаете *Скриба*, и, послѣ этаго, вы уже не ищите ни *Мериме*, или *Альфреда де-Мюссе*, ни автора прекрасныхъ классическихъ анахронизмовъ *Понсара*.—Нечего уже говорить о пропускѣ значительныхъ произведеній у поименованныхъ писателей, какъ на примѣръ у Лафонтена «*Psychée*», у Вольтера «*Henriade*», у Шатобриана «*Martyres*», у Ламартина «*Harmonies poétiques et religieuses*», или такого выбора лучшихъ произведеній, какъ у *Жоржъ-Занда*, гдѣ нѣтъ—не говоря уже о «*Indiana*», «*Lelia*», «*Valentina*», — такихъ романовъ, какъ «*Hogase*», «*André*», «*Lucrezia Floriani*», «*Piccinino*», или такихъ повѣстей, какъ «*Teverino*», «*Marais au diable*», «*François de champi*» ...

Отъ содержанія разбираемой книги перейдемъ къ ея изложенью.—Выше было замѣчено о добросовѣстной тщательности автора, котораго изслѣдованія суть плоды непосредственнаго знакомства его съ своимъ предметомъ изъ самихъ источниковъ.—Жаль только, что и эта тщательность обнаруживается не вездѣ, и именно—неопредѣлительность, поверхность и неполнота изложенія слишкомъ неблагоприятно выказывается въ статьѣ о *Русской литературѣ*.

Неопредѣлительность статьи о русской литературѣ не требуетъ доказательствъ (**). Напримѣръ, нужно-ли указывать на этотъ понятный списокъ, въ видѣ прибавленія, начинающійся *Словомъ о полку Игоревѣ*, за которымъ слѣдуетъ *Ломоносовъ*, и въ которомъ *Державинъ*, *Фонъ-Визинъ*, *Карамзинъ*, *Жуковский*, *Грибоедовъ* помѣщены наравнѣ съ второстепенными литературными дѣйствителями и современными, еще только начинающими, писа-

(*) *Смѣeries de lundi par Saint-Beuve, Paris, 1851, t. 11. p. 426.*

(**) Мы исключили полный перевод ея, предложенный рецензентомъ. *Ред.*

телями, подъ странной фирмой предварительнаго примѣчанія (*)? Для кого нужно объяснять, что *Слово о полку Игоревѣ*, вмѣстѣ съ пѣснями и сказками, принадлежитъ къ памятникамъ народной поэзіи, заключающейся въ огромномъ пріуготовительномъ періодѣ нашей литературы до Петра 1-го? Кто не знаетъ непосредственно великаго поэтическаго достоинства «Слова о полку Игоревѣ», равно важнаго его историческаго значенія, какъ живой картины современной эпохи, проникнутой притомъ глубоко-патріотическимъ воодушевленіемъ? Кому неизвестны и непререкаемыя титла, усвоенныя Ломоносову—преобразователя языка, творца литературы во всѣхъ ея видахъ и перваго поэта въ формѣ *искусственной поэзіи*, имъ созданной? А Державинъ—герой-исполнѣтъ русской поэзіи?... А Карамзинъ и Жуковскій—два свѣтлыя имени, которыми гордится наше отечество какъ доблестнѣйшими своими сынами?... А Фюль-Визинъ, Грибѣдовъ—столь художественные живописцы современныхъ нравовъ и притомъ великіе комическіе писатели?... Для кого же нужно толковать достоинство и значеніе въ нашей литературѣ всѣхъ этихъ первостепенныхъ знаменитостей?...

Поверхностность характеристикъ трактованныхъ писателей—Крылова, Пушкина и Гоголя, также не менѣе очевидна. Впрочемъ, въ отношеніи Крылова и Гоголя, самъ авторъ предупреждаетъ, что произведенія ихъ столь народны, что могутъ быть понимаемы и цѣнены только коротко знакомыми съ русской жизнью. (**) Впрочемъ, вслѣдствіе этого пропущены капитальнѣйшія произведенія Гоголя, какъ напримѣръ: *Мертвѣя души*, *Ревизоръ*, *Игроки*, *Шинель*. Но въ произведеніяхъ Пушкина, пропущенныхъ авторомъ, (и произведеніяхъ наиболее зрѣлыхъ,) *исключительная національность* не могла быть причиною незнанія такихъ изъ нихъ, каковы — *Сцена изъ Фауста*, *Пиръ во время чумы*, *Моцартъ и Сальери*, *Скупой Рыцарь*, *Каменный гость*. Да притомъ авторъ могъ бы познако-

(*) Вотъ подлинныя слова этого примѣчанія по Нѣмецки: «Wen die russische Litteratur näher angeht, dessen Aufmerksamkeit werden ausser den erwähnten Dichtungen auch die hier nicht genannten Werke Puschkin's und Gogol's und dann vornehmlich noch folgende Dichter und Dichtungen in Anspruch nehmen dürfen...» (стр. 430.)

(**) Вотъ подлинныя слова о басняхъ Крылова «Ausserdem sind sie meist so volkstümlich, dass man das russische Leben genau kennen muss, um sie ganz zu verstehen und nach ihrem poetischen Werthe richtig zu beurtheilen» (стр. 424.). Почти тоже повторяется и по поводу сочиненій Гоголя: «Grosstentheils sind seine Schriften aber so national, dass sie wohl nur von denjenigen, die das russische Leben genau kennen, völlig verstanden und genossen werden können.» (стр. 429.)

ваться съ ними хоть посредствомъ статьи К. А. Варнгагена фонъ Энзе о сочиненіяхъ Пушкина, изданныхъ по смерти его, которая тогда же была помѣщена въ *Berliner Sahnbeher für Wochenschnatliche Kritik*, известной и русскимъ читателямъ, ибо она была переведена въ двухъ русскихъ журналахъ.... И какое сравненіе одушевленныхъ характеристикъ произведеній Пушкина въ этой статьѣ съ безцвѣтными и ничего не объясняющими изложеніями ихъ въ разбираемой книгѣ (*)

Еще рѣзче обнаруживаются въ этой статьѣ пропуски значительнѣйшихъ нашихъ писателей и ихъ произведеній. Назвавши *Богдановича*, необходимо было назвать при немъ *Хемницера* и *Аблесимова*, которые имѣютъ на это не менѣе, если не болѣе, права: ибо первый своими «Баснями», а второй своимъ «Мельничкомъ» гораздо болѣе, нежели Богдановичъ своею «Душенькой», были поэтами своеобразными и оригинальными.—Упомянувъ *Языкова* и *Биратынскаго*, можно ли забыть *Козлова*? А *Баронъ Дельвигъ*, *Князь Влоемскій*, *Комаровъ*? Изъ новѣйшихъ лирическихъ поэтовъ какъ не упомянуть о *Кольцовѣ*—талантъ столь же свѣжо-національномъ, сколько истинно-поэтическомъ?... Изъ современныхъ же удивительно не встрѣтить *Павлова*, странно, при имени *г-р. Сологуба*, не видѣть *князя Одоевскаго*, непонятно не найти *Далл*, *Кашку*, *Вельмана*.... Изъ писательницъ названа только одна *Евгенія Туръ*, начавшая писать очень недавно, а пропущена *графиня Ростовича*, которой «Стихотворенія» составляютъ давно уже украшеніе русской поэзіи; пропущена г-жа Павлова, поэтъ въ настоящемъ значеніи этого слова, умопавушій, впрочемъ, въ последнее время; не упомянуты также, не говоря уже о другихъ, ни *Гамъ*, ни *Жукова*, ни *Глинка*.... Изъ начинающихъ писателей обозначены *Островскій* и *Ивемскій*, а обоимъ *Меншиковъ*, котораго драматическіе этюды давно уже известны какъ истинно-художественныя произведенія. А сколько остается еще, кромѣ упомянутыхъ здѣсь, замѣчательныхъ талантовъ, отличившихся и отличающихся въ нашей литературѣ... Сколько пропущено достойныхъ произведеній и у поминоваемыхъ писателей!..

(*) Автору, вѣроятно, не безызвѣстно сочиненіе Кента: «*Literarische Bilder aus Russland*, 1837», а, можетъ быть, и недавно изданный немецкій переводъ книги, написанной въ Нью-Йоркѣ, подъ псевдонимомъ Тальви, г-жею Робинзонъ, урожденною Якоби, подъ заглавіемъ «*Uebersichtliches Handbuch einer Geschichte der Slavischen Sprache und Literatur, nebst einer Skizze ihrer Volkspoesie von Talvj, mit einer Vorrede von Edward Robinson, Deutsche Ausgabe, übertragen und bevorwortet von D. V. K. Brühl, Leipzig, 1852*», въ которомъ дано значительное мѣсто русской литературѣ и русской народной поэзіи.

Напримеръ, нельзя не замѣтить о пропускѣ такихъ значительныхъ произведеній, какъ «Басни» *Дмитріева*, которыми онъ, послѣ Хемницера, проложилъ дорогу Крылову, какъ романы *Лажечникова* «Последній Новикъ» и «Ледяной Домъ», или столь близко современныхъ намъ, какъ комедіи Тургенева «Холостякъ» и «Провинциалка», какъ лучшія произведенія *Григоревича* «Мать и дочь», «Святлое Христово воскресеніе», «Сабдовская долина» и проч....

Нѣтъ сомнѣнія, что статья о русской литературѣ въ настоящемъ ея видѣ для русскихъ *безполезна*, а для иностранцевъ не *удовлетворительна*: въ этомъ случаѣ равноправно въ правѣ претендовать на автора и мы, что литература русская представлена въ такомъ видѣ въ книгѣ, авторъ которой гражданинъ нашего отечества, и они, что не найдутъ ожидаемыхъ ими удовлетворительныхъ свидѣній о русской литературѣ въ книгѣ, изданной въ Россіи. Такому же нареканію подлежитъ и слѣдующая за статьей о литературѣ русской статья о литературѣ польской, ограниченная нѣсколькими строками объ одномъ только писателѣ. Трудно повѣрить, чтобы въ сочиненіи, напечатанномъ въ *Кіевѣ* и написанномъ профессоромъ *Кіевскаго университета*, о польской литературѣ сказано было слишкомъ мало.

Неужели автору «*Dichterkanon*» не извѣстенъ *Богданъ Залесскій* и его прелестныя поэтическія созданія «*Magya*», «*Zamek Kaniowski*», «*Koscielisko*», — которому общій голосъ соотечественниковъ даетъ столь блистательное мѣсто въ своей литературѣ: такъ, по свидѣтельству одного изъ новѣйшихъ историковъ польской литературы (*), «*Богданъ Залесскій* принадлежитъ къ наивнѣзнамѣннѣйшимъ лирическимъ поэтамъ, и своею прекрасною *Organa Mowa*, превышаетъ всѣхъ поэтовъ и пишущихъ прозой»; да и другой говорить (**): «онъ стоитъ, какъ правдивый повѣдатель прошедшихъ временъ Польской Украины, какъ поэтъ самобытнѣйшій, и какъ художникъ (мастеръ) языка, который онъ облекъ въ одежду чудной, незнакомой дотолѣ мелодіи». Не чего уже говорить о такихъ поэтахъ, каковы *Антоній Одвинецъ*, *Юлианъ Корсакъ*, *Александръ Ходзько*, которые, кромѣ оригинальныхъ своихъ произведеній, болѣе знамениты въ польской литературѣ какъ лучшіе переводчики одинъ Вальтера Скотта, Байрона, Мура, Шиллера, другой изъ восточныхъ языковъ, третій ново-греческой поэзіи. Но какъ не знать столь извѣстнаго драматурга и романиста польскаго, какъ *І. Корженевскій*, и его, кромѣ множества драмъ и комедій,

(*) *Historya, Literatura u krytyka Literatura Polsku w wznowieniu historycznem* Jana Majorkiewicza. Warszawa. 1850 стр. 335.

(**) *Historya Literatury Polskiej w Zarysach* K. Wł. Woycieckiego. Warszawa, 1846, т. VI, стр. 137.

такихъ произведеній, какъ «Karpaty Gorate», «Andrzej Batory», «Pani Kastelianaowa» и «Zydzi», или, кромѣ множества другихъ, такихъ его повстей и романовъ, какъ «Speculant», «Kollokacya», «Emeryt», «Wedrowki Originala», «Tadeucz Besimienny». Такой же современной известностью въ Польшу и въ Россію пользуется одинъ изъ плодотворнѣйшихъ польскихъ писателей нашего времени *И. Крашевскій*: изъ множества его повстей и романовъ довольно назвать болѣе известными, напримеръ: «Poeta i swiätb», «Cate zycie biedna», «Historya o bladzi dziwezynie z pod ostrej—Bramy», «Mistrz Twardowak», «Ostatnia z Kniezat Sluskich», «Wedrowki literackie, fantastyczne chistoryczne», «Utana», «Pod wtoskiem niebiem», «Pamietniki nieznanomego», «Budnik», «Stary Sluga» и проч. А *М. Грабовскій*, съ его «Stery i koliesczyzna»? Или знаменитый новѣйшій романистъ польскій *Ржеусскій*—авторъ «Pamietniki Slachica Litewskiego», «Listorael», «Adam Smigielcki Starosta Gniez—nieski», «Zamek Krakowski» и друг.

Послѣ сдѣланныхъ доселѣ частныхъ замѣчаній, остается взглянуть *вообще* на разбираемую книгу. Въ началѣ этого обзорнѣя замѣчено, что «Dichterkanon» — сочиненіе весьма интересное по своему предмету, весьма полезное по своей цѣли, весьма почтенное по труду, употребленному при его составленіи, и вообще отличается добросовѣстною тщательностью въ изслѣдованіи своего предмета до подробностей даже въ самомъ послѣднемъ современномъ развитіи: въ примѣръ пріятно указать на приведенные переводы Фирдуси и Гаѣца, или Гартунговы переводы Софокла и Еврипида, вышедшіе только въ 1851 году; на Берово сочиненіе о Дантовой поэмі, изданное въ 1852 году, на два американскіе романа — Гавторла «Домъ о семи шпихляхъ», и мисстрисъ Шове. «Хижина дяди Тома», который явился въ то время, какъ книга печаталась, и потому о немъ сказано въ особомъ дополненіи. Но при такой точности въ обработкѣ своего предмета, чему же можно приписать пропуски, — нечего говорить уже о *Римской поэзіи*, потому что недостающія въ ней значительныя имена принадлежать такъ называемой *эпохѣ упадка* литературы римской, — или же въ *Греческой поэзіи Анакреона*, котораго произведенія авторъ, въ качествѣ филолога, можетъ быть, заподозрѣваетъ въ подлинности, хотя это уже диаметрально противорѣчило бы съ эстетической точкой зрѣнія на поэзію, господствующую въ его книгѣ; — но какъ же объяснить, напримеръ, статью о *Еврейской поэзіи*, въ которой говорится только о *псалмахъ и книгѣ Іова*? Неужели авторъ не при-

знать поэтического достоинства во вдохновенныхъ измѣняющихъ души Царя-поэта *Соломона*, или же въ пророчествахъ пламеннаго *Исаи*, скорбнаго *Иереміи*, ясновидца *Иезекиила* и проч.? Поэзія эта, притомъ, столь близкая намъ и по своему религіозному значенію, требовала болѣе вниманія.—Изъ новѣйшихъ, нельзя пропустить поэзіи *Голландской* и поэзіи *Ново-Греческой*, изложенныхъ столь же недостаточно, какъ и поэзія Польская. Наконецъ, какимъ образомъ согласить классификацію поэтовъ, выборъ ихъ произведеній и опредѣленіе ихъ достоинства въ «*Dichterkanon*», отзывающагося слишкомъ личнымъ произволомъ автора, съ собственнымъ его убѣжденіемъ, выраженнымъ устами лица, подъ которымъ онъ изобразилъ себя въ предисловіи и введеніи, гдѣ именно, и совершенно справедливо, говорится, что въ сужденіяхъ о поэтахъ и поэтическихъ произведеніяхъ не должно основываться исключительно на своемъ мнѣніи, но, такъ сказать, прислушиваться къ общему голосу лучшихъ критиковъ о непосредственномъ достоинствѣ поэтовъ и ихъ произведеній; относительно же національнаго значенія поэтовъ и ихъ произведеній вѣрнѣе всего руководствоваться мнѣніемъ соотечественниковъ, ибо въ этотъ случай, лишь какъ исключеніе, иногда иноземецъ можетъ яснѣе видеть, нежели соотечественникъ. (*) Въ этомъ отношеніи пишущій эти строки правъ предъ авторомъ разбираемой книги, слѣдуя вездѣ его же правилу въ опредѣленіи значенія поэтовъ и достоинства ихъ произведеній.

Въ заключеніе, искренно желательно, чтобы настоящее изданіе «*Dichterkanon*» разошлось какъ можно скорѣе, и авторъ имѣлъ бы возможность приступить ко второму изданію своей книги—*исправленному и умноженному, притомъ по-русьски*, и въ такомъ

(*) Вотъ буквально это место: Vor allen Dingen muss man nicht selbst alles beurtheilen wollen, sondern darauf achten, wie von anderen über die Dichter und deren Werke geurtheilt werden; man muss die Stimmen sammeln. Wenn alle oder die meisten kritischen Werke darin übereinstimmen, dass irgend ein Dichter gross oder gering, bedeutender oder weniger bedeutend sei, als ein anderer, oder dass irgend eine Dichtung vorzüglicher oder weniger vorzüglich, als eine andere, sei, so wird man gewöhnlich auch nicht irren, wenn man es mit der herrschenden Ansicht hält. Hierbei ist es aber von Wichtigkeit, nicht bloss die Literaturgeschichte einer Nation zu Rathe zu ziehen, sondern die mehreren. Nur über den relativen Werth der Dichter einer und derselben Nation wird man vorzugsweise den Urtheile von deren Landsleuten Aufmerksamkeit schenken müssen. Denn wohl nur ausnahmsweise kommt es vor dass hier ein Ausländer schärfer sieht, als die Einheimischen: (стр. 21).

случае съ указаніемъ, не только немецкія переводовъ, но и переводовъ на другіе главнѣйшіе европейскіе языки, какъ-то: французскій и англійскій, а также и на русскій; теперешнее же предисловіе и введеніе, — очевидно предназначенное «для немногихъ», замѣнилъ бы положительнымъ объясненіемъ точки зрѣнія (standpunkt) на свой предметъ и его развитіе. ■ ■

ПРОТОКОЛЪ Стародубскаго Магистрата до записована справъ, или дѣлъ поточныхъ, т. е. текущихъ, нарокъ 1690. Первоначально помѣщенъ въ Черниг. Губерн. Вѣдомостяхъ, 1852 г.

Жизнь народа, какъ многостороннее цѣлое, требуетъ объемлющаго, всесторонняго позрѣнія, для полнаго своего пониманія. Съ другой стороны, какъ жизнь одного, цѣльнаго организма, она чувствуется въ каждой своей точкѣ и отражается въ каждой своей грани. И пѣсни и пословицы, и повѣрья и обряды, и пляски и игры, все носить на себѣ печать народа, его духа, мѣста и времени. Дѣло только въ бѣльшей или меньшей ясности и непосредственности того образа, который составляетъ себѣ наблюдатель о народѣ по этимъ яснымъ его жезни. Чтѣ до насъ, мы думаемъ, что изъ всѣхъ сторонъ, въ которыхъ живъ народъ, промѣляется, сторона юридическая есть самая живая, полная, непосредственная и ясная, и что знакомство съ юридическими памятниками, въ обширномъ ихъ знаніи, составляетъ средство самое верное къ познанію народа. Поэтому, мы не можемъ не привѣтствовать такихъ изданій, какъ напр. *Протокулъ*, не смотря на его кажущуюся, по заглавію, незначительность. Для убѣжденія въ томъ своихъ читателей, достаточно указать на нѣкоторыя статьи этого Протокола.

Не станемъ говорить о значеніи магистрата, въ означенное время, въ Стародубѣ и вообще въ Малороссіи. Скажемъ только о составѣ. Тутъ заседали, во имя Ихъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества, полковникъ Стародубскаго полка Михаилъ Маклашевскій; Войсковой товарищъ Даврентій Борзанъ... и войтъ, Спиридонъ Яковлевичъ Широй; иногда Самойла Ивановичъ, судья и Михайла Чарюлузскій, сотникъ Стародубскаго полка; сверхъ того, постоянно присутствовали здѣсь два речные, годовые бургомистра: Борисъ Карповичъ, который былъ въ то же время и судьей Стародубскаго войтовства, и Стефанъ Тимофьевичъ, да райцы, или ратманы, лавники, или заседали, и вси заплѣи отъ майстратъ. Передъ ними-то происходили словесныя объявленія, дѣла, жалобы.

и споры, которые, выслушавъ и порывиши, члены или урядъ приказывали записывать, про память, въ книги, веденныя очень исправно, какъ это видно изъ рассматриваемаго Протокола, изъ дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяць, ежегодно. Вотъ некоторые изъ дѣлъ, бывшихъ въ рассмотрѣніи у Стародубскаго магистрата, 1690 года.

Янв. 1. На магистратъ сталъ *очевисте*, лично, Дмитро Янченко, житель борзевскій, *яне, добровольне, при добромъ смыслѣ*, и объявилъ, что онъ, бывъ 1689 г. въ Стародубѣ, по торговымъ дѣламъ, останавливался у мѣщанина Черняченка. Въ то время напала на него какая-то особая *хороба*, болѣзнь, вслѣдствіе которой онъ, покинувши коня и сани у хозяина дома, побѣжалъ *на разныя непроходимыя мѣста*; но, когда Богъ избавилъ его отъ недуга, онъ воротился въ Стародубъ, и тутъ у прежняго своего хозяина Черняченка нашелъ *все свое убожество цѣлымъ и невредимымъ*. За что онъ благодарилъ хозяина, и теперь объявляетъ о томъ уряду: *что урядъ чуючи розказалъ, про память, записати, и есть записано*.

Того же янв. 1, въ магистратъ ставши, очевисте, Тимошко Матвѣевъ, изъ Озаровки, жаловался на Чернобай, который, во время его свадьбы, обязывалъ его неизвестно для чего, какою-то *портняжкою*, ниткою, и будто бы съ того часа онъ Тимошко не имѣетъ вотъ уже два года, никакого *зволкованя* съ своею женою. Между тѣмъ, Чернобай, снявши съ него портняжку, тогда же забросилъ ее, а теперь говорить, что онъ не можетъ безъ нея помочь горю.—Про память и это записано.

Январ. 2. Андрей Азаровичъ самъ добровольно признался, что онъ долженъ пану Яну Котляру десять копѣ и двѣ осьмачки жита, и не имѣя чѣмъ заплатить долгъ свой, предоставляет во владѣніе кредитору новый домъ свой въ Новомъ селѣ, въ опредѣленной смежности состоящій, срокомъ до Филипова заговня. А буде онъ того дома къ означенному сроку не выкупить, кредиторъ дѣлается хозяиномъ дома полнымъ. *Што, про память, урядъ казалъ записати*.

Янв. 15. Ставши очевисте панъ Еснѣъ Мартиновичъ, райца стародубовскій, и Петръ Радкевичъ, житель Стародуба, чинили въ магистратъ отповѣданье: бывши на одномъ званомъ пиру, *на учтѣ*, у Стевана бурмистра, райца и жена его подверглись оскорбленію словами отъ Петра и жены его, за что и были вознаграждены известною *угодною*, съ уговоромъ: ежели впоследствии, гдѣ бы-то ни случилось, на учтѣ или гуляньѣ, Петръ и жена его вновь нанесутъ какое оскорбленіе райцу или *малжонкѣ* его, то виновные подлежатъ штрафу, въ обезпеченіе чего положено въ войсковую шкатулку 200 золотыхъ. *Што, про память, въ книги записано*.

Янв. 16. Карпъ Вабашко, Стародубскій житель, разсердившись на Козьму Степановича, тамошняго мѣщанина, билъ его и уличалъ въ кражу какаго-то лѣсу, чего впрочемъ не доказалъ, и, по праву посполитому, въ томъ просилъ у обиженнаго прощенья, съ принятіемъ на себя обязательства — подвергнуться штрафу во 100 золотыхъ, если впредь позволить себѣ повторить клевету. — 100 золотыхъ внесено въ войсковую шкатулку, а условіе занесено въ книгу магистрата.

Февр. 1. Мартинъ Жученко объявилъ, что проживавшая у него челядка Оксюта, не дослуживши года, отошла къ матери, оставивши у него *отпловданта* свои пожитки. Впоследствии, челядка требовала своихъ вещей, а Жученко, *не заходячи въ большое право*, возвратилъ ей всѣ ея вещи въ мѣшкахъ, которые также ей принадлежали. Челядка, отнеся вещи къ матери, возвратилась на дворъ Жученка и побросала тутъ мѣшки свои. Предполагая, что это сдѣлано *не даромъ*, не спроста, Жученко принесъ мѣшки въ магистратъ, и просилъ все это записать, *що и одержалъ*.

Того же февр. 1. Карпъ Васильевичъ, погарскій мѣщанинъ, по ремеслу портной, доказывалъ въ магистратъ, что прежде бывший ученикъ его, теперь обыватель Стародуба, Василій Плоскуненко укралъ у него нѣсколько сотъ золотыхъ. Отправленные, для изслѣдованія дѣла, или *на инквизицію*, Ширай и Гарабурда не нашли, чтобы Плоскуненко могъ быть заподозрѣнъ въ дѣлѣ, и урядъ положилъ, по праву посполитому, дать обвиняемому очистительную присягу. Но когда обв стороны стали на мѣсть, гдѣ присяга производилась, то, опасаясь какаго-нибудь легкомыслія при такомъ великомъ дѣлѣ, судъ предложилъ сторонамъ — помириться, и онѣ помирились на условіи, впредь этого дѣла не затвѣать на прежнемъ основаніи, а когда явятся другія болѣе доказательныя улики, Карпъ можетъ ими воспользоваться и искать своего права. *Што до книгъ мѣськихъ записало.*

Февр. 6. Данило Микитинъ, житель Дохнова, жаловался на Сещена Школчина и Ониска Хоченко, стародубскихъ обывателей, въ томъ, что они, подпоивши родную ихъ тетку, купили у нея пошню за безцѣнокъ, а именно за два талера. Урядъ, находя, что тетка ведетъ жизнь легкомысленную — выходила за двухъ мужей, тратила имущество племянниковъ, приказалъ, чтобы она не имѣла права впредь отчуждать что-нибудь изъ своего имущества.

Февр. 11. Зачопа, пригласивши къ себѣ на виннищу, на винокурню, Гришку Шелюту, *наступалъ*, безъ всякой причины, на *учтавое* своего гостя, и оскорблялъ честь его. Урядъ, выслушавши

жалобу Шелюты, постановилъ, что если впредь Зачопа позволить себѣ оскорбить Шелюту, то истецъ будетъ имѣть право и *открытый форумъ* требовать съ виновнаго уплаты убытковъ и безчестья.

Февр. 15. Яковъ Сиденко, изъ Соловы, и Татьяна Савина, изъ хутора Приваловаго, чинили отповѣданье, что въ прошлый Фидриновъ постъ много покрадено было меду съ ихъ бортей, въ Спасчине. Теперь Кононъ Привальъ объявляетъ, что эту кражу у *жалующихъ* производили—сынъ его, *сознавающаго*, Ничипоръ, и зять Едакингъ; онъ на то ихъ не научалъ, да и закрывать не хочетъ. *О чемъ ку расправъ есть въ книжи записано.*

Апр. 26. Ставши *персонально*, панъ Ермолай Остаповичъ, райца стародубскій, *жалостно отповѣдался* и *со слезами* протестовалъ противъ Евсея Дойка, стародубскаго мещанина, въ томъ, что когда онъ, протестантъ, т. е. протестующій, прогуливался наканунѣ по одной площади, вмѣстѣ съ другими добрыми людьми, то Евсей, подпивши, и безъ всякой причины, напалъ на него, протестанта, и поносилъ его оскорбительными словами, *ажъ до самаго у чтиваго прирекаючи, и то изъ устъ своихъ вымолвилъ: ты прежде будешь въ... шлювати, нежели сможешь съ зацими мѣщанами конверсовати.* Протестантъ просилъ ту его протестацію до книгъ записать, *что и одержалъ.*

Мая 12. Иванъ Быховецъ, Потапъ Ивановичъ, сынъ его, и Михаилъ Антоновичъ, зять ихъ, ремесломъ сапожникъ, изъ Кричова, дали вѣдати уряду, что до сихъ поръ шла у нихъ размовка, по причинѣ слуха, что зять Михаилъ держитъ другую жену въ Кричовѣ. Оказалось однакожь, что слухъ *распушенъ изъ о артъ*, для шутокъ, челядиномъ Михаиломъ Ларкомъ, признавшимся въ томъ передъ магистратомъ. Вследствие чего стороны примиряются и обезпечиваютъ свою мировую внесениемъ въ войсковую шкатулку 100 злотыхъ.

Но довольно для знакомства съ содержаниемъ *Протокула*. Каждая его статья читается не безъ интереса; поговоримъ объ общемъ впечатлѣнии, которое онъ производитъ во внимательномъ читателѣ. Оставляя безъ разсмотрѣнія специальный юридическій вопросъ о томъ, какъ производились и рѣшались дѣла въ Стародубскомъ магистратѣ, въ концѣ XVII в., мы обратимъ свое внимание на самое свойство дѣлъ, подлежащихъ его рѣшенію, на ту жизнь города, которая отразилась въ *Протокулѣ* Стародубскаго Магистрата. Тутъ все любопытно въ высокой степени, и эта обидчивость стародубскихъ мѣщанъ, выравненная столько дѣлъ *о наступаніи на самое учинное*, какъ бы во свидѣтельство о порядочномъ развитіи ихъ личности; и эта казуистическая осторожность, которая заставляла ожидать или протестовать, въ магистратъ по всякому случаю, мог-

шему впоследствии содвѣаться судебнымъ дѣломъ, — осторожность, которая доказываетъ порядочную степень юридическаго быта; и это собственное признаніе въ долгахъ и въ проступкахъ, которое такъ часто встрѣчается въ дѣлахъ Протокола, и такъ ясно изображаетъ намъ моральное состояніе обывателей и дѣлопроизводителей; и это похвальное желаніе, по возможности, рѣшать дѣла мировыми сдѣлками, которыхъ мы находимъ довольно въ Протоколѣ; и эта достойная осторожность въ допущеніи обвиняемаго къ *юрamenti*, не смотря на право *посполитое*. Судъ о порчѣ такъ же замѣчательнъ, какъ и публичная благодарность, заносимая въ акты, за сбереженіе хозяйномъ имуществеа постояльца. На основаніи всего этого, мы думаемъ, что всѣ, читавшіе Протоколъ Магистрата Стародубскаго за 1690 годъ, сойдутся съ нами въ желаніи, чтобы изданіе Протоколовъ Старод. Магистрата было продолжено, и чтобы это изданіе вызвало подражаніе и въ другихъ мѣстахъ нашего отечества.

Благодарность редакціи Черниговскихъ Вѣдомостей.

В. ЛЕШКОВЪ.

Декаб. 22 1852.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДОСУГИ. С. Петербургъ. Въ типографіи Якова Трея. 1 ч., въ 12 д. л. стр. 229.

Помните ли вы, любезный читатель, тѣ добрыя старыя времена, когда у насъ выходило много книжекъ и книжечекъ подъ наивными заглавіями: «*Моихъ досуговъ*», «*И моихъ досуговъ*», «*Часовъ досуга*», «*Часовъ отдохновенія*», и другими тому подобными? Тогда на эти наивныя заглавія была мода и была по причинѣ: въ тѣ добрыя старыя времена каждому дѣловому челоѣку какъ-то совѣстно было сказать, что онъ занимается литературой, и особенно *стихотворствомъ*, какъ дѣломъ важнымъ, и каждому хотѣлось показать, что онъ пишетъ стихи такъ, шутя и играючи, въ *часы досуговъ*, въ *часы отдохновенія*. Говоря правду, это часто бывала мистификація явная, или, лучше сказать, мистификація горькая, потому что многимъ стихослагателямъ ихъ *досуги* выходили потомъ и кровью, ихъ *часы отдохновенія* были тяжкимъ трудомъ. Но выходя изъ кабинета, они отирали потъ съ лица своего, съ улыбкой говорили: «это я написалъ въ *часы досуга*, въ *часы отдохновенія*», — и ни одинъ *зоилъ* не смѣлъ критиковать автора, отзывающагося о своихъ литературныхъ трудахъ, какъ о дѣтской игрушкѣ!..

Мы никакъ не думаемъ, чтобы авторъ книги, которая теперь передъ нами, вздумалъ, въ настоящее время, повторить эту старинную мистификацію. Мы даже увѣрены, что заглавіе его книги вовсе не мис-

стификація, а чистая истина, т. е. что «Литературные Досуги» действительно писаны въ часы досуговъ, отъ нечего дѣлать; потому что нельзя же заниматься, какъ дѣломъ важнымъ, сочиненіемъ, наприм., такого стихотворенія:

ШАМУНИ.

(Воспоминаніе Іюня 1846 г.)

И Альпы, вижу я, крушатся въ прахъ!
 Сатурнъ грясетъ гранитъ на ихъ хребтахъ;
 Зима вотще ихъ стережетъ вершины.
 Что въ вѣчныхъ льдахъ, снѣгахъ, вамъ, исполнни!
 Ведутъ борьбу стихій противъ васъ, —
 Пробьете и вамъ послѣдній, Альпы, часъ!
 Не вѣкъ стоять и гордому Монблану,
 Могучему утесовъ великану!
 Разрушится, въ прахъ обратится онъ:
 Сбьгуть его останки въ бездну волнъ.
 Къ чему жъ въ горахъ льда, снѣга, вода громади,
 И бури, вихрь, обрывы, водопады?
 Здѣсь съ грохотомъ съ горъ гдмбы внизъ летать,
 Лавинамъ въ долахъ груды громоздить;
 Со всѣхъ сторонъ обломки соскользаютъ,
 А воды прахъ съ гранитныхъ скалъ смываютъ.
 Рейнъ, Рона, По, Дунай — сей прахъ влскуютъ,
 Материкамъ въ моряхъ свой бытъ даютъ.
 И сколько лѣтъ, какъ Альпы возродились,
 Изъ нѣдръ земныхъ граниты взгромоздились,
 Прощедъ чрезъ трещины коры земной,
 Изъ массы огненной бытъ взяли свой?
 И сколько лѣтъ Монбланъ отагощаютъ,
 Устройствомъ, видомъ дивнымъ изумляютъ
 Здѣсь рѣки, а тамъ море ледниковъ
 И толщи ослѣпительныхъ снѣговъ?
 Монбланъ и Альпы такъ живутъ вѣками,
 Какъ мы считаемъ жизнь свою часами:
 Для горъ, какъ мигъ, столѣтія прошли;
 Какъ мы, и Альпы гости на землѣ.
 Что вѣки всѣ во времени всевѣчному?
 Что и міръ въ пространствѣ безконечномъ?
 Такъ шаръ земной, какъ цѣлый міръ, живетъ:
 Здѣсь рушится, тамъ юность возстаеъ.
 Гдѣ прежде бушевали океаны,
 Теперь цвѣтутъ тамъ полной жизнью страны.
 И въ нихъ есть все для счастья людей,
 Все Богъ содержитъ въ благодати Своей!

Это стихотвореніе, какъ вы видите, въ родѣ громко-описательномъ. Вотъ другое, въ родѣ нѣжномъ, идиллическомъ:

Какъ я счастлива, довольна!
 Мнѣ чего жъ не достать?
 Знать я милостей достойна:
 Богъ мнѣ въ волю все дастъ.
 Какъ меня въ семействѣ любить,
 Больше всѣхъ отецъ и мать!
 И всему благому учать:
 Какъ мнѣ жить, чего желать.

И какая мнѣ забота?
 На лугахъ овецъ пасти;
 А подъ деревомъ работа —
 Изъ цвѣтовъ вѣнки плести.
 Слушаю я птичекъ пѣанье
 И свирли пастушковы;
 Шелестъ листьевъ, водъ паденье
 И журчанье ручейковъ;
 Божія дѣла читаю
 И на небѣ и средь горъ;
 И надъ всѣмъ я размышляю,
 Что мой поражаетъ взоръ.

Соберутся ли пастушки:
 Ахъ, какъ весело поемъ!
 Разойдутся ли подружки:
 Каждая сидитъ вдвоемъ.

Мы дружочковъ избираемъ:
 На примѣтъ есть всегда.
 Вслухъ и шопотомъ гадаемъ,
 Скоро ль наша череда?

Шутки, смѣхи, разговоры:
 Наслажденья ль перечестъ?
 Какъ намъ милы наши горы!
 Въ нихъ для счастья все есть.

Мы рѣзвимся на лугахъ —
 Бархатныхъ коврахъ съ цвѣтами;
 Въ зной, въ душистыхъ здѣсь лѣсахъ
 Нѣжнимся мы со стадами;

Скачемъ по горамъ, долинамъ;
 Тамъ зима, а здѣсь весна;
 Будто серны по стремниннамъ,
 Чрезъ потоки, гдѣ нѣтъ дна.

Тамъ снѣга и льды предъ нами:
 Смерть и старость въ нихъ живутъ,
 Здѣсь лѣса, луга съ цвѣтами:
 Жизнь и юность намъ даютъ.

Ледъ и снѣгъ насъ восхищаютъ;
 Сколько видимъ въ нихъ красоту!
 Солнце и луна лобзаютъ,
 Свѣтъ ихъ жизнь снѣгамъ дастъ.

Днемъ лучъ съ ледникомъ играе,
Отблескъ радужный его
Льды въ алмазы превращаетъ,
Будто чары отъ всего.

Въ свѣтъ западномъ, игривомъ,
Снѣжные верхи блестятъ,
Свѣтлорозовымъ отливомъ
Поцвѣлуй имъ шлетъ закатъ.

Ночь — въ звездахъ ли на вершинкахъ,
Чудны звезды, свѣтъ и льды!
Въ мракъ соловьи въ долинахъ,
Клокотаніе воды.

Вдругъ зари все накрываетъ
Лучезарной пеленой;
Вскорь, солнце выскользаетъ
Между небомъ и горой.

Равно къ Штаубаху мы ходимъ
Пыль кристальную смотреть;
Вблизи къ радугамъ подходимъ
Въ волнахъ пыли посидѣть.

Въ зной сидимъ, у водопада;
Съ шумомъ пьются вода,
Съ брызгами летитъ прохлада:
Здѣсь отрадно намъ всегда!

Ахъ, какъ облака и тучи
На горахъ рождаются вдругъ,
И какъ солнца свѣтъ могучій
Расцвѣчаетъ ихъ вокругъ!

Такъ же жизнью наслаждаюсь,
Если и гроза въ горахъ:
Громомъ, гуломъ утѣшаюсь,
Хоть наводятъ вихри страхъ.

Кто же грохота боится,
Если и гора трещить,
Комъ огромный снѣга мчится,
Все увосить, все можить!

Разъ я подъ скалою скривлюсь;
Вотъ комъ прыгнулъ черезъ насъ
Страшно буря разразилась;
Минлось намъ послѣдній часъ.

Днемъ — хорошая погода,
Прелестъ зелень и цвѣтки,
Радуетъ насъ вся природа
Птички, пчелки, мотыльки.

На зарѣ насъ манятъ воды,
Къ нимъ идемъ овецъ поить;
Вечеромъ же хоровади,
Какъ ихъ страстно не любить?

Что за диво пляски наших
 На лужках и при лунѣ!
 Пьемъ веселье съ полной чаши.
 Что же ночью снится мнѣ?
 Въ садикъ здѣсь засыпаю
 Между розъ и лилій я.
 Рано очи раскрываю
 При мелодии соловья.
 Какъ заря съ горъ снѣжинокъ *смотреть*,
 Богу—Богу я молюсь;
 Птичка молитвы вторить,
 Умиленью предаюсь.
 Мать, отецъ благословляютъ
 На всѣ добрыя дѣла;
 Овцы насъ, блея, встрѣчаютъ;
 На луга пора пришла.
 Съ луга смотримъ, какъ мужчины
 Пригаютъ по ледникамъ;
 Иль съ утесныя вершинны
 Низко кланяются намъ.
 Въ облакахъ вдругъ исчезаютъ;
 Слышны выстрѣлы одни;
 Отголоски возвыщаютъ,
 Что въ странахъ громовъ они.
 Если жъ игры молодежи,
 По суду даемъ вѣнки;
 Хоть мы съ бабочками схожи,
 Но межъ нами старики.
 Какъ придеть къ намъ воскресенью,
 Собираемся во храмъ;
 Чтобъ воздать благодаренье,
 Посвящаемъ день мольбамъ.
 Богъ для счастья все намъ *сдѣлалъ*,
 Счастье можемъ всѣ имѣть;
 Миръ, любовь намъ заповѣдалъ,
 Чтобы въ счастья намъ успѣть.

Всѣхъ стихотвореній въ «Литературныхъ Досугахъ» семьдесятъ два!... И чего-чего нѣтъ въ этихъ стихотвореніяхъ!... авторъ описываетъ въ нихъ города, горы и рѣки почти цѣлой Европы; различныя времена года и дня; птицъ, насекомыхъ, цвѣты; рассказываетъ старинныя легенды; поетъ солдатскія пѣсни; совершаетъ походы, сначала въ осеннюю погоду, потомъ зимой, и наконецъ снова въ осеннюю погоду; странствуетъ по сушѣ и по морямъ, сходитъ даже въ самыя недра земли, гдѣ видитъ «*ея утробы складъ*» и многія другія диковинки. Каждому стихотворенію «предшествуетъ—какъ говорится въ особомъ объявленіи объ этой книжкѣ—вступительный текстъ прозою.»

Вотъ вступительный текстъ, предшествующій вышеприведенному нами идиллическому стихотворенію «Молодая швейцарка»:

ГРЮНВАЛЬДЕНЬ.

«Вечерній праздникъ съ музыкою и плясками въ Швейцарскомъ селеніи Грюнвальдентъ, расположенномъ на холмистой долинѣ, которая съ одной стороны обставлена снѣговыми горами, съ утесами, скалами и между ними пропастью и щелями во льдахъ, съ разнообразными обширными ледниками фантастической красоты; съ другой стороны окаймлена цвѣтистыми лугами, рощами, зелеными, живописными холмами и пригорками; и перерезана вблизи горъ обширнымъ потокомъ съ многими каскадами. Отсюда, не далеко, вѣчно снѣговая гора Юнгфрау и водопадъ Штаубахъ: въ немъ потокъ воды низвергается съ вершины отвѣсной гранитной стѣны, вышиною въ 800 футовъ, и внизу превращается въ тонкую, влажную пыль, которая при утреннихъ, солнечныхъ лучахъ, представляетъ внизу нѣсколько прекрасныхъ радугъ, волнуемыхъ при легкомъ вѣтрѣ.

Вступительные тексты, указывая, въ какомъ мѣстѣ и по какому случаю написано каждое стихотвореніе, служатъ доказательствомъ способности автора импровизировать стихи на все, что только попадется ему на глаза, и во всякое время.... способность довольно рѣдкая!

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества. Составлена *А. Мартыновымъ*. Текстъ *И. М. Снегирева*. — Годъ пятый, — тетрадь 13-я.

Эта *тринадцатая* тетрадь заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи и при нихъ отлично литографированные пять рисунковъ, съ пятью планами: 1) *Церковь въ селѣ Медвѣдковѣ*, въ 7-ми верстахъ отъ Москвы. Оно, какъ увѣряетъ преданіе и надпись на колоколѣ, принадлежало прежде князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому, потомъ новгородскому намѣстнику и ближнему боярину князю Василію Васильевичу Голицыну; впоследствии перешло къ шталмейстеру Л. А. Нарышкину, а нынѣ принадлежитъ г. Бланку. Въ ризницѣ церковной сохранились древнія оловянные дароносицы, напрестольный оловянный крестъ и Евангеліе напрестольное московской печати 1681 года, съ прекрасными миниатюрами, кои, по преданію, произведены царевною Софіею Алексѣевною. На колоколѣ два небольшихъ колокола — прикладъ бывшаго владѣльца Медвѣдкова, князя В. В. Голицына. — 2) *Церковь въ селѣ Леоново*, близъ Троицкой дороги, въ $\frac{1}{2}$ верстѣ, на пути въ Медвѣдково. Леоново, нынѣ окруженное богатыми фабриками, некогда принадлежало князю Хованскому, а потомъ основателю ярославскаго лицея и благотворителю московскаго университета П. Г. Демидову, коимъ, по резолюціи митрополита Платона, леоновская церковь упразднена, и въ 1800 году ея утварь и алтарные иконостасы розданы по разнымъ церквамъ. — 3) *Церковь въ селѣ Тайнинскомѣ*, съ двумя видами ея — съ южной и западной сторонѣ. Тайнинское, въ 12 верстахъ отъ Москвы, также близъ Троицкой дороги, — достопамятно по своей древности (болѣе пяти столѣтій) и по своимъ историческимъ воспоминаніямъ. Прежде чрезъ это село, искони бывшее великокняжескимъ, шла дорога въ Троицкій Сергіевъ монастырь, и Государя русскіе, во время своихъ «походовъ» на богомолье въ Лавру, а также и по возвращеніи оттуда, заходили или заѣзжали въ Тайнинское на перепутье, а иногда и потѣшались въ немъ медвѣжьею и соколиною охотою. Въ немъ были дворцы Царя Алексѣя Михайловича и Императрицы Елисаветы Петровны; послѣдній, уже въ разрушеніи, сгорѣлъ въ двадцатыхъ

годахъ текущаго столѣтiя.—4) *Часовня близъ Переславля-Залесскаго*, въ 7-ми верстахъ отъ города, на Московскои дорожѣ. Преданiе говорить, что эта часовня сооружена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Царица Анастасiя Романовна, первая супруга Иоанна Грознаго, въ 1557 году, на пути изъ Троицкой Лавры въ Переславль-Залесскiй, разрышилась отъ бремени Царевичемъ Θεодоромъ, послѣднимъ потомкомъ Рюриковскаго поколѣнiя. — Кромѣ пяти рисунковъ церквей и часовни и столькихъ же къ нимъ плановъ, къ 13-й тетради приложенъ 4-й листъ «Очерка Исторiи зодчества въ Россiи», составленный *П. С. Максютинимъ*, гдѣ, между прочимъ, описано зданiе Кiево-Софiйскаго собора (заложеннаго въ 1016, а освященнаго въ 1037 году) въ историческомъ и архитектурномъ отношенiи. **ИВ. ДЖ.**

ИЗСЛѢДОВАНiЯ О СОСТОЯНiИ ПЕНЬКОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЪ РОССIИ. Изданы отъ Департамента Сельскаго Хозяйства Министрства Государственныхъ Имуществъ: С.-Петербургъ. Въ тип. Министрств. Государств. Имущ. 1852 года; въ 4 д. л., стран. VIII, 367.

Департаментъ Сельскаго Хозяйства много уже издалъ полезныхъ книгъ. Та, которая теперь передъ нами, безспорно принадлежитъ къ числу такихъ же и составляетъ довольно обширный и многосложный трудъ.

Вотъ цѣль, съ которой издана эта книга:

Посѣвъ конопли и приготовленiе изъ нея пеньки и масла составляютъ одну изъ важнѣйшихъ отраслей земледѣльческой промышленности, удовлетворяющую внутреннiя повсемѣстныя потребности народонаселенiя и приводящую въ движенiе значительныя капиталы во внѣшней торговлѣ.

Между тѣмъ, съ одной стороны, производители уже давно жаловались на упадокъ цѣны пеньки, а съ другой многiе хозяева высказывали свои мнѣнiя о томъ, что излишнiе посѣвы конопли истощаютъ удобрительныя средства, и тѣмъ самымъ усиливаютъ неурожай зерновыхъ и другихъ хозяйственныхъ растений.

Эти причины побудили Министра Государственныхъ Имуществъ, по сношенiю съ Министромъ Финансовъ, поручить особой Коммисiи изслѣдовать состоянiе пеньковой промышленности въ главныхъ центрахъ ея производства.

Вотъ общiй очеркъ ея содержанiя:

Коммисiя открыла свои дѣйствiя весною 1849 года, и въ теченiе лѣта посетила губернiи: Рязанскую, Тульскую, Калужскую, Орловскую, Смоленскую, Могилевскую, Черниговскую и Курскую.

По собраніи всѣхъ свѣденій, полученныхъ, на основаніи предварительно составленныхъ вопросовъ, какъ при личныхъ объясненіяхъ, такъ и въслѣдствіе письменныхъ сношеній, Коммисія составила отчетъ, при семь представляемый.

Отчетъ Коммисіи состоитъ изъ двухъ частей:

Первая есть систематическій сводъ всѣхъ показаній и мнѣній о земледѣльской и торговой частяхъ пеньковой и маслособойной промышленности.

Вторая часть содержитъ въ себѣ заключеніе Коммисіи по означеннымъ предметамъ, въ которомъ, на основаніи собранныхъ фактовъ, рассмотрѣны экономическія основанія пеньковой промышленности, вліянія ея на другія части земледѣлія и на бытъ самыхъ земледѣльцевъ, и указаны средства къ измѣненію сѣвооборотовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ усиленное производствo конопли разстроиваетъ хозяйство.

Къ обѣимъ частямъ слѣдуютъ особыя приложенія, содержащія въ себѣ чертежи маслособень, и тѣ изъ свѣденій, доставленныхъ нѣкоторыми хозяевами и окружными начальниками, которыя болѣе другихъ отличаются подробностію и положительностію.

Какъ изъ выводовъ Коммисіи, такъ и изъ свѣденій, доставленныхъ нѣкоторыми хозяевами, видно, что и воздѣлываніе и удобреніе земли подъ коноплю, и собственно обработка пеньки, въ разныхъ мѣстахъ Россіи, чрезвычайно разнообразны. Первое, т. е. разнообразіе въ обработкѣ земли и въ удобреніи, очень естественно, и даже иначе не можетъ быть, по различію почвы и мѣстности; но второе, т. е. разнообразіе въ обработкѣ пеньки, есть уже, къ сожалѣнію, слѣдствіе чистой небрежности и неумѣнья обращаться съ ней, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ посѣвы конопли входятъ преимущественно въ составъ однихъ крестьянскихъ хозяйствъ, и эти небрежность и неумѣнье господствуютъ у насъ не только въ тѣхъ уѣздахъ и губерніяхъ, въ которыхъ конопля сѣется для одного домашняго обихода, но и въ большой части тѣхъ, гдѣ она составляетъ отрасль торговой промышленности. Самая наша внутренняя торговля пенькой тоже еще въ чистомъ младенчествѣ: по большой части она производится нашими крестьянами точно такъ же, какъ торговля медомъ, жалче которой ужъ ничего не можетъ быть. И въ томъ и въ другомъ случаѣ кулаки, или комиссіонеры оптовыхъ торговцевъ, ѣздятъ по деревнямъ, и покупая на мѣстѣ товаръ у крестьянъ, обмѣриваютъ, обвѣшиваютъ, общивываютъ ихъ, при чемъ, разумется, сильнымъ вспомогательнымъ средствомъ служить вино.

Книга, разсматриваемая, теперь нами, указывая на всю невнимательность и небрежность, съ какими сѣется, собирается и отдѣливается

Большая часть нашей конопли и пеньки, указываетъ съ тѣмъ вмѣстѣ и улучшенные способы всего этого процесса; а также указываетъ и разные сѣвообороты, способствующе лучшимъ урожаямъ конопли и предохраняюще землю отъ того сильнаго истощенія, которому неминуемо подвергается ее это растеніе. Сѣвообороты, разумѣется, не могутъ быть приняты повсемѣстно одинаковыя, но, по крайней мѣрѣ, тѣ, которые приведены здѣсь, по наблюденіямъ опытныхъ хозяевъ, могутъ послужить для другихъ примѣромъ и указаніемъ, и повести къ дальнѣйшимъ и еще больше точнѣйшимъ наблюденіямъ. Вся книга есть ничто иное, какъ рядъ вопросовъ, еще далеко не рѣшенныхъ; она не рѣшаетъ даже самаго главнаго вопроса, составляющаго самую цель ея изданія, вопроса о томъ: выгодно ли сѣять коноплю, въ сравненіи съ другими хлебами? Вопроса этого нельзя и разрѣшить вообще, потому что выгода и невыгода посѣва конопли зависятъ тоже отъ различія мѣстныхъ обстоятельствъ, но, по крайней мѣрѣ, многочисленные факты, собранные въ этой книгѣ, служатъ данными для опредѣленія того, гдѣ болѣе выгодно сѣять ее, и указываютъ на рациональный способъ ея производства, вмѣсто прежнихъ, совершенно безотчетныхъ способовъ.

Хозяевамъ тѣхъ губерній, гдѣ конопля сѣется въ большомъ количествѣ и составляетъ главнѣйшій источникъ доходовъ, эта книга можетъ принести огромную пользу. — Примѣры сѣвооборотовъ и улучшенныхъ способовъ обработки пеньки — уже указаны; стоитъ только приложить ихъ къ дѣлу, стоитъ только приложить къ нимъ нѣсколько собственной наблюдательности — и результатомъ непременно будетъ, прежде всего, выгода личная, а потомъ, когда и эти новыя наблюденія будутъ постепенно дѣлаться извѣстными, — выгода общая. Это-то и есть главная цель, съ которой изданы Департаментомъ Сельскаго Хозяйства его «Изслѣдованія».

А какъ благотворно подѣйствуетъ на крестьянъ примѣръ помещиковъ! Наши крестьяне вовсе не враги нововведеній, какъ многіе считаютъ ихъ. Напротивъ, они сами готовы хвататься за все полезное, хотя бы оно было и ново, только прежде имъ надобно совершенно убѣдиться, что это новое дѣйствительно полезно. Мы сами видимъ, съ какой охотой принимаютъ они употребленіе некоторыхъ улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій; видимъ, какъ приходили крестьяне изъ сосѣднихъ деревень, чтобы посмотреть и сдѣлать для себя какой-нибудь катокъ или другое подобное тому орудіе, пользу котораго они рѣшительно признали. Укажите же имъ улучшенный способъ сбора и отдѣлки пеньки, потомъ докажите самыми фактами, что этотъ способъ дѣйствительно лучше, и, самое главное, доставить имъ больше выгоды, — и поверьте, что они и скоро и охотно

примутъ нововведеніе: Англичане и Нѣмцы любятъ сами добираться до всего, но русскій человѣкъ (разумѣется, съ исключеніями и въ большинствѣ массы своей) пока еще любитъ примѣры. «Отчего ты такъ не дѣлаешь?» спрашиваютъ его; такъ лучше. — А Богъ знаетъ, говоритъ онъ, можетъ и лучше, да ужъ какъ люди, такъ и мы. — Эта склонность идти по старой рутинѣ принадлежитъ не только нашему низшему классу, но и всѣмъ намъ вообще, и сколько сельскихъ хозяйствъ нашихъ остаются въ этой рутинѣ отъ того только, что «за приѣмомъ дѣло стало!»

«Исслѣдованія о пеньковой промышленности» могутъ дать очень полезный толчекъ тому застою, въ которомъ остается она у насъ въ продолженіи слишкомъ долгаго времени. Въ историческихъ свѣдѣніяхъ о ней, собранныхъ въ той же книгѣ, есть указъ Петра Великаго, изъ котораго видно, какъ этотъ великій хозяинъ еще въ то время заботился объ увеличеніи посѣвовъ конопли.

Вотъ что, между прочимъ, сказано въ этомъ указѣ:

«Для того (т. е. для размноженія пеньковаго и льнянаго промысла) приготовили бы землю и прибавили сѣву на всякій годъ, на примѣръ, кто сѣялъ четверть, тотъ прибавилъ бы четверикъ, а ежели возможно и больше, а гдѣ тому необыкновенны, какъ ленъ и пеньку учреждать, дабы обучали крестьянъ; и о томъ объявить въ народѣ, что оный прибавокъ сѣву повелѣно имѣть для всенародной пользы и имъ поживленія».

Любопытны также указы Императрицъ Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны, изданные по поводу дурной обработки пеньки, которая еще съ начала XVII столѣтія составляла, вмѣстѣ со льномъ, одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ нашей отпускнуой торговли. Въ указѣ Анны Іоанновны (1735 г.) сказано: «пеньку во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ родится, жать, а не съ корнемъ изъ земли вынимать, а ежели жать не похотятъ, тѣ бѣ, вынимая изъ земли, коренья или лапки отрубали или отрезывали».

Изъ указа Императрицы Елисаветы Петровны (1761 г.) видно, что особенное нерадіе въ воздѣлываніи конопли замѣчено было въ Воронежской губерніи, Тамбовской, Шатской и вообще въ восточныхъ провинціяхъ, отъ чего и получаемая изъ этихъ мѣстъ пенька почиталась негодною: «а происходитъ это потому, что ее не мочатъ въ ту же осень, какъ съ коноплянниковъ собираютъ, а отъ лѣности подъ снѣгомъ покидаютъ, и уже въ другое лѣто изъ переломовъ коноплю мочатъ, и называютъ оную пеньку въ тѣхъ мѣстахъ вешнякъ, отъ чего она бываетъ пухла и гнила».

Наконецъ, въ царствованіе Императрицы Екатерины II, имен-

нымъ указомъ подтверждено было объ исполненіи всѣхъ прежнихъ постановленій о пеньковой промышленности.

Но не въ одномъ этомъ отношеніи пенька доставляла заботы правительству: сколько было хлопотъ о распространеніи ея сбыта за границу, сколько разъ по этому случаю измѣнялись на нее пошлины, перемѣнялись мѣста и таможенныхъ и отпускныхъ пунктовъ и наконецъ постановленія о сортировщикахъ и самые сортировщики нѣсколько разъ обвиняемые и даже уличаемые въ злоупотребленіяхъ, которыхъ отвратить почти было не возможно.... И не смотря на всѣ эти заботы правительства, не смотря на то, что съ изданія указа Императрицы Анны Іоанновны, въ которомъ уже были показаны правила, какъ брать пеньку, прошло слишкомъ сто лѣтъ, ее у насъ и до сихъ поръ, по большей части, выдергиваютъ съ корнями, и *корней* или *лапокъ* не обрѣзываютъ! Конечно, съ того времени производство пеньки въ Россіи далеко ушло впередъ въ своемъ количествѣ, но очень не далеко въ качествѣ. Не смотря на примѣры нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ хозяевъ, принявшихъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ бельгійскій способъ обработыванія пеньки, способъ этотъ распространяется мало и медленно отъ того именно, что такихъ примѣровъ еще не много, между тѣмъ какъ насъ могутъ только подстрекнуть примѣры къ намъ близкіе, такъ сказать, очевидные.

Къ книгѣ, кромѣ тѣхъ приложений, о которыхъ упомянуто въ вышеприведенномъ нами краткомъ очеркѣ ея содержанія, приложены еще: карты тѣхъ губерній Россіи, въ которыхъ исключительно сѣется конопля; *свидѣнія о вывозѣ изъ Россіи пеньки, ея произведеній и коноплянаго сѣмени, и цѣнахъ на нихъ, съ 1829 по 1850 годъ*, показанныя въ таблицахъ, и, кромѣ чертежей маслосеенъ, подробные чертежи: 1) мѣлницы, предложенной г. Лобидинымъ, и помѣщенной имъ въ Землед. Газет. 1836 г., и 2) машины, изобрѣтенной Куте, съ улучшеніями барона Дальвица, для мѣтѣя льна.

НОВЫЯ РУССКІЯ ПОГОВОРКИ И ПРИСКАЗКИ. Москва. Въ тип. Н. Семена, 1852. Въ 16 д. л., стр. 68.

Чѣмъ больше удаленъ какой-нибудь народъ отъ другихъ народовъ, чѣмъ рѣже его національность встрѣчается съ чужой національностью, тѣмъ самобытнѣе его жизнь, нравы, языкъ. Въ эту-то эпоху отдѣльной жизни народа и создаются преимущественно тѣ пѣсни, тѣ сказки, тѣ пословицы и поговорки, въ которыхъ выражаются весь его, такъ сказать, природный характеръ, весь его умъ, и его чувства. Впоследствии, каждая національность, отъ сближенія съ другими народами, уже нѣсколько терять свой оригинальный типъ; образованность сглаживаетъ всѣ ея шероховатости, все

угловатости, и подводить ихъ подъ одинъ общій уровень. Въ языкъ народа вкрадываются слова другаго языка, въ музыку модуляція, создавшіяся подъ чужимъ небомъ, въ умъ искры чужаго ума; отголоски первобытной народности, даже въ самыхъ низшихъ слояхъ общества, слышатся все рѣже и рѣже, но между тѣмъ вовсе они никогда не замолкаютъ. Народныя сказки ужъ не создаются больше, потому, что время сказокъ для народа прошло, но народная пѣсенка все еще, отъ времени до времени, раздастся кое-гдѣ въ глуши, народный умъ все еще, нѣтъ-нѣтъ, да выскажется въ какой-нибудь оригинальной поговорочкѣ. Прослѣдить внимательно за этими проявленіями народнаго ума и народнаго чувства, прислушаться къ нимъ, собрать ихъ, и сличить эти новѣйшія народныя пѣсни и поговорки съ старинными, было бы величайшей заслугой, и еще большую заслугу оказалъ бы тотъ, кто сумѣлъ бы опредѣлить ихъ хронологическій порядокъ, и такимъ образомъ показать, какъ въ ясномъ зеркалѣ, всю постепенность измѣненій въ языкъ народа, въ его образъ мыслей и чувствъ. Отъ книжки, которая теперь передъ нами, мы не могли ни ожидать, ни требовать всего того, о чемъ сейчасъ сказали, ни по формату ея, ни по самому заглавію; но мы, по крайней мѣрѣ, ожидали найдти въ ней новый матеріалъ для подобнаго труда, добавленіе къ тому, что уже сдѣлано по этой части собирателями русскіихъ народныхъ пѣсенъ и русскіихъ пословицъ. Съ любопытствомъ, съ благодарностью къ издателю за трудъ его, и даже съ вопросомъ самимъ себѣ: да гдѣ же могъ издатель подслушать столько новыхъ русскіихъ поговорокъ и присказокъ, когда теперь народныя поговорки и присказки сдѣлались такъ рѣдки? — раскрыли мы его книгу, и.... вотъ что нашли въ ней:

Времечко идеть, идеть,
 Оглянуться не дасть:
 Такъ работай, не зъвай,
 Нищимъ грошикъ подавай:
 Здѣсь не будешь безъ куска.
 Тамъ не смучаетъ тоска.

Или:

Въ морѣ много воды,
 Такъ и въ мірѣ бѣды:
 Кто по морю плыветь,
 Не сердись на волну;
 Кто же въ мірѣ живеть,
 Не гивнись на бѣду.

Что народъ нашъ любилъ и любить высказывать иногда, свои пословицы, поговорки и присказки рифмами,—это дѣло извѣстное по тобъ онъ высказывалъ ихъ цѣлыми тирадами стиховъ хоренческаго и анапестическаго размѣровъ, этого мы до сихъ поръ не

знали. Неужели въ школѣ времени онъ успѣлъ пройти весь курсъ, такъ называемой, риторической поэзіи? Жаль, если это дѣйстви-тельно такъ; жаль, если и онъ перешелъ отъ *натуральной* школы своей къ школѣ *риторической*, и промѣнялъ старинный ритмъ своихъ поговорокъ на плохія вирши, въ родѣ тѣхъ, какими писывались во времена Ломоносова и Тредьяковскаго различныя нравственныя поученія. Вслушайтесь, на примѣръ, хоть вотъ въ эти поговорки, проскакивающія въ той же книжечкѣ, но къ сожалѣнію очень рѣдко:

Не надѣйся смѣть на батькины деньги,

Береги свой гулупъ да кешки.

Выбрай невѣсту не въ хоровахъ,

А въ огороде:

Не всякая, что хвостомъ машеть,

Заговъ папешеть.

На чужую жену не заглядывайся,

На чужой обѣдъ не поваживайся:

Отъ нахальнаго гостя не весели сказы,

Подъ часъ подадутъ и салазки.

Эти поговорки хотя и не совсѣмъ новы, но по крайней мѣрѣ складъ ихъ чисто народный, и какъ-то дико ихъ видѣть рядомъ съ теми *стишками*, которые привели мы выше, и еще болѣе съ слѣдующими, которые гораздо приличнѣе было бы пропѣть въ какомъ-нибудь водевилѣ, чѣмъ вставить въ собраніе поговорокъ и присказокъ:

Кто трудится—

Веселится;

Кто лѣнится—

Бѣленился.

Безъ алтына, безъ гроша,

Эта жизнь не хороша.

А вотъ послушайте еще арію:

Повсюду въ міръ смѣсь:

И ночь и день,

И трудъ и лѣнь,

И счастье съ горемъ здѣсь.

Гдѣжъ жизнь счастливая одна?

Гдѣ радость, миръ и тишина?

Прибавьте къ-этому куплету хоть такой припѣвъ: увы! увы! увы!— и его цѣликомъ можно вставить въ либретто какой-нибудь оперы.

Повторимъ еще, что въ «Русскихъ поговоркахъ и присказкахъ» чистыхъ русскихъ поговорокъ и присказокъ очень мало, да и изъ этого малаго числа нѣкоторыя искажены или приставкою къ нимъ вовсе не поговорочныхъ стиховъ, или стараніемъ подвести ихъ подъ правильный стихотворный метръ. Посоветуемъ собирателю «Поговорокъ и присказокъ» быть поосмотрительнѣе въ выборѣ ихъ, и, самое главное, не прибавлять къ нимъ ничего собственнаго.

БАБУШКИНЫ УРОКИ, ИЛИ РУССКАЯ ИСТОРИЯ въ разговорахъ для маленькихъ дѣтей, соч. А. Ишминовой. Выпускъ 1. С.-П. 1852 года. Въ 8 д. л., стр. 232.

ЛЮТО ВЪ ЦАРСКОМЪ СЛѢДѢ. Разказы для дѣтей, составленные М. П...ой. С.-П. 1852 года. Въ 8 д. л., стр. 190.

Рѣдко выходятъ у насъ такія полезныя, такія умныя и даже такъ хорошо изданныя дѣтскія книги, какъ эти двѣ, о которыхъ мы хотимъ говорить.

Въ Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ, неизвѣстно только въ какой именно лини, живетъ бабушка предобрая и преумная. Она очень похожа, если вы помните, на ту г-жу, кажется, *Доброправову*, уроки которой читали мы некогда въ «Дѣтскомъ Училищѣ». Къ г-жѣ *Доброправовой* приходать послушать ея разказовъ двѣицы съ разнохарактерными именами, какъ-то: двѣица *Благоразумова*, двѣица *Остроумова*, двѣица *Благоправова*, двѣица *Злоправова*, и т. д. Около бабушки собираются ея внучки: Соня, Саша, Евгений и Викторъ, изъ которыхъ самой старшей не болве девяти лѣтъ, и умная бабушка, или, точнѣе, сама г-жа Ишминова, устами бабушки, разказываетъ имъ главнѣйшія событія русской исторіи, а съ тѣмъ вмѣствѣ сообщаетъ и нѣкоторыя другія полезныя свѣденія, прибавляя къ нимъ, очень кстати, и приличныя нравственныя наставленія.

Умнѣе г-жи Ишминовой разказывать исторію и вообще говорить съ дѣтьми—всѣмъ извѣстно, слѣдовательно повторять извѣстное было бы лишнимъ. Скажемъ только, что въ этомъ первомъ выпускѣ «Бабушкиныхъ Уроковъ» заключается періодъ русской исторіи отъ происхожденія Славянскаго племени (въ чемъ г-жа Ишминова, замѣтимъ мимоходомъ, принимаетъ мнѣніе тѣхъ историковъ, которые производять его отъ *славы*, а не отъ *слова*) до нашествія Татаръ, послѣ смерти Мстислава Удалаго.

Бабушка такъ добра, что, въ добавокъ къ своимъ урокамъ, показываетъ еще внучкамъ и историческія картинки, которыя она попросила для нихъ нарисовать одного своего знакомаго, большаго любителя рисованія, дѣтей и русской исторіи, и которыя г-жа Ишминова прилагаетъ и къ своей книжкѣ. Всѣхъ картинокъ семь. *Первая* изображаетъ Рюрика, Синава и Трувора, и Славянъ, прослѣившихъ себѣ государей у варяжскихъ князей; *вторая*—Игоря, встрѣтившагося на охотѣ съ Ольгой; *третья*—Святослава при Доростолѣ; *четвертая*—крещеніе русскаго народа; *пятая*—Владимира Мономаха; *шестая*—нѣмецкихъ рыцарей и Литовцевъ, и *седьмая*—постриги. Картинки очень порядочно литографированы, по крайней мѣрѣ, въ

сравненія съ другими литографіями, по большей части появляющимися у насъ, и, что самое главное для дѣтей, раскрытены.

«Лѣто въ Царскомъ Селѣ» составлено въ той же самой формѣ, какъ «Бабушкины Уроки». Тамъ добрая и умная бабушка, здѣсь добрые и милые папенька и маменька. Тамъ внуки, здѣсь сынки и дочки, которымъ папенька и маменька, попеременно, рассказываютъ: то устройство паровозовъ и исторію открытія силы паровъ, то сказку объ Ильѣ Муромцѣ, то біографію Рубенса, то естественную исторію, и т. д. Вся эти рассказы, точно также, какъ и въ «Бабушкиныхъ Урокахъ», прерываются рассказами самаго автора о прогулкахъ по Царскому Селу, о забавахъ, занятіяхъ и нравственныхъ качествахъ тѣхъ самыхъ дѣтей, съ которыми разговариваютъ маменька и папенька.

Къ книжкѣ также приложено нѣсколько хорошенькихъ, раскрашенныхъ картинокъ.

Форма обѣихъ этѣхъ дѣтскихъ книгъ, какъ видятъ читатели, не новая, но, не смотря на то, она, по нашему мнѣнію, для дѣтей—самая лучшая. Пыльное дѣтское воображеніе тотчасъ представитъ имъ въ живыхъ образахъ и бабушку, и папеньку, и маменьку, и маленькихъ сверстниковъ, дѣйствующихъ въ книжкѣ. Эти сверстники, не смотря на то, что они сверстники фантастическіе, всегда возбуждаютъ въ дѣтяхъ соревнованіе, и эти живые образы отнимаютъ у уроковъ ту сухость, которой дѣти страдаютъ больше всего. Рекомендуемъ нашимъ читателямъ эти двѣ прекрасныя дѣтскія книги.

УКАЗАТЕЛЬ СЕЛЕНІЙ И ЖИТЕЛЕЙ УЕЗДОВЪ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. Составленъ К. Нистремомъ. М. 1852 г., въ 16 д., болѣе 1000 с.

Появленіе такой книги, какъ «Указатель селеній и жителей уездовъ Московской губерніи», мы относимъ къ явленіямъ очень замѣчательнымъ. Она наводитъ каждого на думу: сколь многого у насъ еще недостаетъ, и для сколькихъ еще дѣтелей предстоитъ обширный трудъ въ разработкѣ даже отдѣльныхъ монографій. Москва—первая даетъ такую монографію, и она первая же порадуется и радушно встрѣтитъ подобную изъ другихъ губерній. Имѣй мы такія книги по всемъ губерніямъ имперіи—и Россія имѣла бы свою полную географію, статистику и топографію,—и мы знали бы Русь болѣе отчетливо, до мелкихъ подробностей—сель, деревень и усадебъ.

Но гдѣ, въ какой книгѣ мы найдемъ искомое нами селеніе, и куда обратимся за справками? Вероятно, многіе намъ отвѣтятъ: «къ Щекатову и Максимовичу,—въ ихъ Географическій Словарь...» Но ихъ Словарь, въ этомъ случаѣ, дастъ намъ едва ли болѣе одного процента на сто... Вотъ, наврѣмъ, тецерь передъ нами книга: «Указатель селеній и жителей уездовъ Московской губерніи.»

Составитель его, г. Нистремъ, въ своемъ предисловіи говоритъ, что «сель, деревень и усадебъ въ Московской губерніи 5,567.» (По нашему же счету, который, впрочемъ, мы не выдаемъ за безошибочный, насчитывается ихъ больше.) Принимая цифру г. Нистрема за положительную вѣрную, мы желали бы пройтись по страницамъ семи-томнаго «Географическаго Словаря» Щекатова и Максимовича,—но наши попытки останутся тщетными: мы, на-вѣрное, не найдемъ и одной пятидесятой доли селеній по Московской губерніи. Конечно, словарь Щекатова доживаетъ до полустолѣтія и имѣетъ много своихъ неотъемлемыхъ достоинствъ,—но все-таки въ это непродолжительное время не могла же. Московская губернія такъ густо заселиться. Следовательно—въ «Словарь» огромные пропуски. А какой трудъ выбрать изъ 7-ми томовъ «Словаря» даже и тѣ селенія Московской губерніи, какія тамъ означены!.

Смотря съ этой стороны на «Указатель» г. Нистрема, мы не можемъ не отдать полной справедливости и уваженія какъ мысли, такъ и труду, кому мы этимъ обязаны.

Г. Московскій Гражданскій Губернаторъ, И. В. Капнисть, давно видя совершенную необходимость въ изданіи «Указателя селеній и жителей уездовъ Московской губерніи,» съ радушіемъ и готовностію доставилъ г. Нистрему всѣ необходимыя officialныя средства и пособія со стороны мѣстнаго начальства для изданія «Указателя.» И вотъ—передъ нами книга, по документальнымъ свѣденіямъ составленная; въ ея достоверности, необходимости и пользы нельзя и сомнѣваться.

Кромѣ двухъ основныхъ своихъ предметовъ: передачи собственныхъ именъ всѣхъ селеній (нерѣдко имѣющихъ двойныя и даже тройныя именованія) и жителей въ уездахъ, а также адресовъ начальниковъ и должностныхъ лицъ уездныхъ управленій по Московской губерніи, «Указатель» передаетъ намъ множество разнообразныхъ для статистики, географіи и топографіи (и частію исторіи), свѣденій и адресовъ: имена владельцевъ сель и деревень, число душъ, разстояніе селеній отъ столицы и уезднаго города, и по какой онѣ дорогѣ; какія, гдѣ и кому принадлежать фабрики и заводы, и какое на нихъ производство; когда и гдѣ бывають ярмарки; показано время основанія каждаго уезднаго города и замѣчательныя въ нихъ и нѣкоторыхъ селеніяхъ событія; гербы каждаго изъ уездовъ; жители, постоянно проживающіе въ селеніяхъ по уездамъ; списокъ числа душъ по 9-й народной переписи въ селеніяхъ Московскаго уезда и проч. и проч. Въ облегченіе же скорости справки, къ «Указателю» приложены общіе алфавиты: гг. помѣщиковъ и помѣщицъ; лицъ служащихъ, неслужащихъ, и купечества; фабрикантовъ и заводчиковъ, съ ихъ произведеніями и издѣліями на фабрикахъ и заводахъ—во всѣхъ

уездах Московской губернии. Такъ разнообразно, полно и полезно содержаніе «Указателя!»

Мы не станемъ останавливаться въ «Указателѣ» на части исторической, какъ самой слабѣйшей и самой неудовлетворительной, да притомъ намъ и не обещанной; даже пройдемъ молчаніемъ и адреса лицъ должностныхъ и начальствующихъ по уездамъ, адреса— во время печатанія книги во многихъ мѣстахъ уже измѣнившіеся; къ нимъ же частію отнесемъ и адреса помѣщиковъ и помѣщицъ, фабрикантовъ и заводчиковъ, проживающихъ въ селеніяхъ Московской губерніи. Но что лично насъ интересуетъ—это статьи «Селенія», особо въ каждомъ уездѣ по алфавиту напечатанныя. Чтобы показать достоинство изложенія ихъ въ «Указателѣ», мы не станемъ принимать увертку нѣкоторыхъ рецензентовъ, будто бы на выдержку, при легкой перелистовкѣ книги, выписывающихъ для образца примѣры достоинствъ или недостатковъ ея; мы просто беремъ первое слово, первыя селенія по всемъ 13-ти уездамъ. Вотъ онѣ на самомъ первомъ мѣстѣ алфавита.

Въ Московскомъ уездѣ: «Аббакумова, деревня 6-го стана, графа Виктора Никитича Панина, крестьянъ 66 душъ муж. пола, 70 жен., 21 дворъ, 28 верстъ отъ Бутырской заставы, проселкомъ.»

Въ Богородскомъ уездѣ: «Абрамовка, деревня 1-го стана, Государственныхъ Имуществъ, 437 душъ м. п., 468 ж., 122 двора, сельское управленіе, 86 верстъ отъ столицы и 60 отъ уезднаго города, близъ Касимовскаго тракта.»

Въ Бронницкомъ уездѣ: «Абакишино, село 1-го стана, князя Бориса Александровича Черкаскаго, крестьянъ 80 душъ м. п., 83 ж., 1 церковь, 15 дворовъ, 63 версты отъ столицы, 13 отъ уезднаго города, близъ Астраханскаго тракта.»

Въ Клинскомъ уездѣ: «Абушкова, деревня 1-го стана, тайнаго совѣтника Александра Дмитріевича Черткова, крестьянъ 77 душъ м. п., 80 ж., 11 дворовъ, 75 верстъ отъ столицы, 30 отъ уезднаго города, близъ Дмитровскаго тракта.»

Довольно ли этихъ выписокъ? Смѣемъ увѣрить, что по всемъ 13-ти уездамъ Московской губерніи, *всѣ* села, деревни, усадьбы и погосты въ «Указателѣ» описаны *точно такъ же*, какъ и представленные примѣры, безъ выдержки. Можетъ быть, слово *всѣ* мы сказали не совсѣмъ осторожно;—поясимъ: инымъ селамъ и мѣстамъ удѣлено въ книгѣ болѣе мѣста, и именно тѣмъ, гдѣ происходило что-либо замѣчательное въ отношеніи историческомъ, напримеръ: Архангельскому, Борисову, Бородину, Братовщинѣ, Дубровицамъ, Коломенскому, Кунцову, Филямъ и Царицыну,—деревнѣ: Малыя Ваземы, и десяти уезднымъ городамъ; но это число (20-ть), въ отношеніи

къ общему числу селеній и деревень Московской губерніи, особенно не должно останавливать вашего вниманія, ибо составляетъ только $\frac{1}{100}$ часть, а притомъ и не вездѣ точно.

Перелистывая «Указатель», мы останавливались на тѣхъ собственныхъ названіяхъ сель и деревень, какія нѣсколько разъ встрѣчаются почти во всѣхъ уѣздахъ, на примѣръ: Ивановское, Ильинское, Никольское, Новая, Спасскія, Троицкія и проч. и проч. Мы не имѣли времени сдѣлать общій сводъ всѣмъ 5,567 (по исчисленію г. Нистрема) селеніямъ въ одинъ общій алфавитъ, — а онъ былъ бы очень любопытенъ. Возьмемъ для примѣра хоть изъ самыхъ первыхъ селеній въ частныхъ алфавитахъ по 13-ти уѣздамъ—*Аедотъ-шо* и *Аксинино*: ихъ находится по 6-ти въ Московской губерніи.

Разсматривая книгу г. Нистрема, мы невольно увлеклись къ статьямъ «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» 1850, 1851 и 1852 годовъ, въ коихъ описаны Н. Н. Волковымъ всѣ уѣзды Московской губерніи въ статистическомъ, историческомъ, географическомъ, археологическомъ, хозяйственномъ, и, преимущественно, въ этнографическомъ отношеніяхъ. Эти статьи г. Волкова составляютъ вмѣстѣ полную и подробную картину Московской губерніи. По обилію фактовъ, собранныхъ большею частію изъ официальныхъ источниковъ и на мѣстѣ, эти описанія, довольно удовлетворительно знакомяща насъ съ Москвою и ея губерніею, заслуживаютъ признательность. Волоколамскому же уѣзду выпалъ необыкновенно счастливый жребій: объ немъ два раза было напечатано въ «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», и именно въ 1850 году г. В. Зыковымъ и въ 1851 году г. Волковымъ; такъ же и Коломенскому уѣзду—А. С. Клевановымъ и г. Волковымъ; тогда какъ другимъ, особенно уѣзду Московскому, не смотря на 13 объ немъ статей, во многомъ не посчастливилось, на примѣръ: тамъ не сказано, сколько въ немъ церквей, сель, селець, деревень и проч. Но не смотря на то, статьи эти, коихъ числомъ до 60, все-таки заслуживаютъ полнаго вниманія и благодарности. Сказавъ объ ихъ достоинствѣ, мы не скроемъ и слабой ихъ стороны: эта сторона—важныя опечатки, или невнимательность къ *цифрамъ* показаній. Чтобы это яснѣе видѣть, мы представимъ таблицку, которая вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ, вѣроятно, не нелюбопытна и читателямъ «Москвитянина», постоянно заботящагося знакомить насъ съ Москвою и ея губерніею. Въ основу нашихъ выводовъ о числѣ *десятинъ земли* и числа *душъ* по уѣздамъ, мы провели параллель между книгою В. В. Пассека, издавшаго въ 1842 году «Московскую справочную книжку», и статьями г. Волкова, почти черезъ *десять лѣтъ* послѣ того напечатанными въ «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ»—о Москвѣ и ея уѣздахъ. Вотъ эти выводы и указанія:

ВЪ УЪЗДАХЪ:	Число десятинъ земли.		Разность.		Число жителей (мужскаго пола) въ уездѣ.		Разность.	
	У г. Пассака въ 1841 г.	У г. Волкова въ 1851 г.	Приб.	Убыло.	У г. Пассака за 1841 г.	У г. Волкова за 1851 г.	Приб.	Убыло.
	1. Клинскомъ.	319,884	319,884	—	—	43,600	43,600	—
2. Богородскомъ.	306,867	306,867	—	—	52,384	65,861	13,477	—
3. Дмитровскомъ.	300,271	300,271	—	—	41,305	50,553	6,248	—
4. Московскомъ.	233,655	233,655	—	—	43,471 (кр. ст.)	45,952	2,481	—
5. Серпуховскомъ.	228,708	50,068	—	178610	50,068	49,454	—	614
6. Подольскомъ.	214,868	40,000 д. 954 с.	—	174868	40,964	41,488	624	—
7. Волоколамск.	213,051	213,051	—	—	36,361	37,160	799	—
8. Бронницкомъ.	208,922	208,922	—	—	53,974	60,873	6,899	—
9. Звенигородск.	198,724	30,385	—	168339	36,385	36,571	186	—
10. Рузскомъ.	195,523	31,248	—	165275	30,248	32,785	2,537	—
11. Коломенскомъ.	185,966	153875 д. 181 с.	—	32,091	55,565	46,476	—	9,089
12. Верейскомъ.	168,149	168,149	—	—	23,290	21,998	—	1,292
13. Можайскомъ.	165,735	165,735	—	—	28,061	28,061	—	—
Итого.	2,940,323	•	—	—	538,671	—	—	—

Изъ этой таблицы видна чрезвычайная разница въ уменьшеніи числа десятинъ земли по уездамъ — Серпуховскому, Подольскому, Звенигородскому, Рузскому и Коломенскому, и въ числѣ душъ: уменьшилось — въ Серпуховскомъ, Коломенскомъ и Верейскомъ; увеличилось — въ Богородскомъ, Дмитровскомъ, Московскомъ, Подольскомъ, Волоколамскомъ, Бронницкомъ, Звенигородскомъ и Рузскомъ; осталась безъ повѣщенія и помѣженія, на на единицу цензъ-

нижеюся цифра въ уездахъ Клинскомъ и Можайскомъ (*). Недоумѣваемъ въ разницѣ показаній г. Пассека и г. Волкова, хотя промежутокъ между ними былъ въ десяти годахъ: первый говорилъ за 1841 годъ, а послѣдній почти вездѣ за 1851 годъ. Также довольно странно видѣть нынѣ у г. Волкова въ графахъ десятины земли тѣ самыя цифры, которыя, десять лѣтъ назадъ, мы видели у г. Пассека въ графѣ числа жителей, напримѣръ въ уездахъ: Серпуховскомъ, Подольскомъ, Рузскомъ и частію Звенигородскомъ. Эти примѣры или причины еще болѣе удостовѣряютъ насъ въ вѣрности показаній у г. Пассека болѣе, нежели у г. Волкова, который, въ этомъ отъѣздѣ, прямо заимствовалъ свои цифры болѣею частію изъ «Московской справочной книжки». А потому и мы имѣли основаніе не крѣпко опираться на статьи «Московскихъ Губернскихъ Ведомостей», напечатанныя чрезъ 10 лѣтъ послѣ показаній г. Пассека, и придерживаться болѣе послѣдняго. Жалѣемъ, что статьи гг. Волкова, Зыкова и Клеванова о городахъ Московской губерніи разсыяны по тремъ годамъ «Московскихъ Губернскихъ Ведомостей», въ 58-ми нумерахъ, а не изданы особо; также жалѣемъ и о томъ, что г. Волковъ въ своихъ описаніяхъ городовъ и уездовъ болѣе всего обращалъ щедрое вниманіе на этнографическую часть и скупился на часть статистико-топографическую.

Вотъ табличка, составленная нами по статьямъ «Описанія уездовъ Московской губерніи» г. Волкова — числу жителей въ уездахъ и городахъ, а также церквамъ и селеніямъ.

ВЪ УЕЗДАХЪ	Число жителей.				Въ уездахъ.					
	Въ уездахъ.		Въ городахъ.		ЦЕРКВ.	СЕЛЪ.	СЕДЕНЬ.	ДЕРЕВ.	И ПОГОС.	СЛОВЕЦЪ
	МУЖ. П.	ЖЕН. П.	МУЖ. П.	ЖЕН. П.						
Подольскомъ.	41,488	43,703	797	630	91	91	113	331	—	—
Верейскомъ.	21,998	22,100	2,265	2,655	38	38	166	57	—	—
Серпуховскомъ.	49,454	47,798	7,566	4,630	70	не	пок	аза	но.	—
Коломенскомъ.	46,476	47,826	6,816	5,782	95	83	111	122	6	—
Звенигородск.	36,571	39,315	605	655	83	73	114	236	—	—
Рузскомъ.	32,785	34,557	1,208	1,158	44	41	134	237	3	—
Волоколамск.	37,160	38,697	625	665	36	34	58	275	—	—
Дмитровскомъ.	50,553	55,016	2,655	2,864	96	91	162	386	—	—
Московскомъ.	45,952	47,258	211215	135027	не	по	ка	за	но.	—
Клинскомъ.	43,600	48,643	2,339	2,007	62	51	110	397	10	—
Бронницкомъ.	60,873	60,651	2,083	2,274	65	67	61	205	—	—
Можайскомъ.	27,153	27,860	1,445	1,541	33	32	39	233	3	—
Богородском.	65,861	69,131	599	344	62	40	63	310	17	—

(*) А по тѣмъ же статьямъ г. Волкова, въ другомъ мѣстѣ газеты, по Можайскому уезду есть даже убыль на 908 человекъ.

Зная, что Московская губернія *раздѣляется* на 13-ть уездовъ, занимаетъ *пространства* до 3,000,000 десятинъ или 580 географическихъ квадратныхъ миль (слѣдовательно болѣе всей Бельгій, Саксоніи, королевствъ Виртембергскаго, Баденскаго и многихъ другихъ), и имѣеть жителей обоюго пола 1,379,067 (въ томъ числѣ до 350,000 въ одной Москвѣ,—по указанію г. Пассека, за 1841 годъ, а по «Указателю Москвѣ» г. Захарова, за 1851 годъ — 331,543), мы видимъ, въ какомъ порядкѣ, относительно количества земли, къ числу жителей или уезды Московской губерніи: Клинскій, Богородскій и проч. Теперь, придерживаясь книги г. Нистрема, взглянемъ на порядокъ или старшинство относительно большинства селеній, противъ количества земли: 1. Подольскій (665 селеній); 2. Дмитровскій (642), 3. Клинскій (589), 4. Московскій (550), 5. Богородскій (451), 6. Звенигородскій (440), 7. Рузскій (429), 8. Волоколамскій (376), 9. Бронницкій (362), 10. Серпуховскій (344), 11. Можайскій (328), 12. Коломенскій (321) и 13. Верейскій (267 селеній).

Теперь сведемъ или соберемъ эти итоги въ общую таблицу, чтобы яснѣе видѣть, какой именно уездъ Московской губерніи и какое въ ней занимаетъ мѣсто.

	1. По большинству земли.	2. По большинству селеній.	3. По большинству числа душъ.
Клинскій.	1-е	3-е	7-е
Богородскій	2-е	5-е	1-е
Дмитровскій.	3-е	2-е	3-е
Московскій.	4-е	4-е	6-е
Серпуховскій.	5-е	10-е	4-е
Подольскій.	6-е	1-е	8-е
Волоколамскій.	7-е	8-е	9-е
Бронницкій.	8-е	9-е	2-е
Звенигородскій.	9-е	6-е	10-е
Рузскій.	10-е	7-е	11-е
Коломенскій.	11-е	12-е	5-е
Верейскій.	12-е	13-е	13-е
Можайскій.	13-е	11-е	12-е

Замѣчательно, что изъ 13-ти уездовъ, одинъ только *Московскій* удержалъ свое равновсіе по количеству земли и селеній, и частью жителей; за нимъ *Дмитровскій*—по количеству земли и душъ; частью недалеко отъ нихъ: Волоколамскій, Верейскій, Можайскій.

Можетъ быть, читателямъ «Москвитянина» не будетъ излишнимъ передать «статистику народонаселенія Московской губерніи» въ настоящее время;—вотъ она по книгѣ г. Нистрема.

Жительствующи въ губерніи обоюа пола:

Дворянъ потомственныхъ	11,401
(Въ томъ числѣ имѣющихъ право подавать голоса въ губернскихъ собраніяхъ 1,896.)	
— личныхъ	11,809
Разночинцевъ	4,545
Священно-церковно-служителей и семействъ ихъ	8,120
Церковно-служителей и семействъ ихъ	9,410
Монашествующихъ и послушниковъ	2,085
Монастырскихъ служителей	907
Духовныхъ иностранныхъ исповѣданій	42
(Въ томъ числѣ: католическаго 7, лютеранскаго 12, реформатскаго 2, англиканскаго 3, армянскаго 12, и магометанскаго 6.)	
Иностранцевъ	4,192
Отставныхъ солдатъ, и солдатокъ	25,780
Безсрочно-отпускныхъ	4,829
Кантонистовъ	7,242
Почетныхъ гражданъ	2,185
Купцовъ	28,928
(Въ томъ числѣ объявившихъ капиталы 5,847.)	
Мещанъ	109,436
Вольно-отпущенныхъ	1,922
Цеховыхъ и ремесленниковъ	12,287
Однодворцевъ	1,362
Дворовыхъ людей	79,879
Крестьянъ: Государственныхъ Имуществъ, съ проживающими временно въ Москвѣ	361,620
Государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ	24,843
Ямщиковъ	11,041
Поселянъ удѣльныхъ	55,506
Дворцовыхъ	19,849
Собственныхъ Его Императорскаго Величества	2,964
Конюшенныхъ	10,236
Коммиссаріатскихъ	6,347
Приписныхъ къ фабрикамъ и заводамъ	12,825
Комитета Человѣколюбиваго Общества	1,667
Комитета о просящихъ милостыню	260
Приписныхъ къ больницамъ	130
Помѣщичьихъ	692,046

Всего 1,525,702

Тогда какъ въ последнее десятилѣтіе число жителей въ столицѣ, по показаніямъ гг. Пассека и Захарова, *уменьшилось* до 18,000 ч.,—изъ книги г. Нистрема видимъ, что по уѣздамъ губерніи оно *увеличилось* на 146,635 человекъ.

Теперь замѣтимъ о разности показаній числа селеній у г. Нистрема съ выводами у г. Волкова: эта разница, вѣроятно, прои-

зошла отъ того, что многія селенія, имѣющія двойныя и даже тройныя названія, именовались не въ одномъ, но въ разныхъ мѣстахъ алфавита «Указателя»; а это должно бы сделать иначе, и именно: показать однажды въ ближайшей буквѣ азбуки, а въ другихъ, дальнѣйшихъ, только сослаться на нее. Вотъ примѣръ: на 23-й страницѣ книги говорится: «*Верхнѣ-Котлы*, деревня 5-го стана, полковницы Е. Ѳ. Калашникова, крестьянъ 168 душъ м. п., 91 ж., 24 двора, 5 верстъ отъ Серпуховской заставы, на Серпуховской дорогѣ,»—а далѣе, на стр. 44-й, подъ литерою К, читаемъ: «*Котлы-Верхнѣ*» и проч., слово-къ-слово уже сказанное подъ литерою В, на 23 страницѣ, и нами выписанное. Подобныя повторенія есть на страницахъ 12, 18, 19, 23, 24, 36, 42, 46, 50, 52 и т. д., во многихъ мѣстахъ, что безъ пользы увеличиваетъ книгу и сбиваетъ счетъ селеніямъ (*). Такихъ промаховъ, по нашему предположенію, найдется не одна сотня. Между тѣмъ, въ книгѣ г. Нистрема есть и пропуски, напримѣръ, мы не нашли подмосковныхъ селъ: *Черкизова*—за Преображенскою заставою, *Троицаго-Кайнарджи*—за Рогожской, *Леонова*—за Крестовской, *Черемушки*—за Серпуховской. О послѣднемъ могъ бы напомнить *Череможскій* станъ, въ коемъ Даниловскій монастырь составлялъ въ древности часть того стана. Кромѣ того—иныя села и деревни названы ошибочно, чего, однако жъ, мы не относимъ вполне къ невнимательности или отвѣтственности г. Нистрема.

Но не смотря на эти недостатки, или, лучше сказать, *излишнѣи*, въ коихъ сознается и самъ г. Нистремъ, должно сказать, что хотя книга его «Указатель селеній и жителей уездовъ Московской губерніи» имѣетъ много неточностей (чему, въ особенности, усердствовала и самая корректура),—но нельзя не отдать ей уваженія, какъ *первому* въ Россіи опыту—помочь необходимости имѣть подобную справочную книгу, и представить статистико-топографическую картину Московской губерніи. Въ этомъ случаѣ справедливо можно припомнить великое изреченіе Великой Екатерины: «дополнить или исправить легче, нежели собрать»..

При книгѣ г. Нистрема приложена «Карта Московской губерніи», съ показаніемъ шоссеиныхъ, большихъ, почтовыхъ и уездныхъ дорогъ.

«Указатель» г. Нистрема изданъ съ благотворительною цѣлью: въ пользу учрежденныхъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Величества Государыни Императрицы Московскихъ Дѣтскихъ Приютовъ.

ИВ. ДИ.

(*) Замѣтимъ еще о необходимости употреблять съ толкомъ сокращенія, вообще еще у насъ мало употребительныя: для чего бы г. Нистрему: не писать *вездѣ* в. вмѣсто версты, *д* вмѣсто деревни, *с* вмѣсто села, *дв* вмѣсто двора или дворовъ, *ст* вмѣсто стана, *д* вмѣсто души, *у* вмѣсто уѣзда, и проч.? Имѣя лицъ, чиновъ, и проч. можно сокращать тоже, и съ такими сокращеніями, вмѣсто 1000 страницъ, верно книга напечаталась бы на 750 или менѣе, т. е. стоила бы четвертью дешевле. *Ред.*

ЖУРНАЛИСТИКА.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ. N 1. ЯНВАРЬ, 1855. Разставивъ съ Библіотекой для Чтенія прошлаго 1852 года, мы на прощанье изъявляли нѣсколько добрыхъ желаній, на счетъ литературной полемики вообще и взаимныхъ отношеній русскихъ журналовъ между собою. Долго потомъ, подъ вліяніемъ желаній, и подъ вліяніемъ надеждъ, возбужденныхъ въ насъ послѣднимъ, чрезвычайно благороднымъ письмомъ Нижегороднаго Подписчика, мечтали мы объ отношеніяхъ совершенно идеальныхъ, — о такомъ состояніи литературы, при которомъ каждый журналъ являлся бы представителемъ той или другой литературной мысли, представителемъ дѣльнымъ и честнымъ, который на другіе журналы смотрѣлъ бы какъ на такихъ же представителей мысли, равно трудящихся на пользу общую, на пользу русской литературы и русскаго слова: при такихъ идеальныхъ отношеніяхъ, каждый журналъ являлся намъ съ своимъ особеннымъ отгвнкомъ, преимущественно въ основныхъ критическихъ положеніяхъ, и каждый отгвнокъ казался равно необходимымъ; всѣ критическія направленія представлялись намъ дѣйствующими различно, но дружественно, во имя критики и искусства. Увы! — такія идеальныя представленія весьма скоро были разбиты въ прахъ — разбиты впрочемъ, спящимъ оговориться, не Библіотекой для Чтенія, подлежащей теперь нашему разбору, а другими журналами.

Что касается до Библіотеки для Чтенія, то о ея будущемъ, и темъ менѣе о ея настоящемъ литературномъ направленіи трудно сказать что-нибудь опредѣлительное. Сомнѣнія нѣтъ, что самый живой ея элементъ въ настоящую минуту — литературная дѣятельность Нижегороднаго Подписчика, или г. Дружинина, парадоксальная, часто фальшиво блестящая, но отгвченная клеймомъ дарованія и ума, пмвющая свой особенный, нѣсколько англійскій, отгвнокъ, — и своею особенностью чрезвычайно полезная и важная. Другіе элементы, обозначившіяся въ прошлагодней Библіотекѣ, были или такъ слабы и медки, что не давали за себя никакихъ ручательствъ развитія, или таковы, что, не смотря на всю привычку нашу къ литературному цинизму, возбуждали невольное негодованіе, или, наконецъ, такъ устарѣлы, что представлялись слишкомъ явно анахронизмами. Элементами слабыми мы

называемъ всѣ тѣ ученическія работы, которыми наполнялась прошлогодняя Библіотека въ отдѣлѣ изящной словесности, элементами цинизма—статьи въ родѣ прошлогодней статьи о сочиненіяхъ г. Кукольника, элементами наконецъ устарѣлыми—статьи въ родѣ статьи о «Шлеминницѣ» г-жи Туръ и «Большой барыньѣ» г. Вонярярскаго, статьи, имѣющей предметомъ осмѣяніе критики вообще, и надѣвающейся не только надъ критикою, но даже надъ публикою. Вотъ этихъ-то элементовъ мы не желали бы встрѣчать въ «Библіотекѣ для Чтенія», ибо ни къ одному изъ нихъ полемика не можетъ отнестись безъ нѣкотораго раздраженія, весьма понятнаго во всякомъ, кто пишетъ по любви къ русскому слову и къ русской литературѣ.

Въ первомъ, подлежащемъ теперь разсмотрѣнію, номерѣ Библіотеки для Чтенія является г. Кукольникъ съ своею новою драмою—и является новая статья о сочиненіяхъ г. Кукольника, статья, подписанная именемъ, когда-то шумѣвшимъ въ литературѣ, барона Брамбеуса. Для чего является эта статья?... Предполагаемъ, что она дается въ видѣ палліативнаго средства читателямъ и критикѣ, до сихъ поръ еще худо переваривающимъ другую статью Библіотеки о г. Кукольникѣ. Палліативное средство впрочемъ такъ же мало удобосваримо, какъ и средство отчаянное. Анахронизмъ, анахронизмъ, повторяете вы безпрестанно, читая статью г. Брамбеуса. Но такъ какъ, во-первыхъ, это все-таки анахронизмъ не ученическій, и такъ какъ новая драма г. Кукольника вызываетъ критику на разрѣшеніе вопроса о талантѣ автора ея вообще,—то мы и посвящаемъ нѣсколько страницъ на споръ съ анахронизмомъ.

«Въ началѣ тридцатыхъ годовъ,—такъ статья начинается,—«Боже мой! вѣдь этому скоро будетъ двадцать лѣтъ! какъ давно! а «кажется какъ не давно!... тогда—кто бы тому повѣрилъ, посмотрѣвъ теперь на насъ! тогда всѣ мы были молоды, всѣ еще только начинали, кровь кипѣла, мысли рѣди, воображеніе съ гордостью пересчитывало свои сокровенныя богатства и убиралось прелестнѣйшими цвѣтами своего издѣлія на великій пиръ умственной жизни; умъ горячо вѣрилъ въ призванія и предназначенія; мы рвались всѣ впередъ, не видя передъ собою ни ухабовъ, ни пропастей, не думая о томъ, что не одному изъ насъ придется, вѣроятно, «сломать себѣ шею въ половинѣ или при началѣ пути. Тогда и солнце, «кажется, светило ярче, и весна благоухала упоительнѣе, и небо «ночью было другое, несравненно великолѣпнѣе, богаче, блистательнѣе. Осени, зимы тогда еще не бывало; по крайней мѣрѣ, мы ихъ еще замѣчали—не помнимъ; опытность, дочь прошедшаго, еще не «рождалась, чтобы мучить насъ своею хандрою. *Блестящая невѣста*

«Будущаго, красавица надежда, кокетливо улыбалась каждому изъ насъ, прелюбляла тайно каждого, завлекала, воспламеняла; чьсть мы сплошь и рядомъ были влюблены въ нее — сгу масшеднше чи счастливые, какъ любовники наканунь измъны».

Баронъ Брамбеусъ, какъ известно намъ, помнящимъ тридцатые года литературы, любить цвѣтистый восточный слогъ, такой же анахронизмъ въ наше время, какъ и его критическй и вообще литературный взглядъ; но рѣшившись спорить съ его статьею, мы положили себѣ за правило не обольщаться ея цвѣтами, а обнажать напротивъ содержание, выводить изъ нея пункты и положенiя. И такъ—пунктъ первый, прикрытый цвѣтами восточнаго краснорѣчiя, гласить: «Въ тридцатые годы литературы, литература была молода, рвалась впередъ, вѣрила въ призванiе». Прежде всего, любя и уважая глубоко нашу, до сихъ поръ еще, слава Богу, молодую литературу, мы скажемъ къ чести ея, что рѣдко находили на нее эпохи, когда бы она не рвалась впередъ и не вѣрила въ призванiе, а если и бывали такiя грустныя эпохи, то были весьма кратковременны. Время тридцатыхъ годовъ было тоже блистательное время—но почему? Потому что тогда во главѣ литературы стоялъ генiй Пушкина, только что вступившiй въ зрѣлую пору своего развитiя. Въ немъ заключалось все будущее русской литературы,—но не его имѣеть, въ виду авторъ статьи: *on le voit venir!* Зрѣлаго Пушкина весьма немногие понимали въ эти тридцатые годы литературы—и его «Бориса» тогдашняя критика считала *слабымъ* произведенiемъ, и въ эти же тридцатые годы, во второй ихъ половинѣ,—критика умудрилась до того, что великое имя Пушкина стали сѣвять рядомъ съ именами разныхъ поплыхъ стихотворцевъ. Это факты! Авторъ этой статьи помнить, какъ въ ранней еще молодости, его, привыкшаго съ нѣкоторымъ сердечнымъ трепетомъ слышать и произносить великое имя, поразило неприятно такое чудовищное сопоставленiе,—въ одной литературной лѣтописи, гдѣ передъ какимъ-то восточнымъ пашею читали разныя стихотворенiя, и прочтя однимъ духомъ стихотворенiе Пушкина и вмѣстѣ стихотворенiе г. Н. Н., восклицали: «оба молодцы!» Если такимъ образомъ рвалась впередъ литература тридцатыхъ годовъ, то нечего жалѣть о ея молодости, потому что ея молодость не имѣла прочныхъ началъ и убѣжденiй, мвняла великое на мелочное. Она не знала даже (за исключенiемъ, разумется, тѣхъ благородныхъ дѣятелей на поприщѣ науки и искусства, которые принадлежали къ Пушкинскому кругу, каковы Вяземскiй, Дмитрiевъ, Глипка, Плестневъ, Одоевскiй, покойный Языковъ, Хомяковъ, Шевыревъ, Киреевскiй, и нѣкоторые другiе, которые досель еще со сла-

вою подвизаются на благородном поприще), что считать за великое и важное в литературе, и досель еще оказывает такое странное незнание.

«Созвездия, свѣтившія нашему началу,—продолжаетъ статья,— «оканчивали свое торжественное теченіе; новое небо и другія свѣтила возникали изъ тьмы неизвѣстности надъ плодородною и едва расчищенною и только кое-гдѣ воздвигнутою равниною русской литературы. Славная плеяда, въ которой различнымъ блескомъ сіяли Крыловъ, Пушкинъ, Жуковскій, Грибовдовъ, Булгаринъ, Погодой, Загоскинъ, и нѣсколько звездъ меньшей величины, вѣсть съ кучею принадлежавшихъ имъ звездочекъ, величественно совершила свой закатъ. Съ противной стороны восходила новая плеяда, къ которой вся Русь устремляла взоръ съ трепетомъ любопытства и восторга: Брюлловъ, графиня Растопчина, Кукольникъ, Лермонтовъ, Гоголь, одинъ за другимъ ярко выходили изъ мрака».

Опять цвѣты краснорѣчія и опять изъ-подъ цвѣтовъ, нѣсколько неровновскихъ, вынимаемъ положенія и пункты: 1) Равнина русской литературы, на которой, замѣтите, работали: Ломоносовъ, Державинъ, Фонъ-Визинъ, Карамзинъ, Дмитріевъ и многіе другіе, великіе или даровитые и благородные дѣятели,—эта равнина, изволите видѣть, была едва расчищена и только кое-гдѣ воздвигнута,—когда Карамзинъ, Жуковскій и Пушкинъ взбороздили и вспахали ее (продолжая риторическую фигуру автора статьи) во всѣхъ возможных направленіяхъ. Опять таки он voit venir критика—и мы сейчас увидимъ, кто по его мнѣнію расчистилъ поле литературы. 2) Въ литературу различнымъ (ужь подлинно различнымъ!) блескомъ сіяли имена Пушкина и... Полеваго. 3) Литература тридцатыхъ годовъ дѣлаетъ уступку и причисляетъ къ яркимъ свѣтиламъ новымъ Гоголя. Сильно состарѣлась литература тридцатыхъ годовъ, когда принуждена прибѣгать къ такимъ *кореннымъ* уступкамъ. Вопросъ въ томъ только, повѣрить ли новое время искренности этой почтенной литературы, которая нѣкогда такъ глушилась надъ малороссійскимъ яко бы жартомъ знаменитаго русскаго поэта и надъ его «Мертвыми Душами»?... Цѣль такой уступки обозначается притомъ слишкомъ ясно въ послѣдующемъ, тоже цвѣтистомъ разсужденіи,—и основная задача вызывается довольно нецеремонно.

«Но гениемъ путеводителемъ начинающейя эпохи казался Брюлловъ: все это (?) пылало страстнымъ энтузіазмомъ къ искусствамъ и къ *искусству*, все мечтало о формахъ, о колоритѣ, о чистотѣ и естественности мысленной линіи; умѣло просто и хорошо выразить задуманное и отвращеніе къ остаткамъ манерности въ языкъ

«и слогъ сдѣлаться страстью. *Последній день Помпеи* и первая книжка Библиотеки для Чтенія, два незабвенныя явленія, произведшія такое сильное сотрясеніе, такое возбужденіе умственныхъ силъ въ русскомъ мірѣ, были явленія одновременныя».

Вотъ наконецъ и главный пунктъ, который таился подъ цвѣтами краснорѣчія. Последній день Помпеи—и первая книжка Библиотеки для Чтенія! что за удивительныя сопоставленія! а впрочемъ, собственно говоря, нечего удивляться, что критикъ Библиотеки считаетъ появленіе первой книжки своего журнала литературною эпохою, когда въ одной книгѣ, посвященной разсужденію о русской словесности, начало изданія Отечественныхъ Записокъ признано чуть что не за начало исторіи русской литературы. Шутки въ сторону! неужели въ наше время не смѣшны подобныя мнѣнія? Мы знаемъ въ русской литературѣ періоды Карамзинскій, Пушкинскій, Лермонтовско-Гоголевскій, но не знаемъ и не хотимъ знать періодовъ Телеграфа, Библиотеки, Отечественныхъ Записокъ, и не признаемъ періода Москвитанина, если охотники до періодовъ таковой сочинять. Карамзинъ и Жуковскій, Пушкинъ и его спутники, Гоголь и Лермонтовъ внесли въ литературу новыя живыя литературныя начала,—журналы только разъясняли. да и то не всегда вѣрно, эти начала, и имѣли конечно свои заслуги, которыхъ никто также въ наше время отвергать не станетъ, но расплодили вмѣстѣ съ тѣмъ и множество эстетическихъ ересей, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ, на примѣръ, ересь объ упадкѣ Пушкина въ зрѣлую пору его дѣятельности, о слабости Бориса Годунова и т. д. — ересь телеграфская, казнены временемъ и стерты съ лица земли; другія, какъ, на примѣръ, ересь о нехудожественности комедіи Грибоедова, о безличности Чацкаго и т. д., до сихъ поръ еще находятъ отголосокъ. Не поминала всѣхъ литературныхъ грѣховъ русской журналистики, а преимущественно литературныхъ грѣховъ Библиотеки для Чтенія, мы замѣтимъ только, что въ наше время нельзя безнаказанно трактовать русскую литературу съ точки зрѣнія литературы тридцатыхъ годовъ, что теперь это почти тоже, что черпать сужденія

изъ забытыхъ газетъ

Время очаковскихъ и покоренія Крыма.

Статья барона Брамбеуса такъ тѣсно соединила вопросъ о талантѣ г. Кукольника съ вопросомъ о литературѣ тридцатыхъ годовъ, что мы и не хотимъ раздвѣять этихъ вопросовъ. Продолжимъ нашу выписку, которая доведетъ насъ и до г. Кукольника и до связи его таланта съ литературой тридцатыхъ годовъ:

«Сотрудники этого журнала (Библиотеки для Чтенія) вдругъ составили изъ себя звездное поле вокругъ главныхъ новорожденныхъ звездъ, несшихъ новое время и новое счастье уму и искусству русскому. Сотрудники другаго большаго изданія, составившагося вслѣдъ за этимъ, «Энциклопедическаго Лексикона», образовали вторую группу писателей, второе богатое скопленіе свѣтлыхъ дарованій и ревностныхъ усилій. На огромномъ пространствѣ все вдругъ закипѣло. *Никогда на Руси не видали такого горячаго умственнаго движенія во всѣхъ направленіяхъ.* Публика бросилась къ чтенію и къ удовольствію восхищаться съ энтузіазмомъ, равнымъ тому, который одушевлялъ новыхъ писателей. *Пять, шесть, семь тысячъ подписчиковъ были тогда ни почемъ.* Смирдинъ, *на счетной доскѣ, выкладывалъ сто русскихъ литераторовъ, сто извѣстныхъ талантовъ, сто гениевъ на лицо....*»

Остановимся на минуту перевести духъ. Здѣсь уже красноръчіе не восточное, но красноръчіе Ливія,—и какъ у Ливія же, къ разсказу повѣствователя примѣшивается много *эпическихъ* подробностей, и напротивъ, вѣроятно, не умышленно, стираются многія дѣйствительныя черты. Разоблачимъ же съ одной стороны мненіе, и дополнимъ картину для исторической вѣрности. Достоверны и несомнѣнны въ блестящей панорамѣ прошедшаго, раскидываемой критикомъ, два факта: 1) пять, шесть, семь тысячъ подписчиковъ, и 2) намѣреніе Смирдина издать Сборникъ подъ заглавіемъ: «Сто русскихъ литераторовъ», остановившійся на второмъ томѣ. Къ числу ста *гениевъ* причислялись гг. N. N., S. S., въ числѣ новыхъ блестящихъ свѣтилъ пропущены критикомъ другія имена, которыя возводились некогда Библиотекою для Чтенія въ гении съ такою же легкостью, съ какою впоследствии во второй половинѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ, многіе писатели возводились другимъ журналомъ въ міровые поэты. Достоверно и несомнѣнно также то, что съ этой эпохи на литературу многіе литераторы стали смотреть преимущественно съ точки зрѣнія *интересной*, т. е. съ точки зрѣнія выгодъ, доставляемыхъ ею какъ ремесломъ,—и что появились въ печати милые попреки однихъ журналовъ другимъ въ такъ называемомъ *битвѣ по карманамъ*,—понятіе и слово, пущенное въ ходъ и въ печать критикою тридцатыхъ годовъ литературы. Что же касается до *новаго счастья*, принесеннаго *уму и искусству русскому* сотрудниками журналовъ вообще и Библиотеки въ особенности, то это счастье, помнится намъ, заключалось въ гоненія на несчастныя мѣстоименія *сей* и *омый*,—да въ забытыхъ нынѣ драматическихъ фантазіяхъ или мистеріяхъ, и забытыхъ также фантастическихъ путе-

шестьяхъ. Истинная литература, сосредоточивавшаяся въ Пушкинѣ съ его спутниками, находившая убжище въ Телескопѣ, а потомъ въ Московскомъ Наблюдателѣ, въ Современникѣ Плетнева, вооружалась прямо и сильно на такое *счастье*, принесенное литературою тридцатыхъ годовъ, вооружалась и дѣльной полемикою и смѣхомъ.

«Новое» пишущее поколѣніе—говорить статья далѣе черезъ нѣсколько строкъ—имѣло безспорное преимущество передъ *прежнимъ*: (N В. замѣтите, что *прежнее*—было Карамзинское и Пушкинское): оно «принесло на поприще, кромѣ любви къ искусству и формѣ, рѣшительное стремленіе къ самобытности и огромный запасъ прекрасныхъ и разнообразныхъ свѣдѣній, примѣчательную ученость по «всѣмъ отраслямъ знанія—и свои собственные идеи».

Какъ? поколѣніе или поколѣнія, прежде дѣйствовавшія, не вносили съ собою ничего этого въ литературу? ни стремленія къ самобытности? ни запаса свѣдѣній? ни учености?... Какъ? только съ «Библиотеки» началось стремленіе къ самостоятельности взгляда? Любопытно!

«Хороши ли были эти идеи, или дурны, это могло показать время, но по крайней мѣрѣ, онѣ были свои. Въкѣ подражанія и «поклоненія образцамъ и условленнымъ формамъ кончился. Каждый стремился къ самостоятельности, къ чему-нибудь новому и собственному, и Кукольникъ былъ самымъ вѣрнымъ, и вмѣстѣ самымъ блестящимъ выраженіемъ, не только этого стремленія, но и всей «новой эпохи».

Оставляя пока вопросъ о талантѣ г. Кукольника, до котораго добралась наконецъ статья, мы обратимъ вниманіе на тотъ назидательный фактъ, что истинно самостоятельный геній русской земли, великій талантомъ и заслугами Пушкинъ, не примкнулъ къ этому *самостоятельному* направленію, а вынужденнымъ напелся основать свой журналъ для поддержанія здравыхъ понятій объ искусствѣ, что Гоголь стоялъ съ самаго начала дѣятельности внѣ этого *самостоятельнаго* направленія, что все замѣчательное ученостью или талантомъ въ тридцатые года литературы: Плетневъ, Дмитріевъ, Хомаковъ, Языковъ, Надеждинъ, Шевыревъ, Погодинъ, Вяземскій, Одоевскій, Павловъ, не только не было за это направленіе, но было постоянно противъ него. Это направленіе, въ лицѣ критика Библиотеки для Чтенія, приписываетъ себѣ заслугу противодѣйствія французскому романтизму: въ разныхъ статьяхъ той эпохи (какъ напримѣръ въ статьѣ Телескопа «Здравый смыслъ и баронъ Брамбеусъ», въ статьѣ Московскаго Наблюдателя: «баронъ Брамбеусъ и юная словесность»), была доказана фактами вся неискренность этого противодѣйствія. Страшная буря *вражде*

(NB. русский язык «Библиотеки для Чтенія» въ тридцатыхъ годахъ, а разномѣрно и въ 1853 году!) «азвившая, — по выраженію барона Брамбеуса, — надъ Библиотекою для Чтенія», взвилась вовсе не со стороны поборниковъ французскаго романтизма, которыхъ собственно и не существовало на Руси, а со стороны представителей русской учености, русскаго искусства и здравыхъ понятій. Библиотека для Чтенія русскому слову и русской словесности не оказала никакой услуги, — даже изгнанныя ею мѣстоименія употреблялись въ нужныхъ случаяхъ Пушкинымъ, и доселѣ въ нужныхъ же случаяхъ употребляются; польскіе обороты рѣчи, которые она вводила, также не привились на почвѣ русскаго слова, какъ германизмы и всякіе другіе варваризмы, которые вводились потомъ другими журналами. Критикъ Библиотеки для Чтенія намекаетъ далѣе, что если теперь пишутъ хорошо, и если сталъ писать хорошо Лермонтовъ, то этимъ обязана литература все таки-же Библиотецѣ; — но, во-первыхъ, теперь далеко не все пишутъ хорошо, а во вторыхъ, дай Богъ и хорошо пишущимъ поучиться простотѣ и недосягаемой чистотѣ русской рѣчи у великаго автора «Капитанской Дочки» и даже у людей его поколѣнія.

Но пора наконецъ расчесться съ литературою тридцатыхъ годовъ, такъ неумѣстно выдвинутою на первый планъ критикомъ «Библиотеки для Чтенія», — и перейти къ г. Кукольникову, по поводу котораго баронъ Брамбеусъ и рассыпалъ такіе цвѣты краснорѣчія.

Главные положенія статьи, касающіяся г. Кукольника, суть слѣдующія:

1) «У Кукольника, должно признаться, нѣтъ счастья къ литераторамъ (русскій языкъ автора статьи); прежнее поколѣніе смѣнялось другимъ, и это другое пишущее — слѣдственно печатающее, поколѣніе, также не осуждаетъ его, — но за то, публика продолжаетъ читать его съ прежнимъ восхищеніемъ.»

2) Разбирая въ особенности «Альфа и Альдону, историческій романъ г. Кукольника, критикъ говоритъ: «я не знаю ни одного историческаго романа, котораго исполненіе требовало бы, и по моему скудному разумнію, обнаруживало бы болѣе *гениальности* со стороны писателя. Бульверова: Последние дни Помпеи — и все, что до нынѣ создано въ этомъ родѣ изъ древнихъ нравовъ и языческихъ временъ — ученическія задачи въ сравненіи съ Альфомъ и Альдоной» (NB. Соперникъ критическія статьи «Библиотеки» тридцатыхъ годовъ, въ которыхъ самъ Гёте уничтожился передъ г. Кукольниковымъ!)

3) Драмы г. Кукольника слишкомъ учены — и литераторы не въ состояніи ихъ понимать: они-де и всегда судятъ ложно.

4) Повести г. Кукольника, по словамъ критика,—*прелесть и удивленіе*.

Спорить съ такими положеніями мы не станемъ, поднимать вопроса о степени и значеніи таланта г. Кукольника мы тоже не будемъ. Статью тридцатыхъ годовъ мы считаемъ въ наше время анахронизмомъ. Дѣло наше—*sine ira et studio* разобрать новую драму г. Кукольника: «*Ермилъ Ивановичъ Костровъ*», напечатанную въ первой книжкѣ Библіотеки.

Г. Кукольникъ воспользовался извѣстнымъ благороднымъ поступкомъ переводчика Оссіана и *Иліады*, пожертвовавшаго для спасенія ближняго единственными своими деньгами, 800-ми рублями, дорогими ему еще и потому, что пожалованы были ему Великою Екатериною. Этотъ фактъ авторъ обставилъ слѣдующими обстоятельствами. У *Анфизы Павловны Молодковой*, бригадирши, воспитывается Людмила Сельская, дочь генерала Сельскаго, котораго безпутная жена принесла маленькую Людмилу къ Молодковымъ;—у Анфизы Павловны есть сынъ Аркадій, который, какъ слѣдуетъ, влюбленъ въ Людмилу Сельскую и любимъ ею взаимно; Анфиза Павловна—прямой списокъ съ Совѣтницы, известнаго лица въ комедіи Фонъ-Визина «*Бригадиръ*», только поставлена въ другія положенія: она такъ же бонтонничаетъ, такъ же мотаетъ и проч. Мотовство и воспослѣдовавшее вслѣдствіе того разстройство домашнихъ дѣлъ, заставляютъ ее прибѣгнуть къ печальному средству: женить сына на дочери выскочки и милліонщика Барсучкина, а Людмилу Сельскую выдать за самаго Барсучкина. Барсучкинъ не лицо, а формула, фигурка съ ярлыкомъ на лбу: милліонщикъ—выскочка; на языкъ его и на языкъ Молодковой, г. Кукольникомъ потрачено много труда и много знаній, но живой рѣчи и живыхъ личностей все-таки у него не выходитъ. Вотъ какъ объясняются Молодкова и Барсучкинъ:

МОЛОДКОВА.

Не хотите ль шоколаду

Позавтракать?

БАРСУЧКИНЪ.

Ей Богу, не можемъ-съ,

Я утромъ проглотилъ ужъ два *бештекса*--
Ликерцомъ запилъ. Сытъ и всѣмъ доволенъ,
Да и пора-съ. Вѣдь завтра быть сговорамъ.

МОЛОДКОВА.

Блаженной памяти Императрица

Елисаветъ Петровна, на охотѣ

Изволила однажды мнѣ сказать:

«Ничѣмъ и никогда спѣшить не должно».

Федотъ Ковымычъ, и намъ повременить
Съ недѣлку не мѣшало бѣ.

ВАРСУЧКИНЪ.

Ни за что-сь!

Я дѣйствовать привыкъ на чистоту,
Шесть мѣсяцевъ торгуемся безъ толку.
Я объявилъ кондици. Угодно-сь?...
Извольте!—Нѣтъ?... такъ просимъ извинить....
Поступимъ на законномъ основаньи.
Прощенья просимъ! Жду сынка съ отвѣтомъ,
Сегодня черезъ два часа.... Не то,
Моншеръ Аннѣза Павловна, адью! (*Уходитъ*).»

Натурально, что Молодкова должна Барсучкину, и онъ грозитъ ей взысканіемъ: фактура *подобныхъ* драматическихъ положеній—всегда известная, такъ сказать, стереотипная; Молодкова, оставшись одна, ругаетъ дѣвокъ и бѣсится на жидомора и лабазника Барсучкина. Потомъ, оставшись одна, говорить:

«Фу, какъ всплыла. Даже не пристойно
По знатности моей такъ горячиться,
Да хоть кого азартъ такой сконфузить....»

Слѣдуетъ сцена объясненія съ Аркадіемъ. Юноша сначала и слышать не хочетъ жениться на Голендухъ Федотовнѣ Барсучкиной (что за *комическія* имена выбираетъ г. Кукольникъ!), но потомъ, когда Молодкова упала въ обморокъ, говорить, какъ слѣдуетъ всѣмъ героямъ самопожертванія:

«Она безъ чувствъ! простите!

Клянусь вамъ, я исполню вашу волю,
Проснитесь, матушка! благословите!
Погибну, но спасу васъ отъ стыда.»

За симъ, Молодкова, отправивши сына къ Барсучкину, опять бра-
нется съ горничными,—потомъ принимается за Людмилу:

МОЛОДКОВА.

А! Милочка! Пора намъ разсчитаться.
Садись, мой другъ! Что такъ печальна?

ЛЮДМИЛА (*разспянно*). Я съ?

Чувствительная книжка мнѣ попалась.

МОЛОДКОВА.

Брось! не читай! Все выдумки пустыя,
Воображенье только развращаютъ,
И не такихъ, какъ ты, сбиваютъ съ толку.
Вотъ это мы на практикѣ увидимъ.

Ты помнишь ли? Едва ли можешь помнить,
Тому лѣтъ десять будетъ.... Мы въ бесѣдкѣ
Сидѣли, пили шеколадъ....

ЛЮДМИЛА (съ нетерпѣніемъ).

Ахъ, помню!

Не въ первый разъ имѣю счастье слушать.

МОЛОДКОВА.

Ну, такъ въ послѣдній разъ изволь прислушать.
Вотъ мы сидимъ въ саду, за шеколадомъ,
Калитка отворяется—и входитъ
Оборванная женщина съ ребенкомъ
—Дѣвчонка лѣтъ восьми, самоѣ за тридцать,
Лицо у ней пригожее, осанка
Дворянская, но странныя манеры.
Съ нахальнымъ видомъ подошла; втокнула
Тебя въ бесѣдку, крикнула: вотъ «самъ
Людмила, дочь моя!», и убежала».

Эта дѣвочка, приведенная, и, такъ сказать, брошенная матерью, Людмила Сельская, воспитанная въ домѣ Молодковой, разумеется, поставлена въ избитое драматическое положеніе—пожертвовать наклонностями сердца своей квазі-благодѣтельница, тѣмъ болѣе, что Молодкова увѣряетъ ее, что Аркадій по склонности сердца женится на Барсучкиной. Все это, какъ видите, чрезвычайно избито и пошло, но еще избитѣе и пошлѣе мечтанія Людмилы о томъ, что она замѣнить мать Молодкову. Вообще, какъ видите, всѣ эти четыре лица—Молодкова мать, Молодковъ сынъ, Людмила и Барсучкинъ,—продуктъ чистой рутины: чувства ихъ—повтореніе чувствъ другихъ, выведенныхъ въ разныхъ драмахъ, языкъ ихъ—обличаетъ то мозаичскую работу, какъ языкъ Молодковой и Барсучкина, работу видимую, потовую, то совершенное отсутствіе естественности, какъ романтической бредъ Людмилы и Аркадія. Признаковъ жизни, созданія во всемъ этомъ нѣтъ, что говорится, ни на волосъ; выводы на сцену эти фигуры, авторъ рѣшительно не имѣлъ въ виду никакой, не только уже художественной, но даже психологической задачи,—въ существованіе ихъ онъ и самъ не вѣритъ, а читатели и подавно вѣрить не могутъ.

Для чего же вся эта операція?—Для чего завязанъ этотъ давно истертый узелъ? Естественно для того, чтобы Ермилу Ивановичу Кострову предстояла въ драмѣ какая-нибудь работа. Ермилъ же Ивановичъ припутанъ къ драмѣ слѣдующимъ образомъ. Сначала мы знакомимся съ нимъ у Барсучкина, который зазвалъ его къ себѣ

и предлагаетъ ему написать стихи въ честь двухъ бракосочетаній. Историческаго въ лицѣ Ермила Ивановича въ драмъ—только известная слабость его къ трактирамъ и крепкимъ напиткамъ: во всемъ остальномъ, онъ сходенъ со всеми гениями и поэтами, выводимыми г. Кукольникомъ въ различныхъ драматическихъ фантазіяхъ. По представленію г. Кукольника, представителя литературы тридцатыхъ годовъ — поэтъ и вообще великій человекъ, непременно долженъ, какъ известный учитель, о которомъ говоритъ Гоголевскій городничій, — *студя ломать и росу корчить такую, что святыхъ вонз понесл.* Такъ какъ вопросъ коснулся этого любимого идеала литературы тридцатыхъ годовъ вообще и г. Кукольника въ особенности, — то мы должны поневоле сдѣлать маленькое отступление въ пользу общихъ физиологическихъ признаковъ такого идеала.

Въ тридцатые годы литературы образовалось особенное понятіе о великихъ людяхъ и генияхъ, понятіе, которымъ литература обязана преимущественно гг. Кукольнику, Полевому, Тимофееву и нѣкоторымъ другимъ. 1) Великій человекъ или поэтъ ни на минуту не долженъ забывать, что онъ великій человекъ или поэтъ: несомненнымъ признакомъ величія служить то, что онъ ни на минуту не чувствуетъ и не говоритъ такъ, какъ обыкновенно смертные чувствуютъ и говорятъ, — а то въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ же и будетъ онъ отличаться отъ обыкновенныхъ смертныхъ? 2) Великій человекъ или поэтъ можетъ дѣлать всякія глупости, какія ему заблагоразсудится—и все-таки онъ правъ, а толпа виновата, потому что она—презрѣнная толпа, и обязана почтеніемъ къ гению. 3) Великій человекъ или поэтъ — лице тождественное съ сумасшедшими и долженъ заговариваться до того, чтобы въ словахъ его «умъ не видѣлъ ничего», по выраженію одного изъ таковыхъ великихъ людей, Джакомо Санназара г. Кукольника,—быть вдовольнымъ обычнымъ выраженіемъ чувствъ человѣческихъ, и какъ Нино Галлурри въ известной драмѣ: «Угольномъ», восклицать въ дикихъ виршахъ:

Нѣтъ... я не люблю тебя... нѣтъ, это слово

Выдуманно человекомъ... осквернено.оно.

- 4) Мечты великаго человека или поэта *непременно* не должны быть осуществимы на землѣ: что это будетъ за художникъ, который задумаетъ что-нибудь выполнимое?—Нѣтъ, истинный художникъ, *долженъ* задумать что-нибудь крайне нелѣпое, сходить съ ума отъ того, что нелѣпость невыполнима, рвать на себѣ вслѣдствіе неудачи волосы и проч.
- 5) Великій человекъ или поэтъ, по широкой натурѣ своей, имѣеть право на все, что въ другихъ личностяхъ было бы возмутительно—можетъ, какъ Ляпуновъ (не историческій Прокофій Петровичъ Ляпуновъ, стоятель за русскую землю, котораго казаки на Москвѣ измѣни-

нѣтъ дѣломъ убили, а Лядуновъ г. Кукольникъ), быть палачемъ — или, какъ Нино Галлуря, выдумывать такія казни, отъ которыхъ «покойники въ гробахъ спасибо скажутъ» и т. д.

Ермиль Ивановичъ Костровъ, изображенный г. Кукольникомъ, принадлежить къ такого же сорта великимъ людямъ. Впрочемъ, онъ нѣсколько поумѣреннѣе всѣхъ другихъ героевъ разныхъ драматическихъ фантазій, въ своихъ требованіяхъ отъ жизни: никого не отравляетъ, не закалываетъ, не сходитъ явно съ ума, — онъ только пьетъ въ трактирахъ и вездѣ говорить лирическими тирадами и ломаетъ стулья, какъ известный учитель — можетъ быть, потому, что г. Кукольникъ не хотѣлъ слишкомъ противорѣчить историческимъ преданіямъ о переводчикѣ Оссіана и Гомера. Съ Ермиломъ Ивановичемъ знакомимся мы во второмъ актѣ, въ домѣ Барсучкина. О самомъ Барсучкинѣ и о его языкѣ мы уже упомянули, — на языкъ этотъ и на собираніе различныхъ чертъ общаго понятія о богатомъ выскочекъ, употреблено авторомъ, по видимому, очень много труда; но представить осязательно типъ онъ не могъ, и потому прибѣгъ къ самому избитому средству: заставить самого Барсучкина рассказывать о себѣ слѣдующее:

«Богатъ-то я богатъ! да что въ томъ толку!

Хотѣлъ титулъ барона или графа
Себѣ купить... У насъ не продаютъ,
Ну а титулъ нѣмецкій не годится.

Ужъ я ль не знатенъ? Домъ не домъ—дворецъ;
Пройдешься, будто станцію прохалъ;
Собачки—и у тѣхъ свои покои;
Гдѣ только моръ, въ гостинномъ, въ магазиннѣхъ
Скупилъ картины; всюду ихъ навѣшалъ;
Антиковъ больше сотни заказалъ,
Вездѣ наставлялъ; зимній садъ завелъ,
Въ простыхъ садахъ—*фанталы, раможирен;*
Тюль домашній, пивное, оркестеръ...
Чего ужъ кажется? свои цыгане:
Всѣхъ смуглыхъ судомовъ отобралъ,
Фалетера приставилъ въ запѣвалъ,—
Результъ отлично!»

и т. д.

Не правда ли, что это самая удобная манера пояснять читателямъ и зрителямъ, что изображаемое лицо есть лицо комическое. — именно: богатъ-выскочка и невѣжда; нужды нѣтъ, что манера немножко пообвѣтшала, за то ужъ самая безопасная: зрители и чи-

татели не ошибутся, какъ въ ошибутся они въ предметахъ, изображаемыхъ и раскрашиваемыхъ сугдальскими малярами...

Барсучкинъ самъ же рассказываетъ, почему ему такъ хочется жениться на Людмилѣ Сельской, а дочь выдать за Аркадія Молокова. Ему известно, что Людмила дочь знаменитаго генерала; — почему известно ему это обстоятельство, неизвестное другимъ, ближайшимъ къ Людмилѣ лицамъ, — авторъ объяснить не потрудился.

Если фигура Барсучкина — малеванье просто грубое, то фигура его дочери Голендухи — малеванье отвратительно грубое, сложенье изъ чертъ глупости, обжорства, злости, ненависти къ мамкѣ, животненнаго любострастія и проч. Вотъ сцена между отцомъ, мамкою и дочерью.

БАРСУЧКИНЪ.

А, здравствуй, Голендушинька!

ГОЛЕНДУХА.

Бонжуръ.

БАРСУЧКИНЪ.

Ну, какъ спала?

ГОЛЕНДУХА.

Требень.

БАРСУЧКИНЪ.

А чай пила?

ГОЛЕНДУХА.

Шесть чашекъ только.... мама не даетъ.

БАРСУЧКИНЪ.

(Мама) Ты что?

МАМА.

Да ты-жь, Федотъ Кузмичъ, велѣлъ

Пораньше барышню одѣть нарядно,

Бѣлой и румяной разукрасить,

И камни самоцвѣты нацвѣнить;

Ктому-жь, признательно сказать, боялась —

Дитя обвѣстятъ; ты съ меня же взыщешь.

БАРСУЧКИНЪ.

Дитя! ей двадцать лѣтъ.

МАМА.

Нѣтъ, двадцать девять.

БАРСУЧКИНЪ.

Цыцъ, дуришь! ей двадцать!

МАМА.

Двадцать девять!

БАРСУЧКИНЪ.

Вѣдь я отецъ родной!

МАМА.

А я вѣдь мама.

Сама кормила, мнѣ ужъ лучше знать.

ГОЛЕНДУХА.

Э, двадцать, двадцать девять, тутегаль,

Мнѣ лишь бы замужь поскорѣе выйдти,

Чтобъ дура Аграфена не смѣялась....

БАРСУЧКИНЪ.

И замужь выдамъ; только говори,

Что двадцать лѣтъ тебѣ, — ни года больше!

ГОЛЕНДУХА.

Пятнадцать, если хочешь, *только выдай.*

Смерть хочется пожить себѣ на волю....

А въ двѣкахъ страхъ какъ скучно; точно хвостъ,

Тужуръ, вотъ эта вѣдьма слѣдомъ ходитъ....

МАМА.

Грѣхъ, дятятко, такъ говорить на маму!

Малеванье — и притомъ оскорбительное для эстетическаго чувства малеванье.... Какъ же не подивиться послѣ этаго статьи барона Брамбеуса, которая, въ 1853 году, насъ, воспитанныхъ комизмомъ Гоголя, рѣшается увѣрять въ глаза, что г. Кукольникъ — художникъ слишкомъ тонкій для того, чтобы нравиться *неученымъ* литераторамъ?.... Гдѣ же признаки художественной тонкости, художественнаго такта даже? — найдите ихъ намъ въ девяти томахъ произведеній корифея литературы тридцатыхъ годовъ, — найдите ихъ, покажите ихъ намъ, г. баронъ: мы назовемъ васъ вторымъ Колумбомъ!

Слѣдуетъ сцена съ Аркадіемъ, который прѣзжаетъ свататься, сцена такъ же фальшиво драматическая, какъ фальшиво комична вышеприведенная сцена. За симъ является и Костровъ, котораго нашли въ трактирѣ. Костровъ съ перваго же входа начинаетъ *студья ломать*, рассказывая съ неистовымъ смѣхомъ извѣстный анекдотъ про Демидова, который, желая посмѣяться надъ общою тогдашнею манерою къ очкамъ, надѣлъ очки на кучеровъ и «орейторовъ». Еще больше начинаетъ онъ ломать студья, услышавши фамилію пригласившаго его къ себѣ:

«Голубчикъ! вотъ онъ кто такой! Барсучкинъ!

Прибавь: «въ очкахъ,» а то не различишь, —

Въ рядахъ твоихъ однофамильцовъ много.

Одинъ Барсучкинъ — половой въ трактирѣ

На Дмитровку, разбойникъ на бильярдъ!»

На приглашеніе Барсучкина выпить ликеру, онъ отвѣчаетъ:

«Нѣтъ, ужъ лучше травничку!»

Да балычка, груздей, икорки, сыру....

Всего неси... что мнѣ его жалеть?»

Но что дѣлается съ нимъ, когда онъ услышалъ, что Барсучкинъ женится на Людмилѣ Сельской, — егo пансіонской ученицѣ, за посланіе въ стихахъ къ которой онъ былъ прогнанъ изъ пансіона, — страсти да и только!... Ломанье стульевъ, доходить до послѣдняго градуса, когда Барсучкинъ проситъ его написать стихи.... Напрасно Барсучкинъ напоминаетъ ему, что онъ не въ харчевнѣ. Онъ отвѣчаетъ:

«Какъ не въ харчевнѣ? Вонъ — и половые
Подносятъ съ перемоніей закусу!

(наливъ и выпивъ водки)

Травникъ отличный! своего издѣля!

Вотъ это, братецъ, дѣло по тебѣ!

Сидѣлъ бы за прилавкомъ, плутовалъ бы;

А то въ чужія перья наряжился.

Парикъ надѣлъ, очки напялил на носъ —

И ну вельможу знатнаго дразнить.

Спасибо, смерть люблю каррикатуры.

(беретъ графинчикъ и наливаетъ):

БАРСУЧКИНЪ.

Пойдешь ли ты отсюда?

КОСТРОВЪ.

Не могу, —

Травникъ чудесный! такъ и тянетъ къ чаркѣ.

Какъ это въ голову тебѣ могло

Прийти: Ермилъ Иванычу Кострову,

Какъ сапоги, заказывать стихи?

Вельможи, мой любезнѣйшій, родятся;

А вѣтъ, такъ въ этотъ санъ по ступенямъ

Восходить государственной заслугой!

Изъ золота не отольешь вельможи....»

И т. д.

Второй актъ весь драматическій, т. е. фальшиво драматическій. Людмила объясняется съ Арнадіемъ, Костровъ приходитъ объясниться съ Людмилой. Прѣзжаетъ потомъ Барсучкинъ, и является генералъ, отецъ Людмилы, съ денщикомъ Лукою; узнавши, что Людмила выходитъ за Барсучкина, генералъ, который уже совершенный трагикъ, бѣжитъ вонъ изъ дому.

Третій актъ начинается сценою Кострова съ Лизетой, существомъ незнакомнаго званія и незнакомнаго времени. Костровъ стоитъ вдохновенный, Лизета нѣсколько разъ бѣгаетъ по лѣстницѣ; наконецъ, Костровъ приходитъ въ себя и начинаетъ читать ей мадри-

галы и проч. Лизета рвѣзительно непонятна, а непонятна именно потому, что авторъ не имѣетъ въ своемъ талантѣ никакихъ объективныхъ свойствъ. Съ одной стороны, Лизета поставлена въ драму потому, что была же у Мольера служанка, которой онъ читалъ свои комедии, — почему же не быть какой-нибудь Лизетъ, которой бы могъ читать свои стихи Ермилъ Ивановичъ Костровъ; съ другой стороны, авторъ совершенно напрасно представилъ ее глупою и ничего не понимающею. Лизета вышла ни то, ни сѣ, какая-то сублиетка старыхъ комедій. Является генераль Сельскій съ Лукою. Онъ привезъ Кострову письмо въ стихахъ отъ Суворова. Ломанье стульевъ всеобщее. Разсказъ генерала о штурмѣ Измаила, неистовство Кострова и т. д., объясненіе на счетъ Людмилы. Въ заключеніе акта является чиновникъ съ подаркомъ Кострову отъ Великой Екатерины.

Актъ четвертый. Костровъ въ трактирѣ. Является Аркадій, который съ отчаянія потерялъ восемьсотъ рублей казенныхъ денегъ. Костровъ отдаетъ ему свои и ташитъ къ генералу Сельскому.

Генераль, между прочимъ, разсказываетъ Лукѣ исторію своихъ отношеній къ матери Людмилы; разсказываетъ, какъ онъ любилъ, былъ обманутъ женой, чуть не отравленъ ей и проч. Является Людмила къ отцу, — и когда она говоритъ:

«Убита я, несчастна — но невинна!»

Отецъ восклицаетъ:

«Лука! сто пушекъ! залпы! я плохо слышу;

Пусть повторитъ, пусть скажетъ подь присягой!»

За Людмилой прибѣгаетъ Молодкова, въ отчаяніи отъ поступка сына; за Молодковой Аркадій съ Костровымъ. Говорится тутъ много страшнаго, трескучаго. Наконецъ, генераль вдохновляется мыслію спасти свою Людмилу — и точно спасаетъ ее, въ пятомъ актѣ, предложивши Барсучкину себя въ зятя. Барсучкинъ въ восторгѣ. «Подстой, — говоритъ Сельскій — одно условье....»

Понимаемъ-съ!

На счетъ приданаго? О, всеконечно!

Нельзя же вамъ жениться безъ контракта —

Напишемъ и у маклера зайвимъ....

Нельзя безъ этого! сейчасъ надуютъ, —

На этомъ свѣтъ стоитъ. Даю миллионъ!

ГЕНЕРАЛЬ.

Да выслушай, Федотъ Кузмичъ, условье.

ВАРСУЧКИНЪ (не слушая).

Дашь дома, подмосковную деревню,

Брильянты, серебро, прислугу, мебель

И экипажъ по чину....

КОСТРОВЪ.

Молодецъ!

И въ немъ поэзіи сверкнула искра,
И въ немъ вскипѣлъ коммерческой восторгъ!»

Людмила не хочетъ принять жертвы, приносимой отцомъ, и кричитъ, что называется, благимъ матомъ, еще невходя въ залу; но отецъ клянется,

«Что я теперь невесту

Люблю, какъ счастье моеѣ Людмилы.»

Драму кончаетъ Костровъ—шампанскимъ и торжественною одой..

Да не обвинять насъ читатели, что мы, такъ сказать, на почтовыхъ пересказали содержаніе драмы г. Кукольника: кромѣ обычныхъ эффектовъ, плохаго и натянутаго языка, форсированныхъ положеній — мы въ ней ничего не видимъ. Въ поэтѣ Костровѣ г. Кукольникъ взялъ только одну историческую черту — слабость къ краскамъ и сладкимъ винамъ, и довелъ ее до *pes plus ultra*. Вся осталная обстановка, придуманная для того, чтобы герой могъ ломать стулья, — дѣло чистой рутинны, хотя нельзя не видѣть, что фактура обличаетъ набивку руки и опытность по части сценической. Мы лично не могли отнестись иначе къ этой драмѣ, потому что цѣннимъ въ драматическомъ произведеніи или его психологическую задачу, или его историческій смыслъ: ни той, ни другаго—нѣтъ и слѣдовъ въ драмѣ г. Кукольника.

Пора перейти намъ отъ литературы тридцатыхъ годовъ къ остальному содержанію книжки журнала, и поискать въ ней чего-нибудь поинтереснѣе и посовременнѣе.

Во-первыхъ, въ разбираемой нами книжкѣ начатъ новый романъ покойнаго Волярларскаго «Сосѣдь»; объ этомъ романѣ мы поговоримъ, когда онъ будетъ оконченъ. Кромѣ того, мы встрѣтили «Сердце съ перегородками», рассказъ г-жи Т. Ч., которой «Тѣни прошлаго», напечатанныя въ 1851 году, произвели довольно пріятное впечатлѣніе на читателей и критиковъ, и показывали въ авторѣ талантъ и искренность чувства. «Сердце съ перегородками» гораздо слабѣе «Тѣней прошлаго» и — что особенно намъ не понравилось — представляетъ что-то въ родѣ аллегоріи. Молодой человекъ Зиминскій, юноша довольно пустой и безхарактерный, хотя съ претензіями, собирается жениться, и передъ свадьбой ѣдетъ съ своимъ пріятелемъ литераторомъ Н. Э. къ ворожею. Ворожея показываетъ ему въ водѣ его собственное сердце, — и надобно сказать, что исторія сердецъ, подобныхъ сердцу Зиминскаго, раскрыта авторомъ съ большимъ искусствомъ и съ ироніею, въ которой много справедливо-ѣдкаго и справедливо-грустнаго. Мы думаемъ, что весь рассказъ исключительно написанъ для этого мѣста.

«Въ водѣ виднѣлось сердце, настоящее человеческое сердце, по-хожее видомъ на всѣ, свойствомъ—почти на всѣ сердца. Сердце розовое, прозрачное, теплое, мѣгкое, впечатлительное; оно только что раскрылось для жизни и не избрало никакого жизненнаго пути. На верху было написано большими буквами: *въ семнадцать лѣтъ*. Оно было гладко и ровно; *горячій огонь* молодой жизни заставлялъ его радостно трепетать въ водѣ; готовое для всѣхъ привязанностей, оно не вмѣщало еще ни одной и было исполнено върованій во всѣ радости жизни. Но явятся привязанности и наклонности, тогда на гладкой поверхности молодаго сердца покажутся маленькія отдѣленія; для всякаго чувства будетъ особая область, для всякаго предмета чувствъ особая перегородка. И послѣ одна перегородка станетъ вытѣснять другую; тамъ воздвигается, здѣсь упадаетъ, многія рушатся невозвратно»....

Начинаются вслѣдъ за тѣмъ являться перегородки разныхъ привязанностей. Пропустимъ первыя привязанности къ усамъ и къ вальсу.

«Но вотъ надъ сердцемъ цифра 18 смѣнила первую, и вальсъ олицетворяется: вальсъ уже не просто вальсъ, не просто звуки, не просто круженье!... Растетъ другая перегородка, втѣсняется въ перегородку съ вальсомъ; вальсъ принявъ образъ чудный, образъ свѣжаго личика, освѣннаго бѣлокурыми волосами, которыя падаютъ и рассыпаются локонами по мраморнымъ плечамъ. И локоны слегка задвѣваютъ по горячему лицу Зиминскаго, и стройная талія, *облеченная* въ бѣлое прозрачное платье, гнется граціозно подъ его рукой. Огни бала сверкають и переливаются въ голубыхъ глазахъ; маленькая ножка легко и быстро несется, едва касаясь скользкаго пола. Можетъ ли кто танцовать лучше ея? Можетъ ли даже кто-нибудь танцовать такъ, какъ она?»

«Сонъ послѣ бала несетъ ему то же самое плѣнительное видѣніе: изъ пѣны вальса возникло чудное созданіе, съ чудными локонами; велика для него перегородка въ сердцѣ юноши, съ бала на балъ летитъ онъ вслѣдъ за нимъ, съ каждаго бала пріѣзжаетъ счастливый...»

«Время несется и уноситъ за собой многое; двадцатая цифра смѣняетъ собою восемнадцатую. Въ два года воздвигнулись многія перегородки, явилась широкая перегородка тщеславія, а съ ней стали воздвигаться и падать по очереди маленькія, незамѣтныя перегородки,—словомъ, всѣ видоизмѣненія большой перегородки, въ которой поселилось тщеславіе; подъ цифрой двадцать является отдѣленіе для одной брюнетки, возбудившей въ Зиминскомъ живой интересъ остроумнымъ разговоромъ.»

«Бѣдное сердце, сколько перегородокъ построилъ на тебѣ услужливый и изобрѣтательный умъ!»

Какъ видите, различные феномены обыденнаго сердечнаго процесса подмѣчены весьма вѣрно и представлены живо. Далѣе, видна даже нѣсколько болѣе глубокая психологическая наблюдательность, иронія получаетъ характеръ болѣе грустный.

«Блондинка показывается не разъ изъ за своей перегородки. Владѣнія ея уменьшились, но блондинка и вальсъ живутъ еще въ сердцѣ Зиминскаго, живутъ не сталкиваясь съ брюнеткой. Зиминскій съ одной облетаетъ по прежнему залу, съ другой заводитъ живой разговоръ; и блещетъ его свободная рѣчь остроуміемъ, счастливыми оборотами; онъ самъ себя дивится, удачно щеголяя въ своихъ разговорахъ смѣлымъ тономъ счастливаго повѣсья.

«Но цифра двадцать стала измѣняться въ двадцать одинъ, въ двадцать два и такъ далѣе. Интересъ наблюдений двухъ пріятелей увеличился. Литераторъ, конечно, былъ спокоенъ, порой только смѣялся и глядѣлъ пристально въ воду; но Зиминскій мѣнялся въ лицѣ, иногда съ безпокойствомъ поглядывалъ на любопытнаго наблюдателя и чувствовалъ странное стѣсненіе въ груди, головокруженіе: онъ не былъ постороннимъ зрителемъ: между его сердцемъ и сердцемъ движущимся къ стаканъ было невидимое, но прямое отношеніе, заставлявшее Зиминскаго нестерпимо страдать. Всякій разъ, какъ сердце въ стаканѣ начинало шевелиться, поднималось, дышало, раскрывалось отрадно или обливалось кровью, покоряясь вліянію появившихся на немъ и исчезавшихъ перегородокъ, сердцу Зиминскаго, Зиминскаго жениха, Зиминскаго двадцатисемилѣтняго, становилось неловко, даже больно, отъ какихъ-то произвольныхъ перемѣнъ и движеній.

«Онъ былъ нервный и раздражительный; по крайней мѣрѣ, онъ это говорилъ всѣмъ, и убѣждая другихъ, самъ убѣдился. Вообще, онъ усвоилъ много привычекъ и прихотей совершенно женскихъ, придававшихъ ему нѣчто плѣнительное, онъ заразился ими какъ человекъ впечатлительный.

«Вдругъ Зиминскій отскочилъ съ испугомъ: горячая искра вылетѣла изъ стакана, мелькнула мимо, взвилась высоко и исчезла подъ потолкомъ. Вода въ стаканѣ забурлила, стала кипѣть; маленькое синеватое пламя носилось надъ ней, потомъ ушло въ стаканъ, сверкнуло оттуда розовымъ огнемъ и охватило все сердце. Горитъ прозрачное сердце, все облитое розовымъ пламенемъ! Снова оно гладко, едва замѣтны перегородки, въ которыхъ засѣдали всѣ чувствованія, волновавшія его. Будто одно чувство охватило сердце, но это одно чувство можетъ дѣлиться на тысячи предметовъ.

«Здравствуй, услужливое и богатое сердце,—сердце впечатлительное, заключившее въ себя такъ многихъ! Бѣдный чело-

«...как, несчастливый человек, обладаешь такого хорошо устроенного сердца, — сердца с перегородками, — привить тебе!»

Правда, это выписанное нами место, въ которомъ есть и искреннее чувство, и некоторый психологический анализъ, и простота представления, — дороже намъ всей литературы тридцатыхъ годовъ, съ ея мистеріями и фантазмами, съ ея итальянскими художниками и поэтами, — и какъ мы думаемъ, такое предпочтете нисколько не удивительно.

Но кто истинно начинаетъ радовать насъ, такъ это — г. Иногородный Подписчикъ. Пусть во многомъ мы съ нимъ не согласны, и, въроатно, никогда не согласимся, но мы видимъ въ немъ такой постоянный прогрессъ на поприщѣ здравыхъ понятій, такъ много благородства въ отношеніи къ литературнымъ произведеніямъ, такъ много жара, прикрываемаго иногда еще, хотя рѣже прежняго, маской нѣсколько фещенебельнаго равнодушія, что, нисколько не колеблемъ, не оглядываясь назадъ, готовы подать ему руку на общую дѣятельность въ пользу здраваго взгляда на искусство, — готовы вследствие этого спорить съ нимъ, въ нужныхъ случаяхъ, искренній, горячій, чѣмъ со многими критиками, имѣющими большія притязанія на серьезность: ибо, кромѣ того, что онъ и образованнѣе, и значительно остроумнѣе ихъ, онъ даже и серьезнѣе, способнѣе увлекаться всѣмъ изящнымъ или дѣльнымъ. Намъ начинаетъ нравиться даже его англоманія, потому что она приводитъ его къ результатамъ, гораздо болѣе прочнымъ, нежели къ какимъ приводитъ другихъ критиковъ любовь къ великосвѣтскости или къ фальшивой образованности: Какъ человекъ живой, Иногородный Подписчикъ, увлекаясь англійской положительностью, не остается однако при одномъ поклоненіи англійскому; нѣтъ! его живо интересуютъ окружающіе его вопросы. Теккерей, на примѣръ, написалъ книгу о Сноббсахъ, г. Иногородный Подписчикъ ищетъ чертъ сноббизма въ той дѣйствительности, которая у него передъ глазами, и отыскиваетъ ихъ довольно удачно. Не желая обременять выписками нашу, и безъ того довольно длинную, статью, мы только обращаемъ вниманіе читателей на его весьма злыя и меткія выдержки изъ замѣтокъ петербургскаго сноббсофила, и выпишемъ одно опредѣленіе сноббизма.

«Что касается до значенія слова «сноббсъ», говоритъ Иногородный Подписчикъ, — то его можно перевести заглавіемъ известной басни, именно: «ворона въ павлиньихъ перьяхъ»; — сноббсы, — сказалъ кто-то недавно, — существа, старающіеся каждый свой гривенникъ представлять червонцемъ, и отъ того часто лишаютъ себя запаса своихъ скромныхъ гривенниковъ! сноббсъ есть человекъ, который лезетъ знакомиться въ своего круга, хвастается своей дружбой съ княземъ Г.,

тратить последнюю сотню цѣлковъ на лондонскій фракъ съ принадлежностями, и т. д.»

Конечно, для болѣзни, которую Иногородный Подписчикъ называетъ по-теккереевски—сноббизмомъ, найдется, если хорошенько поискать, болѣе мѣткое русское прозвище, но дѣло въ томъ, что болѣзнь действительно существуетъ, и что Иногородный Подписчикъ относится къ ней въ высшей степени правильно. «Богатый и изящный человекъ,—говоритъ онъ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ въ анализѣ сноббизма,—думающій идти въ уровень съ особами несравненно умнѣйшими себя, есть сноббсъ, и умный, но не богатый малый, лезущій въ дружбу къ богачамъ—тоже сноббсъ; однимъ словомъ, къ разряду сноббсовъ потребно причислить всѣхъ индивидуумовъ, бросающихъ для потѣхи своего презрѣннаго тщеславія ту жизненную колею, слѣдуя которой они могутъ быть счастливыми и до конца дней своихъ избѣгнуть названія сноббсовъ».

Нельзя не пожелать, чтобы Иногородный Подписчикъ, при такомъ правильномъ понятіи о сноббизмѣ, продолжалъ далѣе анализировать эту болѣзнь въ различныхъ ея видахъ, и чтобы, между прочимъ, коснулся весьма важнаго ея вида—сноббизма литературнаго.

Кромѣ остроумныхъ выходокъ, по поводу сноббсовъ и сноббизма, мы нашли въ письмѣ Иногороднаго Подписчика еще одно крайне утѣшительное для насъ мѣсто. Оно какъ будто служитъ дополненіемъ къ тому, что еще недавно говорили мы объ отношеніи къ действительности школы, названной нами школою фальшивой образованности.

«Вообще пора, говорить Иногородный Подписчикъ, и давно пора нашимъ беллетристамъ исцѣлиться отъ некотораго пристрастія къ героямъ и героинямъ, скучающимъ посреди недостойной (по ихъ мнѣніямъ) обстановки и брезгающимъ жизнію на всѣ лады. Сказанные герои и героини рѣшительно всегда оказываются хуже того міра, въ которомъ вращаются, въ которомъ хандрятъ и который предаютъ посмѣянію. Одно время всѣ русскія повести и романы начинались описаніемъ: то высокой женской природы, тоскующей посреди грубыхъ провинціаловъ; то молодаго учителя съ возвышенными тенденціями, въ кругу добрыхъ,—но, по его мнѣнію, пустыхъ деревенскихъ жителей; то какого-нибудь юпоши, непременно прѣзжаго изъ столицы, вѣдко подшучивающаго надъ губернскими добряками и плохими рядами дамъ, не имѣвшихъ счастья побывать въ Петербургѣ.»

Не въ права ли мы послѣ этаго подать (литературно) руку Иногородному Подписчику и душевно радоваться, что англоязычнѣ приводитъ его къ такимъ прямымъ и простымъ взглядамъ?..

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ, № 1-й, Январь, 1853 года. Первая часть романа Т. Ч., «Дина», читается съ удовольствіемъ, по умънью автора рассказывать живо и просто; по другими свойствами, дорогими и необходимыми въ писателѣ, какъ напр. ясно очертить характеръ, или собрать все рассказанныя происшествія около одной мысли, и такимъ образомъ дать читателю почувствовать, что въ произведеніи есть мысль, — г. Т. Ч. не владеть. Отъ этого все въ его романѣ представляется несвязнымъ и разбросаннымъ; съ трудомъ можно догадаться, къ чему ведетъ свой рассказъ авторъ: замужство Вареньки и картина брачной жизни Константина Васильевича и Софьи Петровны, заключающая первую часть романа, заставляютъ подозревать, что мысль о бракѣ составляетъ задачу романа.

Нѣсколько лѣтнихъ дней», рассказъ г. Крестовскаго, обратилъ на себя наше вниманіе именемъ автора, которому мы недавно воздали честь за благородное направленіе его повѣсти: «Искушеніе». Указавши ему на тѣ стороны его предыдущаго произведенія, которыя снискали ему всеобщее сочувствіе, мы убѣждали его, ради пользы и чести его дарованія, не предаваться мелочнымъ литературнымъ цѣлямъ, не спѣшить печатать, что напишется кое-какъ, не забывать ни на минуту нравственныхъ побужденій и ими только руководствоваться въ своей литературной дѣятельности. Писателю надобно приглядываться къ нуждамъ времени, и испытывать, чѣмъ нужно питать своихъ читателей; на прим. когда масса подражательныхъ писателей приучила публику къ неразборчивому смѣху, когда имъ удалось довести читателей до забвенія тѣхъ условій, при которыхъ смѣхъ можетъ быть полезенъ; тогда писателю самостоятельному, въ которомъ живутъ свои понятія, должно съ ревностью присматривать за ними, не слушать расчётливой лести, но строго воспитывать ихъ въ себѣ, доколь онѣ окрепнутъ до того, что имъ не будетъ опасно никакое посягательство. Повторить этотъ советъ г. Крестовскому заставилъ насъ его новый рассказъ, о которомъ мы и не упомянули бы, еслибъ онъ не имъ былъ написанъ. Мы надѣемся, что послѣдующія произведенія г. Крестовскаго заглядятъ въ насъ то впечатлѣніе, которое произвелъ на насъ его новый рассказъ; но вѣдь это преневыгодное

обстоятельство и для самого автора: «Искушеніе» заставило насъ думать о немъ известнымъ образомъ, мы возложили на него нѣкую надежду, что онъ принадлежитъ къ числу писателей, понимающихъ свое назначеніе; — и вдругъ онъ насъ даритъ пустымъ разсказомъ, который ничѣмъ не отличается отъ воговорокъ Евгенія Туръ, безцвѣтный, безцѣльный. Какъ это грустно и досадно! Какъ бы то ни было, а все-таки мы долгомъ считаемъ замѣтить автору, что мы не пропустили безъ вниманія въ его разсказъ Вареньки; въ тонкія ощущенія ея души, которыя съ значительнымъ искусствомъ обозначилъ авторъ, заставляють насъ жалеть о томъ, что онъ употреблены не къ мѣсту и слѣд. брошены даромъ.

Илиада Гомера — переводъ г. Ордынскаго (Рисод. I — III). Приступить къ переводу *Илиады* г. Ордынскій могъ, разумѣется, только на томъ основаніи, что считалъ переводъ Гнѣдича неудовлетворительнымъ. Дѣйствительно, при всѣхъ своихъ классическихъ красотахъ, переводъ Гнѣдича не даетъ о подлинникѣ окончательно вѣрнаго понятія: главѣйшимъ его недостаткомъ, ощутительнымъ для каждаго, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ подлинникомъ, почитается высокопарный и постоянно торжественный складъ его рѣчи, вовсе не соответствующій простому, безыскусственному строю гомеровою поэмы. Въ предисловіи къ своему переводу Гнѣдичъ, выразилъ самыя истинныя понятія о характерѣ подлинника и о способѣ передать его на нашъ языкъ. Но видно, отъ пониманія до совершенія разстояніе не близкое; сверхъ того, во времена Гнѣдича о средствахъ нашего языка мы не имѣли такого понятія, какое имѣемъ теперь, послѣ столь разнообразныхъ открытій въ области его исторіи и мѣстнаго развитія. Въ настоящее время, когда мы, побѣдивши долговременное предубѣжденіе, съ любовью начинаемъ обращаться къ высокимъ образцамъ нашей народной поэзіи, во многихъ отношеніяхъ столь близкой и родственной поэзіи гомерической, намъ легко замѣтить недостатки въ переводѣ не только Гнѣдича, но и въ переводѣ Жуковскаго. И въ томъ, и въ другомъ мы не найдемъ полной замѣны подлинника, тотъ и другой вызываетъ различныя замѣчанія критики. Г. Ордынскій и не преминулъ ихъ сдѣлать въ своей статьѣ, помещенной въ Отечественныхъ же Запискахъ (№ 8, 1849 года) послѣ выхода въ свѣтъ перевода Одиссея. Все эти замѣчанія сводятся къ одному итогу: что русскіе переводчики гомеровыхъ поэмъ меньше, чѣмъ бы слѣдовало, воспользовались эмпирическими свойствами нашей

народной поэзии, для ихъ передачи. Мы соглашались съ замѣчаніями г. Ордынскаго только въ такомъ общемъ ихъ видѣ, не раздвѣляя нисколько его мнѣнія, будто бы «переводъ В. А. Жуковскаго *можетъ только захотѣть* русскую публику къ знакомству съ гомеровыми поэмами, и, не пополняя ошутительнаго у насъ недостатка въ переводѣ *Одиссеи, возбуждаетъ потребность въ новомъ переводѣ этой поэмы и Илиады.*» Такое замѣчаніе отнюдь не дѣлаетъ чести эстетическимъ понятіямъ г. Ордынскаго: конечно, желательно было бы видѣть въ переводѣ Жуковскаго болѣе соответствія подлиннику, касательно вышшаго выраженія, особенно когда для этого есть средства, но какъ же можно, изъ-за этого недостатка, просмотрѣть другое, гораздо важнѣйшее соответствіе въ духѣ, которому мы обязаны тѣмъ, что, читая переводъ Жуковскаго, совершенно переносимся въ бытъ, изображаемый поэмою, и объ лицахъ, въ ней дѣйствующихъ, получаемъ почти то же понятіе, какъ и изъ чтенія подлинника? Критикъ, пропустившій такое важное обстоятельство, не можетъ возбудить въ насъ довѣрія къ своимъ понятіямъ объ изслѣдуемомъ имъ дѣлѣ. »Гнѣдичева Илиада, продолжаетъ онъ для нашего времени еще менѣе удовлетворительна. Чтобъ переводъ Илиады и Одиссеи удовлетворялъ настоящимъ потребностямъ, должно перевести эти поэмы, *если не народнымъ нашимъ языкомъ, то по крайней мѣрѣ такимъ языкомъ, который былъ бы чуждъ всѣхъ чисто-литературныхъ* *) словъ и выраженій. *Славянскій языкъ также отнюдь не долженъ быть употребляемъ* въ переводъ Гомеровыхъ поэмъ.« Чрезвычайно сбивчивое и неправильное понятіе о способѣ перевода! Если обратимъ вниманіе на составъ нашего языка, то найдемъ въ немъ три образующія его стихіи: славянскую, народную и литературную; другія, намъ кажется, нѣтъ. При такомъ положеніи дѣла, какъ быть переводчику, если онъ захочетъ послушаться советовъ г. Ордынскаго? Языкъ перевода, по его мнѣнію, долженъ быть чуждъ *литературныхъ* словъ и выраженій; *славянскій* языкъ отнюдь не долженъ быть употребляемъ; остается одна народная стихія, но и про нее онъ выражается такъ: «должно перевести эти поэмы, *если не народнымъ* нашимъ языкомъ,» и т. д. И такъ вмѣсто того, чтобъ посоветовать переводчику воспользоваться всеми средствами трехъ, указанныхъ нами, стихій нашего языка и ловить въ каждой изъ нихъ

*) Курсивъ у автора.

то, что пригодно для передачи разнообразных оборотов подлинника, г. Ордынскій не допускаетъ его ни до одной. »Сверхъ того, продолжаетъ г. Ордынскій, вѣрный переводъ *Иліады* и *Одиссеи* можетъ быть сдѣланъ только *прозою* *). Гекзаметръ, настоящій гомеровскій гекзаметръ, чуждъ новымъ языкамъ, другіе размеры не идутъ къ Гомеровымъ поэмамъ. *Прозаическій переводъ Иліады и Одиссеи можетъ быть и поэтиченъ. Въ наше время стихъ понизился до прозы, проза возвысилась до стиха.* Если перевести какое бы то ни было поэтическое, стихотворное произведеніе такою поэтическою прозою, какая встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *Мертвыхъ Душ* и въ концѣ *Разъѣзда* (г.) Гоголя, то *никто не пожелаетъ* (?) стихотворнаго перевода.« Не странно ли, что, рассуждая объ *Отцѣ поэзіи* и объ его безсмертныхъ *поэмахъ*, г. Ордынскій съ такимъ равнодушіемъ отказывается отъ стиха? Положимъ, что для буквальной вѣрности необходимо переводить Гомера прозой, но такой переводъ составить пріобретеніе только для классныхъ занятій, а отнюдь не войдетъ въ область художественной литературы. Если нашъ гекзаметръ и не вполне соответствуетъ гомерическому, такъ все-таки онъ у насъ есть, онъ узаконенъ прекрасными опытами нашихъ первоклассныхъ поэтовъ; все таки гекзаметръ есть единственная вѣтшая форма, въ которой можетъ явиться художественный переводъ Гомера. Если условія стихотворнаго перевода и заставятъ иногда переводчика прибѣгнуть къ иному обороту, къ нѣкоторому измѣненію фразы, во всякомъ случаѣ гекзаметръ соблюдаетъ въ переводѣ такіа черты, которыя прозой не могутъ быть переданы; именно: то внутреннее соответствіе перевода подлиннику, о которомъ мы говорили выше, можетъ быть выражено только при соблюденіи стихотворной формы. Съ трудомъ можно понять мысль г. Ордынскаго, что »въ наше время стихъ понизился до прозы, проза возвысилась до стиха.« Чей же стихъ разумѣль онъ, говоря это? Не стыдно ли говорить, даже про себя думать о такихъ поэтахъ, когда рассуждаешь о Гомерѣ? И что же за дѣло, что эти жалкіе поэты, нищѣ душевнымъ содержаніемъ, стыдящіеся восторга и лирическаго движенія, низвели стихъ до прозы? Кому же они законъ? Неужели на нихъ долженъ смотрѣть переводчикъ Гомера? И что же за дѣло, что въ наше время проза взяла верхъ надъ стихомъ и явилась преобладающею формою

*) Куревъ у автора,

взыщныхъ произведеній? Это касается только современныхъ произведеній и обуславливается ихъ свойствами и направленіемъ. Кто переводитъ Гомера, тотъ долженъ забыть заботы и размышленія нашего времени, съ которыми не уживаются стихъ и риѳма, дѣти радости и восторга, тому нужно всѣмъ существомъ погрузиться въ давно прошедшую эпоху младенчества челоѵка и оттуда заимствовать нужныя для своего труда беззаботность и спокойствіе. Тогда только онъ сдружится и съ стихомъ, тогда только онъ и передастъ. этимъ стихомъ то, что пѣлъ спокойный, не знающій тревоги старецъ. Далѣе мы замѣтимъ г. Ордынскому, что о свойствахъ поэтической прозы онъ имѣетъ очень неправильное понятіе. Можно ли думать, что «стихотворное произведеніе можно переводить такую поэтическую прозою, какая встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Мертвыхъ Душъ и въ концѣ Разъѣзда (г.) Гоголя?» Какую напр. поѣму указать намъ г. Ордынский, которую можно было бы перевести такой прозой? Если бы напр. Илиаду перевести такой прозой, неужели тогда никто не пожелаетъ стихотворнаго перевода? Понятіе «поэтической» гораздо шире понятія «восторженный.» Если можно найти прозу, соответствующую складу гомеровыхъ поѣмъ, то только въ известномъ мѣстѣ Тараса Бульбы, въ знаменитомъ описаніи битвы.

Мы рассмотрѣли понятіе г. Ордынскаго о способѣ перевода Гомера на русскій языкъ, и нашли въ нихъ много неправильнаго и сбивчиваго. Считаемъ нужнымъ замѣтить, что неправильность его понятій объ этомъ дѣлѣ представляется въ увеличенномъ видѣ, вслѣдствіе неясности его изложенія. Изъ его мнѣній можно принять только одно: что русскій переводчикъ долженъ соблюдать, по мѣрѣ возможности, то близкое и родственное соответствіе, которое существуетъ между греческимъ эпическимъ языкомъ и нашимъ. Оставаясь въ такомъ видѣ, это мнѣніе совершенно справедливо; но мы увидимъ, какъ примѣнялъ его г. Ордынский къ дѣлу. а вмѣстѣ съ тѣмъ увидимъ, на сколько онъ былъ правъ, отрицая стихотворную форму перевода Жуковскаго и предлагая свою прозаическую. Прозаическій переводъ, по необходимости погубляющій свое внутреннее сходство съ подлинникомъ, долженъ, разумѣется, прежде всего удовлетворять внѣшнему сходству, въ отношеніи къ построенію и расположенію предложений, передачъ словъ подлинника самыми близкими по значенію словами русскаго языка и т. д. Разберемъ же съ этой стороны переводъ г. Ордынскаго.

Прежде всего рассмотримъ, такъ ли, вѣрно ли онъ передаетъ слова подлинника въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ему не представлялось никакихъ для этого препятствій:

Ἐξ οὐ δὴ τὰ πρῶτα διαστήτην ἐρίσαντε
Ἄτρεϊδος τε ἄναξ ἀνδρῶν καὶ δῖος Ἀχιλλεύς.

•Переведено:

«Такъ было (?) съ тѣхъ поръ, какъ *поздорили* князь Атревичъ и ~~сестра~~-Ахиллъ.»

Въ подлинникѣ словъ «такъ было» вовсе нѣтъ, и придаточное предложенье, начинающееся словами *ἔξ οὐ*, относится къ предложенью: *ἦ μὲν Ἰσχυροῖς ἀλυέ ἔθνηεν*, и т. д. Гнедичъ переводилъ гекзаметромъ, но у него нѣтъ такой вставки, у него просто сказано: «съ онаго дня, какъ», и т. д.

Слову *поздорили* въ подлинникѣ соответствуютъ два: «*διαστήτην ἐρίσαντε*», что буквально значить *поссорившись разстались*. Откуда же это несоответствіе? Не говоримъ уже, что слово *поздорили* употребляется для означенія мелкихъ ссоръ (самое слово — *ἔζдор* — это показываетъ), а эта ссора имѣла весьма важныя послѣдствія, къ числу которыхъ относится и самая поэма.

Слово *ἄναξ* можно ли всегда переводить словомъ *князь*? Это очень сомнительно. По крайней мѣрѣ, следуя этому правилу, г. Ордынскій не рѣдко доходитъ до смѣшнаго; напр. «Геестъ далъ *князю* Зевсу Кроновичу.» Какой же Зевсъ *князь*? Это странно слышать!

Переводъ отечественныхъ именъ греческихъ по образцу русскихъ тоже подлежитъ размышленію. Положимъ, что — *ίδης*, если и не тождественно, какъ полагаетъ г. Ордынскій, такъ близко къ нашему — *ичь*, но изъ этого нельзя еще окончательно заключать, чтобы первое должно было переводить вторымъ. Французское *де* (передъ фамиліями) значить *изъ*, но имъ не переводится. Мы не хотимъ сказать, чтобы — *ίδης* замѣнять черезъ — *ичь* было одно и то же, что *де* перевести предлогомъ *изъ*, но все-таки не думаемъ, чтобы это нововведеніе г. Ордынскаго удержалось и было принято другими.

Δῖος — свѣтъ. Нѣтъ спора, что въ словъ *δῖος* первоначально заключено было понятіе свѣта, но Гомеръ даетъ намъ его уже въ переработанной формѣ. Понятіе свѣта вошло первоначально въ названіе *Ζεὺς*, но въ названіи живаго существа утратило свое первое отвлеченное значеніе, — и *δῖος* у Гомера обозначаетъ того, кто *ἐκ Διός ἐστ*. Мы думаемъ, что возстановленіе первобытнаго значенія слова *δῖος*

надобно оставить лингвисту, а переводчику надобно держаться того значенія, какое слову дано поэтомъ.

Μῆ νύ τοι οὐ χραίσμῃ σκῆπτρον καὶ στέμμα θεοῖο.

Переведено:

»А то, *пожалуй*, не пособять тебѣ ни жезлъ, ни *вѣлки* божіи.«
Слово *пожалуй* лишнее; *вѣлки* — число множественное, въ то время, какъ *στέμμα* — единственное.

Τίθειαν Δαναοὶ ἐμὰ δάκρυα βοῶσι βέλεσθιν.

Переведено:

»Да *поплатятся* Данай за слезы мои *твоими стрѣлами*.«
Совершенно неправильный оборотъ! Хризесъ молить Аполлона, чтобъ опъ наказаль Данай своими стрѣлами, а *поплатиться стрѣлами* значить совершенно иное. У Гнѣдича ближе переведено:

Слезы мои отомсти Аргивянамъ стрѣлами твоими.

Ἦ γὰρ ὄτομαι ἀνδρα χολωσέμεν.

Переведено:

»*Впрится* мнѣ, прогнѣваю я мужа.«

Впрится мнѣ выражаетъ надежду и желаніе, а здѣсь Калхасъ изъясняетъ опасеніе; у Гнѣдича и переведено:

»Я *опасаюсь*, прогнѣваю мужа.«

τότε κέν μιν ἰλασάμενοι πεπίθοιμεν.

Переведено:

»*Умолимъ* Феба — такъ, *можетъ, спасемя*.«

Неужели *πεπίθοιμεν* можно перевести *спасемя*? И къ чему же перемѣнять весь складъ фразы — *ἰλασάμενοι οἱ μιν* переводить — *умолимъ Феба*?

Μη.

Κλέπτε νόφ' ἐπεὶ οὐ παρελείβεαι οὐδὲ με κείσεις.

Переведено:

»Не *хитри*: не *надуешь* меня, не *проведешь*.«

Κλέπτε νόφ' — *хитри*, хоть не близко, но возможно; *παρελείβεαι* — *надуешь* — далеко и невѣрно: русскій глаголь *обойдти* ближе этимологически, и, по своему сравнительно мягкому значенію, болѣе соответствуетъ данному случаю; *οὐδὲ κείσεις* — *не проведешь* — невозможно перевести: это значить — *не убьдешь*.

Ἔως ὃ ταυτ' ἄρμαινε κατὰ φρένα καὶ κατὰ θυμόν.

Переведено:

»Пока онъ раздумываль. «

Изъ девяти словъ переведены только три, остальные шесть опущены.

..... ἰγὰρ δ' ὀλίγον τε φίλον τε
ἔρχομαι ἔχων ἐπὶ νῆας.....

Переведено:

«Я же уйду на корабли съ даромъ *плохимъ*; *итотъ-то миль* (?) миль.

Такое отдаление отъ подлинника неизвинительно и въ стихахъ.

Гдѣ же тѣ средства, которыя въ нашемъ народномъ языкѣ думалъ найти г. Ордынскій, для сохраненія ближайшаго соответствія подлиннику? Если мы могли сдѣлать переводчику столько замѣчаній на пространствѣ 200 стиховъ. 1-й рапсодіи, не всѣ еще неправильности замѣчая, то не трудно заключить, что прозаическая форма перевода не можетъ еще служить достаточной порукой за его вѣрность. Обратимъ теперь вниманіе на расположеніе словъ въ предложеніяхъ; въ этомъ случаѣ, нужно замѣтить, не столь важно удержаніе того порядка въ словорасположеніи, который существуетъ въ подлинникѣ, сколько искусная перестановка ихъ, сообразно требованіямъ русскаго эпическаго склада. Посмотримъ, какъ поступалъ въ этомъ случаѣ нашъ переводчикъ.

Возьмемъ для примѣра 268—69 стихи 11 рапсодіи:

»Прислѣль Фертить, сробѣлъ, глупо глядѣлъ, больно было ему,
отиралъ онъ слезы.»

(ὁ δ' ἄρ' ἔζητο τάρβησέν τε — ἀλγῆσας δ', ἀχρεῖον ἰδών, ἀκομῶρξάτο δάκρυ).

Не говоря уже о далекости и неправильности перевода, мы замѣтимъ только, что пять предложеній, заключающіяся въ приведенныхъ стихахъ, у г. Ордынскаго стоятъ какъ-то безъ всякой связи, какъ будто каждое само по себѣ. Эти стихи въ его переводѣ хочется читать, какъ приговоры или загадки. А это очень чувствительно для достоинства эпическаго стиха.

324 стихъ и дал. III рапсодіи:

»Такъ говорили. Трясъ жеребьи шлемоблещущій Гекторъ, голову отвернувши, и быстро выскочилъ паридовъ жребій. Тутъ сѣли всѣ рядами, гдѣ у каждаго кони стояли, доспѣхи пестрые лежали.»

Такія мѣста живо напоминаютъ намъ классные переводы.

И къ чему это постоянно глаголь на концѣ? Неужели въ этомъ выражается, хоть сколько-нибудь, характеръ нашей эпической рѣчи? Ни чуть! То же должно сказать и о прилагательныхъ, поставленныхъ послѣ существительныхъ.

Не выписываемъ болѣе примѣровъ; и безъ того мы утомили читателя подробностями. Но до сихъ поръ мы разсматривали переводъ г. Ордынскаго въ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ онъ долженъ бы былъ превосходить поэтическіе переводы, именно: въ отношенія къ точности въ выборѣ словъ и правильности ихъ расположенія. Съ удивленіемъ мы нашли въ немъ такіа неправильности и неловкости, какихъ нѣтъ и въ поэтическихъ переводахъ, и какихъ мы никогда не надѣялись встрѣтить въ порядочномъ переводѣ.

Переходимъ теперь къ важнѣйшему условію художественнаго перевода — изяществу. Здѣсь, гдѣ, по нашему твердому убѣжденію, безъ стиха, и именно безъ гекзаметра, обойтись невозможно, мы и не надѣялись найти того, чего обыкновенно ожидаютъ отъ перевода поэтическаго произведенія. Крайнимъ успѣхомъ для прозаическаго переводчика *Иліады* и *Одиссеи* на русскій языкъ было бы то, если бы онъ сообщилъ своей прозѣ тѣ свойства, которыми обладаетъ проза Гоголя въ известномъ мѣствѣ Тараса Бульбы *). Но даже для самаго Гоголя облечь въ созданныя имъ формы творенія Гомера было бы гораздо труднѣе, чѣмъ заключить въ нихъ собственное содержаніе. Какъ же посчастливилось г. Ордынскому? Какую прѣзу онъ создалъ или избралъ для своего перевода? Мы ужь не разъ

*) Здѣсь кстати замѣтить кое-что о тѣхъ жестокихъ нападкахъ, которымъ подверглось со стороны нашихъ эллинистовъ письмо Гоголя о переводѣ *Одиссеи*. Что Гоголь самымъ истиннымъ образомъ понималъ красоты гомерической поэзіи, это доказывается описаніемъ битвы въ Т. Бульбѣ; этимъ въ то же время доказывается и то, что, для истиннаго пониманія этихъ красотъ, развитіе въ душѣ чувства эстетическаго гораздо нужнѣе, чѣмъ знаніе наизусть греческихъ сложеній и спряженій, или подробное знакомство съ употребленіемъ частицъ *υε* и *ρα*. Вотъ почему, когда вышло письмо Гоголя, въ которомъ, конечно, есть лишніа выраженія, но общій смыслъ котораго состоятъ въ правильномъ чувствованіи красотъ перевода, наши ученые критики, и даже не ученые (которымъ впрочемъ простительнѣе) подняли это письмо на смѣхъ, и каждый спѣшилъ, *κίβει γάλακτα*, озадачить его своими замѣтками. А между тѣмъ время шло, и незамѣтнымъ образомъ привело насъ къ оправданію письма, писаннаго Гоголемъ. И стало ясно, что гораздо бы справедливѣе было со стороны мудрыхъ эллинистовъ, чѣмъ косо смотрѣть на восторгъ поэта, заглянуть пристальнѣе въ свою душу и разсмотрѣть хорошенько, какъ грамматика и словарь, про пособія безчисленныхъ комментаріевъ, убия въ ней поэтическое чувство, безъ котораго нельзя говорить о Гомерѣ и о переводѣ его поэмъ.

говорили, что онъ для своего дѣла задумалъ пользоваться народнымъ нашимъ языкомъ. Мы согласны совершенно, что народная стихія нашего языка должна быть преобладающею или основною въ переводѣ Гомера, а славянской и литературный языки должны помогать только въ нужныхъ случаяхъ. Не должно однако забывать, что славянской языкъ нельзя такъ резко отдѣлять отъ народной стихіи; это желаніе раздѣлить ихъ такъ рѣшительно часто вводитъ въ значительныя ошибки, что испыталъ на себѣ, какъ увидимъ, и г. Ордынский. Но и о самомъ народномъ языкѣ можно имѣть до того различныя понятія, что одна и та же мысль переводить Гомера народнымъ русскимъ языкомъ можетъ быть и совершенно справедливою, и совершенно ложною. На прим., если бы кто сдѣлалъ такое заключеніе, что для передачи на русскій языкъ Гомера должно воспользоваться всеми свойствами нашего языка, какимъ его мы знаемъ въ эпическихъ нашихъ пѣсняхъ, собранныхъ Киршею Даниловымъ, въ духовныхъ стихахъ, которые досель поются нищею братіею и изданы П. В. Кирьевскимъ, въ старинныхъ русскихъ пѣсняхъ, уцѣлѣвшихъ отчасти въ народѣ, отчасти въ собраніяхъ благородныхъ любителей роднаго слова; мы согласились бы съ нимъ совершенно, ибо нѣтъ другаго языка въ мірѣ, который въ своихъ эпическихъ свойствахъ былъ такъ родственъ съ языкомъ Гомера, даже въ мелкихъ подробностяхъ, какъ нашъ. Чье ухо съ младенчества питалось сладкими звуками народной нашей поэзіи, кто имѣлъ счастье запасть ея впечатлѣніями, еще до встрѣчи своей съ искусственной рѣчью современной литературы, тотъ читаетъ Гомера, какъ поэта роднаго, своего. И не придется Нѣмцу или Французу, хоть онъ выучи 1000 разъ наизусть его поэмы, прочувствовать ихъ до такихъ малѣйшихъ подробностей, какъ прочувствуетъ ихъ тотъ изъ насъ, кто знаетъ свой языкъ изъ его первоначальнаго источника.

Но г. Ордынский имѣлъ въ виду не тотъ народный языкъ, про который мы говоримъ; изъ его перевода оказывается, что онъ съ намѣреніемъ выбиралъ такія выраженія, которыя встрѣчаются по преимуществу въ ежедневномъ разговорѣ нашего простолюдина, и которымъ труденъ доступъ въ поэтическое произведеніе. Это нѣчто въ родъ того народнаго языка, съ которымъ мы знакомимся изъ рассказовъ нашихъ посредственныхъ бытописателей. Его нельзя сравнить даже съ языкомъ, который мы находимъ въ повѣстяхъ, напр., г. Григоровича; онъ еще нѣсколькоми ступенями ниже его. Очевидно, что г. Ордынский ложно понимаетъ *простоту* эпической рѣчи; она состоитъ

совсем не въ выборъ *простонародныхъ* выраженій, которыя низводятъ ее до такъ называемой *тривиальности*. Это совершенно несправедливое понятіе! Стоитъ только припомнить все разнообразнѣйшее содержаніе *Иліады* и *Одиссеи*, чтобы понять съ разу несостоятельность такого мнѣнія. Тамъ рядомъ съ описаніемъ самаго простаго физическаго явленія изображаются глубочайшія и тончайшія движенія человеческой души, тотчасъ за изображеніемъ одежды героя слѣдуетъ описаніе бурнаго вѣча, за приготовленіемъ обѣда или ужина рисуется разгаръ необузданной страсти. Для изображенія такого разнообразія простонароднаго языка очень недостаточно. И странно полагать простоту эпической рѣчи въ ея соотвѣтствіи просторѣчію; эта простота выражается въ ровности и незамѣтности переходовъ отъ изображеній высокаго къ картинамъ самымъ обыкновеннымъ и простымъ. Она есть плодъ той первоначальной цѣльности древняго міросозерцанія, вслѣдствіе которой человекъ не дѣлилъ такъ резко, какъ мы теперь, явленій высокихъ отъ низкихъ, а всему давалъ мѣру, потерянную навсегда для утонченно-развитаго человекъ. Потому и въ самомъ выраженіи не было такого разграниченія между простымъ и возвышеннымъ, какое существуетъ въ образованной рѣчи. Точно то же мы замѣчаемъ и въ нашей народной поэзіи, а просторѣчіе есть нечто одностороннее и отчасти грубое. *) И тотъ, кто смѣшиваетъ одно съ другимъ, по нашему мнѣнію, глубоко оскорбляетъ языкъ нашей поэзіи; и кто переводитъ Гомера языкомъ простонародья, тотъ унижаетъ достоинство его поэмъ, и рѣшительно не знаетъ, съ чѣмъ имѣть дѣло. — Къ тому же г. Ордынскій, какъ будто нарочно, изъ простонародной рѣчи выбиралъ самыя неуклюжія выраженія, которыхъ избѣгаетъ умный и владѣющій словомъ простолюдинъ; мы уже замѣчали, что языкъ нашихъ не очень искусныхъ бытописателей далеко превосходить своимъ изяществомъ языкъ г. Ордынскаго. Его языкъ можно сравнить съ мнимо-народнымъ языкомъ драмъ Полеваго, напр. съ языкомъ купца Иголкина. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ:

*) Наше просторѣчіе, замѣтимъ мы для избѣжанія недоразумѣній, выигрываетъ при сравненіи его съ языкомъ литературнымъ, лишеннымъ вовсе тѣхъ первоначальныхъ красотъ, которыя уцѣлѣли отчасти въ просторѣчіи. Но, по отношенію къ древнимъ эпическимъ образцамъ языка, его нельзя не назвать грубымъ и одностороннимъ. Это доказывается, какъ нельзя лучше, переводомъ г. Ордынскаго.

Ранс. II, ст. 337. *»Ω πόποι, ἦ δὴ παισὶν ἰοικότες ἀγοράασθε
νηπιάχοις, οἷς οὔτι μέλει πολεμήϊα ἔργα.*

Переведено:

»Ахти, толкуете вы, право, словно ребята глупые; видно, и на умъ у васъ нѣтъ дѣла ратнаго.»

Хотя просто выражался Несторъ, но самое содержаніе его рѣчи должно по необходимости придать ей такой характеръ, по которому она всегда будетъ отлична отъ обыденной рѣчи нашего мужичка. Еслибы русскій художникъ задумалъ представить картину древяго нашего быта, то не могъ бы онъ рѣчи боярина сообщить всѣхъ свойствъ телерешней простонародной рѣчи: при извѣстномъ сходствѣ той и другой, онъ далъ бы имъ нужные оттѣнки.

Ранс. I, ст. 216. *Χρῆ μὲν σφωίτερόν γε θεὰ ἔπος εἰρύσσομαι,
καὶ μάλα περ θυμῷ κεχολωμένον· ὧς γὰρ ἄμεινον.
Ὅς κε θεοῖς ἐπιπέσθεται μάλα τ' ἔκλυον αὐτοῦ.*

Переведено:

»Нужно, богиня, слово ваше соблюсти, какъ ни крѣпко осерчалъ я: лучше будетъ! Кто боговъ слушается, тому и они внимаютъ. Далѣе: *Ἦ καὶ ἐπ' ἀργυρέῃ κάπη σκέθε χεῖρα βαρείαν.*

Переведено:

»Молвилъ и остановилъ дебелу-руку на серебряной рукояти.»

Ранс. I, ст. 179. *Ὀϊκάδ' ἰὼν σὺν νηυσὶ τε σῆς καὶ σοῖς ἐτάροισιν
Μυρμιδόνεσσιν ἄνασσε, σέθεν δ' ἐγὼ οὐκ ἀλεγύζω
οὐδ' ὄδομαι κότεόντος.*

Переведено:

»Ступай, пожалуй, домой на корабляхъ твоихъ, съ дружиною твоею; княжи надъ Мирмидонами: и не подумаю о тебѣ, и тужить не стану, что осерчалъ.»

Мы привели эти немногія мѣста, не стараясь выбирать, но и итъ достаточно, особенно въ соединеніи съ выше приведенными замѣтками, для того, чтобы показать, какъ унижено переводомъ г. Ордынскаго достоинство гомерова стиха. Какъ плохо онъ знаетъ средства нашего языка, если не пашель въ немъ иныхъ для передачи Гомера; какое грубое понятіе о простотѣ Илиады! Мы не останавливаемся на частныхъ замѣткахъ, которыхъ можно бы сдѣлать множество и которыя подтвердили бы еще болѣе сказанное нами досель; и безъ того наша рецензія вышла длиннѣе, чѣмъ мы желали. Скрыша сердце, мы произносили свои заключенія о неудавшемся предпріятіи г. Ордынскаго, котораго другіе труды по части классической древ-

ности заслуживаютъ вниманія; пять лѣтъ провести надъ работой, считая ее полезной для науки и общества, и потерпѣть такую неудачу — очень не легко. Мы отчасти готовы предположить въ этой неудачѣ некотораго рода возмездіе за легкомысленный отзывъ, который позволилъ себѣ сдѣлать г. Ордынскій о переводѣ Жуковскаго. Тотъ, кто рѣшился выговорить, что «переводъ В. А. Жуковскаго можетъ только заохотить русскую публику къ знакомству съ Гомеровыми поэмами, что онъ возбуждаетъ потребность въ новомъ переводѣ Одиссеи и Илиады,» тотъ несетъ справедливое наказаніе въ томъ, что его собственный переводъ только «возбуждаетъ потребность въ новомъ,» по «заохотить къ знакомству съ Гомеровыми поэмами не можетъ.»

»Василій Андреевичъ Жуковскій«, статья г. Никитенка. По истинѣ утѣшительно видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ къ памяти нашего незабвеннаго поэта наши ученые спѣшатъ подѣлиться съ публикой плодами своихъ наблюденій надъ его дѣятельностью. Мы говорили уже о превосходныхъ статьяхъ г. Плетнева, помѣщенныхъ въ «Извѣстіяхъ»; рѣчь г. Шевырева напечатана въ нашемъ журналѣ; упоминали мы также о статьяхъ г. Гадахова въ Отечественныхъ Запискахъ, наконецъ въ томъ же журналѣ мы встрѣчаемъ статью г. Никитенка. Она имѣетъ цѣлью указать на значеніе Жуковскаго въ нашей литературѣ и образованности, и отчасти этого достигаетъ; но, во крайне темному изложенію и отсутствію плана, читается съ большимъ трудомъ. Не очень пріятно намъ было встрѣтить въ этой статьѣ повтореніе некоторыхъ избитыхъ положеній, которыми прежде цѣголяли От. Записки и Современникъ.

Переходимъ теперь къ «Обозрѣнію Русской литературы въ 1852 году» (статья первая). Уже въ объявленіи объ изданіи своего журнала въ текущемъ году Отечественныя Записки обещали избѣгать въ полемикѣ «шутокъ непримичныхъ серьезной критикѣ», и такимъ образомъ, вѣроятно, хорошо зная свойства своего критика, этимъ печатнымъ общаніемъ какъ бы напередъ обязывали его къ оставленію некоторыхъ дурныхъ привычекъ. Самъ онъ наконецъ, приступая къ обозрѣнію, какъ бы не надѣется на одни собственные силы и припоминаетъ совѣты древнихъ мудрецовъ о строгомъ отчетѣ въ своемъ прошломъ поведеніи. Такая скромность критики, въ соединеніи съ предварительными мѣрами редакціи, давала намъ не малый поводъ надѣяться, что въ нынѣшнемъ году мы будемъ имѣть нако-

нецъ дѣло съ серьезнымъ и добросовѣстнымъ обзоромъ всехъ литературныхъ явленій протекшаго года. Зная за рецензентомъ От. Зап. въ прошломъ году много умышленныхъ и неумышленныхъ литературныхъ грѣховъ, мы прежде всего ожидали его сознанія въ этихъ промахахъ. Какъ же лучше и благороднѣе начать свое новое литературное поприще, какъ не добросовѣстнымъ признаніемъ своихъ старыхъ проступковъ? Но видно, не легкое дѣло отстать съ разу отъ глубоко укоренившихся привычекъ. Нѣтъ и помину въ новой статьѣ о какихъ-нибудь переменѣхъ въ образѣ мыслей, манерѣ и другихъ свойствахъ рецензента Отеч. Записокъ. То же упорство въ каждомъ однажды сказанномъ словѣ, то же безпрестанное повтореніе вѣдкихъ, по его мнѣнію, шутокъ на счетъ лицъ особенно непріятныхъ ему въ литературѣ; та же дерзость въ отношеніи ко всемъ другимъ журнальнымъ собратьямъ, и та же самоувѣренность въ отношеніи къ себѣ. И такъ бесплодными остались и предварительныя мѣры редакціи, и совѣты древнихъ мудрецовъ, и лишній годъ опыта жизни. Такими же останутся естественно и наши отношенія къ рецензенту От. За: иско, хотя мы отъ души желали и надѣялись переменить ихъ на лучшія. Но обратимся къ нѣкоторымъ частнымъ замѣчаніямъ.

Главное, что непріятно поразило насъ въ статьѣ о «Русской литературѣ въ 1852 году,» это нескрываемая нисколько рецензентомъ страсть къ бесплодной и лицепріятной полемикѣ. Въ сущности вся цѣль автора статьи состоитъ не въ томъ, чтобы обозрѣть яснымъ и безпристрастнымъ взглядомъ всѣ событія литературы въ прошломъ году, а задѣть какъ можно болѣе и при всякомъ случаѣ своихъ воображаемыхъ литературныхъ враговъ. Чтобы доказать это, достаточно двухъ, трехъ примѣровъ. Такъ знаменитое «новое слово,» о которомъ уже столько разъ толковали От. Зап. въ прошломъ году, повторено опять въ настоящей статьѣ на 56 страницахъ около 30 разъ. Нужно ли къ этому какое-либо объясненіе? Пересмотрите также выписки, сдѣланныя рецензентомъ изъ различныхъ журналовъ. Съ какою радостью бросается онъ на такія мѣста въ статьяхъ различныхъ «флетонистовъ», гдѣ говорится съ вѣкостью или насмѣшкою о комъ-нибудь изъ его литературныхъ собратовъ и въ особенности объ «единственномъ, мало-читаемомъ московскомъ журналѣ. Въ отношеніи къ этому главному своему врагу онъ даже не удовлетворяется чужимъ остроуміемъ, и пускается, хоть и тяжеленько вешиго, острить самъ. Вотъ напр. какими словами выражается онъ, говоря о рецензентахъ «Москвитяишекъ».

»Особенный роль фельетона образовался въ единственномъ московскомъ журналѣ. Онъ пошелъ отъ одного корня, взялся отъ одного общаго всемъ образца, но принялъ свой особый характеръ. Удивительно, какъ дѣйствуетъ мѣстность! Подъ ея вліяніемъ одна и таже вещь можетъ являться въ видахъ, до крайности различныхъ между собою. Во-первыхъ, московскій фельетонъ изготавливается въ нѣсколько рукъ; журнальная литература раздѣлена, примѣромъ сказать, на кварталы, и каждый изъ нихъ состоитъ подъ завѣдываніемъ особеннаго фельетониста. Въ то время, какъ г. А. описываетъ »Отеч. Записки,« г. Б. хлопочетъ около »Современника,« г. В. прохаживается по »Библіотекѣ для Чтенія,« и т. д. Чтѣ Иногородный Подписчикъ и Новый Поэтъ дѣлаютъ, каждый про-себя, своими собственными силами, тѣ производится здѣсь нѣкотораго рода сложную машину. Къ московскому фельетону примѣнено известное экономическое правило — о раздѣленіи труда....«

Другая существенная и такъ же мало привлекательная черта разбираемой нами статьи есть до крайности высокомерный тонъ ея, ничѣмъ по нашему мнѣнію не оправдываемый. Послушать рецензента От. Записокъ, такъ всѣ пишущіе въ нашихъ журналахъ о литературѣ — жалкіе фельетонисты, а настоящій критикъ только онъ одинъ. Посмотрите, съ какимъ презрѣніемъ говоритъ онъ объ Иногородномъ Подписчикѣ, Новомъ Поэтѣ, наконецъ о всѣхъ рецензентахъ Москвитянина.

Не мудрено, что при указанномъ нами свойствѣ статья отличается чрезвычайною шаткостью сужденій и представляетъ частыя противорѣчія между советами другимъ и собственнымъ поведеніемъ критика. Такъ, поставляя въ главную вину фельетону его чрезвычайную плодовитость и многословіе по поводу пустыхъ литературныхъ явленій, упрекнувъ даже прямо »Иногороднаго Подписчика« за то, что онъ такъ много говорилъ о романѣ г. Панаева »Львы въ Провинціи«, какъ будто »не догадался, съ какимъ произведеніемъ имѣетъ дѣло«, рецензентъ От. Зап. самъ даритъ публику разборомъ этого романа на цѣлыхъ десяти страницахъ. И это въ годичномъ обзорѣніи, гдѣ можно бы поговорить о чѣмъ-нибудь и посерьезнѣе, не отговариваясь пустымъ предлогомъ, что остается при разѣ высказанномъ мнѣніи. Чтѣ касается до шаткости сужденій критика въ вещахъ очень серьезныхъ, мы ограничимся немногими примѣрами. Такъ, сказавъ содержаніе романа »Львы въ Провинціи«, критикъ до того запутывается, что становится почти на сторону графа Елецкаго въ

его гнусномъ поведеніи съ Катериной Павловной Бѣловой. »Исторія этихъ двухъ лицъ проста и не нова, говоритъ онъ; графъ Елецкій прѣзжаетъ въ деревню, гдѣ живетъ хорошенькая Бѣлова; Катя влюбляется въ графа и увзжаетъ съ нимъ въ Петербургъ; графу становятся *скучны* въ столицѣ *воркованья* съ *семишментальной* деревенской дѣвушкой — и *идеальная* красавица увзжаетъ обратно въ деревню къ матери.« Въ тонѣ этихъ словъ иронія очевидно устремлена на бѣдную, обольщенную дѣвушку, между тѣмъ какъ самъ обольститель пугдѣ не подвергается строгому порицанію рецензента. Мы понимаемъ очень хорошо, что такая грубая ошибка не была бы допущена рецензентомъ, если бы онъ имѣлъ время обдумать это поелъ; но беда въ томъ, что «новое слово» и разныя другія задѣваны рѣшительно отняли у него способность взглянуть на что-либо прамыми глазами.

Выше мы сказали, что главная цель статьи пристрастно полемическая. Понятно, что, разъ поставивъ себя такую незаконную цель, рецензентъ не долженъ былъ затрудняться въ выборѣ средствъ для пораженія своихъ противниковъ. Дѣйствительно, средства эти иногда доходятъ до дѣтской наивности. Такъ напр. въ одномъ мѣствѣ изъ статьи въ $2\frac{1}{2}$ печатныхъ листовъ, онъ выбираетъ большую часть фразъ, начинающихся со слова *долженъ*, или просто заключающія въ себѣ это слово, и выписываетъ ихъ сплошь на цѣлой страницѣ. Частое повтореніе слова *долженъ*, разумется, нѣсколько странно, и критикъ этою невинной уловкой совершенно достигаетъ своей цели.

Говорить ли послѣ всего сказаннаго о неприличіи тона, ошибкахъ въ сужденіяхъ и другихъ многихъ недостаткахъ статьи От. Зап. подъ заглавіемъ »Русская Литература въ 1852 году»? Спрашивается, какую пользу могутъ принести при такихъ вопіющихъ свойствахъ статья, нѣкоторыя нелишныя справедливости замѣчанія ея о злоупотребленіяхъ нашихъ журнальных рецензентовъ? Или какая придетъ охота отвѣчать на нѣкоторыя взводимыя на насъ рецензентомъ обвиненія? Полемика настоящая можетъ существовать только при известной добросовѣстности и благонамѣренности съ обѣихъ сторонъ. ☉

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

ИСТОРИЯ ВОЙНЫ РОССИИ СЪ ФРАНЦІЕЮ, въ царствованіе Императора Павла I, въ 1799 году. Составлена по высочайшему повелѣнію Государя Императора Николая I. Соч. полковника Милютина (I-й томъ соч. Михайловскаго-Данилевскаго). Въ 5 томахъ. Спб. 1852 г. Томъ I, стр. 615 и VIII. Томъ II, стр. 641 и IX, III.

Сокровище пріобрѣла въ этой книгѣ новая русская исторія; сокровище пріобрѣла современная литература, которая состоитъ большею частію изъ мелочей, пошлостей—и претензій; сокровище пріобрѣла читающая публика, коей, послѣ грязныхъ явленій ежедневной жизни, представляемыхъ, такъ или иначе, нашими повѣствователями, сладко будетъ отдохнуть на подвигахъ чести, мужества, храбрости, силы, талантовъ, въ кругу обширныхъ соображеній.... и какая сцена?—Италія, Альпы, Аппенины, классическія воспоминанія! Сокровище пріобрѣло наконецъ въ этой книгѣ военное учащееся юношество, которое найдетъ себѣ здѣсь цѣлый курсъ въ лицахъ и дѣйствіяхъ—не тактики, не стратегіи,—а науки побѣждать, на русскомъ языкѣ, въ русскомъ духѣ, съ русскими пріемами.

Кампанія 1799 года—это первая встрѣча русской идеи съ западною—той идеи, которая управляла дѣйствіями Александра, и дѣйствуетъ съ такою силою въ наше время. Если сравнить вышнія обстоятельства Россіи въ эти три эпохи—мы найдемъ примѣчательное и удивительное сходство во всѣхъ отношеніяхъ. Для примѣра довольно указать на однихъ союзниковъ. Это самая блистательная сторона нашей вышней исторіи—участіе въ дѣлахъ Европы.

Главными дѣйствующими лицами являются здѣсь Императоръ Павелъ и фельдмаршалъ Суворовъ. Императоръ Павелъ, какъ блюститель европейскаго порядка и руководитель европейскихъ отношеній; фельдмаршалъ Суворовъ, какъ полководецъ, которому предоставлено было силою оружія достиженіе этой цѣли.

Императора Павла мы видимъ здѣсь со стороны блистательной. Читая его манифесты, рескрипты, инструкціи, повелѣнія, письма, кои всѣ вмѣстѣ составляютъ какое-то прекрасное цѣлое, проникнутое однимъ духомъ, духомъ прямоты, честности, безкорыстія, благородства,—отдаешь всѣмъ его дѣйствіямъ дань признательности. Твердо шелъ онъ къ своей цѣли, не склоняясь ни къ которой сторонѣ, не увлекаясь никакими частными или личными побужденіями, имѣя въ виду одно общее благо Европы. Чтѣ за мелочь, чтѣ за скудость, чтѣ за жалость представляютъ, въ сравненіи съ его твердою рѣчью, всѣ козни австрійскія, всѣ происки англійскіе, всѣ умыслы прусскіе! Это былъ государь европейскій, въ полномъ смыслѣ этого слова, а прочіе его современники—черезполосные помѣщики, которые дальше своихъ десятинъ видѣть ничего не могли, не хотѣли, или—не умѣли. Чувство какой-то законной гордости, чувство сознанія своего достоинства—объемлетъ неволью душу русскаго, когда онъ читаетъ простое, безыскусственное, подлинное описаніе событій этого времени. Англии хочется ослабить голландскій флотъ, Австріи похозяйничать въ Италіи, Пруссіи пользоваться на счетъ Германіи, а объ Европѣ-то {думалъ одинъ русскій Императоръ. И мы этого ничего, или почти ничего не знали, и брались судить о происшествіяхъ и лицахъ! Благодарность правительству, которое даетъ намъ возможность получить истинное понятіе о важной эпохѣ, и воздать должную справедливость соотечественникамъ, которое даетъ такую прекрасную пищу національному чувству....

Чтобъ познакомить читателей съ этой важной книгой, сперва мы выпишемъ сполна предисловіе достойнаго автора, полковника Милютина (не могу не прибавить: воспитанника московскаго университетскаго пансіона):

«1799-й годъ принадлежитъ къ числу тѣхъ достопамятныхъ эпохъ отечественной исторіи, которыми Россія въ правѣ гордиться. Это годъ славный и для Русскаго оружія, и для Русской дипломатіи. Императоръ Павелъ I сталъ во главѣ грознаго союза, объявившагося противъ республики французской. Судьба цѣлой Европы, можно сказать, рѣшалась въ кабинетъ Россійскаго Монарха. Войска Русскія сражались на обширномъ театрѣ войны — отъ Италіи до Голландіи: впервые появились они такъ далеко отъ предѣловъ отечества. Флагъ нашъ развѣвался на всѣхъ моряхъ европейскіхъ. Громкія победы въ Италіи и дивный переходъ чрезъ Альпы—упрочили воинскую славу знаменитаго русскаго полководца Суворова.

«Не мало сочиненій издано было на разныхъ языкахъ о войнѣ 1799 года: нѣкоторыя изъ нихъ имѣють достоинства неотъемлемыя; но до сихъ поръ ни въ одномъ еще не было выставлено въ надлежащей мѣрѣ то вліяніе, которое имѣлъ Россійскій Императоръ на весь ходъ войны; дѣйствія русскихъ войскъ не были изображены во всемъ ихъ блескѣ, а нѣкоторыя представлены даже въ ложномъ свѣтѣ; наконецъ, ни въ одномъ сочиненіи не раскрыты во всей истинѣ причины, по которымъ результаты предпринятой войны не соответствовали счастливому ея началу.

«И такъ, историку Русскому, приступающему къ описанію войны 1799 года, предстоитъ еще, можно сказать, разработать поле совершенно новое; онъ долженъ пополнить то, что до сихъ поръ было еще неизвѣстно писателямъ иностраннымъ, особенно же въ отношеніи къ политикѣ Россіи; онъ долженъ спасти отъ забвенія потомства подвиги истинно-геройскіе Русскихъ войскъ; онъ долженъ наконецъ поднять завѣсу съ тогдашнихъ сношеній дипломатическихъ, чтобы объяснить, какимъ образомъ сильный союзъ, образовавшійся противъ республики Французской, рушился, не достигнувъ предложенной цѣли, потому только, что не все союзники движимы были теми же безкорыстными видами, которыми одушевленъ былъ Императоръ Россійскій.

«Такова задача, предстоявшая историку Россійской арміи. Выполнить эту задачу возможно было только тому, кто удостоенъ столь лестнаго порученія самою волею Монаршею Государя Императора; кому открыты съ Высочайшаго соизволенія все драгоценныя сокровища Россійскихъ государственныхъ архивовъ.

«Покойный генераль-лейтенантъ Александръ Ивановичъ Михайловскій-Данилевскій, въ послѣдніе годы своей жизни, приступилъ къ описанію войны 1799 года; но къ общему сожалѣнію, обширный этотъ трудъ былъ прерванъ почти въ самомъ началѣ своею тяжкою болѣзью и смертью знаменитаго нашего военнаго историографа. Послѣ кончины его, въ октябрѣ 1848 года, продолженіе военно-историческихъ его занятій, по Высочайшей волѣ, было возложено на меня. Удостоенный столь лестнаго порученія, принялъ я всѣ оставшіяся въ кабинетѣ покойнаго Александра Ивановича Данилевскаго, бумаги, книги и карты, относившіяся къ начатому имъ описанію войны 1799 года. Въ огромной массѣ собранныхъ имъ матеріаловъ для этого сочиненія, было множество подлинныхъ документовъ, записокъ, печатныхъ книгъ, газетъ и журналовъ на разныхъ языкахъ; наконецъ, обширныя выписки изъ хранящейся въ Московскихъ архивахъ дипломатической и военной переписки, слѣ-

ланны командированнымъ для того, по распоряженію высшаго начальства, капитаномъ генеральнаго штаба *Зальскимъ* (нынѣ подполковникомъ). Однимъ словомъ, я нашелъ готовый запасъ обильныхъ матеріаловъ, къ которому оставалось мнѣ дополнить весьма немногое, чтобы приступить къ работѣ.

«*Первая часть* сочиненія была уже вполне обработана покойнымъ генераломъ *Данилевскимъ*: начавъ обзоръ политики Россіи съ послѣднихъ лѣтъ царствованія Императрицы Екатерины II, изобразилъ онъ положеніе двѣхъ при восшествіи на престолъ Императора Павла I, первоначальную склонность Его къ миру, причины, побудившія Его вооружиться противъ республики Французской и сдѣлаться душою новой коалиціи; за тѣмъ описаны заключенные Императоромъ союзные договоры, тогдашнее состояніе вооруженныхъ силъ Россіи, приготовленія къ войнѣ, первыя дѣйствія Рускаго флота при Юническихъ островахъ, выступленіе сухопутныхъ войскъ за границу; наконецъ, въ послѣдней изъ главъ разсказано, какъ Императоръ Павелъ, по просьбѣ Вѣнскаго двора, призвалъ Суворова, для принятія начальства надъ союзною арміею въ Итали.

«Такимъ образомъ, обработанныя покойнымъ Александромъ Ивановичемъ *Данилевскимъ* первыя тринадцать главъ сочиненія составляютъ нѣчто цѣлое и совершенно отдѣльное; онѣ посвящены почти исключительно Россіи: ея политикѣ, ея военнымъ средствамъ, ея приготовленіямъ къ войнѣ. Поэтому, получивъ повелѣніе продолжать трудъ, начатый покойнымъ историкомъ, оставилъ я издѣланную имъ первую часть неприкосновенною, и напечаталъ, не изменивъ въ ней ни одного слова, кромѣ только тѣхъ исправленій, которыя благоутодно было Самому Государю Императору указать собственноручно, въ представленной Его Величеству рукописи.

«Приступивъ къ работѣ прямо со *второй части*, началъ я изображеніемъ положенія и силъ обѣихъ воюющихъ сторонъ передъ самымъ открытіемъ кампаніи (Гл. xiv и xv); въ слѣдующихъ трехъ Главахъ (xvi, xvii и xviii) описаны въ сжатомъ очеркѣ первыя военныя дѣйствія между Австрійцами и Французами въ южной Германіи, въ Альпахъ и въ северной Итали, въ теченіе февраля и марта; за тѣмъ уже слѣдуетъ подробный разсказъ о прибытіи самого Суворова въ Италию (Гл. xix), о первомъ наступательномъ движеніи его къ рѣкѣ Аддѣ (Гл. xx), о двудневномъ боѣ на этой рѣкѣ (Гл. xxi) и вступленіи союзниковъ въ Миланъ—столицу тогдашней республики Чизальпійской (Гл. xxii). Въ послѣдней Главѣ второй части (xxiii) объяснены причины бездѣйствія другихъ Австрійскихъ армій въ теченіе всего апрѣля мѣсяца.

«Въ третьей части описано вступление Суворова въ Пьемонтъ, и первая столкновения его съ Вѣнскимъ дворомъ, по двѣмъ Пьемонтскимъ (Гл. xxiv и xxv); неудача Русскихъ при Бассиньянѣ (Гл. xxvi) и столь же неудачная попытка Французовъ при Маренго (Гл. xxvii); далѣе движеніе Суворова къ Турину, занятіе столицы Пьемонта и окончательное отступленіе Моро за Апеннины (Гл. xxviii и xxix). Такимъ образомъ, въ первыхъ шести Главахъ третьей Части описаны подробно дѣйствія союзной арміи въ северной Италіи, съ конца апрѣля до конца мая. Остальныя же пять главъ посвящены событіямъ на другихъ театрахъ войны, въ теченіе того же времени: въ Швейцаріи, въ южной Италіи и на морѣ. Въ этихъ Главахъ описано начало народной войны въ Неаполитанскихъ владѣніяхъ, прибытіе Русской эскадры къ Италіанскимъ берегамъ и дивное вліяніе, которое имѣло въ томъ краѣ появленіе горсти Русскихъ.

«Въ четвертой Части—также первая пять главъ посвящены исключительно военнымъ дѣйствіямъ въ северной Италіи, съ конца мая до конца іюля: тутъ описано неожиданное появленіе въ северной Италіи Макдональда, неимоверное движеніе на встрѣчу ему Суворова, трехдневный кровопролитный бой на Треббѣи и возвращеніе Суворова къ Александріи. Причины наступившаго за тѣмъ въ северной Италіи шестинедельнаго бездѣйствія раскрыты въ главѣ xl, а въ слѣдующей (xli) объяснено также бездѣйствіе австрійскихъ армій въ Швейцаріи и на Рейнѣ. Далѣе описаны: народная война въ средней Италіи (Гл. xlii), вступление Русскихъ въ Неаполь и возстановленіе тамъ престола королевскаго (Гл. xliii). Въ заключеніе четвертой части описаны осада Мантуи и сдача этой крѣпости, слывшей ключемъ всей северной Италіи и поглотившей дотолѣ все вниманіе Вѣнскаго двора.

«Пятая Часть — заключаетъ въ себѣ окончаніе италійской кампаніи Суворова, съ конца іюля до конца августа. Въ то самое время, когда полководецъ нашъ готовится наконецъ къ наступательному движенію въ Ривьеру Генуэзскую (Гл. xlv), новый французскій главнокомандующій, Жуберъ, предупреждаетъ его безразсуднымъ выступленіемъ изъ Апенниновъ (Гл. xlvi); Французы разбиты на голову при Нови (Гл. xlvii); но кровопролитное это сраженіе опять остается безъ послѣдствій, по расчетамъ Вѣнской политики (Гл. xlviii); а между тѣмъ бездѣйствіе Австрійцевъ въ Швейцаріи даетъ неприятелю случай нанести имъ пораженіе въ томъ краѣ и даже угрожать оттуда завоеваніямъ Суворова въ Италіи (Гл. xlix). Полководецъ Русскій, вторично лишенный плодовъ блистательной своей побѣды, вынужденъ опять оставаться въ бездѣйствіи въ лагерѣ.

при Асти (Гл. l), пока союзные кабинеты тратят драгоценное время на переговоры о новомъ планѣ войны (Гл. li). Между тѣмъ въ Швейцарію приходитъ Русскій корпусъ генерала Римскаго-Корсакова (Гл. lii); но полководецъ Австрійскій, Эрцгерцогъ Карлъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться столь значительнымъ подкрѣпленіемъ, оставляетъ Русскихъ на жертву многочисленному непріятелю, а самъ уходитъ въ Германию, чтобы одержать успѣхъ надъ ничтожнымъ Французскимъ отрядомъ при Мангеймѣ (Гл. liii). Вѣнскій дворъ, вопреки обещаніямъ своимъ, выдвинуть преждевременно войска свои изъ Швейцаріи, торопить и Суворова выступить изъ Италіи: Русскій полководецъ, не успѣвъ довершить и упрочить завоеваній своихъ въ томъ краѣ, вынужденъ, въ концѣ августа, слѣдовать съ Русскими войсками въ Швейцарію, почти на явную гибель (Гл. liiv). Побужденія Вѣнскаго Кабинета къ столь пагубному образу дѣйствій, политическіе виды его и причины возникшихъ между союзниками недоразумѣній, подробно раскрыты въ двухъ послѣднихъ главахъ пятой части (lv и lvi).

«*Часть шестая* вся посвящена дѣйствіямъ Русскихъ войскъ въ Швейцаріи: послѣ разсказа объ изумительномъ переходѣ Суворова чрезъ С. Готардъ и Чортовъ Мостъ (Гл. lvii, lviii, lix), описано пораженіе Корсакова при Цюрихѣ (Гл. lx) и Австрійцевъ на Динтѣ (Гл. lxi); за тѣмъ снова повѣствованіе обращается къ Суворову: въ двухъ главахъ (lxii и lxiii) разсказано во всей подробности чудесное спасеніе Русскаго корпуса отъ совершеннаго истребленія и благополучное выступленіе его изъ Швейцаріи. Въ главѣ lxiv описаны послѣднія дѣйствія Корсакова и Принца Конде въ сѣверной Швейцаріи, а затѣмъ подробно раскрыты безплодные переговоры Суворова съ Эрцгерцогомъ Карломъ о продолженіи кампаніи, возникшія между обоими полководцами недоразумѣнія и удаленіе Русскихъ войскъ на зимнія квартиры въ Баварію (Гл. lxv). Всѣ эти событія вынудили Императора Павла предоставить своихъ прежнихъ союзниковъ собственному ихъ жребію (Гл. lxvi).

«*Въ седьмой Части* dokonчено повѣствованіе о военныхъ дѣйствіяхъ 1799 года: въ первыхъ пяти главахъ заключается неудачная экспедиція Россійско-Англійскаго корпуса въ Голландію (Гл. lxvii—lxxi); далѣе описаны послѣднія дѣйствія Австрійскихъ и Французскихъ войскъ на Рейнѣ, въ Швейцаріи и въ сѣверной Италіи (Гл. lxxii); окончательное очищеніе средней Италіи отъ Французовъ (lxxiii) и осада Анконы (lxxiv). Въ послѣднихъ этихъ дѣйствіяхъ снова обнаружались виды Вѣнскаго двора на Италію, а дерзкіе поступки Австрійцевъ, въ отношеніи къ Русскимъ, по случаю сдачи Анконы, окончательно разорвали связи между прежними союзниками.

«Въ последней, *осьмой Части*, описано, какой неожиданный оборотъ приняли политическія отношенія между Европейскими Державами, послѣ кампаніи 1799-го года: не смотря на всѣ старанія Лондонскаго и Вѣнскаго Кабинетовъ возобновить рушившійся союзъ, Императоръ Павелъ прерываетъ всякія сношенія съ обоими прежними союзниками своими (Гл. lxxv и lxxvi); Русскія войска и эскадры возвращаются въ отечество, и самъ герой этой войны — Суворовъ сходитъ въ могилу (Гл. lxxvii и lxxviii). Между тѣмъ, новый переворотъ во Франціи сосредоточиваетъ правленіе республики въ мощныя руки Бонапарта. Австрія, упорствуя вмѣствъ съ Англіею продолжать войну, претерпѣваетъ, въ теченіе 1800 года, тяжкія пораженія (Гл. lxxix); Императоръ Павелъ заключаетъ новый союзъ съвернаго вооруженнаго неутралитета (Гл. lxxx), чрезъ посредство Пруссіи сближается съ Первымъ Консуломъ Бонапартомъ, посылаетъ въ Парижъ посла для заключенія мира (Гл. lxxxi), а между тѣмъ вооружается противъ Англіи. Въ началѣ 1801 года новая война возгорается на съверѣ Европы: но кончина Россійскаго Монарха и восшествіе на престолъ Императора Александра I вдругъ располагаютъ всѣхъ къ миру: въ томъ же году всѣ Европейскія Государства примиряются между собою, послѣ долгой и кровопролитной борьбы (Гл. lxxxii). Въ *Заключеніи* осьмой Части сдѣланъ общій выводъ о значеніи войны 1799 года, въ отношеніи военномъ и политическомъ.

«Изъ этого краткаго очерка содержанія всѣхъ осьми Частей сочиненія, уже видно, что главное въ немъ мѣсто занимаютъ политика Россійскаго Императора и дѣйствія Русскихъ войскъ; все остальное описано довольно сжато, только въ той мѣрѣ, сколько было нужно для общей связи повѣствованія. Того требовала самая цѣль сочиненія, уже высказанная выше; съ другой же стороны, и большее обиліе матеріаловъ, относительно Русской политики и Русскихъ войскъ, позволяло разработать отчетливѣе тѣ событія, которыя ближе касаются Россіи. Смѣю надѣяться, что въ этомъ отношеніи, представляемое сочиненіе раскроетъ не мало данныхъ, совершенно новыхъ, разъяснитъ многіе вопросы сомнительные, исправитъ погрѣшности, вкравшіяся въ прежнія сочиненія, и даже, быть можетъ, разрушитъ нѣкоторыя изъ ложныхъ убѣжденій, утвердившихся почти въ общемъ мнѣніи.

«Впрочемъ, должно предупредить, что во всемъ этомъ сочиненіи принято было за правило, строго ограничиваться повѣствованіемъ о событіяхъ, устраниая всякія сужденія о нихъ. Пусть факты говорятъ сами за себя: дѣло историка представить ихъ такимъ образомъ, чтобы

читатель имѣлъ какъ бы подлую картину, въ которой видѣлъ бы живо предъ собою лица и событія, и не предубежденный заранее никакими готовыми мнѣніями, могъ самъ быть судьей безпристрастнымъ. Съ этою цѣлью, часто приводятся буквально слова подлинныхъ документовъ. Подобныя выписки иногда вѣрнѣе выражаютъ духъ эпохи и лица, чѣмъ самыя подробныя разсказы; иногда они рѣшаютъ положительнѣе спорный вопросъ, чѣмъ всякіе другіе доводы. Также и подробности анекдотическія, по видимому мелочныя для подобнаго сочиненія, необходимы, какъ самыя мелкія черты въ большой картинѣ, чтобы придать каждому лицу жизнь и выраженіе.

Что касается собственно до военныхъ дѣйствій, то лучшимъ средствомъ для яснаго изображенія ихъ служатъ карты и планы. Въ этомъ отношеніи, Правительство не жалѣло издержекъ на изданіе: сочиненіе украшено почти сотнею картъ и плановъ, гравированныхъ на мѣди и раскрашенныхъ. Стратегическое расположеніе войскъ въ каждый моментъ кампаніи изображено на особой картѣ, съ указаніемъ притомъ численной силы и состава каждой части арміи и каждаго отряда. Такое пособіе тѣмъ необходимѣе, что въ ту кампанію силы обѣихъ сторонъ были всегда чрезвычайно раздроблены на обширномъ театрѣ войны: читатель, имѣя постоянно предъ глазами относительное положеніе войскъ, можетъ несравненно легче слѣдить за ходомъ дѣйствій. Планы сраженій и осадъ болѣею частью составлены вновь: нѣкоторыя скопированы съ тогдашнихъ подлинныхъ плановъ, найденныхъ въ архивахъ; на другихъ мѣстность снята съ новѣйшихъ топографическихъ картъ.

Чтобы событія представить въ возможности въ разсказѣ живомъ и занимательномъ, необходимо часто жертвовать такими подробностями, которыя однокоже могутъ служить поясненіемъ или подкрѣпленіемъ повѣствованію. Въ такія подробности, поясненія, допѣленія и примѣчанія, помѣщены въ отдѣльныхъ *Приложеніяхъ*, въ концѣ каждаго тома; въ самомъ же текстѣ сдѣланы только ссылки на нумера *Приложеній* (*). Таковы напримѣръ: подробныя вѣдомости о составѣ и численной силѣ армій, отрядовъ, эскадръ; исчисленіе потерь въ сраженіяхъ и трофеевъ; также критическія замѣчанія о военныхъ дѣйствіяхъ и оужденія о нихъ извѣстѣйшихъ писателей. Главное же мѣсто въ *Приложеніяхъ* занимаютъ указанія источниковъ и документовъ, на которыхъ основанъ каждый фактъ повѣствованія: въ случаяхъ сомнительныхъ, критически разобрана достоверность показаній, сличены противоречія, раскрыты неискренности,

(*) Ссылки эти сдѣланы мелкими цифрами въ прямыхъ скобкахъ. *Приложеніямъ* каждой Части ведется особая нумерація.

вкрапцѣя въ прежнія сочиненія. Не ограничиваясь одними ссылками на документы, весьма часто приведены изъ нихъ буквальные выписки; иные же помѣщены во всей цѣлости, какъ напримвр: большая часть рескриптовъ Императора Павла къ Суворову, къ другимъ главнымъ начальникамъ и посланцъ; весьма многія донесенія Суворова, почти всѣ его диспозиціи по арміи и замѣчательнѣйшіе приказы; также дипломатическія депеши, трактаты и конвенціи, доселѣ нигдѣ еще не напечатанныя. Иные изъ документовъ приведены въ Русскомъ переводѣ, другіе же на языкъ подлинника; иногда сохранена даже буквальная точность въ самомъ правописаніи, какъ напримвр въ письмахъ и замѣткахъ Суворова. При каждомъ приведенномъ или упомянутомъ документѣ указано, откуда именно онъ почерпнуть, въ какомъ архивѣ и даже въ какомъ отдѣлѣ можно отыскать его. Въ концѣ же четвертаго тома помѣщено общее исчисленіе всѣхъ источниковъ для исторіи войны 1799 года, съ подробнымъ объясненіемъ тѣхъ сокращенныхъ знаковъ, которые служатъ для указанія мѣста хранения каждаго документа.

Такия Приложенія составлены мною ко всѣмъ осьми Частямъ сочиненія, т. е. не исключая и первой, которой текстъ обработанъ покойнымъ генераломъ Михайловскимъ-Данилевскимъ. Число всѣхъ номеровъ простирается свыше 1800. По объему, Приложенія занимаютъ едва ли не столько же мѣста, какъ и самый текстъ; но такое обиліе приводимыхъ документовъ и ссылокъ, конечно, не будетъ поставлено мнѣ въ упрекъ; ибо всякій, знающій истинное значеніе историческихъ изысканій, оценитъ всю важность подобныхъ Приложеній. Составляя, такъ сказать, основу самаго повѣствованія, они служатъ ему повѣркою и дополненіемъ. Въ этихъ Приложеніяхъ старался я сохранить по возможности все, что только могъ извлечь изъ обильныхъ источниковъ, мнѣ открытыхъ. Быть можетъ, это будетъ даже душещепетивѣйшимъ результатомъ всего четырехлѣтняго труда моего, и если не успѣю я достойнымъ образомъ передать потомству незабвенные подвиги Русскихъ въ 1799 году, то крайней мѣрѣ смѣю думать, что подготовилъ тщательно и добросовѣстно матеріалъ для будущаго историка.

Представимъ содержаніе книги въ краткихъ измеченіяхъ.

Въ послѣднее время своего царствованія, Императрица Екатерина II, кончивъ дѣла съ Польшею и Турціею, предполагала составить новый союзъ противъ Франціи, «на основаніяхъ болѣе твердыхъ, нежели бывшіе дотолѣ союзы, и принять правиломъ искреннее, непреложное стремленіе возстановить французскую монархію, какъ единственное средство водворить прочный миръ, и для дости-

женія сей цѣли—союзникамъ немедленно признать Людовика XVIII французскимъ королемъ, и идти прямѣйшимъ путемъ во внутрь Франціи» (стр. 19).

На случай войны съ Франціею, предводительство русскихъ войскъ поручалось Суворову. «Тѣмъ радостнѣе приветствовали Суворовъ назначеніе свое, что уже въ 1794 году онъ просилъ позволенія находиться волонтеромъ въ Австрійской или Прусской арміяхъ, на Рейнѣ, въ чемъ ему было тогда отказано. Когда же опредѣляли его главнокомандующимъ, въ 1796 году, то казалось вѣроятнымъ, что судьба вручила ему и Бонапарте рѣшеніе вопроса о жребіи Европы. Случилось иначе. Еще не кончились переговоры Россіи и Австріи съ Англіею и Турціею о новомъ союзѣ, еще не былъ утвержденъ присланный изъ Вѣны въ Петербургъ операціонный планъ, когда среди приготовленій Суворова къ походу и при громѣ побѣдъ Бонапарте—ноября 6, 1796, перешла въ вѣчность Екатерина, едва успѣвъ принять въ объятія новорожденного третьяго внука своего Великаго Князя Николая Павловича» (стр. 20—21).

Императоръ Павелъ, вступивъ на престолъ, объявилъ, что въ дѣлахъ внѣшней политики не послѣдуетъ правиламъ родительницы своей, «сообразеннымъ на видахъ пріобрѣтеній, и совершенно отказался отъ всякаго желанія завоеванія. Онъ объявилъ дружественнымъ съ Россіею государствамъ о своемъ намѣреніи, сохранять съ ними доброе согласіе и существовавшіе договоры, но не принимать прямого участія въ войнѣ съ Франціею, и не посылать противъ нея обвѣщанныхъ Императрицею 60,000 войскъ» (стр. 23).

Рѣшеніе Императора Павла устранить себя отъ непосредственнаго вмѣшательства въ войну противъ Франціи, происходило, по замѣчанію автора, отъ намѣренія посвятить свои попеченія внутреннему благу Россіи.

«При концѣ жизни Императрицы Екатерины», говоритъ авторъ, «преклонныя лѣта и слабость здоровья лишили ее возможности, какъ въ прежніе годы достославнаго державства своего, зорко слѣдить за всѣми частями многосложнаго государственнаго управленія Россіи, раздвинутой ею на огромное пространство. Финансы не процвѣтали, бумажныя деньги начинали терять цѣнность; въ расходахъ, особенно военныхъ, не существовало надлежащей отчетности; въ арміи не было единообразія, одинъ полкъ не походилъ на другой, не имѣли вѣрнаго счета наличному числу людей подъ ружьемъ; во флотѣ было много кораблей ветхихъ. Необходимость улучшеній въ устройствѣ государства составила цѣль дѣйствій Императора Павла. Онъ отмѣнилъ рекрутскій наборъ по 3 человека съ 500 душъ, повелѣн-

ный за два мѣсяца до кончины Императрицы Екатерины; прекратилъ войну противъ Персіи; приказалъ войскамъ, бывшимъ за Кавказомъ, возвратиться въ Россію, запретилъ продолжать начатыя построенія укрѣпленій на Персидскихъ границахъ; привелъ къ окончанію разграниченіе Польши между Россією, Австрією и Пруссією; въ неизмоврно-краткое время преобразовалъ военныя силы, и по многымъ отраслямъ управленія издалъ новыя постановленія. Назовемъ главнѣйшія: о составленіи изъ существовавшихъ узаконеній, трехъ книгъ законовъ: гражданскихъ, уголовныхъ и казенныхъ двѣ; о новомъ раздѣленіи Россіи на губерніи, со штатами; о скорѣйшемъ рѣшеніи двѣ въ сенатъ и въ присутственныхъ мѣстахъ; о возобновленіи бывшихъ во время Петра Великаго школъ при сенатѣ и коллегіяхъ, для обученія молодыхъ дворянъ правовѣденію; о возстановленіи прежнихъ учрежденій въ губерніяхъ при-Балтійскихъ, Малороссійскихъ, возвращенныхъ отъ Польши, и Выборгской; о разборѣ церковнослужителей и дѣтей ихъ; о битіи серебряной монеты высшаго, противъ прежняго, достоинства; объ учрежденіи генераль-аудиторіата, городскихъ думъ и врачебныхъ управъ; объ улучшенія почтъ; о рекрутскихъ наборахъ; о повиновеніи крестьянъ помѣщикамъ; о непродаваніи крѣпостныхъ людей съ молотка; о податяхъ съ ясачныхъ народовъ; о соединеніи Днѣпра съ Двиною; о разведеніи шелковичныхъ червей на югъ Россіи; о горныхъ заводахъ; армянскихъ обществахъ; сельскомъ домоводствѣ; усовершенствованіи рукодѣлій; уничтоженіи съ крестьянъ сбора хлѣбомъ; о конскихъ заводахъ; опекунствѣ колонистовъ; о купцахъ, мѣщанахъ и чиншовой шляхтѣ; цензурѣ; театрахъ; о торговыхъ сношеніяхъ съ Китаемъ. Не налагая новыхъ податей, Императоръ Павелъ увеличилъ содержаніе войскъ, уменьшилъ количество бумажныхъ денегъ и заплатилъ часть иностраннаго государственнаго долга» (с. 28).

«Однакожь, хотя російское войско не будетъ дѣйствовать противъ Франціи по вышеозначенной и необходимой причинѣ, Государь не менѣе за тѣмъ, какъ покойная Ея Родительница, остается въ твердой связи съ своими союзниками и чувствуетъ нужду противиться всевозможными мѣрами неистовой Французской республикѣ, угрожающей всю Европу совершеннымъ истребленіемъ закона, правъ, имущества и благонравія» (с. 24).

Благородство и искренность дѣйствій И. Павла обнаружились съ самаго начала. Такъ, въ отвѣтъ на доврїе Пруссіи, онъ объявилъ, что тогда только повѣритъ искренности словъ короля: дѣйствовать за одно съ Россією, когда король откажется отъ обещанныхъ ему вознагражденій; ибо въ противномъ случаѣ произойдутъ раздоры между

Австрією, Пруссією и германскими владѣтелями, отъ чего Европа будетъ вовлечена въ страшныя бѣдствія. «Довѣріе въ политикъ,» — говорилъ Императоръ Королю, — «основывается на совершенномъ единомысліи касательно взаимныхъ выгодъ и воззрѣнія на дѣла» (с. 27).

Австрія принуждена была быстрыми побѣдами и успѣхами Бонапарте искать и просить мира. «Вѣнскій Дворъ поспѣшно сообщилъ о томъ Императору Павлу, и просилъ: 1) какъ можно скорѣе прислать въ Богемію или въ Моравію двѣнадцати-тысячный русскій корпусъ, на основаніи союзнаго договора 1792 года, и 2) поставить на западной границѣ Россіи армію, назначая ее, частью для слѣдванія за вспомогательнымъ русскимъ корпусомъ, частью для угроженія Пруссіи, которая зложелательствовала Австріи. Вѣнскій Дворъ присовокуплялъ, что просьбу его о сей арміи, не основанную на союзномъ договорѣ, предоставляетъ онъ единственно великодушію Императора Павла, и въ той увѣренности, что сильныя вооруженія Россіи, огласясь въ Европѣ, подвигнутъ Французовъ на миръ, не тяжкій для Австріи. Кроме того, Австрія просила Императора Павла быть посредникомъ въ ея примиреніи съ Францією и желала быть посредницею между ними. Въ заключеніе, говоря о своемъ полномъ убѣжденіи въ справедливости и прямотѣ Императора Павла, Австрія обещала согласиться на условія мира, какія Имъ опредѣлены будутъ, и съ безграничною довѣренностію слѣдовать совѣтамъ Его».

«Получивъ сіе извѣщеніе въ Москвѣ, апрѣля 14, Императоръ Павелъ приказалъ въ тотъ же день войскамъ, расположеннымъ близъ границъ, быть готовыми къ походу» (с. 32).

Князя Рвинина послалъ онъ въ Берлинъ, а потомъ въ Вѣну, для участія въ переговорахъ о мирѣ.

Наставленія Его князю Рвинину (на русскомъ языкѣ), должно считать перломъ русской дипломатіи: какая обдуманность, точность, искренность! «Миритесь, говорилъ онъ всѣмъ воюющимъ сторонамъ, по тому, что миръ нуженъ, а война грозитъ опасностями, а если кто изъ васъ захочетъ употребить во зло свое положеніе или думать только о себѣ, оставляя другихъ, то я первый противникъ». Не можемъ удержаться, чтобъ не выписать этого знаменитаго окончанія:

«Такимъ образомъ употребили Мы, кажется, все способы, кои Намъ представилися удобными къ доставленію Европѣ спокойствія. Если Всевышній благословитъ Наши старанія вождельнымъ успѣхомъ; то прекращеніе бѣдствій рода человеческого будетъ верховнымъ для Насъ утѣшеніемъ. Но, буде мирная негодяція остано-

вится за упорством и неумѣренными желаніями союзниковъ Нашихъ, такъ, что Вѣнскій Дворъ, не смотря на всю видимую опасность, и для себя, и для другихъ, отъ продолженія войны, не окажется ни малой склонности къ вынуждаемымъ самою крайностію отъ него уступкамъ, въ такомъ случаѣ по справедливости никто не зазритъ Намъ, что принуждены будемъ оставить ихъ собственному ихъ жребію, огранича Себя огражденіемъ собственныхъ Нашихъ предѣловъ отъ распространения войны и съ нею сопряженныхъ золъ. Но буде Французское правленіе простретъ буйство свое на крайнее угнетеніе Вѣнскаго Двора, и неистовыми требованіями преисполнить мѣру, тогда уже честь и безопасность Наша востребуетъ дѣятельнаго Нашею, вопреки тому пособія. На оба сіи случая рѣшился Мы учинить всѣми силами Нашими вооруженіе, дабы на всякую сторону обратиться, куда достоинство Наше и оборона Имперіи Нашей въ ея цѣлости призывать будутъ» (с. 42).

Посольство князя Рѣпина не состоялось, потому что Австрія еще прежде его прибытія принуждена была заключить въ Леобенѣ предварительныя условія мира.

Пруссія все еще мѣшала. «Если война возобновится»,—писало австрійское министерство нашему Двору, — «то мы не будемъ просить вашей помощи, но убѣждаемъ васъ дѣйствовать съ нами за одно, если Пруссія возстанетъ противъ насъ» (с. 43).

Императоръ Павелъ писалъ королю прусскому: «Съ некотораго времени Европа оглашается слухами, обвиняющими Кабинетъ Вашего Величества въ пристрастія, въ тайномъ стараніи воспрепятствовать миру Римскаго Императора съ Франціею. Говорятъ, что дозволяя Французамъ распространять хищничества, вы предоставили себѣ долю при раздробленіи Германской имперіи, и намѣрены вооруженною рукою принудить Императора Франца согласиться на ваши желанія. Мнѣ пріятно думать, что подобные слухи ложны. Наши связи, ваше безкорыстіе и благородный образъ мыслей удостовѣряютъ меня въ неосновательности общей молвы. Вамъ извѣстны договоры, существующіе между Мною, Римскимъ Императоромъ и Великобританіею. Вы знаете, что по Тешенскому миру, я одинъ изъ поручителей за Германскую конституцію; а потому не удивитесь, если скажу вамъ, что не буду равнодушно взирать на ея уничтоженіе, и для ея поддержанія употреблю самое дѣятельное участіе и всѣ силы, врученныя мнѣ Провидѣніемъ. Если Ваше Величество будете принуждены вести войну оборонительную, то равнымъ образомъ пойду на вашу помощь, и на дѣль докажу вамъ, сколь чуждъ я пристрастія.

Вновь предлагаю вамъ соединиться со Мною и условиться о средствахъ возстановить въ Европѣ спокойствіе» (стр. 44).

Миръ въ Кампо-Форміо былъ заключенъ между Австріей и Франціей, а германскія дѣла должны были рѣшиться на конгрессѣ въ Раштатѣ.

«Главныя статьи Кампо-Формійскаго мира заключались въ слѣдующемъ: Императоръ Францъ уступилъ большую часть своихъ владѣній въ Италіи, которыя, по завоеваніи ихъ Французами, были уже обращены въ республики, отъ чего совершенно измѣнилось политическое разграниченіе Италіи, гдѣ вскорѣ увидимъ мы Русскія войска. Въ пользу Франціи уступалъ Императоръ владѣнія свои на лѣвомъ берегу Рейна; тайнымъ условіемъ признавалъ сію рѣку границею Франціи съ Германіею, и соглашался на присоединеніе къ Франціи Іоническихъ острововъ и части Албанскаго берега. Въ замѣнъ онъ получалъ нѣсколько областей въ немецкой землѣ и на границахъ Швейцаріи, и большую часть дотолѣ независимой Венеціанской республики, съ Далмаціею и Илиріею. Также было положено составить конгрессъ въ Раштатѣ, для опредѣленія границъ Германской имперіи съ Франціею и назначенія вознагражденій Австріи, Пруссіи и Германскимъ князьямъ, лишившимся своего достоинства на лѣвомъ берегу Рейна» (стр. 46).

«Послѣ Кампо-Формійскаго мира, священныя права Бурбоновъ на французскій престолъ казались потерянными надолго, можетъ быть, навсегда. Равнодушныя къ участи Лудовика XVIII-го его семейства, иностранныя державы избѣгали сношеній съ нимъ, опасаясь подать причины къ какимъ-либо столкновеніямъ съ Франціею. Бурбонамъ и приверженцамъ ихъ оставалось одно—въ ожиданіи переворота въ пользу ихъ, искать безопаснаго пристанища, и они нашли его подъ сѣнію Императора Павла» (стр. 49).

Императоръ послалъ Лудовику 200,000 рублей, и «почелъ долгомъ Государя» пригласить Римскаго императора, королей Англійскаго, Прусскаго, Испанскаго, Сицилійскаго и королеву Португальскую условиться о средствахъ обезпечить на будущее время пристойное содержаніе Лудовика XVIII и его семейства. Австрія и Англія не согласились на предложеніе (стр. 51—52).

Просьбу Лудовика XVIII о позволеніи жить въ Россіи со своимъ семействомъ, Императоръ Павелъ принялъ, и писалъ къ королю прусскому: «я увѣренъ, что несчастія Французскаго Короля глубоко поразили чувствительное сердце Вашего Величества, и что вы одобрите сдѣланное ему Мною предложеніе избрать Россію мѣстомъ своего пребыванія. Прошу васъ дать повелѣнія, чтобы онъ могъ безпрепятственно провѣхать Пруссію, чтобы вездѣ были ему воздвигаемы

царскія почести, согласуя ихъ съ тѣмъ именемъ, которымъ нынѣ онъ называетъ себя. Твердо надѣясь на дружбу Вашего Величества, исполнѣя убѣжденъ, что вы не встрѣтите затрудненій разрѣшить ему свободный провѣздъ вашими владѣніями. Тѣмъ явите вы мнѣ новое свидѣтельство вашей дружбы ко мнѣ, новый доводъ того, въ какой мѣрѣ цѣните вы мое предстательство» (стр. 53—54).

Между тѣмъ, въ Раштатѣ всѣ нѣмецкіе владѣтели перессорились, въ особенности Пруссія и Австрія. Споры такъ ожесточились, что не предвидя мирнаго ихъ окончанія взаимнымъ соглашеніемъ, императоръ Францъ предложилъ, марта 8, прусскому королю Фридриху Вильгельму III, воцарившемуся за три мѣсяца передъ тѣмъ, просить Императора Павла о посредничествѣ между ними и убѣждать нашего Монарха быть рѣшителемъ споровъ (стр. 58).

Императоръ Павелъ отвѣчалъ: «не только принимаю предложеніе Вашего Величества, но даже, не ожидая приглашенія меня по сему дѣлу Королемъ Прусскимъ, тороплюсь объясниться съ нимъ (*je vole au devant de lui*), и приказываю Моему посланнику въ Берлинѣ, сказать Королю, что я беру на себя посредничество, слѣдствіемъ коего можетъ быть прочная связь между нами троими, если устранимъ всякое помышленіе о новыхъ пріобрѣтеніяхъ. Послѣ благополучнаго окончанія споровъ, я предложу Вашему Величеству и Королямъ Прусскому, Англійскому и Датскому заключить между нами оборонительный договоръ для обезпеченія Европы отъ золь, ей угрожающихъ» (стр. 58—59).

Вторая инструкция князю Рѣпнину отличается тѣми же достоинствами, какъ и первая.

Новые замыслы и требованія Франціи, обнаружившіеся на Раштатскомъ конгрессѣ, принудили Императора Павла взяться за оружіе. Австрія просила его неотступно. Англія умоляла о присылкѣ кораблей. Бонапарте занялъ Мальту, на пути въ Египетъ. Рѣшено начать войну.

Ушаковъ занялъ Ионическіе острова.

Выпишемъ нѣсколько словъ изъ инструкции генералу Розенбергу, поведшему первый вспомогательный корпусъ.

«.... За нужное находимъ предостеречь васъ, чтобъ въ случаѣ рѣшимости Австрійскаго военнаго начальства на доставленіе посредствомъ военныхъ экзекуцій провіанта, фуража и прочаго въ земляхъ Германскихъ, кои не держатся явно стороны Французской, вы по всей возможности уклонялись отъ соучастія въ томъ, предъявляя, что потребное корпусу, вами командуемому, вы должны получать по трактату отъ Вѣнскаго Двора; да и наисильнѣйше вамъ подтверждаемъ отвращать все то, что въ земляхъ, намъ пріязнен-

ныхъ, можетъ возбудить къ намъ ненависть или же предосудительныя на счетъ войска нашего впечатлѣнія; напротивъ того, стараться благоприсойнымъ образомъ внушать, что мы пришли на помощь союзнику нашему, отнюдь не въ видѣ споспѣшествовать властолюбивымъ намереніямъ, но для подкрѣпленія его къ обузданію народа, устремившагося на разрушеніе благоустроенныхъ Державъ и областей и на порабощеніе ихъ, и что единственная цель наша есть доставить прочный миръ и оградить онымъ общій покой и безопасность. Къ удостовѣренію въ истинѣ подобныхъ внушеній, наилучше способствовать могутъ ласковое и пріязненное съ жителями тѣхъ странъ обращеніе и наблюденіе, дабы со стороны войскъ нашихъ никакія имъ не были причиняемы обиды и притѣсненія» (стр. 103—104).

На первыхъ порахъ начались споры о продовольствіи. «Австрійскому послу въ Петербургъ, графу Кобенцелю сообщили, сколь неумѣстно разсчетами о хлѣбныхъ крохахъ замедлять маршъ Розенберга, въ такое время, когда Императоръ Павелъ, пославъ противъ Французовъ флоты въ Северное, Средиземное и Адриатическое моря, отправляетъ для помощи Австріи болѣе войскъ, нежели по договору следовало» (с. 105—106).

И между тѣмъ все еще нельзя было быть увѣрену въ союзъ Австріи и Пруссіи.

«Хотя Мнѣ непріятно,» — писалъ послѣ того Императоръ Павелъ графу Панину, — «что Пруссійскій Король не принимаетъ участія въ войнѣ, но я уже доволенъ тѣмъ, что онъ обнаружилъ свои намеренія. Я сказалъ посланнику его въ Петербургъ, Греберну, что почту нарушеніемъ нейтралитета Пруссіи, если она явитъ какое-либо потворство, какую-либо угодливость Французамъ, и что въ семъ случаѣ пользы Мои и союзниковъ Моихъ поставятъ Меня въ обязанность дѣйствовать противъ Пруссіи, какъ противъ государства, предпочитающаго дѣло Французовъ благу общаго дѣла».

«Въ то же время Императоръ Павелъ желалъ звать окончательное рѣшеніе Австріи касательно войны съ Франціею, и писалъ своему послу въ Вѣнѣ:

«Не скроемъ, что дальнѣйшее медленіе Вѣнскаго Двора подаетъ Намъ и союзникамъ Нашимъ сильныя подозрѣнія, что посредствомъ приготовленія и оказательствъ военныхъ, Дворъ сей ищетъ только одержать отъ Французовъ какія-либо собственные выгоды, не заботясь о слѣдствіяхъ пагубныхъ, которыя рано или поздно самую Австрійскую Монархію ощущены будутъ. Но дабы не подвергать дѣла сего дальнимъ недоразумѣніямъ, Мы никакими отлагательными отвѣтами удовольствоваться не можемъ, а предписываемъ вамъ намъ—

силнѣе требовать и домогаться ясной и рѣшительной отвѣди, не скрывая, что при дальнѣйшемъ того продолженіи, Мы должны будемъ неминуемо съ прочими Нашими союзниками воспріять противъ Французовъ тѣ мѣры, которыхъ достоинство и безопасность Наши требовать будутъ, и сообразно уже тому возратить безъ потеряннаго времени и войска Наши, на помощь Вѣнскому Двору отправленныя, которыя въ чашини его рѣшимости Мы въ полномъ его распоряженіи оставили» (с. 114—115).

А Французы продолжали дѣйствовать. Заставивъ отречься сардинскаго Короля отъ престола, они объявили войну Королю неаполитанскому. Никто не хотѣлъ помочь ему. Императоръ Францъ находитъ войну его рановременною. Императоръ Павелъ «призналъ справедливымъ внять его требованіямъ».

Австрійскій генералъ Макъ скоро довелъ его до погибели.

По прибытіи въ Палерму, Король писалъ Императору Павлу: «Жестокия обстоятельства, побудившія меня къ войнѣ для спасенія моего государства, угрожаемаго общимъ врагомъ, и оставленіе меня союзною мнѣ Австрією, на которую я возлагалъ самую твердую надежду, принудили меня увѣхать въ Сицилію, последнее достояніе моего семейства. Представляю Вашему Величеству, могущественному и единственному защитнику коронованныхъ Главъ, мою убѣдительную просьбу: будьте моимъ заступникомъ, подпорою и встателемъ».

Въ отвѣтъ своемъ, извѣщая Короля неаполитанскаго о мѣрахъ, принятыхъ Имъ для его спасенія, Императоръ Павелъ писалъ:

«Я уже довольно награжденъ за Мои труды, если только признаютъ прямою Моихъ намереній, основанныхъ на безкорыстіи и возбуждаемыхъ честию» (с. 120—121).

Паденіе Короля сардинскаго и Короля обѣихъ Сицилій громовымъ ударомъ разразилось надъ вѣнскимъ Дворомъ, искони принимавшимъ великое участіе въ дѣлахъ Итали. (с. 121).

Императоръ Францъ рѣшился возобновить войну, просилъ помощи русской, и указывалъ именно на Суворова. Отсюда начнутся его дѣйствія.

При возшествіи Императора Павла на престолъ, генералъ-фельдмаршалъ графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій былъ начальникомъ Екатеринославской дивизіи, и издавна пользовался особеннымъ благоволеніемъ Его Величества. Напримѣръ, при наступленіи 1797 года, Императоръ писалъ ему между прочимъ:

«Поздравляю съ Новымъ Годомъ и зову пріѣхать въ Москву къ коронаціи, если тебѣ можно. Прощай, не забывай старыхъ друзей».

Черезъ мѣсяць обстоятельства переменялись. Суворовъ навелъ на себя неудовольствіе Государя за нѣкоторые дѣланные имъ отступленія отъ вновь вводимыхъ тогда военныхъ постановленій. Суворовъ просилъ объ увольненіи отъ службы, и прежде нежели пришло его прошеніе въ Петербургъ, былъ онъ отставленъ, февраля 6-го 1797 года.

Съ тѣхъ поръ Суворовъ жилъ уединенно въ своемъ селѣ Канчанскѣ, Новгородской губерніи, внимательно слѣдя за ходомъ дѣлъ въ Европѣ. Черезъ полтора года, въ сентябрь 1798, когда Императоръ Павелъ составлялъ союзы противъ Франціи, приказалъ Онъ Суворову пріѣхать въ Петербургъ. Нездоровый, медленно, на своихъ лошадяхъ, отправлялся Суворовъ въ путь. Два дня оставался онъ въ Петербургѣ, былъ приглашаемъ вступить въ службу, но просилъ одной милости — позволенія возвратиться въ деревню. Получивъ на то Монаршее разрѣшеніе, онъ предался въ Канчанскъ своимъ обычнымъ занятіямъ.

Спустя четыре мѣсяца, въ началѣ февраля 1799, флигель-адъютантъ Толбухинъ пріѣхалъ къ Суворову, и вручилъ ему слѣдующее собственноручное письмо Императора Павла:

«Сей-часъ получилъ Я, графъ Александръ Васильевичъ, извѣстіе о настоятельномъ желаніи Вѣнскаго Двора, чтобы вы предводительствовали арміями его въ Италиі, куда и мои корпуса Розенберга и Германа идуть; и такъ посему и при теперешнихъ европейскихъ обстоятельствахъ, долгомъ почитаю не отъ своего только лица, но отъ лица и другихъ, предложить вамъ взять дѣло и команду на себя, и пріѣхать сюда для отъѣзда въ Вѣну.»

Отправивъ рескриптъ къ Суворову, Императоръ Павелъ писалъ генералъ-лейтенанту Герману, (тогда еще не имѣвшему повелѣнія сдать свой корпусъ и явиться въ Петербургъ), слѣдующее:

«Вѣнскій Дворъ просилъ меня, чтобы поручить фельдмаршалу графу Суворову-Рымникскому начальство надъ союзными войсками въ Италиі. Я послалъ за нимъ, предваряя васъ, что если онъ приметъ начальство, то вы должны, во время его командованія, наблюдать за его предпріятіями, которыя могли бы служить ко вреду войскъ и общаго дѣла, когда онъ будетъ слишкомъ увлеченъ своимъ воображеніемъ, могущимъ заставить его забыть все на свѣтѣ. И такъ, хоть онъ старъ, чтобы быть Телемакомъ, но не менше того, вы будете Менторомъ, коего совѣты и мнѣнія должны умерять порывы и отвагу воина, посѣдѣвшаго подъ лаврами.»

Германъ отвѣчалъ Императору:

«Уважаю лѣта фельдмаршала Суворова, блескъ побѣдъ его, счастье, постоянно неразлучное со всеми его предпріятіями, я употре-

блю вся силы, чтобы приноровиться къ образу дѣйствій знаменитаго война. Конечно, наши мысли о способахъ поразить изверговъ-революціонеровъ будутъ одинаковы: въ день сраженія, фельдмаршалъ любитъ ставить войско глубокимъ строемъ; такъ же и я предпочитаю это построеніе, однакожь съ тою разницею, что надобно при параллельномъ построеніи войскъ стараться избегатьъ вреда, наносимаго непріятельскою артиллеріею.»

Увидимъ впоследствии, какимъ образомъ Германъ, почитавшійся тогда въ Россіи едва ли не первымъ тактикомъ, строилъ свое войско въ Голландскомъ походѣ!

По призыву Императора Павла, Суворовъ явился въ Петербургъ, съ готовностію вѣхать въ Италію и служить подъ начальствомъ эрцгерцога Палатина. Въ тотъ же день онъ былъ принятъ въ службу, но безъ отданія о томъ въ приказъ, и пожалованъ ордевомъ св. Іоанна Іерусалимскаго большаго креста (стр. 133—137).

Пріемъ Суворова въ Вѣнѣ, сношенія его съ военнымъ совѣтомъ австрійскимъ, слишкомъ известны, и мы пропустимъ ихъ описаніе.

У Австрійцевъ войска было 86 т., готовыхъ вступить въ Северную Италію: къ Суворову долженъ былъ придти Розенберговъ корпусъ въ 20 т. У Французовъ было въ Итали на Адигѣ съ Шереромъ 50 т., вспомогательныхъ при нихъ 8. Въ южной Итали съ Мадональдомъ 28, вспомогательныхъ 6; въ гарнизонахъ северной Итали 13, вспомогательныхъ 12, и того въ Итали 117 т. Въ Швейцаріи и Германіи у Французовъ 120 т., у Австрійцевъ 169 т.

Французы хотѣли переправиться черезъ Адигу, отгнать Австрійцевъ за Бренту и Пиаве, но это намѣреніе ихъ осталось безъ успѣха: они отступили за Минчіо. 3 апрѣля Суворовъ прибылъ въ Верону. Пребываніе въ Веронѣ описано по «Разсказамъ стараго война», напечатаннымъ сначала въ Москвитинѣ, а потомъ изданнымъ особо (*).

(*) Здѣсь мимоходомъ сдѣлаю и значительный упрекъ г. Милотину. Пребываніе въ Веронѣ Суворова, (равно какъ и многія другія событія изъ его италіанской жизни, с. 313, пр. 93, с. 331, 153, 97.), описываетъ онъ по «Разсказамъ стараго война», котораго однакожь не потрудился онъ узнать покороче, отбывавшій слегка въ примѣчаніи 80 къ главѣ XIX слѣдующимъ образомъ: «подробности пребыванія Суворова въ Веронѣ болѣею частью заимствованы изъ «Разсказовъ стараго война о Суворовѣ». Хотя авторъ этихъ разсказовъ скрылъ свое имя, однакожь принимаемъ его показанія за достоверный источникъ, въ томъ уваженіи, что онъ записывалъ слышанное имъ отъ самого князя Багратиона.»

«Въ главныхъ частяхъ разсказъ «стараго война» о пребываніи Суворова въ Веронѣ согласуется съ показаніями Лаверня и Антинга; напротивъ того, Фувъ въ своей Исторіи Росс. Австр. Камп. (стр 25 и 26), смѣшалъ происшедшее въ Веронѣ 3-го числа и въ Валеджіо 5-го» (стр. 562).

Дѣйствія Суворова въ подробности излагать мы не станемъ. Онъ предпринялъ выгнать Французовъ изъ Ломбардіи и Пьемонта, и потомъ пошелъ впередъ черезъ Минчіо къ Аддѣ. Успѣхи начались немедленно Французы отступили. Брениа сдалась, послѣ утробъ Суворова взять крѣпость штурмомъ.

Столь достоверный свидѣтель, очевидецъ, заслуживалъ бы больше вниманія. Никакими документами нельзя замѣнить живыя впечатлѣнія, передаваемые подобнымъ лицомъ, тѣмъ болѣе, что прочія его показанія, по тщательномъ критическомъ разсмотрѣніи и сличеніи съ оффиціальными бумагами, оказываются во всѣхъ случаяхъ вѣрными.

Я могу здѣсь служить г. Милютину вмѣстѣ напомнить о «старомъ воннѣ», который за драгоценныя подробности о Суворовѣ, что безъ него пропали бы безвозвратно, имѣетъ полное право на благодарность соотечественникамъ. Это заслуженный изравненный полковникъ, Яковъ Ивановичъ Старковъ третій, живущій, или по крайней мѣрѣ въ прошломъ году жившій въ Острогжскѣ Воронежской губерніи.

Въ 1841 году получилъ я отъ неизвѣстнаго нѣсколько рассказовъ о Суворовѣ. Они показались мнѣ очень занимательными, но, признаюсь, я побоялся, не было ли тутъ журнальной мистификаціи. Привесшій же хотѣлъ сказать мнѣ объ имени пославшаго. Я напечаталъ рассказы съ легкою оговоркою, извѣщая желаніе, чтобъ подлинныя записки не подвергались исправленіямъ. Въ 1842 году я получилъ еще нѣсколько рассказовъ, и наконецъ допытался, что присылаетъ ихъ ко мнѣ одинъ медицинскій студентъ, г-нъ А. Тогда я отсылалъ его, и узналъ, что рассказы принадлежатъ его дядѣ, старому заслуженному полковнику времени Суворовскихъ, живущему въ Острогжскѣ, Воронежской губерніи, и доставлены мнѣ въ первоначальномъ своемъ видѣ. Я убѣдиль студента поехать на вакацію къ дядѣ, упробить его, чтобъ онъ продиктовалъ племяннику свои воспоминанія, равно какъ и передать бы ему свои записки. Съ вакаціи г-нъ А. привезъ мнѣ нѣсколько тетрадей. У меня самого началась переписка съ заслуженнымъ вонномъ, который удостоилъ меня своего благосклоннаго расположенія. Во всякомъ письмѣ приставалъ я къ нему за записками, — и вотъ такимъ образомъ составила цѣлая книга, которую я выдалъ въ 1847 году на свой счетъ подъ заглавіемъ: «Рассказы стараго вонна о Суворовѣ», — книга въ высокой степени примѣчательная, живая, занимательная, драгоценная для многихъ людей, посвящающихъ себя военной службѣ, драгоценная и для всѣхъ любителей исторіи. Но какъ изданіе «Москвитянина», эта книга была предана молчаніемъ въ журналахъ, или подверглась осужденію, и осталась у меня на рукахъ. Писемъ двадцать написалъ я, чтобъ обратить вниманіе на нее и на автора: одинъ только брестскій кадетскій корпусъ взялъ недавно 200 экземпляровъ, прочіе по два, по три экземпляра.

Полковникъ Старковъ переписывался со мною ежегодно и сообщалъ мнѣ еще разныя извѣстія о старыхъ военныхъ дѣлахъ, но въ прошедшемъ году я не получилъ отъ него ни одного письма, и не знаю, живъ ли онъ, или нѣтъ. Читая теперь сочиненіе г. Милютина, и встрѣтивъ свидѣтельства «старо-го вонна» употребленными въ дѣло съ такою пользою, я написалъ къ нему письмо, извѣщая его, что трудъ его оказывается своєю пользою, — отвѣтъ, если будетъ, не премину-сообщить читателямъ Москвитянина. Долгъ справедливости требовалъ бы, чтобъ сказано было спасибо ему. М. П.

Взятіе Брешіи было принято Вѣнскимъ Дворомъ какъ «событіе счастливое и важное». Императоръ Павелъ, получивъ это «радостное извѣстіе» 4 мая, въ Павловскѣ, приказалъ, по окончаніи благодарственнаго молебствія въ придворной церкви, провозгласить: «многочтнѣе господину генералъ-фельдмаршалу Россійскихъ войскъ, побѣдоносцу Суворову-Рымникокому,» при пушечныхъ выстрѣлахъ изъ крѣпости Маріенталь.

Государь удостоилъ Суворова слѣдующимъ рескриптомъ:

«Вчерашняго дня донесеніе ваше изъ Ронкаделла получилъ. Благодарю за извѣстіе и за Брешію; завтра о семъ будетъ молебенъ и здѣсь и въ С. Петербургѣ. Начало благо; дай Богъ, чтобъ вездѣ были успѣхи и побѣда. Вы же, умѣя съ нею обходиться, верно и въ службѣ нашей ее изъ рукъ вашихъ не выпустите, въ чемъ поможетъ вамъ успѣть особенная и давнишняя личная привязанность ея къ вамъ самимъ. По одобренію вашему, съ удовольствіемъ награждаю отличившихся и бывшихъ на приступѣ крѣпости. Генералъ-маіоръ князь Багратіонъ жалуется въ кавалеры ордена св. Анны I класса, коего при семъ посылаемые знаки на него возложите; подполковникъ Ломоносовъ жалуется въ полковники, а маіоръ Поздѣевъ въ подполковники. Офицерамъ, бывшимъ въ дѣлѣ, объявить мое благоволеніе; унтеръ же офицерамъ и солдатамъ выдайте по рублю на человека и скажите, сколь пріятно мнѣ видѣть, что неустрашимость и усердіе повсюду и всегда съ ними. Дай Богъ имъ здоровья, а битъ непріятеля станемъ; этого два они были и будутъ мастера.» (с. 277—278).

Суворовъ спѣшилъ впередъ, Австрійцы подвигались впередъ иногда медленно, чѣмъ требовалъ Суворовъ. Онъ написалъ Меласу, который позволилъ передъ тѣмъ своей колоннѣ остановиться на разсѣгѣ войска, чтобъ обсушиться:

«До свѣденія моего доходятъ жалобы на то, что пѣхота промочила ноги. Виною тому погода. Переходъ былъ сдѣланъ на службѣ могущественному Монарху. За хорошею погодою гоняются женщины, щеголи (*les petits maitres*), да лѣнницы. Большой говорунъ, который жалуется на службу, будетъ, какъ эгоистъ, отрѣшенъ отъ должности. Въ военныхъ дѣйствіяхъ [слѣдуетъ быстро сообразить — и немедленно же исполнить, чтобы непріятелю не дать времени опомниться. У кого здоровье плохо, тотъ пусть и остается позади (намекъ на самаго Меласа). Италія должна быть освобождена отъ ига безбожниковъ и Французовъ: всякій честный офицеръ долженъ жертвовать собою для этой цѣли. Ни въ какой арміи нельзя терпѣть такихъ, которые умничаютъ. — Глазотѣрь, быстрота, стремительность! — на сей разъ довольно (с. 279—280).

На Аддѣ произошло сраженіе. Первый день прошелъ безъ значительнаго перевеса. На другой день во французскомъ войскѣ мѣсто Шерера заступилъ Моро. Суворовъ сказалъ: «персть Божій мало славы разбить шарлатана; лавры, которые отнимемъ у Моро, будутъ лучше цвѣсти и зеленѣть.» Сраженіе возобновилось на многихъ пунктахъ; наконецъ, на третій день, линія непріятельская была прорвана и путь къ Милану очищенъ.

Извѣстіе о побѣдѣ на Аддѣ произвело неописанный восторгъ въ Вѣнѣ и въ Петербургѣ. Императоръ Францъ благодарилъ Суворова.

Донесеніе Суворова о побѣдѣ на Аддѣ отправлено было въ Петербургъ съ майоромъ Румянцовымъ. Императоръ Павелъ удостоилъ фельдмаршала слѣдующимъ рескриптомъ:

«Реляцію вашу получилъ: благодарилъ Бога; благодарю васъ и храброе мое воинство, въ немъ же слава моя и Россіи. Господинъ майоръ Румянцовъ скажетъ вамъ о радости нашей и доставитъ знаки благоволенія нашего удостоеннымъ вами: украсьте ихъ оными и руководствуйте ихъ мужествомъ въ дальнихъ подвигахъ вашихъ. Побѣждайте, и возстановляйте царей!»

Кромѣ того, препроводя Суворову брилліантовый перстень съ портретомъ своимъ, государь писалъ ему:

«При семь посылаю къ вамъ портретъ мой. Примите его въ свѣтели знаменитыхъ дѣлъ вашихъ, и носите его на рукѣ, поражающей врага благоденствія всемірнаго. Дай Богъ вамъ здоровья. О многолѣтій вашему опять вчера молились въ церкви, при чемъ были и всѣ иностранные министры. Сына вашего взялъ я къ себѣ въ генераль-адъютанты со старшинствомъ и оставленіемъ при васъ.

Всѣ лица, отличившіяся въ сраженіи, получили награды; нижнимъ чинамъ выдано по рублю на человека (299—308).

Миланъ занятъ.

Только два дня войска имѣли отдыха въ Миланѣ, а Суворовъ начиналъ уже тяготиться бездѣйствіемъ. «Помилуй Богъ! боюсь, чтобы не затуманилъ меня сонъ; теперь пора работать!» — говорилъ онъ кому-то изъ приближенныхъ. Однако же пребываніе Суворова въ Миланѣ, съ 18 го по 21 апрѣля, отнюдь не было для него временемъ празднымъ: тутъ приняты были самыя важныя мѣры, какъ по части политической, такъ и по предмету дальнѣйшаго хода военныхъ дѣйствій.

Первымъ распоряженіемъ Суворова въ Миланѣ было—уничтоженіе Чизальпійской республики и учрежденіе временнаго правленія, впредь до окончательныхъ повелѣній Вѣнскаго Двора, младѣйшаго большею частію Ломбардіи прежде Кампоформійскаго мира (стр. 308).

Ниспроверженіе Чизальпійской республики поколебало во всей Италіи владычество Французовъ. Не только въ Ломбардіи, Романи и Легациахъ поселяне вооружались противъ нихъ, и, гдѣ могли, убивали солдатъ республиканскихъ, но и въ Пьемонтѣ, Тосканѣ, въ Римской области, даже въ Неаполѣ отозвалось изгнаніе Французовъ изъ Ломбардіи. Вездѣ народъ поднимался; въ деревняхъ и городахъ раздавался звукъ набата; по вечерамъ, вершины горъ освѣщались огнями, служившими сигналомъ для инсургентовъ. Война сдѣлалась народною.

Такииъ образомъ победа на Аддѣ имѣла результаты необъятныя. Только двѣ недѣли прошло со времени пріѣзда Суворова къ арміи, и уже положеніе дѣлъ переменилось къ цѣлой Италіи. Но эти первые успѣхи были только началомъ кампаніи. Союзный полководецъ обдумывалъ въ Миланѣ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій, готовился къ предпріятіямъ болѣе обширнымъ, мечталъ о подвигахъ блистательнѣйшихъ. Суворовъ обратилъ вниманіе на тактическое, устройство союзныхъ войскъ: замѣтивъ въ продолженіе десятидневнаго похода многія неудобства отъ различія въ австрійскихъ и русскихъ уставахъ воинскихъ, въ порядкѣ походныхъ и боевыхъ движеній, бивачнаго и лагернаго расположенія, въ самыхъ дѣйствіяхъ въ бою,—Суворовъ приказалъ маркизу Шателеру написать правила общія для тѣхъ и другихъ войскъ. Правила эти были изложены на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, въ самыхъ простыхъ, общепонятныхъ выраженіяхъ, и объявлены въ приказахъ по арміи. Рассказываютъ, что по этому случаю кто-то изъ приближенныхъ Суворова замѣтилъ: будетъ ли это угодно Государю? На это фельдмаршалъ отвѣчалъ: «бояться нечего: Государь лично изволилъ сказать мнѣ: веди войну какъ знаешь» (стр. 309—310).

Суворовъ хотѣлъ идти сперва на встрѣчу непріятельской арміи ожидаемой изъ южной и средней Италіи, и разбивъ ее, обратиться противъ пьемонтской арміи къ Турину (стр. 312), а потомъ во Францію, въ верховья Роны и къ Берну.

Мы пропустимъ прочія второстепенныя намѣренія Суворова, равно какъ и дѣйствія арміи, Швейцарской и Рейнской,—дѣйствія, отличавшіяся одною медленностію.

Здѣсь рѣшеніе Гофкригсрата начинается останавливать Суворова и требовать, чтобы онъ думалъ только о взятіи Мантуи и ограничивалъ свои дѣйствія лѣвнымъ берегомъ По.

Но эти предписанія были имъ получены уже на правомъ берегу, когда онъ шелъ на встрѣчу Макдональда, который впрочемъ былъ еще далеко, и потому Суворовъ переменялъ планъ дѣйствія и уѣ-

шился прежде занять Пьемонтъ и возстановить власть Короля сардинскаго, образовать отъ его имени вспомогательное войско.

Вѣнскій Дворъ никакъ не хотѣлъ дозволить того, и требовалъ, чтобы въ краю, занятомъ войсками, не было другой власти, «кроме принадлежащей войску». Полная справедливость требуетъ, сказано въ отвѣтъ Императора Франца, чтобы значительныя перемены въ людяхъ, понесенныя государствомъ моимъ въ продолженіе почти одиннадцатилѣтней войны, вознаграждены были чужими областями, исторгнутыми у непріятеля. Переходъ чрезъ По былъ осужденъ. «Я долженъ снова поручить вамъ, писалъ Императоръ, чтобы вы, оставивъ всѣ другія предположенія, обратили исключительно попеченія свои на покореніе Мантуи и цитадели Миланской, для чего и снабдили бы генерала Края нужнымъ числомъ войскъ; съ остальными же, избытка сколь возможно раздробленія силъ, заняли бы позицію, удобную для охраненія завоеваній нашихъ, въ особенности же для того, чтобы не допустить непріятеля помѣшать означеннымъ осадамъ. Хотя и прежде уже эта воля Моя была сообщена вамъ, любезный фельдмаршалъ, однакожь повторяю снова, вследствие полученныхъ новыхъ свѣденій». (с. 35).

«Напрасно же», говоритъ авторъ, «иностранные историки упрекали Суворова въ нерѣшительности дѣйствій послѣ занятія Милана и въ неопредѣленности его плана. Зная характеръ и военныя правила Суворова, трудно подозрѣвать въ немъ излишнюю осторожность.—Достаточно бросить взглядъ на переписку фельдмаршала съ Вѣнскимъ Кабинетомъ, чтобы несомнѣнно убѣдиться, до какой степени Суворовъ самъ недоволенъ былъ тогдашнимъ ходомъ военныхъ дѣйствій; на каждомъ шагу былъ онъ стѣсняемъ требованіями Гофкригсрата, который хотѣлъ руководить всѣмъ ходомъ компаніи, даже въ малѣйшихъ подробностяхъ, какъ будто забывая, что арміей командовалъ уже не Вурмзерь, не Альвинци—а Русскій знаменитый полководецъ. Вѣнскій Кабинетъ привыкъ къ безусловному повиновенію Австрійскихъ генераловъ; только Суворовъ и отчасти Эрцгерцогъ Карлъ, не подчинялись повелѣніямъ, получаемымъ изъ Вѣны: не доверяя слѣпо мнимоу гению барона Тугута, они не хотѣли быть скромными исполнителями его наставленій. Непокорность Суворова раздражала желчный нравъ перваго министра. «Въ Вѣнѣ по выраженію самаго Суворова, «любятъ только посредственность, а талантъ не охотникъ до узды». И въ самомъ дѣлѣ баронъ Тугутъ имѣлъ системою замѣщать важнѣйшія мѣста въ арміи людьми посредственными, но лично ему преданными, и безусловно исполнявшими всѣ его повелѣнія. Привыкнувъ быть полновластнымъ рас-

порядителемъ военныхъ дѣйствій, баронъ Тутуть не хотѣлъ упустить изъ рукъ своихъ вліянія на армию Эрцгерцога Карла и Суворова; для этого принималъ онъ особыя мѣры: обоихъ полководцевъ окружилъ своими клеветами, которые доводили до свѣденія перваго министра все, что дѣлалось въ арміяхъ; въ угожденіе ему дѣйствовали на переکورъ самимъ главнокомандующимъ, на каждомъ шагѣ затрудняли ихъ распоряженія, и были источниками безконечныхъ интригъ.» (стр. 37—38).

При такихъ отношеніяхъ, естественно, не могло быть въ распоряженіяхъ по арміи ни единства, ни стройности, ни порядка. Въ механизмѣ управленія, въ перепискѣ штаба, въ продовольствованіи войскъ — были почти ежедневныя недоразумѣнія, упущенія, даже иногда умышленныя противурчія приказаніямъ фельдмаршала. (с. 39).

Изъ послѣдующаго разсказа выпишемъ описаніе участія, принятаго Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ въ дѣлѣ при Басиньянѣ. «Въ сраженіи при Басиньянѣ Великій Князь Константинъ Павловичъ сдѣлалъ первый свой шагъ на военномъ поприщѣ. Присутствіе его ободряло, одушевляло войска. Съ нетерпѣніемъ, свойственнымъ пылкому юношѣ, рвался онъ въ сраженіе; генералъ Розенбергъ даже ссылался на то, что рѣшился вступить въ дѣло по просьбѣ, желанію Великаго Князя. Отговорка эта была конечно неумѣстна со стороны стараго и опытнаго генерала, и Суворовъ сильно высказалъ это самому Розенбергу при первомъ съ нимъ свиданіи. Было мгновеніе, когда Великій Князь подвергался большой опасности: въ то самое время, когда снесенъ былъ паромъ, на которомъ начали войска переправляться обратно за рѣку По, когда все столпилось у переправы, среди общей суматохи, лошадь Великаго Князя испугалась, и, внезапно поворотивъ въ сторону, бросилась прямо въ рѣку. Къ счастью, козакъ Пантелевъ устремился въ слѣдъ за нею въ воду, остановилъ лошадь и силою вывелъ ее на берегъ. Послѣ того Его Высочество согласился сѣсть на маленькую лодку, въ которой и переправился. Переночевавъ въ Мадонна дель-Грація, Великій Князь на другой день утромъ опять пріѣхалъ къ переправѣ у Бурго-Франко, и посвѣщеніемъ своимъ принесъ утѣшеніе раненымъ офицерамъ и солдатамъ.

Доселѣ намѣреніе фельдмаршала состояло въ томъ, чтобы главныя силы свои соединить на правомъ берегу По, и тѣмъ отдалить Моро отъ Макдональда. Позиція впереди Тортоны вполне соответствовала этой цѣли: она закрывала войскамъ Моро отступленіе на Генуу, а Макдональду путь вдоль подошвы Аппениновъ къ Александріи. Но планъ этотъ вдругъ измѣнился; вмѣсто того, чтобы про-

должать начатое сосредоточіе войскъ на правой сторонѣ рѣки По, Суворовъ, напротивъ того, рѣшился, 5 мая, всѣ силы свои перенести на лѣвую сторону рѣки (стр. 69).

Моро отступала, не находя средствъ бороться, къ Генуѣ.

Суворовъ занялъ Туринъ; тогда же взяты были города и вѣрности: Казале, Валенца, Чева, цитадель Миланская, Пиццетово, Тортона, Пескьера, Феррара. Суворовъ собирался преслѣдовать Моро за Аппенины, находясь впрочемъ и для другихъ пунктовъ; онъ расположилъ союзныя силы, имѣя въ виду обычный свой расчетъ: куда бы не вздумалъ устремиться непріятель, можно было въ два-три перехода сдвинуть къ угрожаемому пункту болѣе 30,000 войска. Приготовляясь къ рѣшительному бою съ непріятелемъ, Суворовъ обдумалъ съ необыкновенною заботливостію всѣ мѣры на случай какого-либо неожиданнаго оборота дѣлъ.

Впродолженіе всего движенія отъ Турина до Александріи, Великій Князь Константинъ Павловичъ находился при авангардѣ князя Багратіона, и не смотря на проливной дождь, шелъ почти все время пѣшкомъ, на привалахъ отдыхалъ на мокрой травѣ рядомъ съ солдатами. Войска, видя среди себя царскаго сына, раздвѣившаго съ ними всѣ трудности похода, забывали усталость и лишенія. Немедленно по прибытіи къ Александріи, Великій Князь посвятилъ фельдмаршала, который туда пріѣхалъ еще наканунѣ.

2 іюня получено рѣшительное извѣстіе о движеніи Макдональда на сѣверъ. Оно угрожало крайнею опасностію всѣмъ войскамъ союзнымъ въ Италіи: непріятель могъ напасть на корпусъ Края, освободить Мантуу, разбить по частямъ разбросанныя силы союзниковъ, и даже стать на пути отступленія главной арміи. Казалось, Суворовъ неминуемо долженъ былъ уступить разомъ всѣ свои завоеванія. Сбывались по видимому тѣ опасенія, которыя такъ давно тревожили вѣнскій кабинетъ.

Но Суворовъ нисколько не потерялъ обычной своей твердости, напротивъ того, въ его глазахъ движеніе Макдональда обещало союзникамъ новый блистательный успѣхъ. Мы видѣли, что почти съ самаго начала компаніи готовился онъ къ тому случаю, чтобы стать между двумя французскими арміями и разбить каждую изъ нихъ отдѣльно. Случай этотъ теперь наконецъ представился: Суворовъ рѣшился, со всѣми войсками, которыя могъ взять изъ-подъ Александріи, устремиться на встрѣчу Макдональду. Вотъ приказъ Суворова предъ сраженіемъ:

«1) Непріятельскую армию взять въ полонъ.

«Вліять твердо въ армію, что ихъ 26,000, наъ коняхъ только 7,000 Французовъ; прочіе всякій сбродъ реквизиціонеровъ.

«2) Козаки колоть будутъ, но жестоко бы слушали, когда Французы кричатъ будутъ *pardou*, или бить шамадь. Козакамъ самимъ кричатъ въ атакъ *балезармъ*, *пардонъ*, *жетелезармъ*, и симъ пользуясь, кавалерію жестоко разбить, и на батареи быстро пускаться, что особливо внушить.

«3) Козакамъ, конемъ удобно, испортить на рѣкѣ Гаро мостъ и тѣмъ зачать отчаяніе. Съ цѣльными быть милосерду; при ударахъ дѣлать большой крикъ; крѣпко бить въ барабанъ; музыкъ играть гдѣ случится, но особливо въ погоню, когда кавалерія будетъ колоть и рубить, чтобы слышню было своимъ.

«Ихъ генераловъ, особливо козаки и проч. примічаютъ по кучкамъ около ихъ; кричатъ *пардонъ*, а ежели не сдаются — убивать» (с. 246).

Въ одинъ день, 5 числа, войско сдѣлало переходъ въ 45 версть, тоже и на другой день: «войска, можно сказать, не шли, а бѣжали. При нестерпимомъ жарѣ, люди падали отъ изнеможенія; колонна растянулася; множество отсталыхъ обозначало слѣдъ арміи. Суворовъ, съ однимъ только козакомъ, перевзжалъ отъ головы къ хвосту колонны, повторяя: «впередъ, впередъ, голова хвоста не ждетъ». По временамъ, обогнавъ войска, отъезжалъ онъ въ сторону отъ дороги, ложился гдѣ-нибудь въ кустахъ или за строеніями и высматривалъ проходившую колонну. Потомъ мгновенно садился на коня и неожиданно являлся предъ войсками. Появленіе его оживляло всю колонну; части растянувшіяся спѣшили бѣгомъ нагнать голову. Фельдмаршалъ вѣдалъ рядомъ съ солдатами, шутилъ съ ними, забавлялъ ихъ разными прибаутками.

«Князь Багратіонъ, видя крайнее изнуреніе своихъ войскъ, просилъ Суворова немного повременить нападеніемъ, говори, что въ его отрядѣ множество отсталыхъ, такъ что въ ротахъ нѣтъ и по со року человекъ: «у Макдональда нѣтъ и по двадцати, возразилъ ему Суворовъ — атакуй съ Богомъ! ура!» Всѣмъ начальникамъ поединно приказаніе не терять времени на перестрѣлку, а рѣшать дѣло штыками. Согласно данному повелѣнію, всѣ войска дружно ударили на непріятеля: пѣхота, взявъ ружья на руки, двинулася съ барабаннымъ боемъ и музыкой; русскія войска съ пѣснями. Суворовъ развѣзжалъ по фронту и только повторялъ: «впередъ, впередъ, коли, руби!»

Французы держались упорно, отстрѣльвались, атака встрѣчали штыками (стр. 251, 252).

«Успѣшный конецъ боя должно приписывать, конечно, быстрому прибытію самаго Суворова съ передовыми русскими войсками; но

до самаго конца боя союзники были слабѣе противника: у нихъ было всего 17 баталіоновъ, 24 эскадрона и 4 козацкихъ полка, т. е. не болѣе 14 или 15 тысячъ человекъ; на сторонѣ же Французовъ участвовало въ бою до 19,000. Хотя бой на Тидонѣ и былъ только дѣломъ авангарднымъ, однакожъ онъ имѣлъ чрезвычайную важность для обѣихъ сторонъ: Макдональдъ вполне надвинулся разбить слабый отрядъ генерала Ота, полагая, что самъ Суворовъ не прежде могъ подойти, какъ развѣ чрезъ нѣсколько дней; такой расчетъ былъ не безъ основанія; но Суворовъ рассчитывалъ по своему. Появленіе его на Тидонѣ должно было чрезвычайно изумить Макдональда. И въ самомъ дѣлѣ, движеніе Суворова отъ Александріи къ Тулонѣ можно считать однимъ изъ самыхъ рѣдкихъ, самыхъ замѣчательныхъ военныхъ дѣйствій: 36 часовъ послѣ переправы чрезъ Дорлинъ, войска являлись на Тидонѣ, въ 80 верстахъ отъ Александріи, и вмѣсто отдыха, вступаютъ прямо въ бой; не смотря на изнуреніе, дерутся нѣсколько часовъ сряду, и наконецъ одолеваютъ всѣ усилія превосходнаго числомъ противника. Безъ сомнѣнія, тутъ есть чему подивиться. Успѣхъ, одержанный союзными войсками при первой встрѣчѣ съ арміею Макдональда, служилъ счастливымъ предзнаменованіемъ для предстоящаго рѣшительнаго боя. Когда войска, утомленные до изнеможенія, расположились на мѣстѣ боя, фельдмаршалъ поздравилъ ихъ съ побѣдой, и вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ отправился на ночлегъ въ с. Джіовани, чтобы едва-ли распоряженія на слѣдующій день.»

«Три дни продолжалось сраженіе при Треббиа.»

«Изнуренныя палищимъ жаромъ и неравнымъ боемъ, храбрыя войска русскія едва уже въ состояніи были долѣе держаться. Розенбергъ начиналъ думать объ отступленіи и съ этимъ подъѣхалъ къ Суворову, который въ изнеможеніи отъ зноя лежалъ у камня въ одной рубашкѣ. «Попробуйте сдвинуть этотъ камень, сказалъ фельдмаршалъ; не можете? ну такъ и Русскіе не могутъ отступать!...» Суворовъ велѣлъ Розенбергу держаться крѣпко, ни шага не дѣлать назадъ. Въ то самое время, когда Розенбергъ поскакалъ къ своимъ войскамъ, подъѣхалъ къ Суворову князь Багратіонъ съ донесеніемъ, что войска его также утомлены до крайности; что уже изъ нихъ убыло на половину, ружья худо стрѣляютъ, непріятель все еще силенъ. Услышавъ это, Суворовъ закричалъ: коня! съѣлъ и попелся самъ къ войскамъ Багратіона. Лишь только солдаты увидѣли стараго фельдмаршала, вдругъ все преобразилось, все ожило, все пришло въ движеніе, ружья начали стрѣлять, затрещалъ бѣгдый огонь, забили барабаны, откуда взялись силы у людей. Храбрые егеря и казаки бросились

въ Казалѣджію, неожиданно явились въ тылу непріятельскихъ войскъ Виктора и Русска. Появленіе ихъ дало новый оборотъ дѣлу; атака была произведена такъ стремительно, съ такимъ огнемъ, что Французы сочли войска Багратиона за свѣжія, вновь прибывшія подкрѣпленія».

Вотъ минуты вѣдѣ всѣхъ правилъ тактики и стратегіи: «онѣ сдѣлали свое дѣло, и у нихъ не оставалось никакого средства. Силы истощились, духъ рѣшилъ дѣло (*)».

Когда все утихло на полѣ битвы, Суворовъ отправился вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ на почлегъ. Семидесятилѣтній полководецъ имѣлъ крайнюю нужду въ отдохновеніи: во всѣ три дня сраженія почти не сходилъ онъ съ сѣдла, терпѣливо перенося палящій зной, разъѣзжалъ онъ по фронту войскъ, безъ мундира, на козачьей лошади, иногда останавливался подъ самой сильной картечью. Нѣсколько разъ, въ полномъ разгарѣ битвы, приказывалъ онъ баталіонамъ идти въ штыки подъ глазами своими: тогда утомленные солдаты, увидѣвъ предъ собой самага Суворова, услышавъ его голосъ, одушевлялись, забывали усталость, совершали подвиги почти невѣроятные (стр. 276).

Уже три дня сряду бились противники; русло Требѣи и поля завалены были трупами, плѣнныхъ Французовъ толпами отвозили къ св. Джювани... а побѣда все еще казалась нерѣшенной; но Суворовъ, вѣрный своему всегдашнему непоколебимому упорству, рѣшился во что бы то ни стало сбить Макдональда съ позиціи, и въ четвертый разъ намѣревался атаковать его. Когда въ слѣдъ за фельдмаршаломъ съѣхались къ мѣсту ночлега многіе изъ генераловъ союзной арміи—Суворовъ, скрывая свое утомленіе, весело поздравилъ ихъ съ *«третьею побѣдою»*, благодарилъ ихъ и поручилъ имъ передать *«большое спасибо»* всѣмъ офицерамъ и солдатамъ. — «Завтра дадимъ еще четвертый урокъ Макдональду», говорилъ фельдмаршалъ отпуская генераловъ. Къ 5 часамъ утра союзнымъ войскамъ велѣно было приготовиться къ новой атакѣ (стр. 277). Едва стало свѣтать, фельдмаршалъ собирался уже вѣзти къ войскамъ, какъ получаетъ онъ донесеніе, что непріятель отступилъ отъ Требѣи (стр. 279).

Государь, получивъ реляцію, написалъ въ рескриптѣ своемъ фельдмаршалу: «поздравляю васъ вашими-же словами; слава Богу, слава вамъ.» Всѣ представленные Суворовымъ получили щедрыя награды. Самому фельдмаршалу пожалованъ портретъ Императора, при слѣдующемъ рескриптѣ:

(*) Это извѣстіе доставилъ «старый воинъ» Москвитянинъ.

«Портретъ мой на груди вашей да изъявить всѣмъ и каждому признательность Государя къ великимъ дѣламъ своего подданнаго; имя же прославляется царствованіе наше.»

За победу на Треббінъ всѣмъ полкамъ Розенбергова корпуса Высочайше пожаловалъ *гренадерскій мундиръ* (стр. 283).

Суворовъ возвратился въ Александрію ровно чрезъ десять дней послѣ того, какъ выступилъ оттуда на встрѣчу Макдональду. Этотъ десятидневный походъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ страницъ въ исторіи военного искусства. Самъ Моро, противникъ нашего полководца, признавалъ дѣйствія его въ этотъ періодъ компаніи *образцовыми* (*chef d'oeuvre de l'art militaire*). Угрожаемый двумя непріятельскими арміями, Суворовъ устремляется сперва противъ одного противника, поражаетъ его, отбрасываетъ за Аппенины, и потомъ столь же быстро возвращается назадъ: одно появленіе его заставляетъ другую непріятельскую армію поспѣшить отступить безъ боя, — такіа дѣйствія, по вѣрности расчета стратегическаго, съ которымъ соображены, по изумительной быстротѣ, съ которой исполнены, наконецъ, по непреклонной твердости воли и энергіи, которыя семидесятилѣтній полководецъ показывалъ въ самомъ бою противъ превосходныхъ силъ непріятельскихъ, — однимъ словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ напоминаютъ блистательнѣйшія компаніи Фридриха Великаго и ставятъ Суворова въ число полководцевъ гениальныхъ (с. 297).

Вскорѣ взята была Александрія. Тогда подошлъ къ Суворову корпусъ Ребиндера. «Послѣ сдачи цитадели Александрійской, вся осадная артиллерія и часть войскъ графа Бельгарда назначены были къ осадѣ Тортонаскаго замка. Тамъ во всю компанію, Суворовъ долженъ былъ поочередно обращать свои средства отъ одной крѣпости къ другой, стараясь всегда противъ каждой изъ нихъ сосредоточить по возможности болѣе артиллеріи. Послѣ сдачи Пичитетове, весь осадный паркъ отпрямленъ былъ оттуда въ Миланъ; сдача Миланская цитадель — и всѣ средства сосредоточены къ Турину; сдача Туринской цитадели — дала средства къ осадѣ Александрійской. Каждая изъ этихъ крѣпостей держалась не долго: въ нѣсколько дней батареи были устроены, вооружены, и едва только открывали огонь, какъ осажденный уже подавленъ былъ грознымъ перевѣсомъ противника въ артиллеріи. Этимъ средствомъ Суворовъ сберегалъ и время, и людей.

«Послѣдующее продолжительное бездѣйствіе Суворова, въ теченіе около 6 недель, казалось непостижимымъ для современниковъ, знавшихъ кипучую дѣятельность и пылкій характеръ нашего полководца; многие и до сихъ поръ еще ставятъ ему въ упрекъ, что не

умялъ онъ воспользоваться ни своими побѣдами надъ противникомъ, ни теми средствами, которыя могъ бы извлечь изъ завоеваннаго края, для довершеннаго изгнанія Французовъ изъ Италіи. Дѣйствительно, бездѣйствіе союзной арміи лишило Суворова всѣхъ плодовъ прежнихъ его успѣховъ, а неприятелю дало между тѣмъ время собрать новыя силы и приготовиться къ новой борьбѣ. Но обвинять въ этомъ Суворова можетъ лишь тотъ, кому вовсе не известны ни тогдашнее положеніе дѣлъ, ни личныя отношенія нашего полководца.»

«Чтобы раскрыть настоящія причины этого бездѣйствія, надобно бросить взглядъ на переписку фельдмаршала и въ особенности на его сношенія съ Вѣнскимъ Дворомъ. Только что возвратился Суворовъ изъ Александріи, послѣ побѣды на Треббін, какъ уже былъ огорченъ рескриптомъ Императора Франца, отъ 10 іюня. Въ то время, когда нашъ полководецъ, рѣшительнымъ пораженіемъ Макдональда, разстроилъ всѣ замыслы неприятеля и тѣмъ упрочилъ свои завоеванія въ Италіи, Вѣнскій Кабинетъ все еще былъ сильно встревоженъ прежнимъ извѣстіемъ о мнимомъ усиленіи арміи Моро, о присоединеніи къ нему Макдональда, о намѣреніи неприятеля сдѣлать вторженіе въ Пьемонтъ. Гофкригсратъ воображалъ себѣ, что союзная армія на краю гибели, и обвинялъ въ томъ Суворова. Вотъ слова самаго Императора Франца:

«Я желалъ бы, чтобы неоднократныя повелѣнія мои объ ускореніи осады Мантуи и объ избѣжаніи излишняго раздробленія войскъ, были исполняемы своевременно, но долженъ полагать, что вы встрѣтивъ къ тому какія либо препятствія, которыя до сихъ поръ мнѣ еще неизвѣстны. Если дѣйствительно подтвердятся получаемыя извѣстія о высадкѣ значительнаго числа войскъ при Вадо и Савонѣ и соединеніи Моро съ Макдональдомъ, а слѣдовательно, если снова соберется французская сильная армія—о чемъ я уже давно предупредилъ васъ,—то армія моя, раздробленная на мелкіе отряды, можетъ быть въ опасномъ положеніи. Ваша опытность, храбрость и столь часто испытанное счастье ваше, подаютъ мнѣ надежду, что скорѣе вы успеете дать опять дѣламъ благопріятный оборотъ; однакоже не могу при этомъ не обратить особеннаго вниманія вашего на корпусъ генерала Кейма, оставленный при Туринѣ: необходимо предохранить его отъ опасности быть отрваннымъ или разбитымъ отдѣльно; это непрѣмная моя воля; а потому генералу Кейму должно быть отъ васъ предписано, чтобы онъ былъ готовъ, въ случаѣ наступленія неприятеля, немедленно отступить отъ Турвина и своевременно спасти свой отрядъ. На будущее-же время, когда съ помощію Божіею, и при пособіи знаменитыхъ вашихъ дарованій воин-

скихъ, благополучно минуютъ настоящія трудныя обстоятельства, убедительно прошу васъ, любезный фельдмаршалъ, всегда слѣдовать прежнимъ Моимъ наставленіямъ, т. е. *совершенно отказаться отъ всякихъ предпріятій дальнихъ и невѣрныхъ*, не соответствующихъ, ни теперешнему общему положенію дѣлъ, ни намѣреніямъ моимъ и искренняго моего союзника Императора Россійскаго, а прежде всего принять мѣры къ упроченію сдѣланныхъ уже завоеваній, въ особенности же не упускать изъ виду обещанія, даннаго вами предъ отъездомъ изъ Вены, *«чтобы о всякомъ важномъ предположеніи или дѣйствіи, которое признаете вы сообразнымъ со временемъ и обстоятельствами, предварительно доводить до свѣдѣнія моего»*. Таковы были первыя привѣтствія, которыя Суворовъ получилъ изъ Вены, послѣ блестящей победы. Недовѣрчивость, съ которою смотрѣлъ Венскій Дворъ на полководца нашего, должна была, безъ сомнѣнія, глубоко огорчать его; ему обидно было получать уроки въ военномъ дѣлѣ отъ министра, никогда не бывавшаго на войнѣ.

Отвѣтомъ на рескриптъ Императора Франца служила реляція о побѣдѣ на Треббін. Въ рапортѣ, при которомъ она представлена была въ Вену, Суворовъ писалъ:

«Изъ этой реляціи Ваше Императорское Величество усмотрѣть изволите, что побѣдою, столь же для насъ счастливою, сколько для непріятели бѣдственною, разстроены всѣ замыслы Макдональда—соединиться съ Моро, и что чрезъ это на долго положена преграда дальнѣйшимъ ихъ покушеніямъ. Послѣ истребленія около трети Макдональдовой арміи, и самое соединеніе непріятельскихъ силъ уже не можетъ нынѣ представлять для насъ никакой опасности».

За тѣмъ, объяснивъ подробно тогдашнее распределеніе союзныхъ войскъ, распределенія, сдѣланныя къ осадѣ Мантуи и цитадели Александрійской, фельдмаршалъ въ заключеніи писалъ:

«Представленный обзоръ удостовѣритъ Ваше Императорское Величество, что силы ввѣренной мнѣ арміи распределены такъ, какъ требуютъ того обстоятельства, и что я поставляю для себя непреминною обязанностію охранять каждый отдѣльный отрядъ. Въ случаѣ дѣйствительной надобности, я своевременно послышу съ главною своею арміею на помощь угрожаемому пункту, для чего я и расположился на такой позиціи, которая, сравнительно со всѣми прочими частями вашего расположенія, находится въ кратчайшемъ отъ непріятели разстояніи».

«Донесеніе о побѣдахъ, одержанныхъ Суворовымъ на Тидгови и Треббін, нѣсколько успокоило Венскій дворъ, однакоже не

избавило фельдмаршала отъ новыхъ уроковъ гофкригсрата. Императоръ Францъ писалъ въ рескриптѣ, 29 юнія:

«Побѣды одержанныя вами надъ непріятелемъ, кажется, устраняютъ опасенія, возникшія въ последнее время, относительно положенія дѣлъ въ Италіи, однакоже для лучшаго поясненія предъидущихъ повелѣній моихъ, именно отъ 10го числа прошедшаго мѣсяца, полагаю нужнымъ дополнить слѣдующее:

«Нынѣ болѣе чѣмъ когда либо убѣждаю васъ, безъ всякаго дальнѣйшаго отлагательства предпринять и окончить осаду Мантуи, а для того назначить генералу Краю достаточно войскъ. Сверхъ того требую, чтобы ему подчинены были, въ продолженіе всей осады, генералы Оттъ и Кленуа, для обезпеченія праваго берега рѣки По. О наступательномъ движеніи арміи моею чрезъ Валисъ или Савою во Францію теперъ рѣшительно и помышлять не должно, какъ уже сообщилъ я вамъ въ повелѣніи отъ 10го мая. Также не могу никакъ дозволить, чтобы какія либо войска мои, впредь до особаго предписанія, употреблены были къ освобожденію Рима или Неаполя. Слѣдовательно въ настоящее время вы должны обратить все свое вниманіе на покореніе Мантуи и за тѣмъ стараться овладѣть еще мало по малу другими крѣпостями Александріею, Тортоною, Кони и проч. Занятіемъ этихъ пунктовъ и преградою путей и проходовъ чрезъ Альпійскія горы слѣдуетъ пресѣчь сообщеніе Италіи съ Франціею. Когда же цѣли будутъ достигнуты, тогда южныя части Италіи, занятыя еще Французами, падутъ сами собою и непріятель самымъ легкимъ и вѣрнымъ средствомъ оттуда изгнать будетъ.»

«Во всѣхъ другихъ предписаніяхъ изъ Вѣны постоянно подтверждалось непремѣнно требованіе, чтобы до взятія Мантуи даже и не помышлять ни о какомъ предпріятіи наступательномъ. До сихъ поръ Суворовъ старался, по мѣрѣ возможности, уклоняться отъ робкой системы Вѣнскаго Кабинета и шелъ отъ побѣды къ побѣдѣ, вопреки стѣснительнымъ предписаніямъ Гофкригсрата. Но съ каждымъ разомъ повелѣнія Императора дѣлались положительнѣе и настойчивѣе. Фельдмаршалъ уже прямо получалъ замѣчанія за неисполненіе повелѣній: Ничего болѣе не оставалось ему, какъ подчиниться безпрекословно. Припомнимъ, что изъ первыхъ распоряженій Суворова, послѣ пораженія Магдональда—было предписаніе барону Краю приступить къ осадѣ Мантуи. Послѣ того, фельдмаршалъ давалъ ему одно предписаніе за другимъ, убѣждая открыть заботы неотлагательно, и разрѣшилъ присоединить къ осадному корпусу большую часть отряда генерала Отта, чтобы не дожидаться войскъ изъ внутреннихъ областей Австріи. Вслѣдъ за тѣмъ, съ прибытіемъ

корпуса генерал-лейтенанта Ребиндера, большая часть состоявшей при немъ артиллеріи, всѣ пионеры, саперы, минеры отражены также къ осадному корпусу барона Края. Могъ ли Суворовъ сдвѣять болѣе для исполненія исключительнаго желанія Вѣнскаго двора? Повороте Мантуй сдѣлалось уже и для самого фельдмаршала первостепеннымъ предметомъ заботы» (стр. 423—329).

«Такимъ образомъ Суворовъ дѣйствительно болѣе всего заботился въ это время объ ускореніи осады Мантуй; но между тѣмъ мысли его постоянно заняты были предположеніями о дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ. Еще 28 іюля представилъ онъ Императору Францу планъ наступательнаго движенія въ Ривьеру Генуэзскую.»

«Но фельдмаршалъ не могъ и надвѣяться приступить къ исполненію своихъ предположеній, пока значительная часть его силъ занята была осадю крѣпостей. Можно представить себѣ, съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ онъ паденія Александріи и Мантуй. Никто лучше его не понималъ, что съ каждымъ днемъ бездѣйствія, союзники утискали изъ рукъ драгоценныя плоды одержанныхъ побѣд. Было много очевидныхъ тому доказательствъ въ перепискѣ фельдмаршала «недодрубаемый глѣсъ опять выростаеть», писалъ онъ однажды графу Разумовскому; не разъ высказывалъ онъ прямо, что слѣдовало, не теряя времени предпринять движеніе въ Ривьеру Генуэзскую и такъ нанести непріятелю рѣшительный ударъ. Но въ Вѣнѣ, по слову графа Разумовскаго, весь планъ операціонный состоялъ въ томъ, чтобы взять Мантую, а потомъ—что вамъ угодно, только по со сторону Альпійскихъ горъ, переходить ихъ не прежде, какъ придетъ Корсаковъ.»

«Нѣкоторые изъ иностранныхъ писателей дѣлали еще другой упрекъ союзному полководцу: въ то самое время, когда Французи, послѣ понесенныхъ ими пораженій, дѣлательно собирали новыя силы, пополняли и устроивали свои арміи, союзники, оставаясь побѣдителями, вовсе не заботились объ умноженіи своихъ силъ и даже не воспользовались готовыми средствами занятаго края. Дѣйствительно ничего не стоило-бы собрать сильный корпусъ изъ бывшихъ пьемонтскихъ войскъ; но мы знаемъ, что распоряженія, сдѣланныя Суворовымъ, для формировавія Пьемонтской арміи, были рѣшительно отбиты Вѣнскимъ Кабинетомъ. Не смотря на то, фельдмаршалъ неоднократно возобновлялъ свое представленіе по этому предмету, и каждый разъ получалъ отказы самыя непріятныя. Вѣнскій Кабинетъ настаивалъ на томъ, что Пьемонтъ, какъ завоеванный край, обязанъ комплектовать войска Австрійскія, для вознагражденія понесенныхъ ими потерь. Между тѣмъ, Пьемонтцы не хотѣли всту-

пять въ Австрійскую службу и всѣ усилія вербовать ихъ въ полки цесарскіе оставались безъ успѣха. Черезъ это армія союзная лишена была значительной вспомогательной силы, а самый край оставался безъ собственныхъ средствъ обороны. Суворовъ выражалъ часто жалобы свои по этому предмету» (стр. 332).

«И такъ, если союзники въ самомъ дѣлѣ не воспользовались плодами своихъ успѣховъ, то никакъ не должно въ томъ винить Суворова. Полководецъ нашъ былъ связанъ во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ повелѣніями изъ Вѣны; распоряженія гофкригсрата приводили его самого въ крайнее негодованіе. Суворовъ видѣлъ въ этихъ распоряженіяхъ не однѣ лишь ошибки, не одну только ложную систему, но и личное недоброжелательство къ нему.»

«Недоразумѣнія и непріятности, возникшія съ первыхъ же сношеній между Вѣнскимъ Кабинетомъ и фельдмаршаломъ, постепенно усиливались и ожесточались въ теченіи компаніи. Чтобы видѣть, до какой степени раздраженъ былъ Суворовъ противъ Австрійцевъ, стоитъ только пробуждать его переписку съ графами: Разумовскимъ, Ростопчинимъ и Толстымъ. Въ этихъ дружескихъ письмахъ, иногда шутивыхъ, иногда колкихъ, высказываются въ самой странной формѣ, часто въ выраженіяхъ темныхъ, едва понятныхъ, горькія жалобы на Вѣнскій Кабинетъ и на гофкригсратъ.»

«Австрійцы приписывали успѣхи Суворова одному *сильному счастию*; не разъ упоминалось это даже въ рескриптахъ Императора Франца; генералы Австрійскіе порицали дѣйствія Суворова, находя ихъ противными *правиламъ*. «Нѣмцы уклоняются отъ меня.... и вѣдомо, здѣшнія завоеванія не по правиламъ», такъ выразился Суворовъ въ письмѣ къ графу Толстому (отъ 27 июня). За то фельдмаршалъ и вымѣщалъ свою досаду насмѣшками надъ бездарностью Австрійскихъ генераловъ и всего гофкригсрата. Онъ называлъ ихъ *проэкторами, бештимтзагерами, мерсенерами*. «Служба ихъ въ тѣлахъ, амбиціи или эгоизмъ, вредномъ обществу. Я скажу они храбры, я ихъ испыталъ и оставлю армію побѣдительною Евгеніевой; но безъ меня тѣхъ же бытъ». Въ одномъ письмѣ къ графу Толстому, Суворовъ намекалъ, что Эрцгерцогъ Карлъ могъ бы нанести непріятелю гораздо большее пораженіе, если бы дѣйствовалъ штыками, а потомъ прибавилъ: «здесь при мнѣ и Нѣмцы хорошо колютъ, идѣ и во всемъ иначе. Я цѣлю, чтобы съ ними разстаться. Вездѣ гофкригсратъ, неискоренимая привычка битымъ бить.... унтеркунотъ, бештимтзагеры!...»

«Австрійскіе генералы жаловались на быстрые марши Суворова, и даже писали о томъ въ Вѣну: «скорыми маршами армія

взнурена; неприятель нападетъ, все побѣетъ и плавнитъ такъ изправляя изъ Турина, и самый честный, добрый старикъ Меласъ тѣмъ же отзывался.» Къ этому фельдмаршалъ прибавилъ: «я, это только что свѣдалъ — и отъ того разстроика въ Вѣдѣ».

«Съ своей стороны, Суворовъ укорялъ Австрійскихъ генераловъ въ томъ, что они много терли людей понапрасну: «мудрый Бельгардъ между прочимъ привыкъ терять людей: въ началѣ компаніи онъ доставилъ неприятелю въ Тироля, чрезъ Лаудона, слишкомъ 10,000 человекъ; нынѣ въ нуждѣ моей, онъ съ ранеными проигралъ слишкомъ 2,000 человекъ. — «Для короны размытъ есть, для нихъ — не ихъ люди; чего же жалеть.» — «Бештимтзагеры убавили у меня изъ подъ рукъ въ три' раза почти больше, нежели мнѣ на трехъ баталіяхъ стоило Тидона, Треббиа и Нура».

«Однимъ изъ главныхъ поводовъ къ неудовольствіямъ и взаимнымъ укоризнамъ, было требованіе Вѣнскаго Двора, чтобы Суворовъ не предпринималъ ничего важнаго, не испросивъ предварительно разрѣшенія изъ Вѣны. Гофкригсратъ привыкъ уже къ тому, что генералы Австрійскіе не отважились сдѣлать ни единого шага безъ положительнаго предписанія изъ Вѣны, но полководецъ нашъ не могъ подчиниться такому порядку. Почти въ каждомъ письмѣ его къ графу Разумовскому находимъ жалобы по этому предмету: «Его Римско-Императорское Величество желаетъ, чтобы ежели мнѣ завтра баталію давать, я бы отнесся прежде въ Вѣну. Военныя обстоятельства мгновенно перемѣняются; по сему дѣлу для нихъ нѣтъ никогда вѣрнаго плана. Я ниже мечталъ быть на Тидонѣ и Треббиа по слѣдамъ Ганнибала, ниже въ Туринѣ, какъ одинъ случай далъ намъ пользоваться толикими сокровищами; ниже въ самомъ Миланѣ, куда намъ Вапріо и Кассано ворота отворили. Фортуна имѣетъ голый затылокъ, а на лбу длинныя висящія власы. Летъ ея молніи; не схвати за власы — уже она не возвратится...»

«Глубоко проникнутый безкорыстною цѣлью, съ которою Императоръ Россійскій поднялъ оружіе противъ республики Французской, Суворовъ ставилъ пользу общаго дѣла выше частныхъ, своекорыстныхъ видовъ Двора Вѣнскаго. Онъ не считалъ себя только «стражемъ предъ Вѣнскими вратами» и не хотѣлъ быть орудіемъ гофкригсрата. «Я не мерсенеръ, не наемникъ, который изъ хлѣба мнѣ послушей». Съ своей стороны Вѣнскій Кабинетъ, недовольный Суворовымъ за то, что онъ дѣйствовалъ, не испрашивая заранее разрѣшенія гофкригсрата, укорялъ фельдмаршала въ неповиновеніи и даже приносилъ на него жалобу самому Императору Павлу. Государь отвѣчалъ чрезъ графа Разумовскаго:

«Что касается до фельдмаршала Суворова, то я предоставилъ его въ распоряженіе Его Величества Императора Вѣнскаго. Въ немъ нѣтъ недостатка ни усердія, ни доброй воли, а ремесло свое онъ знаетъ не хуже какого-нибудь министра или посланника—пусть только ему предпишутъ, чего отъ него желаютъ, а ему останется исполнять».

«Опираясь на этотъ отзывъ, Вѣнскій Кабинетъ напоминалъ Суворову о долгѣ повиновенія. Въ одномъ изъ рескриптовъ своихъ, Императоръ Францъ писалъ фельдмаршалу: «искренній другъ и союзникъ Мой, Императоръ Всероссійскій, нынѣ повторилъ Мнѣ чрезъ графа Кобенцеля, прежнее объясненіе свое, что предоставивъ вамъ, любезный фельдмаршалъ, принять главное начальство надъ Моей арміей, онъ и вѣсь совершенно вѣрилъ Моимъ распоряженіямъ; а потому несомнѣнно надѣюсь, что вы будете въ точности исполнять предписанія Мои».

«Гофкригсратъ, не всегда увѣренный въ точномъ исполненіи предписаній, которыя давались фельдмаршалу, дѣлалъ иногда распоряженія и мимо его. Генералы, подчиненные Суворову, получали прямо изъ Вѣны предписанія и, разумѣется, предписанія большею частью уже не своевременныя, не соответствовавшія обстоятельствамъ. Это давало поводъ къ частымъ недоразумѣніямъ и противурѣчіямъ, иногда растроивало даже соображенія фельдмаршала и нарушало порядокъ службы. Суворовъ жаловался, что подчиненные его возражали именно самаго Императора, что сношенія ихъ съ гофкригсратомъ далеко выходили изъ круга внутренняго въ войскахъ управленія, какъ было первоначально положено въ инструкціи Императора Франца. Раздражаемый непрерывными интригами, Суворовъ не разъ намекалъ, что принужденъ будетъ отказаться отъ командованія арміею, если не переменятся отношенія его съ гофкригсратомъ». (стр. 333—338).

«Но всѣ жалобы Суворова оставались тщетными, привычка и система гофкригсрата были неискоренимы; съ каждымъ днемъ представлялись еще новыя поводы къ неприяностямъ и жалобамъ. Выведенный наконецъ изъ терпѣнія, Суворовъ рѣшился наконецъ написать Императору Павлу:

«Робость Вѣнскаго Кабинета, зависть ко мнѣ какъ чужестранцу, интриги частныхъ, двуличныхъ начальниковъ, относящихся прямо въ гофкригсратъ, который до сего операціями правилъ, и безвластие мое въ производствѣ сихъ прежде доклада на тысячи верстахъ—принуждаютъ меня, Ваше Императорское Величество, просить объ отзывѣ моемъ, ежели сіе не переменится. Я хочу мои кости положить».

въ моемъ отечествѣ и молить Бога за моего Государя. Повергая себя къ священнѣйшимъ Вашего Императорскаго Величества стопамъ, и проч.»

«Прежде еще чѣмъ донесеніе это получено въ Петербургѣ, уже доходили до свѣдѣнія Императора Павла неудовольствія Суворова на распоряженіе гофкригсрата. Государь, дѣйствуя всегда прямо и откровенно, обратился къ самому Императору Францу, и въ письмѣ 12 іюля просилъ его принять мѣры, чтобы впредь гофкригсратъ не давалъ прямо отъ себя предписаній, противныхъ его собственной воли. «Подобныя дѣйствія гофкригсрата, писалъ російскій Императоръ, могутъ повести къ послѣдствіямъ самымъ гибельнымъ для общаго дѣла союзныхъ Монарховъ, отъ котораго зависитъ возстановленіе порядка и спокойствія въ цѣломъ свѣтѣ.»

«Опасенія Императора Павла, къ сожалѣнію, начинали уже сбываться. Получивъ донесенія Суворова, Государь, глубоко огорченный, далъ графу Разумовскому строгое предписаніе потребовать формально объясненій отъ самаго Императора Франца. Непризнанныя дѣйствія противъ Суворова и Русскихъ войскъ были, можно сказать, личною обидою для Императора Павла и давали ему полное право укорять Вѣнскій Дворъ въ неблагодарность» (стр. 339). (Дѣйствія въ средней и южной Италіи пропускаемъ).»

Наконецъ и Мантуа была взята 17 іюля.

Но успѣхъ, столь давно желанный, не измѣнилъ отношеній Вѣнскаго Двора къ фельдмаршалу. За то Императоръ Павелъ, по случаю сдачи Мантуи, возвелъ Суворова въ княжеское достоинство, а генерала Края не удостоилъ никакой награды.

Въ рескриптѣ своемъ, отъ 9 августа, Государь писалъ фельдмаршалу: «примите воздаяніе за славные подвиги ваши; да пребудетъ память ихъ на потомкахъ вашихъ къ чести ихъ и славы Россіи. Хотя вы генералъ-фельдцейхмейстера и рекомендуете, но я ему ничего не далъ, потому что Римскій Императоръ трудно признаетъ услуги и воздаетъ за спасеніе своихъ земель учителю и предводителю его войскъ.»

Въ заключеніе Высочайшаго рескрипта, было приписано: «простите, побѣдоносный Мой фельдмаршалъ, *Князь Италійскій*, графъ Суворовъ Рымникскій.»

«Покореніе Мантуи весьма обрадовало самаго Суворова; давно уже ожидалъ онъ этого событія съ крайнимъ нетерпѣніемъ, не потому, конечно, что придавалъ самой крѣпости столько же важности, сколько имѣла она въ глазахъ Вѣнскаго Двора, но въ той надеждѣ, что съ паденіемъ ея рухнетъ наконецъ пагубная преграда.

державшая досель полководца нашего въ такомъ продолжительномъ бездѣйствіи. Съ сараготскаго сраженія на Трещи, Суворовъ не переставалъ готовиться къ наступательному движенію въ Ривьеру Генуэзскую. Лишь только получено было извѣстіе о сдаче Мантуи, на другой же день фельдмаршалъ написалъ барону Меласу: «паденіе этой крѣпости, усиливая нашу армію, не дозволяетъ болѣе отлагать предположенное наступательное движеніе.» Однакожь, и на сей разъ не сбылись надежды Суворова.... (с. 405—406).

Къ концу іюля вся почти Италия была занята союзными войсками, одна Ривьера генуэзская оставалась еще во власти республиканцевъ.

Между тѣмъ обстоятельства перемѣнились въ Парижѣ. Французская армія получила подкрѣпленіе. Присланъ новый главнокомандующій Жуберъ, который рѣшился возобновить наступательныя дѣйствія. Суворовъ такъ искусно приготовился его встрѣтить, что Жуберъ, съ 35 т. войска, задумался. «Что оставалось ему дѣлать?... атаковать противника — было безразсудно; отступить — горько для самолюбія молодого генерала, который явился къ арміи съ такою жаждою славы и побѣды! Въ первый разъ приходилось ему распоряжаться въ качествѣ главнаго начальника. И что же? — Жуберъ, который досель отличался отважностію и рѣшимостію, теперь вдругъ впалъ въ «безпокойство», почти въ уныніе. Онъ созвалъ генераловъ въ ближайшій домикъ для совѣщанія: почти всѣ совѣтовали возвратиться къ Генувъ и дожидаться того времени, когда армія Альпійская генерала Шампюне въ состояніи будетъ открыть дѣйствія. Но Жуберъ считалъ опаснымъ отступить въ виду сильнаго и предприимчиваго противника. Цѣлый день продолжалось совѣщаніе; наступилъ уже вечеръ, — а Жуберъ все еще колебался. По свидѣтельству Сен-Сира, молодой полководецъ какъ будто самъ отыдился своего растройства душевнаго, и просилъ извиненія, говоря, что не узнаетъ самого себя и не понимаетъ причины такой крайней слабости духа» (стр. 43—44).

«Около 10 часовъ вечера послышался въ лагерь союзниковъ какъ бы стукъ артиллерійскихъ колесъ. Жуберъ вообразилъ себя, какъ будто Суворовъ отступаетъ. Передовымъ постами велено было внимательно слѣдить за непріятельскими движеніями. Французскій главнокомандующій ожидалъ разсвѣта съ трепетомъ надежды и страха. Онъ тишилъ себя еще мечтою о побѣдѣ; а въ случаѣ неудачи въ бою — рѣшился броситься на вѣрную смерть. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняли потомъ не многія слова, которыя вырвались у Жубера въ минуты тяжкаго раздумья. И такъ армія французская осталась на ночь въ виду противника, не занявъ даже боевой позиціи» (стр. 45).

Сраженіе при Нови слѣшкомъ известно. Побѣда одержана была рѣшительная. Несчастный Жуберъ убитъ въ самомъ началѣ. Моро принялъ послѣ него начальство.

«Въ сраженіи при Нови полководецъ нашъ показалъ себя такимъ же точно, какимъ бывалъ во все продолжительное поприще свое боевое: твердымъ и непреклоннымъ до упрямства. Никакія препятствія, никакія жертвы не могли отклонить его отъ исполненія задуманнаго предпріятія. Позиція при Нови могла почтяться почти неприступною; войска республиканскія были полны воинской отваги и мужества; молодые генералы жаждали славы, лично водили полки въ битву, старались рѣчами и собственнымъ примѣромъ одушевить солдатъ, и, безспорно, армія Французская при Нови дралась превосходно. Но все усилія республиканцевъ одолѣла желѣзная воля Русскаго полководца. Отразивъ одну атаку, Французы ожидали новой. Они сами дивились, смотря съ высотъ, какъ баталіоны наши, послѣ каждаго отбитаго приступа, опять смыкались, выравнивались и хладнокровно шли на новый приступъ. Какъ будто валы морскіе одинъ за другимъ разбивались о скалы».

«Суворовъ въ реляціи своей Императору Павлу превозносилъ подвиги, оказанные нашими войсками въ этотъ знаменитый день».

«Все воинство Вашего Императорскаго Величества, отъ генераловъ до послѣдняго солдата, подвизалось въ семь сраженій единымъ духомъ храбрости, мужества, неутомимости и неустрашимости; все они совокупно одушевлялись великими монаршими милостями и щедротами, Вашимъ Величествомъ къ нимъ ниспосылаемыми, и охотно приносили на жертву служенію престолу и животь, и кровь свою».

«Съ отличною похвалою Суворовъ отзывался о всѣхъ начальникахъ войскъ, и приложилъ длинный списокъ отличившихся офицеровъ. О Великомъ Князѣ Константинѣ Павловичѣ было сказано, что Его Императорское Высочество «обрѣтался при передовыхъ войскахъ, и когда выступили они на баталію, въ боевомъ порядкѣ, то Великій Князь изволилъ идти съ ними, и во все время баталіи присутствовалъ, гдѣ мужествомъ своимъ поощряя войска, приводилъ къ неустрашимости....» У нѣкоторыхъ изъ свиты Его Высочества были ранены лошади. Когда Великій Князь вступилъ съ войсками въ городъ Нови, то, по словамъ Комаровскаго, «фельдмаршалъ принесъ поздравленіе свое Его Высочеству съ одержанною побѣдою, и съ справедливою изъявилъ величайшую похвалу мужеству и неутомимости, которыя Его Императорское Высочество въ сей деньavit изволилъ, и конми наипаче войска были ободраемы...» (стр. 66—68).

«Съ живую радостію принялъ Императоръ Павелъ вѣстника Суворова, и тутъ же пожаловалъ ему слѣдующій чинъ, брилліантовый орденъ Св. Анны на шею и командорственный крестъ Іоанна Іерусалимскаго. Въ рескриптѣ къ фельдмаршалу Государь писалъ:

«Вчерашній день Я получилъ изъ Вѣны, а сегодня утромъ чрезъ полковника Кушника, извѣстіе о знаменитой побѣдѣ вашей надъ упокоеннымъ вами генераломъ Жуберомъ. Радъ весьма, а тѣмъ болѣе, что убитыхъ немного и что вы здоровы. Не знаю, что прилѣтѣе, вамъ ли побѣждать, или Мнѣ награждать за побѣды; но мы оба исполняемъ должное: Я—какъ Государь, а вы—какъ первый полководецъ въ Европѣ.... Посылаю, награжденія за взятіе Сераваллы; а вамъ, не зная, что уже и давать, потому что вы поставили себя выше награжденій, опредѣлилъ почесть военную, какъ увидите изъ приказа, сегодня отданнаго. Достойному достойное.... Прощайте, князь, живите, побѣждайте Французовъ и прочихъ, кои имѣють въ виду не возстановленіе спокойствія, но нарушеніе онаго!»

Къ Высочайшему рескрипту приложенъ былъ слѣдующій приказъ, отданный 24-го августа въ Гатчинѣ:

«Въ благодарность подвиговъ Князя Италійскаго, Графа Суворова-Рымникскаго, гвардіи и всѣмъ Россійскимъ войскамъ, даже и въ присутствіи Государя, отдавать ему всѣ воинскія почести, подобно отдаваемымъ Особѣ Его Императорскаго Величества....»

На копіи приказа, доставленной къ Суворову, надписано было рукою графа Ростопчина: «за сраженіе при Нови.»

«Всѣ генералы и офицеры, отличившіеся въ сраженіи, получили отъ Государя щедрыя награды; Дерфельденъ украшенъ знаками Св. Андрея Первозваннаго; Швейковскій произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи; Ферстеръ получилъ алмазные знаки Св. Анны 1-го класса; Милорадовичъ—такіе же знаки Св. Іоанна Іерусалимскаго; а князь Багратионъ—Св. Александра Невскаго; Тыртову, Велецкому, Чубарову—пожалованъ орденъ Св. Анны 1-го класса, а князю Горчакову—Св. Александра Невскаго.»

«Въ то же время Государь Императоръ, во вниманіе къ «безчисленнымъ опытамъ вѣрности и мужества офицеровъ войскъ Россійскихъ», почтилъ ихъ новымъ знакомъ своей Монаршей попечительности. Указомъ 3 августа 1799 года повелѣно, чтобы жалованіе офицеровъ, убитыхъ на войнѣ, обращалось въ пенсію ихъ женамъ по смерти, а дѣтямъ до совершеннолѣтія. Сверхъ того положено семействамъ убитыхъ офицеровъ, бывшимъ за границу, выдавать единовременно годовой пенсіонъ на возвратный путь въ отечество. «Награждая офицеровъ при всякомъ случавъ лично за собственные ихъ

подвига, — сказано в Высочайшемъ Указѣ, — желаемъ имъ успокоить духъ сихъ героевъ, идущихъ на брань побѣждать и истреблять повсюду враговъ въры и законныхъ правъ царей, отъ Бога дарованныхъ (стр. 68—70).

«На другой день послѣ побѣды, когда войска союзныя готовились выступить по данной диспозиции, а Край уже двинулся къ Кераско, — Суворову объявили, что нѣтъ ни продовольствія, ни муловъ, необходимыхъ для наступательнаго движенія въ горы. И такъ, сколько ни готовились къ этому предпріятію, а все еще не были готовы. Припомнимъ, что гораздо прежде сраженія при Нови, уже назначено было начать 4-го числа наступленіе. По какой же причинѣ не были еще собраны ни мулы, ни запасы? — на это могли бы отвѣчать только баронъ Меласъ и Австрійское комиссаріатское управленіе....»

«Фельдмаршалъ поставленъ былъ въ положеніе весьма затруднительное: остановиться и прекратить преслѣдованіе — значило отказать отъ всѣхъ плодовъ побѣды, дать время неприятелю справиться, собрать новыя силы и приготовиться къ упорной оборонѣ. Идти впередъ къ берегу моря, имѣя при войскахъ всего на два дня хлѣба — было безразсудно; ибо въ Ривьерѣ Генуэзской нельзя было найти никакаго продовольствія, пока не подвезли бы моремъ. Какъ ни прискорбно было Суворову отказаться отъ своего намѣренія, однакожъ, онъ рѣшился уступить необходимости и еще на нѣсколько дней отложить предполагаемое наступленіе въ Ривьеру Генуэзскую» (стр. 77).

«Въ такомъ расположеніи, Суворовъ предполагалъ дождаться муловъ и продовольствія, надвѣясь чрезъ нѣсколько дней предпринять задуманное наступленіе. Но вскорѣ новыя, совершенно неожиданныя обстоятельства, разстроили опять предначертанія фельдмаршала.» (стр. 78).

Австрійскіе генералы получили предписаніе совершенно противоположное, и должны были воротиться въ Тоскану, а со стороны Швейцаріи, гдѣ Французы взяли верхъ, угрожала новая опасность завоеванія Суворова.

Графъ Толстой, донося Императору Павлу объ успѣхахъ, одержанныхъ Французами въ Швейцаріи, прибавилъ:

«Еслибъ армія Эрцгерцога Карла продолжала свои дѣйствія по завладѣніи города Цюриха, не давъ получить неприятелю подкрѣпленія, то уповательно, что сіе бы не послѣдовало; а что я о семъ дѣлать должное представленіе Эрцгерцогу Карлу, то имѣлъ счастье доносить Вашему Императорскому Величеству» (стр. 106).

Къ этому присоединились новые планы союзниковъ—вторгнуться во Францію чрезъ Франш-копте изъ Швейцаріи.

«Императоръ Павелъ постоянно имѣлъ въ виду одну лишь цѣль—успокоеніе Европы, восстановленіемъ корольскаго престола во Франціи. Никакіе другіе своекорыстные разчеты не принимались къ его дѣйствіямъ. Вотъ почему Государь одобрилъ безъ всякихъ измѣненій и прозѣтъ Лондонскаго Кабинета, и перемѣны, сдѣланныя въ этомъ планѣ Австрійскимъ министерствомъ. Въ глазахъ Россійскаго монарха оба прозѣкта заключали въ себѣ одно и, тоже существенное предположеніе—вторженіе въ самые предѣлы Франціи для низверженія республики. Императору пріятно было, что это важнѣйшее предпріятіе, непосредственно направленное къ главной, цѣли войны, возлагалось на Русскую армію, подъ предводительствомъ Русскаго полководца. Все остальное Государь считалъ второстепеннымъ, и уступалъ охотно желаніямъ своихъ союзниковъ въ частностяхъ исполненія» (стр. 150—151).

«И такъ по новому соглашенію между союзниками, дѣйствія Русскихъ войскъ переносились въ Швейцарію».

16-го августа Суворовъ получилъ изъ Вѣны первое извѣстіе о новомъ планѣ военныхъ дѣйствій, условленномъ союзными Дворами. Императоръ Францъ, въ рескриптѣ своемъ по этому предмету, писалъ фельдмаршалу:

«Предстоящее перемѣщеніе войскъ конечно воспрепятствуетъ вступленію моей арміи въ Ривьеру Генуэсскую; но предметъ сей не такъ вѣренъ, сколько *поспынное исполненіе* предложеннаго движенія въ Швейцарію; тѣмъ болѣе, что непріятель, по всѣмъ вѣроятіямъ, самъ вскорѣ удалится изъ Ривьеры, по недостатку тамъ продовольствія; а чрезъ это армія моя избѣгнетъ значительной потери, сопряженной съ нападеніемъ открытою силою въ странъ гористой. Притомъ дѣла въ Италіи приняли уже такой оборотъ, благодаря счастливымъ и блистательнымъ успѣхамъ, одержаннымъ подъ предводительствомъ вашимъ, что нельзя болѣе опасаться какихъ либо новыхъ неблагоприятныхъ случаевъ въ той странѣ; напротивъ того, можно даже надѣяться, что непріятель самъ дорого бы заплатился за свою попытку, еслибъ снова появился на равнинѣ.»

«Такъ судилъ Вѣнскій Кабинетъ о тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Италіи, именно въ то время, когда судьба этой страны только что рѣшалась отчаяннымъ боемъ при Нови. Суворовъ былъ иного мнѣнія; онъ предвидѣлъ, что съ удаленіемъ его изъ Италіи вся завоеванная страна будетъ снова вырвана непріателемъ изъ рукъ Австрійцевъ. Полководецъ нашъ считалъ болѣе всего необходимымъ

вытеснить Французовъ изъ Ривьеры Генуэсской, овладеть послѣдними крѣпостями французскими: Тортоною, Кони, Ницей; прикрыть западную границу Пьемонта со стороны Франціи, и такимъ образомъ обезпечить зѣвныя квартиры, чтобы спокойно приготовиться къ новой компаніи:

«Цѣль эта важется мнѣ самую важную въ настоящее время,— писалъ Суворовъ въ отвѣтъ на рескриптъ Императора Франца.— «Я убежденъ, что для завоеванія Швейцаріи не слѣдуетъ терять Италію; а потому можно тогда только отделить въ пользу первой страны часть силъ дѣствующихъ нынѣ въ Италіи, когда онѣ не будутъ уже нужны для сей послѣдней, или по крайней мѣрѣ тогда съ удаленіемъ ихъ оттуда не будетъ уже представляться никакой опасности.»

«Суворовъ считалъ нужнымъ еще мѣсяца два оставаться въ Италіи, чтобы совершенно укротить свои завоеванія до наступленія поздняго времени года, когда дѣйствія въ горахъ стѣняются уже невозможными. Въ теченіи этого времени, и въ самой Швейцаріи дѣла приняли бы лучший оборотъ съ прибытіемъ корпуса Ринскаго-Корсакова.»

«Тогда»— писалъ Суворовъ— «предположенная смѣна войскъ совершится безъ всякихъ опасеній, и я съ своей стороны буду имѣть возможность дѣйствовать на пользу общаго дѣла съ тою же ревностію, которая доселѣ направляла каждый шагъ мой.» Въ томъ же довеленіи Суворовъ представлялъ Императору Францу, что русскіе корпуса не такъ снаряжены, какъ было бы нужно для дѣйствія въ горахъ отдаленно отъ Австрійцевъ. Фельдмаршалъ просилъ, чтобы войска, назначенныя въ Швейцарію, снабжены были необходимыми запасами, снарядами, горными орудіями, понтонами, и наконецъ, нѣкоторымъ числомъ офицеровъ генеральнаго штаба, знающихъ тотъ край. «Весьма прискорбно будетъ,»— прибавилъ Суворовъ въ заключеніи своего довеленія, «если недостатокъ означенныхъ средствъ, при всемъ усердіи моемъ преградитъ мнѣ путь къ достиженію предположенной высокой цѣли» (стр. 199—201).

«Между тѣмъ Вѣнскій кабинетъ настоятельно требовалъ, чтобы предположенное перемѣщеніе Русскихъ войскъ въ Швейцарію исполнить *безотлагательно*. Въ своемъ мѣствѣ увидимъ, какіе политическіе виды побуждали Австрійскаго министра желать скорѣйшаго удаленія Русскихъ изъ Италіи. Нетерпѣніе это еще возрасло послѣ послѣднихъ событій въ Альпахъ: Извѣстія, полученныя отъ Эрцгерцога Карла, сильно встревожили Вѣнскій Дворъ, который только за нѣсколько дней передъ тѣмъ казался такъ спокойнымъ и такъ увѣ-

ренными въ своихъ завоеваніяхъ. Вотъ что писалъ Императоръ Францъ Суворову въ рескриптѣ отъ 16 Августа:

«Нещастныя событія въ Швейцаріи могутъ имѣть послѣдствія самыя гибельныя: всѣ успѣхи, досель приобретенные арміею моею на томъ театрѣ войны, будутъ утрачены; непріятель вторгнется въ самую Германію и даже въ собственныя владѣнія мои; а въ слѣдствіе того мы, вынужденны будемъ покинуть и большую часть завоеваній нашихъ въ Италіи».

«Суворову разрѣшено было оставить на нѣкоторое время войска Гадика на прежнихъ позиціяхъ съ тѣмъ однакожъ, чтобы въ самую Швейцарію отнюдь не вводить изъ Италіи ни одного Австрійскаго солдата: По словамъ Императора, «армія Австрійская до того уже ослаблена отъ ежедневныхъ изнуреній и разнообразныхъ случайностей войны, что сила ея едва достаточна и для защиты Италіи». Поэтому Суворову повелѣно отказать отъ всякихъ дальнѣйшихъ предпріятій въ этой странѣ, а скорѣе идти съ Русскими войсками въ Швейцарію, «чтобы дать возможность Эрцгерцогу Карлу принять мѣры къ обезпеченію Германіи отъ вторженія непріятельскаго».

«Въ то же время Суворовъ узналъ съ крайнимъ удивленіемъ о намѣреніи Эрцгерцога Карла выступить изъ Швейцаріи, оставивъ тамъ одни Русскія войска Римскаго-Корсакова. Фельдмаршалъ старался отклонить Эрцгерцога отъ такого пагубнаго намѣренія, предрекая ему гибельныя послѣдствія поспѣшнаго удаленія его:

«Я увѣренъ,»—писалъ Суворовъ, — «что Ваше Высочество, по своей ревности къ общему благу, не поспѣшите исполненіемъ такого повелѣнія, которое противно высокой цѣли союзниковъ. Полагаясь вполнѣ на вашу прозорливость и благонамѣренность, остаюсь сложенъ относительно выстуленія вашего изъ Швейцаріи; надѣюсь даже получить вскорѣ пріятное извѣстіе, что страна эта обязана своимъ освобожденіемъ новымъ знаменитымъ побѣдамъ Вашего Высочества».

«Однакожъ Эрцгерцогъ, не внимая ни доводамъ, ни просьбамъ, выступилъ уже изъ Швейцаріи. Какъ громомъ пораженъ былъ Суворовъ этимъ извѣстіемъ» (стр. 202—204).

«Эрцгерцогъ Карлъ, начальствовавшій тамъ, долженъ былъ перейти на правую сторону Рейна немедленно по вступленіи туда корпуса Корсакова. Но ни доводы, ни просьбы не могли отклонить его отъ пагубнаго намѣренія. Знаменитый полководецъ Австрійскій, самъ описавшій дѣйствія свои съ рѣдкимъ безпристрастіемъ, сознавалъ въ глубинѣ сердца весь вредъ и даже опасныя послѣд-

ствія выступленія своего изъ Швейцаріи, по въ оправданіе свое приводилъ повеленія Війскаго Двора, новыя планъ перемѣщенія арміи на театръ войны; наконецъ слухи объ усиленіи французскихъ войскъ въ Эльзасъ и въ слѣдъ за тѣмъ извѣстіе о переходѣ ихъ черезъ Рейнгъ у Мангейма: Эрцгерцогъ считалъ, что и послѣднія наступательныя поштыки его были уже отступленіемъ отъ повеленій Війскаго Двора; болѣе того не хотѣлъ онъ брать на свою ответственность и спѣшилъ перейти на правую сторону Рейна, чтобы прикрыть южную Германію отъ мнимой опасности, будто бы ей угрожавшей. Эрцгерцогъ рассчитывалъ, что войска Австрійскія и Русскія, оставшіяся въ Швейцаріи, достаточны были для удержанія занятой части страны до прибытія Суворова.»

«Напротивъ того, въ глазахъ Русскихъ, выступленіе Эрцгерцога изъ Швейцаріи не только казалось военною ошибкою, непросительнымъ упущеніемъ самаго благоприятнаго случая для пораженія непріятеля, но даже приписывалось умысленной неблагонамьренности Австрійцевъ къ Русскимъ, зависти ихъ къ славы нашего оружія, желанію омрачить блескъ его.»

«Еслибъ сколько-нибудь и было правды въ подобномъ подзвѣннѣ, то во всякомъ случаѣ оно не можетъ нисколько относиться къ лицу самаго Эрцгерцога, котораго возвышенные чувства и благородныя нравы были всѣмъ извѣстны; но Принцъ окруженъ былъ завистью, корыстолюбіемъ, высокомеріемъ: въ главной квартирѣ его болѣе всѣхъ имѣли вѣса клеветы барона Тутта. Лучшія намѣренія и соображенія Эрцгерцога были запутаны въ сѣтя Війскаго полководца.»

«Въ заключеніе приведемъ сужденіе по этому предмету одного изъ Русскихъ генераловъ, принимавшихъ самое дѣятельное участіе въ Швейцарскомъ походѣ. Представляемая строка изъ записокъ покойнаго фельдмаршала Савина могутъ служить лучшимъ подтвержденіемъ поступку Эрцгерцога:»

«Соединеніе двухъ армій, гораздо превосходящихъ силы непріятельскія, доставило намъ тѣ преимущества, для достиженія которыхъ часто подвергаются упорнымъ сраженіямъ; но мы добровольно пожертвовали этими преимуществами: два раза переходили усиленными маршами съ одной ополченности линіи на другую, толковали много и возвращались на прежнія мѣста. Напрасно потерявъ такимъ образомъ двѣ недѣли, мы были вдругъ покинута нашими союзниками: позиція, которую едва могла защищать 50-тысячная армія Австрійская, была предоставлена нашему 20-тысячному корпусу. Еслибъ и было действительно необходимо присутствіе Эрцгерцога на Нижнемъ Рейнгѣ, то, безъ сомнѣнія, кратчайшій путь, самый для него выгодный и достославный — велъ чрезъ армію Массена. Фран-

цуютъ въ то время имѣли только одну эту армию; прочія были разбиты или обезсилены. Эрцгерцогу, имѣя предъ собою неприятеля, котораго могъ побѣдить несомнѣнно, оставлять его въ покои, идти искать за тридцать миль другаго, гораздо менѣе опаснаго. Могъ ли когда-нибудь предоставиться Принцу другой, случай, болѣе блистательный и славный? Въ рукахъ его были тогда благоденствіе и честь отечества, судьба другихъ Принцевъ и Королей, участь всѣхъ владѣній, сопредѣльныхъ Франціи! Какое злосчастіе, руководило этого достойнаго Принца? Не могу поверить, чтобы можно было ему одному приписать вину, безразсуднаго и бдстввеннаго выступления изъ Швейцаріи. Кроткій, благосклонный, любимый своими войсками, сопровождаемый воинскими успѣхами, Эрцгерцогу какъ будто подписалъ въ зрѣть день пораженіе своихъ союзниковъ и угнетеніе своего отечества. Русскіе пришли на защиту правъ Нѣмцевъ и Государей Нѣмецкихъ; сами же Нѣмцы и Государи покинули Русскихъ. На все это возражаютъ инструкціями, и повелѣніями, данными Эрцгерцогу отъ Двора. Но какой министръ можетъ изъ кабинета своего управлять отдаленными военными дѣйствіями? Цѣль этихъ дѣйствій не есть ли всегда благосостояніе отечества? а потому можетъ ли полководецъ считать себя обязаннымъ идти къ противной цѣли? и какія могутъ быть на то оправданія предъ Богомъ, Государемъ и человечествомъ?» (стр. 181—185).

«Помышляя съ ужасомъ о положеніи войскъ Римскаго, Корсакова, покинутыхъ союзниками, Суворовъ самъ увидѣлъ, что не было уже возможности отлагать долге выступленіе свое изъ Италіи. Вынужденный отказаться отъ прежнихъ плановъ, своихъ, онъ выждалъ только сдачи Тортонаской цитадели; а между тѣмъ дѣлалъ все приготовленія къ предстоящему походу въ горы. «Скоростію движенія постараюсь вознаградить тѣ дни, которые употреблены мною въ пользу Италіи», — писалъ Суворовъ Императору Францу и Эрцгерцогу Карлу.»

«Условенный срокъ для сдачи цитадели Тортонаской положенъ былъ 31-го августа. Еще за три дня до истеченія перемирія, Суворовъ рѣшился уже идти въ Швейцарію.»

27-го Августа Суворовъ прѣстился съ Итальянской арміей.

«Такъ кончился подвигъ Суворова въ Италіи. Ровно пять мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ полководецъ нашъ на берегахъ Минчіо принялъ начальство надъ союзною арміею. Въ продолженіе этого времени постоянно оружіе Императорское торжествовало; три раза республиканскимъ арміямъ нанесены рѣшительныя пораженія на Аддѣ, на Треббін, при Нови; все укрѣпленные города и самыя сильныя крѣпости отворили союзникамъ ворота. Какъ искра заск-

трическа, пробѣжала слава Русскаго полководца по всему полуострову Апеннинскому: народы мгновенно вострепились, сами низвергли иноземное владычество, и войска Французскія изгнаны изъ всей Италіи.»

«Но подвиги эти еще недостаточны были для славы Суворова. Онъ чувствовалъ, что могъ бы совершить гораздо болѣе, если бы имѣлъ волю дѣйствовать по внушенію собственнаго генія. Къ несчастію, на немъ лежало тяжелое ярмо Вѣнской политики, все замыслы его, все предпріятія — были разстроены происками и кознями Австрійскаго министра. Какъ будто завидуя успѣхамъ Суворова, баронъ Тугутъ съ нетерпѣніемъ ждалъ удаленія Русскаго полководца, чтобы остаться въ Италіи исключительнымъ властелиномъ. Въ ослѣпленіи своемъ воображалъ онъ, что Австрія уже не имѣла болѣе надобности въ мечъ Суворова. И вотъ начали гнѣть побѣдителя изъ страны, имъ завоеванной; не хотѣли ему дать ни довершить, ни упрочить своихъ завоеваній. «Выдава изъ меня сокъ, нужный для Италіи, бросаютъ меня за Альпы», — говорилъ фельдмаршалъ въ минуты негодованія и скорби. Въ одномъ изъ писемъ къ графу Ростопчину писалъ онъ: «Уже съ неделю я въ горячкѣ, болѣе отъ яду Вѣнской политики.»

«Предстоявшій походъ въ Швейцарію въ позднее осеннее время, не предвѣщала ничего утѣшительнаго. Эрцгерцогъ Карлъ, нѣсколькими мѣсяцами бездѣйствія, дѣлъ время непріятелю усилиться. Давно уже Суворовъ выражалъ свое негодованіе на это непостижимое бездѣйствіе знаменитаго Австрійскаго полководца: «Франція свободна сюда руки», — писалъ онъ къ графу Ростопчину; — «Эрцгерцогъ ничѣмъ ее не занималъ, и близъ четверти года оставался въ *уттеркунфѣ* подъ кровлею. — Даже не разъ жаловался Суворовъ самому Императору Павлу, что непріятель со всѣхъ сторонъ угрожалъ Италіи, по нѣмалѣйшему содѣйствію Эрцгерцога Карла.»

«Не скрывая отъ Императора ни своей скорби о впрошломъ, ни своихъ опасеній о будущемъ, фельдмаршалъ откровенно высказалъ Государю свое мнѣніе о новомъ планѣ войны:

«Начало моихъ операцій будетъ должно зависетьъ единственно отъ обстоятельствъ времени, назначеніе которому Вѣнскій Гофкригсратъ дѣлаетъ по старинному навыку къ таковымъ идеальнымъ политическимъ выметкамъ. Безирерывныя, отъ того послѣдовавшія военныя неудачи, помрачавшія славу Австрійскаго оружія, не научили его еще понынѣ той неоспоримой истинѣ, что отъ единаго мгногенія разрѣшается жребій сраженія. Столь же мало послужило ему полезнымъ урокомъ и то, что быстрое, неослабое и безостановочное нанесеніе непріятелю ударъ за ударомъ, приводитъ его въ замѣшательство, лишаетъ его всѣхъ способозъ оправиться... На

случай предбудущих операций, где потребно будет единодушное содействие всех союзных войск, не могу я сокрыть предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ того опасенія, чтобы Эрцгерцогъ Карлъ и генералъ Меласъ, порабощенныя Гоцкрисрату, не отовзвались неизвѣстнѣ особенно на то новелныя. Столь же малаго уопытка предвѣщаю я подъяв общаго, дѣла отъ упоминаемыхъ въ томъ планѣ демонстрацій, когда Эрцгерцогъ симъ безплодными демонстраціями обратитъ лишь всю неприятельскую силу, на насъ. Наконецъ осмѣливаюсь я донести, что для вѣщаго, успѣха сего знаменитаго дѣла, лучше, содержать соединенныя войска, а не побочныя какія либо операція, и что экспедиція моремъ на берега Прованса уподобляется Английской неуспѣшной подъ Тулономъ.... Такъ писалъ Суворовъ Императору Павлу наканунѣ выступленія своего изъ Асти. Государь, уже недовольный въ то время образомъ дѣйствій Вѣнскаго Кабинета, принялъ горячо къ сердцу жалобы полководца, старался успокоивать его новыми знаками своего благоволенія и довѣренности. Высочайше рескрипты, полученныя Суворовымъ предъ самымъ выступленіемъ изъ Италіи, были истиннымъ для него, утѣшеніемъ, ободрили старика и дали въ душу его новую силу. Въ избыткѣ признательности Суворовъ написалъ Государю:

«Простите мнѣ всемилостивѣйше, что въ скорби сердца своего дерзнулъ я просить объ увольненіи меня отсюда въ благословенное отечество мое. Я привыкъ переносить съ презрѣніемъ обиды, лично мнѣ наносимыя; но когда, наглостію и дерзновенностію союзнаго, облагодѣтельствованнаго Кабинета, оскорблялись нѣкоторымъ образомъ слава и достоинство Монарха моего и побѣдоноснаго, мнѣ вѣреннаго, его оружія—тогда долгомъ поставилъ я уклониться въ мирное жилище. Нынѣ же повсюду, гдѣ угодно будетъ Всевышнему пресѣчь жизнь мою, посвящаю ее достославному служенію. Вашему Императорскому Величеству.... Ощущая всю цѣну величія Монаршихъ милостей, поведу я теперь храброе Вашего, Императорскаго Величества воинство въ Швейцарію, куда Высочайшая ваша воля путь мнѣ указываетъ, и тамо, на новомъ полѣ сраженія, поражу врага или умру со славою за отечество и Государя» (стр. 212—215).

Австрія обнаруживала болѣе и болѣе свои корыстныя намѣренія. «Покровительство, которое Императоръ Павелъ оказывалъ государствамъ второстепеннымъ, не имѣвшимъ довольно самостоятельности для борьбы съ Франціею, ни для огражденія себя отъ замысловъ Австріи, часто разстроивало расчеты Вѣнской политики. Съ тѣхъ поръ, какъ Курфирстъ Баварскій и Герцогъ Виртембергскій отдались подъ защиту Россійскаго Монарха, Вѣнскій Дворъ, скрѣпя сердце, вынужденъ былъ отказаться отъ всякихъ видовъ на приобретение въ

южной Германии; зато надвигаясь съ избыткомъ вознаграждать себя въ Италию. На этомъ основаніи были все политическія отношенія Вѣнскаго Кабинета; здѣсь же заключается и настоящій корень неудовольствій его на Суворова» (стр. 224—225).

«На Италию Вѣнскій Кабинетъ смотрѣлъ не иначе, какъ на свое завоеваніе; а чтобы въ завоеванномъ краѣ распорядиться по своему произволу, старался онъ вездѣ, гдѣ только было можно, устранить участіе русскихъ войскъ. Отсюда понятно, почему Вѣнскій Дворъ желалъ съ самаго начала отклонить корпусъ бывшаго Ребиндера отъ перваго назначенія его въ помощь королю Неаполитанскому; почему такъ охотно изъявлялъ свое согласіе на новый планъ войны, предложенный Англією, и почему старался всеми мѣрами удалить скорѣе Суворова изъ Итали» (стр. 235).

«Императоръ Павелъ потребовалъ, чтобы Австрійское министерство, по крайней мѣрѣ, открыло, на какія именно выгоды рассчитывается при будущемъ мирѣ? «Я увижу изъ того,»—писалъ Императоръ графу Разумовскому, —«слѣдуетъ ли мнѣ продолжать войну съ Французами и стараться дать имъ иной образъ правленія, или же я долженъ обратить мое вниманіе на обезпеченіе всей Европы и самого себя отъ неограниченныхъ притязаній Дома Австрійскаго и стремленія его къ расширенію своихъ владѣній»....

«Вотъ до какой степени измѣнились уже отношенія между обоими Императорами. Такой перемѣнѣ много содѣйствовали жалобы Суворова. Еще въ первой половинѣ іюля, Русскій Монархъ самъ писалъ Императору Францу относительно распоряженій гофкригсрата. Вслѣдъ за тѣмъ дошли до Государя новыя жалобы на непрерывныя обиды, наносимыя фельдмаршалу Вѣнскимъ Кабинетомъ; на происки и козни противъ него Австрійскихъ генераловъ; на пренебреженіе къ заслугамъ Русскихъ офицеровъ. Императоръ Павелъ не могъ простить такой неблагодарности со стороны Вѣнскаго Двора. Между тѣмъ посоль нашъ въ Вѣнѣ графъ Разумовскій былъ постояннымъ заятникомъ барона Тутута и часто скрывалъ жалобы Суворова, изъ опасенія раздражать желчный нравъ Австрійскаго министра. Императоръ Павелъ, недовольный графомъ Разумовскимъ, выразилъ ему все свое негодованіе въ слѣдующемъ рескриптѣ:

«Имѣя въ виду поступки Вѣнскаго Двора въ последнее время, перемѣну тона его послѣ побѣдъ, одержанныхъ фельдмаршаломъ Суворовымъ, безконечныя интриги, препятствующія ходу военныхъ дѣйствій, наконецъ явныя стремленія къ завоеваніямъ и новымъ пріобрѣтеніямъ, я удивляюсь ослѣпленію этой державы, которая, бывъ уже разъ на краю гибели, по видимому, снова хочетъ ей подвергнуться. Не могу также надѣяться тому, что дружное, ко-

варное и всегда скрытное поведение барона Тутута постоянно получало одобрение съ вашей стороны. Близкая ваша связь съ этимъ могучимъ министромъ и собственныя ваши способности къ достойному занятию ввереннаго вамъ поста, давали бы вамъ полную возможность, даже безъ большихъ усилий, предупредить многіе изъ вредныхъ поступковъ и мзръ Вѣнскаго двора, имѣвшихъ послѣдствіемъ раздраженіе умовъ, посвятившихъ повсюду раздоръ и обратившихся наконецъ въ пользу того правительства, котораго низверженіе необходимо для спокойствія рода человеческого. Что значать поступки Австрійскихъ генераловъ и Вѣнскаго военнаго Совѣта, всегда противоположныя повелѣніямъ самаго Императора? Имѣеть ли Вѣнскій Дворъ поводъ къ неудовольствію на фельдмаршала Суворова и на мои войска? Развѣ Русскіе офицеры, отличившіеся въ побѣдахъ при Декко, на Треббиа, въ Туринѣ, сдѣлались недостойными тѣхъ знаковъ военнаго отличія, которые Вѣнскій Дворъ самъ, по собственному побужденію, намеревался имъ раздать? зачѣмъ генералы Австрійскіе, состоящіе подъ начальствомъ графа Суворова, издаютъ отъ себя воззванія въ смыслъ совершенно противоположномъ воззваніямъ начальника своего? Зачѣмъ противиться устройству войскъ Короля Сардинскаго и дѣлать мнѣ намеки на то, что Австрійскій домъ будто уступаетъ Швейцарію, какъ свое завоеваніе? хочеть ли Австрія одна бороться съ врагомъ, который отнялъ у нея Миланъ и Нидерланды, который поколебалъ и раззорилъ Италію и большую часть Германіи, который, подступивъ почти къ самымъ воротамъ Вѣны, нанесъ столь тяжкое оскорбленіе гордости Австрійскаго дома и принудилъ его подписать условія мира Кампоформійскаго?—Все это говорю вамъ для того, чтобы вы знали, что я много вижу и молчу. Я заключилъ союзъ съ Державами, которыя призвали Меня на помощь противъ нашего врага общаго; руководимый честию, Я поспѣшилъ на защиту человечества; я пожертвовалъ тысячами людей для общаго блага; но, рѣшившись низвергнуть настоящее правительство Французское, Я никакъ не намеренъ терпѣть, чтобы какое-либо другое стало на его мѣсто, и въ свою очередь сдѣлалось ужасомъ для сосѣдственныхъ Государей, присвоивая себѣ владѣнія ихъ. Время ли теперь помышлять о новыхъ приобрѣтеніяхъ, когда и прежнія владѣнія еще не совсѣмъ прочны? Потери конечно должны быть вознаграждены:—того требуетъ справедливость; равновѣсіе Европейское, переворотомъ во Франціи, должно быть восстановлено; однакоже не иначе, какъ по общему соглашенію, посредствомъ конгресса, на которомъ каждая Держава могла бы предъявить свои права. Что-же касается до Меня; то Я желаю лишь общаго блага и не допущу злыхъ.

намрений со стороны других. Я желал бы также, чтобы Вы, при каждом сообщении Вашемъ съ Барономъ Тутутомъ помнили, что вы—Русскій и посланникъ Мой въ Визъ по Мюнхъ двамъ...» (с. 241—244).

4-го сентября Императоръ Павелъ написалъ Суворову:

«Полагаю, что Вѣнскій Дворъ, вѣсто прекращенія своихъ каверзовъ и смеленъ, приумножить: еще оныя по мѣрѣ успѣховъ оружія, вамъ подвластнаго, предварительно уведомляю васъ, что тогда Я рѣшусь, занявъ Швейцарію и сносясь единственно съ Англіею, коею обяванъ, во взаимности откровенностію, дѣйствовать независимо совсѣмъ отъ Австріи противъ Французовъ, и поминать объ укрощеніи ея поглощающихъ замысловъ.»

«По порученію Императора Павла, графъ Ростопчинъ уведомилъ Суворова о видахъ и намренихъ Государя, старался успокоить фельдмаршала, уговаривалъ его пренебрегать кознями и несправедливостями Австрийцевъ:»

«Государь намреть спасти Европу, все равно отъ Французовъ, или отъ Цезаревъ. Еслибы Государь оставилъ теперь союзныя Державы, то Австрія принужденною себя найдетъ заключить сепаратный миръ, на который Франція охотно согласится и оставитъ ей волю забрать въ Италиі все, что она заблагоразсудитъ, затѣмъ чтобы чрезъ нѣсколько лѣтъ опять начать свои завоеванія—и въ то время ничто не спасетъ Австрийскую Монархію, Италию и Нѣмецкую землю отъ неизбежной ихъ погубели.... «Но если возстановленъ будетъ престолъ царей во Франціи, тогда Европа будетъ спасена, и спасена безкорыстіемъ и твердостію Россійскаго Императора и великими дѣлами князя Италійскаго...» (с. 253).

«Государь видѣлъ опасность, которой подверглась Римскій-Корсаковъ въ Швейцаріи: 24-тысячный Русскій корпусъ, не смотря на содѣйствіе 20 тысячъ Австрийцевъ, не въ силахъ былъ держаться противъ 70-тысячной арміи непріятельской. Однакожъ Арцгерцога, исполняя повеленія Вѣнскаго Двора, настаивалъ, еще, чтобы и послѣднія войска Австрийскія, оставленныя имъ въ Швейцаріи, подъ начальствомъ Готца, были выведены оттуда, немедленно по прибытіи самаго Суворова. Напрасно фельдмаршала доказывалъ всю несоразбразность такого требованія; напрасно напоминалъ, что придется въ Швейцарію только отъ 16-ю тысячами Русскихъ, и следовательно, даже по соединеніи съ Римскимъ-Корсаковымъ, будетъ имѣть всего 40,000 войска. Вѣнскій Дворъ не внималъ представленія полководца, какъ будто только и желая погубить его со всѣми Русскими войсками» (стр. 261).

«Императоръ Павелъ, какъ бы предчувствуя печальную судьбу, ожидавшую Русскія войска въ Швейцаріи, заботливо обдумывалъ»

мѣры на разные возможные случаи. «Жду съ нетерпѣніемъ прихода вашего въ Швейцарію, — писалъ Государь въ одномъ изъ рескриптовъ своихъ къ Суворову; — и заранѣе жалко о рудахъ, кои вы въ семь походовъ понесете; но мы все даемъ изъ чести и славы; по несчастію, на твердой землѣ никто нашему примѣру не слѣдуетъ» (с. 262).

«И Павелъ объявилъ фельдмаршалу виды свои на разные возможные прозойдти случаи:

«Если Венскій Дворъ дальнѣйшими своими поступками принудитъ окончательно разорвать съ нимъ всякія связи, тогда — продолжать войну противъ Франціи отдѣльно отъ Австріи, съ помощію Англіи, Баваріи и тѣхъ изъ Германскихъ владѣтелей, которые въ слѣдствіе деклараціи объявятъ желаніе содѣйствовать Русскому Монарху. «Вслѣжъ Австрія заключила бы потаенный и особенный миръ съ Франціею, — писалъ Императоръ, — тогда должно будетъ заняться возвращеніемъ вашимъ съ войсками въ Россію, сохраняя ихъ въ цѣлости, и по приходѣ принять мѣры для возвращенія и уничтоженія всякаго рода покушеній непріятельскихъ противъ владѣній Моихъ».... Государь уже обдумывалъ мѣры къ защитѣ собственной Имперіи, и предполагалъ, по возвращеніи Суворова, поручить въ полное распоряженіе его всѣ войска, расположенныя на западной границѣ Россіи:

«Желаю весьма, чтобы до сего дѣло не дошло; но какъ я не наивѣренъ за честь и безкорыстіе Мое быть заплаченъ обманомъ, а можетъ быть и измѣною, то и готовлю себя на все, занимаясь тѣмъ, что можетъ сохранить невредимо въ цѣлости Имперію, отъ Всевышняго Мнѣ дарованную»....

«И такъ напрасно иностранные писатели приписываютъ разрывъ союза Императору Павлу. Представленная переписка показываетъ, какъ долго скоплялись поводы къ этому разрыву. Терпѣніе Императора Павла было подвергаемо такимъ испытаніямъ, которыя трудно было выдержать и характеру самому хладнокровному. Сколько усилій было употреблено Россійскимъ Монархомъ, чтобы отдалить разрывъ! Но всѣ убѣжденія, всѣ требованія, всѣ угрозы — оставались безъ дѣйствія на упрямаго министра Австрійскаго».

«Тяжко было Государю отказать отъ лучшихъ своихъ надеждъ, отъ высокихъ Своихъ цѣлей, отъ плодовъ прежнихъ успѣховъ Своихъ. «Сокрушаюсь сердцемъ обо всѣхъ происшествіяхъ, ниспровергающихъ мѣры наши къ спасенію Европы,» — писалъ Государь въ одномъ изъ Своихъ рескриптовъ Суворову; — «но утѣшаюсь тѣмъ, что во всѣхъ случаяхъ останусь безъ упрека, имѣя свидѣтелями дѣлъ и мыслей Моихъ Бога и людей. Увѣренъ вмѣстѣ съ вами, что успѣхи Французовъ противъ Цесарцевъ начнутся съ отбытіемъ вашимъ въ Швейцарію; но на кого же пвнять?»... (с. 264—266.)

Надеемся, что читатели наши нас построятъ на длинное наше извлечение.

Въ заключеніе пожалуемъ, что документы напечатаны порознь, смотря по тому, какъ ихъ требовало содержаніе, вследствие чего часто взаимно прерываются.

Намъ кажется, что въ настоящемъ положеніи Исторіи, гораздо сообразнѣе было бы съ цѣлю, еслибъ каждый родъ документовъ былъ напечатанъ особо: тогда гораздо легче представлялось бы читателю ихъ обзорнѣе, и онъ составилъ бы себѣ ясное понятіе о всѣхъ дѣйствіяхъ, и автору оставалось бы только сослаться на страницы. Мы желали бы видѣть такимъ образомъ:

1. Всю дипломатическую переписку Императора Павла, по предмету войны.
2. Всѣ рескрипты его Суворову.
3. Всѣ донесенія Суворова Императору Павлу.
4. — — — — — Императору Францу.
5. Предписанія И. Франца Суворову и отношенія гофкригсратъ.
6. Всѣ диспозиціи Суворова и журналъ военныхъ дѣйствій.
7. Всѣ диспозиціи неприятеля и журналъ военныхъ его дѣйствій.

(Уютно напечатанные всѣ эти документы не превысили бы величину настоящихъ томовъ. Искусство печатанія книгъ въ этомъ отношеніи у насъ еще неизвѣстно).

Напрасно авторъ прерываетъ иногда повествованіе разсужденіями, устраненіями противныхъ мнѣній, указаніями предъидущихъ ошибокъ. Потокъ повествованія долженъ течь не задерживаясь никакими препонами, т. е. вставками, что не наблюдаютъ часто наши историки. Разсужденія, опроверженія, исправленія, имѣютъ мѣсто или въ примѣчаніяхъ, или въ особыхъ пояснительныхъ и дополнительныхъ главахъ, смотря по плану автора.

Читателю, особенно не военному, надо облегчить какъ можно болѣе обзорнѣе событій: намъ хочется въ краткихъ очеркахъ итти, напримеръ, какія силы были у Суворова, какія препятствія ему предлежали, выгоды и невыгоды его положенія, что имѣлъ онъ противъ себя, какую ставилъ когда себѣ цѣль, какими средствами достигнуть ея; въ чемъ именно состояло его въ данномъ случаѣ искусство и достоинство; чѣмъ помогъ ему случай или ошибки противника. Вероятно, впрочемъ, мы найдемъ все это въ обыкновенныхъ главахъ.

Книга издана прекрасно, и продается по такой *необыкновенно дешевой цѣнѣ*, что должна непременно сдѣлаться собственностью всякаго образованнаго русскаго человека. *за. за.*

ЖУРНАЛИСТИКА.

Современникъ, № XII-й 1852. № I-й 1853 г.

Объ отдѣлѣ словесности декабрьской книжки Современника намъ покуда сказать нечего. Здѣсь помѣщенъ *Алексій Однорогъ*, историческій романъ г. Николая М. (автора *Ульяны Терентьевны* и *Якова Яковлевича*): объ этомъ романѣ мы выскажемъ наше мнѣніе тогда, когда онъ будетъ оконченъ. Кромѣ того помѣщено здѣсь окончаніе *Снобсовъ* Теккерей, которые будутъ у насъ рассмотрѣны въ отдѣлѣ иностранной литературы, и послѣдняя пѣснь *Энеиды*...

Въ «Наукахъ» помѣщена четвертая и послѣдняя статья прекраснаго курса о Японіи г. Корща, и презанимательный статистическій очеркъ г. Хрущева — *Благотворительныя заведенія въ Лондонѣ*.

Библиографія начинается рецензією на XIV книжку *Временника Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ*. Въ этой статейкѣ бросилось намъ въ глаза слѣдующее противорѣчіе въ отзывѣ объ изслѣдованіи г. Бьялева: «Князь Рюрикъ съ братьями и дружиною.» Замѣчая, что г. Бьялевъ основываетъ большую часть своего изслѣдованія на скандинавскихъ сагахъ, на которыхъ до сихъ поръ у насъ не обращали должнаго вниманія (?) рецензентъ, говоритъ, что статья г. Бьялева не лишена «до нѣкоторой степени интереса и далеко не бесполезна въ нашей истор. литературѣ.» Человѣкъ приноситъ новые матеріалы для фундамента зданія Русской Исторіи, матеріалы, которые были на виду у всѣхъ, но за которые никто не рѣшался или не догадывался взяться, а вамъ это *интересно только до нѣкоторой степени*. Что же васъ интересуетъ? Религіозное значеніе избы древняго славянина? Вы говорите, что изслѣдованіе скандинавскихъ сагъ *далеко не бесполезно*. Что же полезно *положительно*, по вашему? Ни изслѣдованія ли о зомороническихъ божествахъ, изслѣдованія, которыя должны пояснить міросозерпаніе древнихъ Славянъ и объяснить весь ходъ развитія ихъ исторіи?

Статьейка подъ заглавіемъ: *Письма пустаго челоуька въ провинцію о Петербургской жизни*, помѣщенная въ смѣси, относится къ роду статей, лишенныхъ всякаго содержанія, но нельзя не обратить вниманія на легкость и живость, и даже граціозность, съ какою она написана.

Нельзя не поблагодарить редакцію Современника за новый отдѣлъ, который она ввела въ свой журналъ съ нынѣшняго нумера — за письма *Иногороднаго Подписчика объ Англійской журналистикѣ и литературѣ*. Вѣрно все съ нами согласится, что рѣшившись писать объ англійской литературѣ, Иногородный Подписчикъ беретса наконецъ совершенно за свое дѣло. Всѣмъ читающимъ русскіе журналы извѣстно, что Иногородный Подписчикъ знаетъ превосходно англійскую литературу, но это само по себѣ похвальное качество несканно вредно интересу его писемъ о русской *журналистикѣ*. Англія и ея литература — специальность Иногороднаго Подписчика: ту и другую онъ любитъ до страсти, но у кого что болитъ, тотъ о томъ и говорить. По этому Иногородный Подписчикъ въ своихъ письмахъ о русской журналистикѣ кстати и не кстати (последнее чаще) говорилъ объ англійскихъ писателяхъ и то и дѣло ихъ цитовалъ. Такая англоманія дѣйствовала подѣ часъ очень непріятно на читателя, отнимая у писемъ Иногороднаго Подписчика цѣльность и ровность изложенія. Но теперь почтенный англоманъ нашелъ себѣ прямое средство говорить сколько ему угодно объ англійской литературѣ. Первое письмо его объ англійской литературѣ и журналистикѣ очень интересно; изъ него можно многое узнать и многому научиться. Если авторъ будетъ постоянно писать такія письма въ редакцію Современника, то мы поздравимъ нашу публику съ очень радостной вѣстью: у нея наконецъ будетъ, такъ сказать, подѣ рукою средство почерпнуть свѣдѣнія объ Англіи и ея литературѣ — о предметахъ, которые для насъ до сихъ поръ terra incognita....

Не можемъ не посоветовать Иногородному Подписчику, чтобъ онъ обращалъ побольше вниманія на отдѣлку языка своихъ писемъ и поменьше употреблялъ иностранныхъ словъ. Къ чему, напримѣръ, въ нынѣшнемъ письмѣ своемъ употреблялъ онъ слово *авантюрьеръ*? Когда мнѣ случается встрѣтить въ русской статьѣ новое иностранное слово, безо всякой нужды введенное, мнѣ приходятъ на память тѣ дамы изъ комедіи Грибоедова, которыя такъ наввно спрашивали у Чацкаго: какъ перевести *Madame* и *Mademoiselle*?

Переходимъ къ Новому Поэту, съ которымъ считаемъ за нужное на этотъ разъ посчитаться.

»Бѣда, коль пироги начнетъ пѣчи сапожникъ,

А сапоги тачать пирожникъ»,

сказано въ сводѣ русской практической мудрости, и сказано очень справедливо, хотя и просто. Тотъ же самый человекъ, который

является таким ловкимъ, бодрымъ, догадливымъ и проникательнымъ, дѣйствуя въ свойственной ему сферѣ, дѣлается мешковатымъ; неловкимъ, вялымъ и непонятливымъ, когда берется не за свое дѣло. Такое проникновеніе въ чужую сферу иногда такъ дурно дѣйствуетъ на человѣка, что онъ измѣняется характеромъ, изъ человѣка мягкаго дѣлается рѣзкимъ, изъ твердаго слабымъ, изъ справедливаго пристрастнымъ, и т. д. Нѣчто подобное, разумѣется, на меньшемъ масштабѣ, дѣлается и съ литераторомъ, когда онъ пускается въ такую дѣятельность, къ которой не призванъ. Это очень часто случается съ критиками, которые, не соразмѣривъ свои силы, берутся судить о такихъ произведеніяхъ, родъ которыхъ они не изучили достаточно. Это бываетъ сплошь да рядомъ съ нашими фельетонистами. Это подѣ часъ случается и съ Новымъ Поэтомъ — однимъ изъ самыхъ даровитыхъ нашихъ фельетонистовъ. Такъ, напримѣръ, въ началѣ нынѣшняго года ему вдругъ вздумалось судить о *Римъ* Гоголя. Онъ выписалъ много самыхъ прекрасныхъ, поэтическихъ мѣстъ изъ этой высокохудожественной поэмы, и назвавъ ихъ вычурными, осмѣлился перепечатать ихъ курсивомъ, въ знакъ того, что они плохи. Въ слѣдъ за тѣмъ объявилъ, что онъ не понимаетъ, къ чему Гоголь вывелъ албанку Аннуциату. Подобные промахи случаются съ Новымъ Поэтомъ всегда, когда онъ берется не за свое дѣло. Когда онъ беретъ на себя задачу по силамъ, имъ нельзя довольно нахвалиться. Такъ въ одномъ изъ предыдущихъ нумеровъ Современника онъ помѣстилъ статью о русскихъ фельетонистахъ. Статья вышла прекрасная, потому что Новый Поэтъ высоко стоялъ надъ своимъ предметомъ, парилъ надъ нимъ, или, какъ это говорится, онъ владелъ предметомъ, а не предметъ имъ. Совсѣмъ другое выходитъ, когда Новый Поэтъ берется разсуждать о стихахъ. По всему видно, что онъ не большой знатокъ ихъ; да это бы еще не бѣда, но бѣда въ томъ, что онъ никакъ не можетъ принять къ свѣдѣнію, что нельзя быть знаткомъ стиха и судить о стихахъ, не изучивши ихъ техники, не запасшись наблюденіями надъ механизмомъ высокихъ мастеровъ стиха. Искусство стихотворства такое же искусство, какъ музыка, скульптура и всѣ искусства, которыхъ совершенное пониманіе дается только трудомъ и изученіемъ.

Что Новый Поэтъ не любитель и не знатокъ стиховъ, это видно отчасти уже и изъ того, съ какимъ равнодушіемъ встрѣтилъ онъ столько прекрасныхъ поэтическихъ дарованій, появившихся въ послѣднее время, и изъ того ожесточенія, съ какимъ онъ преслѣдовалъ

стихотворство вообще. Намъ возражать, что Новый Поэтъ потому такъ преслѣдовалъ поэзію, что у него слишкомъ тонкое эстетическое чувство, что онъ слишкомъ прихотливъ и разборчивъ на стихи, и что онъ можетъ только восхищаться великими образцами. Издѣливая строгость къ произведеніямъ искусства и способность восхищаться только одними великими образцами скорѣе есть признакъ отсутствія тонкаго эстетическаго чувства, чѣмъ присутствія его. Великіе образцы искусства не слишкомъ трудно понимать: почти всѣ ихъ красоты изчислены, пояснены и доказаны критикой. Потому судящій ихъ и восхищающійся ими часто судить о нихъ не отъ себя и восхищается ими непосредственно, не искренне, а по рецепту, по принципу. Но восторгаться произведеніями второстепеннаго художника, еще не оцененнаго и не признаваемаго, могутъ только души свѣжія, чувствующія не по книгамъ, а такъ.... Пушкинъ былъ великій знатокъ стиха, не правда ли? Но посмотрите, какъ онъ восхищался Языковымъ, надъ которымъ такъ трунили наши силлогисты критики, не смотря на всѣ удивленія, которыя высказывалъ Жуковскій къ стиху автора «Землетрясенія».

Всѣ эти соображенія пришла намъ въ голову, когда мы прочли странный фельетонъ - фарсъ, который написалъ Новый Поэтъ по поводу появленія оды графини Ростопчиной къ поэзіи. Фельетонъ этотъ не отличается большимъ приличіемъ... Во-первыхъ, какъ-то непріятно видѣть, что почтенный Новый Поэтъ пускается на этотъ разъ въ какую-то шумную, натянутую и заказную веселость, веселость, напоминающую библиографическій отдѣлъ Библіотеки для Чтенія. Во-вторыхъ, мнѣ кажется неприличнымъ тонъ, съ какимъ говоритъ Новый Поэтъ о графинѣ Ростопчиной. А надо замѣтить, что въ такомъ тонѣ онъ всегда говорить о ней. Кажется, следовало бы относиться съ большимъ уваженіемъ къ той, кому писалъ Лермонтовъ:

Я вѣрю, подъ одной звѣздою
Мы съ вами были рождены....

Лермонтовъ вѣдь былъ по таланту, человекъ очень очень замѣчательный, по крайней мѣрѣ, онъ былъ не меньше замѣчательнѣе, чѣмъ Новый Поэтъ... Но обратимся къ разбираемому нами фельетону. Всемъ известно, что наше время самое неблагопріятное для поэзіи, до того неблагопріятное, что теперь не существуетъ ни одного великаго поэта. Графиня Ростопчиной, воспитанной на Жуковскомъ и Пушкинѣ, писавшей въ одно время съ Лермонтовымъ, разумеется, непріятно видѣть такой неурожай въ поэзіи и досадно смотреть на торжество

натуральной школы. Очень естественно, что эти чувства она выразила стихами. Это показалось очень смешным Новому Поэту. Вот что онъ говорить между прочимъ по этому случаю:

«Мира настроена. Внимайте ея бряцанію.

Тебѣ, развѣнчанной богинѣ,
Тебѣ поклонъ мой и привѣтъ, —
Поэзія... кому ужь нынѣ
Презрительно смѣется свѣтъ!

Торжествующая богиня поэзія, кому ужь нынѣ презрительно смѣется свѣтъ, съ умиленіемъ взираетъ на своего краснорѣчиваго защитника: она рукоплещетъ этимъ гармоническимъ стихамъ, и, обращаясь къ дѣтямъ прозы, къ бѣднымъ сынамъ земли, повторяетъ: «берегитесь! берегитесь!»

Какъ это остроумно!

Графиня Ростопчина говорить:

.... Молодое поколѣнье,
Не признавая вдохновенья,
Пошло дорогою иной.

Новый Поэтъ восклицаетъ:

«Какою же это дорогою пошло молодое поколѣніе, не признающее «вдохновенья»? Это любопытно!» Извольте, мы удовлетворимъ вашему любопытству. Новое поколѣніе пошло совершенно другой дорогой, чѣмъ шли Шиллеръ, Пушкинъ, Жуковский, Гоголь, Лермонтовъ и другіе великіе представители лучшей духовной стороны челоуѣка. Новое поколѣніе разсталось съ идеалами, потеряло въ нихъ вѣру, перестало искать осуществленія ихъ въ жизни, и потому его поэзія (если только можно назвать поэзіей болѣзненные, безжизненные, апатическія произведенія натуральной школы) не идеальная, а реальная, и проникнута индифферентизмомъ къ добру и злу.

Новому Поэту кажется страннымъ, что графиня Ростопчина жалуется на паденіе языка и слога въ произведеніяхъ современной литературы. Справедливость этой жалобы очевидна. Кто не видитъ того хаоса, который существуетъ въ языкѣ натуральной школы. Любопытно, какія именно мѣста въ «одѣ къ поэзіи» кажутся смешными и не поэтическими Новому Поэту. Смотрите сами, какія выраженія онъ подчеркиваетъ. Поэтъ говорить:

Пусть храмъ твой смертными покинуть,
Пусть твой треножникъ опрокинуть;

Но старовѣркой прежнихъ дней
Тебя, въ восторгъ убюжденій,
О мать высокихъ пѣснопѣній,
Я пѣснью чествую своей!

Ему страннымъ кажется слово *старовѣрка*. Вѣроятно ему кажется страннымъ и слово Чацкаго: *«пускай меня отъявятъ старовѣромъ!»* А слово *чествую* онъ, вѣрно, слышитъ въ первый разъ.... Но приведемъ еще нѣсколько примѣровъ его подчеркиванья:

Тебя (поэзію), кормилицу родную
Своихъ младенческихъ годовъ,
Отринуль, какъ игру пустую,
Влѣкъ положительныхъ умовъ....
Ты отжила, ты устарѣла,
Свои всѣ пѣсни ты отпѣла —
Твердятъ они, махнувъ рукой, —
И молодое поколѣнье,
Не признавая вдохновенья,
Пошло дорогою иной....

.....
Языкъ и слогъ для ихъ твореній
Самоуправныхъ не нужны!

.....
Поднявши знамя пользы мнимой,
Они, съ гордыней нестерпимой, и проч.

Замѣчательно, что даже слово: *«поднявши»* не нравится Новому Поэту. *C'est trop fort!* Кажется, ему хочется, чтобъ въ стихахъ всѣмъ не употребляли дѣпричастія.

Изъ системы, которой руководствуется Новый Поэтъ при подчеркиваніи выраженій въ стихотвореніяхъ вообще и въ стихотвореніяхъ графини Ростопчиной въ особенности, мы догадываемся, что онъ считаетъ всѣ эти выраженія прозаическими и даже тривиальными. Это происходитъ отъ односторонняго взгляда на поэзію. Подъ поэзіей онъ разумѣетъ только одно торжественное, произносимое «напряженнымъ голосомъ.» Онъ до того противопоставляетъ ее прозѣ, что думаетъ, что она не должна ни словечка въ простотѣ сказать. Но вотъ вамъ одно изъ самыхъ поэтическихъ произведеній самаго идеальнаго поэта. Читайте и *шокируйтесь* прозаическими и тривиальными выраженіями, которыя мы подчеркиваемъ по методу Новаго Поэта:

An den Frühling.

Willkommen, schöner Jüngling!
 Du Wonne der Natur!
 Mit deinem Blumenkörbchen
 Willkommen auf der Flur.

Ei! Ei! Da bist du wieder!
 Und bist so lieb und schön!
 Und freu'n wir uns so herzlich,
 Entgegen dir zu gehn.

Denkst auch noch an mein Mädchen?
 Ei Lieber! denke doch!
 Dort liebte mich das Mädchen
 Und's Mädchen liebt mich noch.

Für's Mädchen manches Blümchen
 Erbat ich mir von dir —
 Jeh komm und bitte wieder,
 Und du? — du giebst es mir.

Willkommen, schöner Jüngling!
 Du Wonne der Natur!
 Mit deinem Blumenkörbchen
 Willkommen auf der Flur!

Но, можетъ быть, Новый Поэтъ скажетъ, что Шиллеръ былъ Нѣмецъ, не любилъ свѣта, не зналъ тонкаго обращенія, словомъ, былъ человекъ дурнаго тона и потому позволялъ себѣ непримичныя выраженія. Но вотъ предсмертное стихотвореніе Андре Шенье. Андре Шенье былъ человекъ очень хорошаго тону: прекрасно говорилъ по-французски, носилъ тонкое бѣлье и вообще одѣвался съ большимъ вкусомъ.... Но вотъ его стихотвореніе, исполненное тривіальностей, подчеркнутыхъ нами. Взгляните и судите!

Quand au mouton bëlant la sombre boucherie
 Ouvre ses cavernes de mort
 Pauvres chiens et moutons de toute la bergerie
 Ne s'informe plus de son sort.
 Les enfants qui suivaient ses ébats dans la plaine,
 Les vierges aux belles couleurs
 Qui le baisaient en foule, et sur sa blanche laine
 Entrelaçaient rubans et fleurs,
 Sans plus penser à lui *le mangent s'ils est tendre*

.....

Этимъ мы кончаемъ счеты съ прошлогоднимъ Современникомъ. Перейдемъ теперь къ январьской книжкѣ Современника 1853 года.

Въ 1-мъ номерѣ Современника помѣщено семь стихотвореній! каково? журналъ, такъ безпощадно преслѣдовавшій стихотворное искусство, начинаетъ новый годъ семью стихотвореніями, изъ которыхъ три совсѣмъ не следовало бы печатать. Откуда взялась вдругъ у Современника такая сильная любовь къ поэзіи? неужели Современникъ въ самомъ дѣлѣ почувствовалъ къ ней нежность? Едва ли. Но кажется, дѣло въ томъ, что онъ замѣтилъ, что въ новейшей критикѣ есть къ ней расположеніе, и что въ публикѣ, которой стала надвигать натуральная школа, начинаетъ пробуждаться любовь къ *разъясненной богинѣ*. Но каковы бы ни были скрытыя чувства Современника, все-таки мы ему благодарны за букетъ стиховъ, предложенный имъ публикѣ: въ этомъ букетѣ есть два такіе цвѣтка, которыми нельзя довольно налюбоваться. Мы говоримъ о стихотвореніи Байрона: *The mistress Augusta Leigh*, и стихотвореніи г. Майнова *Разъяснѣ*. Стихамъ Байрона начинается книжка.... Дай Богъ всякому журналу такъ счастливо встрѣтить новый годъ. Мы выписываемъ это стихотвореніе, ибо взяли за правило — перепечатывать всякое замѣчательное стихотвореніе, принадлежащее которому-нибудь изъ великихъ европейскихъ поэтовъ, напечатанное въ журналъ, который разбираемъ, разумеется, если оно не будетъ слышкомъ велико по объему. Это мы вынуждены дѣлать потому, что переводъ изъ произведеній какого-нибудь великаго западнаго поэта у насъ рѣдкость, а публика наша такъ мало знакома съ поэзіей запада. Замѣчательно, что то западное, что не стѣдуетъ никакого вниманія, у насъ въ большомъ ходу, а съ тѣмъ, что тамъ было истинно прекраснаго, мы почти совсѣмъ не знакомы. Въ этомъ отношеніи замѣчательна вѣсть нашей публики!... Мы не упрекаемъ ее въ томъ, что она мало знакома съ Гете, знаетъ Шиллера только по драматическимъ его сочиненіямъ, а Байрона только по эпиграфамъ, которыя изъ него такъ часто берутся, и не имѣетъ никакого понятія о Муръ. Не упрекаемъ ее потому, что у насъ какъ-то еще не ввелось въ обыкновенье читать англійскихъ писателей, а нѣмецкіе рѣшительно считаются негодными для таковаго употребленія. Но вѣдь всѣмъ извѣстно, какъ у насъ распространено знаніе французскаго языка, и какъ много у насъ читаютъ по-французски. Но вспомните, какого рода произведенія у насъ читаютъ по-французски! — больше всего романы (и то по большей части самыя пустыя). Ежели вздумаютъ читать стихи, то непременно хватаются за ложный родъ поэзіи — за стихи Ламартина, Виктора Гюго; очень же многіе удостоиваютъ вниманія Понсара или г-жу Жирарденъ.

Съ произведеніями же Альфреда де-Мюссе или Альфреда де-Виньи знакомы только самые высокіе умы. Но какъ мало знаютъ у насъ Андре Шенье, Лабрюера, Мольера, Буало!...! Ежели вамъ и случится видѣть на Руси челоуѣка, знакомаго съ этими писателями, то вѣрно онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые совсѣмъ ничего не читаютъ по-русски. Вотъ почему намъ хочется, чтобъ переводы изъ западныхъ поэтовъ, такъ рѣдко появляющіеся въ нашихъ журналахъ, приобретали какъ можно больше гласности, чтобъ публика, хоть сколько можно, знакомилась съ образцами западной поэзии.... Но вотъ стихотвореніе Байрона, по поводу котораго мы теперь говорили.

Хоть минули и счастье и слава
И звезда закатилась моя,
Ты одна не взяла себя права
Поносить и тревожить меня.
Ты одна не шатнулася душою,
Въ важномъ сердцѣ твоемъ братъ не упалъ,
И любовь, столь цѣнную мною,
Я въ, одной лишь тебѣ отыскалъ.
Пусть же шлетъ, улыбался привѣтню,
Мать природа свои мнѣ дары:
Я отдался ей весь безответно,
Вспоминая улыбку сестры;
И пускай на сраженіи съ волнами
Буйный вѣтеръ по небу летитъ,
Я скорблю лишь о томъ, что межъ нами
Океанъ необъятный лежитъ.
Пусть послѣдній мой якорь сорвался,
Пусть исчезъ онъ средь мутныхъ зыбей,
Пусть повсюду злой недругъ ворвался,
Не сонусь предъ судьбою своею.
Пусть клеветаютъ безстыдные люди,
Помогая жестокой судьбѣ —
Не пробить имъ закованной груди:
Ей защитой — мечта о тебѣ.
Изъ людей ты одна мнѣ не льстила,
Между женщинъ осталась вѣрна;
Ты въ разлукѣ меня не забыла,
Клеветамъ не внимала одна.

Не стремилась за общим потокомъ,
 Не слабла горячей душой,
 За любовь не платила упрекомъ,
 За добро не платила враждой.
 Я усталъ; но людей не клану я
 И себя не зову ихъ врагомъ,
Пусть ихъ рвутся, свирьпо лкуя,
На войну съ одинокимъ бойцемъ.
 Я могу ли карать ихъ презрѣнемъ?
Бой не ровный миль очи открылъ.
Миль отрады борьба и гоненья:
Черезъ нихъ я тебя оцѣнилъ.
 Средь обломковъ и дикой пустыни
 Я безъ страха и гордо стою:
Не отбить мнѣ послѣдней святости:
 Не утрачу любовь я твою.
 И пустыни той видъ не печаленъ,
 И обломки тв дороги мнѣ,
 И блестить изъ подъ груды развалинъ
 Бриліантъ невредимой въ огнь. Л.

Что сказать объ этомъ произведеніи?! Какъ хвалить его, какъ передать тѣ чувства, которыя обхватываютъ душу, когда вы читаете и перечитываете его?! Жанъ Поль Рихтеръ сказалъ, что въ лирической поэзіи *поэтъ является собственнымъ произведеніемъ, — живописецъ собственною картиною.* Этими словами какъ нельзя лучше можно охарактеризовать поэзію Байрона. Когда вы читаете его произведеніе, вамъ больше всего бросается въ глаза его собственная личность. Большая часть его стихотвореній есть ни что иное, какъ изображенія самого лорда Байрона съ различныхъ его сторонъ и въ различныхъ жизненныхъ отношеніяхъ и столкновеніяхъ. Въ нихъ васъ больше всего поражаетъ величіе и сила натуры поэта. Видишь передъ собой атлета нравственной силы и могущества, — человѣка, не сробѣваго и не преклонившагося ни передъ какими обстоятельствами, не искавшаго ничьей помощи и всегда опиравшагося только на самого себя.

Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ!
 Твой образъ былъ на немъ означенъ,
 Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ,

Какъ ты *моучь*, глубокъ и мраченъ.
 Какъ ты ни *чьмъ* не *укротимъ*.

Наполеонъ и Байронъ безспорно величайшія личности нашего вѣка, и Пушкинъ имѣлъ полное право сказать, что послѣ ихъ смерти *миръ опустылъ*. Въ нихъ такъ все велико, что даже пельза смотреть съ негодованіемъ на ихъ пороки, невольно удивляешься имъ и даже восторгаешься. Увлекаются же и восторгаются картиной пожара, кораблекрушенія и землетрясенія. (Мы здѣсь прибѣгаемъ къ известному поэтическому сравненію Ламартина, употребленнаго имъ *въ одѣ* къ Байрону). Въ Байронъ, напредвѣръ, мы не можемъ видѣть безъ изумленія эту независимость духа, готовую стряхнуть съ себя всѣ житейскія отношенія, всѣ привязанности для того, чтобъ остаться нравственно свободнымъ, не подчиниться толпѣ. Такого рода свойство души Байрона представляетъ необыкновенно богатое содержаніе для *лирической* поэзіи, въ которой, по словамъ Жанъ-Поля, должна отражаться личность самого поэта.

Стихотвореніе, которое мы здѣсь выписали, изображаетъ высокопоэтическую минуту жизни Байрона. Гордость и презрѣніе великаго поэта къ всему окружающему здѣсь высказалось во всемъ своемъ ужасающемъ величій; рядомъ съ этимъ чувствомъ выставлено другое—нужность въ любви, доходящая до болѣзненности.

Вотъ стихотвореніе г. Майкова.

РАЗМѢНЪ.

Нѣтъ, полно, Нина! ты живешь не для себя!
 Теперь твоихъ нѣтъ у тебя желаній,
 Нѣтъ радости сердечной у тебя,
 Твоихъ нѣтъ слезъ, твоихъ нѣтъ упованій!
 Ты все ему, — все отдала ему!
Онъ, блѣдный, чашъ душою безнадежной;
Не впрямъ онъ, послушный лишь уму,
Въ возможность счастья, въ возможность страсти нѣжной.
 Онъ все — мою любовь, мой чистый идеаль,
 И сердце склонное къ блаженству и надеждъ,
 Какъ бы свое потерянное прежде
 Сокровище — нашель во мигъ и взялъ!
Въ замѣнь онъ далъ мнѣ что его томилъ:
 Сомнѣнія, и слезы, и печаль....

Но я не плачу: нѣтъ! мнѣ ничего не жаль,
Лишь только бѣ то, что было мнѣ такъ мило,
Что взялъ онъ у меня, ему во благо было!

Какъ это просто! Какое рѣшительное отсутствіе наружнаго блеска, и за то сколько чувства, сколько мысли! Отъ того-то именно это стихотвореніе просто и лишено наружнаго блеска, что въ немъ много чувства и мысли: поэтъ только заботился о томъ, чтобъ высказать свою мысль и чувства, а не о томъ, какъ бы лучше и красивѣе сказать. Полнота содержанія поэтическаго произведенія всегда неразлучна съ простотой формы. Ежели у поэта много на душѣ такого, чтó ему хочется высказать, то къ чему ему прибѣгать ко внѣшнимъ украшеніямъ: въ нихъ пужаются только тѣ, кто не можетъ дать внутренняго содержанія своей поэзіи; они по неволѣ должны выгнать на одной формѣ.

Напечатанъ также въ этомъ номерѣ переводъ Шиллерова стихотворенія *Der Tanz*. Переводъ принадлежитъ г. Гербею. Мы должны замѣтить, что переводъ этотъ слабѣе, чѣмъ переводъ г. Гербея предсмертнаго стихотворенія Байрона, которое было помѣщено въ одной изъ послѣднихъ книжекъ Современника. Виноватъ здѣсь переводчикъ въ выборѣ. Стихотвореніе такого рода, какъ *»Пляска«* Шиллера, переводить очень трудно. Тутъ все дѣло въ изяществѣ стиха. Тутъ нѣтъ какой-нибудь яркой мысли, какъ въ стихотвореніи Байрона, а чѣмъ ярче, опредѣленнѣе высказывается мысль въ поэтическомъ произведеніи, тѣмъ стихотвореніе удобнѣе для перевода. Но почти невыразимы тѣ произведенія, которыя проникнуты мечтой, *впечатлѣніемъ*, гдѣ нѣтъ рѣзко обозначающейся мысли. При переводахъ такихъ произведеній нужно стараться копировать съ точностью дагерротипа всѣ обороты языка, всѣ едва замѣтные отгѣнки подлинника, иначе весь букетъ будетъ потерянъ. Въ этихъ случаяхъ задача переводчика — уловить *физиономію* стихотворенія и передать ее. Для такихъ переводовъ нужны опытные стихотворцы, овладѣвшіе вполне механизмомъ стиха, и постигнувшіе всѣ его тайнства. Этого нельзя сказать про г. Гербея: онъ, кажется, только что началъ свое литературное поприще. Кажется, первымъ его произведеніемъ, появившимся въ печати, былъ переводъ Геро и Леандра. Стихотвореніе это представляетъ для переводчика всѣ тѣ трудности, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Потому не мудрено, что переводъ вышелъ плохъ, за исключеніемъ послѣдняго четырехстишія первой строфы, которое передано превосходно. Недостатки настоящаго пере-

вода г. Гербеля заключаются въ несколькихъ прозаическихъ выраженіяхъ, встречающихся въ стихотвореніи, и нарушающихъ цѣлость впечатлѣнія. Впрочемъ есть и въ этомъ переводѣ пять, шесть стиховъ, переданныхъ поразительно вѣрно и вполне поэтически, что даетъ намъ право надѣяться, что изъ г. Гербеля, современемъ, выйдетъ довольно полезный переводчикъ. Эта мысль насъ очень радуетъ; намъ очень нужны хорошіе переводчики-стихотворцы съ англійскаго и нѣмецкаго: у насъ еще такъ мало переведено изъ Байрона, Шиллера, Гете.

Въ основаніи стихотворенія г. Некрасова *»Старикъ»* лежитъ прекрасная мысль, но въ томъ самомъ мѣствѣ стихотворенія, гдѣ она должна бы была ярче всего высказаться (въ концѣ пьесы), авторъ выразился неловко, не поэтически. Намъ крайне показалась смѣшной поэтическая вольность, которую себѣ позволялъ г. Некрасовъ. *Старикъ*, выведенный въ его стихотвореніи, съ грустью говоритъ своей женѣ, что въ ихъ отношеніяхъ нѣтъ уже страстной любви, что она состарѣлась и подурнѣла. При этомъ онъ употребляетъ слѣдующее поэтическое выраженіе:

«Не сравнишь ты съ синимъ моремъ

Мои впадые глаза».

Что жъ тутъ печальнаго? Ежели подруга его перестала дѣлать такіа смѣлыя сравненія, то надо этому радоваться: значить съ годами она стала грамотнѣе, больше стала думать о томъ, что говорить, и вслѣдствіе этого избѣгаетъ странныхъ уподобленій.

Другое стихотвореніе г. Некрасова: *»Ахъ, были счастливыя годы»* рѣшительно не хорошо и сбивается на пародіи Новаго Поэта.

Оба перевода изъ Гейне г. Михайлова не хороши. Рѣшительно не знаемъ, зачѣмъ напечаталъ г. Михайловъ *Радость и горе* изъ Гейне. У насъ ужъ и такъ есть два перевода этого стихотворенія. Переводъ г. Михайлова совершенно неудаченъ: стихотвореніе Гейне проникнуто глубокой грустью, которая едва прикрыта полушутливымъ тономъ, а у г. Михайлова изъ него вышла просто веселая шутка.

Въ отдѣлѣ прозы помѣщена комедія г. Писемскаго *Радль*. Неприятно видѣть имя г. Писемскаго подъ такимъ произведеніемъ, какъ эта комедія. Комедія эта ничѣмъ не лучше произведеній натуральной школы: это просто копировка повседневной дѣйствительности, мѣстами даже не вѣрная; замѣтно явное отсутствіе идеи и высокаго художественнаго взгляда на дѣйствительность, дѣлающаго самыя мелкія явленія жизни интересными. Отъ того пьеса скучна и производитъ непріятное впечатлѣніе. Судите сами. Авторъ изобразилъ раздѣлъ имѣнія

между корыстолюбивыми и безнравственными родственниками, и изображил со всеми мелкими подробностями, которые могут интересовать только специалистов въ дѣлѣ матеріальныхъ пріобрѣтеній и не представляютъ никакого общечеловѣческаго интереса. Кроме пустоты содержания, пьеса отличается вялостью изложенія, рѣшительнымъ отсутствіемъ драматическаго движенія и сценическаго интереса; развязка комедіи чисто-водевильная. Мы не станемъ много распространяться объ этомъ неудачномъ произведеніи даровитаго автора. Намъ непріятно, очень непріятно говорить и доказывать, что новая пьеса г. Писемскаго пуста: мы такъ уважаемъ то серьезное направленіе и ту художественную форму, которыми отличались его *Тюфякъ* и *Бракъ по страсти*, что просто не знаемъ, какъ и дописать тѣ строки, въ которыхъ должны высказать наше мнѣніе о его *Раздѣль*. Намъ кажется, что г. Писемскій слышномъ много пишетъ и не выжидаетъ времени, когда въ душѣ его лягутся серьезные мотивы къ тому, чтобы взять перо въ руки, а хватается за всякую мимолетную мысль, желя на ней основать художественное произведеніе.

Отдѣлъ «Критики» на нынѣшній разъ очень богатъ. Здѣсь помѣщена статья г. Галахова о Карамзинѣ и разборъ *Записокъ ружейнаго охотника* И. С. Т.

Мы не любимъ статей г. Галахова и ни за что никогда не простимъ ему его Хрестоматіи, особенно третьей части. Но справедливость требуетъ сказать, что настоящая статья о Карамзинѣ очень хороша. Методъ, которымъ руководствовался авторъ при очеркѣ характера Карамзина, какъ чловѣка, совершенно новъ и оригиналенъ; начитанность и трудолюбіе, которыми онъ при этомъ обнаружилъ, достойны полной похвалы. Г. Галаховъ для того, чтобы раскрыть тѣ обстоятельства, при которыхъ развивалась чувствительность Карамзина (которая играетъ такую важную роль въ его первыхъ произведеніяхъ), перечиталъ всѣ тѣ романы, которые по его предположенію долженъ былъ читать въ дѣтствѣ историкъ Государства Россійскаго. Далѣе, чтобы показать, какимъ вліяніямъ подвергался Карамзинъ въ дѣтствѣ, г. Галаховъ говоритъ подробно о профессорѣ Шаденѣ, въ пансіонѣ котораго Карамзинъ воспитывался, излагаетъ содержаніе рѣчей о воспитаніи, произнесенныхъ Шадемомъ на университетскомъ актѣ, и дѣлаетъ изъ нихъ выписки. Сказавъ, что изъ Писемъ Русскаго Путешественника извѣстно, что Карамзинъ читалъ въ дѣтствѣ сочиненія Геллерта, по руководству котораго Шаденъ преподавалъ своимъ воспитанникамъ правоученіе, г. Галаховъ довольно подробно говоритъ

о жизни и сочиненіяхъ и нравственныхъ тезисахъ Геллерта, чтобы показать, какое онъ имѣлъ вліяніе на Карамзина.

Такова статья г. Галахова. Только люди, совершенно ослѣпленные пристрастіемъ, не будутъ благодарить автора за его полезный трудъ. Есть, разумется, въ статьѣ недосмотры и даже промахи, но о нихъ мы упомянемъ, когда статья будетъ окончена.

Очень занимательна статья о *Запискахъ Ружейнаго Охотника*. Но послушайте, о чемъ между прочимъ говорить критикъ:

»Я уже неоднократно замѣчалъ, какъ мастерски умѣетъ г. А—въ описывать (нѣкоторые отрывки были перепечатаны въ апрѣльской книжкѣ «Современника»). Теперь мнѣ хочется обратить ваше вниманіе на следующее обстоятельство: бываютъ тонко-развитыя, нервическія, раздражительно-поэтическія личности, которыя обладаютъ какимъ-то особеннымъ воззрѣніемъ на природу, особеннымъ чутьемъ ея красоту; онѣ подмѣчаютъ многіе оттънки, многія часто почти неуловимыя частности, и имъ удается выразить ихъ иногда чрезвычайно счастливо, мѣтко и граціозно; правда, большія линіи картины отъ нихъ либо ускользаютъ, либо онѣ не имѣютъ довольно силы, чтобы схватить и удержать ихъ. Про нихъ можно сказать, что имъ болѣе всего доступенъ запахъ красоты, и слова ихъ душисты. Частности у нихъ выигрываютъ насчетъ общаго впечатлѣнія. Къ подобнымъ личностямъ не принадлежитъ г. А—въ, и я очень этому радъ. Онъ и тутъ не хитритъ, онъ не подмѣчаетъ ничего необыкновеннаго, ничего такого, до чего добираются «немногіе»; но то, что онъ видитъ, видитъ онъ ясно, и твердой рукой, сильной кистью пишетъ стройную и широкую картину. Мнѣ кажется, что такого рода описанія ближе къ дѣлу и вѣрнѣе: въ самой природѣ нѣтъ ничего ухищреннаго и мудренаго, она никогда ничѣмъ не щеголяетъ, не кокетничаетъ; въ самыхъ своихъ прихотяхъ она добродушна. Вся поэты съ истинными и сильными талантами не становились въ «позитуру» предъ лицомъ природы; они не старались, какъ говорится, «подслушать, подсмотреть» ея тайны; великими и простыми словами передавали они ея простоту и величіе: она не раздражала ихъ, она ихъ воспламеняла; но въ этомъ пламени не было ничего болѣзненнаго. Вспомните описанія Пушкина, Гоголя, или хотя то знаменитое мѣсто въ «Король Лиръ», гдѣ Эдгаръ описываетъ слѣпому Глостеру крутой морской берегъ, который будто падаетъ отвѣсно у самыхъ его ногъ: «Подойдите, сэръ.... Вотъ то мѣсто. Остановитесь. Какъ страшно! Какъ кружится голова! такъ низко ронять свои взоры....»

Галки и вороны, которые вьются тамъ въ воздухъ на среднѣхъ разстоянiяхъ,

Кажутся едва ли такъ велики, какъ мухи. На пол-пути внизъ виситъ человекъ, собирающій морскія травы.... ужасное ремесло! Онъ мнѣ кажется не больше своей головы.

Рыбаки, которые ходятъ по побережью,

Точно мыши; а тотъ высокiй корабль на якорѣ

Уменьшился до размѣра своей лодки; его лодка — плавающая точка,

Какъ бы слишкомъ малая для зрѣнiя.... Шумный прибой,

Который кпшитъ и ронцетъ на безчисленныхъ камняхъ —

Здѣсь его не слышно... слишкомъ высоко... Я больше глядеть не стану!

»Всего два-три черты; поэтъ не желаетъ ни сказать что-нибудь необыкновенное, ни найти въ картинѣ, которая является его глазамъ, особенныхъ, неподжченыхъ еще чертъ; съ вѣрнымъ инстинктомъ гениа придерживается онъ одного главнаго ощущенiя — ощущенiя высоты, съ которой глядитъ Эдгаръ, и уменьшенiя всѣхъ предметовъ, — и между тѣмъ возможно ли еще что-нибудь прибавить? Древнiе Греки такъ же просто ваирали на природу; можно бы привести множество доказательствъ тому.... Впрочемъ, они имѣли передъ нами преимущество великое: въ ихъ счастливыхъ устахъ поэзия впервые заговорила звучнымъ и сладкимъ языкомъ о человекѣ и природѣ. (Признаюсь, я не умѣю сочувствовать литературамъ, предшествовавшимъ греческой.) Оттого ничего не можетъ сравниться съ бессмертною молодостью, съ свѣжестью и силой первыхъ впечатлѣнiй, которыми вьетъ намъ отъ пѣсней Гомера. Я сейчасъ упомянулъ о Пушкинѣ: отношенiя этого, по духу своему, действительно древняго поэта къ природѣ такъ же просты, естественны, какъ у древнихъ, и, при всей смѣлости поэтическихъ образовъ, совершенно здравы. Кто не знаетъ его «Тучю»? Не откажу себѣ въ удовольствiи выписать все это стихотворенiе:

Послѣдняя туча разсѣянной бури!

Одна ты несешься по ясной лазури,

Одна ты наводишь унылую тѣнь,

Одна ты печалишь ликующiй день.

Ты небо недавно кругомъ облегла,

И молнiя грозно тебя обвивала;

И ты издавала таинственный громъ

И алчную землю поила дождемъ.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,

Земля освѣжилась и буря протчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки дровесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

»Удивительно!... Словомъ, описывая явленія природы, дѣло не въ томъ, чтобы сказать все, что можетъ придти вамъ въ голову: говорите то, что должно придти каждому въ голову, — но такъ, чтобы ваше изображеніе было равносильно тому, что вы изображаете, и ни вамъ, ни намъ, слушателямъ, не останется больше ничего желать.»

Все это прекрасно! Но какъ все это попало въ рецензію на книгу объ охотѣ? Въ странное время мы живемъ! Развертываешь статью объ охотѣ—и находишь прекрасныя эстетическія положенія; заглянешь въ статью о поэзіи — тамъ вамъ ничего и не напомнить объ эстетикѣ.

Въ заключеніе нашей рецензіи мы должны сказать нѣсколько словъ о статейкѣ Новаго Поэта: *Канунъ новаго 1853 года, кошмаръ въ стихахъ и прозѣ*. Намъ очень непріятно писать объ этомъ созданіи петербургскаго фельетониста, которое *превосходитъ* все прежде имъ писанное. Мы единственно потому рѣшаемся говорить объ этомъ кошмарѣ, что хотимъ по поводу его дать нѣсколько искреннихъ совѣтовъ Новому Поэту.

Въ первомъ номерѣ Современника прошлаго года Новый Поэтъ помѣстилъ очень веселый фельетонъ, подъ названіемъ *Литературный маскарадъ*. Этотъ фельетонъ былъ написанъ безо всякой злости и довольно мило и остроумно, по крайней мѣрѣ для Новаго Поэта. Теперешній фельетонъ отличается совершенно противоположными качествами: онъ скученъ, вѣтъ и наполненъ *не литературными сблизеніями*. Вотъ какъ начинается «кошмаръ» Новаго Поэта.

»Вечеръ 31-го декабря, послѣдній вечеръ, послѣдніе часы сошедшаго въ вѣчность 1852 года, къ которому я не питалъ большаго расположенія, который встрѣтилъ безъ радости, и съ которымъ простился безъ сожалѣнія, проведенъ былъ мною дома, несмотря на безчисленныя приглашенія, полученныя мною на этотъ вечеръ. Со мной знакомъ весь городъ: это, признаться, нѣсколько утомляетъ меня, но зато очень льститъ моему самолюбію, что я, однако же, искусно скрываю. Когда я получаю печатную или литографированную записку на балъ или на раутъ, съ четырьмя буквами внизу: R. S, V. P., — на балъ или на раутъ, куда съѣзжается *весь городъ* (подъ словами весь городъ мы разумѣемъ обыкновенно только самое избранное, самое фешенебельное общество), то на лицѣ моемъ, если я одинъ, если нѣтъ свидѣтелей, появляется обыкновенно самодоволь-

нѣйшая улыбка; не безъ нѣкоторой гордости, я кладу пригласительную записку на самомъ видномъ мѣстѣ въ моемъ кабинетѣ, съ тѣмъ, чтобы она непременно была замѣчена всеми заѣзжающими ко мнѣ моими пріятелями *Снобсами*, имѣющими претензію на свѣтскость, этими *Грегуарами*, *Пьерами*, *Леонами*, и бросилась въ глаза *Протолеонамъ*, которые заходятъ ко мнѣ по литературнымъ дѣламъ. Протолеоны не терпятъ меня за мои блистательныя знакомства, за мое тонкое и безукоризненное бѣлье, за моихъ рысаковъ, за мои *англійскіе лѣвагены*; они называютъ меня человѣкомъ пустымъ, *фривольнымъ*, намекають стороною, будто бы я неудачно уснаиваюсь корчить свѣтскаго человѣка, преклоняюсь передо всеми *Львами*, льну всемъ *Снобсамъ* и любезничаю съ ними; распуская такія клеветы, они—это мнѣ очень хорошо извѣстно—питають ко мнѣ уваженіе и даже тайный страхъ,—именно потому, что у меня рысаки и англійскія лошади, что я ѡзжу въ ядвагенахъ, что я знакомъ со всеми, и что я получаю пригласительныя литографированныя и печатныя записки съ буквами R. S. V. P. Если же я получаю такого рода записки при комъ-нибудь, при свидѣтеляхъ — при *Леонахъ* или *Протолеонахъ* — это все равно,—то я обыкновенно небрежно бросаю ихъ на столъ, съ недовольной гримасой, и говорю сквозь зубы: «Ахъ, какъ мнѣ надоѣли эти приглашенія!» Будто надоѣли!»

«О, какая глубочайшая и трогательнѣйшая искренность и прямота руководятъ, вообще, всеми нашими дѣйствіями, поступками, взглядами, словами!... Посмотрите, напримѣръ, на этого господина — *ла...* этого блѣднаго и тучнаго человѣчка, говорящаго всегда съ таинственностію, и все о предметахъ высокихъ, занимающагося по цѣлымъ часамъ въ кабинетѣ и оттуда выходящаго съ заспанными глазами,—на этого человѣчка, съ затаеннымъ презрѣніемъ смотрящаго на насъ, веселыхъ людей, пишущихъ веселые фельетоны, — посмотрите на него: сколько глубокомыслия въ нѣсколькихъ заспанныхъ глазахъ этого жреца науки!... Послушайте его.... Какой суровый, тяжелый и строгій взглядъ у него на всѣхъ и на все!... Вся жизнь его есть трудъ непрерывный: онъ заваленъ книгами въ своемъ кабинетѣ, онъ почти не выходитъ изъ него.... И есть такіе люди, которые осмѣливаются говорить про этого человѣчка науки, про этого примѣрнаго труженика, что онъ лѣнивѣйшее и самое сонное созданіе, что онъ щеголетъ своимъ трудомъ, своими книгами и своимъ ученымъ кабинетомъ, — что это только маска, и что въ этомъ кабинетѣ, на этихъ книгахъ онъ только спитъ.... Клевета! клевета!»

«Вот вамъ другой герой: это герой самоотверженія. Въ него влюбляется двушка, испитая, тощая, блѣдная, полу-живая... но съ миллионъ приданаго. Онъ ничего не чувствуетъ къ этой двушкѣ; на деньги онъ смотритъ съ презрѣніемъ. Онъ говоритъ: «добродѣтель, честь, истина (истина въ наукѣ, истина въ искусствѣ и истина въ жизни), убѣжденіе — вотъ что составляетъ жизнь; а деньги — презрѣнный металл; мнѣ деньги нужны на столько, чтобы не быть голоднымъ и не лишитъ себя умственной пищи—книгъ!...» Милліонъ двушки не можетъ соблазнить такого героя; но онъ видитъ ея страданія, видитъ ея любовь къ себѣ, — она должна зачахнуть отъ этой любви... И онъ не можетъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ страданія человѣческаго: онъ принуждаетъ себя полюбить ее, онъ принуждаетъ себя не спускать глазъ съ нея, онъ принуждаетъ эти глаза принимать самое нѣжное выраженіе, наконецъ онъ женится на ней... Какое самоотверженіе!... Я съ чувствомъ жму руку этого благороднаго человѣка и гляжу на него сквозь слезы умиленія... Двушка, сдѣлавшаяся его женою, отдаетъ ему миллионъ; но онъ отказывается отъ миллиона и говоритъ ей: «Сердце твое, — твое чудное сердце, мнѣ дороже нѣсколькихъ миллионъ... что мнѣ въ этихъ деньгахъ!» Но жена — рѣдчайшая изъ женъ! — настоятельно требуетъ, чтобы онъ взялъ ея миллионъ въ полное свое распоряженіе; она плачетъ... При видѣ слезъ, — ея слезъ, которыя раздираютъ всю его внутренность, онъ колеблется и, чтобы не причинить ей ни малѣйшаго неудовольствія, противъ своей воли беретъ ея миллионъ... Онъ живетъ не для себя, а для нея... И находятся люди, которые осмѣливаются увѣрять, что онъ женился на двушкѣ именно для того, чтобы пріобрѣсти миллионъ, что онъ справился сначала у доктора о томъ, долго ли проживетъ двушка, что онъ носитъ маску самоотверженія и безкорыстія, и что въ сущности корыстолюбіе руководитъ всѣми его дѣйствіями и поступками!... Клевета! клевета!»

Къ чему все это? какое отношеніе имѣть это къ литературѣ? Послѣдующее мѣсто еще больше относится къ литературѣ.

«Ужинъ состоялъ изъ четырехъ блюдъ: -

1) *Les aiguillettes de canetons à l'orange* (т. е. филе изъ молодыхъ утокъ въ померанцовомъ сокѣ).

2) *Les faisans piqués et truffés* (шпигованные фазаны съ трюфелями).

3) *Les truffes blanches du Piémont à l'huile vierge* (бѣлые піемонтскіе трюфели въ самородномъ маслѣ).

И 4) *Les marrons d'abricot glacés*, (каштаны и абрикосы, облитые сахаромъ).«

Васъ удивляетъ, какъ все это попало въ литературный фельетонъ фельетониста, который упрекаетъ другихъ фельетонистовъ въ нелитературности ихъ фельетоновъ? Не удивляйтесь: это ли еще есть въ кошмарѣ Новаго Поэта! Тамъ «Июгенія» г. Щербины поетъ «Ненаглядный ты мой», Яковъ Яковлевичъ г. М. пляшетъ съ Дареджаной г. Полонскаго и т. д. Но лучше всего то, что Новый Поэтъ прямо признается, что его не интересуетъ литература, что *ему нѣтъ до нея дѣла*. Давно намъ надобно смотреть на ту небрежную позытуру, которую принимаетъ Новый Поэтъ предъ лицомъ литературы. Онъ при каждомъ словѣ хочетъ показать, что она ему наскучила, что онъ ее не любитъ и что онъ свѣтскій человекъ, а не литераторъ. Если все это такъ, то чѣмъ же тутъ хвастаться? Ежели вы не любите литературы и не интересуетесь ей, то и не пишите о ней! никто васъ не принуждаетъ. Право, писателю, занимающемуся судомъ надъ литературными произведеніями, не слѣдуетъ франтить и кокетничать равнодушіемъ и презрѣніемъ къ отечественной литературѣ. Для того, чтобъ писать о чѣмъ бы то ни было умно, дѣльно и вѣрно, нужно хорошо знать тоючемъ пишешь. Но можно ли знать предметъ относясь къ нему съ невниманіемъ и даже презрѣніемъ?

Мы отъ души советуемъ Новому Поэту перестать писать фельетоны. Можно ли писать дѣльно, когда положишь себя за правило, акуратно каждый мѣсяцъ смѣшивать публику на счетъ русской литературы. Шутить по заказу — какая роль для умнаго человека! Не лучше ли писать изрѣдка дѣльные статьи о литературѣ, обдумывать ихъ и не торопиться. Новый Поэтъ ужъ около двухъ лѣтъ пишетъ свои фельетоны-фарсы, и что жъ? Разумѣется, исписался. Мы безо всякой ироніи и отъ души советуемъ Новому Поэту перестать писать въ этомъ родѣ. Право онъ начинаетъ всемъ надоедать. Пошутить да и будетъ — пора перестать.... Ничего такъ не истощаетъ умъ и литературный талантъ, какъ статьи на заказъ, къ сроку и спѣху, особенно когда авторъ ихъ поставитъ себя за правило каждый разъ во чтобы то ни стало смѣшить и веселить публику. В. А.

ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

Essais sur la marine française par le Prince de Joinville, vice-amiral de France. (l'Escadre de la Méditerranée. Note sur l'état des forces navales de France).

Авторъ начинаетъ свою книгу указаніемъ важности, которую представляетъ для Франціи эскадра Средиземнаго моря. Не исчисляя многихъ военныхъ дѣйствій, въ которыхъ она участвовала, онъ полагаетъ нужнымъ познакомить читателя съ краткой исторіей образованія этой эскадры, заставить его, такъ сказать, присутствовать при ея рожденіи, слѣдить за ней шагъ за шагомъ на ея поприщѣ; показать, какъ возросъ духъ, ее оживляющій, и обозначить ролю, которую она играла въ происшествіяхъ послѣднихъ 13-ти лѣтъ.

«Эскадра, подобно арміи», говоритъ онъ, «образуетъ огромное тѣло, которое движется и дѣйствуетъ сообразно съ даннымъ ей «направленіемъ; но это тѣло имѣетъ силу и значеніе только соответственно воспитанію, имъ полученному. Если это воспитаніе было «хорошо, то оно неминуемо дастъ хорошіе плоды, если же, напротивъ того, оно было недостаточно, то непремѣннымъ послѣдствіемъ «его будутъ значительныя ошибки и, не редко, большія несчастія; а «воспитаніе эскадры, подобно воспитанію войска, есть дѣло времени. «Начальники, которые послѣдовательно ею управляли, событія, въ «которыхъ она принимала участіе, всѣ эти и другія обстоятельства «входятъ въ составъ ея воспитанія».

Съ 1814-го года, усилія французскаго правительства возстановить свою морскую силу, были незначительны до 1839 года. Смѣлое дѣло адмирала Русселя въ устьяхъ Таго; малое число кораблей, разбросанныхъ въ Левантѣ, около Лиссабона, въ Антильскомъ морѣ, безъ взаимной связи, безъ согласія,—съ экипажами, которые набирались, и распускались, прежде нежели успѣвали узнать другъ друга и приобрести отвагу, которая дается только продолжительнымъ обу-

чепемъ вмѣстѣ, — все это не составляло эскадръ. Каждый начальникъ этихъ временныхъ морскихъ силъ долженъ былъ опытомъ, чтеніемъ, собственными воспоминаніями, пополнять важный недостатокъ по этой части, — недостатокъ преданій.

«Преданія — плоды опытности; это наука практическая, такая наука, которая не приобретается ни на школьныхъ лавкахъ, ни въ книжкахъ, и которую никакая другая замѣнить не можетъ. Преданія составляютъ жизнь и могущество морской силы Англичанъ: въ этой странѣ, столь вѣрной въ своемъ поклоненіи старинѣ, преданія, въ продолженіе болѣе нежели ста лѣтъ, составляли, такъ сказать, наследіе, которое одно поколѣніе завѣщавало другому, залогъ, который каждое изъ нихъ благоговѣнно хранило, чтобы передать его послѣдующему поколѣнію. Конечно, превосходствомъ своей морской силы, Великобританія обязана, прежде всего, своему положенію среди моря, гегемоніи своей націи, въ высшей степени склонному къ торговлѣ и морской службѣ, славнымъ воспоминаніямъ, которыми наполнена исторія ея мореплаванія; но, въ глазахъ опытнаго наблюдателя, преданія составляютъ также одну изъ значительныхъ причинъ этого превосходства.

«Французская морская сила не имѣетъ всѣхъ этихъ преимуществъ. Природа создала насъ, по преимуществу, солдатами, и если мы приобретаемъ качества, нужныя для моряковъ, то это дѣлается, такъ сказать, искусственно, по необходимости и силою воли. Если намъ предоставлено было, въ другія времена, приобретать блестящіе успѣхи на морѣ, то это времена — давно прошедшія. Перевороты нашего вѣка нанесли жестокій ударъ мореплаванію. Въ продолженіе болѣе, нежели 20 лѣтъ, наша морская исторія представляетъ ничто иное, какъ длинный рядъ неудачъ, перенесенныхъ съ горьковатымъ, тѣмъ болѣе достойнымъ удивленія, что оно не было оцѣнено; и, должно сознаться, эти неудачи объясняются, въ особенности, бѣдствіемъ, неразлучнымъ съ революціею, тѣмъ, что она насильственно сокращаетъ всѣ преданія».

Эскадра, какъ уже сказалъ авторъ, получила свое начало въ 1839-мъ году; въ слѣдующемъ усилилась до 20-ти, а въ 1847-мъ упала до 5-ти кораблей. Остановившись на этомъ числѣ, она пережила 48-й годъ, продолжая быть подчиненною однообразной дисциплинѣ и надзору адмирала, оказала много различныхъ услугъ отечеству; но главное, осталась всегда нераздѣльнымъ цѣлымъ, готовымъ ежеминутно исполнять то, чего требуютъ отъ него обстоятельства.

Въ 39-мъ году, экипажъ одного изъ трехъ кораблей, составлявшихъ Левантскую эскадру, былъ высаженъ на берегъ, въ

Смирнскомъ. заливѣ, по случаю эпидемической болѣзни; два другіе крейсировали около мыса Баба, въ бассейнѣ, образуемомъ Троянскими берегами и островами: Тенедосомъ, Лемносомъ и Метелиномъ. Адмиралъ избралъ этотъ пунктъ, какъ самый удобный для скорѣйшаго полученія извѣстій изъ Константинополя. Въ то время борьба между Портою и Египтомъ казалась неизбѣжною, равно какъ и участіе въ ней великихъ европейскихъ державъ. Адмиралъ не думалъ на этотъ счетъ никакихъ предписаній.

«Положеніе его было чрезвычайно затруднительно; но онъ тотчасъ рѣшился. Онъ понималъ, что ему оставалось только одно: сверхъестественными стараніями удвоить силы, которыми онъ располагалъ, сдѣлать свою маленькую эскадру столь могущественною по ея организаціи и благородному духу, который ее оживлялъ, что какой бы оборотъ ни приняли обстоятельства, честь флага была бы спасена. «Образуюсь себя такимъ образомъ, сказалъ онъ самъ себѣ, чтобы храбрѣйшіе матросы и самые искусные канониры не могли превзойти насъ, и, лицомъ къ лицу съ врагами, мы побѣдимъ смѣлостію. Быть можетъ, успѣхъ оправдаетъ наши усилія; если же суждено намъ погибнуть отъ превосходнаго числа непріятелей, то мы погибнемъ, по крайней мѣрѣ, со славою! Такова была мысль, которая присутствовала при образованіи эскадры; эта мысль продолжаетъ одушевлять ее до сихъ поръ. Отсюда происходитъ въ ней характеръ простой и хладнокровной неустрашимости, оживотворившей всѣхъ тѣхъ, которые постепенно приходили учиться въ этой школѣ; этотъ характеръ ярво бросается въ глаза наблюдателю и сдѣлался для эскадры однимъ изъ ея преданій. Отъ постоянныхъ стараній получить болѣешіе результаты съ слабыми средствами, образовалась привычка стремиться во всѣхъ отношеніяхъ къ совершенству, потребность давать людямъ и вещамъ всю возможную ихъ цѣнность. Подъ владычествомъ крайней необходимости, въ которой мы все находились, зналъ все безъ исключенія относящееся до нашей службы, возгорѣлась эта жажда познаній, которая была ничто иное, какъ чувство чести, доведенное до восторга, въ то время, когда каждый изъ насъ ждалъ отъ происшествій, среди которыхъ жилъ, близкаго случая блеснуть тѣмъ, что онъ умѣлъ дѣлать.

«Молодые матросы выказывали пламенное усердіе, превыщающее ихъ силы; намъ пришлось оплакивать множество несчастныхъ случаевъ, къ которымъ подала поводъ излишняя смѣлость. Ростъ и стѣсленная сила играютъ важную ролю въ приѣмахъ, которыхъ требуетъ морская служба; и такъ какъ у всѣхъ народовъ мачты, паруса и канаты почти одинакихъ размѣровъ, — наши морскіе ново-

«бранцы, — вообще худые и истомленные недостаточною пищею, въ эту минуту, какъ воступаютъ на корабль, — нисколько не въ состояніи, въ первые годы своего ученія, выдерживать сравненія съ молодыми матросами стверныхъ странъ; но хорошая пища, которую они получаютъ отъ правительства, и правильная жизнь, которой подчинены на корабль, въ скоромъ времени способствуютъ имъ приобрести силы, которыхъ у нихъ недостаетъ; ученье довершаетъ «остальное»».

Далѣе, Принцъ описываетъ томительное однообразие этой крейсировки, прерываемое рѣдкими посѣщеніями на берегъ, въ бѣдную деревушку, построенную на мысѣ Баба, какимъ-то старымъ туркомъ, давшимъ ему свое имя. Выкуривъ трубку и насладившись великолѣпнымъ видомъ съ утеса, на которомъ стоитъ кофейня, офицеры возвращались на корабль и вновь принимались за ученье.

«Моряку необходимо знать множество вещей; по этому упражненія на корабль были чрезвычайно разнообразны. Благодаря твердой волѣ начальниковъ, усердію офицеровъ и готовности матросовъ, подстрекаемой соревнованьемъ, въ особенности, благодаря благородному чувству, которое всѣхъ одушевляло, и увѣренности, что отъ уроковъ скоро перейдемъ къ практическому ихъ примѣненію, обученіе «эскадры подвигалось скоро. Если нѣкоторые изъ старыхъ офицеровъ, уже разочарованные въ большей части своихъ мечтаній, и сдѣлавшіеся, съ лѣтами, скептиками и порицателями, находили крейсировку продолжительною и скучною, то, напротивъ того, молодежь принимала живое участіе въ маневрахъ, которые каждый день заставляли ее переходить черезъ всѣ разнообразныя фазы поприща, къ которому она готовилась. Всякій вечеръ, когда прекращались дневныя занятія и паруса у кораблей были подобраны, какъ прилично крейсеру, котораго не призываетъ никакое послышное порученіе, экипажъ сходилъ на ютъ, и тамъ, въ прекрасную ночь Востока, среди воздуха теплаго и благоухающаго ароматами, которые навѣвало на насъ съ азіатскаго берега, мы продолжали наше ученье, перебирая произшествія дня. Каждый приносилъ свои наблюденія и плоды своей опытности.»

«Молодые люди съ жадностію слушали рассказы старшихъ, принимавшихъ участіе въ какомъ-нибудь военномъ дѣлѣ, въ послѣдніе бурные годы Имперіи, или присутствовавшихъ при какой-нибудь важной морской катастрофѣ. Нисколько не должно пренебрегать «свѣденіями, которыя приобретаются такимъ образомъ, въ разговорѣ съ товарищами, и какъ сказать, шутя. Они-то и оставляютъ иногда

«самые прочные следы. Какъ не слушать съ глубокимъ участіемъ стараго офицера, который рассказываетъ молодымъ товарищамъ о томъ, что онъ сдѣлалъ, или видѣлъ, прежде нежели они родились? Какъ, въ вечерній часъ, по близости мѣсть, прославленныхъ древнею поэзіею, этому простому голосу моряка, передающему безъ напыщенности рассказъ о роляхъ, часто геройской, выполненной имъ въ потрясающихъ драмахъ морской жизни, — не дѣйствовать съ недолимымъ могуществомъ на юныя воображенія? Такъ проходили наши вечера, до той минуты, когда ночь сходила на землю и палуба поступала въ распоряженіе вахтенныхъ, поющихъ хоромъ, и дежурнаго офицера, который, по привычкѣ, прерывалъ свою отрывистую прогулку, чтобы бросать безпокойный взоръ отъ горизонта на паруса и отъ парусовъ на коматы».

Наконецъ, ожиданія исполнились.

3-го іюля, брикъ Бугенвилъ принесъ нужныя депеши адмиралу. Все на корабль пришло въ движеніе. Самъ адмиралъ не могъ скрыть своего нетерпѣнія.

«Адмиралъ Лаландъ, командующій Левантскимъ флотомъ, былъ еще во всей силѣ возраста. Преждевременные педуги, которые онъ нажилъ, неутомимо подвизаясь на трудномъ поприщѣ, сокрушили его тѣло; но умъ его, вѣчно юный, нисколько не утратилъ своего огня. Неустрашимый до смѣлости, — настойчивости непреклонной, онъ ничѣмъ не пренебрегалъ, что могло упрочить успѣхъ задуманныхъ имъ предпріятій. Ему, — я не боюсь опроверженія, утверждая это, — обязана Франція образованіемъ эскадры, которая уже 13 лѣтъ составляетъ нашу силу и гордость. Никогда, прежде него, въ обученіи экипажей не была введена эта метода, эта последовательность и совокупность, которые утвердили за нами неоспоримое превосходство. Справедливо и то, что ему чрезвычайно способствовали обстоятельства; въ энтузіазмѣ, въ надеждахъ на славу, одушевлявшихъ офицеровъ, нашелъ онъ содѣйствіе почти безприщурное; но тѣмъ не менѣе ему принадлежитъ честь образованія эскадры, истинно несравненной. Его образъ дѣйствій, въ то время, когда подъ командою его было только два корабля, и впоследствии, когда ихъ было у него до 20-ти, перешелъ въ преданіе и служить еще закономъ въ морской службѣ. Преемники его только по слѣдамъ его, только сохраняли имъ созданное, и флотъ, который въ 1848 г., въ Палермѣ, получилъ публичныя похвалы отъ адмирала Паркера, могъ еще назваться эскадрою адмирала Лаланда.

«Человѣкъ, даже незнакомый съ г. Лаландомъ, не чувствовалъ,

«подходя къ нему, ни малѣйшаго замѣшательства. Въ то время, какъ «убѣленные лѣтами волосы внушали къ нему почтеніе, улыбка его «и радушное выраженіе лица невольно вѣсѣхъ привлекали. Въ разго- «ворѣ съ нимъ чувствовалъ себя совершенно свободнымъ; только не «должно было противорѣчить его мнѣніямъ. Въ послѣднемъ случаѣ, «онъ продолжалъ отвѣчать вамъ, улыбаясь; но подъ этой улыбкой «было что-то такое, что говорило вамъ, что вы напрасно теряли «время, стараясь заставить его переменить мнѣніе. Таковъ онъ былъ «и въ службѣ, какъ въ разговорѣ; всегда вѣжливый и снисходитель- «ный, онъ мало давалъ цѣны вѣтшиностямъ, но былъ непреклоненъ «во всемъ, что касалось до сущности дѣла, и настоятельно требовалъ «полнаго и строжайшаго исполненія его воли. Нисколько себя не «ощадя на службѣ, жертвуя безжалостно своимъ тѣломъ, изможден- «нымъ трудами, и пренебрегая разстроеннымъ здоровьемъ, онъ счи- «талъ себя въ правѣ требовать многаго и отъ подчиненныхъ. Ди- «ствѣхъ, кто наблюдалъ его вблизи, очарованіе, производимое его вы- «сокими качествами, еще возвышалось чрезвычайною скромностію, «и эта самая скромность служила ему, такъ сказать, рычагомъ для «того, чтобы возбуждать и двигать людей. Я не лучше другаго, го- «варивалъ онъ, и если я чего могу достигнуть на своемъ кораблѣ, «то каждый тѣмъ болѣе долженъ достигнуть того же на своемъ. «За то, когда, впоследствии, онъ командовалъ многочисленнымъ фло- «томъ, то часто съ кораблемъ своимъ становился во главѣ эскадры. «и безъ предувѣдомленія, безъ предварительныхъ сигналовъ, пров- «водилъ самыя смѣлыя манѣвры. Почти всегда ему удавалось, и за- «нимъ всей эскадрѣ. То, на что большая часть корабельныхъ капи- «тановъ не отважилась бы хладнокровно, — то, что они, почти пуб- «лично, называли безуміемъ, они исполняли изъ повиновенія къ нему, «и сами, изумленные своимъ успѣхомъ, чувствовали, какъ возвра- «стала и довѣренность ихъ къ начальнику, и ихъ собственная огага. «Никто лучше адмирала Лаланда не умѣлъ приготовить, обучить «и образовать эскадру; никто лучше его, — я твердо въ томъ убѣж- «денъ, — не умѣлъ бы вести ее противъ непріятеля».

Одинъ укоръ дѣлаетъ Принцъ адмиралу: въ излишней снисходи- «тельности къ проступкамъ по дисциплинѣ; но это нисколько не на- «рушало порядка во флотѣ, потому что въ неважныхъ случаяхъ ка- «питаны распорядились сами, а въ важныхъ — наряжался судъ, ко- «торый шелъ обыкновеннымъ порядкомъ, и ничѣе снисхожденіе не «могло смягчить его приговоры».

Слѣдуетъ описаніе политическихъ происшествій: смерть сул- «тана Махмуда, приказаніе турецкой арміи атаковать Ибрагима-пашу,

а турецкому флоту выдти из Дарданель. Главное для французскаго адмирала состояло въ томъ, чтобы остановить турецкій флотъ. Съ двумя кораблями это было трудно; но адмиралъ не отчаявался — силою моральною получить отъ Капудана-паши то, чего не могъ предприсать ему силою оружія.

Появленіе турецкой эскадры и англійскаго корабля Вангарда, который долженъ былъ ее конвоировать. Французскій корабль *Иена* влетаетъ въ середину турецкаго флота и становится передъ кораблемъ Капудана-паши, который, видя, что Французы учтивымъ образомъ претрадили ему путь, вынужденъ отдать приказаніе своему флоту лечь въ дрейфъ. — Объясненіе объ истинномъ назначеніи турецкой эскадры, данное Османъ-Беемъ, *риаль-беемъ* флота, адмиралу Лаланду, и удивленіе послѣдняго. — Свиданіе адмирала Лаланда съ Капуданъ-пашею. — Любопытное описаніе замѣшательства, произведеннаго въ турецкомъ флотѣ быстрымъ вторженіемъ *Иены*, безопасности турецкихъ офицеровъ и беспорядка на самомъ адмиральскомъ кораблѣ, гдѣ картузы навалены были около пушекъ, и тутъ же, возлѣ, сидѣли матросы съ трубками въ зубахъ.

Адмиралъ Лаландъ возвращается въ Смирпскій заливъ, гдѣ ждали его четыре корабля, прибывшіе изъ Франціи. Отплытіе эскадры, увеличенной до 13-ти кораблей, ко входу въ Дарданеллы, гдѣ она должна была пребыть 4 мѣсяца. «Она обыкновенно становилась на якорь въ заливъ Безика, противъ самыхъ развалинъ Трои. Не далеко отъ гробницы Патрокла, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Скамандръ вливаетъ въ море свои мутныя струи, вокругъ палатокъ поставщиковъ эскадры образовалось нѣчто въ родъ селенія, которое и было мѣстомъ собранія офицеровъ каждый вечеръ. Тамъ разсказывали другъ другу новости; тамъ новоприбывшіе старались проникнуться тѣмъ же духомъ, который оживлялъ старыхъ моряковъ крейсировки. Отличительнымъ свойствомъ этого духа уже не былъ только восторгъ который начальники старались воспламенить, когда нужно было замѣнить число отвагою. Съ тѣхъ поръ, какъ эскадра усилилась и числомъ и приобретенною опытностію, энтузіазмъ смѣнился могучимъ и разсудительнымъ чувствомъ долга, спокойною рѣшимостію и холодною отважностію, которая, какъ было сказано, составила въ послѣдствіи сущность духа эскадры и сдѣлалась первымъ ея преданіемъ; и этотъ духъ уваженія къ флагу, поклоненія долгу, распространялся отъ высшихъ до самыхъ низшихъ чиновъ.

«Адмиралъ располагался воспользоваться этимъ превосходнымъ духомъ эскадры, чтобы сколько можно далѣе подвинуть ея образованіе. Если старымъ морякамъ мыса Бабы оставалось мало изучать, то нельзя было сказать того же объ экипажахъ послѣднихъ

«прибывшихъ кораблей. Должно было доставить имъ средства справиться съ ихъ предшественниками и безпрестанною дѣятельностью поддерживать въ нихъ свѣщающее пламя. По крайней мѣрѣ два раза въ недѣлю эскадра выходила въ море и производила рядъ маневровъ, которые образовывали сужденіе и взглядъ капитановъ и офицеровъ, и; приучая молодыхъ матросовъ къ трудамъ, укрѣпляя ихъ тѣло. Любо было видѣть, съ какою легкостію они распоряжались парусами и какъ ловко владѣли ружьемъ и обращались съ пушкою. Частая стрѣльба ядрами, и въ цѣль образовала изъ нихъ чрезвычайно мѣткихъ стрѣлковъ: въ зарадахъ пушечныхъ производились тогда усовершенствованія, которыя, впоследствии, приняты были во всѣхъ европейскихъ флотахъ, и которыя позволяютъ съ точностію дѣлать нѣсколько выстрѣловъ въ минуту. Продолжительная практика научила матросовъ быть внимательными къ голосу начальника, разлгать его среди шума и самаго большаго наружнаго беспорядка, и повиноваться ему немедленно. Они старались приобрести также чрезвычайно важную и трудную науку на кораблѣ, — науку молчанія, по крайней мѣрѣ въ той степени, въ которой она состоитъ съ характеромъ французскаго матроса, столько же пылкаго, сколько понятливаго отъ природы. Отъ времени до времени, адмиралъ, чтобы возбудить въ корабляхъ соревнованіе въ дѣлѣ чести, командовалъ общія «регаты» (*chasses générales*) — родъ состязаній въ скорости, въ которыхъ каждый заимствовалъ отъ науки и отъ своей опытности всѣ средства, какія только онъ могъ ему доставить, чтобы ускорить ходъ корабля. Въ другой разъ, эскадра ставилась на якорь въ пристани Иمبرо, маденькаго острова, довольно живописно расположеннаго, но лишеннаго гаваней и всякой промышленности, и изрѣдка посѣщаемаго судовщиками, которые доставляютъ ему предметы, необходимыя для жизни. Островъ этотъ былъ населенъ Греками, подданными Турокъ. Удивленные появленіемъ у своихъ береговъ столь многочисленнаго флота, они не хотѣли вѣрить, чтобы мы не были Москвитяне, которые пришли освободить ихъ отъ турецкаго ига и водворить между ними золотой вѣкъ. Вскорѣ, мы опять выходили въ море и возвращались въ Безику, гдѣ каждый поставилъ въ томъ видѣ самолюбія, чтобы съ математическою точностію, и не взирая на противныя вѣтры и теченія, бросить якорь на томъ самомъ мѣстѣ, которое было ему указано адмираломъ. Превосходное средство приучить корабли къ чести битвы, занимать именно тотъ постъ, который имъ вѣренъ.

«Въ тѣ дни, въ которые эскадра не готовилась къ отплытію, адмиралъ привожалъ на первый изъ кораблей, который ему поа-

«дался, распускалъ паруса и бросалъ якорь при подошвѣ гранитнаго утеса, на которомъ поставлена была цѣль. Въ то время, какъ «корабль открывалъ огонь противъ этой цѣли, адмиралъ обхаживалъ «баттарен, допрашивалъ людей, заставлялъ ихъ стрѣлять въ своемъ «присутствіи, по одиночкѣ, двумя ядрами, картечью; толковалъ имъ «дѣйствіе ихъ выстрѣловъ, и наконецъ не упускалъ ничего, что могло «ихъ ознакомить съ ихъ оружіемъ. Потомъ весело вступалъ въ разговоръ съ молодыми офицерами, какъ будто бы былъ имъ равный. «Понятно, что всякій страстно желалъ угодить такому начальнику, «и что всякій съ нимъ вмѣстѣ улыбался надеждѣ употребить въ «дѣло на службѣ отечеству то, что такъ хорошо изучалъ подъ «его руководствомъ.

«Здѣсь кстати упрямнуть о томъ, какую любовь адмиралъ Ла-«мандъ приобрѣлъ между матросами. Смыслъ, которой онъ давалъ «ежедневныя доказательства, въ особенноти покоряла ему всѣ сердца. «У насъ человекъ дважды искупаетъ этимъ качествомъ множество «недостатковъ. Сверхъ того, адмиралъ былъ всегда въжливъ съ подчиненными, — другое качество, которое заставляетъ любить начальника. Наконецъ, онъ съ истинно, отеческою любовью заботился о «благополучіи моряковъ; пища ихъ была постояннымъ предметомъ «его попеченій. Незвѣстность въ будущихъ событіяхъ поставила «въ обязанность: не потреблять припасовъ, которые каждый корабль «имѣлъ съ собою. Эти припасы: мука, сухари, солонина, сыръ, вино, «кофе, — суть истинныя военныя запасы, которые доставляютъ способности исполнять предпріятія, требующія продолжительнаго времени. «По этому къ нимъ должно прикасаться не иначе, какъ съ благоразумною бережливостію, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, «остаться посреди блокады, или всякаго другаго военнаго предпріятія, «на серединѣ дороги, или потерять время въ промедленіяхъ, а иногда «подвергаться всемъ опасностямъ новаго снабженія съѣстными припасами. Между тѣмъ, если необходимость предписываетъ такую «бережливость, то, съ другой стороны, также не легко, особенно «въ Турціи, продовольствовать ежедневно десять тысячъ человекъ; и «стараніе сберечь государственную казну нисколько несовмѣстно «съ необходимостію сохранять обильною и хорошею пищею здоровье моряковъ.

«Въ Смиривъ отыскали негоціанта, который взялся поставлять «припасы для эскадры, куда бы она ни пошла; съ греческихъ острововъ получали мы превосходное вино; на азіатскомъ берегу не было «недостатка въ быкахъ; одинъ хлѣбъ доставали съ большимъ трудомъ. Только тѣ, которые сами испытали это, знаютъ, какого

«стоить труда заставить торговыхъ агентовъ выполнить заключенныя съ ними контракты; быть можетъ, это не такъ трудно, какъ командовать флотомъ, но уже, конечно, причиняетъ больше заботъ и хлопотеній. Адмиралъ Лаландъ занимался этимъ предметомъ съ неуспѣшнымъ стараніемъ и успѣшно, и его подчиненные, которые пользовались плодами такой заботливости, были ему чрезвычайно благодарны».

Далѣе слѣдуетъ страница дельныхъ разсужденій о дисциплинѣ на кораблѣ, о необходимости неограниченной власти, ввѣренной капитану, и о рѣдкихъ случаяхъ злоупотребленія этой власти.

«Не рѣдко встрѣчаются примѣры капитана храбраго, твердаго, даже строгаго, но всегда справедливаго, избѣгающаго умноженія наказаній, чтобъ сохранить имъ всю ихъ дѣйствительность, и примѣняющаго ихъ суровость только къ виновнымъ несправивимымъ. Если, съ этимъ, онъ учтивъ съ подчиненными и заботится объ ихъ благосостояніи, если онъ имѣетъ нѣкоторыя изъ блестящихъ качествъ начальника, онъ умѣетъ, управляя хорошо кораблемъ, успѣхами своими льстить самолюбію ввѣреннаго ему экипажа,—о, тогда любовь къ нему не имѣетъ границъ! Корабль его, на простодушномъ и выразительномъ языкѣ матросовъ, получаетъ названіе—*Божьяго корабля*, и нѣтъ такой вещи, которой онъ не могъ бы требовать отъ людей, сплывающихъ подъ его команду. При входѣ въ гавань, съ нимъ разстаются со слезами; иногда матросы въ торжество несутъ его на берегъ на рукахъ, и въ тотъ день, когда онъ опять идетъ въ море, онъ можетъ смѣло быть увѣренъ, что старые его сослуживцы съдадутъ все на свѣтъ, чтобы снова быть подъ его начальствомъ».

«И такъ, за неимѣніемъ другихъ причинъ, собственная выгода капитана совѣтуетъ ему наблюдать соединеніе снисхожденія и строгости и умѣренное употребленіе власти,—отличительное свойство хорошаго правленія,—но онъ былъ бы достоинъ сожалѣнія, если бы, въ этомъ случаѣ, слушался только своей собственной выгоды, и если бы побужденія, болѣе благородныя, не дѣлали изъ него отъ него подчиненныхъ. Это побужденіе—любовь. Когда люди сознаютъ, что способъ обращенія съ ними внушенъ любовію, то они все готовы принять отъ того, кто ведетъ ихъ, все ему прощаютъ. А никто не умѣетъ съ такою пронизательностію различать истинныя чувства начальника, какъ матросы корабля—это собраніе пустынныхъ, отдаленныхъ отъ остальнаго міра, которые почти весь часъ дня могутъ употреблять на наблюденія и размышленіе о видѣнномъ. Эти люди, суровые и грубые, обладаютъ чудесно-тонкимъ чутьемъ и умѣютъ распознавать доброжелательство даже подъ наружностію самой непреклонной суровости. И можетъ ли капитанъ не лю-

«бить своихъ подчиненныхъ? Я призываю въ свидѣтели того, кто былъ на морѣ, во время бури, неся на себѣ отвѣтственность за жизнь семи или восьми сотъ человекъ, и имѣя нужду, для общаго спасенія, во всей ихъ преданности, во всемъ ихъ мужествѣ. Видя, какъ эти люди съ довѣрчивостію устремляютъ на него свои взоры, какъ будто говорятъ ему своимъ молчаніемъ: да, мы знаемъ, участь наша въ твоихъ рукахъ, но мы довѣряемся тебѣ; мы вѣримъ, что ты выведешь насъ изъ опасности превосходствомъ ума твоего, и отдашь жизнь свою для спасенія послѣдняго изъ насъ! Когда всѣ эти голоса, какъ будто сливаются въ одинъ голосъ, чтобы говорить ему такія рѣчи, можетъ ли онъ удержаться отъ глубокаго умиленія? Можетъ ли не чувствовать, какъ звучатъ внутри его благороднѣйшія фибры души человѣческой? Ничто такъ не возвышаетъ сердце, какъ эта единодушная довѣренность экипажа къ своему начальнику, какъ слѣпая преданность, съ которою не спадать жизни для исполненія его приказаній, въ томъ убѣжденіи, что и онъ, съ своей стороны, готовъ для нихъ сдѣлать то же. Въ этой общей опасности и въ общихъ усиліяхъ изъ нея выйти, въ этомъ обязательствѣ капитана и матросовъ принести, если потребуется долгъ, взаимную жертву своей жизни—есть нравственная связь; связь истинно семейная, что-то похожее на узы, соединяющія отца съ дѣтьми и дѣтей съ отцомъ. Что можно справедливѣе сравнить съ отеческимъ чувствомъ, какъ не обязанность капитана послѣднему покинуть свой погибающій корабль? Если бы даже онъ долженъ былъ пропустить тысячу случаевъ къ своему спасенію; если бы даже ему оставалось спасти одного человека изъ своихъ подчиненныхъ: то и тогда его обязанность, или, лучше сказать, преимущество его начальничества, которымъ онъ наиболее гордится,—велитъ ему остаться послѣ всѣхъ на полуразрушенномъ и готовомъ потонуть кораблѣ. И пусть знаютъ, что въ числѣ необходимо значительномъ напѣихъ кораблей, которые, въ теченіе многихъ лѣтъ, были доведены до такой ужасной крайности, не нашлось капитана, котораго привязанность къ жизни заставила бы измѣнить этой отеческой и славной обязанности (*). Я довольно сказалъ, чтобы дать понять, на какихъ основаніяхъ держится морская дисциплина. Изъ этого видно, что взаимная любовь и благодарность между

(*) Я ошибаюсь; былъ одинъ примѣръ: въ 1816 году, капитанъ Медуза Шомарѣ имѣлъ несчастье покинуть свой корабль. Вѣрный упрекъ тѣмъ, которые могли встрѣить французскій флагъ и жизнь трехъ-сотъ человекъ охраненію офицера, которому до того были чужды воспоминанія благородной морской службы, что онъ забылъ даже ея славныя преданія о долгѣ и чести

«начальникомъ и подчиненными несравненно действительнѣе, нежели «все проявленіе власти и строгость наказаній».

5 августа, англійскій флотъ, состоящій изъ десяти кораблей, сталъ на якорь возлѣ французской эскадры, какъ союзникъ ея, готовый помогать вмѣстѣ съ нею египетскому папѣ и препятствовать предполагаемому нападению Русскихъ на Константинополь. Описывается соревнованіе, порожденное присутствіемъ этой давнишней соперницы Франціи; удвоенная ихъ ревность въ исполненіи различныхъ морскихъ маневровъ; осторожность и нѣкоторая холодность, которыя они наблюдали въ поступкахъ съ минутными союзниками, и желаніе ихъ померяться съ ними въ открытомъ морѣ.

«Эскадра», говоритъ Принцъ, «продолжительнымъ изученіемъ приобрѣла единственное качество, котораго не доставало французскимъ морякамъ, чтобы сравниться съ англійскими—образованіе. Въ самомъ дѣлѣ, неудачи, претерѣвныя нами во время имперіи, могутъ быть отнесены только къ недостатку познаній устройства и порядка. Побѣжденные въ способахъ дѣйствій, продолжаетъ онъ, мы «никогда не были побѣждены въ храбрости: исторія Джемса—эта «официальная газета англійскаго флота, доказываетъ, что если ка-
кой-нибудь случай не позволялъ нашимъ соперникамъ подавить насъ, при самомъ началѣ дѣйствій, своимъ превосходствомъ, то «побѣда всегда оставалась за нами».

Эскадра адмирала Паркера имѣла надъ Французами неоспоримое преимущество: несколько прекрасно-устроенныхъ и вооруженныхъ пароходовъ, которые могли буксировать суда въ Константинопольскій проливъ и Черное море противъ вѣтра и теченій, что для Французовъ, съ двумя слабыми и вѣтхими пароходами, было бы чрезвычайно затруднительно. Въ концѣ октября, Англичане, видя, что Русскіе ничего не предпринимаютъ, ушли, оставивъ одинъ фрегатъ, для наблюденія за французскими кораблями; но и тотъ, по настоянціо адмирала, послѣдовалъ за своею эскадрою. Бурная осенняя погода принудила французскій флотъ возвратиться въ Смирну, гдѣ онъ и оставался до начала 1840 года. Надежда на войну съ Англіею не сбылась. Флотъ возвратился въ Тулонъ.

II.

Новая зра наступала для него. Ему нечего было болѣе приобрести; но онъ могъ все утратить.

«Прежде всего должно было предохранить его отъ разрушенія—отразить удары, открытые и тайные, наносимые ему нѣкоторыми «изъ экономистовъ собраній. Конечно, неоспоримая обязанность народныхъ представителей состоитъ въ томъ, чтобы подвергать упо-

«стребленіе государственной казны точнѣйшимъ изслѣдованіямъ и «уничтожить всѣ издержки, которыя недостаточно оправдываются «необходимостію; но это соблюденіе выгодъ государственныхъ должно «быть произведено съ знаніемъ дѣла, въ особенности въ томъ, что «относится до службы, подобной морской. Многіе, не имѣющіе по- «нятія о дѣлѣ, рассуждали такимъ образомъ: нынѣшній годъ намъ «нѣтъ надобности въ корабляхъ; мы со всіми въ мирѣ; намъ не- «нужно подкрѣплять силою оружія никакихъ переговоровъ; нѣтъ «особеннаго случая выказать вліяніе Франціи на политическія дѣла «Европы. Уничтожимъ эскадру; распустимъ матросовъ, разснастимъ «корабли; такимъ образомъ, мы соблюдемъ большую экономію. Если «въ промежуткѣ, отъ нынѣшняго года до будущаго, наши иностран- «ныя сношенія потребуютъ употребленія морской силы, то стоить «только снова вооружить корабли—флотъ опять будетъ готовъ, а «между тѣмъ, мы сбережемъ годъ жалованья, припасовъ, издержекъ «на содержаніе, поправки, и проч. На это люди опытные отвѣчали: «Поступая такимъ образомъ, вы сдѣлаете самое пагубное распоря- «женіе. Въ вещественномъ отношеніи, издержки разснастки и новаго «снаряженія кораблей, въ такой короткій срокъ, несравненно пре- «взойдутъ издержки на содержаніе флота. Что касается до нравст- «венныхъ послѣдствій,—обученіе вашихъ матросовъ, прибрѣтенную «опытность, преданія—все, для чего необходимы время и послѣдо- «вательность, и чего нельзя замѣнить деньгами—все это вы бросите «на вѣтеръ. Такимъ-то образомъ, приходилось нашимъ государствен- «нымъ людямъ бороться каждый годъ за сохраненіе эскадры. Усилія «нихъ, къ счастью, увѣнчались успѣхомъ, и если самыя строгія со- «кращенія постепенно постигали ее, отъ 1839 до 1852 года, то, «по крайней мѣрѣ, непрерывность ея существованія была уважена; «въ жизни ея не было ни одного дня промежутка, какъ уже ска- «зано; дѣло адмираловъ состояло въ томъ, чтобы не создавать уже, «а только сохранять и поддерживать созданное. Къ этой обязанности, «требующей столько же разсудительности, сколько самоотверженія, «никто не былъ способнѣе смѣнившаго г. Лаланда—адмирала Гюгона, «старога превосходнаго моряка временъ имперіи, начальника всѣми «уважаемаго за твердость и прямоту ума.

«Таково уже свойство человеческой природы, что каждый до- «вольнѣе собою, нежели другими, и болѣе имѣетъ вѣры въ свои «собственныя созданія, нежели въ созданія другихъ людей. Если ка- «кой-нибудь человекъ смѣняетъ другаго въ начальствѣ—въ военной «или въ гражданской службѣ, на твердой землѣ, или на морѣ,—то вы «рѣдко увидите, чтобы онъ устоялъ противъ искушенія сдѣлать иначе,

«нежели его предшественникъ. Развѣ у него нѣтъ также свояго «собственныхъ идей, которыя онъ можетъ приводить въ исполненіе? Развѣ не должно и ему также оставить на вещахъ отпечатокъ своего ума и слѣды своей дѣятельности? Въ управленіи округомъ, какъ и въ правленіи государствомъ, всегда были достойны замѣчашія умы, довольно умѣренные и мудрые, чтобы просто продолжать «благое дѣло, начатое прежде ихъ. Отчего же на эскадрѣ не существовать подобному искушенію—отличиться въ употребленіи власти «и ознаменовать своимъ именемъ какое-нибудь громкое нововведеніе? «Адмиралъ Гюгонъ пользовался хорошею славою, и не былъ «доступенъ честолюбію такого рода; слишкомъ много было «прямоты въ его сердцѣ и умѣ, и онъ не могъ затѣвать нововведенія единственно для пользы своего самолюбія. Онъ усвоилъ «эскадру адмирала Лаланда, усвоилъ всѣ его мысли, и только тѣ «мысли, которыя до него получили свое принаровленіе. Нельзя до- «вольно почтить вниманіемъ это мудрое поведение, которому подра- «жали впоследствии всѣ адмиралы, замѣнившіе г. Гюгона въ коман- «дованіи эскадрою. То была, можетъ стать, самая большая услуга, «оказанная нашему флоту.

«Освятить такимъ образомъ давностію то, что уже существо- «вало на дѣлѣ, было, безъ сомнѣнія, самымъ плодотворнымъ ново- «введеніемъ тамъ, гдѣ все такъ долго колебалось въ нерѣшимости, «потому что всѣ учрежденія были только временныя. Съ этой на- «мноты, наша морская сила переставала быть зданіемъ, выстроен- «нымъ на скорую руку, безъ основныхъ началъ, безъ твердаго «фундамента, и которому суждено было упасть при первомъ дуво- «свеніи вѣтра; она приобретала прочность въ своемъ внутреннемъ со- «ставѣ, и чрезъ это одну готовилась получить вскорѣ, подобно «сухопутной арміи, собраніе учреждений, освященныхъ опытомъ; «она готовилась имѣть преданія, и эти преданія, впоследствии, полу- «чать всю силу и святость законовъ.

«Благородныя усилія адмирала Гюгона нашли ревностное со- «дѣйствіе въ офицерахъ и матросахъ флота, хранившихъ, какъ свя- «тыню, превосходный духъ, внушенный имъ адмираломъ Лаландомъ. «Одного только опасался онъ для моряковъ: скуки, неизвѣстной имъ «въ то время, когда ожиданіе близкой войны сильно занимало умы «всѣхъ. Для отвращенія этого зла, адмиралъ испросилъ у прави- «тельства позволеніе выйти съ эскадрою въ море, чтобы продол- «жить усовершенствовать ее въ манѣврахъ, въ обширномъ и чрез- «вычайно удобномъ бассейнѣ, огражденномъ отъ вѣтровъ цѣпью «Гіэрскихъ острововъ. Произведеніе искусственныхъ высадокъ было

главнымъ изъ этихъ упражненій. И дѣйствительно, въ последнее время всѣ морскія экспедиціи Французовъ въ Мексику, Таити и Ла-Шату, и Англичанъ—въ Сирію, Китай, и проч. были ничто иное, какъ рядъ высадокъ. Такимъ образомъ, протекло время 1840—1843 г. Дѣятельныя привычки мыса Бабы и Безики не были потеряны среди спокойной жизни на родинѣ. Потомъ кругъ дѣйствій моряковъ распространился. Они ходили на съемку береговъ то къ Африканскому материку, то къ берегамъ Италіи. Въ одной изъ этихъ экспедицій случилось происшествіе, которое поставило эскадру на краю гибели. Зима въ 1848 г. была замѣчательна частыми и внезапными бурями (*cours de vent*), которыя, въ обыкновенное время, рѣдко встрѣчаются на Средиземномъ морѣ. Безчисленныя бѣдствія были ихъ послѣдствіемъ; всѣ корабли, застигнутые въ открытомъ морѣ—потонули. Этѣ бури, которыя, подобно «лавинамъ», стремятся съ снѣжныхъ скатовъ Пиринейскихъ и Альпійскихъ горъ, и во всегдашнемъ своемъ направленіи отъ сѣвера къ югу, все сокрушаютъ на пути своемъ, тѣмъ болѣе губельны, что никакой признакъ, ни даже пониженіе барометра, не возвышаетъ ихъ появленія. Встрѣча съ этими страшными переломами въ природѣ важнѣе для моряка, нежели цѣлый день, проведенный въ сраженіи. Здѣсь нѣтъ для него ни запаха пороха, ни обаянія славы; должно бороться всею силою души и тѣла противъ вѣрной опасности, безпрестанно угрожающей и умножающейся подъ тысячу «вѣдми. Паруса изорваны; мачты сломаны; корабль ускользаетъ отъ волн, которая имъ управляетъ, и поражаемый удвоенными ударами разъяреннаго моря, не находитъ болѣе защиты отъ его нападений. Составъ корабля, подавленный тяжестью артиллеріи, трещитъ со всѣхъ сторонъ; вода стремится во всякій пазъ судна; борьба отчаянная, и тѣмъ болѣе безстрашная и дѣятельная!... «Сколько времени можно еще будетъ противиться?—Никто этого не знаетъ; быть можетъ, въ минуту—все будетъ кончено; каждое протекающее мгновеніе отнимаетъ возможность къ спасенію. Силы человѣческія истощились;—мужество еще переживаетъ ихъ—и тутъ—то проявляется могущество дисциплины; тутъ все ея торжество. Взгляните на капитана, крѣпко привязаннаго къ стѣнѣ, на кормѣ корабля, потому что слишкомъ сильная качка не позволяетъ никому стоять безъ помощи. Посмотрите, какъ онъ спокоенъ и ясенъ, и гордъ всею отвѣтственностію и примѣромъ, который всѣмъ подаетъ. Или, съ Божіей помощію, онъ спасетъ всѣхъ своихъ добрыхъ товарищей, или погибнетъ, до конца исполняя обязанность. Эта мысль, которая одушевляетъ его, одушевляетъ съ

«нимъ вмѣстѣ и весь экипажъ; она разносится во все углы корабля молодыми гардемаринами, которые тѣснятся вокругъ начальника, съ жадностію ловятъ каждое его приказаніе, каждое его движеніе, чтобы съ проворствомъ и понятливостію ихъ, возраста, передавать ихъ туда, гдѣ гулъ разъяренныхъ стихій не позволяетъ разслушать человеческого голоса. На полѣ сраженія, гдѣ дѣло идетъ о судьбѣ народовъ, полководецъ можетъ иногда хладнокровно видѣть, что его средства дѣйствія вострѣблены огнемъ непріятеля: у него, или есть резервное войско, которое вдругъ измѣнить ходъ дѣла, или онъ надѣется продержаться до заката солнца; а тамъ, быть можетъ, новое утро готовитъ ему благоприятный переворотъ. Въ борьбѣ противъ стихій—нѣтъ отдохновенія; днемъ, ночью продолжается битва,—битва безъ свидѣтелей и безъ славы. Запертые въ крѣпости, которую со всѣхъ сторонъ и безъ усталы атакуетъ непріятель—ды, чтобы побѣдить, ждете помощи только свыше, и ждете иногда напрасно. Душа сильно закаляется въ этихъ испытаніяхъ, гдѣ забываемъ собственную опасность въ опасности общей; гдѣ каждый ежеминутно жертвуетъ своею жизнью для спасенія всѣхъ,—и глазомъ можетъ измѣрять, какаѣ тонкаѣ преграды отдѣляютъ его отъ вѣчности. Невозможно, по выходѣ изъ такой борьбы, не чувствовать себя лучше; идея о долгѣ увеличивается; дисциплина принимаетъ характеръ священны; возрастаютъ любовь и уваженіе къ начальнику, съ которымъ дѣлалъ опасность; помышляешь о Богѣ, о будущей жизни, и, кажется, съ болѣе возвышенной точки смотрѣшь на мелочныя тревоженія жизни. Если уже человекъ такъ созданъ, что его добрыя впечатлѣнія не могутъ быть продолжительны, то эти впечатлѣнія, по крайней мѣрѣ, никогда не изглаживаются совершенно, и любовь къ родинѣ, разсудительность и набожность нашихъ приморскихъ жителей служатъ тому доказательствомъ».

Подобная буря застала эскадру въ ночь съ 24 на 25 января. Корабли были разбросаны въ разныя стороны; многіе изъ нихъ потерпѣли значительный вредъ, но все, служащее въ ней, показало силу духа и мужество безпримѣрные; въ этой борьбѣ съ стихіями эскадра не могла считать себя побѣжденною. Исправивъ свои поврежденія въ Тулонѣ, она, на пути въ Алжиръ, выполнила, въ виду острова Майорки, самыя превосходныя и трудныя эволюціи морской тактики. Въ 1842 году, влѣтъ показывавшая у итальянскихъ береговъ, и довольно долго стояла въ Неаполитанскомъ заливѣ. Слѣдуетъ описаніе выгодъ и пріятностей этого пребыванія.

Въ промежуткѣ отъ 1843 до 1845 г., эскадра уменьшилась до восьми кораблей, и только усилія адмирала Микѣ и некоторыя

опытныхъ людей въ собраніи—спасая ее отъ конечнаго разрушенія. Сожаленія Принца о выгодахъ, отъ которыхъ отказывается Франція, не заботясь о созданіи флота изъ париходовъ.

Въ 1843 г., флотъ переходитъ подъ команду адмирала Парсеваль-Дешена, который, по примѣру адмирала Гюгона, благоговѣнно уважаетъ найденное имъ на эскадрѣ устройство. Въ эти три года ея главнымъ дѣломъ было, вмѣстѣ съ сухопутными войсками, обезопасить владычество Франціи въ Алжирѣ; 1843—1846, флотъ, посланный на защиту союзника Франціи, бея тунисскаго, стоялъ на якорѣ противъ мыса Кареагенскаго, на которомъ Людовикомъ-Филиппомъ воздвигнута часовня, въ память Людовика Святаго. Это было самое трудное пребываніе для эскадры: палачій жаръ—причина множества болѣзней, бездѣйствіе, непрерывная качка кораблей отъ сильнаго прибой; Тунисъ—отвратительный городъ, отдаленный отъ крѣпости Гулетты длинною дорогою по жгучему и зыбкому песку, на берегу воюющаго болота, никому, видѣвшему его однажды, не внушалъ желанія побывать въ немъ еще разъ. Одно священное чувство долга и благородныя преданія чести—спасаютъ въ такія минуты моряковъ отъ самаго пагубнаго унынія.

Въ 1846 году французская эскадра показывается передъ Триполемъ, съ угрозами пашѣ, который тревожитъ союзника Франціи—тунисскаго бея. Описаніе внѣшняго и внутренняго вида города.

Въ 1847 году, размѣръ морскихъ силъ еще уменьшенъ. Эскадра состоитъ только изъ пяти кораблей и одного фрегата; но эти суда самаго сильнаго калибра. Никогда еще Франція не могла представить своимъ друзьямъ и непріятелямъ столь сильнаго и твердаго ядра морской силы. Съ рѣдкою опытностію офицеровъ и экипажей—она соединяла, недоступную ей до сихъ поръ, быстроту движенія; къ каждому кораблю былъ присоединенъ париходъ для буксированія. Въ первый еще разъ, флотъ, при противномъ вѣтрѣ, совершилъ въ 36 часовъ плаваніе изъ Специи въ Тулонъ. Военная сила кораблей состояла изъ 6 тысячъ.

III.

Революція 1848 года. Эскадрю командовалъ адмиралъ Боденъ, морякъ, носящій славныя раны, съ простыми и откровенными пріемами, съ открытою фізіономіею, на которой отражались благороднѣйшія свойства души, исполнявшій съ твердostí и быстротою все, что ему предписывали долгъ и совесть. Эскадрѣ, болѣе счастливой, нежели сухопутная армія, предоставлено было продолжать служеніе отечеству, не вмѣшиваясь въ междуособные раздоры, и не проливая крови соотечественниковъ.

Поосъ краткаго пребыванія на Гёрскихъ островахъ, она послана была къ берегамъ Италіи, гдѣ имѣла вліяніе на ходъ политическихъ происшествій, не вступая въ битву. Трудно было, говорить авторъ, найти гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, такое соединеніе качествъ, нужныхъ солдату, и патриотическихъ добродѣтелей, какое встрѣчалось въ то время на флотѣ. Въ противоположность апархіи и своеволю, царствовавшимъ во Франціи, онѣ представляли самую строгую дисциплину. Офицеры отличались спокойнымъ благоразуміемъ, самоотверженіемъ; никогда не заботились о выгодахъ собственнаго честолюбія, но старались распознать, что предписывала имъ честь, и шли этимъ путемъ неуклонно; вотъ что внушило общее уваженіе къ эскадрѣ и давало ей нравственный вѣсъ, изъ котораго, къ счастью, для Франціи, она дѣлала постоянно хорошее употребленіе.

Описаніе политическихъ смуть Италіи и Сициліи. Эскадры англійская и французская у береговъ Сициліи. Видимое согласіе и тайная недовѣрчивость и разномысліе адмираловъ двухъ націй.

Эскадра отличается и въ транспортѣ войскъ на паровыхъ судахъ, подъ командою капитана Трегуара, въ римскую экспедицію. Никогда сажаніе на суда подобнаго числа людей, ихъ перевозка и высадка, не производились съ такимъ порядкомъ, правильностію, легкостію, даже по мнѣнію самихъ Англичанъ,

Немного остается сказать о роляхъ эскадры въ послѣдніе годъ. Она появлялась въ Средиземномъ морѣ, во время несогласія между портою и сѣверными державами, по поводу венгерскихъ матежниковъ и во время дѣла жида Пачинико; но дѣйствіе ея было болѣе отрицательное.

Въ 1850 г. назначенъ былъ въ Шербургъ смотръ флоту президентомъ республики. Не только изъ Парижа, но и со всѣхъ концовъ Франціи, народъ стремился увидѣть любопытное зрѣлище. Во Франціи любятъ морскую службу; но мало имѣютъ объ ней понятія, и за исключеніемъ приморскихъ жителей и немногихъ путешественниковъ, рѣдкіе знаютъ, что такое эскадра.

Заплативъ дань удивленія и сочувствія прекраснымъ кораблямъ и ихъ преданнымъ и смиреннымъ обитателямъ, которые, съ единственною цѣлію проливать кровь за отечество, покидаютъ родной кровъ и семейныя радости и подвергаются величайшимъ опасностямъ, — вниманіе зрителей поражено было различною фізіономіею офицеровъ и матросовъ, холоднымъ и нѣсколько гордымъ спокойствіемъ пер-

выхъ и веселымъ правомъ послѣднихъ. Правда, что сознание своего достоинства, ясное понятіе о долгѣ, даютъ первымъ этотъ оттенокъ гордости; дорога ихъ такъ открыта; выгода и честь такъ тѣсно сопряжены между собою, что колебаться не возможно. Но одиночество, продолжительныя странствія по морямъ, длинныя ночи, проведенныя на стражѣ, располагаютъ къ меланхолии и раскрываютъ душу для живыхъ и глубокихъ чувствъ. Отъ этого, не смотря на видимую холодность и гордость, не смотря на суровость, порожденную привычкою повелевать съ юныхъ лѣтъ, цѣть людей съ сердцемъ болѣе горячимъ, какъ у моряковъ.

То же можно сказать и о матросахъ. «Матросъ поступаетъ на «корабль, едва выходя изъ тѣснаго круга семейной жизни. Рѣдко случается, чтобы, сынъ рыбака, онъ не былъ приученъ съ дѣтства къ исполненію религиозныхъ обязанностей. Стало быть, морская служба обыкновенно принимаетъ его прежде, нежели онъ бываетъ испорченъ, гибельными наущеніями разврата. Дисциплина овладѣваетъ имъ и доказываетъ ему, что ни одна изъ дурныхъ его склонностей, — если онъ ихъ имѣетъ, — не останется безъ наказанія. Государство удовлетворяетъ всѣмъ его нуждамъ, какъ и нуждамъ солдата; но оно никогда не оставляетъ его, подобно послѣднему, въ жертву неизбѣжной праздности гарнизоновъ. Всегда занятый на «корабль, матросъ каждую минуту находится лицомъ къ лицу съ опасностью. Лѣзть, въ темную ночь, на рею, которая сильно качается, крѣпизъ парусъ, который, отъ инея, сдѣлался жесткимъ, какъ дерево, и который порывами вѣтра обвивается вокругъ его тѣла, — это дѣйствіе такъ же опасно и требуетъ столько же хладнокровія и безстрашія, какъ и лѣзть на приступъ горы, на гребнѣ «которой засѣли Кабилы. Это дѣло смѣлости матросъ исполняетъ «каждодневно, и его не поддерживаетъ даже надежда на славу. Сохраня Боже, — лопнетъ веревка, поскользнется нога, — и онъ погибаетъ безвѣстною смертію! Войска, которыя бывали въ огнѣ, приобрятаютъ двойную цѣну. Матросъ, который каждодневно подвергаетъ опасности жизнь свою, въ борьбѣ со стихіями, почерпаетъ въ привычкѣ презирать смерть зародышъ всѣхъ благородныхъ чувствъ.»

Послѣ смотра въ Шербургѣ, эскадра зимовала въ Брестѣ; потомъ была послана къ Кадиксу, а оттуда въ Средиземное море, гдѣ и находится теперь, подъ командою адмирала Ласкуса, бывшаго вице-адмираломъ при г. Лалаандѣ, въ Безикѣ. Нужно ли прибавлять, что славныя преданія морской службы не находятся въ опасности погибнуть? Въ наружномъ составѣ флота производится значительное

улучшение, посредством столь полезнаго и обильнаго послѣдствіи введеніи военныхъ пароходовъ.

Скорость! Вотъ сила, къ которой направлены теперь величайшія усилія человеческого ума! Можно сказать, что его занимаетъ только одно: какъ бы передать свою мысль и исполнять ее самыми быстрыми и верными средствами. Электрическій телеграфъ, желѣзныя дороги, пароходы, внушены одними и теми же нуждами, одними и теми же желаніями и побужденіями. Отъ этихъ изобретеній и введенія особенно-мѣткихъ ружей, война приметъ совершенно новый видъ. Гдѣ бы нашлись предѣлы человеческому генію, еслибы сила характеровъ шла объ руку съ могущественнымъ развитіемъ ума?

Окончу свой трудъ послѣднимъ замѣчаніемъ. Вещественная сторона всякой службы имѣетъ свою неоспоримую важность, но эта важность второстепенная. «Когда дѣло идетъ о томъ только, чтобы дать форму желѣзу и дереву, время можетъ быть замѣнено деньгами, вина небрежности заглажена двѣтельностію. Но, чего не могутъ доставить деньги, что не создается мигомъ, — это люди съ характеромъ, развернутымъ въ нихъ воспитаніемъ; это духъ, ихъ оживляющій. Здѣсь потребно дѣйствіе времени; нужны усилія воли твердой и послѣдовательной. Если же это дѣйствіе будетъ прервано, если эта воля и послѣдовательность вдругъ ослабуютъ, то всѣ сокровища свѣта не замѣнятъ утраченнаго, не скрѣпятъ снова моральной нити добрыхъ и спасительныхъ преданій!»

Авторъ старается обратить вниманіе своихъ соотечественниковъ на выгоды, какія Франція получила бы отъ созданія флота изъ пароходовъ.

1-е) Для защиты береговъ отъ нападенія сильнаго на море непріятели, напр: Англичанъ. «Въ случаѣ войны, говоритъ онъ, Англичане, при помощи своихъ пароходовъ, могутъ, въ нѣскольکو часовъ, перенестись изъ Портсмута, или устьевъ Темзы, къ нашимъ берегамъ, войти въ наши рѣки, истребить наши города, арсеналы и богатства торговли; угрожать всемъ нашимъ берегамъ, господствовать на Средиземномъ морѣ, прервать наши сообщенія съ Алжиромъ и блокировать все наши гавани.»

2) Для нападеній на берега Англіи, которая болѣе всего тверда увѣренностію въ своей неприступности, и для причиненія ей досель неизвѣданнаго ея вреда.

3) Для нападеній на непріятельскіе корабли въ открытомъ морѣ и нанесенія вреда ихъ торговлѣ.

4) Для быстрого перенесенія войскъ на разныя пункты Европы, въ случаѣ континентальной войны.

Свои доводы онъ подкрѣпляетъ примѣромъ Англіи, которая, не жалѣя ни трудовъ, ни издержекъ, создала въ короткое время флотъ изъ 125-ти парусныхъ; изъ нихъ 75 вооруженныхъ, которые съ отличными знаніями морскаго дѣла соединяють необыкновенную быстроту, могучую артиллерію и обширное помѣщеніе для войскъ. Какіхъ дожертвованій стоило Франціи довести флотъ свой въ 1840 году до 20 кораблей! Случись тогда война, — къ чему подружились бы все эти жертвы? Предположивъ даже самыя блистательныя успѣхи, одержанные французскими кораблями надъ непріятельскими, эти успѣхи стоили бы имъ, и въ людяхъ имѣя вещественномъ отношеніи, потерь, которыхъ Франція не въ состояніи была бы замѣнить. Эта победа была бы гибелью для ея флота. Нѣсколько разъ видали, что изъ нея, какъ будто очарованіемъ, рождались новыя войска, когда вся армія была истреблена; но матросовъ нельзя создавать какъ солдатъ; матросъ никогда не будетъ хорошъ, если съ дѣтства не свыкъся съ моремъ.

Отнынѣ корабли не могутъ составить сущности морской силы; употребленіе парусныхъ нецѣлѣбно сводитъ ихъ на второстепенную роль осадной артиллеріи въ сухопутномъ войскѣ, — противъ крѣпости, приморскаго города и проч.; однимъ словомъ, для наступательной и оборонительной войны, для охраненія своихъ береговъ, или нападенія на непріятельскіе, для успѣшнаго содѣйствія сухопутнымъ войскамъ, — военные парусы теперь необходимы.

Второй пунктъ, на который настаиваетъ авторъ, это то, что всякій разъ, когда французскіе корабли входили въ бой съ англійскими, эскадра противъ эскадры, то эти сраженія всегда бывали гибельны для Французовъ. Напротивъ того, французскіе корсары, въ последнее время Имперіи, наносили большой вредъ англійской торговлѣ, т. е. поражали Англію въ самое сердце, вредили ей въ ея жизненной силѣ. Этой цѣли, говоритъ онъ, достигнуть Франція искуснымъ распределеніемъ крейсеровъ на всѣхъ пунктахъ земнаго шара. Въ каналъ и Средиземномъ морѣ эту обязанность могли бы исполнять парусы; въ дальнихъ моряхъ, напротивъ того, фрегаты самага большаго размѣра. Съ достаточною военною силою и многочисленнымъ экипажемъ, этотъ родъ кораблей можетъ поднимать запасы, необходимыя для продолжительнаго плаванія. Въмѣсто одного фрегата и нѣсколькихъ бриговъ, которые мы содержимъ въ каждой изъ нашихъ отдаленныхъ приморскихъ колоній, учрежденіе двухъ, или трехъ фрегатовъ, самага большаго калибра, подъ командою адмирала, было бы въ мирное время чрезвычайно благотельно для нашей торговли, а въ военное

ми не были бы осуждены видѣть, какъ неприятельскія фрегаты, безъ боя, подбираютъ на морѣ наши мелкія суда. Вообще пароходы должны удалиться отъ береговъ только на такое разстояніе, съ котораго они могутъ опять возвратиться, не возобновляя свой угольный запасъ. Иначе, лишенные неприятелемъ средствъ возобновить его, они приведены будутъ въ бездѣйствіе, такъ какъ большая часть изъ нихъ очень тяжелы на ходу подъ парусами.

Слѣдовательно, продолжаетъ авторъ, цѣлю нашихъ морскихъ учреждений, предполагаемая возможность, хотя самую отдаленную, войны съ Англіею, должно быть: сильное устройство и развитіе морской паровой силы около береговъ и въ Средиземномъ морѣ; учрежденіе сильныхъ крейсеровъ, искусно размѣщенныхъ на всѣхъ пунктахъ земнаго шара, въ мирное время, для охраненія торговыхъ выгодовъ, въ военное—для болѣе успѣшнаго дѣйствія противъ неприятеля.

Для осуществленія первой части этого предположенія, должно бы, прежде всего, избѣгать бесполезныхъ издержекъ на сооруженіе великолѣпныхъ верфей, назначенныхъ правительствомъ для починки и снабженія еще не существующихъ пароходовъ.

Потомъ, должно бы, наконецъ, переменить мнѣніе о пользѣ кораблей, изучать и усовершенствовать пароходы, пробовать ихъ прежде, чѣмъ создавать множество пароходовъ по неудачному образцу, что ведетъ къ частымъ ошибкамъ.

Опредѣлить для каждаго рода службы свою часть.

Содержать эскадру, по крайней мѣрѣ, изъ 20-ти военныхъ пароходовъ. Поручить офицерамъ этой эскадры составленіе тактики для пароваго флота.

Назначить для сношеній съ Алжиромъ достаточную, но ограниченную часть почтовыхъ пароходовъ.

Создать нѣсколько легкихъ пароходовъ, гдѣ все было бы пожертвовано для быстроты, для передачи приказаній правительства.

Содержать 22 вооруженныхъ фрегата 1-го ранга, для отдаленныхъ морскихъ колоній. Вообще, издержки на паровой флотъ, послѣ перваго обезаженія, не превышали бы издержекъ на содержаніе обыкновенныхъ кораблей.

Прибавленія къ книгѣ содержатъ:

1) *Общее состояніе флота.*

Въ 1844-мъ году, за исключеніемъ недоконченныхъ и негодныхъ къ употребленію, во Франціи было 43 парохода. Авторъ разбираетъ ихъ по одиночкѣ, рассматривая ихъ качества и недо-

статки и входа въ изъясненіе причинъ. Между прочимъ, она рассуждаетъ, каваа должна быть разница въ вооруженіи пароходовъ и кораблей и въ самомъ способъ сражаться, на тѣхъ и другихъ. Эта разница основана на ихъ различномъ устройствѣ. Въ противность кораблю, середина парохода, гдѣ помѣщена машина, самая слабая, а корма и носъ самыя сильныя его части. Следовательно и должно вооружать послѣднія; а такъ какъ пространство не позволяетъ помѣстить тутъ многочисленной артиллеріи, то и слѣдуетъ замѣнить число пушекъ калибромъ. Этой системѣ, давно-усвоенной Англичанами и Северо-американцами, слѣдуютъ теперь Русскіе, Голландцы, Неаполитанцы и всѣ морскія державы. Изъ 43-хъ военныхъ пароходовъ Франціи, до 18-ти безпрестанно употребляются для сообщенія съ Африкою, 9-ть слабыхъ, годныхъ только для гребной службы. Остается отъ 16-ти до 17-ти пароходовъ для непредвидѣнныхъ порученій и для отдаленныхъ стоянокъ. Такова вся сила, которую въ случаѣ войны Франція могла бы предоставить случайностямъ битвы!

Сравнительный взглядъ на англійскій паровой флотъ.

Авторъ чрезвычайно хвалитъ Англичанъ за то, что они не иначе рѣшаются строить пароходы по известному образцу, какъ по зрѣломъ разсмотрѣніи различныхъ моделей, присланныхъ въ конкурсъ, — по долгомъ сравненіи и обдуманіи; отчего въ устройствѣ ихъ пароходовъ происходятъ постепенныя, но значительныя измѣненія и усовершенствованія. Французовъ, напротивъ, упрекаетъ за поспѣшность и необдуманность, съ какими они, безъ предварительныхъ испытаній, принимаютъ модели и размножаютъ постройку пароходовъ по образцу, который часто оказывается полнымъ ошибкой и неудобствъ.

Во 2-мъ прибавленіи авторъ доказываетъ, что содержаніе флота военныхъ пароходовъ стоило бы дешевле обыкновенныхъ кораблей. На то, что издерживается для содержанія фрегата 2-го ранга, можно бы содержать 2 паровые фрегата въ 450 силъ, или 3 въ 320; а на содержаніе корабля 1-го ранга можно имѣть 6-ть пароходовъ въ 220 силъ, способныхъ быстро и безопасно перевозить 3,000 человекъ войска.

«Но я нисколько не намѣренъ, продолжаетъ авторъ, ограничить ихъ ролю перевозкою. Многіе отрицаютъ значеніе пароходовъ въ военномъ отношеніи, но пусть скажутъ, какой былъ бы исходъ сраженія между кораблемъ втораго ранга, и, равными ему по издержкамъ, 2-мя пароходами въ 450 силъ; между нимъ и тремя парохо-

дами въ 320 силъ; между кораблемъ 1-го ранга и шестью пароходами въ 220 силъ? Не говорю уже о томъ, что пароходъ всегда воленъ принять сраженіе, или отказаться отъ него, и напротивъ того, почти во всѣхъ случаяхъ, можетъ принудить къ битвѣ противника; что онъ можетъ избирать свое разстояніе и точку нападенія, и между тѣмъ, какъ масса корабля представитъ обширную цѣль мѣтко направленнымъ выстрѣламъ его артиллеріи, могучей калибромъ и дѣйствіемъ, самъ онъ, особеннымъ способомъ самаго удобнаго для него нападенія, ускользаетъ отъ большой части ударовъ противника.

Въ числѣ издержекъ—главная, безспорно, котель, который въ алжирскихъ пароходахъ служитъ отъ пяти до шести лѣтъ. Если бы корабль, подобно пароходамъ, находился въ безпрестанной службѣ, то расходы на ихъ содержаніе и починку были бы гораздо значительнѣе. Но и эту издержку можно сократить, заменивъ чугунные котлы медными, которые служатъ втрое долѣе, и послѣ разрушенія которыхъ остается матеріалъ, сохраняющій свою цѣнность.

Прибавленіе третіе. Сравнительная таблица, съ поясненіемъ издержекъ на содержаніе кораблей и на созданіе пароваго флота въ такомъ же размѣрѣ.

● *Списокъ пароходовъ, находящихся въ дѣйствительной службѣ и на верфяхъ.*

Таблица годоваго содержанія судовъ всякаго рода.

Извлеченіе изъ бюджета Англій на содержаніе пароходовъ, 1844—1845 г.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R L

ГОРСКОЕ

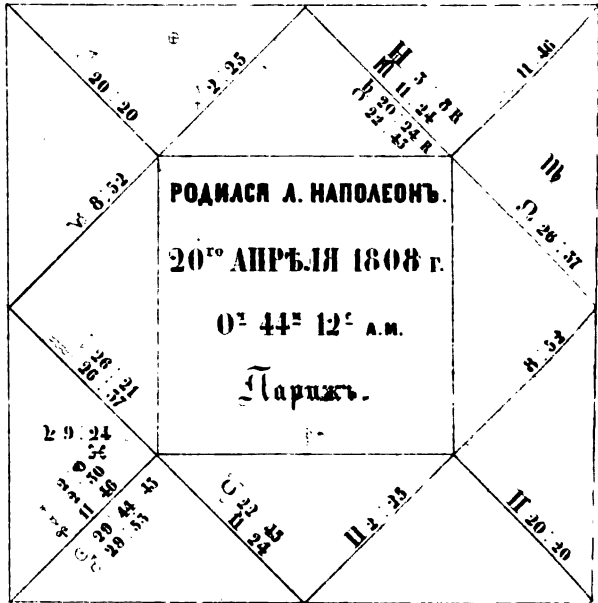
ПОЛОЖЕНІЕ СВѢТЪЛЪ НЕБЕСНЫХЪ

ПРИ РОЖДЕНІИ

ЛУДОВИКА-НАПОЛЕОНА.

R. 218 58

ШИР.
 Н 0 51 N.
 В 2 29 N.
 2 0 56 S.
 0 0 21 S.
 * *
 1 34 S.
 2 31 S.
 5 12 N.
 * *

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Еще герцогъ Веллингтонъ.—Быль ли онъ маршаломъ Франціи?—Маршаль-вдова.—Литературное похищеніе, или одно надгробное слово двумъ маршаламъ.—Пѣсни музы подъ колокольный звонъ.—Воскресеніе адмирала Нельсона.—Нельсонъ-ораторъ.—Не потерялъ ни одного орудія.—Дальновидность криваго глаза.—Парламентскія пренія.—Вильерсъ и д'Израэли.—Неограниченное состязаніе.—Г. Маклей и рѣчь его къ избирателямъ.—Республика въ 170 подданныхъ.—Многосложныя обязанности президента.—Государственный капиталъ въ 300 долларовъ.—Скачекъ изъ Тихаго океана въ Ледовитое море.—Экспедиція вдовы Франклинъ.—Удобный случай прославиться въ Англіи.—Романы англійскихъ *аболіціонистовъ*.—Романъ въ 150,000 экземпляровъ.—Нравственное электричество.—Романы Мистрисъ Троллопъ и Мистрисъ Чайльдъ.—Теккерей и его *Эмонль*.—Соборъ духовенства въ Англіи.—Прогулка по Ирландіи.—Англо-китайскій астрологъ.—Гороскопъ Лудовика Наполеона.

Похороны герцога Веллингтона—до сихъ поръ еще занимаютъ вниманіе лондонской публики и наполняютъ столбцы англійскихъ журналовъ. Приготовленія къ этой церемоніи длились не мало, и стояли много заботъ тѣмъ, которымъ было поручено дать народу это величественное зрѣлище, доселѣ еще нигдѣ невиданное. Отъ полутора до двухъ милліоновъ зрителей присутствовали при погребальномъ шествіи, и по дорогѣ, по которой слѣдовалъ повѣздъ, двѣсти тысячъ мѣстъ были наняты, считая среднимъ числомъ, по два съ половиною рубля серебромъ за каждое. Тѣснота была неизмѣрная; многіе, еще съ вечера заняли удобныя мѣста, и простояли на нихъ цѣлую ночь, чтобы видѣть похоронный кортежъ. Спокойствіе нигдѣ не было нарушено; но кромѣ этого наружнаго признака уваженія ко всякому покойнику, усвоеннаго обычаями Англіи, на всѣхъ предстоящихъ лицахъ выражалась искренняя горестъ, отблескъ глубокаго чувства національности, отличительной черты народнаго характера Англичанъ.

Герцогъ Веллингтонъ имѣлъ восемь фельдмаршальскихъ жезловъ; на похоронахъ несли только семь: *Испанскій, Россійскій, Прусскій, Португальскій, Нидерландскій, Ганноверскій и Англійскій*. Восьмой *Австрійскій*, но Австрія не прислала своего представителя на похороны герцога, и австрійскій жезлъ не былъ включенъ въ программу церемоніала.

Быль ли покойный герцогъ маршаломъ Франціи?—вотъ вопросъ, затронутый французскими журналами. Ихъ корреспонденты не отыскали этого званія въ лѣтописи палаты Перовъ, и маршальскій жезлъ Франціи не несли на похоронахъ, но въ храмѣ св. Павла, первый герольдмейстеръ Англіи, провозглашая въ послѣдній разъ титулы герцога, при гробницѣ, готовой принять прахъ его, упомянулъ званіе маршала Франціи и герцога Брюнуа (duc de Brunoy). Лудовикъ XVIII могъ пожаловать званіе почетнаго маршала покойному герцогу на тѣхъ правахъ, какъ это званіе было оставлено вдовѣ маршала Моро.

При исчисленіи мірскихъ почестей, справедливо заслуженнымъ покойнымъ герцогомъ, не нашлось въ Англіи современнаго Боссюэта, Масильона или Бурдалу, чтобы произнести надъ прахомъ его надгробное слово, гдѣ слово *правды* не рѣдко примѣшивается къ рѣчамъ должной признательности отъ народа и владыкъ его, вѣрнымъ сынамъ и защитникамъ отечества. Въ церкви св. Павла не было христіанскаго витія, достойнаго славы новѣйшихъ проповѣдниковъ—Чальмерса и Роберта Галя (Hall), не говоря уже о прежнихъ: Тейлорѣ, Гукерѣ (Hooker), Тилотсонѣ (Tillotson), и проч., имена которыхъ будутъ жить всегда въ лѣтописяхъ духовнаго краснорѣчія. Надгробныя слова покойному герою читали не въ храмахъ, а въ залахъ, и въ обывихъ палатахъ парламента; но тамъ слышны были только краснорѣчивыя фразы ораторовъ; тамъ умъ говорилъ громче сердца; одинъ изъ этихъ витій исполнилъ эту обязанность довольно страннымъ способомъ. Это г. д'Израэли, министръ, канцлеръ казначейства. Или воображеніе романиста потухло подъ гнетомъ министерскихъ заботъ, или г. д'Израэли принялъ литературное воспоминаніе за вдохновеніе собственнаго краснорѣчія, но въ рѣчи своей въ честь герцога Веллингтона, произнесенной предъ полнымъ собраніемъ парламента, онъ буквально перевелъ надгробное слово г. Тьера маршалу Гувіонъ-Сень-Сиру!—Трудно было бы поверить такому литературному похищенію, если бы журналъ *Globe* не напечаталъ текста тьеровской рѣчи съ надстрочнымъ переводомъ министра-оратора. Случай этотъ доставилъ бы прекрасную главу родителю г. д'Израэли, въ его книгу: *Любопытныя произведенія литературы*. Ужъ не вздумалъ ли г. министръ поглумиться надъ г. Тьеромъ, въ отмщеніе за не совсемъ лестные отзывы о покойномъ герцогѣ въ *Исторіи Консульства и Имперіи*, восхваляя словами французскаго историка, побѣдителя его героя?... Во всякомъ случаѣ, огромный успѣхъ этой рѣчи вознаграждаетъ г. Тьера за долги...

его мысли,—проступокъ, непредвидѣнный въ трактатѣ народовъ о литературной собственности (*).

Поэзія также принесла дань свою на гробъ умершаго героя. Придворный поэтъ королевы, г. Альфредъ Теннисонъ (Телпузон), остающійся безъ занятій, съ тѣхъ поръ, какъ его уволили отъ ежегодной оды въ честь ея величества, напечаталъ *надгробную пѣснь*, въ которой, въ противоположность парламентскимъ рѣчамъ, *сердце говоритъ громче ума*. Онъ самъ предвидитъ въ своемъ сочиненіи, что герцогъ будетъ современемъ имѣть барда достойнѣе его. Г. Теннисонъ призываетъ на помощь своей музѣ—громъ пушекъ, грохотъ барабановъ, звонъ колоколовъ, а эти оглушительные звуки народной панихиды, совсѣмъ заглушили слабые вздохи его смиренной свирели. Прозопоея, внушенная мѣстомъ погребенія, оживляетъ нѣсколько эту лирическую пѣснь. Великій Нельсонъ, пробужденный необычнымъ шумомъ въ храмъ св. Павла, возстаетъ изъ гроба, и вопрошаетъ: «какой новый гость пришелъ покоиться въ храмъ чести, шествуя съ распущенными знаменами, съ военною музыкой, съ соборомъ священно-служителей, конвоемъ воиновъ и съ цѣлымъ народомъ въ слезахъ?—Кто пришелъ возмутить мое спокойствіе?»—На этотъ вопросъ славнаго адмирала, поэтъ отвѣчаетъ, «что тотъ, кто пришелъ лечь рядомъ съ нимъ, былъ столь же великъ на сушѣ, какъ адмиралъ на морѣ; что онъ, какъ и Нельсонъ, достоинъ опочивать подъ сводами храма св. Павла, какъ побѣдитель въ ста битвахъ, никогда не потерявшій ни одного орудія». *Не потерялъ ни одного орудія*,—эту удачу герцога Веллингтона, уже другой мѣсяцъ восхваляетъ Англія въ стихахъ и прозѣ, какъ выраженіе вѣсѣхъ военныхъ доблестей. Поэтъ указываетъ еще на другое достоинство герцога, прославленное уже прозаиками. Онъ былъ *мужемъ долга*. Это уваженіе къ своимъ обязанностямъ, точно ставитъ побѣдителя подъ Ватерло—выше Трафальгарскаго героя. Нельсонъ хотя и сказалъ своимъ товарищамъ въ свою последнюю битву: «Англія ожидаетъ, что каждый изъ насъ исполнитъ долгъ свой»; но самъ онъ не всегда бывалъ рабомъ своего долга, и позволялъ себѣ смѣлыя и удачныя неповиновенія, къ которымъ Веллингтонъ былъ не способенъ. Въ трафальгарское сраженіе, Нельсонъ, услышавъ, что командующій флотомъ поднималъ сигналъ отступленія, приставилъ зри-

(*) Одинъ изъ друзей г. д'Израэли обнаружилъ, что министръ съ умысломъ воспользовался нѣсколькими строками изъ похвальнаго слова маршалу Гувіонъ-Сенъ-Сиръ, напечатаннаго въ *Revue trimestrielle* и переведеннаго въ *Morning chronicle*, по его же указанію.

тельную трубу къ своему кривому глазу, и объявилъ, что онъ не видитъ сигнала, который запрещалъ ему побѣдить (*).

Храмъ св. Павла долгое время былъ отворенъ, для желающихъ видѣть убранство церкви на церемонію погребенія. Многие пожелають, вѣроятно, видѣть покой, гдѣ жилъ герцогъ, и родственники его, надобно полагать, не захотятъ отказать въ этомъ публикѣ. Домъ герцога—дань народной признательности, украсенъ приношеніями двухъ свѣтовъ. Это настоящій историческій и біографическій музей, въ которомъ трофеи, по большей части, образцы изящныхъ искусствъ.

Парламентъ оставался до сихъ поръ въ бездѣйствіи, и былъ созданъ въ ноябрѣ, кажется для того только, чтобы присутствовать при похоронахъ герцога. Теперь палаты начинаютъ по немногу скидывать свой нравственный трауръ, и позволяютъ партіямъ вступать въ парламентскія схватки, при которыхъ покойный герой-министръ (the warrior-statesman) сохранялъ то же хладнокровіе, какъ и на поляхъ сраженій.

Г. Вильерсъ и г. д'Израэли спорятъ теперь, кто изъ нихъ установитъ смыслъ вопроса. Г. Вильерсъ требуетъ, чтобы парламентъ объявилъ, что государство обязано своимъ настоящимъ благосостояніемъ свободной торговлѣ, противъ которой теперешніе министры всегда возставали; а г. д'Израэли хочетъ, чтобы парламентъ вмѣнилъ этимъ министрамъ въ обязанность, согласовать свои мѣры съ этимъ закономъ, то есть, чтобы принудилъ ихъ остаться при управленіи двумя и держаться въ нихъ политики ихъ предшественника. И такъ, свободная торговля принята кабинетомъ, подъ названіемъ *неограниченнаго состязанія* (unrestricted competition). Лордъ Пальмерстонъ понялъ, что онъ можетъ втолкнуть свою политическую личность между двумя крайностями, и воспользовался случаемъ.

Каково бы ни было собраніе голосовъ, каковъ бы ни былъ результатъ его, кабинетъ во всякомъ случаѣ удовлетворилъ тѣхъ, которые упрекали ему за двуличность. Эти *двойственныя* мнѣнія подали г. Маклею богатую тему къ остроумнымъ насмѣшкамъ, въ рѣчи его къ своимъ эдимбургскимъ избирателямъ. Рѣчь эта, изъ

*) Что сказалъ бы Нельсонъ, непримиримый врагъ Франціи, слыша прекрасную рѣчь, въ которой лордъ Дерби навболѣе восхваляетъ Веллингтона за то, что онъ предпочиталъ миръ войнѣ, и благодаритъ не только давнихъ союзниковъ Англіи, прибывшихъ на похороны герцога, но и Францію, «иногда врага ея, которая, забывъ старинное національное предубѣжденіе, доказала присутствіемъ своего представителя, свое уваженіе къ славыи памяти покойнаго».

всѣхъ произнесенныхъ до сихъ поръ, одна получила нѣкоторую известность, хотя была произнесена и не въ парламентъ. Едва оправившійся отъ болѣзни, г. Маколей вынужденъ былъ отложить нѣсколько вопросовъ, которые намѣревался обсуживать, но онъ сказалъ довольно, чтобы высказать программу партіи, подъ эгидою которой онъ снова вступаетъ на политическое поприще. Припомнивъ имена друзей, которыхъ онъ не видѣлъ уже на скамьяхъ палаты, г. Маколей бросаетъ взглядъ на пятилѣтіе, истекшее съ того времени, какъ отказался отъ парламенскихъ занятій: «никогда, говоритъ онъ, не совершилось въ одно пятилѣтіе столько важныхъ событій; никогда столь краткое время не оставило по себѣ нравственнаго урока, долге назидательнаго. Въ этотъ періодъ мы прожили болѣе урочныхъ лѣтъ человѣческой жизни. Революція нѣсколькихъ вѣковъ скупилась въ нѣсколько мѣсяцевъ. Франція, Германія, Венгрія, Италия.... что расскажем ваши лѣтописи! Отъ предѣловъ Россіи до береговъ Атлантическаго Океана, внезапно распространились смутеніе и ужасъ. Улицы многихъ столицъ Европы были загромождены баррикадами, облиты кровію. Домъ Орлеанскій покинулъ Францію, Папа бѣжалъ изъ Рима, Вѣнскій дворъ въ опасности, народныя учрежденія въ Флоренціи, народныя учрежденія въ Неаполь, демократическое собраніе въ Берлинъ. Вы вѣрно хорошо помните, какъ разсудительные и благонамѣренные друзья прогресса, люди привыкшіе видѣть борьбу при политическихъ переворотахъ, отчаявались и переставали надваться на успѣхи человѣчества. Вы помните, какъ всѣ ненависти—національная, религіозная и общественная,—вспыхнули въ одно время съ политическими. Я самъ, при всѣхъ пылкихъ надеждахъ моихъ на грядущее, начиналъ уже думать: не суждено ли намъ отступить изъ образованности XIX-го столѣтія въ варварство V-го вѣка. Я помню, какъ Адамъ Смитъ и Гиббонъ увѣряютъ насъ, что набѣги Гунновъ и Вапдаловъ не угрожаютъ болѣе Европѣ; но они не могли предвидѣть, что въ столицахъ образованнаго міра, въ сосѣдствѣ великолѣпныхъ палатъ, храмовъ, бібліотекъ, театровъ, музеевъ, порокъ и невѣжество могутъ породить племя варваровъ, болѣе ужасныхъ, нежели Гунны Аттилы, болѣе разрушительныхъ, нежели Вандамы Гензерика. Велика была опасность; она миновала—и образованность спасена,—но какою цѣною?—Г. Маколей, начертивъ картину многихъ контръ-революцій Італіи, Германіи и Франціи, радуется, что Англія умѣла избѣжать этихъ гибельныхъ испытаній и одна устояла среди окружающихъ ее развалинъ. «Изступленіе 1848 года не опрокинуло нашего трона»—говоритъ г. Маколей. Реакція, бывшая послѣдствіемъ этого изступленія, не поколебала нашихъ льготъ. Почему же это?.. Почему страна

наша,—тогда какъ десять язвъ Египетскихъ, опустошали все окрестія нея, оставалась землею обтованною? Повсюду бури, ужасныя опустошенія;—у насъ тишина и спокойствіе. Повсюду тьма, *видимая* тьма;—у насъ свѣтъ въ каждомъ домѣ. Мы обязаны этимъ, во первыхъ Всевышнему,—а потомъ нашей мудрой конституціи,—дву великихъ политиковъ многихъ поколѣній. Возблагодаримъ Создателя, научающаго насъ примѣрами другихъ, а не собственнымъ опытомъ, и воспользуемся урокомъ. Познаемъ цѣну нашихъ установленій, очистимъ, дополнимъ ихъ, но не уничтожимъ. Будемъ избѣгать крайностей, не потому только, что каждая крайность есть несомнѣное зло, но потому, что каждая крайность порождаетъ крайность противоположную. Если мы хотимъ сохранить свободу гражданскую и религіозную, поддержимъ, въ случаѣ опасности, законъ и порядокъ. Да, ММ. Гг., если льготы наши устояли посреди всеобщей неволи, это потому, что въ бурю революцій, мы дружно присоединились къ нашему правительству, мы поддержали его въ опасности, и если насъ спросятъ, зачѣмъ мы поддерживали его, когда другіе народы опрокидывали свои правительства, мы ответимъ, потому что наше, если и не совершенное, было правительство хорошее; что его недостатки можно исправить путями мирными и законными, что оно не отвѣчаетъ непреклоннымъ отказомъ на справедливыя требованія, и что мы вымогаемъ неоцѣненные уступки, не бьемъ въ набатъ, не разбирая мостовыхъ и не вламываясь въ оружейные склады,—во силу убѣжденій и властію общественнаго мнѣнія».

Въ подтвержденіе словъ своихъ, г. Маколей указываетъ на парламентскую реформу 1831 года и на реформу торговли 1846. два преобразованія, изъ которыхъ надобно стараться сохранить второе и расширить кругъ дѣйствій перваго, не преступая однако предѣловъ прогресса законнаго, и согласуясь съ видами правительства. Г. Маколей желаетъ, чтобы кабинетъ держался партіи Вигговъ. Онъ хочетъ распространить права выбора, и предоставить ихъ новому сословію гражданъ; но онъ далекъ отъ мысли употребить насильственные мѣры противъ торіевъ. Что касается до сословій, которыхъ именемъ реформы, объявляетъ онъ: право подавать голоса и улучшеніе ихъ быта, онъ объявляетъ имъ, что болѣе нежели когда нибудь недоверять *соціализму* и всѣмъ другимъ *измамъ*, которые, по его мнѣнію, не могутъ быть переведены на чисто-Англійской языкъ, иначе какъ словомъ *robbery*, (воровство); потому что секты всѣхъ этихъ *измовъ* могутъ сдѣлать богатаго *бѣднымъ*, но бѣднаго *богатымъ* никогда не сдѣлаютъ. Изъ этой рѣчи видно, что Вигги вовсе не намерены идти по слѣдамъ радикаловъ, но что они гонятъ

принять въ среду свою тѣхъ изъ нихъ, которые удовольствуются реформою конституцій, въ предѣлахъ реформы, опредѣленныхъ самою конституціею. Подсмѣиваясь надъ Торіями, вздумавшими сдѣлаться на время приверженцами свободной торговли, чтобы обеспечить свой выборъ, г. Маколей указываетъ на Лорда Медстона, отвергнутого Вестминстерскими избирателями, не смотря на его увѣренія въ приверженности къ преобразованіямъ Сира Роберта Пила, указавъ ему на написанную имъ сатиру противъ свободной торговли. «Легко было открыть поэтическое мнѣніе Лорда Медстона, продолжаетъ г. Маколей. Будучи самъ избирателемъ Вестминстерскимъ, я купилъ экземпляръ его поэмы у книгопродавца, который признался мнѣ, что цѣлое изданіе лежитъ непочатымъ въ его лавкѣ». Лордъ Медстонъ простилъ бы, можетъ быть, г-ну Маколею насмѣшку надъ тѣмъ, что онъ не попалъ въ парламентъ, но какъ простить насмѣшку надъ сочиненіемъ? *Genus irritabile vatum* внушилъ ему ѣдкое посланіе къ историку, гдѣ онъ говоритъ, что если г. Маколей выгоднѣе продавалъ свою прозу, чѣмъ онъ свои стихи, такъ это потому, что онъ дополнялъ исторію небывлицами. Эта парафраза извѣстнаго изреченія Буало къ Шапелену: «*que n'écrit-il en prose?*» вовсе не тронула г-на Маколея и онъ даже не удостоилъ Лорда отвѣтомъ.

Г. Маколей только мимоходомъ упомянулъ о своихъ видахъ относительно новыхъ узаконеній для колоній, которыя будутъ однимъ изъ главныхъ предметовъ преній на предстоящихъ засѣданіяхъ. Онъ не вѣритъ предсказаніямъ тѣхъ, которые предполагаютъ, что вскорѣ Колоніи отпадутъ отъ Англіи, и по его мнѣнію, при свободной торговлѣ, всегда останется неразрывная связь между Англіею и тѣми изъ сыновъ ея, которыхъ она будетъ одѣвать, вооружать и снабжать всѣмъ нужнымъ со станковъ своихъ мануфактуръ.

Говоря о Колоніяхъ, мы припомнимъ себѣ о прибытіи въ Лондонъ уполномоченнаго съ острова Питкерна (Pitcairn), самой странной изъ Англійскихъ колоній. Народонаселеніе этого острова составилось первоначально изъ возмущившихся матросовъ, которые, подъ предводительствомъ Джона Адамса, поселились тамъ съ своими женами, wybranными посреди нѣжныхъ Тагитянокъ. Число подданныхъ этой республики простирается до 170. Статистическія таблицы на 1851 годъ представляютъ слѣдующія цифры: родившихся 12; умершихъ 2; браковъ 3. Посланникъ называется г. Ноббсъ, который исполняетъ въ своемъ *разнородномъ* отечествѣ, три должности: хирурга, школьнаго учителя и пастора, въ теченіи двадцати четырехъ лѣтъ. Ему обязаны жители за то, что остались Англичанами и Англиканцами. Пасторомъ онъ сдѣлался по собственному

назначенію, и прїѣхалъ въ Лондонъ, чтобы быть посвященнымъ въ этотъ санъ Епископомъ отечественнаго исповѣданія. Г. Ноббсъ не принадлежалъ къ возмутившемуся экипажу. Когда онъ ѣздилъ въ Питкернъ, Джонъ Адамсъ жилъ еще, этотъ патриархальный морякъ, который самовластно сдѣлался и политическимъ и духовнымъ пастыремъ своихъ товарищей и дѣтей ихъ. Г. Ноббсъ пріобрѣлъ его довѣріе, и по смерти Адамса избранъ ему въ преемники. Г. Ноббсъ съ радостію принялъ эту должность, восхищаясь, что будетъ имѣть случай поучать это сборное племя, замѣчательное своею красотой, тихое и простодушное, какъ праотцы матерей его, утратившее обычай пить грогъ, какъ пили его отцы. Цѣломудріе сохраняется тамъ, какъ изъ повиновенія правиламъ вѣры, такъ равно и вслѣдствіе умеренной пищи, которая состоитъ преимущественно изъ фруктовъ, картофеля и плодовъ хлѣбнаго дерева. Потомки Англичанъ и Тагитанокъ поняли, что они не могли быть христіанами, не принявъ отъ христіанъ таинства брака, и бракъ съ издавна почитается у нихъ главнѣйшимъ торжествомъ. Они соблюдаютъ также дни воскресные, съ пабожностію. Въ этомъ новомъ эдемѣ есть гражданскій правитель: Президентъ этой республики, избираемый народомъ. Въ выборы участвуютъ также и женщины. Каждый годъ, 1-го Января, 170 жителей Питкерна собираются, повѣряютъ списокъ кандидатовъ, и избираютъ новаго правителя, или утверждаютъ прежняго. Г. Ноббсъ, въ теченіи двадцати пяти лѣтъ исполняетъ должность президента этой республики, а вмѣстѣ съ тѣмъ должности наставника, врача и евангелическаго пастора. Почтенный президентъ, недоумѣвая насчетъ правъ своихъ на званіе пастора, задумалъ побывать въ Англии, для посвященія въ этотъ санъ, и просилъ, приставшаго къ острову, Адмирала Моресби взять его съ собою. Извѣстіе объ отъѣздѣ правителя, распространило тревогу въ республикѣ: народъ стекался на чрезвычайное собраніе, дѣти начали уговаривать отца. Безъ него, какъ жить, какъ жениться, какъ быть матерью, какъ умирать? Зачѣмъ искать ему новыхъ правъ на привязанность народа? развѣ его не довольно уважаютъ, не довольно любятъ, не ежегодно избираютъ въ продолженіе цѣлой четверти вѣка? Но когда г. Ноббсъ сказалъ, чего ему недостаетъ, жители уступили этому убѣжденію, и покорились судьбѣ своей, съ условіемъ, что адмиралъ Моресби оставитъ на островѣ, въ видѣ заложника и въ замѣнъ ихъ пастора, своего собственнаго Каптана. Въ ноябрѣ г. Ноббсъ былъ въ Англии; онъ посвященъ уже въ духовное званіе, и собирався отправиться въ Питкернъ, чтобы поспѣть къ концу Января; въ выборѣ своемъ онъ не сомнѣвается. Говорятъ, что...

одно желаніе быть посвященнымъ въ духовное званіе побудило президента республики Питкернъ прибыть въ Англію; онъ имѣлъ и политическіе виды. Островъ Питкернъ кажется ему слишкомъ тѣснымъ для его республики,—онъ желалъ бы, чтобы ему уступили Норфолькъ, куда онъ намѣревается перевести своихъ согражданъ. Тамъ было бы имъ привольнѣе заняться земледѣліемъ, обработать нѣсколько гектаровъ лѣсу, сѣять зерновой хлѣбъ, строить фермы, разводить рогатый и мелкій скотъ и проч. Между тѣмъ, какъ теперь стада ихъ состоятъ только изъ нѣсколькихъ козъ и свиней, и они воздѣлываютъ одинъ картофель, а президентъ ихъ, по званію врача, утверждаетъ, что картофель располагаетъ къ желчнымъ страданіямъ. Въ Норфолькѣ они могли бы построить большія лодки для рыбной ловли, а въ послѣдствіи и дечныя суда, тогда какъ теперь у нихъ одни *пурджи*, какъ у дикихъ. Какой несчастный внушилъ Питкернской республикѣ эти честолюбивые замыслы?... Одинъ изъ членовъ парламента, знаменитый статистикъ, спросилъ у г-на Ноббса въ какомъ положеніи бюджетъ его республики? Президентъ признался, что островъ имѣлъ наличности, въ монетѣ, всего 200 долларовъ! Членъ парламента улыбнулся.... Кто знаетъ, сколько гибельныхъ послѣдствій таится въ этихъ 200 долларахъ для будущности простодушныхъ потомковъ экипажа фрегата *Bounty*!...

Перелетимъ теперь изъ Тихаго океана въ Ледовитое море: есть извѣстія, не о капитанѣ Франклинѣ, но о Сирѣ Эдуардѣ Бильчерѣ (*Belcher*), полученныя съ небольшимъ судномъ *принцъ Албертъ*, снаряженнымъ въ полярную экспедицію г-жею Франклинъ, для отысканія ея супруга. Нѣсколько дней предъ прибытіемъ *принца Алберта* къ острову *Бичи* (*Beechy-Island*), Сиръ Эдуардъ Бильчеръ отправился оттуда, чтобы проплыть чрезъ проходъ, указанный капитаномъ Пенни на румбъ N N-Θ *Веллингтоновскаго* канала, ведущій къ населеннымъ странамъ, простирающимся вѣроятно до Восточныхъ береговъ Малой Азіи. Если Сиръ Эдуардъ Бильчеръ проплылъ чрезъ этотъ проходъ, можно полагать, что и капитанъ Франклинъ прошелъ чрезъ него, и, вѣроятно, оставилъ какіе нибудь слѣды своего плаванія. Лаперузъ свѣрныхъ морей все еще живетъ въ воображеніи своихъ соотечественниковъ.

Послѣ великолѣпнаго зрѣлища похоронъ герцога Веллингтона, воображеніе англичанъ осталось празднымъ. Настоящее время благоприятно для какого-нибудь важнаго событія, для новаго открытія, даже для новой драмы или новаго романа, которые могли бы теперь воспользоваться чрезвычайнымъ раздраженіемъ публичнаго любопытства.

Въ литературномъ царствѣ есть новость, хотя и не совсѣмъ животрепещущая, но овладѣвшая всеобщимъ вниманіемъ, и не уступающая, уже нѣсколько мѣсяцевъ, симпатіи публики, ни одному изъ своихъ согражданъ. — Это романъ: *Uncle Tom's Cabin, or negro life in the slave States of America, by Harriet Beecher Stowe*, (жизни дяди Томаса, или жизнь Негровъ въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, соч. Гарриетъ Бичеръ Стювъ). Съ юнаго мѣсяца издано въ Англіи до 150,000 экземпляровъ этого романа, имѣвшаго первоначально невѣроятный успѣхъ въ Америкѣ. Шестъ изданій (великолѣпное и иллюстрированное для аристократіи; ком-фортебельное, въ хорошемъ переплетѣ, — для средняго класса; изданіе по одному шиллингу, — для черни) уже истощены. Успѣхъ, которымъ не пользовались книги болѣе замѣчательныя: *Донъ Кихотъ*, *Гамлетъ*, *Потерянный рай*. Этотъ чрезвычайный успѣхъ произведенія весьма обыкновеннаго таланта есть слѣдствіе нравственнаго явленія, совершенно современнаго, о которомъ предки наши не имѣли даже и понятія.

Наши вѣкъ гордятся желѣзными дорогами, пароходами, электрическими телеграфами, — побѣдою надъ пространствомъ и временемъ, всеми механическими средствами, облегчившими и ускорившими сообщеніе людей между собою, между тѣмъ, какъ въ наше время появился нравственный феноменъ, болѣе удивительный всѣхъ этихъ диковинокъ: это быстрота, съ которою всѣ недуги, всѣ страданія находятъ голосъ и предстателя. Теперь, куда бы ни скрылось страданіе, гдѣ-бы ни совершилась несправедливость, невидимое око видитъ, невѣдомый голосъ доноситъ о совершающейся несправедливости, о претерпѣваемыхъ страданіяхъ. Зло также торжествуетъ какъ и прежде, добра не болѣе какъ было, — но зло не остается втайнѣ. Едва совершилось преступленіе, уже всѣ отголоски повторяютъ его, и какъ въ вносказаніи о царѣ Мидасѣ, прибрежный тростникъ шепотомъ передаетъ тайну втрамъ, которые разносятъ ее во всѣ концы вселенной. Какая-то странная восприимчивость, неустанный раздраженіе нервъ, добродѣтель двусмысленная, смѣсь внутренняго упрека съ сердечнымъ влеченіемъ, будять, тревожатъ ежеминутно совѣсть современнаго человѣка, и возмущаютъ его противъ зла, неволью, нехотя, вопреки его выгодамъ, его страстямъ, его востыдной любви къ спокойствію. Эта человѣческая совѣсть, порожденная христіанскимъ ученіемъ, теперь бдительнѣе чѣмъ бывала, хотя теперь она вещественнѣе, болѣзненнѣе, не такъ чиста какъ прежде. Теперь въ ней есть примѣсь жалкихъ недостатковъ: сентиментальности, чувственности, такъ не охотно смотрящей на страданія, она

воображенія, поражающаго первы слишкомъ вѣрнымъ представленіемъ вещественныхъ предметовъ; тонкости анализа, развѣтой до крайнихъ предѣловъ, способствующей уму объять всякія дѣйствія и изслѣдовать его до самыхъ мелочныхъ явленій; ужаса возбуждаемаго страданіемъ; страха отъ опасности. Всѣ эти чувства, всѣ инстинкты современнаго челоука входятъ въ составъ умственной тревоги, — этого нравственнаго безпокойства. Но не смотря на эту странную смѣсь, сохранимъ нашу раздражительность, поддержимъ это нравственное безпокойство, и не будемъ удерживать побужденіе, которое всегда и повсюду всенародно обнаруживаетъ зло. Можетъбыть, это наша послѣдняя добродѣтель, которая удерживаетъ насъ отъ совершеннаго паденія. Такъ утѣшается французскій журналистъ, и продолжаетъ:

Кто не совершенно отказался отъ всякихъ сношеній съ людьми, тотъ ежедневно можетъ убѣдиться изъ словъ пріятеля, изъ романа, изъ журнала, изъ путешествій, даже изъ прогулки—о преобладаніи зла. Новѣйшая литература вовсе не источникъ наслажденій, это тяжкая греза, мучительная и утомительная фантазмагорія. Слышите ли вы эти крики, эти проклятія, эти жалобы, раздающіяся въ новѣйшихъ сочиненіяхъ? Видите ли длинный кортежъ лицъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ, блѣдныхъ, болзвенныхъ, скорбящихъ, страждущихъ всеми недугами души и тѣла, изнуренныхъ нравственными и физическими лишеніями, — это герои новѣйшихъ романовъ. Долгое время, вниманіе свѣта привлекали отчаянные юноши, безнравственная женщины, Байроновскіе витязи. Мало по малу къ нимъ присодинилась безобразная толпа дѣтей въ лахмотьяхъ, оболыщенныхъ дѣвицъ, подозрительныхъ авантюристовъ, желчной черни и гражданъ въ бреду: цѣлый отрядъ людей честныхъ и преступныхъ, смиренныхъ и сварливыхъ, чистыхъ и грязныхъ. Блестки суетности, рублище нищеты, грязь порока, образуютъ такъ сказать почву, на которой дѣйствуютъ эти люди, съ изступленными чувствами и рѣчами. Что можемъ мы привести изъ прежнихъ сочиненій, хотя нѣсколько похожее на современные. Нѣсколько строкъ изъ Лабрюера о состояніи хлѣбопашцевъ; нѣсколько отрывковъ изъ Фенелона, и потомъ примѣръ какого-нибудь развратника, который какъ *Рочестеръ* пресыщенный, усталый, скучая всѣмъ, усвоилъ чувства, описанныя Лукреціемъ и Байрономъ. Но какъ сравнивать эти строки, эти исключительныя личности, съ необузданной пылкостью страстей, съ *наготою* выраженій, съ суровостію картинъ и описаній, съ смѣсью добра и зла, проклятій и молитвы, которыми наполнены сочиненія новѣйшихъ писателей!

Последній доносъ на общественную несправедливость полученъ изъ Америки, подъ заглавіемъ: *Uncle Tom's cabin* (хижина дяди Томаса), это рѣзкое изображеніе, исполненное ужаса, и ужаса весьма разнообразнаго, жизни негровъ въ южныхъ штатахъ. Авторъ этой книги женщина Мистрисъ *Гарриэтъ Бичеръ Стовъ*. Изъ всѣхъ возникающихъ противъ несправедливости, наиболее числомъ женщинъ, какъ существъ болѣе воспримчивыхъ, одаренныхъ болѣе впечатлительнымъ воображеніемъ, преобладающихъ въ свѣтъ и пользующихся нѣкоторымъ господствомъ надъ нами, благодаря ихъ слабости и ихъ общественному положенію. Книга эта, упавшая посреди страстей и мнѣній, раздѣляющихъ Америку на двѣ враждебныя арміи, воевающія за несчастный вопросъ о рабствѣ негровъ, произвела дѣйствіе мѣся на огонь и приобрѣла успѣхъ, неслыханный доселѣ въ Соединенныхъ Штатахъ. Ее продавали сотнями тысячъ, — ее читали все сословія. Она принесла радость на сѣверъ и раздражила югъ. Для успѣха этой книги ни въ чемъ не было недостатка: она раскуплена въ самое короткое время, доставила автору огромныя суммы, выдержала нѣсколько изданій и не избѣгла нападеній. Недавно югъ Америки отпичалъ на нее устами Мистрисъ Истменъ (*Mrs Eastman*) въ романѣ подъ заглавіемъ: *Aunt Phillis's cabin, or Southern life as it is* (хижина тетки Филлиды или южная жизнь, какъ она есть). Но возраженіе не стоитъ дяди Томаса. Здѣсь какъ и во всякомъ возраженіи, находимъ мы только фактъ необработанный, позитивный, вещественный, пошлую похвалу, сентиментальный анекдотъ, картину счастья идеальнаго и невозможнаго.

Намъ нечего воевать съ южными штатами американскаго союза или сентиментальничать, сострадая участи негровъ. Всѣ внимательно слѣдящіе за политическимъ движеніемъ сѣверной Америки, знаютъ затрудненія, возникшія по вопросу о рабствѣ негровъ. Будетъ ли оно отмѣнено или нѣтъ, во всякомъ случаѣ не обойдется безъ кровопролитія, междоусобій, борьбы породы и цвѣта. Если рабство будетъ отмѣнено, что дѣлать съ тремя милліонами негровъ и мулатовъ и какъ отъ нихъ отдѣлаться? Если оставить негровъ невольниками, какъ избѣгнуть междоусобій? Какіе политическіе перевороты предстоятъ штатамъ? Неволя негровъ не можетъ быть отмѣнена иначе какъ постепенно и слѣдствіемъ особыхъ обстоятельствъ въ каждомъ штатѣ.

Въ книгѣ Мистрисъ Стовъ недостаетъ единства дѣйствій. Это панорама, сцены безъ связи между собою, которыя легко удерживать и каждая изъ нихъ составитъ полное цѣлое. Въ этомъ романѣ есть двѣ три отдѣльныя повѣсти, слѣпленные вмѣстѣ и перемѣшанные

между собою такъ, что онъ похожъ на книгу, составленную изъ листовъ разнаго формата, напечатанную на бумагѣ разныхъ цвѣтвъ. Вотъ главный недостатокъ, но есть и достоинство, рѣдкое въ нынѣшнее время: Авторъ не надобдаеть читателю ни излишествомъ анализа, ни неумѣстными толкованіями. Онъ рассказываетъ, что видѣлъ, просто, безъ всякихъ притязаній; замѣчаній и философическихъ разсужденій очень мало; факты, только одни факты. Книга идетъ прямо къ своей цѣли, съ первой страницы до послѣдней: видно что авторъ не только наблюдатель. Мистрисъ Ствъ аболіціонистка (приверженець отмѣны неволи негровъ) и аболіціонистка изступленная; она ничего не забываетъ, не пропускаеть ни малѣйшей подробности въ печальныхъ картинахъ жизни негровъ — у ней все идетъ въ прокъ и она говоритъ настоятельно, съ какимъ то скрытымъ, подавленнымъ гнѣвомъ, съ язвительною ироніею. Не говорите ей о искусствѣ, о художественной отдѣлкѣ, о литературѣ, о единствѣ повѣсти; она отвѣтитъ вамъ, что не для того писала свою книгу. Личности, видныя ею съ одной стороны, — она списываетъ только силуэтами, но списываетъ непременно. Если ей удалось схватить нѣсколько словъ изъ случайно слышаннаго разговора, она передаетъ только эти слова, но ни за что въ свѣтъ не пропуститъ ихъ. Книга ея не поэма, построенная на какомъ нибудь отдѣльномъ фактѣ, — это вся ея опытность, вся ея замѣтки о жизни черныхъ. Это новѣй Жильблазъ, не по аналогіи содержанія, но по сходству изложенія. Какъ *Tom Jones* есть перечень наблюденій Фильдинга, *Жильблазъ* перечень наблюденій ле-Сажа, *uncle Tom's Cobine* есть перечень наблюденій автора въ особомъ мірѣ черныхъ невольниковъ. Что касается до слога, онъ чистъ безъ притязаній, иногда силенъ, часто краснорѣчивъ. *Хижина Томаса* книга интересная, имѣеть еще то достоинство, что высказываетъ именно то, что авторъ хотѣлъ высказать, и имѣеть ту важность, какую онъ хотѣлъ придать ей.

Современные литераторы съ завистью смотрять на успѣхъ романа Мистрисъ Бичеръ Ствъ. Предъ ея чернымъ философомъ Соединенныхъ Штатовъ блѣднѣють всѣ герои въ три тома, *Esmont* Теккерея, судебные мученики *Bleak-House*, которыхъ Дикенсъ морить помѣсячно безконечною тяжбою, и другіе имъ подобные. Впрочемъ идея Мистрисъ Ствъ не новая. *M-rs Trollope* еще прежде написала чернѣй романъ: *Teffevson Whitlaw*; *M-rs Child* тоже описала жизнь негровъ въ своей *Негрятникѣ*, и книга *M-rs Stowe* есть только передѣлка романа *M-rs Child*. *Негрятника* есть личность болѣе истинная, чѣмъ *дядя Томасъ*. Г-жа Чайльдъ

свѣдущіе въ литературѣ г-жи Стовъ, а г-жа Троллопъ болѣе своеобразна въ изобрѣтательности.

«Я забылъ включить *Негра въ мою книгу*», сказалъ Теккерей, поздравлявшему его съ продажею десяти тысячъ экземпляровъ *Эсмонты*. Впрочемъ г. Теккерей доволенъ и этимъ успѣхомъ. *Эсмонтъ* есть лучшее его произведеніе. Этотъ историческій романъ напоминаетъ лучшіе романы Вальтеръ Скотта и Бульвера. Драма принадлежитъ къ царствованію королевы Анны; Авторъ изучилъ замѣчательныя личности этого времени, которыя служатъ вводными лицами въ его романъ. Мы читали сочиненія Свифта, Болингброка. Стиля и Адисона; въ романъ Теккерей они живутъ, мы слышимъ разговоръ ихъ, то въ гостинной, то передъ каминомъ, въ плафокъ и въ туфляхъ. Знаменитые полководцы, въ томъ числѣ и Мальборугъ, играютъ важныя роли въ *Эсмонтъ*. Королева, братъ ея, придворные, интриганты всѣхъ партій, рассказываютъ тутъ свои задушевыя мысли. Рамка дѣйствія хорошо придумана. Полковникъ Эсмонтъ лицо выдуманное, съ прекраснымъ характеромъ. Онъ любитъ очень милую двушку, но какъ мать ея еще милѣе дочери, Эсмонтъ женится на матери. Поступокъ логическій, но никакъ не предвидѣнный. Авторъ не портитъ здѣсь своей повести ироническими выходками, какъ въ *Ярмаркѣ Тщеславія* и въ *Пенденисъ*. Въ этомъ романъ онъ серьезенъ даже въ мѣстахъ чувствительныхъ, а это прогрессъ въ искусствѣ возбуждать интересъ; хорошій романистъ долженъ болѣе заботиться о поддержаніи интереса, чѣмъ о блестящести ума. Въ слогъ г. Теккерей видно глубокое изученіе писателей выведенныхъ на сцену. Одинъ этотъ слогъ отличилъ бы уже Теккерей отъ всѣхъ его соперниковъ. Онъ достоинъ своихъ тонкихъ разборовъ: Стиля, Свифта, Фильдинга, Стерна,—разборовъ, которые вскорѣ будутъ изданы въ одномъ томѣ. *Эсмонтъ*, романъ правда что менѣе библическій какъ *дядя Томасъ*, но за то вовсе другаго значенія въ литературѣ; написанный съ искусствомъ, чуждымъ для Минстрисъ Стовъ, книга, которая понравилась бы Фильдингу, болѣе чѣмъ Рихардсону, но которую Рихардсонъ предпочелъ бы *Тому Джону* своего соперника.

Съ нѣкотораго времени въ Англіи поговариваютъ о созваніи духовенства. Это будетъ родъ духовнаго парламента, существующаго по установленіямъ и въ сущности, за сто пятьдесятъ лѣтъ предъ симъ. Только королева Англіи, какъ глава церкви, можетъ дать жизнь и слово этому годичному собору, который былъ установленъ въ Средніе вѣка, чтобы понудить духовенство нести подати наравнѣ съ прочими подданными ея величества. Это возмѣ-

повление много благоприятствовало бы видамъ тѣхъ, которые стараются о томъ, чтобы церковь была независима въ распредѣленіи доходныхъ мѣстъ, состоящихъ въ ея распоряженіи, [какъ равно въ разрѣшеніи многихъ догматическихъ вопросовъ, возникающихъ безпрестанно. Ничто однако же не подтверждаетъ положительно этихъ слуховъ.

Интересъ религіознаго вопроса Ирландіи не ослабѣваетъ. Г. Гедъ ужасно нападаетъ на католическое духовенство этой страны, въ сочиненіи своемъ: *прогулка по Ирландіи*.

Знакомецъ нашъ, Англо-Китайскій Астрологъ *Zadkiel Tao-sze* помѣстилъ въ своемъ астрологическомъ календарѣ гороскопъ Лудовика Наполеона. Мы готовы вѣрить предвѣщаніямъ по Шекспиру, *sortes shakspearianae*, какъ наши предки Среднихъ вѣковъ съ вѣрою вопрошали *Virgiliâ*, *sortes Virgilianae*. Этотъ оракулъ, какъ и древніе, требуетъ толкованія жрецовъ, а слѣдовательно ошибка можетъ быть только въ истолкованіи предвѣщанія, а не въ словахъ оракула. Мы вѣримъ даже въ ясновидѣніе, на слово шотландцамъ, которые увѣряютъ, что ихъ *seers* (вѣщунъ) предсказываютъ безошибочно. Но сознаемся, что мы не такъ доверчивы къ Астрологіи вообще, и къ Англо-Китайской Астрологіи г. Задкіэля въ особенности, и если приводимъ здѣсь гороскопъ Лудвига Наполеона, то это скорѣе какъ диковинку XIX вѣка, а не какъ дневникъ будущности новаго императора, тѣмъ болѣе, что *Zadkiel Tao-sze* порядкомъ ошибся въ предвѣщаніяхъ своихъ о судьбахъ Франціи на истекшій годъ.

По словамъ Астролога ошибка произошла отъ невѣрности данныхъ на время рожденія Лудвига Наполеона; (разница въ 11 часахъ). Исправивъ эту ошибку, г. Задкіэль напечаталъ въ своемъ календарѣ слѣдующую *тему рожденія* сына королевы Голландской.

Замѣчательныя положенія свѣтилъ небесныхъ при рожденіи принца Лудвика Наполеона суть слѣдующія:

«Луна въ точномъ аспектѣ *шестины* съ солнцемъ и Марсомъ, судя по опредѣленному знаку (т. е. эклиптики), Юпитеръ въ точной *шестинѣ* съ восходящимъ градусомъ и въ аспектѣ *Трины*, въ отношеніи градуса, имѣющаго наибольшую высоту; Луна также почти въ аспектѣ *Трины* съ серединою неба (зенитомъ); Меркурій и Венера въ тѣсномъ соединеніи, а луна въ склоненіи параллельномъ съ Юпитеромъ.»

Всѣ эти знаки, говоритъ астрологъ, имѣютъ благодѣтельное вліяніе, и предвѣщаютъ новорожденному великій геній, упорное

постоянство воли, дальновидность, и высокое честолюбіе. Меркурій, главный уредитель (регуляторъ) умственныхъ способностей, находится подъ вліяніемъ Марса, а Марсъ въ соединеніи съ солнцемъ, но въ шестинномъ аспектъ въ отношеніи къ лунѣ, по словамъ Птолемея: *положенъ со славою.*

Этимъ благопріятнымъ соединеніемъ противудѣйствуетъ знакъ Водолея: Сатурнъ противудѣйствуетъ лунѣ, но не благопріятныя соединенія истощили свое вліяніе въ испытаніяхъ, перенесенныхъ Луdivикомъ Наполеономъ на 28 году своего возраста (въ Стразбургѣ), и 29 году (кончина королевы Голландской), 38 (въ Булони). Съ тѣхъ поръ все ему удавалось въ 1848, въ 1851, 1852. Наприм. 2 декабря Юпитеръ проходилъ по своему среднему небу въ 11 градусахъ 24 минутахъ отъ Скорпіона, положеніе сидеральное, возвышавшее самый важный переломъ судьбы его и полный успѣхъ. Правда, что ему угрожаетъ тучка въ январь 1853 г.; но эта тучка безъ грозы. Въ маѣ того же года можно предполагать войну, но *соединенія* въ августѣ и ноябрѣ ему благопріятствуютъ. И въ февраль 1854 г. опасно враждовать съ нимъ, но по выводамъ Задкіама конецъ этого года можетъ быть для него бѣдственнымъ.

Здѣсь опять можно сомнѣваться въ дальновидности Задкіама. Наши читатели припомнятъ себѣ предсказанія ясновидящей, обшавшей ему осемнадцать лѣтъ благополучнаго царствованія.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Посильный взглядъ на выставку ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Художествъ.

Давно уже, кажется въ 1833 году, по случаю художественной Академической выставки, пущена въ оборотъ мысль, которая потомъ нѣсколько разъ повторялась, что мы *Русскіе, народъ, не литературный, а художественный*. Не входя въ разборъ внутренняго значенія этой мысли, допускающей существованіе искусства безъ литературы, я намѣренъ только сказать нѣсколько словъ о приложеніи ея къ намъ, Русскимъ. Безусловно согласиться съ этою мыслию сильно не хочется; а между тѣмъ видимость говоритъ въ пользу ея. Дѣйствительно, въ литературной нашей жизни и дѣятельности безпрестанно встрѣчаются явленія, которыя заставляютъ думать, или, по крайней мѣрѣ, навѣваютъ мысль, что мы пока еще не умѣемъ управляться съ литературнымъ искусствомъ. Конечно это не доказываетъ положительно нашей не-литературности; однако составляетъ сильный соблазнъ. Дѣло вотъ въ чемъ: художествами у насъ занимаются только художники, люди съ талантомъ, съ призваніемъ; а литературой—всѣ люди *граматные*. Но отъ чего же такъ? — Всѣ искусства требуютъ, кромѣ таланта, который дается Богомъ, много труда, изученія техническихъ приемовъ, требуютъ механическаго навыка и умѣнья соединять механизмъ искусства съ его духовною или идеальною стороною. Въ вещественныхъ искусствахъ все это очевидно, наглядно, такъ, что всякій, понимающій искусство, можетъ осязательно обличить и заносчиваго невѣжу и ловкаго самозванца-художника, покушающагося на присвоеніе себѣ художественныхъ значеній; а въ литературномъ искусствѣ, по неопредѣленности невещественныхъ формъ, при безпредѣльной заносчивости свѣтскихъ всезнаекъ, такое осязательное обличеніе рѣшительно невозможно. Попробуйте убѣдить самоудѣяннаго неуча или полуграматнаго недоучившагося смѣльчака, что

онъ не понимаетъ законовъ литературнаго искусства: — онъ вамъ наговоритъ бездну общихъ фразъ о Пушкинѣ, о Гоголѣ и другихъ писателяхъ, которыхъ онъ прочелъ «безъ толку по толкамъ, безъ складу по складамъ, прости Господи,» какъ сказалъ Кутейкинъ. Вы потребуете отъ него точнаго и положительнаго знанія дѣла, — онъ скажетъ вамъ: все это сухой мертвый педантизмъ, давно отгнѣтый и похороненный; тутъ шумный кружокъ обычныхъ слушателей и почитателей его оглушитъ васъ громкимъ хохотомъ, и вы замолчите, и онъ торжествуетъ. Отъ этой неопредѣленности въ самое ученіе вырывается много произвола, много эгоизма; а въ искусствѣ—многіе, не понявшіе еще хорошо своихъ силъ, принимая простой задоръ свой за талантъ, а естественную, но безосновательную страсть къ извѣстности—за вдохновеніе, наводняютъ литературу—то бездарно-говорливыми произведеніями, такъ называемою, беллетристикою, то рѣзко-смѣлыми, но неосновательными приговорами надъ добросовѣстными произведеніями ума и фантазій. А какъ русскій человекъ вообще по натурѣ своей любитъ все смѣлое, увлекается шумною отважностію; то часто, и очень часто, эти смѣльчаки у насъ берутъ перевѣсъ передъ истинными талантами, которые, по большой части, бывають или скромны до излишней уступчивости или горды до презрительности къ бурнымъ схваткамъ на перьяхъ. И вотъ, смотря на это господство бездарности въ литературѣ и чествованіе ея, люди, незнающіе закулисной дѣятельности писателей, а понимающіе только явленія, пожимаютъ плечами и говорятъ: «бѣдная литература!» Гдѣ-нибудь воображаетъ и считаетъ себя судьей, — тамъ нѣтъ судей; и оттого—то часто литературныя преступленія подъ покровительствомъ журнальнаго *мы*, виѣсто всякаго имени и авторитета, бродятъ по свѣту не только безнаказанно, но даже съ притязаніемъ на уваженіе.

Совсѣмъ другое дѣло въ области художествъ. Пусть попробуетъ какой-нибудь бездарный пачкунъ представить въ академію картину, подобную многимъ нашимъ повѣстямъ и романамъ, въ которыхъ нѣтъ ни живыхъ лицъ, ни соблюденія самыхъ необходимыхъ условій жизни и общественныхъ отношеній, ни искусства въ изображеніи природы и во вѣншей отдѣлкѣ; — ее осудятъ и отвергнутъ судьи опытные, избранные и пользующіеся общимъ довѣріемъ; и она законнымъ путемъ отправляется на толкучку, и оттуда на подобающее ей мѣсто, въ *харчевенное заведеніе* — услаждать зрѣніе невзыскательныхъ любителей искусствъ; — и она достигаетъ своей цѣли; — и люди образованные не видятъ этихъ противоположныхъ произведеній и не имѣютъ повода го-

ворить: «ваши живописцы не художники!» Хотите доказательствъ? — Пойдите въ Императорскую Академію Художествъ. Вотъ передъ нами длинные ряды академическихъ галлерей, наполненныхъ архитектурными чертежами и планами, произведеніями ваянія и преимущественно картинами. Здѣсь конечно вы можете встрѣтить многія попытки молодыхъ, еще неутвердившихся въ искусствѣ, художниковъ и созданія, которыя не удовлетворяютъ всѣмъ взыскательнымъ требованіямъ того или другаго изъ любителей; но при всей строгости суда вы не найдете здѣсь такихъ произведеній, которыя бы не заслуживали вниманія въ какомъ-либо отношеніи: одно обращаетъ на себя вниманіе, какъ попытка неопытнаго новичка, еще неизучившаго приемовъ искусства, но одареннаго талантомъ, и проникнутаго горячею любовью къ искусству, и стремящагося познать и усвоить тайны его; другое, — какъ созданіе знатока, твердо въ своемъ дѣлѣ и болѣе или менѣе сильнаго творца, способнаго и задумать и выполнять произведеніе, полное души и силы.

Это естественное различіе всего, что мы видѣли на Академической выставкѣ, обязываетъ cadaго посѣтителя Академіи смотрѣть неодинаково на всѣ представленныя произведенія. И такъ я дѣлю мой взглядъ не по родамъ и видамъ художествъ, а частію по расположенію выставки, частію же, такъ сказать, по возрасту художниковъ; потому что я пишу не художественно-учебный разборъ произведеній, находившихся въ Академіи, а простой отчетъ въ испытанныхъ мною, какъ простымъ любителемъ, впечатлѣніяхъ. Однако же надо признаться и въ томъ, что я пишу это не подъ влияніемъ первыхъ впечатлѣній и не по безотчетному увлеченію, которое происходитъ въ насъ отъ сочувствія къ однимъ произведеніямъ и нерасположенія къ другимъ; нѣтъ! каждое изъ нихъ я видѣлъ много разъ, всматривался въ нихъ долго и внимательно, задавалъ себѣ вопросы, относящіеся какъ къ общему содержанію произведенія, такъ и къ подробностямъ его, и старался, по крайнему разумію, объяснить себѣ все, замѣченное мною въ картинѣ; потому что — прошу простить мнѣ этотъ припадокъ самонадѣянности — мнѣ хотѣлось бы написать нѣчто значительнѣе эфемеридной статейки, представляющей игру: *кто впередъ, тотъ и хватъ!* Конечно не всѣ желанія наши сбываются, часто онѣ бываютъ и невозможны, не по силамъ; но вѣдь пріятно и пометать, и въ самообольщеніи есть очарованіе. Такимъ образомъ я начинаю съ произведеній учениковъ и вообще молодыхъ людей, которые не успѣли еще пріобрѣсти ни громкой славы, ни извѣстности, а между прочимъ буду касаться слегка и другихъ.

При самомъ входѣ въ круглую галлерей, — въ первой залѣ зритель встрѣчаетъ живописные опыты учениковъ натурнаго класса. Конечно здѣсь нельзя испытать тѣхъ ощущений, которыхъ мы ожидаемъ отъ разсматриванія изящныхъ искусствъ; да мы не въ правѣ этого и требовать здѣсь; надежда, предугадываніе: вотъ чѣмъ тутъ надо довольствоваться! Впрочемъ надежда и предчувствіе добра нерѣдко приносятъ больше удовольствія, нежели самая дѣйствительность. Натурный классъ въ живописи есть начало, на которомъ основывается все послѣдующее изученіе искусства; потому онъ очень важенъ въ ходѣ усвоенія художественныхъ пріемовъ будущимъ художникамъ. Доселѣ онъ писалъ только отдѣльныя части тѣла человѣческаго, не связывая ихъ въ цѣлое. Теперь онъ соединяетъ эти отдѣльныя несвязныя, такъ сказать, очерчительныя фразы въ полное выраженіе всѣхъ частей человѣка съ его душою и проявленіемъ страстей и стремленій; это стройное, правильно организованное описаніе, и притомъ описаніе сложное; это характеристика человѣка, какъ существа живущаго и дѣйствующаго въ мірѣ физическомъ и въ мірѣ духовномъ. Для успѣха въ изображеніи человѣка будущій художникъ долженъ изучить, во 1-хъ, тѣ части анатоміи, которыя даютъ точныя и вѣрныя понятія о размѣрахъ и нормальныхъ положеніяхъ костей и мышцъ; во 2-хъ, онъ не можетъ довольствоваться медицинскимъ изученіемъ этихъ частей тѣла въ ихъ только нормальномъ положеніи; ему надо знать всѣ измѣненія очертаній при неопредѣлиморазобразныхъ положеніяхъ тѣла, а въ 3-хъ, ему нужно подмѣтить и познать проявленіе страстей и движеній духа въ видоизмѣненіяхъ лица, въ этой безгласной рѣчи, во взорѣ, въ томъ зеркалѣ души, на челѣ, въ этомъ сѣдалищѣ ума съ роившимися около него мыслями. Слѣдовательно на этой степени ученія будущій художникъ утверждается въ правильности и строгости рисунка, и приобретаетъ умѣнье или искусство вызывать душу на лице человѣческое, искусство трудное и высокое, которое дается не многимъ счастливымъ. Кто не завладѣетъ этимъ искусствомъ, тотъ никогда не можетъ быть художникомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Нерѣдко случается видѣть произведенія художниковъ, которые кажется изучили и усвоили всѣ техническія пріемы, всѣ условія искусства, которые картинными своими очаровываютъ зрителя, но ничего не передаютъ его душѣ. Такъ бываютъ и литературные писатели, которые пишутъ много, бойко, живо, и даже увлекательно для чувствъ; но душа остается нисколько не затронута этимъ многословіемъ; по прочтеніи ихъ статей, хочешь дать себѣ отчетъ въ томъ, что вычиталъ, ищешь опредѣленныхъ мыслей, и ничего не находишь;

начинаешь даже сомнѣваться въ самомъ себѣ; спрашиваешь объ этомъ людей, на которыхъ можно положиться, и получаешь тотъ же самый отрицательный отвѣтъ; а между прочимъ и художникъ и писатель пользуются общимъ или почти общимъ уваженіемъ. Какъ ни странны эти случаи, но они неопровержимы. Отъ чего же это происходитъ? Конечно это иногда бываетъ отъ особеннаго настроенія духа и склонностей самою природою у этихъ мнимыхъ талантовъ—художниковъ и писателей; но чаще всего причиною такого вѣшняго блеска, неодушевленнаго никакой мыслию, бываетъ недостатокъ основательнаго изученія организаціи искусства. Въ томъ и другомъ случаѣ художникъ или писатель, начиная свою работу, не представляютъ себѣ предварительно полного образа задуманнаго или желаемаго произведенія, не вдумываются въ основную мысль или данную тему такъ, чтобъ всѣ подробности и частности созданія сами собою развивались изъ этого очерка, и принимали правильныя и стройныя формы по законамъ творческаго ума и фантазіи и по законамъ дѣйствительнаго міра. Они обыкновенно начинаютъ свое произведеніе смѣлымъ выраженіемъ перваго представленія, которое случайно родится въ душѣ ихъ, и дѣлаютъ такъ, что *выидетъ* изъ случайнаго сдѣлленія того что имѣетъ видъ мысли.

И такъ въ первой залѣ прежде всего встрѣчаются восемь этюдовъ съ ватуры, которые, вообще можно сказать, болѣе нежели удовлетворительны, а нѣкоторые даже отлично хороши, и даютъ право надѣяться, что молодые люди, исполнившіе ихъ, со временемъ пріобрѣтутъ большую и заслуженную извѣстность, ежели они будутъ основательно изучать искусство и позаботятся обогатить умъ и развить вкусъ чтеніемъ такихъ книгъ, которыя бы служили не для пріятнаго развлеченія; художникъ, какъ бы онъ ни былъ даровитъ, безъ стройнаго развитія всѣхъ душевныхъ силъ недалеко уйдетъ. Но какъ эти ученики, кромѣ, такъ называемыхъ, академическихъ этюдовъ, изображающихъ обнаженныя фигуры въ позахъ, болшею частію неестественныхъ или напряженныхъ и указанныхъ, представили на выставку еще произведенія, требующія въ исполненіи своемъ болѣе свободнаго соображенія и художественности; то я не намѣренъ говорить болѣе объ этихъ послѣднихъ; потому что главное и почти единственное достоинство первыхъ — строгая правильность рисунка, а строгостію рисунка Академія наша вездѣ извѣстна.

Первый этюдъ г. Берестова, ученика г. профессора Бруни; его же картина, въ залѣ подъ буквою Л, № 146, изображающая *мальчика*

съ бабками. Эта картина обращает на себя вниманіе, во первыхъ, своимъ выборомъ содержанія или предмета: молодой живописецъ взялъ предметъ изъ самой простой повседневной жизни низшаго званія людей; слѣдовательно онъ не любитъ заноситься въ міръ заоблачный, который часто бываетъ не по силамъ неопытной молодости, и который они почти всегда предпочитаютъ простымъ житейскимъ случаямъ; во вторыхъ, она замѣчательна тѣмъ, что представляетъ истинную, а не мнимую простоту безъ всякой изысканности и нарядности, а притомъ и безъ грязнаго цинизма, а устоять между этими двумя крайностями въ умѣренной срединѣ не легко; въ третьихъ, нельзя не замѣтить въ молодомъ живописцѣ той любви къ своему произведенію, съ которою онъ отдѣлываетъ его подробности: этотъ мальчикъ, не смотря на неестественный сѣрый колоритъ, кажется живымъ; онъ думаетъ, мечтаетъ, онъ хочетъ заговорить.

Хороши три этюда съ натуры г. Солдаткина, ученика г. профессора Маркова; но его изображеніе старика, также съ натуры, поставленное въ залѣ подъ буквою З, № 100, истинно превосходно для ученика натурнаго класса. Такое внимательное и подробное изученіе изображаемаго подлинника въ молодомъ человѣкѣ, посвятившемъ себя искусству, очень утѣшительно. Портреты и этюды гг. Ильинскаго, Келлера, Лотошмова, Годуна и др. всѣ болѣе или менѣе доказываютъ хорошія начала въ познаніи тайнъ искусства; но дѣйствительные успѣхи въ искусствѣ требуютъ многихъ условій и знаній внѣ рисовальнаго класса. Вотъ, наприимѣръ, въ той же залѣ, подъ № 11, небольшая картина г. Кобелева, ученика профессора г. Маркова, которая представляетъ *Ломоносова за чтеніемъ*, когда онъ былъ еще мальчикомъ въ домѣ отца своего. Крестьянскій мальчикъ въ рубашкѣ съ косымъ воротникомъ сидитъ на землѣ; на колѣнахъ у него лежитъ книга, которую онъ читалъ, но уже не читаетъ; она пробудила въ немъ какія-то неясныя мысли; онъ положилъ книгу и задумался, смотря неопредѣленно вдаль. Эта картина обнаруживаетъ много ума и теплоты сердца; а выборъ предмета доказываетъ художническую смѣлость и порывъ мыслить. Но Кобелевъ недостаточно вдумался въ свой предметъ; не хорошо понялъ характеръ Ломоносова; и потому изобразилъ мальчика съ тихою спокойною задумчивостію на лицѣ, въ которомъ проглядываетъ оттѣнокъ грусти, также тихой. Нѣтъ! не таковъ былъ Ломоносовъ: душу его наполняли тревожная, безпокойная жажда знаній; и чѣмъ темнѣе, чѣмъ неопредѣ-

леннѣе было его стремленіе, тѣмъ сильнѣе была буря души его; съ самого дѣтства и до послѣдняго вздоха не было мѣста въ душѣ его для тихой мысли, и на лицѣ для выраженія тихой задумчивости; вся жизнь его представляла или неукротимую борьбу съ препятствіями, или бурные восторги торжества. Какая высоко-дерзкая мысль въ головѣ юнаго рыбака, жившаго въ далекомъ дикомъ краѣ, забытомъ людьми и природой, въ началѣ оснадцатаго вѣка, когда и самыхъ дворянъ напихъ, отправляемыхъ въ школу, оплакивали какъ полупогибшихъ, искать знавій, Богъ знаетъ гдѣ! — Этотъ рыбакекъ, на зло судьбѣ и обстоятельству, идетъ полуодѣтый въ трескучіе морозы за 1500 верстъ искать науки, искать разрѣшенія заданныхъ самому себѣ вопросовъ, пренебрегая опасностію умереть съ голоду, замерзнуть на дорогѣ, или быть растерзаннымъ волками. Нѣтъ, его лице, всѣ его движенія должны выразять тревогу. Да, изучайте, молодые художники, тѣ лица, которыя вы хотите изображать; изучайте ихъ характеры, ихъ положеніе въ обществѣ; безъ этого вы напрасно будете хлопотать дать имъ значеніе и занимательность. Конечно, жизнь Ломоносова есть сильная высокая поэма, начертанная несповѣдимую судьбою Промысла, а исполненная собственнымъ его гениемъ; но онъ лице историческое; слѣдовательно вашъ идеалъ объ немъ долженъ быть не только правдоподобенъ, но и вѣренъ дѣйствительности; скажу болѣе: онъ, возбуждая въ созерцателѣ высокія мечты и помыслы, долженъ сообщить ему прозаическую положительность знавій.

Въ той же залѣ достойны замѣчанія еще два этюда, или, лучше сказать, два портрета (№№ 14 и 17) работы г. Теодорова, ученика профессора Маркова: они имѣютъ то рѣдкое въ ученическихъ произведеніяхъ достоинство, что зритель, не зная лицъ, съ которыхъ они списаны, получаетъ убѣжденіе въ томъ, что они вѣрны; потому что въ этихъ лицахъ есть дѣйствительная жизнь, есть природа, истина. Этотъ крестьянинъ съ косою на плечѣ и это женское лице такъ живо и естественно смотрятъ съ выраженіемъ незатѣйливыхъ житейскихъ мыслей, что, кажется, хотятъ выйти изъ рамъ.

Въ слѣдующихъ залахъ круглой галлерей можно было бы указать на многія произведенія учениковъ и вообще молодыхъ художниковъ; но какъ все это портреты, по крайней мѣрѣ, большею частію портреты; то съ одной стороны для вѣрной оцѣнки ихъ надо знать тѣ лица, съ которыхъ они списаны, а съ другой и сужденія объ нихъ были бы слыш-

комъ однообразны и утомительны. Вотъ почему я считаю нужнымъ здѣсь сказать нѣсколько словъ только о тѣхъ картинахъ, въ которыхъ можно видѣть, ежели не творчество поэтическое, то, по крайней мѣрѣ, простое сочиненіе или изобрѣтеніе; какъ наприимѣръ: *дѣвушка съ нищизнью, просящая милостыни* — г-жи Лазаревой-Станищевой. Эта картина состоитъ изъ двухъ только лицъ: старика и дѣвочки. Ежели старика бѣдняка водить дочь или внучка, то онъ долженъ быть или очень слабъ и дряхлъ или слѣпъ; но слабости въ этомъ старикѣ совсѣмъ не видно; онъ довольно крѣпокъ для того, чтобы ему одному ходить и просить милостыни; слѣпымъ также трудно призвать его, не потому, что онъ представленъ съ открытыми глазами, а потому, что въ глазахъ у него много ума, смысла; слѣпота же налагаетъ на глаза какую-то тупость, бессмысліе. Дѣвушка конечно по общему порядку вещей, по обычаю нищихъ — слишкомъ опрятно одѣта; однако это, будучи рѣдкимъ случаемъ или исключеніемъ, въ действительномъ мѣрѣ дѣло не невозможное; а ежели вспомнимъ, что картина написана художницею; то чистота или опрятность изображенныхъ на картинѣ лицъ будетъ совершенно понятна; потому что тонкое чувство женщины по натурѣ своей всегда возмущается всѣмъ грязнымъ, хотя бы эта грязность была слѣдствіемъ нужды. Все же остальное въ этой картинѣ такъ хорошо, такъ просто, такъ естественно, и такъ много согрѣто истиннымъ чувствомъ, что невольно вслѣдъ разлюбуешься ею; а всего пріятнѣе встрѣтить въ картинѣ подобнаго содержанія отсутствіе всякаго преувеличенія, или, лучше сказать, не встрѣтить никакого преувеличенія, въ которое такъ легко впадаютъ и опытные, даже извѣстные, художники. — *Вдова* — г. Гоха, также картина съ мыслию, которая достойна художественнаго осуществленія: молодая вдова и мать сидитъ у люльки дитяти, покоющагося сномъ невинности, съ медальоннымъ портретомъ въ рукахъ, и въ грустной задумчивости сравниваетъ черты покойнаго мужа съ лицомъ младенца беззаботно спящаго; она не красавица; но два прекрасныя чувства: любовь къ мужу, покоющемуся въ гробѣ, и любовь материнская, придаютъ ей высокую прелесть, которая проникаетъ душу созерцателя; и признаюсь, подобно многимъ, я любовался этою прелестью нѣсколько разъ. Предоставляя другимъ, болѣе меня знающимъ дѣло, судить о технических достоинствахъ и недостаткахъ этой, равно какъ и другихъ картинъ, я нахожу не лишнимъ сдѣлать здѣсь два замѣчанія: первое состоитъ въ томъ, что г. Гохъ далъ неудачное положеніе младенцу, оставивъ его откинуть головку почти прямо въ глубь картины; оттого

головка кажется нѣсколько безобразною. Дѣтскія лица и такъ отъ не-разнотости частей мало имѣютъ соразимѣрности; а въ такомъ положеніи онѣ даже неприятны. Положи его къ зрителю совершенно бокомъ, и картина отъ этого много выиграетъ. Другое — художникъ не согласо-валъ освѣщенія картины съ временемъ, которое она представляетъ: вдова сидитъ совсѣмъ раздѣтая, въ одной сорочкѣ; слѣдовательно это было или утромъ, какъ она только что встала съ постели, или вечеромъ, когда она собиралась спать — что впрочемъ, судя по нѣкоторымъ при-нѣтанъ, вѣроятнѣе — а картина освѣщена обыкновеннымъ дневнымъ свѣ-томъ; такое противорѣчіе много имѣшаетъ очарованію.

Большую часть круглой академической галлерей занимаютъ образа, разныхъ художниковъ. Двадцать восемь поясныхъ изображеній святыхъ угодашковъ исполнены г. Дорнеромъ. Вообще изображенія святыхъ требуютъ строгаго выполненія трехъ главныхъ условій: портретнаго, историческаго и религіознаго. Чтобъ узнать, въ какой мѣрѣ выполнены два первыя условія, нужно изучить подробно и основательно жизне-описанія всѣхъ изображенныхъ св. угодашковъ. Конечно обще-истори-ческое значеніе лица можно опредѣлить знаніемъ вѣка, страны и званія, къ которымъ принадлежало изображаемое лице, т. е. когда и гдѣ онъ жилъ, и какое званіе носилъ въ жизни своей; въ живописи все это выражается народнымъ типомъ лица, одеждою и обстановкою его (ак-цессуарами); но соблюденіе частной и личной вѣрности изображенія требуетъ другихъ пособій. Вѣрность изображенія въ портретномъ отно-шеніи можно опредѣлить двумя способами — однимъ изъ нихъ положи-тельный, другой только гадательный, приближительный: ежели есть подлинное изображеніе угодашка снятое съ него при жизни или съ его нетлѣнныхъ мощей; то тутъ уже не можетъ быть никакого спора и недоумѣнія; художникъ долженъ строго соблюдать характеръ сохранив-шагося подлинника; но ежели такого подлинника нѣтъ, то художнику остается другое средство: онъ долженъ внимательно изучить всю вну-треннюю жизнь св. угодашка; узнать характеръ его помысловъ и чув-ствованій, силу всѣхъ душевныхъ способностей и стремленій, и по этимъ-то даннымъ создать идеалъ, согласный съ его личною природою и не протаворѣчающій его народности и вѣку. Точно тѣже самыя обя-занности лежатъ и на критикѣ картины. Такимъ образомъ, чтобъ осно-вательно оцѣнить двадцать восемь изображеній, надо очень много и очень внимательно прочесть; полагаться же на память въ такомъ слу-чѣе челоуѣку, не занимающемуся спеціально изученіемъ исторіи Церкви,

было бы слишкомъ легкомысленно. Вотъ почему я не беру на себя обязанности разбирать всё эти произведенія г. Дорнера въ историческомъ и портретномъ отношеніяхъ. Что же касается до религіознаго вопроса, то нѣкоторые образа, произведенные г. Дорнеромъ оживлены чувствомъ высокаго благочестія, какъ напримѣръ: *св. Антоній* и *св. Феодосій Печерскіе*; но есть между ними и такіе, которые или слишкомъ холодны или слишкомъ неопредѣленны для своего значенія. Напримѣръ, что созерцатель можетъ прочесть на спокойныхъ лицахъ нашихъ Славянскихъ Апостоловъ — *Кирилла* и *Меодія*? Если бы мы не знали всѣхъ подробностей ихъ жизни, то, по крайней мѣрѣ, вамъ положительно известны общія черты ихъ подвиговъ: они были первыми проповѣдниками Евангельскаго ученія или слова Божія передъ народомъ погруженнымъ въ идолопоклонство; слѣдовательно сколько имъ нужно было имѣть силы духа, мужественной рѣшимости и благочестиваго восторга для того, чтобъ явиться съ Словомъ вѣчной любви? Сколько надо было имѣть могущества слова, чтобъ укротить этихъ дѣтей природы, заставить забыть такую вѣру, которая давала просторъ всѣмъ чувствамъ, ничѣмъ несдерживаемымъ, и заставить ихъ признать и принять вѣру, которая требуетъ полнаго владычества духа и порабощенія страстей? Это величіе духа должно ярко свѣтиться на лицахъ нашихъ великихъ Апостоловъ; но къ сожалѣнію, на сихъ лицахъ ничего подобнаго нѣтъ!

Ветхозавѣтные Патріархи и Пророки, написанные во весь ростъ и въ колоссальныхъ размѣрахъ, *Тайная Вечера* и *моленіе о Чашѣ* — г. профессора Живаго, занимаютъ почти двѣ залы. При обзорѣ этихъ произведеній можно бы и должно было бы много говорить какъ по причинѣ высокой важности въ значеніи содержанія, такъ и по важности назначенія ихъ, но я боюсь взять на себя бремя не во силамъ. Однако любовь къ правдѣ, которая здѣсь двоякѣ священна, и желаніе — можетъ быть, слишкомъ закосчивое — быть полезнымъ, ужъ конечно не г. профессору, объ этомъ я не смѣю думать, а молодымъ художникамъ-ученикамъ, вынуждаютъ меня при этомъ случаѣ сказать нѣсколько словъ, которыя можно примѣнять къ произведеніямъ такого рода вообще. Большая часть или даже почти всё лица и предметы, изображенные г. профессоромъ, требуютъ отъ художника, кромѣ знанія и практической опытности въ технику искусства, многихъ какъ естественныхъ, врожденныхъ, такъ и приобретенныхъ средствъ и условий для истиннаго успѣха: само собою разумѣется, что первое въ этомъ

случаѣ условіе — обладаніе глубокимъ чувствомъ благочестія; во вторыхъ надо имѣть силу поэтическаго творчества, и въ третьихъ, нужна инстинктивная вѣрность историческаго взгляда; все это нельзя приобрести ни усидчивостію, ни трудомъ самымъ неусыпнымъ, ни наукою; это природные дары счастливой организаціи и высокой настроенности духа; и наконецъ необходимы положительныя историческія знанія и основательныя знанія въ практической или опытной психологіи, которыя уже составляютъ плодъ настойчиваго ученія и внимательной наблюдательности. Только стройное соединеніе всѣхъ этихъ условій можетъ увѣнчать желаннымъ успѣхомъ попытки художника въ религіозно-исторической живописи; нерѣдко отсутствіе только одного изъ нихъ разстроиваетъ все дѣло.

Теперь взглянемъ при пособіи этихъ условій на како-либо произведеніе г. Живаго; возьмемъ хоть изображеніе праотца Адама. Художникъ, а вѣдѣть съ нимъ и созерцатель картины, долженъ задать себѣ слѣдующіе вопросы: что такое Адамъ? Что онъ долженъ представлять? — Это есть высочайшій идеалъ, какой можетъ быть доступенъ для человѣка, совершеннѣйшій первообразъ человѣка; это непосредственное прямое созданіе безконечно-премудраго, безконечно-всемогушаго Творца, осуществленіе послѣдней Божеской мысли; это, по выраженію поэта — «крайняя степень вещества, черта начальна Божества!» Это человѣкъ, въ которомъ совмѣщены всѣ совершенства, возможныя для творенія Божія, до котораго еще не коснулась ни одна разрушительная сила: ни всесокрушающее время, ни злобно-сѣдлая болѣзнь, ни ненасытная забота, ни изнурительный трудъ, ни зависть искажающая красоту, ни скука, ни порокъ, ни свѣтская суетность, ни тревожное честолюбіе, человекъ, цвѣтушій первобытною силою и первобытною красотой, съ прекрасными, младенчески-частыми помыслами свѣтлой души, только что изшедшей изъ своего божественнаго начала и оживившей лучшее украшеніе міра. Теперь представьте же себѣ, какія мысли и чувства должны были сіять на этомъ чистомъ непорочномъ и прекрасномъ лицѣ при взглядѣ на Божій міръ безконечно-разнообразный, при первомъ сознаніи своей жизни и проявленія изъ небытія въ бытіе. Дѣтски-простой и мужественно-вдохновенный взглядъ на чудныя красоты юнаго міра долженъ покоиться на этомъ возвышенно-прекрасномъ лицѣ перваго человѣка. Однако напрасно зритель будетъ искать этихъ первобытныхъ красотъ въ «Адамѣ» художника; ничего подобнаго не найдетъ въ немъ, какъ бы долго и внимательно онъ ни смотрѣлъ. Если бы художникъ въ этомъ случаѣ вдался въ идеальную крайность; то созерцатель нашелъ бы из-

виненіе въ самомъ содержаніи картины, или даже онъ не нашелъ бы основательныхъ причинъ обвинить художника; потому что здѣсь идеалъ едва ли можетъ превзойти дѣйствительность, которая была совершеннѣйшимъ выраженіемъ возможно-совершеннѣйшаго идеала. Такимъ образомъ художникъ не могъ опасаться упрековъ за издлинную идеальность, лишь бы только этотъ идеалъ былъ согласенъ съ значеніемъ изображаемаго лица и съ назначеніемъ картины или образа. Правда эта картина не кончена; но неоконченность ея относится только къ обстановкѣ, а не къ фигурѣ самого праотца человѣческаго рода. Такъ и другія произведенія художника, при всѣхъ достоинствахъ, которыя можетъ сообщить картинѣ тщательность работы, имѣютъ въ большей или меньшей степени недостатокъ художественнаго творчества и историческаго взгляда на предметъ изображенія.

Образъ, исполненный почетнымъ вольнымъ общникомъ г. Муссини, безъ сомнѣнія имѣютъ свои достоинства въ отношеніи техники-искусства, которыя могутъ быть оцѣнены только специалистами; но я въ качествѣ простаго любителя, не выдавая своихъ мнѣній за правила и не навязывая ихъ никому, осмѣливаюсь высказать кой-какія замѣчанія о произведеніяхъ г. Муссини. Первое замѣчаніе, которое пришло мнѣ на умъ, при разсматриваніи этихъ образовъ, можетъ быть, многимъ покажется страннымъ, но что дѣлать? Оно мнѣ не кажется такимъ. *Обрѣзаніе Господне и Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы* стоятъ рядомъ при самомъ входѣ въ залу (подъ буквою Ж); написаны эти образы однимъ художникомъ; между тѣмъ изображенія Божіей Матери на этихъ двухъ образахъ не только не похожи одно на другое, но даже представляютъ совсѣмъ различныя характеры. Пусть какъ-нибудь называютъ мое замѣчаніе; но всякій разъ, какъ я смотрѣлъ на эти образа, такое несходство изображеній производило во мнѣ неприятное впечатлѣніе; особенно же рѣзко бросается въ глаза то, что изображеніе Пресвятой Дѣвы въ Благовѣщеніи представляетъ Ея гнѣхому старше, зрѣлѣе, нежели при Обрѣзаніи Господнемъ; и притомъ, перес не выражаетъ той благоговѣйной покорности воле Божіей, которую выражаютъ слова: »Се раба Господня; да будетъ Мнѣ по глаголу Твоему.« — *Крещеніе Спасителя міра!* Христіанамъ не можетъ я говорить, ни думать, безъ благоговѣйнаго восторга объ этой священической таинствѣ христіанской вѣры. Отверзаются небеса; Духъ Святой спускается для освященія этого событія; Гласъ Божій свидѣтельствуетъ о

крестившися: »Сей есть сынъ Мой возлюбленный, на Коемъ все Моё благоволеніе!«—И такъ, пусть художникъ, желающій изобразить Христа Спасителя въ сію непостижимо-чудесную минуту, представитъ себѣ, сколько онъ долженъ сообщить божественнаго величія и духовно-сильной красоты изображенію Іисуса Христа крестящагося! И пусть онъ проститъ мнѣ, ежели я не нахожу ничего подобнаго въ его »Крещеніи.« Церковь наша, выражая снисходительное смиреніе Бого-человѣка, поетъ: »Днесь Владыка преклоняетъ выю водъ руку Предтечеву!...« Этими словами Церковь, кажется, говорить, что Владыка и въ своемъ божественномъ смиреніи остался Владыкою; Его божественное существо никогда не оставляло Его. Зная это, трудно понять, почему художникъ изобразилъ Христа Спасителя не снисходительно-смирившимся, а боязливо-сгорбленнымъ, и какъ будто стыдливо потупившимъ взоръ къ низу.— О «Преображеніи» я не говорю ничего. Но »Срѣтеніе Господне« возбуждаетъ нѣкоторые важные вопросы; и между ними особенное вниманіе заслуживаетъ вопросъ о Симеонѣ Богопріимцѣ. Исторія церкви повѣствуетъ, что св. Симеонъ дожилъ до глубокой старости, и по высокому благочестію своему желалъ и ждалъ видѣть Спасителя міра; потому что онъ, читая и изучая Пророковъ, видѣлъ много признаковъ самыхъ ясныхъ скорого прішествія Его, и горячо молился, чтобы Богъ сподобилъ его увидѣть Христа; молитва его была услышана, и ему свыше обѣщано, что онъ до толъ не уреть, пока не узритъ Бого-человѣка. Потому-то, встрѣтивъ въ храмѣ Божественнаго Младенца, онъ въ этомъ событіи уже видѣлъ свою кончину, и въ пророческомъ вдохновеніи сказалъ: »Нимѣ отлучаеши раба Твоего, Владыка, по глаголу Твоему съ миромъ! Очи мои видѣли спасеніе!...« и проч. Слѣдовательно Симеонъ былъ уже ветхій старецъ, дожившій до естественной кончины, которая приходитъ съ тихимъ и необходимымъ разрушеніемъ тѣлеснаго состава и постепеннымъ угасаніемъ жизни не отъ случайныхъ болѣзней, убивающихъ иногда сильное, здоровое тѣло. А г. Муссини изобразилъ Св. Симеона именно здоровымъ, сильнымъ, старикомъ съ лицомъ полнымъ жизни и горячей крови. Это слишкомъ ясно противорѣчитъ исторической истинѣ. Здѣсь можно бы еще многое замѣтить; но я и такъ уже увлекся далѣе предполагаемыхъ границъ.

Образа Г. Брюлова кажется назначены стоять на значительной высотѣ; потому, я думаю, несправедливо было бы разсматривать ихъ *вблизи*; есть причины думать, что они отъ этого могутъ много потерять. Со всѣмъ другое дѣло вдаль; самая эта излишняя яркость красокъ отда-

ленностию много смягчтся. Но при всемъ желаніи удержаться отъ сужденія о произведеніяхъ г. Ф. Брюлова, нельзя не сказать, что Архангелъ Михаилъ его возбуждаетъ болѣе представленія невысокой дѣйствительности, нежели творческаго идеала духа.

Зала подъ буквою М вся занята образами — профессора Нефа, который отличается необыкновеннымъ искусствомъ владѣть красками. Хотя эти черты искусства дѣйствуютъ преимущественно на глазъ, а искусство должно трогать и плѣнять душу; однако и то справедливо, что для полнаго очарованія тоны и гармонія красокъ необходимы; надо прежде очаровать чувство, какъ проводникъ впечатлѣній; это предрасполагаетъ къ очарованію воображеніе, умъ и сердце. Теперь посмотрите на этотъ рядъ художественныхъ созданій г. Нефа! Первое мѣсто занимаетъ *Сошествіе Святаго Духа*. Мысль и содержаніе этого образа извѣстны; здѣсь художникъ не можетъ ни прибавить ничего, ни убавить; здѣсь вся задача въ выраженіяхъ лицъ. Благоговѣнное смиреніе, изображенное на лицахъ Св. Апостоловъ и Божіей Матери, восхищеннымъ ввезаннымъ нашествіемъ Духа Божія, даетъ картинѣ единство, которое переливается въ множество оттѣнковъ разнообразіемъ физиономическихкихъ различій; а торжественная тишина наполняетъ душу созерцателя спокойнымъ умилевіемъ. Здѣсь все такъ согласно, такъ стройно, что, стоя передъ этою картиной, не подумаешь искать въ ней недостатковъ или ошибокъ.—Потомъ слѣдуетъ *Нерукотворенный образъ Господа нашего Иисуса Христа*. Въ созданіи этого произведенія художникъ имѣлъ болѣе свободы и простора; потому здѣсь это стройное разнообразіе лицъ еще изумительнѣе, нежели на первомъ образѣ, чему особенно много содѣлствуетъ глубоко задуманная и счастливая группировка фигуръ. Но при всемъ томъ я осмѣливаюсь здѣсь замѣтить одну важную ошибку, или, пожалуй, недосмотръ: лицъ, изобразившійся божественнымъ чудомъ и убрूसъ, много отличается отъ изображенія Иисуса Христа, представленнаго въ группѣ Апостоловъ и народа; въ немъ нѣтъ этой божественно-высокой строгости, какая видна въ лицѣ Христа, стоящаго посреди народа; притомъ и въ краскахъ на убрूसѣ замѣтка какая-то блѣдность и неопредѣленная тусклость; а этого всего не должно быть. Краска Иисуса Христа, въ которомъ удивительно хорошо выражено божественное спокойствіе при совершеніи Имъ чуда, особенно хороша здѣсь художникъ, желавшій имѣть изображеніе Христа; изумленный новымъ чудомъ, близкимъ его сердцу, онъ упалъ на колѣна, и съ благоговѣніемъ смотритъ на Спасителя; вѣра видимо осѣнила его душу и отразилась на

лицъ. *Николай Чудотворецъ, Апостоль Павелъ*, и особенно *Великомученица Екатерина*, истинно превосходны: но *Петръ Апостоль*, также превосходный во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, мнѣ кажется, не долженъ имѣть такого сурово-строгаго взгляда. *Вознесеніе Господне*. Если умъ человѣческій часто встрѣчаетъ въ теченіи дѣлъ естественныхъ явленія непонятныя и необъяснимыя, то конечно въ исключительныхъ личныхъ дѣлахъ Богочеловѣка этотъ заносчивый умъ тогда только сможетъ что-нибудь уразумѣть, когда въ умозаключеніяхъ своихъ упряется на вѣру, какъ на «извѣщеніе вещей невидимыхъ.» Такъ съ помощію этого свѣтильника вѣры, не вдаваясь въ изслѣдованіи, мы можемъ представить или вообразить самое Вознесеніе Господне, и, по законамъ человѣческихъ чувствъ и души, можемъ отгадывать тѣ впечатлѣнія, которыя оно должно было произвести на Апостоловъ и на Пречистую Дѣву—бывшихъ свидѣтелями этого событія, послѣдняго чуда на землѣ Христа Спасителя. Иисусъ Христосъ, оставляя землю, гдѣ такъ много страдало Его человѣческое существо, такъ часто озлобленіе и страсти человѣческія возмущали Его божественный духъ, смотреть въ горніе предѣлы, отчизну Свою: ничто земное уже не занимаетъ Его; потому что Онъ уже кончилъ Свое земное назначеніе, и прочно посылалъ сѣмена Своего ученія небснаго. Св. Апостолы, пораженные Его возшестьемъ на небо, съ благоговѣйнымъ страхомъ смотрятъ на это послѣднее чудо; они еще не успѣли понять своего сиротства; потому неопредѣленность выраженія ихъ лицъ такъ естественна, такъ понятна, что не требуетъ никакого поясненія; потому—то прошу простить мнѣ эту смѣлость—я думаю, что г. профессоръ, увлекшись желаніемъ, впрочемъ очень естественнымъ, придать картинѣ своей разнообразіе, напрасно одному изъ Апостоловъ далъ такое положеніе, которое показываетъ, что онъ, наклонившись къ другимъ, что-то имъ объясняетъ или рассказываетъ, указывая поднятою рукою надъ головою своею возносящагося своего небснаго Учителя. Такое положеніе Апостола и всякое разсужденіе его въ эту минуту слишкомъ преждевременно; потому что оставляющій ихъ Христосъ Спаситель былъ еще слишкомъ близко къ нимъ, и они еще не могли, не успѣли понять положеніе дѣлъ до такой степени, чтобъ обсуживать его. Можетъ быть, я ошибаюсь, но я въ томъ убѣжденъ, что и грустное чувствованіе, выраженное на лицѣ Божіей Матери, также не совсѣмъ умѣстно; потому что съ одной стороны Она также еще не успѣла постигнуть Своего лишенія, а съ другой, по вѣрѣ проясненія понятій и сознанія того, что совершалось

въ минуты возвращенія Сына Божія къ Отцу, въ душахъ всѣхъ присутствующихъ долженъ былъ пробуждаться благоговѣнный страхъ и торжественный восторгъ; какъ Апостолы, такъ и Матерь Божія знали, что Учитель ихъ и Бя божественный Сынъ совершилъ уже свое назначеніе земное, и недолго съ ними останется на землѣ; они отчасти были уже приготовлены къ тому словами: »Иду къ Отцу Моему и Богу вашему.«

Но торжество кисти г. Нефа, по моему мнѣнію, *Покровъ Пресвятыя Богородицы*. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ священникъ въ полновѣснѣмъ облаченіи. Это не нарисованная фигура, а живой человекъ, и при томъ человекъ весь преданный молитвѣ. Напрасно стали бы мы искать въ немъ земныхъ суетныхъ помысловъ; онъ молится, но его молитва отличается отъ молитвы тѣхъ группъ народа, которая разищена за нимъ: онъ, впервъ взоръ въ книгу, съ благочестиво-глубокимъ вниманіемъ, во вслушаніе, произноситъ молитву, уставленную Церковію, и слова ея возноситъ къ Предстательнѣмъ человѣческой предъ Превѣчнымъ Сыномъ Бя за всѣхъ предстоящихъ и за всѣхъ христіанъ; а тѣ, внимающія словамъ молитвы, произносимой священникомъ, возводятъ взоръ свой къ небу, или смиренно преклоняются къ землѣ, и каждый молится за самого себя. Всѣ эти лица исполнены благочестивыхъ и самыхъ жаркихъ прошеній. Я не говорю о той изумительно-тщательной и тонкой отдѣлкѣ одежды и другихъ подробностей, о красотѣ линий, которыми такъ умно всегда щеголяетъ г. Нефъ; это, скажу безъ всякихъ метафоръ и преувеличеній, вполне очаровательно! Можно бы конечно замѣтить легкіе недостаточки относительно перспективы и излишняго уменьшенія, судя по разищамъ мѣста, заднихъ фигуръ; но эти недостатки, въ сравненіи съ совершенствами цѣлаго, такъ маловажны, что объ нихъ и говорить совѣстно. А вотъ разищеніе правильнымъ полукругомъ св. Апостоловъ, окружающихъ Божию Матерь, которая въ благости своей зашла въ храмъ, чтобы покрыть своимъ афоромъ молящихся Ея, признаюсь, мнѣ кажется слишкомъ изысканнымъ.

Слѣдующую за тѣмъ залу занимаютъ образа, писанные почетнымъ членомъ общинкомъ г. Штейбеномъ; ихъ четыре: »*Распятіе Господа нашего Иисуса Христа, Воскресеніе Христово, Рождество Богородицы и Возніе Богоматери на небо.*« Первое особенно обращало на себя общее вниманіе посѣтителей Академіи группировкою и изображеніемъ лицъ, окружающихъ крестъ Христовъ, и преимущественно лицъ женскихъ: *Мадгаллина*, бывшая свидѣтельницею всѣхъ страданій Того, Кто вышелъ изъ жизни плотской въ жизнь духовную, далъ ей почувствовать

ю высокую сладость непосредственного созерцанія небесныхъ истинъ, зходившихъ изъ устъ Его, и принимавшихъ къ сердцу всѣ оскорбленія и муки, нанесенныя небесному ея Учителю, изнемогла подъ тягестію горячихъ сочувствованій, мучившихъ ее цѣлыя сутки; она уже не можетъ стоять, и, изнуренная тѣломъ и душою, сидитъ при крестѣ, опираясь лѣвою рукою; отягченная голова ея, прекрасная и въ самой мучительной скорби, откинута нѣсколько назадъ, склонилась на горону; жгучія слезы, текущія по щекамъ, воспалили ея глаза; каштановые волосы въ беспорядкѣ лежатъ по плечамъ. Эта женщина—идеалъ граждущей вѣры,—съ пылкою неукротимою душою, не знающей среины въ своихъ стремленіяхъ, такъ трогательно-прекрасно, что созерцатель увлекаясь ея неукротимымъ отчаяніемъ, невольно одушевляется корбящей вѣрою. Но взгляните нѣсколько повыше и немного лѣвѣе: вы увидите женщину далеко непервой молодости, но сохранившую всю божественность лица, которое никогда не было возмущаемо земными желаніями и помыслами; въ настоящую минуту она подавлена невыносимымъ горемъ и неутѣшною скорбію. Эта Сама Матерь божественнаго страдальца, пригвожденнаго къ кресту! Она вперла Свой скорбный взоръ на предвѣчнаго Своего Сына. Она, нелишенная чловѣческаго стества, съ юныхъ лѣтъ привыкшая видѣть прямое непосредственное присутствіе при Себѣ божества, теперь видитъ только остатки чловѣчества, пригвожденные къ мучительному кресту, и, по чловѣческой природѣ своей, глубоко страдаетъ тройственною скорбію — какъ нѣжнѣйшая изъ женъ земныхъ, сопричастникъ благодати небесной, какъ истинная и совершеннѣйшая изъ матерей, и какъ первенствующая изъ вѣрующихъ, зря Сына и Бога на крестѣ. Какъ безпредѣльно величіе Лученика, такъ безгранична и скорбь Матери Его. Скорбь духа Ея преныщаетъ печаль сердечную; потому и слезы не облегчаютъ Ея сердца. Это идеалъ небесной скорбящей любви!

О *«Воскресеніи Христовомъ»* я не буду много говорить; во-первыхъ, потому что оно представляетъ предметъ неизяснимо-трудный для изображенія; здѣсь въ лицѣ воскресшаго Христа Спасителя должно блигать безпредѣльное величіе торжествующаго Божества, а не та неподдѣленность, какую по большей части изображаютъ въ Воскресеніи, е то смиреніе, съ какимъ Богочловѣкъ шелъ на *«вольную страсть»*, о и не та поспѣшная быстрота, какую нерѣдко даютъ живописцы воскресшему Христу; во-вторыхъ, въ изображеніи воиновъ замѣтна такая есообразность, которую изъ уваженія къ даровитому художнику не

*

хочу объяснять. Въ *»Рождество Богородицы»* все прекрасно, а голов женщины, наклонившейся надъ младенцемъ, изумительно хороша! Но для чего художникъ изобразилъ Св. Іоакима въ одеждѣ первосвященника? Исторія прямо именуетъ его потомкомъ Давида, слѣдовательно онъ не отъ колѣна Левитова; и при томъ она называетъ его просто бѣднѣмъ старцемъ, а не священникомъ. Вотъ задача, которую я никакъ не могу рѣшить.

»Взятіе Божіей Матери на небо» также предметъ трудный для художника; потому и любителю не легко оцѣнить подобное произведение. Художникъ долженъ представить въ человѣческомъ видѣ существо, т.е. сказать, совлекишись человѣчества, существо, имѣющее всѣ свойства формы человѣческой, но не имѣющее ни страстей, ни желаній земныхъ, наполненное небесныхъ стремленій; но выстъ съ тѣмъ въ этомъ существѣ не должно быть ни малѣйшей тѣни холодной безчувственности и безжизненнаго равнодушія. Это задача трудная, ежели только преодолимая! Вотъ почему неопредѣленность выраженія въ лицѣ Богоматери и Ангеловъ, несущихъ Ее, въ произведеніи г. Штейбена не удовлетворяла нѣкоторыхъ зрителей; они сравнивали образъ г. Штейбена съ известнымъ того же содержанія — покойнаго К. П. Брюлова. Сравненіе невыгодное для перваго! Но едва ли оно и справедливо? Нели требовать отъ всѣхъ того, что могъ сдѣлать одинъ. По моему мнѣнію, г. Штейбенъ, хотя и не сравнялся съ Брюловымъ, однако сдѣлалъ немало; въ изображенной имъ Пресвятой Дѣвѣ очень много духовнаго значенія, святости и величія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить произведеніе г. Штейбена съ многими изображеніями Божіей Матери знаменитыхъ художниковъ, находящимися у насъ въ Академіи. Это сравненіе ясно докажетъ, что образъ, написанный г. Штейбеномъ, предъ многими знаменитостями имѣетъ большія преимущества. Но и Ангелахъ его, въ самомъ дѣлѣ, видно слѣшкомъ много дѣйствительнаго человѣчества; форма ихъ слишкомъ рѣзко и пластично очерчена.

Всѣ произведенія искусства, помѣщенные въ слѣдующихъ двухъ томахъ, равно какъ и многія другія я рѣшаюсь пропустить; во-первыхъ потому что разборъ всего, что выставлено въ Академіи, разлагулъ бы мою статью до объема книги, а во-вторыхъ, разборъ произведеній иностранныхъ художниковъ не соответствуетъ цѣли, предположенной мною. И такъ перехожу въ большія академическія галлерей.... Не это будетъ въ слѣдующей статьѣ....

В. Т. Пляскинъ.

19-го Ноября 1852 года.

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЯРМАРКА ВЪ ЗАЛАХЪ БЛАГОРОДНАГО СОБРАНІЯ.

Благотворительность Москвы вошла на Руси въ поговорку. Не будемъ распространяться о предметъ, давно вошедшемъ во всеобщее убѣжденіе. Скажемъ только нѣсколько словъ о бывшей у насъ на дняхъ ярмаркѣ въ пользу бѣдныхъ.

Дамское попечительство въ столицѣ, одно изъ главныхъ органовъ благороднаго стремленія помогать неимущему ближнему, приумало устроить благотворительные праздники.

Вы платите одинъ рубль серебромъ за входъ, и гуляете по великолѣпнымъ заламъ Благороднаго Собранія, слушаете музыку оркестровъ, слушаете пвнне и игру любителей, пришедшихъ принести на пользу бѣдности образчики своего таланта, любуетесь роскошными палатками, кои устроены благотворительницами, нежалѣвшими на устройство сіе денегъ, для того, чтобы сдѣлать вашу прогулку пріятнѣе, за ваше доброе дѣло доставить вамъ сей-часъ же удовольствіе.

Нынѣшняя ярмарка продолжалась 19, 20 и 21-го декабря.

Она имѣла цѣлю сбытъ рукодѣльныхъ работъ и другихъ вещей, въ пользу бѣдныхъ. Продажа эта происходила днемъ, отъ 12-ти до 3-хъ часовъ, и вечеромъ, отъ 7-ми до 10-ти часовъ.

Изъ всѣхъ трехъ дней, самымъ блистательнымъ днемъ ярмарки былъ вечеръ 21-го декабря.

Толпы народа, стекшіяся въ залы Собранія, даже затрудняли прогулку по этому огромному помѣщенію, особенно по большой залѣ, гдѣ были устроены палатки.

Роскошь и убранство палатокъ заставляють насъ сказать о нихъ слова два. При первомъ взглядѣ на нихъ видно было, что хозяйки не жалели денегъ на ихъ отдѣлку, желая сдѣлать ихъ болѣе пріятнымъ мѣстомъ продажи для покупателей. Осуществленіе этихъ

желаній завистью уже отъ гг. архитекторовъ и драпировщиковъ, которымъ поручена была эта работа. Не будемъ разбирать подробно достоинствъ и недостатковъ каждой палатки по нашему мнѣнію, скажемъ только, что всѣ онѣ очень милы для глазъ, и болѣе чѣмъ менѣе достигаютъ своего назначенія.

Роскошны палатки Кн. Щербатовой и г-жи Савиной, оригинально милы палатки въ китайскомъ вкусѣ Кн. Гагариной и палатка г-жи Рюминой, имѣющая видъ раковины. Богата, или лучше, дорогая палатка В. Д. Римско-Корсаковой: она представляетъ изъ себя бесѣдку изъ бѣлыхъ колоннъ, обитыхъ плюшемъ съ позолоченными рѣшетчатыми боками и такимъ же потолкомъ; но это не палатка для продажи товара, а въ самомъ дѣлѣ садовая бесѣдка, достойная своей прекрасной обитательницы. Палатка А. С. Римско-Корсаковой такъ изящна безъ бросающихся въ глаза украшеній, такъ богата безъ роскоши и такъ вѣрно выполняетъ свое назначеніе дворянской торговой палатки, что намъ остается жалѣть, что мы незнаемъ имени архитектора, занимавшагося ея устройствомъ.

Гулявшіе между палатками могли или покупать разложенныя въ нихъ вещи, или брать билеты на вещи, разыгрываемыя въ лоттерей.

Въ девять часовъ начался концертъ любителей, его слушавшіе съ удовольствіемъ, охотно прощая какіе-нибудь недостатки во имя прекрасной и возвышенной цѣли исполненія,

Вообще было на ярмаркѣ шумно и весело, и всякій благодарилъ отъ души благотворительницъ, умѣвшихъ такъ мило соединить полезное съ пріятнымъ.

(Сообщено.)

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Новость комической оперы въ Парижѣ.— Даниэль-Франсуа-Эспри-Оберъ. Что такое призваніе?—Кое-какая Юлія.—Сорокъ оперъ между двухъ имперій.—Живая каріатида.—Сто одиннадцать дѣйствій.—L'illustré ingrat.—Бэдокъ-маэстро.—Музыкальный сплинъ.—Погоня за новымъ мотивомъ.—Мотивъ изъ оперы «Густавъ III», найденный лошадыю.—Марко Спада.—Концерты.—Инструментъ, изобрѣтенный до сотворенія міра.—Г. Саксъ и его инструменты. Г. Вивье.—Большой городъ короля Генриха.—Нашествіе иноплеменныхъ на Парижъ.—Черты французской національности.—Египтянинъ площади Шатле.—Способъ бальзамированія.—Насмѣшка судьбы.—Человѣкъ растертый на краски.—Любопытные коршуны и египетскія пирамиды.—Новые гости въ парижскомъ ботаническомъ саду.

На театрѣ комической оперы давали въ концѣ прошлаго декабри *капитальную* пьесу этой зимы «*Марко Спада*», либретто *Скриба*, музыка *Обера*, дебютъ на этомъ театрѣ дѣвницы *Каролины Дюпре*. Чрезвычайный успѣхъ этой оперы подтверждаетъ лестное мнѣніе публики о сочинителяхъ и артисткѣ. Поговоримъ о г. Оберѣ.

Даниэль-Франсуа-Эспри Оберъ (Daniel-François-Esprit-Auber) родился въ Каэнтъ (Caëne), въ Нормандіи; ему теперь семдесятъ два года. Отецъ его торговалъ эстампами, и сынъ долженъ былъ наследовать это состояніе, но тайное призваніе увлекло его на другой путь. Призваніе?... Какъ опредѣлить это бессознательное побужденіе, которое вырываетъ молодыхъ людей изъ семейнаго круга, вопреки волѣ властныхъ надъ ними, и бросаетъ ихъ на чуждое имъ поприще, въ новый міръ, вовсе не сродный имъ ни по рожденію, ни по чувствамъ, ни по мыслямъ, которыми питалось ихъ дѣтство. Они идутъ на зовъ имъ однимъ слышнаго голоса, повинуются тайной непостижимой волѣ. Чей это голосъ, чья эта воля? знаетъ Тотъ, Кто пишетъ будущность въ книгѣ судебъ. Оберу суждено быть знаменитымъ музыкантомъ, и предвидѣлъ онъ это или нѣтъ, была ли на то воля его родителей,—все равно: такъ было суждено,—и такъ сталося. Молодаго Обера послали въ Англію изучать торговлю и финансы, но онъ чувствовалъ, что эти занятія ему не по душѣ, не

по мысли, вскорѣ бросилъ ноты банкировъ и началъ писать тѣ ноты, которыя звучнѣй выражали мелодическіе помыслы души его. По разрывѣ аміенскаго мира онъ возвратился во Францію и совершенно предался музыкѣ. Ему было тогда двадцать два года.

Мы пишемъ не біографію;—мы хотимъ только познакомить читателей съ нѣкоторыми чертами своеобразной личности этого знаменитаго компониста и съ его музыкальными произведеніями.

Написавши нѣсколько романсовъ, ни лучше, ни хуже другихъ, Оберъ принялся прямо за драматическую музыку. Сначала онъ писалъ для домашнихъ театровъ. Кое-какая оперетка *Юлиа*, сыгранная въ гостинной, съ ширмами вмѣсто кулисъ и фортепьянами вмѣсто оркестра, — была дебютомъ творца *Мазаньелло*. Потомъ, изъ лучшихъ мотивовъ *Юлиа* составила другая опера, и на этотъ разъ ее играли съ оркестромъ. Пьеса имѣла замѣчательный успѣхъ, но Обера не оглушили рукоплесканія салонной публики; онъ понималъ, что для снисканія одобренія настоящей публики, его мелодическіе вдохновенія не достаеетъ основательнаго знанія правилъ гармоніи, и онъ поручилъ свое образованіе великому Керубини. Спустя нѣсколько времени, Оберъ дебютировалъ оперою *le Sejour militaire*, это было въ 1813 году, въ послѣднее время имперіи.

Сорокъ лѣтъ спустя, въ первое время новой имперіи, Оберъ поставилъ на сцену свою *тридцать девятую* оперу; почти по одной оперѣ въ годъ....

Мы не назовемъ всѣхъ этихъ оперъ, составляющихъ вмѣстѣ съ *слю одиннадцатъ* актовъ; скажемъ только, что изъ числа ихъ шесть или семь не имѣли успѣха, и то ихъ *fiasco* было такого рода, что про нихъ говорили: «однако есть прекрасныя мѣста».

Болѣе другихъ неудачна опера *Зерлина*, представленная, гадъ два тому, на театрѣ Большой Оперы. Пьеса эта написана *на-скоро* и исключительно для г-жи Альбони, но и эта дородная каріатида не въ силахъ была поддержать кое-какъ слѣпленное музыкальное зданіе;—оно рушилось.

Марко Спада воскресилъ славу счастливаго маэстро. Но сорокъ лѣтъ удачъ избаловали его. Онъ сдѣлался равнодушнѣй къ успѣху и къ неудачамъ. Этотъ *illustre ingrat*, какъ называютъ его Французы, болѣе счастливъ, любясь на породистую лошадь своей конюшни, нежели когда имя его раздастся въ залѣ театра, при громѣ рукоплесканій. Верховая ѣзда—господствующая страсть Обера, такъ что его англійское сѣдло можно назвать его рабочимъ кабинетомъ. Жители Парижа часто встречаютъ *пэддока-маэстро* въ удивительныхъ аллеяхъ Булонскаго лѣса. Засунувъ ногу въ стремя, разнухивъ

поводя, задумчиво разбѣзжаетъ онъ шагомъ подъ тѣнистыми деревьями лѣса, и насвистываетъ волшебные мотивы, которые никогда не бывають освистаны. Мотивъ найденъ, — и воображеніе передаетъ его вѣрной памяти; а самъ снова вляетъ звуки въ прихотливую канцонету или игривую каватину, и снова память уноситъ ихъ, чтобы передать наконецъ въ руки г. Скриба, вѣчнаго сотрудника г. Обера; тамъ вдохновенный стихъ ложится подъ вдохновенные звуки.

Г. Оберъ всегда скучаетъ: ему все надобно. Онъ богатъ, но гостей не любить и самъ рѣдко гдѣ бываетъ. Разъ его какъ-то уговорили участвовать въ многочисленной кавалькадѣ. Окруженный прекрасными дамами, цвѣтомъ парижскаго общества, маэстро галопировалъ, насупившись по обыкновенію и насвистывалъ новую мелодію. Вдругъ поворачиваетъ онъ въ сторону, — и былъ таковъ. Товарищи скачуть за нимъ: «не туда, не туда, маэстро; здѣсь, на право, на полянѣ ожидаетъ насъ завтракъ.» Но маэстро было не до завтрака: галопъ его лошади настучалъ ему въ ухо мотивъ превосходнаго галопа въ пѣломъ дѣйствиіи оперы Густавъ III. Возвратимся къ *Марко Спада*.

Либретто оперы прекрасная драма. Марко Спада (лицо выдуманное)—римскій разбойникъ. Въ угорьяхъ римской *Компани* промышляетъ онъ ужаснымъ ремесломъ, которое не умѣють тамъ истребить, не смотря на то, что венсенскіе егеря уже четыре года вдятъ запасный провіантъ папскихъ драгунъ. *Спада*, прозванный ужаснымъ именемъ *меча* (*Spada*), вмѣщаетъ въ себя двѣ личности: разбойника и отца. У этого Януса большихъ дорогъ есть дочь, прекрасная затворница крепкаго замка, куда Спада является подъ именемъ барона де-Горрида. Дочь знаетъ только барона, не зная прочаго; это прочее — драма г-на Скриба.

Анжелла, дочь Спады, принимаетъ въ замкѣ заблудившихся проезжихъ. Это—губернаторъ Рима, одна маркиза, молодой человекъ, ея поклонникъ, и капитанъ папскихъ драгунъ. Чтобы отблагодарить за гостепрѣимство, посѣтители упрасивають юную Анжеллу прѣѣхать на другой день на балъ, который даетъ римскій губернаторъ. Анжелла обѣщаетъ, и уговариваетъ возвратившагося барона не отказать ей въ этомъ удовольствіи.

Надобно знать, что юный *Фридерикъ*, спутникъ маркизы и племянникъ губернатора, какъ это издавна водится въ романахъ и въ операхъ, спасъ Анжеллу когда-то отъ какой-то опасности, и они другъ друга любятъ.

Второе дѣйствіе — балъ. Монахъ, бывший некогда пѣвникомъ *Спады*, узнаетъ его. Спада арестованъ; дочь его — дочь разбойника.

Въ третьемъ дѣйстви Спада возвратился въ свою шайку. Дочь его, покоряясь судьбѣ, одѣлась въ разбойничій костюмъ. И атаманъ и шайка собираются покинуть свое ремесло, оставить окрестности Рима, и вести въ отдаленіи честную жизньъ, но папскіе драгуны, не мѣшавшіе имъ разбойничать, помѣшали обратиться на путь истинный; Марко смертельно раненъ.

Разныя случайности, которыхъ цѣлыя сотни всегда подъ рукою у г-на Скриба, привели въ разбойничій притонъ всѣхъ, кого было нужно къ развязкѣ. Племянникъ губернатора все еще любитъ Анжеллу,—но какъ жениться на дочери разбойника?

— Она не моя дочь, говоритъ умирающій Спада, она дочь убитаго разбойниками герцога Санъ-Джермано.

— Клянешься ли ты въ этомъ? спрашиваетъ атамана бывшій тутъ монахъ; не губи души своей въ предсмертную минуту.

— Клянусь! отвѣчаетъ *Спада*... и съ этимъ словомъ умираетъ.

Партиція Обера не богата эффектами, но музыка вездѣ прекрасна, мелодіи новы, симфоническая отдѣлка ученая и искусная. Есть контрасты неожиданные, поразительные, прелестные. Акомпанируетъ арии, которую поетъ монахъ на праздникъ, подражающій звукамъ органа, при помощи роговъ и другихъ духовыхъ инструментовъ. поражаетъ новизною оркестровки. Инструментация вообще превосходна, а мелодіи—какъ всѣ мелодіи Обера: мысль и теплое чувство одушевляютъ каждую.

Вотъ что пишетъ Берлиозъ (Berlioz) о двухъ замѣчательныхъ концертахъ, данныхъ въ Парижѣ въ прошломъ декабрѣ:

Концертъ г. Вьѣтана. Музыкальные праздники рѣдки теперь въ Парижѣ. Великіе артисты упали духомъ; они устали созывать парижскую публику, которая не слушаетъ ихъ призывовъ. Если артистъ рѣшается иногда заплатить огромную установленную плату за право дать концертъ, и понести расходы на освѣщеніе, наемъ залы, оркестра и проч., такъ это только въ надеждѣ на иностранцевъ; Французовъ не собирается много. Такъ было, въ прошломъ году, съ Эрвстомъ. Слушатели на его первый концертъ съѣхались изъ Германіи, Англии и Россіи. Были и Французы, но мало. Энтузіазмъ отъ того былъ немалый; истинные любители музыки—это Русскіе, Нѣмцы и Англичане.

Талантъ г. Вьѣтана изумителенъ. Отличительныя его достоинства: грандіозность, увѣренность и чрезвычайная разборчивость вкуса. Онъ не покушается на то, чего не въ силахъ исполнить, и между тѣмъ, слушая его, трудно вѣрить чудесамъ его механизма. Нитомъ-

ни его чрезвычайно вѣрны, какъ въ простыхъ, такъ и въ гармоническихкихъ флажолетныхъ звукахъ, которые онъ употребляетъ часто и всегда кстати. Въ его рукахъ смычокъ, кажется, обхватываетъ струну, а не одной точкой къ ней прикасается. Звукъ его ноть мягокъ, чистъ, полонъ, силенъ, сладокъ, а лѣвая рука вооружена желѣзными пальцами, такъ что въ *пичикато* струна подъ ними звучитъ какъ металлъ, сильно и чисто.

Игру г. Вьѣтана слушаешь съ тѣмъ безтревожнымъ наслажденіемъ, которое возбуждаетъ въ насъ все прекрасное, все высокое. Какъ компонистъ, г. Вьѣтанъ не менѣ замѣчательнъ, и обладаетъ всеми качествами совершеннаго музыканта. Говорятъ и вѣрятъ вообще, что музыкальныя произведенія виртуозовъ имѣютъ не общее, а только относительное достоинство; это правда восемьдесятъ разъ на сто. Но сочиненія компонистовъ—не виртуозовъ еще рѣже бываютъ хороши. Вьѣтанъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ виртуозовъ въ числѣ всѣхъ намъ извѣстныхъ,—неоспоримо одинъ изъ лучшихъ композиторовъ нашего времени. Мы это знали давно; его концертъ служить новымъ тому доказательствомъ.

Последній концертъ г. Вьѣтана — сочиненіе ученое, совершенно новое по новизнѣ формъ, осыпанное эффектами неожиданными и прекрасными, и задуманное такъ *музыкально*, что партія солиста часто затихаетъ, чтобы дать разслушать превосходныя фразы оркестра. Въ этомъ созданіи компонистъ будто завидуетъ виртуозу, и не смотря на то, какую блестящую работу далъ онъ ему! Какія оригинальныя черты, какіе смѣлые пассажи! Этотъ концертъ можно назвать прекрасной симфоніей съ скрипкою *solo*. Мысли свѣжи, изъвы, обильны и обрамлены инструментациею, которая возвышаетъ ихъ блескъ. Вьѣтанъ распоряжается оркестромъ, строго соблюдая правила науки. Это весьма важно въ наше время, когда такъ много оворать объ инструментации, почти не понимая, что это такое, и когда называютъ компонистами бездарныхъ наборщиковъ ноть, не понимающихъ даже свойствъ каждаго инструмента и относительной мѣстности ихъ звуковъ.

Здѣсь не мѣсто критически разбирать концертъ г-на Вьѣтана, о нельзя пропустить въ молчаніи его изумительное скерцо, котораго мотивъ, ритмованный въ два темпа, въ быстромъ полетѣ своемъ езпрестанно поперецить троємѣрному ритму оркестра; это—любопытное нововведеніе, исполненіе котораго безъ ошибокъ удивительно рудно какъ для солиста, такъ и для капельмейстера. Г. Буке съ ольшимъ искусствомъ дирижировалъ оркестромъ, и во все продолженіе этого *чертовскаго* скерцо ни разу не сбился. Не многіе могли бы этимъ похвалиться.

Много надо было смѣлости, чтобы играть въ этомъ концертѣ послѣ г. Вьѣтана. Этимъ смѣльчакомъ былъ пьянистъ г. Крюгеръ. Артистъ этотъ принадлежитъ къ новой школѣ; это значить, что механическихъ трудностей для него не существуетъ. Публика восхищалась его пьсой, въ которой онъ, неизмовѣрно быстрыми диатоническими гаммами, весьма удачно подражаетъ гармоническимъ всплескамъ звуковъ золотой арфы. Пьеса эта вообще прекрасна.

Концертъ дѣв. Дрейфусъ. Эта артистка, которой успѣхи такъ быстры, одарена талантомъ специальнымъ, и играетъ на инструментѣ не вошедшемъ еще въ общее употребленіе ни въ частномъ обществѣ, ни въ концертахъ. Впрочемъ *дѣв. Дрейфусъ* — прекрасная пианистка, играетъ отчетливо, и умѣетъ вѣрно и внятно передать мысль великихъ композиторовъ въ исполненіи ихъ безсмертныхъ твореній. Она играетъ преимущественно Бетговева. Но все талантъ *дѣв. Дрейфусъ*, какъ пьянистки, не прославилъ бы ее. Теперь столько пианистовъ, и чтобы отличиться отъ толпы, надобно дѣлать на этомъ инструментѣ чудеса, или, какъ *дѣв. Клаусъ*, утѣшить насъ въ потерю знаменитаго артиста, который пересталъ давать концерты (Аста), и вдохнуть въ этотъ инструментъ душу, которой ему до сихъ поръ не доставало.

Инструментъ, на которомъ *дѣв. Дрейфусъ* играетъ съ неподражаемымъ искусствомъ — это *мелодиумъ*, употребляемый обыкновенно въ церковной музыкѣ, въ замѣнъ органа; но онъ издаетъ звукъ не посредствомъ трубъ и дудокъ, но приводя въ сотрясеніе мѣтальными свонми пластинки изъ мѣдной латуни. Это полное развитіе системы аккордіоновъ, которые, сказать мимоходомъ, изобрѣтены Китаицами такъ давно, что, по ихъ счисленію, приходится гораздо прежде нашего сотворенія свѣта.

Эти *мелодиумы*, которымъ инструментный мастеръ Александръ (Alexandre) придалъ такое разнообразіе звуковъ и такую мягкость, особенно въ высокиихъ реестрахъ, распространяются не только въ Европѣ, но и въ Новомъ Свѣтѣ. Не доставало до сихъ поръ сочиненій, свойственныхъ этимъ инструментамъ, и искусныхъ артистовъ, понимающихъ достоинства и недостатки *мелодиума*. *Дѣв. Дрейфусъ* вполне замѣнила и виртуоза и композиста. Она поняла, что *мелодиумъ* не фортепьяно и не органъ, этотъ инструментъ — инструментъ, въ которомъ не возможно пробудить выраженіе. Она умѣетъ пользоваться средствами *мелодиума*, и ея полныя мечтательности аккорды ея игривые пассажи, а иногда духовное величіе извлекаемыхъ звуковъ, невольно проникаютъ душу слушателя. Фантазия оперы *Дочь втораго полка*, очень много и очень справедливо

справились публикѣ. Мотивы Доницетти переведены на новое музыкальное изрѣчіе, и переведены прекрасно.

Знаменитому инструментному мастеру *Саксу* поручено сформировать военную музыку. Оркестръ этотъ будетъ состоять изъ большой части прежнихъ духовыхъ инструментовъ и всѣхъ сортовъ *саксъ-гооновъ*, *саксофоновъ* и *контрбасовъ*, изобрѣтенія г. Сакса. Въ этомъ мѣсяцѣ оркестръ этотъ начнетъ уже играть, подъ дирекціею г-на Мора. Многіе изъ замѣчательныхъ артистовъ парижскихъ театровъ поступили въ составъ этого оркестра, а г. Арбанъ, первый въ Европѣ артистъ на рожкѣ, выѣхалъ уже изъ Лондона, чтобы къ нимъ присоединиться.

Г. Вивье, музыкальный *авторъ-умница* салонныхъ пьесъ, который такъ хорошо играетъ на рожкѣ въ часы своихъ досуговъ, возвратился изъ Константинополя. Онъ давно уже смѣкалъ, что настоящіе любители музыки — не Французы, а Турки, и чтобы убѣдиться въ этомъ, отправился ко двору блистательной Порты. Султанъ принялъ его весьма милостиво, осыпалъ подарками и поручилъ его покровительству своего представителя во Франціи. По пріѣздѣ г-на *Вивье* въ Парижъ, Вели-паша не хотѣлъ съ нимъ разстаться и помѣстилъ его въ палатахъ турецкой миссіи.

Но довольно о музыкѣ, хотя мы и не пересказали многихъ музыкальных новостей послѣднихъ дней прошлаго года. Посмотримъ, что дѣлаетъ *большой городъ короля Генриха (la grande ville du roi Henry)*, какъ его называютъ Французы.

Программы увеселеній обшчала столько очарованій, афиши столько чудесъ, что стеченіе пріѣзжихъ иностранцевъ и иногородцевъ можно безошибочно назвать *нашествіемъ иноплемennыхъ*. Парижъ вдругъ сдѣлался обширнымъ *постоялымъ дворомъ*, гдѣ чужеземцы остановились покормить свое любопытство и отдохнуть въ безсонныя ночи отъ утомительнаго бездѣйствія своихъ домашнихъ дней.

Но теперь гости уже разѣхались, — празднества уже окончились, скажутъ многіе. — Да развѣ празднества кончаются когда-нибудь въ Парижѣ, развѣ Парижъ бываетъ когда безъ гостей? — Въ Парижѣ одинъ праздникъ въ годъ, но за то онъ точно *годовой*; неустанный, безсмысленный. Будни въ Парижѣ кроются по закоулкамъ, по лачужкамъ, по подваламъ большихъ домовъ, — на улицѣ ихъ нѣтъ. Смотри на эту толпу, не богачей, а работниковъ, простолюдиновъ, черни, невольно подумаешь: «Да когда же они работаютъ? — А между тѣмъ они работаютъ, работаютъ много, хорошо и прилично. Гдѣ и какъ? — Это тайна парижской жизни.

Въ этой суматохѣ приважишь, въ этомъ приливѣ желаній, надеждъ и опасеній, въ этомъ ровъ иноземцевъ, парижанинъ стоитъ съ спокойнымъ величіемъ. Онъ хозяинъ, онъ знаетъ, что праздникъ его не можетъ не имѣть успѣха; онъ наблюдаетъ и критикуетъ, тогда какъ всѣ смотрятъ и удивляются. Но съ поднятіемъ зававса лихорадочное волненіе овладѣваетъ имъ, онъ вмѣшивается въ толпу, онъ сливается съ нею, роднится съ иноземцами, братается съ провинціалами, живетъ ихъ жизнью, дышетъ ихъ чувствомъ, жаждетъ ихъ желаніями, и за общій пиръ садится одна семья. Уровень любопытства прошелъ надъ толпою, и только тогда, какъ все придетъ въ нормальный порядокъ, парижанинъ снова наряжается въ свою городскую національность, снова становится осторожнымъ и скептикомъ.

Народныя представленія въ Парижѣ—самыя успѣшныя изъ всѣхъ представленій. Улица — любимый театръ парижанина. Комедія или драма разыгрывается на этой сценѣ, партеръ всегда полонъ. Все равно: пыль, грязь или кровь подъ ногами, баррикаду или триумфальную арку строить на мостовой, свистать ли пули или раздастся торжественный звукъ трубъ, — лишь бы было зрѣлище, лишь бы было чѣмъ насытить любопытство, эту неутолимую жажду француза. Больше всего парижанинъ любитъ оффиціальныя празднества, — бенедисы господствующей власти. Общественное мнѣніе смиренно преклоняется предъ удовольствіемъ. Надѣвая праздничный кафтанъ, работникъ отрывается отъ духа партіи, къ которой принадлежитъ. Въ часы работы, для парижанина всякая власть — угнетатель, въ часы веселья — благодѣтель.

Во Франціи народъ всегда былъ на сторонѣ веселящихся. Парижанинъ пуще всего боится скуки.

Французскому правительству можно подать советъ, который подають нянькамъ, поручая имъ капризнаго ребенка:

«Займи его, чтобы онъ не плакалъ и не шалилъ».

Послѣдствіе этой черты французской національности, этого наследственнаго любопытства — благопріобрѣтенная привычка *зававса* (la badauderie). Французъ звѣака по призванію.

Взгляните, какъ толпится народъ на площади *Шамле*. Смотрите, какъ уличные мальчишки (*les gamins de Paris*) бегутъ туда, чтобы не прозвать случая позвать. Съ десяти часовъ утра (а теперь уже скоро шесть) толпа сжимается толпою. При входѣ въ магазинъ красокъ стоитъ большой стеклянный ящикъ, очкомъ выходящій на гробъ; изъ этой прозрачной будки поглядываетъ на народъ чуждая человеческая фигура, безмолвная и неподвижная. Что это такое? А вотъ и надпись; — прочтите:

«Мумія мужчины, привезенная изъ египетскихъ катакомбъ (въ Верхнемъ Египтѣ). Тѣло это бальзамировано за три тысячи лѣтъ предъ имъ, по религіозному обряду древнихъ Египтянъ. *Мумія, истертая льнянымъ масломъ, служитъ артистамъ для накладки грунта въ картинахъ.*»

И толпа стекается смотрѣть на мумію, не съ археологическими обужденіями и не для того, чтобы сказать съ латинскимъ поэтомъ: *quantum est in rebus inane!* Нѣтъ,—народъ пришелъ посмотрѣть овость, — позбвать. Толпа смѣется, указывая на чорнаго подданнаго араоновъ, и ни въ одной головѣ изъ предстоящихъ не зародится рустная мысль, которая неволью тѣснится въ душу мыслителя.

Вотъ усопшій египтянинъ, который жилъ въ изобиліи, окруженный роскошью великолѣпныхъ Фивъ, стовратаго города древности. По его смерти, родственники покойнаго оплакали его, порыли лицо и головы свои грязью, бѣгали по городу, ударяя себя въ рудъ, и наконецъ отнесли трупъ умершаго къ жрецамъ, именувымъ *тарихевтами* и *холхитами*, чтобы набальзамировать его. Жрецы вымыли тѣло, начинили его ароматами, и на семьдесятъ дней южили въ растворъ самородной щелочной соли; потомъ спеленали го свивальникомъ и погрузили въ сосудъ съ кипящею горною смоою; наконецъ положили въ гробъ, этотъ гробъ вставили въ другой, и помѣстили въ пещерахъ, изсвченныхъ недалеко отъ Фивъ, въ скалахъ Ливійскаго хребта. Но могъ ли ожидать этотъ нетлѣный прахъ, что покой его будетъ нарушенъ до скончанія вѣковъ? Не такъ хотѣла судьба. По прошествіи двухъ тысячъ девяти сотъ осьмидесяти лѣтъ, нѣсколькихъ мѣсяцовъ и нѣсколькихъ дней, уезземцы, съ которыми онъ сроду не водилъ хлѣба-соли, прѣехали везти его къ себѣ въ гости. И вотъ онъ снаряжается въ путь, пускается Ниломъ въ Александрію, садится на корабль, переплываетъ Средиземное море, входитъ въ Марсельскую гавань, плыветъ въ верховью Роны, и по желѣзной дорогѣ приходитъ съ транспортомъ тяжестей въ Парижъ, чтобы служить вывѣской магазина расокъ и ваксы!

О извѣтельная насмѣшка беспощадной судьбы, которая, послѣ голкихъ вѣковъ мрака и молчанія, добыла его изъ саркофага, чтобы оставить въ чужой землѣ, на публичной площади, на диво насмѣчивой толпѣ, на потѣху прохожихъ, которые имѣютъ передъ нимъ ничтожное преимущество прыгать или гнуться модъ ношею жизни, честь которой онъ давно уже сбросилъ.

Это зрелище складывает на мысль грустных речей поэтов: тщеть благъ земныхъ: *σχαῖς ἔνθαρ ἄνθρωπος* — Пиндара (человекъ—сонъ тѣни), *pulvis et umbra sumus* Горация (мы — тѣ и прахъ)—образы невѣрные, но поэтическіе и поразительные, какъ всѣ образы поэтовъ. Грустно человеку слышать, что онъ только праткъ но быть человекомъ, чтобы сдѣлаться дотомъ мумією, кускомъ дурной краски, которую *стираютъ съ льнянымъ масломъ, чтобы наклеивать грунтъ подь картины*, быть человекомъ, и потомъ распродаваться по частямъ, по нѣскольку копеекъ пузырекъ, растереться на тысячи палитръ, размазаться подь тысячью кистей,—и этой мысли есть оскорбительное шутство, котораго не подозревалъ и тѣ, что писали самыя плачевныя картины нашего ничтожества. Боссюэтъ, великій ораторъ смерти, сказалъ: *какую ничтожную часть вещества ссудила человеку природа... и эта часть должна всегда быть въ оборотъ*. Не станемъ упрекать христiанскаго проповѣдника за пантеизмъ этой идеи, и скажемъ только пусть такъ, въ оборотъ производительной природы, которой *нижнiя* тлѣнная оболочка нужна для воспроизведенiя другихъ формъ,—въ оборотъ людей? Но быть товаромъ, чернымъ животнымъ, ратью съ пурпуровой кошенилью, быть орлеанкой, киноварью, венецианскiя ларью.... Можетъ ли быть что унижительнѣе для нашего тщеславiя

Интересно было бы не ограничиться догадками о старомъ египтянинѣ площади Шатле. И теперь, впрочемъ, можно привить нѣкоторыя почти достовѣрныя подробности къ его посмертной биографіи: человекъ этотъ, совершившій такое далекое путешествіе три тысячи лѣтъ послѣ своей смерти, никогда не выходилъ, *можетъ* быть, при жизни изъ города Фивъ, гдѣ онъ былъ погребенъ. *Можетъ* быть, онъ никогда не бывалъ въ Мемфисѣ и не видѣлъ славныхъ пирамидъ, передъ которыми малорослый артиллерійскiя генераль сказалъ когда-то своимъ солдатамъ: *«съ вершинъ этихъ пирамидъ сорокъ вѣковъ смотрятъ на ваши подвиги.»* Одно изъ прекрасныхъ изрѣченiй, которыя исторiя вноситъ въ свои скрижали и которымъ люди удивляются тѣмъ болѣе, что слова эти не *имѣютъ* вовсе никакого значенiя.

Намекъ этотъ припоминаетъ намъ иконологическое изображенiе этой знаменитой фразы въ ребусахъ какого-то журнала: четыре воршуна (*milan*) смотрятъ съ верхушекъ пирамидъ на войска, *предъ* которыми стоитъ генераль Бонапарте. Вотъ объясненiе: *quatre milans (quatre mille ans или quarante siècles) vous contemplant de haut de ces pyramides.*

Въ французскомъ официальномъ журналѣ народнаго просвѣщенія сообщаютъ объ ожидаемомъ прибытіи новыхъ гостей въ парижскій ботаническій садъ, высланныхъ изъ Китая г. Монтины, французскимъ консуломъ въ *Шангъ-Гаи*, усердіе котораго къ обогащенію парижскихъ коллекцій не разъ уже заслужило благодарность ученыхъ. Вотъ какихъ звѣрей отправилъ онъ на этотъ разъ во Францію: хрюкающій быкъ (*Bos gruniens* по Линнею) самецъ и самка; три вида журавлей или ибисовъ; нѣсколько паръ мандаринокъ (видъ утокъ), прекрасный орелъ, пѣтухи, куры и другая домашняя птица, несравненно рослее нашихъ и болѣе цвѣтистыя перьями.

Якъ, или хрюкающій быкъ, названный также быкомъ съ лошадинымъ хвостомъ, былъ извѣстенъ и въ древности. Элианъ (Aelian) упоминаетъ о немъ. Впрочемъ животное это оставалось до сихъ поръ наименѣе извѣстнымъ изъ млекопитающихъ, хотя и самое замѣчательное изъ нихъ.

До сихъ поръ парижскіе натуралисты тщетно старались достать экземпляръ этого четвероногаго;—имъ не удалось добыть даже его кожи; имъ достался только хвостъ, употребляемый у обитателей востока на бунчуки (родъ знамя), и черепъ, который почитается рѣдкостію парижскаго музея.

Г. Монтина вывелъ эту пару съ горъ Тибета и долго держалъ ихъ въ *Шангъ-Гаи*, гдѣ климатъ не много чѣмъ разнится отъ парижскаго. Это подаетъ надежду размножить породу хрюкающихъ быковъ во Франціи.

Животное это покрыто длинною шерстью, которая ежегодно спадаетъ и замѣняется новою. Мясо его очень вкусно, самка даетъ прекрасное молоко. Подобно верблюду, хрюкающій быкъ переноситъ значительныя тяжести. Онъ не жаденъ на кормъ и естъ почти всякую растительную пищу.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ИЗЪ КАЗАНИ.

Теперь, когда близокъ, незримыми шагами подкраившійся, новый 1853 годъ, пора свести счеты съ старымъ годомъ, и посмотреть, какую память о себѣ онъ оставилъ въ Казани.

Наружность города,—естественнѣе всего начинать съ наружности,—въ теченіи года измѣнилась не много: пожаровъ, которые такъ редки въ Казани, въ нынѣшнемъ году, благодаря Всевышнему, было очень мало, а значительныхъ—ни одного. Въ кремль казанскомъ пробиты, для удобства, новыя ворота, и продолжали отдѣлывать дворцовую церковь; въ городѣ же, Воскресенская улица, лучшая въ Казани, утратила одну изъ слѣдовъ пожара 1842 года, отдалкою большаго казеннаго зданія, а также и на театральной площади отдалены два большіе дома, такъ что только зданіе дворянскаго собранія остается неоконченнымъ для волюй красоты этой обширной площади, лучшей въ городѣ. На другихъ улицахъ зданія явилось нѣсколько новыхъ домовъ, но за то очень на многихъ новыхъ постройкахъ вы видите классическую надпись: *сей домъ продается*, а на некоторыхъ читаете замысловатое изреченіе: *сей домъ отдается*. Въ теченіе 1852 года производилась въ Казани постройка и отдѣлка двухъ церквей, еще не освященныхъ: одной—на пороховомъ заводѣ, а другой, Никольской—близъ Булака, перестроиваемой приношеніемъ одного казанскаго купца; кромѣ того, передана весьма изящно колокольня грузинской церкви и поправлена колокольня казанскаго Девичьяго монастыря.

Если фizioномія города осталась почти прежняя, то значительная перемѣна произошла въ общественной его жизни: съ 6-го апрѣля начали представленія въ новомъ театрѣ, обширномъ для Казани и довольно красивомъ. Внутреннее устройство зданія, обширнаго и большую залу для концертовъ, въ бель-этажѣ, также довольно сообразно съ требованіями театральными и маскарадными,—потому что въ театрѣ даются и маскарады,—за немногими исключеніями, напримѣръ, буфетъ, по неизбѣжнѣ кухни, можетъ доставлять только холодныя кушанья, и проч. Но въ театрѣ, *comme de raison*,

главное условие составляет не столько здание, сколько труппа артистов и выбор пьес посредством актеров: конечно, неприятно, очень неприятно бывало сидеть въ грязныхъ и уродливыхъ ложахъ стараго театра, на непрерывномъ сквозномъ вѣтру, но нѣтъ никакого удовольствія изъ хорошенькой ложи смотрѣть на плохихъ актеровъ. Къ счастью, нашъ новый театръ безопасенъ отъ упрека и съ этой стороны: казанская труппа, составленная изъ артистовъ с.-петербургскаго театральнаго училища, нижегородскаго театра и прежняго казанскаго театра, представляетъ всѣ условія для успешныхъ представлений водевиля, драмы и отчасти комедіи и оперы-водевиля. Свѣтилами казанскаго театра я осмѣливаюсь считать только двухъ драматическихъ артистовъ: г-жу Стрѣлкову 2-ю и г. Милославскаго, прибывшихъ къ намъ съ нижегородской сцены. Мы, Казанцы, знаемъ, что нижегородская публика удивляется, какимъ образомъ г-жа Стрѣлкова 2-я, считавшаяся въ Нижнемъ второстепенною актрисою, на нашей сценѣ—является на первомъ планѣ, но мы, Казанцы, честь имѣемъ отвѣчать нижегородскимъ дипломатамъ, что первыя и лучшія роли на нижегородской сценѣ выпадали на долю г-жи Шмитгофъ, выдвинутая изъ-за которой было довольно трудно нашей артисткѣ, и что талантъ является не сразу талантомъ, а развивается постепенно. Читали еще мы, Казанцы, хотя и съ великою склонностію къ непробудному сну, статью г. Авдѣева о казанскомъ театрѣ въ Отечественныхъ Запискахъ, и не мало подивились проницательности, открывшей никѣмъ здѣсь въ мѣру не оцененный талантъ въ г-жѣ Стрѣлковой 1-й. Авторъ-туристъ ничего не нашель сказать о Казани, кромѣ того, что гостепріимный хозяинъ, у котораго оставивался г. Авдѣевъ, отчаянный меломанъ, ставящій Стрѣлку 2-ю выше Самойловой!!! Если это правда, то печатное объявленіе о томъ— дурная плата за гостепріимство.

Выборъ пьесъ, составляющій не послѣднюю статью въ существованіи театра, у насъ довольно удаченъ, хотя и случается порой, что дается пьеса не подь силу артистамъ. Въ короткое время казанскій театръ дошелъ до геркулесовскихъ столбовъ искусства: здѣсь уже давали и Гамлета и Ревизора. Въ первой пьесѣ роль Гамлета исполнена была удовлетворительно г. Милославскимъ, а роль Офеліи г-жею Стрѣлковой 2-й; Ревизоръ, дававшійся въ бенефисъ г. Владимірова, не удался, потому что ни роль Хлестакова для г. Дудкина, ни роль городничаго для самого бенефицианта, ни многія другія роли—еще не по силамъ казанскимъ артистамъ. Со временемъ, можетъ быть, и комедіи Гоголя будутъ идти удовлетворительно на здѣшней сценѣ, а покаместъ можно съ большимъ удовольствіемъ смотрѣть «Мате-

ринское Благословеніе», «Дочь втораго полка», и прочія пьесы, въ которыхъ возбуждаетъ восторгъ г-жа Стрѣлкова 2-я, которой признательная казанская публика недавно сдѣлала роскошный подарокъ.

Если общественная жизнь въ Казани очень оживилась съ открытіемъ театра, то, съ другой стороны, самому городу, по некоторымъ соображеніямъ, представляется въ будущемъ большой уронъ: мы здѣсь говоримъ преимущественно о развитіи пароходнаго сообщенія по Волгѣ и Камѣ, переводящаго съ сухопутья на волю транзитную казанскую торговлю, и отнимающаго у Казани значительную долю прежняго торговаго значенія. Правда, до сихъ поръ еще не замѣтно явныхъ послѣдствій этого ущерба, но извѣстно уже, что городскіе доходы довольно уменьшились; кромѣ того явно еще, что судоходство также приходитъ въ нѣкоторый упадокъ, а бакалѣвская пристань подвигается все ближе къ устью Казанки, гдѣ останавливаются пароходы. При этомъ цѣны за провозъ пассажировъ не понизились, а повысились противъ прошлаго года, а нечего и говорить о судахъ и мелкихъ лодкахъ; лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, я самъ ѣзжалъ на досчаникѣ до Симбирска съ разными удобствами за полтинникъ, нынѣ же такихъ цѣвъ не услышишь. Казанскіе политики-экономы предсказываютъ блистательную участь Перми и дѣлаютъ ея Казань, но, кажется намъ, эти описанія преувеличены, и притомъ шоссе, а въ особенности желѣзная дорога можетъ все измѣнить и доставить Казани еще бѣольшую противъ прежняго важность. Пароходство имѣетъ пока еще на своей сторонѣ ту выгоду, что многіе провзажающіе, избѣгая прогонъ по вольной дорогѣ между Казанью и Пермью, отправляются, даже противъ своего желанія, на пароходахъ.

Между тѣмъ какъ предвѣщаютъ такое передвиженіе казанцевъ, припомнимъ, что въ нынѣшнемъ 1852 году исполнилось триста лѣтъ русской Казани. Описаніе празднованія этого событія уже было сообщено нами къ общему свѣденію; теперь же мы считаемъ уместнымъ прибавить, что Памятный листъ города Казани, составленный по случаю трехсотлѣтія Казани академикомъ Раковскимъ, выйдетъ непременно въ скоромъ времени въ свѣтъ у насъ въ Москвѣ изъ хромолитографіи, бывшей Дрегера.

Къ числу замѣчательныхъ событій изъ казанской жизни 1852 года принадлежитъ очередная для губерній Нижегородской, Вятской, Симбирской, Пензенской, Казанской и Саратовской выставка самородковъ произведеній и мануфактурныхъ издѣлій восточнаго края саратовской-

ской Россіи. Въ этой выставкѣ изъ чужихъ губерній приняли участіе только отчасти Вятская, и еще менѣе Нижегородская. Въ сравненіи съ выставкой 1845 года, нынѣшняя отличалась обиліемъ выставленныхъ предметовъ, продолжительностью выставки и многочисленностью посѣтителей, но процесса въ сельскихъ произведеніяхъ значительнаго—не было замѣтно.

Теперь въ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ, я разскажу вамъ, какъ вела себя въ 1852 году казанская погода. По засвидѣтельствуванію профессора физики А. С. Соловьева въ Казанскихъ Губернскихъ Видомостяхъ (*), прошлая зима у насъ была умѣренная, нѣсколько теплѣе четырехъ предыдущихъ зимъ; весна началась поздно, и за сильными холодами последовали вскорѣ дожди; растительность развернулась быстро, а рѣвки вскрылись почти въ обыкновенное время; разливъ Волги принадлежалъ нынѣ къ числу довольно высокихъ, но вода стояла не долго. Лѣто было холодное и дождливое, осень довольно сухая и очень короткая; за теплымъ, невѣроятнымъ сентябремъ, никакъ не ладившимъ съ извѣстною о немъ поговоркою, явился суровый октябрь; зима настала рано, но холодовъ сильныхъ и продолжительныхъ не было, только температура измѣнялась часто и быстро, такъ что, напримеръ, 7 декабря въ полдень, при туманной погодѣ была +2°, вечеромъ шелъ дождь, а на утро уже стало—6°. Прошу замѣтить, что Казань не Петербургъ, и что такіа *salto-mortale* здѣсь необыкновенное дѣло (**). Урожай хлѣбовъ озимаго и яроваго—нынѣшній годъ былъ обыкновенный, довольно хорошій, всходы также довольно хороши.

Отъ урожая хлѣбовъ и травъ я перехожу къ урожаямъ литературнымъ, въ которыхъ самую значительную долю занимаетъ университетъ. Въ теченіе этого года въ Казани вышли отчеты по управленію Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, четыре книжки Ученыхъ Записокъ за 1850 годъ, Путешествіе по Сѣверной Персін, профессора И. Березина, его же второй томъ Библиотеки Восточныхъ Историковъ (татарскій текстъ), его же, Грамматика персидскаго языка (въ 3 частяхъ), его же, *Recherches sur les dialectes persans* (въ 3 частяхъ), профессора М. Киттары, каталогъ казанской выставки и публичныя лекціи Технологин (1-й выпускъ), профессора Фойгта, обзоръ хода успѣховъ преподаванія восточныхъ языковъ въ казанскомъ университетѣ, и 24 восточныхъ изданія (въ типографіи

(*) 1852 года № 25.

(**) При такомъ неправильномъ состояніи погоды нельзя ожидать удовлетворительнаго состоянія здоровья: и дѣйствительно, въ первой четверти года санархествовалъ въ Казани *тифъ*.

Университета, Коковина и Рахимъ-Джана Сагитова). Казанскія Губернскія Ведомости наполнялись преимущественно статьями оригинальными, касающимися Казанской губерніи; (*) изъ числа сотрудниковъ этой газеты обращаетъ на себя особенное вниманіе писатель-самуче изъ Чуваши Спиридонъ Михайловъ, о которомъ мы нагверены сказать кстати нѣсколько словъ.

Извѣстно, что Чуваши принадлежать къ числу неграмотныхъ нашихъ ивородцевъ, и досель человекъ образованный между ними, а тѣмъ болѣе писатель, былъ неслыханное чудо; поему не удивительно, что отецъ С. Михайлова, простой мужикъ чувашанинъ, смотрѣлъ неблагоклонно на страсть малолѣтняго сына къ русской грамотѣ; но наконецъ, когда сынъ еще шести лѣтъ хотѣлъ покинуть для ученья свою родимую деревню, отецъ вынужденъ былъ отвезти его въ городъ Козмодемьянскъ, гдѣ С. Михайловъ и поступилъ къ одному почтенному кушцу, и началъ свое ученіе съ Псалтыря. — Къ несчастію уже тринадцати-лѣтняго Михайлова, кушечъ, вкривитель его, скончался въ Астрахани. Нашъ юный чувашанинъ-грамотный, на котораго произвелъ сильное впечатлѣніе пріездъ архіепископа Филарета въ Козмодемьянскъ, думалъ отправиться, для усовершенствованія своихъ познаній, въ Казань, но обстоятельства были сильнѣе его желанія. С. Михайловъ принужденъ былъ остаться въ Козмодемьянскѣ, и поступилъ потомъ на службу переводчикомъ чувашскаго языка въ Козмодемьянскій Земскій судъ, гдѣ и состоитъ постоянно уже четвертое трелѣтіе.

(*) Въ послѣднихъ нумерахъ Казанскихъ Губернскихъ Ведомостей были напечатаны слѣдующія статьи: профессора Бекетова: практическія замѣтки о казанской тифозной эпидеміи 1852 года, (NN 23, 24, 25, 27, 30, 31, 32, 36, 37 и 38); Казанскій театр (N 23); профессора Березина: Тарханскія ярыпки (N 22); М. Навроцкаго: областныя царвокопшійскія слова (N 24); объ артезианскихъ колодцахъ въ Казани (NN 24, 25, 27, 28, 29, 30 и 31); С. Михайлова: преданія Чуваши (NN 24, 25 и 28); Суидырская гора (NN 29 и 30); о музыкѣ Чуваши (N 31), чувашскія свадьбы (NN 42, 43, 44, 45, 48 и 49), и еще о Суидырской горѣ (N 52); профессора Савельева: Историологическія замѣтки (NN 25 и 26); военная служба Татаръ (N 26); Тимогорова: греческія монеты въ милиціи-кабинетъ казанскаго университета (NN 32 и 33); князя Кострова: Качинскіе Татары (NN 32, 33, 34, 35, 37, 39 и 40); Казанская выставка (NN 37, 38 и 39); Статистическое сообщеніе Царвокопшійскаго уѣзда (NN 41, 45, 46, 48, 49, 51 и 52); Давыдовской воеводской канцеляріи (NN 42, 43, 44, 47 и 50); Вагабова: о жизни Булгара Тимуровъ (NN 43 и 45). Кроме того, въ газетѣ помѣщаются рефераты книгъ и статей, нѣсколько какое-либо отношеніе къ Казани, а именно: статьи профессора Григоревича (N 21); отчеты по управленію казанскаго Казанскаго учебнаго округа (N 22); приключенія Поля (N 24); Историческія землѣвѣднія (N 34), и каталогъ казанской выставки (N 44).

На литературное поле выступил С. Михайловъ въ нынѣшнемъ 1852 году въ Казанскихъ Губернскихъ Ведомостяхъ, гдѣ была напечатана (въ № 2) его первая статья: повесть о пребываніи въ г. Козмодемьянскъ Императора Павла Петровича. За этой повѣстью последовали этнографическія статьи о Чувашихъ и о древностяхъ козмодемьянскихъ, а въ последнее время г-нъ Михайловъ доставилъ въ редакцію К. Г. В. этнографическое описаніе Чувашъ съ большимъ собраніемъ пѣсень, пословиць, сказокъ, загадокъ, разговоровъ и поговорокъ чувашскихъ, что все вмѣстѣ составитъ толстую и очень интересную книгу: преимущественно филологи будутъ здѣсь имѣть случай познакомиться съ чувашскими текстами, которыхъ донынѣ въ печати почти не показывалось. — Тѣ, которые читали статьи г-на Михайлова, невольно удивляются его оригинальному, но простому и выразительному складу мысли и слова: въ молодомъ еще чувашскомъ писателѣ замѣтно даже умѣнье обращаться съ учеными предметами ученымъ образомъ, а въ «Чувашскихъ свадьбахъ» онъ является съ русскими стихами.

Послѣ этого обзора казанской жизни въ 1852 году, я намеренъ поговорить о послѣднихъ событіяхъ осени и зимы, о которыхъ не было еще сообщено въ Москвитянинѣ.

Въ началѣ августа скончался въ Казани въ преклонныхъ лѣтахъ литераторъ Москотельниковъ, переводчикъ Освобожденнаго Иерусалима Торквато Тассо (съ французскаго); 28 августа происходилъ въ университетѣ диспутъ адъюнкта Камбека, а 23 ноября адъюнкта Пахмана, обоихъ на степень доктора юридическихъ наукъ; съ октября мѣсяца начались въ университетѣ публичныя лекціи Механики (профессора Котельникова, по четвергамъ и субботамъ), Технологіи (профессора Киттары, по понедельникамъ и средамъ) и Химіи (адъюнкта Бутлерова, по вторникамъ и пятницамъ). Въ ученое сословіе университета произошло два перевѣщенія: кандидатъ И. Н. Холмогоровъ назначенъ профессоромъ восточныхъ языковъ въ Ришельевскій лицей, а профессоръ словесности К. К. Фойгтъ определенъ ректоромъ въ Харьковскій университетъ. Намѣстующимъ общими сожалѣніями, Карлъ Карловичъ, уроженецъ и постоянный житель Казани, покинулъ нашъ городъ 20 декабря; по случаю его отъѣзда, дано было нѣсколько прощальныхъ вечеровъ сослуживцами его и учениками. На одномъ изъ этихъ вечеровъ, именно 10 декабря, были читаны сочиненныя на отъѣздъ почтеннаго профессора стихи, изъ которыхъ я приведу слѣдующій жростихъ одного изъ казанскихъ профессоровъ:

Дни идут за днями,
 Есть всему пределъ:
 Кто живетъ съ друзьями,
 А иныхъ удаль
 Бросить, но далеко,
 Разлучась съ друзьями,
 Якорь одинокій.

Други! Удалится
 Если и безъ бурь
 Сердцу близкій, — тмится
 Ясныхъ дней лазурь,
 Тяжело и больно!
 А того грустивъ
 Говорить невольно:
 «Онъ забылъ друзей!»

Между тѣмъ какъ университетъ лишился въ нынѣшнемъ году четырехъ профессоровъ (Петровъ, Клаусъ, Благовѣщенскій и Фойтъ), составъ его наполняется новыми членами. Такъ прибылъ къ намъ изъ Одессы адъюнктъ С. В. Пахманъ, известный ученому міру съ весьма выгодной стороны, а жителямъ Казани известный еще какъ отличный виртуозъ на скрипкѣ; для практики въ восточныхъ языкахъ въ университетъ и въ 1-ю гимназію опредѣлены: китайскій мусульманинъ Абдуль-Керимовъ (для китайскаго) и меккскій армянинъ Хосейнъ Ибнъ Ахмедъ, отлично владеющій арабскимъ языкомъ и приведшій съ своей родины кровныхъ арабскихъ людей, настоящихъ дѣтей Неджда. Вотъ какъ оправдываетъ Казань свое восточное призваніе! Прибавимъ еще, что въ последнее время провзжалъ черезъ Казань нѣсколько Курдовъ.

8-го ноября происходило торжественное собраніе въ Казанскій Духовной академіи, и въ скоромъ времени будетъ открыто въ Казани училище для дѣвицъ духовнаго званія.

Заклучу свое длинное посланіе обзоромъ послѣднихъ явленій въ общественной жизни Казани.

Нынѣшняя осень, которой, впрочемъ, въ Казани почти не было, была обильна не дождями, но явленіемъ на ясномъ казанскомъ горизонтѣ лучезарныхъ свѣтилъ, а иногда же и просто темныхъ пятенъ: къ первымъ мы причисляемъ смѣло сестеръ Дульковъ, дѣвшихъ здѣсь два концерта (12 и 19 сентября, въ университетской залѣ), и... и...

Со мной всегда такъ бываетъ: когда я хочу похвалить, я боюсь, чтобъ не сглазить, или по крайней мѣрѣ, чтобъ не ошибиться. Такъ и на этотъ разъ: я думаю лучше ограничиться простой записью казанскаго время-убиванья.

Прежде всѣхъ явились, для нашего удовольствія, гг. Лиммергардъ и Левисъ съ лилипутаномъ Томомъ. Первый давалъ магическія, физическія, и больше усыпительныя представленія, въ домъ Жарова, передъ немногими посѣтителеми, между которыми парламентское большинство составляли недовольные. Сколько помнимъ, самое замѣчательное въ этихъ увеселеніяхъ было то, что за входъ брали не дорого, а выходъ не стоилъ ровно ничего. Гимнастикъ Левисъ съ своимъ сыномъ давали представленія въ новомъ театрѣ, подъ эгидою распорядителей нашей сцены. Намъ кажется, что еще ни одинъ артистъ такъ не игралъ ни на одномъ инструментѣ, какъ Левисъ играетъ своимъ Томомъ. Но представленія эти однообразны, хотя и не возмущаютъ нежнаго эстетическаго чувства.

Затмить Лиммергарда и возстановить добрую славу египетской магіи взялся г. Мартини, пріѣхавшій ни слишкомъ поздно, ни слишкомъ рано, тотчасъ послѣ сестеръ Дулькенъ. Молва о неистощимой бутылкѣ Германа давно уже достигла въ Казань. Мартини осуществилъ эту бутылку. Но тутъ возникъ вопросъ: стоило ли дѣлать столько шума изъ пустяковъ? Ужъ если восхищаться и ахать, то лучше передъ ловкостью Мартини, а не передъ бутылкою, которую одинъ нездѣшній любитель невинныхъ опытовъ, говорятъ, желалъ купить послѣ пяти рюмокъ ликеру. Очень жалъ, что г. Мартини не продалъ своей бутылки!—Не понимаемъ еще, какимъ образомъ Парижъ, или, лучше сказать, французская иллюстрація была въ восторгъ отъ волшебной бутылки г. Гамильтона, преемника Роберъ Гудена, тогда какъ мы, Казанцы, уже давно перестали удивляться такому не хитрому изобрѣтенію: странность эту мы объясняемъ лишь извѣстнымъ изреченіемъ: *ex oriente lux*.

Когда я разсказалъ одному моему пріятелю, бухарскому муллѣ, проживающему давно въ Казани, объ удивительныхъ прогулкахъ г. Мартини на шарахъ, то достопочтенный мулла, не давъ мнѣ еще кончить рѣчи, предложилъ слѣдующій восточный апологъ:

«Въ управленіе нѣкотораго Казань-Мирзы, явился въ Тебризъ удивительный человекъ: онъ ходилъ по произволу то на ногахъ, то вверхъ-ногами. Мудрѣйшій изъ блюстителей порядка, Керимъ-бекъ доложилъ Казань-Мирзѣ, не благоугодно ли ему взглянуть на удивительнаго человека.

Казань-Мирза кивнулъ головой.

Привели удивительнаго человека въ палату Казань-Мирзы, гдѣ собралось несмѣтное число зрителей.

—Машалла! какое неслыханное диво! восклицали хоромъ зрители, держась обвими руками крѣпко за бороды, когда удивитель-

шій человекъ началъ ходить внизъ головой. Случилось такъ, что въ это время на голову ему съѣла муха.

—Всѣ вы ничего не смыслите: у всѣхъ у васъ подъ шапкою пусто, сказалъ премудрый Казань-Мирза. Посмотрите вотъ на муху, которая ползаетъ по головѣ этого дряннаго человека: она ходитъ теперь дважды верхъ ногами, а вы этому нисколько не дивитесь. Но все это ничего, продолжалъ премудрый Казань-Мирза, на этотъ разъ, сверхъ своего обыкновенія, разговорившійся съ подчиненнымъ, я васъ спрашиваю: какая польза этому человеку и всѣмъ намъ отъ того, что онъ ходитъ внизъ головой?...

Зрители не знали, что отвѣчать на такую разумную рѣчь, и по-нурили головы».

Въ ноябрѣ давалъ концертъ пѣвецъ Джордани, а въ декабрѣ скрипачъ Савастьяновъ; кроме того, открытъ съ декабря анатомическій музей Навратила, хозяинъ котораго вскорѣ по прїѣздѣ въ Казань скончался, и въ концѣ декабря явился чревоушатель и кудесникъ Матіасъ.

А. Л. КИВСОРОВЪ.

Казань.

23-го декабря, 1852.

ЧЕРНИГОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ. Мы говорили въ нашемъ изданіи многихъ губернскихъ вѣдомостяхъ; нынѣ обратимъ вниманіе на Черниговскія: онѣ принадлежать къ числу немногихъ лучшихъ. — Въ продолженіи прошедшаго года тамъ были напечатаны слѣдующія любопытныя статьи: историческое и статистическое описаніе г. Чернигова, Н. А. Маркевича; Замѣчанія на статью: «Мысли объ исторіи Малороссіи», Рюковича; Графъ М. В. Гудовичъ, Ханенка; О посвященіи Новгородскаго-Северской гимназіи графомъ Н. П. Румянцовымъ, Ханенка; О сводѣ трехъ правъ: статута, саксона и магдебургіи, генеральнымъ судьей Иваномъ Гороздною, въ царствованіе Императрицы Анны Иоанновны, Я. Г. Маркова; дополненіе къ статьѣ «О сводѣ трехъ правъ», А. М. Марковича; М. Олишевка, Шишацкаго-Иллича; Родина Стефана Яворскаго, митрополита рязанскаго и муромскаго, Шишацкаго-Иллича; Нѣкоторыя черты изъ быта казаковъ Черниговской губерніи, Гавриленка; Обычай при выборѣ сельскаго атамана, Шишацкаго-Иллича; Елецкій монастырь, Львевича; О срытомъ курганѣ въ Черниговѣ, А. А. Ригельмана; Статистическія свѣдѣнія о Черниговской губерніи, Львевича. По части сельскаго хозяйства и промышленности: историческое развитіе технической и мануфактурной промышленности въ Черниговской губерніи и современное ея состояніе, Гутмана; О предосторожностяхъ при переходѣ шерстаго смота съ ~~зависаго~~ ~~шпала~~ на лѣ-

ній, Липскаго; О саранчѣ, Липскаго; О весеннемъ угодѣ за пчелами, Липскаго; О болѣзни картофеля, Липскаго; Какъ сохранять и въ какомъ видѣ употреблять наземъ, Н. К. Р.

Кромѣ этихъ статей, мы имѣли возможность помѣстить слѣдующіе матеріалы: для исторіи мѣстнаго края: инструкція, какимъ образомъ К. Г. Разумовскому поступать, будучи въ чужестранныхъ государствахъ, сообщ. Ханенко; списокъ лицъ, встрѣчавшихъ Императрицу (Елисавету Петровну, во время провѣзда чрезъ Малороссію въ Кіевъ, въ 1744 г., сообщ. Самчевскій; дополненіе къ этой статьѣ, А. М. Марковича; два акта, относящіеся къ исторіи Батурина, сообщ. Любарскій; письмо Теплова о построеніи дворца въ Батуринѣ, сообщ. Самчевскій; Глуховскія древности (архивъ церкви трехъ Анастасій, четыре надписи въ соборѣ); акты, относящіеся къ исторіи Рыхловскаго монастыря, сообщ. П. А. Марковичъ; историческія свѣдѣнія о Крупицкой Батуринской Николаевской обители, сообщ. Льневичъ; грамота Петра I-го Іоанну Максимовичу, архіепископу Черниговскому и Новгородсверскому, объ избраніи новаго гетмана послѣ Мазепы; три указа Императрицы Екатерины генераль-маіору князю Мещерскому: два о заразѣ и одинъ о татарахъ, сообщ. Льневичъ; доношенія гр. Румянцова о пожарѣ въ Глуховѣ; переписка гр. Румянцова о колонистахъ, поселенныхъ въ Малороссіи; доношеніе чернигоскихъ мѣщанъ гетману Д. Апостолу, сообщ. Льневичъ; дѣло о постановленіи по выборамъ г. Чернигова мѣщанъ войтомъ Титовича, 1731 г., сообщ. Льневичъ; тестаментъ начала XVIII вѣка, сообщ. Льневичъ; переписка генеральнаго хорунжаго Н. Д. Ханенка съ сыномъ, сообщ. Ханенко; Протокулъ до записованія справъ поточныхъ на рокъ 1690. Для изученія мѣстнаго языка: сказка о трехъ братахъ Кондратахъ; рассказъ о дятлѣ, сообщ. Тулубъ; Глуховскія древности (рассказъ старожила); пѣсня «дворянка», сообщ. Самчевскій; Карлиновъ кустъ (народное преданіе), сообщ. священ. Туткевичъ.

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

СЕЛО ВОРСИНО, ПОМѢСТЬЯ КОЛЫЧЕВЫХЪ

Очень недалеко отъ Москвы, не далѣе 50 верстъ, находятся нынѣ въ Полольскомъ уѣздѣ родовая отчина знатнаго некогда род бояръ Колычевыхъ,—село Ворсино, вѣковое достояніе предковъ, родителей и кровныхъ святителя Филиппа, митрополита московскаго. Въ весьма недавнее время (1805 году), Ворсино, за престѣпеніемъ прямой нисходящей линіи своихъ владѣльцевъ, въ лицѣ секунд-майора Льва Александровича Колычева, вышло изъ ихъ рода.

При сельской церкви уцѣляли еще и теперь гробовые памятники надъ могилами нѣсколькихъ Колычевыхъ; въ родовомъ же склепѣ подъ церковью—положенъ дядя святителя, бояринъ Григорій Семеновичъ; на камень совершенно сохранилась изъѣченная надпись: *мѣта 7105, мая 12 дня, преставился рабъ Божій Григорій Семеновичъ Колычевъ.* Далѣе—положены отецъ и мать святителя, но, къ сожалѣнію, камни, надъ ихъ могилами утрачены въ 1835 году, при построеніи новой каменной церкви. Это могутъ подтвердить многіе изъ посѣщающихъ Ворсино, какъ мѣсто особенно благодатное, ознаменованное святою, труженическою жизнію своего владѣльца, боярина Григорія Семеновича.

Григорій Семеновичъ, сынъ боярина Семена Андреевича Колычева, былъ двоюроднымъ братомъ Степану Ивановичу, по прозванію Стенсуръ, родителю святителя Филиппа (1); онъ имѣлъ четверыхъ сыновей: Алексѣя, Меньшика, Безсо́на, Феодора и Бориса (2), которые всѣ служили при дворѣ царя Симеона Казанскаго, и всѣ пятеро умерли бездѣтными (3).

Вотъ все, что удалось мнѣ собрать изъ свидѣтельствъ дѣтствѣнныхъ; теперь расскажемъ нѣчто изъ преданій о жизни его.

Преслѣдуемый опалю Грознаго, послѣ паденія святителя, бояринъ Григорій Семеновичъ, какъ близкій родственникъ его, оказался конца гибельнаго, и уже окованный сидѣлъ въ темницѣ. Но отсель, какъ говоритъ преданіе, онъ чудеснымъ образомъ перенесенъ былъ въ с. Ворсино, гдѣ, уже посвятивъ остальные дни

(1) См. Родосл. книгу князей и дворянъ Росс., часть II, стр. 112, 113 и 114.

(2) См. тамъ же.

(3) См. тамъ же.

литве и покаянно, оны жилъ до самой кончины подь церковью. Очень замѣчательно, что въ 1835 году, при сооруженіи новаго каменнаго храма, когда надлежало сломать ветхую деревянную церковь, то строители, люди опытные въ своемъ дѣлѣ, находили еще какіе-то слѣды прежней обитаемости.

Нашъ рассказъ былъ бы неточенъ, еслибъ мы упустили упомянуть о Ворсиномъ храмѣ, гдѣ положены смертные останки многихъ сродниковъ величайшаго святителя нашей церкви.

Что храмъ существовалъ здѣсь издавна—въ томъ удостовѣряетъ насъ, такъ называемая, церковная перепись 1681 года, гдѣ сказано (см. стр. 149): «189 г. сент. въ 5 д. понатѣду князя Ивана Андреевича Шелешпанскаго въ отчину стольника Ивана Михайловича Кольчева въ с. Ворсинѣ — церковь древяна, кладка стара, и во имя та церковь Преса Богородици Феодоровскія, да въ предѣлахъ Андрея Стратилата, да Филиппа Митрополита... да по сказкѣ прикащика Ивашки Полошина, да старосты Федки Мосина, та церковь построена изстари (*).

Множество благочестивыхъ поклошниковъ и поднесъ посвящаютъ Ворсину; иные издалека приходятъ къ могилѣ боярина Григорія отслужить панихиду и взять горсть земли при гробовомъ камнѣ его.

Въ заключеніе скажемъ о Ворсинѣ, что съ 1824 года оно перешло во владѣніе г-жи Кариной.

1 января 1853 года.

УНИВЕРСИТЕТСКІЙ АКТЪ. 12 января университетъ Московскій праздновалъ день своего основанія. Предметомъ нынѣшней торжественной рѣчи былъ избранъ Жуковский и его значеніе въ русской жизни и литературѣ. Нельзя было сдѣлать выбора счастливѣе и благовременнѣе. О достоинствахъ рѣчи мы не считаемъ за приличное распространяться: читатели прочтутъ ее въ нынѣшней книгѣ Москвитянина. Въ свое время она будетъ сравнена съ прочими однородными статьями, а мы не можемъ здѣсь не порадоваться, что всѣ наши журналы сочли обязанностію — принести дань своего уваженія памяти покойнаго поэта, и представили статьи, болѣе или менѣе обширныя: Гг. Плетневъ, Никитенко, Галаховъ являются составителями съ г. Шевыревымъ.

Нельзя было слушать безъ умиленія священныя воспоминанія о заслугахъ Жуковскаго въ стѣнахъ Московскаго университетета, гдѣ оны получилъ свое воспитаніе, (ибо университетъ и пансіонъ составляли въ то время одно цѣлое), гдѣ оны началъ свое литературное поприще, гдѣ нашель первыя друзей и совѣтниковъ, гдѣ издавалъ журналъ, куда,

(*) Въ церковной ризницѣ сохраняются деревянные сосуды, которые также могутъ свидѣтельствовать о глубокой древности храма.

какъ въ законное судилище, и въ послѣднее время являлся съ своими новыми опытами. Тѣни Людмилы, Двѣнадцаты спящихъ дѣвъ, Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ, Орлеанской дѣвы, Шильонскаго узника, Пери съ Ангеломъ, Цейкса и Гальціоны, Улисса, Наля и Дамалити, Рустема, Зораба, Ундины... пронеслись передъ умилешными слушателями, и многіе изъ младшихъ современниковъ Жуковскаго часто отирали глаза. Честь, слава и благодарность почившему поэту за все добро, чистое и прекрасное, которое принесъ онъ отечеству, за тѣ овятыя минуты наслажденія, которыя доставилъ онъ и будетъ доставлять всегда соотечественникамъ своими чудными звуками.

Вторая обычная рѣчь на латинскомъ языкѣ: *de alienatione mentis*, не была читана за недостаткомъ времени. Предметъ ея довольно печаленъ, — и мы рады были не нарушать впечатлѣнія.

Потомъ розданы были золотыя и серебряныя медали отличившимся студентамъ. Мы не станемъ ихъ исчислять, прося вышнихъ читателей обратиться къ Московскимъ Ведомостямъ, гдѣ помѣщено подробное описаніе университетскаго акта. Замѣтамъ только, что при гимнѣ, пѣтомъ въ началѣ обѣда, кстати было бы вспомнить, что слова «Боже Царя храни» принадлежать Жуковскому. Замѣтай еще, что, при описаніи тостовъ, пропущенъ тостъ за здоровье оратора, которому по преимуществу принадлежала слава дня.

Московскій университетъ съ самаго своего основанія, по мысли Ломоносова, былъ первымъ въ Россіи учителемъ, хранителемъ и распространителемъ русскаго слова, и мы желаемъ отъ души, чтобы онъ и впредъ имѣлъ такихъ достойныхъ представителей какъ имѣетъ теперь, въ лицѣ профессора Шевырева, преемника Поповскому, ученику Ломоносова, Барсову, Чеботареву, Сохацкому, Мерзлякову и Давыдову.

Кстати мы скажемъ здѣсь два слова прискорбія о картинкахъ, которыми, говорятъ, украшена статья о Жуковскомъ въ Живописномъ Сборникѣ: издатель вздумалъ представить намъ домъ въ Дюссельдорфѣ, Франкфуртѣ и Баденѣ, гдѣ жилъ Жуковскій. Помилуйте! мы желаемъ изгладить воспоминаніе объ этомъ несчастномъ времени, когда знаменитый пѣвецъ нашъ, уступая печальной необходимости, долженъ былъ жить внѣ отечества, а вы намъ суете глаза эти изображенія! На что намъ ихъ? Представьте намъ лучше домъ, гдѣ родился Жуковскій, въ Бѣлевѣ, — комнату, гдѣ учился онъ, въ Москвѣ, — кабинетъ, гдѣ приготовлялся онъ къ своимъ великимъ урокамъ въ Петербургѣ, — а Баденъ, Франкфуртъ и Дюссельдорфъ.... пускай красуются въ нѣмецкихъ альманахахъ, или хоть въ англійскихъ кипсекахъ, а намъ они не надобны! Ж. П.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРЯНИЧНЫЯ.

Придворный бальный костюмъ.—Смерть чернаго фрака.—Парижскій карнавалъ.—
Ранняя весна.—За что женщины сердятся?—Продажа картинъ.—Балъ въ пользу
бѣдныхъ.—Спѣсивыя патронессы.—Варшавскій обычай.—Возстаніе матерей.—
«Орфа», новый балетъ.—Министерскій переломъ въ Англии.—Женщины негр-
фильмъ.—Ада-Байронъ.—Лордъ-клевѣтникъ.—Ссора по-американски.—Классифи-
кація поэтовъ по Линнею.—

Каштанъ и нижнее платье бархатные,—цвѣтъ произвольный; жабо
и манжеты кружевные; плюмажъ на шляпѣ черный; шпага сталь-
ная, въ бѣлыхъ кожаныхъ ножнахъ; чулки шелковые, светло-розо-
ваго цвѣта; башмаки съ золотыми пряжками,—вотъ костюмъ, пред-
назначенный г-мъ оберъ-камергеромъ французскаго двора для лицъ,
которые, не имѣя мундира по должности, пожелають быть пригла-
шены на балы въ тюльерійскій дворецъ.

Въ республикѣ черныхъ фраковъ тревога—черные фраки въ
отчаяніи.

О, черный суконный фракъ, уроженецъ туманнаго Альбіона,
который надѣлъ тебя на всѣ сословія, на всѣ живыя ступени
общественной лѣстницы, начиная съ пѣра трехъ соединенныхъ ко-
рлевствъ, до дворника, метущаго улицу; о ливрея великолѣпія и
нищеты, крестинъ и похоронъ, свадебнаго пира и траурнаго ви-
зита, смѣха и слезъ! О фракъ, годный ко всему и равный для всѣхъ,
убранство судьи и просителя, господина и лакея! Возвращаясь съ
похоронъ, твой владыцъ, не успѣвъ еще страхнуть пылъ кладбища,
уже везетъ тебя въ шумное общество бала, и ты, недавно оро-
шенный теплыми слезами скорби, уже видишь на себѣ горячія слезы
восковыхъ свѣчъ, озаряющихъ твою, всегда торжественную физио-
номію, не измѣняющуюся на всѣхъ толпищахъ суетнаго свѣта. Какой
ударъ нанесенъ тебѣ! Скромный уровень общественныхъ различій,

ставившій на одну доску Ламартина съ бездарнымъ рифмоплетомъ, Меербера съ трактирнымъ гудочникомъ, Тьера—съ казарменнымъ рассказчикомъ великихъ подвиговъ Наполеона,—ты, наконецъ, отжилъ вѣкъ свой,—но ты долго жилъ.... Ты, которые носили тебя среди лакеевъ и буфетчиковъ, однообразно съ ними одѣтыхъ, не рискуютъ уже, чтобы у нихъ попросилъ кто-нибудь стаканъ сахарной воды, или ключъ, такъ необходимый *Аргану* слишкомъ откровеннаго *Мольера*. Пятдесятъ лѣтъ ты проповѣдывалъ равенство, и чуть самъ не сдѣлался жертвою этого равенства, во дни разгула демократической блузы, подъ которою ты иногда самъ прятался, и которая чуть не лишила тебя твоего господства въ туалетномъ царствѣ. Твое время миновало, бѣдный другъ мой,—смирись и покорствуй судьбѣ своей;—уступи свое мѣсто бархатнымъ кафтанамъ, отъ которыхъ, впрочемъ, капли горячаго воска не такъ скоро отстаютъ, какъ отъ тебя. Ступай, ступай, черный фракъ, мундиръ политическихъ проповѣдниковъ, полководецъ черни, надобвшей Франціи своими сумасбродными выходками; унеси въ своихъ карманахъ послѣдній боевой патронъ уличныхъ воителей; а ты, бархатный кафтанъ, не приноси въ своихъ смѣшныхъ париковъ и несносной пудры, а съ ними всѣхъ причудъ: невѣжества, пороковъ и заблужденій, прежнихъ спутниковъ твоего господства во Франціи. Прощай, забывенный фракъ, неизмѣнный товарищъ свѣтскаго человека, дешевый билетъ на входъ въ общество. При всѣхъ причудахъ мотовства, ты никогда не стоилъ дороже полутораста франковъ, не смотри на прикладъ бархата и атласа! Прощай—на выставкѣ знаменитаго портнаго *Лозотуа*, рядомъ съ изукрашенными золотомъ мундирными чиновниковъ двора и высшихъ управленій, красуется уже бархатный костюмъ для людей не должностныхъ, желающихъ присутствовать на придворныхъ балахъ. Костюмъ прекрасный, удобный, изящный—слова нѣтъ, но спросите счетъ, и вы увидите въ итогѣ *миллиону франковъ!*... Прибавьте къ этому, что три-четыре баллы *давки* похитять у него свѣжесть—необходимое достоинство подобныхъ нарядовъ, а горячій воскъ люстры можетъ погубить его невозвратно. Пока какой-нибудь портной-Боссюэтъ скажетъ надгробное слово покойному черному фраку, *дорога* его утрата *бѣднѣе* людямъ;—болезненно звучитъ въ ихъ сердцахъ горькая истина—каламбуръ: *long ou court, —il n'a plus cours à la court.* 1

Настала наконецъ блаженная эпоха для Парижанина—~~француз~~ танцевъ, спектаклей и концертовъ. Состязаніе въ увеселеніяхъ обнаруживается во всѣхъ сословіяхъ. Едва достаешь времени ~~убрать~~ убраться, прискаты музыкантовъ, пригласить гостей. До января все было тихо

одни *выжидали*, другіе *ожидали*. Наконецъ, ледъ проломленъ,— дворъ, министры, знать, средній классъ, мѣщане—все закружилось въ вихрь парижскаго карнавала, который давно уже не былъ такъ шуменъ, такъ многолюденъ, такъ веселъ. Балъ въ ратушѣ, балъ въ Тюльери, балъ у министра финансовъ, у военнаго министра, рядъ баловъ у высшихъ сановниковъ двора—вотъ какъ начался сезонъ веселья и вотъ какъ продолжится онъ до первой недѣли великаго поста. Между тѣмъ, Пале-рояль меблируютъ съ царскимъ великолѣпіемъ для короля (?) Жерома, павильонъ *Marsan* для принцессы Матильды, а елисейскій дворець для принца Люсьена-Мюрата,—все это предвѣщаетъ новые балы, новые праздники. Но чудо баловъ этой зимы, *le bal-monstre*, будетъ данъ сенатомъ Императору; приготовленія общають чудеса. Жизнь ключемъ кипитъ въ шумной столицѣ, и самая природа, глядя на людей, начинаетъ пробуждаться отъ зимняго сна. Знаменитый тюльерійскій капитанъ, расцвѣтающій, обыкновенно, около 20 марта, былъ въ полномъ цвѣту на праздникъ Богоявленія (*le jour des Rois*). Въ дворцовомъ саду фестоны лиственныхъ почекъ, цвѣточныхъ распуколокъ; ранняя весна, удивившая южныя провинціи Франціи, и въ Парижѣ готовить великолѣпный спектакль расцвѣта, а между тѣмъ переменная погода даетъ ежедневныя бенефисы простуднымъ лихорадкамъ.

Что дѣлають женщины?—женщины сердятся, что блестящіе мундиры придворныхъ затмѣвають на балахъ блескъ ихъ пышныхъ костюмовъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ потокѣ золота, только богатые, брилліантовые уборы могутъ быть замѣтны.

17 числа января началась аукціонная продажа картинной галереи герцога Орлеанскаго. Французы жалуютъ, предвидя, что большая часть мастерскихъ произведеній ихъ народныхъ живописцевъ: *Ingres, Delacroix, Ary Scheffer, Dalaroche, Gudin, Cabat, Descamps* и пр. достанутся иностранцамъ. Лучшія картины, это *Стратоника* и *Гяуръ*. Любители искусствъ, ревнители національной славы надѣются, что для этихъ *жемчужинъ* французской живописи парижане сдѣлають какую-нибудь *высокую глупость*, une *folie sublime*,—какъ сдѣлали при продажѣ *La Vierge aux anges* Мурильо,—и во что бы то ни стало, не выпускать эти картины изъ Франціи. Другаго рода рѣдкость этой продажи—серебряныя напольныя украшенія, *un tout de table*, которыхъ одна работа стоила герцогу болѣе семи сотъ тысячъ франковъ.

Говоря о балахъ, мы забыли сказать объ одномъ, который долженъ былъ занять почетное мѣсто въ нашемъ отчетѣ. Это балъ драматическихъ артистовъ въ пользу бѣдныхъ. Билеты раздають крас-

вицы-артистки всѣхъ театровъ Парижа. Никогда красота не могла лучше употребить своего вліянія на кошельки своихъ поклонниковъ. Жалко однако же, что преданность патронессъ этому добродушному дѣлу не такъ подна, какъ бы следовало. Онѣ раздають билеты, но сами никогда почти не бывають на этихъ балахъ, а если и рѣшаются воститить ихъ, то не танцуютъ, по какому-то ложному опасенію уронить свое достоинство, танцую Богъ знаетъ съ кѣмъ, съ *разными сбродомъ*, какъ онѣ выражаются. Хорошенькой женщинѣ мудрено ли раздать десятокъ или два билетовъ, но гдѣ же ихъ собственная жертва для убогихъ? танцовать съ человѣкомъ незнакомымъ, съ кавалеромъ, често не ловкимъ, нелюбезнымъ, необразованнымъ, даже не знающимъ, можетъ быть, условныхъ приличій свѣта—было бы точно самопожертвованіемъ со стороны неумѣство разборчивыхъ красавицъ. Эп спѣсь, почти презрѣніе къ посѣтителямъ, можетъ раздражить въ самолюбіе и отучить бывать на балахъ. Доходъ немущихъ оскудѣетъ.

Въ Варшавѣ ежегодно дается балъ для бѣдныхъ въ залѣ тамошней ратуши. На этомъ балѣ, званнѣйшія дамы вѣнчили себя въ обязанность не отказывать въ танцахъ ни одному кавалеру, каково бы онъ ни былъ сословія. Никогда не случалось, чтобы не только приличія, но даже обязанности самой почтительной вѣжливости, были нарушены на этихъ балахъ. У насъ эти балы—доброе дѣло; въ Парижѣ—обычай.

До сихъ поръ мы знали только двѣ цѣли женскихъ обществъ: благотворительность и эманципация, какъ напримѣръ клубъ пасажа Жофруа и Сиракузскій клубъ въ Америкѣ, о которыхъ мы уже говорили въ Москвитянинѣ. Теперь въ Парижѣ затѣвается общество женщинъ съ анти-эманципаціоннымъ направленіемъ. — Чего не думать французская изобрѣтательность!... Членами общества будутъ матери театральныхъ артистокъ; цѣль ихъ—взаимное содѣйствіе къ обузданію своего непослушныхъ дочекъ. Эти дамы (во Франціи всѣ женщины дамы), большею частію отставныя Эноны, имѣренны подписать договоръ, родъ наступательнаго и оборонительнаго трактата, условія котораго могутъ навлечь самыя драматическія послѣдствія. По уставу, общество обязано наблюдать за нравственностію, а наиболее за послушаніемъ дочерей своихъ членовъ. Малолѣтнія ослушницы будутъ отданы подъ присмотръ. — Чтобы унять совершеннолѣтнихъ, будутъ приняты совокупными силами дѣятельныя мѣры. Цѣль общества благородна,—покрайней мѣрѣ благовидна; *honny soit qui mal y pense*; но жалокъ край, гдѣ можетъ родиться потребность подобныхъ мѣръ....

На театр Большо́й оперы давали въ началѣ января новый балетъ *Орфа*. Чтобы дать читателямъ понятіе объ этомъ представленіи, нужно было-бы имѣть подъ рукой особый словарь, составленный изъ всѣхъ техническихъ терминовъ золотыхъ дѣлъ мастерства, ювелировъ, живописи, колдовства, химіи, пиротехніи, гидравлики и проч. и проч.

Извѣстно и вѣдомо всѣмъ и каждому, что на театрѣ парижской оперы творятся такіа чудеса, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать; но при каждомъ новомъ чудѣ, т. е. новой пьесѣ и новомъ балетѣ, зрители столбѣются отъ изумленія, начинаютъ вѣрить въ невозможность и спрашиваютъ другъ друга: «неужели можно и болѣе этого сдѣлать?» — Орфа — это чудо мифологическихъ чудесъ. Но основа этого балета мифологія не Гомера или Гезіода; это книга Эдды, мифъ сѣвернаго язычества. Г. Гапри Трианонъ списалъ сценарію изъ дневника Валгаллы, а г-нъ Адамъ подслушалъ музыку у локлинскихъ бардовъ. Хореографическая композиція балета есть дѣло г-на Мазилье, познакомившагося на мѣстѣ съ нравами, костюмами и танцами глубокаго сѣвера Европы.

Орфа, дочь Скандинавіи, обречена въ супруги неутомимому охотнику Лодброгу. Когда жрецы собираются совершать брачный обрядъ, Локи, злой духъ скандинавской мифологіи, уноситъ невесту въ свое царство, — въ жерло горы Геклы. Лодбrogъ находитъ покровителя, старика пищаго, котораго онъ защитилъ отъ оскорбленій толпы, и который никто иной, какъ верховный богъ Валгаллы Одинъ. Старикъ даетъ огорченному жениху золотую стрѣлу, талисманъ, который поможетъ ему преодолѣть всѣ препятствія, побѣдить враждебныхъ вѣншей и найти свою невесту. Сказано — сдѣлано. Лодбrogъ въ жерло Геклы; но не думайте, что онъ купается въ лавѣ и въ расплавленныхъ металахъ; — Орфа живетъ въ земномъ раю, въ которомъ цветы изъ рубиновъ, сафировъ, изумрудовъ, аметистовъ и опаловъ; деревья серебряныя, а плоды на нихъ золотые и рубиновые. Отважный любовникъ подоспѣлъ во время: Орфа окружена неодолимыми искушеніями. Гордость, лакомство и вѣга любви изобрѣтають тьму увлекательныхъ приманокъ, чтобы соблазнить ее. Благодаря всемогущей стрѣлѣ Лодброга, Локи и ненавистная его свита очаровательныхъ демоновъ въ короткихъ газовыхъ юбочкахъ, побуждены; Одинъ является во всемъ блескѣ своего величія, окруженный своимъ семействомъ, съ женою Ригтою, съ сыномъ Торомъ, съ бессмертными норнами и всѣми прочими богами и полубогами Валгалды. — Въ заключеніе бракъ Лодброга и Орфы.

Вотъ краткое содержаніе балета. Но какъ рассказать всѣ подробности, которыми хореографъ, декораторъ, машинистъ и костюмеръ окру-

жили эти лица съ такимъ искусствомъ, съ такимъ неописаннымъ великолѣпьемъ. Одна изъ лучшихъ хореографическихкихъ сценъ балета, это катанье въ саняхъ, *le pas des traîneaux*, которыя кончаются свадебными увеселеніями перваго акта.

О музыкѣ трудно говорить отчетливо послѣ первыхъ представленій такого балета. Тамъ, гдѣ зрѣніе едва успѣваетъ передавать сознанию быстро смѣняющіяся, ослабительныя впечатлѣнія, слуху нѣкогда повѣрять красоту мотивовъ и искусство гармоническихкихъ сочетаній. Трудно заслушаться, когда заглядишься. Нельзя однако не осознаться, что многія оригинальныя мелодіи невольно запади въ память зрителей, какъ многія очаровательныя картины отпечатались въ воображеніи слушателей. — Но что дѣлается въ Англии?

Въ Англии министерскій переворотъ.

Мы не войдемъ въ подробности паденія кабинета лорда Дерби. — Ограничимся нѣсколькими замѣчаніями:

Большинство, опрокинувшее этотъ кабинетъ, — коалиція, ставя Милнѣ подавшихъ голоса противъ преобразованія податей, есть только отрицаніе мѣръ, предложенныхъ министрами, и отнюдь не рѣшаетъ вопроса о настоящемъ положеніи политическихкихъ дѣлъ Англии. Кто бы ни былъ призванъ къ кормилу правленія, онъ встрѣтитъ тѣ же затрудненія, которыхъ не могли преодолѣть торіи. Напрасно измѣнили они начала своихъ политическихкихъ вѣрованій, напрасно пожертвовали вещественными выгодами партіи протекціонистовъ, напрасно, принявъ систему сэра Роберта-Пилля, вызвали они своихъ противниковъ примѣнить ее еще въ большихъ размѣрахъ на дѣлѣ, напрасно изложили они съ такимъ умнѣемъ свои теоріи въ политической экономіи и въ финансахъ. Ни смѣтливый умъ г. д'Израэля, ни краснорѣчіе цифръ не привлекли на его сторону большинства въ вопросѣ о преобразованіи системы податей. На чьей же сторонѣ останется большинство? Неужели виги подъ знаменами виговъ займутъ мѣста свои? Впрочемъ и эта партія распалась на отѣвки, какъ партія торіевъ. Если составитъ кабинетъ коалиціонный (смѣшанныхъ мнѣній), какое начало будетъ преобладать въ немъ? Вопросъ мнѣній часть отъ часу болѣе запутывается, и величайшіе политиче предвидятъ только затрудненія для всѣхъ. Въ Англии нѣтъ теперь чловѣка изъ тѣхъ великихъ мужей, которые столпяютъ вокругъ одного всѣ враждебныя между собою элементы, устанавливаютъ наконецъ единство, существенную силу каждой власти. Теперь трудно будетъ составить кабинетъ, но если онъ и составитъ, скорое паденіе его несомнѣнно. Приверженцы (исключительные) свободной тор-

гован один торжествуютъ, потому что почитаютъ *рышительными* и *окончательными* уступки, сдѣланныя партіею торіевъ, когда она вступала въ управленіе дѣлами. Пренія экономическія и финансовыя точно были замѣчательны. Г. д'Израэли, которому виги советовали возвратиться къ своимъ романамъ, произнесъ рѣчь о чаѣ и солодѣ, достойную сэра-Роберта-Пиля. Товарищи его искусно его поддерживали. Любопытно было видѣть, какъ эти государственные мужи пользовались аргументами своихъ противниковъ. Сдѣлавшись изъ осаждающихъ *осажденными*, они воздвигали новыя укрѣпленія къ прежнимъ, и сначала ихъ можно было почесть непобедимыми. Но голоса коалиціи, скрытые и предательскіе, разразились какъ эта *удушающая* бомба, секретъ которой какой-то аптекарь продалъ, какъ говорятъ, французскому морскому министру.

Въ бывшихъ на дняхъ парламентскихъ преніяхъ вліяніе Франціи, хотя о ней не говорили ни слова, было не менѣе ощутительно. Всѣ партіи согласны въ томъ, что система сэра Роберта-Пиля необходимо бы упала, если бы она не должна была привести къ болѣе свободному торговому трактату съ Франціею. Если бы основанія этаго трактата не были установлены предварительно, лордъ Мельмесбори не умѣлъ бы доказать законность и необходимость факта, исполненнаго съ такимъ искреннимъ дружелюбіемъ, что можно было полагать, что секретарь министерства иностранныхъ дѣлъ служить министромъ не при дворѣ Королевы Викторіи, а у Императора Наполеона III. Если бы не было предположенія преобразовать въ одно время таможни въ обоихъ государствахъ, Императоръ Французовъ, видя готовившуюся оппозицію, не требовалъ бы полномочія измѣнить тарифъ, безъ разрѣшенія законодательнаго корпуса а по ту сторону пролива, сильная партія, державшаяся доселѣ за оградою стѣснительныхъ узаконеній, не объявила бы себя въ парламентъ партіею *свободнаго состязанія*. Пониженіе пошлыны на чай и солодъ, статьи общеупотребительныя въ Англіи, предвѣщаетъ пониженіе пошлынь на вина Франціи. Пусть только бордо и бургонское, а въ особенности болѣе крѣпкія вина полуденной Франціи, могутъ замѣнить портвейнъ и хересь, появятся на англійскихъ рынкахъ по умереннымъ цѣнамъ, чай будетъ продаваться по два шиллинга фунтъ, а пиво по два пенса мѣра (pot). Можно бы много еще сказать по этому предмету, но мы ограничимся замѣчаніемъ, что англійскіе министры, торіи или виги, всегда будутъ держаться политики *національной*, что впрочемъ не мѣшаетъ лорду Мельмесбори имѣть искреннее расположеніе къ Императору Наполеону III. Не даромъ есть орелъ въ щитѣ его герба....

Коммерческій инстинктъ Англичагъ проявляется и въ филантропической демонстраціи въ пользу черныхъ невольниковъ, со стороны прекрасныхъ леди благословеннаго острова, которыхъ лордъ Байронъ, вървотню въ порывъ негодованія на какую-нибудь блондинку, назвалъ *неблыми*, а *блѣдными* красавицами Альбіона. 26 ноября, въ пятницу, въ величавыхъ палатахъ герцога Сотерлендскаго, въ Лондонѣ, собрался маленькій парламентъ, митингъ законодательнаго большаго парламента, называемаго высшимъ обществомъ, подъ председательствомъ герцогини-хозяйки. Въ числѣ этихъ избранныхъ находились: герцогиня Бедфордъ и Аржилъ, графиня Шефтеборъ, леди Гросвеноръ, леди Пальмерстонъ, леди Доверъ, леди-Мера (*lady-merger*, жена лорда мера), мистрисъ Говитъ и много другихъ *Mistresses* и *Misses*, принадлежащихъ къ *слизкамъ* (*cream*) англійскаго дворянства. Высокорожденная президентна объяснила этимъ дамамъ, что она пригласила ихъ съ тѣмъ, чтобы предложить имъ адресъ къ ихъ *сестрамъ*-американкамъ, да того, чтобы эти сестры предстательствовали у гражданъ, своихъ супруговъ, въ пользу Негровъ, ихъ невольниковъ. Потомъ герцогиня прочла проектъ адреса, написаннаго лордомъ Шефтеборъ, бѣль известнымъ, подъ своимъ прежнимъ именемъ *лорда Анлей*, за Доктора англійской филантропіи. Вся дамы этого собранія подписали адресъ, въ которомъ, чтобы польстить самолюбию *американскыхъ оестеръ*, сказано, что онѣ откровенно сознаются, что преступленіе неволи Негровъ передано въ наслѣдіе заатлантическимъ Англо-Самсонамъ, ихъ англійскими, т. е. общими обоимъ народамъ предкамъ: «Да, наши предки ввели, даже установили этотъ великій грѣхъ (*great sin*) въ ихъ колоніяхъ. — Мы смиренно въ этомъ сознаемся предъ Всемогущимъ Богомъ, и чувствуя глубоко и не желая даже скрывать наше соучастіе, рѣшились просить вашей помощи къ *очищенію общаго грѣха и общаго беззавія!*» Когда эта *негробовая* исповѣдь появилась въ журналахъ съ подписями столько знатныхъ женщинъ, британская воспримчивость ихъ супруговъ испугалась признанія въ *преступленіи* и въ *беззавіи* ихъ невинныхъ по-другъ. Это подало поводъ къ жаркимъ объясненіямъ между многими аристократическими четами. Нѣкоторыя дамы отказывались отъ своихъ подписей, другія уверяли, что онѣ не разслушали и не хорошо поняли, что подписывали; во всемъ обвинили лорда Шефтеборъ, обвинили благородную герцогиню, хозяйку Стафордъ-Гаузъ; каждый толковалъ по своему, а журналы передали эти толки, одинъ въ стѣхъ серьезной, другой въ шуточной, такъ, что можно было сомнѣваться, чтобы адресъ *официально прошель* до Соединенныхъ Штатовъ. Между

тѣмъ отвѣтъ американскитъ дамъ уже заготовленъ. Изъ всего этого можно вывести заключеніе, которымъ мы начали нашъ рассказъ: коммерческой инстинктъ Англичанъ не откажется отъ хлопчатой бумаги, питающей дѣятельность людскихъ и манчестерскихъ мануфактуръ.

Между тѣмъ популярный успѣхъ г-жи Бичеръ-Стовъ возрастаетъ и въ будуарахъ и въ рабочихъ, вездѣ, во всѣхъ форматахъ, назло романистамъ обоого пола. Ее ожидаютъ въ Лондонъ, по приглашенію негролюбивыхъ дамъ. Весьма естественно, что высокородныя покровительницы приняли на свой счетъ всѣ издержки этого путешествія, и англійское гостепримство начнется для путешественницы съ вступленіемъ на корабль, на которомъ она отправится въ Европу. Говорятъ, что мистрисъ Бичеръ начала писать свой романъ въ совершенной бѣдности, единственно чтобы хотя нѣсколько облегчить свое стѣсненное положеніе; теперь она разбогатѣла, и отъ нея зависятъ чеканить деньги съ помощью своей литературной извѣстности. Говорятъ, что какой-то соперникъ спекуланта Барнума предложилъ ей показывать ея *знаменитость* за деньги, но достойная *авторша* (*authoress*) отвергла это предложеніе, по свойственной женщинѣ скромности и по самосознанію гения.

Въ прошломъ мѣсяцѣ скончалась леди Ловлесъ (Lovelace), дочь лорда Байрона. Это Ада Чайльдъ - Гарольда, дитя-мечта поэта, обреченнаго покинуть ее еще въ колыбели и болѣе съ нею не свидѣться, никогда не слышать ея голоса... трогательный текстъ его жалобъ, когда онъ искалъ угадать, можетъ ли она любить отца, котораго не знала:

I see thee not, I hear thee not; but none
Can be so wrapt in thee; thou art the friend
To whom the shadows of far years extend, etc.
(*Childe-Harold* *пѣснь III*).

Ада Байронъ вѣроятно любила славу своего отца, но сама не чувствовала ни малѣйшей склонности къ поэзіи; можетъ быть это было слѣдствіемъ серьезнаго направленія ея воспитанія. Какъ Инеса, мать Донъ-Жуана, она любила математику.

«Her favourite science was the mathematical.»

Думалъ ли Байронъ, что этотъ сатирический стихъ можно будетъ примѣнить къ *единственной дочери его дома и его сердца*, «*sole daughter of my house and heart?*»

Вѣроятно, чтобы угодить нерасположенію матери ко всему поэтическому, Ада Байронъ до самаго замужства занималась математикою; она писала и печатала плоды своихъ занятій, но только

одинъ ея трудъ извѣстенъ, — это переводъ итальянскаго разсужденія въ защиту *счислительной машины*, изобрѣтенной ея учителемъ профессоромъ Бебеджъ (Babbage)... А отецъ переводилъ для нея *Morgante Magiore Пульчи*!... Можно однако вѣрить, что дочь тайно любила отца. Въ послѣднія свои минуты она изъявила желаніе быть погребенной въ Гоквэдъ (Hockland) возгъ лорда Байрона.

Виконтъ Френкфортъ, принадлежащій къ одной изъ знатнѣйшихъ семействъ Англій, недавно приговоренъ королевскимъ судомъ къ заключенію на одинъ годъ въ меддсекскомъ исправительномъ домѣ. Осужденный, по непонятной развратности, забавляясь надѣшемъ циркулярровъ, въ которыхъ, именовъ мнимаго *противу-британскаго агентства*, онъ предлагалъ женамъ средства обманывать мужей, ругаясь, что найденные имъ способы никогда не влекутъ за собою уголовной тяжбы, а въ случаѣ развода обещалъ дать значительную вдовью пенсію. Агентство предлагало также посадить въ домъ сумасшедшихъ приващиваго, безножойнаго мужа, ускорить ядомъ наступленіе желаннаго вдовства, похитить или поддѣлать духовное завѣщаніе и проч. и проч. О подробностяхъ освидомѣться у лорда такогото или г-на такогото, было сказано въ циркулярѣ. Лордъ Кемблъ, произнося сентенцію суда, сказалъ, обращаясь къ обвиненному: *ни прискорбно осудить дворянина вашего званія, но званіе это не спасаетъ отъ заслуженной кары. Перъ королевства или селянина, если онъ виновенъ, долженъ быть наказанъ безъ лицепріятія. Вы оскорбили и законъ и личности. Вы обнародовали пачкили непристойныя и соблазнительныя, замѣшивая въ нихъ имена, которыя хотѣли обесславить, — вы будете наказаны какъ клеветникъ.*

Въ нижнемъ парламентѣ случилось также соблазнительное происшествіе, — *ссора по-американски*. Противники: г. Джонстонъ, членъ палаты, депутатъ Кенторбери и г. Оливейра, депутатъ Понтфракта, обвиняли другъ друга предъ бостритскимъ исправительнымъ судомъ въ толчкахъ, нанесенныхъ другъ другу побоемъ палкою, въ ударахъ ногою, кулакомъ и пр. въ непозволенные часы ноци (послѣ полуночи). Замѣтимъ мимоходомъ, что парламентъ позволяеть себѣ продолжать свои засѣданія и въ непозволенные часы, какъ это случилось при послѣднемъ собираваніи голосовъ противъ кабинета министровъ, продолжавшемся до четырехъ часовъ утра.

Ссора зашла за извозчика, котораго оба члена палаты, выходя съ засѣданія, кликнули въ одно время. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ палкою по плечамъ своего противника, уже сѣвшаго въ *кабъ* (cab, извозничій экипажъ), г. Оливейра отправился домой пѣшкомъ, продолжая путь со всѣмъ достоинствомъ тихой походки. Вдругъ отъ

чувствует ударъ сзади, падаетъ въ грязь и тамъ получаетъ то, что получалъ умирающій левъ Лафонтена отъ дерзкаго осла.... Во всѣхъ образованныхъ странахъ, въ Лондонъ какъ въ Парижъ, принято, что два джентльмена, какъ бы они ни побили другъ друга, могутъ еще помириться, если были пощажены двѣ части тѣла: лице, ничѣмъ не защищенное съ тѣхъ поръ, какъ не носятъ масокъ и забралъ, и другая часть, огражденная костюмомъ новѣйшихъ временъ. Какъ г. Оливейра упалъ въ грязь носомъ, то вѣроятно получилъ ударъ не по лицу. Полицейскій судья, повидимому не желая разсматривать доказательства и улики противниковъ, передалъ дѣло въ судъ присяжныхъ, и этотъ судъ рѣшить его на дняхъ. Судъ присяжныхъ нельзя подозревать въ неправосудіи, а какъ вина подсудимыхъ гг. Джонстона и Оливейры не одинакова, то и мѣра наказанія, вѣроятно, будетъ различна: тогда мы узнаемъ, какую именно ответственность влечетъ за собою оскорбленіе на дѣлѣ одной или другой части тѣла, въ личности члена парламента.

Въ *Athenaeum* помѣщены нѣкоторыя біографическія подробности объ англійскихъ поэтахъ, умершихъ безъ потомства, или которыхъ потомки умерли вскорѣ послѣ нихъ. Шекспиръ и Мильтонъ не оставили по себѣ сыновей, и имя ихъ совсѣмъ угасло. Всѣ двѣ Джонсона умерли послѣ него. Адисона пережила дочь, умершая послѣ восьмидесятилѣтнею дѣвою. У Вальтеръ-Скотта живъ еще одинъ потомокъ, сынъ его старшей дочери. За симъ слѣдуетъ списокъ безженнымъ поэтамъ: Ботлеръ, Ковдей, Конгривъ, Отвей, Поупъ, Гэ, Томсонъ, Грей, Гольдсмитъ и проч. Эта статья *Athenaeum* наводитъ на новую мысль,—истинная рѣдкость въ наше время. Трудно распредѣлять поэтовъ по роду ихъ сочиненій,—есть такіе, что писали во всѣхъ родахъ. Нельзя ли распредѣлить ихъ по какой-нибудь ботанической системѣ, на примѣръ по Линнею, разумется съ нѣкоторыми измѣненіями, включая въ то число и—*синіе чулки*.... виновать, музъ. У насъ были бы поэты: *криптогамы* (тайнобрачные, т. е. бракъ которыхъ загадоченъ), *моногамы*, подходящіе подъ пятый порядокъ девятнадцатаго класса Линнея; поэтессы *моношны*, поэты и поэтессы *моношки*, *моноспермы*, *монокарпы* и пр., не считая уродцевъ, которыхъ такъ же трудно распредѣлять на классы и порядки, роды и виды въ поэзіи, какъ и въ иѳіологіи, и пр. и пр. Право, такой трудъ принесъ бы и болѣе пользы и болѣе славы, чѣмъ открытіе планеты, какой-нибудь астероиды, которая теперь открываютъ дожинами. Еще недавно г. Гайндъ открылъ такую, что совершаетъ свой путь около солнца въ тысячу восемь сотъ сорокъ два дня, или въ пять лѣтъ, и которую сопер-

никъ г-на Лесверье, г. Адамсъ, предлагаетъ назвать *Каллионою*, потому что новая планета открыта въ день похоронъ герцога Веллингтона, а занятіемъ музы Каллиопы на Парнасъ было увѣковѣчивать память героевъ. Это точно английская астероида.

Мы такъ занялись цвѣтникомъ поэтовъ и свѣтилами небесными, что забыли упомянуть о двухъ сыновьяхъ и одной дочери, оставшихся по смерти леди Ада-Августа Ловмесь.

Лондонскіе театры готовятъ свои ежегодныя пантомимы. На этотъ годъ они получили неожиданное предостереженіе отъ лорда камергера, оффиціального цензора всѣхъ театровъ, которые, какъ известно, не пользуются въ Лондонѣ свободою газетъ и журналовъ. Пантомимы новѣйшихъ временъ — это пародіи, въ которыя охотно вставляютъ шутовскія примѣненія къ политикѣ. Лордъ камергеръ, предвидя какую-нибудь арлекинаду на счетъ послѣднихъ событій во Франціи, предупреждалъ дирекцію театровъ и сочинителей пантомимы, что онъ не пропуститъ ничего могущаго оскорбить французскаго Императора. Это уваженіе къ Франціи, весьма лестное для французской національности, простирается въ Лондонѣ до того, что въ день похоронъ герцога Веллингтона не позволено было пѣть въ честь его похвальные пѣсни прежде представленія ихъ въ цензуру, и лордъ камергеръ зачеркнулъ строфы, въ которыхъ воспоминали о подвигахъ герцога въ Испаніи, Португаліи и Бельгій, не слишкомъ лестны для чести Французовъ. Журналы напечатали непропущенныя цензурою строфы, и читая ихъ, можно было подумать, что английское правительство готово назвать ватерлооскую битву, какъ называлъ г. Кавингъ битву подъ Навариномъ, — *несчастнымъ случаемъ* (an pitofward event). А вѣдь не лордъ Мельмесборъ занимаетъ при Королевѣ должность лорда-камергера.... Французы, живущіе въ Лондонѣ, будутъ покрайней мѣрѣ обязаны возстановленію имперіи тѣмъ, что народъ перестанетъ надъ ними насмѣхаться въ театрахъ, гдѣ ихъ представляютъ обыкновенно питающимися лягушками и тощими какъ муміи, между тѣмъ какъ обжора Фальстафъ похлебываетъ супъ изъ черепахи и уписываетъ сочный ростбифъ. Пришли Франція вина, по цѣнѣ двухъ франковъ за бутылку, и Англичане закричатъ *god save the Emperor!*

На дняхъ умеръ директоръ редакціи Эдинбургскаго обозрѣнія г. Эмпсонъ, место котораго заступилъ покаместъ лордъ Монтиглъ (Monteagle). Г. Эмпсонъ читалъ прежде лекціи правовѣднія въ коллегіи остъ-индской компаніи, гдѣ его предъшественниками были Мальтусъ (Malthus) и Мекинтошъ (Maskintosh). Прежде нежели онъ принялъ дирекцію журнала, онъ писалъ для него статьи весьма серьезныя по части исторіи, законодательства, воспитанія и біографическія. Его упрекаютъ за однообразіе статей его журнала и за пренебреженіе къ собственно литературнымъ трудамъ. Это уврѣжъ общій, и при новомъ директорѣ надобно ожидать реакціи.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ИЗЪ ХИРСОНА. (Письмо о Кольцовъ). Бѣдность засталяла Кольцова вести жизнь, не совсемъ достойную его прекраснаго таланта, его возвышенно-благородныхъ стремленій. Онъ посещалъ почти ежедневно «чайную» Гордя Павлова въ Воронежѣ (гдѣ онъ жилъ по большой части); въ ней онъ полюбилъ въ особенности половаго Дмитрія Яремова, мѣщанина-же, какъ и самъ, толковалъ о томъ, о семъ, изливалъ другу горе-злое; въ бесѣдѣ, за стаканомъ чая, онъ часто бралъ перо, писалъ свои вдохновенныя пѣсенки; многія изъ нихъ остались у Яремова, какъ завѣтъ друга; онъ показываетъ ихъ, но не позволяетъ переписать, не соглашается продать ихъ; онъ остаются необнародованными, могутъ быть на всегда затеряны; о существованіи же ихъ извѣстно почти фактически; у родственниковъ, знакомыхъ, вѣрно, не мало также. Кольцовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые самоотверженно, полно отдаются свѣтлымъ стремленіямъ: жизнь, всѣ радости ея, время, силы, польза—все въ жертву мысли, чувству, самопознанію; къ несчастію, по большей части они поставлены судьбой дѣйствовать въ кругу людей, которые ниже ихъ нравственно; не сочувствіе животворное встрѣчаютъ они, а скорѣе охлаждающее предубѣжденіе, пренебреженіе, злую иронию, насмѣшку. Гений не признаетъ, горячо, безъ самообольщенія осозная высшее, болѣе свѣтлое, съ радостью готовый дѣлиться имъ, — мелкое самолюбіе жалкой посредственности никогда не прощаетъ нравственнаго превосходства.... Лишь силы раздробляешь подъ вліяніемъ враждебныхъ видѣній, силы, направленные строго къ добру, знанію.... По необходимости, онъ замыкаются робко въ самихъ себя крѣпче и крѣпче, чѣмъ больше давленія извне; этаго требуетъ и самосохраненіе, самобытность элемента, который разрабатываетъ ихъ личность, сила, энергія звука (выраженія элемента). Но это еще хуже: имъ ожесточенно приписы-

вають качества, которыя въ нихъ никогда не были, (но иногда прививаются неволью), и приписываютъ по большей части, чтобы оправдать въ собственномъ мнѣнїи и во мнѣнїи другихъ свои не всегда чело-вѣческія отношенія къ нимъ, а иногда такъ, безъ цѣли (см. сцены: въ такой Чичиковъ, что такое Мертвыя Души).

Слово величайшаго изъ поэтовъ міра: *горекъ чужой хлебъ, тяжеле ступени чужаго крыльца*, явилось и нашему прасолу.

Лишь одинъ талантъ
Даль мнѣ батюшка—
Силу кровкую,
Да и ту какъ разъ
Нужда горькая
Но чужимъ людямъ
Всю размякала...

Экъ, сяду я за столъ
Да подумаю,
Какъ мнѣ въкъ прожить
Одинокому.

Горячее слово, которое оставилъ по себѣ Кольцовъ, какъ памятникъ прекраснаго существованія на землѣ, еще не совсемъ перешло въ общественную жизнь.

Почитая память необыкновеннаго простолюдина, горячо прошу напечатать это письмо. Счастливымъ почту себя, если оно вызоветъ въ каждомъ, кому дорого родное слово, желаніе сдѣлать неизвѣстныя произведенія его достойнѣмъ общими; это такъ легко, при самыхъ ограниченныхъ средствахъ, особенно для Воронежцевъ, которые преимущественно должны гордиться именемъ Кольцова, дорожить его славой: она ихъ собственная!...

Въ Воронежѣ не трудно еще и теперь собрать объ немъ много біографическихъ свѣдѣній: прежняя біографія слишкомъ небогата данными.

В. БИЛЫНСКОГО.

Херсонъ. Декабрь, 1852 г.

ИЗЪ ШУИ (Шуйскіе старинныя акты. — Статистическія свѣдѣнія. — Спектакль, и проч.). Прежде всего сообщу Москвитянину, что неумолимый нашъ мѣстный археологъ, Владиміръ Александровичъ Борисовъ, собралъ болѣе двухъ-сотъ старинныхъ актовъ, относящихся къ XVII и къ XVIII столѣтіямъ. Документы эти обнимаютъ собою включительно сто двадцать лѣтъ, начиная съ 1600 по 1720-й годъ. Они содержатъ въ себѣ не мало новаго и любопытнаго, какъ о городѣ Шуѣ, такъ и о ея окрестностяхъ. Особенно замѣчательны изъ нихъ: 1, тѣ, которые поясняютъ эпоху самозванцевъ; 2-е, акты времени Царя Михаила Феодоровича, заключающіе въ себѣ разыскныя дѣла о тайной продажѣ *табаку*; 3, акты, объясняющіе возникновеніе въ Шуйской и Холуйской сторонахъ многочисленнаго быта торговцевъ, известныхъ въ Россіи подъ именемъ *ходобичиковъ*; 4, нѣсколько новыхъ документовъ о судоходствѣ по рѣкѣ Тезѣ. Прочіе же документы по своему разнообразію представляютъ также много интереснаго вообще для уясненія стариннаго русскаго быта, и въ скоромъ времени будутъ изданы подъ названіемъ: «Шуйскіе старинныя акты, служащіе дополненіемъ къ описанію города Шуи».

Не лишнимъ, думаю, будетъ, если сообщу кое-что и о дѣятельности нашихъ фабрикантовъ, о промыслѣ рабочаго класса, и о жизни нашего города. По случаю успѣшнаго сбыта въ Нижегородской ярмаркѣ ситцевъ, требованіе на миткаль какъ въ Шуѣ, такъ равно и въ селѣ Ивановѣ усилилось. Ткачество же миткаля въ сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ шло очень медленно. Крестьяне по случаю хорошаго урожая какъ травъ, такъ равно и хлѣба, и по поздней уборкѣ послѣдняго, не вдругъ еще принялись за ткачество. А потому фабриканты миткалевыя, чтобъ имѣть выработку миткаля болѣе обширную и успѣшную, должны были прибавить за ткачество отъ 50 копѣекъ до 1 рубля серебр. на клубъ (*), и тѣмъ самымъ заставить работать скорѣе, отчего и миткаль въ цѣнѣ своей возвысился такъ, что на рынкахъ села Иванова, какъ главномъ средоточіи миткалевой торговли, партіи значительной купить было не у кого, однимъ словомъ—миткаль былъ въ чести; но по случаю не слишкомъ хорошаго сбыта ситцевъ на Холуйскихъ ярмаркахъ, Введенской и Никольской, и также по отправкѣ аналитическаго количества ситцевъ на ярмарки Юрюпинскую, Крещенскую, Тюменскую и Ирбитскую, требованіе на миткаль уменьшилось и цѣны на него спали отъ 2-хъ

(*) Клубъ значить основа, намотанная клубомъ и заключающая въ себѣ 4 куска миткалю, всего мѣрою отъ 200 д. 240 аршинъ.

до 3-хъ копеекъ ассигнаціями въ аршинѣ. То же самое и съ ткачествомъ красной пестряди (иначе называемой александрейки), и сарпинки, которой выработывается въ Шувѣ, въ селахъ Васильевскомъ, Душиловѣ, деревнѣ Рзвинѣ и другихъ до ста тысячъ кусковъ или штукъ, на сумму до 500 тысячъ рублей серебромъ. Ткачество въ этихъ матеріяхъ какъ сначала осени, такъ и до сихъ поръ, не смотря на то, что цѣна противъ прежняго тоже увеличена, идетъ слишкомъ медленно, такъ что, кто прежде имѣлъ 50 становъ, выработывалъ количество такое же, какъ нынѣ имѣющій уже 80 становъ. При всемъ томъ, каждой ткачихѣ (*), какъ только она беретъ основу, даютъ впередъ и денегъ отъ 10 и до 20 цѣлковыхъ, и тѣмъ только удерживаютъ у себя. Требованіе же на красную пестрядь и сарпинку для вышеозначенныхъ ярмарокъ, особенно для Ирбитской, было значительно; да и теперь готовится значительное количество для ярмарокъ: Мензлинской, Симбирской и Ростовской.

Бумаго-прядильно-ткацкая мануфактура почетнаго гражданина Ивана Федоровича Попова существуетъ у насъ въ городѣ хотя не болѣе пяти лѣтъ, но вліяніе ея на нашъ городъ, и особенно уездъ, весьма ощутительно: болѣе 500 человекъ постоянно круглый годъ заняты работой, и какой работой! самой легкой и самой выгодной: машина идетъ и день и ночь, и чрезъ каждые 6 часовъ свыше 250 человекъ работаютъ и 250 отдыхаютъ; следовательно рабочій 12 часовъ въ сутки работаетъ, а 12 отдыхаетъ.... вотъ первое благодѣяніе для здоровья человека; второе, работа сдѣльно, — отъ собственнаго старанія зависить и выработка денегъ; третье благодѣяніе для рабочихъ, это — каждаго мѣсячная раздѣлка заработанныхъ денегъ. Прядильщики и ткачи постоянно выработываютъ отъ 12 до 18 цѣлковыхъ въ мѣсяцъ; женщины разматывальщицы отъ 4 до 7 цѣлковыхъ. Мальчики и девочки отъ 12 до 14 лѣтъ — и тѣ могутъ заработать отъ 3 и до 4 цѣлковыхъ въ мѣсяцъ (**). А порядки, чистота, опрятность на фабрикѣ, достойны всякаго уваженія. Немно-

(*) Красную пестрядь ткуть болѣе женщины, мужчины хоть тоже ткуть, но мало.

(**) Въ деревнѣ, не болѣе версты отъ города, есть одно семейство, три брата старшій живетъ дома, управляетъ хлѣбопашествомъ и хозяйствомъ, а два другіе живутъ на прядильнѣ, въ прядильщикахъ. Они 12 часовъ работаютъ, 1 часть употребляютъ на ходьбу домой и обратно, а 11 часовъ въ сутки въ своей деревнѣ и у себя дома отдыхаютъ. Лѣтомъ же успеваютъ пособить старшему брату въ полевыхъ работахъ, и каждый мѣсяцъ приносятъ въ домъ 25 цѣлковыхъ, а это составляетъ въ годъ всего 300 цѣлковыхъ.... Хлѣбецъ же они ѣдятъ свой, да и скотники довольно, и это не одинъ примеръ, а такихъ въ нашемъ уездѣ много..

не принести искренней благодарности учредителю мануфактуры (*) за все благодѣянія, которыя щедрою рукою сыплются, посредствомъ фабрики, на окрестныхъ жителей, и благодаря мануфактурной и фабричной промышленности, въ домъ у крестьянина здѣшняго узда,—разумется, если онъ не лѣнивъ и не безпорядоченъ,—вѣрно, нѣтъ нужды.... А потому, подгороднаго крестьянина встрѣтишь всегда веселаго, съ лицомъ здоровымъ, хорошо одѣтаго.

Жизнь общественная у насъ въ городѣ не можетъ похвалиться своими публичными удовольствіями. Есть у насъ благородно-купеческое собраніе и клубъ, но—нѣтъ общаго къ нимъ влеченія. Замѣтить надобно, что въ собраніи и клубѣ купцовъ-фабрикантовъ совсѣмъ не бываетъ, исключая баловъ и маскарадовъ, что нисколько и не удивительно: купечество здѣшнее занято своими коммерческими дѣлами, въ свободное же отъ дѣлъ время, хотя и веселится, но только въ своемъ домѣ, въ кругу лицъ своего же званія, и собраніе и клубъ посвящаются исключительно дворянами и чиновниками.

Театра у насъ нѣтъ, а потому некоторымъ лицамъ пришла прекрасная мысль, составить благородный спектакль въ пользу одного бѣднаго семейства. Спектакль состоялъ изъ пролога и двухъ водевилей: «Дочь его благородія», и «Домъ на буторкахъ»,—который и былъ данъ 10-го декабря.—Хорошо принятый и одобренный публикою, спектакль повторился—2-го января, вновь составленный изъ водевилей «Красноярскій купецъ», и комедіи-водевиля «Мужъ въ дверь, а жена въ Тверь», и двухъ живыхъ картинъ—первой «Итальянская ночь», второй «Гаремъ паши.» Не смотря на неудачный выборъ пьесъ и исключая ролей Пузыревскаго въ водевилѣ «Домъ на буторкахъ», и Копотунова, въ водевилѣ «Мужъ въ дверь, а жена въ Тверь,» (которыя актерами совершенно не были поняты), спектакли шли хорошо; роли женскія всѣ были сыграны очень хорошо. Но главное, что заслу-

(*) Къ похвальнымъ дѣяніямъ г-на Попова не лишнимъ почитаю присовокупить здѣсь, что онъ, не болѣе какъ два мѣсяца тому назадъ, превосходно возобновилъ свою приходскую церковь во имя Покрова Богоматери, (т. е. вѣдь старый Покровскій соборъ). Церковь возобновлена какъ наружно, такъ и внутренно,—внутренно исправлена стѣнная живопись, на рѣзахъ мѣстныхъ святыхъ иконъ сдѣлана новая позолота, а на другихъ иконахъ и новыхъ ризахъ. Онъ также обогатилъ храмъ серебряно-позолоченными красивыми хоругвями, отличной работы новыми серебряно-позлащенными сосудами, и некоторую другую утварью. На все это употреблено г-мъ Поповымъ десять тысячъ рублей серебромъ.

жило общее вниманіе въ театрѣ, это декорации и живыя картины, — въ первомъ спектаклѣ, въ прологѣ, дѣсь и кустъ розановъ, во второмъ живыя картины, особенно «Итальянская ночь.» Эта картина была вполне очаровательна!... Отъ души поблагодарили мы художника (*) за такой прекрасный трудъ.

Зима нынѣшная настала у насъ очень рано: съ 1-го октября начались морозы, и рѣка Теза стала. Такое раннее прекращеніе судоходства причинило судохозяевамъ значительный вредъ: болѣе 30 телянокъ съ грузомъ дровъ, хлѣба, и другими товарами не дошли до своего назначенія. Съ 6-го числа выпалъ и снѣгъ, такъ что 20 октября путь зимній установился совершенно, а въ ноябрѣ повезли изъ низовыхъ губерній и хлѣбъ. Во время послѣднихъ базаровъ цѣны на хлѣбъ были у насъ слѣдующія:

Мука ржаная 33 к. сереб.; овесъ отъ 1 р. 30 до 1 р. 50 к. сереб.; крупа гречневая ядрица, въ 9 пудовъ, 4 рубли; пшено отъ 5 до 5 р. 50 к.; пшеница кубанка отъ 3. р. 80 к. до 4 руб. и четверть. Привозъ ея въ нынѣшнюю зиму значителенъ. По хорошему урожаю травъ сѣно у насъ продается отъ 6 до 8 к. сер. за пудъ. Дрова, не смотря на значительное количество, употребляемое для фабрикъ, тоже не дороги: отъ $\frac{3}{4}$ и до аршина длины березены 2 рубли серебромъ, осиновые и другія такой же длины отъ 1 р. 30 до 1 р. 40 к. серебромъ за сажень.

Вотъ еще новость, хотя и не принадлежащая нынѣшному городу собственно, но знавши которую, почтитаю за грѣхъ умолчать о ней: по распоряженію духовнаго начальства въ предѣлахъ 1852-го году собрано значительное количество историческихъ матеріаловъ для описанія Владимірской епархіи, истерію которой составляетъ, томъ по распоряженію духовнаго начальства, ученый іеромонахъ Саво-Евфиміевъ монастыря отецъ Юзефъ. **ИВАНЪ ЛЕДОВЪ.**

Шуя. 1853 года, января 5 числа.

(*) Занавѣсъ декорации и живыя картины исполнены и поставлены были молодымъ человекомъ г-мъ Нишпой, сыномъ штатнаго смотрителя здѣшняго училища, которому мы предрекаемъ прекрасную будущность въ живописи.

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

О ВЫСТАВКѢ МОСКОВСКАГО УЧИЛИЩА ЖИВОПИСИ И ВАЯНІЯ.

Говоря о выставкѣ Училища Живописи и Ваянїя, нельзя не быть взыскательнымъ въ отношенїи направленїя искусства; но не будемъ излишне требовательны, какъ тѣ посѣтителн, которые незнакомы ни съ положенїемъ училища, ни съ его средствами.

Различїе данныхъ Академіи и возникающаго здѣсь расщепленїа искусствъ такъ велико, что никакъ нельзя допустить сравненїя нашей выставки съ академической, а уже подавно съ петербургскимъ музеемъ, что однако было съ одной изъ посѣтительницъ, которая, обошедши залы, сдѣлала такое заключенїе: нѣтъ! въ петербургскомъ эрмитажѣ гораздо болѣе хорошихъ вещей! — Мы согласны съ этою дамою; но она вѣроятно забыла, что въ петербургскомъ музеемъ собраны лучшія сокровища искусствъ нѣсколькихъ вѣковъ, а домъ нашего училища, нѣтъ десяти тому назадъ, мрачною пустотой своей пугалъ суевѣрнхъ прохожихъ; во нхъ мнѣнію, злые духи и вѣдьмы обитали въ этомъ домѣ.

Много бы еще можно было привести здѣсь равныхъ отзывовъ, отличающихся подобною наивностию, а иногда заносчивостью; но насъ болѣе занимаетъ самая выставка, нежели необдуманнныя толки о ней.

Во множествѣ разнородныхъ живописныхъ работъ, какое представляла послѣдняя выставка, вонятно, нельзя спрашивать всего въ совершенствѣ, особенно памятуя недавнее существованїе училища. Были произведенїя слабыя, встрѣчались также удачныя попытки начинающнхъ; но были и вполне прекрасныя произведенїя, которыя украсили бы какую угодно выставку; наконецъ, въ совершенную противоположность послѣднимъ, были и такія, которыя выказывали лишь одну претензію на что-то необычайное, а сами по себѣ ничего не значили, обнаруживая въ то же время самое ложное, анти-

художественное направление. Руководствуясь правиломъ, что живописцу не должно торопиться произнесениемъ суда даже надъ посредственнымъ или неоконченнымъ произведениемъ, мы, по окончаніи выставки, хотимъ изобличить это ложное направленіе, въ поученіе молодымъ художникамъ.

Такъ съ перваго взгляда кажется, что вовсе не следовало бы говорить о двухъ картинахъ Фелицына, изображающихъ нагихъ женщинъ; но мы должны невольно распространиться о нихъ, дабы указать, до какой степени можетъ художникъ уклониться отъ высокихъ требованій искусства, — и въ то же время высказать, — что одна размахистая живопись, даже достигающая сильной рельефности, еще не составляетъ изыщества картины.

Искусство лишь тогда имѣетъ цѣну въ глазахъ образованнаго челоука, когда проявляетъ жизнь, движеніе, характеры, да сверхъ того возведенныя, если не въ идеалы, то по крайней мѣрѣ въ нѣтъ, носящее на себѣ печать просвѣтленной фантазіи и чистаго, неогрязненнаго эстетическаго чувства.

Къ сожалѣнію, ничего подобнаго не представляютъ названныя картины Фелицына, — и, да позволятъ такъ выразиться, видя въ нихъ только напыщенность колорита, который силится стать въ уровень съ живописью Брюллова (!!); но вмѣсто того, выходя въ всѣхъ предѣлахъ, полагаемыхъ натурою и искусствомъ, и впадая лишь въ яркія крайности, которыя, положимъ, бросаются въ глаза большинству публики; но развѣ такія произведенія могутъ быть отнесены къ художественнымъ?

Снова повторяемъ, что челоуекъ, знакомый съ искусствомъ, не удовлетворяется такою напряженною, неестественною живописью, замѣчая вмѣстѣ съ тѣмъ явное безсиліе въ рисункѣ и изобрѣтеніи. Какіхъ только красокъ нѣтъ въ картинахъ Фелицына? — И глаза, и щеки, и уши, и цвѣты, и зелень, ихъ окружающе, такъ и рдѣютъ, такъ и пышатъ, и такъ раскалены, какъ будто все это отстоитъ отъ солнца на какихъ-нибудь десять верстъ; но что выражаютъ эти картины? — Взгляните въ увеличительное стекло на французскія конфектныя картинки, — впечатлѣніе будетъ едва ли не одинаковое. — Какіе сюжеты этихъ картинъ? Что въ нихъ есть такого, что могло бы порадовать душу, расшевелить мысль? — Мы долго искали, но не нашли ничего, кромѣ непростительныхъ ошибокъ въ рисункѣ, уже не говоря о совершенномъ отсутствіи скромности, этомъ лучшемъ украшеніи женщины. — Намъ, можетъ быть, замѣтять, что это не картины, а этюды. Да при этомъ, по видимому болѣе скромномъ,

названия, мы еще болѣе вправѣ требовать изящнаго рисунка (*); а здѣсь, до крайности выдающіяся и обрюзглыя части тѣла порождаютъ въ зрителя что-то похожее на отвращеніе; да тутъ же родится и сожалѣніе о художникѣ, который, не будучи строго приготовленъ, берется исполнять то, что ему совершенно не по силамъ.— Когда еще онъ увидитъ женщинъ Тиціана; а теперь советуемъ ему постараться увидетьъ Вирсавію, въ которую Брюлловъ, не довольный своимъ трудомъ, пустилъ сапогомъ. Тогда онъ пойметъ, какъ высоко понималъ женскую красоту великій художникъ, если и это необычайное произведеніе его творческой кисти привело его въ гнѣвъ на свое безсиліе изобразить идеалъ женщины.

Тогда г. Фелицынъ ввроятно сдержитъ свою быструю кисть и сочтетъ лучшимъ порисовать годокъ, другой, со всѣмъ вниманіемъ, во статуѣ Венеры Милосской, Таврической и Медициской; — да полагаемъ, и не рѣшится впредь представлять публикѣ, въ неуклюжихъ позахъ, такихъ дебелыхъ красотокъ, съ которыхъ, — того и гляди, — посыпятся бѣлыя и румяны. Да, ихъ не пожалѣвъ г. Фелицынъ, полагая, что это колоритъ! — Непростительно такъ думать объ искусствѣ; непростительно полагать, что достаточно прихода въ мастерскую присканной натурщицы, — и что тутъ-то вотъ и создается изъ-подъ кисти ненаглядная красавица; — а посмотришь, — такъ и выйдеть чуть не судомойка, — кажется, вчера еще видѣлъ, какъ оригиналь ея шагала толстыми ногами, черезъ лужи, на дворѣ; — да бываетъ и хуже... стоить вспомнить лишь воспалительное состояніе какъ той красотки Фелицына, которой голова убрана цвѣтами.

Чтобы изображать женщину, то надо трезвенно и высоко почувствовать ея прелестямъ, и стараться достигать той точки, съ которой смотрѣли на нихъ великіе художники, особенно Греки; а для этого нужно изученіе, приводящее къ тонкому развитію чувства изящнаго, никогда не допускающаго ни перезрѣлости, ни испорченности формъ тамъ, гдѣ всё должно дышать юностью и красотой. Не тяжелое, обвисшее, дряблѣе тѣло береть за образецъ истинный художникъ, а воснящаетъ его то соединеніе дѣвственности, свѣжести, стройности, стыдливости и граціи, которое составляетъ сущность и всю неуволнимую прелесть первообраза женщины, этого вѣнца всего творенія.

До сихъ поръ мы говорили только о формахъ; но если обратить теперь вниманіе на положенія, посадки женщинъ Фелицына, то надо сознаться, что онъ также не имѣетъ никакого поня-

(*) Въ этомъ уже не спрашивается сюжетъ, а вниманіе художника исключительно обращается на формы и рисунокъ.

тѣхъ въ той плавной игрѣ линий, о тѣхъ гармоническихъ разитратъ, движеніяхъ, которыя составляютъ отличительный характеръ жасвенности. Названному художнику, повидимому, доступна лишь угловатость движеній, принадлежащая исключительно грубымъ женщинамъ, изъ среды которыхъ были взяты имъ натурщицы. Нѣтъ, надо поучиться, и поучиться сѣрьезнѣе, чтобы изпроизвести что-нибудь прекрасное въ этомъ родѣ; надо довести себя до умѣнья рисовать женщинъ даже на память; тогда только можно усвоить своей фантазіи грацію ихъ движеній до того, чтобы и внутреннее чувство художника и воображеніе руководили его кистию. И лучшая натурщица не поможетъ тому, у кого лишь ходитъ рука (*), а сознаніе прекраснаго неразвито или постоянно убивается пагубною увѣренностью, что я-де уже достигъ совершенства въ моемъ искусствѣ. Кто думаетъ такъ, тому никогда не быть художникомъ и не доведется ему никогда испытать всего высокаго упоенія въ самомъ изученіи искусства.

Если самоувѣренность г. Фелицына въ успѣхъ своихъ картинъ разрослась вслѣдствіе того, что на нихъ есть покупатели,—такъ имѣтимъ ему,—что и гораздо худшія, даже лубочныя картинки иють свой сбытъ.

Распространившись такимъ образомъ объ этомъ художникѣ, не лишенномъ однако дарованія, мы имѣли въ виду, какъ мы говорили выше, не одного его, а вообще всѣхъ тѣхъ, которые думаютъ, что перебросавши всѣ яркія краски съ палитры на холстъ, можно воскресить венеціанскую школу (**). Лишь молодость, неопытность и непростительная самонадѣянность позволяютъ себѣ такъ думать. Молодость же и незрѣлость понятій необходимо учить; а если учить, то нельзя гладить по головкѣ, когда, вмѣсто дѣла, учащійся позволяетъ себѣ насмѣхаться надъ искусствомъ и публикой въ томъ мѣстѣ, гдѣ искусство должно быть чтимо, какъ одна изъ отрадѣвшихъ и благороднѣйшихъ дѣятельностей челоуѣка. Только настоящій указаніемъ на условія искусства и на его высоко-чистыя требованія можно образовать изъ самыхъ отчаянныхъ школьничковъ хорошихъ дѣльныхъ художниковъ.

*) Не можемъ не вспомнить при этомъ о бойкости руки одного изъ академическихъ воспитанниковъ, Бодина, который рисовалъ группу Люковъ съ дѣтми мѣломъ, величнно во весь полъ огромной залы; также бойко рисовалъ он и свои сочиненія; однако изъ безтолковой бойкости руки, въ которой не принимали участія ни голова, ни сердце, ничего не вышло. Это бывало не рѣдко.

(**) Почтенный живописецъ Венеціановъ, только по фамиліи своей случайно имѣлъ общее съ Венеціею; но и скромная его кисть подарила Петербургской Академіи Художествъ прекрасныя изображенія купающихся дѣвочекъ.

Только провансы могут принимать, въ простотѣ сердца, излишество красокъ за колоритъ. Великое дѣло—знаніе эстетической мѣры въ искусствахъ, которая на такую высокую степень была поставлена въ греческомъ мірѣ. Лишь человекъ, глубоко проникнутый художествомъ, достигаетъ этой эстетической мѣры. Такъ Гоголь, какъ истинный художникъ, движимый чувствомъ мѣры, замѣтилъ одному молодому литератору, по выслушаніи его сочиненій, что у него до того много яркихъ красокъ, до того великъ избытокъ цвѣтистости, что *краски текутъ*.—Это утонченное чувство мѣры, снова повторимъ, зарождается лишь въ даровитомъ настроеніи души и развивается глубокимъ изученіемъ. Оно одно можетъ насъ заставить восхищаться гармоническими произведеніями Грековъ, и лишь удивляться громоздкости всего египетскаго; оно же можетъ указать намъ, какъ высоко стоитъ Рафаэль надъ Микель-Анжеломъ.

Говоря такимъ образомъ, мы желаемъ искренно молодымъ художникамъ настоящаго ознакомленія съ искусствомъ,—и сознаемъ, что иногда рѣзкость нашихъ отзывовъ бываетъ прямо слѣдствіемъ той рѣзкости, ошибокъ и незрѣлости, которая, въ строгомъ смыслѣ, не должны бы имѣть мѣста въ большихъ картинахъ, на выставкахъ училища.

Въ картинѣ Фелицына же «Дѣвушка груститъ при видѣ портрета»—не знаемъ, брата или своего возлюбленнаго, есть какое-то содержаніе,—по крайней мѣрѣ здѣсь читаешь подпись на висящемъ портретѣ: *убить въ 1848 году*. Если бы голова и руки этой дѣвушки были написаны приблизительно, такъ какъ стоящая въ этой картинѣ на столѣ свѣча, то безъ сомнѣнія намъ пришлось бы сдѣлать совершенно другой отзывъ объ этомъ трудѣ. Его же «Венеціанка съ маскою», картина, такъ сильно выпуклая, лишена всякой внутренней жизни, всякаго теплаго чувства. Кажется, кто бы, какъ не венеціанка въ карнавалѣ, могла болѣе загорѣться любовью, ревностью или другою страстью. Здѣсь нѣтъ ничего даже намѣкающаго на какую-нибудь внутреннюю жизнь; встрѣчаешь въ этомъ домино лишь тупой, безжизненный взглядъ, который, при остальныхъ, очень рельефно выдающихся частяхъ лица, производитъ почти то же непріятное впечатлѣніе, какое испытываешь при посѣщеніи галлерей восковыхъ фигуръ. Впрочемъ, самое домино съ блондами написано превосходно; околичность очень хороша.

Вообще нельзя не пожалѣть, что вниманіе нѣкоторыхъ молодыхъ художниковъ обращено болѣе на околичности, на обстановку, нежели на главное содержаніе картинъ.

Такъ и г. Турчаниновъ, также отдавшійся, при изображеніи «Цыганки», избытку красокъ, бусь, лентъ, яркой зелени, мало побоялся о выраженіи лица, которое, при праздничномъ веселомъ нарядѣ и при тамбуринахъ, улыбается какъ-то насильственно, и потому картина не производитъ того отраднаго впечатлѣнія, которое, казалось, должно бы было лежать въ основаніи этого труда и вѣзять на зрителя. Да и рисунокъ, какъ на примѣръ въ привязкѣ головы къ шеѣ, послѣдней къ бюсту, и въ самомъ станѣ двушки на которой такъ неловко надѣтъ спензеръ, не правиленъ.

Да, что ни говори, а безъ рисунка, не только въ скульптурѣ, но не далеко уйдешь и въ живописи.

На нынѣшній разъ, г. Новаковичъ остался какъ-то въ тиши съ своей «Русалкой», хотя и не лишенной достоинствъ, — и этому нельзя не порадоваться. Этотъ художникъ любитъ искусство искренно, и повидимому, старается высвободиться изъ-подъ вліянія той радуги неестественныхъ красокъ, которая во всемъ фальшивомъ блескѣ бросалась ему въ глаза, въ прошломъ году, да и нынче еще отразилась на его «Женщинѣ въ траурѣ», плачущей на могилѣ; за то въ «Русалкѣ» нельзя не замѣтить переходнаго состоянія живописи Новаковича, который изучаетъ свой предметъ со всюю энергіею; онъ, какъ намъ извѣстно, недоволенъ самъ собою, недоволенъ своими собственными картинами.... это добрый знакъ; — стало быть, онъ спохватился во время, и ложный путь къ яркому разцвѣчиванію холста и безпричиннымъ эффектамъ не удовлетворяетъ его болѣе; истинное чувство художника беретъ въ немъ верхъ надъ эфемерною живописью и становится порукою за успѣхъ его будущихъ произведеній.

Этюдъ г. Пукирева, лучшаго рисовальщика здѣшняго учителя, обращаетъ на себя вниманіе серьезнымъ направленіемъ и строгостию рисунка, чему нельзя душевно не порадоваться, особенно видя въ то же время, что и живопись его не имѣетъ претензій на блестящій колоритъ. Хотя многіе называютъ эту молодую фигуру киевскимъ юношей, спасающимся черезъ Днѣпръ отъ стрѣлъ Печенеговъ; но мы, видя на немъ, вмѣсто рубахи съ узорчатымъ (*), какую-то пунцовую римскую тогу, отстраняемъ это названіе и принимаемъ эту трудную попытку изобразить человека, бросающагося въ рѣку, за очень удачный этюдъ, кромѣ повисшей выткнутой ноги, которая, перпендикулярно свѣсившись, производитъ дисгармонію съ остальными линиями фигуры и мѣшаетъ общему пріятному впечатлѣнію произведенія. Верхъ фигуры и лѣвая нога, отброшенная въ воздухъ, испол-

(*) Такія рубахи можно видѣть въ изданныхъ рисункахъ г. академика С. Ф. Салтыкова.

инныя стремленія и движенья, тогда какъ правая, отъесто надюжная, такела и нѣднжна, прямо по своему невыгодному положенію. Съ тѣмъ серьезнымъ направленіемъ, какое имѣеть г. Пукиревъ, и съ его данными въ рисунокъ, нельзя не пожелать ему испробовать свои силы на чемъ-нибудь вполне строгомъ, академическомъ, хотя на послѣднее слово нныя люди и смотрять какъ-то косо, непривѣтливо; но мы убѣждены и чужимъ и своимъ опытомъ, что лишь этимъ путемъ достигаютъ прочныхъ знаній и зрѣлаго мышленія, съ отсутствіемъ, которыхъ никакія блестящія краски міра и никакой лучшей мраморъ не представятъ ничего вполне художественнаго.

Небольшая картина г. Астрахова «Семикъ въ Марьиной роуцѣ» задумана превосходно; но исполненіе ея слабѣе самаго содержанія, хотя и есть отдѣльныя мѣста очень удовлетворительныя; за то картинка «Купцы, играющіе въ шашки,» того же художника, соединила въ себѣ все: и игривое содержаніе, и отдылку, и выраженіе лицъ, и цѣлостъ дѣйствія. Составъ группы до того живъ и естественъ, что, кажется, художникъ и не трудился надъ сочиненіемъ картинки; а это очень большое и рѣдкое достоинство. Здѣсь ничто не забыто и все отработано съ любовью истиннаго художника, начиная съ экспрессіи озадаченнаго игрока до движенія умывающагося кота. Это отрадное произведеніе, хотя и напоминаетъ кисть П. А. Федотова, но направленіе г. Астрахова чисто комическое, клонящееся къ веселой и пріятной сторонѣ жизни, тогда какъ горькая драма всегда лежала въ основаніи комизма П. А. Федотова. Эскизъ Астрахова же «Мужъ запоздавшій туалетомъ»,—тогда какъ дражайшая его половина и дочери уже готовы къ отъезду въ театр, — очень милая вещь, и стоящая того, чтобъ художникъ не подовольствовался однимъ эскизомъ, который пріобрѣтенъ одной дамою любительницею.

Картина «Крестьянинъ стрижетъ овцу» г. Грибкова, изображаетъ жизнь крестьянской семьи, которая отдана не тяжелымъ занятіямъ, — и все это естественно, безъ натяжекъ, и полно интереса, начиная съ молодухи до старухи, сливающей молоко; отъ крестьянина, стригущаго овцу, до двушки, дающей кормъ коровѣ; отъ мальчика, помѣстившагося на полу, до барашка, который рвзвась опрокинулъ корытцо съ водою. И солнце на столько освѣщаетъ эти группы, что въ картинѣ все принимаетъ видъ теплый, пріятливый, — только справедливо замѣчали многіе, что зелень, видная въ дверь, невыносимо ярка. Спаси Богъ г. Грибкова отъ заразы писать зелень, уподобляющуюся яркостію своей малахиту, что нерѣдко бываетъ съ черезъ чуръ жаркими поклонниками блестящаго колорита.

«Молящаяся дама», того же художника, не лишена интереса и представляет очень пріятную картину. Желалось бы впрочемъ болѣе благородства въ лицѣ этой женщины, такъ чтобы она совершенно походила на даму, которую, судя по костюму, хотѣлъ изобразить г. Грибковъ.

Перспективные виды г. Шухвостова заключаютъ въ себѣ такъ много правды, и полны такого оптического обмана, что стояшь передъ ними и совершенно забываешься, переносясь то подъ своды Троицкаго собора, то какъ бы присутствуя въ церкви Геосиманскаго скита, то благоговѣя предъ ракою св. Сергія. Начиная отъ общихъ линій и тоновъ до мельчайшихъ подробностей, всё здѣсь нарисовано и написано превосходно. Остается пожелать Шухвостову, чтобы искусная кисть его, передающая столь священные предметы и мѣста, полныя великихъ историческихъ воспоминаній, присоединила со временемъ къ вѣковымъ стѣнамъ и самыя происшествія русской исторіи. Если замѣтить намъ, что мы требуемъ уже очень многого, то въ оправданіе свое мы укажемъ на Гранета, съ картины котораго «Монастырь» выставилъ прекрасную копію г. Турчаниновъ. Здѣсь фигура вдвое болѣе, нежели лѣтъ г. Шухвостову,—и потому желаніе наше художнику кажется намъ болѣе, нежели сбыточнымъ.

Пейзажи г. Саврасова «Двѣ степи» и «Видъ Кіева» дышатъ свѣжестію, разнообразіемъ и тою силою, которая усвоивается кисти художника, вслѣдствіе теплаго и вѣстѣ разумнаго воззрѣнія на природу. Саврасовъ въ произведеніяхъ своихъ начинаетъ достигать того чувства нѣры, о которомъ мы говорили выше,— и потому самобытность его таланта несомнѣнна,—да и можно надвѣяться, что онъ не упадетъ ни въ какія подражанія, столь недостойныя прямаго дарованія.

Въ пейзажѣ г. Давыдова побуждены съ необыкновеннымъ усиліемъ большія трудности. Отъ перваго плана до дальняго горизонта, все пространство покрыто деревьями и кустарниками, такъ что нѣтъ почти никакого отдыха между ними; не прибѣгая, въ этомъ случаѣ, ни къ рѣзкимъ полутонамъ, ни къ сильно затѣненнымъ горамъ, ни къ блестящей поверхности озера или рѣки, художникъ, при отличномъ рисункѣ деревьевъ, показалъ такую глубину въ картинѣ, что можно долго и долго любоваться ею. Только одно намъ показалось какъ-то усиленнымъ, не согласующимся съ общимъ спокойствіемъ свѣта въ пейзажѣ: это пролеты и тѣни между большихъ камней, помещенныхъ на срединѣ перваго плана.

Изъ трехъ видовъ г. Аммона лучшій и прекрасный, это «Хижина въ лѣсу». Въ немъ слышится дыханіе природы,—съ такою любовью и вѣрностью переданы здѣсь едва уловимыя ея подробности. Мягкость

кисти, съ которою написанъ этотъ пейзажъ, напоминаетъ кисть Штернберга; а кто можетъ напоминать послѣдняго, отъ того и требовать, и ожидать можно многого.

«Зима» г. Милошина стоитъ выше «Зимы» г. Лобова, по болѣе богатой обстановкѣ; но что касается до естественности тона картины, и вообще до свежести впечатлѣнья, то зимній видъ Лобова имѣеть преимущество.

Акварельные виды г. Черкасова пріятны и хорошо нарисованы. Этотъ художникъ въ короткое время очень успѣлъ.

Акварельные портреты г. Воробьева выходятъ далеко изъ ряда всѣхъ работъ этого рода. Мы припоминаемъ лучшихъ акварелистовъ, которые пріобрѣли извѣстность въ Римѣ,—и смѣло можемъ сказать, что такая акварель Воробьева, какъ изображенный имъ старикъ, можетъ соперничать съ ихъ произведениями. Молодой художникъ обязанъ въ этомъ случаѣ исключительному влиянію превосходнаго акварелиста М. И. Скотти.

Нельзя не упомянуть здѣсь объ очень любопытномъ эскизѣ г. Соколова (*) «Цыгане». Хотя онъ наброшенъ небрежно; но такъ полонъ жизни, ума и умвня группировать фигуры естественно, что ватага цыганъ Пушкина, кажется, живьемъ является передъ глазами.

Все вмѣстѣ тронулось: и вотъ
Толпа валитъ въ пустыхъ равнинахъ.
Ослы въ перекидныхъ корзинахъ
Дѣтей играющихъ несутъ;
Мужья и братья, жоны, дѣвы,
И старъ и младъ вослѣдъ идутъ:
Крикъ, шумъ, цыганскіе пригвалы,
Медвѣдь ревъ, его цѣпей
Нестерпимое бряцанье,
Лохмотьевъ яркыхъ пестрота,
Двѣй и старцевъ нагота,
Собаки и лай и завыванье,
Волиники говоръ, скрипъ телегъ, —
Все скудно, дико, все нестройно.

Всю эту ватагу художникъ приблизилъ къ убійцѣ Алеко, сидящаго надъ умерщвленными имъ трупами Земенры и ея любовника; старикъ же отецъ Земенры говоритъ убійцѣ:

Оставь насъ, гордый человекъ!
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терзаетъ, не казнимъ,
Не нужно крови намъ и стонать.

(*) Павла Петровича, втораго сына славнаго акварелиста Петра Федоровича Соколова.

Эта драма обрисована г. Соколовымъ самыми живыми, удачными образами. Дай Богъ, чтобы обстоятельства, иногда не зависяща отъ художника, помогли ему исполнить хотя небольшую картину по этому прекрасному эскизу.

Небольшой пейзажный эскизъ г. Шервуда, на которомъ мальчикъ гонитъ стадо, обличаетъ талантъ.

Не безъ достоинства также дѣвушка Пуговошниковъ, акварель—дѣвушка важущая чулокъ, Шитова; Марія Магдалина, Моисеева, и внутренней видъ французской католической церкви св. Людовика, Дубровина.

Къ лучшимъ копиямъ можно отнести—съ Магдалины Манса копию Малова; съ той же картины, Смолякова; Бочарова съ Калликъ; Матвѣева, Бочарова, Трескина, съ картинъ Айвазовскаго; Гусса внутренней видъ церкви св. Бенедикта, въ Субіако.

Копія же съ прекраснаго оригинала Моллера — портрета Гоголя, разныхъ художниковъ, до того невѣрны, небрежны и искажены, что какъ-то странно было и встрѣтить ихъ на выставкѣ. Изъ нихъ усматриваешь только явное неуваженіе къ памяти великаго писателя, къ училищу и къ публикѣ. Такова и копія Золотарева съ итальянскаго вида Меера; да еще копія Гребнова, въ которой можно было встрѣтить до того зеленѣющій пейзажъ, что и овцы въ немъ зазеленѣли. Весь этотъ послѣдній отдѣлъ копій возбуждалъ лишь насмѣшки и досаду въ зрителяхъ; спрашивается, къ чему было выставять подобныя вещи? Въ довершеніе выставки были поставлены работы любителей, имѣющія не отъемлемыя достоинства. Таковы труды г. Зимлера, г. Никитина, г-жи Гагенъ и г-жи Глѣбовой.

И коверъ былъ на художественной выставкѣ. Если меркантильный и положительный XIX вѣкъ до того имѣетъ силу и вліяніе на искусство, что послѣднее, въ очю, сливается съ мануфактурой, то уже лучше перестать говорить объ искусствѣ, — и потому статью нашу кончаемъ (*).

Ж. ГАМАНОВЪ.

(*) О скульптурныхъ произведеніяхъ училища намъ недавно пришлось говорить, по поводу разъясненія устѣховъ ваятельнаго искусства, московскому корреспонденту Петербургскихъ Вѣдомостей, именно въ № 157 Московскихъ Вѣдомостей прошлаго года. Мы были вполне безпристрастны и вслѣдствіи старались, чтобы поговорка: «овсяная каша сама себя хвалитъ», не имѣла никакого къ намъ приложенія.

КОНЦЕРТЪ И БАЛЬ СЪ СЮРПРИЗАМИ 18-ГО ЯНВАРЯ.

(Сообщено).

Всему свѣту известна давнишняя благотворительность древней русской столицы на пользу и помощь ближнему: число богоугодныхъ, благотворительныхъ и учебныхъ ея заведеній, и открываемые съ доброю целью балы, концерты, спектакли, ярмарки, томболы и лотереи — краснорѣчиво убѣждаютъ каждого согласиться, что едва ли на блгомъ свѣтѣ есть городъ, подобный Москвѣ, со стороны благотворительности — правительственной и частной. Она проявляется въ разныхъ видахъ, никого не обременяя, ни напращиваясь, ни навязываясь. Вотъ на примѣръ вчера, 18-го января, Совѣтъ московскихъ дѣтскихъ приютовъ, въ великолѣпныхъ залахъ Благороднаго Собранія, давалъ концертъ и балъ съ 500-ми сюрпризами (съ выигрышами). Кто отъ души, съ полною охотою и желаніемъ, не принесетъ трехъ или четырехъ рублей?... Мы забудемъ, что эта жертва, эта лепта, идетъ отъ нашихъ избытковъ въ помощь бѣдному, въ пользу воспитанія нашего юнаго поколѣнія;— но вспомнимъ, что мы, шутя, не стѣсняясь строгостью приличій домашняго и свѣтскаго раута, не тратясь на костюмы и изысканные шарды, забавляясь, танцуя и слушая музыку оркестровъ и пѣніе избранныхъ хоровъ, еще возвращаемся домой съ сюрпризомъ: иной несетъ брилліантовыя вещи, серебряный или фарфоровый сервизъ, кубокъ, кружку, чашу, вазу, кусокъ голландскаго полотна;— другой везетъ великолѣпный фарфоровый туалетъ съ принадлежностями, богатую деми-рояль, щегольскую, цѣнную карету, коляску, дрожки—и все это просто, даромъ, не платя денегъ, кромѣ какого-нибудь четвертака или рубля, и не давая за нихъ заемнаго письма, какъ за весьма цѣнную вещь, купленную въ долгъ. Даже оставимъ и это: ибо найдутся и такіе, кои ничего вещественнаго не понесутъ и не повезутъ домой, по неблагоклонности къ нимъ на этотъ разъ капризной фортуны,—но за то все, рѣшительно все, и всегда, понесутъ въ самихъ себѣ утѣшительную отраду, неоцѣнимый выигрышъ: величайшую отраду въ душѣ и сердцѣ, что отдали *излишній* рубль въ пользу и помощь ближнему,—за то именно, что получили полное удовольствіе и время провели чрезвычайно пріятно и весело. А такіе часы посвящаютъ намъ очень не часто!... Тогда какъ мы тратимъ сотни, тысячи, чтобы блеснуть, развлечься, *разспясться*,—здѣсь за рубль или полтора, отданный на доброе дѣло, мы находимъ такъ далеко и такъ дорого искомое нами удовольствіе, и еще съ изящнымъ, цѣннымъ сюрпризомъ!...

Постараясь, хотя въ немногихъ словахъ, въ своемъ очеркѣ, передать нашимъ вногороднымъ читателямъ программу концерта и бала, данныхъ въ воскресенье, 18-го января, въ пользу московскихъ дѣтскихъ приютовъ.

Въ самый полдень, огромная, великолѣпнѣйшая въ свѣтѣ залъ Россійскаго Благороднаго Собранія огласилась духовнымъ гимномъ хора дѣтей и пѣвчихъ 2-го учебнаго карабинернаго полка, съ оркестромъ г. Лебедева, подъ дирижировкою г. Чицова; хоръ *карабинеровъ*, подъ дирижированіемъ г. Яшукевича, исполнилъ увертюры изъ Веберовскаго «Фрейшутца» и фантазію изъ «Роберта», для двухъ кларнетовъ соло, соч. г. Іоганниса. Хоръ г. Прокофьева, подъ ея дирижировкою, и оркестръ г. Лебедева, исполнили три пьесы разныхъ авторовъ. Оркестръ г. Сакса исполнилъ увертюру «Ruу Vla», Мендельсона-Бартольди, — «Adelaide» Бетговена, и россійскую арию изъ «Stabat Mater.» Придворный герцога Саксенъ-Кобургскаго пианистъ *Едуардъ-Буддурсъ* разыгралъ «фантазію» своего сочиненія. — Подъ оркестръ г. Лебедева, дѣти и карабинеры пропѣли хоромъ: «Я не знаю, что судьбою», — «Когда гуляю лѣтомъ въ полѣ» и благодарный гимнъ начальству; всѣ три сочиненія г. Львова. Такъ въ продолженіе трехъ-часоваго концерта, мы слышали пьесы Мендельсона-Бартольди, Бетговена, Россини, Вебера, Іоганниса и другихъ, болѣе или менѣе славнѣйшихъ композиторовъ. Много бы потребовалось мѣста и времени говорить о впечатлѣніи, полученномъ нами въ этомъ концертѣ, а потому мы должны были ограничиться немногими словами, чтобы передать нашимъ читателямъ конспектъ концерта въ одномъ только результатѣ — въ наименованіи исполненныхъ хорами и оркестрами пьесъ.

Скажемъ въ заключеніе, что три хора пѣвчихъ, въ числѣ коихъ одинъ хоръ изъ 450 дѣтей, воспитывающихся въ приютахъ, и нѣсколько стороннихъ любителей, — хоръ г. Прокофьева изъ 58 человекъ, и хоръ 2-го учебнаго Карабинернаго полка окончили концертъ столь всѣмъ знакомымъ, всѣми любимымъ и кѣсно желательнымъ молитвеннымъ гимномъ: «Боже, Царя храни!» Этотъ гимнъ былъ пропѣтъ хоромъ, состоявшимъ изъ 600 пѣвчихъ, съ аккомпаниментомъ всѣхъ трехъ оркестровъ: карабинернаго, Сакса и Лебедева, — и восхищенные слушатели (числомъ болѣе 1660 человекъ) понесли въ своихъ сердцахъ чистое, ничѣмъ не покупаемое удовольствіе и наслажденіе. Каждый желалъ и просилъ, чтобы подобныя концерты и балы, съ подобною же благотворительною цѣлію, давались какъ можно чаще и чаще.

Черезъ нѣсколько часовъ, большая часть бывшихъ на утреннемъ концертѣ собралась въ ту же залу вечеромъ,—и нашли новое удовольствіе, новое веселье и разнообразныя пріятности.... Началу бала, въ 9-ть часовъ, предшествовала искусственная *Вечерняя заря*, при пособіи бенгальскаго огня, и вся большая зала, минуты въ двѣ, освѣщалась огненнымъ краснымъ свѣтомъ, такъ превосходно отразившимся въ зеркалахъ залы и на бѣломраморныхъ колоннахъ ея и плафонѣ. Эффектъ былъ необыкновененъ: струи или клубы краснаго, летучаго огня пробрались изъ залы на хоры, и тамъ разлили свѣтъ, нами неизданный. Огненный, искусственный фонтанъ, аршинъ на пять, какъ петербургскій «Самсонъ», достигалъ своимъ голубымъ ключемъ до «хоры» и эффектировалъ (извините за *новое*, едва ли переводимое выраженіе) общему эффекту. Посредствомъ особаго химическаго способа, какъ мы видали въ новомъ петербургскомъ балетѣ «Война женщины», въ нашей московской оперѣ «Панъ Гвардовскій» и въ одномъ изъ декабрьскихъ маскарадовъ Благороднаго Собранія,—въ нѣсколько секундъ зажглись, въ той же залѣ, 3080 стеариновыхъ свѣчъ, въ хрустальныхъ люстрахъ и подъ плафономъ на карнизѣ. Интересно было видѣть, какъ огненный клубъ пробирался по паутиннымъ нитямъ и зажигалъ свѣтільни свѣчъ. Въ то же время надъ сюрпризами, красиво драпированными, загорѣлись въ вензель изъ разноцвѣтныхъ огней брилліантовая корона и вензеловое изображеніе Ихъ Императорскихъ Величествъ, Августѣйшихъ цокровителей дѣтскихъ пріготовъ.

Послѣ этого начался балъ; на немъ играли тѣ же три оркестра музыкантовъ, что были и въ утреннемъ концертѣ; четыре вальса, четыре кадрили, три польки, два галопы и одна полька-мазурка увлекали любителей танцевъ—подвизаться на блестящемъ паркете залы. Между танцевальными пьесами заливался хоръ недавно возвратившихся изъ Петербурга цыганъ, такъ крѣпко пріотившійся въ Москвѣ—въ Садовой и Грузинахъ; лучшія солистки и солисты пропѣли намъ соло 14-ти извѣстныхъ русскихъ пѣсенъ: «Хожу я по улицѣ»,—«Матушка-голубушка», — «Люди добрые внимайте», — и проч., и четыре національныя пѣсни всѣмъ хоромъ,—всего 18-ть пѣсенъ. Около полуночи начался розыгрышъ 500 сюрпризовъ. — Въ продолженіе концерта и бала, въ боковыхъ залахъ Собранія разыгрывалось *аллегри*, для чего назначено было ровно тысяча сюрпризовъ—красивыхъ, изящныхъ и цѣнныхъ, стоящихъ платы денегъ только за то, чтобы ихъ видѣть, полюбоваться ими, и многіе, весьма многіе счастливы за 25 копѣекъ получили отъ фортуны богатая вещь, и даже, кажется, новую роскошную деми-роль,—

работы Сымке. Нужно ли досказывать, что балъ, благодаря умвнью и вкусу его распорядителей, былъ и веселъ, и приятен, и разнообразенъ роскошною обстановкою въ недавно обновленномъ залѣ Благороднаго Собранія, съ натуральнымъ фонтаномъ осевой воды въ монументной залѣ? И можно ли приобретать такіа дороги вещи и покупать долговременные часы наслажденій и удовольствій за такую дешевую цвну? Мы отправились домой съ бала въ 3 часа утра,—но балъ еще кипѣлъ въ полномъ разгарѣ. Число посѣтителей на балъ было до 5000; сборъ въ пользу приютовъ, за всѣми расходами, былъ, какъ полагаемъ, не менѣе 10,000 рублей серебромъ.

Очень жалеемъ о техъ, кому, по какимъ-либо причинамъ, не удалось быть ни въ концертѣ, ни на балѣ 18-го января: они лишились самаго лучшаго наслажденія.—ИВ. ДЖ.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Балы блондинокъ и брюнетокъ, и балы блондинокъ и брюнетовъ.—Балы драматическіе.—Девичья Клаусъ.—Переселенцы.

Что новаго теперь въ Парижѣ?—балы. Что любопытнаго?—балы. Что замѣчательнаго?—балы.

Но балы не новость; на балахъ все замѣчательное такъ обыкновенно, что перестаетъ быть замѣчательнымъ; балы всегда предвидѣны, никогда не бываютъ неожиданными—и, следовательно, не любопытны.

Извините. Это, можетъ быть, такъ вездѣ, но не въ Парижѣ. Парижане *избалованы*, и для каждаго бала придумываютъ что-нибудь новое, любопытное, замѣчательное. Напримерь, одна иностранка, давнишняя жительница Парижа, не имѣя достаточнаго помѣщенія, чтобы созвать къ себѣ на балъ весь огромный кругъ своего знакомства, придумала разделить посѣтителей своихъ на два разряда, не по знатности рода, не по важности ихъ въ политическомъ мѣрѣ, не по положенію въ аристократіи финансовъ, не по значенію въ республикѣ ума и искусствъ,—а по цвѣту волосъ! На одинъ балъ приглашаетъ она кавалеровъ блондурихъ и дамъ брюнетокъ, на другой—блондинокъ и брюнетовъ. Парикмахеръ этой дамы занимаетъ при ней должность секретаря, и съ гребнемъ въ кудряхъ сортируетъ приглашенія!...

Принцесса Матильда открыла занимаемый ею домъ при улицѣ Курсель, давнее жилище герцога Сотомайоръ, небольшимъ баломъ, на который было приглашено не болѣе двухъ-сотъ особъ. Императоръ пробылъ тамъ съ десяти часовъ гораздо за полночь, былъ очень веселъ, разговаривалъ со всеми, танцевалъ со всеми, въ полной свободѣ семейнаго праздника. За нимъ не ходилъ даже офицеръ, который, по законамъ этикета, повсюду слѣдуетъ за Императоромъ въ десяти шагахъ, не отступая отъ него, какъ вторая тѣнь.

У графа и графини Кастелано начались въ прошломъ мѣсяцѣ прежніе драматическіе вечера. На эти праздники съѣзжается смешанное общество, дипломатическое, финансовое и литературное, и надъ букетомъ королевскихъ лилій, которыя составляютъ герцогини Сень-жерменскаго предместья, кружатся пчелы императорской весны.

Вотъ имена посѣтителей одного изъ послѣднихъ баловъ. Слушайте докладъ:

Князь Меттернихъ.—Входить не Несторъ европейской современной политики, а щеголеватый секретарь посольства. *Г. де-Лагрене*—невольно вспомнишь о Китаѣ, у котораго такіе странные представители по камнямъ модныхъ гостинныхъ. *Г. Герцъ*—и мысль летить въ Калифорнію, гдѣ онъ ввелъ первыя фортепьяно. *Князь Московскій* (prince de la Moskowa)—и эхо памяти повторяетъ вамъ имя князя Кутузова-Смоленскаго и переправу чрезъ Березину. *Приицъ Мюрать*—и воображеніе ваше понесется по ступенямъ падшаго трона: Абукиръ, Маренго, Сарагосса, Ваграмъ—и приведетъ васъ къ экзекуціи двухъ героевъ, потомки которыхъ прѣвхали на балъ одинъ вслѣдъ за другимъ. *Г. Шатобрианъ*—г. Марселлю (Marsellus)—отдается въ ушахъ вашихъ. *Г. Марселлю*—и вамъ слышится Шатобрианъ. *Маркизь и маркиза де Буасси*—и предъ вами встаетъ изъ могилы лордъ Байронъ. *Г. Эмиль-Ожье*—и вы вспомните, какъ подъ его стихъ, *стихъ* восторгъ рукоплескателей театра Gymnase (on annonce M. r Emile Augier, et on songe que ses vèrs vont ranger les recettes du Gymnase). *Г. Джемсъ Ротшильдъ*—и вамъ покажется, что вы нищій, если у васъ только сто тысячъ дохода; другіе подумаютъ, qu'il serait bon d'avoir feu son sagème pour le sagème qui approche. *Герцогъ Брауншвейгскій*—и предъ вами заблестятъ всѣ брилліанты Эльдорадо.

Имена: *Граммонъ, Понтальба, Агвадо, Мортемаръ, Молларъ, и проч. и проч.* прогремятъ поочередно передъ вами, и вы увидите генераловъ новой эпохи, друзей Императора, приверженцевъ королей, дипломатовъ, академиковъ, живописцевъ, литераторовъ, красоту, суетность, политику, музыку и всѣ крайности общества, поставленные рядомъ подъ уровнемъ пригласительнаго билета. Но что это такое драматическій балъ?—балъ какъ и другіе; на всѣхъ балахъ, какъ и во всѣхъ другихъ проявленіяхъ общественной жизни, есть драма;—особенность драматическаго вечера въ домѣ *графа Кастеллано* состояла въ томъ, что драма, завязка, интрига, патетическія сцены, и проч., разыгрывались тамъ не въ уголку гостинной, не въ тайнѣ, не подъ звуки музыки, не за кулисами приличій, — а завѣдомо всѣмъ и каждому, вслухъ, на подмосткахъ. Спектаклемъ распоряжала милая и умная артистка *Августа Брозанъ*. Сначала сцена изъ *Ecole des Femmes*, потомъ первая сцена изъ *Mademoiselle de Belle-Isle*. Герцогъ Ришелье, бывшій въ числѣ зрителей, остался очень доволенъ исполненіемъ артиста, представлявшаго его предка.

Заваньсь опускается. Слѣдуетъ шарада: *Galathée, Gall-Athé*. Галль, какъ всеѣмъ извѣстно, извѣстный френологъ. Актеръ (одинъ изъ посѣтителей) прекрасно разыгралъ сцену, въ которой онъ, по *живымъ* голозамъ разгадываетъ дурныя наклонности тѣхъ, кому этъ головы принадлежать. *Athé* выразила послѣдняя сцена Донъ-Жуана, съ мраморнымъ командоромъ. *Галатея*, прелестная г-жа *Theris*, такъ была хороша на пьедесталѣ, что публика съ восторгомъ любовалась ею, сердилась на эгоиста Пигмальона, который поторопился одушевить ее, и удивлялась послѣ, какъ умѣла она придать неподвижность мрамора рѣзвому выраженію своей фижіономіи и затаять подъ каменной оболочкой чувство, которое сквозить во всеѣхъ чертахъ ея.

Первая пьянистка въ Европѣ, двѣца Клаусъ, давала въ Парижѣ свой послѣдній концертъ. Она будетъ въ Петербургѣ.

Стремленіе къ переселенію съ каждымъ днемъ усиливается въ современныхъ обществахъ; неодолима сила влечь многихъ въ западную, южную Америку, какъ и въ золотоносныя страны Австраліи и Калифорніи. Прежде отправлялись только по нѣскольку тысячь колонистовъ искать въ новой землѣ труда, благосостоянія, которыя не надѣялись они больше найти въ Европѣ; теперь же полмилліона людей ежегодно оставляютъ Германію, Померанію, Турингію, Мекленбургъ, герцогства Баденское, Гессенское, Швейцарію, Скандинавію, Англію, Ирландію; въ особенности, поселяются въ Соединенныхъ Штатахъ, Канадѣ, Бразиліи, Океаніи, наконецъ по всеѣмъ отдаленнымъ странамъ, отдаленнымъ отъ насъ двумя океанами. Движеніе переселенія направляетъ всегда къ тремъ пунктамъ, откуда эмигранты высылаются по всему земному шару: Ливерпуль, ганзеатическія гавани Бременъ и Гамбургъ), Гавръ; первый—самый важный; къ нему одному отправляется половина: въ немъ сосредоточены почти все паюходныя сообщенія съ восточной и западной Индіей; желѣзная дорога соединяетъ его съ британской метрополіей. Около 1833 года туда выѣхало не больше 10,888 эмигрантовъ; въ 1840 число ихъ е превышало 40,354, въ 1846 г.—71,517. Эти цифры извлечены изъ *Annales du commerce exterieur*; выпишемъ ихъ и за слѣдующіе годы.

Въ 1847	—	—	—	—	—	134,524.
— 1848	—	—	—	—	—	131,520.
— 1849	—	—	—	—	—	153,902.
— 1850	—	—	—	—	—	174,187.
— 1851	—	—	—	—	—	206,015.
— 1852	—	—	—	—	—	229,099.

Общее число переселенцевъ, выехавшихъ въ 1852 году, со-
всѣхъ портовъ Британскаго царства (покрайней мѣрѣ число офици-
ально известное) 350,467; изъ Ливерпуля отправилось ихъ $\frac{1}{3}$.
Дешевизна, удобства путешествія, быстрота переправъ на ливер-
пульскихъ пакетботахъ, заставляютъ многихъ эмигрантовъ съверной
Германіи, минуя дорогу на Бремень, Гамбургъ, Любекъ, отправ-
ляться къ его портамъ, чтобы ѣхать потомъ изъ Ливерпуля, или еще
Бристоля, Лондона, Сутгемптона. Однакоже и у Бременской гавани
толпится ежегодно много эмигрантовъ: въ прошломъ году шло отъ
отправилъ 37,493. — Бременскій сенатъ сдѣлалъ въ уставъ о мор-
скихъ транспортахъ самыя благоразумныя преобразованія; граждан-
ство этого ганзейскаго города пришло самыя умныя мѣры, чтобы
только привлекать къ своему порту съверныхъ переселенцевъ. И въ
самомъ дѣлѣ, нѣмецкій колонистъ, оставившій свою хижину, найдетъ
здѣсь съ своимъ убогимъ имуществомъ, женою, тремя-четырьмя
дѣтьми, за самую умеренную цѣну, ночлегъ, пропитаніе, орудія
машины, капеллу, чтобы помолиться, театръ — для развлеченія.
въ особенности же руководителя, бдительнаго и сведущаго,
который встрѣтитъ его при приездѣ, проводить при пере-
правѣ, бережетъ его на чужой сторонѣ, вводитъ въ сношенія
съ нѣмецкими комитетами, какіе только есть тамъ, и проч. Гавръ
выиграетъ, послѣдуя этому же примѣру. Вотъ распредѣленіе дви-
женія переселенцевъ въ 1852: въ Соединенные Штаты 187,962;
другія части съверной Америки 4,364; южную Америку, 420; Ав-
стралію и землю Ванъ-Дименову — 36,352 (въ 1850 году ихъ было
только 16,037); въ Африку 91. — Всѣхъ транспортныхъ кораблей
было 925, почти 248 пассажировъ на каждый. Извѣстно, какое раз-
витіе получило пароходное мореплаваніе Ливерпульскаго порта. Пе-
реселеніе, содѣйствуя успѣхамъ цивилизаціи, составляетъ важнѣйшій
источникъ развитія морской торговли; Бремень, въ 10 лѣтъ, отпра-
вилъ отъ 159 до 219 кораблей, съ транспортомъ отъ 201,000 до
475,000 тоннъ. Укажемъ на городъ, который такъ недавно зани-
мается отправкой эмигрантовъ, Сутгемптонъ: благодаря его пакетбо-
тамъ, торговля съ 1850 по 1852 возвысилась отъ 265,000 до 381,000
тоннъ. Чтò же до Гавра, онъ не пострадалъ отъ дѣятельнаго сопер-
ничества ганзейскихъ портовъ, — въ 1851 г. отсюда отправилось 44,189,
въ 1852 число ихъ было въ два раза больше. Окончаніе Страсбург-
ской дороги принесетъ не мало пользы: эмигранты, отправляющіяся
на гаврскихъ корабляхъ, прѣзжаютъ изъ Швейцаріи, Баваріи,
рейнскаго бассейна, въ особенности съ южной Германіи.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОПИСАНІЕ КАРТИННОЙ ГАЛЛЕРЕИ

ТАЙНАГО СОВѢТНИКА ОБОРОА ИВАНОВИЧА ПРИНИШНИКОВА.

Картинная галерея тайнаго совѣтника Обороа Ивановича Принишника въ особенноти замѣчательна тѣмъ, что она посвящена исключительно русской школѣ. Составленная съ большимъ вкусомъ и выборомъ, она заключаетъ въ себѣ многіе прекрасные образцы талантовъ нашихъ отечественныхъ живописцевъ, богата полнотою и разнообразіемъ сюжетовъ и изобилуетъ отличными произведеніями кисти первостепенныхъ мастеровъ. Любителю она даетъ полное понятіе о достоинствѣ и успѣхахъ живописи въ нашемъ отечествѣ; художнику представляетъ многіе изящные предметы для изученія.

1. *Профессора И. К. Айвазовскаго.* Видъ моря, ночью, при лунномъ свѣтѣ, у береговъ Крыма, съ утесистыми скалами, возвышающимися надъ водою. Вдали на горѣ виднѣтся монастырь св. Георгія, гдѣ погребенъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ. Съ другой стороны показывается плывущій корабль. Отраженіе луннаго свѣта въ золотистыхъ отблескахъ по зыблющимся волнамъ выполнено превосходно; туманистая даль прекрасно гармонируетъ съ общимъ тономъ картины и придаетъ ей большой эффектъ.

2. *Его же.* Открытое море, въ тишинѣ и также при лунномъ свѣтѣ. По срединѣ плыветъ длинная гондола, управляемая стоящимъ на ней гребцомъ; вдали, сквозь легкій туманъ, мелькаютъ зданія Венеціи. Свѣтъ луны разливается широко по морю; блескъ и прозрачность воды переданы въ совершенствѣ, и вся картина имѣетъ серебристый тонъ, въ противоположность первой, которая написана въ тонѣ золотистомъ.

3. *Его же.* Волнующееся море, ночью, при свѣтѣ луны. Прекрасная картинка, гдѣ и въ маломъ объемѣ талантливый живописецъ передалъ весьма искуснымъ образомъ игру луннаго свѣта въ облакахъ и въ водѣ.

4. *Профессора Акимова*. Сатурнъ съ косою, сидящій на камнѣ и обрѣзывающій амуру крылья. Свдовласая голова Сатурна и исполненное жалобнаго выраженія лицо амура, удачно изображены живописцемъ, который принадлежалъ къ числу известныхъ нашихъ художниковъ прошедшаго столѣтїя.

5 и 6. *Алексева*. Два вида Московскаго Кремля: одинъ съ Каменнаго моста, съ котораго виднѣть весь Кремль; въ другомъ изображена церковь Спаса-за золотою рѣшоткою съ теремами и другими зданіями. Въ обѣихъ картинахъ видно искусство русскаго Каналетти, но изъ нихъ болѣе замѣчательна первая, представляющая общій видъ Кремля до 1812 года.

7. *Его же*. Видъ площади и зданія, называемаго Цвингеръ, въ Дрезденѣ. Здѣсь съ особеннымъ мастерствомъ и окончательно стїю художникъ выполнялъ переходы свѣта, тѣни, и перспективное дѣленіе.

8. *Дьвицы Балтусъ*. Милая картина, представляющая молодую красивую дѣвицу въ богатомъ русскомъ нарядѣ. Лицо ея исполнено умиленія и граціозности.

9. *Профессора П. В. Басина*. Небольшая картина, изображающая отдыхъ Святаго Семейства. Въ пейзажѣ, напоминающемъ знойную природу Востока, Предвѣчный Младенецъ припалъ на колѣно и держитъ за руку сидящую подлѣ Него Богоматерь; ангелъ срываетъ съ дерева плоды и передаетъ ихъ св. Іоанну Крестителю. Привлекательная картина и по сюжету и по исполненію.

10. *Его же*. Маленькій пейзажъ, плавнительный своею простотою. На скатѣ песчанистаго холма прорастаетъ лѣсокъ, съ другой стороны пестрятъ дернъ и камни; вдали возвышаются горы. Разнообразные переливы тоновъ, легкость облаковъ и игра свѣта и тѣни выполнены со всею отчетливостїю.

11. *Его же*. Академическій чердакъ. Прачки въ крестьянской одеждѣ развѣшиваютъ бѣлье; присутствующій при ихъ работѣ сторожъ сидитъ и дремлетъ. Предметъ простой, переданный мастерски и прїятно.

12. *Боровиковскаго*. Грудной портретъ митрополита Михаила, въ митрѣ и архіерейской мантии. Прижатая къ груди рука его исполнена съ величайшимъ искусствомъ, и портретъ вообще вѣренъ необыкновенно, дышетъ жизнью, и самой тщательной отдылки.

13. *Его же*. Миниатюрный поясной портретъ, въ овалѣ, Лабзина, бывшаго вице-президентомъ Академіи Художествъ. Написанъ со всею мягкостїю и нѣжностїю кисти, которыя составляютъ отли-

чительное качество живописи Боровиковскаго, особенно въ картинахъ малаго размера.

14. *Его же.* Поясной, въ маломъ видѣ, портретъ священника, отличающійся также большою вѣрностію въ тонахъ.

15. *Его же.* Богъ-Савоювъ, созерцающій Спасителя по страдальческой Его кончаніи. Эскизъ замѣчательный по композиціи и по художественному исполненію. Лучезарный свѣтъ, исходящій отъ Бога-Отца, объемлетъ все воздушное пространство и освѣщаетъ почившаго смертнымъ своимъ Иисуса. Ангелы парятъ въ высотѣ. Художникъ и въ маломъ размѣрѣ картины умѣлъ изобразить этотъ священный предметъ со всемъ свойственнымъ ему величіемъ.

16. *Его же.* Копія съ известной картины Корреджіо, въ Императорскомъ Эрмитажѣ, изображающей Богоматерь съ Предвѣчнымъ младенцемъ и Иоанна Крестителя. Копія эта даетъ полную идею о граціозности и прелести оригинала.

17. *Профессора О. А. Бруни.* Въ забвеніи легкой дремоты, Богоматерь склонила голову; глаза ея сомкнуты; а рука объемлетъ стоящаго на Ея колыскахъ Иисуса, который обращаетъ взоръ въ сторону и бодрствуетъ, какъ бы охраняя сонъ Ея. Въ этомъ изображеніи художникъ превосходно сочеталъ и выразилъ двѣ мысли — божества и человечества. Тонъ картины свѣтлый и воздушный; спускающееся съ головы Богоматери бѣлое покрывало и голубая драпировка отличаются особенностію, легкостію и изяществомъ складокъ.

18. *Его же.* Овальный грудной портретъ малолѣтняго сына г. Бруни. Платье на немъ голубаго цвѣта; волосы вьются кудрями по головѣ; глаза и выраженіе лица дитяти прекрасны.

19. *Профессора К. П. Брюллова.* Картонъ, написанный имъ въ 1846-мъ году для транспарантной картины, изображающей Спасителя во гробѣ и принадлежащей графу Николаю Владимировичу Адлербергу.

Почившій Иисусъ лежитъ, покрытый бѣлою пеленою, съ сложенными на груди руками. Печать смерти изображена на блѣдномъ Его лицѣ; предъ Нимъ предстоитъ ангелъ съ преклоненною головою, въ благоговѣйномъ моленіи; терновый вѣнецъ, какъ знаменіе претерпѣнныхъ Спасителемъ страданій, лежитъ у гроба. Таинственный небесный свѣтъ озаряетъ пещеру.

Сказавъ о религіозной идѣе, которою проникнуто это замѣчательное произведеніе нашего знаменитаго живописца, нельзя не упомянуть и объ искусствѣ, съ какимъ выполнены картонъ, и написанная съ него картина. Въ ней только два аршина ширины, но Иисусъ изображенъ лежащимъ во весь ростъ, и это сокращеніе фигуры

произведено мастерскимъ выполнениемъ рисунка свѣта и тѣни на всей фигурѣ и складкахъ покрывала, которыми облечено тѣло Спасителя. Картонъ нарисованъ чернымъ карандашомъ.

Это твореніе принадлежитъ къ ряднымъ по искусству произведениямъ. Оно одно, если бы Брюлловъ менѣе былъ известенъ, составило бы славу великаго художника-мыслителя.

20. *Его же.* Голова Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ. Отягченный страданіями, Иисусъ обращаетъ слезящія глаза къ Небу. Скорбь, кротость и терпѣніе выражаются на Божественномъ Его лицѣ.

Это вполне мастерское и исполненное вдохновенія произведеніе принадлежитъ къ послѣднимъ трудамъ К. П. Брюллова, предъ отъѣздомъ его въ 1849-мъ году въ чужіе края, гдѣ онъ кончилъ жизнь свою. Написано на картонѣ масляными красками.

21. *Его же.* Нашествіе Гензерика на Римъ. Великолѣпный оконченный эскизъ, по которому К. П. Брюлловъ намѣревался написать большую историческую картину. По возвращеніи изъ Италіи, онъ написалъ этотъ эскизъ въ Москвѣ для Алексѣя Алексѣевича Перовскаго, известнаго въ русской литературѣ, но скрывшаго настоящее имя свое подъ псевдонимомъ; послѣ кончины его этотъ эскизъ перешелъ къ его брату его высокопревосходительству Василю Алексѣевичу Перовскому, а имъ подаренъ хозяину галлерей.

Въ этомъ произведеніи виднѣнъ творецъ Помпеи. Вторгнувшійся въ Римъ побѣдитель распространяетъ повсюду ужасъ и опустошеніе. Устрашенные жители спѣшатъ укрыться отъ преслѣдованія войскою Гензерика. Покушенія враговъ устремляются и на святилище. Папа во всемъ облаченіи, сопровождаемый духовенствомъ, стоитъ въ дверяхъ храма и ограждаетъ его.

Мастерское расположеніе группъ, въ которомъ Брюлловъ такъ изяществовалъ, сила выраженія, красота колорита и бойкость кисти, ставятъ эту картину въ рядъ замѣчательнѣйшихъ его произведеній.

22. *Его же.* Портретъ главновачальствовавшаго надъ Почтовымъ Департаментомъ князя Александра Николаевича Голицына, написанный въ 1840 году. Князь изображенъ во весь ростъ, сидящій на креслахъ въ своемъ кабинетѣ; подлѣ него письменный его столъ съ большими столовыми часами, на которыхъ стоитъ бюстъ Императора Александра; вдали видна открытая дверь, ведущая въ другія комнаты. Одежда на князѣ та, которую онъ всего чаще любилъ носить — свѣрый фракъ. Лицо его живое, мыслящее, взглядъ вызывающій на разговоръ съ нимъ. Смотря на этотъ портретъ, забываешься, что видишь передъ собою картину. Отдышка лица, рукъ, всей фигуры и околнностей, представляетъ совершенную натуру. Худож-

никъ показалъ въ этомъ изображеніи весь необыкновенный талантъ свой въ портретной живописи.

23. *Его же.* Портретъ знаменитаго баснописца Ивана Андреевича Крылова. Написанъ эскизю, быстро. Это отличный подмалевокъ, въ которомъ нельзя жалеть, что онъ не получилъ во всѣхъ частяхъ полной выработки. Сходство вѣрно, поразительно. Здѣсь видны живой Крыловъ, со всею грузностію его тѣла, со всею тонкостію его ума и съ его спокойнымъ и добродушнымъ лицомъ. Обмысливъ свой сюжетъ, онъ, кажется, готовъ проговорить вамъ одну изъ прекрасныхъ своихъ басенъ.

24. *Его же.* Поясной портретъ К. П. Брюллова.

Поэтъ-художникъ, освобождаясь отъ тяжелой болѣзни и слабый еще въ силахъ, въ минуту вдохновенія, изобразилъ себя въ этомъ портретѣ. Съ блѣднымъ, похудѣлымъ лицомъ, которое во время болѣзненнаго недуга обросло бородою, сидитъ Брюлловъ въ большихъ креслахъ, на коихъ покоится уставшая отъ работы рука его. Въ этотъ моментъ она совершила великій подвигъ; бойкимъ, размахистымъ почеркомъ кисти, она влила жизнь, душу и мысль въ начертанный ею портретъ живописца, и обработавъ съ удивительнымъ искусствомъ его голову и руку, остановилась на этомъ, наметавъ слегка все прочее. Здѣсь особенно замѣчательна прозрачность тѣлеснаго покрова, которая, утоняся отъ болѣзни, придала болѣе идеальнаго выраженія лицу. Портретъ этотъ, поразительный сходствомъ, изумительный быстротою исполненія, и особенно выполненіемъ свѣта и тѣни, можетъ стать на ряду съ гениальными произведеніями величайшихъ мастеровъ.

25. *Его же.* Овальный грудной портретъ хозяина галлерей, написанный въ 1849 году. Федоръ Ивановичъ Прянишниковъ изображенъ во фракѣ, бѣлымъ жилетъ и черномъ атласномъ галстуку; въ этомъ портретѣ, какъ и во всѣхъ произведеніяхъ Брюллова, чрезвычайно много жизни и рельефности.

26. *Его же.* Константинопольскій рынокъ. Картину эту хотя и нельзя отнести къ собственнымъ произведеніямъ Брюллова, но она причисляется къ нимъ потому, что писана съ эварельнаго его рисунка, подъ его надзоромъ, и пройдена его кистью. Это усугубляетъ интересъ картины, которая при занимательности сюжета исполнена жизни и движенія.

27. *Бурдина.* Внутренній перспективный видъ малой придворной церкви въ зимнемъ дворцѣ, при дневномъ свѣтѣ. Картина небольшая, но весьма привлекательная, по старательному выполненію тоновъ и освѣщенію.

28. *Профессора А. Г. Варнека*. Голова молодого пивного Турка, въ зеленой чалмѣ и восточномъ уборѣ. Голова прекрасная въ чертахъ и исполненная какой-то задумчивости, приличной юности, лишенной свободы.

29. *Его же*. Грудное изображение мальчика, держащаго на рукахъ болонскую собачку. Лицо его мило, выразительно, волосы небрежно раскинуты, и во всемъ видно верное подраженіе натурѣ. Эта картина отличается свѣжестью колорита и живью.

30. *Его же*. Поясной портретъ молодого человека съ скрипкою въ рукахъ; выраженіе улыбающагося лица его прекрасно.

31. *Академика А. Г. Венецианова*. Больная молодая крестьянка въ постели, готовится къ причащенію Св. Танинъ; сельскій священникъ въ ризѣ стоитъ передъ нею съ Св. Дарамъ; одна изъ присутствующихъ ее поддерживаетъ; нѣсколько поселянъ и поселянокъ окружаютъ кровать больной; престарелая мать на колыняхъ молится съ теплою вѣрою. Эта картина служитъ превосходнымъ образцомъ таланта Венецианова въ изображеніи сценъ русской народности.

32. *Его же*. Овальная картина, изображающая старую крестьянку, опершуюся на клюку, въ балахонѣ и съ бѣлымъ платкомъ на головѣ. Мастерское произведеніе, въ которомъ особенно обращаетъ на себя вниманіе искусная отдылка выразительнаго лица старухи.

33. *А. Л. Витберга*. Изведеніе Апостола Петра изъ темницы ангеломъ. Произведенія кисти г. Витберга весьма рѣдки и потому мало известны. Эффектъ освѣщенія хорошо выполненъ. Картина писана въ 1806 году.

34. *Волкова*. Маленькая картина, изображающая Венеру, входящую изъ воды и окруженную прислуживающими ей нимфами. Замѣчательна силою тоновъ и искуснымъ размѣщеніемъ фигуръ.

35. *Волоскова*. Видъ Выборга съ моря, ночью, при лунномъ свѣтѣ.

36. *Профессора М. Н. Воробьева*. Осенняя ночь въ Петербургѣ, при свѣтѣ луны.

Видъ взятъ съ набережной у Академіи Художествъ; Исаіевскій мостъ, зимній дворецъ и Адмиралтейство мелькаютъ сквозь сумракъ; но не смотря на эту темноту, въ картинѣ все прозрачно и всѣ предметы отдѣляются.

37. *Его же*. Свѣтлая лѣтняя ночь въ Петербургѣ. Здесь профессоромъ Воробьевымъ разрѣшена трудная задача изобразить ту ночь, которая имѣетъ столько прелести для петербургскихъ жителей, когда природа озаряется не дневнымъ, и не отъ луннаго свѣта, а какимъ-то особеннымъ дивнымъ свѣтомъ, который разлитъ по всему небу и воздуху. Видъ взятъ съ Грощаго моста, ближе къ

Петропавловской крепости. Нева почти недвижна как зеркало, по ней скользят мвстами суда и лодки; съ одной стороны обрамливает ее дворцовая набережная, съ пышными своими зданіями, съ другой берег Васильевского острова. Прозрачность воды и воздуха переданы превосходно; линейная и воздушная перспектива соблюдены съ полною отчетливостію; однимъ словомъ, вся прелесть природы искусствомъ переведена въ картину.

38. *Ею же.* Повтореніе известной картины еѣ, находящейся во дворцѣ и изображающей видъ Мертваго моря. Знойный и туманный воздухъ разливается по всему пространству; солнце едва проникнетъ сквозь пары, которые носятся надъ моремъ, и облекаетъ ихъ теплымъ свѣтомъ. Бездвижность воды и тихость воздуха отвѣчаютъ оцпенности природы. На голомъ берегу расположена группа людей, приготовляющихъ, у разведеннаго огня, пищу; съ другой — у изсохшихъ деревь подъ наметомъ изображенъ Дмитрій Васильевичъ Дашковъ и самъ художникъ, ему сопутствовавшій; вблизи отъ нихъ сидятъ нѣсколько Турковъ.

39 и 40. *Академика С. М. Воробьева.* Двѣ написанныя имъ въ 1849 году картины. Въ одной представленъ видъ древняго замка на берегу моря, въ Итали; въ другой терраса въ Позиллипо, съ вьющимися надъ нею виноградными лозами. Освѣщеніе ея, сквозь густоту зелени, выполнено весьма удачно. Обѣ картины отличаются тщательною выработкою, отчетливою рисовкою и вѣрностію тоновъ.

41. *Горькаго.* Большая картина. Престарѣлый католическій священникъ, сидящій на креслахъ, исповѣдуетъ молодую дѣвушку. Характеръ головы слушающаго старца и робкое лицо юной кающейся мастерски выражены, а живопись сильна, вѣрна и выказываетъ школу, которой художникъ принадлежитъ: онъ ученикъ Брюллова.

42. *Дьвицы Дубовицкой.* Большой водопадъ, падающій съ крутизны въ рѣку, усыпанную порогами. Гора и противный берегъ покрыты лѣсомъ и кустарникомъ. Пѣна и брызги отъ стремительнаго паденія воды удачно переданы.

43. *Профессора А. Е. Егорова.* Богоматерь въ облакахъ съ стоящимъ возлѣ нея Предвѣчнымъ Младенцемъ съ благословляющею рукою. По сторонамъ ихъ херувимы. Картина написана въ прекрасномъ стилѣ и колоритъ ея привлекателенъ.

44. *Его же.* Оконченный эскизъ въ маломъ видѣ, написанной ю немъ для Казанскаго собора иконы сошествія Святаго Духа на Апостоловъ. Здѣсь въ маломъ размѣрѣ картины, ученый художникъ выказалъ большой талантъ въ искусствѣ рисовки, группировки и выраженія.

45. *Его же.* Оконченный эскизъ, изображающій положеніе Ісуса во гробъ. Три ангела, держащіе крестъ, какъ эмблему страдана, парятъ въ воздухъ. Скорбящая Богоматерь лишается силъ отъ горести. Строгий, изящный рисунокъ тѣла и головы Ісуса и искусная постановка всѣхъ фигуръ въ разнообразныхъ движеніяхъ и позахъ, различіе характера лицъ, красота Магдалины и ангеловъ — дѣлаютъ это произведеніе необыкновенно замѣчательнымъ.

46. *Профессора А. И. Зауергейда.* Военная сцена. Небольшая, тщательно выработанная картина известнаго нашего баталическаго живописца.

47. *К. А. Земацова.* Полное изображеніе мальчика съ кувномъ за плечами и съ кувшиномъ молока въ рукахъ. Живая прекрасная головка, съ искусствомъ написанная.

48. *Его же.* Молодой русскій крестьянинъ въ бѣлой рубашкѣ, сидящій въ избѣ и надвѣвающій лапты. Приятная картина.

49. *Его же.* Акварель, представляющая станціонный домъ зимою. Много правды.

50. *Его же.* Пожилой крестьянинъ въ синей рубашкѣ, держащій въ рукъ лопотъ чернаго хлѣба съ солью; правую руку онъ поднимаетъ, чтобы, по благочестивому русскому обычаю, помолиться передъ принятіемъ пищи. Голова его служитъ чистымъ выраженіемъ русскаго народнаго типа.

51 и 52. *Иванова.* Два пейзажа, изображающіе дикую крымскую природу. Принадлежать къ весьма удачнымъ опытамъ развившагося таланта живописца, въ цѣтъ лѣтъ умершаго.

53. *Капкова.* Голова молодой женщины, въ овалѣ, нарисованная въ профиль. Пригожая черноволосая женщина, въ траурной одеждѣ, сидитъ, склонивъ голову, въ грустномъ размысленіи; изъ глазъ ея катятся слезы; черный вуаль небрежно спускается съ волосъ на полуоткрытые плечи. Эта картина дѣйствуетъ на чувства зрителя.

54. *Профессора Кипренскаго.* «Читатели газетъ». Здѣсь на великомъ пространствѣ помѣщены четыре человека въ натуральную величину, по поясъ. Одинъ въ халатѣ, подложенномъ мѣхомъ, держитъ на рукъ маленькую собачку, читаетъ газету. Прочіе трое, также въ халатахъ, обстали его и слушаютъ съ вниманіемъ. Мастерское размѣщеніе фигуръ, отдылка и выраженіе лицъ, ставятъ эту картину на ряду съ отличнѣйшими произведеніями Кипренскаго въ портретной живописи.

55. *Его же.* Тибуртинская Сивилла, въ глубокой думѣ держащая свитокъ. Свѣтъ висящей лампы отражается съ большимъ эффектомъ на лицѣ ея.

56. *Его же.* Пейзажъ весьма простой въ своемъ составѣ, но исполненный прелести. Лѣсъ и идущій по полю путникъ съ собакою, составляютъ сюжетъ картины; день склоняется къ вечеру; на небѣ скопляются тучи; гонимыя вѣтромъ облака красиво обрисовываются на горизонтѣ. Легкая и свободная кисть живописца выказала здѣсь талантъ Кипренскаго и въ пейзажной живописи; опытъ его въ этомъ родѣ принадлежитъ къ числу весьма немногихъ.

57. *Его же.* Грудной портретъ пожилаго мужчины во фракѣ. Хотя и не изъ лучшихъ произведеній Кипренскаго, но въ портретной живописи все его труды замѣчательны.

58. *Кукевича.* Солдаты, разводящіе зимою огонь въ лѣсу.

59. *Лебедева.* Пейзажъ, представляющій окрестности Альбанска близъ Рима; замѣчательный по особой манерѣ, съ какою Лебедевъ густо набрасывалъ на полотно краски и гармонировалъ ихъ между собою. Часть картины занята лѣсомъ; верхи деревьевъ образуютъ сводъ, который простирается въ глубину и представляетъ длинную аллею, живописно освѣщаемую лучами солнца. Другая сторона картины открываетъ видъ вдаль, гдѣ неподобно рисуются горы и зданія. Лебедевъ, конечно, былъ бы однимъ изъ превосходнѣйшихъ пейзажистовъ; но къ сожалѣнію, смерть постигла его въ началѣ блестящаго художественнаго его поприща.

60. *Совѣтника Академіи Левитскаго.* Полной портретъ престарѣлаго священника, въ рясъ, который по всей справедливости, можетъ почестся лучшимъ произведеніемъ Левитскаго въ портретной живописи. Написанъ широкою мастерскою кистию, силенъ колоритомъ и исполненъ одушевленія; рельефность головы представлена въ совершенствѣ.

61. *Его же.* Большой покровный портретъ купца Сезамова, сдѣлавшаго значительныя пожертвованія въ пользу московскаго воспитательнаго дома. Сезамовъ изображенъ въ шелковомъ кафтанѣ на мѣху, опоясанномъ кушакомъ; въ рукѣ держитъ свертокъ бумагъ съ планомъ воспитательнаго дома. Портретъ замѣчательный какъ по труду живописца, такъ и по лицу, имъ представляемому. Онъ написанъ въ 1770 году.

62. *Его же.* Поясной портретъ Императора Павла Петровича, въ дѣтскомъ возрастѣ, въ костюмѣ и прическѣ того времени. Отличается мягкостію и нѣжностію кисти въ отдыскѣ лица, въ которомъ много живости и выразительности въ глазахъ.

63. *Его же.* Поясной портретъ Н. И. Новикова, оказавшаго важныя услуги русской литературѣ изданіемъ многихъ полезныхъ

сочиненій въ прошедшем столѣтїи. Въ портретахъ своихъ Левитскій не зналъ посредственности, всѣ они носятъ отпечатокъ большого таланта. Къ мастерской выдвѣкъ онъ присоединялъ и умѣнье давать разнообразныя и всегда свободныя и непринужденныя позы своимъ фигурамъ.

64. *Его же.* Отличная копія съ женской головки Греза, съ полуоткрытою грудью и наброшеннымъ на голову покрываломъ.

65. *Липина, ученика Брюллова.* Молящійся старецъ въ простонародной русской одеждѣ, съ бородою и съ сложенными на груди руками, въ обыкновенную величину, въ поясъ. Написанъ верво, бойко и выразительно.

66. *Профессора Лосенка.* Портретъ, въ маломъ видѣ, во весь ростъ, сидящаго въ кабинетъ мужчины, во французскомъ кафтанѣ и прическѣ прошедшаго столѣтїа. Рисунокъ и выполненіе хороши, но колоритъ слабъ.

67. *Лучанинова.* Мастерская копія съ превосходной картины Мурилло, въ Императорскомъ Эрмитажѣ, изображающей отдыхъ Святаго Семейства. Лучаниновъ передалъ здѣсь съ большимъ искусствомъ красоты оригинала, и соблюлъ всю теплоту и прозрачность живописи Мурилло, также какъ и золотистый тонъ его.

68. *Его же.* Весьма хорошая копія съ картины Мурилло въ Императорскомъ же Эрмитажѣ, представляющей дѣвстицу св. Іакова.

69. *Ө. Ө. Львова.* Небольшой пейзажъ, мило выполненный любителемъ-живописцемъ; въ немъ хорошо изображено дѣйствіе вѣтра, пробѣгающаго по кустамъ и раздувающаго хвостъ и гриву пасущейся въ волѣ лошади.

70. *Профессора А. Т. Маркова.* Эскизъ, представляющій сцену изъ жизни св. мученика Евстафія, когда онъ былъ выведенъ съ своимъ семействомъ на арену колізея и обреченъ къ смерти. На аренѣ, въ виду безчисленнаго множества зрителей, воины сражаются съ дикими звѣрями. Среди этого страшнаго боя св. Евстафій стоитъ съ своими дѣтьми и возводитъ къ небу молящїеся взоры; левъ его охраняетъ. Эскизъ богатый по сюжету, интересу содержанія, сочиненію и выполненію.

71. *Мартынова.* Сельскій пейзажъ тщательной отделки.

72 и 73. *Матвеева.* Два большіе пейзажа, писанные въ 1811 году и представляющіе роскошныя красотами природы виды Сициліи. Матвеевъ считается первымъ, по времени, отличнымъ русскимъ пейзажистомъ. Картины его богаты красивою обстановкою и разнообразіемъ видовъ, объемлющихъ большія пространства, и

отличаются старательною выработкою. Къ числу ихъ въ особенности принадлежатъ оба эти пейзажа.

74. *Мейера*. Пейзажъ, представляющій Алтайскія горы и рѣку. Приятный и воздушный тонъ, освѣщеніе и колоритъ этой картины выказываютъ талантъ пейзажиста. Растущій на берегу кустарникъ и зелень написаны ловкою и бойкою кистью.

75. *Его же*. Небольшой пейзажъ, плавнющій въ рѣкѣ и искуснымъ подражаніемъ природѣ. Рядъ густыхъ деревьевъ, подъ тѣнью которыхъ отдыхаютъ коровы; за деревьями даль съ озеромъ и раскинутыми по возвышеніямъ селеніями и зданіями, которыя обрисовываются сквозь пары воздуха—вотъ сюжетъ этаго пейзажа. Въ немъ все просто, естественно и мило.

76. *Его же*. Небольшой пейзажъ, представляющій одинъ изъ видовъ по теченію рѣки Псѣда, въ Полтавской губерніи. Милая, прелестная картина, гдѣ легкая, игривая кисть художника также передала природу съ бодьшимъ искусствомъ и вѣрностію.

77. *Михайлова, ученика Брюллова*. Русская пригожая крестьянская дѣвушка, въ праздничномъ уборѣ, ставитъ въ церквѣ свѣчу предъ иконою; старуха подноситъ груднаго ребенка приложиться къ образу; позади ихъ молится престарѣлый крестьянинъ. Картина привлекательная и сюжетомъ и исполненіемъ. Народный русскій костюмъ и типы лицъ схвачены и переданы молодымъ живописцемъ весьма вѣрно. Здѣсь замѣчательно также и искусное соединеніе двухъ свѣтовъ: дневнаго, проникающаго сквозь окна храма, и свѣта отъ теплящихся предъ иконами свѣчей.

78. *Графа А. Н. Мордвинова*. Видъ моря въ ясную и тихую погоду, съ плывущими по немъ судами. Картина эта, написанная въ свѣтломъ и прозрачномъ тонѣ, служитъ прекраснымъ образцомъ таланта графа Мордвинова въ изображеніи морскихъ видовъ.

79. *Профессора Т. А. Нефа*. Молодая итальянская поселанка сидитъ на сводѣ руины, къ которой пристроена ея хижина, и смотритъ вдаль, прикрывая рукою глаза отъ солнца. Въ отдаленіи видна гора съ каскадомъ. Темныя вечернія облака ступаютъ на горизонтъ, и лучи заходящаго солнца, освѣщая поселанку, играютъ яркимъ блескомъ на ея одеждѣ и камняхъ руины.

80. *Его же*. Картина, служащая парю первой. Молодой красивый пастухъ, въ белой рубашкѣ, сидитъ на выдавшейся у берега моря скаль, поросшей травю, и указываетъ рукою вдаль. Около его, въ разныхъ направленіяхъ, гуляютъ козы. Здѣсь представляется утро въ полномъ солнечномъ блескѣ; эффектъ освѣщенія прекрасно выполненъ на фигурѣ и одеждѣ пастуха.

81. *Олежковича*. Поколовный портретъ Озерова, брата известнаго нашего драматическаго поэта, писанный въ 1827 году. Озеровъ изображенъ сидящимъ на креслахъ, съ накинутою сверхъ сюртука шубою. Голова и руки тщательно выработаны.

82. *Орловскаго*. Четыре вонна, изъ которыхъ одинъ въ шпакль и латахъ, бесѣдуютъ, сидя подлѣ нависшихъ надъ ними утесомъ. Небо покрыто густыми облаками; пейзажъ дикій, во вкусъ Сальватора Ровы. Картина эта, написанная мастерски, принадлежитъ къ числу весьма немногихъ произведеній Орловскаго въ живописи масляными красками.

83—90. *Его же*. Восемь рисунковъ въ два карандаша и одна акварель, изображающіе обыкновенные сюжеты Орловскаго: горскихъ всадниковъ, группы бесѣдующихъ и отдыхающихъ солдатъ и поселянъ; одна изъ сценъ ночная, представляющая гвѣющихся у огня людей. Во всѣхъ виденъ бойкій и смѣлый манеръ живописца, позы и движенія фигуръ разнообразны и естественны; карандашъ его умѣлъ давать всему жизнь и движеніе.

91. *Его же*. Прекрасная и съ большою тщательностію выполненная гуашь, изображающая охотника съ ружьемъ и собакою въ полѣ.

92. *Петровскаго*. Агарь въ пустынѣ съ сыномъ Измаиломъ, истомленнымъ жаждою. Припавъ на колѣно, страдающая мать придерживаетъ рукою взнеможеннаго ребенка, другую подымаетъ къ небу, прося спасенія. Скорбь матери и томленіе сына выражены превосходно. Трудъ молодого живописца, который обещалъ много, если бы смерть не прекратила на ранней порѣ дни его.

93. *Совѣтника Академіи Причетникова*. Большой пейзажъ. На первомъ планѣ возвышаются два высокіе развѣсистые деревья, за которыми протекаетъ рѣка; вдали видны строенія и городъ. Тонъ пейзажа теплый и золотистый.

94. *Академика Рисса*. Цыганскій таборъ въ лѣсу. Двѣ цыганки ведутъ горячій споръ; лица ихъ и цыганъ хорошо выражены; колоритъ картины пріятный и довольно сильный.

95. *Риццони*. Веселая пирушка. Вечеромъ, при свѣтѣ лампъ и свѣчей, пируютъ, въ полномъ разгарѣ веселья, нѣсколько мужчинъ и женщинъ. Шампанское льется пѣнистою струей въ бокалы, страсти разыгрываются, и все кипитъ наслажденіемъ. Группировка, расположеніе фигуръ, выраженіе лицъ и освѣщеніе исполнены превосходно молодымъ живописцемъ, который съ большою ловкостію и искусствомъ изображаетъ юмористическія сцены.

96. *Его же*. Малороссійская корчма. У входа въ корчму евреи размѣниваютъ деньги крестьянину, который несетъ за плечами битую

дичь. Здѣсь наблюдательный глазъ живописца мастерски подмѣталь и вѣрно съ натурою передалъ характеры, приемы и одежду дѣйствующихъ лицъ; не забыта и малороссійская горька, которою угостили себя въ избыткѣ одинъ изъ присутствующихъ. Картина привлекательная и выработанная весьма тщательно.

97. *Родчева*. Прекрасный академическій этюдъ, изображающій Андрокла со львомъ въ пещерѣ, отличающійся силою колорита и бойкостью кисти мастера.

98. *А. П. Сапожникова*. Небольшая вакханалія. Приятное произведеніе даровитаго любителя-художника.

99. *Тима*. Алжирка учитъ ходить дитя, заставляя его слѣдить за черепахою. Картина эта показываетъ, что талантъ живописца усовершеншился подъ руководствомъ Гораса Вернета.

100. *Тропинина*. Русская пригожая кружевница, которой вниманіе отвѣчено на другой предметъ отъ ея руководья. Полуфигура въ настоящую величину, исполненная привлекательности, правды и жизни.

101—103. *Его же*. Три картины. Въ одной изображена деревенская двушка, сидящая за прялкой; въ другой мальчикъ играющій на дудочкѣ, и въ третьей молодая татарка въ національномъ костюмѣ.

104. *Академика Тыранова*. Слетающій ангелъ, въ бѣломъ одяніи, съ масляною вѣтвью въ рукѣ. Полуфигура въ овалѣ. Свѣтъ, который освѣщаетъ ангела, прекрасное выраженіе лица и граціозность позы придаютъ особенную прелесть этой картинѣ.

105. *Его же*. Большая картина, изображающая младенца Моисея у береговъ Нила, когда мать опускаетъ его въ корзинѣ на струи рѣки, и обращаетъ въ сторону взоры, исполненные грустной рѣшимости, страха и ожиданія. Въ этомъ произведеніи выказался вполне талантъ художника. Типы головъ и особенно выразительность лица матери прекрасно выполнены. Доселѣ это важнѣйшій трудъ Тыранова.

106. *Профессора и ректора Академіи Г. И. Угрюмова*. Избраніе на престолъ Михаила Теодоровича Романова. Оконченный эскизъ, по которому написана большая картина, хранящаяся въ Академіи Художествъ. Съ теплымъ русскимъ чувствомъ изобразилъ Угрюмовъ въ этой превосходной картинѣ тотъ великій часъ, когда юный Царь, стоя на амвонѣ храма, передъ лицомъ духовенства, бояръ и народа, принимаетъ подносимую ему корону. Лицо его, исполненное красоты и доброты душевной, сіяетъ царственнымъ величіемъ.

107. *Академика Фрике*. Одинъ изъ видовъ Фаля, мызы графа Бекендорфа, близъ Ревеля, снятый у водяной мельницы. Ярко освѣ-

щенъ лучами солнца, проникающими сквозь густоту деревь, съ искусствомъ написанныхъ художникомъ.

108. *Хруцкого*. Старуха въ чепцѣ, вяжущая чулки. Полуфигура въ натуральную величину. Здѣсь хорошо освѣщена голова старухи, внимательно углубившейся въ свое рукодѣлье.

109. *Его же*. Плоды и цвѣты, тщательной отдѣлки. Сквознота, глянцеватость и пушистость фруктовъ и винограда съ мастерствомъ выполнены. Хороша также выдѣлка вазы и стакана съ водою.

110. *Академика Григорія Чернёцова*. Одинъ изъ видовъ Палестины, представляющей тѣ мѣста, гдѣ Спаситель совершилъ чудо благословеніемъ пяти хлѣбовъ и рыбъ, для насыщенія ими стекшагося во множествѣ народа: Художникъ олицетворилъ это дѣйствіе въ своей картинѣ, и тѣмъ придавъ ей еще болѣе достоинства. Пейзажъ этотъ, замѣчательный по изображенію мѣстности, отличается и прекрасною въ всѣхъ частяхъ выдѣлкою. Свѣтъ разлитъ въ немъ превосходно; воздухъ, вода, даль, все совершенно гармонируетъ съ общимъ тономъ картины.

111-113. *Академика Никанора Чернецова*. Триада, снятыя съ природы, во время путешествія братьевъ Чернецовыхъ по Россіи. Одинъ представляетъ берега Волги, другой долину въ Крыму, и третій видъ Тифлиса.

114. *Его же*. Видъ грота, образовавшагося отъ остатковъ древняго зданія, близъ Казани. Прекрасный по отдѣлкѣ, и освѣщенію.

115. *Его же*. Видъ сельской хижины въ Крыму, съ вьющимися по навѣсу виноградными лозами. Проблески солнечныхъ лучей и переливы тоновъ горъ въ отдаленіи, хорошо переданы.

116. *Чумакова*. Голова старухи, окутанная, по простонародному обычаю, шерстянымъ платкомъ, который опускается на плечи. Морщинистое лицо ея съ впалыми губами выработано весьма тщательно и необыкновенно верно.

117. *Шалеткина*. Картина, написанная имъ въ Италіи и представляющая пляшущую съ tamburinomъ въ рукѣ Транстевринку. Полуфигура въ натуральную величину. Поза пляшущей и живой, веселый взглядъ ея исполнены огня и выразительности.

118. *Шведе*. Шашечные игроки. Старый отставной солдатъ играетъ въ избѣ въ шашки съ крестьяниномъ, и лукаво усмѣхается, поставивъ въ тупикъ своего противника. Физиономіи игроковъ, и въ особенности торжествующаго солдата, переданы верно и удачно.

119. *Профессора и ректора Академіи В. К. Шебуева*. Тайная вечеря. Изображеніе лица Иисуса и возстающихъ съ нимъ

Апостоловъ превосходно. Произведеніе, признанное однимъ изъ лучшихъ Русской школы въ этомъ родѣ живописи. По сочиненію, оно принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ изображеніямъ 'Тайной вечери.

120. *Его же.* Св. Василій Великій, молящійся на колѣнахъ предъ алтаремъ, во время священнодѣйствія. Св. Духъ, въ видѣ голубя, парить въ высотѣ. Прекраснѣйшее повтореніе, въ небольшомъ размѣрѣ, известной знаменитой иконы Шебуева, находящейся въ Казанскомъ соборѣ.

121. *Его же.* Оконченный эскизъ плафона для церкви, изображающій видѣніе св. пророка Іезекіиля. Мастерское произведеніе по мысли и по исполненію. Колоритъ и тонъ картины яркій и свѣтлый, вполне соответственный величію изображеннаго предмета.

122. *Штейбена.* Поясной портретъ главноначальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ графа Владимира Федоровича Адлерберга, въ генераль-адъютантскомъ мундирѣ, со шляпою въ рукѣ. Отличается сходствомъ и силою колорита, составляющаго принадлежность кисти Штейбена. Произведенія его, болѣе известныя въ чужихъ краяхъ, у насъ рѣдки. Портретъ написанъ въ 1848 году.

123. *Его же.* Молодая красивая Андалузянка, въ бархатномъ платьѣ, съ открытою грудью. Полуфигура въ натуральную величину. Голова, глаза и выраженіе лица прекрасны и исполнены граціи; шелковистые черные волосы, заплетенные въ косы, спускаются по плечамъ; въ рукахъ красавицы цвѣтокъ. Кружева и прочія украшенія выработаны съ большою отчетливостію. Картина писана въ 1834 году.

124. *Штернберга.* Группа итальянскихъ поселенъ, играющихъ въ карты въ трактирѣ и окруженныхъ зрителями. Размѣщеніе фигуръ искусное, позы свободны и непринужденны, физиономіи выразительны; свѣтъ падаетъ на нихъ чрезъ открытый съ поля входъ въ трактиръ, и это освѣщеніе произведено съ большимъ эффектомъ. Картина сильная колоритомъ и матерски скомпонованная.

125. *Его же.* Итальянскіе пиѳераріи. Остановясь предъ иконою Богоматери, вставленной въ кювъ на наружной стѣнѣ зданія, они поютъ молебные гимны; сидящая у стѣны на скамьѣ слѣпая старуха слушаетъ ихъ съ глубокимъ вниманіемъ. Яркій свѣтъ безоблачнаго неба, прозрачность и теплота воздуха, серебристое сіяніе висящей въ фонарѣ предъ образомъ лампады, все это сливается въ превосходную гармонию тоновъ и придаетъ картинѣ большую прелесть.

126—127. *Его же.* Двѣ головы, одна пожилаго, а другая молодого Итальянца, написанныя бойкою и ловкою кистию. Мастерскіе

очерки, свидетельствующие, что Штернбергъ былъ одаренъ великимъ талантомъ и въ портретной живописи. Головы полны жизни и выраженія. Характеръ каждаго изображается въ его чертахъ и взглядѣ.

128. *Шульмана*. Буря на морѣ. Имѣетъ довольно эфекта и прозрачности въ краскахъ.

129—131. *Щедрина Сильвестра*. Три картины. Одна представляетъ видъ Сорренто, родины Таасса въ Италіи, со стороны моря; другая террасу на берегу, освѣщенную солнцемъ, въ окрестности Неаполя, и третья перспективный видъ Рима, со стороны Тибра и замка Св. Ангела. Въ три, и въ особенности послѣдней, исполненная со всею окончательностію; представляютъ отличные образцы великихъ талантовъ Щедрина въ пейзажной и перспективной живописи.

132. *Его же*. Морской видъ во время вѣчи, при свѣтѣ луны. На берегу, у разложеннаго огня, нѣсколько людей занимаютъ работами, и эта часть картины, принадлежащей къ начальнымъ произведеніямъ живописца, весьма искусно выработана.

133. *Эриксона*. Семейство русскихъ крестьянъ, нарисованное пастелью. Во время путешествія Императрицы Екатерины II въ Крымъ, живописецъ Эриксонъ, находившійся въ ея свитѣ, написалъ, по приказанію ея, эту картину. Она заключаетъ въ себѣ грудные портреты старика дѣда, бабки и ихъ домочадцевъ; замѣчательна по художественному исполненію и по національному характеру дѣла, вѣрно переданному.

Эриксонъ не принадлежитъ собственно къ русской школѣ живописи, но включенъ здѣсь по тому памятному случаю, который подаль поводъ къ написанію этой картины, исполненной имъ совершенно въ русскомъ духѣ.

134. *Академика Яковлева*. Собственный портретъ, написанный самимъ художникомъ, который изобразилъ себя въ белой рубашкѣ, съ бюстомъ женской головы въ рукахъ. Въ лицѣ и глазахъ его много одушевленія.

135. *Его же*. Грудной портретъ прожитаго мужчины. Искусство художника въ портретной живописи выказывается вполне и здѣсь.

136. *Академика Одетова*. Привѣтъ жениха. Здѣсь полная домашняя сцена. Сваха возвышаетъ, съ торжественнымъ видомъ, отцу невесты о прибытіи жениха; старикъ въ радости торопится принять желаннаго гостя; дочь съ жеманною стыдливостію отбѣгаетъ въ сторону; мать удерживаетъ ее за платье и уговариваетъ, чтобы она не робѣла; кухарка ставитъ на столъ пироги и поглядываетъ проши-

чески на невесту; прислужникъ, неся бутылки съ виномъ, переговариваетъ съ выглядывающею изъ двери старухою; между тѣмъ въ другой комнатѣ, черезъ полуоткрытую дверь, показывается женихъ и закручивается съ самодовольнымъ видомъ усы. Все это, также какъ самые костюмы дѣйствующихъ лицъ и убранство комнаты, переданы мастерски живописцемъ. Здѣсь каждое лицо говорить, дѣйствуетъ прилично своему положенію; мысль выражена во всякомъ жестѣ, взглядѣ и движеніи. Г. Фодотовъ написалъ эту картину въ 1848 году. Въ живописномъ отношеніи она свидѣтельствуетъ, что художникъ, одаренный самостоятельнымъ талантомъ въ изображеніи юмористическихъ сценъ, столь же хорошо исполняетъ, какъ и обдумывалъ свои сюжеты.

137. *Его же.* Утро послѣ ночной пирушки. Герой картины, усердно угостившій своихъ друзей, въ халатѣ и съ папилютами на головѣ, горячо споритъ съ своею служанкою и съ важностію напоминаетъ ей о своемъ достоинствѣ. Но привыкшая къ господству служанка этимъ не смущается, и держа въ рукѣ кофейную мельницу, а въ другой его сапоги, съ ироническимъ смѣхомъ показываетъ ему продырившіяся подошвы. Лица обихъ фигуръ исполнены выразительности, тщательная же отдыка всѣхъ подробностей, всѣхъ мелочей, разбросанныхъ послѣ бывшаго угощенія въ безпорядкѣ въ комнатѣ и по полу, показываетъ, что живописецъ не оставилъ ничего безъ вниманія, для дополненія сюжета картины. Она писана въ 1846 году.

Кромѣ картинъ Русской школы, которыхъ галерея Федора Ивановича Прянишникова представляетъ богатѣйшее собраніе, въ ней находятся: прекрасный поясной портретъ Императрицы Маріи Фододоровны, работы Лампи, и портреты, въ ту же мѣру, Императора Петра I-го, Его дочери, Великой Княгини Анны Петровны, Герцогини Голстинской, приписываемые хорошему иностранному портретисту Мору.

Изъ немногихъ скульптурныхъ произведеній русскихъ художниковъ, первое мѣсто занимаетъ большая и изящная по отдыкѣ и композиціи группа профессора Витали, на фронтонѣ Исакиевскаго собора, представляющая Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ и св. Іоанномъ Крестителемъ, отлитая изъ бронзы профессоромъ барономъ Клодтомъ.

Прекрасный, вылепленный профессоромъ Мартосомъ, эскизъ изъ глины, въ которомъ изображенъ Апостолъ Марко, пишущій св. Евангеліе.

Войтъ въ древнемъ русскомъ вооруженіи, верхомъ на лошади.
Сочиненіе и отливка изъ бронзы барона Клодта.

Небольшая бронзовая группа, представляющая Юпитера и
Юнону, профессора Мартоса.

Нагая сидящая нимфа, выточенная изъ дерева известнымъ по
особому искусству въ этомъ родѣ художникомъ Кузнецовымъ.

Извуренная рабочая лошадь, отлитая изъ мѣди, и собака, вылеп-
ленная изъ воска любителемъ-художникомъ О. И. Юдиковымъ.

И. АЛЕЧКОВЪ.

С. Петербургъ.

16 января, 1853.

С М Ъ С Ъ.

ПОДМОСКОВНАЯ ОХОТА.

ШПАЧЕКЪ.

Шпакомъ или Шпачкомъ зовутъ въ Малороссіи скворца, но не о немъ идетъ рѣчь, рѣчь идетъ объ охотникѣ, носившемъ это прозваніе. Настоящая фамилія этого охотника, перешедшая къ нему отъ его предковъ, была Довскій. Человѣкъ онъ былъ молодой, только что окончилъ курсъ своего ученія, и, попавши однажды въ охотничій кружокъ, возгорѣлъ желаніемъ сдѣлаться охотникомъ.

Между знакомыми его въ Москвѣ особенно близко было ему семейство Костиковыхъ. Имѣя очень ограниченныя средства къ жизни, онъ почти все время проживалъ въ этомъ домѣ. Старикъ Костиковъ любилъ у себя чужаго человѣка, чтобъ было кому поразсказать были и небылицы своего прошедшаго. Довскаго полюбилъ онъ съ перваго знакомства, и прозвалъ его Шпакомъ, говоря, что онъ своимъ носомъ ужасно напоминаетъ ему эту птицу. Прозваніе это было далеко не бранное въ устахъ добраго хозяина, что доказывалось и тѣмъ, что слово Шпакъ часто переходило въ слова: шпачекъ, шпакуся и т. п. Довской былъ отъ природы веселаго и кроткаго нрава и самъ этимъ именемъ не обижался; только однажды для шутки вздумалъ онъ имъ обидѣться; это случилось такимъ образомъ.

У Костикова обѣдали гости, Довскій въ числѣ прочихъ. Между гостями былъ одинъ господинъ, видѣвшій его въ первый разъ. Господинъ этотъ слышалъ, какъ въ продолженіи цѣлаго обѣда Костиковъ называлъ Довскаго Шпакомъ, и, желая что-то спросить у послѣдняго, обратился къ нему, сказавъ:

— Господинъ Шпакъ....

Довскій не далъ ему договорить.

— Какъ смѣете вы называть меня Шпакомъ? вскричалъ онъ запальчиво.

Вопрошавшій господинъ никакъ не ожидалъ подобной выходки и чрезвычайно смутился.

— Милостивый государь, отвѣчалъ онъ, покрасѣвши, я не имѣю чести знать вашего имени и отечества, и по этому называю васъ по фамиліи.

— Развѣ я Шпакъ? продолжалъ Довскій, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха.

— Я сказалъ, господинъ Шпакъ.

— Это все равно, сказалъ Довскій; Шпакъ птица, а я человекъ.

Всѣ конечно расхохотались, и наконецъ уже хозяинъ вывелъ гостей изъ замѣшательства, и объяснилъ, въ чемъ дѣло.

Мысль объ охотѣ, овладѣвшая Довскимъ, была сообщена сейчасъ же его юному пріятелю Ванѣ, единокровному сыну Костикова. Восприимчивый юноша незамѣдиль раздѣлить рождавшейся страсти Шпачка. Охота согласовалась съ его собственными наклонностями. Тутъ было ружье, охотничій ножъ, длинные сапоги, какія-то рыцарскія принадлежности, а слабость къ рыцарству была въ крови Костикова. Не рѣдко пріятели заставляли его въ рыцарскомъ шлемѣ или съ огромнымъ деревяннымъ мечемъ въ рукѣ, гордо стоявшаго передъ зеркаломъ или мѣрно разхаживавшаго по комнатѣ. — Какой нибудь красный шарфъ его маменьки былъ перекинутъ черезъ плечо и рисовалъ въ его воображеніи цвѣтъ его дамы. Иногда призывалъ онъ въ свою комнату своего мальчика, и, помахавъ грозно деревяннымъ мечемъ надъ его головою, говорилъ ему:

— Теперь, Гришка, бѣги отъ меня.

Мальчикъ пускался бѣжать, а Костиковъ его преслѣдовалъ и поразжалъ мечемъ въ спину.

.....

— Охота, чудное занятіе, говорилъ онъ Шпачку, надо взять у мамины денегъ и обмундироваться.

— Мнѣ то будетъ очень дорого, говорилъ Шпачекъ.

— Вздоръ!.. я тебя обмундирую, возразилъ ему пріятель, не одному же мнѣ охотиться.

Приготовленія къ охотѣ попли необыкновенно быстро. Костиковъ былъ богатъ и денегъ не жалѣлъ. Для самаго себя купилъ онъ четыре ружья, одно Мортимера, одно Лепажа, одно Сульскаго мастера Бесселя и одно безъ имени. Шпачку было куплено порядочное ружье Тульской работы. О собачкахъ то же не было забыто, и на диванѣхъ Костикова, къ величайшему прискорбію его родителей, очень скоро валялись Буфонъ, породы Пушкинской, Армида, черная Англійская, и Оскаръ, породы неизвѣстной, но необыкновенно красивый собачо. Рога,

дробовики куплены у Юнкера, къ черкесскому поясу придѣланъ дорогой булатный кривой ножъ, сапоги заказаны у перваго сапожника за баснословную цѣну. Самый костюмъ у Костикова былъ сшитъ изъ Лондонскаго вигоня, шляпа, конечно изъ боброваго пуха, едва спаслась отъ страусоваго пера, и то только потому, что Шпачекъ прямо и горячо вооружился противъ этого украшенія. Шпачекъ не могъ гоняться въ нарядѣ за своимъ пріателемъ, и довольствовался коричневымъ нанковымъ казакиномъ съ безчисленными карманами.

Только что были готовы костюмы, сейчасъ же друзья отправились на охоту. Первые выѣзды ограничивались не дальнимъ разстояніемъ.

Ѣздили по окрестностямъ Москвы, стрѣляли птицъ всякаго рода, при чемъ Шпачекъ показывалъ знаніе натуральной исторіи, и объяснялъ отличіе убитой имъ малиновки или пѣночки отъ лѣсной кана рейки. Только на третьей охотѣ былъ убитъ скворецъ и привезенъ въ Москву съ необыкновеннымъ торжествомъ. Костиковъ думалъ задать по этому случаю обѣдъ и угостить всѣхъ дичью своей стрѣльбы, тѣмъ болѣе, что прочихъ убитыхъ птичекъ насчитывалось до пятнадцати. Но поварь рѣшительно объявилъ, что ѣсть можно только скворца и двухъ жаворонковъ, а прочія птицы найдены имъ не съѣдобными. Обѣдъ былъ отможенъ.

Но Шпачекъ хотѣлъ сдѣлаться охотникомъ не на шутку и предложилъ Костикову вѣхать отыскивать болота.

По разспросамъ у знакомыхъ охотниковъ оказалось, что подъ Архангельскимъ есть хорошія мѣста для стрѣльбы. Едва узнали это наши охотники, какъ лихая тройка стояла уже у подъѣзда Костикова. Лакеи нагружали тарантасъ винами, пирожками, фруктами и цѣлымъ чемоданомъ бѣлья. Маменька Костикова приказала было уложить и тюфячекъ для сына баловня, но этому онъ воспротивился.

— A la guerre, comme à la guerre, сказалъ онъ матери, уснемъ и на снѣгъ.

Охотники наши давно уже были одѣты въ полный охотничій костюмъ. Костиковъ переходилъ изъ одной комнаты въ другую, любуясь собою передъ каждымъ зеркаломъ, Довскій дѣлалъ очень серьезныя мины и жаловался на подлость купца, продавшаго ему охотничью трубку. Правда что трубка была заплачена очень дешево, но за то ломка, изъ рукъ вонъ: мѣдная крышечка отлетѣла въ первый день покупки, и Шпачекъ приладилъ ее какъ то булавочкой.

По окончаніи сборовъ и послѣ вкуснаго завтрака, тарантасъ выкатилъ со двора, и Московскіе жители имѣли случай полюбоваться

лхвыми конями, красной одеждой охотниковъ, и послушать лай Буона, Армиды и Оскара, бѣжавшихъ окодо тарантаса.

За заставой задымилась трубки, какъ вдругъ Шпачекъ, схватилъ Костикова судорожно за руку, и, онѣмвѣвъ отъ страха, указалъ ему на карманъ свой. — Искра, вылетѣвшая изъ плохо закрытой трубки упала на нанковый казакинъ Довскаго на мѣствъ кармана. Онъ не видалъ этого обстоятельства въ началѣ, а когда увидѣлъ, карманъ уже прогорѣлъ, и тлѣлъ платокъ, лежавшій въ карманѣ. Костиковъ затупилъ огонь руками и уже послѣ этой выходки, полной самоотверженія, узналъ о причинѣ испуга Шпачка. Въ платкѣ былъ завернутъ порохъ, взятый Довскимъ въ видѣ запаса. Его было съ четверть фунта, и, если бы огонь коснулся его, охотникамъ могло бы сдѣлаться тѣсно въ тарантасѣ.

Удачно минувшая бѣда навела Довскаго на мысль объ опасностяхъ охоты, и онъ долго говорилъ Костикову о необходимой осторожности, и о разныхъ несчастныхъ случаяхъ, слышанныхъ имъ отъ знакомыхъ.

Не довзжая Архангельскаго, надо переправляться на паромъ, известномъ подъ именемъ рублеваго перевоза (*). Тарантасъ вѣхалъ на паромъ, но Шпачекъ, увидавши привязанную у парома лодку, предложилъ Костикову переѣхать лучше на лодкѣ. Костиковъ конечно согласился, перевозчикъ отвязалъ лодку и далъ господамъ весло.

Сначала грести началъ Шпачекъ, но лодка не двигалась съ мѣста, а только качалась и повертывалась изъ стороны въ сторону.

— Ну, на, погребни ты, Ваня, сказалъ Шпачекъ, передавая весло Костикову, ты посильнѣе меня.

Костиковъ началъ грести изо всей силы, лодка повернулась по течению воды и поплыла вдоль берега. Всѣ усилія молодыхъ людей направить ее къ противоположному берегу были напрасны. Неизвестно, чѣмъ бы кончилась эта оригинальная переправа, если бы перевозчикъ, успѣвшій вернуться назадъ съ паромомъ, не добѣжалъ до лодки по берегу, и не притянулъ ее багромъ.

Шпачекъ не могъ понять этой неудачи, и увѣрялъ перевозчика, что онъ ударялъ весломъ совершенно правильно.

— Это весло нкуда негодится, говорилъ онъ мужику, я не знаю, какъ ты самъ съ нимъ управляешься.

— Ничего-съ, отвѣчалъ мужикъ, усмѣхаясь, знакомое дѣло привычки, а весло какъ весло.

(*) Перевозъ называется такъ по имени близъ лежащаго селенія (Рублево). Оговорка эта на случай, чтобы не подумали, что у насъ есть такіе дорогіе перевозы

— Коротко очень, говорил Довскій, желая какъ нибудь оправдаться.

— У насъ и шло брвѣтъ, сказалъ мужикъ, входя въ лодку.

Раза три махнулъ онъ весломъ по обвѣмъ сторонамъ лодки, и благополучно высадивъ путешественниковъ на противоположный песчаный берегъ.

— Молодецъ, сказалъ Костиковъ, выходя изъ лодки.

— А на чайкъ то, господа, говорилъ мужикъ, снявъ шапку.

Костиковъ кинулъ ему съ важностью полтинникъ.

— Маловато бы, сказалъ мужикъ, почесывая затылокъ, да господа то вы хорошіе.

Охотники стали подниматься въ гору къ барскому двору.

— Вотъ мы и въ Архангельскомъ, говорилъ Шпачекъ, гдѣ же болота?

— Надо спросить у мужиковъ, отвѣчалъ Костиковъ, можетъ еще найдется между ними охотникъ, такъ онъ и поведетъ насъ.

— Меня что то беретъ нетерпѣніе пострѣлять, сказалъ Шпачекъ, какъ должно быть весело убить бекаса или дупеля!

Гора была песчаная, лошади повзмылились, и Костиковъ, чтобы показать себя человѣкомъ хозяйственнымъ, предложилъ пройтись пѣшкомъ.

Едва сдѣлали нѣсколько шаговъ наши пріятели, какъ нагнали старичка, возвращавшагося вѣроятно съ базара. Лошадь его, запряженная въ плохую тѣлегу, взбиралась на гору по дорогѣ, а самъ онъ шелъ подлѣ лѣсу, помахивая кнутомъ и частенько пошатывался. Старикъ былъ одѣтъ въ очень плохенькій кафтанъ, и подпоясанъ стариннымъ кушакомъ. Увидавши лягавыхъ собакъ, онъ обернулся къ охотникамъ и остановился, стараясь соблюсти равновѣсіе.

— Господа!.. ваше сіятельство!.. проговорилъ онъ, позвольте Ѳедору рѣчь держать...

Молодые люди усмѣхнулись и остановились подлѣ старика.

— Какую рѣчь? спросилъ Шпачекъ, держи, Ѳедоръ, держи.

— Вашимъ сіятельствамъ, я вижу... хочется поохотиться, сказалъ старикъ, такъ я поведу васъ въ мѣста важнѣюція.

— Точно ли хорошія? спросилъ Костиковъ.

— Убей Богъ, хорошія, отвѣчалъ старикъ, я передъ вашими сіятельствами солгать не могу; я на торгу рюмочку выпилъ, грѣшное дѣло... а солгать не могу.

— Есть тамъ бекасы и дупеля? спросилъ Шпачекъ.

— Есть тамъ бекасы и дупеля, говорилъ старикъ. Скажу только: веди, Кирюха, Господь... и поведетъ, убей Богъ, поведетъ....

— Кто же этотъ Кирюха ?

— Сынъ мой , ваше сіятельство.... родной сынъ.... Сводитъ отъ васъ въ Садокъ.... и въ Домнино сводить.... ноги то у шельмеца не куплены. . . .

— А далеко ли это отсюда? спрашивали охотники, раззадоренные словами старика.

— Рукой подать, ваше сіятельство.... и трехъ версть не будетъ... Небось Горенцово слыхали? . .

— Нѣтъ не слыхали, но мы за тобой поведемъ, ступай же садя да погоняй.

— Сейчасъ , ваше сіятельство , сейчасъ , говорилъ старикъ , идя ускореннымъ шагомъ къ тельгѣ.

Не безъ труда взобрамся онъ въ экипажъ свой, и, натянувъ веревочныя возжи, сталъ нещадно погонять свою лошаденку. Неправильная къ слишкомъ быстрой ѣздѣ , лошадь сначала отмахивалась отъ кнута хвостомъ, потомъ, видя упорство своего хозяина, пошла рыцой , а наконецъ запрыгала какимъ то страннымъ аллюромъ , чѣмъ то среднимъ между галопомъ и карьеромъ.

Костиковъ и Шпачекъ тоже сѣли въ тарантасъ и велѣли ѣхать за тельгой.

— Если старикъ не вретъ , охота будетъ , говорилъ Шпачекъ , потирая руками отъ удовольствія.

— А вотъ увидимъ, сказалъ Костиковъ. Собаки отличныя, ружья отличныя , надо бы набить дичи.

— Кажется бы надо, подтвердилъ Шпачекъ.

Въ пріятныхъ мечтахъ юные охотники и не видали , какъ проѣхали разстояніе отъ Архангельскаго до Горенцова.

Горенцово небольшая деревушка. Обитающіе въ ней мужички видно не богатые, избушки глядятъ въ разныя стороны, задворки не вездѣ покрыты , посерединѣ деревни нѣчто въ видѣ площади. На площади колодезь съ необыкновенно скрипучимъ колесомъ, а противъ колодца каменный столбъ и въ немъ икона; вѣроятно мѣсто общественныхъ молебствій , которыя у Русскихъ мужичковъ бывають нерѣдко. То нужно вѣдра, то нужно дождичка , — вотъ христіане поднимають образа , міромъ помолятся и по большей части погода мѣняется согласно молитвамъ ихъ.

Изда старика Федора стояла крайняя къ площади. Къ ней примыкалъ небольшой огородъ , а за огородомъ прудъ, хоть и непроточный, но всегда полный воды и довольно длинный.

— Эй!.. вы!.. принимайте князей!.. закричалъ Ѳедоръ, подѣхавши къ воротамъ, и на голосъ его выбѣжали на улицу два мужика

Одинъ необыкновенно высокаго роста довольно неуклюжій, другой роста средняго, съ небольшою русою бородою, въ синей поддѣвкѣ, выглядывалъ молодецкѣмъ на первыхъ порахъ. Замѣтно было, что онъ не жилъ постоянно въ деревнѣ. Къ этому то послѣднему обратился старикъ.

— Вотъ, Кирюха, сказалъ онъ, ихъ сѣятельства хотѣть поохотиться....

— Чтожь, милости просимъ, говорилъ Кирилла, кланяясь прѣзжимъ и высаживая ихъ изъ тарантаса.

— Поведи ты ихъ въ Садокъ, продолжалъ старикъ, а потомъ въ Домнино....

— Да, что вы, батюшка, перебилъ его сынъ, ужъ я знаю, куда сводить господъ, останутся довольны.

— То-то знаю.... Вотъ все такъ, ваше сѣятельство, сказалъ старикъ, обратившись къ охотникамъ, и входя вмѣстѣ съ ними въ избу.... никакого почтенія старику отъ дѣтей нѣтъ.... прикажите за ваше здоровье выпить.... я васъ съ праздникомъ проздравлю....

— Сейчасъ, сказалъ Костиковъ, я угощу тебя своей водкой, дай только выбрать изъ тарантаса.

— Ахъ вы, князь мой свѣтлюющій, воскликнулъ старикъ въ порывѣ радости, и хотѣлъ поцѣловать руку Костикова, который, впрочемъ, руки ему не далъ.

— Я за это вашему сѣятельству грибковъ зажарю.... гдѣ бабамъ такъ зажарить.. видите Богъ, не зажарить.. самъ все изготавлю.

Когда были внесены въ избу вина, Костиковъ налилъ рюмку коньяку и далъ выпить Ѳедору.

Старикъ проглотилъ вино разомъ, поморщился, закаплялъ, и, утираясь рукавомъ, проговорилъ сиповатымъ голосомъ: — Заморская.

Время было уже далеко за полдень, но можно было, по словамъ Кирилы, успѣть сходить въ Садокъ. Охотники стали немедленно вооружаться. Ружья ихъ были заряжены еще въ Москвѣ, но Шпачекъ совѣтовалъ перемѣнить пистоны и подсыпать въ шпильки пороху. Это было по его мнѣнiю необходимо для избѣжанiя осѣчки.

Самъ онъ довольно удачно исполнилъ эту процедуру, но когда дѣло дошло до Костикова, то перемѣняя пистоны, онъ ошибся собачкой, и, придерживая правый курокъ, потянулъ собачку лѣваго.

Ружье выстрѣлило.

Раздавшійся выстрѣлъ навелъ ужасъ на всѣхъ присутствующихъ. И было отчего. Ружье Костикова было направлено въ окошко, а окошко было полно ребятишекъ, сбѣжавшихся со всей деревни, чтобы посмотреть на прѣзжихъ. По необыкновенному счастью зарядъ попалъ въ висѣвшую у окна иконницу, пролетѣвши не болѣе трехъ вершковъ надъ головами ребятишекъ. Последніе съ крикомъ отхлынули отъ избы.

Когда попросель всеобщій паническій страхъ, хозяева стали осматривать послѣдствія выстрѣла. Зарядъ прошелъ пулею сквозь одну стѣнку иконостаса, и ушелъ глубоко въ стѣну избы. Для предосторожности попрыскали въ образовавшуюся дыру водою и стали продолжать сборы на охоту.

Костиковъ испугался очень мало и сейчасъ же выпилъ цѣлый стаканъ лафиту. Шпачекъ пришелъ въ себя не такъ скоро, но, оживившись, онъ подошелъ къ Костикову и очень серьезно сказалъ ему:

— Ваня! Если мы съ тобой когда поссоримся и дѣло дойдетъ до дуэли, мой выстрѣлъ первый.

— Это почему?

— Потому, что ты уже стрѣлялъ въ меня.

— Какъ стрѣлялъ? Да ты стоялъ сзади меня.

— Это все равно, я легко могъ стоять у окна. Словомъ, это дѣло рѣшенное, идемъ на охоту.

Костиковъ поохоталъ надъ выходкою своего пріятеля, и наконецъ наши стрѣльцы отправились въ поле.

Я ничего не сказалъ о наружности героевъ моего разсказа, но думаю, что это еще не поздно.

Шпачекъ небольшого роста, почти брнетъ, съ довольно правильными чертами лица и съ маленькимъ излишествомъ въ величинѣ носа. Темнокаріе глаза его глядѣли очень умно, волосы на головѣ были рѣденьки, и ко лбу начинала образовываться, не смотря на молодыя лѣта его, небольшая лысина. Костиковъ, большого роста, черноволосый, широкой въ плечахъ, словомъ—молодецъ мужчина; только, по довольно остроумному замѣчанію Шпачка, глаза его не много портили. Они были такъ не велики, что Довскій прозвалъ ихъ Китайскими.

Отъ Горенцова до болота, называемаго Садкомъ, разстояніе не велико и было скоро пройдено охотниками.

Кирило не понадеялся на трехъ господскихъ собакъ и вѣлъ съ собой своего Трезора.

Только что вошли въ болото, собаки Костикова понеслись въ разные стороны, а Трезорка потянулъ по берегу. Костиковъ отправился за своими собаками, громко призывая ихъ къ себѣ, а Шпачекъ, увидавши, что Трезоръ идетъ по дичи, поспѣшнѣ въ припрыжку къ Кирилъ.

Трезоръ остановился.

— Пожалуйте сюда, сказалъ Кирило Шпачку и закричалъ тоже Костикову.

Костиковъ кинулъ собакъ своихъ, вышедшихъ совершенно изъ повиновенія, и тоже подошелъ къ мужику.

Трезоръ стоялъ какъ мертвый.

— Извольте же стрѣлять, сказалъ Кирило и крикнулъ своей собаку: пиль!

Собака бросилась, изъ-подъ морды ея вскочилъ дупель, и тутъ же упалъ отъ Кирилина выстрѣла.

— Ты очень скоро стрѣляешь, сказалъ Довскій съ нѣкоторой досадою, я не успѣлъ и приложиться.

— Да, помилуйте, отвѣчалъ мужикъ, улыбаясь, вѣдь птица не ждетъ.

Подобныя проделки повторялись въ продолженіе цѣлой охоты. Собаки Костикова прибѣгали на выстрѣлъ, бросались къ Трезоркѣ, несшему убитую птицу, и, не успѣвши ее отнять у него, снова удалялись. Иногда вдали одна изъ нихъ и останавливалась, поднимала бекаса или дупеля и гнала его безъ пощады. Костиковъ говорилъ на это, что собаки еще плохо учены, и что надо отдать ихъ тресировать, а между тѣмъ каждую убитую Кирилой птицу онъ требовалъ себѣ и преспокойно клалъ ее въ свой якшащ.

Увидавъ окончательно, что никакъ не можетъ успѣть выстрѣлить прежде мужика, онъ вышелъ изъ болота на берегъ, и стрѣлялъ по налетавшимъ галкамъ и ястребамъ. Одною ястреба удалось ему поранить и онъ былъ въ восторгѣ. Собаки его какъ то очутились близко, бросались къ ястребу, этотъ отъ нихъ перелетывалъ по болоту, Костиковъ кричалъ имъ изступленно: пиль! пиль! и травля кончилась успѣшно. Быстроногая Армида схватила наконецъ раненую птицу на лету и принесла ее хозяину. Шпачекъ однако не послѣдовалъ примѣру Костикова и не отходилъ отъ мужика. При каждомъ подъѣмѣ птицы онъ вскидывалъ ружье, прицѣливался, но выстрѣлить все таки не успѣвалъ. Уже подъ конецъ поля поднялся изъ-подъ Трезора коростель, Кирило очень далеко отпустилъ его и Шпачекъ успѣлъ выстрѣлить. Не смотря на то, что выстрѣлы его и охотника слились

въ одинъ, Довскій объявилъ, что коростеля убилъ онъ. Отнял его у Трезорки и долго разсматривалъ, куда попалъ зарядъ.

На возвратномъ пути съ поля всѣ были очень довольны. Кирило зналъ, что за набитую имъ дичь онъ получитъ хорошую плату; Костиковъ напередъ воображалъ удивленіе домашнихъ, когда онъ, привхавши въ Москву, выгрузитъ якташъ свой, а Шпачекъ радовался вслухъ своему удачному выстрѣлу по коростелю.

— Теперь я уже не сомнѣваюсь, говорилъ онъ; что коростеля убилъ я.... я цѣпился въ крыло и крыло перешибено.... да, у меня глазъ очень вѣреть.

Только что охотники вошли въ избу и не успѣли еще снять своихъ доспѣховъ, какъ явился въ дверяхъ старикъ Федоръ.³ Онъ былъ въ рубашкѣ, и спереди вмѣсто фартука привязалъ себѣ какой то затоптанный грязными ногами кулёкъ. Въроатно это было сдѣлано изъ чистоплотности. Въ рукахъ держалъ онъ сковороду, на которой виднѣлись черные какъ уголь грибы.

— Вотъ и я свое дѣло сдѣлалъ, сказалъ онъ, ставя на столъ стряпню свою.... Ну, ваше сіятельство, теперь надо поздравить съ полемъ. Водочка то ваша хоть и крѣпка, а такъ по душѣ и текеть.

Костиковъ далъ ему еще рюмку коньяку, посмотрѣлъ подозрительно на сковороду съ грибами и велѣлъ готовить чай.

Провизіи въ тарангасъ было всякой слишкомъ много, и грибы Федора къ величайшему его прискорбію не удостоились чести быть съѣденными ихъ сіятельствами.

На другой день, едва занялась заря, Кирило пришелъ въ сарай, гдѣ спали Костиковъ со Шпачкомъ, и сталъ будить ихъ. Раннее время, утренній холодъ и сладкой сонъ на зарѣ,—все это дѣлало не очень приятнымъ приходъ охотника. Костиковъ хотѣлъ было уже прогнать его, но проснувшійся Шпачекъ мгновенно вскочилъ съ своего логовища и вскрикнулъ:

А!.. пора?.. проспали мы?

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчалъ мужикъ, еще рано. Пожалуйте чай кушать, самоваръ готовъ, а послѣ чаю пойдѣте въ Домнино болото.

Порывистыя движенія Шпачка сорвали съ Костикова халатъ, которымъ онъ было укрылся. Двѣтъ было нечего, скрѣпя сердце, всталъ и онъ, и догнавъ у избы Довскаго, спрашивавшаго у Кирила положили ли онъ коростеля его вчера на ледъ.

Домнино болото не такъ близко отъ Горенцова, какъ Садокъ, надо было идти до него версты четыре. Дорога шла лѣсомъ, Кости-

ковъ нѣсколько разъ предлагалъ сдѣлать привалъ, но Довскій хотѣлъ непремѣнно прежде пострѣлять, а отдыхать уже послѣ.

Дошли наконецъ до болота. Домнино болото очень велико, моховато и мѣстами очень топко. Костиковъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по болоту, провалился выше колѣнъ и вернулся на берегъ, гдѣ и прилегъ въ ожиданіи конца охоты. Шпачекъ тоже не замедилъ вернуться по очень грустному обстоятельству. Сапоги его были не довольно длинны, а между тѣмъ очень просторны. Сначала Довскій обходилъ по кочкамъ, и около кустиковъ топкія мѣста болота, но сорвавшись съ одной кочки, онъ ушелъ въ трясину такъ глубоко, что Кирило долженъ былъ его вытаскивать. При этомъ высвобожденія изъ трясины, Шпачекъ какъ то сильно дернулъ ногу и выдернулъ ее безъ сапога, сапогъ остался въ болотѣ. Положеніе было критическое. Онъ долженъ былъ оставаться на одной ногѣ, пока Кирило вытащилъ несчастный сапогъ и очистилъ его отъ грязи.

Кирило убилъ нѣсколько штукъ бекасовъ и вернулся къ нашимъ охотникамъ, которые начинали было уже засыпать.

Обратный путь до деревни былъ довольно скученъ, только Шпачекъ утѣшалъ себя вчерашнею удачею, не разъ повторяя:

— А все таки я убилъ коростеля.

В. В.

ССЫЛЬНЫЙ. *

Прошло много времени, произошло много переворотовъ въ моей жизни съ тѣхъ поръ, какъ, прислонясь къ рѣшеткѣ подсудимыхъ, выслушивалъ я ужасный приговоръ, осудившій меня на пожизненную ссылку. Я не забылъ и никогда не забуду того состоянія души моей, съ которымъ я въ послѣдній разъ сдѣлалъ воззваніе къ людскому правосудію, прося отсрочить исполненіе приговора. Воззваніе это было тщетно. Когда услышалъ я, какъ товарищъ мой по заключенію, завѣдомо мнѣ виновный, съ жаромъ себя оправдывалъ, то пошелъ какъ ничтожны должны казаться судьямъ увѣренія подсудимыхъ въ ихъ невинности.

По прочтеніи приговора повезли меня и нѣкоторыхъ другихъ осужденныхъ изъ Невгатской тюрьмы въ Мильбакскую. Мы были посажены въ длинную повозку, открытую сверху и охраняемую полицейскимъ чиновникомъ. Я былъ въ оковахъ, нога моя прикована къ ногѣ преступника, вторично осужденнаго за грабежи. Заковываніе очень больно. Каждый ударъ молотка причиняетъ боль, похожую на вырываніе зуба.

Насъ везли по улицамъ, по которымъ еще такъ не давно ходилъ я спокойный и веселый. Нѣкоторые изъ прохожихъ останавливались, чтобы взглянуть на насъ, другіе, торопясь по дѣламъ, не обращали на насъ и вниманія.

Около двухъ мѣсяцевъ пробылъ я въ Мильбакъ, и въ продолженіе этого времени до насъ не доходило никакихъ слуховъ. Я не зналъ, какое вліяніе имѣло мое осужденіе въ обществѣ, и удалось ли попытки не многихъ друзей моихъ, желавшихъ помочь мнѣ.

Въ одну ночь однакожъ тюремщикъ объявилъ мнѣ, что одинъ изъ осужденныхъ вмѣстѣ со мною, признался вполне въ своемъ преступленіи, и объяснилъ, что я не былъ въ немъ соучастникомъ. Но это обстоятельство нисколько не измѣнило судьбы моей. Я впрочемъ зналъ, что подобныя признанія не имѣли важныхъ послѣдствій.

*) Диккенсъ увѣряетъ, что разскалъ этотъ не вымышленъ, но написалъ по диктовку одного ссыльнаго.

Черезъ нѣсколько дней объявили намъ , что на завтра мы отправимся въ путь.

Часа въ четыре утра насъ всѣхъ созвали и велѣли передѣться въ темныя, толстыя , шерстяныя куртки; такіе же панталоны , чулки и башмаки. Шапки дали намъ самаго отвратительнаго вида. Платье это было шито не помѣркъв и доставалось кому попало. Куртка мнѣ оказалась такъ широка, что въ нее можно было спрятать двоихъ какъ я, а панталоны были страшно коротки. Послѣ этого дали намъ по куску хлѣба и выстроили всѣхъ въ рядъ. Попарно вязали насъ другъ къ другу за руки, и тяжелая цѣпь соединяла въ одну линію по двѣнадцати преступниковъ.

По данному сигналу мы тронулись съ мѣста и пошли къ берегу рѣвки подъ прикрытіемъ вооруженной стражи.

Не смотря на раннее время дня, на берегу ожидала насъ большая толпа народа.

Всѣхъ ссылаемыхъ было двѣсти дватцать, и насъ перевезли въ три приѣма на пароходъ. Я невольно вспомнилъ о многихъ пріятныхъ прогулкахъ по этой самой Темзѣ; но пересилилъ эти воспоминанія и старался казаться спокойнымъ. Желая удалить мыслью отъ своего собственнаго положенія, я всматривался въ этихъ незнакомыхъ людей, съ которыми долженъ былъ пробыть неразлучно четыре мѣсяца пути.

Въ Мильбакъ мы были заперты порознь и осуждены на молчаніе. На корабль всѣ были свободны подходить къ другу и разговаривать. Многіе изъ осужденныхъ знали другъ друга прежде, и свиданіе ихъ было очень пріятное. Забывая предстоящую грустную жизнь изгнанія, они смѣялись, пѣли, другіе даже подплясывали, не смотря на тяготившія ихъ оковы. Мой ближайшій сосѣдъ былъ одинъ изъ самыхъ веселыхъ. Онъ громко хвасталъ, что несчетное число разъ увертывался отъ наказанія, и что за все это осудили его только на десятилѣтнюю ссылку.

По прибытіи нашемъ въ Вольвичъ , мы были перевезены на корабль ссыльныхъ (convict-ship). По мѣрѣ того , какъ спускались мы въ трюмъ, ставили намъ на спинѣ номеръ. Трюмъ раздѣленъ былъ на отдѣленія; въ каждомъ изъ нихъ помѣщалось по восьми осужденныхъ. Въ каждомъ отдѣленіи стоялъ четырехъ-угольный столъ и еловыя скамейки. Ночью на этихъ скамейкахъ мы спали.

Сейчасъ же расковали насъ , но на другой день заковали вновь. Это было противно обыкновенію , по которому ссылаемыхъ перево-

зали всегда безъ оковъ, но излишнюю строгость приписывали моему присутствію на корабль. Мнѣ было больно, что столько народа терпѣло изъ за меня, но за то и я много потерпѣлъ изъ-за своихъ спутниковъ. За каждый сдѣланный кѣмъ нибудь проступокъ наказывали всѣхъ заключенныхъ.

Пока мы неснимались съ якоря въ Вольвичъ, намъ позволено было написать къ роднымъ и проститься въ послѣдній разъ съ тѣми, кто желалъ насъ видѣть. Посѣтителямъ не позволялось однако всходить на корабль: они оставались подлѣ корабля въ лодкахъ.

Обритыя головы и странный костюмъ преступниковъ такъ измѣняли ихъ фізіономію, что многія жены не узнавали мужей своихъ.

За исключеніемъ нѣсколькихъ грустныхъ прощаній, для большой части ссыльныхъ время прошло въ Вольвичъ очень весело. Друзья ихъ снабжали ихъ деньгами. Одинъ изъ старшихъ начальниковъ корабля намекнулъ мнѣ, что кругъ голландскаго сыра, вырѣзанный внутри и наполненный червонцами, можетъ ускользнуть отъ глазъ стражи; но къ несчастію я пѣмогъ воспользоваться этимъ совѣтомъ. Все мое богатство состояло въ нѣсколькихъ шиллингахъ и небольшомъ количествѣ чая, который у меня въ послѣдствіи украли.

На корабль открыли подписку для покупки скрипки, но послѣ оказалось, что никто и у ѣлъ играть на ней. Позволялось между прочимъ подѣзжать къ кораблю мелкимъ торговцамъ и продавать преступникамъ различные съѣстные припасы какъ-то: пирожки, фрукты, а также иголки, нитки и оловянные тарелки.

На Темзѣ порція наша состояла изъ сухарей и супу изъ какао утромъ и вечеромъ, а въ морѣ стали давать намъ солонину и пуддингъ, который въ насмѣшку называли плум-пуддингомъ. Черезъ день готовили намъ свинину и супъ изъ гороха. Каждому изъ насъ дали по ложкѣ и по оловянному горшечку, но не давали ни пожей, ни вилокъ, ни тарелокъ. Съ позволенія доктора я купилъ себѣ оловянную тарелку, и такъ какъ эту покупку сдѣлалъ я одинъ изъ товарищей по комнатѣ, то былъ предметомъ самыхъ злыхъ насмѣшекъ.— Я нисколько ими необижался и смѣялся самъ, что очень понравилось моимъ семерымъ собратамъ.—Трудно было найдти семерыхъ негодяевъ, которые бы могли сравниться съ ними. Провизіи на восемь ссыльныхъ выдавалось по очереди одному изъ нихъ, и въ раздѣлѣ провизіи было самое низкое мошенничество.

На корабль нашемъ кромѣ обыкновеннаго экипажа было пятьдесятъ человекъ военнаго конвоя, докторъ или хирургъ, главный и

Все, что успелъ я сдѣлать въ это время, ограничивалось нѣсколькими письмами, написанными къ друзьямъ моимъ.

На седьмой день отправились мы къ острову Норфольку. Попутный вѣтеръ сопровождалъ насъ до самаго мѣста назначенія. Военные и гражданскіе чины корабля занимались во все время путешествія стрельбою морскихъ птицъ, приближавшихся къ кораблю.

Прошло три недѣли, какъ оставили мы мѣсто нашего отдохновенія, какъ вдругъ между ссылкой начался сильный ропотъ, грозившій превратиться въ открытый бунтъ. По положенію, выставленному на палубѣ, каждому ссылке было по восьми литровъ вина на все время путешествія. Но до сихъ поръ вино раздавалось только одинъ разъ въ недѣлю, и то смѣшанное съ лимоннымъ сокомъ, и въ такомъ маломъ количествѣ, что къ концу путешествія долженъ былъ оказаться большой остатокъ.

Мы плыли подъ 40° широты; плохая одежда наша почти не защищала насъ отъ холоду, и потребность вина, какъ средства подкрѣпленія, была слишкомъ ощутительна. Самые безпокойные изъ заключенныхъ подбивали остальныхъ къ общему возстанію, говоря, что это притѣсненіе поведетъ къ другимъ болѣе ужаснымъ истязаніямъ. Они сравнивали число ссылкой съ числомъ конвоя, и увѣрили, что многіе солдаты примутъ ихъ сторону.

Сначала я не обращалъ вниманія на эти толки, но убѣдясь, что можетъ выдти изъ нихъ значительный бунтъ, я вступился въ нихъ, и предложилъ учтивымъ образомъ объясниться съ докторомъ. Сначала предложеніе мое встрѣтило одни насмѣшки заговорщиковъ, но потомъ оно было принято, вѣроятно въ той надеждѣ, что докторъ сочтетъ это за дерзость, и тѣмъ болѣе раздражитъ всѣхъ ссылкой. Я сейчасъ же изложилъ на бумагѣ нашу претензію, и ее подписали извѣстные изъ моихъ товарищей.

Черезъ нѣсколько минутъ докторъ сошелъ къ намъ, и объяснилъ, что сдѣланная экономія въ винѣ была слѣдствіемъ ошибочнаго расчета, и что на будущее время мы будемъ получать двойную порцію. Обещаніе это было сдержано, и до окончанія путешествія на кораблѣ все было тихо и спокойно.

Отъ Мыса и до острова Норфолька, на пространствѣ трехъ тысячъ миль, видѣли мы только одинъ парусъ, сочтенный за парусъ Американскаго китолова. Я надѣялся увидѣть волканическій островъ Св. Пела, но капитанъ нашъ, желая пользоваться болѣе постояннымъ

и сильнымъ вѣтромъ , держался большей широты и мы прошли въ трехъ стахъ миляхъ отъ этого острова.

Между двумя стами моихъ товарищей я нашелъ только одного, и говорю это съ большимъ сожалѣніемъ, одного, съ которымъ могъ поговорить о чемъ нибудь и развлечься хоть на минуту. Это былъ красивый молодой человекъ, съ очень умной физиономіей, двадцати одного года отъ роду. Онъ былъ прикащикомъ у одного negocianta, и вздумалъ составить себѣ капиталъ фальшивыми подписями. Для капитала этого имѣлъ онъ въ виду очень выгодное предпріятіе и надѣялся скупить въ послѣдствіи на барыши фальшивые векселя. Три мѣсяца, какъ онъ женился и читалъ однажды вечеромъ вслухъ женѣ своей «Записки доктора.» Дойдя до главы, носящей названіе: «Поддѣлыватель фальшивыхъ бумагъ» онъ невольно остановился, но жену его смотрѣла на него пристально и, не желая возбудить подозрѣніи, онъ началъ читать главу эту. Участъ героя разсказа глубоко врезался въ его душу, а участіе, принимаемое въ немъ женою, наполнило сердце его какимъ то страхомъ и тяжелымъ предчувствіемъ. Не прошло и часу послѣ чтенія, какъ вошли полицейскіе чиновники и взяли его подъ стражу.

Осужденный этотъ много читалъ и имѣлъ удивительную память. Я бы очень желалъ, чтобы тѣ, которые подвергаются искушеніямъ, подобнымъ соблазнившему моего товарища, посмотрѣли на его отчаяніе, и на его раскаяніе. Мы проводили часто цѣлыя ночи въ разговорахъ; я утѣшалъ его, стараясь сообщить ему надежду на будущее, которое можетъ загладить его преступленіе, но утѣшенія мои оставались безъ всякаго дѣйствія.

Прошло уже три мѣсяца, какъ мы оставили берега Англіи, и это время было временемъ тяжкаго для меня испытанія. Страданія физическія и нравственныя ослабили мое здоровье, и при всей моей силѣ воли впадалъ я иногда въ совершенное отчаяніе. Что, въ самомъ дѣлѣ, могло быть ужаснѣе моей участи? Никогда не преступалъ я ни одного закона моего отечества, и терпѣлъ самое тяжелое наказаніе. Грустныя мысли находили на меня обыкновенно къ вечеру, и я проводилъ самыя безпокойныя, самыя убійственныя ночи. Видѣнные мною въ это время сны, какъ нарочно, переносили меня въ мое безоблачное прошедшее, и дѣлали ужасными мои пробужденія.

II.

Не лишними будутъ нѣсколько словъ о дисциплинѣ, соблюдаемой на кораблѣ ссыльныхъ.

Докторъ, какъ я уже сказалъ , былъ главнымъ нашимъ начальникомъ , и отвѣчалъ за все. Онъ имѣлъ двухъ помощниковъ , оставшихся унтеръ-офицеровъ , которые должны были занимать должности надзирателей и на островъ Норфолькъ. Одинъ изъ нихъ , по собственному его сознанию , былъ величайшій негодяй. Последняя продѣлка его , рассказываемая на кораблѣ , состояла въ томъ , что онъ объявилъ одной служанкѣ свое желаніе на ней жениться , и назначилъ свадьбу въ тотъ день , въ который по его расчету онъ будетъ уже цѣлую недѣлю въ открытомъ морѣ. Между прочимъ , какъ женихъ , взялъ онъ у ней часы ея и небольшія деньги , скопленные ей за работы. Но ему не удалось обмануть своей невесты. Корабль задержался на якорь дольше , чѣмъ предполагалъ онъ , и это обстоятельство принудило его жениться противъ воли. Неудавшееся мошенничество этого надзирателя было предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ ссылныхъ , порученныхъ его надзору.

Каждый день въ шесть часовъ утра отворялась дверь комнаты заключенныхъ и надзиратель кричалъ : «убирайте постели.» За этимъ каждый вставалъ и выносилъ матрасъ свой и одеяло на палубу , гдѣ они провѣтривались въ продолженіе дня. Потомъ ссылные , не имѣвшіе какихъ нибудь особенныхъ должностей , мели полы и убирали свои комнаты. Желаящіе могли умываться соленою водою , доставляемою насосомъ изъ моря. Омовенія эти сопровождались различными проказами и бывали часто причиною драки.

Въ восемь часовъ выдавалась порція какао и сухарь , что составляло завтракъ. Послѣ этого начиналось ученье. Раздавали книги. Докторъ осматривалъ больныхъ , выслушивалъ жалобы и распределялъ наказанія. Наказанія состояли въ томъ , что виновнаго заковывали въ тяжелыя цѣпи , или запирали въ такую тѣсную каюту , въ которой онъ не могъ ни лежать , ни сидѣть , ни стоять прямо. Наказаніе плетью употреблено было только одинъ разъ.

Около полудня капелланъ читалъ намъ молитвы , и говорилъ иногда при этомъ какія нибудь наставленія. Въ пять часовъ раздавался чай. Ни чай , ни какао , не были тѣмъ , что привыкли мы называть этими именами ; но они были горячи и подкрѣпляли насъ. Въ шесть часовъ оправляли постели. Въ половинѣ седьмого дѣлали переключку , и мы по одиначкѣ входили въ наши комнаты , гдѣ и запирали насъ. У каждой двери становился часовой съ заряженнымъ ружьемъ и со штыкомъ.

Засыпать было очень рано , а читать по причинѣ темноты не возможно , и я былъ осужденъ выслушивать рассказы моихъ товарищей

о самыхъ отвратительныхъ преступленіяхъ. Ночью часто пѣли они неприличныя и ругательныя пѣсни. Если шумъ двался уже черезъ чуръ великъ, часовой стучалъ штыкомъ въ дверь и кричалъ: смирно!

Путешествіе наше продолжалось сто двадцать четыре дни. Если сообразить всѣ лишенія, претерпѣнныя мною въ это время, и то, что я провелъ его въ обществѣ отъявленныхъ злодѣевъ и мошенниковъ, то можно понять весь ужасъ моего положенія.

Отъ скуки, старался я иногда наблюдать за моими товарищами и изучать ихъ характеры, слушая ихъ собственные рассказы или рассказы о нихъ прочихъ. Трудно представить собраніе существъ съ болѣе разнообразными нравственными понятіями.

Между нами былъ на-примѣръ Дикъ-Пеарсонъ, человекъ среднихъ лѣтъ, выдававшій себя за матроса, но представлявшій истинный типъ ссыльнаго. Съ самага малолѣтства жилъ онъ кражами и грабежами на большихъ дорогахъ. Пятнадцать разъ приводился онъ къ суду, и уже пробылъ семь лѣтъ въ ссылкѣ. Не было преступленія, на которое бы онъ не былъ способенъ, не было тюрьмы на двадцать миль разстоянія, въ которой бы не побывалъ онъ. Я часто разговаривалъ съ нимъ, желая убѣдиться въ степени возможности возвратить подобныхъ людей на путь истинный. Въ свою очередь Дикъ задавалъ мнѣ вопросы по части географіи, но я рѣдко отвѣчалъ на нихъ, зная объ этомъ мнѣніе начальства. Целью вопросовъ его, которую впрочемъ и не скрывалъ онъ, было запастись необходимыми свѣдѣніями на случай, если удастся ему овладѣть кораблемъ.

Совершенною противоположностью Дикю представлялъ бѣдный, чувствительный Стовенъ. Ему было пятьдесятъ лѣтъ отъ роду и онъ очень долго занималъ должность биржеваго маклера. Различныя неудачи заставили его промѣнить эту должность на занятія школьнаго учителя. Тутъ получалъ онъ такъ мало дохода, что не имѣлъ средствъ къ пропитанію многочисленнаго семейства. Въ крайности помогалъ ему братъ его, имѣвшій хорошее состояніе. Случилось такъ, что Стовену понадобилось пять фунтовъ стерлинговъ, а братъ куда то уѣхалъ изъ Англіи. Побуждаемый нуждою, Стовенъ подписался подъ руку брата, и пустилъ въ ходъ расписку подъ его именемъ въ необходимую ему сумму. Онъ увѣрялъ меня, что намѣренъ былъ признаться въ этомъ брату по его возвращеніи, и надѣялся, что онъ проститъ его. Умѣренность Стовена была первою причиною его гибели. Расписка попала въ руки знакомыхъ его брата, которые удивились, что богатый человекъ даетъ расписки на такія ничтожныя суммы. Ему за-

писали объ этомъ, а онъ разумеется объявилъ, что никогда не подписывалъ подобныхъ расписокъ. Началось слѣдствіе и обвиненный Стовень осужденъ въ ссылку.

Было много другихъ лицъ, надъ которыми дѣлалъ я свои наблюденія, но не буду затруднять читателя описаніемъ ихъ.

Воровство на корабль было постоянное, безъ него не проходило ни дня, ни ночи. Казалось, что производители его боялись отвыкнуть отъ своего ремесла во время путешествія.

Я говорилъ выше, что каждый изъ насъ получилъ по оловянному горшку. На третій день путешествія замѣтилъ я, что мой горшокъ былъ обмѣненъ. Я вычистилъ доставшійся мнѣ при обмѣнѣ, и сталъ употреблять его. Но на другое же утро ко мнѣ подошелъ одинъ изъ товарищей, и объявилъ, что въ рукахъ моихъ его горшокъ, что на немъ есть замѣтка на боку и на днѣ. Оказалось, что замѣтки были тамъ въ самомъ дѣлѣ, и я долженъ былъ отдать горшокъ его владельцу. Я объявилъ при этомъ, что мой горшокъ былъ у меня похищенъ, но надо мною громко смѣялись, и уже въ послѣдствіи объяснили мнѣ, что подобные обмѣны дѣлаются очень часто между ссылными и замѣняютъ прямое воровство. Потеря горшка была мнѣ очень невыгодна. Нѣсколько дней лишенъ я былъ своей порціи супу и чаю. Наконецъ получилъ я новый горшокъ. Мнѣ припелъ его одинъ изъ моихъ товарищей, объявивъ, что дѣлаетъ это для меня за то, что я написалъ ему письмо въ Вольвичъ.

Подобные примѣры благодарности встрѣчалъ я часто на корабль, и въ послѣдствіи убѣдился, что это чувство не исчезаетъ вполнѣ даже въ самой испорченной нравственности.

III.

Къ концу нашего путешествія, когда намъ оставалось не болѣе трехъ сотъ миль до острова Норфолька, корабль нашъ потерпѣлъ сильную бурю. На тихомъ океанѣ бываютъ они очень рѣдко, но разъ поднявшаяся непогода бушуетъ съ необыкновенною силою. Положеніе наше во время бури было самое ужасное, мы были заперты въ нашихъ комнатахъ, слышали завываніе вѣтра, чувствовали страшные толчки корабля и при каждомъ опущеніи его въ волны думали, что мы тонемъ.—Страхъ этотъ былъ такъ великъ, что самые безпокойные изъ ссылныхъ присмирѣли въ это время.

Приближеніе наше къ острову Норфольку имѣло весьма разнообразное вліаніе на ссыльныхъ. Большая часть, ужасаясь постоянной работы, желали остаться на корабль. Что же касается до меня, то я имѣлъ сильное желаніе его оставить. Я не думалъ о предстоящихъ страданіяхъ, но надѣялся, что избѣгну по крайней мѣрѣ этой близости отвратительныхъ людей, данныхъ мнѣ въ товарищи путешествія.

Послѣ четырехмѣсячнаго пути, увидѣли мы наконецъ мѣсто, назначенное для нашего пожизненнаго заключенія. Прежде показался намъ островъ Испей, имѣющій не завлекательную наружность, а потомъ и высокія сосны, растущія по берегу Норфолька.

У острова нѣтъ пристани, и корабль бросилъ якорь на разстояніи мили отъ коралловыхъ отмѣлей. Капитанъ подавъ сигналъ береговымъ часовымъ, и скоро отъ берега отдѣлились барки, и подъѣхали къ кораблю. Гребцами на ней были ссыльные, и насъ стали перевозить на берегъ въ сопровожденіи солдатъ.

Вѣрные своей натурѣ, товарищи мои продолжали воровать до послѣдней минуты. У одного ссыльнаго украли сапоги, снятые имъ за чѣмъ то на одну минуту. У сторожей украли табакъ ихъ.

Въ утро нашего переѣзда съ корабля, погода совершенно стихла, и небо имѣло блестящій цвѣтъ, свойственный только странамъ близкимъ къ тропикамъ. Видъ этого неба и видъ богатой произрастеніями земли сообщили душѣ моей отрадное чувство, и я безъ грусти вступилъ на берегъ этого земнаго рая, который, получа назначеніе въ слѣдствіе людской злобы и пороковъ, зовется «домъ океана».

Ожидая на берегу прибытія остальныхъ ссыльныхъ, я невольно перенесся мыслію въ прошедшее, и сравнилъ настоящее свое положеніе съ тѣмъ, которымъ я наслаждался годъ тому назадъ. Я имѣлъ хорошее состояніе и блестящую будущность, а въ этотъ годъ утратилъ все въ этомъ мірѣ, и очутился между ссыльными, осужденный провести остальные дни между ними вдали друзей и родины.

Не зная положительно времени нашего прибытія, начальникъ острова не былъ готовъ принять насъ. Коммисаріатскія распоряженія на этотъ день уже были сдѣланы и намъ не дали ничего ѣсть до другаго дня.

На ночь насъ положили въ большомъ сараѣ, кинувъ туда одѣяла. За эти одѣяла произошли многія драки. Кто успѣлъ схватить два одѣяла, кому недоставало ни одного.

На другой день въ пять часовъ привели насъ на берегъ и позволили выкупаться.

Купанье это осыжило насъ. Видя, что четырехмѣсячное путешествованіе изнурило наши силы, дали намъ два дня отдыха, и позволили гулять по острову и осматривать существующія тутъ заведенія.

Хижины, въ которыхъ помѣщались ссылки, были у самаго берега. Строеніе, въ которомъ помѣщается гарнизонъ, состоящій изъ двухъ сотъ солдатъ и офицеровъ, отстояло отъ берега на четверть мили. Далѣе же на возвышенности, съ которой открывался очень пріятный видъ на море, былъ выстроенъ Government-House, домъ, въ которомъ жилъ гражданскій губернаторъ острова. По сосѣдству были расположены домики капеллана, инженера и другихъ чиновниковъ.

Въ первый же день нашего прибытія насъ собрали въ кружокъ, и представили губернатору, осмотрѣвшему насъ въ сопровожденіи доктора. Губернаторъ обратился къ намъ съ вопросомъ: «Не имѣетъ ли кто пожаловаться на доктора?» Но ни кто не пожаловался.

Назначенныхъ для работъ земледѣльческихъ отравили въ часть острова, называемую Лондгриджъ, мили за двѣ отъ берега, а остальныхъ размѣстили по заведеніямъ.

По уходѣ губернатора посѣтилъ насъ капелланъ, человекъ очень умный и снисходительный.

Въ два дня, данные намъ для отдохновенія, осмотрѣлъ я дортуары ссылки и прочія комнаты. Я увидѣлъ между прочимъ людей называемыхъ: «на вѣкъ закованными», это были несправимые преступники. Они были скованы другъ съ другомъ, и, идя на работу, дѣлали странные зигзаки, подаваясь впередъ очень медленно по причинѣ тяжести цѣпей.—Полиція состояла изъ людей здоровыхъ и бодрыхъ, избранныхъ изъ болѣе смирныхъ преступниковъ. Они были одѣты въ полосатыя рубашки, синія куртки и широкія бѣлыя панталоны съ кожанымъ поясомъ. По сочувствію ли къ своимъ прежнимъ собратамъ, или просто по нерадѣнію, полиція была не страшна на островъ, и не прекращала воровства, которое бывало и здѣсь ежедневнымъ явленіемъ.

Во время посѣщенія моего тюрьмы, я былъ свидѣтелемъ страннаго обычая тамошняго начальства. При мнѣ вывели изъ тюрьмы двоихъ преступниковъ, сняли съ нихъ оковы и позволили имъ начать между собою драку. Когда одинъ изъ бойцевъ признался побѣжденнымъ, ихъ снова сковали и отвели въ тюрьму. Тюремщикъ, которому сообщилъ я мое удивленіе при этомъ зрѣлищѣ, сказалъ мнѣ: — О! они уже такъ давно ссорятся, что я рѣшился позволить имъ покончить ссору дракою. Черезъ нѣсколько минутъ разносили при мнѣ

преступникамъ пищу. Тюремщика, вносившаго ее въ комнаты, сопрождали два солдата съ ружьями и штыками. Эта предосторожность употреблялась потому, что озлобленные заключенники, доходившіе до безумія вслѣдствіе осужденія ихъ на вѣчныя оковы, часто бросались на тюремщиковъ и ихъ уродовали.

Перемѣна пищи и климата была сначала причиною многихъ болѣзней, но на островѣ устроена больница, и больнымъ подаются необходимые пособія. Помѣщеніе въ ней только довольно тѣсно. Я занималъ въ числѣ прочихъ, и меня положили въ небольшой комнатѣ, въ которой стояло десять кроватей. Жаръ былъ несносный, но зато тишина необыкновенная. Мысль умереть въ дали отъ родныхъ и родины заставляла каждого задумываться.—Видъ этихъ несчастныхъ, убиваемыхъ въ болѣзни отчаяніемъ, терзалъ мою душу и мѣшалъ моему выздоровленію; но я горячо молил Бога сохранить мнѣ жизнь до той минуты, когда я буду оправданъ. Во время болѣзни выпросилъ я себѣ чернилъ и бумаги, и написалъ подробную исторію моего процесса въ надеждѣ переслать ее какъ нибудь въ Англію.

Черезъ мѣсяцъ вышелъ я изъ больницы, но докторъ объявилъ меня неспособнымъ къ тяжелымъ работамъ, по причинѣ оставшейся еще во мнѣ слабости. Я надѣялся, что меня помѣстятъ куда нибудь для писмоводства, но надежды мои были обмануты, и меня сдѣлали смотрителемъ дортуара: Это неприятная, самая опасная и вредная для здоровья должность. Я долженъ былъ смотреть за порядкомъ дортуара, въ которомъ помѣщалось до двухъ сотъ преступниковъ, изъ которыхъ большая часть готовы не только обидѣть, но и убить человека приставленнаго для ихъ надзора.

Съ семи часовъ вечера и до шести утра былъ я запертъ вместе съ ними, а въ продолженіи дня долженъ былъ заботиться о чистотѣ воздуха и половъ комнаты. Докторъ возставалъ, но напрасно, противъ опредѣленія меня къ этой должности.

Преступники, не спавшіе въ продолженіе всего времени, назначеннаго для сна ихъ, собирались въ кучки и рассказывали другъ другу различныя сказки. Чтобы занять ихъ я попробовалъ рассказать имъ что нибудь изъ исторіи Англіи или Рима. Они слушали меня со вниманіемъ и часто просили повторять сказанное.

IV.

Мы были уже шесть недѣль на островѣ Норфолькѣ, какъ некоторые изъ сильныхъ рѣшились попытаться па побѣгъ.

Привезшій насъ корабль отправлялся въ Сидней и привезъ оттуда солдатъ и провизію. Двадцать ссылныхъ, употребленные для перевозки солдатъ и припасовъ на островъ, условились воспользоваться своими назначеніями и бѣжать. Съ этою цѣлію собрали они известное количество състныхъ припасовъ и другихъ вещей, необходимыхъ для путешествія, и спрятали свои запасы въ песчаномъ берегу на мѣстѣ, называемомъ Цидедмиль. Когда всѣ приготовленія были кончены, утромъ отправилась по обыкновенію лодка съ двѣнадцатью ссылными и тремя солдатами, вооруженными заряженными пистолетами.

На половинѣ пути, по сигналу, подающему главнымъ зачинщикомъ заговора, ссылные бросились на солдатъ, и прежде чѣмъ они успѣли опомниться, ихъ столкнули съ лодки. Главнымъ заговорщикомъ былъ знакомый читателямъ Дикъ-Пеарсонъ. Онъ взялся за руль лодки и направилъ ее къ тому мѣсту, гдѣ были спрятаны припасы, и должны были собраться остальные заговорщики. Последніе были чѣмъ то задержаны и лодка принуждена была ожидать ихъ. Это обстоятельство имѣло слѣдствіемъ то, что ее замѣтили часовые съ корабля и съ острова. Сейчасъ сдѣлалась тревога и стража выбѣжала съ оружіемъ. Прежде показывали знаками ссылнымъ, чтобы они вложили весла на лодку, въ знакъ своей покорности; но Дика Пеарсонъ не легко было заставить испугаться. Лодка отстояла отъ берега на половину ружейнаго выстрѣла. Дикъ скомандовалъ грести какъ можно сильнѣе въ море. Въ это время солдаты дали по бѣглецамъ залпъ изъ ружей. Но ни одна пуля не дошла по назначенію. Последующіе выстрѣлы имѣли еще менѣе успѣха, лодка была уже на слишкомъ большомъ разстояніи.

Не смотря на то, что имъ не удалось перенести въ лодку приготовленнаго запаса, бѣглецы продолжали удаляться отъ берега. Но они забыли о стоявшемъ въ виду корабль. Капитанъ, видѣвшій всю эту продѣлку, и имѣвшій по счастью попутный вѣтеръ, снялся съ якоря, и, очень скоро перерѣзавъ дорогу лодкѣ, заставилъ ссылныхъ просить пощады. Отсутствие оружія дѣлало бесполезнымъ всякое ихъ сопротивленіе.

Сейчасъ же началось слѣдствіе. Солдаты показывали, что ихъ силою сбросили въ море, а ссылные уверяли, что они бросились въ море сами отъ страха. Рѣшеніе этого вопроса было важно. Были ли преступники виновны только въ побѣгъ, или вмѣствъ и въ покушеніи на жизнь сопровождавшихъ солдатъ ихъ?

Изъ пяти членовъ былъ составленъ военный судъ.

Солдаты оставались при своихъ показаніяхъ , и виновные были осуждены на смерть. Приговоръ этотъ былъ бы исполненъ , еслибы не вступился за осужденныхъ капелланъ. По сильной просьбѣ его , наказаніе ограничилось измѣненіемъ временной ссылки ихъ на ссылку пожизненную.

При мнѣ же былъ еще другой заговоръ , имѣвшій слѣдствіемъ страшныя убійства подъ предводительствомъ Вествода , известнаго подъ именемъ Жаки-Жаки. Поводомъ къ нему было замѣненіе двухъ-фунтовой порціи говядины двумя унціями соленаго поросенка. Заговоръ этотъ стоилъ жизни многимъ изъ солдатъ гарнизона и ближайшихъ начальниковъ ссыльныхъ. По прекращеніи убійства , и по произведенію слѣдствія оказалось двѣнадцать человекъ виновныхъ , и ни одинъ изъ нихъ не показалъ ни малѣйшаго слѣда раскаянія во все продолженіе суда. Всѣ они были приговорены къ смертной казни и осыпаны самыми ужасными ругательствами своихъ обвинителей. Одинъ Вестводъ оставался хомоденъ и спокоенъ при выслушаніи приговора. Онъ всталъ съ своего мѣста , и произнесъ краткую рѣчь , въ которой изъявилъ сожалѣніе , что участвовалъ въ кровопролитіи. Онъ сказалъ между прочимъ , что ожидалъ произнесеннаго приговора , что онъ родился съ любовью къ ближнему , что , исполненный этого чувства , вступилъ онъ въ общество , но возненавидѣлъ человѣчество за претерпѣнныя имъ несправедливости и жестокости людей.

Осужденные были повѣшены. Должность палача исполняли двое изъ ссыльныхъ , выпросившихъ на это позволеніе , говоря , что они надѣются этимъ поступкомъ оказать услугу и быть полезнымъ правительству.

Въ продолженіе шести мѣсяцевъ исполнялъ я должность смотрителя дортуара , прерываемую только частыми болѣзнями , въ продолженіе которыхъ клали меня въ больницу. Добрый капелланъ , проводившій иногда цѣлые дни у моей постели , дѣятельно вступился наконецъ въ мое положеніе , и меня освободили отъ ужасной должности. По совѣту доктора меня отправили въ болѣе здоровую часть острова , называемую Каскадами. Перемѣна воздуха имѣла благотворное вліяніе на мое здоровье. Силы мои начали только что возвращаться , какъ сейчасъ же стали употреблять меня въ земляную работу подъ надзоромъ самаго грубаго и привязчиваго смотрителя.

Три мѣсяца занимался я этою тяжелою работою , и наконецъ-то открылось мѣсто писаря , на которое кромѣ меня не оказалось никого способнаго. Я занялъ это мѣсто , но должность моя была далеко

не легкая. Съ пяти часовъ утра и до девяти вечера сидѣлъ я за письменнымъ столомъ, питаюсь пищею, одинаковою съ прочими ссылными.

Я долженъ впрочемъ отдать справедливость ссылнымъ въ сходительномъ ихъ обращеніи со мною еще до поступленія моего въ должность писаря. Если случилось имъ замѣтить, что я несужестъ выше силъ моихъ, они сейчасъ брались нести ее вмѣсто меня. Однажды, качая изъ колодезя воду, я нечаянно уронилъ туда свою соломенную шляпу, данную мнѣ по настоятельному требованію доктора. Ссылный, видѣвшій это, сейчасъ же спустился въ колодезь, не смотря на мои просьбы не рисковать жизнью для спасенія принадлежащей мнѣ вещи. Черезъ нѣсколько минутъ его благополучно вытащили, и онъ отдалъ мнѣ шляпу, сказавши: долгъ платежемъ красенъ. Сколько не припоминалъ я впоследствии, никогда не могъ вспомнить, какую оказалъ я ему услугу.

Ни что однакожъ не могло воздержатъ моихъ товарищей отъ воровства. Во время сна стащили они съ меня башмаки. Надзиравшій за нами, увидя меня босаго на работѣ, подарилъ мнѣ пару собственныхъ сапогъ своихъ.

Болѣе всѣхъ помогалъ мнѣ и раздѣлялъ со мною трудности жизни молодой человекъ, осужденный за фальшивые векселя, и я былъ въ восторгъ, что могъ быть однажды самъ ему полезенъ. Онъ занималъ мѣсто писаря въ одной изъ конторъ, и исполнилъ лучшимъ образомъ свою должность въ продолженіе полутора года, какъ вдругъ у товарища его нашелся спрятанный табакъ, а употребленіе табаку было строжайше запрещено на островѣ. Молодой человекъ признанъ былъ участникомъ несоблюденія правилъ и посланъ на полевые работы. Я употребилъ въ его пользу пріобрѣтенное уже мною вліяніе, и его воротили на прежнее мѣсто.

Въ тяжелые дни моей ссылки выдавались для меня иногда и отрадные минуты. Когда повѣсть моихъ несчастій стала болѣе известна, мнѣ стали сочувствовать, сначала капелланъ, а потомъ и другія власти военныя и гражданскія. Встрѣчаясь со мною, гдѣ бы то нибыло, они останавливались и со мной заговаривали.

Занятія мои по письменной части заставляли меня часто отправляться въ отдаленныя части острова, и давали мнѣ возможность наслаждаться дивною туземною природою. Самые нѣжные фрукты созрѣваютъ здѣсь на воздухѣ, лѣса наполнены попугаями и другими

красивыми птицами. Ночи на островъ такъ хороши, что Европейецъ съ трудомъ можетъ вообразить ихъ.

Не разъ спрашивалъ я себя, по какому страшному стеченію обстоятельствъ земной рай этотъ избранъ мѣстомъ пребыванія самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ.

Я пробывъ уже два года и шесть мѣсяцевъ на островѣ Норфолкѣ, какъ пришла къ намъ вѣсть, что по полученному правительствомъ допосу о дурномъ содержаніи ссыльныхъ на островѣ, уничтожалась здѣсь ссылочная колонія. Вслѣдствіе этого распоряженія, мы, въ числѣ трехъ сотъ, были перевезены въ землю Ван-Дименову.

Прошло уже три года моей ссылочной жизни. Сколько разъ радовалась и угасала во мнѣ надежда на полученіе свободы! Я переслалъ въ Англію записку о моемъ процессѣ вмѣстѣ со многими письмами, и все еще не отчаявался окончательно. Наконецъ хлопоты одного моего друга, занимавшаго важное мѣсто въ государствѣ, и слѣдившаго внимательно за моею участію, были увѣнчаны успѣхомъ. Черезъ недѣлю послѣ прибытія моего въ землю Ван-Дименову я былъ прощенъ, но безусловно. Мнѣ возвращалась свобода безъ позволенія вернуться въ Англію.

Начальникъ, сообщившій мнѣ это извѣстіе, объявилъ мнѣ, что я долженъ отдать назадъ всю казенную одежду и отправляться къ Гобарт-Товну, гдѣ получу бумаги, необходимыя для доказательства моего свободнаго состоянія. Безъ друзей, безъ денегъ, и, не имѣя никакой собственной одежды, я спросилъ его, не дастъ ли онъ мнѣ хоть на время какого нибудь платья.

«На этотъ счетъ я неимѣю никакихъ приказаній» — отвѣчалъ онъ мнѣ и удалился.

Неимѣя еще никакого вида, я не могъ сѣсть ни на одно судно, отправляющееся въ Гобарт-Товну, и долженъ былъ отправиться туда сухимъ путемъ черезъ дѣвственные лѣса и болота, по пути, посѣщаемому очень рѣдкими путешественниками. Товарищи мои собрали мнѣ кой-какую одежду, и я, какъ бродяга, просящій милостыни началъ далекое странствованіе. Намѣреніе мое было добраться до Парижа, отстоявшаго на семь тысячъ миль, отъ пункта моего отправленія. Оттуда надѣялся я снова хлопотать передъ моимъ правительствомъ и получить полное оправданіе.

Около тридцати миль прошелъ я, не встрѣчая ни одной человеческой души; пробираясь лѣсами, переплывалъ рѣчки, переходилъ горы, и явился въ Гобарт-Товнъ въ самомъ жалкомъ видѣ.

Здѣсь обратился я къ капеллану и уголовному судѣ. Эти добрые люди дали мнѣ одежду, открыли въ мою пользу подписку и дали мнѣ средства доѣхать до Сиднея.

Въ Сидней разсмотрѣли вновь мое дѣло и щедро снабдили средствами на продолженіе путешествія.

Черезъ пятьдесятъ дней доѣхалъ я до Кантона, а черезъ тридцать слѣдующихъ прибылъ въ Мадрасъ. Данные мнѣ рекомендательныя письма доставили мнѣ самый щедрый и благосклонный пріемъ въ городѣ. Три недѣли ожидалъ я судна, отправляющагося въ Суэцъ, и все это время провелъ въ домѣ одного изъ высшихъ мѣстныхъ сановниковъ. Онъ уступилъ мнѣ большую комнату, баню и библиотеку, даже далъ мнѣ въ распоряженіе карету и двѣ прислуги.

Какъ хороша жизнь въ Индіи, особенно для людей богатыхъ! Какъ пріятно тамъ обѣденное время! Наружный палачій жаръ служитъ источникомъ наслажденія для тѣхъ счастливицевъ, которые могутъ отъ него укрыться. Обѣденная зала помѣщена въ совершенной тѣни, полъ изъ полированного камня не имѣетъ нужды въ коврахъ, до васъ достигаетъ прохладный воздухъ, проходя сквозь мокрая сторы. Красивѣйшія растенія и цвѣты огибаютъ двери и окна, сами вы одѣты въ тончайшее платье изъ бѣлой матеріи. Туземные слуги, безъ обуви, въ своихъ бѣлыхъ костюмахъ съ красными тюрбанами, неслышно скользятъ вокругъ васъ, и вы невольно вспоминаете восточныя сказки, которыми лелѣяли ваше младенчество.

Незабудьте, что, не смотря на нестерпимый жаръ, льду здѣсь столько же, какъ на вершинѣ Монблана.

Появленіе мое среди этой роскоши съ острова Норфолька могло бы тоже быть предметомъ волшебной сказки.

Отсюда доѣхалъ я моремъ до Триэста, перевѣхалъ Южную Германію и явился наконецъ во Франціи.

У меня были письма къ знатнѣйшимъ сановникамъ столицы и съ помощію ихъ я успѣлъ обратить на себя вниманіе нашего Посланника.

Мѣсяцевъ черезъ шесть я получалъ полное прощеніе и письмо государственнаго Секретаря, въ которомъ объявлялась моя полная невинность.

(Dickens Journal.)

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ:

«Наблюденія надъ умирающими.»

Въ двадцатомъ номерѣ Москвитянина, за 1852 годъ, помѣщена очень любопытная, хотя очень грустная, статья: *Наблюденія надъ умирающими*. По поводу этой статьи, я припомнилъ два случая, изъ которыхъ одинъ касается обстоятельствъ смерти женщины, дорогой моему сердцу, и недавно еще прешедшей въ вѣчность, а другой одного мужчины, уже давно умершаго. Свидѣтелемъ перваго случая былъ я самъ, а второй разсказанъ мнѣ человекомъ, въ справедливости словъ котораго я ручаюсь. Начну по порядку....

Она была добрая, прекрасная и благородная женщина. Можетъ быть, за эти качества, Богъ послалъ ей то сознание приближающейся кончины, которое обыкновенно называютъ предчувствіемъ. За полгода до своей смерти, она начала предчувствовать ее, и, въ теченіи этого времени, на ея лицѣ попеременно появлялись, то глубокая задумчивость, то снѣдающая тоска. Съ мыслию о своей близкой смерти она такъ свыклась, что было бы бесполезно разувѣрять ее въ противномъ. Но за всѣмъ тѣмъ, когда заболѣла она предсмертною болѣзнію, въ ней внезапно появилась надежда на выздоровленіе. Въ это время въ ней жажда къ жизни такъ была велика, что она боялась малѣйшаго обстоятельства, которое могло бы увѣрить ее въ безнадежности собственнаго положенія. Такъ, напримѣръ, у ней не доставало духу взглянуть на себя въ зеркало. Всѣхъ входившихъ къ ней встрѣчала она робкимъ взглядомъ, какъ бы страшась, чтобы выраженіе лица ихъ не лишило ея сладкой надежды. Вѣроятно для того, чтобы позабыться, она даже принимала участіе въ домашнемъ хозяйствѣ, почти до самаго того дня, какъ умереть ей. Наканунъ этого дня, къ вечеру, начало ослабѣвать ея зрѣніе, а къ слѣдующему утру оно совсѣмъ пропало. Но голось еще былъ, хотя она не могла уже выразить своей мысли словами. Проявлялось одно только чувство слуха: когда ударилъ колоколъ, возвѣщавшій о всеночной, ослабѣвшая рука ея силилась подняться для сотворенія крестнаго знаменія. Но силы не достало....

Когда я поцѣловалъ ее въ похолодѣвшій лобъ, по лицу ея, покрытому предсмертною блѣдностію, мгновенно, какъ электрическая искра, пробѣжала тѣнь жизни. Голова ея сдѣлала слабое, едва замѣтное движеніе, похожее на прощальный кивокъ. По всему замѣтно было, что чувство осязанія еще не покинуло ея.—Между тѣмъ да-

* Насъ увѣдомляютъ, что эта статья выписана изъ Психологін покойнаго Профессора Авсенева (послѣ Архимандрита Теофила), скончавшагося недавно въ Римѣ, Ред.

ханіе ея, минута отъ минуты, становилось короче; въ полуоткрытыхъ глазахъ не было замѣтно жизни; пульсъ бился слабѣе и слабѣе... Вдругъ, онъ забился какъ будто сильнѣе. Глаза открылись и въ нихъ загорѣлась жизнь. Казалось, зрѣніе возвратилось умирающей, что, вѣроятно, и было такъ. Но все это было только одно мгновеніе: въ глазахъ ея, въ ту же минуту, потухла жизнь, а пульсъ, сдѣлавши нѣсколько слабыхъ ударовъ, остановился.

Такъ иногда вспыхиваетъ догорающая лампада, для того, чтобы потухнуть мгновенно....

Совсѣмъ другими обстоятельствами сопровождалась смерть того человека, котораго я не зналъ лично, но объ которомъ много слышалъ.— Онъ то же былъ и благородный человекъ, но какъ и всѣ люди, имѣлъ свои слабости и недостатки. Такъ напримѣръ, онъ еще въ молодости славился удалствомъ, доходившимъ до крайности; любилъ покутить и подъ старость. — Когда наступилъ для него тотъ страшный часъ, который когда нибудь наступитъ для каждаго изъ насъ, онъ, разговаривавши до того съ родными и знакомыми, случившимися у него на тотъ разъ, вдругъ почувствовалъ себя очень дурно, и слабѣющимъ, но еще внятнымъ, голосомъ, сказалъ, обращаясь къ самому себѣ:

— Ну, братъ, Ивагъ.... пожилъ-таки ты на бѣломъ свѣтѣ, попилъ, погулялъ, а теперь пора и умереть. — За тѣмъ онъ повернулся на лѣвой бокъ, вздохнулъ, да и умеръ. *Евграфъ Васильевъ.*

13-го Декабря 1852 года. Саратовъ.

Кстати сообщимъ здѣсь любопытное описаніе кончины Владимирскаго Соборнаго Протоіерея семидесятилѣтняго старца, Іоанна Доброхотова, помѣщенное въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ тамошнихъ любопытныхъ Ведомостей известнымъ служителемъ Археологіи Тихонравовымъ:

Кончина его представляетъ разительный примѣръ христіанскаго мужества при смерти. Въ продолженіе болѣзни Протоіерей Іоаннъ сдѣлалъ всѣ рѣшительно приказанія о погребеніи своемъ такъ спокойно, какъ будто говорилъ не о себѣ, но о комъ либо изъ постороннихъ. Потомъ онъ пожелалъ припятъ Св. Тайны; во время совершенія Елеосвященія надъ нимъ, могъ еще сидѣть и молился во все время совершенія этого таинства, послѣ же просилъ всѣхъ окружавшихъ простить его въ прегрѣшеніяхъ и благословилъ дѣтей своихъ. За тѣмъ онъ выходился въ какой тоосо бешной духовной радости о скорой кончинѣ, и не болѣе уже какъ за два дня до смерти, вечеромъ выславъ отъ себя всѣхъ окружавшихъ его, чтобы остаться одному и пропѣть духовныя пѣсни. Когда

всѣ вышли, онъ ихъ запѣлъ слабымъ голосомъ; (пѣвша, которыя обыкновенно поются при отпѣваніи), но уже обезсилѣлъ до того, что не могъ всѣхъ окончить и замолкъ на нѣкоторое время, а чрезъдва дня и на вѣки.

Миръ праху почившаго старца Протоіерея Іоанна! Вся жизнь его была — полезная дѣятельность; смерть его — глубоко трогательный образецъ христіанской мирной кончины. * *К. Тихомировъ.*

О погоды въ 1852 и 1853 годахъ.

Въ началѣ прошлаго года помѣстили мы въ журналѣ нашемъ (*) нѣсколько замѣчаній одного здѣшняго наблюдателя о погодѣ и урожаѣ, какихъ должно было ожидать въ мѣстахъ, лежащихъ на югъ отъ Москвы до безлѣсныхъ рубежей Новой Россіи. Предсказаніе это вообще сбылось. Урожай разнаго рода хлѣба, плодовъ и овощей, былъ во всѣхъ этихъ мѣстахъ изобильный. Зима стала рано и проч.

Такой счастливый опытъ побуждаетъ насъ помѣстить въ нашемъ изданіи преескзаніе того же бдительнаго наблюдателя пережнѣ температуры замѣчанія и на сей 1853-й годъ.

Вотъ въ чемъ состоитъ его гороскопъ для того же самаго края. Общія очертанія характера каждаго времени года, которыя отъ представляеть, не исключаютъ впрочемъ по прежнему измѣненій частныхъ, *немногихъ и непродолжительныхъ.*

«Вторая половина зимы не будетъ холоднѣе ея начала».

«Въ продолженіе весны и лѣта не будетъ общаго и важнаго недостатка въ дождяхъ; но въ Іюнь мѣсяцъ влажность атмосферы будетъ значительнѣе, чѣмъ въ прочее время».

«Осень будетъ довольно холодная».

«Зима станетъ нѣсколько позднѣе, чѣмъ въ 1852 году, и въ началѣ ея морозы будутъ сильнѣе, нежели въ концѣ».

«Независимо отъ сего надобно ожидать снѣгу или дождя, смотря по времени года, или по крайней мѣрѣ влажныхъ тумановъ около: 20 Генваря, 18 Февраля 14 Апрѣля, 11 Мая, 8 Іюня, 5 Іюля, 1 и 28 Августа, 25 Сентября, 23 Октября, 20 Ноября и 18 Декабря».

«Изъ вышесказаннаго можно заключить, что въ 1853 году урожай хлѣбовъ, овощей и плодовъ будетъ нескудный; но сѣнокосъ и въ семъ году можетъ быть затруднительнѣе жатвы».

«Самое благопріятное, здоровое время продолжаться будетъ съ Апрѣля по Сентябрь. Противнаго должно опасаться въ Октябрѣ и Ноябрь».

NB. Насѣкомыхъ вообще будетъ менѣе прошлагоднаго.

27 Декабря, 1852 года.

* См. № 2 Москвитянина 1852 г., въ *Смѣси*, стр. 54.

* Вотъ драгоценныя и свѣдѣнія новѣстія, того рода, какаго мы ждемъ, кровъ прочихъ, отъ всѣхъ Губернскихъ Вѣдомостей! *Ред.*

С М Ъ С Ъ .

Приключеніе въ игорномъ домѣ.

(РАЗСКАЗЪ).

Не задолго до того времени, когда французское правительство закрыло игорные дома, я находился съ моимъ другомъ въ Парижѣ. Мы были оба еще молоды и вполне наслаждались столичною жизнью. Однажды вечеромъ мы гуляли вблизи Палерояля, и не знали, какъ окончить вечеръ. Мой другъ предложилъ мнѣ идти въ Фраскати; но это мнѣ вовсе не понравилось; Фраскати было мнѣ очень знакомо: для забавы я выигрывалъ и проигрывалъ тамъ множество пяти-франковыхъ монетъ, пока эта забава не обратилась въ ужасную скуку.

»Лучше пойдемъ въ самый простой игорный домъ, гдѣ порокъ является безъ личины,—сказалъ я своему товарищу,—въ такой игорный домъ, куда пускаютъ людей въ оборванныхъ скуртукахъ и безъ скуртуковъ.« — Хорошо, сказалъ онъ, намъ не надо выходить изъ Палерояля, чтобы найти подобный домъ. Вотъ вправо передъ нами домъ, который такъ ославленъ и такъ гадокъ, что нельзя желать ничего хуже. — Спустя минуту, мы стояли у дверей этого дома.

Когда мы взошли на лѣстницу и отдали шляпы и трости швейцару, намъ отворили дверь главной игорной комнаты. Тамъ было очень не много; но не смотря на малое число посѣтителей, которые при нашемъ входѣ обратили на насъ вниманіе, они все были типы различныхъ сословій. Мы пришли сюда, чтобы видѣть шулеровъ, но эти люди были еще хуже. Всякое плутовство имѣетъ свою болѣе или менѣе известную комическую сторону, но здѣсь не было ничего, кромѣ трагическаго. Тишина, царствовавшая въ комнатѣ, наводила ужасъ. И тощій юноша съ впалыми щеками и длинными волосами, глаза котораго жадно слѣдили за каждой картой; и толстый игрокъ съ одутловатымъ краснымъ лицомъ, который терпѣливо отмѣчалъ иглокою на картѣ, сколько разъ выиграетъ красная и сколько разъ черная

масть, — все молчали. Голосъ банкмета звучалъ какъ-то глухо въ этой комнатѣ. Я пришелъ, чтобы посмѣяться, но вскорѣ почувствовалъ, что еслибы спокойно смотрѣлъ на все это несколько времени, то могъ бы заплакать. Чтобы избавиться отъ гнетущаго меня ужаснаго чувства, я къ-несчастью подошелъ къ столу и началъ играть. Еще болѣе къ моему несчастію, какъ мы увидимъ это впоследствии, я выигралъ, и выигралъ такъ много, что все игроки, ежедневно приходившіе сюда, обступили меня, и жадными, любопытными взорами смотрѣли на мое сокровище, перешептываясь между собою, что англичанинъ взорветъ банкъ.

Играли въ Rouge et Noir. Я игралъ въ эту игру почти въ каждомъ городѣ Европы, вовсе не стараясь и не имѣя желанія изучить теорію выигрыша — камень мудрости всехъ игроковъ, и никогда не былъ имъ вполне. Моя игра была только для развлечения, — и я прибѣгалъ къ ней только потому, что не зналъ, что значить пужаться въ деньгахъ. Я не игралъ никогда постоянно; не проигрывалъ никогда болѣе того, сколько могъ, и никогда не выигрывалъ столько, чтобы могъ этимъ завлечься.

Однимъ словомъ, я посѣщалъ до сихъ поръ игорные дома такъ, какъ балы и театры.

Но въ этотъ разъ было совсѣмъ иначе: я почувствовалъ первый разъ въ жизни, что значить страсть къ игрѣ. Мое счастье меня въ полномъ смыслѣ отужанило. Хотя это покажется неправдоподобнымъ, но я проигрывалъ только тогда, когда старался разсчитывать; во когда предоставлялъ все случаю, то былъ увѣренъ, что выиграю, и выигрывалъ наперекоръ всему банку. Вначалѣ нѣкоторые изъ присутствующихъ ставили одинакій кушъ со мною, но вскорѣ мои ставки сдѣлались такъ высоки, что никто не могъ слѣдовать за мною. Одинъ за другимъ переставалъ играть, и все, притавъ дыханіе, слѣдили за моею игрою. Я все увеличивалъ куши и все продолжалъ выигрывать. Въ комнатѣ сдѣлалось всеобщее лихорадочное волненіе. Молчаніе замѣнилось хоромъ проклятій и восклицаній, пронзосимыхъ во-голоса на различныхъ языкахъ каждый разъ, какъ банкметъ подбѣгалъ ко мнѣ кучу золота, и досадуя на мое счастье, стучалъ объ полъ своею деревянною ногою. Только одинъ изъ присутствующихъ оставался спокойнымъ, и этотъ человекъ былъ мой другъ. Онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ шопотомъ по-англійски, чтобы я довольствовался выигрышемъ и кончилъ играть. Я долженъ отдать ему справедливость, что онъ повторялъ свои просьбы и увѣщанія нѣсколько

разъ, но наконецъ ушелъ одинъ, потому что я, отуманенный счастьемъ, отвѣтилъ ему такъ грубо, что его собственное достоинство не позволяло ему ни слова болѣе говорить со мною во весь этотъ вечеръ.

Вскорѣ послѣ его ухода, послышался за мною сиповатый голосъ: »Позвольте мнѣ, милостивый государь, поднять вамъ два червонца, которые вы уронили, и положить ихъ опять на то мѣсто, гдѣ они были. Удивительное счастье, сударь! — *Sacré mille bombes!* продолжайте такъ и взорвите банкъ!»

Я обернулся и увидѣлъ за собою высокаго мужчину въ поношенномъ сюртукѣ; незнакомецъ въжливѣ кивалъ мнѣ головою и улыбался. Еслибъ я былъ въ полномъ умѣ, онъ показался бы мнѣ немного подозрительнымъ типомъ стараго солдата: У него были красные опухшіе глаза, рѣдкая борода и испорченный носъ. Рѣчь его имѣла самый непріятный казарменный выговоръ, а руки его были такъ грязны, какихъ я никогда еще не видывалъ — даже во Франціи. Но всѣ эти признаки не произвели на меня въ то время никакаго непріятнаго впечатлѣнія. Въ этомъ полусумасшедшемъ настроеніи духа я готовъ былъ обнять всѣхъ, какъ братьевъ. Я взялъ отъ него поднятые имъ деньги, дружески потрепалъ его по плечу, и побожился, что онъ честнѣйшій человекъ въ мірѣ и славный остатокъ великой арміи. »Продолжайте играть! — вскричалъ мой воинственный другъ, — выиграйте еще и взорвите банкъ!»

И я продолжалъ играть, и игралъ такъ счастливо, что черезъ четверь часа банкометъ сказалъ: »милостивые государи! банкъ для нынѣшняго вечера закрывается!» Всѣ ассигнаціи и все золото банка лежали въ кучѣ передо мною, весь наличный капиталъ банка принадлежалъ мнѣ! — »Завяжите деньги въ платокъ, почтеннѣйшій, — сказалъ старикъ, когда я въ восторгѣ перебиралъ золото руками. — Завяжите ихъ въ носовой платокъ, какъ мы это обыкновенно дѣлаемъ съ нашимъ скуднымъ объемомъ. Вашъ выигрышъ слишкомъ тяжелъ для кармана. Вотъ возьмите платокъ и завяжите въ него ассигнаціи и золото! Каково счастье! подождите, вотъ еще червонецъ на полу! Ah, *sacré petit polisson de Napoleon*, насилиу я тебя досталъ! Ну, вотъ теперь, сударь, завяжите покрепче два узла, и дѣло въ шляпѣ. Пощупайте-ка, счастливый человекъ, какъ они тверды и крепки, точно пушечныя ядра! Ахъ, если бы въ насъ при Аустерлицѣ стрѣляли такими ядрами, — *pot d'une pipe*, еслибы такъ было! — Теперь мнѣ, какъ старому гренадеру и отставному храброму солдату французской арміи, чтѣ еще остается дѣлать? я спрашиваю васъ, чтѣ? — а вотъ

что: просить моего почтеннаго друга англичанина, раснять со мною бутылку шампанскаго, и передъ нашею разлукою выпить за здравіе богини счастья!»

— Хорошо, храбрый воинъ старой гвардіи! шампанскаго! и выпьемъ за здоровье стараго солдата и богини фортуны!

— Bravo, англичанинъ! въ твоихъ жилахъ течеть живая французская кровь! Еще стаканъ! Ага! бутылка-то ужъ пуста! ничего! vive le vin! Старый солдатъ отъ себя еще заказываетъ бутылку и полюнта конфектъ на закуску!

— Нѣтъ, нѣтъ, старый гренадеръ! ни за что на свѣтъ, товарищъ, твоя бутылка была вонъ та, что выпита, теперь моя очередь. Вотъ она! ну, пей только! за здравіе французской арміи! почтеннѣйшихъ почитателей! банкюмета, его жены и дочерей — если онъ у него есть, — всѣхъ дамъ вообще, и всѣхъ людей земнаго шара!

Когда вторая бутылка шампанскаго была выпита, мнѣ казалось, что я пилъ какъ будто жидкій огонь, голова была какъ въ огнѣ. Никогда еще въ жизни моей излишество вина не производило во мнѣ такого дѣйствія. Было ли это слѣдствіемъ моего передъ тѣмъ взволнованнаго расположенія духа? былъ ли мой желудокъ въ дурномъ состояніи? или шампанское было очень крѣпко?

— Старый гренадеръ французской арміи! вскричалъ я въ волненіи, я горю! что сдѣлалъ ты со мною! ты меня зажегъ! слышишь ли ты, герой Аустерлица, еще бутылку шампанскаго, чтобы залить огонь!

Старый солдатъ покачалъ головою, оставивъ на меня свои стеклянные глаза, такъ что мнѣ казалось, что они готовы выпрыгнуть изъ своихъ впадинъ, приложилъ грязный палецъ къ носу, и сказалъ торжественно: «кофею!» и тотчасъ побѣжалъ въ соседнюю комнату.

Это слово, сказанное ветераномъ, казалось, произвело волшебное дѣйствіе на всѣхъ присутствующихъ. Они всѣ встали, какъ по командѣ и ушли, вѣрно они выжидали извлечь какую-нибудь пользу отъ моего опьяненія, но когда увидали, что другъ мой хотѣлъ мнѣ воспрепятствовать опьянѣть до пельзя, то они потеряли надежду попомозоваться моимъ выигрышемъ. Когда старый солдатъ воротился и опять сѣлъ противъ меня за столъ, мы были одни въ комнатѣ. Съ своего мѣста я могъ видѣть банкюмета, который спокойно укиналъ въ передней.

И съ старымъ гренадеромъ произошла быстрая перемена. Лицо его приняло чрезвычайно торжественное выраженіе, и когда онъ началъ опять говорить со мною, онъ не употреблялъ болѣе презритель-

проклятій, но придавалъ рѣчи своей болве выраженія, прищелкивал пальцами.

»Послушайтесь меня, почтенный господинъ, сказалъ онъ таинственнымъ голосомъ, послушайтесь совѣта стараго солдата. Я говорилъ съ хозяйкою дома (она прекрасная женщина и геній повареннаго искусства) и растолковалъ ей, что намъ нуженъ самый крѣпкій кофе. Вы должны выпить этого кофе, чтобы отрезвиться прежде, чѣмъ пойдете домой. Съ такою большою суммою денегъ, какъ теперъ у васъ, вы должны поставить себя за обязанность быть въ полномъ разумѣ. Многіе изъ тѣхъ господъ, которые сегодня здѣсь были, знаютъ, что вы выиграли большую сумму денегъ; они въ своемъ родѣ хорошіе люди, но они люди, почтеннѣйшій господинъ, и имѣютъ свои маленькія слабости! Что же мнѣ еще болве объяснять: вѣдь вы меня поняли? Такъ вамъ вотъ что надо сдѣлать: когда вы будете себя чувствовать получше, пошлите панять экипажъ, и когда сядете въ него, спустите всѣ окна и скажите кучеру, чтобы онъ везъ васъ домой по большимъ улицамъ. Исполните это, и вы и ваши деньги будутъ въ цѣлости, а завтра вы скажете спасибо старому солдату, что онъ далъ вамъ хорошій совѣтъ.»

Старый гренадеръ только что кончилъ свою рѣчь плаксивымъ голосомъ, какъ принесли двѣ чашки кофе. Мой внимательный другъ подаль мнѣ чашку, и я выпилъ ее, не переводя духа, потому что умиралъ отъ жажды, но почти тотчасъ же у меня сдѣлалось головокруженіе, и я чувствовалъ себя еще болве пьянымъ, чѣмъ прежде. Комната вертелась, старый солдатъ, казалось, ходилъ какъ маятникъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Сильный шумъ въ ушахъ оглушилъ меня, и какое-то безсознательное чувство слабости овладѣло мною. Я всталъ со стула, держась за столъ, чтобы не упасть, и заикаясь проговорилъ, что чувствую себя очень не хорошо, и не знаю, какъ доберусь домой.

— Это было бы величайшимъ безразсудствомъ съ вашей стороны, другъ мой, идти домой въ этомъ положеніи. У васъ навѣрное отобрали бы всѣ деньги и могли бы убить васъ. Я почую здѣсь въ домѣ, почувте и вы. Тутъ превосходныя постели, вы проспите, а завтра утромъ пойдете домой съ своимъ выигрышемъ.

Я былъ не въ состояніи что-либо обдумать или что-либо чувствовать, исключая того, что долженъ лечь гдѣ-нибудь, чтобы сномя подкрѣпить свои силы, а потому охотно согласился на предложеніе провести здѣсь ночь, и принялъ услуги стараго солдата и банкюмета,

который долженъ былъ намъ показывать дорогу. Они повели меня черезъ нѣсколько корридоровъ на верхъ по высокой лѣстницѣ къ назначенную мнѣ комнату. Старый солдатъ пожалъ мнѣ руку, предложилъ мнѣ завтра утромъ вмѣстѣ позавтракать, и удалился потомъ вмѣстѣ съ банкометомъ, оставивъ меня одного.

Я подошелъ къ умывальнику, выпилъ изъ кружки нѣсколько глотковъ воды, остальное вылилъ въ тазъ, и умывъ имъ лицо, сѣлъ на стулъ, чтобы немного собраться съ мыслями. Вскорѣ я почувствовалъ себя гораздо лучше. Перемена вѣздуха для легкихъ, которыми вдыхали ужъ не душивую атмосферу игорной комнаты, а чистый воздухъ спальни, и свѣтъ одной свѣчи вмѣсто газоваго освѣщенія залы, чудно подкрѣпили мои нервы. Первою моею мыслію была опасность провести ночь въ игорномъ домѣ, а второю—еще большаю опасность—попытаться уйти изъ запертаго дома и съ такою большою суммою денегъ идти ночью домой по улицамъ Парижа. Мнѣ часто во время моихъ путешествій случалось проводить ночи на сомнительныхъ ночлегахъ, и я рѣшился запереть двери и заставить ее мебелью, находящеюся въ комнатѣ.

Я принялъ всѣ мѣры противъ всякаго нападенія: осмотрѣлъ подъ кроватью и въ шкафахъ, не скрывается ли тамъ кто-нибудь, и потомъ раздѣлся, вполне увѣренный, что принялъ всѣ мѣры осторожности, поставилъ свѣчу, которой уже не много оставалось горѣть, на каминъ, и легъ въ постель, подложивъ платокъ съ деньгами подъ подушку.

Но я вскорѣ убѣдился, что не могу не только заснуть, но даже сомкнуть глазъ. Я былъ какъ въ лихорадкѣ, дрожалъ всеми членами, и всѣ чувства мои были въ сильномъ напряженіи. Я метался во всѣ стороны; то переворачивалъ подушку стороною, которая была похолоднѣе, и оправивъ ее, ложился на спину; то, опять съ досадою скомкавъ ее, клалъ къ задку кровати и пробовалъ уснуть въ полусидячемъ положеніи; но всѣ попытки были напрасны; я стоналъ отъ досады, что долженъ провести ночь безъ сна.

Что мнѣ оставалось дѣлать? книги со мною не было, и я хорошо зналъ, что если дамъ полную волю своей фантазіи, то всю ночь буду представлять себѣ разныя возможныя и невозможныя опасности.

Я приподнялся, и опершись на локти, сталъ осматривать мою комнату, которая была освѣщена луною. Между тѣмъ какъ глаза мои блуждали отъ предмета къ предмету, мнѣ пришла на умъ хорошенькая книжечка: «Voyage autour de ma chambre.» Я хотѣлъ подражать французскому сочинителю, чтобы разогнать дурныя мысли.

но состояніе духа, въ которомъ я находился, не позволяло мнѣ увлекаться фантазією, и я просто сталъ разсматривать мебель моей комнаты, ничего не думая.

Прежде всего обратила на себя мое вниманіе кровать, на которой я лежалъ, настоящая англійская кровать съ четырьмя колоннами и балдахиномъ, какую трудно было встрѣтить въ Парижѣ. Балдахинъ былъ украшенъ пестрыми фестонами, обшитыми внизу бахромой; далѣе занавѣсь кровати, которую я, какъ хорошо помнится, раздвинулъ; столикъ для умыванія съ мраморною доскою, съ которой медленно капала на кирпичной полъ пролитая мною вода; два небольшие стула, на которые я положилъ свой сюртукъ и жилетъ; большое кресло, обтянутое грязно-бѣлымъ ситцемъ, черезъ которое я перекинулъ галстукъ и манишку; комодъ съ двумя оторванными мѣдными скобками, на которомъ стояла разбитая фарфоровая чернильница; туалетъ съ маленькимъ зеркаломъ и подушкою для булавокъ; необыкновенно большое окно; старая темная картина, представлявшаяся мнѣ въ полумракѣ, освѣщенная догорающею свѣчею: — портретъ мужчины въ высокой испанской шляпѣ, украшенной большими перьями. Это былъ смуглый мужчина, съ дикимъ выраженіемъ лица, смотрящій вверхъ — можетъ быть на высокую виселицу, которая была ему назначена; по крайней мѣрѣ онъ очень былъ похожъ на чловѣка, достойнаго виселицы.

Картина нѣкоторымъ образомъ заставила и меня посмотреть вверхъ на балдахинъ кровати. Но я не нашелъ тутъ ничего занимательнаго и опять обратилъ глаза на картину; счелъ перья на шляпѣ этого господина, резко отдѣлявшіяся отъ полотна; ихъ было четыре — два бѣлыхъ и два зеленыхъ. Я внимательно разсматривалъ тулью его шляпы, которая была кругла, и долго раздумывалъ, на что бы онъ могъ смотреть вверхъ; ужъ вѣрно не на звезды, потому что онъ нисколько не былъ похожъ на астронома.

Глаза мои все еще были устремлены на этотъ предметъ, но мысли перенеслись уже далѣе. Свѣтъ луны, освѣщавшій комнату, напомнилъ мнѣ одну лунную ночь въ Англии, ночь послѣ шумнаго пикника, проведенную въ одной долинѣ въ Валлисъ. Каждое обстоятельство на возвратномъ пути чрезъ эту прелестную долину, которая при лунномъ свѣтѣ казалась еще прелестнѣе, живо представилось моему воображенію, хотя я нѣсколько лѣтъ уже не вспоминалъ о немъ. Я все еще продолжалъ думать объ этомъ пикникѣ, о нашемъ веселомъ возвращеніи, о сентиментальной молодой дамѣ, которая читала на па-

мять стихи изъ Чайльд-Гарольда, потому что свѣтила луна. Я совсѣмъ углубился мыслями въ прошедшее, но вдругъ нить моихъ воспоминаній прервалась, я опять перешелъ къ действительности, и вниманіе мое, не знаю почему, снова обратилось на картину.

Что я вижу? неужели этотъ господинъ надвинулъ себѣ шляпу на глаза? Да, ужъ и шляпы болѣе нѣтъ! куда дѣвалась круглая туля? гдѣ перья! ихъ нѣтъ! что это за темный предметъ, который вмѣсто шляпы и перьевъ опускается на его лобъ, глаза, руки? Да и кровать шевелится!

Я легъ на спину и поднялъ глаза къверху. Ужъ не съ ума ли я сошелъ? не пьянъ ли? не брежу ли? или въ самомъ дѣлѣ движется балдахинъ кровати и опускается медленно, правильно внизъ, во всю длину кровати, прямо на меня?

Кровь застыла въ моихъ жилахъ, мертвящій холодъ охватилъ все тѣло, когда я опять положилъ голову на подушку, и устремилъ глаза на картину, чтобы убедиться, точно ли опускается балдахинъ. Одного взгляда было достаточно: обшитый бахромой край балдахина отстоялъ ужъ только на одинъ вершокъ отъ пояса. Я смотрѣлъ на это, притаивъ дыханіе, и видѣлъ, какъ мало по малу, по мѣрѣ того какъ опускался балдахинъ, порграть и рама исчезали.

Я не трусливъ отъ природы. Нѣсколько разъ жизнь моя была въ опасности, и я никогда не терпѣлъ ни на минуту присутствія духа, но когда убѣдился, что балдахинъ опускается на меня, я съ минуту или болѣе смотрѣлъ вверхъ и лежалъ, окаменѣвъ отъ ужаса, подъ этой убійственной машиной, которая опускалась все ниже и ниже, чтобы задушить меня на кровати.

Но вдругъ пробудилось во мнѣ чувство самосохраненія и придамо мнѣ силы спасти жизнь, пока еще было время. Я осторожно сползъ съ кровати и проворно одѣлся. Свѣча догорѣла и погасла. Я сѣлъ въ кресло и смотрѣлъ, какъ балдахинъ медленно опускался, и глаза мои такъ къ нему приковались, что еслибы въ эту минуту за мною слышались шаги, я не могъ бы оборотиться; казалось, что всѣ жизненныя силы мои сосредоточились въ глазахъ.

Балдахинъ все опускался ниже и ниже, и наконецъ опустился такъ низко, что я не могъ просунуть пальца между нимъ и кроватью. Я осмотрѣлъ его, и нашелъ, что то, что снизу казалось мнѣ обыкновеннымъ легкимъ балдахиномъ кровати съ колоннами, было толстымъ широкой тюфякъ, который былъ скрытъ внутри. Я взглянулъ на потолокъ и увидѣлъ только голые столбы и посрединѣ ихъ большіе

деревянный винтъ, по которому спускался балдахинъ. Эта ужасная машина спускалась безъ малѣйшаго шума. Среди этого гробоваго молчанія видѣлъ я предъ собою въ девятнадцатомъ столѣтіи, въ просвѣщенной столицѣ Франціи машину, какую трудно было бы придумать въ самыя страшныя времена инквизиціи, машину — которая тайно могла бы задушить челоуька!

Получивъ опять способность размышлять, я вполне постигъ этотъ обдуманнѣй, адскій заговоръ противъ меня. Мигъ дали въ кофе чего-го наркотическаго, но дали его слишкомъ много, и это спасло меня отъ смерти. Какъ глупъ я былъ, что сердился на это лихорадочное состояніе, которое не давало мнѣ уснуть: оно-то и спасло мнѣ жизнь. Какъ легкомысленно довѣрился я этимъ двумъ негодаямъ, которые привели меня въ эту комнату, чтобы, удушивъ во время сна, взять мои деньги. Какъ много, быть можетъ, людей, выигравшихъ подобно мнѣ въ этомъ домѣ, спали на этой кровати и исчезли навсегда съ лица земли. При этой мысли холодъ пробѣгалъ по моимъ членамъ.

Но это не было продолжительно, и балдахинъ, пролежавши не болѣе десяти минутъ на кровати, началъ опять подыматься къверху. Негодяи, которые сверху приводили въ движеніе эту машину, вѣрно думали, что достигли своей цѣли, и опять подняли балдахинъ безъ всякаго шума, и кровать снова получила прежній видъ.

Теперь я началъ придумывать средства къ побѣгу. При малѣйшемъ шумѣ они увидѣли бы, что ихъ попытка не удалась, и тогда навѣрно убили бы меня. Я смотрѣлъ пристально на дверь. На дворъ все было тихо, да и въ комнатѣ надо мною не слышно было ничего. Дверь мою я не только заперъ передъ тѣмъ, какъ легъ, но и задвинулъ старымъ сундукомъ, который нашелъ подъ моею кроватью. Отодвинуть безъ шума этотъ сундукъ (кровь застыла во мнѣ, когда я подумалъ, что могло тамъ скрываться) — не было никакой возможности. Мнѣ оставалось убраться въ окно, и я подкрался къ нему на цыпочкахъ.

Спальня моя находилась въ верхнемъ этажѣ подъ антресолями и выходила въ переулокъ. Я тихо отворилъ окно, боясь зашумѣть, и взглянулъ на улицу. Выпрыгнуть изъ него было бы неизбежною смертію. Я смотрѣлъ по сторонамъ; влѣво подлѣ окна спускался по стѣнѣ жолобъ. Лишь только я его увидѣлъ, какъ узналъ, что я спасенъ.

Инымъ покажется труднымъ и опаснымъ это средство къ спасенію, но для меня спуститься внизъ по жолобу не имѣло ничего опаснаго. Я въ дѣтствѣ часто упражнялся въ гимнастикѣ и получилъ большую

ловкость. Я занесъ уже ногу за окно, какъ вспомнилъ о своемъ платкѣ съ деньгами, который оставилъ надъ подушкою. Я могъ бы ихъ и совсѣмъ оставить, но въ злобѣ на этихъ разбойниковъ рѣшился лишить ихъ добычи. Поэтому я возвратился къ постели, и съ помощію шейнаго платка обвязалъ вокругъ себя тяжелый узелъ. Едва я это кончилъ, какъ мнѣ показалось, что я слышу за дверью чье-то дыханье. Снова обдало меня холодомъ, и я съ трепетомъ сталъ прислушиваться. Но все было тихо: только ночной воздухъ ввѣялъ въ открытое окно. Я вскочилъ на окно, и черезъ минуту сползая по жолобу, крепко охвативъ его руками и коленями.

Быстро и легко спустился я на улицу, и бросился, что есть духу, бѣжать въ ближнюю полицейскую канцелярію. Тамъ засталъ я подпрефекта съ нѣкоторыми изъ подчиненныхъ ему полицейскихъ служителей, которые, какъ кажется, были заняты составленіемъ плана открыть виновниковъ тайнаго убійства, о которомъ говорилъ весь Парижъ. Когда я, задыхаясь отъ поспѣшности, и весьма дурнымъ французскимъ языкомъ сталъ рассказывать подпрефекту мое приключеніе, то онъ, какъ кажется, почелъ меня за пьянаго англичанина, ограбленнаго на улицѣ; но едва я досказалъ, какъ онъ отложилъ въ сторону всѣ бумаги, лежавшія передъ нимъ на столѣ, надѣлъ шляпу, велѣлъ дать и мнѣ другую (потому что я былъ безъ шляпы), назначилъ отрядъ солдатъ, приказавъ имъ взять съ собою всѣ нужныя орудія для взламыванія дверей и половъ, и, дружески подавъ мнѣ руку, предложилъ идти вмѣстѣ съ ними. Между тѣмъ какъ мы шли по улицамъ съ такою многочисленною свитою, подпрефектъ вторично выслушалъ мой рассказъ и поздравилъ меня съ избавленіемъ. Когда мы подошли къ игорному дому, то у передняго и задняго крыльца подпрефектъ поставилъ стражу, и сталъ громко стучаться въ дверь. Вскорѣ послѣ того въ одномъ изъ оконъ показался свѣтъ. Я спрятался между полицейскими. Стукъ повторился съ восклицаніемъ: «отворите во имя закона!» Это страшное восклицаніе немедленно отперло всѣ замки и задвижки, и минутою спустя подпрефектъ стоялъ въ сѣняхъ предъ полуодѣтымъ, блѣднымъ привратникомъ. Между ними завязался слѣдующій разговоръ:

— Гдѣ англичанинъ, который ночевалъ здѣсь сегодня?

— Онъ давно ушелъ.

— Неправда, ушелъ его товарищъ, а онъ остался здѣсь. Покажите мнѣ его спальню.

— Клянусь вамъ, господинъ подпрефектъ, что его здѣсь нѣтъ, онъ...

— А я клянусь вамъ, что онъ здѣсь, Онъ остался здѣсь ночевать, нашель постель свою неудобною, пожаловался намъ — и вотъ онъ самъ здѣсь на лицо. Пикардъ! — сказалъ онъ одному изъ служителей, указывая на привратника, — свижди этого челоуѣка. Ну, господа, пойдемте на верхъ.

Всѣ, находившіеся въ домъ, были тотчасъ арестованы — прежде всѣхъ старый солдатъ. Послѣ этого повелъ я полицейскихъ въ комнату, гдѣ я ночевалъ, и потомъ осмотрѣли мы верхнюю комнату. Здѣсь не нашли мы ничего необыкновеннаго. Подпрефектъ осмотрѣлся кругомъ, приказалъ всѣмъ утихнуть, постучалъ ногою въ полъ, велѣлъ принести свѣчу, внимательно осмотрѣлъ мѣсто подъ своими ногами, и приказалъ взломать полъ. Это въ минуту было исполнено. Принесли свѣчей, и мы между поломъ и потолкомъ нижней комнаты открыли четырехъ-угольную пустоту въ родъ ящика. Сквозь нее отвѣсно проходили желѣзныя стропила, густо обмазанныя саломъ, а между ними опускался винтъ, приводившій въ движеніе балдахинъ кровати. Только что смазанные винты и гайки, оклеенная войлокомъ кукка — всѣ части тяжелаго пресса, сдѣланнаго съ дьявольскимъ искусствомъ, такъ что его легко можно было разобрать и спрятать въ небольшомъ пространствѣ, были открыты подъ поломъ и вытащены наружу. Осмотрѣвъ машину, подпрефектъ велѣлъ своимъ людямъ снова ее составить и привести въ движеніе, и отправился со мною въ мою спальню. Убийственная машина стала опускаться такъ же медленно, но не такъ тихо, какъ прежде. Когда я замѣтилъ это подпрефекту, то получилъ отвѣтъ, весьма простой, но полный ужаснаго значенія: »мои люди въ первый разъ приводятъ ее въ движеніе; тѣ, которые хотѣли васъ удивить, были привычныя и искусныя въ этомъ дѣлѣ.«

Двое полицейскихъ были оставлены въ домъ, и всѣ обитатели были тотчасъ отправлены въ тюрьму. Подпрефектъ, записавъ мое донесеніе, проводилъ меня въ гостинницу, чтобы получить отъ меня мой паспортъ. — »Неужели вы думаете, — спросилъ я его, отдавая ему свои бумаги, — что на этой постели душили людей, какъ хотѣли задушить меня?«

— Мнѣ случалось видѣть, — отвѣчалъ онъ, — десятки утопленниковъ, въ кармагъ которыхъ находились записки, что они сами бросились въ Сену, проигравъ все свое состояніе. Я знаю, что многіе

изъ нихъ посещали игорный домъ, въ которомъ были и вы. Иные, быть можетъ, выигрывали такъ же, какъ вы, оставались ночевать, ложились въ постель, были задушены, и наконецъ тайно брошены въ рѣку съ запискою, написанною однимъ изъ убійць. Кто знаетъ, сколько человекъ нашло тутъ смерть, отъ которой удалось вамъ спастись. Владѣтели игорнаго дома сохраняли въ тайнѣ свою машину, остальную половину тайны сохраняли мертвецы. Прощайте, сударь, въ девять часовъ потрудитесь явиться въ канцелярію.

Остальное разсказать не долго. Я нѣсколько разъ долженъ былъ являться въ полицію для разныхъ допросовъ; игорный домъ былъ обысканъ съ чердака до подвала; арестантовъ допрашивали по-одначкѣ, и двое изъ нихъ, менѣ виновные, сознались во всемъ. Я открылъ, что старый солдатъ былъ содержатель игорнаго дома. Полиція открыла, что онъ былъ некогда выгнанъ изъ службы, что послѣ того совершилъ много разныхъ преступленій, и вмѣствъ съ банкометомъ, понтеромъ и женщиною, варившею кофе, зналъ тайну кровати. Онъ и его главные сообщники были осуждены на всю жизнь на галеры, женщина — на известное число лѣтъ. Съ прочею прислугою поступили, какъ съ ворами и бродягами. Постоянные посѣтители игорнаго дома были оставлены въ сильномъ подозрѣніи подѣ надзоромъ полиціи, а я на цѣлую недѣлю сдѣлался главнымъ львомъ парижской публики.

Это приключеніе имѣло два хорошія слѣдствія: во-первыхъ то, что подало поводъ правительству запретить игорные дома, а во-вторыхъ, излечило меня навсегда отъ слабости играть для развлеченія въ Rouge et Noire. Видѣ зеленаго стола съ картами и кучками золота всегда пробуждаетъ въ душѣ моей воспоминаніе о страшномъ балдахинѣ кровати, который среди ночнаго безмолвія медленно и тихо опускается надо мною, чтобы задушить меня.

Какъ было открыто золото въ Калифорніи?

Первый, кто открылъ золото въ Калифорніи, былъ, какъ известно, капитанъ Суттенъ, который прежде служилъ во французско-швейцарской гвардіи, а послѣ Июльской революціи переселился въ Америку и купилъ въ Калифорніи довольно значительный участокъ земли. Вотъ что онъ рассказываетъ о своемъ открытіи: въ Іюнь 1848 года съѣлъ я писать письмо къ моимъ роднымъ въ Люцернъ, какъ вдругъ послышались шаги, и ко мнѣ вошелъ мой прикащикъ, который смотрѣлъ тогда за постройкой пильной мельницы. Онъ оставилъ меня за два дня передъ этимъ, и я не надѣялся видѣть его прежде окончанія постройки, которая была еще въ самомъ началѣ. Каково же было удивленіе, когда я увидѣлъ его передъ собою неподвижнымъ, съ открытымъ ртомъ, безмолвнымъ и съ протянутыми ко мнѣ руками.

Такъ какъ онъ не могъ выговорить ни слова, я спросилъ его нетерпѣливо: «что съ тобою? не рехнулся ли ты?»

— Рехнулся,—повторилъ онъ,—кажется такъ; и потомъ, осмотрѣвшись кругомъ и убѣдившись, что насъ никто не подслушиваетъ, сказалъ мнѣ шопотомъ: «несмѣтная сокровища! горы золота!»

— Да гдѣ же они?

— Гдѣ они? хотите ли обладать несмѣтными богатствами, милліонами долларовъ?

Я въ самомъ дѣлѣ усомнился въ состояніи его мозга, и признался ему въ этомъ откровенно. Но онъ вмѣсто отвѣта, протянулъ ко мнѣ руку, изъ которой посыпалась струя золотыхъ крупинокъ.

Теперь я въ свою очередь былъ такъ же пораженъ удивленіемъ, и готовъ былъ почестъ его за волшебника, но онъ, какъ бы освобождаясь отъ большой тяжести, съѣлъ теперь подлѣ меня и рассказалъ мнѣ по порядку все, какъ было.

Онъ ходилъ взадъ и впередъ по берегу рѣки, на которомъ строили мельницу, надзирая за работниками, какъ замѣтилъ въ слояхъ береговой тины что-то блестящее. Онъ принялъ это за родъ опала, которые встрѣчаются въ этой странѣ очень часто, и продолжалъ свое занятіе. Болѣе тридцати разъ взоры его были привлечены подобными предметами, но онъ все оставлялъ ихъ безъ вниманія; однакожъ частое ихъ появленіе его удивило, и онъ нѣсколько разъ

ужь располагалъ сойдти внизь, чтобы поближе рассмотреть эти камни, но потомъ опять упрекалъ себя въ ребяческомъ любопытствѣ, какъ вдругъ увидѣлъ онъ у ногъ своихъ одинъ изъ этихъ блестящихъ камешковъ, и въ этотъ разъ болѣе по инстинкту онъ наклонился, поднялъ его, и къ не малому своему удивленію нашелъ, что это былъ кусочекъ самаго чистаго золота. Онъ сей-часъ вернулсѣ, и собралъ все тѣ камешки, на которые прежде смотрѣлъ съ презрѣніемъ. Сначала онъ думалъ, что находка его была дѣломъ случая, и что можетъ быть за нѣскольکو столѣтій Индѣйцы спрятали здѣсь свое сокровище; но потомъ, рассмотрѣвъ внимательнѣе почву, нашелъ, что весь грунтъ земли изобиловалъ золотомъ. Онъ наполнилъ себя имъ карманы, сѣлъ на лошаде и поскакалъ домой во весь опоръ, чтобы уведомить меня объ этой находкѣ. Когда онъ кончилъ, первый мой вопросъ былъ, знаетъ ли кромѣ его еще кто-нибудь объ этомъ. Успокоившись на этотъ счетъ, я сѣлъ поспышно на лошаде и поѣхалъ съ нимъ обратно къ мельницѣ. Къ ночи мы прибыли туда, и нашими карманными ножами нарыли изъ земли такое множество кусочковъ золота, величиною въ одинъ унцъ и болѣе, что обезумѣли отъ удивленія.

Подъ вліяніемъ этого чувства мы молча возвращались на мельницу, когда работники съ крикомъ: «золото, золото!» шли къ намъ на встрѣчу, показывая полныя горсти золота.

Мы узнали впоследствии, что одинъ изъ работниковъ ночью подсматривалъ за нами, и послѣдовалъ нашему примѣру, но не могъ долго скрыть своей тайны. Все дали мнѣ обѣщаніе молчать объ этой находкѣ; но на другой день нѣсколько сотъ людей уже знали объ этомъ, а черезъ мѣсяць четыре тысячи золотопромышленниковъ со-всѣмъ ужь поселились тамъ.

Вотъ достоверный разсказъ объ открытіи золота; но это открытіе имѣетъ еще другое мѣологическое начало между золотопромышленниками. Они разсказываютъ, что будто бы капитанъ Суттенъ видѣлъ во снѣ, что какая-то птица съ золотистыми перьями свила себѣ гнѣздо на его домѣ, и снесла въ немъ множество большихъ золотыхъ яицъ. Капитанъ разсказалъ свой сонъ индѣйскому начальнику и спросилъ его мнѣнія. Этотъ, выпивъ какого-то пѣтѣя и протанцовавъ танецъ, предсказалъ ему, что онъ когда-нибудь очень разбогатеетъ. Въ знакъ благодарности Суттенъ подарилъ предсказателю прекрасное ружье. Три мѣсяца спустя капитанъ опять увидѣлъ во снѣ, что на индѣйскаго начальника въ его гла-

вованія; да приметъ онъ сердечную дань признательности каждому благомыслящаго челоуѣка при молитвѣ бѣдныхъ, имъ облагодѣтельствованныхъ!

Въ разборѣ автора объ армаркѣ говорится о палаткахъ, изъ которыхъ по его мнѣнію особенно были хороши три. На это надобно сказать, что конечно *chaquin à son goût*, и если автору понравилась палатка въ видѣ раковины, то многіе предпочли китайскую палатку; если привлекла вниманіе палатка обитая плющемъ, то этому способствовала много блестящая обстановка находившихся въ ней изъ серебра и позолоты вещей, но при этомъ вспомнимъ пословицу: *не все то золото, что блеститъ!* Палатка на лѣво при входѣ была изящна, но каріатиды наводили собою мысль объ памятникѣ.—Были палатки не замѣченныя авторомъ, но онъ не менѣе того заслуживали вниманія и милой простотой, и изящнымъ выборомъ вещей.—Потомъ авторъ говоритъ, что не было обѣщаннаго въ программѣ оркестра Сакса; вотъ тутъ-то и ясно, что авторъ не былъ на армаркѣ, а слышалъ объ ней невѣрные толки, но въ всякому слуху нельзя вѣрить, это не только пословица, это аксіома! Саксъ игралъ въ одинъ изъ вечеровъ, его слышали все, кто былъ въ это время! Наконецъ описывая концертъ, данный любителями, авторъ отдаетъ болѣе справедливости г-жѣ Фриде, тогда какъ и г-жа Тюрина не менѣе, если не болѣе, доставила удовольствія слушателямъ своимъ прекраснымъ звучнымъ и сильнымъ голосомъ, при томъ же пѣтъ труднѣе, чѣмъ играть въ большомъ обществѣ, при неумолкаемомъ шумѣ и даже говорѣ приходившихъ и уходившихъ слушателей, которыхъ съ посетителями, приходившими въ концертный залъ болѣе изъ любопытства, чѣмъ изъ любви къ искусству, было столько, что действительно послѣднее только замѣчаніе автора «хроника», объ тѣснотѣ и жарѣ, одно можетъ назваться справедливымъ!

А. П....

3-го января 1853 г.

Отвѣтъ г. Аксакову.

Въ 153-мъ № Московскихъ Вѣдомостей г-нъ Аксаковъ дѣлаетъ замѣчанія по поводу нашей статьи «Иванъ Царевичъ», помѣщенной въ Москвитинѣ. Мы вмѣняемъ себя въ обязанность сдѣлать возраженіе на замѣчанія критики, показавшіяся намъ не совершенно справедливыми.

Главный предметъ статьи г. Аксакова состоитъ въ желаніи указать намъ на различіе, существующее между сказкой и пѣсней; мы никогда не сомнѣвались въ существованіи этого различія; но мы полагаемъ, что оно не лежитъ въ частныхъ оттенкахъ сказокъ и пѣсень, но сохраняется въ точномъ опредѣленіи той и другой.

Г. Аксаковъ говоритъ, что въ сказкахъ лицо повѣствователя проявляется *болѣе* нежели въ пѣснѣ; что въ сказкѣ *болѣе* чародѣйнаго, чѣмъ въ пѣснѣ, и, наконецъ, что стихъ въ пѣснѣ длиннѣе, чѣмъ въ сказкѣ; въ этомъ мы не видимъ еще ни *рыской* черты, отдѣляющей сказку отъ пѣсни, ни даже опредѣленныхъ правилъ для ихъ подраздѣленія.

Теперь постараемся вступить въ подробности возраженія г. Аксакова.

Господинъ критикъ замѣчаетъ, что *пѣвца и сочинителя* *въ ясли не слышно*, тогда какъ въ сказкѣ *разсказчикъ постоянно слышенъ*; иначе (если мы поняли эти слова): въ сказкѣ посторонній человекъ (разсказчикъ) повѣствуетъ про прошлое, про бывалое, тогда какъ въ пѣснѣ событіе давно прошедшее представляется совершающимся передъ нами въ минуту повѣствованія, подобно драмѣ; но мы не находимъ этого въ нашихъ эпическихъ пѣсняхъ, мы напротивъ слышимъ разсказчика и его повѣствованіе о старинѣ, въ употребленіи глаголовъ въ формѣ прошедшаго времени, напр.

Въ стольномъ Новгородѣ
Было въ улицѣ во Юрьевской,
Въ слободѣ было Терентьевской,
А и жилъ былъ богатый гость.

Въ годы прежніе, времена первоначальныя,
При бывшемъ вольномъ Царѣ, при Иванѣ Васильевичѣ.

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ
 Что у ласкова, сударь, Князь Владиміра
 А и было пированье, почестной пирь
 Было столованье, почестной столъ.

Не такимъ ли же образомъ начинаются и наши сказки.

»Въ нѣкоторомъ царствѣ въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ...«
 Въ концѣ почти каждой былинны мы читаемъ выраженіе: «а и то старина, то и дѣяніе,» прямо указывающее на лицо пѣвца.

Если же г-нъ Аксаковъ почитаетъ эти слова припѣвомъ, то почему и не признать за присказку выраженіе: «я тамъ былъ, медъ пилъ, по устамъ текло, въ ротъ не попало.»

Теперь переходимъ къ замѣчанію относительно русскаго стиха; мы никогда не думали подчинить его подъ правила новѣйшаго стихосложенія, и вполнѣ согласны съ опредѣленіемъ, сдѣланнымъ г. Аксаковымъ; но мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, что стихъ пѣсни длиннѣе стиха сказки, почитая последнюю за ничто иное, какъ за ту же пѣснь, отчасти измѣненную изустнымъ преданіемъ; естественно, что пѣсни долѣе сохраняютъ гармонію и правильность древняго стиха, потому именно, что музыкальная мелодія, требующая размѣра, приходитъ на помощь народной памяти и ограждаетъ стихъ отъ своевольныхъ измѣненій пѣвцовъ. — И не въ этомъ ли смыслѣ должно принимать пословицу: «изъ пѣсни слова не выкинешь»: ясно, что выкинутое слово разрушаетъ стихъ и вредитъ мелодіи. Въ простомъ разсказѣ, напротивъ, желаніе повѣствователя сократить или прибавить лишнее слово, дѣлаетъ то, что гармоническая рѣчь переходитъ въ чистую прозу, напр. въ пѣснѣ:

»Какъ изъ славнаго города изъ Мурома,
 Изъ того села Корочаева
 Какъ была де повѣдка богатырская,
 Наряжался Илья Муромецъ Ивановичъ,« и проч.

Въ сказкѣ же четвертый стихъ не выдержанъ:

Снаряжался *большимъ нарядомъ* Илья Муромецъ.

Въ приведенномъ примѣрѣ сказочной скороговорки, взятомъ г. Аксаковымъ изъ примѣра, приведеннаго мною въ доказательство сказочнаго слога, мы замѣчаемъ, что г. критикъ поступилъ отчасти какъ народный сказочникъ, т. е. вмѣсто: «изъ ноздрей пламя пышетъ» онъ сдѣлалъ ради скороговорки: «изъ ноздрей полыха.»

Подобное измѣненіе тѣмъ болѣе важно, что этотъ стихъ, приведенный г. Аксаковымъ въ примѣръ сказочнаго отрывистаго слога, находится почти слово въ слово въ пѣснѣ объ Алешѣ Поповичѣ, а именно въ сказкѣ:

»А изъ ноздрей пламя пышетъ«, —

Въ пѣснѣ:

»Изъ хайлища пламя пышетъ.« *)

Теперь обращаемся къ различію сказокъ и пѣсень по ихъ содержанию. Въ основу различія сказки и пѣсни г-нъ Аксаковъ беретъ пословицу: «сказка—складка, а пѣсня—быль.» Что же г-нъ Аксаковъ подразумеваетъ здѣсь подъ словомъ *быль*? — Понятно, что подъ *былью* онъ почитаетъ аллегорическій намекъ на событіе, потому что странно было бы считать змѣя Горыныча, Тугарина Змѣевича и Соловья разбойника, сидящаго на дубѣ, за въ самомъ дѣлѣ бывшее; если это аллегорія, то почему принимать подобныя же явленія въ сказкахъ за бессмысленные вымыслы; потому только, что сказка—складка, не допускать въ нихъ аллегорическаго значенія.

Относительно большаго развитія волшебнаго элемента въ сказкахъ, чѣмъ въ пѣсняхъ, мы высказали свое мнѣніе въ нашей статьѣ (на стр. 7). Г-нъ Аксаковъ находитъ въ этомъ волшебствѣ то различіе, что въ сказкахъ, *герой—любимецъ тайныхъ чародѣйныхъ силъ*, тогда какъ въ пѣснѣ, *богатыри русскіе не только не почерпаютъ въ немъ силъ, но постоянно ведутъ съ нимъ бой*; въ доказательство неврѣности этого положенія мы считаемъ достаточнымъ указать на коня Ивана Гостиннаго сына, далеко не враждебнаго Ивану.

Вотъ главные доводы г-на Аксакова. Изъ нихъ—то выводить онъ слѣдующее заключеніе: *повѣствованіе объ Иванѣ царевичѣ, объ Иванѣ крестьянскомъ сынѣ, объ Иванушкѣ дурачкѣ, и пр. есть сказка и слѣдовательно къ пѣснямъ быть отнесена не можетъ. Сказавъ это, мы рѣшительно отделили сказочнаго Ивана отъ всею міра пѣсень.* Слѣдовательно г-нъ Аксаковъ не допускаетъ возможности явленія одного и того же лица въ мірѣ сказокъ и мірѣ пѣсень; конечно всякій читатель воленъ считать разными лицами героевъ въ некоторыхъ сказкахъ и пѣсняхъ (и пѣсень между собою), сходныхъ именами, а не дѣйствіями, какъ въ пѣснѣ и сказкѣ объ Иванѣ Гостинномъ сынѣ, пѣснѣ о Соловьѣ Будимировичѣ и сказкѣ »Соловей

*) Кирша Даниловъ, стр. 183.

сынъ Гостинный Ивановичъ пѣснь о Василисъ Даниловнѣ и въ сказкахъ о Василисъ Премудрой, и даже въ пѣсняхъ о Васильѣ Казимировичѣ и Васильѣ Казнеровичѣ. Но кто же не признаетъ тожества лицъ въ сказкахъ о Добрынь Никитичѣ, Васильѣ Буслаевѣ и Ильѣ Муромцѣ, въ которыхъ имена и содержанія соответствуютъ пѣснямъ. Въ нихъ нѣтъ ни чародѣйственныхъ силъ, покровительствующимъ нашимъ богатырямъ; не происходятъ онѣ въ чужихъ краяхъ, однакожь онѣ сказки, чисто народныя, русскія сказки.

Эти сказки очевидно сокращенія нашихъ пѣсень, но пѣсень не въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ; можно почти положительно сказать, что о каждомъ нашемъ богатырѣ существовалъ когда-то полный эпосъ, отрывки котораго остались у насъ въ былинахъ; съ этаго эпоса составлены наши сказки, почему въ нихъ и встрѣчаются событія, не сохранившіяся въ нашихъ пѣсняхъ: такимъ образомъ сказки указываютъ намъ на нить, связывающую нѣсколько пѣсень въ одно цѣлое повѣствованіе, и на утраченныя мѣста первобытной былины. Вообще г-нъ Аксаковъ желаетъ видѣть въ сказкахъ одно чуждое иноплеменное, что конечно справедливо относительно многихъ народныхъ разсказовъ; но однакожь есть и чисто русскія туземныя сказки; содержаніе ихъ взято изъ пѣсень, изъ которыхъ, не взирая на всѣ искаженія, все таки проглядываетъ гармоническая рѣчь древняго стиха; почему въ изученіи нашей народной поэзіи, пѣсня неразрывно связывается съ сказкою. Такими туземными сказками считаемъ мы не только разсказъ про Илью, Добрыню, и Алешу Поповича, но и преданіе о Иванѣ Царевичѣ, входившее некогда, по нашему мнѣнію, въ область нашихъ эпическихъ былинъ.

Теперь отвѣтимъ вкратцѣ на нѣкоторые частныя замѣчанія критика.

Признаться, мы не понимаемъ, почему г-нъ Аксаковъ, преслѣдуя чужеземный элементъ русскихъ сказокъ, желаетъ лишить Ивана Царевича прозванія богатыря, тогда какъ онъ носить этотъ эпитетъ не только въ заглавіи двухъ приведенныхъ нами сказокъ, но и постоянно называется богатыремъ, какъ въ Иванушкѣ дурачкѣ, такъ и въ Ерусланѣ Лазаревичѣ; что послѣдняя же сказка происходитъ въ чужихъ краяхъ, нисколько не изменяетъ нашего положенія. Конечно, г-нъ критикъ воленъ не признавать сходства между Бурочкой Гостиннаго сына и Сивкой Буркой дурачка, но намъ кажется страннымъ различать ихъ только тѣмъ, что *Вьщя* Бурка сказокъ не говоритъ человѣческимъ голосомъ, какъ конь Ивана Гостиннаго сына, тѣмъ

болѣе, что конь Ивана Царевича одаренъ въ некоторыхъ сказкахъ человѣческимъ голосомъ.

Улановья дѣйствительно встрѣчаются у Татаръ (въ Никовов. лѣт. у Татаръ Казанскихъ), но тѣмъ не менѣе полагаемъ, что Улановья, упомянутые въ пѣснѣ Ивана Годиновича, относятся къ Польшѣ, потому-что возгв «мурзы Улановья» встрѣчаемъ и выраженіе «лановья и Улановья.»

Что касается до 30 молодцовъ Владиміра, то еслибъ г-нъ критикъ потрудился вникнуть въ нашу мысль, то вѣроятно согласился бы съ нами, что всѣ эти Суханы, Самсоны и Святочары — *млена* для насъ совершенно неизвѣстныя.

Аѳросинья Королевична, дочь грознаго царя татарскаго или болгарскаго, сидитъ за тридцать замками булатными, такъ что Дунай принужденъ могучей силой выломать двери и похитить королевичну; все это показываетъ намъ на обычай, существующій и понынѣ на Востокъ, держать женщинъ въ заперти; кто же въ этомъ случаѣ не согласится съ нами и не назоветъ восточной женщины существомъ бѣднымъ и жалкимъ. Прекращаемъ здѣсь наши возраженія; почитаемъ долгомъ благодарить г-на Аксакова за лестный отзывъ и откровенность его, откровенность, подавшую и намъ право указать г-ну критику на нѣкоторые не совершенно справедливые выводы его замчаній; это взаимная обязанность людей, для которыхъ занимательны вопросы науки, какъ замѣтилъ самъ авторъ.

Д. ШЕШИНЪ.

С Ж Ъ С Ъ.

КАЛЕНДАРЬ XVIII СТОЛѢТІЯ ВЪ ГЕРМАНИИ.

Нѣмецкіе календари XVIII столѣтія рѣзко раздѣляются, и по времени и по характеру своему, на два разряда. Календари перваго разряда простираются почти до восьмидесятихъ годовъ. Эти календари можно было называть простонародною исторіею, потому что въ ихъ мѣсячныхъ таблицахъ предсказывались судьбы будущаго года, а въ текстѣ, противъ этихъ таблицъ, находился краткій историческій очеркъ происшествій предыдущаго года. Съ восьмидесятихъ годовъ стремленіе къ высшему образованію производитъ совершенный переворотъ въ составѣ календарей: вмѣсто историческихъ очерковъ страницы ихъ наполняются нравоучительными анекдотами и полезными наставленіями; астрологическіе знаки и стихи, правила предугадывать погоду и выбирать время для различныхъ предпріятій, замѣняются нравственными пословицами и поговорками. До того времени составитель календаря находился среди самаго народа, какъ герольдъ его суевѣрій; — онъ былъ народнымъ прорикателемъ, онъ былъ исторіографомъ народа. Теперь составитель календаря стоитъ выше толпы: онъ дѣлается привилегированнымъ народнымъ учителемъ (Schulmeister). Поэтому прежде былъ извѣстенъ только одинъ календарь, потому что весь народъ одинаковъ; а теперь является безчисленное множество календарей, потому что каждый литераторъ приправляетъ свой календарь собственными произведеніями.

Составители старыхъ календарей дѣйствительно принадлежали, по большей части, къ высѣвкамъ или дрожжамъ, если можно такъ выразиться, тогдашняго пишущаго міра, но въ то же время они имѣли большое вліяніе, на тогдашнее общество. Еще въ первой половинѣ XVIII столѣтія составитель календаря считался таинственнымъ лицомъ, чародѣемъ и повелителемъ нечистой силы. Эти люди, составлявшіе

особенную корпорацію литературной черпн, можно сказать, были послѣдними прорицателями (Scher) Германскаго народа.

Когда древнее поэтическое народное вѣрованіе перестало согласоваться съ тощимъ вкусомъ образованнаго общества XVIII столѣтія и лишилось права гражданства въ ученыхъ сочиненіяхъ, въ то время оно находило еще для себя послѣднее убѣжище въ стѣнхъ страницъ календаря.

На какомъ основаніи мудрыя жены временъ *Ариовиста* запрещали Германцамъ начинать сраженіе прежде новолунія, на томъ же самомъ основаніи, за сто лѣтъ назадъ, магистеръ *Гаунъ*, составитель календаря, предписывалъ нѣмецкимъ мужичкамъ, подъ страхомъ смерти, не принимать слабительнаго и вообще не лечиться до наступленія новолунія: потому что прибывающій мѣсяцъ привоситъ полноту и здоровье, а убывающій означаетъ разрушеніе и гибель. Въ старыхъ календаряхъ, въ которыхъ въ систематическомъ порядкѣ предлагаемы были правила выбора времени для различныхъ занятій и предпріятій, всѣ положительныя работы (какъ напр. сѣяніе, сажаніе, и т. д.), предпочтительно относимы были къ періодамъ прибывающаго мѣсяца, а отрицательныя (рубка деревьевъ, стрижка волосъ и т. д.) къ періодамъ убывающаго мѣсяца.

Въ то время составитель календаря выдавалъ себя предъ своею публикою истолкователемъ тайныхъ силъ природы и объяснителемъ мировыхъ законовъ. И какъ древніе германскіе прорицатели непременно должны были имѣть или публичную должность жреца, или по крайней мѣрѣ частное званіе отца семейства, такъ точно составители старыхъ календарей не ставили на заглавномъ листѣ своего имени, не прибавивши къ нему какого-либо звучнаго ученаго предиката. Кто не могъ присвоить себѣ публичной ученой степени: *Artium liberalium Magister*, тотъ придумывалъ для себя особенныя частныя наименованія, означающія даръ провидѣнія «въ силу и смысла всего дѣйствующаго», такъ напр. Маркусъ Фрейндъ, *Miraculorum Dei amator*; или Христофъ Адельсгеймъ, *Art. mathem. cultor strenuus*. А кто не хотѣлъ пускать латинскую пыль въ глаза, тотъ подписывался на своемъ чествѣннѣ природномъ языкѣ, напр., въ слѣдующемъ родѣ: Якобъ Гольдербушъ, *любитель божественной истины*.

И дѣйствительно необходимо было имѣть особенныя свѣденія для того, чтобы съ надлежащею ловкостію приложить къ дѣлу послѣднія воспоминанія астрологін, гадательнаго искусства и черной магіи, которыхъ разумѣніе въ это время отражалось только въ видѣ слабого су-

мрачнаго свѣта. Пестрая сѣть системы и произвола, мистическихъ преданій и умозрительныхъ выводовъ, сообщаетъ календарю XVIII столѣтія особенный интересъ, дѣлая его памятникомъ отживающаго свой вѣкъ народнаго суевѣрія. Такъ напр. въ таблицахъ, объясняющихъ, какое предсказаніе можно сдѣлать по цвѣту крови, выходящей во время кровопусканія, удивительнымъ образомъ перемѣшиваются старыя суевѣрныя убѣжденія съ правильными выводами изъ тщательныхъ физиологическихъ наблюденій; а въ такъ называемомъ «*Aderlass männlein*» (рудометъ) и въ таблицѣ, показывающей дни, въ которые полезно или вредно отворять кровь, удержано самое древнее символическое и астрологическое правило (*Erwählung*) во всей полнотѣ его. Эта таблица расположена по видоизмѣненіямъ луны; дни считаются отъ новолунія, и каждый изъ тридцати дней луннаго періода имѣетъ свое постоянное, опредѣленное значеніе, которое для всѣхъ мѣсяцовъ одинаково. Такъ, напр., кто отворитъ кровь въ седьмой день послѣ новолунія, у того будутъ болѣть глаза; кто въ четвертый, тотъ умретъ скоростижно; кто въ 25-й, тотъ сдѣлается умнѣе и предусмотрительнѣе, и т. д. Весьма замѣчательно, что эта таблица весьма долго сохраняла свое мѣсто въ календаряхъ, такъ что она встрѣчается даже во многихъ календаряхъ XIX столѣтія. Всего страннѣе и смѣшнѣе то обстоятельство въ календаряхъ, вышедшихъ въ первое десятилѣтіе послѣ означеннаго нами переворота, что въ текстѣ напечатаны самыя сильныя и рѣзкія проповѣди противъ суевѣрія, а параллельно съ ними въ мѣсячныхъ таблицахъ противъ каждаго дня удержанъ цѣликомъ весь *фокусъ-покусъ* черной магіи, т. е. всѣ правила предсказанія и выбора времени для различныхъ занятій; сверхъ того на заглавномъ листѣ выставлено астрологическое объясненіе различныхъ созвѣздій, а на послѣдней страницѣ таблица кровопусканія. Это напоминаетъ извѣстный анекдотъ объ одномъ кораблѣ, отправляющемся въ Индію, на которомъ въ пассажирской каютѣ находились англійскіе миссіонеры, а въ товарномъ отдѣленіи истуканы англійской фабрикаціи.

Ежегодное печатаніе въ календаряхъ XVIII столѣтія таблицы кровопусканія замѣчательно еще и потому, что она разсчитана на такой образъ жизни; котораго въ это время уже и слѣдовъ не было. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ было въ обычаѣ даже и между простымъ народомъ предохранять себя отъ всякихъ болѣзней періодическими кровопусканіями, при здоровомъ состояніи тѣла. Для кровопусканія, въ различномъ видѣ, собирались тогда въ циркульныхъ обществахъ точно такъ, какъ въ наше время собираются въ трактирахъ и тавернахъ для пре-

провожденія времени между кружкою пива и трубкою табаку. Между книгами тогдашней простонародной литературы встрѣчается множество (лубочныхъ) картинокъ, представляющихъ различныя комическія сцены въ цирюльняхъ; не смотря на это однакожь, простой народъ продолжалъ считать необходимою принадлежностію календаря и обыкновенное правило выбора времени для различныхъ занятій и пресловутую таблицу кровопусканія, хотя ни тѣмъ ни другимъ никогда не пользовался!

Въ описаніи планетъ, *ихъ свойствъ и значенія, равно какъ ихъ естественныхъ наклонностей*, перешли въ просвѣщенный XVIII вѣкъ послѣдніе отголоски древняго глубоко-поэтического воззрѣнія. Впрочемъ новая философская школа, т. е. школа натуръ-философовъ, опредѣляетъ качества планетъ точно такъ же, какъ за полтора столѣтія опредѣлялъ ихъ старинный календарь. Каждой планетѣ въ этихъ календаряхъ приписывается свой особенный характеръ: Сатурнъ холоденъ и сухъ; Юпитеръ тепелъ и влаженъ; Марсъ жарокъ и сухъ; Венера влажна и тепла; Меркурій тепелъ и сухъ. Къ этому прибавить надобно: солнце жарко и сухо, а луна холодна и влажна. Мысль о различныхъ температурахъ свѣтилъ небесныхъ ни мало не произвольна; она получила свое начало еще въ языческія времена Германіи. Въ одной Сагѣ изъ *графства Маркъ* предоставляется выборъ подданному, провинившемуся передъ своимъ господиномъ, или сгорѣть на солнцѣ, или замерзнуть на лунѣ. Онъ предпочитаетъ послѣднее, и ссылается на холодную луну.

По знакамъ Зодіака, характеризующимъ каждый мѣсяць, предсказывается характеръ раждающихся въ томъ или другомъ мѣсяцѣ; по положенію планетъ въ различныхъ созвѣздіяхъ — общее состояніе здоровья въ будущемъ году. Состояніе погоды, равно какъ и положеніе государственныхъ дѣлъ, разсчитывается одинаково по видоизмѣненіямъ (э-замъ) луны. Такая смѣсь политики съ погодою представляетъ по крайней мѣрѣ юмористическую истину. Предсказанія политическія болѣею частью отличаются дельфійскою двусмысленностію: они представляются въ видѣ аллегорическихъ загадокъ, относящихся къ гербамъ различныхъ государствъ. Это послѣднее, безъ сомнѣнія, перешло изъ XVII столѣтія, въ которомъ политическія аллегоріи были въ ходу между простымъ народомъ. На летучихъ листкахъ, дошедшихъ до насъ отъ этого времени, почти всегда скрывается политическая сатира въ приложенныхъ къ нимъ картинкахъ. Слѣдовательно и эти картинки наши по-слѣднее убѣжище для себя въ календаряхъ, какъ и вообще самый летучій листокъ семнадцатаго столѣтія переродился частью въ газеты, а частью въ календари восемнадцатаго вѣка. Въ наше время наконецъ

журналистика сдѣлалась послѣднею побѣдительницею: она поглотила въ себя всю политическую часть календарей.

Совершенно оригинальны были въ старыхъ календаряхъ *описанія грозъ*. Предсказываніе всѣхъ грозъ въ наступающемъ году, и толкованіе сопровождающихъ и послѣдующихъ имъ обстоятельствъ также ведутъ свое начало отъ языческихъ временъ Германіи, когда гроза обоготворяема была въ видѣ краснородаго Доннара (громовержца), который считался самымъ высшимъ божествомъ, покровителемъ земледѣлія. Календарь, въ которомъ по крайней мѣрѣ черезъ день для лѣтнихъ мѣсяцовъ не предсказывалась гроза, за полтора ста лѣтъ предъ симъ не считался настоящимъ (*ächt*) календаремъ. Въ настоящее время громовые отводы и страховыя отъ огня общества весьма много содѣйствуютъ къ тому, чтобы самое закоренѣлое вѣрованіе въ грозу какъ можно скорѣе и совершеннѣе искоренилось.

Для бѣлываго эффекта, заглавіе календарей должно было отзвучивать или войною и ужасомъ, какъ напр. въ Нюрнбергскомъ: «Kriegs, Mord- und Tod, Jammer- und Noth-Kalender», или таинственностію, какъ напр. «Die Klugen Sibyllen, ein Zeit- und Wunder-Kalender», или «die neuen Schwedischen Glücks- und Unglückssterne», и т. д. Въ такъ называемыхъ турецкихъ календаряхъ (*Türkenkalender*), которые въ свое время особенно были любимы, и во свѣтъ и на яву фантазія нѣмецкаго народа, который съ незапамятныхъ временъ и спалъ и видѣлъ, что съ востока нагрянетъ новая орда варваровъ и превратитъ въ развалины весь тогдашній образованный міръ, находила для себя возбуждающую и вмѣстѣ съ тѣмъ пресыщающую пищу въ неслыханныхъ ужасахъ и кровавыхъ исторіяхъ, относящихся къ турецкимъ войнамъ. Простой народъ имѣлъ тогда еще очень крѣпкія нервы; чтобы потрясти ихъ, надобно было употреблять сильныя средства. Календарь съ веселымъ, простодушнымъ направлениемъ, безъ разсказовъ объ ужасахъ войны и убійства, сравнивали тогда съ несоленнымъ супомъ. На заглавныхъ картинкахъ непременно должно было находиться солнечное затмѣніе и комета съ предлиннымъ хвостомъ; страшный свѣтъ ея долженъ былъ освѣщать на переднемъ планѣ какое-нибудь кровопролитное сраженіе на сушѣ, а на заднемъ морское сраженіе, на правой сторонѣ какой-нибудь городъ, пожираемый пламенемъ, а на лѣвой взлетѣвшій на воздухъ корабль.

Картинки въ нѣмецкихъ календаряхъ первыхъ двухъ третей XVII столѣтія были вообще чрезвычайно грубы, дѣтски и безсмысленны. Въ послѣднія десятилѣтія, напротивъ того, и въ эту сферу проникаетъ нѣкоторое вліяніе *Ходовицкаго*, который какъ будто шлоцъ

изобрѣлъ искусство рисовать и вырѣзывать на деревѣ характеристическіи фигуры съ выразительными фізіономіями въ весьма маломъ масштабѣ. Чѣмъ болѣе текстъ терялъ свою странную оригинальность, тѣмъ лучше дѣлались картинки. *Ходовицкій* дѣйствительно образовалъ особенный народный стиль, и потому его посредственное вліаніе простерлось даже и до календарей. Неутомимый преемникъ его *Геррихъ Ромбергъ*, который впоследствии долгое время снималъ подрядъ на приготовленіе картинокъ во всѣ альманахи, и чрезъ то получилъ какое-то особенное значеніе въ исторіи нѣмецкой литературы, не принималъ народного стиля, созданнаго *Ходовицкимъ*, но приравливался, съ особенною лестію, какъ въ выборѣ предметовъ, такъ и въ изображеніи ихъ, къ гладкимъ и безхарактернымъ манерамъ тогдашняго высшаго общества. Въ это печальное время Наполеонова владычества, въ которое *Ромбергъ* составилъ себѣ огромную извѣстность расплодившимися альманахами, настоящая простонародная литература въ Германіи почти совсѣмъ вымерла; изъ того богатства картинъ, которыми украшаемы были легіоны альманаховъ, ни одного плодотворнаго зародыша не выпало въ переродившіеся календари. Когда въ новѣйшее время снова начали украшать простонародныя книги картинками, — такъ по крайней мѣрѣ, чтобы онѣ образованному чело-вѣку казались сообразными съ народнымъ духомъ, — въ то время нѣмецкимъ рисовальщикамъ ничего нельзя было заимствовать изъ непосредственно предшествующаго періода; они по неводѣ должны были обратиться къ произведеніямъ *Дюрера*, *Гольбейна*, *Краниха*, и даже къ произведеніямъ, дошедшимъ до насъ изъ среднихъ вѣковъ; прекрасные рисунки по краямъ страницъ, т. е. бордюры, которыми теперь не рѣдко изукрашены бывають нѣмецкіе календари, болѣею частью выкрадены изъ дорогихъ миниатюрныхъ изданій кодексовъ среднихъ вѣковъ.

По изысканной негодности бумаги и печати календари первой половины прошедшаго столѣтія можно теперь назвать типографскою рѣдкостію. Когда за двѣсти и болѣе лѣтъ передъ симъ литература пришла въ совершенный упадокъ, въ то время и бумага и печать сдѣлались въ такой же степени никуда не годными. Вообще надобно замѣтить, что знакомъ внутренней пустоты общаго нашего образованія во время владычества пудры было не только то, что посыліе объ искусствѣ извратилось, но и то, что художники стали употреблять самыя непрочныя и плохіе матеріалы для своихъ произведеній. Живописцы стали писать не только маперно, но и худыми красками; они уве-

требляла непрочное полотно даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда бы надобно было писать на деревѣ или на мѣди. Не только въ архитектурномъ отношеніи, но и въ самомъ производствѣ всѣхъ вообще работъ, стали строить весьма плохо. Сообразно съ этимъ въ концѣ XVII столѣтія и послѣ печатали несравненно хуже, чѣмъ въ XVI вѣкѣ, такъ что типографское искусство начало свой новый блестящій періодъ не ранѣе, какъ со времени Лессинга и Гёте, со времени возрожденія литературы.

Старый календарь становился вполне необходимою книгою простаго народа именно вслѣдствіе непрерывнаго изложенія современной исторіи. Подобно тому, какъ теперь у насъ есть ежедневныя и еженедѣльными газеты и мѣсячныя журналы, точно такъ въ прежнее время календарь былъ ежегодною газетою для простаго народа. Календарь XVIII столѣтія своимъ историко-политическимъ отдѣломъ заступалъ мѣсто теперешней провинціальной журналистики. Простой народъ доводствовался тѣмъ, что узнавалъ о событіяхъ въ политическомъ мірѣ черезъ годъ послѣ того, какъ они совершились. Это обстоятельство совершенно согласовалось съ характеромъ тогдашняго времени. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь въ нашихъ газетахъ печатаются характеристическіе девизы, какъ напримѣръ *Mit Gott für König und Vaterland*, летучій листокъ подъ названіемъ *Reichspostreiter* печаталъ въ то время весьма цѣпно слѣдующій эпиграфъ: *Relata refero*, означающій почти то же, чтó: *старое повторяю или извѣстное сообщая*. Образъ изложенія современной исторіи въ старыхъ календаряхъ чрезвычайно оригиналенъ и весьма живо характеризуетъ тогдашнюю политическую наивность Нѣмецкаго народа. Когда опустошительныя дѣйствія второй силезской войны простерлись до Богеміи, составитель календаря не могъ при этомъ не прибавить слѣдующаго замѣчанія: «богемскіе фазаны, къ сожалѣнію, стали очень рѣдко появляться въ это время на нѣмецкихъ кухняхъ, потому что прусскіе гусары не слишкомъ вѣжливо обращались съ этою благородною дичью». Картинки, приложенныя при подробныхъ описаніяхъ различныхъ торжествъ по случаю коронацій, бракосочетаній и похоронъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ особъ, составляютъ классическое изображеніе нравовъ тогдашняго времени. При заключеніи губертбургскаго мира составитель календаря оставляетъ въ сторонѣ всѣ разсужденія о политическомъ значеніи этого всемірно-историческаго событія, какъ будто бы это было самое обыкновенное происшествіе, и занимается только подробнымъ описаніемъ той процессіи, которая происходила

въ Берлинѣ по случаю возвѣщенія этого мира народу государственными герольдомъ; между прочимъ его занимаетъ особенно то, что герольды имѣли на головѣ римскій шлемъ, одѣты были въ латы съ наброшеною на нихъ тигровою кожею, въ короткіе панталоны, и, какъ онъ буквально замѣчаетъ, въ чистые (saubere) бѣлые чулки.

Къ концу XVIII столѣтія, какъ замѣчено выше, историческіе обзоры въ календаряхъ замѣняются анекдотами. Послѣ того газеты вытѣсняютъ и самый календарь изъ всеобщаго употребленія, такъ что онъ постепенно пересталъ быть необходимою настольною и хозяйственною книгою. Кромѣ астрономической части, содержаніе календаря сдѣлалось совершенно случайнымъ, а прежде оно было постояннымъ, необходимымъ. Простой народъ въ то время гораздо лучше и яснѣе понималъ календарь, не смотря на то, что онъ былъ гораздо сложнѣе и запутаннѣе теперешняго.

Библия, Книга пѣснопѣній (Gesangbuch) и календарь некогда составляли дѣйствительно три исключительно-необходимыя настольныя книги пѣменкаго простаго народа; календарь содержалъ для него всю свѣтскую мудрость, точно такъ, какъ Библия и Книга пѣснопѣній всю мудрость духовную. Но теперь календарь лишился того всеобщаго значенія, какимъ пользовался онъ прежде въ дѣлѣ народнаго образованія. Теперь дѣлаютъ только литературные опыты въ составленіи календарей, точно такъ, какъ уже были такіе же опыты и относительно Книги пѣснопѣній. Черезъ это самое объ эти книги перестаютъ быть исключительно необходимыми настольными книгами.

(Изъ Allg. Zeit.)

ХЕЛГОЛАНДСКАЯ ДѢВУШКА.

Тамъ, на сѣверѣ, гдѣ Великобританія, Данія и Германія омываются Нѣмецкимъ моремъ, возвышается изъ воды огромная, единственная въ своемъ родѣ скала — это островъ Хелголандъ. Со временемъ, быть можетъ, эта замѣчательная земля совсѣмъ исчезнетъ, потому что морскія волны отмыываютъ отъ него большія глыбы земли, изъ которыхъ нѣкоторыя еще выступаютъ изъ воды. Съ чѣмъ сравнить мнѣ Хелголандъ, эту чудную скалу, которая хотя и борется съ вѣтромъ и непогодю, но разрушается и уменьшается отъ морскихъ волнъ. Это образъ челоуѣка, который выступаетъ отважно въ борьбу съ судьбою, но наконецъ изнемогаетъ; удары роковыхъ водъ слишкомъ сильны,

онъ смиряется, и съ терпѣніемъ переноситъ то, что назначено ему судьбою.

Благоговѣніе наполняетъ душу, когда въ звѣздную ночь, при свѣтѣ луны, который увеличиваетъ предметы и придаетъ имъ гигантскіе размѣры, протѣжаешь мимо группы этихъ скалъ. Тогда невольно чувствуешь себя такимъ малымъ и ничтожнымъ; но когда тихое море начинаетъ колыхаться и маленькія волны слегка качаютъ лодку, тогда какое-то молитвенное чувство проникаетъ въ душу. Ощущаешь и восторгъ и сокрушеніе, и радость и грусть. Предчувствія смерти возникаютъ въ душѣ, но это сладостныя предчувствія; душѣ сдается, что смерть должна быть сладка въ этихъ свѣтлыхъ, убаюкивающихъ волнахъ....

Простой, честный и веселый народъ живетъ въ Хелголандѣ. Ему чужды воровство и обманъ. Преданіе говоритъ, что Хелголандъ и Фрисландъ составляли некогда одно цѣлое, и что въ одну ночь море разторгло ихъ, но нравъ и свойства обитателей остались одинаковы.

Жители всѣ моряки и рыбаки, море ихъ стихія, и потому они всегда заняты рыбною ловлею и сѣтями, или въ зрительную трубку наблюдаютъ за кораблемъ, которому могъ бы понадобиться лопманъ. Часто они, скрестивъ руки и ноги и прислонившись къ столбу, бессмысленно смотрятъ на воду. Большая часть изъ нихъ никогда не покидала своей родины, и они очень были бы удивлены, если бы увидѣли нашу лошадь; а что подумали бы они, еслибъ случилось имъ увидать испанскаго коня новѣйшихъ временъ — локомотивъ, фыркающій огнемъ и дымомъ? Шехеразада изъ «Тысячи одной ночи» не могла бы рассказать ничего чудеснаго этого своему повелителю. Они, какъ Робинзонъ на своемъ островѣ, оставались бы всегда одни, если бы осень не приносила имъ разнообразія. Тогда устремляются сюда любящіе развлеченіе и страждущіе какою-нибудь болѣзнію, потому что здѣшнее купанье посѣщается болѣе всѣхъ сѣверныхъ морскихъ купаній.

Быль августъ. Солнце, долго скрывавшееся за облаками, ясно склонилось за небосклонъ, и голубовато-зеленая вода покрылась розовымъ свѣтомъ отъ вечерняго заката. На вершинѣ одной скалы, которая далеко вдается въ море, сидѣла молодая чета. Все было тихо вокругъ, и по временамъ только снизу изъ челноковъ едва внятно долетала къ нимъ веселая пѣсня рыбака.

— Ты еще сердись, Андрей? — сказала дѣвушка, маленькая хорошенькая брюнетка съ черными блестящими глазами. — Не сердись, мой

милой, продолжала она, ласково потрепавъ его по щекѣ своею маленькою ручкою.

— Я прощаю тебѣ, Нанни! — сказалъ молодой человекъ, и нѣжно взглянулъ на нее большими черными глазами, — но ты ужь не ходи на балъ, гдѣ баронъ такъ много съ тобою танцуетъ; общаешь ли ты мнѣ это?

Это было большою жертвою для Нанни; она такъ любила танцовать, но все-таки общалась, чего онъ требовалъ. Тутъ молодой человекъ радостно обнялъ свою любезную, и оба встали, чтобы идти домой, потому что сдѣлалось темно. На перекресткѣ они разстались, пожелавъ другъ другу доброй ночи, и каждый пошелъ къ своему жилищу, Нанни весело, пѣвшая народную пѣсенку, а Андрей медленно и задумчиво.

Купающіеся часто составляли маленькіе танцевальныя вечера въ общей залѣ, на которые всегда приглашались всѣ хорошенькія танцующія дѣвицы Хелгоганда. Это были тѣ балы, о которыхъ говорилъ Андрей, а баронъ, котораго онъ приревновалъ къ своей милой, былъ красивый, блѣдный молодой человекъ, и назывался барономъ Квендель. Онъ на этихъ вечерахъ познакомился съ Нанни, танцевалъ съ нею, и наконецъ влюбился въ эту хорошенькую свѣженькую дѣвушку съ блестящими глазами.

Нанни вчера была на балу въ бѣломъ прозрачномъ платьѣ и съ розою въ волосахъ, и никогда еще баронъ не говорилъ ей такъ много комплиментовъ, какъ въ тотъ вечеръ.

Андрей, стоя за окномъ, смотрѣлъ въ освѣщенную залу. Онъ видѣлъ, какъ всѣ кружились въ танцахъ, и между ними и Нанни подъ руку съ барономъ, какъ глаза обоихъ горѣли, какъ щеки ихъ пылали, какъ баронъ во время танцевъ все ближе прижималъ къ себѣ Нанни; и когда музыка умолкала на мигу, и Нанни съ барономъ отступала въ углубленіе окна, онъ могъ даже слышать всѣ льстивыя слова, которыми баронъ нашептывалъ своей дамѣ. Андрей подсматрѣлъ все это. Они не могли его видѣть въ ночной темнотѣ, которая окружала его, когда онъ только не слишкомъ приближался къ окну. Танцы кончились. Баронъ повелъ Нанни въ соседнюю комнату, чтобы подать ей салопъ при выходѣ. При этомъ онъ быстро, и думая никому не быть замѣченнымъ, напечатлѣлъ поцѣлуй на ея раскраснѣвшей отъ танцевъ щекѣ. Андрей все это видѣлъ. Онъ опять стоялъ у окна этой соседней комнаты. Не помня себя отъ ревности, онъ сжалъ кулакъ, и стекла, зазвенѣвъ, посыпались на полъ. Тогда онъ поспѣшно удалился. Виповные съ испугомъ отскочили другъ отъ друга, прочіе посѣтители

собрались все вокругъ окна и осматривали разбитыя стекла, какъ вещь необычную. Нѣкоторые рыбаки, суевѣрные отъ природы, привлеченные шумомъ, говорили, что это пролетѣлъ морской духъ.

Въ началѣ нашей повѣсти, мы слышали, какъ Андрей дѣлалъ своей невѣстѣ (она уже была его невѣстою по желанію ихъ родителей) справедливыя упреки на счетъ ея вчерашняго повеленія, и какъ эта сцена кончилась примиреніемъ и обѣщаніемъ Нанни не посѣщать болѣе бзловъ. И Нанни сдержала слово : ея болѣе не видали въ танцевальной залѣ.

Но вѣрность ея претерпѣла крушеніе у другой скалы. Все спѣшило къ лодкамъ, чтобы насладиться давно-ожидаемымъ плаваньемъ вокругъ острова, и чтобы съ моря видѣть величественное освѣщеніе гротовъ. Нанни шла вдоль берега, и была погружена въ глубокую задумчивость. Думала ли она о баронѣ, котораго давно не видала, или объ Андрее? точно ли любила она его? Невольное чувство, которому она не въ силахъ была противиться, влекло ее къ барону, но вмѣстѣ съ тѣмъ любила она и Андрея: вѣдь онъ былъ товарищемъ ея дѣтскихъ лѣтъ, а теперь назначенъ ей въ женихи по волѣ ихъ родителей; а когда хелголандскіе родители скажутъ : «вы должны принадлежать другъ другу», тогда молодые люди принимаютъ это, какъ назначеніе самаго неба, а съ бракомъ приходитъ и любовь.

Нанни все болѣе углублялась въ думу, и не замѣтила совсѣмъ, какъ къ тому мѣсту, гдѣ она теперь стояла, приблизилась лодка. Она причалила къ берегу, и изъ нея выпрыгнулъ баронъ Квендель.

— Прелестная Нанни ! какъ я счастливъ, что наконецъ опять васъ вижу! гдѣ вы были это время? васъ нигдѣ не было видно. Но теперь, — продолжалъ онъ, не дожидаясь отвѣта, — вы отъ меня такъ скоро не уйдете. Мы немного прогуляемся по морю, и вмѣстѣ полюбуемся освѣщеніемъ гротовъ. Но поспѣшимъ, все ужъ туда поѣхали. — Съ этими словами онъ указалъ на множество лодокъ, наполненныхъ людьми, которыя съ другой стороны отчаливали отъ берега.

— Я не смѣю, — сказала Нанни, — маменька будетъ сердиться. (Что у ней есть женихъ, она конечно не хотѣла ему сказать). Притомъ ужъ поздно !

— Ничего, — возразилъ баронъ, — ваша маменька этого не узнаетъ. Черезъ полчаса вы опять вернетесь. Поломайте немного свою хорошенькую головку, и вы легко найдете предлогъ къ оправданію.

— Правда, — подумала Нанни, — да и Андрей ничего объ этомъ не узнаетъ, и много черезъ часъ и буду дома.

Сказано, сдѣлано. Баронъ посадилъ ее въ лодку, и они какъ стрѣла понеслись по водѣ.

Теперь Нанни начала рассказываться, но когда она опять увидѣла себя рядомъ съ молодымъ прекраснымъ барономъ, который съ удивительною легкостію управлялъ весломъ и нашептывалъ ей слова любви, тогда она забыла все.

Вечеръ былъ прекрасенъ. Море сверкало фосфорическимъ сіяніемъ, когда по немъ ударили веслами; мѣсяцъ, огненнымъ щитомъ, поднимался изъ волнъ, и вечерняя звѣзда пріветствовала его радостнымъ свѣтомъ. Поэтическая душа или поэтъ здѣсь бы замечтались. Баронъ и Нанни все разговаривали вполголоса. Скоро они настигли у гротовъ и прочія лодки съ посѣтителями. Какъ хороши были гроты, лучше чѣмъ когда-либо! въ этомъ Нанни должна была сознаться. Въ ярко освѣщенныхъ гротахъ боролись великаны и морскіе духи; тамъ Вулканъ ковалъ съ своими циклопами, а здѣсь танцевалъ рой морскихъ нимфъ. Море съ пѣной плескалось о скалы и глубоко вдалѣ вливалось въ гроты.

Было поздно. Всѣ отправились въ обратный путь, и баронъ повернулъ свою лодку, но вмѣсто того, чтобъ ѣхать обратно, какъ Нанни прежде думала, онъ плылъ все далѣе въ море.

— Ради Бога! куда везете вы меня, господня баронъ! — вскричала Нанни, замѣтивъ это, — мнѣ вѣдь пора домой.

— Мнѣ надо тебѣ кое-что сказать, душа моя! — возразилъ баронъ, и оставивъ руль, придвинулся ближе къ Нанни. — Я люблю тебя, милая моя Нанни! — сказалъ онъ, обвивъ ее рукою, — я люблю тебя, — повторилъ онъ страстнымъ голосомъ, — любишь ли и ты меня?

— Я думаю, — едва внятно проговорила Нанни, и прижалась къ его плечу.

— Ты думаешь! — вскричалъ онъ съ восторгомъ, и осыпалъ ее пламенными поцѣлуями. Въ эту минуту мимо нихъ пролетѣлъ челнокъ, въ которомъ сидѣли два челоука, закутанные въ широкіе плащи; они уже давно въ нѣкоторомъ отдаленіи преслѣдовали влюбленныхъ. Старшій изъ двухъ мужчинъ, высокій, крѣпкій старикъ съ длинными бѣлыми волосами и бородою и съ блѣдными строгими чертами лица, которымъ луна придавала фантастическое выраженіе, стоялъ въ лодкѣ, а младшій управлялъ рулемъ. Теперь онъ вскочилъ, и съ угрожающимъ движеніемъ хотѣлъ броситься на другую лодку, но товарищъ остановилъ его, могучей рукою ухватилъ руль, — и челнъ съ двумя незнакомцами

исчезъ. Однакожь сердитый взглядъ молодаго человѣка глубоко проникъ въ душу Нанни.

— Это мой отецъ, мой женихъ! они меня узнали! — вскричала она внѣ себя, и безъ чувствъ упала на дно лодки.

Когда она пришла въ себя, она лежала на своей кровати. Мать съ заботливостію наклонилась надъ нею и прислушивалась къ ея дыханію.

— Успокойся, дитя мое! — сказала мать, — не тревожься, ты у меня.

Внизу въ комнатѣ сидѣлъ Шварцъ, отецъ Нанни, строгій, серьезный старикъ, у котораго ни одна черта никогда не обличала внутренняго волненія. Семдесятъ лѣтъ хотя посеребрили его волосы, но онъ ходилъ прямо и былъ сиденъ и крѣпокъ. Голова, покрытая черной бархатной шапочкой, опиралась на руку, и большіе голубые глаза были пристально устремлены на какой-то предметъ. Нанни съ матерью вошли въ комнату.

— Добраго утра, батюшка! — сказала Нанни робкимъ и тихимъ голосомъ.

— Здравствуй, дочь моя! — сказалъ старикъ; потомъ всѣ трое сѣли за завтракъ.

Нанни ожидала, что отецъ начнетъ дѣлать ей выговоръ за вчерашній поступокъ, и что онъ сердится на нее, потому что ей очень хорошо была извѣстна его строгость. Но какъ ничего этого не было, и старикъ Шварцъ молча, какъ обыкновенно, сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, то Нанни почти увѣрилась, что все это былъ только страшный сонъ.

— Другъ мой! — прервавъ наконецъ молчаніе, сказала жена сго, — ты забылъ полить свои цвѣты, какъ ты всегда это дѣлаешь до солнечнаго зноя. Посмотри-ка, какъ они повѣсили головки, а твоя любимая роза, — ахъ, какая жалость! она, кажется, совсѣмъ завяла и засохла.

— Оставь это, — возразилъ ея мужъ, — цвѣты опять оправятся, но роза, — прибавилъ онъ, показавъ головою, конечно не поправится: она падломлена и засохла!

Эти слова какъ электрической ударъ поразили Нанни. Отецъ часто говорилъ въ притчахъ; была ли это теперь случайность? — Она встала и шатаясь пошла къ двери, мать поспѣшно послѣдовала за нею со слезами на глазахъ.

Андрей на другой же день послѣ той ночи, которая похитила у него всю надежду на счастье, отправился на англійскомъ кораблѣ далеко, далеко.

Въ одно сентябрьское утро, — туманъ лежалъ на водѣ, холодныя осеннія вѣтры быстро мчали тучи, и море еще высоко вздымалось отъ вчерашней бури, — рыбаки отвезли въ лодкахъ большую часть посетителей купаній къ пароходу, готовому отплыть въ Гамбургъ. На берегу между моряками стоялъ баронъ Квендель съ пасмурнымъ лицомъ. Онъ получилъ письма, которыя его не медля призывали въ отечество. Старикъ Шварцъ только что ушелъ отъ него.

— Вамъ нельзя отправиться, сударь, — сказалъ онъ спокойно, — пока вы не женитесь на моей дочери. Вѣрите мнѣ, ни одинъ морякъ не отвезетъ васъ къ пароходу, потому что имъ всѣмъ извѣстенъ позоръ, которымъ вы покрыли меня, а вмѣстѣ и ихъ — моихъ собратій.

Баронъ далъ волю говорить старику, и только удостоилъ его презрительной улыбкою; потомъ съ досадою пошелъ къ берегу. Тутъ онъ стоялъ между моряками и предлагалъ большую сумму тому, кто перевезетъ его къ пароходу, но все было напрасно; моряки ему въ отвѣтъ отрицательно качали головою.

— Вы должны прежде жениться на дочери Шварца, — говорили они.

Что дѣлать! баронъ долженъ былъ терпѣливо дожидаться другаго парохода.

Спустя нѣсколько дней, отплывалъ послѣдній пароходъ съ лѣтними посетителями Хелголанда. Баронъ Квендель стоялъ на палубѣ, подлѣ него была Нанни, его молоденькая жена, которая то прижимала платокъ къ глазамъ, то махала имъ стоящимъ на берегу. Множество народа, махая шляпами, отвѣчало ей съ берега — это было послѣднее прощанье Хелголандцевъ. Отецъ Нанни былъ также между ними, а мать ея стояла отъ всѣхъ въ нѣкоторомъ разстояніи и горько плакала.

Мы встрѣчаемъ опять Нанни въ Д. Для нея въ первое время были приглашены всѣ возможные артисты и учителя, чтобы образовать это дитя природы для ея новаго званія. Прекрасная Хелголандка при своемъ вступленіи въ свѣтъ хотя и возбудила любопытство своею странною судьбою, но никто не принималъ въ ней истиннаго участія. Для высшаго круга она скоро сдѣлалась чѣмъ-то обыденнымъ. Отверженная и презрѣнная знатною роднею своего мужа, она вела жизнь скучную и уединенную, и была очень несчастна.

Богатый баронъ долженъ былъ жениться на своей дальней родственницѣ; онъ никакъ не могъ забыть этой неудачи, и искалъ случая вымщять свою досаду на женѣ своей, которая ему скоро наскучила. Страстный охотникъ до веселостей, онъ каждый день посѣщалъ собранія, но безъ Нанни, потому что онъ стыдился вывозить ее. Такъ завялъ этотъ свѣжій горный цвѣтокъ: розы на ея щекахъ поблѣднѣли, горестъ томила ея сердце. Ей хотѣлось увидѣть свою родину.

Черезъ нѣсколько лѣтъ баронъ опять отправился въ Хелголандъ и взялъ съ собою молодую жену; она была очень блѣдна. Онъ полагалъ, что воздухъ родины укрѣпитъ ее и возвратитъ ей прежнюю свѣжесть.

Нанни прибыла въ Хелголандъ; она увидѣла опять свое отечество, опять услышала знакомый шумъ морскихъ волнъ, опять увидѣлась съ подругами дѣтскихъ лѣтъ; но она ужъ болѣе не развѣла. Извѣнная новою жизнію, она нашла здѣсь воздухъ суровымъ, и людей грубыми. Она чувствовала и мыслила уже не такъ, какъ они. Ей казалось, что островъ и люди измѣнились, и что самое море не то, какимъ она его покинула. Глубокая грусть овладѣвала ею все болѣе и болѣе, она таяла, какъ свѣча, и всѣ говорили, что она не долго проживетъ.

Нанни застала отца еще въ живыхъ, но мать ея не перенесла разлуки съ своимъ единственнымъ дѣтищемъ.

— Ты принадлежишь ужъ болѣе не намъ, а роднымъ твоего мужа, — сказалъ ея отецъ. — Ты должна жить и умереть на твердой землѣ.

Хотя Нанни и здѣсь чувствовала себя отчужденною, но еще менѣе желала возвратиться въ этотъ большой, холодный, златный свѣтъ. И такъ какъ ей уже нигдѣ не суждено было жить счастливою, она охотно бы умерла тамъ, гдѣ родилась. Она знала очень хорошо, что мужъ ея охотно бы согласился на эту разлуку; но ея слезы и мольбы не тронули строгаго старика Шварца. Онъ самъ въ своей лодкѣ отвезъ Нанни, вмѣстѣ съ ея мужемъ, къ кораблю, который возвратилъ ее опять въ ея новую печальную отчизну.

Съ тѣхъ поръ она ужъ болѣе не видала Хелголанда.

ЛЮБОВЬ И ЖЕНЩИНЫ.

(Мысли и наблюденія.)

Рожденіе Веперы изъ морской пѣны имѣетъ символическое значеніе. Женщина тогда только совершенно прекрасна, когда въ умѣ ея есть зерно соли.

Есть женщины, посланные на землю въ залогъ Божьяго милосердія. Какъ весталки древоности, стерзгуть онѣ чистое пламя добродѣтели и любви своей, а во дни сердечныхъ бурь ищутъ утѣхища подъ стѣною колыбели своихъ дѣтей.

Любовь не старѣется: она умираетъ въ дѣтствѣ.

Г-жа Стааль сказала: «въ жизни есть только начинанія.» Въ любви, какъ въ жизни.

Съ женщинами часто случается то же, что и съ деньгами: ихъ берутъ, — чтобы спрятать.

Въ царствѣ волокиты, ходитъ только фальшивая монета любезностей. На самыхъ возвышенныхъ чувствахъ выбить сомнительный штемпель, и въ самокъ страстномъ сердцѣ — много лигатуры.

Въ этой странѣ сумасброды бываютъ мудрецами, а мудрецы — сумасбродами.

Платонъ ошибается. — Если любовь опьяненіе, какъ можно опьянѣть не хлѣбнувъ вина?

Кто перелистывалъ занимательную книгу, которую мы называемъ «женщина», тотъ знаетъ больше того, что цѣлую жизнь рылся въ пыльномъ хламѣ библиотекъ. Нѣтъ ученаго, которому женщина не могла бы сказать съ основаніемъ: «паука — это я.»

Женщина часто даетъ намъ то, чего сама не имѣетъ, — любовь.

Любовь — для женщины любопытство, для мужчины — любовь.

Говорятъ, что люди умные не успеваютъ въ свѣтъ потому, что они не почитаютъ другихъ такими глупцами, какъ они есть. Влюбленные, которымъ нѣтъ удачи, то же, что умные люди: они не ввѣрятъ, что женщины — только женщины.

Любовь въ сердцѣ женщины, — это раскаленный уголь, въ которомъ есть и жаръ, и чадъ, и свѣтъ.

Женщина рѣдко разоряется, — но какъ часто разоряетъ.

Пламя нашихъ страстей ослабляетъ насъ, за то освѣщаетъ дорогу другимъ.

Въ комъ нѣтъ любви и ума, тотъ не пробудитъ въ насъ ни любви, ни мысли. Можно однако полюбить сердце уже занятое другою любовью. Это значитъ подкладывать свои дрова на чужой очагъ.

Сильная страсть прилипчива. Женщина, любимая пламенно, и сама непременно полюбитъ, — не насъ, такъ другаго. Чтобы подвѣять ртуть въ термометръ, стоитъ только донуть на него тепломъ.

Необузданныя страсти истекаютъ изъ любви, и впадаютъ въ смерть.

Поэму любви писали женщины; мужчины сдѣлали разборъ этой поэмы, но не поняли ее.

Мы влюбляемся глазами мысли.

Какъ много теряетъ женщина, переходя изъ пеленокъ природы на помочи свѣта. Изъ всѣхъ прекрасныхъ качествъ, которыми надбляетъ природа женщину, свѣтъ требуетъ отъ нея только — красоты и непри-
нужденности.

Александръ Македонскій хотѣлъ, чтобы его почитали сыномъ Юпитера. — Не ссорь меня съ Юнопою, писала къ нему мать его.

Г-жа Барневельдтъ упала къ ногамъ принца Оранскаго, умоляя о пощаду ея сыну: — «Почему вы не просили пощады своему мужу?» — Мужъ мой былъ правъ, а сынъ виновенъ.

Многіе любятъ плоды незрѣлые, другіе любятъ плоды, когда они доспѣваютъ; иные собираютъ подъ деревомъ уже опавшіе. Плоды надобно любить, какъ ихъ любить солнце, а не такъ, какъ любятъ ихъ ребятишки, или взрослые дѣти — влюбленные.

Если вы не поселите въ женщинѣ опасенія потерять васъ, въ ней не зародится желаніе васъ сохранить. Сердце питается тревогою; искусство кокетки состоитъ въ умѣнии давать пищу сердцу.

Старайтесь всегда быть непостижимымъ. Любовь охотница до неизвѣданнаго. Когда масна снята, маскарадъ становится скученъ.

Въ первую половину жизни женщины, молодость можетъ замѣнить ей красоту; впоследствии, поль ея замѣлитъ ей и красоту и даже молодость, но только въ глазахъ юношей, у которыхъ молодость замѣняетъ любовь.

Маршалъ Ришелье говаривалъ, что дружбу можно *распороть*, но любовь только разорвать.

Есть жестокое наказаніе для новичковъ-путешественниковъ и новичковъ-любовниковъ: для первыхъ прѣздъ на мѣсто, — для послѣднихъ побѣда. Путешественники увидятъ, что всѣ страны похожи одна на другую; любовники тоже подумаютъ о женщинахъ.

Счастье — это красивый домикъ съ дерновою крышею, усыпаннымъ цвѣтами. На него надобно любоваться снаружи; если войдете внутрь, — не увидите убранства.

Въ воспитаніе двѣицъ вкралось странное противорѣчіе. Имъ внушаютъ, что честь ихъ заключается въ томъ, чтобы не имѣть любов-

никовъ, и въ то же время ихъ заставляютъ учиться, покоряться множеству принуждений, выносить тьму досадныхъ обычаевъ, утѣряя, что все это необходимо, чтобы *правиться*.

Когда задумаемъ жениться, и жениху и невѣстѣ не худо повнимательнѣе разсмотрѣть, въ состоянн ли они выносить недостатки одна другаго.

Много писали и противъ и въ защиту брачной жизни и противъ и въ защиту холостой жизни. Вопросъ еще не рѣшенъ. Трудно подать совѣтъ въ этомъ случаѣ, но не лишнее замѣтить, что холостякъ можетъ жениться, если холостая жизнь ему наскучила.

Если женщина говоритъ про другую: «она не дурна», это значить, что та или ряба или косая. Если же скажетъ только: «Она предобрала», знайте, что она говоритъ о безобразной или горбатой.

Не рѣдко случается, что женщина открываетъ истину догадкой и меткостью воззрѣнія, скорѣе чѣмъ мужчина методическимъ и точнымъ изслѣдованіемъ.

Женщинъ упрекаютъ въ обычаѣ скрывать свои лѣта. Любопытство мужчинъ въ этомъ случаѣ страннѣе и смѣшнѣе скрытности женщинъ.

Что должны мы разумѣть подъ словомъ: *молодость женщины*, и въ какомъ случаѣ молодость эта бываетъ преимуществомъ?

Молодая женщина — свѣжа, румяна, имѣетъ стройный, гибкій станъ, гладкую кожу, красивыя формы, блестящія глаза, лучъ души во взорѣ.

Много женщинъ и въ тридцать лѣтъ сохранили эти прелести; — много осьмнадцати-лѣтнихъ дѣвушекъ уже ихъ не имѣютъ, или иногда не имѣли.

Къ счастью послѣднихъ, всегда найдутся простаки, которые предпочтутъ даже не пригожую молодость зрѣлымъ прелестямъ. Конечно, если кто спроситъ лѣта женщины, не выдавъ ея. По лѣтамъ точно можно догадываться о ея матеріальныхъ преимуществахъ. Но кому спрашивать лѣта женщины, которую видимъ?

Большая часть мужчинъ цѣнятъ въ женщинахъ только юность, то есть не действительную ихъ молодость, а ту, которою онѣ пользуются по праву лѣтъ: не существенность молодости, — а имя. Не лучше ли молодая старуха устарѣвшей молодости.

Жена ваша — настоящая роза, сказалъ кто-то слѣпому поэту. — Я догадывался объ этомъ по шипамъ, отвѣчалъ слѣпецъ.

Трудно понять любовь къ женщинѣ, съ которою мы вмѣстѣ воспитывались, и были очевидцами, какъ медленно и съ какимъ трудомъ она *заучивала* каждое изъ своихъ совершенствъ.

Любуясь изящною опрятностію взрослой дѣвушки, съ которою мы не разлучались съ ребячества, намъ невольно приходитъ на мысль, какъ ревѣла она, когда ей обгирали лице мокрымъ полотенцемъ. Мы вмѣстѣ учились съ нею танцовать, и восхищаясь теперь ея величественною осанкою, ея царственной поступью, мы все не можемъ забыть ея прежней неловкости, и въ ухахъ нашихъ внятно раздается голосъ ея няньки: да полноте барышня, лазить, по деревьямъ какъ мальчикъ; перестаньте чесаться, не стыдно ли вамъ ковырять въ носу, *и пр. и пр.*

Заслушиваясь ея прекраснаго, чистаго голоса, ея игры на фортепьяно, можемъ ли мы наслаждаться, какъ другіе, когда это удовольствіе обошлось намъ такъ дорого; когда мы пять или шесть лѣтъ сряду слушали неумолимыя гаммы и фальшивыя ноты ея крикливаго голоса, прежде нежели она достигла бѣглости и выраженія въ игрѣ и вѣрной интонаціи въ пѣніи.

Можетъ ли существовать любовь безъ обаянія, безъ тайны, безъ жажды извѣдать неизвѣстное. По крайней мѣрѣ такъ начинается любовь; такова она прежде чѣмъ устарѣетъ и обратится въ привычку, которая питается уже одною вещественностію.

Дружба не можетъ существовать между двумя женщинами, какъ миръ между двумя сосѣдними торговками. Дружба между мужчиною и женщиною — пустая мечта. Развѣ назвать дружбою связь, въ которой любовь сдѣлалась только воспоминаніемъ, послѣ того какъ была дѣйствительностію.

Легко понять, что любовь можетъ зародиться съ перваго свиданія, но дружба бываетъ только слѣдствіемъ продолжительныхъ сношеній. Человѣкъ, которому женщина предлагаетъ дружбу, въ отвѣтъ на любовное признаніе, можетъ, въ свою очередь, отвѣтить ей: «Дружбу, сударыня? простите мнѣ, я не могу такъ скоро рѣшиться. Я еще не знаю, я еще долго не буду знать, въ состояніи ли я питать къ вамъ это чувство, можете ли вы внушить мнѣ его. Что касается до любви, — это дѣло другое. Вы прекрасны, вы мнѣ правитесь, при васъ сердце мое бьется сильнѣе; я люблю васъ; но о дружбѣ мы поговоримъ послѣ.»

Даже тѣ женщины, которыя хотятъ, чтобы другіе вѣрили дружеской ихъ связи съ мужчиною, сами не вѣрятъ такой дружбѣ другичъ женщинъ и отвѣчаютъ улыбкой сомнѣнія, если мужчина вздумаетъ увѣрить ихъ, что онъ связанъ одною дружбою съ которою-нибудь изъ ихъ пріятельницъ, и что любовь вовсе чужда имъ.

Непріятно слышать, когда женщина говоритъ о своей чистоплотности, хотя качество это называютъ полу-добродѣтелью. Зачѣмъ намъ знать, что она черезъ день беретъ ванны или ежедневно купается? К чему предупреждать насъ, что мы пьемъ очищенную воду, и припоминать тѣмъ, что вода эта была грязна, нуждалась въ очищеніи и взята не прямо изъ чистаго прозрачнаго источника? ..

Не хорошо, когда женщина говоритъ о своемъ тѣлѣ: я ушибла колѣно, я простудила спину, я потеряла подвязку, я перемѣнила бѣлье. Только тотъ пойметъ, почему это не хорошо, кто понимаетъ, сколько границъ, сколько таинственной прелести придастъ женщинѣ длинное, сбористое платье....

Въ обычаи свѣтскихъ дѣвушекъ ввелись, съ нѣкотораго времени, не слишкомъ выгодныя для нихъ измѣненія. Прежде дѣвушка одѣвалась на балъ въ бѣлое платье, легкое, свѣжее, воздушное, которое такъ чудесно согласовалось съ идеями невинности, дѣвственности, цѣломудрія. Прежде молодая дѣвушка убиравала голову не драгоценными камнями, а цвѣтами. Теперь онѣ носятъ богатые платья, драгоценныя ткани, брилліанты, рубины, изумруды. Прежде наряды дѣвушекъ различались между собою цвѣтомъ пояса, рюшонъ убора состояла въ одной свѣжести. Платье дѣвушки, какъ крылья бабочки, не должно быть измято. Трудно было отгадать по платью, богата ли дѣвушка, но можно было заключить, что она одряхла, стыдлива, невинна. Теперь блестяшіе, разнообразныя и разорительныя костюмы, къ поэтической идеѣ, которую пробуждаетъ молодая дѣвушка, прииѣшиваютъ другія мысли, болѣе мірскія. Не вольно сочтешь всѣ расходы на дорогіе уборы, и подумаешь: я не довольно богата, чтобы жениться на дѣвушкѣ, красота которой такъ убѣдочна. Много дѣвушекъ долго остаются незамужними по мидости этой пышности, что по ихъ мнѣнію возвышаетъ красоту, и что въ сущности ослабляетъ могущество этой красоты на жениховъ.

Кромѣ этаго преобразованія въ нарядахъ, вѣралось преобразование и въ нравы: дѣвушки привѣтствуютъ теперь молодого человѣка пожатыемъ руки, разговариваютъ съ нимъ свободно, собираются съ подру-

гами въ уголокъ гостинной, и тамъ, вмѣстѣ съ молодежью нашего пола, громко судятъ, ридятъ и смѣются.

Какъ много прелести отнимаетъ это обращеніе у дѣвушекъ. Рука мужчины никогда не должна прикасаться къ молодой дѣвушкѣ. Красота ея создана изъ непорочности, стыдливости, цѣломудрія и певденія, и должна говорить воображенію, а не чувственности.

Мужчина, подавая руку другому мужчинѣ, снимаетъ перчатку: пожатіе руки есть символъ расположенія, выраженіе довѣрія. По прежнимъ обычаямъ женщинѣ нельзя было подать руки безъ перчатки. Теперь, кажется, не понимаютъ, какъ много этотъ уважительный обычай сохраняетъ прелести для любви.

Почему поэты и живописцы изображаютъ въ видѣ женщинъ ужаснѣйшія язвы человѣчества: войну, голодь, чуму, смерть, парокъ, гарпій и сирень?

Посланицы небесъ на землѣ: правосудіе, добродѣтель, состраданіе, благотворительность, слава и проч. также изображаются въ видѣ женщинъ.

Красота и добродѣтель женщины выше красоты и добродѣтелей мужчины. Но безобразная и злая женщина, безобразіе и злое самаго безобразнаго и самаго злаго мужчины.

Скупость—имя существительное женскаго рода, однако живописцы не рѣшаются олицетворить эту страсть въ формахъ женщины и всегда изображаютъ ее въ видѣ мужчины.

Какъ неловко быть вдовою, говорила овдовѣвшая красавица. Приходится усвоить скромность молодой дѣвушки, не смѣя притворяться несвѣдущею.

Моралисты нападаютъ на любовь, но поэты, надъ которыми они смѣются, чуть ли не справедливей ихъ. Любовь есть источникъ, причина и цѣль всего великаго, прекраснаго, возвышеннаго. Толпа вѣтригъ иносказанію, что красота мать любви. Напротивъ того, любовь создаетъ красоту, любовь одушевляетъ взоръ, придаетъ грацію движеніямъ, прелестъ мысли, выраженіе голосу: любовь—это солнце, подъ лучемъ котораго распускаются цвѣты души нашей; любовь зараждаетъ въ насъ возвышенное честолюбіе, она будитъ въ насъ гений.

ПАМЯТНЫЙ ЛИСТОКЪ ОШИБОКЪ ВЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ,
встрѣчаемыхъ въ произведеніяхъ многихъ русскихъ писателей.
 (Продолженіе. См. «Москвитянинъ» 1852 N° 24. Смѣсь, стр. 206.)

— *Свойство, качество.* Эти слова, сплошь и рядомъ, идутъ у многихъ нашихъ писателей одно за другое. Попытаемся объяснить значеніе каждаго изъ нихъ. *Свойства* врожденны челоѣку, *качества* приобретаются, развиваются воспитаніемъ, обстоятельствами. Такимъ образомъ, свойства имѣють значеніе болѣе возвышенное, чѣмъ *качества*. Первые составляютъ индивидуальную принадлежность челоѣка, его характеризуютъ, отличаютъ отъ другихъ, и суть проявленіе высшей, духовной его стороны; *последнія* — не болѣе, какъ общежитейскій его оттѣнокъ. Геройство, твердость духа, самоотверженность, великодушіе, и проч. — *свойства*. Въжливость, привѣтливость, снисходительность, и проч. — *качества*.

Мы сказали, что слова эти смѣшиваются у насъ между собою. Въ доказательство приведемъ, для краткости, хотя одинъ слѣдующій примѣръ: «Казиміръ Делавинъ былъ челоѣкъ *честный, любезный, знающій, работлищій, терпимый*, замысловатый, даже остроумный, по крайней-мѣрѣ по временамъ, *робкій, безкорыстный*, нисколько не жадный, не лстивый, не завистливый, однимъ словомъ, имѣлъ тѣмъ добрыхъ *качествъ*. О гешіи въ немъ не было и помину; онъ любилъ итти по вѣтру, плыть по теченію, угождать общественному мнѣнію» (С.-П.-б. Вѣд. 1852. N° 261. Парижская жизнь, стр. 1055.)

На основаніи вышензложеннаго нашего взгляда, *честность, терпиміе* и даже *безкорыстіе* названы здѣсь *качествами* несправедливо; это *свойства*. Все прочее остается *качествами*.

Кстати, замѣтимъ еще въ приведенномъ нами примѣрѣ слѣдующее: — *знающій* слово весьма неопредѣленное; яснѣе было бы: *съ познаніями, со свѣдѣніями*. — Далѣе: говорить о Казимірѣ Делавинѣ, какъ о какомъ-нибудь каменщикѣ, *работлищій* — слишкомъ неприлично. Еще: *робость* причислена къ добрымъ *качествамъ*, тогда какъ всѣмъ извѣстно, что это, напротивъ, недостатокъ. Не можетъ быть, чтобы Филаретъ Шамъ, которому принадлежитъ эта статья, сказалъ *timide*; у него, вѣрно, написано *modeste*, а мы, просто за просто, *скромность* показываемъ въ *робость*. Наконецъ: говорится, что Казиміръ Делавинъ былъ челоѣ-

къ честный, не льстивый, и вслѣдъ за тѣмъ сказано, что онъ лю-
 лѣ плыть по теченію, угождать общественному мнѣнію: это явное
 отиворчѣіе!

Мысль, идея. Отечественныя Записки (Іюль 1852. Библиограф.
 юника, стр. 3) гласятъ: «*Идея*, какъ извѣстно всѣмъ пишущимъ и
 безъизвѣстно многимъ читающимъ, это словечко затруднительное,
 сьма головодомное.» Далѣе: «У насъ въ теперешнемъ употребленіи,
 ть въ немъ что-то возвышенное, привлекательное; оно звучитъ у
 съ очень громко и лестно для авторскаго самолюбія, а между-тѣмъ,
 о не спрашивалъ себя, собираясь изобразить его черными чертами
 бѣлой бумагѣ: да что же это такое наконецъ «идея», о которой
 къ много новыя философы толкуютъ вслѣдъ за древнимъ Платономъ?
 го не опасался, какъ бы не попасть въ просакъ, употребивъ его не-
 гѣстно?» Конецъ концемъ, референтъ и самъ не рѣшаетъ, что такое
 ея. — Это, кажется, значить: говорить много, да не сказать ничего.

Мы же, не вдаваясь во многословіе, думаемъ, что опредѣлимъ слова
мысль и *идея* довольно ясно и справедливо, если скажемъ:—*Мысль*
 ть плодъ разсмотрѣнія предмета, размышленія, соображенія, вывода
 отношенія между предметами. *Идея* есть изображеніе предметовъ въ
 лѣ. Отсюда *идеаль*—воображаемая красота, мечтательное совершен-
 во. *Мысль* терминъ изъ области философіи, мышленія; *идея* слово
 тетическое, картинное.

Пояснимъ сказанное нами примѣрами: Богу извѣстны *мысли* муд-
 лхъ сего міра, и Онъ вѣдаетъ, какъ онѣ суетны. (Де Тарси.) Угры-
 нія совѣсти за проступки предъ любезнымъ сердцу нашему челоувѣ-
 ѣ такъ мучительны, что подумаешь, не даютъ ли они *идеи* о
 ухахъ. Дантовскаго ада. (Г-жа Сталь)

У насъ часто пишутъ *меньше*, какъ; а слѣдуетъ писать *меньше*, не-
 ели, или *меньше*, чѣмъ. Примѣръ такой ошибки: «что можно, кажется,
 айти *меньше* подходящаго къ извѣстному характеру античнаго художе-
 гва, какъ именно эти фрески Микель Анджело. (Отечеств. Зап. Іюль
 852. Библиограф. Хрон. стр. 9.)

Неправильность въ мѣстоимѣніяхъ. Примѣры:

«Спокойное блаженство моего добраго пріятеля, основанное на уеди-
 неніи, украшенномъ всѣми благами богатства, довольства, добра и

искусства, было постояннымъ и прочнымъ блаженствомъ, *не только что не зависящимъ отъ страстей и произвола другихъ людей, но опирающимся на самого себя*», и т. д. (Современ. Ноябрь 1852. Истор. одн. картины, стр. 5.). Блаженство опирается *на самого себя*, — неправильно; слѣдовало сказать *само на себя*; блаженство не для. Примолвимъ еще, что послѣ *не только, что* лишнее, а послѣ *на* надобно было прибавить *и*.

«Улыбаясь, я подалъ ему руку и попросилъ иногда заходить *къ себя*». (Тамъ же, стр. 28.). Въмѣсто *къ себя*, должно было сказать *ко мнѣ*; а теперь выходитъ, что подавшій другому руку просилъ, чтобъ онъ заходилъ къ самому себя.

Двусмысленность, несоответственный переносъ названій. Въ Отечеств. Запискахъ (Июль 1852. Журналист. стр. 34.) мы прочитали «Не смотря на *не продолжительное* существованіе этого разряда литературы (фѣлетона), мелькіе фѣлетонисты, особенно туземные, успѣли и въ немъ воздвигнуть памятники крупнымъ фѣлетонистамъ, которыхъ они возвели на степень *Гомеровъ и Шекспировъ фѣлетона*». Здѣсь слово *непродолжительное* неумѣство, потому что оно можетъ означать и то, что фѣлетонъ существуетъ еще не много времени, и то, что существованіе его скоропреходяще; въмѣсто *непродолжительное* слѣдовало сказать *недавнее*. Далѣе: *Гомеровъ и Шекспировъ фѣлетона* быть не можетъ. Такіе переносы титуловъ гениальныхъ людей, отличившихся въ совершенно другомъ родѣ, противны здравому смыслу. Эпическаго поэта можно пожаловать въ Гомеры, а драматическаго въ Шекспиры; но фѣлетониста, какъ бы вы ни хотѣли его похвалить, можно назвать развѣ Жюль-Жаненомъ. Намъ приходится по этому случаю на мысль старинная, не помнимъ чья-то, эпиграмма:

Писатель нашъ Графъ, скажу я не въ укоръ,
Танцуетъ какъ Вольтеръ, а пишетъ какъ Дюпортъ.

Не-русскіе обороты фразъ.

— «Грусть, приличіе, меланхолія, *блѣдная* (P), вѣткая преданность судьбѣ своей», и т. д., — таковъ Абд-эль-Кадеръ». (С.-П.-б. Вид. 1852. № 268, стр. 1087.) Чистый галлицизмъ; вмѣсто: *таковъ Абд-эл-*

Кадеръ, скажите, цапримѣръ: вотъ характеристическія черты *Абд-эль-Кадера*, и тогда будетъ по-русски. Къ чему тутъ прилагательное *блѣднѣя* — неизвѣстно.

— «Либо краткость *отмыреннаго* времени, либо какія другія соображенія побудили г. Шевырева взять предметъ съ такой стороны, съ которой не многіе могли ожидать.» (Отечеств. Зап. Июль 1852. Библиограф. Хроп., стр. 3.) Съ которой не многіе могли ожидать — оборотъ совершенно не русскій. Съ которой (стороны) должно означать ту сторону, которая была исходною точкой г. Шевырева, а по обороту рѣчи «Отечествен. Записокъ», съ которой означаетъ сторону поименованныхъ тутъ не многихъ. Почему бы не сказать: «мало кто могъ предполагать, чтобы г. Шевыревъ взялся за свой предметъ съ той стороны, которую онъ избралъ»; или выразиться бы какъ-нибудь похоже на это? Сверхъ-того: *отмыреннаго* (времени) — папыщенно, вычурно; просто: *назначеннаго, опредѣленнаго* было бы здѣсь гораздо лучше.

— «Вся индивидуальная сторона явленій перестаетъ занимать изслѣдователя, который считаетъ ниже себя мелкія изысканія трудолюбивой учености.» (Тамъ же, стр. 8.). Авторъ хотѣлъ сказать, что мелкія изысканія трудолюбивой учености изслѣдователь считаетъ не достойными себя, а сказалъ, что изслѣдователь пересчитываетъ изысканія учености, находящіяся подъ нимъ.

Еще мы прочитали слѣдующія *неправильныя* фразы :

— «Кто не слышалъ этого знаменитаго имени (Рафаэля) и кто не желалъ бы узнать о немъ что-нибудь основательное? Кто, столько-нибудь воспринчивый, смотрѣлъ на его произведенія, и т. д.» По смыслу рѣчи выходитъ, что всякой желалъ бы узнать что-нибудь основательное объ имени Рафаэля, а не о самомъ Рафаэлѣ, и смотрѣть на произведенія также не Рафаэля, а его имени (безсмыслица!); вмѣсто: *о немъ*, поставьте: *о Рафаэлѣ*, и все будетъ складно.

— «Въ четыре часа времени поговорить о Рафаэлѣ и его произведеніяхъ.» (Тамъ же, стр. 3.). Вы и думаете, что начато говорить о Рафаэлѣ въ четыре часа; ничуть не бывало: авторъ хотѣлъ сказать, что о Рафаэлѣ говорено четыре часа.

— «Фельетонъ — самая *последняя* ступень той легкой литературы, къ которой стремится словесность *европейская*, а за нею и *русская*, въ последнее время» (Тамъ же, Журналистика, стр. 34.). *Последняя*

(ступень) — неизвѣстно, сверху или снизу; *последняя* и *тотчасъ* не *быть* *последнее*; притомъ, повторяя здѣсь то же, что сказали и въ прежнемъ Памяти. Листокъ (1852. № 24): русская словесность естъ также европейская, — еще скажу, что *последняя* (сверху или снизу, все равно) ступень всегда одна, а потому *сима* *лишнее*.

— «Вазы самыхъ *безумныхъ* формъ.» (Соврем. Ноябрь. 1852. Ист. одной картины, стр. 5.). Формы не люди, а потому не могутъ быть ни умными, ни безумными.

— «Обладая *приличьемъ* манеръ.» (Тамъ же, стр. 18.). Чисто по-французски, а вовсе не по-русски. Русской скажутъ: *умя* *обращаться*, *ми*, *пожалуй*, *держаться* *себя* *съ* *приличьемъ*.

— «Прощай, треть души моей!... Не могу сказать: *половина*. Третъ принадлежитъ тому, который въ Итали, третъ моему ребенку, третъ твоя. Мнѣ ничего не нужно, потому что я живу вами *тремя*.» (С.-П.-б. Вѣд. 1852. № 268. Фельет. Парижск. жизнь.) Не *тремя*, а *троими*; потому что рѣчь о мужнинѣ, ребенкѣ и жевщинѣ.

Въ заключеніе вышшняго нашего Памятнаго Листка, приведемъ переводъ помѣщеннаго въ томъ же № С.-П.-б. Вѣд. двухъ стиховъ:

— Elle excellait dans l'art de charmer les humains,
Mais oubliait souvent de se laver les mains.

Переведено:

«Своимъ искусствомъ всѣхъ прельщала,
Но руки мыть нерѣдко забывала.»

Трудное ли бы, казалось, дѣло перевести два такіе стихотворка, особенно, какъ сдѣлано здѣсь, съ рѣшимою на глаголь? Нѣтъ, и тутъ въ переводѣ невѣсть что. Авторъ говоритъ: «она обладала въ высшей степени искусствомъ привлекать къ себѣ людей, но часто забывала мыть себѣ руки.» Сами видите, то ли въ фельетонномъ переводѣ. Тамъ: *своимъ искусствомъ*, — а какимъ? *забывала мыть руки*; — кому? Вѣдь не всему же свѣту ей было *мыть руки*!

И. ПОКРОВСКИЙ.

Новгородъ.

ВАРИАНТЫ КЪ «ИСТОРИИ О РОССИЙСКОМЪ ДВОРЯНИНѢ ФРОЛѢ СКОБЪЕВѢ И СТОЛЬНИЧЬЕЙ ДОЧЕРИ НАРДИНА-НАЦОКИНА АННУШКѢ» ПО СПИСКУ ПОГОДИНСКОМУ.

Стран. 3, строка 40. Послѣ словъ «Фролу Скобъеву» находятся слова: «у того прикащика въ домѣ», и проч.

— — с. послѣдняя. Послѣ словъ: «той мамкѣ», — слова: «и ска-
зала: то мнѣ сіе ни во что, и пошелъ», и проч.

Стр. 4, в. 3. Послѣ слова: «въ домѣ» — стоитъ: «свой».

— — с. 4. Въмѣсто «увеселенныхъ» чит. «увеселительныхъ».

— — с. 11. Въмѣсто: «позвала просить» — «попхала и просила».
Также въ строкъ 15.

— — с. 12. Въмѣсто: «къ Аннушкѣ» — «къ гостюжѣ своей Аннушкѣ».

— — с. предпослѣдняя. Въмѣсто «дѣвическій уборъ» — «дѣвичій
уборъ». Также и на 5. стран. с. 4, 7, 8 и проч.

Стр. 5, в. 4. Въмѣсто: «будеть великая бѣда» — «быть великой бѣдѣ».

— — с. 18. Слово «изо всѣхъ» нѣтъ.

— — с. 3 снизу. Послѣ словъ: «прежде сего» стоитъ: «от-
дѣтска.»

Стр. 6, с. 2. Въмѣсто: «сына Фрола» — «а сама показала на Фрола».

— — в. 3. Въмѣсто: «въ особливя покон» — «въ особливую свя-
тлицу».

— — с. 5 снизу. Послѣ словъ: «по домамъ своимъ» — слова:
«также и Фролъ Скобъевъ и съ сестрою своею».

— — с. 2 снизу. Въмѣсто: «люди» — «служители дому того».

Стр. 7, с. 14. Послѣ слова «ходилъ» — стоитъ: «въ Москвѣ повѣрен-
нымъ за дѣлами» и проч.

— — с. 5 снизу. «Въ радости великой».

Стр. 8, с. 26. Въмѣсто: «ябедникъ» — «ябеда».

— — с. 5, 4 и 3 снизу. Слово: «вхаты» и проч. до слова «по-
халъ и» — нѣтъ.

Стр. 10, с. 1. Въмѣсто «не вѣришь» — «не изволишь вѣрять».

— — с. 11. Слово: «весьма много искалъ и нигдѣ не нашель»,
нѣтъ, а послѣ слова «плакалъ» прибавлено: «что
безвѣстно пропала дочь его».

— — с. 14. Въмѣсто «кто пріѣзжалъ съ возниками» — «кто пріѣз-
жала и куда она попхала».

— — с. 22. Послѣ слова «публику» находится: «о его стольни-
чей дочери, ежели ея кто содержитъ тайно, чтобъ
объяснили, ежели кто ея не объявитъ, а послѣ

- обыщется, то смертію казнена будезь. И Фролъ Скобеевъ, слышавъ публикацію, не вѣдаетъ, и проч.
- — с. 28. Послѣ «женится» находятя слова: «Государь мой!».
- Стр. 11, с. 6. Вмѣсто «ве безъ худа» — «не безъ чего».
- — с. 15. Послѣ «приди» стоитъ «и пади предъ нимъ», и пр.
- — с. 4 и 3 снизу. Словъ: «и зрѣнемъ отъ древности уже помрачевъ» — нѣтъ.
- Стр. 12, с. 7. Вмѣсто «вотъ ты плутъ» — «встань, плутъ».
- — с. 3 снизу. Вмѣсто: «вѣдь плутъ» — «борь-отъ плутъ».
- — с. 4 снизу. «Услышала ты отъ него рѣчи».
- Стр. 13, с. 8. Вмѣсто словъ: «пропитаніе. И похваля» читается: «пропитаніе какое. И пошелъ» и проч.
- — с. 20. «Видимо они заочно» и проч.
- — с. 21. Вмѣсто «хотя» — «хотя бѣ».
- — с. 6, 5 и 4 снизу. «Ну, мой другъ, быть такъ, что владѣть дочерью плуту такому.... Послать къ нимъ образъ, и благословить ихъ хотя заочно» и пр.
- Стр. 14 с. 10 снизу. Вмѣсто: «Скобеевъ удивлялся» — «Скобееву удивляются».
- Стр. 15, с. 6. Вмѣсто: «и смотрѣлъ — свою» — «и усмотрѣлъ Нардинъ Нащокинъ дочь свою и съ женою своею».
- — с. 23. Вмѣсто: «за ябедю. Имѣется» — «за приказнымъ дѣломъ». «Перестань, плутъ, ходить за ябедю; имѣется» и проч.
- — с. 26. «И Фролъ Скобеевъ отдалъ поклонъ съ женою своею Аннушкою, и привезъ», и проч.
- — с. 6 снизу. «Говорить: «ну, плутъ, чѣмъ» и проч.
- — с. 5 снизу. «Какія у меня деньги. Развѣ продашь изъ тѣхъ мужиковъ». — «Ну, плутъ, не продавай, возми денегъ; я дамъ». И приказалъ», и проч.
- Стр. 16, с. 6. «Сына за мужъ, а которая при нихъ имѣлась мамка, которая была при Аннушкѣ, содержами съ великой милости и чести до смерти ея». Словъ: «и тѣмъ сія исторія кончилась» — нѣтъ,

С М Ъ С Ъ.

П О Н Т Е - М О Л О

. . . . Ogni uomo ben istruito ebbe un omaggio a questo paese (Italia) tanto rinomato, e tanto degno di esserlo.

Ganganelli. (Papa Clemente XIV.)

Прочтя это заглавіе, не думайте, чтобъ я хотѣлъ исторически или археологически описать древнѣйшій мостъ въ Римѣ. Вы не узнаете отъ меня, въ которомъ году онъ былъ построенъ, я не скажу вамъ ни слова о реставраціяхъ его, и слегка только упомяну о двухъ статуяхъ руки Бернини, и то потому только, что онъ странно поражаютъ всякаго прѣзжающаго въ Римъ: на одной сторонѣ моста стоитъ Спаситель, готовый воспріять святое крещеніе, — съ другой святой Іоаннъ, льющій на Него изъ руки воду искупленія, — а мостъ шириною въ нѣсколько сажень! Все это въ сторону, все это найдете вы въ каждомъ путеводителѣ, въ каждой записной книжкѣ туриста. Здѣсь я хочу говорить только о томъ, какъ веселятся въ Римѣ иностранные художники.

Время основанія общества, присвоившаго себѣ имя Понте-Моло, положительно опредѣлить нельзя, потому что встарину общество это обходилось безъ секретаря, безъ журналовъ своихъ засѣданій, безъ именныхъ списковъ, однимъ словомъ, безъ всего того, что нынѣшніе члены Понте-Моло считаютъ необходимою. По розысканіямъ ученаго профессора археологій Валери, общество это существовало уже въ началѣ XV-го столѣтія, и вотъ что дало поводъ къ его основанію: когда иностранные художники, находившіеся въ Римѣ (а обыкновеніе ѣздить въ Римъ учиться искусству существовало уже со временъ реставраціи), узнавали, что какой-нибудь ссѣбратъ ихъ долженъ прибыть въ Римъ, то они выходили къ нему на встрѣчу за Понте-Моло, брали изъ рукъ его страннической походъ и вводили въ тратторію, гдѣ на общій счѣтъ и праздновали приходъ его. Въ этой тратторіи, которая и теперь стоитъ себѣ преспокойно, прѣзжіи должны были отвѣчать на вопросы о художествѣ, держать рѣчь, однимъ словомъ, доказывать, что онъ не какой-

нибудь пачкунъ или самоучка, а малый, достойный вполне быть принятымъ въ сословіе художниковъ. Если онъ во всѣхъ отношеніяхъ оказывался достойнымъ этой чести, то всѣ пили за его здоровье, и послѣ пирушки провожали его съ почетомъ и пѣснями черезъ мостъ и черезъ Портапополо, въ вѣчный градъ.

Такъ было въ давно прошедшія времена. Въ два послѣднія столѣтія прежній патриархальный обычай перешелъ въ забавный, но темъ не менѣе интересный обрядъ, о которомъ упомяну вполнѣ въ послѣдствіи.

Въ продолженіи столькихъ вѣковъ, художники были соединены въ чужбинѣ крепкимъ и вѣрнымъ союзомъ, не изъ пустой только формы и не для соблюденія давно принятыхъ обрядовъ, не потому, чтобы отличить себя отъ прочихъ художественныхъ обществъ, а для того, чтобы вмѣстѣ, общими силами наслаждаться прелестною итальянскою жизнью.

Около половины прошедшаго столѣтія общество, которое считало уже нѣсколько сотъ членовъ, избрало изъ среды себя президента, вице-президента и трибуновъ, обязанныхъ заботиться о правахъ и пользѣ общественныхъ. Всѣ они избирались на одинъ годъ. Въ этомъ видѣ Понте-Моло сохранилось и до сей поры.

Президенту идетъ отъ общества жалованье ровно 20-ю милліонами долларовъ меньше, чѣмъ президенту Соединенныхъ Штатовъ, т. е. оно = 0.

Прежній обычай встрѣчать новоприбывшаго художника за Понте-Моло обратился въ пиръ, который нынѣшніе художники даютъ своему собрату при принятіи его въ общество, и этотъ пиръ называется *переходомъ черезъ Понте-Моло*.

Принятіе въ члены, или, чтобы выразиться технически, посвященіе въ рыцари (*zum Ritter schlagen*) есть день торжества для общества. Уже нѣсколько дней заранее, афиши въ кафе Грекко и въ кафе *Делле белле арте* объявляютъ всѣмъ, что такого-то числа общество Понте-Молистовъ будетъ имѣть свое засѣданіе тамъ-то, для принятія послѣ строгаго экзамена въ члены свои такого-то.

Мѣсто засѣданія общества мѣняется смотря по обстоятельствамъ и числу присутствующихъ. Въ мое время собирались въ залъ тратторіи, что подлѣ Пиацца-колонна, а послѣ въ тратторіи Фіано, потому что въ послѣдней и помѣщеніе было просторнѣе и вино лучше и дешевле.

Въ назначенный день, часа два послѣ Аве-Марія, т. е. послѣ заката солнца, художники собираются въ тратторію, садятся за большіе

стоды и ужинають чѣмъ Богъ послалъ, всякій на свой счётъ; пьютъ же все на счётъ кандидата въ рыцари, который обязанъ платить за вино, и пьютъ добropорядочно.

Президентъ, окруженный трибунами, сидитъ на первомъ мѣстѣ; знакъ его верховной власти, цѣпь, составленная изъ байковокъ^{*)}, украшаетъ грудь его. Фама, глашатай, стоитъ за его кресломъ съ огромной трубой изъ позолоченнаго картона, украшенной зелеными лентами. Подлѣ президента грифельная доска, передъ нимъ большой глиняный кубокъ живописной формы;—этотъ кубокъ присланъ мюнхенскими рыцарями въ подарокъ обществу, и на немъ очень наивно изображены три степени опьяненія.

Когда рыцари, чтó называется, заморять червяка, въ залу входитъ младшій трибунъ и объявляетъ президенту, что за дверьми молодой художникъ ожидаетъ его позволенія пройти черезъ Понте-Моло. Президентъ одобрительно киваетъ головой, а «фама» провозглашаетъ въ трубу имя и фамилию новобранца. При входѣ сего послѣдняго, котораго вводятъ подъ руки два трибуна и ставятъ противъ президента, весь хоръ веселыхъ рыцарей кричитъ: бабку! баб-ку!!, и въ залу входитъ, присѣдая, артистъ съ огромной бородой, въ чепчикъ и фартучкъ — это повивальная бабушка общества. Онъ ловко хватаетъ гостя за усы, и объявляетъ басомъ, что усы не наклеены, и что, по всемъ видимостямъ, онъ утвердительно можетъ сказать, что этотъ господинъ—мужчина. Отъ чего произошелъ этотъ обрядъ. безъ котораго, однако жъ, нельзя вступить въ общество, *sine quo non*? Въ концѣ прошедшаго столѣтїа, одна венецианка^{**)}, занимавшаяся съ успѣхомъ историческою живописью, желая быть членомъ общества, надѣла кафтанъ, наклеила усы и была посвящена въ рыцари. За это нарушение устава, который коротко и ясно исключаетъ изъ общества Понте-Молистовъ прекрасный полъ, Рафаэль Менгсъ, занимавшій тогда президентское кресло, былъ удаленъ отъ должности.

По освидѣтельствованїи усомъ преопинента, начинается экзаменъ. Архитектору на пр. задають слѣдующую программу: немедленно сочинить проектъ великолѣпнѣйшаго моста черезъ Тибръ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Понте-Моло. Художникъ, не думая долго, беретъ мѣлъ и чертитъ на доскѣ нѣсколько бочекъ рядомъ, а на нихъ доски; съ одной стороны ставитъ на мостъ рейнскія бутылки—это северъ, съ другой итальянскія фіаски—это югъ. Все это, какъ нельзя лѣнѣе,

*) Байко — мѣдная римская монета.

***) Луиза Петрайа.

изображает мостъ на которомъ сѣверныхъ художниковъ встрѣчаютъ ихъ итальянскіе братья. Президентъ торжественно показываетъ рисунокъ обществу, и объявляетъ, что, по его мнѣнію, этотъ архитекторъ достоинъ быть принятымъ въ общество. Вся единодушно одобряютъ это мнѣніе, «ама» принимается опять за трубу и провозглашаетъ на весь міръ имя поваго рыцаря.

Тогда старшій трибунъ беретъ изъ рукъ президента медаль Понте-Моло — байоко на зеленой лентѣ, и вдвѣваетъ ее въ петлицу новоизбраннаго, а самъ президентъ подноситъ ему заветный кубокъ и цѣлуется съ нимъ три раза. Рыцарь обходитъ всѣхъ братьевъ и со всеми чокается. Въ заключеніе всѣ хоромъ поютъ слѣдующую пѣсню:

Neu entdeckte und sehr merkwuerdige
 Historia
 Aus was ursachen Constantinus der roemische Kaiser
 den
 Ponte-Molle
 Hat erbauen lassen und was dabei weiter arriviret,
 Ans licht gefoerdert
 Und nach der fuertrefflichen weis
 Des Prinzen Eugenii
 In teutsche reimen gesezt
 Zu ehren
 Der teutschen kuenstlerzunft
 In der weltberuehmten stadt
 Roma
 Durch
 R. R.

Roma in der XXVI-ten olympiaden der ponte mollen und cervaren.

Constantinus der Röm'sche Kaiser
 Wollte bauen Palläst und Häuser,
 Rom ausschmücken ganz und gar;
 Liess drum schlagen einen Brucken,
 Dass da soltt herrüberrucken
 Eine Teutsche Künstlerschaar.
 Als der Brucken nun war geschlagen,
 Dass man kunnt im Reisewagen,
 Frei passir'n den Tiberfluss:
 Nannt er ihn den Ponte-Molle,
 Ordinirt statt Brückenzolle
 Ein Fass Wein zum Willkomm-Gruss.
 Am acht und zwanzigsten Noveinber so eben
 Kam ein Courier bei Sturm und Regen,

Zeigts im Caffée Greco an:
 Dass die Künstler arriviren,
 So viel, als man kunnt verspüren,
 An die dreimalhunderttausend Mann.

Als Kaiser Constantinus dies vernommen,
 Liess er gleich zusammenkommen
 Sein Senat und Hofmarschall;
 Er thät sie recht instruiren,
 Wie man soll't introduiren,
 Seine Gaest' mit grossem Schall.

Bei der Parol' thät er befehlen:
 Dass man sollt die sieben zählen
 Nach der Uhr di Francia;
 Alles sollt' im Fiano sitzen.
 Mit dem Wein zu scharmumützen,
 Was von Künstler wäre da.

Alles sass auch gleich im Fiano
 Jeder trank erst ganz piano,
 Bis die Gäste traten ein:
 Maler, Bildner, Kupferstecher,
 Architecten, wackre Zecher;
 S'gab fürwahr einen guten Wein.

Ihr Gesellen auf der Seiten,
 Spielet auf mit Gläser-Läuten
 Mit den Gläsern gross und klein,
 Dass die Türken und die Heiden,
 Die den Wein nicht können leiden,
 Mögen laufen alle davon!

Constantinus der Römische Kaiser
 Drauf nebst seinem Vice-Kaiser,
 Den Sermon sehr ernst begann.
 Der Tribun lief auf und nieder:

»Halt' euch brav ihr Teutschen Brüder!
 »Greift eur Werk recht herzhaf an!«

Kaiser Constantinus der musst' aufgeben
 Seinen Geist und grosses Leben;
 Ponte-Molle doch bestand
 Und noch jetzt in frohen Liedern
 Bringen wir darauf den Brüdern
 Deutschen Gruss am Tiberstrand.

Эта пьеса написана не так давно молодымъ дюссельдорфскимъ художникомъ; — въ ней поэтъ очевидно старался поддѣлаться подъ слогъ писателей среднихъ вѣковъ. Вотъ ея подстрочный переводъ:

Константинъ римскій царь
Хотѣлъ строить дворцы и дома,
Чтобы украсить Римъ;
Для этого онъ велѣлъ построить мостъ,
Чтобы чрезъ него прошла
Толпа нѣмецкихъ художниковъ.

Когда же былъ мостъ построенъ
Такой, что можно было въ дорожномъ экипажѣ
Свободно провѣхать черезъ рѣку Тибръ:
Онъ его называлъ Понте-Моло,
И заказалъ бочку вина
Для принятія гостей.

Двадцать восьмое ноября, какъ разъ,
Прискакалъ курьеръ, въ дождь и грозу
И возвѣстилъ въ кафе Греко,
Что художники приближаются,
И что ихъ, должно быть,
Около трехъ-сотъ-тысячъ человекъ.

Какъ услышалъ это царь Константинъ,
То и собралъ сей же часъ
Свой сенатъ и дворъ;
И училъ ихъ,
Какъ должно принять
Его гостей съ большимъ торжествомъ.

Онъ приказалъ,
Чтобы, когда пробьетъ семь
На французскихъ часахъ *),
Всѣ собрались бы въ фіано,
И угощали бы виномъ
Художниковъ, которые тамъ будутъ.

Всѣ тотчасъ же и засѣли въ фіано,
И всякій пилъ умеренно,
Пока не вошли гости:

*) Итальянцы считаютъ часы отъ заката солнца до заката, а не отъ полнотчи до полдня и отъ полдня до полнотчи, какъ прочіе народы.

Живописцы, скульпторы, граверы,
Архитекторы, все бравые ребята;
И вино было доброе.

Ну, товарищи! приударьте въ струны!
И заиграйте позвучный стаканами,
Стаканами большими и маленькими,
Чтобы Турки и язычники,
Которые терпеть не могут вина,
Всѣ бы разбѣжались.

Потомъ Константинъ, римскій царь,
Вмѣстѣ съ вице-королемъ,
Началъ говорить серьезную рѣчь.
Трибунъ бѣгалъ туда и сюда:
»Держитесь крѣпко, немецкіе братья!
»Принимайтесь бодро за дѣло!»

Царь Константинъ отдалъ Богу
Свою великую душу и жизнь —
А Понте-Моло устояло,
И теперь еще, съ веселыми пѣснями,
Принимаемъ мы на немъ братій,
Говоря: добро пожаловать на берега Тибра.

Вся эта продвка, т. е. отличное римское вино человекъ на 60 или болѣе, обходится новому рыцарю около пяти скуди, т. е. около 25 руб. ассигн.

По окончаніи вечера, проведеннаго въ шумныхъ и веселыхъ разговорахъ объ искусствѣ, въ пѣсняхъ и проч., онъ получаетъ дипломъ на званіе Понте-Молиста и записываетъ свое имя въ шнуровую книжку. Какъ жаль, что эту книжку вздумали завести недавно: со времени существованія общества Понте-Моло сколько бы накопилось драгоценныхъ автографовъ!

Приемъ въ общество одного изъ нашихъ, русскихъ, художниковъ былъ въ мое время болѣе другихъ обилецъ смѣшными эпизодами: до тѣхъ поръ, пока не осушилъ онъ три раза заветный кубокъ, онъ все принималъ палку президента за оирсъ, а *Diario di Roma*, пошлый римскій журнальшкa, за египетскую рукопись, начертанную на папирусь. Утоливши жажду, онъ признался, что у него какъ кора спала съ глазъ, и онъ пересталъ принимать президента за Юпитера Капитолійскаго, а въ повивальной бабушкѣ, которую прежде величалъ

жрицею Весты, — узналъ наконецъ добрыйшаго пріятеля своего, нѣмецкаго пейзажиста Пальму.

И какъ все это весело и какую сладкую оставляетъ по себѣ память!

Не думайте, чтобъ эти собранія не были *всегда занимательны и всегда полезны*. Не смѣйтесь: въ тратторіи Фіано собирается цѣль художниковъ всего міра, тамъ только и толку, что объ искусствѣ, а вы знаете французскую поговорку: *du choix des opinions jaillit la vérité*.

Всякому отъезжающему изъ Рима въ отечество художнику, Понте-Молисты даютъ прощальный вечеръ, и тогда онъ угощается на счетъ общества. За это онъ обязанъ оставить на память братьямъ что-нибудь своей руки — живописецъ или скульпторъ рисунокъ, архитекторъ планъ, поэтъ стихи, музыкантъ ноты и т. д. А по этому альбомъ общества Понте-Моло, какъ сами можете себѣ представить, есть вещь въ высшей степени занимательная. Онъ хранится подъ ключемъ у президента и ни подъ какимъ предлогомъ и никому не выдается на домъ.

Летомъ почти все художники разъезжаются изъ Рима — кто въ Неаполь, кто въ горы, кто въ Кампанію, кто куда душа говоритъ. Даже историческіе живописцы и скульпторы, которые между художниками считаются домосѣдами, садятся на осликовъ или въ коляску ветурина вмѣстѣ со старухой и капуциномъ, или просто берутъ въ руки посохъ и отправляются изъ Рима, куда глаза глядятъ, — а потому съ началомъ лѣта собранія Понте-Молистовъ прекращаются, но въ ноябрѣ афиша въ кафе Греко снова сзываютъ рыцарей въ залу Фіано, и собранія бывають иногда два раза въ недѣлю.

Покойный Торвальдсенъ удостоивалъ часто общество своимъ посещеніемъ. Тогда онъ непременно надѣвалъ двѣ медали: обыкновенную орденскую (байоко на зеленой лентѣ) и другую золотую на красной лентѣ съ надписью: »XXVIII олимпиада, т. е. годъ, въ который нѣмецкіе артисты въ Римѣ, подъ председательствомъ Е. В. баварскаго короля, давали ему праздникъ въ Виллѣ-Мальта. Первую медаль, въ Пасху, въ Corpus Domіni, и въ другіе торжественные праздники въ Римѣ, Торвальдсенъ надѣвалъ всегда въ петлицу своего оффиціального мундира, вмѣстѣ съ множествомъ другихъ настоящихъ орденовъ, которыми коронованныя главы украсили грудь его.

Торвальдсена встречали съ восторгомъ, очищали для него мѣста подлѣ президента, и подносили вино изъ заветнаго кубка, который онъ и осушалъ до дна, за здравіе и благоденствіе общества. После этого всѣ сѣдѣли на свои мѣста и веселились по прежнему, въ-

сколько не стѣсняясь присутствіемъ великаго чловѣка, который и самъ не терпѣлъ церемоній.

Однажды Торвальдсенъ сказалъ, что пѣсня Понте-Молистовъ такъ ему нравится, что онъ, не смотря на свою дряхлую память, вытвердилъ ее наизусть. Другъ автора этой пѣсни, пейзажистъ Гейеръ, занимавшій тогда должность фамы, желая написать пріятелю, ухватившему въ отечество, что *небесный* (himmlisch) Торвальдсенъ поетъ его стихи, держалъ съ нимъ пари, что онъ не запомнитъ всѣхъ куплетовъ, и что онъ Гейеръ, въ качествѣ фамы, долженъ будетъ ему подсказывать ихъ въ трубу. Торвальдсенъ всталъ и сильнымъ и вѣрнымъ голосомъ пропѣлъ всѣ куплеты. Вся зала съ крикомъ и рукоплесканіями подхватывала послѣдніе стихи куплетовъ; когда дѣло дошло до *«держитесь крѣпко, нѣмецкіе братья»*, — художники не выдержали и бросились обнимать старика. Послѣ обмена объятій, Торвальдсенъ обратился къ Гейеру и сказалъ: *«молодь, братъ, спорить съ нашимъ братомъ, вели же подать вина, у меня пересохло въ горлѣ. Хоть Гейеръ и несносный спорщикъ»*, прибавилъ онъ, ставя кубокъ на столъ, *«но малый добрый, я его люблю, да и художникъ онъ съ талантомъ: какой славный написалъ видъ Мессины, — мнѣ такъ не написать.»*

Когда поутру Торвальдсенъ возвратился домой, видъ Мессины Гейера уже висѣлъ у него въ студіи.

Гейеръ со слезами на глазахъ рассказываетъ этотъ случай.

Засѣданія общества, начинающіяся, какъ я уже сказалъ, около втораго часу послѣ сумерекъ, продолжаютъ далеко за полночь, и восходящее итальянское солнце видитъ часто веселыя толпы художниковъ, съ пѣснями и хохотомъ идущихъ по домамъ.

Не всегда одно желаніе повеселиться, часто и благотѣльная цѣль собираетъ вмѣстѣ рыцарей: возвращается ли *бѣдный* художникъ на родину — я въ Понте-Моло продаютъ съ аукціона его рисунки и эскизы; надо ли выручить пріятеля изъ бѣды — разыгрывается лоттерея, и пр. И никто сору изъ избы не выноситъ. Многіе покупаютъ почти за безцѣнокъ очень хорошія вещи; я на одномъ изъ этихъ аукціоновъ за два скуди (10 р. ас.) имѣлъ счастье пріобрѣсть акварельный рисунокъ съ натуры и мастерски набросанный эскизъ масляными красками. А художникъ отправился изъ Рима со сто скудами въ карманъ — и всѣ мы были въ барыщахъ. **М. ВИНКОВЪ.**

ВОСТОЧНЫЙ КУПЕЦЪ. До нашихъ дней, востокъ сохранилъ свой собственный типъ и характеръ. Перевороты, произведенные въ немъ магометанскими завоевателями, только потрясли, но не измѣнили его; а западный элементъ, если и вносился, какъ напримѣръ Александръ Македонскій, пролеталъ надъ нимъ свѣтлымъ метеоромъ, и никогда не имѣлъ рѣшительнаго вліянія на жизнь и бытъ восточныхъ народовъ.

Пройдите города востока, отъ турецкаго Стамбула до бенгальской Калькутты или китайскаго Кантона, — каждый имѣетъ свою рѣзкую неизгладимую печать; взгляните на одежду и осанку жителей, прислушайтесь къ ихъ языку, и вы узнаете, какого народа и какой страны эти люди. Есть одно только исключеніе—Бомбей на Индійскомъ океанѣ. Вѣчная шумная дѣятельность и пестрое смѣшеніе всѣхъ народовъ востока и запада даютъ ему сходство съ нашими европейскими ярмарками; Браманы, Буддисты, Мусульмане, Евреи, Христіане и Парсы, находятся здѣсь въ постоянныхъ сношеніяхъ между собою; всѣ они космополиты, потому что всѣ купцы, — а золото не имѣетъ ни предубѣжденій, ни народной ненависти.... Вотъ правозѣрный рунить изъ Джиды, тихо поглаживая свою длинную, черную какъ смоль бороду, продаетъ мирру и кое арменцу, въ черномъ плащѣ и белой овечьей шапкѣ, и торгуетъ у персидскаго шимта финики и лошадей изъ Ормуза или Бассоры; мимо бедуина, изъ пустыни появившаго изъ хаоса всемірнаго торговаго города, тихо плетется матросъ вѣчнаго серединнаго государства; рядомъ съ голубоглазымъ сыномъ Германіи стоитъ черный толстогубый абиссинецъ, дальше — цѣлыя толпы коренныхъ жителей, Малабарцевъ, робко пробирающихся между Креолами, полукровными потомками древнихъ португальскихъ завоевателей.

Среди этого востраго, волнующагося моря, увидите вы людей въ снѣжно-бѣлыхъ мантияхъ и въ пурпуровыхъ шляпахъ безъ полей; походка ихъ твердая; взглядъ смѣлъ и полонъ огня. Это Парсы. Слишкомъ тысячу лѣтъ тому назадъ, когда религіозный фанатизмъ Мусульманъ заставилъ ихъ покинуть отечество, они нашли свободную землю на западномъ берегу Индіи и заселили ее. Но и въ новомъ отечествѣ, куда они перенесли до нынѣ пылающій священный огонь, нравы и обычаи ихъ сохранились въ первобытной чистотѣ. Новые переселенцы, искавшіе только вѣротерпимости и возможности мирныхъ занятій, чувствуя при томъ свое безсиліе, избегали всякаго

участія во внутреннихъ раздорахъ страны, отказались отъ ролѣ исторической и довольствовались жизнью страдательной. Пока другіе вели кровопролитныя войны, они дѣятельно занимались торговлею, и приобряли огромныя богатства, въ особенности въ Бомбей, гдѣ многочисленная община ихъ отличается отъ прочихъ жителей многими гражданскими добродѣтелями. Однако и въ Парсахъ, разсматривая ихъ какъ одно цѣлое, какъ народъ, видны слѣды того перерожденія, которое замѣчается у большей части азіатскихъ народовъ. Что между этими Парсами не появился ни одинъ великій воинъ, объясняется ихъ исключительнымъ положеніемъ и мирнымъ образомъ жизни; но хотя они одарены вполне поэтической натурою, однако жъ у нихъ никогда не было замѣчательнаго поэта; а религія превратилась въ какую-то смѣсь пошлыхъ предразсудковъ и бессмысленныхъ церемоній, не обнаруживая ни малѣйшаго нравственнаго вліянія на ихъ дѣйствительную жизнь. Последняя черта резко отличаетъ огнепоклонниковъ отъ Мусульманъ и Индусовъ, которыхъ вѣрованія имѣютъ такое сильное вліяніе на вѣшнюю жизнь, что поселяютъ въ нихъ почти непреодолимое отвращеніе къ послѣдователямъ другихъ религій, — чувство совершенно чуждое первымъ. Такое равнодушіе къ иновѣрцамъ подаетъ миссіонерамъ большія надежды на обращеніе ихъ къ христіанству; впрочемъ до сихъ поръ надежды эти осуществлялись очень слабо. Обхожденіе и манеры Парсовъ пріятны, ласковы, и не смотря на недостатокъ прямодушія и откровенности — слѣды угнетенія, которое терпѣла эта горсть пришельцевъ отъ людей чуждаго языка и религій, — въ нихъ западнаго элемента болѣе, чѣмъ въ другихъ жителяхъ востока. Въ конторѣ они ничѣмъ не отличаются отъ европейскихъ купцовъ; но въ домашнемъ быту строго придерживаются обычая предковъ. Жены занимаютъ второстепенную ролю и неохотно показываются иностранцу, хотя пользуются гораздо болѣею свободою, чѣмъ жены Магометанъ. Въ вечеру Парсы обыкновенно отправляются на широкую улицу, разделяющую Бомбей на двѣ неровныя половины; это у нихъ родъ биржи. Здѣсь они толкуютъ о торговыхъ дѣлахъ и изрѣдка бормочутъ молитвы, смысла которыхъ, такъ какъ зендскій языкъ, на которомъ написаны священныя книги, давно исчезъ между ними, — они совершенно не понимаютъ. Молитвы и сдѣлки продолжаются до заката солнца, и когда обожаемое ими свѣтло утонетъ въ волнахъ океана, они расходятся по домамъ.... Вообще религія Парсовъ давно потеряла свое внутреннее значеніе, — сохранилась только *внѣшняя* мертвая форма; ихъ

бессознательная молитва, часто прерываемая самымъ незначительнымъ разговоромъ, служить яснымъ тому доказательствомъ. Но и этотъ народъ произвелъ вполне великаго въ своемъ родѣ человека! Имя его сэръ Джемсиджи-Джишибгой. Рожденный въ Бомбей, въ 1783 году, отъ бѣднаго парса, добывавшаго насущный хлѣбъ по-кулкою и продажею старыхъ бутылокъ, онъ еще въ юности отличался такимъ умомъ и трудолюбіемъ, что богатый купецъ Франджи Насирванджи сдѣлалъ 18-тилтннаго Джишибгоя своимъ зятемъ и компаніономъ по торговлѣ; а двадцать лѣтъ счастливыхъ спекуляцій, нѣсколько удачныхъ путешествій въ Китай и кораблестроеніе *), которымъ онъ занимался въ обширныхъ размѣрахъ, сдѣлали его однимъ изъ богатѣйшихъ купцовъ Индіи и благодѣтелемъ человечества, какого востокъ никогда еще не видывалъ. Единственная страсть Джишибгоя — дѣлать людямъ добро, избегая притомъ малѣйшей извѣстности. Однажды, въ 1826 году, онъ выкупилъ изъ бомбейскихъ тюремъ всѣхъ, заключенныхъ за небольшіе долги. Въ продолженіи 18 лѣтъ онъ пожертвовалъ на общественныя постройки до 608,000 рупій **) и вѣроятно столько же на благодѣнія частнымъ лицамъ; на парскіе храмы — 170,000 рупій; на постройку зданія, въ которомъ бы рѣшались тяжбы его одновѣрцевъ — 50,000 руп.; пострадавшимъ отъ пожара жителямъ Сурата — 35,000 руп.; въ Пинд-жарполь или заведеніе для больныхъ животныхъ — 65,000 руп.; для примиренія разныхъ частныхъ лицъ и для окончанія чужихъ тяжбъ благородный другъ человечества издержалъ 30,000 рупій; на вспоможеніе людямъ невинно постигнутымъ несчастіемъ или бѣдностью — 40,000; на устройство колодцевъ и ключей 15,000 руп.; на украшеніе кладбищъ 30,000 руп.; и на постройку дома, въ которомъ всякій чужестранецъ имѣлъ бы безденежный пріютъ — 20,000 рупій. — Все это только малая доля добра, сдѣланнаго Джишибгоемъ. Какъ купецъ, онъ самой строгой честности, и его имя уважаютъ туземцы и европейцы цѣлой Индіи; въ обращеніи онъ простъ, добродушенъ и невѣроятно скромнъ. Очень понятно, что благодѣнія Джишибгоя преимущественно обращены на Парсовъ; но безконечная щедрость его простирается также на несчастливцевъ всѣхъ религій и всѣхъ народовъ. Директоры Остъ-Индской компаніи, въ знакъ высокаго уваженія къ этому огнепоклоннику, испросили ему у королевы

*) Парсы считаются лучшими кораблестроителями на востокѣ.

** Рупія не много больше полтины серебра.

Викторія дворянское достоинство; онъ первый изъ природныхъ жителей Индіи принялъ англійское «сэръ»,—и право, во всемъ христіанствѣ и еврействѣ нѣтъ такого благороднаго барона, какъ онъ! Возведеніе Джишибгой въ бароны происходило съ величайшей торжественностью, въ Пареллѣ, обыкновенной резиденціи бомбейскаго губернатора. Многочисленная толпа Парсовъ, Евреевъ, Индѣйцевъ и Магометанъ собралась на невиданное доселѣ зрѣлище. Того же дня, община Парсовъ, желая дѣйствовать въ духъ своего благороднаго одноверца, положила основаніе заведенію для перевода полезныхъ книгъ съ европейскихъ и восточныхъ языковъ на гусератскій, который въ западной Индіи давно сталъ ихъ роднымъ языкомъ; потомъ передали новому барону подписанный 932 членами адресъ на англійскомъ языкѣ, въ которомъ выхвалялись его честность, двѣтельность и человѣколюбивый образъ мыслей. Джишибгой благодарилъ въ прекрасной, дышащей теплой любовью къ ближнему, рвчи. Выразивши свою признательность, онъ продолжалъ: «вы слишкомъ благосклонно отзываетесь о моихъ человѣколюбивыхъ поступкахъ, и ваше благорасположеніе меня глубоко трогаетъ! Моя же единственная заслуга состоитъ въ томъ, что все сдѣланное мною происходило только отъ чистаго душевнаго желанія избыткомъ земныхъ благъ, которыми меня одарило Провидѣніе, улучшить, сколько могу, положеніе страждущихъ ближнихъ. Никогда себялюбивая цѣль не управляла моими поступками; никогда я не искалъ общественныхъ почестей или одобренія частныхъ лицъ. Въ простотѣ души и сердца, само дѣло награждаетъ меня. Когда я узналъ о милостивомъ намѣреніи Ея Королевскаго Величества, то меня особенно обрадовало, что именно въ моемъ лицѣ Англія такъ ясно выразила свое благоволеніе къ Индѣйскому народу. Такъ понимаю я почесть, которую сегодня возложили на меня! Цѣль же предполагаемаго нами заведенія вполнѣ прекрасна, и я всегда желалъ участвовать во всѣхъ попыткахъ, имѣющихъ цѣлью распространеніе наукъ и образованія между моими соотечественниками. Давно уже я обдумываю средства для облегченія участи бѣдныхъ Парсовъ въ Бомбей, Суратъ и окрестностяхъ; вы сами знаете, сколько дѣтей растетъ въ бѣдности и невѣжествѣ. И такъ я назначаю сегодня капиталъ въ 300,000 руп. государственными ассигнаціями, съ тѣмъ, чтобы проценты съ этой суммы употреблялись на поддержаніе бѣдныхъ семействъ, и на обученіе ихъ дѣтей. Теперь же, любезные друзья, позвольте мнѣ повторить еще разъ, что всего дороже для меня счастье и благоденствіе

монхъ согражданъ, которымъ я обязанъ вѣчною благодарностью за ихъ доброе мнѣніе обо мнѣ.»

Съ тѣхъ поръ сэръ Джемсиджи Джишибгой какъ-будто посвятилъ свое имущество исключительно на благодѣянія и вспоможенія. Въ 1843 году онъ началъ постройку больницы; прекрасное, обширное зданіе въ готическомъ вкусѣ давно окончено, и теперь въ немъ помѣщается 300 больныхъ; щедрый парсъ издержалъ на него 170,000 рупій. Вскорѣ послѣ того английское правительство въ знакъ благодарности и признательности прислало ему золотую осыпанную алмазами медаль съ надписью: «за щедрость и патриотизмъ», которую самъ губернаторъ сэръ Джорджъ Артуръ торжественно передалъ ему. Въ приветственной рѣчи губернаторъ упомянулъ о томъ, что сэръ Джемсиджи Джишибгой издержалъ на общепользные дѣла болѣе 900,000 рупій и еще значительнѣйшую сумму на вспоможеніе частнымъ лицамъ. Но великодушное пожертвованіе почти 2 милл. казалось ему недостаточнымъ; въ благородной душѣ его давно зрѣли два великія предпріятія, и именно теперь привелъ онъ ихъ въ исполненіе.

Бомбей построенъ на одномъ изъ многочисленныхъ острововъ, лежащихъ у Малабарскаго берега. Островъ этотъ имѣетъ до 7 милл. въ длину и до 3-хъ въ ширину. Берегъ, обращенный къ океану, высокъ и крутъ; противный же, обращенный къ землѣ, покрытъ великолѣпными кокосовыми пальмами и омывается волнами тихаго залива, но почва суха и бесплодна, такъ что многочисленное населеніе города получаетъ жизненные припасы съ Сальсеты и твердой земли. На главномъ пути сообщенія между Сальсетой и Бомбеемъ находится, хотя узкій, но чрезвычайно опасный проливъ, и какъ правительство не построило моста, то переправа происходила на перевозныхъ судахъ, которыя въ бурное время очень часто опрокидывались. Джишибгой рѣшился помочь общему горю. Въ 1843 г. онъ началъ на собственный счетъ построеніе моста и ведущаго къ нему макъ-адамовскаго шоссе; въ 1845 году все было кончено, и жители пользуются тѣмъ и другимъ бесплатно. Строителю это стоило 155,000 рупій, къ которымъ дѣди Джишибгой прибавила еще 20,000. Едва окончивъ одно благодѣяніе, Джишибгой началъ другое. Пуна, бывшая столица воинственныхъ Магратовъ, и теперь еще очень важная по мѣстности, лежитъ на горной равнинѣ, омываемой двумя рѣками; но какъ уровень этихъ рѣкъ ниже самой равнины, то городъ терпитъ по цѣлымъ мѣсяцамъ засуху и недостатокъ въ водѣ. Намъ

парсъ загородилъ устье рѣкъ каменною, въ 18 футовъ высоты и 650 футовъ длины, плотиною; устроилъ огромный бассейнъ, водопроводныя трубы, и снабдилъ городъ водою. Два раза, въ 1845 и въ 1847 году, быстрое теченіе прорывало плотину и грозило наводненіемъ; наконецъ въ 1849 новыя постройки уничтожили всякую опасность. Затемъ онъ основалъ въ Бомбей еще одинъ домъ для призрѣнія странниковъ; зданіе обошлось въ 80,000 рупій, а на содержаніе бѣдныхъ пришельцевъ онъ положилъ 50,000 рупій, къ которымъ его леди прибавила еще 20,000. А сколько онъ дарилъ школамъ, человеколюбивымъ заведеніямъ и т. п., никто не знаетъ; но любой учитель Бомбея скажетъ вамъ, что, въ продолженіи тридцатилѣтнихъ пожертвованій и вспоможеній, щедрая рука Джишшбгоа раздала до 6 милліоновъ рупій!

МЕЙЕРВЕРГЪ*). Періоды въ исторіи искусства повторяются съ тѣмъ только различіемъ между предшествовавшимъ и послѣдующимъ однородными періодами, что послѣдній есть высшее развитіе перваго. Такъ часто употребляемое сравненіе съ спиральною линіею идетъ и къ исторіи оперы. Между внуками и дѣдами часто бываетъ гораздо болѣе родственнаго, нежели между дѣтьми и отцами. Такъ во ввучатную эпоху Гассова періода музыки жилъ перерожденный Гассе: онъ назывался Россини. Въ моемъ сочиненіи *о новѣйшей оперѣ*, напечатанномъ въ 4-мъ томѣ *Gegenwart*, я высказалъ эту мысль слѣдующими словами: «всемірная слава Россини ведетъ свое начало со времени Вѣнскаго конгресса. Онъ былъ природный музыкантъ политической реставраціи.... Эта чувственно-привлекательная, щегольски отдѣланная музыка шла объ руку съ возстановленіемъ великопныхъ придворныхъ празднествъ; Россини снова поставилъ оперу на ту точку, на которой она уже стояла въ первой половинѣ XVIII столѣтія, когда Гассе такъ щедро расточалъ свой талантъ для театральнаго блеска. Сладкая пѣсня сирены въ обоихъ случаяхъ вполне соответствовала характеру поколѣнія, для котораго примадонны замѣняли государственныхъ мужей и героев. Можно смѣло сказать, что оперная музыка Россини — самый привлекательный цвѣтокъ искусства, рас-

*) Изъ новаго сочиненія Рала *»Musikalische Charakterköpfe.«* Stuttgart und Tübingen. 1853.

пустившийся под влиянием тогдашней реставрации. Обратите внимание на победоносное шествие rossiniевых оперъ по тогдашней Европѣ, особенно по Германіи, и вамъ тотчасъ бросится въ глаза замѣчательное явление: побѣжденная Италія, съ помощью своихъ оперъ опутала цѣплями Германію, оставшуюся побѣдительницей въ всемирной войнѣ и доводившую до послѣдней крайности свое пристрастіе ко всему національному въ языкѣ и литературѣ.... Опера Россини выступила, какъ реакція противъ музыкальной драматической школы Глюка и Моцарта: тогдашнее время не было благоприятно для поддержанія потрясенной въ своихъ основаніяхъ силы полной драматической жизни. Россини снова ввелъ въ оперу ту техническую вѣрность, ту твердую почву музыкальнаго ремесла, которыми такъ блисталъ Гассе и которые были совсѣмъ оставлены послѣ него....»

Говоря вообще, въ настоящее время нѣтъ сочувствія къ Гассе, очень мало къ Россини, и хорошо, что это такъ. Мы не довольствуемся одною чувственною красотой. Музыка снова перешла въ совершенно противоположную крайность, какъ это было при Глюкѣ. Стремленіе къ характеристикѣ грозитъ переступить даже за естественные предѣлы мѣры въ области искусства. Намъ хотѣлось бы передавать въ звукахъ всемирно-историческія мысли. Это напоминаетъ намъ *«Gedankenmalerei»* Каульбаха. Рихардъ Вагнеръ и Каульбахъ очень сходны между собою по своимъ основнымъ стремленіямъ въ искусствѣ. Оперы Гассе такъ же противоположны новой музыкѣ, какъ картонамъ Каульбаха противоположны картины какого-нибудь венеціанца, который сотни разъ рисуетъ красивую женщину на томъ только основаніи, что красивыя женщины красивы. Но и символическая живопись Каульбаха въ сущности явленіе не новое. Она ничто иное, какъ высшее развитіе аллегорій. Живописцы семнадцатаго и осьмнадцатаго столѣтій представляли въ аллегоріяхъ отдѣльныя понятія и положенія или какое-нибудь внѣшнее придворное или государственное событіе; Каульбахъ представляетъ аллегорически фазы развитія всемирной исторіи. То же и въ музыкѣ: прежнее представленіе въ звукахъ внѣшнихъ явленій естественной жизни перешло въ символическое представленіе историческихъ явленій. Но при этомъ живописцу и музыканту грозитъ опасность перемѣшать назначеніе искусствъ, и внести задачи поэзіи въ болѣе тѣсную область живописи и музыки

При одномъ взглядѣ на самаго значительнаго по своему вліянію современнаго композитора Мейербера — ясно обнаруживается постѣ-

песенный переходъ драматической музыки къ отвлеченнымъ представленіямъ. Романтическій *»Робертъ«* появился въ то время, когда новый романтизмъ былъ въ полномъ цвѣтѣ по обѣимъ сторонамъ Рейна, *»Гугеноты«* подь конецъ религіознаго движенія двухъ послѣднихъ десятилѣтій, и наконецъ *»Пророкъ«* съ мрачной перспективой общественнаго переворота семнадцатаго столѣтія, среди робкихъ общественныхъ волненій настоящаго времени! Въ каждой изъ этихъ трехъ оперъ Мейерберъ поднимался на высшую ступень самосознанія. Это самосознаніе состоитъ въ томъ, что свѣжій, вольный переливъ мелодій—не его дѣло, что онъ, этотъ ученый мастеръ, ниже самаго ничтожнаго итальянца въ смѣломъ вдохновеніи минуты, и, напротивъ, сужветъ побѣдоносно *поразить* его въ дѣлѣ замысловатаго символическаго представленія историческихъ явленій. Въ *»Пророкъ«* отбросилъ онъ наввную непосредственность творчества, которая никогда не нравилась ему; онъ сдѣлался самимъ собою. Чтбъ ему до чистоты и граціи формъ, гармоніи цѣлаго? Прекрасное кажется ему безобразнымъ, безобразное прекраснымъ, лишь бы онъ могъ поразить смѣлою и богатою группировкой массы и представленіемъ отвлеченныхъ понятій въ звукахъ.

Какъ свойственно нѣмецкому глубокомыслию, обработка цѣлаго протестуетъ противъ деспотизма итальянскаго соло, передъ которымъ такъ долго преклонялись нѣмецкіе композиторы. Замѣчательно, что демоническая сила злаго начала, музыкально олицетворенная въ *»Робертъ«* въ образъ Бертрама, въ *»Пророкъ«* представлена тремя анабаптистами въ искусственной формѣ облигатаго терцета. Основная черта новѣйшей оперы въ томъ, что терцеты, квартеты, и даже хоръ изъ простаго придаточнаго украшенія сливаются въ дѣйствующую личность. Музыкальная побѣда массы надъ индивидуумомъ!

»Блудный сынъ« Обера, — произведеніе, исторически замѣчательное, не смотря на всь его недостатки, построено исключительно на эффектѣ мѣстнаго колорита музыки, на эпически широкомъ символическомъ представленіи патриархальнаго общества и природной жизни на востокъ.

Но какъ Фаустина шла рука объ руку съ Гассе и вмѣстѣ съ нимъ была творцемъ его произведеній, такъ и теперь въ драматическомъ пьніи выступаетъ направленіе, которое умѣетъ придать еще б лве жизни и индивидуальности отвлеченностямъ новѣйшей оперы. Первенство въ этомъ отношеніи безспорно принадлежитъ парижскому тевору Рожеру.

Рожеръ болѣе нежели пѣвецъ: онъ вмѣстѣ драматическій поэтъ. Его чудная мимика создаетъ совершенно новыя положенія, которыхъ нѣтъ ни въ текстѣ, ни въ партитурѣ. Онъ даетъ своей роли такую полную индивидуальность, что герой оперы незаметно переходитъ въ болѣе опредѣленнаго героя трагедіи. Вы слушаете оперу, но когда упадетъ занавѣсъ, вамъ кажется, будто вы видѣли шекспировскую драму....

ПОТРЕБЛЕНІЕ ЖИЗНЕННЫХЪ ПОТРЕБНОСТЕЙ ВЪ ХРУСТАЛЬНОМЪ ДВОРЦѢ. Посѣтители Хрустального дворца, которые старались ознакомиться и съ различными заведеніями, назначенными для удовлетворенія публики, конечно, замѣтили, что въ этомъ зданіи позаботились и о потребностяхъ желудка. На выставкѣ не было недостатка въ мѣстахъ, гдѣ можно было добыть всякаго рода пищу и питье.

Нѣкто г. Швеппе и К^о заплатилъ 66,000 гульденовъ за одно позволеніе продавать пищу и питье; онъ предложилъ больше другихъ, и это право осталось за нимъ 6,039,195 человекъ, посѣтившіе Хрустальный дворецъ съ 1 мая по 15 октября, истратили на закуски 906,693 гульдена. Быть можетъ, читателя удивитъ определенность цифръ въ такомъ дѣлѣ. У всѣхъ входовъ въ Хрустальный дворецъ стояла полицейская стража; мѣсто, гдѣ продавалась пища, имѣло особый входъ, такъ что не трудно было слѣдить за этимъ отдѣленіемъ. Тамъ были потреблены слѣдующіе предметы: 120,409 хлѣбовъ, большихъ и малыхъ; 137,590 пирожковъ; 58,776 фунтовъ другихъ пирожковъ; 28,046 штукъ колбасъ и сосисекъ; 1,738,788 штукъ всякаго печенья; 37,322 фунта сухарей; 73,280 другихъ бисквитъ; 36,000 штукъ тонкихъ пастетовъ; 4840 фунтовъ варенья изъ вишенъ; 2000 ананасовъ; 226,000 фунтовъ мяса; 36,130 фунтовъ соленнаго мяса, языка и т. п.; 66,000 фунт. ветчины; 72,000 ф. картофеля; 1120 ф. горчицы; 2400 посудинъ желе; 14,299 ф. кофе; 1015 ф. чаю; 4836 ф. шоколаду; 33,432 посудины молока; 32,049 стлянокъ сливокъ; 1,092,337 бутылокъ содовой воды, ивбирнаго пива, лимонада; 5,350 бутылокъ грушеваго сиропа; 726,000 фунт. льду для приготовленія холоднаго и охлажденія напитковъ; 74,000 ф. соли. 22 отдѣленія для мужчинъ и 47 отдѣленій для женщинъ принесли 29,302 гульдена и 21,239 гульденовъ чистаго барыша.

Эти цифры заимствованы изъ донесенія, представленнаго Англійской Королевѣ государственнымъ секретаремъ Вальполемъ.

ЗАМѢТКИ О РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ. Какъ хороши и какъ полезны статьи г. Покровскаго о ошибкахъ въ русскомъ языкѣ. Дай Богъ, чтобъ онъ и еще писалъ; да написалъ бы и вообще о нынѣшнемъ русскомъ слогѣ! Стыдно сказать, что въ наше время кн. Н писалъ лучше нынѣшнихъ ученыхъ! Поймаютъ какое-нибудь слово, не оцѣпять его разумомъ, не взвѣсать, — и давай его употреблять ни къ селу ни къ городу! — Напримеръ — съ тѣхъ поръ, какъ стала ни по чемъ безсовѣстность суждений, вошло въ моду слово «добросовѣстность». — И что же я нахожу въ одномъ сборникѣ, который впрочемъ я очень уважаю за его ученые статьи объ искусствѣ и древностяхъ! — Издатели обѣщаютъ въ предисловіи *посильную добросовѣстность!* — Да развѣ это позволительно? — Можно обѣщать «посильный трудъ», потому что никто не можетъ требовать отъ насъ ничего выше нашихъ физическихъ силъ; а посильная добросовѣстность — это отговорка не благовидная, потому что добрая совѣсть должна быть у всѣхъ одинакова! — Это происходитъ рѣшительно отъ непривычки оцѣпывать значеніе словъ, тѣмъ болѣе, что всѣ статьи сборника самыя добросовѣстныя!

А нынѣшнія слова и выраженія! — Уши вянуть! — напр. *на балу!* Да знаютъ ли они, что по одному этому выраженію человекъ хорошаго воспитанія тотчасъ узнаетъ человека низкаго круга! — *Корпуса* вмѣсто *корпусы* есть выраженіе казармъ и тѣхъ людей, которые вмѣсто «военный офицеръ» говорятъ: «полковой офицеръ!» — Слово *жесе жек* употребляется нынѣ сплошь вмѣсто «все-таки»; а слово «таки» поставлено и въ Академическомъ Словарѣ! — *Статуетки*, вмѣсто русскаго уменьшительнаго «статуйки». Эти иностранщія окончанія обыкновенно начинаются въ петербургскихъ газетахъ и журналахъ; потомъ переходятъ въ объявленія магазиновъ, а потомъ появляются и въ московскихъ статейкахъ. Это мнѣ напоминаетъ, что К. Г. который терпѣть не могъ подъяческихъ штукъ, называлъ это «подъячизмъ», а не «подъячествомъ». Вообще я желалъ бы растолковать нынѣшнимъ писателямъ, что если слово не переводится, а только переносится изъ одного языка въ другой, то должно сохранять окончаніе на *мамъ*, напр. *солецизмъ*; а ежели переводится, то это *isme* перемѣняется на *ство*, или, лучше сказать, не перемѣняется, а принимаетъ это русское окончаніе. — А слово *статуя* съ незапамятныхъ временъ сдѣлалось русскимъ; да и по происхожденію своему — оно *латинское*, а не французское, и выговаривается у насъ почти какъ

Латинское *statua*: отъ чего же ему въ уменьшительномъ даютъ французское окончаніе?

А это несносное *ложимо* вмѣсто «мимок»,—оно взято именно отъ подъячихъ; но неужели у нихъ учиться языку! — Я помню, что я въ сенатъ ежедневно вымарывалъ это дрянное слово, не прибавляющее никакого смысла къ прежнему «мимок». — Далѣе, есть у насъ шутовское слово *мальчугань*. Недавно я нашелъ въ одной повѣсти петербургскаго журнала: *старчугань*,—слово, котораго нѣтъ!

Еще вошло у насъ въ моду: *предпосланнѣй*, вмѣсто совершенно русскаго «предшествующій». Это просто переводъ съ нѣмецкаго: *vorgesandt*; отъ чего же Нѣмцы не пишутъ въ тѣхъ же случаяхъ *vorgesandt*? Отъ того, что они знаютъ оценку словъ, слѣд., знаютъ, гдѣ которое поставить! — Еще вездѣ пишутъ нынѣ (рѣшительно *вездѣ*, и у насъ въ Москвитянинѣ), *моргать глазами*; а моргаютъ только носомъ, глазами же «мигаютъ». Даже совершенно неправильно поставлено въ Академическомъ Словарѣ: «моргать—часто закрывать глаза веждами, мигать, съ движеніемъ мускуловъ лица. — Но если даже и принять это опредѣленіе, то поправка, или объясненіе академіи: «съ движеніемъ мускуловъ лица» — доказываетъ, что моргаютъ не глазами, а что въ это время и *мигаютъ!* *)

Въ одной петербургской повѣсти я нашелъ нѣсколько разъ повторенное слово: *бакены*, вмѣсто *бакенбартъ*. Неужели эти универсальные люди не знаютъ, что *Bastien* «щеки», а *Bart* «борода»!

Далѣе — пишутъ нынче: *войти* въ дверь, и *войти* на лѣстницу. Предлогъ *во* означаетъ *вмѣщеніе*; а потому, такъ какъ входя въ дверь, я въ нее вмѣщаюсь, то и должно писать: *войти* въ дверь. А предлогъ *воз* означаетъ *возвышеніе*, то должно писать: *войти* на лѣстницу; ибо это именно *воз-ходить*, *идти выше*.

Еще пишутъ нынѣ у насъ въ винительномъ падежѣ: «я читаю *Вѣстника*, или *Современника*.» — Если бы это былъ человекъ, лице одушевленное, то конечно винительный падежъ долженъ бы быть на *а*. Напр. «я видѣлъ этого знаменитаго современника; я встрѣтилъ этого радостнаго вѣстника. Но такъ какъ *Вѣстникъ* и *Современникъ* журналы, то-есть не лица, а вещи *неодушевленные* (это, право, не эпиграммы!), то, по правиламъ русской грамматики, должно писать: «я читаю *Вѣстникъ* Европы, я читаю *Современникъ*.»

*) Смѣемъ замѣтить, что это замѣчаніе не справедливо: моргаютъ именно глазами: напримѣръ моргаетъ заяцъ, и пр. Такъ употребляется этотъ глаголъ въ Москвѣ, а въ другихъ мѣстахъ, можетъ быть, иначе.

Еще пишутъ и печатаютъ въ винительномъ падежѣ: *«этимиъ лице.»* — Такъ какъ въ этомъ случаѣ *лице*, *regions*, только по недостатку другаго слова взято у насъ отъ лица, *vultus*, а слово само по себѣ все-таки *лице*, т. е. *vultus*, *visage*; то и должно его склонять, какъ *часть* челоуѣка; а отдѣльная часть существа одушевленнаго, безъ цѣлаго, есть неодушевленная вещь. И потому должно писать въ винит. падежѣ: *«это лице, эти лица»* — я видѣлъ эти знаменитыя *лица*; а не такъ, какъ нынче пишутъ: *«я видѣлъ этимиъ знаменитыиъ лица.»* Это выходитъ падежъ *родительный*; это совершенная ошибка противъ русскаго языка и русскаго грамматики! — Если бы, напр., ораторъ назвалъ гордаго завоевателя кедромъ, протершимъ далеко вѣтви; неужели онъ сказалъ бы: *«я видѣлъ этою кедря, простирающаю вѣтви»*, потому только, что рѣчь идетъ о челоуѣкѣ!

Почему еще глаголь *заслуживать* управляетъ нынче *родительнымъ* падежемъ, а не *винительнымъ*? Надобно писать: *заслуживать что*, а не *чю*. Мы говоримъ же: *«онъ заслужилъ половину жалованья, а не половины.»* Почему же пишутъ: *«онъ заслуживаетъ одобренія, похвалы, а не одобреніе, похвалу?»*

Почему пишутъ *«совладать»*, когда нѣтъ глагола *«владать»*? — Это — мужичье слово, которое употребляютъ нынче наши писатели, думая въ патріотической гордости, что они черезъ это дѣлаются *русскими*! — Да развѣ быть русскимъ значить непременно быть мужикомъ? — Если хотите, я вамъ пришлаю словъ полтора, употребляемыхъ мужиками и бабами Симбирской губерніи. Но прошу покорно писать ими статьи въ Москвитиннѣ: васъ никто и понимать не будетъ, даромъ что здѣшнее нарѣчіе не далеко отъ московскаго! — А это низкое слово *«совладать»* встрѣчается и у васъ въ Москвитиннѣ, который прежде отличался чистотою языка, наследованнаго издателемъ въ московскомъ университетѣ, въ наше старинное время. Въ 23 № (Журналистика, стр. 66), я нахожу: *«не совладаль съ его медленными и косвенными дѣйствіями.»* — Въмѣсто этого у насъ всегда употреблялось: *«не сладиль.»*

А слово *свадьба*, которое нынче пишутъ *сватѣба*. Да они хоть бы взглянули на производное: *свадебный*, а не *сватѣбный*. Вообразили, что это слово происходитъ отъ слова *сватовство*; а сватовство — еще не свадьба; есть слово *сватать*, есть и старинное слово *свадити*. А если оно представляетъ смыслъ *ссоры*, нѣсколько противный слову *свадьба*, которое предполагаетъ напротивъ *согласіе*: то

есть и другое слово, отъ котораго можно произвести: это глаголъ *сводитъ*. А перемѣна о на а известна: есть глаголъ *наводитъ*, а существительное есть *наважденіе*; *громоздитъ* — *громада*. — Впрочемъ на что тутъ производство самаго слова, когда производное отъ него *свадебный*, показываетъ, что должно писать: *свадьба*. Въ Словарѣ Академіи: *свадьба*.

Но ничто меня такъ не выводитъ изъ терпѣнія, какъ слово *совпадаютъ*! — Оно, можетъ быть, очень хорошо въ языкѣ техническомъ, ученномъ, но нигдѣ болѣе! — У насъ теперь, вмѣсто того, чтобъ сказать: «такой-то авторъ *согласенъ* въ этомъ съ такимъ-то», говорить: «совпадаетъ»! — Скоро будутъ говорить: «я, прогуливаясь по бульвару, всякой разъ *совпадаю съ вами въ мысляхъ*, потому что всякой разъ встрѣчаюсь съ вами!» — Но языкъ разговорный у насъ счастливейше письменнаго! — Это педантизмъ, начавшійся съ Полевова и дошедшій нынѣ до крайней степени! — Разберемте это слово *совпадать*. — Въ немъ первое понятіе — *падать*; предлогъ *со* представляетъ второе прибавочное понятіе — *падать со что*; союзъ *со* — третье прибавочное же понятіе — *падать съ мыслью*. И всѣ эти три понятія не прибавляютъ ничего къ смыслу, и даже не выражаютъ его съ точностію. Беру примѣръ: «замѣчанія, не совсѣмъ *совпадающія* съ выводами автора.» — Чѣмъ хуже было бы: *не совсѣмъ согласныя*? — Тутъ по крайней мѣрѣ есть понятіе о согласіи. Но въ понятіи о *выводахъ* и *замѣчаніяхъ* нѣтъ вовсе понятія о *падении*, тѣмъ менѣе о *опадении*; а союзъ *со* хотя и выражаетъ соединеніе, но тоже никакого понятія о томъ, чтобъ замѣчанія и выводы автора и критика *падали со что-нибудь съ мыслью*. — Такимъ образомъ, при разумномъ разборѣ этого выраженія, *совпаденіе съ смысломъ другимъ* оказывается просто безсмыслицею и каррикатурой! — Кромѣ того, въ словѣ *простомъ*, (а я надѣюсь, что, напримѣръ, Московскія Ведомости пишутся слогомъ не ораторскимъ и не пѣтическимъ), не къ чему употреблять выраженіе метафорическое; а слово *совпадать*, какъ имѣющее значеніе переносное, есть выраженіе метафорическое.

Послѣ всѣхъ этихъ замѣчаній, какъ не вспомнить словъ Фонъ-Визина въ его «Бригадирѣ»: «прежде, бывало, кто хорошо писалъ по-русски, такъ ты знавали грамматику; а нынѣ никто ея не знаетъ, а всѣ пишутъ.» — Карамзинъ и его школа (хотя отъ не заводилъ школы), даже до послѣднихъ, ничтожныхъ писателей, не дѣлали такихъ ошибокъ въ русскомъ языкѣ! — Я это пишу тольکو къ вамъ, во и хотите, пожалуй напечатайте все это; оставляю на вашу волю;

а отъ моего имени я никогда не отказываюсь! Но давно было у меня на душѣ высказать все это откровенно! Какъ ни станешь читать по-русски, особливо петербургскіе журналы, всегда находишь доказательства, что мы по-русски писать разучились!—Нынче болѣе прежняго пужно читать Карамзина и учить его сочиненія наизусть, начиная съ »Бѣдной Лизы« и »Писемъ Русскаго Путешественника«, и до послѣдней страницы »Исторіи Россійскаго государства! Я не говорю, чтобы мы должны были писать совершенно его слогомъ, какъ онъ ни очарователенъ; но мы должны изучать его для того, чтобы своимъ собственнымъ слогомъ писать хорошо: чисто, плавно свободно и правильно! — Кто хочетъ писать хорошо по-французски, тотъ никогда не выучится слогу, не только изъ Jule Janin, но даже и изъ Вольтера; а долженъ перечитывать Паскаля и Фенелона.—Почему?—Потому что у тѣхъ красота слога зависить первако отъ капризнаго выраженія, и по большой части отъ частнаго, или личнаго ихъ вкуса; а у двухъ послѣднихъ слогъ имѣетъ общее разумное основаніе. На первыхъ этихъ началахъ можетъ явиться слогъ и Марлинскаго, и Луганскаго; но на вторыхъ только слогъ Карамзина, Батюшкова и имъ подобныхъ писателей. Къ ихъ школь принадлежать у насъ по слогу: Ив. Ив. Давыдовъ, Гречъ, Каченовскій, и др. Вообще думаютъ у насъ, что слогъ Карамзина только ласкаетъ слухъ; нѣтъ! ежели мы разложимъ его рѣчь на части и взглянемъ на ихъ соотношенія (что и показалъ И. И. Дав. въ Опытѣ о порядкѣ словъ), то мы найдемъ въ его слогѣ не одно музыкальное, но и разумное начало.—Теперь у насъ нѣтъ ни того, ни другаго! Всякой пишетъ, какъ ему на ту минуту взбрѣдетъ на умъ! Это не языкъ и не стиль; и не въ этой натурѣ на распахку — достоинство писателя! За то и публика раздѣлилась на двѣ половины: одна ничего не читаетъ по-русски, хоть того же класса люди прежде читали; а другая половина все жуеетъ безъ разбора, что ни дадутъ! Не очевь лестно литературѣ народа существовать только для этихъ полуграматныхъ читателей! Не такъ, и не для нихъ писалъ Пушкинъ!

Хочу прибавить еще о словѣ »совпадать« (*c'est ma bête noire!*)! Хотя это слово и находится въ Словарѣ Академіи; но тамъ замѣчено одно его извѣстное (техническое) употребленіе, именно въ геометріи: *совпадающія линіи*. А изъ всѣхъ другихъ примѣровъ видно, что оно именно не имѣетъ опредѣленнаго значенія, а служитъ замѣной разнымъ глаголамъ, напр. *находиться, дѣйствовать вмѣстѣ съ кѣмъ-либо, сопутствовать кому-либо, привязываться своимъ*

Дуракъ

существованіемъ къ другому. Вотъ объясненіе академіи, изъ котораго еще болѣе видно, что это слово рѣшительно не имѣетъ опредѣленнаго значенія; а о логическомъ его смыслѣ я сказалъ уже. Тамъ же находится еще примѣръ такой: *Пасха совпадаетъ иногда въ одинъ день съ Благовѣщеніемъ*. Но мы, вмѣсто этого, говорятъ по-русски: »Пасха *сходится* съ Благовѣщеніемъ, Пасха *приходится* иногда въ одинъ день съ Благовѣщеніемъ»; что гораздо простѣе, понятнѣе и лучше. Я не преслѣдую этого слова, ибо ни одного слова не должно изгонять изъ языка: но преслѣдую его безразсудное и безпреставное употребленіе! — Я желаю только, чтобъ писатель подумалъ о смыслѣ слова, которое пишетъ его перо, и подумалъ бы, на своемъ ли оно мѣстѣ! — Читаю я въ 24 № Москвитянина извѣстія изъ Кіева. Что же нахожу? »Сумароковъ представляетъ *счастливое совпаденіе съ требованіями вкуса.*« — Трагедія Озерова представляетъ *счастливое совпаденіе съ состояніемъ народнаго духа.*« — »Главная идея комедіи выразилась въ стремленіи *уничтожить общество* до-петровскую *отрицательно.*« — Спрашиваю: какъ *уничтожить отрицательно*, и *уничтожить положительно*? — Согласитесь, что если бы къ вамъ въ кабинетъ вошелъ вдругъ чело­вѣкъ и заговорилъ эдакимъ языкомъ, что бы вы объ немъ подумали?

Какъ я былъ доволенъ, что статья о критикѣ, напечатанная въ Библиотекѣ, была, такъ сказать, выведена на чистую воду въ Москвитянинѣ! Мнѣ горько было читать ее! это цинизмъ литературы, дошедшей до презрѣнія самой себя! Я догадываюсь, что мы обязаны разборомъ этой статьи N. N. Онъ у васъ драгоценный критикъ; желалъ бы ему только, между нами сказать, побольше легкости и веселости, и поменьше европеизма. Вы знаете, что я и самъ его люблю: но европеизмъ требуетъ болѣе элегантной формы. Лучше объяснитъ­ся же умью! А между тѣмъ бывають и въ Москвитянинѣ небольшіе промахи; впрочемъ не знаю у кого. На прим. гдѣ-то у васъ напечатано, кажется, въ одной переводной повѣсти, что кто-то, въ досадѣ на жену, ухватилъ въ саду обѣими руками *лилію*, и хотѣлъ выдернуть это *деревцо*, но не могъ! — Должно быть этотъ мужъ былъ очень слабосиленъ! — А дѣло въ томъ, что по-французски вѣрно тутъ было *le lilas*, что значитъ по-русски *скрени*, или *синель*; а *лилія* по-франц. *le lis*. Переводчикъ могъ и не знать этого слова; но долженъ былъ догадаться, что цвѣтокъ *лилію* можно выдернуть двумя пальцами. — Съ этими *лиліями* у васъ вечно исторія! Въ однихъ стихахъ, напечатанныхъ въ Москвитянинѣ, вмѣсто; »тамъ гдѣ дали цвѣтуть,«

т. е. махрова георгина, поставлены были линии! — Экая охота до линий! Вы верно за Бурбоновъ! — Однако видите ли, съ какимъ вниманіемъ я читаю вашъ Москвитянинъ, или, по выгншему, «вашего Москвитанина», что будетъ даже и правильно, потому что онъ журналъ одушевленный! — *«N'est-ce pas que c'est un compliment assez joliment tourné!*

Я читалъ въ Москвитянинъ стихи на смерть славянскаго поэта, кажется, переводъ Берга. А на кончину нашего Жуковскаго не написалъ ни одинъ русскій стихотворецъ! На насъ стариковъ взыкать нечего; а что думаютъ молодые! — Могло ли это быть въ наше время! нѣтъ восторга, нѣтъ теплоты, нѣтъ родственнаго сочувствія! Жуковскій умираетъ безгласно; ибо что наша холодная проза! Не ему нужны теперь наши стихи; но намъ стыдно, что онъ не растрогалъ нашего чувства!.... —

Перепечатаемъ анекдотъ о пушкинѣ изъ одного петербургскаго изданія. Воспитанникамъ лица было задано написать въ классъ сочиненіе: *восходъ солнца* (любимая тема многихъ учителей словесности, преимущественно преннаго времени). Всѣ ученики уже кончили сочиненія и подали учителю, дѣло стало за однимъ, который, будучи впроятно разсвѣвъ и не въ расположеніи въ эту минуту писать о такомъ возвышенномъ предметѣ, только вывелъ на листъ бумаги слѣдующую строчку:

»Се отъ запада грядетъ царь природы.»

— Что-жь ты не кончаешь? сказалъ автору этихъ словъ Пушкинъ, который прочиталъ написанное.

— Да ничего на умъ неидетъ; помоги пожалуйста, всѣ уже подали, за мной остановка!

— Изволь. — И Пушкинъ такъ окончилъ начатое сочиненіе:

»И изумленные народы «

Не знаютъ, что начать:

Ложиться спать,

Или вставать?»

Тотчасъ по окончаніи послѣдней буквы сочиненіе было отдано учителю, потому-что товарищъ Пушкина, ввря ему, не трудился даже прочесть написаннаго.

Можете представить, каковъ былъ хохотъ при чтеніи сочиненія двухъ лиценствъ.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИЗВѢСТІЕ. Талантливый композиторъ многихъ русскихъ романсовъ, г. Булаховъ, написалъ новую музыку на слова Кольцова:

»Я затеплю свѣчу воску яраго,
 Распаяю кольцо друга милаго.
 Загорись, разгорись роковой огонь,
 Расстояи, распаяй чисто золото», и проч.

Сочиненіемъ голоса для этой пѣсни занимались уже двое нашихъ композиторовъ: г. Гурилевъ и еще не помнимъ кто-то, но ни тотъ, ни другой голосъ, по нашему мнѣнію, не соответствуютъ вполне смыслу словъ, написанныхъ поэтомъ какъ бы подъ вліяніемъ гадательнаго мистицизма. Г. Булаховъ, совершенно понявъ характеръ стихотворенія, выбралъ для него очень удачно мотивъ нашихъ старинныхъ, *подблюдныхъ* пѣсень, и прекрасно модулировалъ этотъ мотивъ. Въ его музыкѣ есть именно та драматичность и та таинственность, которыхъ исполнено самое стихотвореніе. Въ ней, сквозь новыя модуляціи, слынится что-то знакомое, что-то близкое русскому сердцу, но слышится въ такихъ мягкихъ, въ такихъ неумовимыхъ звукахъ, что невольно задумаешься: откуда взяты эти улекательные и что-то навоминающіе звуки?...

Романсъ г. Булахова выйдетъ на дняхъ, и мы спѣшимъ сообщить эту пріятную новость любителямъ русскаго пѣнія.

ЖЕЛѢЗНАЯ РУКА.

РОМАНЪ ЛЕКОНТА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Произшествія, разсказываемыя въ этомъ романѣ, начинаются съ того времени, какъ Карлъ II-й, наслѣдникъ Англійскаго престола, былъ разбитъ войсками Кромвеля у Ворчестера.

Потерявши въ этомъ сраженіи все свое войско, Карлъ II-й искалъ спасенія въ бѣгствѣ, и тщательно укрывался отъ преслѣдователей, посланныхъ Кромвелемъ для его поимки. До Вителанди сопутствовали ему герцогъ Букингамъ, и графы Дерби и де-Лаудердалъ. Но здѣсь рѣшено было, что присутствіе знаменитыхъ спутниковъ увеличиваетъ опасность короля, и онъ простился съ ними. Обрѣзавши свои прекрасные волосы, Карлъ надѣлъ платье угольника, вычернилъ себѣ лице и руки, и въ этомъ видѣ работалъ въ лѣсу вмѣстѣ съ однимъ Пендриллемъ, давшимъ ему убѣжище.

Во время этого укрывательства присоединился къ нему полковникъ Карлесь, одинъ изъ храбрыхъ предводителей разбитой арміи, горячо любившій короля своего и готовый всѣмъ жертвовать для его спасенія.

Слухи о мѣстѣ приставища Карла достигли до Кромвеля, и онъ послалъ новое войско для его отысканія. Положеніе укрывавшихся становилось часъ отъ часу невыносимѣе. Цѣлые дни проводили они въ лѣсу, слышали иногда стукъ оружія своихъ преслѣдователей, видали иногда ихъ блестящія латы, и таились въ самыхъ непроходимыхъ чащахъ своего убѣжища.

Однѣжды солдаты Кромвеля были такъ близко, что Карлесь не нашелъ другаго средства къ спасенію, какъ взобраться вмѣстѣ съ королемъ на густой и высокой дубъ.—Счастливая мысль эта спасла жизнь

ихъ , потому что цѣлыя толпы солдатъ разсѣялись по лѣсу для по-
исковъ и часто проходили подъ самымъ дубомъ.

Исторія говоритъ , что изнуренный Карлъ уснулъ на рукахъ вѣр-
наго Карлеса.

Въ послѣдствіи дубъ этотъ сдѣлался предметомъ почитанія цѣлой
страны и получилъ названіе »Королевскаго дуба.«

Взойдя на престолъ своихъ предковъ , Карлъ II-й , наградившій во
заслугамъ полковника Карлеса , далъ ему гербъ , который изображалъ
зеленый дубъ на золотомъ полѣ , три королевскія короны , украшенныя
лубовою гирляндой , шпагу и девизъ : »одного добраго гражданина
достаточно , чтобы спасти своего короля и отечество.« Въ позднѣйшее
время знаменитый дубъ этотъ былъ воспѣтъ многими поэтами , а астро-
номъ Галлей назвалъ »Королевскимъ дубомъ« созвѣздіе , открытое имъ
въ 1692 году.

Когда Карлесъ убѣдился , что солдаты удалились изъ лѣсу , онъ со-
шелъ вѣстѣ съ королемъ съ дуба , и послѣ долгаго пути присталъ къ
хижинѣ одного католика , служившаго прежде подъ его начальствомъ.
Для большей предосторожности вѣрный слуга рѣшился разстаться съ
королемъ своимъ и отправиться впередъ , чтобы приготовить ему госте-
пріимныя убѣжища.

Карлъ хотѣлъ переѣхать во Францію , и поэтому положено было при-
близиться къ южному берегу Англіи.

Во время этого опаснаго путешествія нѣсколько разъ грозилъ королю
опасность быть узникомъ.

Однажды ужиналъ онъ въ одной гостинницѣ , принявши видъ скро-
наго путешественника. Въ комнатѣ , гдѣ сидѣлъ онъ , стали разговари-
вать о королѣ , и сосѣдъ его по столу принималъ очень живое участіе
въ разговорѣ.

— Развѣ ты знаешь короля? спросилъ Карлъ у своего сосѣда.

— Я видѣлъ его болѣе двадцати разъ , отвѣчалъ онъ.

— Каковъ онъ изъ себя? продолжалъ король въ невольномъ испугѣ.
Узнаешь ли ты его , если съ нимъ встрѣтишься?

— Еще бы не узнать!... отвѣчалъ англичанинъ , пристально глядя на
своего собесѣдника; онъ очень похожъ на тебя.... Только онъ повыше
ростомъ и волосы у него свѣтлѣе.

Другой разъ онъ былъ узнавъ содержателемъ гостинницы. Этотъ че-
ловѣкъ пригласилъ его сойти вѣстѣ съ нимъ въ погребъ съ виномъ ,
какъ будто для того , чтобы онъ помогъ ему разлить бутылки. При-

шедши туда, содержатель налилъ стаканъ лучшаго вина, саялъ шапку, сталъ на колѣни и сказалъ:

— Государь!... Я узналъ васъ.... но не бойтесь, я буду вамъ вѣренъ до конца моей жизни.

Карлъ выпилъ вина вмѣстѣ съ этимъ благороднымъ гражданиномъ.

Наконецъ послѣ многихъ опасностей и трудовъ Карлъ достигъ до Бристоля. Здѣсь Карлесу не удалось найти ни одного королевскаго приверженца и несчастные бѣглецы направили путь свой къ Линну.

Прибывшій сюда прежде короля Карлесъ успѣлъ условиться съ капитаномъ одного корабля и получилъ его обѣщаніе, что онъ выѣдетъ изъ пристани, и, не удаляясь отъ берега, будетъ ожидать своего пассажира. Но жена капитана, подозрѣвая, что мужъ ея хочетъ предпринять какое-нибудь опасное путешествіе, не пустила его изъ дома въ условленное время, грозя призвать сосѣдей, если онъ будетъ упорствовать въ своемъ намѣреніи. — Несчастный Карлъ вернулся въ городъ, проведя цѣлую ночь на берегу моря въ напрасныхъ ожиданіяхъ.

Въ отсутствіе Карла случалось происшествіе, сильно грозившее его безопасности. — Путешественники, ночевавшіе въ той гостинницѣ, гдѣ присталъ и король, призвали кузнеца и велѣли осмотрѣть подковы лошадей своихъ. Кузнецъ случайно оглядѣлъ подковы и лошади Карла, и съ удивленіемъ объявлялъ, что всѣ четыре подковы были дѣланы въ различныхъ графствахъ. По счастью, Карла не было въ гостинницѣ, когда начались толки о подковахъ, и толки эти не дошли до правительства, которое конечно не замѣдило бы послать погоню по всѣмъ сторонамъ за таинственнымъ путешественникомъ, схавшимъ такъ далеко на одной и той же лошади.

Послѣ этой неудачи король отправился въ Бригтейнштедъ, небольшое мѣстечко въ графствѣ Суссексъ.

Бригтейнштедъ представлялъ въ то время мало-населенное мѣстечко, жители котораго занимались рыбной ловлей въ небольшой бухтѣ, вдавшейся въ песчаный берегъ.

Лучшій или удобѣйшій для житья домъ былъ выстроенъ вдали отъ прочихъ хижинъ почти на самомъ берегу моря.

Около мѣсяца всѣ окна этого дома были тщательно заперты ставнями, открытымъ оставалось только одно, выходившее на море. Жители мѣстечка, трудившіеся цѣлые дни для своего пропитанія, не отличались особеннымъ любопытствомъ: иначе домъ этотъ, стоявшій ~~дальше~~ въ пустыннѣ и обитаемый съ недавняго времени какими-то таинственными жильцами, непременно возбудилъ бы общее подозрѣніе. Въ прежнія вре-

мева домъ этотъ служилъ пунктомъ наблюденія, устроеннымъ въ войну съ Голландіей. Офицеръ, занимавшій это жилище, обнесъ его каменною стѣною и разбилъ внутри стѣны небольшой садикъ. Стѣна сложена была изъ необдѣланныхъ камней, положенныхъ одинъ на другой и не имѣла въ цѣлости правильной формы.

Входъ былъ устроенъ очень оригинально и состоялъ изъ нѣсколькихъ сбивчивыхъ поворотовъ по каменному корридору.

Никто изъ жителей не приближался къ этому обиталищу со времени отъѣзда офицера съ солдатами. Мрачность и таинственность этихъ стѣнъ вселяла какой-то суевѣрный страхъ, увеличившійся до крайности провозшествіемъ, случившимся года за два до нашего разсказа. Одинъ изъ матросовъ сосѣдняго порта, смѣявшійся надъ боязнію туземцевъ, и замѣтившій, что одинъ камень въ стѣнѣ лежалъ не такъ плотно, рѣшился его вытащить и заглянуть въ сокровенный садъ. Но камень лежалъ очень высоко, и былъ слишкомъ тяжелъ, такъ, что въ ту минуту, когда матросъ его выдвинулъ, онъ вырвался изъ рукъ его и раздробилъ ему голову.

Это провозшествіе усилило еще болѣе страхъ жителей и они никогда болѣе не пытались проникнуть въ таинственный домъ. Несчастнаго матроса зарыли не далеко отъ стѣны, поставивъ на могилѣ его деревянный крестъ въ воспоминаніе его необдуманно дерзкаго предпріятія.

Велико было удивленіе рыболововъ, когда однажды вечеромъ увидали они огонекъ въ окнѣ таинственнаго дома. Удивленіе это возрасло до крайности, когда на другой день замѣчены были высокія мачты кутера съ небольшимъ краснымъ флюгеромъ, показавшимся надъ однимъ изъ утесовъ, составлявшихъ стѣну бухты и какъ разъ противъ оконъ дома. Немногіе рѣшались было отправиться къ кутеру, но ихъ не пустили, потому что присутствіе корабля совпадало съ появленіемъ свѣта въ окнахъ необитаемаго дома.

Въ тотъ вечеръ, когда Карлъ прибылъ въ Бригтейнштедъ, большая часть рыбачихъ лодокъ была въ морѣ, а у берега оставались такія непрочныя и малыя, что Карлесъ не рѣшался довѣрять имъ особу короля для перевезенія его на берегъ Французской.

Карлесъ и Карлъ были одѣты матросами; они остановились въ жилищѣ самого главнаго рыболова, занимавшагося продажей рыбы на сосѣднихъ рынкахъ. Усталый король скоро уснулъ, а Карлесъ осторожно выдѣлывалъ у жителей о средствахъ переправы.

Оставивъ на минуту несчастливыхъ путешественниковъ, посмотримъ, что дѣлается въ таинственномъ домѣ на берегу моря.

Передъ нами скудно-офелброванная комната; на крюкахъ, вбитыхъ въ потолокъ, висятъ двѣ койки. Въ каминѣ разведень довольно сильный огонь, на столѣ горитъ морская лампа и видны остатки ужина.

Въ койкѣ, ближайшей къ камину, кто-то покоится, изъ нея высунулась женская рука. Покоющаяся женщина покрыта пестрымъ флагомъ краснаго и бѣлаго цвѣта. На лавкѣ противъ каминна сидитъ мужчина въ глубокомъ раздумьи, опустивъ на грудь голову. Человѣкъ этотъ кажется средняго роста и хорошо сложенъ. На немъ черные бархатные панталоны и толстая шерстяная красная рубашка, перетянутая кожанымъ поясомъ. За поясомъ виднѣются два пистолета. Ноги обуты въ простые черные ботинки безъ шпоръ, на шеѣ повязанъ женской шарфъ, на рукахъ черныя оленьи перчатки. Длинные черные его волосы отбѣняютъ матовую бѣлизну лица, освѣщеннаго огнемъ каминна.

Въ комнатѣ разбросаны странныя вещи. Тутъ видно полное женское одѣяніе, очень богатое, блестящее атласомъ и бархатомъ. На углу койки виситъ черная маска, на полу двѣ туфли маленькія до невѣроятности. Въ углу стоитъ большой сундукъ, на немъ лежитъ въ беспорядкѣ мужское платье и небольшой блестящій топоръ. На стѣнѣ виситъ зрительная трубка отличной работы, неприступно дорогая для того времени и рядомъ съ нею калабрской карабинъ. Вездѣ виднѣнъ большой беспорядокъ. Одна дверь, находящаяся противъ каминна, до половины заставлена сундукомъ, другая въ боку завѣшена чернымъ флагомъ, испещреннымъ какими-то странными бѣлыми буквами.

Огонь лампы начиналъ тускнѣть и въ каминѣ дрова уже догорали. Сидѣвшій на лавкѣ мужчина, какъ будто очнулся отъ забытья своего и быстро оглянулся вокругъ себя. Взоръ его остановился на рукѣ, виднѣвшейся изъ койки. Онъ всталъ съ своего мѣста. Слабый свѣтъ, разливавшійся по комнатѣ, былъ еще достаточенъ, чтобы ясно показать черты лица этого человѣка. Онъ былъ блѣденъ и черноволосъ; лице его не было грубо и дико, лобъ былъ довольно открытъ, волосы вились и падали по плечамъ по модѣ того времени, усы его были очень невелики, на подбородкѣ виднѣлась эспаньолка.

— Вы спите?... спросилъ онъ такимъ тихимъ голосомъ, который не могъ разбудить женщины, если бы она спала въ самомъ дѣлѣ.

Отвѣта не было.

Незнакомецъ подошелъ къ койкѣ, приподнялъ флагъ, покрывавшій спящую и осторожно положилъ подъ него озябнувшую руку. Потомъ наклонился къ лицу женщины, и, посмотрѣвъ на него нѣсколько минутъ,

онъ, казалось, боролся съ желаніемъ поцѣловать ее. Раза три наклонялся онъ очень близко.... но боязнь нарушить сладкой сонъ ея взяла верхъ надъ его желаніемъ.... онъ отошелъ отъ койки..

Подойдя къ окну, онъ отворилъ его и взглянулъ пристально на море и на флюгеръ качавшагося кутера. Возвышенное мѣсто, на которомъ былъ выстроенъ домъ, давало возможность видѣть не только мачту, но и палубу легкаго корабля. На этой палубѣ виднѣлась черная фигура, стоявшая неподвижно и обращенная въ одну сторону.

Незнакомецъ взялъ съ лавки большой абордажный пистолеть, попробовалъ сначала шомполомъ стволъ, и, убѣдившись, что онъ не заряженъ, насыпалъ на полку пороху. Потомъ подойдя къ окну, онъ просунулъ въ него свою руку и спустилъ курокъ. Небольшое пламя освѣтило берегъ, и въ ту же минуту подобная вспышка пороха на кутерѣ была отвѣтомъ на сигналъ его. Затворивши окно, незнакомецъ снялъ съ двери черный флагъ, завернулся въ него и легъ въ другую койку.

II.

Карлесъ, какъ мы уже сказали, вывѣдывалъ у своихъ хозяевъ о средствахъ къ переправѣ, но не говорилъ еще имъ прямо, что онъ намеренъ переѣхать во Францію. Убѣдившись изъ своихъ распросовъ, что рыбацкія лодки слишкомъ ненадежны для предпріятія этой переправы, особенно при осеннихъ вѣтрахъ, онъ вышелъ изъ дома рыбака и прохаживался въ раздумьи по берегу, не зная на что рѣшиться для спасенія любимаго короля своего.

Случайно направилъ онъ шаги свои къ тому мѣсту, гдѣ былъ выстроенъ домъ, описанный нами въ предъидущей главѣ. — Уже нѣсколько времени бродилъ Карлесъ въ темнотѣ, какъ рассказанныя нами пороховыя вспышки, одна на берегу, а другая за скалой на морѣ, возбуждали его вниманіе и беспокойство. Карлесъ остановился, ожидая, что видѣнное имъ повторится, но все было тихо и темно по прежнему. Сначала думалъ онъ вернуться къ рыбакамъ и спросить ихъ, что бы значили видѣнныя имъ явленія, но потомъ рѣшился лучше самъ дознаться, откуда произошли эти вспышки. Онъ подошелъ къ дому и обошелъ его кругомъ, не найдя настоящаго входа. Проходя мимо отвореннаго окна, онъ увидѣлъ въ немъ мерцающій свѣтъ, но и тотъ погасъ при его приближеніи.

Неоткрывши ничего около дома, Карлесъ сталъ осторожно пробираться по береговой скалѣ къ тому мѣсту, откуда блещалъ свѣтъ на морѣ. Скоро увидѣлъ онъ мачту кутера, стоявшаго за утесомъ.

При этомъ открытіи, онъ удвоилъ свою осторожность и приблизился наконецъ къ самой возвышенной части скалы, откуда могъ ясно разглядѣть кутерь. Судно было все черное, на палубѣ ходилъ одинъ человѣкъ взадъ и впередъ. Карлесъ остановился въ недоумѣніи. Рыбаки ни слова не говорили ему о присутствіи этого судна въ бухтѣ, и онъ терялся въ разнообразныхъ догадкахъ. Онъ уже хотѣлъ вернуться къ рыбакамъ и хитростью добиться отъ нихъ свѣденій о кутерь, какъ вдругъ былъ замѣченъ часовымъ, ходившимъ по палубѣ.

— Кто идетъ! закричалъ ему часовой.

Карлесъ не отвѣчалъ и думалъ укрыться въ скалѣ, но окликъ повторился болѣе повелительно и раздался выстрѣлъ. Пуля ударила въ скалу въ десяти шагахъ отъ полковника. Вслѣдъ за этимъ освѣтилось окно уединеннаго дома, въ окнѣ показалась человѣческая фигура, и сейчасъ же все стихло и потемнѣло. Карлесъ не зналъ на что рѣшиться: идти ли, или оставаться на мѣстѣ. Черезъ минуту у стѣны дома появился факель, и Карлесъ не успѣлъ еще опомниться, какъ приблизившійся факель освѣтилъ ему подходившаго человѣка. Человѣкъ этотъ, несшій одною рукою факель, былъ закутанъ въ черный плащъ, изпещренный какими-то странными знаками. Въ рукахъ его блестѣлъ топоръ. Едва незнакомецъ показался на верху скалы, какъ палуба корабля покрылась людьми, одѣтыми въ красное одѣявіе и держащими въ рукахъ такіе же факелы. По звуку своего начальника они бросились на берегъ, и, свѣтя себѣ факелами, пустились отыскивать Карлеса. Человѣкъ въ черномъ плащѣ наткнулся на него прежде другихъ.

— Кто ты? спросилъ онъ грозно у полковника, приняая его по платью за матроса, служащаго правительству.

— Кто ты самъ? отвѣчалъ Карлесъ, забывшись при этомъ грубою вопросомъ.

Удивленный его свѣлостію, незнакомецъ пристально посмотрѣлъ на него, какъ будто подозрѣвая, что платье матроса скрываетъ какого-нибудь тайнаго агента. А можетъ быть голосъ и осанка полковника обличили его передъ незнакомцемъ. Матросы кутера сбѣжались къ своему начальнику и ожидали его приказаній.

— Общайте его, сказалъ незнакомецъ.

Въ карманахъ Карлеса нашли кинжалъ, кошелекъ съ золотомъ и свертокъ пергамента. Вещи эти были сей-часъ же отданы незнакомцу.

— Отведите его на корабль!... сказалъ онъ матросамъ.

Факелы сей-часъ же погасили, оставя только одинъ для освѣщенія пути. Одинъ изъ матросовъ держалъ Карлеса за поясъ ...

Дойдя до края скалы, незнакомец отдалъ матросамъ какія-то приказанія. Сей-часъ же одна половина разсыялась по берегу, а другая послѣдовала за нимъ на кутерь.—Приведенный на палубу, Карлесь былъ сей-часъ же опущенъ въ каюту. Спустя нѣсколько минутъ вошелъ къ нему и незнакомецъ, казавшійся начальникомъ кутера.

Карлесь успѣлъ осмотрѣться въ каютѣ, куда онъ попалъ такъ неожиданно. Каюта вѣроятно занималась самимъ начальникомъ. Въ ней были двѣ двери, одна противъ другой. Убранство комнаты было великолѣпное, на стѣнахъ висѣли превосходныя картины, самыя стѣны были украшены цвѣтами, фруктами, птицами, разбѣшенными между изящными арабесками. Карнизы всѣ вызолочены. Мебель покрыта краснымъ бархатомъ, на окнахъ шелковыя занавѣски, на полу дорогіе ковры. По срединѣ потолка въ альбастровомъ шарѣ горѣла лампа. На рѣшоткѣ камина висѣла маска подобная той, какую мы видѣли въ комнатѣ таинственнаго дома. Одна изъ картинъ была завѣшена чернымъ крепомъ, рядомъ съ ней висѣлъ мужской бархатной беретъ съ двумя перьями — зеленымъ и чернымъ.

Эти перья обратили на себя особенное вниманіе Карлеса и онъ не спускалъ съ нихъ глазъ до прихода незнаконца. Войдя въ каюту, незнакомецъ сбросилъ съ себя свой оригинальный плащъ и подошелъ къ столу, на которомъ лежали вещи, отобранныя у Карлеса. Матросъ, которому поручено было караулить плѣнника, стоялъ у дверей каюты. Видя, что распечатываютъ пергаментный свертокъ, Карлесь задрожалъ отъ страха при мысли, что эти бумаги могутъ открыть убѣжище короля.

Незнакомецъ посмотрѣлъ сначала внимательно на рукоять кинжала Карлеса, высыпалъ потомъ на столъ изъ кошелька золото, и наконецъ взялся за пергаментный свертокъ, сорвавъ безъ церемоніи гербовыя печати, скрѣплявшія шелковыя шнурки. Но едва взглянулъ онъ на первую попавшуюся ему бумагу, какъ быстро обернулся къ стоявшему въ каютѣ матросу и знакомъ приказалъ ему удалиться. Когда матросъ вышелъ, незнакомецъ заперъ изнутри дверь, подошелъ къ Карлесу и опустился передъ нимъ на колѣна.

— Милордъ, спасите короля! сказалъ онъ растроганнымъ голосомъ.

— Встаньте, благородный слуга Стурта!.... отвѣчалъ Карлесь, не будучи въ силахъ скрыть своей радости.... Будьте защитникомъ вашего законнаго монарха, готоваго довѣриться вашему благородству.

— Я клянусь умереть, чтобы только спасти васъ обоихъ, говорилъ незнакомецъ, цѣлуя руки Карлеса. Гдѣ король нашъ?

Карлесь рассказалъ положеніе Карла. Незнакомецъ съ минутою подумалъ, сначала хотѣлъ самъ отправиться въ деревню, но потомъ не-

режвилъ намѣреніе и ударилъ молоткомъ по металлическому колоколу. Матросъ, сторожившій Карлеса, явился въ каютѣ.

— Ступай въ домъ главнаго рыбака, сказалъ ему начальникъ, ты найдешь тамъ молодаго человѣка, заснувшаго на рыбныхъ сѣтяхъ.... Разбуди его и попроси слѣдовать за тобою, показавши ему вотъ это.

Съ этими словами незнакомецъ снялъ со стѣны беретъ и отдалъ его матросу. Береты эти были таинственнымъ знакомъ, по которому узнавали другъ друга пресвитеріанцы, преданные королю. Вотъ почему Карлесъ при первомъ взглядѣ на беретъ не могъ оторвать отъ него своихъ взоровъ.

Не смѣя спрашивать своего хозяина о его имени и званіи безъ собственнаго его на это согласія, Карлесъ вышелъ за нимъ на палубу и былъ свидѣтелемъ приказаній, отданныхъ для приготовленія къ отплытію. Вѣтеръ былъ довольно силенъ, но благопріятенъ къ удаленію отъ береговъ Англіи.

Черезъ часъ времени, когда всѣ нужныя распоряженія къ отправленію были сдѣланы, незнакомецъ оставилъ кутерь и направилъ шаги свои къ уединенному дому. Появившійся въ окнѣ свѣтъ былъ знакомъ происходившихъ тамъ сборовъ, и скоро появились на берегу четыре человѣка: двое въ матросскомъ одѣяніи, и незнакомецъ, сопровождаемый новымъ лицомъ.

Карлесъ, котораго все вниманіе и забота были устремлены на спасеніе своего юнаго повелителя, не могъ однакожъ не взглянуть на спутника начальника кутера. Судя потому, что можно было видѣть среди ночной темноты, онъ счелъ этаго новаго пассажира за негра. Негръ этотъ былъ необыкновенно малъ ростомъ и окутанъ съ ногъ до головы пестрымъ флагомъ.

Первымъ дѣломъ незнакомца было отвести негра въ каюту, а потомъ явился онъ въ распоряженіе Карлеса и просилъ его проводить короля въ знакомую уже ему каюту. Одна дверь каюты была отворена, и для короля устроена постель. Карлесъ предложилъ королю отдохнуть, и самъ прилегъ на бывшій тутъ диванъ, сбросивъ съ него странный плащъ своего хозяина.

Кутерь снялся съ якоря и поплылъ на распушенныхъ парусахъ. Незнакомецъ въ красной рубашкѣ не сходилъ съ палубы и лично распоряжался всѣми маневрами. Проснувшійся Карлесъ желалъ бы очень узнать имя и званіе спасителя короля, но замѣтивъ съ самаго начала, что онъ хотѣлъ остаться неизвѣстнымъ, добрый полковникъ не пошелъ на палубу и остался въ каютѣ. Съ разсвѣтомъ можно было уже раз-

смотря берега Франціи: кутерь приближался къ Нормандіи. До Фекампскаго порта, куда направленъ былъ корабль, оставалось не болѣе мили.

Тотъ же матросъ, который былъ посланъ за королемъ, сошелъ въ каюту и объявилъ, что кутерь пристаеъ къ берегу. Карлесъ взошелъ вмѣстѣ съ королемъ на палубу. Велика была радость несчастливцевъ, когда они увидѣли себя во французскомъ портѣ, гдѣ жизнь ихъ была уже внѣ всякой опасности. Не смотря на прежнюю свою рѣшимость оставить своего избавителя въ желанной имъ неизвѣстности, король, растроганный до слезъ, невольно къ нему приблизился.

— Неужели я не узнаю вашего имени, другъ мой? сказалъ онъ.

— Корабль мой называется Анакрити, Милордъ,—отвѣчалъ незнакомецъ, отдавая Карлесу его бумаги, кошелекъ и кинжалъ. Да сохранить васъ Богъ и да проститъ Онъ меня, прибавилъ онъ, отходя въ толпу матросовъ.

Но Карлъ послѣдовалъ за нимъ, и, снявши съ руки перстень, украшенный богатымъ асмантомъ, подаль его незнакомцу, пожавши ему дружески руку.

— Если съ вами случится несчастіе, сказалъ онъ, если вы будете имѣть нужды въ помощи и покровительствѣ, принесите или пришлите мнѣ этотъ перстень, и скажите названіе вашего корабля. Я до трехъ разъ исполню вашу просьбу, даю вамъ въ томъ мое королевское слово! Сказавши эти слова, Карлъ сошелъ въ лодку вмѣстѣ съ Карлесомъ и благополучно присталъ къ Франціи.

— Куда править? спросилъ матросъ, стоявшій у руля.

Человѣкъ въ красной рубашкѣ подумалъ съ минутой, и, исподниная головы, сказалъ:

— Въ открытое море.

III.

Анакрити представлялъ собою нашу яхту, т. е. небольшой корабль, необыкновенно изящной постройки и удобный для прогулки людей богатыхъ по морю. Это была самая милая миниатюра лучшихъ формъ морской архитектуры. Какъ бы не былъ слабъ вѣтеръ, онъ былъ достаточно чень, чтобы дать движеніе этому кораблю-игрушкѣ.

Во время бури, хозяинъ Анакрити былъ совершенно покоевъ. Кутерь его не погружался подобно прочимъ кораблямъ между волнами: онъ прыгалъ по поверхности ихъ подобно камешку, брошенному сильною чкою по поверхности воды. Никогда волна не замочила его палубы.

Самая большая неприятность, которая могла бы случиться съ Анакрити во время бури, это—что какой-нибудь огромный корабль, твердо выдерживающій напоръ бурныхъ волнъ, вдругъ увидалъ бы на своей палубѣ эту милую яхточку, взброшенную на него сильнымъ валомъ.

Въ Фекампскомъ портѣ на мачтѣ Анакрити не было выкинуто никакого флага, и корабль удалился отъ берега, сохраняя свою неизвестность.

Отдавши необходимыя приказанія, хозяинъ корабля сошелъ въ каюту, бывшую убѣжищемъ короля и Карлеса. Здѣсь снялъ онъ свое платье и надѣлъ полную матроскую форму. Никто на кораблѣ не зналъ его имени, и матросы звали его иногда просто лощманомъ, а чаще краснымъ лощманомъ, по его красной рубашкѣ и для отличія отъ матроса, исправлявшаго постоянно эту должность.

Переѣвши платье, красный лощманъ сѣлъ къ столу и сталъ внимательно разглядывать полученный имъ перстень. Перстень былъ вещь драгоценная, взятая кородемъ вѣроятно на случай недостатковъ во время его бѣгства. Вдѣланный въ него брилліантъ былъ величины необыкновенной и ослѣплялъ своею игрою при отраженіи въ немъ лучей солнца. Отдѣлка перстня была впрочемъ очень простая, потому что камень не нуждался ни въ какихъ постороннихъ украшеніяхъ. Красный лощманъ досталъ изъ стола бѣлую ленту и продѣлъ ее въ кольцо, написавши на ней число этой замѣчательной ночи. Потомъ тщательно свернулъ ее и положилъ въ малахитовый ящикъ, сокрытый подъ обоями въ углубленіи стѣны каюты.

Все время свое на кораблѣ лощманъ проводилъ или на палубѣ, распоряжаясь движеніями кутера или въ каютѣ съ тѣмъ существомъ, котораго принялъ Карлесъ за негра. Маленькой негръ выходилъ на палубу только ночью, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Въ это время опирался онъ на руку лощмана, и экипажъ, состоявшій изъ восьми чело-вѣкъ, держался во время этихъ прогулокъ въ почтительномъ отдаленіи.

Однимъ изъ замѣчательныхъ лицъ экипажа, болѣе другихъ приближеннымъ къ начальнику, былъ высокой худощавый, но еще бодрый старикъ, по имени Кобсъ. Онъ одинъ зналъ иногда куда и съ какою цѣлю совершатся плаваніе, и имѣлъ право входить въ известную намъ каюту безъ зова лощмана.

Спустя нѣсколько дней послѣ переправы Карла въ Англію, Кобсъ сидѣлъ въ каютѣ съ лощманомъ, и, пользуясь тихою погодою, благопріятною для плаванія кутера, рассказывалъ свосму начальнику исторію своей жизни.

»Я занимался прежде рыбною ловлею, говорилъ онъ, и жилъ на южномъ берегу Англіи недалеко отъ Плимута. У меня была жена и двое дѣтей, сынъ и дочь. Ловля доставляла намъ скудные средства къ существованію, но все-таки мы кой-какъ жили. Моя хижина и рынокъ въ Плимутъ— вотъ все, что было мнѣ тогда извѣстно. Я не зналъ, да и не спрашивалъ о томъ, что дѣлалось тогда въ остальной Англіи какое мнѣ было до этого дѣло!

»Однажды въ холодный Октябрскій вечеръ вернулся я домой, раскинувъ на берегу сѣти, въ надеждѣ, что во время ночнаго прилива попадется въ нихъ сколько-нибудь рыбы.

»Едва успѣлъ я уснуть, какъ поднялась такая буря, что я и вся семья моя невольно вскочили на ноги.

— Что станется съ нашими сѣтями! говорила жена. Если море унесетъ ихъ, намъ придется умирать съ голода.

»Я понималъ справедливость ея опасеній, и едва удерживалъ слезы при мысли о предстоящемъ гибельномъ положеніи. Долго тянулась эта ночь: мнѣ и теперь тяжело вспоминать о ней.

»На разсвѣтъ стало стихать и я вышелъ на берегъ посмотрѣть на свои несчастныя сѣти. Пока не ободняло совершенно, я не могъ разсмотрѣть, что именно было въ нихъ испорчено; но когда совсѣмъ разсвѣло, то замѣтилъ какую-то черную массу, запутанную въ самой серединѣ сѣтей.

»Я подошелъ ближе и увидѣлъ, что это былъ человѣческій трупъ, брошенный вѣроятно въ сѣти волнами. Желѣзныя крючки, бывшіе въ сѣтяхъ, и приготовленные для крупной рыбы, впились во многихъ мѣстахъ въ тѣло утопшаго.

»Самыя же сѣти были сдернуты съ своего мѣста, спутаны и такъ прорваны, что уже не могли служить болѣе для ловли.

— Жена! вскричалъ я, войдя въ избу. Мы погибли!... Сѣти нигде негодятся: бурей попался въ нихъ утопленникъ, и онъ совершенно изорвался.

»Поплакавъ вдоволь о невозвратной потерѣ, вернулся я на берегъ, чтобы собрать остатки сѣтей и зарыть въ песокъ утопленника. Тутъ подумалъ я, что его платье можетъ мнѣ на что-нибудь пригодиться, и, высвободивши его изъ сѣтей, сталъ снимать съ него одежду. Уже я снялъ съ него рубашку, какъ вдругъ замѣтилъ широкій кожаный поясъ, и когда отстегнулъ его, то пасику поднялъ обѣими руками. Тяжесть эта возбудила мое любопытство: я прорѣзалъ кожу, и къ удивленію моему увидѣлъ, что поясъ былъ набитъ червоточами.

»Считалъ я тогда больно плохо, и не вдругъ понялъ какое огромное богатство доставалось мнѣ въ замѣнъ утраченныхъ сѣтей. Я поспѣшилъ зарыть трупъ, и, пренебрегая остатками сѣтей, прибѣжалъ домой.

»Легко понять удивленіе моихъ домашнихъ. Жена сейчасъ же собралась въ городъ для разныхъ покупокъ, а я вырылъ среди избытка и всыпалъ туда большую часть найденнаго золота.

»Вечеромъ жена воротилась изъ города, и привела съ собой лошака и телѣжку для будущихъ поѣздокъ въ городъ. Накупила бѣлья, платья, обуви для дѣтей, которой они съ роду не носили, кровати, шкапъ, столъ и пропасть разной провизіи.

»Нужно ли говорить, что рыбная ловля была забыта. Зачѣмъ было мнѣ работать? я былъ богатъ и безъ работы. Хижина моя стояла въ сторонѣ, сосѣди меня никогда не навѣщали, стало и зависти бояться было нечего.—Я поправилъ избушку, обнесъ ее заборомъ, разбилъ небольшой садикъ и жилъ себѣ припѣваючи, разгуливая въ платьѣ утопленника.

»Время шло, деньги выходили и зарытая сокровищница уменьшалась, грозя когда-нибудь исчезнуть совершенно.

»Видѣть съ золотомъ, найденнымъ въ поясѣ утопленника, былъ свертокъ бумагъ, на которыхъ я сначала не обратилъ никакого вниманія. Надо вамъ сказать, что отъ нечего дѣлать, я сталъ ходить на охоту съ ружьемъ. Убивши однажды рѣдкую дичину, я хотѣлъ подарить ее одному купцу въ Памутѣ. Купецъ этотъ былъ всегда очень любезенъ съ женою, и угощалъ ее, когда она ѣздила въ городъ. Я взялъ листокъ изъ свертка бумагъ покойника, завернулъ въ него птицу и послалъ съ сыномъ въ городъ.

Нужно было, чтобъ въ то время, какъ сынъ пришелъ въ лавку, случился тамъ какой-то господинъ, обратившій вниманіе на листъ, въ который была завернута птица. Онъ сталъ спрашивать моего Петерса, и тотъ, неуловившій еще лгать, рассказалъ, что эта бумага найдена была видѣть съ золотомъ въ поясѣ человѣка, котораго я похоронилъ на берегу.

»Боясь однако, чтобъ я не побранилъ его, сынъ ничего не сказалъ мнѣ объ этомъ происшествіи. Но не прошло двухъ дней, какъ въ хижину мою явилась полиція. Стали меня допрашивать, куда я зарылъ утопленника, отыкали его и нашли много ранъ на лицѣ и на тѣлѣ трупа. Напрасно объяснялъ я чиновнику полиціи, отъ чего произошли эти раны: мнѣ не повѣрили. Осмотрѣли хижину, нашли въ ней всѣ признаки довольства, и рѣшивъ, что я убилъ и ограбилъ человѣка, повлекли меня, жену и дѣтей въ городскую тюрьму.

»Дорогой наскнули мнѣ, что мнѣ не миновать вѣдѣлицы. Дѣло мое однако же шло довольно медленно. Въ одну ночь замѣтивъ, что мой сторожъ черезъ-чуръ подгулялъ, воспользовался я этимъ случаемъ и бѣжалъ изъ тюрьмы, оставивъ тамъ жену и дѣтей.

»Сначала я убѣжалъ въ Голландію и попалъ тамъ въ матросы, потомъ перешелъ на такую же службу во Францію.

»Прошло лѣтъ шесть, и во мнѣ загорѣлось непреодолимое желаніе узнать, что стало съ моимъ семействомъ. Рискаю быть пойманнымъ, и, стало быть повѣшеннымъ, пробрался я въ Лондонъ. Повѣстившись въ самой уединенной части города, подъ чужимъ именемъ, сталъ я собирать справки о случившемся въ мое отсутствіе, и узналъ, что жена моя умерла въ тюрьмѣ, сынъ пропалъ безъ вѣсти, а дочь находилась въ домѣ купца, бывшего главною причиною всѣхъ моихъ несчастій. Я вызвалъ ее къ себѣ, и не могу передать вамъ того восторга и радости, которыя овладѣли моею душою при видѣ моей Салли. Какъ велика, какъ хороша была она! Я забылъ все прошлое горе, всѣ минувшія несчастія, я блаженствовалъ, обвиняя милое дитя мое, и рѣшился съ нею не разставаться. Грустно было мнѣ, что никто не могъ дать мнѣ никакого свѣдѣнія о Петерсѣ, даже Салли ничего о немъ не знала, но она жила и я былъ не одинъ въ этомъ мірѣ. Я забылъ сказать вамъ, что послѣ моего побѣга, жену какъ соучастницу мою, осудили на пожизненное заключеніе, а дѣтей по малолѣтству выпустили. Плинутской купецъ далъ пристанище Салли; а Петерса, по выходѣ его изъ тюрьмы, никто и гдѣ не видѣлъ.

»Пока я былъ рыбакомъ, чувство любви было мнѣ чуждо, я не понималъ никакой разумной привязанности; но, поживши на морѣ, и, увидавъ, что каждый имѣлъ что-нибудь дорогое для него на берегу, я появлялъ неизвѣстное мнѣ дотола чувство. Тогда же заглянулъ я въ свое прошлое и увидѣлъ, что мои прежнія семейныя отношенія были часто чувственныя, животненныя; я готовъ былъ охранять жену и дѣтей отъ боли физической, но не могъ понимать ихъ страданій нравственныхъ. Да и это было очень естественно. Наши прежнія страданія ограничивались холодомъ и голодомъ, наши радости теплымъ огонькомъ въ ненастную погоду и лишнимъ кускомъ за обѣдомъ. Сколько новаго узналъ я, какъ потерялся между людьми, жившими и чувствовавшими совершенно иначе! Понявши многое, я горько плакалъ, что былъ уже лишнее навсегда той доли радостей, которую Провидѣніе даетъ каждому человѣку, и рѣшился во что бы то ни стало доисаться семьи своей.

«Я нашёл одну дочь. Я довольствовался ею и помѣстилъ ее вмѣстѣ съ собою на корабль.

«Надо вамъ сказать еще, что возвратясь изъ Лондона, я получилъ отъ правительства Голландіи въ мое распоряженіе небольшое судно съ обязанностию крейсировать у входа въ проливъ. По окончаніи срока крейсеровки я приплывалъ въ Дункирхенъ, и проводилъ тутъ зиму, живя съ дочерью на кораблѣ своемъ.

«Салли была такъ хороша, такъ добра, такъ любила меня, что я почти не отпускалъ ее на берегъ, боясь, что свойственная ей лѣтнѣмъ, любовь вспыхнетъ въ ея сердцѣ и отниметъ у меня мое единственное сокровище.

«Положимъ, что въ любви моей было много эгоизма, но я жилъ ея взглядомъ, дышалъ ея дыханіемъ, и готовность моя пожертвовать для нея жизнью, умѣрялась только страхомъ съ нею разстаться. Во всю жизнь мою, въ цѣломъ мірѣ я любилъ одну Салли, не смотря на то, что на головѣ моей уже появлялась сѣдина.

«И вдругъ въ одну ночь, въ ночь ужасную!... Между Голландіей и Англіей начались непріязненные дѣйствія, и мнѣ пришлось ожидать корабль, нагруженный военными снарядами, чтобы проводить его до Антверпена. Два дня уже былъ я въ морѣ, и погода стояла самая благоприятная; какъ вдругъ поднялся сѣверный вѣтеръ и разразилась буря. Опасаясь за корабль свой при близости береговъ, я направилъ ходъ его въ открытое море. Но сломавшаяся мачта иѣшала мнѣ править судномъ, какъ слѣдуетъ, и меня понесло къ берегамъ Франціи. Напрасно старался я всѣми способами измѣнить ходъ корабля, всѣ усилія мои и моего малочисленнаго экипажа остались тщетными. Насъ несло къ берегу и погибель корабля была неотразима.

Не имѣя надежды избѣгнуть кораблекрушенія, надо было думать о средствахъ сдѣлать его менѣе гибельнымъ. Бывшая на кораблѣ лодка была такъ мала, что нельзя было и подумать спустить ее на море при такомъ вѣтрѣ. Оставалось одно, соорудить наскоро плотъ. Матросы сейчасъ же занялись этою работою, но кончили ее не скоро, потому что качка была такъ сильна, что люди рисковали ежеминутно полетѣть въ море.

«Стеняло равнѣ обыкновеннаго, но въ минуту угасанія дневнаго свѣта одинъ изъ моихъ матросовъ закричалъ въ отчаяніи:

«Берегъ!... берегъ почти подлѣ!

«Чтобы увидать его въ темнотѣ, надо было быть къ нему очень близко. До этой минуты я питалъ еще смутныя надежды на какое-нибудь чудо, которое спасетъ насъ, но теперь участь наша была рѣшена. Спасти дочь — было моею единственною мыслию. Она была въ каютѣ и когда

я сошелъ къ ней, она стояла на колабахъ и молилась Богу.... Сказавши ей нѣсколько утѣшительныхъ словъ, я взялъ ее на руки и вынесъ ее на палубу.

»Матросы столкнули на воду плотъ и, когда онъ отдѣлился отъ корабля, насъ было на немъ четверо: я, Салли и два матроса, остальными помѣстившись въ лодкѣ.

»Къ удивленію и къ радости увидѣлъ я на берегу огоньки, доказывавшіе присутствіе людей, вышедшихъ намъ на помощь. Салли увидѣла тоже огни эти, и, прижавшись къ груди моей, проговорила съ нѣкоторою надеждою:

— Батюшка!.... можетъ быть, спасутъ насъ!

»Волны несли нашъ утлый плотъ къ берегу, кидая его изъ стороны въ сторону. Боясь, чтобы при какомъ-нибудь толчкѣ, не сбросило въ море мою Салли, я схватилъ ее обѣими руками и надѣялся, что скоро волна выброситъ насъ на берегъ.

Вдругъ почувствовалъ я, что плотъ нашъ такъ сильно приподняло, что мы едва не полетѣли всѣ въ воду. Я обернулся, чтобы посмотреть, откуда набѣжала эта страшная волна, и къ величайшему ужасу увидѣлъ, что спущенная съ корабля лодка съ матросами неслась прямо на насъ. Еще крѣпче сжалъ я въ своихъ объятіяхъ дочь мою, волна еще разъ подняла плотъ, и въ тоже мгновеніе ударилась въ него лодка. Море плеснуло по головамъ нашимъ и я лишился чувствъ. Смутно припоминалъ я послѣ, что въ минуту удара лодки я невольно выпустилъ изъ рукъ мою Салли.

Когда то пришелъ въ себя, я увидѣлъ, что лежу на берегу совершенно раздѣтый. Первая мысль моя была о дочери.... я всталъ, и, не смотря на сильные убои въ рукахъ и ногахъ, причинявшіе мнѣ нестерпимую боль, пошелъ ее отыскивать. Было еще такъ темно, что вѣдо было наткнуться на предметъ, чтобы разглядѣть его. Огни и люди, бывшіе на берегу въ минуту нашей гибели, исчезли. Долго не могъ понять я, куда дѣвалось все мое платье. Желаніе отыскать дочь мѣшало мнѣ однако остановиться на этой мысли.

Скоро почувствовалъ я у ногъ своихъ какое-то тѣло, наклонился и узналъ мою Салли. Незнаю откуда взялась у меня силы, но я приподнял ее и отнесъ далѣе отъ края берега. Я горячо цѣловалъ, громко называлъ ее по имени, и раздражительный голосъ отца, сомнѣвающагося въ жизни своей дочери, пробудилъ ее изъ ея безчувствія. Она открыла глаза, но не могла произнести ни одного слова. Тутъ только замѣтилъ я, что вся ея одежда, также какъ и моя, исчезла; она указала рукою на

голову, и я увидѣлъ раны въ ухахъ ея, изъ которыхъ были вырваны золотыя кольца.

»Ужасная истина была наконецъ мнѣ понятна, — насъ принесло къ тому берегу Бретани, жители котораго живутъ чужимъ несчастіемъ. Они выходятъ съ огнемъ на берегъ въ бурныя ночи, и обманутые мореходцы направляютъ путь свой къ ихъ берегу. Выдающіяся въ море скалы губятъ корабль ихъ, а береговые жители торопятся воспользоваться тѣмъ, что выбросятъ имъ на берегъ бурное море. Съ такими же надеждами ожидали они и насъ, но корабль нашъ погибъ слишкомъ далеко отъ берега, а на добычу безчеловѣчнымъ достались только тѣла наши, которыя они и обобрали по возможности.

»Между тѣмъ Салли дышала очень тяжело и я боялся за жизнь ея. Въ надеждѣ найти какую-нибудь помощь, я поднялъ на плеча драгоценное тѣло и пошелъ, удаляясь отъ моря по бесплодному берегу. Хотѣлось мнѣ иногда остановиться и приложить руку къ сердцу дочери, чтобы узнать, не бьется ли оно сильнѣе, но страхъ потерять даромъ, можетъ быть, сочтенныя минуты, заставлялъ меня ускорять шаги мои. Наконецъ увидѣлъ я вдали мерцающій огонекъ, и когда къ нему приблизился, то убѣдился, что онъ свѣтилъ изъ окна небольшой хижины. Я подошелъ къ двери и постучался, мнѣ не отвѣчали. Тогда я опустил на порогъ мою ногу, выломилъ дверь и вошелъ въ избу. Едва увидѣли меня сидѣвшіе у огня мужчина и женщина, какъ бросились вонъ изъ избы, крича, что пришли утопленники и требуютъ назадъ похищенную у нихъ одежду.

»Не зная, куда бѣжать за этими варварами, я ввесь въ хижину Салли, и приблизилъ ее къ огню съ цѣлю согрѣть ея оледенѣвшіе члены. Но теплота не дѣйствовала, дыханіе бѣдняжки становилось все рѣже, она уже не открывала глазъ и не слыхала моего голоса. Какъ полумный выбѣжалъ я изъ хижины, думая, что встрѣчу какое-нибудь живое существо, способное подать мнѣ руку помощи. Увидавши по софѣдству другія хижины, я подбѣгалъ къ нимъ, стучался, умолялъ помочь мнѣ, но меня нигдѣ не пускали, и сквозь запертыя двери я слышалъ только съ ужасомъ повторяемые слова:

»Это утопленникъ!... это утопленникъ!...

»Въ отчаяніи вернулся я къ дочери, но уже напрасно искалъ въ ней слѣдовъ жизни.... сердце несчастной перестало биться, уста охолодѣли и душа оставила тѣло.

»Не знаю, что сдѣлалось со мной въ эту минуту, но въ ушахъ раздались какіе-то странные звуки, въ глазахъ потемнѣло и что-то оторвалось съ страшною болью въ груди.

»На утро я былъ на берегу. Бродя безъ сознанія по мѣсту нашей гибели, наткнулся я на трупъ одного изъ моихъ матросовъ, какъ-то случайно сохранившаго свою одежду. Я снялъ съ него платье и прикрылся имъ. Идя вдоль берега, встрѣтилъ я еще одного матроса; тотъ былъ живъ, и очень обрадовался, увидя меня. Я рассказалъ ему свое несчастье и впалъ въ такую апатію, что матросъ, считая меня помѣшаннымъ, за меня думалъ и дѣйствовалъ. Онъ привелъ меня въ сосѣдній портъ, гдѣ я сейчасъ же сѣлъ на корабль, чтобы бѣжать далѣе отъ того мѣста, которое обитается людьми, сдѣлавшими счастливейшаго отца самымъ несчастнымъ человѣкомъ.

»Нѣсколько лѣтъ спустя встрѣтились мы съ вами на островахъ Антильскихъ, и вы приняли меня въ число экипажа Анакрита.

»Вы угадали во мнѣ человѣка, способнаго исполнять безпрекословно и точно ваши приказанія, и не ищущаго никакой другой цѣли въ жизни. Съ потерей дочери, я утратилъ всякую любовь къ жизни, и, если живу, такъ только потому, что жить мнѣ кажется легче, чѣмъ убить себя. Сначала думалъ я о мщеніи. Я хотѣлъ бы повелѣвать бурей, чтобы затопить хижины моихъ злодѣевъ, то хотѣлъ поджечь эти варварскія жилища.... но потомъ сталъ припоминать видѣнную мною ужасную бѣдность этихъ несчастныхъ, и понялъ, что заставляетъ ихъ рѣшаться на эти безчеловѣчныя поступки.

»При встрѣчѣ нашей вы желали знать, способенъ ли я безусловно предаться вамъ; я отвѣчалъ вамъ, что принадлежу вамъ до конца моей жизни. Я былъ радъ, что встрѣтилъ человѣка, къ которому могъ привязаться; я былъ радъ, что могу быть полезенъ другому, видя, что этотъ другой оцѣнитъ мою привязанность.

»Теперь вы знаете всю исторію моей жизни, которую я давно собирался рассказать вамъ. Если вы хотите, чтобы я по прежнему оставался въ невѣдѣніи вашихъ плановъ, и ограничивался однимъ исполненіемъ вашихъ приказаній, я готовъ вамъ повиноваться и сдерживать, пока живу, данное вамъ слово.»

ЖЕЛЪЗНАЯ РУКА.

РОМАНЪ ЛЕКОНТА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

IV.

На другой день послѣ приведеннаго разсказа, лодманъ призвалъ въ каюту Кобса, и, посадивъ его рядомъ съ собою, началъ такъ:

»Повѣсть вашихъ несчастій, старый товарищъ, открыла мнѣ въ васъ присутствіе такихъ чувствъ, которыхъ до сихъ поръ я не подозрѣвалъ. На вашу откровенность я отвѣчу таковою же съ моей стороны, и вы узнаете, кто я и какіе мои планы въ будущемъ.

Я послѣдній въ родѣ одной благородной фамиліи Квакеровъ въ Ирландіи. Преслѣдуемый агентами протектора Кромвеля, отецъ мой удалился изъ отечества со мною и съ сестрой моей Еленой. Мы избрали мѣстомъ пристанища островъ Барбадъ, самый незначительный изъ острововъ Караибскихъ.

Въ это время, т. е. около 1649 года, Испанцы вели очень дѣятельную войну съ Флибустьерами, жившими на островѣ Черепахи. Обитаемый нами островъ сохранялъ нейтралитетъ между воюющими, и часто въ небольшой нашей пристани являлись то Испанскіе, то Флибустьерскіе корабли. Начальники и матросы выходили иногда на берегъ, чтобы записаться чѣмъ-нибудь необходимымъ для корабля. Такимъ образомъ сошелся я съ однимъ изъ Флибустьерскихъ капитановъ, имѣвшимъ общую извѣстность подъ именемъ Монбара истребителя. Онъ былъ Лангедокскій дворянинъ, попавшій вслѣдствіе различныхъ неудачъ и несчастій въ число этихъ авантюристовъ, которые, враждуя съ Испанцами, всячески вредили торговлѣ ихъ въ моряхъ Караибскихъ.

Монбаръ лишился руки въ одномъ сраженіи, и наскучившій, не смотря на свою молодость, буйнымъ образомъ жизни, рѣшился оставить его и

поселился вѣсть со мною на островъ Барбадъ. Сестра моя ему понравилась и черезъ нѣсколько времени онъ на ней женился.

Настоящее имя его было Марсіаль, онъ снова привалъ его, и, любя Елену, составлялъ ее и свое счастье. Мы жили тихо и спокойно и не ведали, какъ протекло три года.

Марсіаль былъ богатъ. Во время жизни своей на морѣ дѣлалъ онъ многіе призы, и достававшіяся ему изъ нихъ части хранились въ рукахъ губернатора острова Черепахи г. де-Россея. Нѣсколько разъ наивиналъ я ему, что пора за ними отправиться и переправить ихъ въ Европу; но Марсіаль все откладывалъ эту поѣздку и подобная безпечность казалась мнѣ непростительною. Въ одно прекрасное утро дошли до насъ слухи о смерти губернатора и о томъ, что мѣсто его занялъ Французскій генералъ ***. Я попытался еще разъ убѣдить Марсіаля предпринять эту поѣздку, но видя, что мои убѣжденія по прежнему безплодны, рѣшился поѣхать вѣсто него.

Марсіаль не говорилъ мнѣ ничего о причинахъ, удерживавшихъ его отъ этой поѣздки; но я подозревалъ, что онъ боялся встрѣтиться съ одной женщиной, горячо любимой имъ еще во Франціи, но которая, по странному сплетенію романическихъ приключеній, попала въ руки одного изъ главныхъ Флибустьерскихъ капитановъ.

Случайный приходъ Флибустьерскаго корабля въ нашу пристань ускорило мое отправленіе. Оказалось, что капитанъ его былъ другомъ Марсіаля въ тѣ времена, когда онъ еще былъ извѣстенъ подъ именемъ Монбара, дѣлателя. Старые друзья условились, что сначала отвезутъ меня на островъ Черепахи, а потомъ, при первой экспедиціи къ Антильскимъ островамъ, доставятъ на островъ Барбадъ.

Поцѣловавши сестру и зятя, я взшелъ на корабль, который сейчасъ же вышелъ въ море.

Богатства, которыя долженъ былъ получить я, были огромны. Въ то время, какъ Монбаръ начальствовалъ надъ флотомъ Флибустьеровъ, сдѣланы были значительныя призы. Въ экспедиціяхъ Моракашбо, на островъ Ямайку и Кубу, онъ лично командовалъ надъ всѣмъ флотомъ и долженъ былъ получить десятую часть добычи. Часть эта равнялась нѣсколькимъ милліонамъ піастровъ. — Ограниченные расходы Монбара и отсутствіе вкуса къ роскоши были причиною того, что богатства его нѣсколько не были растрчены, но сохранялись въ цѣлости. Они состояли изъ золотой и серебряной монеты, слитковъ, драгоценныхъ камней и пр.

Въ нѣсколько дней корабль нашъ совершилъ благополучное путешествіе, и я вышелъ на желаемый берегъ.

Пресминокъ г. Россей принялъ меня очень любезно. Оказалось, что данная мнѣ Марсіалемъ бумага, заключающая въ себѣ права его на оставленные сокровища, была совершенно лишнею. Честность Флибустьеровъ была безукоризненна и это составляетъ замѣчательную черту характера людей, занимавшихся морскими набѣгами и грабежемъ. Не упуская случая ограбить всякой попавшійся имъ корабль Испанцевъ, они впрочемъ не позволяли себѣ причинять ни малѣйшаго убытка кораблямъ націй нейтральныхъ.

Достояніе Монбара сей-часъ же мнѣ было выдано, частію натурою, а частію векселями на извѣстные Голландскіе торговые дома. Векселя эти были выданы Флибустьерамъ отъ Голландскаго правительства, за то, что флотъ его два раза снабжался припасами и исправлялъ свои снасти въ портѣ острова Черепахи.

Дней десять прожилъ я на островѣ, осматривалъ ихъ жилища, арсеналы и другія заведенія. Мнѣ любопытно было узнать имена славнѣйшихъ капитановъ въ настоящее время, и губернаторъ назвалъ мнѣ ихъ, говоря, впрочемъ, что всѣ они блѣдны въ сравненіи съ однимъ Англичаниномъ Морганомъ.

»Наши капитаны, говорилъ губернаторъ, не любятъ проливать крови и избѣгаютъ по возможности смертоубійства, но Морганъ дѣйствуетъ на оборотъ. У него нѣтъ пощады. Обыкновенно вооруженъ онъ огромнымъ молоткомъ съ заостренными концами и на чью голову опускается это страшное оружіе, тотъ уже не воскресаетъ. Флибустьеры прозвали его Морганомъ Желѣзною Рукою въ честь губительнаго его оружія.

Мнѣ было досадно, продолжалъ лоцманъ, что мнѣ не удастся видѣть этого страшнаго капитана. Его не было на островѣ, и губернаторъ объяснилъ мнѣ причину этого отсутствія. По статутамъ Флибустьеровъ начальники ихъ, вмѣсто наказанія за какой-нибудь сдѣланный ими проступокъ, изгонялись на время изъ отечества и были отвозимы на какой-нибудь уединенный островъ. Не говоря уже о нравственномъ дѣяніи этого наказанія, оно было тяжело капитанамъ потому, что они, привыкши къ тревожной и дѣятельной жизни, осуждались на совершенное бездѣйствіе. Бывали случаи, что изгнанные, не выдерживая назначеннаго срока изгнанія, лишали себя жизни.

Такому же изгнанію былъ подверженъ Морганъ во время пребыванія моего на островѣ. Мнѣ очень хотѣлось узнать мѣсто его изгнанія, но по статутамъ общества оно хранилось въ большой тайнѣ. Было даже

обыкновеніе, чтобы корабль, отвозившій виновнаго на мѣсто заточенія, получалъ такое порученіе, которое продолжалось бы во все время наказанія, и никто поэтому, кромѣ присяжныхъ, не звалъ мѣстопробыванія виновнаго.

Прямо въ Барбадъ кораблей не отходило, и я рѣшился воспользоваться отплытіемъ небольшого судна на островъ Sainte-Lucie. Островъ этотъ былъ такъ близокъ къ Барбаду, что тамъ было бы мнѣ уже не трудно добраться до дома. На это судно перенесены были бочечки и ящики, нагруженные дорогимъ имуществомъ Марсіаля, а векселя спряталъ я въ свое платье.

Судномъ, на которомъ я отправился, командовалъ молодой уроженецъ изъ Порто-Рико. Онъ былъ очень мало свѣдуещъ въ дѣлѣ мореплаванія, и обыкновенно совѣтовался съ однимъ старшимъ опытнымъ негромъ, занимавшимъ въ его экипажѣ мѣсто рулеваго.

Въ моемъ присутствіи вздумалось молодому креолу показать, что онъ самъ мастеръ своего дѣла. Распоряжаясь движеньями корабля, онъ безпрестанно дѣлалъ ошибки, которыя бы смѣшили меня во всякомъ другомъ случаѣ; но я везъ чужое имущество и эти промахи начинали меня серьезно беспокоить. Я мало думалъ о своей собственной жизни, но на этомъ суднѣ были средства будущаго благосостоянія моего зятя и горячо-любимой сестры. Опасенія мои увеличились съ той минуты, какъ благоприятный дотолъ вѣтеръ сталъ крѣпчать и цѣль неба грозилъ бурей. Прохаживаясь по палубѣ, я случайно прислушался къ разговору матросовъ и узналъ, что дѣло шло несообразно принятому обычаю. Молодой капитанъ удалилъ подъ какими-то предлогами негра, и матросы явно роптали на такую перемену.

Въ числѣ вещей, принадлежавшихъ Монбару, и взятыхъ мною на островъ Черепахи, была хорошая морская карта и мореходные инструменты. Я рѣшился наблюдать по картѣ путь нашего судна, не доверяя неопытному его начальнику.

Занятія мои были замѣчены креоломъ, возбудили его негодованіе и онъ косвенно мнѣ его высказалъ. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы подать ему нѣкоторые совѣты, которые убѣдили его, что я ясно вижу полное незнаніе его дѣла. Съ этой минуты онъ сдѣлался ко мнѣ чрезвычайно холоденъ, какъ нарочно, болѣе прежняго ошибался въ управленіи судномъ.

На третій день нашего плаванія, по соображеніямъ моимъ, должны мы были находиться не далеко отъ сѣверо-западнаго берега Порто-Рико, а по мнѣнію капитана мы были еще противъ Монскаго канала. Это раз-

ногласіе наше въ мѣстности было причиною того, что не было обращено надлежащаго вниманія на различныя теченія водъ, чрезвычайно разнообразныя по всей сѣверной странѣ Сантъ-Доминго.

Къ вечеру вѣтеръ такъ усилился, что надо было убавить паруса; я не удержался и отдалъ по этому случаю нѣкоторыя приказанія. Это сильно затронуло самолюбіе капитана, и ужасно разсердило его. Онъ вышелъ почти изъ себя и грозилъ, что запретъ меня въ каютѣ для избѣжанія моихъ неумѣстныхъ вышталетствъ въ распоряженіе его судномъ. Опасаясь исполненія этой угрозы, я скрѣпился и не отвѣтилъ на сдѣланную мнѣ обиду.

Сойдя внизъ, я снова внимательно сталъ дѣлать вычисленія по картѣ. Капитанъ скоро самъ пришелъ ко мнѣ и началъ подсмѣиваться надъ моими претензіями на знаніе мѣстности. Онъ объявлялъ мнѣ между прочимъ, что намѣренъ повернуть судно къ Монскому каналу и пройти черезъ него въ Карамбское море. Намѣреніе это было бы удобоисполнимо, если бы мы были противъ канала, но мы уже давно опередили его и при переизмѣненіи направленія судна должны были попасть въ группу Дѣвическихъ острововъ, самыхъ опасныхъ для хода корабля. По моему мнѣнію лучше всего было искать убѣжища въ какомъ-нибудь заливѣ Порто-Рико, но это мнѣніе возбуждало только смѣхъ креольца.

Взойдя на палубу онъ отдалъ приказаніе для поворота судна, а этотъ поворотъ былъ нашею вѣрною гибелью. Я не выдержалъ, и, догнавши его, закричалъ экипажу:

— Остановитесь, этотъ человѣкъ погубитъ насъ, мы непременно попадемъ на скалы, которыми усѣяны прибрежности Дѣвическихъ острововъ.

— Схватите этого негодяя! закричалъ капитанъ въ бѣшенствѣ. Свяжите ему руки и заприте въ каюту. Пусть сидитъ онъ тамъ до прибытія нашего къ пристани, а тамъ я съ нимъ раздѣлаюсь за его послушаніе.

Матросы не торопились исполнять этого приказанія креола, но онъ выхватилъ изъ — за пояса пистолетъ и направилъ на нихъ его дуло. Эта угроза имѣла свое дѣйствіе, меня связали и спустили въ каюту, гдѣ и заперли.

Часовъ пять пробылъ я въ этомъ постыдномъ положеніи, досада и негодованіе росли во мнѣ по мѣрѣ того, какъ неправильная качка судна и частыя толчки доказывали мнѣ, что мы близимся къ нашей гибели.

Вдругъ дверь моей каюты съ шумомъ отворилась и матросы вбѣжали ко мнѣ, громко называя меня по имени. Старый негръ, повредившій себя по несчастію ногу, не могъ самъ войти на палубу, но объя-

На другой день вздумалъ я поближе осмотрѣть островъ, на которомъ приходилось мнѣ прожить неизвѣстное время. Самая большая возвышенность была въ серединѣ острова. Туда сначала направилъ я шаги свои. По какому-то инстинкту хотѣлось мнѣ взглянуть прежде на морскую даль, въ смутной надеждѣ увидать какой-нибудь спасительный парусъ, но море было пустынно. Изъ прилежащихъ острововъ одинъ казался болѣе прочихъ. Еще вчера показалось мнѣ, что онъ долженъ быть удобнѣе другихъ для обитанія, а на этотъ разъ къ величайшему моему удивленію увидѣлъ я, что на немъ развѣвался какой-то темный или черный флагъ. Какъ объяснить себѣ присутствіе этого флага? Служилъ ли онъ сигналомъ какому-нибудь несчастному мореходцу, выброшенному подобно мнѣ на безлюдные острова, или означалъ неизвѣстный мнѣ наблюдательный пунктъ? Нѣсколько разъ возвращался я къ тому мѣсту, съ котораго флагъ былъ видѣнъ и замѣтилъ, что къ вечеру онъ исчезъ съ своего мѣста. На утро флагъ развѣвался снова и это убѣждало меня въ присутствіи живаго существа на островѣ.

Первою мыслию моею было перебраться на этотъ островъ. Обломки плота плавали близъ берега, я взобрался на тотъ изъ нихъ, который показался мнѣ побольше и, оттолкнувшись отъ берега, поплылъ по направлению къ большому острову. Мнѣ приходилось проплыть довольно большое пространство и пробираться между островами и скалами. Словомъ, затрудненія въ пути были такъ многочисленны, что, бросивъ плотъ недалеко отъ цѣли моего путешествія, я долженъ былъ броситься въ воду и приплыть къ острову, когда уже было совершенно темно. Усталость моя была такъ велика, что я почти безъ силъ упалъ на берегъ и сейчасъ же уснулъ. Когда я проснулся, было уже совершенно свѣтло, на возвышенности острова уже развѣвалось черное знамя. На берегу росли кустарники, чинары и рожковыя деревья, я сталъ пробираться между ними. Пройдя довольно пространства, я вдругъ очутился на небольшой площадкѣ, среди которой стояла палатка.

Невольно остановился я и сталъ разсматривать это жилище, какъ вдругъ изъ палатки вышелъ человекъ. Сначала, казалось, онъ удивился моему присутствію, но потомъ подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы за мною?

Я не зналъ, что отвѣчать ему, догадывался только, что онъ принимаетъ меня за кого-нибудь другаго.

— У товарищевъ погибъ корабль нашъ, сказалъ я наконецъ. Меня прибило къ берегу одного острова, откуда я увидалъ ваше знамя и при-

Мы близились къ берегу, не спуская глазъ съ бѣлой пѣны, окружавшей прибрежныя скалы, какъ вдругъ плотъ нашъ набѣжалъ на большой подводный камень. Послѣдовавшій отъ этого ударъ разломилъ плотъ на двое: на одной половинѣ остались матросы, а на другой я одинъ. Не долго однакожь оставался я на обломкѣ плота, новый толчекъ сбросилъ меня въ воду, и я долженъ былъ вплавь добраться до песчаного берега.

Ставши на ноги, я могъ сообразить обстоятельства нашего кораблекрушенія; судно разбилось о прибрежную скалу на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ того мѣста, гдѣ я находился, но при всемъ усиліи рассмотреть, что сдѣлалось съ моими товарищами, я не видалъ никакого слѣда ихъ.

На разсвѣтъ попробовалъ я взойти на небольшое прибрежное возвышеніе и увидѣлъ не далеко плавающіе обломки плота. По счастью на одномъ изъ нихъ замѣтилъ я часть привязанныхъ съѣстныхъ припасовъ и поплылъ къ нимъ.

На пути моего плаванія встрѣтилъ я три трупа матросовъ, погибшихъ вѣроятно при переломѣ плота. Достигнувъ желаемого остатка плота, я поплылъ назадъ къ берегу, толкая передъ собою уцѣлѣвшія на немъ средства къ жизни.

Доплывши до берега, я втащилъ на него свою добычу, и, отвязавъ съѣстные припасы, отнесъ ихъ подальше отъ моря и прикрылъ досками. Обезпеченный на нѣсколько дней пищею, углубился я далѣе въ островъ и взошелъ на самую большую возвышенность, чтобы разглядѣть оттуда, гдѣ именно я находился.

Предположенія мои оказались вѣрными, мы были брошены бурей въ средину Дѣвичьихъ острововъ. Тотъ, къ которому присталъ я, былъ одинъ изъ маленькихъ. Овъ показался мнѣ не болѣе двухъ миль въ окружности. Прочіе острова были разбросаны по Сѣверовосточной и Сѣверозападной сторонѣ моего обиталища и болѣе возвышались подъ водою. Вездѣ между островами были видны скалы, и море, разбиваясь о нихъ, покрывалось бѣлою пѣною.

Спустившись опять на берегъ, и, пройдя нѣкоторое разстояніе около воды, увидѣлъ я тѣла остальныхъ нашихъ матросовъ и между ними трупъ негра. Я одинъ спасся чудеснымъ образомъ отъ потопленія, а, главное, имѣлъ на нѣсколько дней средства къ жизни. По осмотрѣ моего оказалось, что у меня еще есть ящикъ бисквита, два боченка воды, боченокъ рому, ящикъ вина и большой мѣшокъ съ полотномъ и веревками. Бумаги и векселя Марсіала были сохранены въ моемъ кожанномъ поясѣ.

тайну этого знамени, подобно вамъ, добезный Кобсъ, при первой нашей встрѣчѣ.

Соединенныхъ припасовъ должно было хватить намъ на довольно долгое время; но мнѣ хотѣлось найти какой-нибудь предлогъ для осмотра разбитаго судна, въ которомъ были довѣренныя мнѣ богатства и я объявилъ своему хозяину, что желалъ бы доѣхать до мѣста кораблекрушенія и попытаться отыскать себѣ какое-нибудь платье.

Я очень бы желалъ отправиться туда одинъ, но трудность переправы требовала необходимо товарища. Товарищъ же мой былъ человекъ сильный, и казался привычнымъ къ дѣлу мореплаванія. Вслѣдствіе этихъ соображеній я пригласилъ его мнѣ сопутствовать въ надеждѣ, что какъ-нибудь, незамѣченный имъ, я смогу осмотрѣть то, что меня интересовало.

Въ одно утро мы отправились. Путешествіе наше совершилось по безчисленнымъ теченіямъ, безпрестанно сдвигавшимся между островами и скалами и только къ полудню увидѣли мы разбитое судно. Оно не все потонуло. Пробитое подводною скалою, на которую бросило ее вѣтромъ, оно потонуло только переднею частію. а задняя часть осталась надъ водою.

Подѣхать въ лодкѣ къ самому судну было невозможно по причинѣ подводныхъ камней, и мы пустились къ нему влпавъ. Грустно было мнѣ приближаться къ палубѣ погибшаго корабля. Мнѣ невольно представилось, что такъ недавно были на ней молодые, сильные люди, и всѣ они погибли по невѣжеству одного безумца.

Товарищъ мой зналъ о моемъ родствѣ съ Монбаромъ и о томъ, что я ѣздилъ по дѣламъ на островъ Черепахи. Не знаю, что заключалъ онъ изъ этого, но осмотръ, дѣланный имъ погибшему судну, былъ чрезвычайно подробный и обличалъ не одно простое любопытство. Онъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ о грузѣ судна, но, видя, что я отвѣчаю ему неопредѣлительно, сталъ показывать, что это нисколько его не интересуетъ. Онъ вошелъ въ одну изъ каютъ, которая не была залита водою, а я воспользовался этимъ временемъ и подползъ къ передней части корабля, желая увидѣть, нельзя ли спасти что-нибудь изъ потонувшаго груза. При возвратѣ набѣгавшихъ волнъ я увидѣлъ верхнюю часть боченковъ, но не былъ убѣжденъ, что это были именно тѣ, въ которыхъ лежали мои пиастры. Я могъ бы добраться до нихъ и разрешить мое недоумѣніе, но, опасаясь возбудить какія-нибудь подозрѣнія въ моемъ товарищѣ, я отложилъ это намѣреніе до другаго путешествія, которое думалъ совершить одинъ. Войдя въ каюту, я нашелъ моего хозяина передъ отысканнымъ имъ боченкомъ рона и почти мертвымъ.

Наступила ночь, погода была довольно тихая и мы могли безопасно дожидаться утра въ каютѣ разбитаго судна. Потонувшее имущество Марсіала безпрестанно приходило мнѣ въ голову, и мнѣ казалось, что съ помощію искусныхъ пловцовъ и нырятелей можно вытащить потонушія сокровища. Когда удастся мнѣ это сдѣлать?... И удастся ли? Я не зналъ этого. Не зналъ даже и того, какъ и когда освобожусь я отъ грустнаго заключенія на островѣ. Впрочемъ какое-то предчувствіе говорило мнѣ, что товарищъ мой рассчитываетъ на скорое освобожденіе.

Его безпечность и спокойствіе среди безотраднаго одинокаго существованія, ежедневно выставляемое знамя, неволью убѣждали меня въ справедливости моего предположенія.

Съ разсвѣтомъ дня оставили мы корабль и перенесли на лодку многія отысканныя нами вещи и припасы.

Товарищъ мой имѣлъ обыкновеніе отправляться каждое утро на охоту, и часто просыпался я, уже не видя его въ палаткѣ.

Однажды проснувшись позже обыкновеннаго, замѣтилъ я какой-то беспорядокъ въ нашемъ жилищѣ. Оружіе, молотокъ и многія другія вещи, которыя я привыкъ ежедневно видѣть, куда-то исчезли. Я вышелъ изъ палатки, и къ удивленію моему не увидалъ чернаго флага. Это обстоятельство чрезвычайно смутило меня и неволью бросилъ я взглядъ на море. Вдали показался мнѣ парусъ, но я не могъ еще различить его направленія, приближался ли онъ къ берегу, или удалялся отъ него. Скоро однако стало мнѣ очевидно, что парусъ удаляется.

Я побѣжалъ на берегъ, гдѣ была привязана лодка, она была на своемъ мѣстѣ. Вѣроятно, подумалъ я, усмотрѣнный мною корабль не подходилъ къ островамъ, а товарищъ мой далеко зашелъ куда-нибудь. — Подожду!

И я ждалъ, но ждалъ напрасно, наступилъ вечеръ, потомъ ночь, и я убѣдился, что оставленъ одинъ на островѣ. Я впалъ въ страшное отчаяніе. Да, другъ мой Кобсъ, ужасное чувство, знать, что у тебя три милліона за поясомъ и что ты покинутъ на необитаемомъ островѣ. Какъ длинны казались мнѣ дни и ночи! Разсказать, что перечувствовалъ я въ это время, невозможно. Я считалъ себя осужденнымъ на голодную смерть, думалъ о Марсіалѣ, о сестрѣ, которые никогда не узнаютъ о мѣстѣ моей гибели.

Восемь дней провелъ я въ такомъ положеніи, но, находя наконецъ его невыносимымъ, и не надѣясь ни на какую постороннюю помощь, я рѣшился на отчаянное средство къ спасенію. Я понималъ, что смерть была для меня неизбежна, такъ ужъ лучше было утонуть, оставивши

островъ, нежели умереть на немъ съ голода. — Лодка, оставшаяся въ моемъ распоряженіи была довольно крѣпка. Я вырылъ столбъ, на которомъ незнакомецъ вывѣшивалъ флагъ свой, и устроилъ изъ него кѣчто въ родѣ мачты. Изъ палатки вырѣзалъ большой кусокъ на парусъ, и, перепесши въ лодку оставшуюся провизію, отчалилъ отъ острова.

Съвернымъ вѣтромъ повесло меня къ югу и при соблюденіи этого направленія я долженъ былъ рано или поздно пристать къ Антильскимъ островамъ.

Въ продолженіи дня плылъ я по вѣтру, а на ночь снималъ парусъ и ложился спать.

Такъ прошло много дней и много ночей. Дни проходили въ скѣпляющихся надеждахъ и безнадежности, а ночи въ разнообразныхъ страшныхъ снахъ, которые стали для меня такъ тягостны, что я боялся заспать, но не могъ не уступать природной потребности.

Не буду подробно рассказывать этого путешествія, скажу только, что черезъ пять дней послѣ отплытія изъ острова увидѣлъ я что-то на горизонтѣ, показавшееся мнѣ землею. Уже нѣсколько разъ и прежде случалось мнѣ видѣть подобное, но обманчивые миражи исчезали при напряженномъ взглядѣ, а на этотъ разъ я не ошибался. Къ полудню видъ горъ и даже лѣса, на нихъ росшаго, сдѣлался для меня довольно ясенъ. Къ вечеру я былъ уже не болѣе шести миль отъ берега. Послѣдній разъ снялъ я свой парусъ и заснулъ, уже не види изурвавшихъ меня страшныхъ сновъ. Проснулся я ранѣе обыкновеннаго.

Когда бы вы знали, другъ Кобсъ, какъ приятно, какъ утѣшительно сладко было мнѣ вглядываться въ приближающійся берегъ!... Слѣдъ долженъ быть истиннѣе къ жизни, чтобы поражать въ насъ такія восторженныя ощущенія....

Одно ли это удовольствіе жизни или радость при мысли о свиданіи съ близкими сердцу? Не знаю, только никакое чувство не можетъ сравниться съ тѣмъ, что ощущалъ я въ то время. Я почти задыхался отъ сильнаго бѣненія сердца и плакалъ самыми сладкими слезами.

Островъ, къ которому плылъ я, былъ островъ Сен - Христофъ. Мнѣ были уже видны обработанныя поля, сады, домики и толпа народа, собравшаяся на берегу. Вѣроятно ихъ удивило, какъ простая лодка могла очутиться въ открытомъ морѣ. Мнѣ махали шестами, указывая мѣсто, гдѣ можно было причалить.

Когда я вышелъ на берегъ, меня окружили негры, и старшіе изъ нихъ закидали меня вопросами. Я въ короткихъ словахъ удовлетворилъ ихъ любопытство, и узналъ отъ нихъ въ свою очередь, что мнѣ было нужно.

Я приплылъ, какъ и предполагалъ, къ острову Сен-Христофу. Поля и лѣса по берегу принадлежали богатому Англійскому плантатору Вильгельмону.

По звачу негра, казавшагося начальникомъ, поднесли ко мнѣ носилки и я отправился во внутренность острова.

Жилище плантатора было довольно далеко отъ берега, прошло нѣсколько часовъ, прежде нежели мы его достигли. Нѣсколько разъ проходили мы мимо большихъ строеній, занимаемыхъ сахарнымъ и другимъ производствами, и наконецъ вышли на поляну, по которой текла свѣтлая рѣчка, отънесенная прекрасными чинарами. Меня попросили сойти съ носилокъ и посадили въ маленькую лодку. Проѣхавши небольшое пространство между очаровательными садами, приблизились мы наконецъ къ жилищу плантатора.

Увѣдомленный черными служителями плантаторъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу и принялъ меня чрезвычайно радушно. Я рассказалъ ему грустную повѣсть послѣднихъ дней моихъ, объявивъ мое имя и званіе. Несчастія мои были выслушаны имъ съ большимъ участіемъ, и онъ настоятельно просилъ меня погостить у него нѣсколько дней. Не смотря на все мое желаніе скорѣе увидѣться съ родными, я не могъ отказаться отъ такого дружескаго приглашенія.

— Весь домъ мой къ вашимъ услугамъ, говорилъ Вильгельмсонъ. Я, жена и дочь постараемся заставить васъ сколько-нибудь позабыть то, что перенесли вы.

Я поблагодарилъ добраго хозяина и отправился въ отведенную мнѣ комнату. Мнѣ принесли туда платье, и всѣ принадлежности туалета, которымъ я занялся тщательно, припоминая слова плантатора, доказывавшія присутствіе женщины въ домѣ.

За обѣдомъ я былъ представленъ женѣ и дочери г. Вильгельмсона.

Жена его была одна изъ тѣхъ креолокъ, у которыхъ красота и огонь глазъ не легко поддаются дѣйствию лѣтъ. Дочь, дѣвушка лѣтъ шестнадцати, была собой очаровательна. Дамы приняли меня тоже очень любезно.

Съ наступленіемъ прохладной ночи вышли мы на терасу и долго разговаривали. Я сказалъ между прочимъ о моемъ намѣреніи переселиться скоро въ Европу. Плантаторъ признался мнѣ, что это было и его давнишнее желаніе, особенно желаніе жены его, что время переселенія зависитъ отъ посѣщенія одного богатаго владѣльца, которому онъ надѣется продать свою землю и заведенія.

Я рассказалъ моему доброму хозяину причину моей поѣздки на островъ Черепихи и то, что сохранялъ въ поясъ векселя Марсіаля, и то,

что надѣялся на спасеніе и имущества потонувшего. Онъ принялъ во всемъ этомъ большое участіе и предлагалъ мнѣ пособіе людей своихъ.

Еще день пробылъ я въ домѣ г. Вильгельмсона, вечеромъ простился съ его женой и дочерью, а на утро отправился на южный берегъ острова, гдѣ надѣялся найти корабль для переезда на островъ Барбадъ. Плантаторъ очень великодушно предложилъ мнѣ золото, необходимое для переезда.

V.

Свиданіе мое съ Марсіалемъ и сестрою заставило меня позабыть приключенія моего путешествія, которыя однако передаю я нинѣ въ подробности.

Марсіаль снѣлся надо мною, что я не угадалъ, кто былъ товарищемъ мой на островѣ.

— Это былъ капитанъ, Желѣзная рука, сказалъ онъ мнѣ. Тебѣ самому рассказали на островѣ о его заточеніи. Черный флагъ, который такъ интриговалъ тебя, есть не что-иное, какъ флагъ его корабля, называемаго безпощаднымъ. Вѣроятно за нинѣ прибылъ корабль очень рано, и онъ не рассудилъ тебя взять съ собою. Почему? Рѣшить трудно. Можетъ быть узнаемъ мы это въ будущемъ.

— Желѣзная Рука! вскричалъ я съ удивленіемъ — конечно я долженъ былъ догадаться. Я припоминаю теперь этотъ страшный молотокъ. Желѣзная Рука! Почему же не хотѣлъ онъ нинѣ открыть своего имени? Для чего такая осмотрительность со мною послѣ почти полной потери откровенности?...

Мы рѣшили оставить какъ можно скорѣе Барбадъ и, такъ какъ купеческіе корабли просили съ насъ очень дорого за переправу, то мы возобновили принадлежавшій Марсіалу кутерь и пустились на немъ въ море.

Мы распорядились нашимъ путешествіемъ такъ, что прежде всего должны были заѣхать къ Дѣвичьимъ островамъ и постараться достать изъ воды потонувшее имущество.

Черезъ нѣсколько дней достигли мы острова Сен-Христофа, на случай тиши простояли дня два на одномъ мѣстѣ. Въ ожиданіи вѣтра, взбирался я часто на мачту, чтобы взглянуть гдѣ-нибудь на горизонтѣ облако, и въ одно изъ такихъ восхожденій замѣтилъ я на морскомъ горизонтѣ точку, а по внимательномъ осмотрѣ увидѣлъ, что это была лодка.

Кутерь Марсіала дождался наконецъ попутнаго вѣтра, и, правя къ мѣсту кораблекрушенія, скоро приблизился къ желаемымъ островамъ.

Каково жъ было удивленіе экипажа, когда онъ увидѣлъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ погнбло судно, стоящій бригъ, распускающій паруса свои.

— Мы ограблены! вскричалъ Максвель (имя краснаго лопмана).

— Я это предчувствовалъ, сказалъ Марсіаль. Это дѣло Желѣзной Руки, онъ не Флибустьерь, онъ просто морской разбойникъ!

— Негодяй!.. вскричалъ Максвель съ негодованіемъ. Надо остановить его и отнять наши сокровища. Злодѣй думаетъ, что я умеръ съ голоду на островѣ, онъ не ожидаетъ, что приближается его мститель! Марсіаль, надо остановить его!

— Къ несчастію это невозможно! отвѣчалъ мнѣ прежній начальникъ Флибустьеровъ. Бригъ его хорошо вооруженъ и имѣетъ большой экипажъ. Силы наши не равны. Намъ могла бы помочь одна хитрость, но чѣмъ мы сдѣлаемъ?

Мы опоздали! Надо покориться судьбѣ и отправляться въ Европу. Мы все-таки довольно богаты, чтобы жить въ довольствѣ.

Лишенные значительной части богатствъ своихъ, мы завернули въ Порто-Рико, чтобы пополнить экипажъ нашъ, и тутъ-то познакомились мы съ вами, другъ Кобсъ, и взяли васъ на нашъ кутерь.

VI.

Пополнивши экипажъ свой въ Порто-Рико, Максвель и Марсіаль отправились въ Европу. — Погода была благоприятная плаванію. Елена и Фанелли, дочь несчастнаго плантатора, ухаживали за г-жею Вильгельмсонъ, которая не могла поправиться со смерти своего мужа. Бывшій на кораблѣ докторъ подавалъ мало надежды на ея выздоровленіе.

Фанелли подружилась съ Еленою, и Марсіаль рѣшилъ въ душѣ своей оставить эту дѣвушку при себѣ, если судьба оставитъ ее сиротою.

По вечерамъ, особенно когда г-жа Вильгельмсонъ успокоивалась, молодыя женщины всходили на палубу, наслаждались прохладнымъ воздухомъ и слушали рассказы матросовъ.

Максвель и Марсіаль занимались планами своей будущности.

Прежде всего хотѣли они захватить въ Антверпенѣ, и получить по векселямъ деньги, потомъ, не будучи въ силахъ забыть грабежа Желѣзной Руки, намѣрены они были вооружить хорошей бригъ и дожидаться съ нимъ близъ береговъ Голландіи прибытія морскаго разбойника. О цѣли его путешествія узнали они въ Порто-Рико.

На пятнадцатый день плаванія Фанелли осиротѣла. Слабѣвшая со дня на день мать ея умерла.

Кобъ занялся ея похоронами, и, привязавши ядро къ ногамъ умершей, осторожно столкнулъ трупъ въ море.

Велика была горестъ бѣдной дочери, но она была нѣсколько притовлена къ этому печальному событію продолжительной болѣзнію умершей. Елена не отходила отъ нея и утѣшала ее чѣмъ могла. Молодость и здоровье взяли верхъ надъ горемъ, и скоро хорошенькая Фанелли перестала плакать безутѣшно. Она была еще задумчива, но можно было надѣяться, что исчезнутъ наконецъ и эти слѣды печали.

Намѣренія Марсіала и Максвелла касательно отищенія Желѣзной Рукъ все болѣе и болѣе укрѣплялись. Одно только было непріятно имъ, что ищеніе не могло совершиться скоро по пріѣздѣ ихъ въ Европу. Въ Порту-Рико сказали имъ, что начальникъ Флибустьеровъ долженъ обѣхать многія конторы прежде, чѣмъ попадетъ въ Голландію.

Между разговоромъ о Желѣзной Рукѣ вспомнилъ Максвелъ о египетскомъ черномъ флагѣ, и спросилъ Марсіала, не имѣетъ ли этотъ флагъ какаго-нибудь особеннаго значенія.

— О, да! сказалъ Марсіаль, этотъ флагъ имѣетъ важное значеніе. По статутамъ общества Флибустьеровъ, тотъ, кто получаетъ его для своего корабля, даетъ клятву умереть или побѣдить, когда онъ выкинутъ на мачтѣ. По этому-то его выкидываютъ въ крайнихъ случаяхъ. Флагъ этотъ дается только четвернымъ главнымъ начальникамъ общественнаго флота. Онъ называется безпошаднымъ. Я имѣлъ тоже такой флагъ на кораблѣ своемъ, и сохранялъ его до сихъ поръ. У Флибустьеровъ существуетъ обычай, чтобы умершаго капитана хоронили обернутого въ флагъ его.

— Но что значатъ эти бѣлыя буквы, по немъ разбросанныя?

— Вы сейчасъ поймете ихъ.

Марсіаль велѣлъ принести флагъ свой, и его разостлали на палубѣ.

— Прежде, началъ Марсіаль, на черномъ полѣ изображали четыре мертвыя головы, а послѣ эти изображенія заимѣли девизомъ. Буквы, составляющія девизъ, вырѣзываются и въ беспорядкѣ разбрасываются по флагу. Эти буквы составляютъ слова: безъ пощады. Появленіе этого флага на мачтѣ нашего корабля наводило всегда ужасъ на корабль испанскіе, и это дѣйствіе флага часто помогало нашимъ успѣхамъ.

— Но какія это еще пятна видѣются на немъ? спросилъ Максвелъ.

— Это кровь моя, отвѣчалъ бывшій начальникъ Флибустьеровъ. Это обыкновеніе, что если капитанъ раненъ во время битвы, то эти пятнышкомъ оттираютъ кровь его раны. — Иногда, впрочемъ отецъ рѣшилъ

питаемы завѣщаютъ кому-нибудь флагъ свой, какъ залогъ ищенія. Исполненіе этого завѣщанія считается у Флибустьеровъ обязанностію.

— Ну, кажется, вашъ флагъ не будетъ нить подобной судьбы, скажь Максвель.

— Какъ знать? Если мы встрѣтятся съ Желѣзною Рукою, и если онъ будетъ намъ противиться.... этотъ флагъ распустится еще разъ на моей мачтѣ, а можетъ быть....

— Не договаривайте, Марсіаль, перебилъ Максвель: такой разбойникъ не достоинъ этой чести.

— Во всякомъ случаѣ, продолжалъ Марсіаль, если этотъ флагъ будетъ развиваться надо мною, погибшимъ въ битвѣ, я завѣщаю его вамъ, Максвель, оботрите имъ капли крови моей послѣдней раны, и потомъ оправдайте девизъ его.

Слова эти были сказаны съ какою-то грустію и Максвель поторопился спрятать флагъ и переменить разговоръ.

Однажды Фанелии оставалась на палубѣ, вдыхая пріятную вечернюю прохладу. Максвель, случившійся тутъ по службѣ, подошелъ къ ней и сѣлъ съ нею рядомъ.

— Черезъ сколько дней, думаете вы, пріѣдемъ мы въ Англію? спросила дѣвушка.

— Дней черезъ десять или двѣнадцать, отвѣчалъ капитанъ, если только простоятъ такая погода. Вамъ, вѣроятно, прибавилъ онъ, очень хочется побывать въ неизвѣстной еще вамъ Европѣ.

— Это было самое горячее мое желаніе прежде.... Но теперь могу ли я отдать какой-нибудь странѣ преимущество? грустно проговорила молодая креолка.

— Вы должны предпочесть ту страну, говорилъ нѣжно Максвель, въ которой будутъ жить существа васъ любящія.... Развѣ вы не считаете насъ спутниками вашей жизни?... вашего счастья?

— Моего счастья?... Какъ будто есть на землѣ счастье для осиротѣвшей дѣвушки!..

— На землѣ есть для каждой дѣвушки защитникъ, другъ и покровитель.... это.... мужъ....

— Мужъ!... не говорите этого, Максвель, печаль моего сердца слишкомъ велика, чтобы я могла подумать о радости въ будущемъ.

Сказавши это, Фанелии удалилась съ палубы.

Максвель задумался, обратился съ вопросомъ къ своему сердцу, и увидѣлъ, что оно любитъ эту дѣвушку.

— Я женюсь на ней, сказалъ самъ себѣ Максвелъ, проведя болѣе половины ночи въ глубокомъ размышленіи... Она бѣдна, я доставлю ей богатства; она одна въ этомъ мірѣ, мы примемъ ее въ нашу семью и будемъ любить какъ родную.

— Елена!... сказалъ онъ на другой день сестрѣ своей. Я люблю Фанелли и хочу ввести ее въ наше семейство. Поговори съ ней объ этомъ, узнай ея ко мнѣ чувства, и постарайся, чтобы она поскорѣ меня осчастливила.

— Положеніе Фанелли требуетъ осторожности въ подобныхъ вопросахъ, отвѣчала Елена, но ты знаешь, какъ дорого мнѣ твое счастье, и я сдѣлаю все, что будетъ отъ меня зависѣть.

Нѣсколько дней спустя Максвелъ опять сошелся съ Фанелли на вѣдѣ, и разговоръ ихъ былъ вѣроятно очень интересенъ, потому что они не слышали звонка, призывавшаго къ ужину.

— Она любитъ меня! говорилъ въ тотъ же вечеръ морякъ Марсіаль. Я женюсь на ней по пріѣздѣ нашемъ въ Англію.

— И прекрасно!... отвѣчалъ Марсіаль, а приданое ей добудетъ мнѣ на бригѣ ограбившаго насъ разбойника.

Кутерь подвигался впередъ, благодаря попутному вѣтру. Максвелъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе влюблялся въ свою невесту. Марсіаль мечталъ объ отищеніи Желѣзной Руки, а старикъ Кобсъ молчаливо жилъ надеждою—отыскать когда-нибудь своего сына Петерса.

Фанелли въ самомъ дѣлѣ любила Максвеля, человека молодого, собой красиваго, съ прекраснымъ характеромъ и добромъ, благородномъ душою. Нѣжное участіе, принятое имъ въ ихъ ужасномъ положеніи при жизни ея матери, и родственныя ласки послѣ этой катастрофы были не малой причиною развитія этого чувства.

Встрѣча съ Желѣзною Рукою уже не казалась Максвелю такимъ счастливымъ событіемъ, какъ прежде.

— Если меня убьютъ, говорилъ самъ себѣ Максвелъ, я чувствую, что мнѣ будетъ тяжело разставаться съ жизнію. Ужели любовь уменьшаетъ храбрость? видно такъ.

Между тѣмъ время шло, и наши путешественники приближались къ Европѣ. Каждое утро старикъ Кобсъ взбирался самъ на верхъ мачты, чтобы увидѣть дальній берегъ, и наконецъ ему первому удалось вѣсѣстивъ о видности земли.

Усмотрѣнная земля были острова Шили, раздѣляемые въ проливахъ Англіи и отдѣляющія Ламаншскій проливъ отъ канала Брестольскаго.

Максвелъ направилъ корабль свой къ проливу, и черезъ нѣсколько дней путешественники наши прибыли въ Антверпенъ.

Иоаннъ де-Виттъ принялъ ихъ очень благосклонно и сей-часъ уплатилъ сполна по векселямъ, даннымъ на имя общества Флибустьеровъ.

Въ голландской пристави заиѣтилъ Максвелъ красивый бригъ, вооруженный осьмнадцатью пушками, на которомъ можно было помѣстить человѣкъ пятьдесятъ экипажа. — Найдя его чрезвычайно удобнымъ для исполненія своихъ предпріятій касательно Желѣзной Руки, Максвелъ купилъ его у де-Витта. Марсіаль съ женой, Максвелъ и Фанелла перешли на новокупленный корабль, а кутерь остался подъ управленіемъ Кобса.

Нѣсколько дней спустя, оба судна бросили якорь въ Плимутской гавани.

По выходѣ на берегъ, Максвелъ занялся отысканіемъ дома для помѣщенія дамъ своихъ. Последнимъ было объявлено намѣреніе поселиться окончательно на островѣ Герсенеѣ, а пребываніе въ Плимутѣ объяснено необходимостію заняться дѣлами, касающимися будущаго общаго спокойствія. О намѣреніи братьевъ, дожидаться пирата и вступить въ бой съ нимъ, женщины ничего не знали.

Истинная же цѣль промедленія въ Плимутѣ состояла въ томъ, чтобы набрать достаточный и надежный экипажъ для новокупленнаго брига.

Вербовка матросовъ была возложена на Кобса, и онъ охотно занялся этимъ дѣломъ, все еще надѣясь какъ-нибудь встрѣтить своего сына.

Ему почему-то казалось, что Петерсъ сдѣлался непремѣнно морякомъ. Посѣщая таверны, служившія прибѣжищемъ матросамъ, неизмѣннѣи мѣста, старикъ Кобсъ внимательно всматривался въ каждаго молодца, казавшагося ему лѣтъ двадцати пяти отъ роду, и заговаривалъ о Петерсѣ. Онъ довѣрилъ свою тайну нѣкоторымъ изъ содержательницъ тавернъ, и общалъ щедрую награду въ случаѣ успѣха; но Петерса нигдѣ не оказывалось.

Между тѣмъ формирующійся экипажъ брига съ каждымъ днемъ увеличивался. Кобсъ заманивалъ матросовъ обѣщаніями богатой добычи, которая несомнѣнно получится при первой экспедиціи, и выбиралъ людей молодыхъ, смѣлыхъ и способныхъ на отчаянные предпріятія. Вербовка эта происходила довольно тайно; о ней не только не знало правительство, но и сами матросы скрывали другъ отъ друга условія, заключенныя съ Кобсомъ поодиночкѣ.

По плану, окончательно принятому Максвелемъ и Марсіалемъ, кутерь долженъ былъ сопутствовать бригу, и оба судна должны были крейсировать въ проливѣ въ ожиданіи Желѣзной Руки. Заиѣтя врага, они должны были соединиться и дѣйствовать за-одно.

Черезъ два мѣсяца все было готово, и корабли получили новыя названія. Бригъ былъ названъ Фанелли, а кутерь Анакрити.

Чтобы удалить женщинъ отъ мѣста ожидаемой борьбы, Марсіаль предложилъ отвезти ихъ на островъ Герсенай, а самъ онъ наутренъ былъ вернуться къ остающемуся ожидать его Максвелу и сдѣлать послѣднее необходимое путешествіе къ острову Аюрскинъ.

Старикъ Кобсъ назначенъ былъ въ число экипажа брига и отправился съ Марсіалемъ.

Для черезъ три Марсіаль вышелъ на берегъ острова Герсенай съ женою и невістой Максвела. Устроивъ имъ на островѣ покойное жилище, онъ поплылъ обратно въ Плимуть.

Для поѣздки на островъ взята была на бригъ только половина набраннаго экипажа, чтобы числомъ матросовъ не возбудить какого-нибудь подозрѣнія въ женщинахъ. Остальная половина должна была сѣсть на корабль по возвращеніи его въ Плимуть.

Дорогою Марсіаль убѣдился, что бригъ его имѣлъ быстрый и легкій ходъ, а экипажъ, хотя и неполный, работалъ дружно, старикъ Кобсъ исполнялъ съ честью должность рулевого. Все это давало Марсіалу основательныя надежды одержать верхъ надъ ожидаемыми имъ грабителями.

Не болѣе, какъ за двадцать или пятнадцать миль отъ береговъ Англіи вѣтеръ сталъ стихать, и стихъ наконецъ совершенно. Бригъ пересталъ подвигаться впередъ, и это обстоятельство чрезвычайно досаждало капитана, желавшаго какъ можно скорѣе соединиться съ Максвеломъ и начать рейсированіе.

Тихь простояла цѣлая сутки, на утро другаго дня показался на горизонтѣ корабль, но по дальнему разстоянію не было средства рассмотреть его. Къ вечеру поднялся вѣтеръ, и бригъ Марсіала двинулся по своему направленію. Ночью вѣтеръ утихъ, и Марсіаль, не желая подходить слишкомъ близко къ берегу, уменьшилъ паруса. Прошло около часу самаго медленнаго движенія брига, какъ старикъ Кобсъ объявилъ Марсіалу, что къ нимъ приближается корабль, держась одного съ ними направленія.

Марсіаль хотѣлъ уже распустить паруса, чтобы не столкнуться съ незванымъ сосѣдомъ, но приближавшійся корабль легъ въ дрейфъ и остановился на пистолетный выстрѣлъ отъ брига.

На этомъ разстояніи легко было увидѣть, что это былъ тоже бригъ. До разсвѣта матросы обѣихъ кораблей внимательно всматривались другъ въ друга. Но при первыхъ мерцаніяхъ утра Марсіаль и Кобсъ вскричали въ одинъ голосъ:

— Это Желѣзная Рука!

— Это бригъ Желѣзныхъ Руки!

Марсіаль видавъ этотъ бригъ у Дѣвичьихъ острововъ, а Кобсъ въ гавани Порто-Рико. — Оба они были увѣрены, что не ошибаются, но оставалось еще послѣднее испытаніе. Надо было выкинуть на Фанелли флагъ и заставить другой бригъ отвѣтить такою же морскою учтивостію. На Фанелли выкинули англійскій флагъ, на мачтѣ брига явился флагъ съ двумя крестами — краснымъ и желтымъ.

— Это онъ! вскричалъ Марсіаль. Это флагъ свободнаго общества Флибустьеровъ. Но зачѣмъ идетъ онъ въ Плимутъ, а не въ Антверпенъ? Чтò предпринять намъ?

— Да, отвѣчалъ Кобсъ; мудро на что-нибудь рѣшиться. На бригъ не видать пушекъ, но экипажъ его многочисленъ.

— Одинъ день! еще одинъ день! говорилъ Марсіаль, и эта встрѣча была бы торжествомъ нашимъ.... Неужели этотъ разбойникъ уйдетъ отъ насъ и всѣ наши планы рушатся!....

— Но что же дѣлать? спрашивалъ Кобсъ.

— Чтò дѣлать!... Чтò дѣлать! Броситесь къ нему на палубу... а если мы его упустимъ....

— Я не прочь отъ этого.... но не лучше ли пустить въ него прежде парочку-другую ядеръ?

— На сколько пушекъ взято съ нами зарядовъ?

— На пять.

— Мало. Да и выстрѣлы могутъ быть услышаны какииъ-нибудь кораблемъ.... Холоднымъ оружіемъ дѣйствовать вѣрнѣе; но не мало ли у насъ народа?...

— Что же дѣлать? повторялъ Кобсъ.

Оба брига лежали въ дрейфѣ.

— Собрать экипажъ подъ палубой!.... сказалъ Марсіаль послѣ нѣкотораго молчанія. Я поговорю съ матросами.

— За экипажъ я васъ отвѣчаю, говорилъ Кобсъ, эти молодцы ползутъ въ огонь и въ воду.

Черезъ нѣсколько минутъ двадцать шесть человѣкъ, составлявшихъ экипажъ Фанелли, стояли передъ Марсіалемъ въ нижней залѣ.

— Друзья мои! сказалъ Марсіаль, мы находимся въ критическомъ положеніи. Выслушайте меня внимательно. Приглашая васъ на корабль мой, Кобсъ говорилъ вамъ, что мы имѣемъ въ виду самую выгодную экспедицію. Теперешнее наше плаваніе предпринялъ я съ цѣлію испытать ходъ корабля. Мы должны были вернуться въ Плимутъ, пополнить экипажъ и начать задуманное мною дѣло. Но вдругъ противъ всякаго ожиданія бригъ, составлявшій цѣль нашей будущей экспедиціи, является подлѣ насъ.

Если мы упустимъ его, прощай добыча. — Бригъ, о которомъ я говорю вамъ, лежитъ рядомъ съ нами въ дрейфъ.

— Такъ зачѣмъ же прощаться съ добычей? сказалъ одинъ изъ матросовъ.

— Бригъ этотъ, продолжалъ Марсіаль, принадлежитъ пирату.

— Пирату! вскричали почти въ одинъ голосъ матросы: — не надо пускать его!

— Постойте!... Дослушайте меня. Этотъ пиратъ, зная, что огромныя принадлежащія ему богатства находились на одномъ потонувшемъ кораблѣ, выгрузилъ ихъ себѣ почти передъ нашими глазами. Этотъ пиратъ не щадитъ ни стариковъ, ни женщинъ.... Онъ обезчестилъ мнѣ Флбустьеровъ, онъ....

— Приказывайте, капитанъ! вскричали матросы, не ожидая окончанія рѣчи Марсіала.

— Я былъ намѣренъ раздать милліонъ моему экипажу по овладѣніи этимъ бригомъ, сказалъ Марсіаль въ заключеніе своей рѣчи.

— Милліонъ!...

— Да, милліонъ, друзья мои.... Въ каютѣ брига на шесть милліоновъ моей собственности.

— Нѣтъ!... не пускать его! кричали матросы.

— Надо вспрыгнуть на бортъ его и ощупать его карманы.

— Надо, надо....

И всѣ говорили вдругъ, показывая самую полную готовность къ битвѣ.

— Я согласенъ съ вами, сказалъ Марсіаль, но испытанъ свѣтлымъ хитростью. Спрячемъ подъ платье оружіе и сядемъ человекъ восемь въ лодку. Капитанъ брига подумаетъ, что я ѣду къ нему изъ учтивости. Войдя на корабль, я попрошу его удѣлить мнѣ воды. Онъ долженъ будетъ послать человекъ пять за боченкомъ. А между тѣмъ я предложу ему въ подарокъ водки и крикну Кобсу, чтобы онъ привезъ ее. Тогда Кобсъ возьметъ еще человекъ десять, также вооружитъ ихъ и придетъ ко мнѣ. Когда мы соберемся, я разможу голову капитану изъ пистолета, а каждый изъ васъ бросится на своего есѣда съ кинжаломъ, чтобы побережь пули для остальнаго экипажа. Согласны ли вы на это?

— Согласны!... Мы всѣ согласны! кричали матросы.

— Я ѣду съ вами, капитанъ!

— Я тоже.

— Я тоже.

Марсіаль долженъ былъ возвысить голосъ, чтобы унять шумные крики матросовъ, не хотѣвшихъ уступить другъ другу.

По приказанію Марсіала Кобсъ отворилъ большой сундукъ и сталъ доставать оттуда оружіе. Въ эту самую минуту матросъ, оставленный на палубѣ для наблюденія, крикнулъ, что бригъ трогается.

— Хитрость не удастся! вскричалъ Марсіаль съ досадою.... Такъ будемъ дѣйствовать открыто. Нашъ бригъ легокъ на ходу, и мы догонимъ пирата.

— Всѣ на верхъ!

Взойдя на палубу, Марсіаль увидалъ, что пиратъ шелъ на всѣхъ парусахъ къ пристани. Распустивъ паруса въ свою очередь, онъ велѣлъ править такъ, чтобы Фанелли прошелъ какъ можно ближе къ непріятельскому бригу.

Двѣнадцать человѣкъ матросовъ съ заряженными пистолетами притаились на палубѣ, а Марсіаль, Кобсъ и еще нѣсколько человѣкъ стояли облокотясь на бортъ, имѣя въ готовности оружіе.

Желѣзная Рука стоялъ тоже на палубѣ, и вокругъ него было человѣкъ шесть матросовъ.

Марсіаль поклонился, пиратъ отвѣтилъ на поклонъ его.

Когда корабли были не далѣе двадцати шаговъ другъ отъ друга, Марсіаль закричалъ Желѣзной Рукѣ:

— Хорошъ вашъ лоцманъ?

— Хорошъ, отвѣчалъ пиратъ.

— А у меня нѣтъ никакого. Позвольте мнѣ плыть за вами.

— Пожалуй, сказалъ пиратъ.

— Пли! крикнулъ Марсіаль и выстрѣлилъ въ капитана пиратовъ.

Желѣзная Рука упалъ на палубу.

Десять выстрѣловъ раздались за выстрѣломъ Марсіала, но только три пули нашли виноватаго.

— Правъ ближе! скомандовалъ Марсіаль, и нѣтъ имъ пощады!

Съ этимъ словомъ на мачтѣ Фанелли взвился чернѣйшій флагъ флибустьерскихъ капитановъ.

Корабли столкнулись, и весь экипажъ Марсіала ринулся на бригъ пирата вслѣдъ за своимъ капитаномъ. — Превосходство числа ихъ было мгновенное. Пираты дѣлали на палубу изъ всѣхъ отверстій, вооруженные пиками и топорами, и скоро ихъ было втрое болѣе, чѣмъ нападавшихъ.

Бѣдный Кобсъ запутался въ веревкахъ и упалъ въ море. Это обстоятельство лишило его возможности принять въ рѣзніи участіе.

Марсіаль дрался какъ левъ. Крики, ругательства, выстрѣлы оглашали воздухъ, — кровопролитіе было ужасное.

Марсіаль, обернувшись для избѣжанія удара топора, увидѣлъ недалеко отъ себя раненаго, но еще живаго Желѣзную Руку. Онъ бросился къ нему, чтобы прервать его ненавистное существованіе, но пиратъ совершенно неожиданно выхватилъ пистолетъ и выстрѣлялъ прямо въ грудь Марсіаля. Мужъ Елены упалъ мертвый въ ту самую минуту, какъ Кобсъ, освободившись наконецъ отъ веревокъ, влѣзалъ на палубу.

У Кобса не было никакого оружія. Ему нечѣмъ было сейчасъ же отплатить за смерть своего капитана. Притомъ же онъ видѣлъ, что число пиратовъ торжествовало надъ мужествомъ его товарищей.

— Смерть моя будетъ теперь бесполезна, подумалъ онъ. Лучше сохранить себя для ихъ отищенія.

Онъ прыгнулъ опять въ море, и, увидавъ привязанную къ бригу лодку, вѣроятно лодку лодмана, вошелъ въ нее и отрѣзалъ веревку.

Кобсъ легъ на дно лодки, въ той надеждѣ, что издали сочтутъ ее пустою и за ней не погонятся.

Приливъ понесъ его къ берегу. Прошло нѣсколько минутъ, и ужасный взрывъ далъ знать Кобсу, что одинъ изъ кораблей взлетѣлъ на воздухъ.

Кобсъ приподнялся и увидѣлъ, что бригъ пирата шелъ на всѣхъ парусахъ къ пристани, взорвавши напередъ Фанелли.

VII.

Въ то время, какъ бригъ Желѣзной Руки входилъ въ гавань, изъ гавани выходилъ кокетливо убранный кутерь.

Кутерь этотъ былъ Анакрити.

Максвелъ не могъ долѣе владѣть мучившимъ его тяжелымъ предчувствіемъ, и вышелъ въ море съ цѣлю встрѣтить Марсіаля.

Пройдя миль три или четыре, вдругъ увидѣлъ Максвелъ плавающіе обломки корабля и между ними завѣтный флагъ Марсіаля.

Взрывъ слышенъ былъ съ берега, но теперь уже не оставалось сомнѣнія въ гибели Фанелли.

Максвелъ велѣлъ обернуть назадъ и поплылъ къ Плимуту.

Приближаясь къ берегу, матросы увидѣли вдали лодку и въ ней человѣка, подающаго какіе-то знаки. Максвелъ велѣлъ къ ней приблизиться, и узналъ Кобса, пережившаго гибель брига и всего его экипажа.

Узнавши отъ Кобса всю плачевную исторію, Максвелъ сталъ сожалѣть за пиратомъ, лечившимся въ городѣ отъ раны въ плечо. Доктора говорили его пробыть на берегу цѣлый мѣсяць.

Понятно, что желание отомстить Желѣзной Рукѣ получило новую пищу въ послѣднемъ его злодѣяніи, и Максвелъ принялъ флагъ Марсіала какъ драгоценное наследство покойнаго родственника.

— Живо вспоминаю я, говорилъ онъ, слова бѣднаго брата и его завѣщаніе. Это завѣщаніе будетъ исполнено, и мщеніе будетъ страшно.

Но часть этого мщенія былъ еще далекъ. Пиратъ долженъ былъ пробыть цѣлый мѣсяцъ на берегу.

Максвелъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы съѣздить на Герсенею.

Увидать существа ему милыя передъ рѣшительнымъ боемъ, казалось необходимымъ его убитому сердцу. На островъ его ожидало новое горе. Здѣсь уже была извѣстна гибель Фанелли. Елена слегла въ постель отъ этого удара и не встала съ одра своего.

Фанелли, обезумленная этими неожиданными несчастіями, бросилась къ ногамъ Максвеля, говоря:

— Я болѣе не оставляю васъ. Я вижу, что вы готовитесь еще на что-то отчаянное.... Я уже не переживу новаго удара. Куда бы вы ни ѣхали, чтобы вы ни дѣлали, я послѣдую за вами.... Если вы еще не мужъ мой, то вы братье мнѣ.... Я раздѣлю ваши труды и опасности.... Вы не въ правѣ отказать мнѣ....

— Я хотѣлъ посвятить вамъ жизнь по минованіи опасности, сказалъ Максвелъ, но не смѣю протавиться вашей воли.... Пусть жребій будетъ одинаковъ для насъ обоихъ.

Анарити возвратилъ Плимуту.

Максвелъ отправилъ Кобсома на берегу, чтобы отыскать какую-нибудь бухту, въ которой бы можно было скрыть кутерь. Онъ боялся, что современное отплытіе изъ гавани съ пиратомъ послѣдняго возбудитъ подозрѣніе.

Кобсъ нашелъ бухту подъ деревнею Бриттейнстедъ. Корабли, входящіе изъ Плимута въ Ламаншскій проливъ, должны были непременно идти мимо этой бухты.

Осмотрѣвши найденную Кобсомъ бухту, Максвелъ нашелъ ее очень удобною, и перевелъ туда свой кутерь, оставивъ въ Плимутѣ двухъ человекъ, которые должны были немедленно извѣстить его объ отъѣздѣ пирата.

На берегу бухты оказался необитаемый домъ, и Максвелъ поселился въ немъ съ Фанелли въ ожиданіи часа мщенія.

Люди, оставленные в Плимутѣ, въ случаѣ ночнаго отъѣзда пирата, должны были донести до Кобсома, а на кутерь былъ поставленъ часовой, не сводившій глазъ съ пункта, съ котораго могъ быть данъ условленный сигналъ.

Читатель припомнить, что мужикъ въ красной рубашкѣ отворилъ ночью окно и спускалъ курокъ незаряженнаго пистолета. Это были испытанія, дѣлаемыя Максвелемъ, чтобы увѣриться въ исправности часоваго.

Красная рубашка принадлежала Марсіалу. Кобсъ купилъ ее у рыбаковъ плимутскихъ, нашедшихъ ее на морѣ.

Мы видѣли въ началѣ романа, какими странными образомъ встрѣился Карлосъ съ Максвелемъ, и какъ послѣдній перевезъ несчастнаго короля на берега Франціи.

Зная теперь все предвидущее въ жизни главныхъ дѣйствующихъ лицъ, мы можемъ продолжать рассказъ нашъ.

Анакрити вернулся ночью въ свою бухту, и красный лодчманъ не успѣлъ еще сойти на берегъ, какъ ракета, пущенная со стороны Плимута, дала знать ему что пиратъ готовится къ отплытію. Максвелъ былъ въ-себя отъ радости и сдѣлалъ всѣ приготовленія къ битвѣ. На зорѣ вышелъ кутерь изъ бухты, и, не ускоряя своего бѣга, ожидалъ не-пріятеля. Скоро увидѣлъ онъ приближившійся бригъ Желѣзной Руки, и въ то же время показанъ парусъ на Западной сторонѣ горизонта. Судя по парусу, надо было думать, что корабль этотъ былъ первой величины.

— Но, я думаю, успѣемъ сказать два слова шпрату, прежде нежели онъ подѣдетъ къ намъ, говорилъ Максвелъ, указывая Кобсу на парусъ.

На другой день послѣ этого разговора французскій фрегатъ хованъ въ Шербургскую бухту и велъ за собой кутерь съ замкнутымъ экипажемъ.

Экипажъ этого кутера былъ численъ, и жемъ въ рукахъ на палубѣ брига, которымъ онъ хотѣлъ овладѣть при помощи хитрости.

Нужно ли говорить, что бригъ принадлежалъ Желѣзной Руки, кутерь былъ Анакрити, а фрегатъ—тотъ парусъ, который видѣлъ Максвелъ назаванъ.

Желѣзная Рука, видя приближеніе послѣдняго, рѣшился воздержаться отъ кровопролитія, и, показавши капитану фрегата бумаги, доказывающія его законное порученіе къ правительству Голландіи, передалъ экипажъ Анакрити въ руки французскаго правосудія.

Въ Шербургѣ Максвелъ и Кобсъ были посажены въ тюрьму до возвращенія брига изъ Голландіи, потому что нельзя было начинать суда безъ находившихся на бригѣ свидѣтелей.

Фанелли была отправлена въ казенный домъ морскаго министерства въ городѣ, и поручена строгому надзору.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ЖЕЛѢЗНАЯ РУКА.

РОМАНЪ ЛЕКОНТА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и ни Максвелю, ни Кобса, переведенныхъ въ тюрьму въ Парижъ, не призывали къ суду. Бригъ, исполнивши свое порученіе въ Голландіи куда-то исчезъ и правительство, не зная всѣхъ обстоятельствъ преступленія заключенныхъ, не приступало къ суду ихъ. Но такъ какъ въ то время смотрѣли очень строго на морскіе разбой, то и поговаривали, что надо просто безъ суда повѣсить пиратовъ. Участь эта грозила ежедневно Максвелю и Кобсу.

Въ это самое время въ Парижъ явился иностранецъ, обратившій на себя всеобщее вниманіе. Иностранецъ этотъ былъ страшно богатъ и назывался донъ Антоніо Ксименесъ. Донъ его былъ украшенъ великолѣпнымъ гербомъ, въ этомъ донѣ давались баснословно роскошные праздники и о хозяйствѣ дома были толки даже при дворѣ, куда онъ впрочемъ не ѣздилъ.

Посѣщавшіе его люди узнали отъ испанскаго посланника, что новопріѣзжій явился изъ Америки на кораблѣ, нагруженномъ огромными богатствами и что о пріѣздѣ его въ Европу испанское правительство извѣщено было заранее губернаторомъ Мерида.

Антоніо Ксименесъ былъ лѣтъ тридцати отъ роду, рослый, сильный и недуренъ собою. Взглядъ его былъ очень смѣлый, движенія порывисты и голосъ нѣсколько грубоватъ. Словомъ ему недоставало лоска общественной образованности.

Этотъ недостатокъ бросался въ глаза всякому.

Донъ его былъ роскошенъ до крайности, но при взглядѣ на каждое убранство, видна была дѣйствительность его, а не выборъ со вкусомъ. Казалось, что Донъ-Антоніо готовъ поставить у себя столы изъ чистаго золота.

Донъ его стоялъ на лѣвомъ берегу Сены въ двухъ шагахъ отъ дворца кардинала Реца. Архитекторъ долженъ былъ сломать около

На первый день было не так много народа и виконтъ поручилъ Флоримондъ распорядиться праздникомъ. На другой день явился въ домъ Ксменеса вся парижская опера, а за нею и вся молодежь, вертящаяся вокругъ танцовщицъ. На третій день тѣснота была такая страшная, что два человѣка были задавлены въ столовой.

Въ этотъ день какой-то незнакомецъ настоятельно требовалъ, чтобы его допустили къ виконту. Посмотрѣвши на него пристально, онъ извинился и вышелъ. Автовио, упоенный до нелзя венгерскимъ виномъ, не обратилъ вниманія на это обстоятельство.

На разсвѣтъ разѣхались гости, и виконтъ велѣлъ собрать всѣ цѣвты, украшавшіе комнаты и сдѣлать изъ нихъ постель для него и для Флоримонды.

Когда виконтъ проснулся послѣ тяжелаго сна, было темно. Онъ очень удивился, почувствовать, что постель его необыкновенно жестка и что руки его упираются въ какую-то сырую, каменную стѣну... Сначала подумалъ онъ, что видитъ все это во снѣ; но съ наступленіемъ дня убѣдился, что онъ находится въ тѣсной темницѣ.

Это былъ свадебный подарокъ, сдѣланный испанскимъ посланникомъ пирату Желѣзной Руцѣ.

Такъ недавно еще привыкшій къ безусловному повиновенію, ширать крикнулъ:

— Распиолло!

И Распиолло отозвался.

Темница, въ которую заперли Желѣзную Руку, была одна изъ двадцати комнатъ, выходившихъ дверями въ длинный корридоръ. Въ оружейной стѣнѣ наверху были пробиты рѣдкія окна, такъ, что на три комнаты приходилось по одному окну; но, чтобы дать сколько-нибудь свѣта въ остальные двѣ комнаты, надъ потолкомъ послѣдней было сдѣлано въ обѣ стороны въ стѣнахъ, служившихъ перегородкою, по небольшому отверстию.

Распиолло былъ запертъ рядомъ съ своимъ капитаномъ, и случилось такъ, что по другую сторону тюрьмы послѣдняго была комната Максвелла.

— Распиолло! Распиолло! повторилъ ширать, обрадованный отъѣздомъ секретаря своего.

— Такъ и вы здѣсь, капитанъ? отвѣчалъ Распиолло; но слова его не совершенно внятно долетали до капитана, проходя черезъ водополочное отверстіе.

— Гдѣ я?... гдѣ мы, Распиолло?... Я схожу съ ума.... отвѣчай мнѣ!...

— Увы! капитанъ, мы съ вами подъ замкомъ, и трудно сказать, чѣмъ все это кончится.

— Подъ замкомъ! Въ темницѣ!... Я!... я!... Распиолло! да это не возможно. Я не могу понять....

— А я понялъ, капитанъ.... Насъ прихватили сейчасъ же послѣ бала....

— Но объясни мнѣ.... Какъ, почему это случилось.... Но нѣтъ, это не возможно.... Это сонъ.... Я много выпилъ.... Черезъ часъ все пройдетъ, и мнѣ будетъ снѣшно, что я такъ перепугался....

— Хорошо бы, капитанъ, какъ бы вашими устами да медъ пить.... Къ несчастію, обманывать себя невозможно.... Мы съ вами заперты, какъ преступники!...

Распиолло разсказалъ при этомъ, что зналъ объ ихъ арестованіи.

Къ концу бала явилось нѣсколько незнакомыхъ лицъ, которые всѣ внимательно всматривались въ вконтя и спрашивали у лакея, кто изъ нихъ служитъ вконтю до пріѣзда его въ Парижъ. Имъ объявили что съ донъ-Антоніо пріѣхалъ одинъ Распиолло. — Когда гости разъѣхались, неизвѣстнае люди остались почти одни въ домѣ. Распиолло, вошедшій зачѣмъ-то въ буфетъ, былъ схваченъ полицейскимъ чиновникомъ. Это произошло почти въ ту самую минуту, какъ опьянѣвшій вконтъ бросился на цвѣточную постель съ Флоримондой. Чтѣ касается до самаго вконтя, то его не добудились и отнесли соннаго въ карету, которая и привезла обоихъ пиратовъ въ тюрьму св. Маргариты.

Лакеи, служившіе въ домѣ, были высланы, и двери всѣ опечатаны.

Все дѣло это началось и велось стараніями испанскаго посланника донъ-Люисъ де-Карденаса, и должно было кончиться повѣшеніемъ поддожнаго вконтя и его сообщника.

Нѣсколько дней пробылъ Желѣзная Рука въ своей темницѣ, предаваясь то гнѣву, то отчаянію, наконецъ позвали его къ допросу.

— Кто вы? спросилъ уголовный изслѣдователь.

— Я донъ-Антоніо Ксименесъ, вконтъ де-Санъ-Люкаръ.

— Это не ваше имя!... Полное сознаніе будетъ для васъ гораздо полезнѣе.

— Я донъ-Антоніо Ксименесъ, въ моемъ домѣ должны были найти мои бумаги.

Желѣзная Рука надѣялся, что настоящее его имя и званіе останется тайною вѣстѣ съ потаенной дверью въ желѣзную комнату, гдѣ хранились его богатства. Эта надежда придавала пирату бодрости.

— Знаете ли, господинъ слѣдователь, скаждь мнѣ, что поступокъ со мною французскаго правительства есть просто безуміе... Оно можетъ въ немъ жестоко раскаяться. Я требую, чтобы мнѣ позволили сей-часъ же написать къ королю Испаніи. Я вѣрный слуга его и отъ не потерплю....

— Оставьте эти пустыя выходки, Правительство всегда отвѣчаетъ за свои дѣйствія. Я спрашиваю у васъ ваше настоящее имя.

— Я вамъ сказалъ его, отвѣчалъ пиратъ, и другого вы отъ меня не услышите.

Не добившись ничего болѣе отъ обвиненнаго, слѣдователь велѣлъ отвести его назадъ въ темницу.

Встрѣтивъ въ корридорѣ Распіолло, котораго стражи вели тоже къ допросу, Желѣзная Рука нарочно громко сказала:

— Они напрасно опровергали, что я донъ-Антоніо Ксменесъ, мнѣ не удалось заставить меня отказаться отъ моего званія.

Распіолло повялъ эту выходку своего капитана.

— Ну ты?... спросилъ слѣдователь секретаря вивонта, — ты тоже грандъ Испаніи?... говори-ка намъ свое имя и званіе.

— Меня зовутъ Распіолло, отвѣчалъ пиратъ; я не имѣю, подобно нему господину, чести быть благороднымъ; но я имѣю честь служить ему.

— Давно ли находишься ты въ услуженіи у обвиненнаго?

— Почти.... почти два года.

— Въ какой странѣ поступилъ ты къ нему?

— Въ Западной Индіи.

— Гдѣ именно?

— Въ Мединѣ.

Распіолло припомнилъ, что именно отсюда ѣхалъ испанской грандъ, убитый и ограбленный его капитаномъ.

— Какъ звали тамъ твоего господина?

— Донъ-Антоніо Ксменесъ.

— Ты хорошо вытвердилъ урокъ свой.... Но посмотришь, не забудешь ли ты его предъ палачемъ во время пытки.... Отведите его назадъ. Слово пытка заставило Распіолло невольно вздрогнуть.

За этимъ спрашивали очень много лицъ, посѣщавшихъ домъ вивонта, но всѣ они объявили, что были обмануты наружнымъ блескомъ, и считали обвиненнаго за настоящаго испанскаго гранда.

Допрошенная Флоримонда объявила, что вивонтъ предложилъ ей огромную сумму за позволеніе пріѣхать къ ней, что послѣ этого они сблизились, и она получила квартиру, услугу и экипажъ, въ увѣренности, что получаетъ все это отъ испанскаго вельможи.

За тѣмъ танцовщица была отпущена.

Самое важное показаніе было показаніе испанскаго посланника, при-
сланное имъ слѣдователю.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, онъ получилъ изъ Мадрита письмо съ просьбою собрать свѣдѣнія объ испанскомъ грандѣ, живущемъ въ Парижѣ чрезвычайно роскошно и незнающемъ счета богатствъ своимъ. Посланникъ по какому-то странному стеченію обстоятельствъ ни разу не бывалъ у виконта. Владѣствіе этого онъ ограничилъ свѣдѣніями, полученными имъ отъ людей, посвящавшихъ богача и послалъ ихъ въ Мадритъ.

Въ отвѣтъ на посланныя свѣдѣнія получилъ онъ извѣстіе съ осно-
вательнымъ сомнѣніемъ въ тождествѣ Ксименеса. Ему объясняли, что
назадъ тому осьмнадцать мѣсяцевъ богатый испанецъ донъ-Антоніо изъ
фамиліи Ксименесъ, переселившійся въ западную Индію, писалъ въ
Мадритъ о своемъ намѣреніи возвратиться въ Европу вслѣдствіе без-
престанныхъ разбоевъ, производимыхъ фдбустьерами и грозившихъ его
огромному богатству.

Между тѣмъ прошелъ годъ со времени полученія этого извѣстія, и
донъ-Антоніо не являлся въ Испанію. Въ Мадритѣ при полученіи свѣ-
дѣній отъ посланника случился адмиралъ, бывшій въ моряхъ Мара-
канбскихъ и знавшій лично Ксименеса. Ему сообщили описаніе наруж-
ности человѣка, жившаго подъ этимъ именемъ въ Парижѣ, и онъ объ-
явилъ, что ни одна черта не напоминаетъ ему благороднаго Испанца.
Подозрѣнія въ подлогѣ очевидно увеличились. Одинъ офицеръ изъ свиты
адмирала отправлялся въ Парижъ по своему дѣлу. Онъ былъ коротко
знакомъ съ дономъ Ксименесомъ, и ему поручили повидаться въ Парижѣ
съ человѣкомъ, известнымъ подъ этимъ именемъ. Мы видѣли незна-
комца, желавшаго поговорить съ виконтомъ въ послѣдній вечеръ его
пиршества; незнакомецъ этотъ былъ именно этотъ офицеръ, только что
пріѣхавшій изъ Мадрита. Взглянувъ на виконта, онъ сей-часъ же убѣ-
дился въ подлогѣ личности, и далъ знать объ этомъ испанскому послан-
нику, прося его арестовать обманщика, а можетъ и убійцу.

II.

Вернувшись въ темницу, Желѣзная Рука утѣшалъ себя надеждою, что неизвѣстность его прошлой жизни заставитъ судьей его возвратитъ ему свободу или подвергнуть легкому наказанію, если даже докажется, что онъ присвоилъ себѣ чужое имя. А разъ получивши свободу, онъ снова овладѣлъ бы своими сокровищами и могъ бы ѣхать наслаждаться ими въ другое мѣсто.

Услышавъ возвращеніе Распюлло, пиратъ неспѣшилъ спросить его:

— Ну, Распюлло, ты не выдалъ меня?

— Покуда еще нѣтъ, капитанъ.

— Перестань пожалуйста называть меня капитаномъ, зови меня вникотомъ. Чѣмъ кончился допросъ твой?

— Меня отослали назадъ, намекнувши на пытку.

— Чтожъ?... Ты трусишь?

Распюлло молчалъ.

— Боятся пытки глупо.... Надо перемести ее, потому что послѣ нея свобода и счастье. Намъ выпустить отсюда, и мы отправимся съ нашимъ богатствомъ въ любую сторону, и вездѣ намъ будетъ тепло и весело. Только бы не открыли какъ-нибудь хода въ желѣзную комнату: тамъ хранятся всѣ наши сокровища, а главное корабельный журналъ.... Если прочтутъ его, намъ не миновать веревки....

Мы сказали выше, что комната, въ которой былъ заключенъ Максвелъ отдѣлялась только одною стѣною отъ комнаты Желѣзной Руки и нѣмѣла съ ней сообщеніе сверху. Услыхавъ говоръ въ сосѣдней комнатѣ, Максвелъ сталъ внимательнѣе прислушиваться, и узнавъ по голосу и разсказамъ, что рядомъ съ нимъ находился лютѣйшій врагъ его.

На другой день послѣ допроса, Желѣзная Рука по просьбѣ Распюлло началъ разсказывать ему исторію своей жизни, никакъ не вообразивъ, что у него есть еще другой слушатель, который не проронитъ ни одного слова изъ этого разсказа. Пиратъ началъ такъ:

«Я Англичанинъ. Отецъ мой былъ бѣдный манутскій рыбакъ, плавшій себя и семью свою рыбною ловлею; Семья наша состояла изъ отца, матери, сестры и меня. Мы жили въ ужасной бѣдности. Сосѣдніе поселенцы покупали у насъ рыбу за дешевую цѣну, и, когда эти деньги всѣ были истрачены, отецъ опять закидывалъ свои сѣти.

Мнѣ было лѣтъ десять или двѣнадцать, хорошо не помню, когда случилось происшествіе, измѣнившее нашъ образъ жизни. Въ одну бурную ночь разбилося у береговъ нашихъ судно, и трупъ одного изъ погибшихъ пассажировъ, выброшенный на берегъ, запутался въ сѣтяхъ ко-

его отца. — Сѣти оказались всё прорванными, но, зарывая утопленника, отецъ нашёл на немъ много золота, и принёсъ его къ намъ въ хижину. Радость была безмѣрная. Работа становилась лишнею. Мать отправилась въ Плимутъ, закупила всякой всячины, и мы жили въ небываломъ довольствѣ. Но житье наше продолжалось недолго.

Въ одно прекрасное утро явились къ намъ полицейскіе чиновники, связали насъ и отвели въ Плимутъ. Тутъ разсадили насъ по разнымъ темницамъ. Я, конечно, ничего не понималъ этого. Спустя нѣсколько дней меня выпустили. Получивъ свободу, побѣжалъ я домой, думая, что найду тамъ отца и мать; но на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла наша хижина, увидѣлъ я только кучу пепла. Зачѣмъ сожгли наше жилище и гдѣ отецъ, я не могъ дать себѣ въ этомъ никакого отчета. Изъ всего прошлаго припомнилъ я только, что счастливой переименованъ въ нашемъ образѣ жизни обязанности мы были золоту, найденному отцомъ на утопленникѣ. Помнилъ я, гдѣ отецъ закопалъ его, и, порывшись недолго въ золь, дорылся наконецъ до нашего сокровища.

Какой-то нестикъ говорилъ мнѣ, что съ этимъ золотомъ я буду богатъ и счастливъ, и могу ничего не дѣлать. Я взялъ съ собою остальные монеты и вернулся въ городъ. Здѣсь встрѣтилъ я мальчика моихъ лѣтъ и спросилъ его: чтѣ нужно дѣлать, чтобы жить весело съ золотомъ? Онъ предложилъ мнѣ быть моимъ путеводителемъ и привелъ меня въ таверну, въ которой обыкновенно кутили матросы.

Это грязное заведеніе показалось мнѣ дворцомъ. И теперь припоминаю я эти первыя ощущенія, этотъ первый шагъ въ жизни общественной. Съ какинъ удивленіемъ увидѣлъ я лице свое въ разбитомъ зеркалѣ, висѣвшемъ на стѣнѣ! Да, это было со мною, который еще такъ недавно не зналъ, какое бы придумать новое наслажденіе, который хотѣлъ вымостить весь дворъ свой испанскими дублонами!

Не понравилась мнѣ только запахъ, наполнявшій коннату, въ которую привелъ меня мой товарищъ. Человѣкъ десять матросовъ курили и пили. Мнѣ чуть не сдѣлалось тошно отъ дыма, но я скрѣпился, чтобы не показаться какинъ-нибудь дикаремъ въ обществѣ. Товарищъ мой показалъ мнѣ на незаятую лавку; а самъ подошелъ къ какому-то маленькому старичку, котораго по его фартуку призналъ я за хозяина заведенія.

Человѣкъ этотъ хромалъ, одна нога у него была деревянная, и я никакъ не могъ объяснить себѣ этого обстоятельства. Вообще вся наружность этого человѣка была какая-то странная, и я смотрѣлъ на него съ любознательствомъ, смѣшаннымъ со страхомъ. Немного погодя, онъ подошелъ ко мнѣ, и, улыбаясь, спросилъ:

- Так тебѣ хочется, дружокъ, наслаждаться жизнью ?
- Да, отвѣчалъ я, не вполне понимая вопросъ трактирщика.
- Но для этого нужны деньги, большія деньги, сказала хромоногій.
- У меня есть золото.
- Много ?
- Кажется много.... взгляните.

Говоря это, я показалъ старику кожаный поясъ, сшитый съ утопленна.

— Спрячь-ка это, дружокъ мой, сказалъ трактирщикъ, пойдемъ лучше ко мнѣ, вонъ туда, и поговоримъ о дѣлѣ.

Съ этими словами взялъ онъ меня за руку и вывелъ въ сосѣднюю комнату, въ которой стояло нѣсколько кроватей.

Затворивши плотно дверь, онъ взялъ мой поясъ и высыпалъ изъ него на столъ все золото. Глаза его какъ-то страшно сверкнули при видѣ этого блестящаго металла, онъ быстро приблизился ко мнѣ, и, взявъ меня за руку, спросилъ:

— Гдѣ ты взялъ это золото ?

Я молчалъ; старикъ повторилъ вопросъ свой болѣе ласковымъ голосомъ.

Я рѣшился рассказать всю правду, и передалъ старику все, какъ было.

Онъ слушалъ меня очень внимательно, а когда я кончилъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Скверное, дружокъ мой, дѣло. Я очень хорошо знаю того, кому принадлежитъ это золото. Владѣлецъ его арматоръ, который всегда у меня останавливался. Ему понадобились одинъ разъ деньги и я далъ ему въ займы тысячу пиастровъ.... Теперь я вижу, что онъ везъ мнѣ эти деньги и несчастнымъ образомъ утонулъ. У меня есть его росписи, прибавилъ трактирщикъ, вынимая изъ кармана какую-то бумажку, и золото это принадлежитъ мнѣ по праву. Но мнѣ жаль тебя, и хочется сдѣлать тебѣ добро... Оставайся здѣсь жить, ты будешь сытъ, одѣтъ и обутъ.... А что касается до этого золота, то оно останется у меня въ замѣнъ всего довольства, которымъ ты будешь наслаждаться.

Меня убѣждало это участіе трактирщика; убѣжденію способствовала и боязнь, ощущаемая мною при одной мысли о полицейскихъ чиновникахъ. Я согласился на предложеніе хромого моего хозяина, который сейчасъ же досталъ изъ сундука платье, и одѣлъ меня съ ногъ до головы.

— Ступай себѣ покуда, сказалъ онъ мнѣ, когда я одѣлся, ногуми, пошали и приходи къ полудню. Въ полдень мы обѣдаемъ, въ восемь часовъ ужинаемъ, а впрочемъ каждый дѣлаетъ, что хочетъ.... Наслаждайся жизнью, только не болтай никому о своихъ деньгахъ, какъ разъ имѣешь себѣ бѣды.

Какъ весело, какъ неизъяснимо пріятно было мнѣ обогать улицы Панауты, какъ новы были мои впечатлѣнія при видѣ огромныхъ зданій, я не могу передать теперѣ. Скажу только, что я считалъ себя счастливейшимъ человекомъ въ мірѣ.

Въ таверну вернулся я только къ вечеру, мнѣ дали поужинать и уложили спать.

На другой день вошелъ ко мнѣ мой хозяинъ и спросилъ, видалъ ли я когда-нибудь корабль на морѣ. На отрицательный отвѣтъ мой, онъ предложилъ мнѣ полюбоваться этимъ зрѣлищемъ.

— Кстати, говорилъ онъ, Джону нужно побывать въ гавани на одномъ кораблѣ; онъ тебя проводить, а къ ужину вы вернетесь домой.

Предложеніе это было принято мною съ восторгомъ, и я поторопился одѣться. Хромовогій хозяинъ радовался не менѣе меня въ этомъ случаѣ.

— Ступайте же скорѣе, говорилъ онъ, скорѣе отправитесь, скорѣе назадъ вернетесь.

Мы вышли изъ таверны съ однимъ матросомъ, и черезъ часъ ходьбы были оба на палубѣ корабля, снимавшагося съ якоря. — Якорь былъ поднятъ и корабль тронулся.

— Кудажь это мы ѣдемъ? спросилъ я у стоявшаго подлѣ меня матроса.

— Много будешь знать, скоро состарѣешься, отвѣчалъ мнѣ сосѣдъ мой. Джона подлѣ меня уже не было.

— Но къ вечеру мы вернемся? спросилъ я снова.

— А! Видно тебя надули, дружокъ, сказалъ мнѣ матросъ; вернемся мы не къ вечеру, а года черезъ два. Ты теперь поступишь въ моряки, и совѣтую тебѣ служить вѣрой и правдой.

— Но это обманъ!... вскричалъ я..., Ужасный обманъ!... Я не могу быть морякомъ, я богатъ... Ради Бога! отвезите меня на берегъ... Меня обманули!...

Мои крики и слезы обратили на меня вниманіе офицера, стоявшаго на палубѣ. Привыкшій къ подобнымъ сценамъ, онъ велѣлъ спустить меня въ люкъ, гдѣ я могъ кричать и хныкать на свободѣ. Я было сталъ противиться, но два матроса схватили меня, снесли съ лѣстницы и заперли въ совершенно темной комнатѣ. По качкѣ корабля, я догадывался, что мы удаляемся отъ берега; отчаяніе и досада терзали мою душу.

Между тѣмъ я проголодался и, когда черезъ нѣсколько времени пришелъ ко мнѣ матросъ и спросилъ меня, пересталъ ли я плакать, и не хочу ли поѣсть, я отеръ свои слезы и послѣдовалъ за нимъ на палубу.

Исторія моя была уже всѣмъ извѣстна и надо-мною подсмѣивались. Дѣлать было нечего, надо было покориться судьбѣ. Всѣхъ болѣе былъ

нѣтъ неважностей Джонъ, приведшій меня на корабль обманомъ. Я полагаясь въ душѣ отплатить ему и, по прошествіи нѣсколькихъ дней, въ одну бурную ночь, замѣтивъ, что онъ стоитъ близко борта, я тихонько подкрался къ нему, и, схвативъ неожиданно его за ноги, столкнулъ въ море.

Джона скоро забыли. Всѣ полагали, что онъ упалъ въ море во время бури по неосторожности.

Корабль, на который обманъ меня трактирщикъ, былъ корабль кувечскій. Онъ шелъ въ Гасконскій заливъ, нагруженный различными стальными издѣліями для жилищъ у береговъ залива рыбаковъ. Мы доѣхали въ двадцать дней до Сен-Жан-де-Лпза. Здѣсь мы бросили якорь и первою моею заботою было убѣжать съ корабля. Побѣгъ мнѣ удался въ первый же день нашего прибытія. Я унесъ съ собою нѣсколько съ деньгами, найденный мною въ каютѣ капитана. Я полагалъ, что итти на эти деньги такое же право, какое имѣлъ капитанъ на мою свободу.

По сдѣланнымъ мною распросамъ оказалось, что ближайшій городъ къ порту Байона, и я туда отправился. Здѣсь, приставши въ тавернѣ, познакомился я съ контрабандистами и прожилъ съ ними очень весело, сначала на бывшія у меня деньги а потомъ, на барыши за принимаемое мною участіе въ ремеслѣ ихъ. Эта беззаботная и ухорская жизнь продолжалась однако не болѣе года. На насъ стали обращать сильное вниманіе, и правительство прислало многочисленный отрядъ для нашей поимки.

Въ одну ночь собрались почти всѣ контрабандисты для переправы дорогаго и прибыльнаго товара. Объ этой переправѣ провѣдала какъ-то полиція, и насъ захватили въ раслохъ. Многихъ убили, многихъ ранили, а остальныхъ, въ числѣ которыхъ былъ и я, переловили и посадили въ темницу. Судъ надъ нами продолжался недолго, — всѣхъ насъ приговорили къ висѣлицѣ.

Въ это время Байона готовилась къ двойному празднику. Во-первыхъ должны были повѣсить двадцать шесть контрабандистовъ, а во-вторыхъ спустить на воду новоотстроенный корабль.

Надо тебѣ сказать, что вездѣ существуетъ законъ, дозволяющій роковое испытаніе каждому преступнику моложе двадцати лѣтъ.

Изъ двадцати шести осужденныхъ ко мнѣ одному законъ могъ имѣть приложеніе, и меня повели къ веревѣ, въ то время, какъ товарищи мои отправлялись на висѣлицу.

Чтобы объяснить тебѣ, въ чемъ состоитъ это роковое испытаніе, я разскажу тебѣ, какимъ образомъ спускается корабль на воду.

Покуда корабль строится, онъ стоитъ на подноставкахъ, вонзаяхъ въ сторону моря, и подпирается со всѣхъ сторонъ козлами и клиньями. Когда постройка окончена всѣ эти козлы и клинья принимаются прочь, кромѣ очень немногихъ, необходимыхъ для удержанія массы въ равновѣсїи. Изъ всѣхъ этихъ подпорокъ самая главная находится напереди и почти одна удерживаетъ корабль, готовый спуститься по наклонной плоскости въ море. Эта подпорка называется ключемъ.

Какъ только она отнимется, корабль, ничѣмъ болѣе не удерживаемый, быстро скатывается въ воду. Ты понимаешь, Расмюлло, что выколотить съ мѣста эту подпорку трудъ не маловажный и не безопасный. Въ прежнія времена платили за это деньги; но было столько несчастныхъ случаевъ, что рѣшили постановить законъ, дающій жизнь и свободу преступнику, рѣшающемуся на это роковое испытаніе.

Я, разумеется, рѣшился, потому что быть раздавлену или повѣшеному одно и то же, но могъ я остаться и живъ, чему бывало много примѣровъ....

Огромная толпа сошлась смотрѣть на рѣшеніе моей участи.

На мнѣ оставили только нижнее платье, и, давъ мнѣ въ руки тяжелую колотушку, подвели къ ключу. Я началъ колотить по ключу изо всей силы, и, только что замѣтилъ, что онъ покачнулся, бросился ничкомъ на-земь. На нѣсколько минутъ свѣтъ для меня затмился, огромная масса, шатаясь изъ стороны въ сторону съ шумомъ и трескомъ скользнула надъ моею спиною, сорвавши мнѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ кожу.... Немного страха, немного крови.... За то я поднялся на ноги живой и свободный!

Толпа рукоплескала мнѣ, и сей-часъ же собрали въ мою пользу нѣсколько денегъ.

Корабль, спущенный мною на воду, отправлялся въ сѣверныя моря для ловли китовъ. Капитанъ предложилъ мнѣ мѣсто матроса, и я принялъ его съ охотою.

На корабль меня полюбили товарищи, и изъ частыхъ разговоровъ съ ними узналъ я законы собственности, наказанія за нарушеніе ихъ; но невольно сознался, что приучать себя покоряться ихъ требованіямъ было и тяжело, и поздно. Не буду рассказывать тебѣ день за днемъ нашего путешествія, въ продолженіе котораго не случилось ничего особенно замѣчательнаго. Натѣшившись ловлею морскихъ чудовищъ, мы воротились въ Байону.

Изъ денегъ, вырученныхъ ловлею, досталось нѣсколько и на мою долю, и мнѣ хотѣлось пожить нѣсколько времени на берегу. Каждый вечеръ собирались мы съ матросами въ тавернахъ и тянули портвейнъ до упаду.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ разсказалъ я товарищамъ подробку со мною трактирщика.

Одинъ изъ матросовъ, слушавшихъ разсказъ мой, отвелъ меня въ стору, и предложилъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ Плимутъ, чтобы отыскать моего грабителя и отнять у него назадъ мои деньги.

Желаніе отыскать хрому трактирщику не угасало во мнѣ ни на минуту, и я былъ очень радъ найти товарища.

Спустя нѣсколько дней послѣ нашего разговора, мы отыскали судно, плившее въ Сен-Мало, а отсюда перебрались въ Плимутъ на рыбацкѣй лодкѣ. Скоро отыскалъ я таверну хромаго Госбурга, но самого его тамъ уже не было. Онъ продалъ таверну другому и удалился изъ города, неизвестно куда.

Неудача эта однакоже огорчала и меня, и моего товарища. За ужиномъ онъ былъ очень окученъ и почти ничего не говорилъ о Госбургѣ. Впрочемъ онъ убѣдился въ невозможности отыскать его, потому что, взявъ ночью изъ моего пояса оставшіяся у меня отъ лова деньги, онъ ушелъ, не дождавшись моего пробужденія.

III.

Въ эту минуту дверь темницы Максвелля открылась, и тюремщикъ велѣлъ ему за собою слѣдовать.

Прошедъ нѣсколько залъ и корридоровъ, Максвелль вошелъ наконецъ въ длинную галлерею, гдѣ тюремщикъ бдѣлъ его двумя солдатами, имѣвшими приказаніе вести преступника въ присутствіе судей.

Когда Максвелль вошелъ въ комнату, въ которой засѣдали судьи, одинъ изъ нихъ всталъ и сказалъ ему:

— Пора кончить процессъ вашъ.... вы взяты съ оружіемъ въ руки на корабль, плывшемъ подъ англійскимъ флагомъ. Не имѣете ли вы сказать чего въ ваше оправданіе?

— Прежде чѣмъ требовать отъ меня оправданія, сказалъ Максвелль, я думаю, что должно бы назвать мнѣ моихъ обвинителей. Кто они?

— Господинъ секретарь, сказалъ судья, прочтите объявленіе капитана фрегата, на которомъ схваченъ былъ экипажъ Анакрита.

Секретарь открылъ большой шкафъ, въ которомъ Максвелль увидѣлъ многія вещи, взятія изъ каюты его кутера. Вынувъ изъ этого шкафа свертокъ бумагъ, секретарь готовился развернуть и читать ихъ. Судья снова обратился къ Максвеллю.

— Сознаетесь ли вы въ томъ, что вы взобрались на фрегатъ съ оружіемъ въ рукахъ? этого сознанія будетъ достаточно.

— Я не сознаюсь ни въ чемъ, отвѣчалъ Максвель, и нахожу очень страннымъ подобный допросъ. Меня держали такъ долго въ заперти, конечно, не для того, чтобы вынудить силою какое-то сознаніе. Я требую суда формальнаго.

— А! вы требуете суда?... Мы удовлетворимъ ваше требованіе. Послать за сообщникомъ обвиненнаго и выложить на столъ всѣ вещи, найденныя на его кутерѣ. Завтра, любезный, явится палачъ уже безъ вашего требованія.

— Я надѣюсь, сказалъ Максвель спокойно, что палачу являться будетъ не зачѣмъ.

Сей часъ же послали за Кобсомъ и вынули изъ шкапа оружія, платья, принадлежавшія Максвелю, его шляпу съ зелеными и черными перьями, малахитовый ящичекъ и многія другія вещи.

По прибытіи Кобса, начался допросъ по формѣ.

— Обвиненный! сказалъ президентъ важнымъ и медленнымъ голосомъ, Вамъ прочтутъ обвиненіе, въ которомъ значитъ, что вы схвачены съ оружіемъ въ рукахъ, на англійскомъ кораблѣ, и переданы капитану французскаго фрегата для поступленія съ вами по законамъ. А законы эти повелѣваютъ наказать васъ смертною казнію...

— Чтобы не утруждать напрасно вниманія судей, перебилъ его Максвель, и не терять напрасно времени въ обвиненіяхъ и допросахъ, я прошу позволенія открыть этотъ малахитовый ящичекъ. Въ немъ вся тайна моего поведенія и оправданія.

Съ этими словами онъ подошелъ къ столу, и, не ожидая отвѣта президента, подавилъ пружину ящика, который сей-часъ же открылся. Максвель вынулъ оттуда извѣстный намъ перстень на лентѣ, съ надписью: Анакрети, 26 октября, 165....

— Отнесите это кольцо сей-часъ же королю Карлу II, сказалъ онъ торжественно, и отвѣтъ его будетъ руководить судей въ ихъ рѣшеніи, касающемся моей участи. До полученія же отвѣта короля, да позволено мнѣ будетъ не отвѣчать на на какіе вопросы.

Поступокъ этотъ смутилъ судей. Кольцо и слова обвиненнаго возбудили ихъ любопытство, и инья короля, произнесенное съ такою самоуверенностію, поселило въ нихъ даже нѣкоторое уваженіе къ обвиненному.

— Вашу просьба будетъ исполнена, сказалъ президентъ послѣ нѣкотораго молчанія, — мы пошлемъ нарочнаго къ принцу и будемъ ожидать его рѣшенія.

Случилось такъ счастливо, что Карлъ II былъ въ это время въ лучшихъ отношеніяхъ съ кардиналомъ, хлопотавшимъ о женитьбѣ его на старшей дочери герцога Орлеанскаго.

Увидѣвъ перстень, присланный съ нарочнымъ изъ Шербурга, юный король вспомнилъ своего спасителя, и сей-часъ же написалъ кардиналу:

«Человѣкъ, приславшій этотъ перстень, спасъ мнѣ жизнь и свободу, и доставилъ меня на берегъ гостепріимной Франціи.... Я поклялся ему, что если съ нимъ случится несчастье, и онъ пришлетъ мнѣ кольцо это, сказавъ имя своего корабля, я окажу ему всякую помощь. Помогите мнѣ исполнить мою клятву. Поймите, что человѣкъ, спасающій своего короля, тогда какъ, предавъ его, могъ бы обогатиться, не можетъ быть виновенъ въ преступленіи.»

Въ тотъ же день было получено приказаніе освободить Максвелъ безъ всякихъ объясненій; но напрасно умолялъ онъ объ освобожденіи Кобса. Бѣднаго старика повели назадъ въ темницу, говоря, что объ немъ ничего не сказано въ предписаніи.

Максвелъ утѣшалъ его при прощаніи, обѣщая употребить всѣ средства къ его освобожденію.

По совершенной случайности, не имѣвшей въ глазахъ тюремщика никакого значенія, Кобсъ отведенъ былъ въ ту темницу, которую занималъ Максвелъ.

По уходѣ тюремщика раздался говоръ Желѣзной Руки, и Кобсъ сталъ вслушиваться въ слова своего сосѣда. Но онъ уже не могъ узнать въ немъ давно отыскиваемого сына своего Петерса. Разсказъ о юности пирата былъ уже конченъ, и его слышалъ одинъ Максвелъ.

IV.

— Кажется, теперь можно говорить, сказалъ пиратъ; тюремщикъ удался. Слушаешь ли меня, Распиололо?

— Слушаю, капитанъ, вашъ разсказъ развлекаетъ меня среди мрачныхъ мыслей о нашемъ несчастномъ заключеніи.

Желѣзная Рука продолжалъ разсказъ свой:

»Обокраденный еще разъ и не зная на что рѣшиться, вышелъ я къ порту и задумавшись присѣлъ на лежавшую на берегу старую мачту. Скоро подошелъ ко мнѣ матросъ, у котораго спрашивалъ я наизусть о Госбургѣ.

— Ну что, нашёл ты этого хромаго негодяя? спросил онъ меня.

— Нѣтъ и не нѣтъ никакой надежды найти его, отвѣчалъ я.—У меня нѣтъ ни гроша денегъ и я не знаю, что дѣлать.

— Свободенъ ли ты?

— Свободенъ.

— Ну такъ согласись быть матросомъ у какого-нибудь капитана, и мы превкусно и преплотно пообѣдаемъ. Кстати у меня есть одинъ зна-
комый хозяинъ судна, ему именно нужны новички. Уговорись съ нимъ и проживешь припѣваючи.

— Я очень радъ, отвѣчалъ я, но куда поѣдетъ этотъ хозяинъ судна?

— Куда.... Да онъ самъ все тебѣ расскажетъ.... Соглашайся скорѣй, а то я жду одного молодого малаго, который будетъ съ нимъ сговорчивѣе.

Я былъ голодець, не зналъ ни души въ Плимутъ, могъ ли я долго раздумывать?

— Я согласенъ, сказалъ я матросу, и мы отправились.

Спутникъ мой предупредилъ меня, чтобы я не шелъ съ нимъ вмѣстѣ, а слѣдовалъ бы за нимъ издали. Пройдя много улицъ, вышли мы вонъ изъ города и подошли къ полуразвалившемуся строенію, двери и окна котораго были заперты. Матросъ поднялъ небольшой камень и сталъ стучать имъ въ ставни.

Спустя нѣсколько времени отворилась дверь, и въ ней показался старикъ, нѣсколько смутившійся при видѣ новаго лица.—Но матросъ ска-
залъ ему что-то на ухо, и онъ скоро успокоился.— Меня впустили въ домъ, накормили, напоили и взяли клятву никому и никогда не говорить о тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ я буду участвовать.

Невѣденье мое продолжалось недолго, я попалъ въ матросы капи-
тану, занимавшемуся морскими разбоями. Нѣсколько времени прожилъ я на берегу покойно и весело, но въ первую же предпринятую нами экспедицію наткнулись мы ночью на линейный корабль, везшій пре-
ступниковъ въ ссылку. Нами овладѣли почти безъ боя, и присоединили къ ссыльнымъ.

Мѣсто нашего назначенія былъ островъ Сен - Христофъ, гдѣ насъ и высадили.

Болѣе года жизнь моя была настоящею мукою. Меня заставляли еже-
минутно работать, то въ полѣ, то въ саду, то въ огородѣ. Наконецъ, разными проясками и просьбами, добился я позволенія поступить въ экипажъ небольшого судна, исполнявшаго различныя порученія внѣ острова. На этомъ суднѣ усовершенствовался я въ наукѣ мореплаванія

и хорошо изучилъ Карайбское море. Всѣмъ этимъ занимался я въ надеждѣ, что настанетъ наконецъ для меня часъ свободы. Для ускоренія наступленія этого часа, конечно, готовъ былъ я рѣшиться на все, не таялъ свои замыслы, и начальство считало меня за человѣка притѣрпаго поведенія.

Года три провелъ я такимъ образомъ, какъ вдругъ одинъ богатый плантаторъ острова выпросилъ меня у губернатора для занятія должности патрона на небольшомъ суднѣ, употребляемомъ имъ для разѣздовъ по заливамъ и берегамъ острова. Плантаторъ по имени Вильгельмсонъ обязался заплатить въ казну четыре тысячи піастровъ, въ случаѣ, если бы я воспользовался данною мнѣ свободою и бѣжалъ бы съ острова.

Я обѣщаль нисколько не думать о побѣгѣ, и поступилъ въ новую должность.....

При имени Вильгельмсона, Кобсъ невольно привскочилъ съ своего мѣста и приблизился къ перегородкѣ. Не слышавшій этого движенія врать продолжалъ:

»Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Случалось иногда, что самъ плантаторъ приказывалъ мнѣ перевезти себя въ какую-нибудь часть острова, куда не пролегалла сухопутная дорога. Одинъ разъ даже жена его и дочь были мои пассажирами. Дочь эту звали, кажется, Фанелли.....»

Кобсъ снова вздрогнулъ.

»Она еще тогда обѣщала быть красавицей, и я никакъ не думалъ, что мнѣ придется черезъ четыре года....»

— Бросить ее въ пустую шляпку на произволь моря, сказалъ Распюлло.

— Ну да, Распюлло. Сдѣлавшись разъ флибустьеромъ....»

— Пиратомъ, капитанъ.

— Ну, пожалуй пиратомъ. Я никогда не соблюдалъ различія между этими именами. Признаюсь тебѣ впрочемъ, что я жалѣю, что пристрѣлилъ старика; по старому знакомству, слѣдовало бы его помѣстить въ шляпку вмѣстѣ съ женой и дочерью; но вернемся къ самому разсказу.

Плантаторъ былъ мною очень доволенъ и имѣлъ ко мнѣ полное довѣріе. Скоро употребилъ я его въ свою пользу.

Мнѣ поручено было отвезти на югъ острова довольно цѣнный грузъ, но вмѣсто южнаго берега острова, я поплылъ въ открытое море. Четыре негра, составлявшіе экипажъ мой, безъ труда согласились слѣдовать за мною; я обѣщаль имъ и денегъ, и свободу.

Это былъ первый самобытный актъ моей жизни. До сихъ поръ мнѣ ничего не удавалось, но я дѣйствовалъ всегда по совѣту другихъ.

Приплавши въ Антигоа, продалъ я тамъ грузъ плантатора и на вырученные деньги купилъ оружіе, абортжные топоры и нѣсколько маленькихъ пушекъ. По кабакамъ собралъ я нѣсколько негодяевъ, и, пополнивши ими экипажъ свой, вернулся въ море, еще не имѣя положительнаго плана дѣйствій.

Мы встрѣтили три или четыре небольшія судна съ колоніальными произведеніями, овладѣли ими, но безъ большой для себя прибыли; потому что въ наше судно нельзя было уложить много товара. Однако найдены были нами у нихъ и деньги, на которыя куплено было лишнее оружіе, и корабликъ снабженъ всѣмъ необходимымъ для серьезной встрѣчи съ неприятелемъ. Нѣсколько дней крейсировали мы близъ Порто-Рико въ ожиданіи поживы. Пожива была довольно вѣрная: я зналъ, что скоро долженъ выйти изъ порта трехмачтовый испанскій корабль, отправляющійся по собраннмъ мною свѣдѣніямъ въ Ямайку. Опасался я только одного, что какой-нибудь флибустьеръ предупредитъ меня, потому что недалеко былъ островъ Черепахи, главный притонъ ихъ.

Опасенія мои оказались не напрасны. Въ день выхода корабля изъ порта я увидалъ въ двухъ или трехъ миляхъ кутерь, ложившійся въ дрейфъ. На немъ не было никакого флага, но я догадывался, что цѣль его прихода была та же, что и у меня. На моей мачтѣ развивался флагъ Испаніи; это сдѣлалъ я для того, чтобы безопасно приблизиться къ ожидаемому мною кораблю. Появленіе кутера разстроивало всѣ мои планы; чтобы рѣшиться на новый планъ, собралъ я экипажъ свой. Я хотѣлъ выслушать его мнѣніе, хотя довѣріе его ко мнѣ было полное, не смотря на то, что мнѣ было только двадцать два года отъ роду.

Я объяснилъ матросамъ наше положеніе, и сказалъ, чтобы каждый изъ нихъ подалъ голосъ, что дѣлать.

— Возьмемъ сначала кутерь!... сказалъ одинъ матросъ.

— Нѣтъ, лучше взять корабль, говорилъ другой.

— А по моему, сказалъ мулатъ, считавшійся у меня старшимъ изъ экипажа, пускай завяжется дѣло между кутеромъ и кораблемъ, а какъ оно покончится, то бросимся на побѣдителя.

Это мнѣніе показалось мнѣ лучшимъ и было принято единодушно.

Съ этою цѣлію стали мы удаляться отъ порта, оставаясь однако на такомъ разстояніи, чтобы видѣть участь кораблей, долженствовавшихъ сразиться.

Едва вышелъ изъ порта испанскій корабль, какъ кутерь одѣлся весь парусами и пошелъ далѣе въ море. Этотъ маневръ сдѣланъ былъ для того, чтобы вызвать подалѣе отъ берега Испанца и отнять у него возможность вернуться въ портъ.

Капитанъ испанскаго корабля, вида наши легкія суда, удалившись въ море, принялъ насъ за перевозчиковъ товаровъ и смѣло продолжалъ путь свой. Но не прошло часа, какъ кутерь повернулся и на всѣхъ парусахъ пошелъ на встрѣчу Испанцу. Я съ своей стороны правилъ такъ, чтобы не терять изъ виду противниковъ.

Капитанъ испанскаго корабля открылъ огонь, но Флибустьерь, предпочитая абордажъ всякому сраженію, очень скоро сдвинулся съ кораблемъ. Я не могъ видѣть издали всѣхъ подробностей сраженія, но не прошло четверти часа, какъ черныи флагъ, явившійся въ минуту абордажа на кутерь, взвился на мачту корабля испанскаго и три раза поднялся и опустился по ней въ знакъ овладѣнія кораблемъ. Черныи флагъ былъ знакомъ присутствія на кутерь одного изъ главныхъ капитановъ Флибустьерскихъ, онъ носилъ названіе безпощаднаго.

По окончаніи схватки, оба судна перемѣнили путь свой и пошли на встрѣчу. Они плыли медленно, потому что испанскіе выстрѣлы повредили паруса и мачты кутера. Когда они подошли къ намъ на близкое разстояніе, испанскій корабль легъ въ дрейфъ, а кутерь сталъ приближаться къ намъ. На палубѣ не было замѣтно никакихъ приготовленій къ битвѣ. Я не зналъ, какъ объяснить себѣ этотъ поступокъ Флибустьера, шедшаго такъ смѣло подъ картечи моихъ пушекъ, но удивился еще болѣе, когда увидѣлъ, что онъ намѣренъ парламентировать.

— Я вижу, чего вы ждете!... закричалъ капитанъ кутера, я угадалъ еще давеча ваши намѣренія и охотно схватился бы теперь съ вами; но народъ мой голодеетъ, и мы устали какъ собаки... Овладѣть нами не мудрено; но это дѣло не принесетъ вамъ никакой славы... Если же вы хотите съ честію побѣдить Монбара, то дайте ему два часа срока, и онъ къ вашимъ услугамъ. Согласны ли вы?

Предложеніе было странное и неожиданное. Я еще не зналъ тогда, что за человѣкъ этотъ Монбаръ, съ которымъ послѣ коротко познакомился. Онъ родомъ французскій дворянинъ, и въ своихъ Флибустьерскихъ походахъ сохранилъ всю рыцарскую честность своего отечества.

Признаюсь тебѣ, Распіолло, меня околдовалъ человѣкъ этотъ; его благородная осанка, его голосъ шѣли на меня такое магическое дѣйствіе, что мнѣ было стыдно не понять того великодушія, котораго онъ отъ меня требовалъ. Я согласился на его предложеніе.

— Я согласенъ! закричалъ я Флибустьеру; черезъ два часа мы увидимъ, кому изъ насъ принадлежитъ испанскій корабль. Перемажьте ваши раны и будьте готовы къ сроку.

Я не могу передать теперь всѣхъ ощущений души моей въ продолженіе двухъ-часоваго срока, давнаго мною, самъ не знаю почему. Я скоро понялъ, что сдѣлалъ ужасную глупость, не воспользовавшись безсидіемъ непріятеля, и былъ увѣренъ, что онъ самъ сибѣтся надъ моею уступчивостію. Я такъ раскаивался въ своихъ поступкѣхъ, что, еслибы кутерь не удался послѣ нашего переговора, я бы сейчасъ же атаковалъ его, не смотря на данное слово.

Неудовольствіе моего экипажа было тоже очевидно.

— Чтѣ ты дѣлаешь? говорилъ одинъ матросъ другому.

— Я кладу въ мѣшокъ все мое наслѣдство, чтобы Флибустьеры нашли его въ порядкѣ.

— А ты, говорилъ другой, приготовился познакомиться съ крокодилами?

— Когда Флибустьеры пообѣдаютъ, они атакуютъ насъ для сваренія желудка, сказали третій.

— Чтѣ жъ ты не заряжаешь карабина?...

— Это, братъ, неучтиво; надо протянуть голову, а тамъ пусть ее рубятъ, какъ имъ угодно.

Всѣ эти разговоры я слышалъ, хотя ни одинъ матросъ не смѣлъ еще обратиться ко мнѣ прямо. Я подозвалъ мулата и сказалъ ему:

— Я очень жалѣю, что далъ промахъ, но кажется экипажъ не готовится исправить моей ошибки. Какъ ты думаешь?... будутъ ли наши люди драться какъ слѣдуетъ?

— Едва ли, отвѣчалъ мулатъ, матросы потеряли присутствіе духа. Давеча весь авантажъ былъ на нашей сторонѣ, а теперь Флибустьеры оправятся, и какъ знать, кто одолѣетъ....

Пока я говорилъ съ мулатомъ, люди мои собрались въ одну кучку и перешептывались, а между тѣмъ оправившійся кутерь поднималъ паруса и сталъ приближаться къ намъ. — Я невольно вздрогнулъ при мысли, что экипажъ мой будетъ драться неохотно. Минута была рѣшительная.

— Товарищи! вскричалъ я, подбѣжавъ къ матросамъ, непріятель приближается. Готовьтесь встрѣтить его по нашему.... Награда за побѣду въ вашихъ глазахъ....

— Надо было говорить это два часа назадъ!... прервалъ меня толстый негръ; еслибы вы были достойный нашъ начальникъ, мы бы давно плыли на этомъ кутерь!...

— Негодяи! вскричалъ я, выхвативши топоръ изъ-за пояса, развѣ не я господинъ здѣсь?

— Нѣтъ!... нѣтъ!... закричали разомъ матросы.... Танджо правъ.... вы играете нашею жизнью....

Положеніе было ужасное. Я былъ одинъ передъ этими бунтовщиками, а непріятель подходилъ все ближе и ближе. Вся кровь кинулась мнѣ въ голову.

— Вы всѣ подлецы!... закричалъ я, взяхнувши топоръ свой.

— А ты извѣнникъ!... отвѣтилъ мнѣ толстый негръ.

Гнѣвъ душилъ меня, я бросился къ негру и ударилъ по нему топоромъ своимъ; но онъ очень быстро пригнулся и прыгнулъ, такъ что вмѣсто головы его, я задѣлъ его только по спинѣ. Глаза его страшно сверкнули, онъ подвѣлъ меня на воздухъ и бросилъ въ море.

Вслѣдъ за этимъ раздался выстрѣлъ, и пуля просвистала надъ моею головою.

Когда я всплылъ на поверхность воды, то увидѣлъ, что экипажъ мой повиновался негру и спѣшилъ удалиться отъ приближавшагося кутера.

Флибустьеры видѣли всю эту продѣлку и спустили лодку, чтобы спасти меня. Капитанъ встрѣтилъ меня на палубѣ и просилъ объяснить, какъ и что случилось. Я рассказалъ все подробно, и Монбаръ обонелся со мною очень милостиво.... Онъ объявилъ мнѣ, что я совершенно свободенъ, и что онъ высадитъ меня на берегъ по моему желанію.

Путь Монбара лежалъ къ острову Черепахъ. Дорогой мы познакомились короче, и онъ увидѣлъ во мнѣ человѣка, способнаго и нужнаго для Флибустьеровъ.

Въ этомъ убѣжденіи предложилъ онъ мнѣ вступить въ ихъ общество, и я принялъ его предложеніе.

Еще тогда, Распюлло, рѣшился я не отличать Испанцевъ отъ другихъ народовъ и брать дань съ кого попадо, но не сознавался въ этомъ Монбару. Послѣдствія оправдали мое рѣшеніе. Я обогатился... Но скоро конецъ моему разсказу.

Прѣхавши на островъ Черепахъ, Монбаръ представилъ меня губернатору и властямъ своимъ. Сначала помѣстили меня лейтенантомъ на одинъ изъ кораблей флибустьерскихъ; неустрашимость и ловкость моя скоро заставили впрочемъ начальство дать мнѣ команду независимую. Къ счастью моему, знаменитый Монбаръ-Истребитель потерялъ руку при взрывѣ одного корабля, и меня назначили на его мѣсто. Съ этимъ назначеніемъ я получилъ право выкидывать на своей мачтѣ безпощадный флагъ.

Много совершилъ я экспедицій, много отправилъ на тотъ свѣтъ народу, и имя мое сдѣлалось славно между Флибустьерами.

Однажды обвинили меня въ преступленіи какого-то статута общества, и осудили къ мѣсячной ссылке на Дѣвственные острова. Меня отвезли туда и оставили одного, давши мнѣ однако все необходимое для существованія.

Я раскинул себѣ палатку и выкидывалъ каждый день флагъ свой въ ожиданіи освобожденія.

Прошло двѣ недѣли моей скучной и однообразной жизни, какъ поднявшаяся на морѣ буря бросила къ островамъ и разбила о прибрежныя скалы одно судно. Я видѣлъ всю эту катастрофу, но не могъ подать никакой помощи погибающимъ. На другой день явился ко мнѣ одинъ чловѣкъ изъ утонувшаго экипажа. При встрѣчѣ съ нимъ я не назвалъ себя, и послѣдствія доказали, что я поступилъ очень благоразумно.

Еще въ бытность мою на островѣ Черепахи слышалъ я, что Монбаръ оставилъ тутъ несметныя богатства, и мнѣ тогда же пришло въ голову, что отнять ихъ у тѣхъ, которые за ними пріѣдутъ, будетъ дѣло отъѣнное. Какое-то предчувствіе говорило мнѣ, что разбитое судно везло эти сокровища, и я жаждалъ убѣдиться въ истинѣ моего предположенія.

Въ одно утро поселившійся у меня морякъ предложилъ мнѣ съѣздить къ мѣсту кораблекрушенія, и я принялъ съ восторгомъ это предложеніе.

Войдя на полупотонувшее судно, я притворился пьянымъ, а товарищъ мой, думая, что я ничего не замѣчаю, поступками своими убѣдилъ меня, что я не ошибался въ грузѣ судна.

Нѣсколько дней спустя за мной пріѣхали. Я ушелъ по тихоньку отъ товарища, и съ тѣхъ поръ мысль овладѣть этими потонувшими сокровищами не оставляла меня ни на минуту.

Остальное, Распіолло, тебѣ извѣстно.

Мнѣ дали порученіе зайти во всѣ Антилскіе острова, чтобы склонить къ союзу тамошнихъ губернаторовъ и потомъ уже отправиться въ Голландію для заключенія окончательнаго союза съ правительствомъ этой страны. Ты помнишь, конечно, какъ вытащили мы бочки съ піастрами, какъ овладѣли кораблемъ Ксименеса, какъ дрались подъ Плимутомъ съ бригамъ и встрѣтили на возвратномъ пути этотъ странный кутерь.... За тѣмъ начинается наша лихая жизнь въ Парижѣ, такъ не встаетъ прерванная. Еще борьба съ судьбою! Хорошо, если выйдемъ изъ нея побѣдителями.

— Будемъ надѣяться, сказалъ Распіолло. Желѣзная комната недоступна. Вы не пиратъ, ни Флибустьеръ, ни Желѣзная Рука; но знатный вельможа. За что же насъ вѣшать?

Слова Распіолло были прерваны шагами тюремщика, пришедшаго освободить Кобса.

Получившій свободу Максвель отправился въ Парижъ , и хлопоталъ о томъ , чтобы допустили его до короля Карла II-го , черезъ котораго надѣялся онъ выпросить свободу Кобсу. Карла не было въ это время въ Лувръ , и онъ долженъ былъ вернуться только черезъ нѣсколько дней. Между тѣмъ ветеривнѣ Максвеля росло по другому обстоятельству.

— Что случилось съ Фанелли ?

Схваченная на кутерь Анакрити , она осталась въ Шербургѣ подъ надзоромъ правительства.

Максвель рѣшился воспользоваться отсутствіемъ короля , и вернулся въ Шербургъ.

Здѣсь онъ узналъ что Фанелли , вскорѣ послѣ арестованія экипажа Анакрити , получила свободу , но что когда въ городѣ распустили слухъ объ осужденіи на смертную казнь пирата , командовавшаго кутеромъ Анакрити , она рѣшилась уаалиться въ ближайшій монастырь. Максвель отыскалъ ее въ ту самую минуту когда она готова была постричься. Это обстоятельство перемѣнило разумѣется намѣреніе молодой дѣвушки и она послѣдовала за своимъ женихомъ или мужемъ.

Возвратившись въ Парижъ съ своей дорогою креолкой , Максвель возобновилъ хлопоты объ освобожденіи Кобса , разсчитывая на помощь короля Карла II.

Выше говорено было о намѣреніи французскаго двора женить короля Англіи на дочери герцога Орлеанскаго. По этому случаю король долженъ былъ вездѣ сопутствовать своей невѣстѣ , и почти все время проводилъ въ Сен-Жерменѣ.

Максвель , наскучивъ ожиданіями , рѣшился отправиться въ замокъ и добиться аудіенціи. Фанелли осталась въ Парижѣ , а самъ онъ взялъ съ собою перстень , и поѣхалъ спасать своего стараго товарища.

Доступъ къ королю былъ очень затруднителенъ , но Максвель ея унывалъ , и попросилъ одного офицера изъ свиты показать королю перстень и сказать , что владѣлецъ его просить аудіенціи.

Увидѣвъ перстень , король , велѣлъ сей-часъ же позвать Максвеля и скоро самъ къ нему вышелъ.

— Вамъ король ласково сказалъ , — мнѣ удалось быть полезнымъ. Теперь , какъ прежде , я готовъ выслушать вашу просьбу. Говорите , что могу я для васъ сдѣлать ?

— Государь! отвѣчалъ Максвель, вы возвратили мнѣ свободу, но старый мой товарищъ, лучший другъ, еще въ темницѣ. Клянусь вамъ, что онъ невинекъ. Стеченіе обстоятельствъ....

— Наружность часто обманчива, я это знаю, сказалъ король. — Товарищъ вашъ будетъ освобожденъ, я берусь за это. Не могу ли я еще чего для васъ сдѣлать?....

— Тысячу разъ благодарю васъ, государь! Вы угадали, у меня есть еще къ вамъ просьба. Позвольте мнѣ употребить на служеніе вамъ мою свободу.

— Я не имѣю двора, Максвель, я изгнанникъ, пользующійся убѣжищемъ въ чужой странѣ. Но при дворѣ Франціи составляетя ополченіе въ мою пользу и я надѣюсь воротить себѣ престолъ отца моего. Будьте однимъ изъ моихъ капитановъ, а вашему товарищу скажите, что хлопотать о его освобожденіи при васъ пошелъ король Англіи.

Максвель вернулся въ Парижъ, и на другой день Кобсъ получилъ свободу. Въ послѣдніе дни своего заключенія бѣдный старикъ узналъ ужасныя вѣщи. Желѣзная Рука, спрашиваемый своимъ секретаремъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ своей юности, повторилъ ихъ и назвалъ себя Петерсомъ. Въ Кобсѣ родилось предчувствіе истины, и съ этимъ мрачнымъ предчувствіемъ явился онъ къ Максвелю.

Максвель выслушалъ, молча, его рассказъ и его предположеніе о тождествѣ Петерса и пирата. Это молчаніе челоѣвка, слышавшаго начало повѣсти Желѣзной Руки, убѣдило Кобса въ его несчастіи:

— Такъ это сынъ мой! вскричалъ старикъ въ отчаяніи; — сынъ, котораго я искалъ по цѣлому свѣту!.... мой сынъ разбойникъ, достойный тысячи смертей!.... Боже!.... тяжело иногда наказуешь Ты Свое твореніе!....

Максвель не пытался утѣшать отца въ его горѣ, понимая, что всякое утѣшеніе будетъ неумѣстно и бесполезно. Выхлопотать свободу пирату было мгновеннымъ намѣреніемъ Максвеля, но оно не имѣло побужденіемъ великодушіе, а желаніе лично отмстить своему злодѣю и при послѣднемъ его издыханіи сказать ему, кто и за что мститъ ему. Слезы убитаго отца заставили его отказаться отъ этого желанія, и ослабили въ немъ жажду мщенія.

— Капитанъ, говорилъ Кобсъ, становясь на колѣна передъ Максвелемъ, — спасите его!....

— Но вы забыли, что онъ разбойникъ!

— Онъ братъ моей Салли!....

— Онъ убійца Марсіала!

— Я жилъ только для того, чтобы обнять его!

— Имъ убитъ отецъ моей невѣсты!

— Онъ сынъ мой! сынъ!

— Я обязанъ ему всѣми моими несчастіями.... Не онъ ли былъ виною нашего послѣдняго заключенія?

— Увы!... Я все это это знаю.... Но онъ сынъ мой!

— Пиратъ!... Убійца!

— И сынъ мой!

— Бѣдный Кобсъ! Вы забываете, что его прикосновеніе окрошитъ ваши сѣдые волосы.... Забываете, что одинъ случай помѣшалъ ему быть отцеубійцей!

— Это правда!... это правда!... говорилъ старикъ; но могу ли я проклинать мое дѣтище? Онъ сынъ жены моей, этой бѣдной женщины умершей въ темницѣ, братъ моей несравненной Салли.... Онъ одинокъ у меня на землѣ!... Максвелъ!... Другъ, покровитель мой!... Спасите его, дайте мнѣ взглянуть на него одинъ разъ, и я готовъ не видать его болѣе.... Пусть онъ ѣдетъ, пусть живетъ, гдѣ ему угодно.... Но я буду звать, что у меня есть сынъ.... Буду думать о немъ и умиру спокойно....

Тяжело было Максвелу видѣть слезы стараго Кобса, но еще тяжелѣе вспоминать гибель Марсіала и смерть Елены.

Онъ передалъ огорченному отцу рассказы, слышанные имъ въ темницѣ; Кобсъ тоже рассказывалъ ему остальную жизнь пирата, не переставъ умолять своего прежняго капитана употребить вліяніе короля Англійскаго для спасенія Петерса.

Тронутый наконецъ безутѣшною горестію отца, Максвелъ рѣшился еще разъ прибѣгнуть къ Карлу II-му, и съ этой цѣлю отправился рано утромъ въ Лувръ.

На дорогѣ увидѣлъ онъ необыкновенно большія толпы народа, идущія по одному направленію, и изъ отрывочныхъ разговоровъ узналъ, что народъ этотъ идетъ смотрѣть на казнь двухъ преступниковъ. Влекомый какою-то предчувствіемъ, Максвелъ неволью послѣдовалъ за толпой, и дошелъ вѣсть съ нею до берега Сены.

— Но кого же будутъ казнить? спросилъ онъ у ближайшаго сосѣда.

— Какого-то графа.... вельможу.... отвѣчали ему.

— Но имя?... имя его?

— Онъ кажется Испанецъ.... Дон-Кеменесъ.... говорить, что онъ просто морской разбойникъ.

Услышавъ это, Максвелъ сжалъ въ рукахъ благодѣтельный перстень, и хотѣлъ бѣжать назадъ въ Лувръ; но было уже поздно. Два трупъ качались на двухъ висѣльцахъ, и стаи воронъ носились надъ орудіями казни въ ожиданіи своей добычи.

Тайны желѣзной комнаты не укрѣпясь отъ розысковъ полиціи.

Возвратясь домой, Максвелъ нашелъ Кобса въ отчаянномъ положеніи. Онъ заговаривался и оказывалъ всѣ признаки сумасшествія.

VI.

Нѣсколько лѣтъ спустя, 24 мая вѣзжалъ Карлъ II-й, король Англій, въ столицу своего государства; почетною свитою его командовалъ лордъ Максвелъ, счастливый супругъ Фанелли.

Кривель умеръ, и сынъ Стюарта восходилъ на законный престолъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

М О Д Ы.

— Наши бальные костюмы, если не совершенно такіе, какіе носили во времена имперіи, то очень похожи. Тѣ же короткія талии, драпри, буфы на рукавахъ, юбки съ небольшимъ шлейфомъ сзади. Вотъ платье, дѣланное одною изъ знаменитыхъ парижскихъ модистокъ для представленія въ Тюльери; платье голубое бархатное, разрыванное во всю длину спереди, на бѣломъ атласномъ чалѣ, шитомъ шелками роскошными букетами розъ; лифъ съ бѣлою атласной вставкой, вышитой также букетами розъ и убранный бѣлою блондой; бархатная юбка очень длинна и приподнята тремя букетами розъ, перемѣшанныхъ съ блондой.

— Вотъ еще два замѣчательныхъ туалета, одинъ для вечера, другой для визитовъ, работы той же модистки:

— Вечерній туалетъ состоитъ изъ бѣлаго тюлевого платья въ три юбки, подрубленные широкими рубцами, поверхъ которыхъ вышитъ гладью крупный горохъ голубымъ не крученымъ шелкомъ; лифъ и рукава сборчатые. Поясъ изъ голубыхъ широкихъ лентъ оканчивается двумя бантами; одинъ изъ нихъ длинными концами упадетъ до половины юбки, а другой, подколотый подъ первымъ, доходитъ концами до самаго подола.

— Визитное платье сдѣлано изъ муару-антикъ, цвѣта пансе, съ двумя лифами; первый едва покрываетъ корсетъ, безъ проймы, образующій сердце спереди; край убранъ бархатомъ, вырваннымъ рубцами. Подъ этимъ лифомъ надѣтъ другой, верхъ котораго сдѣланъ изъ чернаго бархату, такъ, что образуетъ высокій воротъ. Рукава у проймы убраны бархатными жокеями; изъ-подъ этихъ жокеевъ муаровые рукава выходятъ широкими буфами, потомъ дѣлаются все уже и уже и застегиваются у кисти. Съ такимъ платьемъ должно надѣвать большой острокопечный воротничекъ изъ гипюру, застегнутый спереди небольшимъ шу изъ лентъ, съ брилліантовой серединой.

— Изъ мантилій, назначенныхъ для визитовъ, лучшую считаемъ мы пардесю *reine Blanche* черное бархатное, образующее тальму сзади, а спереди пальто, съ прорѣзками для рукъ, отдѣланными сверху

бантомъ левтъ, упадающимъ тремя длинными ковцами на руку. Капюшь сборчатый, убранный, какъ и самое пардесю, муаровой тесьмой.

— Такимъ фасономъ мы видѣли прекрасный *sortiè-de-bal* изъ грод'Екосу ярко голубаго цвѣта, шитый золотомъ широкою каймой, составленной изъ роговъ изобилія. Передъ вышить такимъ же узоромъ, но меньшаго размѣра; капюшь сборчатый, вышитый тѣмъ же, узоръ какъ и *sortiè-de-bal*, и убранный двумя бантами голубыхъ левтъ, затканыхъ золотомъ.

— Очень великодѣпентъ также бурнусъ *Vely Pacha* изъ бѣлаго Индйскаго кашемиру, шитый серебромъ и золотомъ, и очень идетъ къ платьямъ изъ органди, затканыхъ серебромъ и золотомъ, и къ тарлатановымъ платьямъ вышитымъ блестками.

— Для прогулокъ черныя шелковыя платья въ большомъ употребленіи; ихъ отдѣлываютъ лентами, бархатомъ и проч. Вотъ прекрасный нарядъ для прогулки: платье изъ чернаго глясе, отдѣланное тремя широкими полосами чернаго же муару, обложенными съ обѣихъ сторонъ чернымъ бархатомъ, вырѣзаннымъ волнами; лифъ съ высокимъ воротомъ и съ боскою убранною также какъ и юбка. Черная бархатная шляпа, сдѣланная по послѣдней модѣ, т. е. очень открытая, упадающая назадъ, украшенная блондой и перьями была отдѣлана внутри пушковымъ бархатомъ, что теперь въ большомъ употребленіи. Эта пушковая отдѣлка дѣлается конечно изъ полного или булавчатаго бархату, рѣзкій, но мягкій тонъ котораго идетъ равно какъ блондинкамъ такъ и бретнеткамъ; ее перемѣшиваютъ иногда съ бѣлой блондой.

— Нарядъ этотъ дополняетъ черное бархатное пальто, широкое, съ рукавами и съ отворотами, скрепляющимися на груди на подобіе мужскихъ сюртуковъ.

ОПИСАНІЕ КАРТИНКИ.

— Платье бѣлое шелковое, съ тюлевымъ тюникомъ, приподнятымъ креповыми листьями, перемѣшанными съ золотыми бусами; уборъ изъ тѣхъ же листьевъ и бусъ.

— Визитное платье репсовое, въ три оборки, обшитыя бахромой; манто чернаго бархату; шляпа бархатная, отдѣланная кружевомъ и перьями.

О Т Ъ Р Е Д А К Ц И И.

Шестинедельная (въ Ноябрь и Декабрь) отлучка Редактора «Москвитянина» въ С.-Петербургъ для сдачи своего «Древлехранилища,» а потомъ наступившіе праздники Рождества Христова, когда частныя по типографіямъ работы прекращаются на нѣсколько дней, — были причиною, что послѣднія двѣ книги журнала за 1852 годъ и первая на 1853 годъ запоздали своимъ выходомъ въ свѣтъ. Извиняемся въ этой медленности передъ нашими читателями, и удостоверяемъ ихъ, что усиленными мѣрами въ трехъ типографіяхъ, остановка эта почти уничтожена, и выходъ книжекъ «Москвитянина» будетъ своевременнымъ.

М О Д Ы.

— Парижскій сезонъ, по словамъ журналовъ, великолѣпнѣе. Балы и праздники блестящею цѣпью слѣдуютъ одинъ за другимъ. Опишемъ нѣсколько нарядовъ, самыхъ замѣчательныхъ, появляющихся на этихъ балахъ:

— Платье тарлатановое бѣлое, вышитое на оборкахъ золотомъ, гирляндами ландышей, перемѣшанныхъ съ вѣтками фуксiи, шитой пунцовымъ шелкомъ; такимъ же шитьемъ, расположеннымъ въ видѣ вѣера, убранный лифъ и рукава, приподнятые бантами пунцовыхъ лентъ, съ золотой каймой.

— Платье изъ бѣлаго органди, въ двѣ юбки; изъ конхъ нижняя украшена широкой гипюровой оборкой, съ буфой сверху, въ которую прoderнута лиловая лента. Верхняя юбка также обшита гипюровой оборкой, упадающей до буфы нижней юбки; она съ одной стороны приподнята бантомъ лиловыхъ лентъ. Но что составляетъ всю прелесть этой тюники, это множество крошечныхъ фиалокъ лиловаго бархату, прилепленныхъ на нее и рельефно отдѣляющихся отъ бѣлаго органди. Лифъ украшенъ прекрасной гипюровой бертой, приколотой спереди букетомъ фиалокъ изъ лиловаго бархату.

— Платье изъ шелковаго бѣлаго тюлю, въ двѣ юбки, отдѣланныя широкимъ шитымъ золотомъ и разноцвѣтными шелками, изображающихъ гирлянду полевыхъ цвѣтовъ, перемѣшанныхъ съ колосьями ржи; лифъ *à la grecque*, вышитъ, также какъ и юбка; на рукавахъ, составленныхъ изъ большой буфы, приколоты банты лентъ, затканыхъ золотомъ съ длинными концами.

— Платье бѣлаго пу-де-суа, съ тремя оборками, обшитыми въ нѣсколько рядовъ синимъ бархатцемъ, съ серебряной каймой. Лифъ *à la grecque* украшенъ такимъ же образомъ; рукава въ двѣ буфы.

— Очень много дѣлаютъ платьевъ тюлевыхъ или тарлатановыхъ, шитыхъ еи application бархатомъ гирляндю листьевъ, контуръ и жилки которыхъ обводятъ золотую ниткой въ тамбуръ. Это очень эффектно.

— Шелковыя матеріи достигаютъ невѣроятнаго великолѣпія. Они, подобно матеріямъ нашихъ прабабушекъ, такъ плотны и тяжелы, что стоятъ, а не драпируются, а рисунокъ ихъ такъ искусно и окончательно отдѣланъ, что его можно почесть за лучшую живопись.

— Золото играетъ большую роль въ головныхъ уборахъ; оно пришивается къ лентамъ, цвѣтамъ, кружеву. *Alexandrine*, знаменитая парижская модистка, дѣлаетъ прекрасныя уборы, изъ золотого кружева, съ цвѣтами, перьями или лентами. Особенно хорошъ ея уборъ *diademe impériale*, составленный изъ двухъ бархатныхъ бантовъ и небольшихъ золотыхъ пальмочекъ. Для парадныхъ баловъ банты замѣняются перьями, а золотыя пальмочки украшаются жемчугомъ и брилліантовыми колосьями.

— Между всѣми головными уборами изъ цвѣтовъ, лучшими считаемъ мы гирлянду *Leopold Robert* и вѣнокъ *Norma*, круглый, закрывающій сзади всю косу, составленный изъ бархатныхъ дубовыхъ листьевъ, съ золотыми желудками. Хороши также діадема *Hortense*, изъ граватъ, сдѣланныхъ изъ пунцоваго крепа, съ бутонами и листьями изъ золотого кружева и гирлянды золотыхъ или серебряныхъ колосьевъ, перемѣшанныхъ съ фуксіей, волюбилисомъ, акаціями, душистымъ горошкомъ и проч.

— Сорги де-блль все по прежнему вышиваютъ шелкомъ и золотомъ, отдѣлываютъ кружевомъ и нерѣдко лебяжьимъ пухомъ, что очень красиво.

— Рукава нынѣшній годъ очень разнообразны. Много дѣлаютъ рукавовъ *pagode mousquetaire*, рукавовъ испанскихъ съ прорѣзями въ видѣ косоугольниковъ. Еще есть рукавъ *Charles Quint*, съ складками гладкими сверху, образующій къ низу пышную буфу, подъ которую пришиваютъ два или три ряда широкаго кружева.

ОПИСАНІЕ КАРТИНКИ.

— Вечерній нарядъ:— платье изъ муару-антикъ, отглаженное бархатомъ; подрукавники и modesti кружевные; уборъ изъ чернаго бархату и золотыхъ лентъ.

— Маскарадныя костюмы:— праздничный костюмъ французскихъ фермеровъ.

Печатать позволяется. Москва, Января 29 дня, 1853 года.

Цензоръ Д. Ржевскій.

Въ типографіяхъ: Университетской, В. Готье и Степановой.

ОГЛАВЛЕНИЕ I-го ТОМА МОСКВИТЯНИНА.

I. РУССКАЯ

	Книг.	Стран.
Викторъ, повѣсть Е. Н. ВЕЛЬТМАНЪ	II 16, 7.	III 211. IV 251
О значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзии, С. П. ШЕВЫРЕВА	II	75
Биографія М. Н. Загоскина, С. Т. А—ВА	I	17
XV стихотвореній, Н. Ф. ЩЕРВИНЫ	I	1
Дѣтскій балъ, стихотвореніе Х.	III	249

II. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Воспоминанія о Шенбрувскомъ замкѣ	I 1. II	19
Желѣзная Рука, романъ Леконта, въ двухъ частяхъ, (<i>въ приложеніи</i>).	I 1. II 19.	III 47
Христофоръ Колумбъ, статья <i>Ламартина</i>	IV	41

III. НАУКИ.

Объ успѣхахъ новѣйшей химіи и заслугахъ Берцеліуса, Д. Е. М.	I	1
Легенды объ Аттиль. (I. Латинскія, II. Германскія преданія).	II 29.	III 59
Открытіе о Печенегахъ, Д. Н. ПРОЗОРОВСКАГО	III	127
О введеніи метрическаго стопосложенія и началъ нашего стихотворства, М. А. ДМИТРИЕВА	IV	128

IV. ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

Празднованіе новаго лѣта въ 1675 году	I	1
Исторія о російскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ и стольничьей дочери Нардана Нащокина Аннушкѣ	I	3
Для биографіи Ломоносова	III	17
Записки Современника. Дневникъ Студента	III	27

V. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Русская изящная Литература въ 1852 году, **А. А. ГРИГОРЬЕВА**. I, 167. — Исторія войны Россіи съ Франціею, въ 1799 году, соч. Полк. **Милютина**, IV, 159. — Ученныя Записки Императорской Академіи Наукъ, II, 74. — Dichterkanon, пр. **Нейkircha**, II, 81. — Протокулъ Стародубскаго Магистрата до записованя справъ на рокъ 1690, проф. **В. Н. ЛЕНКОВА**, II, 93. — Русская старина, сост. **А. Мартыновымъ**, **И. А. ДМ.**, III, 103. — Указатель селеній и жителей уздовъ Московской губерніи, **К. Нистрема**, **И. А. ДМ.**, III, 112. — Изслѣдованія о состояніи пеньковой промышленности въ Россіи, III, 104. — Слова и рѣчи протоіерея **Михаила Павловскаго**, II, 73. — Литературныя досуги, II, 97. — Новыя русскія поговорки и присказки,

III, 108. — Бабушкины уроки или Русская Исторія въ разговорахъ для дѣтей, *А. Иимловой*. — Лѣто въ Царскомъ Селѣ, рассказы для дѣтей, *М. П—вой*, III, 111. — Мѣсяцесловъ на 1853 годъ. — Кавказскій календарь на 1853 годъ, II, 65.

ЖУРНАЛИСТИКА.

Библіотека для Чтенія, № I, январь, 1853 г., г., III, 121. — Отечественныя Записки, № I, январь, 1853 года, III, 143. — Современникъ, № 12, декабрь, 1852. № I, январь, 1853 г., IV, 215.

VI. СООЗРАНИЕ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

• Морскія силы Франціи, *Принца Жуанвилъскаго*, IV, 1.

VII. СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

а) *Заграничныя*, I, 1. II, 37. III, 61. IV, 93.

б) *Внутреннія*: Посмыслный взглядъ на выставку Императорской Академіи художествъ, *в. т. ПЛАКСИНА*, I, 18. — *Изъ Казани* (театръ; торговля; выставка сельскихъ произведеній; литературныя извѣстія; Спиридонъ Михайловъ, литераторъ изъ Чуваши, и проч.), *А. НЕВЗОРОВА*, II, 48. — *Черниговскія* Губернскія Вѣдомости, II, 56. — *Изъ Херсона* (Черты изъ жизни Кольцова), *в. д. НЕГРЕСКУЛА*, III, 73. — *Изъ Шум* (Старинные акты; статистическія свѣденія; спектакль, и проч.), *н. ЛЯДОВА*, III, 75. — Описаніе картинной галлерей Теодора Ивановича Прянишниковъ, *н. АНИЧКОВА*, IV, 97.

с) *Московскія*: Ярмарка въ залахъ Благороднаго Собранія, I, 33. — Село Вороново, помѣстье Колычевыхъ, II, 58. — Университетскій актъ 12 января, *н. п. п.*, II, 59. — О выставкѣ Московскаго ученика Живописи и Ваянія, *н. а. РАМАЗАНОВА*, III, 79. — Концертъ и балъ съ сюрпризами 18 января, III, 88.

VIII. СМѢСЬ.

Подмосковная охота. Шпачекъ, *в. в.*, I, 1. — Смыслный, рассказъ Диккенса, I, 12. — Приключеніе въ игорномъ домѣ, рассказъ; II, 33. — Какъ было открыто золото въ Калифорніи, II, 45. — Календарь XVIII столѣтія въ Германіи, III, 55. — Хелголандская дѣвушка, рассказъ, III, 62. — Любовь и женщины, III, 69. — Понте-Моло, *н. н. ВИНКОВА*, IV, 83. — Восточный купецъ, IV, 92. — Мейербергъ, IV, 97. — Потребленіе жизненныхъ потребностей въ Хрустальномъ дворцѣ, IV, 100. — Анекдотъ о Пушкинѣ, IV, 107. — Наблюденія надъ умирающими, I, 30. — О кончій Протоіерея Іоанна Доброхотова, I, 31. — Метеорологическое предсказаніе на 1853 годъ, I, 32. — Замѣчаніе, II, 47. — Отвѣтъ г. Аксакову, *д. о. ИНИЦИНГА*, II, 50. — Памятный листокъ ошибокъ въ Русскомъ языкѣ, *н. ПОКРОВСКАГО*, III, 76. — Замѣтки о Русскомъ языкѣ, *н. ж.*, IV, 101. — Варианты къ Исторіи о Россійскомъ дворянствѣ Фроль Скобѣевъ, III, 81. — Отъ Редакціи, I.

Моды, съ картинками изъ *Le Moniteur de la Mode*, I, III.

ЧАСТНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ. Пользуясь хозяйскимъ правомъ, занимаю оставшуюся бѣлую страницу Москвитянина частнымъ своимъ объясненіемъ — не для читателей журнала, къ которымъ оно не относится, а для своихъ знакомыхъ, которые, въ послѣднее время, вознегодовали на меня за мое затворничество.

Я возвратился изъ Петербурга 12-го декабря, и къ 15-му января, въ теченіе мѣсяца, (со включеніемъ святокъ), долженъ былъ издать 80 печатныхъ листовъ, т. е. около 1,500 страницъ; спрашивается: есть ли человѣческая возможность исполнить эту обязанность, принимая посетителей, отвѣчая на приглашенія, и т. п.?

Но можетъ быть скажетъ кто-нибудь, что выдать четыре книги журнала легко: такъ почему же безъ меня, отъ 1-го ноября до 15-го декабря, напечаталась только одна книга?

Вотъ причина, почему я затворился до 15-го января.

А съ 15-го января до 1-го мая я долженъ непремѣнно кончить печатаніемъ пятый, шестой и седьмой томы моихъ Исследованій объ Удѣльномъ періодѣ Русской Исторіи *), кои началъ печатать уже три года, и обещалъ выдать въ прошедшемъ году, но былъ задержанъ случайно дѣломъ о приобрѣтеніи въ казну моего древлехранилища, которое мнѣ надо было привести въ соответственный порядокъ, регистрировать, переписать, уложить, разобрать, сдать, (до 20 тысячъ номеровъ!), что и взяло у меня полные полгода.

Считаю нужнымъ прибавить еще вотъ что: теперешняя работа моя такого рода (печатаніе, напримѣръ, полного послужнаго списка 250 удѣльныхъ князей), что она не терпитъ никакого размеченія. На моемъ столѣ вы найдете безпрестанно до ста отдѣльныхъ смѣняющихся листковъ, въ концѣ которыхъ должно вносить (или провѣрять) по строкѣ то изъ одной, то изъ другой лѣтописи, вносить такъ, чтобъ всякая строка соответствовала предыдущимъ и послѣдующимъ, и не производила недоразумѣній....

*) А журналъ, переписка, текущія дѣла, — сами по себѣ, не въ счетъ!

«Извините меня», говоритъ мнѣ сладкимъ голосомъ прорывающійся и берущій штурмомъ мою лестницу почитатель, «я къ вамъ на одну минутку».... (Злодѣй! но этою одной минутою нить мыслей прерывается точно такъ же, какъ часомъ или днемъ: Мстиславъ усакалъ уже въ Новгородъ, Ярославъ въ Переяславль, Всеволодъ въ Кіевъ, а Рюрикъ въ Черниговъ. Какъ мнѣ ловить ихъ, а ты вѣдь поймать не можешь!»)

«Помилуйте, я очень рада», отвѣчаю я ему шепотомъ, «впрямую васъ покорно садитесь». Но еслибъ этотъ почитатель замѣтилъ, какъ стискиваются въ это время мои зубы, какъ дрожитъ мой голосъ, и какъ моя желчь кипитъ, то вѣрно пожелалъ бы быть отъ меня подальше.

Милостивые мои государи и благодѣтели! Дайте мнѣ кончить мою работу надъ удѣльнымъ періодомъ, и оставьте меня въ покоѣ до 1-го мая, а тамъ дѣлайте со мною что хотите.

До тѣхъ поръ я отказываюсь отъ всякаго родства, дружбы, пріязни и знакомства....

Но почему я назначаю именно этотъ срокъ? Почему я такъ сплуну?

Вотъ почему. Удѣльный періодъ лежитъ какъ камень на моей груди. Мнѣ надо освободиться отъ него какъ можно скорѣе: иначе онъ меня задавитъ. Седьмой годъ уже я занимаюсь имъ, (не считая предварительныхъ работъ), и печатаю три года. Чувствую, что со мною случится нехорошо, если я долго еще буду держать въ головѣ всю эту пирамиду, хоть и не египетскую, но заключающую не меньшее количество кирпичей: фактовъ, лицъ, мѣстъ и показаній.

И такъ прошу снисходительнаго извиненія и великодушнаго прощенія за мои грубости и дерзости послѣдняго времени у всѣхъ своихъ сотрудниковъ, друзей, пріятелей, родственниковъ и добродѣтельныхъ почитателей, — да нельзя ли уже и писемъ не писать ко мнѣ безъ крайней необходимости до того же срока?

М. П.

Февраля 13.
1853.

